

Росмолодежь

Ресурсный
Молодежный
Центр

КЛЮЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2020 НАРОД И ВЛАСТЬ

**Материалы
Международной научной
конференции
молодых ученых**

Сборник научных трудов

Москва 2021

УДК 94(47)(063)

ББК 63.3(2)я431

К 52

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежи) – проект «Международная научная конференция молодых ученых "Ключевские чтения. Власть и народ: реформы и эволюция общественного строя России"»

Редакционная коллегия:

д.и.н. *В.Е. Воронин* (отв. редактор),
д.и.н. *Г.В. Аксенова*, д.и.н. *Л.М. Архипова*,
д.полит.н. *Н.В. Асонов*, к.и.н. *О.В. Белоусова*,
д.и.н. *В.А. Волков*, к.и.н. *Н.А. Головань*,
к.и.н. *В.В. Горский*, к.и.н. *Т.А. Егерева*,
к.и.н. *А.А. Карасева*, к.и.н. *О.В. Каримов*,
к.и.н. *К.Р. Конюхов*, д.и.н. *М.Ю. Лачаева*,
В.В. Лебедев, к.и.н. *Ю.А. Никифоров*,
д.и.н. *С.В. Перевезенцев*, к.и.н. *С.Ю. Рафалюк*,
д.и.н. *А.В. Ретников*, д.и.н. *Г.В. Талина*,
д.и.н. *Н.П. Танышина*, д.и.н. *В.В. Фомин*,
к.и.н. *Т.М. Химич*, *Г.Н. Чугунова*,
к.психол.н. *Ю.В. Чуманов*, д.и.н. *Д.О. Чураков*

Ответственный редактор:

В.Е. Воронин

К 52

Ключевские чтения – 2020. Народ и власть: Материалы Международной научной конференции молодых ученых. Сборник научных трудов / Отв. ред. В.Е. Воронин – М.: Издательство «Спутник+», 2021. – 605 с.

ISBN 978-5-9973-5864-8

Настоящий сборник, публикуемый по итогам Международной научной конференции молодых ученых, посвящен актуальным для отечественной исторической науки проблемам взаимоотношений народа и власти, эволюционным и революционным переменам в государственном и общественном строе России. Важным и дискуссионным был и остается вопрос о возможности мирного осуществления в нашей стране прогрессивных политических и социальных преобразований.

Сборник посвящен 180-летию со дня рождения великого русского историка В.О. Ключевского. Он приурочен к 800-летию юбилею князя Александра Невского, 160-летию отмены крепостного права в России, 100-летию окончания Гражданской войны в нашей стране и перехода к НЭПу, 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Предназначен для специалистов, преподавателей, учащихся и всех интересующихся отечественной историей.

На обложке:

картина художника Г.Г. Мясоедова «Земство обедает» (1872)

УДК 94(47)(063)

ББК 63.3(2)я431

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ISBN 978-5-9973-5864-8

© Коллектив авторов, 2021

Содержание

Содержание	3
<i>Лубков А.В.</i> Вступительное слово	10
Вместо предисловия	
<i>Лачаева М.Ю.</i> ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ КЛЮЧЕВСКИЙ, ЕГО УЧЕНИКИ И ШКОЛА	11
І. «ЗЕМЛЯ» И ВЛАСТЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И РУССКОМ ЦАРСТВЕ	
<i>Грот Л.П.</i> ГЕНЕЗИС ДРЕВНЕРУССКОГО ИНСТИТУТА КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМАТИКА ИЗУЧЕНИЯ	16
<i>Скрипкин И.Н.</i> ПОЯВЛЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА «РУСЬ» В РАННИХ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ	27
<i>Фомин В.В.</i> НАУЧНАЯ ПОЛЕМИКА В ТРАДИЦИИ И СТИЛЕ НОРМАНИСТОВ	32
<i>Королев А.С.</i> ЛЕТОПИСНЫЕ «ТОЛКОВИНЫ»: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЗНАЧЕНИИ	49
<i>Ильин М.В.</i> ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА СВЯТОГО ВЛАДИМИРА: САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ	53
<i>Крылов М.О.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПСКОВЕ НА ПРИМЕРЕ КНЯЖЕНИЯ ВСЕВОЛОДА МСТИСЛАВИЧА (1137–1138 гг.)	62
<i>Акчурина К.В., Коваленко А.В.</i> АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ И ВЕЧЕВЫЕ ТРАДИЦИИ РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ «САМОВЛАСТЬЯ»	67
<i>Горский В.В.</i> МИХАИЛ ВСЕВОЛОДОВИЧ ЧЕРНИГОВСКИЙ И АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: ВЛАСТЬ И СВЯТОСТЬ	71
<i>Асонов Н.В.</i> ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РУСИ В XIII в.	82
<i>Пащикова Л.В.</i> ОЦЕНКА ПЕРВОГО ЗАВЕЩАНИЯ ДМИТРИЯ МОСКОВСКОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	88
<i>Волков В.А.</i> ИВАН III – СОЗДАТЕЛЬ НОВОЙ РУСИ	91
<i>Колесникова Е.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОГО «ПРИКАЗНОГО» УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI – НАЧАЛЕ XVII в.	95
<i>Сазонов Д.В.</i> ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ И НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В XVI–XVII вв.: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	100
<i>Ефремов С.А.</i> ГРОЗНЫЙ И АВВАКУМ: СХОДСТВО НЕСХОДНОГО	106
<i>Абрамян А.С.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИССИИ РУССКОГО ЦАРСТВА В ОБЩЕХРИСТИАНСКОМ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	108
<i>Щербаков С.Н.</i> СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ НА РЕКЕ ВСХОДНЯ В ТУШИНО И ПАТРИАРХ ФИЛАРЕТ (РОМАНОВ)	113
<i>Ситнер С.</i> ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ СМУТЫ ВО «ВРЕМЕННОМ» ИВАНА ТИМОФЕЕВА	116

<i>Русова Ю.С.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИКАЗОВ В ДЕЛЕ ПРОИЗВОДСТВА ЦАРСКОЙ ОДЕЖДЫ В РОССИИ В XVII в.	122
<i>Страхов А.Б.</i> «ПАЧЕ ПРОЧИХ ЦАРЕЙ ЗЕМНЫХ ВОЗНОСЯЙ...»: ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ КАК ИДЕЙНОЕ ОСНОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.	127

**II. МОНАРХИЯ И РЕФОРМЫ:
«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ИМПЕРИИ**

<i>Дубровская Е.А.</i> УСАДЬБА ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.	131
<i>Игнатьева У.С.</i> ФОРМИРОВАНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО КАПИТАЛА В XVIII в.	134
<i>Новомлинская Ю.С.</i> ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА МОСКОВСКОГО КУПЦА В XVIII–XIX вв.	138
<i>Полатханова Э.Р.</i> ПАВЕЛ I И А.А. АРАКЧЕЕВ: ГАТЧИНСКИЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ОПЫТ	142
<i>Захаров В.Ю.</i> НЕГЛАСНЫЙ КОМИТЕТ И ДВОРЯНСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ?	145
<i>Егерева Т.А.</i> «ЗИМА. ХОЛЕРА. ГОД ТРИДЦАТЫЙ»: КНЯЗЬ П.А. ВЯЗЕМСКИЙ НА ХОЛЕРНОМ КАРАНТИНЕ В ОСТАФЬЕВЕ (1830 г.)	153
<i>Гайда Ф.А.</i> УВАРОВСКАЯ ТРИАДА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РОССИИ	160
<i>Сазонова Д.Ю.</i> РОЛЬ М.П. ПОГОДИНА В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ОБОСНОВАНИИ САМОДЕРЖАВИЯ НИКОЛАЯ I	166
<i>Орлов А.А.</i> РЕЦЕПЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ИДЕЙНОМ НАСЛЕДИИ А.В. БЕРДЯЕВА (1840-е гг.)	171
<i>Балагуров В.Ю.</i> ГРАНИЦЫ «НИКОЛАЕВСКОЙ» МОДЕРНИЗАЦИИ: «ЗАКОННОСТЬ» И ПРАКТИКА ПОДАЧИ ПРОШЕНИЙ МОСКОВСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ (1840–1855 гг.)	188
<i>Баданова С.М.</i> ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МАРКИЗА АСТОЛЬФА ДЕ КЮСТИНА	192
<i>Селиверстова Н.М.</i> ВОСПРИЯТИЕ ИДЕЙ ЛИБЕРАЛИЗМА В ДВОРЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ДО И ПОСЛЕ 1861 г.	195
<i>Петровичева Е.М., Ромашковец А.В.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ 1861 г. ВО ВЛАДИМИРСКОМ УЕЗДЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ	199
<i>Тимофеев Г.М.</i> ПОРЕФОРМЕННОЕ ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО В РОМАНЕ С.Н. ТЕРПИГОРЕВА «ОСКУДЕНИЕ»	206
<i>Петров Ю.И.</i> ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ОТ ЧАСТНОГО К ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ	212
<i>Зейферт А.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ И СТИЛЯ ПРОПОВЕДЕЙ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В 1860–1870 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ)	216
<i>Айрапетов О.Р.</i> ВОЙНА 1877–1878 гг. КАК ПРОВЕРКА РЕФОРМ	219
<i>Свиридов И.С.</i> ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА ЗЕМСКИХ УЧАСТКОВЫХ НАЧАЛЬНИКОВ НА КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ	230

Рогожина А.С. ИЗЪЯТИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ДЕЛА ИЗ ВЕДЕНИЯ ЗЕМСТВ: ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ В КОНЦЕ XIX в.	235
Теплов И.И. ВЕДОМСТВО УЧРЕЖДЕНИЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ И ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ МОСКВЫ	240
III. «ПУСТЬ СИЛЬНЕЕ ГРЯНЕТ БУРЯ!»: ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТРАДИЦИЯ	
Молодова А.И. ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1860-х гг. И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А.И. ГЕРЦЕНА	244
Крылова Э.А. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ВОСПИТАННИКОВ МОРСКОГО УЧИЛИЩА В 1860–1870-х гг.	247
Кохова И.Я. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В «ДЕЛЕ» ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ	251
Архипова Л.М. К ДИСКУССИИ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ	255
Юдин Е.Е. АРИСТОКРАТИЯ, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОБЛЕМА АБСЕНТЕИЗМА КРУПНЕЙШИХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. 1880–1914 гг.	260
Лялин А.В. АНАТОЛИЙ ОСИПОВИЧ БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ В РУССКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ	268
Борисов Д.П. К ВОПРОСУ О РОЛИ «ЛЕГАЛЬНОГО МАРКСИЗМА» В РАЗВИТИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.	278
Луковников Д.А. КНЯЗЬ А.А. ЩЕРБАТОВ О ДЕЙСТВИЯХ ВЛАДИВОСТОКСКОГО ОТРЯДА КРЕЙСЕРОВ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ	281
Медоваров М.В. ВОСПОМИНАНИЯ А.Ф. ФИЛИППОВА О ГЕОРГИИ ГАПОНЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	286
Неклюдов Н.В. ПАРТИЯ МИРНОГО ОБНОВЛЕНИЯ: ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ	292
Иванова А.Н. ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА НА ПРИМЕРЕ ПОДГОТОВКИ ЗАКОНОПРОЕКТА О ВВЕДЕНИИ ВСЕОБЩЕГО НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НАЧАЛЕ XX в.	295
Красанов Т.Г. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВОЙНЫХ АГЕНТОВ (Е.Ф. АЗЕФ, Д.Г. БОГРОВ, Р.В. МАЛИНОВСКИЙ) В ЗЕРКАЛЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ	301
Рогачев А.М. РАБОЧИЕ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ НАЧАЛА XX в. КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ШТРЕЙКБРЕХЕРСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	305
Грицаева А.Н. К ВОПРОСУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ И РАНеныМ ВОИНАМ В 1914 г.	311
Лебедев В.В. ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА А.Т. АВЕРЧЕНКО В ПЕРИОД «ЗАКАТА» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	314
Аксенова Г.В. О ЗНАЧЕНИИ ТРУДОВ В.Т. ГЕОРГИЕВСКОГО ПО ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ	319

<i>Агейчева Т.В.</i> НОВАЯ РЕЛИГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ОТ Р.В. ИВАНОВА-РАЗУМНИКА: К ВОПРОСУ О ДУХОВНОМ КРИЗИСЕ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАЧАЛЕ XX в.	332
<i>Зорин Н.С.</i> ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в. КАК ПРЕДПОСЫЛКИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕГИОНЕ В 1917–1922 гг.	338
IV. «ЗДРАВСТВУЙ, СТРАНА ГЕРОЕВ...»: РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, «РУССКИЙ ИСХОД» И СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ	
<i>Михеев Г.Н.</i> ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ МЕЗЕНСКОГО УЕЗДА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ	343
<i>Калашиников А.А.</i> ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ЗЕМЕЛЬНО-ЛЕСНЫХ СОВЕТОВ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В ДЕКАБРЕ 1917 – ИЮНЕ 1918 г.	345
<i>Бутовский А.Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 г.	351
<i>Дьячков А.А.</i> ЛОКАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ОСЕНЬЮ 1919 г.	355
<i>Черемухин В.В.</i> ГОРОД КЕРЧЬ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ЭВАКУАЦИИ 1920 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ)	358
<i>Суздальцев И.А.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ КОМИНТЕРНА В 1919–1922 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»)	363
<i>Прокофьева Е.А., Демьяненко Е.О.</i> ОСОБЕННОСТИ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ В 1920-е гг.	368
<i>Шемякина О.В.</i> «СТАРЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ» В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ОБЩЕСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН	373
<i>Гусев К.А.</i> МЕСТО АРХЕОЛОГИИ В СОВЕТСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ СЕРЕДИНЫ 1930-х гг. ПО ПУБЛИКАЦИЯМ «АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»	378
<i>Епископ Нестор (Доненко).</i> ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СМЕРТИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КОНСТАНТИНА (ДЬЯКОВА), МИТРОПОЛИТА КИЕВСКОГО И ГАЛИЦКОГО, И ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ГЛАГОЛЕВА	381
<i>Базанов С.Н.</i> ГЕРОИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ – ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ	388
<i>Половецкий С.Д.</i> СОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И КРАСНАЯ АРМИЯ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1939 – ИЮНЬ 1941 гг.). К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	394
<i>Каримов О.В., Пумпянская О.В., Каримова А.О.</i> ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (ОПЫТ РЕОРГАНИЗАЦИИ)	399
<i>Мокина Н.Н.</i> СИСТЕМА СВЯЗИ НАРКОМАТА СВЯЗИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	404
<i>Валевин Е.А.</i> «ТАЕЖНЫЙ ШАМАН»: ГЕРОЙ ИЗ ГЛУБИНКИ	410
<i>Новоторцева А.М.</i> СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ – ТАЙНЫЕ МОНАХИ И СВЯЩЕННИКИ КАК УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ XX в.	413

<i>Борисевич Д.А.</i> «КОЖАНЫЙ МЯЧ» И РАЗВИТИЕ ДЕТСКОГО ФУТБОЛА В СССР (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)	418
<i>Колпакиди А.И.</i> НОВОЧЕРКАССКАЯ ТРАГЕДИЯ 1962 г.: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	422
<i>Ковзик Г.О.</i> «КРАСНЫЙ» ВРАГ, «СИНИЙ» ДРУГ? ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ ЦВЕТА В ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКЕ КПСС В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1991)	429
У. РОССИЯ И МИР: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	
<i>Талина Г.В.</i> АБСОЛЮТИЗМ В РОССИИ И ЕВРОПЕ: УСТОЙЧИВЫЕ ПРИЗНАКИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	432
<i>Данюшевская А.В.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ В РОССИИ И АНГЛИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.	439
<i>Таньшина Н.П.</i> ГРАФ К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ: ПРИЧИНЫ НЕПОПУЛЯРНОСТИ	446
<i>Можайский А.Ю.</i> М.С. КУТОРГА: РОССИЙСКИЙ УЧЕНЫЙ СРЕДИ ЗАПАДНЫХ АНТИКОВЕДОВ	456
<i>Репников А.В.</i> ЗАБЫТЫЙ РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ (ЖИЗНЬ И ВЗГЛЯДЫ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА АКСАКОВА)	460
<i>Фрог М.М.</i> КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПАНСЛАВИЗМА В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.	471
<i>Озадовский В.Е.</i> ТВОРЧЕСТВО И.Я. ФРАНКО И ПРОБЛЕМА УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	476
<i>Астарджиева Т.</i> ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И ВЕЛИКИМ КНЯЖЕСТВОМ ФИНЛЯНДСКИМ	478
<i>Постников Н.Д.</i> ПАССИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ФИНЛЯНДИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.	484
<i>Полунов А.Ю.</i> ИСТОРИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ОБОСНОВАНИИ КОНТАКТОВ РОССИИ С ЭФИОПИЕЙ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)	490
<i>Александрова С.</i> ВУДРО ВИЛЬСОН, РОССИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И ВЗГЛЯД НА ПОСЛЕВОЕННЫЙ МИР	496
<i>Ворониц В.Е.</i> ВОПРОСЫ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРОУСТРОЙСТВА И БУДУЩИХ ГРАНИЦ НА ПЕРЕГОВОРАХ ЛИДЕРОВ СОЮЗНЫХ ДЕРЖАВ В ТЕГЕРАНЕ (1943 г.)	503
<i>Матвеева А.М.</i> ЛИНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗЛОМА И ВСТУПЛЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ В ЭПОХУ ЛОКАЛЬНЫХ ГИБРИДНЫХ ВОЙН	540
<i>Чураков Д.О.</i> КАВКАЗСКИЙ ПРОРЫВ: «ВОЙНА 08.08.08» – ЧТО ДАЛЬШЕ	550
<i>Муза Д.Е.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ «ВЫЗОВЫ» И НЕКОГЕРЕНТНОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА	558
<i>Оуэн Н.</i> ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК ПОЧЕТНОГО КОНСУЛА	561
<i>Томчак Я.</i> ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕН ЗАБЫТЫХ ГЕРОЕВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	568

VI. УНИВЕРСИТЕТ И ШКОЛА:

ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ (ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ)

<i>Конюхов К.Р.</i> СМЕХОВАЯ И КАРНАВАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	573
<i>Водолазов Д.М.</i> ЭЛЕКТИВНЫЙ КУРС «ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.»	589
<i>Иванис И.В.</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ИГРЫ КАК ФОРМА ВНЕКЛАССНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	594
<i>Меболия Э.В.</i> «ПОЛОВОЙ ВОПРОС» КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ И РАЗЛОЖЕНИЯ НРАВСТВЕННОГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 1920-х гг.)	597
<i>Беспалов А.К.</i> ГЕРОЙ КАК ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ И КАК СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС: СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	601

**180-летию со дня рождения
великого русского историка
Василия Осиповича КЛЮЧЕВСКОГО
посвящается**

*«История в некотором смысле есть священная книга народов:
главная, необходимая;
зерцало их бытия и деятельности;
скрижаль откровений и правил;
завет предков к потомству;
дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего».*
Н.М. Карамзин

*«Гордиться славою своих предков не только можно,
но и должно;
не уважать ее есть постыдное малодушие».*
А.С. Пушкин

*«Понятен практический интерес,
побуждающий нас изучать историю России особо,
выделяя ее из состава всеобщей истории:
ведь это история нашего отечества.
Но этот воспитательный, т.е. практический, интерес
не исключает научного,
напротив,
должен только придавать ему более дидактической силы».*
В.О. Ключевский

Вступительное слово

Дорогие друзья! Уважаемые коллеги!

Я рад приветствовать всех участников очередных «Ключевских чтений». Они проводятся уже в тринадцатый раз. «Ключевские чтения» – одно из старейших научных мероприятий нашего истфака (ныне Института истории и политики) – берут свое начало в 2004 году, с 2006 года по итогам «Ключевских чтений» регулярно выходят сборники научных трудов. Сегодня площадка этой нашей научной конференции, посвященной памяти великого русского историка Василия Осиповича Ключевского – одного из отцов-основателей нашего Университета и человека, который с самого начала преподавал курс русской истории у нас на Московских высших женских курсах, становится очень авторитетной – в том числе и международной – площадкой. Приятно отметить, что и сегодня, несмотря на все сложности переживаемого нами момента и введенные ограничения, в конференции участвуют представители не только Российской Федерации и Донецкой Народной Республики – мы приветствуем наших товарищей из Донецкой Народной Республики! – но также исследователи и ученые из ряда стран Запада: Соединенных Штатов Америки и Великобритании, а также Польши, Сербии, Болгарии... Мы считаем это показателем роста авторитета и значения «Ключевских чтений» в нашем научном историческом сообществе.

Хочу пожелать успехов в работе конференции. Как историк, не могу не откликнуться на название мероприятия, которое выбрали организаторы на этот раз. Это – **«Власть и народ: реформы и эволюция общественного строя России»**. Когда речь идет о России, следует помнить, что не только *реформы* и не только *эволюция* влияла на ее общественный строй на протяжении столетий, но и, конечно, *революционные изменения*, приносившие с собой коренную ломку прежних традиций российской государственности. Особенно ярко это проявилось в XX веке. Сначала – в 1917 году, когда в ходе революционных событий была сметена монархия и на смену ей пришел либерально-демократический режим, а в октябре–ноябре возникла Республика Советов – принципиально иное государственное образование. При этом Великая российская революция создавала совершенно новую общественную формацию. В 1991 году произошла еще одна коренная ломка. Ее по-разному оценивают историки. Одни говорят об очередной социальной революции. Другие считают, что это была, по сути, контрреволюция, означавшая возврат либерально-буржуазных ценностей и ценностей общества потребления, которые наша элита принесла сюда – на российскую почву. С момента этих потрясений прошло уже почти тридцать лет. Мы видим, что Россия по-прежнему находится в движении и в поиске оптимальной модели государственного и общественного устройства. И я думаю, что мы, как исследователи, обсуждая эти вопросы на таких форумах, должны внести свой вклад в понимание этих процессов, очень важных не только с точки зрения политологии, но и с точки зрения тех вечных задач, которые стоят перед нашей страной – перед Российской державой.

Успехов вам, дорогие друзья!

Успехов и здоровья!

А.В. Лубков

*ректор Московского педагогического государственного университета,
член-корреспондент РАО,
доктор исторических наук, профессор*

Вместо предисловия

М.Ю. Лачаева

*доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой истории России Института истории и политики
Московского педагогического государственного университета*

ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ КЛЮЧЕВСКИЙ, ЕГО УЧЕНИКИ И ШКОЛА

Научному явлению под названием «Ключевские чтения», как регулярной конференции, уже исполнилось 16 лет. «Ключевские чтения» прочно ассоциируются в сознании научной общественности с нашим Университетом. Круг участников нынешней конференции, о чем свидетельствует ее программа, весьма представительный. Мы вновь встречаем наших добрых друзей, заинтересованных в интеллектуальном и человеческом общении, которые щедро делятся своими наблюдениями и результатами научных трудов. Для молодого поколения «Ключевские чтения» привлекательны принципом преемственности поколений и возможностью их взаимодействия. В сборниках «Ключевских чтений» накоплен весьма интересный историографический материал. Осмысление этого материала еще впереди.

Тема нынешних «Ключевских чтений» – «Власть и народ: реформы и эволюция общественного строя России» – имеет все основания пройти под сенью имени замечательного русского историка Василия Осиповича Ключевского (1841–1911).

Отношения между властью и народом не могут выстраиваться без участия правительственных учреждений. Историю одного такого правительственного учреждения и его эволюцию в течение 800 лет Василий Осипович отработал как глубокий, добросовестный, кропотливый и талантливый исследователь. Его знаменитая докторская диссертация «Боярская дума Древней Руси» уже в 1880-е гг. имела большое влияние на судьбы отечественной исторической науки, умы высшей и средней школы. На «Боярской думе» выросла блестящая плеяда учеников Ключевского.

Прогрессив в 1882 г. на всю читающую интеллектуальную Россию, «Боярская дума» Ключевского способствовала широкому привлечению талантливой молодежи в Московский университет. А.А. Кизеветтер (1866–1933) в своих мемуарах признавался, что после окончания гимназии в Оренбурге он ехал в Московский университет именно к Ключевскому, мечтая стать его учеником. На год моложе Кизеветтера был другой будущий ученик Василия Осиповича – тогда еще московский гимназист Михаил Михайлович Богословский. Внимание Богословского на только-только вышедшую тогда монографию «Боярская дума» Ключевского как на глубокое научное исследование обратил его учитель русского языка Лебедев¹. В 1911 г. Богословскому было суждено стать преемником Ключевского по кафедре истории России в Московском университете и Московской Духовной академии.

Гимназист Богословский учился в одной из лучших московских гимназий – пятой. Ее же окончили историки Николай Иванович Кареев (1850–1931), Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973), патриарх советской исторической науки Нико-

¹ Введенский Р.М. Михаил Михайлович Богословский // Проблемы российской истории. Вып. 1. Магнитогорск, 2002. С. 300.

лай Михайлович Дружинин (1886–1986), родившийся в Курске. Дружинин слушал лекции В.О. Ключевского, А.А. Кизеветтера и Н.А. Рожкова, учился в семинаре М.М. Богословского и Р.Ю. Виппера. Пятую московскую гимназию также окончил историк-антиковед Владимир Николаевич Дьяков (в 1938–1949 гг. он был заведующим кафедрой истории древнего мира МГПИ, ныне – МПГУ)¹ и многие другие замечательные представители нашей культурной элиты; например, братья Борис и Александр Леонидовичи Пастернак.

В пятой московской гимназии преподавал один из первых учеников Ключевского – Яков Лазаревич Барсков (1863–1938). Он оказал большое влияние на становление научных интересов Георгия Владимировича Вернадского и Николая Петровича Киселева (1884–1965) – специалиста по истории русского мASONства, палеографа и библиотечного деятеля, чья работа прерывалась во время отбывания им сроков в лагерях и ссылках.

Именно Барскову единственный сын В.О. Ключевского Борис Васильевич (1869–1944) передал архив своего отца. Борис Васильевич Ключевский долгие годы выполнял функции секретаря, помогая отцу. Он занимался подготовкой к изданию пятого тома знаменитого «Курса русской истории» и статей отца уже после смерти В.О. Ключевского. В 1933 г. Борис Васильевич был арестован и выслан в Казахстан, реабилитирован в 1990 г.

Что же показал В.О. Ключевский в «Боярской думе»?

Во-первых, значимым был сам выбор темы. Василий Осипович называл Боярскую думу «маховым колесом», приводившим в движение весь правительственный механизм, и той «правительственной пружинной», которая сама оставалась «невидимой для тех, кто двигался по ее указаниям»².

Во-вторых, Ключевский разработал понятийный аппарат. Он ввел понятие «правительственный класс». Последовательное историческое изучение его состава, состояния и обновления в разные исторические эпохи, а также степень зависимости правительственного класса от личных качеств правителя (в т.ч. силы или «захудалости» династии, ее цветущего или кризисного состояния) являлось константой в исследовании Ключевского. Историк обращал внимание на связь состава Боярской думы с силой правителя. К числу переменных величин, изученных Ключевским, следует отнести взаимодействие и борьбу составных частей правительственного класса, задачи и усилия по их реализации на каждом историческом этапе. Особое внимание историк уделял влиянию ближайшего окружения князя и состава этого окружения на социально-экономические и политические процессы. Василий Осипович считал важным понять, как ближайшие правительственные сотрудники воздействуют на князя и его политику. Для этого требовалось изучение механизмов влияния и их последствий, а также сочетания, взаимодействия и противоречий личного интереса (индивидуального фактора, энергетического источника действий) и интересов общих (общезития, социального фактора). Эти отношения в истории чаще носили конфронтационный характер, однако просветитель Ключевский высказал надежду на их длительную, постепенную гармонизацию по мере просвещения общества в исторической перспективе. Движущий механизм истории виделся Ключевскому в противоречии личного интереса (энергии) и общезития (общего блага).

¹ Исследователь античной политической истории В.Н. Дьяков был учеником Р.Ю. Виппера.

² Ключевский В. Боярская дума Древней Руси. Изд. 3-е. М., 1902. С. 3.

В-третьих, рассмотрев историю Боярской думы как политического института, имевшего столь важное политическое значение в истории Древней Руси на протяжении восьми веков, с X до конца XVII в. (т.е. до начала Петровского времени), Василий Осипович дал периодизацию этому явлению и охарактеризовал особенности каждого из трех выделенных им этапов: 1) X – первой трети XIII вв.; 2) удельного периода XIV в. при удельных князьях Северо-Восточной Руси, и 3) московского (XV–XVII вв.) как времени Московской думы. Василий Осипович показал системные различия состояния Боярской думы в каждый из трех периодов, подойдя исторически к анализу явления и его содержания.

Так, Боярскую думу X в. историк рассматривал в качестве третьей (правительственной) формы, отличавшейся от двух других (дружины и веча) тем, что она была учреждением постоянным, действовавшим ежедневно.

В XVII в. Московская Боярская дума, по словам историка, после прекращения старой династии «захудала» и стала наполняться «молодыми людьми», «дворянской демократией». Ключевский считал, что изменения в компетенции Думы были обусловлены изменениями в ее составе, и высказал соображение, что изменения в составе Думы предопределялись переменами в общественном строе. Ключевский исследовал историю Боярской думы в тесной связи с важнейшими вопросами социально-экономической и политической истории России с X до конца XVII в.

И еще. Ключевский исходил из того, что в русской политической культуре изначально существовали европейские и самодержавные тенденции. Ключевский отмечал, что Московская дума в XVI в. пользовалась в своей деятельности известным простором и была более, чем совещательным учреждением, обладая определенным политическим значением. Правительственная деятельность Боярской думы имела законодательный характер. «Боярский приговор» признавался необходимым звеном в законодательном процессе. Его предстояло получить каждому новому закону в случае его добавления к Судебнику. Так продолжалось до завершения реформационного периода правления Ивана IV.

Московская аристократия, учась на своих ошибках, по мнению Василия Осиповича, в первой половине XVI в. оказалась способна к политической эволюции. После тиранического опыта 1520-х гг. при Василии III и конфликтного боярского правления в 1540-е гг. она осознала, как считал Ключевский, что ей необходимо конституционное учреждение без конституционной хартии, воплотившееся, согласно ст. 98 Судебника 1550 г., в Боярской думе. До введения опричнины Иваном IV противоречия между единоличным лидером (абсолютной монархией) и Боярской думой (аристократической приказной бюрократией) улаживались, не достигая конфронтации.

По Указу 1694 г. государей Ивана V и Петра I Боярская дума решала без государя ссудные дела, восходящие «в верх» по челобитным или по делам из приказов. Бояре решали их «окончательно», докладывая государям лишь о том, чего им «зачем без их, великих государей именного указа вершить будет немощно». Таким образом, доклад был не обязанностью Боярской думы, а отказом от своего права. Боярская дума доживала свой весьма долгий век. Приближались петровские преобразования.

Ключевский видел в Боярской думе учреждение – творца «сложного и величественного государственного порядка, установившегося на огромном пространстве Московской Руси, того порядка, который только и сделал возможными смелые внешние и внутренние предприятия Петра, дал необходимые для этого средства, людей и самые идеи». Даже идеи Петра, по крайней мере, основные и наиболее плодотворные, «выросли из московского городского порядка и достались Петру по наследству от

предшественников вместе с выдержанным, удивительно дисциплинированным политическим обществом, руками и средствами которого пользовался преобразователь».

Аналитический подход Ключевского оказался перспективным. Он указал тематические перспективы своим ученикам, продолжившим всестороннее изучение XVII и XVIII вв.

Проблематика, поднятая Ключевским, не утратила актуальности в изучении постоянных правительственных учреждений, их состава, границ и степени власти; выявление их политического и исторического значения остается важной задачей и для современных исследователей всех эпох существования государственности.

«А была ли школа Ключевского?». Этот бытующий в литературе вопрос восходит к историку-марксисту, организатору советской исторической науки Михаилу Николаевичу Покровскому (1868–1932) – стороннику концепции мировой революции, который существование таковой школы отрицал по идеологическим, классовым и политическим основаниям.

Покровский учился у Василия Осиповича, как и известные, авторитетные историки П.Н. Милуков (1859–1943) и А.А. Кизеветтер (1866–1933), вынужденные в отличие от него эмигрировать.

Перед Кизеветтером вопроса о школе не стояло. Он считал себя учеником Ключевского. Что же касается амбициозного Милукова, имевшего претензии к Ключевскому, тот предпочитал использовать термин «московская историческая школа», противопоставляя ее «петербургской исторической школе».

Младший современник Ключевского – Николай Иванович Кареев отдавал предпочтение словосочетанию «московская школа Ключевского», определив ее научные принципы.

Советский историограф Н.Л. Рубинштейн в конце 1930-х гг. (в 1940 г. вышла его знаменитая «Русская историография») употреблял термин «школа Ключевского», стараясь донести информацию о богатейшем наследии самого Ключевского и его учеников.

В современной литературе можно встретить термин «московская школа историков», «школа Ключевского», но обязательно в кавычках, а также рассуждения по этому поводу. Появился еще термин или категория «образ научной школы». Речь идет о сугубо внешних представлениях и восприятии, формирующихся на основании выявления коммуникативных практик историков и их собственной научной саморефлексии.

И все же нельзя не заметить, что опыты терминологической амплификации и систематизации истории исторической науки с отданием приоритета определениям и спорам вокруг удачности или неудачности таких определений в случае, когда речь идет о такой величине, как Василий Осипович Ключевский, мало помогают в характеристике живой жизни науки и ее выдающихся представителей.

Мы не будем в данном случае углубляться в анализ мнения современных исследователей о недостаточной разработанности самого понятия «научная школа» и смешения в современной исторической литературе таких дефиниций, как «школа», «направление» и «течение». Отметим справедливость мнения о том, что наметился очевидный разрыв между изучением научных достижений, закономерностей развития науки и их реального воплощения в творчестве крупнейших ученых. Вместе с тем, заметим, что о самом Василии Осиповиче и его учениках за последние полвека вышло множество публикаций – источников, статей, диссертаций и книг, начиная с замечательной книги М.В. Нечкиной о Ключевском.

Антропологический поворот в исторической науке и историографии принес ощутимые результаты в изучении роли В.О. Ключевского и его учеников в развитии исторической науки. Списки публикаций о них насчитывают сотни единиц. Материк «Ключевский», а также жизнь и творчество его учеников в силу их масштабности, многосторонности и глубины заложили фундаментальные основы отечественной исторической науки. Без их трудов, в т.ч. и репрессированных в 1920–1930-е гг., обойтись было уже невозможно.

По «Академическому делу» (1930) были арестованы представители старшего, среднего и младшего поколения учеников Ключевского. Не вернулся из ссылки в Уфу Матвей Кузьмич Любавский (1860–1936). По «делу краеведов» был арестован и расстрелян Валерий Николаевич Лясковский (1858–1938). В 1930 г. арестованы: Сергей Константинович Богоявленский (1872–1947), Юрий Владимирович Готье (1873–1943), Алексей Иванович Яковлев (1878–1951), Владимир Иванович Пичета (1878–1947), Валентин Николаевич Бочкарев (1880–1967) – создатель и первый заведующий кафедрой истории СССР Коломенского педагогического института, Сергей Владимирович Бахрушин (1882–1950), Иван Александрович Голубцов (1887–1966).

Тем не менее, в 1937–1946 гг. труды В.О. Ключевского переиздавались. В 1946г. исполнилось 105 лет со дня рождения Василия Осиповича и 35 лет со дня его кончины. Историко-научные практики увековечивания памяти о Ключевском прошли в связи с 35-летней годовщиной его смерти. С.К. Богоявленский сделал доклад на заседании Ученого совета Московского государственного историко-архивного института. Тогда же, в 1946 г., в Саранске вышла навлекшая гнев властей статья А.И. Яковлева с высокой оценкой Ключевского.

В 1941 г. С.В. Бахрушин стал лауреатом Сталинской премии.

Энергия написанного Ключевским и его учениками, передаваемая в их трудах от одного поколения исследователей к другому, гарантировала и гарантирует им многие годы научной жизни.

На курсах Герье и в МГПИ в разные годы преподавали сам В.О. Ключевский и его ученики – А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, В.И. Пичета, И.А. Голубцов, В.Н. Бочкарев (заметим, научный руководитель Владимира Борисовича Кобрин).

Ученики учеников Ключевского стали классиками советской исторической науки. Знаменитые ученики С.В. Бахрушина – К.В. Базилевич, С.С. Дмитриев, А.А. Зимин, Б.А. Рыбаков, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, О.Н. Вилков, З.Я. Бояршинова. Учеником Михаила Николаевича Тихомирова – создателя кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова был профессор, доктор исторических наук Аполлон Григорьевич Кузьмин.

І. «ЗЕМЛЯ» И ВЛАСТЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И РУССКОМ ЦАРСТВЕ

Л.П. Гром

*кандидат исторических наук, директор
консалтингово-образовательного предприятия «НОРРКОН АБ»*

ГЕНЕЗИС ДРЕВНЕРУССКОГО ИНСТИТУТА КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМАТИКА ИЗУЧЕНИЯ

Древнерусский институт княжеской власти не относится к числу проблем, забытых современной российской историографией. За последние годы – я имею в виду период с конца прошлого века и до сеодняшнего дня – в ней появилось немало и крупных работ, и статей, специально посвященных тематике института княжеской власти на Руси. Среди них можно назвать работы А.П. Толочко, В.Я. Петрухина, А.В. Майорова, Е.А. Мельникова, М.Б. Свердлова, А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского, И.В. Лисюченко, Е.Н. Дербина, П.С. Стефановича, А.В. Назаренко, А.А. Горского, О.А. Плотниковой, Е.В. Пчелова, Н.И. Грачева и др.¹

Более того, поскольку институт княжеской власти традиционно рассматривался в рамках исследования древнерусского политогенеза и социогенеза, то проблематика, связанная с княжеской властью, рассматривалась и в обобщающих исторических трудах по древнерусской истории. Среди работ последних лет необходимо назвать монографии и статьи В.Л. Янина, С.Н. Азбелева, И.Я. Фроянова, А.Ю. Дворниченко, А.В. Петрова, В.В. Пузанова, Е.А. Шинакова, А.А. Горского, И.Н. Данилевского и др.²

¹ Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992; Петрухин В.Я. Древняя Русь. Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). Статьи по истории и типологии русской культуры. М., 2000; Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001; Лисюченко И.В. Верховная власть и складывание государственности у восточных славян в VI–X вв. Ставрополь, 2012; Мельникова Е.А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 143–159; ее же. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М., 2008. С. 47–75; Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI–XIII в. СПб., 2003; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006; Дербин Е.Н. Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII в. в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск, 2007; Стефанович П.С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 148–269; Назаренко А.В. Династический строй Рюриковичей в сравнительно-историческом освещении // Его же. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 47–87; Плотникова О.А. Генезис и легитимизация института княжеской власти в древнерусском обществе VI–XII вв. М., 2010.; Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX–XI вв. М., 2001; его же. Рюрик. М., 2010; Грачев Н.И. Происхождение верховной власти у восточных славян // Вестник Саратовской государственной юридической академии. История и идеология. №5(118). 2017. С. 22–42.

² Азбелев С.Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007; Горский А.А. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (X–XII вв.). 2-е изд. М., 2001; Дворниченко А.Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. Учеб. пособие. М., 2010; его же. К проблеме

Таким образом, можно констатировать, что даже за последние три десятилетия рассмотрению древнерусского института княжеской власти было посвящено значительное количество монографий, разделов монографий и статей. И это вполне естественно, поскольку, как отметил современный историк Е.Н. Дербин: «Вопрос об институте княжеской власти на Руси IX – начала XIII века является одним из ключевых в отечественной историографии. От того или иного его решения зависит трактовка характеристики социально-политического строя Древней Руси, особенностей российской политической традиции»¹.

С заключением Дербина совпадает и оценка, данная проблеме историком О.А. Плотниковой: «Изучение политической истории государства и, в частности, его властных институтов, является важной частью исторической науки, поскольку тема российской государственности, ее эволюции, значения и роли в истории имеет научный и общественно значимый характер»².

Надо отметить также, что интерес к проблеме древнерусского института княжеской власти не является чем-то новым. Данный интерес, собственно говоря, традиционен. Труды российской историографии показывают, что в российской исторической науке, начиная с XVIII в., вопрос о княжеской власти и древнерусских князьях так или иначе затрагивался каждым крупным историком, писавшим о ранних периодах российской истории³.

При этом исследователями отмечается, что малоизученной остается проблема легитимности княжеской власти. Историк Плотникова особо подчеркнула, что «в отечественной исторической научной литературе нет целостного, комплексного пред-

восточнославянского политогенеза // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 294–318; его же. О восточнославянском политогенезе в VI–X вв. // *Rossica Antiqua* 2006. Исследования и материалы. М., 2006. С. 184–195; Дербин Е.Н. Фроянов И.Я. и проблема института княжеской власти в Древней Руси // Исследования по русской истории и культуре. М., 2006. С. 49–55; Кривошеев Ю. В. Князь, бояре и городская община в Северо-Восточной Руси в XII – начале XIII в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 11. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города. Л., 1988. С. 11–123; Петров А.В. Княжеская власть на Руси X–XII вв. в новейшей отечественной историографии (1970–1980) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Л., 1983. С. 82–90; Пузанов В.В. У истоков восточнославянского государства. Народ и власть в городах-государствах Древней Руси // История России. Народ и власть. СПб., 1997. С. 5–48, 49–94; его же. Главные черты политического строя Киевской Руси X–XI вв. // Исследования по русской истории. СПб., Ижевск, 2001. С. 19–47; его же. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007; Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990; его же. Мятный Новгород. Очерки истории государственной, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992; его же. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995; его же. Начало Русской истории. Избранное. М., 2001; его же. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003; Шинаков Е.А. На пути к державе Рюриковичей. Брянск–СПб., 1995; его же. Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический анализ. Брянск, 2002; Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Новгород, 2001; его же. Новгородские посадники. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 2003; его же. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

¹ Дербин Е.Н. Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII в. в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск, 2007. С. 3.

² Плотникова О.А. Генезис и легитимизация института княжеской власти в древнерусском обществе VI–XII вв. Автореф. дис. ... д.и.н. М., 2000. С. 3.

³ См.: Герасименко Г.А. История российской исторической науки (дооктябрьский период). М., 1998; Пештич С.Р. Русская историография XVIII в. Л., 1965; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978; Черепнин А.В. Русская историография до XIX в. М., 1957; Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993; и др.

ставления по проблеме генезиса и легитимизации института княжеской власти»¹. Казалось бы странно, ведь легитимность правителя, т.е. вопрос о том, согласно каким традициям и принципам определялся законный правитель, законность власти – коренной вопрос при изучении любого института власти. В чем же здесь дело? Этот вопрос и будет проанализирован в данной статье.

В современной историографии древнерусская история, как известно, традиционно открывается призыванием предками новгородцев Рюрика с братьями на княжение, о чем сообщает «Сказание о призвании варягов» Повести временных лет (ПВЛ). Поэтому понять, почему российская наука испытывает трудности с решением проблемы о легитимности правителя в русской истории, проще всего на примере «Сказания». Начиная с XVIII в. и до наших дней, значительная часть российских ученых в толковании «Сказания» придерживается, в основном, двух версий. Но обе версии роднит то, что они строятся не на основе источников, а вразрез с ними.

В летописи говорится: «Поищем себе князя...». А в современной науке, согласно одной из доминирующих версий, приглашение Рюрика с братьями трактуется как приглашение защитников на основе договора – ряда². По представлениям сторонников другой версии, упомянутый «ряд» на самом деле скрывал якобы завоевательную экспансию норманнов в Восточной Европе. Среди историков, отстаивающих подобные взгляды, можно назвать И.Я. Фроянова и В.В. Пузанова³.

Обе названные версии превращают летописного Рюрика из князя в безродного наемника или завоевателя. При этом толком не разъясняется, как этот наемник или завоеватель получил княжеское достоинство, прибыв к ильменским словенам. Совершенно очевидно, что российские историки испытывают трудности в признании княжеского титула за летописными князьями Рюриковского периода, не говоря уже о древнерусских князьях до призвания Рюрика.

Согласно моим исследованиям, данная проблема была внесена в российскую историческую мысль Г.Ф. Миллером и А.Л. Шлецером, отрицавшими наличие княжеского института власти у ильменских словен до призвания Рюрика. Миллер заявлял: «...новгородцы были без владетелей, пока варягов для принятия княжения назад не призвали. Нестор называет Гостомысла *старейшиною*, а тогда и другие славенские народы такими же старейшинами были управляемы...»⁴. Ему вторил Шлецер: «Какая была *цель* призывающих? – Они не искали государя, самодержца в настоящем смысле (...) Они искали только защитников, предводителей, оберегателей границ»⁵.

Исторические взгляды Миллера и Шлецера сформировались под влиянием целого ряда утопий, складывавшихся в общественной мысли Западной Европы в период

¹ Плотникова О.А. Генезис и легитимизация института княжеской власти в древнерусском обществе VI–XII вв. М., 2010. С. 4.

² Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях летописцев XI – начала XII в. С. 47–75; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд»: легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1990 г. М., 1991. С. 219–229; их же. Легенда о призвании варягов и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 44–57; Петрухин В.Я. Древняя Русь. Народ. Князья. Религия. С. 102–137; Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей. С. 48–50.

³ Пузанов В.В. Древнерусская государственность. С. 225–240; Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. С. 74, 98–100.

⁴ Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа российского // Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006. С. 396–397.

⁵ Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. СПб., 1809. С. 305–308.

XV–XVIII вв. Одна из таких влиятельных утопий – готицизм, другая – *теория общественного договора*.

Согласно теории общественного договора, появление институтов наследственной княжеской или королевской власти связывалось с возникновением государства. А согласно идеям готицизма, германцам, к которым отнесли и скандинавов, отводилась роль основоположников монархий в Европе, распространявших монархические идеи в ходе своих завоеваний. Славяне же в начале своей истории жили в народоправстве и якобы только благодаря германскому влиянию узнали монархический строй и получили монархов. Готицизм практически не изучался в России, а более подробную информацию можно найти в моих публикациях¹.

Миллер и Шлецер, воспитанные в традициях североευропейского готицизма и западноевропейского Просвещения, принесли в Россию взгляды о превосходстве германцев над славянами в деле создания государственности и институтов монархической власти. Взгляды эти законсервировались в российской исторической мысли вплоть до наших дней.

В ходе исследования процесса политогенеза обнаружилась утопичность взглядов эпохи Просвещения, и учеными была обоснована идея длительного переходного периода от первобытного общества к феодальному. При изучении проблематики институтов власти в доклассовых обществах установлено, что институт наследственной власти – княжеской или королевской – возникает задолго до образования государства – в рамках еще первобытного общества, в недрах которого появляется верховная власть, носящая сакрализованный и наследственный характер².

Отметим, что некоторое влияние представленных взглядов обнаруживается в современных работах части российских ученых. Так, известный историк А.А. Горский в ряде последних работ стал подчеркивать, что в «Сказании» говорится именно о приглашении на княжение, а не о чем-либо другом, поэтому должны были приглашаться те варяги, которые по своему общественному положению могли претендовать на княжеский статус. Следовательно, речь идет не о «призвании варягов», а о «приглашении князя-варяга»³. Такой поворот мысли можно было только приветствовать, если бы в лице «князя-варяга» Горский не увидел пресловутого Рёрика/Рорика Ютландского/Фрисландского из датской истории. При этом историк не поясняет, почему именно этот исторический персонаж мог законно претендовать на княжеский титул у ильменских словен. Не поясняется также, куда девались летописные братья Рюрика, о которых в ПВЛ сказано, что «избращася 3 братья с роды своими», а в Псковской второй летописи – еще более определенно: «И прошиша в них князей. И вдаша им 3 князи, брата себѣ, с роды своими ихъ, и приведоша къ Новугороду»⁴.

О ненаучности отождествления летописного Рюрика и Рёрика/Рорика есть небольшая глава в моей монографии «Имена летописных князей». Эта глава размещена и на сайте Переформат.ру под названием «Рюрик Ютландский – пример фантомной

¹ Грот Л.П. Путь норманизма: от фантазии к утопии / Варяго-русский вопрос в историографии. Сб. статей и монографий. М., 2010. С. 103–202; ее же. Проблема института верховной власти в русской истории в творчестве С.М. Соловьева // С.М. Соловьев и его эпоха. М., 2020. С. 84–107.

² Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 11–61.

³ Горский А.А. Возникновение русской государственности и «призвание варягов» // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 2012. № 5. С. 10–19.

⁴ Повесть временных лет / Подгот. текста, перев., ст. и комм. Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 3-е изд. СПб., 2007. С. 13; Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 9.

истории норманистов»¹. Там показано, что путь к древнерусскому княжескому столу упомянутому Рорику, прежде всего, «преграждает» целая плеяда солидных западных хронистов, уделявших особое внимание истории правителей данов и внимательно выделявших тех из них, кто действительно отличился на политическом поприще. О «великой» карьере Рорика Ютландского во время княжения у словен ничего не известно Адаму Бременскому и его информатору – королю данов Свену Эстридсену. Не заметил великие подвиги этого Рорика в Восточной Европе и датский писатель Саксон Грамматик, главной целью историографической деятельности которого было как раз выбрать и отметить всех, кто прославился в истории данов. Поэтому естественно, что «версия» о великих деяниях в русских землях Рорика «Ютландского» не принимается и датскими медиевистами.

Например, такой маститый датский археолог и историк, как Юханнес Брэндстед (1890–1965) в своем труде «Викинги дома и в походах», посвященном деяниям данов и других скандинавов за пределами Скандинавии, рассматривает датского Рорика и летописного князя Рюрика как двух различных исторических лиц с созвучными личными именами². Так же считает и современная датская исследовательница – ведущий специалист по истории Дании т.н. *викингского периода* Эльси Роэдсаль³.

Российские «сторонники» Рорика в своих работах искажают данные источников. Перечислю некоторые из этих искажений. Датский Рёрик/Рорик не имел титула конунга. Ю. Брэндстед и Э. Роэдсаль называют его предводителем (hövding) – расплывчатым прозвищем, которое могло относиться и к предводителю племенной знати, и к главарю разбойничьей шайки (rövarhövding). Скъелдунги – «династия» из сказки, ее основатель – «сын» божества Одина, т.е. персонаж сугубо литературный. С таким же успехом можно рассуждать о династии Гороховичей и ее основателе царе Горохе. Антропоним Рюрик не имеет ни скандинавского, ни даже прагерманского происхождения, если, конечно, к «прагерманскому» не причислять римские именословы или именословы Галлии, Ирландии, Шотландии и др. Не является это имя и славянским. Имя Рюрик относится к древнейшему антропонимическому слою индоевропейских языков. Я посвятила имени Рюрик отдельную главу в вышеназванной монографии «Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти». Ее электронная версия размещена на сайте Переформат.⁴

Анализ летописных сведений о древнерусском институте княжеской власти и древнерусских князьях должен проводиться с использованием достижений современной общетеоретической мысли в области социальной и политической антропологии. Согласно им, верховная власть, носящая наследственный и сакрализованный характер, появляется в недрах первобытного общества. Как это происходило? Отмечу наиболее существенные моменты в этом процессе.

Генезис наследного института власти следует связать со спецификой духовной жизни первобытного общества, помня, что в дописьменную эпоху мифопоэтического сознания основу духовной жизни общества составляла сакрализация природы. При-

¹ Грот Л.П. Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти // Варяги и Русь. Сб. статей и монографий. М., 2015. С. 245–500; ее же. Рюрик Ютландский – пример фантомной истории норманистов. [Электронный ресурс]. URL: <http://pereformat.ru/2018/03/rorik/> (дата обращения: 3.03.2018).

² Brøndsted J. Vikingarna hemma och i härnad. Stockholm, 1992. S. 40–41.

³ Roesdahl E. Vikingernes verden. København, 2001. S. 294.

⁴ Грот Л.П. Об имени Рюрик: исследование Лидии Павловны Грот. [Электронный ресурс]. URL: <http://pereformat.ru/2019/06/groth-name-rurik/> (дата обращения: 10.06.2019).

рода, из которой выделилось человеческое общество, обожествлялась как материнское лоно. С этой божественной средой надо было поддерживать связь, поклоняться ей и т.п. Данная функция отводилась духам предков рода, также обожествляемым, которые, как представлялось, расставшись с земной юдолью, поднимались на небо – поближе к сакральным силам Космоса. Формой общения с духами предков были особые ритуалы в рамках культа предков, участвовать в которых могли только члены рода. Но каждый социум был гетерогенным, сложносоставным коллективом, состоявшим из множества родов и кровнородственных групп.

Процесс развития этих многородовых этнополитических организаций требовал, естественно, и упорядочивания многочисленных культов предков и создания гармонично функционирующей общесоциумной сакральной системы. В ходе этого процесса выделялся один род – логично предположить, что самый мощный, культ предков которого становился ведущим и духи предков которого воспринимались как обереги и гаранты благополучия всего социума. Выполнение обрядов родового культа мог осуществлять только представитель рода, поскольку он представлялся наилучшим медиатором между миром живых и божественными духами предков – защитниками социума. Поэтому верховный правитель и выдвигался из членов этого рода, а принадлежность к роду легла в основу определения легитимности правителя. Чужеродное лицо, не будучи введенным в члены рода согласно обычаю и закону (брак, усыновление/удочерение), не могло стать легитимным правителем, испрашивающим у духов предков благоденствия, военных удач, стабильности и др. В лоне культа поклонения предкам постепенно складывался институт наследственных правителей. Особенностью этого института в традиции преемственности власти являлся учет двух линий – отцовской линии и материнской линии, составлявших вкуче действенную систему престолонаследия.

Амбилинейность традиции наследования составляла несущие опоры потестарно-политической системы, охватывая ее кровнородственными связями – и изнутри, и извне – и образуя сложную систему межродовых связей, использовавшуюся для поддержания преемственности власти и накопившую для этого с течением тысячелетий обширный арсенал средств. Каждый член в системе этих связей имел наследственные права по линии отцовского и материнского родов. В современной социальной антропологии доминирует взгляд, согласно которому материнский и отцовский род – равноправные варианты, не имеющие стадийного характера, поэтому матрилиатеральная традиция, т.е. традиция наследования благодаря родству со стороны матери, прослеживается с древности до современного периода.

Согласно последней, легитимное право на власть могло быть получено либо благодаря браку с правительницей, либо благодаря рождению от правительницы/представительницы правящего рода. В последнем случае потомство княжон/принцесс, отданных замуж в другие страны, обладало законными правами на престол на родине своей матери. Вследствие этого члены рода – наследники могли находиться и за пределами исконной территории рода, но быть призванными на родину матери, когда это требовалось; поэтому этническая принадлежность любого кандидата в правители не рассматривалась как релевантная¹.

¹ Попов В.А. К вопросу о структурообразующих принципах рода и родовой организации // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000. С. 17–24; Артемова О.Ю. В очередной раз о теории «родового быта» и об «австралийской контраверзе» // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000. С. 25–50; Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. СПб., 2013.

Кроме того, генеалогия могла быть не только действительной, но и приобретенной через выработанный обычаем или установленный правом церемониал: вступление в брак, усыновление/удочерение. Подкреплю сказанное несколькими примерами.

Начну с примеров использования матрилateralной традиции. Она имеет очень древнее происхождение. Возможно, генезис ее восходит к традиции обожевления женского начала, прослеживаемой на европейских материалах уже в верхнем палеолите, в ходе эволюции которого он и формируется. Интересный пример сакрализации личности правительницы дает нам афинская история. В Афинах около VIII в. до н.э. царская власть была практически отменена. Но должность царя (басилея) сохранилась, хотя он выбирался на год и выполнял лишь некоторые религиозные и административные обязанности. Однако жена этого царя – царица (басилинна) наделялась функциями, уходящими в глубокую древность. Она должна была в определенный период отправляться в особое здание, называемое «бычьим стойлом» (буколейон), и там вступать в мистическое брачное общение с богом Дионисом, очевидно, мыслившимся в виде быка¹. Церемония эта осуществлялась в период особых празднований в честь Диониса под названием «антистерии», которые проводились в Афинах и ионийских городах в начале весны. В эти дни статую Диониса в лодке на колесах привозили в город для свершения мистического брака бога с женой царя². Таким образом, даже упразднение верховной царской власти в Афинах не могло отменить ритуал общения с верховным божеством – покровителем. Эта миссия перекладывалась на женщин-правительниц, которые выступали в роли первостепенных сакральных цариц, поддерживавших связь с божественным предком и обеспечивавших, таким образом, благополучие всех жителей своего социума.

Другой пример может быть взят из римской истории. Мифы о родоначальнике римлян Энее сохранили использование матрилateralной традиции в вопросе легитимации права на власть в начале римской эпохи.

Эней – сын земного царя Анхиса, правителя дарданов и божественной матери Афродиты Энеады, именем которой он и был назван. Таким образом, божественное происхождение Энея, обеспечивавшее его особый статус, велось по материнской линии, в отличие, например, от критских царей, где божественным предком являлся мужчина (согласно мифу, критский царь Минос считался сыном бога Зевса и финикийской царевны Европы). Мифы об Энее, начиная с VI в. до н.э., повествуют о том, что Эней с частью дардан переселился за море в Гесперию (Италию), в Лацию. В мифах подчеркнуто, что Эней спас часть троянских святынь и возил их с собой. В Лации он был с почетом принят местным царем Латинум, женился на его дочери Лавинии и основал город, названный ее именем. В 1958–1959 гг. археологические раскопки вскрыли у устья Тибра руины древнего города в том месте, где, по преданию, находился Лавиний. Имя города было засвидетельствовано надписями. После гибели Латинума Эней женился на Лавинии и стал правителем объединенного народа аборигенов и троянцев – дарданов. Народ получил имя латинов в честь предыдущего правителя³.

В мифах об Энее отчетливо видна трактовка правовой мыслью древности тех юридических оснований, благодаря которым правитель-иноземец, пришедший «со стороны», мог становиться легитимным правителем у другого народа. Такой правитель должен был стать членом правящего рода. Такую возможность Энею предоста-

¹ Лурье С.Я. История Греции. СПб., 1993. С. 68.

² Мифологический словарь. М., 1965. С. 25.

³ Там же. С. 282–283.

вил брак с дочерью местного правителя Лавинией в мифе об Энее и Лавинии (вариант: брак с местной правительницей в мифе об Энее и карфагенской царице – основательнице Карфагена Дидоне).

Но, зародившись в глубине времен, матрилateralная традиция прослеживается затем на всем протяжении европейской истории. Вот несколько примеров, представляющих интерес в связи с событиями, описанными в «Сказании». Основатель Римской империи и первый римский император Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (63 г. до н.э. – 14 г.н.э.) стал членом рода Юлиев благодаря матрилateralной традиции, будучи внучатым племянником Юлия Цезаря со стороны его сестры и сыном его племянницы. По завещанию, Гай Октавий был усыновлен Юлием Цезарем и принял родовое имя своей матери Юлий, а также имя приемного отца – Цезарь.

Переходя в средневековье и выбирая из наиболее известных примеров, можно напомнить, как со смертью сына императора Арнульфа – Людовика пресеклась Каролингская династия, и для поддержания преемственности власти обратились к потомству дочери Арнульфа, призвав внука Арнульфа – Конрада I (911–918 гг.), который стал новым германским королем как внук своего деда по матери.

К матрилateralной традиции, как правило, обращались в кризисных ситуациях, когда не было прямых законных наследников мужского пола для прекращения смут и беспорядков, переходивших часто в гражданские войны.

На матрилateralных традициях покоились претензии герцога Нормандии Вильгельма на английский престол. Матерью скончавшегося без потомства представителя уэссекской династии короля Эдуарда Исповедника (1042–1066) была урожденная герцогиня нормандская Эмма, которой Вильгельм по отцовской линии доводился внучатым племянником. Бездетный Эдуард, в бытность свою в изгнании в Нормандии, по устному завещанию, назвал Вильгельма своим наследником. Правда, Вильгельму с оружием в руках пришлось добывать свое наследство, но в средневековье это не было редкостью: законных претендентов на наследство могло быть несколько, поэтому споры решало оружие. Победа осталась за Вильгельмом, и он стал основателем новой династии в Англии.

Но в свой черед пресеклась и она, а преемственность королевской власти в Англии была спасена вновь благодаря традиции счета родства по материнской линии, когда на королевский трон из Франции был призван внук умершего без наследников Генриха I, сын его дочери Матильды по имени Генрих Плантагенет (1154–1189 гг.). И в Англии началось правление очередной династии¹.

Таким образом, матрилateralная традиция, вариантом которой была передача власти внуку своего деда по матери, была распространенным явлением в западноевропейских междинастийных традициях. Хорошо известен русский источник, который показывает, что летописного Рюрика приглашали на княжеский стол словен как внука своего деда по матери – так же, как и Генриха Плантагенета. Этот источник – Новгородская Иоакимовская летопись. Горестная судьба этой летописи в науке известна. Но сейчас у нас есть труды С.Н. Азбелева, в которых он доказал историческую доброкачественность данной летописи, так что отношение к этому источнику должно начать меняться. А типичность ситуации приглашения внука своего деда по матери на

¹ Грот Л.П. Рюрик и традиции наследования власти в догосударственных обществах // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей IX–XXI вв. Липецк, 2009. С. 33–71; ее же. Призвание Рюрика: о чем спорят норманисты // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей. Липецк, 2012. С. 18–25.

опустевший престол была продемонстрирована здесь с помощью нескольких примеров, которых на самом деле можно было бы привести намного больше.

Принадлежность к роду давалась не только кровным родством, но и через юридическое оформление. Членом рода можно было стать благодаря браку с правительницей/дочерью правителя, т.е. благодаря использованию одного из вариантов матрилиатеральной традиции.

Вот пример из жизни короля данов Кнута Великого (995–1035) – удачливого завоевателя Англии. После победы над королем Англии Эдмундом II и после его внезапной смерти Кнут был англосаксонской знатью и духовенством провозглашен королем. Но одного провозглашения было недостаточно для того, чтобы сделаться легитимным правителем. Кнуту предложили вступить в брак с вдовой короля Англии Эммой Нормандской и благодаря этому стать законным членом правящего рода.

Типичным примером в этой связи является и история Роллона или Рольфа Пешехода, известного тем, что он завершил свою карьеру в качестве первого правителя Нормандского герцогства. Роллон, в крещении получивший имя Роберта, принес королю франков присягу на верность и сделался его вассалом. А затем, женившись на дочери короля и получив титул графа, он вошел в ряды французской знати. А потомки Роллона получили герцогский титул, также приняв его королевской милостью. Так что, завоевание завоеванием, но в любом случае требовалось обеспечение легитимности на основе традиционной культуры¹.

Здесь напрашиваются параллели с русской историей. Подходящим примером из ПВЛ может быть история Аскольда и Дири. В летописи подчеркивается, что Аскольд и Дир не принадлежали к княжескому роду по рождению: «И бяста у него (т.е. у Рюрика. – Л.Г.) 2 мужа, не племени его, но боярина». На не княжеское происхождение указывают и слова князя Олега Аскольду и Диру: «Вы нѣста князя, ни рода князя...». Но в Киеве они княжили около 20 лет (862–882): «Аскол же и Дир остава в граде сем (...) и начаста владѣсти польскою землей». А в Никоновской летописи их величают так: «... Русские князи Оскольдъ и Дирь...»².

В летописях приводятся сведения о том, что в Киеве братья обладали княжескими титулами. Вышеприведенный пример с Роллоном показывает, что владетельный титул мог быть получен через брак с представительницей местной династии. Упоминание смерти (убийства болгарами) сына Аскольда в Никоновской летописи (864 г.) говорит о том, что вокняжение Аскольда было, скорее всего, оформлено браком с местной княжной и рождением у них сына.

Имеются примеры и более архаичного характера. В былинае «Волх Всеславьевич» повествуется о завоевании былинным героем царства Индейского. При овладении царством князь Волх Всеславьевич убивает Индейского царя, который собирался «наряжаться на Русь воевать», и после этого «Волх царем насел, взявши царицу Азвяковну, а и молоду Елену Александровну...»³.

Особой юридической нормой ввода в члены рода было усыновление/удочерение. Эта норма также уходит своими корнями в глубокую древность. Она возникла в рамках обычного права и передавалась из поколения в поколение на протяжении тысячелетий, как и все феномены устной традиции. Благодаря обряду усыновления/удочерения можно было юридическим путем создать постороннему лицу принадлеж-

¹ Грот Л.П. Призвание Рюрика... С. 21.

² Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 13, 14; Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IX и X. М., 1965. С. 7.

³ Волх Всеславьевич // Былины. М., 1988. С. 33.

ность к роду/семье и гарантировать родовую преемственность в целях обеспечения прав наследования власти, имущества и т.п.

Сама по себе эта традиция хорошо известна как в истории стран Европы, так и у других народов, начиная с самого раннего периода, и подробно представлена, например, в труде Д.Д. Фрэзера «Фольклор в Ветхом Завете». Интересующий нас феномен Фрэзер называет обрядом или фикцией «вторичного рождения», заимствуя термин из обычного права восточноафриканских племен. Этот обряд, который Фрэзер прослеживает у самых разных народов, в т.ч. и у индоевропейских, заключался в проведении определенной церемонии, имевшей целью превращение постороннего лица в члена кровнородственного коллектива, а также и в ряде других случаев – например, при изменении статуса члена рода (замены старшего сына младшим) в случае, если требовалось отстранить от наследования неподходящего родственника и др.¹ Примеры с использованием традиции усыновления/удочерения в русской истории приводятся в ряде моих работ².

Здесь хотелось бы привести интересный пример из шведской истории. Благодаря традиции усыновления была основана ныне существующая шведская династия Бернадоттов. Случилось так, что в 1809 г., через полгода после коронавания, тяжело заболел шведский король Карл XIII (правил в 1809–1818 гг.). Его единственный сын умер в младенчестве, а слабое здоровье короля не оставляло надежды на другое потомство. Для решения проблемы наследования власти прибегли к практике отыскания кандидата «со стороны». В ходе многочисленных дебатов остановились на кандидатуре французского маршала Ж.-Б. Бернадотта. Была проведена церемония усыновления маршала Бернадотта шведским королем Карлом XIII (кандидат со стороны должен стать членом правящего рода) и принятия лютеранской веры (наследник престола, как будущий правитель, должен принадлежать той же сакральной системе, что и руководимый им социум), после чего маршал Бернадотт, получив династичное имя «Карл Юхан XIV» (имя правителя – важный элемент сакральной традиции – должно соответствовать родовому именованию), был на заседании риксдага провозглашен наследным принцем шведского престола. После смерти Карла XIII в 1818 г. маршал Бернадотт под именем Карла Юхана XIV, как законный наследник шведского короля, вступил на престол, на котором правил благополучно до своей смерти в 1844 г.³

В заключение хотелось бы в качестве информации к размышлению привести один пример из русской истории. Пример касается жизни князя Святослава (правил в 962/964–972 гг.). Много дискуссий вызывает дата рождения Святослава в сочетании с известиями о возрасте его родителей – Игоря и Ольги. Историки, начиная с В.Н. Татищева, с недоумением подсчитывают возрасты Игоря и Ольги к моменту рождения Ольгой сына Святослава. По данным источников, Святослав родился в 942 г., хотя Игорю, который в 879 г. был «детескъ вълми», к этому времени должно было быть более 66 лет, а Ольге – 50 или за 50. Предположений по этому поводу было высказано множество, но никто не рассматривал этот сюжет в рамках династичных традиций. А ведь, исходя из династичной практики, вполне можно предположить, что Святослав был усыновленным ребенком Игоря и Ольги, причем усыновленным, предположи-

¹ Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. М., 1985. С. 238–246.

² Грот Л.П. Как Рюрик стал великим русским князем? Теоретические аспекты генезиса древнерусского института княжеской власти // История и историки. 2006. Историографический вестник. М., 2007. С. 72–118; ее же. Власть и ее преемственность: у истоков древнерусской традиции // Ранние формы потестарной организации. СПб., 2016. С. 41–55.

³ Lagerqvist L.O. Sveriges regenter. Från fortid till nutid. Stockholm, 1996. S. 335–336.

тельно, из тех княжеских домов, в княжеских именованных которых были распространены личные имена с компонентами свят- и слав-. Таковыми являлись Великоморавское княжество, а также именованные королей Хорватии, правителей Сербии, князей лучан, правителей ободритов, князей Восточного Поморья и др.

Усыновление было очень распространенным явлением в династических историях в тех случаях, когда линии правящего рода угрожало угасание без наследников. Возможно, у Игоря и Ольги рождались дети и до Святослава, но они могли умирать во младенчестве – так бывает и в княжеских семьях. Видимо, когда возраст стареющей княжеской четы не оставлял уже надежды на собственное потомство, обратились к испытанному европейской традицией механизму – усыновлению подходящего кандидата из соседнего правящего рода. Разумеется, данное предположение необходимо подробно исследовать.

Итак, генезис древнерусского института княжеской власти, связанный с проблемой легитимности правителя, нельзя изучать вне категорий традиционной культуры и вне результатов развития общетеоретической мысли, согласно которым верховная власть, носящая наследственный и сакрализованный характер, появляется в недрах первобытного общества. Легитимность правителя уже с глубокой древности обосновывалась принадлежностью к системе генеалогических связей, которая обеспечивалась либо родственной связью с мужскими или женскими предками правящего рода, либо юридическим актом/ритуалом усыновления, брака и т.п. Оформление принадлежности к правящему роду было обязательным независимо от того, был ли кандидат призван в страну или явился туда как завоеватель. Доминирующие в современной исторической мысли концепции, толкующие летописные сведения о древнерусских князьях как прибытие скандинавских наемников, являются лишь реликтом целого ряда западноевропейских утопий XVI–XVIII вв. и, следовательно, сами выступают как утопический казус.

ПОЯВЛЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА «РУСЬ» В РАННИХ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Самой мощной державой раннего Средневековья являлась наследница Римской империи – Византия. Не случайно отношения с этой страной являлись приоритетными для древнерусского летописца. Они же в понимании людей того времени служили отправной точкой для возвеличивания Русского государства: именно с нападения русов на Византию летописец – точнее, одно из преданий, вошедших в Повесть временных лет (ПВЛ), - начинает отсчет начала Руси. Под датой 6360 (852) летописец указывает, что в этот год «нача прозывати Руска земля». В этот год русь совершила набег на Царьград (Константинополь), где царствовал византийский император Михаил¹. Таким образом, была сделана четкая привязка даты отсчета начала русской государственности к событиям мировой истории. Византийские источники, как, впрочем, и иные, в т.ч. и отечественные, не столько проливают свет на вопрос о происхождении и значении термина «русь», давшего название нашему Отечеству, сколько запутывают исследователей. Историки пытаются из разрозненных и противоречивых данных создать системное представление о процессах этногенеза, социогенеза и политогенеза среди восточных славян, которые привели к возникновению Древнерусского государства – «империи Рюриковичей». Но не всегда это удается. Особенно спорными выглядят построения историков-норманистов, которые изо всех сил пытаются найти норманнов в Причерноморских и Приазовских степях.

Тем не менее, византийские источники помогают взглянуть на вышеназванные процессы без того, чтобы «ломать копья» над проблемой этноса летописных варягов. Они также позволяют дать более широкое представление о ранней истории Руси.

Самый ранний византийский источник, который используется исследователями, изучающими начальный период истории России, где впервые четко обозначен народ рос – «Церковная история» Псевдо-Захария, автора VI в. В историческом произведении этого византийского (жителя Сирии) автора говорится о народе ерос (hros, рош, руш), который локализован в Северном Причерноморье. Исторические исследования этого источника строились вокруг главного вопроса, можно ли считать народ ерос (рош) исторически реальным или нет. Основания для возникновения подобного вопроса вполне понятны: «ерос», чрезвычайно похожий на «рос», которым византийцы обозначали русских, назван в числе мифических народов, которыми географы древнего мира, а вслед за ними и средних веков, населяли малоисследованные или вовсе неизученные земли. Само описание народа ерос мифично: этот народ в представлении автора имеет огромные конечности, чего не может быть в действительности. Да и окружен этот народ племенами явно вымышленными: например, амазонками. В источнике заметен переход от народов известных, которым дано вполне историческое многоаспектное описание, к народам малоизученным, а потому, по мере их удаления от территории империи, они приобретают все более фантастические черты, что было присуще античной и средневековой традиции в целом. Тем не менее, источник прямо

¹ Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.; Т. I. Лаврентьевская летопись. СПб., 1908.

указывает на существование, по крайней мере, самого слова рош/рос в византийской огласовке в период, когда о варангах в Константинополе и «не слышали». Поэтому, как отметила Н.В. Пигулевская, изучив этот источник: «если это не сказочное имя, то возможно, что в этом названии данного рослого, сильного народа следует искать имя Русь, народ, которому еще предстояло выйти на широкие исторические пути»¹.

В силу господства норманнской концепции начала Руси в отечественной и зарубежной историографии и многолетних споров норманистов и антинорманистов историографическая традиция изучения этого источника обширна, так как он выводил исследователей за рамки летописного сказания в вопросе, как минимум, возникновения термина «русь» вне его связи с призванными варягами. И норманистам, и их противникам следовало объяснить, каким образом возникновение термина «русь» (в византийской традиции – рос/рош) и народа, носящего это имя, согласуется с летописным призыванием варягов, от которых и пришло имя русь (как это общепринято в науке). Сложнее пришлось историкам-норманистам, ведь этот источник опровергал их версию возникновения термина «русь» от финского *руотси* или шведского *Рослагена*, или от шведского *rods* (гребцы). Тем не менее, норманисты, считающие народ рош исторически реальным, сумели выработать методологию решения этой проблемы: «Русь» Псевдо-Захария – это остатки германских племен (прежде всего, готов), появившихся в Причерноморье в IV в. вследствие т.н. «переселения народов». В 1903 г. немецкий востоковед Й. Маркварт связал народ hros Захария Ритора и росомонов готского историка Иордана с герулами (германским племенем), которых помещал на берегу Азовского моря и возвращение которых в Скандинавию и на датские острова стимулировало данов, а затем шведов предпринимать экспедиции по изведанным уже путям к Черному морю². Г.В. Вернадский полагал, что имя «русь-рось» существовало в Южной Руси по крайней мере с IV в. и принадлежало одному из самых значительных «аланских кланов» – рухс-асам (светлым асам), или роксоланам, и связывал с ними народ хрос Захария Ритора, а также рокасов и росомонов Иордана; изначально «рухс» могло на некоторых местных диалектах звучать как «рос», «росс» или «русь». Варяги-шведы, обосновавшись в Азовско-Северокавказском регионе с середины VIII в., также приняли название руссов от этого аланского племени³. Следовательно, делал вывод историк, основавшие государство у восточных славян норманны на юге стали называться руссами и, став господствующим среди славян слоем, перенесли этот термин на название всего Киевского государства.

В концепциях историков-антинорманистов, большей частью считающих сведения источника достоверными, а народ рош реально существовавшим и как-то связанным со славянами Поднепровья, данный источник стал одним из компонентов в их системе доказательств, во-первых, ненорманства летописных варягов и, во-вторых, что термин «русь» возник задолго до летописного призвания и никак со скандинавами не связан. А.П. Дьяконов говорил о реальном существовании народа hros и считал, что это имя является сирийской транскрипцией греческого рос (ученый также указал на автора IV в. Ефрема Сирина, в своем толковании на книгу «Бытия», сохранившемся в рукописи VI в., назвавшего росиев)⁴. Н.В. Пигулевская, в 1940-х гг. издавшая перевод хроники, предположила, что термином «хрос» в произведении Псевдо-Захария

¹ Пигулевская Н. В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник древней истории (далее – ВДИ). 1939. № 1. С. 107–115.

² Цит. по: Фомин В.В. Начальная история Руси. М., 2008. С. 56.

³ Вернадский Г.В. Древняя Русь. М., 1996. С. 127.

⁴ Дьяконов А. П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // ВДИ. 1939. № 4. С. 84–85.

обозначены анты¹. М.Ю. Браичевский считал росами Псевдо-Захария население Приазовья, являвшееся, скорее всего, частью сармато-аланского этнического массива².

Следует также отметить, что многие исследователи, прежде всего норманисты, скептически относятся к данным этого источника и считают народ ерос мифическим, а термин «рош/рос» лишь созвучным с более поздним термином «рос», которым в византийской традиции обозначали русских, и, следовательно, никакого отношения к происхождению названия Древнерусского государства не имеющим. Сама концептуальная основа памятника заставляет исследователей сомневаться в достоверности существования народа рос, обозначающего русских, в это время и в этом регионе. Так, В.Я. Петрухин считает, что существование народа рош является отражением мифологического сознания средневековых книжников, населяющих неизвестные им территории фантастическими народами-монстрами³. Возражая ему, В.В. Фомин напомнил, что: во-первых, упоминание в одном ряду с кем бы то ни было еще ничего не значит; во-вторых, характеристики, которые прилагает Псевдо-Захарий к народу рос, не являются каким-то небывалым исключением и находят параллели в известных и вполне аутентичных источниках⁴. На это же указывает Н.В. Пигулевская, подметившая тот факт, что сведения о народе hros из рассматриваемой хроники коррелируют со сведениями об антах у Прокопия Кесарийского и Маврикия Стратега. Следовательно, в хронике могло быть лишь указано на большой рост представителей народа ерос, с которыми имели дело сирийские торговцы, а затем это качество было перенесено на весь народ. Ю.Д. Акашев заметил, что, скорее всего, сам автор никогда и не встречался с росами, а знал о них понаслышке. А их внешний вид действительно поражал многих и вызывал удивление и страх даже у более поздних арабских авторов IX–Xвв. Следовательно, известия Псевдо-Захария аутентичны представлениям арабов: «Народ этот могущественный, и телосложение у них крупное, мужество большое...» (ибн Мискавейх); «Храбрость их и мужество хорошо известны, так что один из них равен целому многим из других народов. Если бы у них были лошади и они были наездниками, они были бы страшным бичом для человечества» (Шараф ал-Марвази)⁵. Б.А. Рыбаков обратил внимание на то, что и в былинах русские богатыри (например, Святогор) характеризуются примерно такими же чертами. Так что при описании росов, в самом деле отличавшихся от южных народов крупным телосложением и поражавших их воображение, в анализируемом источнике использован прием гиперболы, что не должно смущать исследователей. «Народ "рос", люди-богатыри VI в., - пишет Рыбаков, - был активным творцом новой истории Европы, начавшейся с завоевания Рима и почти полного овладения вторым Римом – Византией»⁶.

Мы не случайно отметили концептуальные основы исследования этого исторического памятника: его анализ осуществлялся с уже сложившейся точки зрения. Поэтому историки-норманисты пытались найти связи упомянутого народа рос со шведами, выстраивая гипотетические и опосредованно доказуемые теории, что неправомерно. Историки-антинорманисты склонны удревнять историю росов, выводя их, напри-

¹ Пигулевская Н.В. Указ. соч. С. 115.

² Браичевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Braich/index.php (дата обращения. 3.02.2021).

³ Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 252.

⁴ Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 154.

⁵ Акашев Ю.Д. Историко-этнические корни русского народа. М., 2000. С. 54.

⁶ Рыбаков Б.А. Анты и Киевская Русь // ВДИ. 1939. № 1. С. 319.

мер, из Библии, что также неправомерно. Именно из Библии сам термин *рош* мог попасть в хронику Захария: автор мог использовать его для обозначения какого-то незнакомого или не вполне знакомого народа, носящего схожее по звучанию самоназвание. А самоназвание народа ерос Захария вполне мог знать: именно в Сирию стекались достоверные и многочисленные сведения о народах близлежащих стран. Так как сирийцы были самыми активными торговцами в Византии, имея контакты с народами разных областей Ближнего Востока, Средиземноморья и Кавказа, то, следовательно, знали о племенах Причерноморья непосредственно или от их соседей.

Итак, в источнике за фантастической канвой могут стоять реальные факты. Например, за легендарным народом амазонок, населявших, согласно еще античной традиции, Северное Причерноморье, кроется матриархальная традиция сарматов, согласно которой женщины могли участвовать в войнах наравне с мужчинами. У нас нет прямых данных, подтверждающих, что описанный Ритором народ ерос/хрос действительно существовал. Но так же, как и за амазонками, за термином «хрос» могут стоять исторические реалии. Мы можем предполагать разные версии, но, скорее всего, речь может идти о народе, жившем в Причерноморье в VI в. Говорить о большем следует с большой осторожностью. «Церковная хроника» Псевдо-Захария позволяет лишь предположить, что в Причерноморье употреблялся термин, возможно этноним, очень похожий на тот, которым позже византийские хронисты обозначали русских. Предполагать большее – значит строить гипотетические концепции, напрямую недоказуемые. Следует также осторожно отождествлять этноним «рос» с похожим по звучанию социально-физическим обозначением рос – «пурпурный», «красный», т.е. «благородный», «богатый». В сочинениях византийских авторов (в основном, более поздних периодов) о событиях VI–VIII вв., где встречается термин, созвучный с последующим обозначением русских, нельзя быть до конца уверенным, что речь идет именно о них. Это относится и к т.н. грузинскому манускрипту, напечатанному в начале XX в. в прессе и повествующему об осаде Царьграда русами в 626 г. Манускрипт этот является очень большим сборником из 322 листов (начало и конец книги утеряны). В последней части этого сборника помещено: «Осада и штурм великого и святого града Константинополя скифами, которые суть русские». Те же события описаны в повести Феодора Синкелла (известна по старославянским рукописям XV–XVII вв. и в грузинском переводе). Текстуальное сопоставление повести об осаде Константинополя в 626 г. по старославянскому и старогрузинскому переводам приводит к мысли об их происхождении от общего греческого источника, датированного ранее 1042 г. Действительно, оба перевода восходят к оригиналу повести, написанной в VIII в. очевидцем и современником событий Феодором Синкеллом. В.Г. Васильевский считал, что повесть еще в VII в. вошла как составная часть в Пасхальную хронику.

Описывая осаду Константинополя, источники упоминают, что в 625 г. византийский император Ираклий разбил персидского царя Хозроя, но тот не пал духом, а стал собирать огромное войско. «Его главнокомандующий Сарварон склонил "русского Хагана" сделать общее нападение на Константинополь. Последний принял это предложение. Как известно, этот Хаган еще при Маврикии напал на империю, пленил однажды 12000 греков и затем потребовал по 1 драхме за человека». Таким образом, действия русского Хагана датируются по времени правления императора Маврикия (582–602). Титул «хаган» считался на Востоке примерно равным императорскому, дать его могли только вождю сильнейшего государства. Что это был за хаган и что это был за народ, которым он управлял, мы не знаем. Связывать его с киевскими русами можно лишь гипотетически. Поэтому разные историки, опираясь на один и тот

же источник, ведут речь о разных Русиях. С. Лесной считает, что речь может идти не о Киевской Руси, а о Карпатской. Лишь позднее, когда кочевники оттерли Русь от Черного моря, Киевская Русь стала приобретать первенствующее значение в Восточной Европе. Историк также считает, что о Карпатской Руси идет речь и у Захарии, а его «народ рус» следует локализовать не в Причерноморье, а в Центральной Европе¹. Иначе думает Я.Е. Боровский. Опираясь на разные источники, он доказывает, что вероятными участниками осады Константинополя в 626 г. были восточные славяне (русы) из Среднего Приднепровья, которые подошли к Царьграду по морю – на ладьях-однодеревках. Это был один из первых походов Руси на Константинополь².

Среди ранних известий о росах/руссах может быть использовано известие готского историка VI в. Иордана, описывающего события двухвековой давности, о племени «росомонов» («народе рос») в Поднепровье. Вызывает интерес фрагмент, где автор описал драматические события 370-х гг., связанные с крушением Остготского королевства (государства Германариха). В нем рассказывается о том, что готы (Иордан называет их гетами), победившие многие народы, были напуганы появлением гуннов (хуннов); те оказались «в высшей степени приспособлены к бою» и ограбили уже многие племена. Трудным положением готов тут же решил воспользоваться «неверный род Росомонов, прежде, наряду с другими, выказывавший покорность» их королю Германариху (Херманариху). И вскоре им представился «удобный случай». «Ведь после того, - пишет Иордан, - как король, движимый яростью, приказал некую женщину по имени Сунхильда из названного рода за коварный уход от мужа разорвать, привязав к свирепым лошадям и побудив (лошадей) бежать в разные стороны, ее братья Сар и Аммию, мстя за гибель сестры, ударили мечом в бок Херманариха. Получив эту рану, он влачил несчастную жизнь вследствие немощи тела». Узнав об этом, король гуннов Баламбер двинул свое войско «в край остроготов»³.

Ряд исследователей отождествляет росомонов с древними росами. Г.В. Вернадский предполагал, что этот этноним, упомянутый Иорданом, «является другой формой произношения имени роксоланы», и рассматривал его как вариант этнонима «рос, росс, или русь», проливающий, по его мнению, свет на истоки греческого «рос» и славянского «русь»⁴. Но другие историки сочли названный народ германцами. Например, В.П. Кобычев пишет: «Как можно судить по личным именам этого племени, упомянутым Иорданом, - Сунильда, Сар и Аммию, - (...) росомоны были, скорее всего, одним из восточногерманских, готских племен»⁵.

Таким образом, византийские источники (разноэтнического происхождения, но в ареале влияния империи) фиксируют появление термина «русь/рос» как этнонима в Причерноморье и на Дунае в VI в. – до появления варягов в Новгороде. Им обозначают народ малознакомый, сильный и воинственный. Остается неясным, как этот народ связан с Поднепровьем и связан ли вообще. Однако реальность его существования не подлежит сомнению. Следовательно, мы можем указать на VI в. как на дату появления термина «русь», в значении этнонима, в письменной истории.

¹ Лесной С. Русь, откуда ты? Основные проблемы истории древней Руси. Виннипег, 1964. С. 93, 95.

² Боровский Я.Е. Византийские, старославянские и старогрузинские источники о походе русов в VII в. на Царьград. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russianscity.ru/fbooks/f2.htm> (дата обращения: 3.02.2021).

³ Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1994. С. 113.

⁴ Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 127, 147.

⁵ Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М., 1973. С. 149.

НАУЧНАЯ ПОЛЕМИКА В ТРАДИЦИИ И СТИЛЕ НОРМАНИСТОВ

У варяго-русского вопроса есть бросающаяся в глаза особенность, проявляющаяся в том, что сторонники норманской теории, осознавая полнейшую зыбкость ее позиций, подменяют научную полемику бранью и приписывают оппонентам то, что им не присуще совершенно. А их стремление смотреть на прошлое своей Родины не через призму закореневших и научно несостоятельных догматов норманизма, тотально навязанного в качестве якобы бесспорного решения данного вопроса (и потому так тщательно оберегаемого), преподносят в качестве пагубного для науки патриотизма (что автоматически девальвирует и само это понятие, и великое чувство, которое оно выражает, становясь тем самым существенной причиной потрясения основ России).

Начало тому положил на самой заре XIX в. А.Л. Шлецер, который, будучи не в состоянии опровергнуть М.В. Ломоносова, с фактами на руках отвергавшего, вслед за немецкими историками первой половины XVIII столетия, норманистские измышления, рожденные в Швеции в 1614–1615 гг. с целью отторжения захваченных в годы Смуты северо-западных русских земель¹, много сил положил на то, чтобы изгнать и его, и антинорманизм из исторической науки (желая максимально опорочить давно усопшего ученого, хотя в апреле 1765 г., когда находился еще в Петербурге, рвался, по смерти нашего гения, сказать ему похвальное слово, но получил от академиков, в основном, как и сам Шлецер, выходцев из немецких земель, отказ²). С этой целью родоначальник, по оценке норманиста В.А. Мошина, данной в 1931 г., «ультранорманизма»³ настойчиво чернил его в своих мемуарах и в «Несторе», которыми затем руководствовались западноевропейские и отечественные специалисты в освещении истории Руси и характеристике ее разработчиков, представляя «совершенным невеждой во всем, что называется историческою наукою», «ничего не знавшим, кроме своих летописей» (при этом заверяя, имея в виду себя и собственные разглагольствования на любую тему, что историк должен вечно оставаться «верным истине» и стоять «выше предрассудков и страстей», ничего не умалчивать «из подлости» и ничего не искажать «из злобы»). Для Шлецера, сводившего личные счёты с тем, кто его при жизни

¹ Фомин В.В. М.В. Ломоносов и русская историческая наука // Слово о Ломоносове / Сб. статей и монографий / Сост. и ред. В.В.Фомин. М., 2012. С. 137–207; его же. Норманизм как порождение великодержавных устремлений Швеции в Смутное время // Смута как исторический и социокультурный феномен: Материалы Всероссийской научной конференции. 22–23 апреля 2013 г. М., 2013. С. 159–165; его же. Начало Руси в трудах М.В.Ломоносова // Михаил Васильевич Ломоносов. В Университете должен быть профессор политики...: Сборник материалов и исследований к 260-летию проекта М.В. Ломоносова об учреждении Московского университета. М., 2014. С. 363–405; его же. К 400-летию юбилею начала норманской теории // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика. Вып. 2. М., 2015. С. 229–248; его же. Новгород в планах Швеции в Смутное время // Ключевские чтения – 2016. Образ и смысл Победы в российской истории: Сборник / Отв. ред. В.Е. Воронин. М., 2017. С. 69–79.

² Иконников В.С. Август Людвиг Шлецер. Историко-биографический очерк. Киев, 1911. С. 27.

³ Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий / Сост. и ред. В.В.Фомин. М., 2010. С. 24, 26–27, 33–35, 40, 44, 70.

всегда ставил на место, но теперь не мог ответить, Ломоносов «даже по имени не знал *исторической критики*», что «об *ученом* историке он вовсе не имел понятия», что «всю свою жизнь так мало слышал об *ученой* этимологии, как матрос о логарифмах», ибо в языке, как и в истории, «был чистый натуралист» (однако тут же признавал правоту критики Ломоносова производства им, обуреваемым идеей особой миссии германцев в истории, русского слова «князь» от немецкого «Knecht» – холоп), что он препятствовал изданию Повести временных лет (ПВЛ) и «Истории Российской с самых древнейших времен» В.Н. Татищева (так как хотел напечатать свой «Краткий Российский летописец»), «дones двору» об оскорбляющей «честь государства» речи Г.Ф. Миллера, был полон «грубого злословия (...) варварской гордости», тщеславия и «страшного гнева» против Шлецера (его критика в тот же адрес есть «ругательства», «невероятное невежество», «нагая бессмыслица»), что он клеветник, кляузник, пьяница, дикарь, «полуученый, но все еще полуварвар», внушал, обвиняя его в несвойственном русскому человеку национализме, что «русский Ломоносов был отъявленный ненавистник, даже преследователь всех нерусских», что и «Русскую грамматику» Шлецера он отверг по той лишь причине, что ее осмелился написать иностранец (свой же национализм немецкий исследователь не скрывал, говоря, что «так мало понимал меня даже ученый немец Миллер (...) Чего же было ждать от Ломоносова?»).

Столь же бесцеремонно и уничижительно (и здесь все то же чувство превосходства немца и западноевропейца) Шлецер вел речь и о других русских историках, которые не приняли норманизм (точнее, наговаривал на них): они, выдавая «варягов за славян, пруссов или финнов», не могут понять «ученое историческое доказательство» их принадлежности к скандинавам (хотя, а эти слова с той поры стали очень важным «аргументом» в устах его последователей, «*ни один ученый историк в этом не сомневается*»), ибо среди них «нет ни одного *ученого историка*», потому как они есть «монахи, писаря, люди без всяких научных сведений, которые читали только свои летописи, не зная, что и вне России тоже существует история, не зная кроме своего родного языка ни одного иностранного, ни немецкого, ни французского, еще более латинского и греческого» (отсюда и «плачевны результаты» их деятельности), увидел в глубоких размышлениях Татищева (называя его «учеником в истории», который «совершенно был неучен») о прошлом Восточной Европы до IX в. «татищевские бредни», в целом всех их обвинил в патриотизме, убившем в них историка¹.

Подобный тон в разговоре об оппонентах, громко звучавшем и за пределами науки (например, на страницах популярных «толстых» журналов), стал правилом для норманистов. Прежде всего в отношении Ломоносова и его исторических трудов, которые воспринимались как первооснова антинорманизма. Это отношение дореволюционных норманистов суммарно и емко выразили в 1894 и 1911 гг. Е.А. Соловьев и М.В. Войцехович. Согласно первому, он с «бубнами и литаврами» все свел в русской истории «главным образом к красоте описания и восхвалению прошлого», что «о достоверности Ломоносов не заботился», что его «героические поэмы, называвшиеся "русской историей"», «проникнуты одной и той же вполне определенной идеей, -

¹ Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. СПб., 1875. С. 3, 26, 30, 48, 51–56, 70–71, 73, 153–155, 164, 187, 192–231, 238, 241, 244, 272–273, 460–461, 464–465; Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. СПб., 1809. С. 2–3, XV–XVII, XXIX–XXXI, 50, 67, 303, 391–392, 418–419, 429–430, 433, прим. ** на с. 325; Фомин В.В. М.В. Ломоносов-историк глазами Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлецера // Ключевские чтения – 2014. Россия и русский мир перед лицом глобальных угроз: Материалы Всероссийской научной конференции. Сборник научных трудов / Отв. ред. В.Е. Воронин. М., 2015. С. 94–102. Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит авторам.

именно, что русский народ велик и что величие его создано самодержавством». Второй с жаром расписывал, как жертвой «патриотического усердия» Ломоносова стал Миллер, «диссертация» которого «подверглась настоящему разгрому со стороны неистового академика», причем если Миллер пытался научно разрешить историю первых веков русской истории, то Ломоносов защищал «совершенно противоположную точку зрения не по соображениям научным, а национально-патриотическим»¹.

Со своими современниками-антинорманистами норманисты той поры также ничуточки не церемонились. Известный чешский ученый П.И. Шафарик, авторитет которого в области славянских древностей был тогда огромен, в 1837 г. утверждал, что сторонники норманской теории («усиленным трудом») доказали справедливость своих позиций «основательными и разительными доводами, достаточными для опытного и беспристрастного судии, а недостаточными только для невежд или предубежденных ценителей». «Невежами» именовал в 1846 г. несогласных с той же теорией М.П. Погодин, буквально все на Руси приписавший скандинавам и даже открывший «первый период русской истории» – «норманский», охватывающий собой годы от призвания варягов до смерти Ярослава Мудрого (в 1851 г. Погодин за «желание»/«упорство» «видеть везде только одних» норманнов подвергся резкой критике со стороны своего ученика-норманиста С.М. Соловьева, позже В.А. Мошин отнес его к «наиболее выразительным представителям ультранорманизма»). В 1837 г. Н.И. Надеждин теорию покойного к тому времени немецко-русского историка Г. Эверса, отказавшегося «востать» против норманизма, после Шлецера получившего «каноническую несомненность», охарактеризовал как «ересь неслыханного сумасбродства»².

В 1845 г. критик и публицист В.Г. Белинский (счищавший, по его же словам, с «расейской» публики грязь), неистово бичуя «надуто-реторический патриотизм» Ломоносова, обнаружившего в истории с речью Миллера «истинно славянские понятия о свободе ученого исследования», столь же уничижительно говорил о его последователях – русских Н.В. Савельева-Ростиславиче и Ф.Л. Морошкине, русине Ю.И. Венелине и немце Г. Эверсе, этих «самозванных патриотах», которые «ложным» и «мнимым патриотизмом прикрывают свою ограниченность и свое невежество и восстают против всякого успеха мысли и знания», фанатично ненавидят немцев и отрицают их заслуги в разработке русской истории³.

Как заметил в 1876 г. антинорманист И.А. Забелин, «всякое пререкание даже со стороны немецких ученых почиталось ересью, а русских пререкателей норманисты прямо обзывали журнальною неучью и их сочинения именовали бреднями». На такую ненормальную ситуацию для науки, позволявшей норманистам вводить в заблуждение российское общество по поводу жизненно важного для него вопроса собственного же начала и беззастенчиво шельмовать и травить своих оппонентов, обра-

¹ Соловьев Е.А. Карамзин // Библиотека Флорентия Павленкова. Биографическая серия. Т. 2. Челябинск, 1997. С. 58–63, 65; Войцехович М.В. Ломоносов как историк // Памяти М.В. Ломоносова / Сб. статей к двухсотлетию со дня рождения Ломоносова. СПб., 1911. С. 63–65, 71–75, 81–82. См. об этом подробнее: Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006. С. 11–99; его же. Ломоносовофобия российских норманистов // Варяго-русский вопрос в историографии. С. 204–270.

² Шафарик П.И. Славянские древности. Т. II. Кн. 1. М., 1848. С. 112, 116; Надеждин Н.И. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения. Т. XX. СПб., 1837. С. 108; Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Норманский период. Т. 3. М., 1846. С. 296, прим. 700; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1993. С. 9, 250–253, прим. 434, 435, 437 к т. 1; Мошин В.А. Указ. соч. С. 33.

³ Белинский В.Г. Славянский сборник Н.В. Савельева-Ростиславича. СПб., 1845 // Его же. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 7. М., 1981. С. 366–395.

щали внимание даже те исследователи, которые видели в варягах скандинавов. «Всякий, - констатировал в 1877 г. И.И. Первольф, - кто не верил в норманскую гипотезу, в скандинавское происхождение варягов и руси, прослыл за еретика». Языковед И.И. Срезневский, в 1878 г. восхищаясь монографией антинорманиста С.А. Гедеонова «Варяги и Русь», отметил среди важных качеств ученого его решимость «бороться с такими силами, которых значение окрепло не только их внутренней стойкостью, но и общим уважением». В 1899 г. антинорманист Н.П. Загоскин дал исчерпывающую характеристику возможностям этих сил, монополизировавших в науке право на истину и агрессивно ограждавших свою монополию даже от самой незначительной критики. Вплоть до второй половины XIX в., указывал он, поднимать голос против норманизма «считалось дерзостью, признаком невежественности и отсутствия эрудиции, объявлялось почти святотатством. Насмешки и упреки в вандализме устремлялись на головы лиц, которые позволили себе протестовать против учения норманизма. Это был какой-то научный террор, с которым было очень трудно бороться»¹. И этот научный террор не знал пощады ни к великому Ломоносову, ни к его сторонникам, ни к мертвым, ни к живым. А.А. Куник в 1875 г. высокомерно-пренебрежительно (а это есть неувыдаемый стиль норманистов в разговоре о научных противниках) отозвался о Д.И. Иловайском как ученом, «быстро снискавшем» своими разработками начальной истории Руси «авторитет в обширном кругу маловедущих людей», заявлял об отсутствии у него «методического разбора источников» и о его поверхностном знакомстве с историографией варяго-русского вопроса, отнес его к «представителям "ненаучной филологии"». В 1903 г. в «Большой энциклопедии» под редакцией либерального народника С.Н. Южакова и будущего кадета П.Н. Милюкова констатировалось, что его работы «не признаны строгой исторической критикой», что он не находится «на высоте современной исторической науки» и что его учебники составлены «без достаточного знания исторических фактов и их объяснения». В 2001 г. И.В. Бабич подчеркнула, что неприятие политических взглядов Иловайского «"образованное общество" конца XIX в.» «механически перенесло на его труды», что «эти настроения выразились в настоящем "походе" на Иловайского, развернутом на страницах толстых журналов» по случаю выхода в 1890 г. третьего тома «Истории России» (причем «особенно резкими были статьи П.В. Безобразова и В.Н. Сторожева», которые, желая дискредитировать историка, обвиняли его «в научной несамостоятельности», а А.А. Кизеветтер, еще начинающий исследователь, вел речь об отсутствии у него «научного чутья»), что на рубеже XIX–XX вв. в глазах образованного общества Иловайский «стал синонимом историка-ретрограда, погрязшего в маловажных мелочах. Об этом писали С.Ф. Платонов и В.И. Ульянов (Ленин), А.И. Деникин и В.В. Маяковский»².

Иначе отзывались об Иловайском норманисты, также его современники, но более старшие и более искушенные в проблемах, тонкостях и перспективах как развития самой исторической науки, так и разработки варяго-русского вопроса. Так, А.Н. Пыпин в 1876 г. говорил, весьма критически рассматривая вышедшие в том же году

¹ Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. С. 88; Первольф И.И. Варяги-Русь и балтийские славяне // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). Ч. 192. СПб., 1877. С. 39; Срезневский И.И. Замечания о книге С.А.Гедеонова «Варяги и Русь». СПб., 1878. С. 1; Загоскин Н.П. История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. Т. 1. Казань, 1899. С. 336.

² Дополнения А.А. Куника // Дорн Б. Каспий. СПб., 1875. С. 631–633, 689; Большая энциклопедия. Т.10. СПб., 1903. С. 43; Бабич И.В. Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920) // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 258, 262–263.

«Разыскания о начале Руси» Иловайского, что «некоторые его замечания не могут быть обойдены в дальнейших изысканиях и, вероятно, окажутся очень справедливыми», что он «справедливо указывает недостаточность и натянутость многих толкований норманской теории», что не лишены вероятности его предположения «о давней связи киевской Руси с азовским краем» (Иловайский доказывал, что в первой половине IX в. на Таманском полуострове существовала Азовско-Черноморская Русь). В 1877 г. И.И. Первольф в целом охарактеризовал его сочинения как «прекрасные исторические работы» (но которым вредит его «способ этимологизирования»). Тогда и позже В.О. Ключевский отмечал, что если принять выводы Иловайского, то «мы освобождаемся от массы противоречий, неясностей и неразрешимых вопросов, которыми наполнили первые страницы нашей истории Погодин и его предшественники»¹.

Следует привести и заключение лучшего знатока историографии варяго-русского вопроса и сторонника норманства варягов В.А. Мошина, подчеркнувшего в 1931 г., что эпитет «дилетант» «нельзя приложить и к Иловайскому, филологические доказательства которого действительно слабы, но который в области чисто исторических построений руководился строго научными методами, и доказал свою большую эрудицию в русской истории прекрасным трудом "История России"», что некоторые его открытия, «осветив по новому различные моменты древнейшей истории Руси, получили всеобщее признание, и заставили даже наиболее упорных его противников внести в свои конструкции необходимые корректуры», что «некоторые из его тезисов (напр., существование Черноморской Руси в IX–X-м веке) были приняты и учеными противоположного направления» (причем Мошин указал, что «патриотический элемент не имел в развитии вопроса (...) решающего значения»)².

С конца 1930-х гг. в нашей науке установилась безраздельная монополия «советского антинорманизма», который, признавая ненаучными и норманизм, и антинорманизм дореволюционного времени, так как они не соответствовали марксистской концепции образования Древнерусского государства, вместе с тем самым решительным образом отстаивал именно норманство варягов (только отрицая, а к этому и сводился в основном весь «антинорманизм» советских ученых, их участие в складывании русской государственности). А очень высоко отзываясь о М.В. Ломоносове как историке (но при этом принижая значение в том же качестве немцев Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлецера), тут же уверял, что он глубоко ошибался, отрицая скандинавскую природу варягов и первых русских князей³.

Отсюда и приговор «советского антинорманизма», бывшего на деле норманизмом, «прошитою» цитатами классиков марксизма и потому особенно укрепившегося в науке (чему также способствовали массовые публикации археологов, выдававших очень большое число артефактов за скандинавские и на этом основании говоривших о присутствии большого числа скандинавов на Руси, из чего постепенно прорастал тезис о их весьма важной роли в ее истории)⁴, истинным антинорманистам, вынесен-

¹ Пыпин А.Н. Новые опыты построения русской истории // Вестник Европы. Т. IV. Кн. 8. 1876. С. 707–708; Первольф И.И. Указ. соч. С. 91, прим. 1; Ключевский В.О. наброски по «варяжскому вопросу» // Его же. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 116–117. См. также: Фомин В.В. Дореволюционные антинорманисты глазами «советских антинорманистов» // Гуманитарные исследования Центральной России. № 1(10). 2019. С. 85–94.

² Мошин В.А. Указ. соч. С. 14–16, 46.

³ См. об этом подробнее: Фомин В.В. Ломоносов. С. 100–152; его же. Ломоносовофобия... С. 270–288.

⁴ См. об этом подробнее: Фомин В.В. Норманистская сущность «советского антинорманизма». Ч. 1 // Исторический формат. 2018. № 3–4. С. 98–164; Ч. 2 // Там же. 2019. № 1. С. 60–97.

ный в 1983 г. И.П. Шаскольским: «Многие антинорманисты XVIII–XIX вв. (Ломоносов, Гедеонов и др.) ясно сознавали скрытую антирусскую направленность норманистской концепции и откровенно заявляли, что они выступают против норманизма из патриотических соображений» (но ни русские М.В. Ломоносов и С.А. Гедеонов, ни «др.» – хотя бы немцы Г. Эверс и И.Г. Нейман, швед Г.А. Розенкамф, евреи Д.А. Хвольсон и А.Я. Гаркави – не говорили ничего подобного ни словом, ни намеком).

Поэтому, как объяснял в стиле Шлецера один из теоретиков и лидеров «советского антинорманизма», дореволюционные антинорманисты выступали против норманской теории «не из научных позиций, а из соображений дворянско-буржуазного патриотизма и (Иловайский, Грушевский) национализма», что их построения носили «любительский, дилетантский характер, не основывались на серьезном изучении источников, а наоборот – исходили из представления о возможности произвольно приспособлять показания источников к любым домыслам и догадкам»¹ (отрицательное отношение к истинным антинорманистам дополнительно навязывалось ярлыками, которые были наполнены негативным содержанием и которые на них щедро навешивали еще дореволюционные норманисты, часть которых – влиятельные и крикливые «милюковы», – позиционировала себя в качестве борцов с «проклятым и кровавым монархизмом», проявлением которого они считали патриотизм. Так, «советские антинорманисты» рассматривали Д.И. Иловайского как представителя «дворянско-монархического охранительного направления историографии, поддерживаемого и внедряемого правительством», И.Е. Забелина – как монархиста и консерватора²).

Сегодняшние оценки норманистов, высказываемые в адрес своих научных противников и в первую очередь Ломоносова, по сути, также калькируют слова Шлецера. Примером тому – позиции археологов (причем излагаемые ими в той же раздраженной и издевательской манере), ибо их построения не находят подтверждения в письменных источниках, на которые как раз и опирался Ломоносов (вот почему они и выводят эти источники из познавательного процесса, возводя в абсолют археологический материал, предвзято преподнося его в качестве скандинавского и потому заполняя русскую историю массами скандинавов, якобы варягов. А для придания своим выводам видимости объективности иллюстрируют их, без источниковедческого анализа, цитатами из ПВЛ, которая на протяжении длительного периода, с 859 по 1036 г. включительно, много говорит о варягах, но при этом нигде не называет их этноса). Так, в 1995 и 2004 гг. А.А. Формозов (по характеристике его ученика С.П. Щавелева, «правдолюбец», борец «за русскую культуру, за гуманизм, за научную истину», да и сам он убеждал, что «точка отсчета у меня всюду одна – морально-этическая, если хотите, солженицынская»), соглашаясь с мнением В.Г. Белинского в отношении исторических воззрений Ломоносова, огласил следующие пункты своего абсолютного неприятия его как историка: он не владел «методами критики источников, выработанными уже к этому времени за рубежом», его представления «о начале русской истории отвечали уровню полуученых-полудилетантских изысканий его времени», для него «характерна старая донаучная манера составления истории», он «сознательно творил миф» и в «Древней Российской истории», написанной по желанию императрицы Елизаветы, отличавшейся «редким невежеством» (В.О. Ключевский, заметим, характеризовал «дщерь Петрову» коротко и емко как «умная»), не анализировал факты,

¹ Шаскольский И.П. Антинорманизм и его судьбы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7. Л., 1983. С. 37, 41–42, 49.

² Сахаров А.Н. Забелин Иван Егорович (1820–1908) // Историки России. С. 202; Бабич И.В. Указ. соч. С. 258.

а создал панегирическую речь «с двумя заранее заданными тезисами: глубокая древность россиян и громкие успехи их князей и царей».

Для Формозова Ломоносов есть «дипломированный функционер», готовый «превратить историческую науку в служанку государства, не сознавая, видимо, что в таком случае о науке как таковой говорить не приходится» (считал историю не одной «из областей познания реального мира», а разновидностью риторики, обслуживающей «заранее заданные тезисы о величии и древности предков русского народа»), что он Миллера, «специалиста высокого класса», несшего «в Россию строгую науку», опиравшегося «на критику источников» и пытавшегося, «отбросив легенды, установить точные факты», стремился скомпрометировать с политической стороны, что борьбу с ним Ломоносов «продолжал до конца своих дней», выступая, например, против напечатания его «Истории Сибири» – «сводки, поразительной по богатству материалов»¹ (хотя среди «неутомимых в преследовании» историографа, затягивавших издание этого сочинения, П.П. Пекарский и С.М. Соловьев называли И.Д. Шумахера и Г.Н. Теплова, но не Ломоносова. В 1999 г. и Ю.Х. Копелевич отметила, что во многом именно Шумахер замедлял работу Миллера над «Историей Сибири»²).

В 2009–2010 гг. Л.С. Клейн вел речь о безосновательных «крикливых ультрапатриотических эскападах Ломоносова», о низкой оценке его трудов («Древнейшая Российская история», в которой «подбор источников скудный и неудачный», есть «скорее политическое сочинение, чем исследование»), что он «искал в истории прежде всего основу для патриотических настроений и полагал, что русскую историю должен излагать "природный россиянин"», что с русскими летописями он не работал (однако А.Л. Шлецер, помнится, говорит обратное), что некоторые его аргументы «совсем плохо вязались с фактами, даже если судить с точки зрения требований науки того времени», что «Ломоносов написал совершенно фантастическую, но лестную для России историю», что он, выступив против речи Миллера, выступил «против оскорбления патриотических чувств», по причине чего, «стремясь парализовать противников», «использовал в борьбе не только научные опровержения, но чисто политические обвинения», что «был предвзятым и потому никудышным историком, стремился подладить историю к политике и карьерным соображениям, и в их споре был, несмотря на частные ошибки, несомненно, кругом прав Миллер». Гневную филиппику в адрес одного из создателей русской науки, в т.ч. исторической, про выдающегося ученого, заслуги которого чтит мировая наука, Клейн завершал словами: «...Нам теперь издалека очень хорошо видно», что немецкие академики Байер, Миллер, Шлецер, открывшие «значительное участие скандинавских германцев (норманнов) в создании русского государства», «блуждали пользу науки, а Ломоносов мешал ей»³.

¹ Ключевский В.О. Полный курс лекций // Его же. Русская история. В 5 т. Т. III. М., 2001. С. 208; Формозов А.А. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995. С. 9–11, 14, 16–28; его же. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004. С. 10, 15–20, 25; Щавелев С.П. Дань Мнемозине. Рецензии и отзывы на издания и рукописи 1990–2000-х гг. по историографии отечественной истории и археологии. В 2-х кн. Кн. 1. Курск, 2013. С. 119; Кн. 2. Курск, 2013. С. 224–226, 232–233, 244, 246–254, 465.

² Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 353–354, 405–407; Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 12. Т. 23–24. М., 1998. С. 283–284, 287; Копелевич Ю.Х. Г.Ф. Миллер и Петербургская Академия наук // Немцы в России: Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 480.

³ Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. С. 15–25, 89, 239–240, 250–255, 258; его же. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010. С. 136–138, 614.

В этом ключе ведется разговор и о других истинных антинорманистах, к которым стараются «намертво» привязать «советских антинорманистов». Делая это и в силу непонимания его норманистской сущности, и преднамеренно, чтобы модным среди интеллигенции и в 90-е гг., и сейчас антисоветизмом, когда все советское преподносится как страшное пугало, дискредитировать мнимым антинорманизмом – «советским» – антинорманизм настоящий и тем самым представить норманизм в виде незыблемой истины, якобы также гонимой, наряду с другими истинами, в советскую эпоху. Той истины, которую в 1997 г. археолог А.А. Хлезов преподнес в качестве восторжествовавшего в науке «взвешенного и объективного норманизма» (ибо Юрий, по ПВЛ, «однозначно скандинав, что не мешало ему способствовать идее величия основанного им государства»), а историк А.С. Кан в 1999 г. – в качестве «научного, т.е. умеренного норманизма» (подчеркнув, что «так почти трехвековой спор нашел свое научное разрешение, избавившись от идеологических заданий и шор»)¹.

Суть «взвешенно-объективно-научно-умеренного» норманизма в полной мере характеризуют сами его адепты, когда они, не стесняясь в выражениях, отзываются об оппонентах. Так, в 1993 г. директор Института российской истории РАН А.П. Новосельцев утверждал, что теория С.А. Геденова о тождестве варягов с южнобалтийскими славянами «ни одним серьезным ученым не была принята», что «посредственностью» Д.И. Иловайский «очень вольно обращался с фактами», что «прекрасный знаток источников» датский лингвист А. Стендер-Петерсен, доказавший северное происхождение названия «Русь» и скандинавскую природу имен первых русских князей, «глубоко уважал Россию, русский народ, его прошлое» (так, он «отрицал мнение, будто скандинавы в IX–X вв. были выше по уровню культуры, чем славяне»), что происхождение термина «Русь» и династии киевских князей – второстепенные вопросы, навязанные науке «патриотами» («ведь носят же французы этноним, происходящий от германского племени франков, а славяне – болгары – тюркское наименование!») - взывал он в духе речи-«диссертации» Г.Ф. Миллера, в 1749–1750 гг. отвергнутой как ненаучная не только русским М.В. Ломоносовым, но немцами И.Э. Фишером и Ф.Г. Штрубе де Пирмонтом). При этом ученый подчеркивал, в свойственной для норманистов манере приписывая ПВЛ то, чего в ней нет: «К чести летописца XII в. надо признать, что его не оскорбляло скандинавское происхождение киевской династии (...) Летописца нельзя обвинять в норманизме за то, что он считал фактом привнесения государственности славянам из Скандинавии (...) хотя он был киевским патриотом». Вместе с тем Новосельцев предельно резкой критике, отступающей от норм науки и приличия, подверг творчество («фантазии») Б.А. Рыбакова, его борьбу с «мифическим норманизмом», якобы и ныне подрывающем «устой нашей исторической науки», говорил о его «примитивном патриотизме», «который сродни обычному шовинизму» (что, как отмечал автор этих строк в 2006 г., больше напоминало сведение старых счетов. А именно за то, что в 1982 г. Рыбаков поставил низкую оценку «источниковедческой добротности» построений востоковедов А.П. Новосельцева и Т.М. Калининой: «...Они все же остались под гипнозом норманистических построений в своих основных выводах», возвращают «науку на давние позиции норманизма, опровергая все то новое, что в свое время разрушило построения норманистов»)². В данном случае необходимо сказать о том, о чем умолчал Новосельцев: Стендер-

¹ Хлезов А.А. *Норманская проблема в отечественной исторической науке*. СПб., 1997. С. 4, 91; Кан А.С. *Швеция и Россия в прошлом и настоящем*. М., 1999. С. 50.

² Новосельцев А.П. «Мир истории» или миф истории? // *Вопросы истории*. 1993. № 1. С. 23–31; Фомин В.В. *Ломоносов*. С. 154.

Петерсен отстаивал теорию массовой шведской колонизации – «с незапамятных времен» – Русь, в ходе которой сначала возникла доисторическая русь: «das schwedische Ruotsi – oder Rus'-volk», а затем «норманно-русское государство», в котором весь высший слой – князья, дружинники, управленческий аппарат, купцы – состоял исключительно из скандинавов и в котором в XI в. был создан «особый смешанный варяго-русский язык». Как в целом подытоживал датчанин, в «растительной» жизни восточных славян в IX–X вв. произошла, вызванная мощными внешними импульсами, «своеобразная революция», пробудившая их к быстрому культурному развитию и к их вовлечению в мировую торговлю. Носителями этих импульсов были норманны, своей деятельностью создавшие мощную Киевскую державу, в которой они составляли самый верхний слой общества¹. Умолчал Новосельцев и о той высокой оценке, которые дали труду Гедеонова норманисты М.П. Погодин, А.А. Куник, Н.П. Ламбин. Как констатировал в 1874 г. последний, «доселе никто из протестовавших не выступил против» норманизма «так решительно, с такою силою, с таким запасом учености, как г. Гедеонов (...) Он, можно сказать, разгромил эту победоносную доселе теорию, созданную трудами целого ряда ученых; по крайней мере, расшатал ее так, что в прежнем виде она уже не может быть восстановлена». Солидаризируясь с его приговором этой теории, историк сам уже говорит о ее «несостоятельности» и признает, что она доходит «до выводов и заключений, явно невозможных, - до крайностей, резко расходящихся с историческою действительностью. И вот почему ею нельзя довольствоваться! Вот почему она вызывала и вызывает протест!»².

За Новосельцевым на антинорманистов лавиной, словно из ящика Пандоры, посыпались, сопровождаемые нелестными эпитетами, число которых росло на глазах, обвинения в их научной несостоятельности. В 1994 г. Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин навесили на концепцию А.Г. Кузьмина ярлык «изолированного историографического казуса»³. В 1994, 1999, 2001, 2010, 2012 и 2016 гг. Е.В. Пчелов утверждал: антинорманистами движет «весьма странное» понимание патриотизма, когда считают (норманисты приписывают оппонентам разного рода несурезности, затем их перед читателем «обоснованно» опровергая), что «присутствие иноземцев на Руси и неславянское происхождение правящей династии ущемляют чувство национального достоинства русских, показывают их неспособность к самостоятельной самоорганизации», что Д.И. Иловайский, придерживаясь «крайне правых, консервативных убеждений», проводил «"патриотический" взгляд на русскую историю», что этот «ультрапатриоти-

¹ Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934. S. 48–49, 52–53, 56, 62; idem. Varangica. Aarhus, 1953. P. 17–18, 42–83, 89–113, 115–138, 140, 241–262; idem. Anthology of Old Russian Literature. New York, 1954. P. 8–22, note c на p. 15; idem. Varägerspørgsmålet // Viking. Bd. XXIII. Oslo, 1959. S. 43–55; idem. Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen // X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. Roma 4–11 Settembre 1955. Relazioni. Vol. III. Roma, 1955. P. 167–168, 174–188; idem. Der älteste russische Staat // Historische Zeitschrift. Bd. 191. H. 1. München, 1960. S. 1, 3–4, 8–17; Стендер-Петерсен А. Ответ на замечания В.В. Похлебкина и В.Б. Вилинбахова // Kuml. 1960. Aarhus, 1960. S. 144–152; Похлебкин В.В., Вилинбахов В.Б. Несколько слов по поводу гипотезы проф. А. Стендер-Петерсена // Idem. С. 132–134; Вилинбахов В.Б. Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена // Скандинавский сборник. Вып. VI. Таллин, 1963. С.323–336; Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965. С.25–26, 31–34, 51, 59–68, 144; 182–206, 209, прим. 230 на с. 153.

² Ламбин Н. Источник летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. Ч. CLXXXIII. № 6. СПб., 1874. С. 228, 238–239.

³ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI вв.: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56.

ческий настрой особенно был характерен для советской исторической науки» с ее «воинствующим» и «примитивным» антинорманизмом, когда «говорить не то что о влиянии скандинавов, но даже об их присутствии на Руси в древнейший период было невозможно (да только и делали, что говорили и говорили, заставив быть норманистами, чего не знала дореволюционная эпоха, всех ученых, за исключением единиц: В.Б. Вилинбахова, А.Г. Кузьмина, Н.С. Трухачева. – В.Ф.). А страшный ярлык "норманиста" мог перечеркнуть всю деятельность ученого».

Однако, уверяет Пчелов, «в настоящее время околонорманистские споры просто потеряли всякий смысл». И потому он, причисляя себя к «академическому сообществу» (а по такой громкой самооценке, звучавшей у А.Л. Шлещера 200 лет назад как «*ни один ученый историк в этом не сомневается*», сразу же узнаешь норманиста), отнес антинорманистов, с их «псевдонаучными рассуждениями», к «околонаучным кругам» и «ура-патриотам от истории», пытающимся сейчас возродить «довольно примитивный "антинорманизм" второй половины XIX в.» и реанимировать «давно отвергнутые наукой идеи и взгляды»¹ (подобные рассуждения смотрятся весьма комично на фоне «открытий» автора, приведших к появлению у наших князей, включая Рюрика, множества скандинавских «родственников». Оценку таким открытиям «профессионала в области исторической генеалогии» дал украинский ученый П.П. Толочко, который в 2013 г. заключил, что разглагольствования археолога К.А. Михайлова «о многочисленных родственниках Игоря и Святослава, снабженные ссылкой на Е.В. Пчелова, а не на летопись, не могут быть приняты в качестве аргумента»²).

В 1994 и 1997 гг. А.А. Хлевов, уверяя, что антинорманизм почти всегда был «следствием отнюдь не анализа источников, а результатом предвзятой идеологической установки», критиковал «государственный антинорманизм» 1951–1965 гг., являвшийся «государственной идеологией» (и видел в нем смягченную и адаптированную форму ломоносовского антинорманизма, «возродившегося на ниве борьбы с космополитизмом и "холодной войны" со странами Запада»). А насколько не сомневавшегося в норманстве варягов советского археолога Д.А. Авдусина увенчал (именуя его, воскрешая лексику дореволюционных норманистов, «варягоборцем»), «лаврами патриарха отечественного послевоенного антинорманизма»³. В 1995 г. некто К. Иванов на страницах журнала «Родина» говорил, по норманистской привычке возводя полнейшую напраслину на летописцев, что норманисты разделяют «*основной вывод Нестора о варяжском (норманском) происхождении древних русов*», тогда как антинорманисты категорически его отвергают, что теории о нескандинавском происхождении слова «русь», включая южнобалтийскую, основаны «на достаточно вольном толковании весьма противоречивых письменных источников» и (а тут следовало указание на «главную» самозваную науку в трактовке варяго-русского вопроса, с самого своего возникновения в России пораженную норманизмом) «не имеют каких-либо

¹ Пчелов Е.В. Легендарная и начальная генеалогия Рюриковичей // Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 2(46). М., 1994. С. 27; его же. Предки Рюрика Ютландского // Россия в IX–XX вв. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 367; его же. Рюриковичи: история династии. М., 2001. С. 7, 18–20; его же. Рюрик. М., 2010. С. 5, 94–95, 98–99, 103–110, 112–114, 204; его же. Рюрик и начало Руси. М., 2012. С. 4–8, 16–20; его же. Рец. на: Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Институт всеобщей истории РАН. Под общ. ред. Е.А. Мельниковой, В.Я.Петрухина. М.: Ладомир, 2014. 992 с. // Российская история (далее – РИ). 2016. №1. С. 170.

² Толочко П.П. Ранняя Русь: история и археология. СПб., 2013. С. 184.

³ Хлевов А.А. Норманская проблема в свете археологических источников. Автореф. дис. ... к.и.н. СПб., 1994. С. 18–19; его же. Норманская проблема в отечественной... С. 35–36, 63–68.

серьезных доказательств в археологической науке, а потому вряд ли могут рассматриваться иначе, чем просто интересные предположения и гипотезы»¹.

В 1997, 2000 и 2007, 2009 и 2011 гг. Е.А. Мельникова, разумеется, от имени «академического сообщества», вела речь о том, что в 1940–1950-е гг. сталинская борьба с космополитами вызвала «к жизни бурный всплеск антинорманизма», что «где-то в 2001–2002-м году вновь опять начался всплеск антинорманизма, причем примитивного, основывающегося на работах середины XIX в.» (антинорманизм возродился «в его "гедеоновском" варианте»)), где доминируют «патриотические мотивы», «как доминировали они в XVIII веке в полемике Михайлы Ломоносова с немецкими историками, в середине XIX века – в годы подъема славянофильства, в середине XX – в условиях сталинской борьбы с "космополитами"». Этот всплеск она объясняла тем, что после распада СССР «гордиться стало нечем, комплекс победителя сменился комплексом побежденного, старая система ценностей оказалась ложной», и «одним из ответов на идеологический дефицит» стало «возрождение антинорманизма», которое спровоцировала администрация президента («это чисто политический заказ»). И в качестве примера тому привела «нашумевшую "антинорманистскую" конференцию "Рюриковичи и российская государственность", которую некоторые историки считают патриотической пиар-акцией Кремля» (состоявшаяся в Калининграде в 2002 г. Международная конференция была посвящена 1140-летию призвания варягов на Русь. Горячилась же радеющая «за свободу слова в науке», но только норманистского, Мельникова потому, что из более тридцати докладов и выступлений, три были сделаны – А.Н. Сахаровым / Н.М. Рогожиным, А.Г. Кузьминым, В.В. Фоминым – с позиций антинорманизма, что для нее, уверовавшей в незыблемую победу «взвешенного и объективного норманизма», стало, как это видно, непреходящим шоком). В конечном итоге Мельникова обвинила сегодняшних сторонников антинорманизма, по ее оценке, «мифотворцев», в «немцененависти на новый лад»².

В 1998, 2000–2001, 2008–2009 и 2011 гг. В.Я. Петрухин внушал читателю, что труды представителей «кондового антинорманизма» не имеют научного интереса, охарактеризовал Гедеонова, о котором с глубоким уважением отзывались выдающиеся норманисты XIX в., как «любителя российских древностей» и обвинил его в научной нечистоплотности: «Дело доходит до прямых мистификаций: так, Ипатьевской летописи приписывается фраза, повествующая о неких сербских князьях "съ кашуб, от помория Варязкаго, от Старого града за Кгданьском"», ибо «ничего подобного в Ипатьевской летописи нет» (однако в Ермолаевском списке летописи издания 1843 г., которым пользовался историк, эти слова может спокойно найти и прочитать. Приведены они и в издании 1908 г. в разделе: «Приложение. Разночтения из Ермолаевского списка»). Вместе с тем он утверждал, что построения Иловайского, подхваченные советскими учеными, «признавались одиозными уже в дореволюционную эпоху», что в послевоенный период велась борьба с норманизмом: «Борьба с космополитизмом, когда любые влияния извне – будь то варяги, хазары или немцы – признавались заведомо враждебными, способствовала возрождению автохтонистских мифов», и опять же

¹ Иванов К. Где расположена родина русов? // Родина. 1995. № 11. С. 10, 17, прим. 10.

² Мельникова Е.А. Тени забытых предков // Родина. 1997. № 10. С. 17; ее же. Ренессанс Средневековья? Размышления о мифотворчестве в современной исторической науке // Там же. 2009. № 3. С. 56–58; №5. С. 55–57 (расширенный вариант этой статьи представлен в кн.: Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011. С. 67–84); Русский Newsweek. 2007. № 52–2008. № 2(176). С. 58. См. также: Фомин В.В. «Скандинавомания» и ее небылицы // Родина. 2009. № 10. С. 98–101; его же. Ломоносовофобия... С. 460–496.

привычно шел наговор на летописцев: «летописная традиция, выведившая начало Руси к призыванию из-за моря» норманских князей, и исследователи, признававшие ее историчность, «становились проводниками враждебного "внешнего" влияния».

Петрухин, не гнушаясь любыми способами дискредитировать «эпигонов традиционного антинорманизма», «эпигонов Ломоносова» и «новых мифотворцев» с «квазипатриотическим воображением» (работы которых есть «эпигонские сочинения» и «историографические казусы», где отсутствует «исторический анализ»), не прошел мимо и автора этих строк – «эпигона любителя русской истории» Гедеонова. По его словам, тот на конференции в Эрмитаже (май 2007) говорил, что «летопись не знала ничего об Англии, ибо в космографическом введении говорится лишь о Британии (Вретани)». Но В.В. Фомин, а материалы конференции изданы и Петрухин слушал его доклад, лишь заметил, что земля «Агнянска» ПВЛ указывает не на Англию (как ошибочно полагают, не вчитываясь в летопись, норманисты), которая именуется в ней «Вротанией», «Вретанией», «Вританией», а на южную часть Ютландского полуострова, к востоку от которой находилась Вагрия, заселенная «варинами» («взринами»), «варами», «ваграми» – летописными варягами, часть которых именовалась еще и русью (около 1879 г. Ключевский подчеркивал, что летописец «прямо указывает жительство призванной руси на западном краю Поморья, возле датчан и англов»).

Скорбя параллельно с Мельниковой, что «на наших глазах реанимируются историографические схемы, относящиеся, по крайней мере, к позапрошлому веку, а по сути – к средневековой историографии», Петрухин в целом изображал антинорманистов теми, кто считает «противоестественным призывание чужеземных правителей», что сегодня они, «шелюмя оппонентов», возвращают «нас прямо в средневековье»¹ (сам Петрухин на мистификациях хорошо набил руку, объясняя, например, в 2007–2009 гг., что А.Г. Кузьмин Г.З. Байера «сравнивал с идеологами нацизма», но такой глупости у нашего замечательного историка, разумеется, нет. А в 2011 г. убеждал, что А.Г. Розенкампф предложил «объяснение термина "русь" – "гребцы, участники похода на гребных судах" (*гоf(e)R)» и что М.Н. Тихомиров вел разговор «о происхождении имени *русь* от ругов на Дунае». Хотя первый в 1827–1839 гг. утверждал обратное: вооруженные упландские гребцы-«ротси» не могли сообщить «свое имя России», при этом поражаясь тому, как «Шлецер мог так ошибиться и принимать на-

¹ Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 3-е. СПб., 1897. С. 3, 15; Полное собрание русских летописей. Т. II. СПб., 1843. С. 227; Т. II. СПб., 1908. С. 81; Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 175; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 256–257; Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 84–85; его же. Русский каганат, скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования (далее – ДГВЕ). 1999 г. М., 2001. С. 128; его же. Легенда о призвании варягов в средневековой книжности и дипломатии // Норна у источника Судьбы / Под ред. Т.Н. Джаксон, Г.В. Глазыриной, И.Г. Коноваловой, С.Л. Никольского, В.Я. Петрухина. Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой. М., 2001. С. 297; его же. Легенда о призвании варягов и Балтийский регион // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2(32). С. 42–44; его же. Призвание варягов: историко-археологический контекст // ДГВЕ. 2005 г. М., 2008. С. 35; его же. Русь из Пруссии: реанимация историографического мифа // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. Сложение русской государственности в контексте ранне-средневековой истории Старого Света. Материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 г. в Государственном Эрмитаже. СПб., 2009. С. 127–129; его же. Русь и Хазария: становление городской сети и конфликт на речных путях // Там же. С. 209; его же. «Русь и все языки». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011. С. 230–235; Фомин В.В. Южнобалтийские варяги в Восточной Европе // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. С. 111.

звание военного ремесла за *имя народа*», а у второго нет того, что ему приписывает Петрухин¹. Нелишним будет напомнить, что этот археолог являлся «научным консультантом» фильма «Викинг», опозорившего и наш кинематограф, и нашу историю. Как точно заметил публицист и телеведущий Е. Холмогоров, «фильм позволит каждому пришедшему зрителю постичь: как видит русскую историю тот, кто ее не знает, не любит и ею не интересуется. А видит он ее как сплошную грязь»²).

В 1999 г. А.С. Кан охарактеризовал «советский антинорманизм» как «политический» и «патриотический», пригласивший в 30-е гг. скандинавский фактор «как не отвечающий задачам патриотического воспитания. Нападки на норманистов усилились после войны, когда Сталин поощрял великодержавный шовинизм»³. В 1999, 2004 и 2009–2010 и 2014 гг. Л.С. Клейн, отождествляя себя с «научной общественностью» и заявляя, что никакого норманизма нет ни в мире, ни в России, неистово обрушился на антинорманистов (но при этом требуя от них «соблюдения этики», «избегать брани и политических обвинений в адрес своих оппонентов»). И преподносил антинорманизм в качестве «сугубой специфики России» (уходящей корнями в «комплекс неполноценности, который является истинной основой распространенной у нас ксенофобии»), «ультра-патриотизма», «искусственного, надуманного течения, созданного с ненаучными целями – чисто политическими и националистическими», «шовинистической ангажированности», «национальных» и «патриотических амбиций», «псевдопатриотических догм», «ложно понимаемого патриотизма», «застарелого синдрома Полтавы!», «постыдности» для российской науки, верноподданым любой власти (за что та им всегда явно покровительствует, тогда как норманисты шли «наперекор этим пожеланиям сверху»). Под пером этого авторитетного среди норманистов России и зарубежья археолога сегодняшние сторонники антинорманизма предстают «фальсификаторами», «дилетантами» и «ультра-патриотами», причем «в XX в. Кузьмин, Фомин и Вилинбахов повторяют то, что в XVIII в. придумал Ломоносов, да так и не смог доказать» (они «ударились в крайность – вернулись на позиции Ломоносова: отвергают скандинавское происхождение варягов»).

В своем неприятии антинорманистов, которым «противостоят норманисты с их "объективными исследованиями"», отвергающими «блаженную "ультрапатриотическую" убежденность», Клейн, преподнося свои рассуждения как «объективный анализ фактов» и заявляя без лишней скромности, что работает «на благо русской науки, отстаивая ее силу, честь и достоинство», доходит до того (а в шельмовании оппонентов он с единомышленниками абсолютно ничем не брезгует), что приписывает им чувства, не свойственные русским людям: «Некоторые реакционно-настроенные историки (Иловайский, Забелин), подходя к вопросу с позиций великодержавного шовинизма, выступали против "норманской теории", поскольку она противоречит идее о том, что русский народ по самой природе своей призван повелевать и господствовать над другими народами» (подобную расистскую чушь, которая взорвет планету Второй мировой войной, говорили не в России и не антинорманисты, а нацисты в Герма-

¹ Розенкампф Г.А. Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи. СПб., 1827. С. 20, 22; его же. Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи в рассуждении вопроса о происхождении древних русов // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. Ч. IV. Кн. 1. М., 1828. С. 151; его же. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. Изд. 2-е. СПб., 1839. С. 252–253; Петрухин В.Я. Русь из Пруссии. С. 129; его же. «Русь и вси языци». С. 70, 234, прим. 9 на с. 63.

² [Электронный ресурс]. URL: <https://lgz.ru/article/-1-2-6582-18-01-2017/peruna-na-vas-net> (дата обращения: 27.01.2021).

³ Кан А.С. Указ. соч. С. 50.

нии, провозглашая и ее и немецкий народ превыше всего, и в доказательство тому приводя норманскую теорию). При этом уверяя, что «все чаще объективное исследование рискует наткнуться не просто на "непонимание" властей, на отказ в ассигнованиях, но и на крикливое шельмование в печати со стороны "ультра-патриотов", на политические обвинения», и разъясняя тем, кто недопонимал угрозы «антинорманизма», что «на дрожжах перестройки выросло много ультра-патриотических движений, как умеренного, так и откровенно фашистского толка». Деля мир на «своих» и врагов, которые хотя бы на йоту посмели усомниться в норманизме, Клейн академика Б.А. Рыбакова, признававшего скандинавство варягов, но в духе «советского антинорманизма» преуменьшавшего их роль в нашей истории, назвал «не просто патриотом, а несомненно русским националистом или, как это сейчас принято формулировать, ультра-патриотом – он был склонен пылко преувеличивать истинные успехи и преимущества русского народа во всем, ставя его выше всех соседних», «всегда придерживался националистических убеждений» (даже «шовинистически» умалял хазар). Клейн возмущался тем, что Кузьмин и Фомин – не археологи и не лингвисты – проявляют «сугубый дилетантизм», надеются на патриотически настроенные власти и провозносят, по воле бесцеремонного суфлера, не свойственные им слова) считают норманистами «антинорманистов» Б.А. Рыбакова, И.П. Шаскольского, Д.С. Геденова, В.В. Мавродина, Д.А. Авдусина («главу археологов-антинорманистов»), А.Н. Кирпичникова (не зная, что еще сказать, чтобы превратить антинорманизм в жупел, добавлял: «Не случайно главный реаниматор крайней антинорманистской идеи А.Г. Кузьмин одновременно подвизался в качестве активного разоблачителя сионизма как мирового заговора (есть ряд его сочинений этого плана, в свое время модных)»)¹.

В 2004 и 2006 гг. археолог А.А. Формозов был тверд во мнении, что «раболопие у Забелина сочеталось с крайним национализмом», что носителями традиции «ультранационализма», помимо него, были Д.И. Иловайский, С.А. Геденов (в советское время – Н.С. Державин, В.В. Мавродин, Б.А. Рыбаков, что «ультра-патриотический» оттенок, «видимо, искони близкий автору», имела «Киевская Русь» Б.Д. Грекова, вел речь об «ура-патриотических» трактатах Н.В. Савельева-Ростиславича, Ф.Л. Морошкина, Е.И. Классена, Ю.И. Венелина. А в посмертно вышедших в 2011 г. «Записках русского археолога (1940–1970-е гг.)» утверждал, что в послевоенное время «русские интеллигенты пленились националистическими идеями» и что их подчас проповедовал Д.С. Лихачев. В те же годы (опубликовано в 2013 г.) его ученик С.П. Щавелев, подчеркнув, что у учителя «И.Е. Забелин изображен себе на (мещанском) уме, раболопным ко власть имущим, взятым националистом, не владевшим иностранными языками и никогда не бывавшим за границей», а представителем «квасного» патриотизма назвал историка А.Н. Сахарова, реанимирующего «наивный антинорманизм»².

¹ Клейн Л.С. Норманизм – антинорманизм: конец дискуссии // *Stratum plus* (далее – SP). СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 1999. № 5. С. 91–101; его же. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004. С. 53, 70, 72, 99, 103, 158; его же. Спор о варягах. С. 7–12, 25, 33, 69, 89–91, 114, 142, 199–201, 204, 209, 211–212, 217, 220, 224, 250–255, 261; его же. Воевода советской археологии // *Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Технология власти* – 2. № 14. СПб., 2010. С. 223, 226–227, 230, 232, 234–236; его же. Трудно быть Клейном. С.136–138, 614; его же. Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора // SP. 2014. № 5. С.337; Фомин В.В. Ломоносовофобия... С. 359–400; его же. Голый конунг. Норманизм как диагноз. М., 2013. С. 5–18.

² Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. С. 24, 26, 177; то же. 2-е изд., доп. М., 2006. С. 24, 26, 177; его же. Записки русского археолога... С. 184, 205; Щавелев С.П. Указ. соч. Кн. 2. С. 227, 243.

В 2006 г. археолог А.Е.Мусин заключал: уже со времени Ломоносова «признание ведущей роли норманнов в создании Древнерусского государства было мнением если и вполне научным, то не вполне патриотичным (...) Но научность явно одерживала вверх над страстностью. Первоначально даже "историк-марксист" М.Н. Покровский признавал основные положения норманнской теории, прежде всего образование государства в процессе скандинавского завоевания и колонизации»¹. В 2006, 2011, 2013 гг. украинский историк Л.В. Войтович со страниц российских изданий объяснял, что «летописный рассказ о приглашении варяжского князя задевал патриотические чувства многих историков, которые старались его опровергнуть любой ценой», что в пользу южнобалтийской версии происхождения Рюрика «нет убедительных археологических материалов» и отсутствуют «лингвистические доказательства», рассуждал о «патриотической ностальгии антинорманистов», уверял, что современные антинорманисты «критикуют своих оппонентов за отсутствие патриотизма и уверенно твердят, что скандинавское происхождение династии Рюриковичей придумали В.Н. Татищев и Г.З. Байер» (при этом автор ссылается на Фомина, в связи с чем возникает вопрос: а читал ли львовский историк его работы?), что они используют «последний из своих рычагов административного влияния»² (но так и оставив читателя в неведении, что это за рычаг). В 2007 г. соотечественник Войтовича историк Н.Ф. Котляр заклеил русских ученых-антинорманистов, выполняющих заказ наших норманистов, представивших ему трибуну, как «средневековых обскурантов», «квасных» и «охотнорядческих патриотов», не способных «на какую бы то ни было научную мысль»³.

В 2009 и 2012 гг. археолог В.В. Мурашева, от имени «академической науки» относя антинорманистов к вне- или околонучным кругам, увидела в споре норманистов и антинорманистов спор «патриотов», «которые не могли допустить и мысли об участии выходцев из Скандинавии в процессе образования русского государства», и «космополитов», допускавших «такую возможность»⁴. В 2009 г. ее коллега Е.Н. Носов, сожалел, что не перевелись авторы «с весьма своеобразно понимаемым ими патриотизмом и воспитанные на идеологических установках времен тоталитарного общества. Активно борясь с "норманизмом" за "самобытное славянство", они выхватывают из контекста легендарные и полуполулегендарные летописные фразы и сообщения, на которые накручивается масса предположений и домыслов, из чего создаются наукообразные сочинения. Археологические материалы привлекаются дилетантски и безграмотно»⁵ (т.е. не смей критиковать их археологию, ибо сам Носов мог сколько и как ему, норманисту, угодно рассуждать о нашем прошлом в норманистском варианте «историописания», мимоходом говоря о летописании, понимание азов которого приходит через десятилетия специального занятия им).

¹ Мусин А.Е. Дорога к Руси: страны и народы на путях «из варяг в греки» // Чело. 2006. №3(37). С.48.

² Войтович Л.В. Рюрик: легенды и действительность // Исследования по русской истории и культуре / Сб. статей к 70-летию И.Я. Фроянова. М., 2006. С. 112–115; его же. Викинги в Центрально-Восточной Европе: загадки Ладоги и Плиснеска (I) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и Филология. Вып. 3. 2011. С. 3, прим. 2; его же. Рюрик и происхождение династии Рюриковичей: новые дополнения к старым спорам // Русин. 2013. №1(31). С. 8–10, 25.

³ Котляр Н.Ф. В тоске по утраченному времени // Средневековая Русь. Вып. 7 / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2007. С. 343–353.

⁴ Мурашева В.В. «Путь из ободрит в греки...» (археологический комментарий по «варяжскому вопросу») // РИ. 2009. № 4. С. 174–175, 179; ее же. Славяне, варяги и иные «языцы» на речных путях Восточной Европы // Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М., 2012. С. 36.

⁵ Носов Е.Н. Последствие // Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 356, прим. 1.

В том же 2009 г. археолог Е.А. Шинаков жаловался, что Фомин «обвинил» его «в "норманизме" в результате искажения источников» (но автор этих строк никого не обвиняет, а лишь констатирует, приводя факты, что ученый, заверяющий, что этнический аспект не является «чем-то важным с методологической точки зрения», «горой» стоит за норманство варягов и даже усаживает их «за стол» Ярослава Мудрого, беседы с которым якобы дали начало одной из скандинавских саг), что он, «при всей эрудированности, скрупулезности, но методической "отсталости" чисто эмпирического анализа не столько источников, сколько литературы о них (...) в сфере методологии отходит от позиции середины XIX, если не XVIII в.», разделяет политические цели советской исторической науки середины и второй половины XX в., тогда как в плане методологии она сделала шаг вперед, позволив «избавиться от примитивного норманизма и антинорманизма, где главный вопрос: да, государственность на Руси создали варяги, но кто они по своей этнической природе?» (норманисты давно «установили» эту «истину» и многогласно ее декларируют/навязывают, третируя инакомыслие, посредством научных изданий, учебников для школ и вузов, литературы – популярной, художественной, детской, интернета, кинематографа). Тогда же лингвист/историк А.В. Назаренко резюмировал, что «лицо современного так называемого "антинорманиста" (...) определяют люди, имеющие весьма смутное и пристрастное понятие об исторической (о лингвистической нечего и говорить) науке»¹.

На следующий год историк Г.М. Коваленко также эксплуатировал идею, которая со времен А.Л. Шлецера является *idée fixe* норманизма и без которой он не может существовать, что «многие российские ученые стали антинорманистами главным образом по патриотическим соображениям, считая, что лишь "автохтонное" рождение народа прямо из своей земли гарантирует "правильный" ход истории этой земли и этого народа». В том же 2010 г. С.В. Соколов, славослова вышедшую годом ранее книгу Л.С. Клейна «Спор о варягах» (в ней «удалось показать связь определенной политической конъюнктуры в России и рецидивов антинорманизма», выявить «при непредвзятой и последовательной проверке на прочность (...) слабость и безосновательность большинства его утверждений), вел речь о том, что «антинорманизм возрождается в отечественной науке в агрессивной, радикальной форме с конца 1990-х годов, взяв на вооружение и развив взгляды М.В. Ломоносова и "патриотической школы" второй половины XIX в.» (а в 2011 и 2015 гг. подчеркивал, что для абсолютного большинства антинорманистов «XVIII–XIX вв. важным мотивом была борьба с концепцией в их представлении унижавшей национальное достоинство»), что «антинорманизм "новой волны" в качестве аргументов научного спора использует приемы, бывшие в ходу в 1930–1950-е годы. Оппоненты обвиняются в злонамеренном искажении истины, их идеи рассматриваются как политически вредные и инспирируемые из-за рубежа, закономерно появляется призыв к государственной власти с требованием разобраться с такой неприглядной научной концепцией»².

¹ Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009. С.9–11; Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 370.

² Коваленко Г.М. Русские и шведы от Юрика до Ленина. Контакты и конфликты. М., 2010. С. 15; Соколов С.В. [Рец]. Л.С. Клейн. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. 400 с. // Славяноведение. 2010. №. 2. С.105–109; его же. Концепция происхождения «варяжской руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. Дис. ... к.и.н. Екатеринбург, 2011. С.123; его же. Концепция происхождения «варяжской руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. в контексте европейских идей раннего Нового времени. Екатеринбург, 2015. С. 130.

В 2012 г. историк В.В. Пузанов говорил о «воинствующем энтузиазме» современных антинорманистов, их «монополии» на патриотизм, ибо «признание "норманского" происхождения "руси" равносильно, по их мнению, признанию неспособности восточных славян к государственному строительству, на чем и строятся гневные филиппики и обвинения оппонентов в антипатриотизме». А в 2013 г. философ/историк С.П. Щавелев охарактеризовал антинорманиста И.Е. Забелина как «научного фантаста»¹ (но заслуги этого, по оценке Н.П. Павлова-Сильванского, «замечательного русского историка-археолога», были высоко оценены современниками, в т.ч. оппонентами: он был избран почетным доктором истории ряда ведущих университетов страны – Киевского, Московского, Петербургского, действительным членом Академии художеств, членом-корреспондентом Академии наук, затем – ее почетным членом²).

Нынешняя ситуация добавляет новые нотки в уста тех, для кого норманизм стал сутью не только научного бытия, но и смыслом жизни (формируя тем самым их политические симпатии и антипатии). 1 марта 2016 г. центр имени А.Д. Сахарова провел, под началом историка И.Н. Данилевского и филолога-германиста Ф.Б. Успенского, «дискуссию» на тему «Борьба с норманизмом как инструмент исторической политики», слезно к кому-то взывая, что норманская теория «становится заложником политической задачи усиления изоляционизма»³ (хотя правдивое изложение истории может изолировать только ее фальсификаторов и только им может быть во вред).

В конце 1870-х гг. Ключевский, убежденный в норманстве варягов и руси, подчеркнул, критикуя Забелина, выведившего варягов и русь из Южной Балтики: мы «готовы приветствовать патриотич[ескую] попытку г. Забелина вывести наших первых князей из славянской земли, тем более что и до З[абелина] мысль о Балт[ийском] Поморье приходила некоторым на ум даже независимо от какого-либо патриот[ического] побуждения». В 1931 г. и норманист Мошин заметил, что «весьма ошибочно мнение, считающее варяго-русский вопрос *борьбою объективной науки с ложно понятым патриотизмом*», и что «было бы весьма занятно искать публицистическую, тенденциозно-патриотическую подкладку в антинорманистских трудах немца Эверса, еврея Хвольсона или беспристрастного исследователя Геденова»⁴.

«Объективная научная истина, - напомнил оппонентам А.Н. Сахаров в 2002–2003 гг., - не имеет отношения к патриотическим или антипатриотическим настроениям того или иного автора»⁵. Но норманисты думают совершенно иначе. Л.С. Клейн, обвиняя Сахарова во всех «патриотических» грехах, потому как он – антинорманист и его «антинорманизм воинствующий», в 2010 г. советовал «Президиуму РАН распустить мундирный институт», т.е. возглавлявшийся Сахаровым Институт российской истории РАН, «и набрать его состав заново, оставив тех, кто серьезно и самостоятельно работает»⁶, т.е. только сторонников норманской теории. Таково норманистское понимание научного свободомыслия и полемики, убивающее науку.

¹ Пузанов В.В. Образование Древнерусского государства в восточноевропейской историографии: учеб. пособие. Ижевск, 2012. С. 16–17, прим. 5 на с. 12; Щавелев С.П. Указ. соч. Кн. 2. С. 227, 492.

² См., напр.: Сахаров А.Н. Забелин Иван Егорович... С. 199–206; Орловская С.А. И.Е. Забелин (1820–1908) // Историография истории России до 1917 года: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. Т.1 / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2003. С. 344–365.

³ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sakharov-center.ru/discussions/?id=2645> (дата обращения: 27.01.2021).

⁴ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 176; Мошин В.А. Указ. соч. С. 14–15.

⁵ Сахаров А.Н. Рюрики, варяги и судьбы российской государственности // Мир истории. 2002. № 4/5. С. 66; то же // Сборник Русского исторического общества. Т. 8(156). Антинорманизм. М., 2003. С. 14.

⁶ Фомин В.В. Гольи конунг. С. 145, 152–153.

ЛЕТОПИСНОЕ «ТОЛКОВИНЫ»: К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЗНАЧЕНИИ

Информация о характере отношений русов и их «пактиотов» (славян) в первой половине X в., содержащаяся в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» (КБ), восточных источниках и русских летописях, позволяет определить их в целом как равноправные.

Согласно КБ, «Славинии» являются «подплатежными стране России местностями», славяне зимой «рубят в своих горах моноксилы», снаряжают их, а весной сплавляют посредством Днепра в Киев, где их оснащают и продают росам. В свою очередь, росы зимы проводят в «полюдиях», «кормясь» в тех же «Славиниях». «Пактиот» в тексте КБ можно перевести и как «данник», и как «союзник» (Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин в 1991 г.). Понимание его только как «данник» (Е.А. Мельникова в 2014 г.) неудачно, ведь и упомянутая в КБ Витичева, возле которой собираются русские моноксилы, отплыв от Киева, перед дальнейшим движением по Днепру, характеризуется тут как «крепость-пактиот росов». Но, разумеется, «союз» между росами и славянами не был равноправным, хотя за пределами возложенных на славян повинностей обе стороны – «Славинии» и «Росия» – сосуществовали как вполне самостоятельные в своих внутренних делах силы. И указанная деталь – славяне продавали росам «моноксилы» (следовательно, по «рыночной» цене (Е.А. Мельникова) – представляется чрезвычайно важной. В то же время из текста КБ понятно, что славяне своих торговых караванов в Византию не отправляли, и «Славинии» были лишены возможности напрямую контактировать с византийцами, а товары для торговли русы получали в ходе своего «зимнего и сурового» образа жизни – в «кружении» по «Славиниям».

Русские летописи, в отличие от обобщающего определения «пактиоты» в КБ, не предлагают нам термина, характеризующего невысокий статус славян. Правда, в описании похода 907 г. под предводительством Олега на «греков» в «Повести временных лет» (ПВЛ), в составе Лаврентьевской летописи (ЛЛ), сообщается, что в Олег «поя» с собой «множество Варяг, и Словень, и Чюдь, и Словене, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Сѣверо, и Вятчи, и Хорваты, и Доулѣбы, и Тиверци, яже соуть толковины, си вси звахуться от Грекъ Великая Скоуфь». ПВЛ в составе Ипатьевской летописи (ИЛ) дает следующее перечисление состава участников похода Олега: «множество Варягъ, и Словѣнь, и Чюди, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Сѣверо и Деревляны, и Радимичи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци, яже соуть толковины, си вси звахуться Великая Скуфь». Большинство летописных сводов, если не придавать значения поправкам в написании слов, следует за ИЛ, правда, внося в текст отдельные изменения.

Определения всех или части участников похода как «толковины» и «Великая Скуфь» давно вызывают интерес. Из их соседства в тексте естественно следовало, что это – перечисление характеристик, и те, кто «Великая Скуфь», те, соответственно, и «толковины». При этом «Великая Скуфь» упоминается в тексте и раньше, в своеобразном этнографическом введении к ПВЛ. В ЛЛ, ИЛ и Радзивилловской летописи в тексте этнографического введения имеются различия (из текста ИЛ упоминание о «Великой Скуфи» выпало). Большинство летописных сводов, сохранивших в своем составе указанное введение, принимают вариант ЛЛ, хотя и с поправками. Не будем

сейчас вдаваться в вопрос о предпочтительности того или иного чтения. Важно, что в этой части текста ПВЛ о «толковинах» не говорится, а «Великая Скуфь» – это некое «множество» людей (варварских, в понимании греков), населяющее пространство «до моря» («Дулѣби живяху по Бугу гдѣ ныне Вельняне, а Оулчи Тиверци, сѣдяху бо по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру, или до моря, [и] суть гради их, и до сего дне, да то ся зваху от Грекъ Великая Скуфь»), в рамках предложенного отрывка из летописи неясное по составу (только тиверцы? уличи и тиверцы? или еще и дулебы (вольняне)?). Правда, в тексте Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ), повествующей о подчинении уличей киевскому князю Игорю, предлагается иная их локализация: по Днепру «вънизъ», с последующим переселением в междуречье Буга и Днестра. Эта информация о местах расселения уличей в текст ПВЛ не вошла. Но сопоставление текстов этнографического введения ПВЛ и сообщения о расселении уличей в НПЛ (сохранившей текст Начального свода (НС) как будто позволяет исключить уличей из «Великой Скуфи», населяющей территорию от Днестра и до моря, а не от Буга до Днестра. Соответственно, уличи в тексте ПВЛ «отсекали» от «Великой Скуфи» и дулебов (или вольнян). Поскольку, «Великая Скуфь» и «толковины» в описании похода Олега в ПВЛ воспринимались как характеристики одного и того же, то включение в состав «Великой Скуфи» одних тиверцев, ограничивало только ими и характеристику «толковины». Правда, А.А. Шахматов предположил, что НПЛ (НС) и ПВЛ сообща передали исторические события в развитии: уличи и тиверцы сидели некогда между Днепром и Бугом, потом они поселились между Бугом и Днестром, а еще позже – по Днестру, добравшись и до Дуная. Замечу, что применительно к заявленной теме упоминание «Великой Скуфи» в ПВЛ интересует нас постольку, поскольку оно вроде бы «помогало» разобраться со значением определения «толковины», представляющим собой, как будто, некую характеристику части славян-участников похода Олега.

Довольно много спорили в историографии о значении «толковин». Как будто похожее встречается в «Слове о полку Игореве» («Слово») – «тльковинъ» (вариант в тексте первого издания «Слова») или «тльковинъ» (вариант текста, сохранившийся в бумагах А.Ф. Малиновского и Екатерининской копии). Однако смысл его также неясен, употребление указанного слова в поэме неясно (речь идет об эпизоде из тревожного сна князя Святослава Всеволодовича). Поиск этого смысла породил большую литературу. Из обзора которой, составленного М.А. Салминой (1995 г.), ясно следует, что при решении проблемы исследователи пытаются оттолкнуться как раз от похожего летописного «толковин». И хотя только Летописец Переяславля Суздальского (ЛПС) дает форму написания характеристики славян-участников похода Олега «тльковины», а контекст, в котором упоминается про «тль(ь)ковинъ» в вариантах переводов поэмы, не позволяет без существенных натяжек сопоставить их с летописным «толковины», но обнаруженная «компромиссная» форма позволила соединить «толковины» ПВЛ и «тльковины» «Слова», и ее стали часто употреблять в качестве основной.

Д.А. Расовский, опубликовавший о «тльковинах» (летописных «толковинах») специальную работу (1936 г.), подводя итоги дореволюционной дискуссии о значении этого слова, выделил четыре основные версии: 1) подручники, данники, пособники, «быть может в роде тех, какие в Византии назывались foederati»; 2) переводчики, толмачи; 3) бродяги; 4) иноземцы. Из них Д.А. Расовский считал перспективными первые две, исходя из существования двух «фонетически близких праславянских корней»: «толока» – обязательная помощь, взаимная вспомогательная работа; «толкъ» –

перевод. По его мнению, «естественнее» было присоединиться к первой точке зрения, т.е. признать тиверцев (только!) «подручниками, пособниками, «помощью». Считать же, что целое славянское племя выполняло роль «переводчиков», Д.А. Расовскому показалось странным. В послереволюционное время дискуссия развернулась уже между сторонниками двух выделенных им точек зрения. Большинство исследователей считало, что речь в летописном тексте идет именно о тиверцах (В.М. Истрин, Д.С. Лихачев, К.Г. Менгес и др.). Кто-то был склонен включать в число «толковинов» еще и уличей (М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков). Мнение о том, чтобы видеть в «толковиных» именно «союзников», разделяли Б.Д. Греков, Г.Б. Федоров, В.В. Мавродин, М.В. Левченко, Б.А. Рыбаков, А.И. Попов и др. Их аргументы в пользу данной точки зрения были чисто логического свойства – как ранее у Д.А. Расовского. Но больше сторонников (в т.ч. среди лингвистов) оказалось у второй точки зрения: «толковины» – это переводчики, толмачи (В.М. Истрин, М.Н. Тихомиров, Д.С. Лихачев, М. Фасмер, К.Г. Менгес, Ф.П. Филин, И.Г. Хынку, Г.А. Хабургаев, В.В. Седов и др.). Большое впечатление на многих произвело заключение О.С. Стрижака (1969 г.) о том, что термин «толока» (помощь) не может быть основой для выведения слова «толковин», так как производным от «толока» будет не «толковин», а «толоковин», «толочанин», «толочане». В результате, вывод: «толковины» – это «переводчики», – возоблада.

Подобный подход неизбежно ограничивает «толковинов» (и «Великую Скуфь») одними тиверцами, поскольку нельзя же представить, что «толмачами» могли быть еще и другие народы-участники похода Олега (даже если историческая достоверность летописного повествования об этом походе вызывает сомнения). И все-таки замечание Д.А. Расовского нельзя не признать справедливым в том смысле, что если бы «толковины» означало «переводчики» и одновременно определяло задачи, стоявшие перед тиверцами во время похода, то странной представляется необходимость в таком количестве «переводчиков», да и, судя по описанию похода, его участники не были склонны вести беседы с греками. Неясно и почему летописец решил указать «функционал» одних тиверцев, не раскрыв, какие обязанности возлагались на радимичей, кривичей, древлян и др., не говоря уже о близких к тиверцам уличах. Выделение тиверцев в качестве толковинов было бы логичным, если бы в этом качестве они сыграли какую-то особенную роль в походе. Но в летописи это никак не отмечается. Кроме того, если «толковины» и «Великая Скуфь» относятся только к тиверцам, то непонятно почему в этнографическом введении определение «Великая Скуфь» (если не делать «территориальных уточнений», исходя из текста НПЛ) относится еще, как минимум, к уличам. В перечне же участников похода 907 г. уличи не упоминаются вовсе. Скорее всего, их исчезновение из текста ПВЛ объясняется «знанием» составителя, почерпнутым из НС, что война киевских князей с уличами продолжалась еще при Игоре, и они не могли быть участниками похода Олега.

Если же исходить из того, что определение «толковины» не может быть обозначением функции, которую «толковины» (все тиверцы!) выполняли в походе 907 г., следует заключить, что и характеристика «толковины» дана (тиверцам?) по какому-то иному принципу, а, следовательно, может относиться и к «близким» уличам, искусственно исключенным из перечня участников похода, информация для которого скорее всего была позаимствована из этнографического введения. Но «расширение» определения «толковины» за пределы тиверцев делает невозможным его понимание как «переводчики». Ведь, если не применять его к роли в военных действиях, оно не объясняет ничего, и в этом случае ни одно из принятых объяснений слова «толковины» не может быть принято («союзники», кроме своей лингвистической неудовлетворитель-

ности, оставляют без объяснения, почему это определение не было отнесено и ко всем прочим участникам похода).

Обращает на себя внимание, что в изданиях летописных сводов, содержащих в своем составе ПВЛ, при передаче текстов редакторами после слова «толковины» поставлены либо точка, либо – двоеточие (последнее – в большинстве изданий), которое действительно напрашивается (логически) в этом месте. Буквальный же перевод фразы (с двоеточием) может быть следующим: «их же суть (сущность) толковины: они все прозываются от греков Великая Скифия». Частица «же», как известно, добавляет оттенок повеления, концентрируя внимание на последующем. Получается непонятное – наличие в тексте «толковины» как бы заставляет признать его неким эквивалентом «греческого» «Великая Скифия». И.И. Срезневский в своем «Словаре» не дал точного перевода «тълковины=толковины=тлъковины», оставив знак вопроса. С тем, что это означает «переводчик, толмач», он не согласился, поскольку такому значению соответствовало слово «тълкъ=толкъ». При этом он предложил перевод – «объяснение, толкование» (с примерами) следующему ряду слов: «тълкование=тлъкование=толкование». Слово «толковины» («тлъковины» в ЛПС) встречается в летописном повествовании всего один раз – в сообщении о походе 907 г. Если предположить, что в этом случае мы имеем дело с опиской, вставкой, т.е. ошибкой, совершенной в более ранних сводах, затем многократно повторенной позднее, и вместо «толковины» в первоисточнике в какой-либо форме где-то стояла «поясняющая» приписка «толкование», при переписывании попавшая в основной текст, то можно понять так, что задачей фразы, поставленной после перечисления славян-участников похода Олега, изначально (без «толковинов») было просто обратить внимание на то, как греки называют часть славян, рассеянную до моря (одних тиверцев, или совместно с уличами): «Великая Скифия». Скорее всего, в этом смысле надо понимать это обозначение и в этнографическом введении, где после слов: «и суть гради их и до сего дне», - перед фразой: «да то ся звашу от грекъ Великая Скуфь», - необходимо все-таки поставить (логически) не запятую (как это часто делается при переводе следом за Д.С. Лихачевым), а точку. Замечу, что применительно к «тль(ь)ковинь» «Слова» А.С. Орлов (1946 г.) предлагал видеть в этом слове искаженное «тлъкование», которое с полей рукописи было ошибочно переписано в текст. Не берусь судить, насколько это объяснение появления в тексте поэмы «тль(ь)ковинь» приемлемо. Однако применительно к тексту ПВЛ оно представляется вполне допустимым. Правда, придя к этому заключению, мы теряем возможность посредством случайно появившихся в летописном тексте «толковинов» расширить перечень задач, которые, согласно КБ, были возложены росами на своих «пактиотов». Поскольку в тексте ПВЛ в вариантах ЛЛ и ИЛ упоминание о загадочных толковинах имеется, ясно, что превращение «толкования» в «толковины» могло произойти при переписывании предшествующего летописного текста – текста «первой редакции» ПВЛ, в которой и появилась предшествующая приписка.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА СВЯТОГО ВЛАДИМИРА: САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ¹

Данному тексту необходимо предпослать замечания о его характере, дабы помочь читателю точнее и адекватнее воспринять его замысел. Прежде всего нужно пояснить, к чему он не сводится. Это не будет исторически выверенное описание и интерпретация Корсуньской экспедиции Владимира и связанных с ней событий 988 г. Замысел не предполагает вольные историософские или геополитические рассуждения, если вслед за неискушенной публикой понимать под последними произвольные фантазии на темы соперничества властителей за территории и прочие подобного рода ресурсы². Замысел не сводится к анализу текстов, в которых отражена легенда об испытании вер, о походе Владимира, его крещении в Корсуни и о последующем крещении Руси. Мне хотелось бы предложить опыт использования подходов и методов морфологии политики для обнаружения и раскрытия того, что можно назвать геополитической формулой самоопределения отечественной политики³. Под этой формулой понимается модель организации власти в политическом и цивилизационном пространстве-времени отечественной государственной традиции по принципу Ухода-и-Возвращения⁴ или самозавоевания. В ней структурная пространственно-временная трансформация властных отношений, связанных с геополитическим самоопределением Руси в 880-х гг., стала своего рода морфологическим образцом и даже своего рода прототипом для череды последующих цивилизационных самоопределений и пространственных (геополитических) трансформаций политических порядков. При этом используются результаты и исторических исследований событий 988 г., и анализа внутренней геополитики Руси вкупе с интерпретацией политических вызовов ее окружения, и семиотических трактовок легенды о крещении Руси. Начнем с наличного в X в. политического порядка в пространстве-времени Балто-Черноморья⁵. Это

¹ Работа выполнена в рамках проекта Севастопольского государственного университета «Большое Средиземноморье».

² О строгом понимании геополитики как науки см.: Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008; Цымбурский В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий // Полис. Политические исследования. 1999. № 4. С. 7–28; Ильин М.В. Геохронополитика // Политология: лексикон. 2007. С.37–49; Ильин М.В. Диалог об островах и проливах, междуморьях и междумирьях // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 128–135.

³ Концепция самоопределения отечественной политики в чередѣ их исторических модификаций предложена мною сначала в статье: Ильин М.В. Политическое самоопределение России // Pro et contra. 1999. Т. 4. № 3. С. 67–88, а затем – в главе «Призвание России» в монографии: «Национальная идея: история, идеология, миф» (М., 2004) и, наконец, в статье: Ильин М.В. «На круги своя»: о политическом самоопределении России // Россия и современный мир. 2013. № 4(81). С. 32–48.

⁴ Концепция Ухода-и-Возвращения (Withdrawal – and – Return) – см.: Toynbee A.J. A Study of History: Vol. I: Abridgement of Volumes I–VI. Oxford Paperbacks, 1987. Vol. 1. P. 217 и далее.

⁵ О Балто-Черноморье или Междуморье (*Międzymorze*) см.: Цымбурский В.Л. Как живут и умирают международные конфликтные системы. Судьба балтийско-черноморской системы в XVI–XX вв. // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 52–73; Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Балто-Чер-

эволюционный феномен, который можно охарактеризовать и как пространство освоения или *месторазвитие*¹ людей, и как вписанный в *земной мир*² *человеческий мир* и социальный порядок³. Возникший как чисто биосферное явление, как перешеек между двумя внутренними морями – Балтийским и Черным этот биосферный феномен по мере освоения его людьми и насыщения мелкими локальными месторазвитиями начал приобретать внутреннюю структуру и геополитическую морфологию. Эти структуры, однако, оставались достаточно дробными и локализованными в сравнительно малых масштабах. Только с VIII в. происходит консолидация нескольких объединенных племенных союзов с полисными ядрами городищ и городов, полисов и их хор⁴. Такие федерации включали союзы меньшего масштаба, а те в свою очередь – полисные объединения, которые соединили племенные вождества. Географически консолидация шла в рамках обширных речных бассейнов, вдоль больших и малых рек, а центры консолидации возникали в удобных урочищах, где реки, речушки и ручьи соединялись друг с другом. Там и появлялись городища, а впоследствии и города. Союзы были разноплеменными и разноязыкими; объединяли славян, угро-финнов, балтов, а также потомков иных племен, оказавшихся в Балто-Черноморье в ходе Великого переселения народов и в более ранние времена. В их числе были в т.ч. реликты древних индоарийских, таврских и синдомеотских популяций древней причерноморской общности индоевропейцев⁵.

Структурными стержнями складывающихся союзов были речные торговые пути от урочища к урочищу, от города к городу. Среди этих путей выделялся «путь из варяг в греки» с узлами-станциями в виде растущих городов. Как бы то ни было, пользовавшиеся варяги называли складывающееся в Балто-Черноморье месторазвитие прагматически прозрачным техническим термином *Гардаруки* (*Gardariki*) или «владычество городов». Такое название было дано Балто-Черноморью отнюдь не из-за высокого уровня его урбанизации, а в силу особенной роли городищ и городов и как станций на торговых путях, и как центров автохтонных племенных союзов и их федераций. Как бы то ни было, морфологически важно и не просто правдоподобно, но и ожидаемо, что объединение пестрых в этническом и языковом отношении племенных федераций потребует создания некоей рамочной военно-административной структуры, которая была бы условно равноудаленной или «надплеменной» по отношению к объединяющимся федерациям, как это обычно и происходит в аналогичных условиях чуть ли не повсеместно. Варяжская Русь вполне отвечала этим требованиям. Эти процессы нашли отражение в легенде о *призвании варягов* под водительством Рюрика в

номорье: времена и пространства политики. Калининград, 2010; Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Балто-Черноморье в двойной системе Европа-Евразия // Балтийский регион. 2012. № 2; Moczulski L. Narodziny Międzymorza: ukształtowanie ojczyzn, powstanie państw oraz układy geopolityczne wschodniej części Europy w późnej starożytności i we wczesnym średniowieczu. Bellona, 2007.

¹ Савицкий П.Н. Географические особенности России. Ч. 1: Растительность и почвы. Прага, 1927. С.30 и далее; Полухин А.Н. Концепция месторазвития П.Н. Савицкого в исторической науке // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300–3. С. 61–62.

² Ретеном А.Ю. Земные миры. М., 1988.

³ Ильин М.В. Морфология геополитических пространств // Вопросы географии. Сб. 149. Современное землеведение. М., 2019. С. 322–353.

⁴ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 11–107; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

⁵ Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999.

862 г. племенными объединениями *чуди, словен, кривичей* и, весьма вероятно, *веси и мери*. Поверх рыхлой неустойчивой структуры смешанной федерации на балтийском севере была создана рамочная военно-административная скрепа. Это было дружинное государство, которое сформировали варяги – по собственной инициативе или по приглашению, дела не меняет. К тому времени варяги как сообщества ушкуйников – купцов и воинов – создали немало факторий в Балто-Черноморье и были идеальными посредниками и приглашенными администраторами, своего рода иностранными специалистами в области торговли, управления и военного дела. Организующим ядром Балто-Черноморья стала многоярусная союзническая сеть городов и областей, скрепленная дружинным владычеством Рюриковичей. Ее внутренняя структура была по-прежнему рыхлой и неоднородной. Основными структурными составляющими были княжества, окруженные областями (хорами) города (полицы). Здесь «концы» племенных союзов или вождеств взаимно переплетались в благоприятных урочищах при слиянии рек и ручьев, вдоль которых селились отдельные племена, образующие свои «концы». Крайне важен символический, а возможно и фактический внешний источник происхождения общей властной скрепы в виде дружинного владычества¹. Чтобы быть максимально авторитетной, властные инстанции должны быть дистанцированы от подвластных. В своем предельном соответствии универсалиям власти и властного авторитета предпочтительно, чтобы они были отделены от подвластных и становились символически «внешними». Сам же авторитет становится еще более удаленным, в идеале – трансцендентным, не от мира сего². В этом смысле призвание носителей власти извне вполне оправдано. Оно предвосхищает возвращение нового властителя Владимира – Василия в Киев из Корсуни, «повторяя» исходное призвание. В данном случае, как уже отмечалось, логика политического события вполне отвечает формуле Арнольда Тойнби Уход – и – Возвращение (Withdrawal – and – Return).

В течение трех поколений (первого – Рюрика с Олегом, второго – Игоря, третьего – Святослава) зыбкое объединение племенных федераций, полисов и их округ под сенью дружинного владычества довольно быстро и уверенно переросло в протоимперию, которая заполнила почти все пространство восточного сектора Балто-Черноморья за исключением прибалтийских и причерноморских побережий и даже вышла в бассейн Волги, попутно сокрушив империю-соперника – Хазарский каганат. Четвертое поколение с Владимиром на великокняжеском престоле оказалось перед вызовом, точнее – целым набором внутренних и внешних вызовов. Внутренние по большей части сводились к нерегулярности и произвольности отношений между вла-

¹ Термин *владычество* употребляется здесь, дабы акцентировать архаичный характер власти, тогда как привычное дружинное государство невольно акцентирует ассоциации с современной суверенной государственностью. По сути, однако, дружинное государство было бы достаточно точной характеристикой с учетом того, что господство – даже не архаичное и первобытное явление контроля над тем, кого признать своим, а кого чужаком. Это у индоевропейцев функция прокреаторов рода, которых они называли **hostpotis* и **hostpotnia* от корней **host* (чужак, включая славянского гостя) и **pot* (мощь прокреации рода, откуда потенция и весь куст терминов власти – *potestas, power* etc.). См. об этом: Ильин М.В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. С.192.

² Трансцендентный авторитет, мыслимый источником неиссякаемых ресурсов для поощрения конструктивного социального поведения и одновременного наказания т.н. «безбилетников» (free riders), выступает как идеальная внешняя инстанция – см.: Johnson D.D.P. and Krüger O. The Good of Wrath: Super- natural Punishment and the Evolution of Cooperation // Political Theology. 2004. Vol. 5. №2. P.159–176; об эволюционном изменении форм внешней инстанции – см.: Фокин К.В. Эволюция институтов политического авторитета: рамочная основа концепции // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2019. № 3. С. 33–54.

ственным центром в Киеве и центрами власти, к фрагментарности, слабости, а то и к практическому отсутствию институциональных средств выстраивания многоярусных иерархий и системы иерархической подотчетности. Первоначально сильно персонафицированное дружинное владычество соединяло княжества с помощью непосредственного присутствия – полюдя, обхода подвластных или, точнее, подчиняемых территорий самим властителем с его войском или его наместниками с малыми дружинами. Исходный принцип прямого контакта властного центра с любым управляемым сообществом, например, путем полюдя все отчетливее становился недостаточным и порой даже контрпродуктивным. Вспомним гибель Игоря в древлянской земле. Участники политических отношений так много, они так разбросаны и размещены на различных уровнях, что стали нужны регулярные инстанции и цепи посредования. Однако соответствующие средства и умения все еще не сформировались. Фактически все обеспечивается привычными посредниками типа чрезвычайных уполномоченных и постоянных наместников. Вот и начинаются эксперименты; например, дополнение полюдя, его функциональная рационализация путем доставки дани в специально учрежденные для этого пункты или т.н. *повосты*. Так возникал новый институт – повоз. Равным образом военные походы и экспедиции уже не достаточны для устойчивого регулирования отношений между Русью и внешними центрами мощи. Требуются более регулярные и постоянные институты. Одни лишь договоры по результатам походов не могут восполнить этот дефицит. И внутри, и вовне настала пора развернуть сложные иерархические системы институционального регулирования.

Внук Рюрика Святослав Игоревич расширил пределы державы и поставил Русь в один ряд с окружающими империями. Настали времена правнуков и первого среди них Владимира. Однако вызов был отнюдь не только внешним, а скорее внутренним. Дружинная деспотия Рюриковичей, которая с помощью вотчинно-пирамидальной модели¹ консолидировала конгломерат племенных союзов с полисными ядрами «островов», при Святославе мощно разрослась. Это наследие досталось Владимиру вместе с проблемой: Русь начала превращаться в империю и должна была незамедлительно цивилизационно самоопределиваться и внутри себя, и в своем окружении². При панорамном взгляде видно, что быстро морфологически меняющаяся Русь консолидировалась в лимитрофном пространстве между четырьмя имперскими центрами со своими отчетливыми религиозными идентичностями: восточно-христианским Царьградом, западно-христианским Римом, исламским Булгаром и иудаистским Итилем. Перед властителями Руси встала прагматическая задача – осуществить самоопределение возникшей имперской державы. Сохранявшаяся неопределенность предполагала альтернативы, которые трактовались как «выбор вер». В соответствии с легендой о «выборе вер» таких альтернатив было четыре, хотя ими все возможности далеко не исчерпывались. Действительный геополитический расклад в его морфологической, а

¹ Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии: Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Ч. 2, 3: Хронополитическая перспектива. Тенденции и перспективы российской хронополитики. М., 1995. С. 13, 17, 54–55, 64–65.

² Об этой остроте вызова мне приходилось уже писать, возможно, нарочито резко и схематично, подражая, но не детализируя вариантов самоопределения Руси: «Займствование христианской идеократии в опережающем ритме (протоимперия так еще до конца и не сложилась, а уже заимствуются структуры перезревшей империи) усиливало разбросанность и рыхлость пирамиды, которую попытались "сгрести" первые киевские князья. Русь явно нуждалась в установлении дополнительных скреп (...) Отсюда идея резкого скачка, как сказали бы теперь, опережающего развития до мирового уровня цивилизации (Там же. С. 65).

не религиозно-доктринальной трактовке позволяет выявить еще по меньшей мере три возможности самоопределения Руси. Однако сначала пристало рассмотреть устоявшиеся четыре, а уж потом обратиться к трем дополнительным.

Одна заключалась в перехватывании роли регионального гегемона, которую играл Хазарский каганат с конца VII в. в Понто-Каспии, а с начала IX в. еще и в южной части Балто-Черноморья, включая как Киев и Поднепровье, так Причерноморье и Крым. После утверждения Рюриковичей в Киеве в конце IX столетия началось постепенное освобождение от хазарского верховенства¹. Всего через два поколения – в середине 960-х гг. Святослав Игоревич разгромил каганат, взял его обе столицы – современную Итиль на Волге и прежнюю Семендер на Каспии, закрепился в Саркеле на Дону и в Самгерце на Черном море, превратив их соответственно в два княжества-эксклава – Белую Вежу и Тьмутаракань. Это не просто знаменовало полную независимость Киевской Руси, но ее гегемонию в западном Понто-Каспии. Владимир Святославич в 985–986 гг. совершил поход в также освободившуюся из-под власти хазар Волжскую Булгарию, а затем и в саму Хазарию. Ее правители бежали за Каспий. Фактически дело могло идти о полной и окончательной замене Хазарии в Восточно-Европейском и Понто-Каспийском пространствах. Эта альтернатива – перерастание зависимой прежде от хазар Руси в еще более великую Хазарию, что, как следствие, могло предполагать перенос иудаистского сакрального авторитета в Киев. Расширение господства Рюриковичей в логике *translatio imperii* (ср. цитированного Томаса Нунена) означало присвоение не только хазарских территорий и разноплеменных популяций, но и соответствующих порядков, включая институты центральной власти, разделение полномочий кагана и бека. Впрочем, сама хазарская верхушка не держалась за иудаизм и легко отказалась от него в пользу ислама за поддержку Шарвана и Хорезма при недолгом восстановлении реликта Хазарии вскоре после ухода Владимира и его дружины. Однако подчинение огромных пространств Понто-Каспия было уже немислимо без имперской монотеистической религии авраамического завета. Да и память о подчиненности Киева и славян прежним властителям Хазарии была свежа и по меньшей мере двусмысленна. Психологически все пространства вплоть до Кавказа и Каспия все еще ощущались как хазарские. К тому же завоевательные усилия и ресурсы требовались немалые. Их не хватало. На Каспии закрепиться, как в Тьмутаракани, сходу не удалось. Другая альтернатива вырисовывалась немного севернее – на средней Волге. Тут сложилась Волжская или Серебряная Булгария. Морфологически и геополитически она схожа с Киевом, также будучи полисным центром консолидации обширного союза полисно-племенных объединений в зоне пересечения лесостепного пояса с великой рекой и ее притоками. Этот волжский центр был связан с днепровским сухопутным «путем из Булгар в Киев» с сорока с лишним станциями на пути². Как и Киев, стратегически расположенный город-порт Булгар со всей своей округой и союзными городами стремился освободиться от периферийного, но все же господства Хазарии. Чуть опередив Киев, болгары совершили свой выбор вер, используя ислам как цивилизационную скрепу, позволявшую сотрудничать с единоверными южными соперниками Хазарии. В этом смысле принятие ислама Киевом состояло бы в аналогичном превращении противника Византии, грозящего ей также с севера при том же союзе с Халифатом. Перспектива завоевания и подчинения Булгара была заманчива, но по

¹ Noonan T.S. The Khazar qaghanate and its impact on the early Rus' state: The *translatio imperii* from Itil to Kiev // *Nomads in the Sedentary World*. 2001. Vol. 76.

² Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев. М., 1969.

всей видимости не слишком реальна. Ни Святославу, ни Владимиру это не удалось. Видимо, Булгария была достаточно сильна и прочна. По легенде, Добрыня после победы разглядел на пленных хорошие сапоги и посоветовал Владимиру искать для сбора дани «лапотников»¹. Тут нужны иные институты помимо сбора дани полюдья. Да и южные исламские союзники были сильны. Так что оставалось только дружить. В долгосрочной геополитической перспективе это предполагало стратегический союз между Булгаром и Киевом, хотя дело это тонкое и требующее постоянного изощренного поддержания. Третья альтернатива заключалась во вступлении в западноевропейскую *Respublica Christiana* и принятии христианства от папы. Это была довольно зыбкая возможность, уж больно далеко было до Рима и основных центров Западной Европы, а тем более ее структурного ядра (бывший лимес Римской империи; затем стержень империи Карла Великого; наконец, пояс городов от Нидерландов до Северной Италии)². Впрочем, в 966 г. Мешко Первый принял западное христианство сначала для Гнезно, а затем и для всей Польши. В конце X в. оно утверждается в Венгрии. *Respublica Christiana* вплотную приблизилась к рубежам Руси. Однако функциональность включения Руси, по меньшей мере, сомнительна. Статус сверхдальней периферии крайне мало мог дать в силовом раскладе между державами, а тем более в совершенствовании внутреннего политического устройства Киевской Руси. Наконец, четвертая возможность предполагала подчинение «царствию Ромеев» и принятие христианства от императора и патриарха. Эта империя была куда ближе, а контакты интенсивнее. Это был конечный путь из варяг в греки. История взаимоотношений отмечена успешными экспедициями Рюриковичей, взятием Царьграда и символическим закреплением щита на его вратах. В Киеве была христианская община, в которую входила и мать Владимира княгиня Ольга (во крещении – Елена). Фактически к середине X в. христианство византийского образца уже утвердилось в Киеве как элитная религиозная деноминация. Дело заключалось, таким образом, лишь в придании ей массового и всеобщего характера.

Мыслимы, однако, были еще более нетривиальные альтернативы, предполагавшие отказ от подчинения какой-либо внешней империи и принятия чужой религии. Радикальный вариант заключался в том, чтобы реставрировать отеческие и дедовы порядки. Можно было бы попытаться восстановить рыхлый союз городов и племенных федераций с военно-административной скрепой. Это было бы нечто напоминающее формы сопротивляющейся перерастанию в империю амфикиний, что-то напоминающее этрусское двенадцатиградие или семью греческих амфикиний (Дельфийской, Олимпийской, Делосской и т.п.) домакедонских времен. Разумеется, для рачочной координации внутри и ответов на внешние вызовы потребовалось радикально преобразовать дружинное государство и превратить его в небывалую военно-административную машину. Это нереально, скажут многие. Но возможно. Прецедент есть. Это – военно-административная империя Чингисхана или орда³. А для более эффек-

¹ «И рече Добрыня Володимеру: "Съглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣхъ. Симъ дани намъ не платити, поидевѣ искать лапотникъ"» (Повесть временных лет, лето 6493).

² Rokkan S. Territories, centres, and peripheries: toward a geoethnic-geo-economic-geopolitical model of differentiation within Western Europe // *Centre and Periphery: Spatial variation in politics*. 1980. P. 163–204; Ларсен С.У. Моделирование Европы в логике Роккана // *Полис. Политические исследования*. 1995. № 1. С. 39–57; Ильин М.В., Барсукова А.В. Концептуальная карта Европы Стейна Роккана. Развертывание в пространстве и времени // *Международные процессы*. 2019. Т. 17. № 4. С. 6–21.

³ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006; Базаров Б.В. Военно-административная организация монгольской империи // *Власть*. 2015. № 2.

тивного ответа на вызовы можно было использовать римский институт выдвинутой к проблемному лимесу столицы: например, Новгород к Скандинавии и северным финно-уграм, Полоцк к балтам и Балтике, Владимир или даже Муром к Средней Волге и Булгарии, Белую Вежу к Понто-Каспию и Кавказу, Галич к западу и Европе, Тьмутаракань к Византии и Средиземноморью. Подобная альтернатива, однако, прагматически не реалистична. На Руси не было демографического избытка, который бы легко переводился в массовое войско, как это случилось в Монголии во времена Темучина. Даже на одном направлении вести долгую кампанию Рюриковичи не могли. Да и к организационным инновациям они не были особенно склонны.

Куда реалистичнее было постепенное эволюционное совершенствование административных институтов и политических порядков. Так можно было бы ожидать консолидацию иерархий и их постепенное складывание на основе перерастания амфикионии в империю с развитием общего пантеона богов. Похоже, что Владимиру подобная возможность могла казаться привлекательной. Во всяком случае, в этом духе можно интерпретировать его первую религиозную реформу. В 980 г. он велел поставить кумиры на холму вне двора теремного: «Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хърса, Дажбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь» (Повесть временных лет, лето 6488). Однако и эта возможность не возобладала. Видимо, риски были велики, а выгоды сомнительны. А главное – они не слишком соответствовали и внешним, и внутренним вызовам. Святослав уже задал мощные темпы развития, так что на неспешное эволюционное усложнение времени не оставалось¹.

Спокойно положиться на внутреннее эволюционное развитие не давали внешние вызовы. Внешнее кольцо империй, более того, двух исходных, взрывших на своей основе христианских теократий – Римской и Царьградской – и еще двух теократических имитаций – Итильской и Булгарской становилось все плотнее, а контакты с ним интенсивнее. На юге Византии в X столетии переживает пик т.н. Македонского ренессанса. На западе возникает Священная Римская империя. Ее официальное создание – 962 г. На востоке в конце 960-х гг. разгромлен Итиль и начинается быстрый процесс распада Хазарии, который дестабилизирует баланс сил и требует восполнения. Одновременно происходит возвышение Волжской Булгарии, перехватившей значительную долю хазарского наследства.

Так что Владимиру приходится составить композицию из наличных альтернатив, которая прагматически надежнее и удачнее. Эта композиция если и включает «выбор вер», то не в виде первых четырех альтернатив, а иначе. Владимир уходит от ученического подчинения исходному носителю сакрального и – в прагматическом смысле – имперского авторитета. Он выбирает самоутверждение в качестве державы, равновеликой Царствию Ромеев и прервосходящей Republica Christiana, а тем более имитированные вчерашними язычниками теократии. Его выбор – самостоятельное крещение как победителя византийской теократии. Цивилизационное самоопределе-

¹ «Святослав очевидно забежал вперед с внутренней деспотизацией Руси и перехватыванием у хазарского каганата не только независимости, но господства на обширных территориях от Карпат до Волги. Он сделал совершенно необходимыми быстрые и кардинальные решения. Чисто эволюционные меры по использованию принципа державной интеграции (введение Владимиром шестибожного пантеона во главе с Перуном) давали недостаточный эффект. Отсюда идея резкого скачка, как сказали бы теперь, опережающего развития до мирового уровня цивилизации. Пафос такого устремления, удивительно созвучного петровскому, ленинскому и гайдаровскому, прекрасно передан Иларионом в его "Слове о законе и благодати"» (Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии: Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Ч. 2, 3. С. 65).

ние и выстраивание геополитических приоритетов требовали комплекса решений, отвечавших требованиям надежной консолидации политического порядка в долгосрочной перспективе нескольких поколений, а также учета структурных хронополитических трендов развития Балто-Черноморья, как и всего Большого Средиземноморья¹. Непрямой выбор восточного православия будущий креститель Руси князь Владимир осуществляет через двойное испытание четырех вер. Сначала он принимает представителей соответствующих вер и расспрашивает их. Затем отправляет послов для проверки на месте. Однако ни в первом, ни во втором случае решение не принимается, хотя предпочтения в душе Владимира сложились. Нужен еще один акт драмы.

Что же это? Поход, нацеленный то, чтобы завоевать новую самоду. Владимир отправляется в поход в нынешний Крым и захватывает там город Корсунь – дальний форпост Царства Ромеев. В завоеванном городе он не просит, а повелевает епископу окрестить себя и дружину. Он становится «новым человеком» с христианским именем Василий, но при этом, как завоеватель Владимир, «берет с копьей» три символически ценнейших трофея: христианскую жену принцессу Анну, шапку Мономаха и императорские регалии. Владимир-Василий самоопределяется не только относительно окружения, но и ядра – сформировавшейся в течение четырех поколений протоимперии ставшего уже родовым киевского престола. Но это уже последний и самый важный акт – поход из православной Корсуни обратно на Киев. Русь как будто бы снова завоевывается, а православная вера и имперские порядки приносятся Владимиром и его войском. В этом движении сюжета отчетливо просматривается геополитическая версия формулы Ухода-и-Возвращения (Withdrawal – and – Return), созданной Арнольдом Тойнби. В его логике можно интерпретировать сказание об испытании вер и идейно развивающее его «Слово о Законе и Благодати» Илариона как свидетельства того, что политическая реформа Владимира была ориентирована на творческий псевдоморфоз теократии. Она была проникнута задачей не только освоения, но и пересоздания византийской теократической формы, была осемена мощным пафосом превращения Руси в иную – более высокую, чем Византия, теократию. Владимир крестится не смиренно – из милости внешнего владычества, а как торжествующий после победы над греческой империей в Корсуни триумфатор.

В конечном счете, православие выбирается *против* Византии. Отвергнутые веры (геополитические альтернативы) и, особенно, собственное язычество остаются ориентирами самоопределения Руси. Наличная и перешедшая из прежней рюриковской эпохи властная инстанция лично князя, его дружины и правления наместников подкреплена новым авторитетом – христианским Вседержителем и Православной верой, а вслед за ним и благодаря ему – двумя отчетливыми иерархиями: мирской лестницы великокняжеского правления и сакральной Русской православной церкви. Консолидация теократической державы осуществлялась за счет усвоения византийской модели. Однако это не предполагало ни простого заимствования, ни существенной зависимости. Более того, поход на Корсунь обернулся завоеванием Киева и всей Руси. Тем самым происходит учреждение киевской державы заново, да еще и в усложненной форме теократии. Впервые используется ставшая затем традиционной для отечественной политики геополитическая формула выхода вовне и возвратного завоевания. Знаменитая морфологическая формула Тойнби в древнекиевских условиях обернулась ee

¹ Ильин М.В. Большое Средиземноморье: развитие во времени и пространстве // Севастополь: СевГУ, 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/338901203_Vvodnyi_ocer_k_dla_Bolsogo_Sredizemnomora (дата обращения: 20.01.2021).

оригинальной отечественной версией, которая включает: 1) поиск проблемной отечественной политикой институциональных и операционных образцов вовне; 2) присвоение (завоевание) данных образцов; 3) их силовое или доминантное навязывание внутри; 4) переход к новому – эволюционно продвинутому состоянию. В итоге, с развитием все более устойчивых инфраструктур владычество стало менее персонифицированным и более регулярным, а контроль сместился на шеломяни, водоразделы между княжествами. Там стали сооружать волоки, крепости и заставы. Более структурированными стали и общие пограничья Киевской Руси, и связи с ее перифериями.

Особого внимания заслуживает последующий опыт самозавоевания извне. Примеров немало. Одни очевидны и чуть ли не буквально воспроизводят сюжет «испытания вер», другие используют формулу лишь как подсказку. Однако уход и возвращение отчетливо присутствуют во всей череде попыток «завоевания извне», будь они удачными или провальными. В качестве примеров можно назвать уход из древнекиевской политики двух князей: сына Владимира – Мстислава Удалого и Олега Святославича, известного по прозвищу Гориславич. Александра Невского и его московских потомков с их отъездами в Орду и возвращениями с ярлыками на княжение можно рассматривать как исполнителей облегченной и ослабленной версии модели внутреннего самозавоевания. Много экспериментировал с разными вариантами самозавоевания Иван Грозный. Взятие Казани сродни Корсуньскому походу; правда, призом стала не новая вера, а царские prerogatives. Опричнина – это еще более яркий и весьма оригинальный вариант самозавоевания. Последующая Смута стала настоящей лабораторией по испытанию формулы ухода и возвращения в череде самозванческих царствований или попыток захватить власть и утвердить новые порядки. После Смуты исходная Владимирова формула цивилизационно-геополитического призвания существенно расширена и обобщена до своего рода архетипа завоевательного самоопределения политического верховенства как такового без обязательной оглядки на геополитические контексты и цивилизационный смысл самоопределения, но не исключая и их. Пожалуй, самый яркий исторический пример использования архетипа самозавоевания предложил Петр Алексеевич Романов, начиная с «детских» удалений в Немецкую слободу, на Плещеево озеро для строительства ботика, в Преображенское для создания «потешного войска». Критически важным было Великое посольство, однако даже после возвращения и переноса столицы на самую границу, формально – даже в зарубежье и завоевание оттуда всей остальной страны и превращение ее из Московского царства в Российскую империю. Петр продолжит более мелкие уходы и возвращения, в т.ч. связанные с удачными или неудачными походами. Череда царствований XVIII в., начиная с отъезда Анны Иоанновны в Курляндию и завершая воцарением Павла, путешествовавшего в Европе как граф Северный и затем удалившегося в Гатчину, вся наполнена экспериментами с уходами и возвращениями. А вот следующее столетие ими почти и не отмечено. Нынешняя современность нашей страны отмечена суперэкспериментом нового Владимира – В.И. Ульянова-Ленина и его большевистской дружины. Однако он испытывает уже не веры, но варианты марксизма, утверждает его истинную версию и в ходе Гражданской войны завоевывает старую Россию, чтобы создать СССР. Этот эксперимент был столь радикальным и мощным, что его воздействие ощущается до сих пор, несмотря на все попытки предложить новое самоопределение нашего Отечества. Горбачевская перестройка, ельцинская «смута», путинское восстановление порядка и «вставание с колен» по-своему продолжили использовать традицию, намеченную еще князем Владимиром Святославичем.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПСКОВЕ НА ПРИМЕРЕ КНЯЖЕНИЯ ВСЕВОЛОДА МСТИСЛАВИЧА (1137–1138 гг.)

Извечной проблемой правителей является обоснование своей легитимности или, иными словами, права на власть. Для этого необходимо, в частности, создать соответствующий образ. В современных «западных демократиях» эта задача легко решается с помощью СМИ, формирующими тот или иной имидж руководителя страны или претендента на эту роль. В древности, а у языческих народов – и в раннем средневековье в основе почитания правителя чаще всего лежала мифология. В скандинавских странах конунгов связывали с богами, даровавшими им сверхъестественные способности – такие, как оплодотворение почвы. «Ни при одном конунге не было таких урожайных годов, как при конунге Хальвдане. Люди так любили его, что, когда стало известно, что он умер и тело его привезено в Хрингарики, где его собирались похоронить, туда приехали знатные люди из Раумарики, Вестфольда и Хейдмерка и просили, чтобы им дали похоронить тело в своем фюльке (...) Помирились на том, что тело было разделено на четыре части, и голову погребли в кургане у камня в Хрингарики»¹, - читаем в одной скандинавской саге.

С постепенной христианизацией европейских государств языческую мифологию сменяют анналы и хроники, а также генеалогия, где история тесно сплеталась с мифологией. Например, «генеалогическое древо возводило род Каролингов через Ариульфа к сенаторской галло-римской аристократии, с одной стороны, к королевскому дому Меровингов, с другой»². Так обосновывалось право Каролингов не только на франкский престол, но и на римское наследство.

На Руси также была в чести легендарная генеалогия. Авторы «Сказания о великих князьях Владимирских» связали род Рюриковичей не только с византийскими императорами, но и с первым римским императором Октавианом Августом³, утверждая преемственность русской великокняжеской власти от Византии и Рима.

Но нередко общество выстраивает свои собственные образные ряды, которые могут совпадать или не совпадать с тем, что формирует власть. Именно поэтому, надо всегда понимать, какой конкретно образ мы изучаем, что такое образ в целом. В настоящей статье в основу понятия *образа* положим определение, данное М.А. Бойцовым: «Объективированные образы действительности являются обычно как выражением определенного взгляда на нее (впечатление от нее), так и способом воздействия на ту же самую действительность одновременно»⁴.

В историографии достаточно хорошо изучены процессы формирования потестарного образа на материале Европейского средневековья. В частности, огромный

¹ Сага о Хальвдане Черном // Снорри Стурлусон. Круг земной / Отв. ред. М.И. Стеблин-Каменский. М., 1995. С. 42.

² Бобкова М.С. и др. Конструирование истории. Кто мы? СПб., 2019. С. 108.

³ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии в 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 47.

⁴ Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии. СПб., 2010. С. 15.

вклад в изучение этих процессов внесли Марк Блок¹ и Э.Х. Канторович². В отечественной историографии данная проблематика отражена в трудах А.Я. Гуревича и А.И. Сидорова. Образы русской княжеской власти ярко запечатлены академиком Б.А. Рыбаковым. Чтобы заслужить положительную оценку современников, князь должен был соответствовать хотя бы одному из следующих критериев: а) иметь подобающую внешность; б) проявить себя как мудрый и волевой правитель; в) прославиться как талантливый полководец; г) снискать известность своей ученостью; д) быть добрым христианином; е) обладать незаурядным характером, и др.³ А.П. Толочко анализирует княжескую власть сквозь призму мифологического мышления языческой Руси. Он пишет: «Для представлений языческой эпохи с ее мифологическим мышлением нехарактерно, а точнее, невозможно осознание княжеской власти как собственно политического института (...) Княжеская власть воспринималась как сакральное качество и при том не отдельного человека, а княжеского рода как единого целого»⁴. Несмотря на христианизацию, языческие представления о княжеской власти сохранились: «Убеждение в сакральной природе князя, связи его тела с жизнью подвластного народа сохранилось до середины XII в.»⁵. К.А. Соловьев выделяет два образа княжеской власти: домонгольский и послемонгольский. Он считает, что, в домонгольский период князь на Руси ассоциировался, в первую очередь, как судья и мерило гражданских добродетелей, которые заключались в военной доблести, «кротости» по отношению к церкви, защите христианской веры, благосклонном отношении к дружине и «братии», милости к подданным и т.п.⁶

Обратимся к образу княжеской власти во Пскове, олицетворенному князем Всеволодом Мстиславичем (вторая половина 1130-х гг.).

Впервые о княжеском столе во Пскове упоминается в Новгородских первой и четвертой летописях. Так из Новгородской четвертой летописи под 988 г. узнаем, что «въ Плескове» Владимир посадил своего сына Судислава⁷. Однако вероятнее всего это произошло между 1010 и 1015 гг. – после смерти Вышеслава, княжившего в Новгороде. А.В. Валеров подчеркивает политическое значение княжения Судислава для Пскова: «Появление в Пскове в начале XI в. собственного князя помимо того, что само по себе подтверждало возросший авторитет и автономию псковской общины, еще и вызывало к жизни во все большей степени стремление к обособлению»⁸. Со своей стороны, исследователь А.А. Вовин считает несущественным вопрос о том, был ли Судислав первым псковским князем⁹, так как его княжение и появление во Пскове следующего князя разделяет практически столетие. Иными словами, после смерти Судислава княжеский стол во Пскове был ликвидирован.

¹ Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.

² Kantorowicz E.H. The king's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1957.

³ Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 364.

⁴ Толочко А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 23.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Соловьев К.А. Новое в потестарном образе князя // Международный исторический журнал. Архив: №2. Март–апрель 1999: Дискуссионная трибуна Запад–Восток–Россия: Эволюция форм легитимации государственной власти в Древней и Средневековой Руси. [Электронный ресурс]. URL: http://j.rsl.ru/downloads/0015/200612051933/history.machaon.ru/all/number_02/disk (дата обращения: 19.01.2021).

⁷ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. IV. М., 2000. С. 89–90.

⁸ Валеров А.В. Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI–XIV вв. СПб., 2004. С. 92.

⁹ Вовин А.А. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в. СПб., 2019. С. 94.

Следующие упоминание о псковском княжеском столе связано с событиями 1137–1138 гг., а именно – с княжением Всеволода Мстиславича. Возникает вопрос: почему псковичи выбрали князем Всеволода? Анализ новгородских и псковских летописей дает нам две версии. Согласно новгородским летописям, вокняжение Всеволода во Пскове – это воля самого «Мстиславища», изгнанного из Новгорода, но желавшего вернуть его себе. По мнению А.П. Толочко, Всеволода «позвали сюда новгородские и псковские мужи, с тем чтобы еще раз посадить на Новгородский стол»¹. В.Л. Янин так же считал, что Всеволода призывала в Новгород провсеволодовская группировка. В Новгороде снова «мятеж бысть велик» и бояре – сторонники изгнанного князя направились в Псков². Однако псковские летописи утверждают, что князь Всеволод был призван в Псков самими псковичами. Более того, выбор пал на него, как отмечает А.В. Валеров, не по причине своего изгнания из Новгорода, а потому что был «достойн такой чести»³. Для разрешения этой коллизии зададимся вопросом: а как вообще воспринимался князь во Пскове?

По мнению, А.И. Никитского, княжеская власть князя во Пскове изначально была слабой, и псковичи видели в князе лишь «слугу новгородского веча»⁴. Даже после обособления Пскова от Новгорода псковичи не переменили этого мнения. Однако Ю.Г. Алексеев видел в князе самостоятельную фигуру псковской политики с широкими властными полномочиями по управлению псковскими пригородами через своих ставленников⁵. В свою очередь, А.А. Вовин считает псковских князей до XV в. лишь наемными военачальниками, полагая, что только «с первой половины XV в. князья постепенно включаются во властную структуру Пскова»⁶. Думается, Всеволода Мстиславича трудно признать слугой веча и, в особенности, новгородского, изгнавшего его. По зову своего дяди Ярополка Владимировича он пришел из Новгорода в Переяславль, что привело к его низложению и заключению под стражу по решению новгородских вечевиков. Таким образом, после скандального выдворения из Новгорода Всеволод никак не мог сделаться его представителем во Пскове.

Что касается способностей Всеволода как военачальника, то из летописи мы узнаем лишь о его удачных походах вместе с отцом – Мстиславом Великим. В своем же походе на суздальцев он показал себя, скорее, как «неудачник»: «и изшедше Суздальцы и победиша Новгородцовъ; и возвратишася посрамлени»⁷.

Так почему псковичи выбрали Всеволода своим князем? Свою версию ответа на этот вопрос нам дают псковские летописи и «Житие» князя Всеволода-Гавриила. В последнем случае мы используем редакцию Василия Варлаама как наиболее раннюю. Это – первое житие Всеволода Мстиславича, составленное в 1550–1552 гг.⁸

Несмотря на то, что в распоряжении исследователей имеется лишь ограниченный круг поздних источников, В.И. Охотникова относит начало почитания князя как святого уже к концу XII в., а именно – к 1192 г., когда «были открыты и перенесены в

¹ Толочко П.П. «Революция» 1136 г. и княжеская власть в Новгороде // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой / Под ред. Т.Н. Джаксон, Г.В. Глазыриной, И.Г. Коноваловой, С.Л. Никольского, В.Я. Петрухина. М., 2001. С. 402.

² Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2017. С. 101.

³ Валеров А.В. Указ. соч. С. 109.

⁴ Никитский А.И. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 124.

⁵ Алексеев Ю.Г. Псковская Судная Грамота и ее время. Л., 1980. С. 21.

⁶ Вовин А.А. Указ. соч. С. 217.

⁷ ПСРЛ. Т. IV. С. 176.

⁸ Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. М., 1915. С. 257.

Троицкий собор мощи князя»¹. Соответственно именно тогда начинает складываться образ князя, известный нам по более поздним источникам.

Псковская первая летопись сообщает нам скудные сведения об изгнании Всеволода из Новгорода и его приходе во Псков, где он скончался и был погребен в Троицком соборе, который «юже бѣ самъ создалъ»². Из Псковской второй летописи мы узнаем немного больше о том, как встретили Всеволода: «И егда приеха ко Пскову священноиноки и священники и все множество народа сретеоша его честно с кресты и многолетствовавшие, посадиша его на столь»³. Заметим, что конструкция «и все множество народа» подразумевает именно вече, которое возвело Всеволода на псковский стол. В Псковской третьей летописи мы, правда, находим несколько иное указание, а именно: «а в неделю положен бысть в церкви святого мученика Дмитрия, еже самъ создалъ»⁴.

Итак, псковские летописи сообщают нам о самостоятельном решении псковичей сделать своим князем Всеволода и о том, что в его княжение были заложены, как минимум, две церкви – церковь св. Димитрия и Троицкий собор. Для воссоздания более полного образа князя Всеволода обратимся к «Житию». Там княжеская «власть ограничена вечем, дружиной, церковной иерархией. Князь воплощает в себе не столько начало власти, сколько начало служения, являясь политическим, прежде всего военным, вождем местного мира»⁵. Г.П. Федотов отнес Всеволода Мстиславича к святым князьям – защитникам Русской земли и в этом видел главную причину его прославления. Конечно, «Житие» – это, прежде всего, церковное сочинение. Однако источниками при его составлении были не только летописи. В.И. Охотникова отмечает: «по словам самого Василия, его источниками были рассказы клирика Ивана, духовные беседы и рассказы "неложных свидетелей", а также "некое малое писание". И хотя о "малом писании" он упоминает в Слове о обретении мощей, контекст делает возможным предположение, что "малое писание" содержало не только рассказ о обретении и перенесении мощей, но и жизнеописание князя»⁶. Т.е. источниками также служили рассказы клирика, духовные беседы и «неложные свидетели». Все это, так или иначе, являлось частью народной культуры, а значит – транслировало народные представления о князе.

В «Житии» князь Всеволод выступает как отец, защитник и кормилец города: «и милостивно многу даяше святым церквам, и монастырем, и ерейскому чину, и причетником, вдовицам же и сиротаме заступник и кормитель бяше, якоже преже рехом, всем имеяше недра своя тща, и никто же изыде из дому его алчен»⁷. Не вмешиваясь в псковские дела, он стал покровителем и защитником псковичей. По словам Г.П. Федотова, «Житие» отмечает нищелюбие и щедрость князя, особенно проявившиеся во время голодных лет»⁸. Также там представлен образ Всеволода как военачальника, оберегавшего Псков и оставшегося таковым даже после своей кончины. Вероятнее всего в этом проявилась сакральная функция князя, которой его наделил народ.

¹ Охотникова В.И. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты: в 2 т. Т. 1. СПб., 2007. С. 12.

² ПСРЛ. Т. IV. С. 177.

³ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 20.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 91.

⁶ Охотникова В.И. Указ. соч. Т. 1. С. 24.

⁷ Житие и жизнь святого благоверного великого князя Всеволода Мстиславича... // Там же. С. 78.

⁸ Федотов Г.П. Указ. соч. С. 102.

Таким образом, в летописях и «Житии» сложились два образа Всеволода Мстиславича. С одной стороны, это – не самый удачливый политический деятель, отстраненный от власти в Новгороде всеильным вечем и боярством¹, но затем отчасти взявший реванш во Пскове, который в ту пору начал делать первые шаги по обособлению от Новгорода. Как нельзя кстати, Всеволод стал символом псковской независимости. Этот образ красочно описал А.А. Вовин: «Князь Всеволод построил не Троицкий собор, как здание, а создал "дом святой Троицы" как идею независимости и самостоятельности Пскова, став его первым князем. В этом смысле вся Псковская традиция "старины" апеллирует к князю Всеволоду как к своему создателю»². С другой стороны, Всеволод Мстиславич внезапно предстал в образе защитника Пскова и всей Руси. Вероятнее всего, это – образ уже народный. И хотя Всеволод Мстиславич как князь Псковский не участвовал ни в одной битве, но тем не менее был признан в этом своем качестве. Г.П. Федотов, в частности, писал: «Военному защитнику города молились в лице его псковичи, повесив его оружие над гробницей»³. Народный культ Всеволода как защитника сохранился во Пскове надолго. В частности, в иконостасе Троицкого собора XVII в. есть иконописное изображение князя Всеволода, помещенное между Борисом и Глебом, т.е. там, где обычно находится Владимир Святой. Тем самым князь Всеволод стал не только олицетворением независимости Пскова от Новгорода, но и одним из святых князей, которые стояли и по прошествии многих веков продолжают стоять на страже Русской земли.

¹ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. М., 2012. С. 162, 168.

² Вовин А.А. Указ. соч. С. 105.

³ Федотов Г.П. Указ. соч. С. 102.

К.В. Акчурин
студент бакалавриата Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета
А.В. Коваленко
студент бакалавриата Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ И ВЕЧЕВЫЕ ТРАДИЦИИ РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ «САМОВЛАСТЬЯ»

В 1157 г. в Киеве скончался князь Ростово-Суздальский и великий князь Киевский Юрий Владимирович Долгорукий. Незадолго до смерти он привел жителей Ростово-Суздальского княжества к крестному целованию на верность своим младшим сыновьям – Михаилу и Всеволоду. Это объясняется желанием Юрия оставить киевский великий стол, т.е. собственно «Русскую землю», своему старшему сыну – Андрею, которому предстояло бы в этом случае выдержать натиск соперников. Но этим планам не было суждено сбыться. В 1155 г. Андрей сбежал из Вышгорода, куда после взятия Киева его посадил отец, и направился в Суздаль.

После смерти Юрия, как сообщает Лаврентьевская летопись, «ростовци и суждалци здумавше вси пояша Андрея, сына его старейшаго и посадиша и в Ростове на огни столе и Суждали, занеже бе любим всеми за премногую его добродетель юже имяше преже к Богу и ко всем сущим под ним»¹. Сообщая, что Андрей был «посажен» на отчий «стол» Ростова и Суздаля, летописный фрагмент одновременно ставит перед историком массу проблемных и дискуссионных вопросов.

В первую очередь, необходимо выяснить, кого летописец называет «ростовци» и «суждалци». В историографии наиболее популярна версия, что за ними стоят представители военно-служилой знати и торгово-промышленных верхов². Однако, по мнению И.Я. Фроянова, ростовцы и суздальцы – это массы жителей Ростова и Суздаля, т.е. и знать, и низы старших городов. Объясняет это исследователь следующим образом: летописец, используя местоимение «вси», указывает на общенародное участие в принятии решения³. Своеобразной зацепкой здесь становится слово «здумавше», которое Фроянов находит в иных летописных источниках и, анализируя его, приходит к выводу, что этим словом обозначено принятие решения на вече⁴.

Тогда что собой представляло само вече? Конкретизировать понятие «вече» применительно к X–XII вв. непросто как по причине дискуссионности вопроса о социальном строе Руси того времени, так и из-за противоречивости сведений о вече, содержащихся в источниках. Но, как бы то ни было, на момент вокняжения Андрея Боголюбского вече – это орган городского представительства, решавший широкий круг вопросов: от сбора средств для городского ополчения до избрания князя.

Уточним, что нас особо интересуют ростовское и суздальское вече. В.О. Ключевский полагал, что «демократически составленное» городское вече было инструментом, с помощью которого городская аристократия руководила областными об-

¹ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 2000. Стб. 348.

² Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987. С. 323.

³ Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII вв. Народные движения. Княжеская и вечевая власть / 3-е изд., испр. и доп. М., 2018. С. 525.

⁴ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 159.

ществами¹. И.Я. Фроянов, в свою очередь, считал, что «на вече сходилось все свободное людство, независимо от социального положения»².

Эти две точки зрения не противоречат друг другу. Вполне вероятно, что ростовское и суздальское вече состояли из большей части жителей городов, в т.ч. из высших слоев, которые, в свою очередь, при решении вопросов могли опираться на горожан.

Остановимся на причинах, по которым ростовцы и суздальцы нарушили ранее данное Юрию Долгорукому крестошелование. Во-первых, Михаил и Всеволод Юрьевичи были слишком малы и провозгласить их князьями в условиях постоянных междоусобиц и стычек с восточными соседями было весьма опасно. Во-вторых, избрание двух князей привело бы к политическому дроблению Ростово-Суздальской земли. Поэтому, поддержав Андрея Юрьевича, ростовцы и суздальцы сберегли единство своей земли в условиях усиления пригородов³. К тому же сам Андрей Юрьевич был привязан к родному княжеству, где провел большую часть жизни, а за свои личные качества и нравственные достоинства приобрел всенародную поддержку.

Поддержанный и избранный на вечевом собрании старейших городов великий князь отныне находился в определенной зависимости от городских кругов Ростова и Суздаля. Однако вместе со старинными центрами существовали и пригороды – например, Владимир на Клязьме, в которых не были развиты вечевые традиции и городская аристократия была не так сильна.

Как известно, со временем, после избрания на «огни стол» Андрей Боголюбский переселился во Владимир. Такое явление, как перенос княжеской резиденции, было уже не в новинку. До этого Юрий Долгорукий, будучи ростовским князем, поселился в Суздале. Причины подобной княжеской «миграции», как называет ее Фроянов, историки начали искать еще в XIX в.

По мнению С.М. Соловьева, Владимир, будучи пригородом, являлся княжеским творением и представлял «особый мир», где князь мог чувствовать себя «полновластным хозяином», а население было более послушным, в отличие от «старых вечников» Ростова и Суздаля⁴. Аналогичного мнения придерживался и Ключевский⁵. В.И. Сергеевич считал, что бегство князя связано с невозможностью изменить неприятные ему порядки в старых городах⁶. По предположению Н.Н. Воронина, Боголюбский не подходил на роль боярского князя и поэтому, как и отец, отстранялся от знати⁷.

Фроянов отмечал, что теория бегства от «аристократий» не исчерпывает сути проблемы. Однако, по его мнению, причиной бегства является стремление пригорода устроить свой княжеский стол или резиденцию, дабы стать вровень с главным городом, или даже подчинить его⁸. Впрочем, такой взгляд оставляет открытым вопрос о мотивах, побуждавших самого великого князя сменить свое местопребывание.

Кроме того, акт смены столяного города с сильным боярством и вечевыми традициями на пригород, где власть великого князя будет менее ограничена, идеально вписывается в процесс установления «самовластья» Андрея Боголюбского.

¹ Ключевский В.О. Указ. соч. Ч. 1. С. 323.

² Фроянов И.Я. Древняя Русь... С. 525.

³ Там же. С. 524.

⁴ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. М., 1988. С. 516, 517.

⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. Ч. 1. С. 323.

⁶ Сергеевич В. Русские юридические древности. СПб., 1890. С. 20.

⁷ Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский. М., 2007. С. 70.

⁸ Фроянов И.Я. Древняя Русь... С. 529–531.

Каким же образом веча Ростова и Суздаля отреагировали на перенос княжеской резиденции? Ответ на этот вопрос дает следующий фрагмент из Лаврентьевской летописи под 1176 г.: «а зде городь старьи Ростовъ и Суждаль и вси боляре хотяще свою правду поставити (...) но како нам любо рекоша також створим, Володимеръ е пригородъ нашъ»¹. Иными словами: Владимир – пригород Ростова и Суздаля; что «старшие» решат, то он и должен исполнять.

Версия Фроянова о борьбе городов и классическая теория «бегства» великого князя от вечевых традиций не противоречат друг другу. Переселение князя во Владимир было выгодно как Андрею Боголюбскому, ввиду расширения его же власти, так и самим владимирцам – пребывание великого князя возвышало статус города наперекор «старшим» – Ростову и Суздалю. Конечно, ростовское и суздальское веча отреагировали скорее всего негативно, так как власть великого князя усиливалась, а самостоятельность пригорода-Владимира расширялась. Однако ни источники, ни историография данного вопроса не освещают.

Поменяв столицу своего княжества, Андрей Боголюбский не мог полностью игнорировать волю крупнейших городов Ростово-Суздальской земли. Но теперь, в противовес Ростову и Суздалю, он укреплял позиции Владимира.

В 1160 г. в Ростове сгорел центральный храм Пресвятой Богородицы, а для городской общины это место было крайне важно. Андрей Боголюбский приказал построить новую церковь на этом месте, но ее размеры – согласно замыслу, она была меньше владимирской – не устроили ростовцев. Великий князь с неохотой согласился на их мольбы расширить храм². Возможно, что Андрей умышленно предлагал план меньшей по размеру церкви, чтобы, таким образом, принизить Ростов по сравнению с Владимиром. Дальнейшие отношения Боголюбского с ростовцами и суздальцами строились в рамках межгородского соперничества. Но это еще не все.

Хорошо известно стремление Андрея Боголюбского к «самовластью». Изгнав младших братьев, мачеху, отцовскую дружину и перенес столицу, он начал превращаться в единовластного правителя. Однако Лаврентьевская летопись может и опровергнуть эти предположения. Описывая события после убийства Андрея, летописец сообщает, что ростовцы и суздальцы в 1157 г. «посадиша Андреа а меньша выгнаша»³. Уточним, что изгнание «меньших» Юрьевичей и их матери произошло лишь в 1162 г. В ту пору ростовцы и суздальцы были заинтересованы в сохранении власти Андрея Боголюбского и не желали ее расшатывания силами, группировавшимися вокруг обделенных князей и их матери. В первые годы своего княжения Андрей подерживал «партнерские отношения» с ростовским и суздальским вечами.

Однако в дальнейшем Андрей обособился не только от Ростова и Суздаля, возвысив роль Владимира, но затем и от последнего, уединившись в своей резиденции – Боголюбове. При этом царил произвол поставленной великим князем администрации, взимались постоянные поборы – на обширное каменное строительство и постоянные походы. Но цель военных походов Боголюбского в последние годы его княжения была непонятна людям. Более того, эти походы оказались большей частью безрезультатными, огромные затраты не окупились, что еще более подорвало авторитет великого князя. Даже его приближенные, его «дворяне» негодовали, опасаясь расправы, как, например, над братом Якимом Кучковича⁴.

¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 378.

² Фроянов И.Я. Древняя Русь... С. 539.

³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 372.

⁴ Карпов А.Ю. Андрей Боголюбский. М., 2014. С. 320–326.

В конце концов, у Андрея не осталось сторонников. Младшие князья были им обижены, часть бояр и отцовская дружина – изгнаны, а военные поражения отняли у великого князя популярность, от него отвернулась даже Церковь. Все это привело к заговору и убийству Андрея Боголюбского, которые связывают как с узким кругом приближенных великого князя, так и с сильным местным боярством. При этом в летописи названы имена заговорщиков, но не указана их социальная принадлежность¹. Сведения об участии «ростовцев» и «суздальцев» в заговоре отсутствуют. Зато среди заговорщиков упомянуты «владимирцы» и «боголюбовцы». Фроянов выдвинул версию, что убийство великого князя было затем «легализовано» владимирским вече².

Ключевский не называет социальной принадлежности заговорщиков, заметив лишь, что, по данным летописи, это было «свое же общество» великого князя³.

Как же изменилось само вече в Залесской Руси после убийства Андрея? Современный исследователь А.Ю. Карпов считает, что теперь вече «вновь обрело силу и значение»⁴. Ключевский так же считал, что после смерти Андрея местному населению северо-востока Руси вновь «открылась возможность выбора князя»⁵.

На основании летописного текста 1175 г. можно полагать, что выборы новых князей состоялись на соответствующих вечеах: ростовское вече избрало своим князем Мстислава, а суздальское – Ярополка, который «целова крест жити в Суздале»⁶.

Таким образом, при Андрее Боголюбском в единой Ростово-Суздальской земле можно выделить два параллельных друг другу процесса: 1) формирование княжеского «самовластья», заключавшееся в концентрации властных полномочий в руках Боголюбского, устранении политических конкурентов и его попытках освободиться от влияния городских общин; 2) борьба городов княжества друг с другом; с одной стороны, еще молодой город Владимир и его городские круги борются за свою самостоятельность и политическую роль, с другой – главные города Ростов и Суздаль пытаются сохранить свое господство над пригородами.

Проявив тягу к «самовластью», Андрей Боголюбский лишился поддержки городских общин, а затем пал жертвой заговора, следствием чего стала новая активизация вечевой деятельности.

¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 369.

² Фроянов И.Я. Древняя Русь... С. 572.

³ Ключевский В.О. Указ. соч. Ч. I. С. 325.

⁴ Карпов А.Ю. Указ. соч. С. 354.

⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. Ч. I. С. 326.

⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 374.

МИХАИЛ ВСЕВОЛОДОВИЧ ЧЕРНИГОВСКИЙ И АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: ВЛАСТЬ И СВЯТОСТЬ

После нашествия Батыя Русь представляла собой плачевную картину. Почти все сколько-нибудь значимые города Северо-Восточной, Южной и Юго-Западной Руси лежали в обгорелых руинах, заваленных костями. Русские люди после того, как слынула монгольская волна, видимо, фактически не представляли, что же, собственно, произошло, если не считать самого общего провиденциального представления, что Русь постигла «кара Божья» за какие-то еще не вполне осознанные «грехи». Неясны были и последствия недавнего кошмара. Что это – набег наподобие половецкого, но только неизмеримо большей силы, который имеет целью грабеж, захват пленных и дальнейшее отступление в родную для кочевников степь? Тогда нужно постепенно восстанавливать прежнюю жизнь, понять, за что Бог так страшно покарал, и больше такого не допускать. Если это завоевание, то где – сами завоеватели? Как и кем представлена их власть? Каковы их требования и распоряжения?

До 1243 г. об этом можно было только гадать. Как писал А.Е. Пресняков, «осенью 1242 г. (...) врезывается в судьбы Великороссии новая сила – татарская власть»¹. После окончания похода в Европу, возвращения на Волгу и учреждения столицы Джучиева улуса – Сарая Бату – русские князья получили приглашения-требования приехать в ханскую ставку и выслушать волю повелителя. Стало ясно, что произошедшее – завоевание, и необходимо выработать линию политического поведения в сложившихся условиях по отношению к завоевателям. Выбор теоретически предполагал или полное разрешение геополитических противоречий между Русью и Монгольской империей, возникших из-за противоположных интересов (Русь стремилась использовать свои ресурсы для собственного развития, монголы – присвоить экспроприированные ресурсы для воспроизводства своего существования), или оформление этого противоречия в наиболее приемлемом для Руси на тот момент виде.

Первый вариант предполагал продолжение борьбы Руси с Монгольской империей до полной победы над ней и полного отказа монголов от какого-либо оформления своего господства над русскими землями, сделать это предстояло бы своими силами или с опорой на приемлемых союзников. Второй – означал признание поражения, неспособности продолжать адекватное внешней силе и перспективное с точки зрения возможной победы сопротивление, неизбежности какого-то подчинения монголам, выражение лояльности, выяснение возможных границ и правил политического торга, выработку соответствующих стратегий в интересах будущего Руси и их осуществление длительное время, пока ситуация не изменится существенным образом, выражаясь словами Дмитрия Донского из его завещания, пока Бог Орду не переменит. Очевидно, что в столь противоречивой ситуации конкретный выбор, который делался субъектами принятия политических решений на Руси, находился в системе координат, заданных линиями противоположностей, образующих данное противоречие. Будем считать *действительным* выбор линии поведения субъекта, который находится в

¹ Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Минск, 2012. С. 99.

поле исторически возможного с точки зрения реализации, поскольку имеет за собой не только субъективную волю, желание, но и обеспечен объективными предпосылками, а также не противоречит проявлениям исторических закономерностей в рамках этих предпосылок-обстоятельств. Если выбор вытекает из представления о желаемом, возникающем на основе осознания этого желаемого в рамках предельного интереса, но он не фундирован возможностью причин и предпосылок реализации, его связь с действительностью разрывается. Он пребывает в своей осуществленности только в сознании субъекта, в его мнении и за его пределы выйти не может. Движение к поставленной цели на основе такого выбора не ведет к поставленной цели, как не ведет к заданному пункту неверно выбранный маршрут. Такой выбор мы будем называть *мнимым*. Близок мнимому выбору феномен его формулирования потомками, в т.ч. историками, в рамках альтернативной истории, если он построен на мнимом представлении об обстоятельствах исторической действительности, в которой делался оцениваемый выбор историческим субъектом.

Имеют ли вообще познавательный смысл альтернативные построения течения исторического процесса при изучении какого-то его фрагмента? Ведь есть устойчивое представление, формулируемое как: «История не имеет сослагательного наклонения». Автором данной мысли является профессор Гейдельбергского университета, историк-медиевист, специалист в области европейского Высокого («среднего») Средневековья **Карл Хампе** (Karl Hampe) (1869–1936). Его высказывание «Die Geschichte kennt kein Wenn» дословно переводится с немецкого так: «История не знает слова "Если"». Однако в целом это высказывание требует уточнений в силу неоднозначности термина «история». Структура исторического процесса, как и любая процессуальность, обусловленная фактором времени, троична. Ее неизменными составляющими являются прошлое, будущее и настоящее как точка перехода будущего в прошлое и существования между уже несуществующим и еще не существующим. Прошлое само по себе инвариантно и, в этом смысле, безальтернативно. Но это означает только то, что МЫ его изменить или выбрать не можем. Однако в ходе исторического исследования мы рассматриваем фрагменты прошлого в процессе их осуществления, т.е. их перетекающего вдоль оси времени настоящего. Но осуществление исторического процесса в настоящем происходит только через деятельность людей, которая всегда предполагает выбор – из имеющегося поля возможностей – ближайших и перспективных целей, а также средств их осуществления.

Это – субъективный аспект исторического процесса, диалектически связанный с его объективностью, обусловленной уже неизменным к настоящему моменту прошлым и созданными им обстоятельствами настоящего, которые противоречивы и предполагают различные варианты выбора действий. Исторические закономерности осуществляются объективно, но порой довольно разными путями, в т.ч. в том, что касается сохранения и дальнейшего развития исторических субъектов или их исчезновения с исторической сцены, замены их другими. Поэтому, исследуя некий фрагмент исторического процесса, мы не поймем, почему он осуществился именно так, не рассмотрев имевшихся вариантов выбора исторического действия в поле объективно заданных для каждого времени возможностей, причин выбора именно такой возможности и последствий для будущего развития этого выбора в процессе его закономерного воплощения. Без рассмотрения фактора альтернативности исторического процесса в рамках диалектики объективной и субъективной его составляющих мы не сможем адекватно увидеть закономерные причинно-следственные связи его частей. Изучение истории сведется к описанию ее феноменов без проникновения в их сущность, что и

является главной целью науки. Историческая оценка деятельности исторических акторов станет невозможной, если исходить из безальтернативности их выбора и действий как объективации этого выбора. Таким образом, история как объективный однонаправленный во времени и причинно-обусловленный процесс общественного развития действительно не имеет альтернативы. Но исследующая его историческая наука, для краткости именуемая «историей», подразумевает, с одной стороны, альтернативность гипотетических построений по поводу своего объекта и предмета познания, каковые в своем противоречивом взаимодействии являются необходимой формой развития научного знания, а с другой – оценку альтернатив выбора исторических акторов, которые всегда присутствуют в деятельности в тех или иных масштабах, для того, чтобы понять и объяснить состоявшееся в результате этой деятельности, дать оценки и извлечь уроки.

Первым, сделавшим выбор в пользу лояльности монголам и основателем соответствующей линии политического поведения русских князей стал принявший великий владимирский стол после гибели своего брата Юрия в битве на реке Сить 4 марта 1238 г. Ярослав Всеволодович. Лаврентьевская летопись по этому поводу сообщает под 1243 г.: «Великий князь Ярославъ поеха в Татары к Батыеву, а сына своего Костянтина посла къ Канови; Батый же почти Ярослава великою честью, и мужи его, и отпусти и, рекъ ему: «Ярославе! буди ты старей всеъм княземъ в Русском языке». Ярославъ же възратися в свою землю, с великою честью». В 1244 г. к Батыю поехали «про свою отчину» углицкий князь Владимир Константинович (племянник Ярослава), ростовский князь Борис Василькович и ярославский князь Василий Всеволодович. Проявленная лояльность имела аналогичный результат: «Батый же почтивъ я честью достойною, и отпустивъ я, расудивъ имъ кождо в свою отчину, и приехаша с честью на свою землю»¹. Батый был грамотным политиком, к русским относился прагматично, без предубеждения и, когда надо, вполне оправдывал прозвище «Саин-хан» – милостивый хан. Правителю Джучиева улуса нужно было наладить стабильную систему отношений господства и подчинения с завоеванными территориями, чтобы удерживать над ними власть и получать выгоды от эксплуатации при минимальной затрате сил и средств. «Монголы не стали ломать утвердившуюся веками русскую административную систему. Они просто поставили ее на службу своим собственным интересам»². Кроме того, еще сохранялась Монгольская империя, в рамках которой Батый занимал формально подчиненное положение по отношению к великому хану в Каракоруме. После смерти в 1241 г. доброжелательно-нейтрально настроенного к Батыю Угедея наступило своеобразное междоусарствие, когда противоречия в кругу Чингизидов не позволяли избрать преемника. На время фактической власти в империи сосредоточила в своих руках вдова Угедея Дорегене (Туракына-хатун), и были основания полагать, что следующим Кааном станет ее сын Гуюк (который и будет избран на курултае в 1246 г.).

И Туракына, и Гуюк, бывший соратником Батыя по Западному походу, находились с Батыем во враждебных отношениях. Последнему в это время была особенно необходима стабильность в его улусе и в зависимых землях, откуда он получал доходы, на случай прямого конфликта с Гуюком. Поэтому Батый избегал чрезмерного давления, пренебрежения сложившимися на Руси обычаями, регламентирующими порядок наследования власти, чтобы не вызвать отчаянного сопротивления поставлен-

¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. I. СПб., 1897. С. 447.

² Егоров В.Л. Монгольское иго на Руси. М., 2019. С. 60.

ных в безвыходное положение людей. В.Л. Егоров склонен рассматривать поездку Ярослава к хозяину Джучиева улуса «не просто удачной, а серьезным дипломатическим успехом с обнадеживающей перспективой»¹. В то же время, Батый не мог пока единолично решать все вопросы интеграции завоеванных земель в империю. Поэтому Ярославу Всеволодовичу пришлось ехать за подтверждением своих полномочий, полученных от Батые, в Каракорум в 1246 г. Там, видимо, хорошо понимали цели хозяина Улуса Джучи, делавшего ставку на Ярослава в деле интеграции русских земель в улус с наименьшим сопротивлением, и приняли ожидаемое решение помешать ему в этом деле, чтобы ослабить его позиции в противостоянии с Каракорумом. Таким образом, Ярослав стал жертвой внутримонгольских интриг. Все было проделано в лучших восточных традициях. Русский князь был принят с почестями, его полномочия, данные Батыем, подтверждены, а перед тем, как он покинул ханский дворец, Туракына лично поднесла ему кубок с вином. Через несколько дней владимирский князь умер. Лаврентьевская летопись сообщает об этом событии кратко: «Тое же осени (1246 г. – В.Г.) Ярослав князь, сынъ Всеволожъ, преставися во иноплеменицехъ, ида отъ Кановичъ, месяца сентября 30, на память святаго Григорья»². Но выбор, который сделал Ярослав, будучи стратегическим, был поддержан его сыном Александром Невским и утвердился как генеральная линия отношений князей Северо-Восточной Руси и Орды. «Над великокняжеской властью стала новая власть, чужая и чуждая, но формально признанная и обладавшая грозной реальной силой»³.

Другую линию выбора будут демонстрировать князья-соперники в борьбе за Киев, владетели крупнейших княжеств Южной и Юго-Западной Руси Михаил Всеволодович Черниговский и Даниил Романович Галицкий. Оба они во время монгольского похода на Южную Русь были в Европе, оставив свои княжества на произвол судьбы. Новгородская первая летопись, содержащая комплиментарную по отношению к Михаилу повесть о его убиении в Орде, тем не менее, не ставя это в упрек, сообщает о не самом достойном поведении князя во время монгольского нашествия: «Михаилу же держашу тогда Киевъ, приидоша послы отъ цесаря Батые; онъ же, видевъ словеса лести ихъ, повеле я избити, а сам беже въ Угры с домашними своими»⁴. Иными словами, он бросил свой Чернигов и бросил Киев, приказав умертвить монгольских послов, что обрекало город на предельную конфронтацию с завоевателями, и бежал, спасая свою жизнь, с близкими и частью дружины. Героем обороны Киева стал не князь, а некий воевода Дмитр. Когда стало известно о падении Киева, Михаил бежал в Польшу. «Там он укрылся у Конрада Мазовецкого, но при подходе монгольских отрядов вновь бежал в Силезию ("в землю Вроцлавскую"), где его ограбили немецкие купцы, а все его люди были перебиты. В начале 1241 г., накануне битвы при Легнице, в которой Михаил участвовать не захотел, несчастный Ольгович был вынужден вернуться в прифронтовую Мазовию и здесь у своего "уеви" (дяди по матери) Конрада ждать ухода монголов из Европы»⁵.

Вернувшись из Польши, Михаил явочным порядком занял престол на руинах преданного им Киева. Когда стало ясно, что монголы – не наваждение, а долговременная реальность, новый киевский князь какое-то время, видимо, отмахивался от

¹ Там же. С. 61.

² ПСРЛ. Т. I. С. 448.

³ Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. С. 120–121.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 298.

⁵ Хрусталев Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20–50 гг. XIII в.). Изд. второе, испр. и доп. СПб., 2018. С. 217.

нее, как и Даниил Галицкий. Оба не торопились с поездкой к Батыю и игнорировали его приглашения. В то же время, Михаил, видимо, нервничал – как из опасений по поводу своего промедления, так и памятуя о своем распоряжении убить монгольских послов в Киеве, чего монголы не прощали. Сразу после известия, что его сын Ростислав вступил в брак с дочерью венгерского короля Бела IV, он «уехал» (летописец употребил слово «беже») в Венгрию. Под 1245 г. Ипатьевская летопись сообщает: «Слышавъ же короля Михайль вдавъ дочь за сына его, и беже Угры, король же Угорьскый и сынъ сго Ростиславъ чести ему не створиста; онъ же розгневався на сына, возвратиса Чернігову, оттуда еха Батыеви, прося волостп своее отъ него»¹. Таким образом, неудовлетворенное честолюбие заставило его вернуться в разоренный Чернигов и поехать на поклон к Батыю.

Далее Ипатьевская летопись сообщает: «Батыеви же рекшу: "поклонися отецъ нашихъ закону"; Михайль же отвеща: "аще Богъ ны есть предаль и власть нашу, грехъ ради нашихъ, во руце ваши, тобе кланяемся и чести приносимъ ти, а закону отецъ твоихъ п твоему богонечестпому повелению не кланяемся"»². В «Сказании о убиении в орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора» в составе Новгородской первой летописи дается пояснение требований Батыя: «Обычаи же имяше Батыи кановъ: аще кто приидет поклонитися ему, не повеле предъ ся вести, нь приказано быше волхвомъ вести я сквозъ огонь и кусту кланяхуся идолом их, славы ради света сего, и прошаху кождо ихъ власти, они же без бранения давахут, да прельстятъ я славою света сего»³. Обращает на себя внимание не то, как Батый отреагировал, будучи «оскорблен хамским отношением русича к кумиру (идолу) Великого Чингисхана, а также нежеланием того очиститься, пройдя между двумя кострами»⁴, а то, чего он не сделал – не приказал его сразу же схватить и жестоко казнить за убийство ханских послов, что было обычной практикой у монголов. В общем, Батый был готов ради выстраивания отношений с русскими князьями поступиться ранее железно соблюдаемым принципом и забыть киевский инцидент. Поэтому вряд ли можно согласиться с Б. Шпулером, который писал, что Михаил Всеволодович был казнен «вразрез с бытовавшими у монголов обычаями»⁵. Скорее, дело обстояло наоборот – князю пришлось проявить настойчивость, чтобы его постигла такая участь.

В тексте отмечается, что протокол лояльности предполагал выполнение минимального набора очищающих обрядов победителей, исповедующих языческий культ тенгрианства, после чего хан без особых споров и возражений («бранения») давал русским князьям просимое. Подавляющее большинство русских князей разумно принимали такой порядок как необходимость, следование которой позволяло не только спасти себя и свою власть, но и обезопасить свои земли, их население от карательных акций. В «Сказании» такое поведение осуждается и превозносится выбор Михаила, в котором нет ни политики, как искусства ответственного возможного, ни ответственности перед людьми, ни следования божьей воле, которой ему были вручены жизнь и благополучие подданных единоверцев, ни высшей братней любви, выраженной в готовности «положить душу свою за други своя». Оно проникнуто индивидуалистическим устремлением любой ценой избежать погубления собственной души и сподоби-

¹ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. С. 543.

² Там же. С. 543–544.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 298.

⁴ Хрусталев Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20–50 гг. XIII в.). С. 264.

⁵ Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы на Руси. 1223–1502. М., 2019. С. 35.

ться святости, обещанной ему в случае гибели за отказ исполнять языческие обряды его духовным отцом.

«Отец душевный», осудив других князей за религиозное отступничество и заявив, что они, согласившись выполнить обычаи поганых, «погубиша душа своя и телеса», напутствовал Михаила и его воеводу Федора так: «...Сыну Михаилу, аще хоцещи ехати, то не створи тако, яко же и прочии; не иди сквозь огонь, ни поклонишися идолом ихъ, ни брашна яжь, ни питья их не принимаи во уста своя, нь исповежь веру крестиянскую, яко не достоитъ крестияномъ ничему же кланятися твари, токмо господу нашему Иесу Христу». Когда Михаил и Федор выразили готовность исполнить проповеданное, духовник подкрепил их решимость, пообещав: «Вы будета в нынешнемъ роду новосвятяк мученика на утверждение вернымъ человекомъ, аще створите тако»¹. Это есть не что иное, как инструкция провокации принимающей монгольской стороны на убийство и укрепление обреченных провокаторов в решимости бестрепетно принять свою участь. Тогда церковь еще не знала, какую политику будут проводить завоеватели в отношении нее и религиозности населения. Опасения настраивали часть духовенства на конфронтацию с монголами по религиозным вопросам. Позднее, когда церковь убедится в лояльности завоевателей традиционной религии покоренной Руси и получит от них существенные привилегии, настроение изменится: церковь будет провозглашать молитвы за «великого царя татарского» и предавать анафеме тех, кто выступил против него.

Впрочем, в церкви, как и в князьях, уже тогда единства по данному вопросу не было. Поэтому вряд ли можно согласиться с позицией А.С. Хорошева, что «в создавшихся условиях русская церковь заняла позицию стороннего наблюдателя», но вполне можно согласиться с тем, что она искала позицию, «благоприятную для упрочения своего материального и политического авторитета»². Когда Александр Невский отправился по требованию Батыя в Орду, князь заручился полной поддержкой клира: «Епископъ же Кирилъ благослови его со всем своимъ сборомъ»³. В «Житии» князя, к составлению которого, очевидно, приложил руку и митрополит Кирилл, сказано в более общем виде: «Воистину бо без божия повеления не бе княжения его». Та же новгородская летопись, в которой приведена «Повесть об убиении Михаила Черниговского», без осуждения и даже с гордостью отмечает: «...Абие же виде его царь Батый и подивися велми, и рече к вельможамъ своимъ: "въ истину ми поведоша, яко несть подобна сему князю". Цесарь же Батый вдавъ великую честь и дары рускому князю Александру, и отпусти его с великою любовию»⁴. А раз дело повернулось так, значит Александр выполнил весь протокол лояльности, который отказался спасения своей души ради выполнить Михаил. Согласно мнению «душевного отца», наставившего и благословившего черниговского князя, Александр был явно из тех, кто «погубиша душа своя и телеса». В рамках этой парадигмы не только святость, но и вообще царство небесное для него становились недостижимы. Однако, как мы видим в дальнейшем, вскоре после смерти каждого из этих двух князей начнется очень быстрый процесс их канонизации, что выступает как явное логическое противоречие, так как теоретически невозможно, на первый взгляд, совместить в рамках единого представления о святости два столь разных выбора и типа поведения.

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 299.

² Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации. М., 1986. С. 73.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 304.

⁴ Памятники литературы Древней Руси (далее – ПЛДР): XIII век. М., 1981. С. 426.

Вторая половина XIII в. была отмечена большой канонизационной активностью русской церкви. А.С. Хорошев это объяснял так: «Политический союз с "неверными" захватчиками, проповедь покорности вместо призыва к борьбе, привилегированное положение духовенства на глазах измученного русского народа, материальное благополучие церковной организации на фоне бедствий народных, союз и готовность служить золотоордынским ханам – все это не могло не сказаться на падении морального авторитета духовенства в народных массах и вынудило собор русских иерархов 1274г. признать необходимым поднять престиж церкви. Наиболее удобным вариантом сглаживания острых социальных углов вновь оказалась церковная канонизация. При этом использовалась политическая гибкость канонизационных мероприятий»¹. Эта «гибкость» позволила канонизировать людей, которые представляли не только разный политический и личный выбор, но и совершенно разное сочетание личного, политического и социального в более широком смысле.

В таком подходе проявилось и фундаментальное вероисповедальное противоречие, являющееся отражением фундаментального противоречия общественной жизни – между индивидуальными стремлениями и потребностями воспроизводства социума. С одной стороны, главной целью христианина является спасение собственной души как высшего по отношению к остальному индивидуальному плану, а с другой – должно учитывать необходимость воспроизводства в индивидуальном поведении необходимых социальных связей, иначе такое стремление к индивидуальному спасению быстро разрушит общество. В этой ситуации фундаментальное значение приобретает интерпретация Священного писания в плане истолкования его текстов как указания на социальный путь к индивидуальному спасению как путь главный и предпочтительный, соответствующий учению Христову. Но возможен и другой подход, признающий подвигом веры устремленность к спасению собственной души путем отказа от поведения, формально-канонически противоположного основным идеям христианской веры. Очевидно, что первая тенденция обладает в эпоху всеобщей религиозности неоспоримой социальной ценностью; вторая же лишь иногда соответствует корпоративным интересам церкви. Какая же является «более христианской»?

Попробуем соединить несколько важных положений Священного писания одной логической цепочкой. Евангельский Христос говорит: «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее»². В то же время, в своем 1-м послании апостол Иоанн боговдохновенно утверждает: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем»³. В Евангелии от Иоанна Христос определенно подчеркивает: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя»⁴. Следовательно, душу сбережет тот, кто положит ее во имя любви к ближним, другим людям, ибо бог в ней, а не в любви к своей душе.

Шаги по канонизации Михаила Черниговского стали предприниматься уже вскоре после его убийства в Орде – вероятно, при прямой поддержке его дочери Марии – жены погибшего от рук монголов в 1238 г. Василька Константиновича Ростовского, матери ростовских князей Бориса и Глеба Васильковичей. «Вскоре в его честь был возведен в Ростове деревянный храм, сгоревший от удара молнии в 1288 г. Такая скорость для утверждения нового праздника весьма необычна и отражает острое

¹ Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации. С. 76.

² Лк. 44 зач. 9:23–27.

³ Ин. 4:16–18.

⁴ Ин. 15:13.

стремление семьи Васильковичей закрепить новый культ»¹. Очевидно, по их инициативе было составлено и «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора». Позиция родственников Михаила здесь понятна. Более интересной представляется позиция церкви при оформлении этого культа.

Н.И. Милютенко в связи с этим писал: «Хотя многие русские князья были убиты в Орде, но лишь некоторые из них были причислены к лику святых. Это было обусловлено, с одной стороны, позицией русской митрополии, с 1260 г. получившей большие льготы от ханов, с другой – обстоятельствами жизни самих князей, как правило, интриговавших друг против друга перед ордынскими ханами. Подвиг князя Михаила, пострадавшего за христианскую веру, стоит особняком. Это, очевидно, и обусловило неизменное внимание древних книжников к личности князя...»². Не вполне ясно, в каком смысле «подвиг» князя стоял особняком. Как уже говорилось выше, всю свою политическую жизнь Михаил занимался интригами и участвовал в междоусобицах, как и многие другие князья, никак не обнаруживая над ними морального превосходства. Во время Батыева нашествия он проявил явную трусость и себялюбие, полностью пренебрегая княжескими идеалами, как их рисовал, например, Владимир Мономах в своем Поучении: «Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни от звѣри, но мужское дѣло творите, како вы Богъ подаетъ»³.

В чем состоял «подвиг» князя Михаила? Говоря о канонизации князей во второй половине XIII в., А.С. Хорошев отмечает, что, за исключением Александра Невского и, пожалуй, Василька Константиновича Ростовского, никто из них «не продемонстрировал военного мужества, необходимого для гражданского звучания культа. Их "подвиг" не представляет никакой "военной угрозы" золотоордынским ханам»⁴. Здесь надо оговориться, что подвиг не обязательно совершается на поле боя. Но он всегда представляет собой жертвование собой во имя высшей по отношению к себе социальной ценности. Во имя чего отдал жизнь Михаил Всеволодович? Он мог погибнуть с мечом в руке на стенах Чернигова или Киева, как погибли тысячи его подданных, внося свою лепту в общую, пусть и обреченную на поражение, борьбу. Можно было бы сказать, что он принял «честную смерть» как князь и христианин, «положил жизнь за други своя». Однако он предпочел бросить на произвол судьбы своих православных подданных и укрыться у католиков. Но и с ними против монголов он биться не стал, а всякий раз бежал при первом приближении врага. В ставке Батяя требовалось другое мужество – принимать то, что могло быть индивидуально душепогубительно, но вело к спасению тех, кто от тебя и твоего выбора зависел. Михаила не волновало, как его поведение перед ханом скажется на его родственниках и подданных, подведет ли он их тем самым под репрессии и карательные акции. Его интересовало одно – не совершить того, что могло бы быть пагубным для перспектив царства небесного его и только его собственной души, рассматриваемой как самая высшая ценность; т.е. он приносил свою жизнь в жертву спасению своей же души.

Что же касается противостояния завоевателям в политическом и военном плане, то Михаил, согласно «Сказанию», об этом не думал и говорил Батюю: «тобе, царю, кланяюся, понеже ти бог поручель царство света сего»⁵. В.В. Долгов в связи с этим пишет: «Готовность признать политическую зависимость, не поступаясь культурной

¹ Хрусталев Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20–50 гг. XIII в.). С. 264.

² Литература Древней Руси: Библиографический словарь / Под ред. О.В. Творогова. М., 1996. С. 195.

³ Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С.105.

⁴ Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации. С. 77.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 301.

самостоятельностью, оказывается недостаточной – князь гибнет»¹. Вряд ли здесь можно говорить о каком-то принципиальном отстаивании культурной независимости, на которую никто не посягал – князю не предлагали перейти в тенгрианство. От него требовалось, по сути, выполнить дипломатический протокол, совершив обрядовые действия без всякого требования веры в значение выполняемых обрядов. Они только демонстрировали уважение и лояльность принимающей стороне именно в политическом плане, по поводу чего у Михаила никаких возражений и не было. Но, как справедливо заметил Д.Г. Хрусталева, Михаил Всеволодович был князь, «никогда не отличавшийся дипломатическим талантом»². Позже от Даниила Галицкого тоже потребовали пройти обряды, которые отказался пройти Михаил (князя специально предвзвешенно проинструктировали), и Батый даже предложил ему испить «черное молоко» – кумыс, заметив после этого: «ты оуже наш же Тотаринь». Но когда Даниил, выполнив все, пошел с поклоном к супруге Батыя «великои княгини Баракъчинови», хан «присла вина чюмь и реч не обыкли пити молока, пии вино»³. Это, по сути, не что иное, как изящное дипломатическое послание: от вас не требуется перенимать монгольский образ жизни, менять свои обычаи, привычки, веру, одежду и диету; проявляя политическую лояльность и протокольное уважение, вы гарантированно это сохраните в своей жизни.

Объясняя феномен востребованности в дальнейшем образа Михаила Всеволодовича в общественном сознании Руси, А.С. Хорошев пишет: «Позднее, в исторических условиях XIV в., проложное житие Михаила Черниговского было детализировано и дополнено "подробностями", придавшими агиографическому произведению характер политического протеста, животрепещущего рассказа о жестокости поработителей и непреклонной гордости русского князя, который жертвует жизнью за честь своей земли. Но для того, чтобы этот мотив зазвучал в агиографическом произведении подобно набату, необходим был подъем национально-освободительного движения русского народа во второй половине XIV в. В проложном варианте гражданский мотив не акцентирован»⁴. Итак, в условиях подъема национально-освободительной борьбы оказались одинаково востребованы и погибший в ставке Батыя Михаил Всеволодович, и обласканный Батыем за его выбор Александр Невский.

Но современники уже, очевидно, не ставили Александру в вину этот выбор, поскольку после Батыева погрома он ощущался как необходимая альтернатива гибели. Характеризуя княжение Ивана Калиты, Н.М. Карамзин писал: «Отечество наше сетовало в уничижении; головы князей все еще падали в Орде по единому мановению Ханов; но земледельцы могли спокойно трудиться на полях, купцы ездить из города в город с товарами, бояре наслаждаться избытком; кони татарские уже не топтали младенцев, девы хранили невинность, старцы не умирали на снегу. Первое добро государственное есть безопасность и покой; честь драгоценна для народов благоденствующих: угнетенные желают только облегчения и славят Бога за это»⁵. В целом это можно отнести и к княжению Александра Ярославича. Он выполнял весь протокол лояльности, предписанный хозяином Орды, губил душу, если принять точку зрения «отца душевного» Михаила Всеволодовича, но тем самым не только добивался лич-

¹ Долгов В. Сквозь темное стекло. Александр Невский перед «судом истории» // Родина. 2003. № 12. С. 87.

² Хрусталева Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20–50 гг. XIII в.). С. 274.

³ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. С. 552.

⁴ Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации. С. 77.

⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-и т. Т. IV. СПб., 1819. С. 215.

ных целей, нормальных и естественных для его эпохи и положения, но и спасал будущее Руси, создавая временную дистанцию выживания и развития между полным разгромом и появлением объективных условий для полной победы. Т.е. он жертвовал даже не жизнью, а душой, что для христианина выше жизни, во имя не только «славы ради света сего»¹, но и ради «люди своя». Как уже отмечалось, Священное писание свидетельствует, что нет христианского подвига выше. Автор «Жития» пишет о мотивах Александра и значении выстраивания им отношений с Ордой: «Бе же тогда нужда велика от иноплеменникъ, и гоняхуть христианъ, веляще с собою воинствовати. Князь же великий Александръ поиде к цареви, дабы отмолити люди от беды тоя». Оценивая их, он отмечает: «На таковыя богъ призирает, богъ бо не ангеломъ любит, но человеком...»².

О каком же «подвиге» можно говорить в отношении поступка в Орде Михаила Всеволодовича Черниговского? За что он пошел на мученическую смерть? «Мужество Михаила в ставке Батые и его мученическая смерть достойны восхищения и уважения. И все же трудно избавиться от мысли, что голову свою он положил не за русский народ»³, - дипломатично замечает П.П. Толочко. И действительно, в «Сказании» князь и его боярин Федор прямо говорят «отцу душевному», что собираются пострадать «за веру крестиянскую»⁴, а не за «люди», «други» или «землю Русскую», причем, в контексте, получается, что за свою веру. «Страдать, а возможно, и умереть за Рускую землю он не мог. Слишком эгоцентричной была его натура. Интересы «други своя» и «вся люди своя» никогда не перевешивали его личных. Верным себе он остался и в свой смертный час. Собственная честь оказалась для Михаила выше чести и пользы Родины»⁵.

Таким образом, можно отметить, что в сложный, во многом переломный период русской истории, последовавший сразу за нашествием Батые, в условиях новых вызовов времени и соответствующих им ситуаций выбора для светской и духовной элиты сформировались две тенденции личного поведения, закрепленные практикой канонизации. Они имели изначально очень разное содержание и ориентировали на разные ценности. Одна из них считала приоритетным индивидуальное спасение души, о котором каждый христианин в первую очередь и должен позаботиться, не обременяя себя размышлениями о последствиях действий, направленных на это спасение, для других людей. При этом достойным считалось пожертвовать своей жизнью своей душе, отдав ее за веру, что и составляло подвиг собственно веры. В XIV в. в общественном сознании укореняется идея освободительной борьбы. Тогда оказываются востребованными мобилизующие гражданственные образы, а трактовка мотивов канонизации эволюционирует от индивидуалистических ценностей к социальным и гражданским в широком смысле слова. Мученики за веру превращаются в образы противостояния иноплеменным, хотя изначально таковыми не были и не могли быть. Другая тенденция изначально имела гражданское содержание и предполагала принесение предельных жертв не собственно вере, а любви к «други своя». Здесь предполагалась возможность и необходимость принесения для христианина более масштабной жертвы, чем жизнь, и во имя еще более высокой ценности, а именно: жертвование душой,

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 298.

² ПЛДР: XIII век. С. 436.

³ Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. С. 222.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 299.

⁵ Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. С. 223.

сознательное принятие рисков ее погубления во имя любви, которая и есть Бог в одном из главных своих проявлений.

Первая тенденция нашла свое воплощение в прижизненной и посмертной судьбе Михаила Всеволодовича Черниговского. Вторая – в судьбах Александра Невского. Очевидно, что исторически более перспективной и прогрессивной была тенденция, обозначенная образом Александра Невского, о чем говорит постепенная эволюция в этом направлении и презентация образа Михаила Черниговского. Она пережила века и была востребована всякий раз, когда требовался гражданский подвиг для того, чтобы история Руси и России могла продолжаться. Это объясняет во многом популярность образа Александра Ярославича в его рельефно идеализированных очертаниях и в наше время, поскольку он давно представляет не столько историческую личность, сколько историческую идею, общественно-необходимую в чрезвычайных ситуациях модель поведения. Он не призывал, как и Михаил, к борьбе с Ордой, но это никогда не противопоставляло его тем князьям, которые бросили ей вызов, выражая настроения формирующейся великорусской народности, а делало его их предшественником, умело использовавшим и меч, и дипломатию, и компромисс, и смирение (едва ли не самое трудное), и даже репрессии, чтобы сохранить для будущего то, что тогда только и можно было сохранить. Видимо, поэтому составитель «Жития» не рассматривает поведение князя в Орде как поражение, но пишет, сравнивая его с «царем римским Веспасианом»: «Тако же и князь Александръ – побежая, а непобедимъ»¹. Чей образ в столь часто встречающихся в русской истории обстоятельствах может быть востребован в мыслях общества о власти в большей степени, чем исторически освященный образ человека, о котором сказано современником: «...Иже много трудися за Новгород и за Псковъ и за всю силу Русскую живот свои отдавая»²?

¹ ПЛДР: XIII век. С. 426.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 306.

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РУСИ В XIII в.

Приступая к раскрытию содержания данной темы, следует определиться со смысловым значением тех понятий, что вынесены в заглавие настоящей статьи. Здесь эсхатология понимается как христианская разновидность учения о судьбе мира, утверждающая, что «конечное» время с пришествием Иисуса Христа началось. Смысл политической модернизации сводится к пониманию политики как главной сферы общества, центральной категорией которой выступает государственная власть, а ее обновление (модернизация) ведет к перестройке элементов управления. В XIII в. такое обновление было возможно только в рамках эсхатологического взгляда на мир. Его резкое обострение было вызвано целым рядом серьезных причин, с которыми Русь не сталкивалась. Их толкование шло в русле понимания неразрывной двойственности бытия в его материальном и духовном проявлениях: «когда ты видишь смуты и войны, или иные бедствия, не думай, чтобы все это было простым и обычным явлением мира сего или произошло от какого-нибудь случая; знай, что бедствия насылаются волею Бога за наши грехи»¹. По этой причине начавшиеся бедствия стали увязываться не только с грехами, но и с новозаветным учением о гибели человечества, когда в «последние дни» Антихрист, «придя как римский царь, разрушит» «царство Эллинское, (...) Персидское, (...) Вавилонское»². Знамения его скорого пришествия видели во всем, что выходило за пределы привычной жизни. Люди верили, что «когда прекратится существование Римского государства, тогда он (Антихрист) придет»³. Этому будут предшествовать многие бедствия, став знамениями грядущего краха земной жизни. Таким образом, эсхатологическая идея превращала предсказанную «перманентную катастрофу в норму жизненного ритма, сужающего горизонт исторической надежды на лучшее»⁴.

С конца XII в. эсхатологические пророчества стали увязываться с участвовавшими природными аномалиями, отражавшими наступление «малого ледникового периода». Западные специалисты в области истории климата относят его начало к концу XIII в., но, если следовать нашим летописям, в Восточной Европе он начался на столет лет раньше. Особенно ярко его приметы обозначились после 1210 г. в виде участвовавшихся неурожая, «подаривших» Руси с 1211 по 1230 г. 14 голодных лет. Но голод, начавшийся в 1230 г., был самым страшным. В тот же год по Руси прошло землетрясение, разрушив многие храмы. Свирепствуя около четырех лет, голод только в Смоленске унес до 30 тыс. жизней. Русским людям, оставшимся в живых, угрожали по-

¹ Страдания святых мучеников Михаила, князя Черниговского, и боярина его Федора // Избранные жития русских святых (X–XV вв.). М., 1992. С. 174.

² Андрей Кесарийский. Толкование на Откровение Иоанна богослова // Деревенский Б.Г. Учение об Антихристе в древности и средневековье. СПб., 2000. С. 373.

³ Иоанн Златоуст. Беседы на Второе послание апостола Павла к Фессалоникийцам // Деревенский Б.Г. Указ. соч. С. 318.

⁴ Исаев К.Г. Русский Антихрист: сбывающаяся антиутопия // Антихрист: Антология. М., 1995. С. 5.

важные болезни, множащие смертность¹. «И не бысть милости меж нами, нъ беаше туга и печаль», заставляющая простую «чадь резаху люди живыя и ядыху»². Психологический надлом, затронув целое поколение, усугубился ожиданием самого страшного библейского предсказания, когда вслед за всадниками на белом, бледном и черном конях, несущих голод, мор и смерть, должен явиться всадник на рыжем коне с большим мечом, чтобы взять мир и заставить людей убивать друг друга. И он явился в образе монголов, о которых на Руси никто не знал. К этому времени с 1204 г. Константинополь из центра православия превратился в столицу Латинской империи. Сербия и Болгария признали приоритет папы римского, а Эпирский деспотат, Трапезундская и Никейская империи, возникшие на обломках Византии, были слишком малы. Даже когда Никея в 1261 г. смогла возродить Византию, она стала смотреть на Запад и в 1274 г. заключила унию. Это сделало Русь единственным оплотом православия.

Между тем, в окружении монгольских ханов было много восточных христиан, и «эти люди (...) стали могущественными»³. При дворе Мангу-хана и Кен-хана «оказывают христианам больше уважения, чем другим народам», причем «князю Ярославу они всегда давали высшее место»⁴ и негативно относились к мусульманам. Все исламские страны, покоренные монголами, лишились признаков независимости, включая территорию, форму правления и нормативную базу. Идя на Русь, Батый такой задачи не ставил, благодаря чему все элементы суверенной политической системы у нее сохранились. Русь как вассал монгольского хана должна была содействовать усилению позиций восточных христиан среди кочевой элиты и помогать превращению золотоордынского улуса в христианское государство.

Возможно, симпатии монгольской элиты к православию уже в 1230-е гг. определили главный путь модернизации, связанный с отношением Руси к Западу и Востоку, а вместе с ним – к характеру организации власти. Сближение с Западом было отвергнуто. На Руси с XI в. утвердилось правило, вменявшее всем в обязанность «вере латиньстей не прилучатися (...) и всякаго учения их бегати»⁵. Поскольку страны «латинской веры» «отречены от Божественного закона», «насади Бог рай на востоце, а на западе муку уготова»⁶.

К монголам отношение на Руси носило противоречивый характер, что привело к образованию двух политических лагерей. Первый, опираясь на труды Мефодия Патарского и иные сочинения апокрифического характера, не имеющие доверия со стороны официальной церкви, полагал, что уже настает конец света и уже прибыл всадник войны, приведя «к скончанью времянь» «ис пустыня Етриевьскы» «безбожнии татары»⁷ – самый лютый народ. «И попленити им вся земля и доидут до рима»⁸. Они опаснее западных захватчиков и потому главный отпор дать надо именно им. Привер-

¹ См.: Житие Ефросиньи Суздальской / Избранные жития... С. 191.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. III. М., 2000. С. 279.

³ Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 2–3. Т. 3. М., 1960. С. 18.

⁴ Плано Карпини Дж. Дель. История монголов. Рубрук Г. де. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997. С. 77, 113.

⁵ Феодосий Печерский. Слово о вере христианской и латинской; Митрополит Георгий. Стязание с латиною // Приложение. Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2. М., 1995. С. 551.

⁶ Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VII. М., 2001. С. 213.

⁷ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 446, 460.

⁸ Слово, святого отца нашего Мефодия таганьскаго сказание о последних летех // Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 666.

женцы этой эсхатологической идеи, вступив в борьбу с «татарами», по сути дела защищали старую схему организации власти. Ее представляла удельно-княжеская модель управления, где высшим органом власти считался съезд (совет) князей, признающий над собой условное политическое лидерство императора Византии как верховного сюзерена всех восточных христиан. Его отсутствие с 1204 г. освобождало их от формального подчинения любому внешнему правителю. Исключение в этой схеме составлял институт вечевой демократии, но и он за пределами Новгородской земли мог действовать только в экстренных случаях при отсутствии князя и с разрешения церковных властей. Появление нового фигуранта в этой политической системе было неприемлемо – тем более, если оно заставляло подчиниться «татарскому хану».

Видными представителями этого лагеря, который по типу политического участия можно охарактеризовать как оборонительно-мобилизационный, тогда были рязанские и галицко-волынские князья, а также младший брат Александра Невского – Андрей Суздальский. Именно в его уста летописец вложил фразу, ставшую их политическим девизом: «лутчи ми есть бежати въ чюжую землю, неже дружитися и служити Татаромъ»¹. Так же решительно были настроены братья его отца – Всеволод и Мстислав, готовые «умрети пред Златыми вороты, (...) ниже в воле их быти»². Этих князей вспоминают, когда речь заходит о героической борьбе Руси с восточной агрессией 1237–1240 гг. Но мобилизационная слабость, не позволившая вождям данного лагеря повести за собой народ и дать отпор врагу, связана с отсутствием поддержки со стороны официальной церкви. Поэтому они были обречены на поражение. Вместе с ними на поражение в борьбе с монголами была обречена Русь.

Симпатии церкви были на стороне оборонительно-соглашательского лагеря. Его духовным вождями стали епископ Кирилл и митрополит Кирилл II, взявшие на себя роль проводников политики мирного подчинения Орде. Светскую власть в этом лагере представляли великий князь Ярослав Всеволодович, а после его смерти в 1246 г. – Александр Невский. Они видели в пришествии «татар» кару, наложенную «ради съгрешения и неисправления к богу» русских людей. «И богъ на ны разгневался и наказа нас, яко же чадолубивыи отецъ»³. Чтобы не гневить Бога, Руси надо принять власть хана и смиренно нести свое иго. Спротивляться надо только Западу, несущему угрозу православию. Когда Господь увидит, что русские исправились в своих винах и стали тверды в вере, Он снимет наложенное иго.

Влияние этого лагеря привело к пассивности многих князей, что дало возможность Батью за один февраль 1238 г. подчинить себе самое могущественное Владимирское княжество, способное «Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломи выльяти»⁴. Например, Ярослав лишил военной помощи родной Переяславль, а Александр, укрепив границу с Прибалтикой, не оказал поддержки Торжку, входившему во владения Новгорода, где он правил. Борьбу с Ордой не стали поддерживать и ростовские князья Борис и Глеб, ездившие в Орду чуть ли не каждый год. Те области, что не пожелали подчиниться хану, были приведены к покорности силой. В 1257 г. Александр подавил антиордынское выступление в Новгороде и добился того, чтобы в том же году «поидоша вси кнзи въ Орду»⁵.

¹ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. X. М., 2000. С. 138.

² Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М., 2001. С. 291.

³ Софийская вторая летопись // Там же. Вып. 2. М., 2001. Стб. 302.

⁴ Слово о полку Игореве // ПЛДР: XII в. М., 1980. С. 380.

⁵ Лаврентьевская летопись... Стб. 524.

Провозгласив в 1245 г. ордынского хана своим «цесарем»¹, Ярослав и Александр дали начало разрыву Руси с удельно-княжеским типом управления. Появление «цесаря» изменило прежнюю вертикаль властных отношений в пользу монархической формы правления. Назначаемый «цесарем» великий князь уже мог не смотреть на себя как на первого среди равных, имея право на усиление своих властных полномочий как непосредственного представителя царской власти. Это вело к подрыву олигархического характера совета князей и резкому ослаблению роли веча в структуре управления. Существенным недостатком новой политической системы стал институт баскачества. Однако он позволял князьям из оборонительно-соглашательского лагеря рассчитывать на поддержку баскаков в борьбе со своими противниками.

Желание Александра и Кирилла укрепить в системе управления «божеские» начала вело к усилению политической роли духовной власти. В их понимании она была более «чиста» перед Богом и лучше знала смысл христианской государственности. Важным результатом такой политики стало открытие в 1261 г. в столице Золотой Орды Сарайской епископии, поставленной в прямое подчинение митрополиту всея Руси. Русская церковь получила освобождение от налогов и полную поддержку «цесаря», что только укрепило ее лидирующие позиции во всех структурных элементах политической системы страны. И если власть великого князя ограничивалась пределами Руси, то духовная власть митрополита смогла распространиться на Орду и Молдавию.

Заняв ключевые позиции, Кирилл поддержал курс на усиление центральной светской власти. В этом он видел путь к укреплению единства Руси. От лица «священства» не было составлено ни одного документа, осуждающего власть «цесаря» или оправдывающего центробежные тенденции. Диктуя свою волю князьям, епископат вынуждал их «подчиниться церковному обиходу» и заставлял «искать высшую правду». В идеологической подсистеме страны на щит была поднята старая христианская формула: «если не спасешься сам, не спасет и Бог». Она подчиняла правилам веры все стороны жизни и отражала характер создавшегося «оцерковленного государства», обязанного жить по формуле: «Свет мирянам – иноки, свет инокам – Ангелы».

Эту установку, закрепившую за «священством» лидерство в институциональной подсистеме общества, подтверждает «Житие Александра Невского». В нем не только подчеркивается подчинение великого князя своему митрополиту, которого он «слушается и чтит, словно самого Христа», но и обосновывается его долг повиноваться «цесарю». Исполняя его, Александр делает уступку «Небесной мудрости»², требующей исполнять долг повиновения, опираясь на принципы смирения и покорности. Простить Русь и вернуть ей политическую свободу может только Господь, как некогда Он даровал ее древним евреям за смирение перед Ним.

При этом в контексте правовой сферы монархия рассматривалась как основа стабильного общества, разрушаемого внешними и внутренними угрозами. Исходя из решений Пятого и Седьмого Вселенских Соборов и Шестой Новеллы императора Юстиниана, закрепленной в «Эпанагоге», церковное право утверждало, что «невозможно христианам иметь церковь, но не иметь царя». Объясняло оно это тем, что монархия дарована Богом во благо, а не во зло. Сопrotивление ей уподоблялось неповиновению «Царю Небесному» и нарушению принципа «органической» системы власти и ее главных частей – «священства» и «царства». Их согласие составляет душевный и те-

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 94.

² Житие Александра Невского. Изборник. М., 1969. С. 328, 334, 338, 340.

лесный мир государства и общества, что было зафиксировано «Кормчей книгой», транслирующей «Эпанагогу» и принятой в 1274 г. в качестве основного нормативного документа Руси.

Однако внедрение централизующего фактора в политическую систему Руси в лице «цесаря» не могло привести к установлению абсолютизма. Дело в том, что Девятый член Никео-Цареградского символа веры призывает блюсти «церковь православную соборную». Поэтому любой путь к абсолютизации власти был не приемлем, ибо соборность рассматривалась как одна из основ управления. Начало процессу институционализации принципа соборности, который должен сопрягаться с сильной центральной властью, а не противостоять ей, положил Владимирский собор, созданный митрополитом Кириллом в 1274 г. Он дал начало становлению института земских соборов, впервые собрав со всей страны широкий круг представителей светской и духовной власти.

Реализация идеи их соработничества стала принимать практический характер и воплощаться в последующих аналогичных заседаниях. Например, таким был Переяславский собор 1310 г.: «на соборе том присутствовали епископ, (...) князья, бояре, священники, иноки и великое множество других»¹. Подобно Владимирскому, этот собор принял меры к защите оборонительно-соглашательского курса. Кроме того, зарождающуюся соборную деятельность можно рассматривать и как форму политического дискурса, поскольку здесь осуществлялось коммуникативное взаимодействие субъектов и объектов государственной власти, направленное на согласование их позиций и выработку единой политической воли.

Приведенные факты вступают в противоречие с мнением евразийцев, считающих, что решающее влияние на политическое развитие России оказала Золотая Орда². Они не учли религиозный фактор, не позволявший Руси внедрять институты и методы управления «инославных» государств, не отвечающие «истинным» правилам государственного устройства. Поэтому надо принять мнение С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, считавших, что Орда не могла изменить государственное управление Руси³. На правоту русских классиков указывают юридические источники. Для того чтобы Русь внедрила у себя восточную политическую систему или ее элементы, ей надо было принять «Ясу» Чингис-хана, но действие «Ясы» распространялось только на языческие и мусульманские страны, а Кормчая книга и Мерило праведное не имеют никаких отсылок к законам Орды.

Однако процесс модернизации в то время не имел революционного характера, так как не предусматривал решительного слома прежней модели управления. Княжества сохранили себя в качестве относительно самостоятельных политических единиц. Не была сломана и вечевая модель управления на севере Руси. Приглашаемый князь не мог решающим образом влиять на ход политических дел Новгорода. А архиепископ Новгорода во второй половине XIII в. продолжал играть роль скрепы, мешающей развитию сепаратистских настроений в этом регионе и выделению его в отдельное самостоятельное государство.

Вместе с тем, сделанный оборонительно-соглашательским лагерем выбор в пользу «цесаря» имел важные последствия. Во-первых, институциональная подсистема Руси получила новый элемент, который, возглавив ее светскую власть, положил

¹ Житие святого Петра митрополита // Избранные жития... С. 247.

² См.: Савицкий П.Н. Степь и оседлость. Русский мир. Сборник. М.–СПб., 2003. С. 812–813.

³ См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 439; Ключевский В.О. Сочинения. Т. 2. М., 1988. С. 41.

начало укреплению вертикали государственного управления. Это предохранило Русь от политического развала, который пережила Германия, и не допустило опасного усиления демократических институтов местной знати, как это случилось в Литве и Польше, приведя их к потере независимости.

Принцип смирения перед высшей властью, внушаемый церковью, также имел свое положительное значение. Церковь учила, что если православный человек научится любить и чтить царя земного, то он будет любить и чтить Царя Небесного. Следовательно, станет удерживать себя от действий, идущих вразрез с основами веры, мешающими спасению души. Этот принцип начал пронизывать всю светскую и духовную иерархию Руси. Великий князь должен считать себя холопом (службой) царя и митрополита, удельные князья должны быть холопами старшего князя и своего епископа, повинуюсь каждому из них как «отцу своему и без его воли дел не вести». Соответствующие отношения складывались между князьями и их боярами, а нарождающееся дворянское сословие с самого начала смотрело на себя как на «служилых холопов».

Подобные новации провоцировали рост противоречий внутри самой политической системы Руси. Их основой стало столкновение традиционной модели управления с новыми тенденциями, грозившими лишить удельных князей прежней самостоятельности, а значительную часть населения – старого уклада жизни, в котором вече до 1262 г. играло иногда значимую роль. Только после поездки Александра Невского в Орду оно было подавлено и постепенно исчезло. Это усилило протестные волнения оборонительно-мобилизационного лагеря, идущие под лозунгом борьбы с ордынским «цесарем» и «татарами». Данные противоречия способствовали падению уровня устойчивости базовых потенциалов Руси как конфедерации относительно независимых княжеств. Западные уделы, чтобы сохранить у себя традиционные социально-политические стандарты, стали ориентироваться на Литву, готовую ради подчинения Руси пойти на уступки в этом вопросе.

Вместе с тем, сделанный выбор в пользу царской власти, сопряженной с институтом соборности, вел к уменьшению внутренних конфликтов и минимизировал возможность столкновений с Ордой. Это позволило заняться подъемом духовно-нравственных ценностей. При этом геополитическое влияние Руси явно возросло. Она избежала тенденции к периферизации, выступая как главная опора православной цивилизации. Русь сумела остановить движение романо-германского мира на восток, не признала над собой власть папы и осталась самым крупным государством Европы. Такое положение дел можно расценить как несомненный успех оборонительно-согласительского лагеря.

ОЦЕНКА ПЕРВОГО ЗАВЕЩАНИЯ ДМИТРИЯ МОСКОВСКОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В своей первой духовной грамоте (1372) великий князь Дмитрий Иванович сделал такое распоряжение о своих землях: «А что буде прикупилъ сель, или примыслилъ, или починковъ, или которая будутъ села отца моего великомъ княженье купля, или моя села купленая (...) те села и починки сыну моему, князю Василью, и моеи княгини, и моимъ дѣтемъ»¹. Так он гарантировал политическое преимущество своего старшего сына Василия Дмитриевича, назвав его первым среди наследников. Немногие дореволюционные историки давали характеристику этому завещанию. Грамота плохо сохранилась; кроме того, в ней нет известной статьи о передаче великого княжения Владимирского будущему Василию I, как во второй духовной (1389), которая и стала объектом пристального внимания ученых. Н.М. Карамзин в 1816 г. ограничился датировкой этого документа, отметив, что он написан между 1371 и 1377 гг., так как в нем уже упомянут Василий Дмитриевич, родившийся в 1371 г.² Н.А. Полевой в 1833 г. подчеркнул отсутствие пункта о Владимирском великом столе: «...Не знаем распоряжений Дмитрия о великом княжестве...»³. В том же духе высказался в 1851 г. В.О. Вешняков: Дмитрий Московский «делал наследником всего родового благоприобретенного движимого и недвижимого имения своего старшего сына Василия Дмитриевича, но не смел еще упомянуть о великом княжении, чувствуя, что планы его не совершенно созрели»⁴. А.В. Экземплярский в 1889 г. предполагал, что Дмитрий не передал старшему наследнику Владимир, ибо еще не был уверен, что «оно останется за его сыном». Зато, в отличие от предшественников, историк обратил внимание, что «из великого княжения он отказывает сыну села, купленные его отцом»⁵. Итак, Карамзин, Полевой, Вешняков придавали особое значение отсутствию в духовной упоминания о Владимирском столе. Вместе с тем, уже здесь Василий Дмитриевич становился первым среди членов семьи. Хотя Дмитрий Иванович пока не дерзнул распорядиться Владимиром, но, вероятно, рассчитывал на его закрепление за родом московских князей; об этом говорит упоминание великокняжеских сел, передаваемых им старшему сыну.

Советские исследователи Л.В. Черепнин и А.А. Зимин связали появление и содержание первой духовной Дмитрия Ивановича с военными действиями Москвы. Первый в 1948 г. датировал грамоту 1375 г., считая, что она была составлена перед походом московского князя на Тверь. Ученый полагал, что завещание было оформлено в связи с ухудшением внешнеполитической ситуации, когда «у великого князя произошло "розмирие" с Мамаем», а князь Михаил Александрович Тверской надеялся добыть ярлык на великое княжение Владимирское у хана⁶.

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. / Подгот. Л.В. Черепнин. М.–Л., 1950 (далее – ДДГ). № 8. С. 24–25.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. М., 1993. С. 258, прим. 116.

³ Полевой Н.А. История русского народа. Т. III. М., 1997. С. 51.

⁴ Вешняков В.О. О причинах возвышения Московского княжества. СПб., 1851. С. 93–94.

⁵ Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505г. Т. I. СПб., 1889. С. 102.

⁶ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. Ч. I. М.–Л., 1948. С. 58–59.

А.А. Зимин в 1958 г. утверждал, что «свою духовную Дмитрий Донской написал, отправляясь летом 1373 г. в поход против князя литовского Ольгерда», и что «близость предстоящей войны, чреватой всевозможными опасностями, могла побудить (...) князя московского составить завещательный акт». К такому заключению историк пришел, определив примерные хронологические рамки составления документа на основании его статьи об упоминании сына Дмитрия Московского: 1371–1374 гг. В указанный период Зимин, на основании сведений Московского летописного свода конца XV в. и Рогожского летописца, особо выделил 1373 г., когда правитель готовился к войне¹.

Значение первого завещания состоит в том, что оно обеспечило внутреннюю стабильность в вотчине Калитовичей, во многом обусловившую успех великокняжеской политики Дмитрия Ивановича, который избежал кризиса в собственных владениях, в отличие от своего противника – Михаила Александровича Тверского, который с 1366 по 1375 г. вел борьбу за тверской стол с князьями-сородичами.

При характеристике первой духовной грамоты Дмитрия Московского современные историки, в отличие от советских исследователей, указывают не на внешнеполитические, а на внутривотчинные причины ее составления. По их мнению, не войны с Тверью и Литвой, а стремление сохранить домен за Василием Дмитриевичем и закрепить за ним великое княжение побудило завещателя решить вопрос о наследстве в пользу княжича Василия.

В.А. Кучкин в 1999 г. указал на события начала «1372 г. внутри (...) московского княжеского дома»: рождение у правителя первенца Василия и женитьба Владимира Андреевича на литовской княжне Елене, которые заставили Дмитрия Московского позаботиться о правах наследника; и он «составлением завещательного распоряжения оградил права свои и своего потомства на московский великокняжеский стол и великокняжеские земли и доходы». По словам историка, князь передал старшему сыну то, что «получил сам по завещанию отца и что являлось в свое время великокняжеским уделом Симеона Гордого», добившись, чтобы «давние великокняжеские земли закрепились за преемником», так что «они оказывались для него не только отчиной, но и дединой, и оспаривать их у него в будущем с чьей-либо стороны юридически становилось делом крайне сложным». Кучкин полагает, что Дмитрий Иванович составлением духовной предупредил возможные политические осложнения в семье и «весьма удачно (...) решал вопросы столонаследия в Московском княжестве, как сохраняя за сыном Василием большую часть собственных владений, так и обеспечивая лучшую их правовую защиту и тем самым резко выделяя (...) преемника из всех представителей московского княжеского дома». Отсутствие статьи о Владимирском столе автор объяснил тем, что с 1371 по 1374 г. в Северо-Восточной Руси установилось двоевластие: Михаил Александрович Тверской и Дмитрий Иванович Московский владели на него ярлыками, «но ни тот, ни другой не имели полного контроля над относившимися к великому княжению землями»; поэтому в своем первом завещании московский князь еще «не делает распоряжений относительно этой территории». Кучкин указывает, что важность грамоты заключается в том, что она «характеризует важный этап в развитии московских междукняжеских отношений», а также доказывает стремление

¹ Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. Сб. VI. М., 1958. С. 285–286.

завещателя «закрепить за (...) потомством московский великокняжеский стол, используя для этого как авторитет церкви, так и социальную поддержку боярства»¹.

А.Б. Мазуров и А.Ю. Никандров в 2008 г. в целом повторили эти рассуждения. По их словам, Дмитрий был обеспокоен усилением Владимира Андреевича и поэтому написал завещание, которое гарантировало сохранение за его наследником домена. Но, в отличие от Кучкина, исследователи полагают, что первую духовную «Дмитрий Иванович писал явно не по благословению митрополита Алексия» и что «политическая элита Московского княжества неоднозначно восприняла провозглашение наследником грудного младенца Василия I и отстранение от подготовки завещания великим князем серпуховского вотчича»². С этим выводом трудно согласиться: московское боярство являлось надежной опорой Дмитрия Ивановича, и Кучкин показал, что он, оговорив нерушимость «церковных пожалований, сделанных (...) великим князем Иваном Ивановичем», заручился поддержкой митрополита Алексия, санкция которого была необходима для утверждения московского стола за старшим сыном³. Эту мысль доказывает следующее место в грамоте: «А что отец мои, князь великий сдаль село Павловское к святому Олександру, а к святыи Богородици на Крутицю четвертую часть ис тамги ис Коломенское, а костки московские к святыи Богородици на Москвь и к святому Михаило, а того не подвигнуть»⁴.

Характеризуя завещание 1372 г., К.П. Ковалев-Случевский в 2008 г. отметил неопределенность формулировки статьи о великокняжеских владениях, поскольку тогда князь, по его словам, «еще не определился окончательно – отдавать ли (...) все только старшему сыну или же оставить на усмотрение всех детей – под руководством великой княгини, которая могла бы мудро рассудить любые возникающие споры». Историк полагает, что «упоминание Василия первым еще не обозначало конкретно, что он получит всю полноту власти и основную собственность». Тем не менее, автор подчеркнул, что завещатель «главные земли отчины (...) отдает старшему – четырехлетнему Василию»⁵.

Духовная обеспечила единство Московского княжества, так что Дмитрий Московский мог сосредоточить силы на борьбе за Владимир. Совсем иная ситуация сложилась в Твери – главном сопернике Москвы того времени, где Михаил Александрович не без труда удерживал власть в борьбе с соперниками.

Таким образом, Дмитрий Иванович продолжил политику своих предшественников, обозначив особый статус домена, который постепенно расширялся. Поэтому он имел преимущество в борьбе за власть над всей Северо-Восточной Русью: ведь Москва, в отличие от Тверского княжества, не была ослаблена внутрдинастическими распрями.

¹ Кучкин В.А. Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского // Средневековая Русь. 1999. № 2. С. 64, 67, 69, 72.

² Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. М., 2008. С. 78–79.

³ Кучкин В.А. Указ. соч. С. 70–71.

⁴ ДДГ. № 8. С. 25.

⁵ Ковалев-Случевский К.П. Юрий Звенигородский. Великий князь Московский. М., 2008. С. 84–85.

В.А. Волков
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России Института истории и политики
Московского педагогического государственного университета

ИВАН III – СОЗДАТЕЛЬ НОВОЙ РУСИ

*«Россия Владимира, Олега и Ярослава умерла под ударами татар.
Россия нынешняя образована Иоанном». Н.М. Карамзин*

Создателем национального Русского государства правопреемником которого является и современная Россия, был государь вся Руси – великий князь Иван III. Рости и мужать будущему великому правителю (род. 22 января 1440 г.) пришлось в тяжелое время междоусобий и смут. С малых лет он был вынужден приобщиться к трудным и хлопотным государственным делам. Отец его, великий князь Василий II, был схвачен двоюродным братом Дмитрием Шемякой и почти сразу ослеплен. Вернув себе власть, государь-слепец делает совсем еще юного сына своим поводырем и учеником. Причем не только в житейском смысле этих слов, но и в делах высокой политики. Даже первый брак Ивана Васильевича был призван укрепить Московское государство, расшатанное длительным периодом войн. В 1446 г. Василий II договорился с тверским князем Борисом Александровичем о помолвке 6-летнего сына и 4-летней тверской княжны Марии Борисовны (поженились они, правда, позже – в 1452 г., когда жениху исполнилось 12, а невесте – 10 лет)¹. Свадьбу сыграли в канун Троицына дня². Породнившись с тверским князем, Москва получила важного союзника. С помощью тверских полков, имевших лучшую на Руси артиллерию, московские воеводы окончательно разбили Шемяку и взяли его хорошо укрепленные города – Галич и Углич. За эту помощь дан был Борису Александровичу город Ржева³.

С того времени грамоты стали писать от имени двух великих князей – старого и совсем юного. Несмотря на молодость, Иван Васильевич полностью заменяет отца во время частых войн, ходит походами и против татар, и против Шемяки, укрывшегося в Новгородской земле и продолжавшего оттуда нападать на московские владения. В делах и походах шло время, наш герой быстро вырос. В 1458 г. у Ивана родился старший сын, также нареченный Иваном. Старый же князь Василий, называвший себя «многогрешным», а современниками нареченный «Темным», быстро дряхлел и 17 марта 1462 г. умер. Было ему от роду 47 лет. На московский великокняжеский стол вступил 22-летний Иван Васильевич. От природы одаренный большим умом и сильной волей, он продолжил объединительную политику своих предков и закончил собиранье княжеских уделов под властью Москвы, создав единое Русское государство.

Когда Иван III начал править, его владения почти со всех сторон были окружены фактически независимыми княжествами: северные земли контролировало вечевое Новгородское государство, власти которого величали себя не иначе как «Господин Великий Новгород»; крепко держались своих старинных прав князья тверские, ростовские, ярославские, рязанские. Силой или миром Иван Васильевич подчинил себе все эти земли, решив стоявшую перед страной важнейшую геополитическую задачу. Формально независимые Псков и Рязань фактически также были подвластны ему. К

¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. XXV. М., 2004. С. 272–273.

² ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 495.

³ Там же. Стб. 493.

концу правления великий князь имел лишь иноверных и иноплеменных соседей: шведов, ливонских немцев, литовцев, крымских и ногайских татар. Служили тогда Москве касимовские и даже казанские татары, что изменило статус Ивана III. Раньше, окруженный такими же, как он сам, владельцами, он являлся одним из многих князей-государей – хотя и самым сильным, но равным им по значению. Теперь, уничтожив независимость этих князей, превратив их в своих покорных слуг, он стал единственным государем образовавшейся великорусской народности.

В начале княжения Иван III лишь мечтал о независимости, как мечтали о ней все его предки, начиная со времен далекого, но памятного Батыева нашествия. В конце своего правления он стал самодержавным государем и должен был думать о благе целого народа и его защите от внешних врагов, что, конечно же, требовало укрепления старых и установления новых границ. Но, еще только приобретая такое значение, Иван III не мог размениваться своей властью с другими князьями московского дома. Уничтожая чужие уделы (в Твери, Ярославле, Ростове), он не мог оставлять прежних порядков и в собственной семье. При первой же возможности великий князь отнимал уделы у братьев и ограничивал их старые права. Он требовал их полного повиновения себе как государю, не останавливаясь перед тюремным заточением самых упорных. Поначалу, однако, авторитет великого князя был недостаточно высок – многие из русских князей не уступали ему по своему древнему и знатному происхождению.

Во многих действиях Ивана III видно стремление подчеркнуть величие своего рода и показать правоту исторического выбора, давшего именно московским князьям первенство над другими Рюриковичами. После смерти своей первой жены Марии Борисовны (1467 г.) овдовевший Иван «стал искать другой жены подальше и поважнее». Вскоре нашлась невеста, отвечающая самым строгим критериям. Ею стала жившая в изгнании в Риме племянница последнего императора Византии Константина XI Палеолога – Софья Палеолог. Свадьба состоялась в ноябре 1472 г. Молодая хозяйка Кремля начинает менять сложившиеся порядки. При московском дворе вводится новый пышный церемониал, меняется государственный герб. Им становится унаследованный от павшей Византии двуглавый орел. Вслед за греческой царевной из Италии были выписаны мастера, которые построили Ивану III новый кирпичный Кремль, Успенский и Архангельский соборы, Грановитую палату.

Новое государство, объединившее под своей властью обширные пространства Восточной Европы, не могло не занять видного международного положения. Союз с ним стали добиваться многие соседи: господарь Молдавии Стефан III, венгерский король Матвей Корвин, германские императоры Фридрих III и его сын Максимилиан I. В 1486 г. Москву посетил странствующий рыцарь – силезец Николай Поппель из Бреслау. По возвращении на родину он стал распространять молву об увиденном им Русском государстве, правитель которого «гораздо богаче и могущественнее польского короля». Для многих в Европе это стало новостью. О Руси до тех пор ходили слухи как о стране подвластной то ли все еще татарам, то ли польским королям. Известия о появлении на Востоке сильной Московской державы стали настоящей сенсацией, требуя включения этого государства в европейский политический расклад. В январе 1489 г. Поппель вернулся в Москву уже как официальный представитель императора Священной Римской империи, и на тайной аудиенции предложил Ивану III ходатайствовать перед императором о присвоении ему титула короля. С западноевропейской точки зрения, это был единственный способ легализовать новое государство как часть общей системы западноевропейских государств, а заодно и поставить его в определенную зависимость от Империи. Но в Москве думали иначе. Иван III с досто-

инством ответил зарубежному посланнику: «Мы Божию милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, и поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы (...) а поставления, как наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»¹. В грамоте императору Фридриху III Иван Васильевич назвал себя «Божиею милостию Великим государем всея Руси»². Впоследствии, в сношениях со второстепенными государствами, он титуловал себя и царем.

Став самодержавным государем, Иван III по-новому заявляет о себе во внешней политике страны. Он – первый из русских князей, отважившийся сбросить с себя последние остатки зависимости от Орды, прекратив выплату разорительных даней-выходов ордынским «царям». Способствовало этому и обострение вражды отдельных частей бывшего когда-то грозным и могучим Улуса Джучи – Большой Орды и Крымского юрта. С Большой Ордой союзничал польско-литовский король Казимир IV, с крымским ханом Менгли-Гиреем – Иван III. Разрубить этот сложный узел без войны было невозможно. Основные события произошли в 1480 г., когда хан Большой Орды Ахмат вторгся в русские земли, чтобы восстановить свою власть над усилившейся Москвой. Позже он объявил приехавшему к нему послу из Москвы, что начал войну, ибо великий князь ему «челом не бьет, а выхода (дани) (...) не дает девятый год».

И хотя велика была опасность, московский князь не дрогнул. Он твердо решил встретить врага на границе и направил свои полки к реке Угре, куда двигались ордынцы. В октябре 1480 г. татары сделали две попытки форсировать Угру, но с огромным для них уроном были отбиты русскими войсками. Простояв еще некоторое время на Угре и так и не дождавшись помощи от Казимира, владения которого подверглись нападению крымских татар, опасаясь надвигающейся ранней зимы, Ахмат увел свои полчища обратно. День отступления татар, 11 ноября 1480 г., принято считать днем полного освобождения Русской земли от ордынского ига.

Огромным успехом обернулись войны Ивана III с Казанским ханством. После ряда неудачных походов в 1487 г. была одержана важная победа – с помощью русских полков на казанский престол взошел союзник московского государя Мухаммед-Эмин. Восточная граница Руси надолго стала одним из самых безопасных рубежей.

Успешно действовал Иван Васильевич и против еще одного старого недруга – Литвы. Развернув настоящее наступление на западном и юго-западном направлениях, он присоединил к своему государству порубежные волости с городами Вязьма, Белая, Торопец, Дорогобуж. Аннулированными оказались старые права литовских князей на Новгород, Великие Луки и Ржевские волости. Русско-литовская граница отодвинулась далеко на запад. Признав поражение, великий князь литовский Александр Казимирович выпросил у Ивана Васильевича себе в жены его дочь Елену³. Но отношений с Литвой этот брак не улучшил. Русские князья, находившиеся под властью Литвы, продолжали переходить на сторону Москвы. Литовцам это не нравилось, и в 1500 г. вспыхнула новая война. Воеводы Ивана III действовали удачно, громя и преследуя врага. В 1503 г. был заключен мир: к Москве отошли еще 19 порубежных городов, в т.ч. Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Брянск и другие.

¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. Стб. 12.

² Там же. Стб. 14.

³ Lietuvos Metrika. Kn. 5 (1427–1506). Vilnius, 1993. № 27.1. P. 77–78; НИОР РГБ. Ф. 92. Д. 2. Л. 136; ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 227; Волков В.А. Под стягом Москвы. Войны и рати Ивана III и Василия III. М., 2016. С. 114.

Великое княжество Литовское теряло 70 волостей, 22 городища и 13 сел – в общей сложности третью часть захваченных им прежде древнерусских земель¹.

Долгое время наследником Ивана III был его старший сын – от первого брака – Иван Иванович Молодой, женатый на молдавской княжне Елене Стефановне. Но еще в юности у него обнаружился тяжкий недуг – «камчюга в ногах», так называли тромбоз флебит. Чтобы помочь сыну, Иван Васильевич выписал из Венеции некоего «врачевателя Леона». Лечение велось самым диким образом. Леон ставил пациенту банки (жег «стекляницами по телу»), вливал в него горячую воду. После такого врачевания, в начале марта 1490 г., 32-летний Иван Иванович скончался. Головой за это ответил и сам Леон, казненный по приказу государя на сороковой день после смерти сына.

Сложным и запутанным было отношение Ивана III к внезапно обьявившейся на Руси ереси жидовствующих (схариистов), последователи которой отвергали многие христианские догматы. Великий князь поначалу сознательно поддерживал еретиков. Действовать так его вынуждала необходимость иметь союзнические отношения с крымским ханом Менгли-Гиреем. Посредником в этом важном деле оказался богатый еврей Хозя Кокос из Кафы, к советам которого прислушивался не только Менгли-Гирей, но и султан Баязид II. Военный союз Москвы и Кырк-Ора (тогдашней столицы Крыма) оказался крайне выгодным для Ивана III, позволив ему сокрушить своих врагов и сделать свою страну могучей державой. Чувствуя снисходительное отношение власти, еретики-схариисты активизировали свою деятельность. Они привлекли на свою сторону митрополита Зосиму и думного дьяка Федора Курицына. Более того, заботясь о своем будущем, ересиархи плотно опекали будущего русского государя. Они добились покровительства Елены Стефановны – матери наследника престола Дмитрия-внука. Естественно, против ереси выступили вторая жена Ивана Васильевича – великая княгиня Софья и их сын Василий. За это на них обрушились гнев и опала государя. Но затем, под влиянием видного церковного лидера и мыслителя Иосифа Волоцкого, Иван III раскаялся. Подтолкнула его к этому тяжелая болезнь (по мнению биографов, он перенес инсульт), воспринятая государем как кара Божья за греховные дела и помыслы. Он казнил самых упорных из еретиков и наложил опалу на своего внука Дмитрия и его мать Елену, заточив обоих в тюрьму. Наследником престола был объявлен старший сын великого князя от второго брака – Василий Иванович.

Вскоре после этих событий Иван III составил завещание. Содержание этого документа весьма любопытно. Усиливший как никто из его предшественников роль московского государя, Иван Васильевич не хотел допустить ослабления единодержавной власти и впредь, а потому сознательно обделил своих младших сыновей в пользу наследника Василия. Он лишил их всяких державных прав, подчинив великому князю как простых служилых князей².

Словом, везде и во всем Иван III закреплял роль великого князя как единодержавного и самодержавного монарха, которому одинаково подчинены как служилые князья, так и простые люди. Так вместе с объединением Северной Руси совершилось превращение удельного князя Московского в государя-самодержца всея Руси.

¹ Сборник Русского Исторического Общества. Т. 35. № 75. СПб., 1882. С. 394–402; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 5. М., 1984. № 39. С. 34–37; Lietuvos Metrika. Кн. 5. № 118.13. Р. 209–212; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 1915. С. 205; Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952. С. 518–520; Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 194–195; Волков В.А. Под стягом Москвы. С. 134.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.;Л., 1950. С. 353–364.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОГО «ПРИКАЗНОГО» УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI – НАЧАЛЕ XVII в.

Несмотря на вызванные опричниной Ивана Грозного противоречия в разных сферах государственной и общественной жизни, в течение двух десятилетий, предшествующих Смуте, продолжает свое устойчивое развитие приказная система управления. При этом сохраняется дуализм политической системы, в целом, сочетавшей «приказные» тенденции и сословно-представительные – выборные начала на разных уровнях управления. Исследование проблемы их взаимодействия постоянно накапливает историографический опыт и обогащается разными аспектами. Мы остановимся на вопросах формирования региональных институтов управления в последней четверти XVI – начале XVII в., которые приобретали особое значение в условиях надвигающегося общегосударственного кризиса и поиска путей его преодоления.

Этот период еще недавно рассматривался в литературе как время разрастания и превалирования приказного управления не только на центральном, но и на местном уровнях, «падения (после опричнины) роли сословно-представительных органов самоуправления»¹. Такой вывод логично вписывается в концепцию эволюции государственного строя в сторону «деспотической формы самодержавного правления» во второй половине XVI в.² В XVII в. этот процесс был продолжен и, как отмечала Н.Ф. Демидова, «эволюция государственного аппарата (...) шла в направлении совершенствования приказной системы сверху донизу, вытесняя разнохарактерные учреждения сословного плана государственными бюрократическими учреждениями»³.

Однако в работах последнего десятилетия реализуется, с нашей точки зрения, более перспективный подход, и акценты делаются на эволюционности и сочетаемости разных форм и механизмов управления⁴ (в т.ч. новых и «архаичных»), их взаимозаменяемости и взаимодополняемости, синхронизации процессов закрепощения и привлечения земских учреждений к административному и фискальному управлению на местном уровне, «бюрократизации» процесса самоуправления на местах, т.е. проникновении государственного аппарата в толщу земских миров⁵, синхронизации процессов централизации и формализации губного и земского управления, а также на своеобразном союзе государства и земли⁶.

¹ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 239.

² Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 83–89.

³ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 17–18.

⁴ Фоменко Р.В. Наместничье управление и его альтернативы: проблемы эффективности местного управления в русском государстве в конце XV–XVI вв. // Юридический вестник Самарского университета. Т. 5. № 3. 2019. С. 26–33.

⁵ Аракчеев В.А. Власть и «Земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII в. М., 2014. С. 412.

⁶ Бовыкин В.В. Русская земля и государство в эпоху Ивана Грозного: очерки по истории местного самоуправления в XVI в. СПб., 2014.

Определяя степень развития приказных элементов «количественными изменениями в составе группы приказных людей», Н.Ф. Демидова понимает под этим термином дьяков и подьячих в центральных приказах и местных приказных (съезжих) избах¹. Однако есть основания и для более широкой трактовки данного термина, что можно было наблюдать еще в дореволюционной историографии – в частности, в работах А.Д. Градовского, А.А. Кизветтера и др.² «Приказными» людьми можно считать представителей центральной власти на местах независимо от их функционала и сроков пребывания, в т.ч. и наместников с волостелями, также олицетворяющими «приказное» начало. Этот термин в источниках применялся даже к представителям местного выборного управления (губным старостам и городовым приказчикам) в случае их присутствия в регионе в качестве единственных управленцев³, реализующих правительственные решения и указы.

Само понятие «приказная» или «съезжая» изба повсеместно утверждается только в источниках с 1620-х гг. Для более раннего времени характерны, видимо, были разные обозначения: «приказная», «судная», «дьячья» избы. Рассмотрим основные особенности формирования «приказной» администрации в местном управлении в послеопричный период. Можно выделить несколько источников. Во-первых, речь может идти о наместнических назначениях. В литературе имеют место различные мнения о судьбе института наместников-кормленщиков после реформы 1556 г. Общим распространенным мнением является признание сначала частичного сохранения, а впоследствии – и более активного оживления этого института после опричнины⁴. А.П. Павлов видит причину «реанимирования» наместнической системы в конце XVIв. в «стремлении правительства «подкормить» верхушку служилого сословия в условиях послеопричной разрухи⁵. Р.В. Фоменко объясняет необходимость и живучесть данного института управленческими потребностями, трудностями введения губных и земских органов самоуправления. Действительно, ссылаясь на Судебники 1589 г. и 1606–1607 гг., в которых требуется введение целовальников и старост в дополнение к власти наместников там, где их «наперед сего не было», можно сделать вывод о том, что «наместничество в силу своей архаичности было далеко не всегда и не везде столь дисфункциональной системой, как это изображается в источниках и научной литературе»⁶. Отказ от наместнической системы как посреднического звена не должен был нанести ущерб финансовым и военно-административным интересам государства, поэтому в большинстве случаев земские органы не заменяли, а лишь дополняли наместничье управление⁷.

Наиболее научно обоснованную точку зрения на историю наместнического института во второй половине XVI в. дает В.А. Аракчеев, изучивший его в контексте эволюции фискальной политики государства, холопства и оформления приказов, т.е. как «элемент социально-политической системы». Автор делает вывод о шедшем постепенно процессе «минимизации прерогатив наместников»: «Коммутация кормов

¹ Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 17–18.

² Градовский А.Д. История местного управления в России. СПб., 1868; Кизветтер А.А. Местное самоуправление в России IX–XIX вв. Пг., 1917.

³ Павлов А.П. Указ. соч. С. 242.

⁴ Там же. С. 243.

⁵ Там же. С. 244.

⁶ Фоменко Р.В. Наместничье управление... С. 30.

⁷ Фоменко Р.В. Система управления городскими общинами в России в XVI–XVII в. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. Самара, 2016. С. 73–82.

(перевод в денежный эквивалент) и внесение их казначеям и дьякам; передача по указу 1586 г. оформления служилых кабал губным старостам в сельских местностях, приказным избам в городах, Приказу Холопьяго суда в Москве; оформление грамот на холопов в Москве в отделениях Большого дворца. Все это подготовило почву для перехода управленческих функций в регионах к чиновникам, связанным с Приказами. При этом особый интерес вызывает вывод автора о том, что «в толщу тяглых миров наместничья власть (с широкими полномочиями) не проникала»¹.

Вторым путем формирования «приказной» администрации были назначения в города «судей», «приказного человека», воеводы. Именно так именуется в разных источниках новые администраторы. Но в большинстве случаев чиновники в городах Севера и Центра значатся в источниках без указания должностей². Хотя это время рассматривается в литературе как время активного распространения воеводской системы, однако в разрядах перечислялись только воеводы пограничных городов (Великий Новгород, Псков, Корела, Смоленск, Астрахань, Казань). В хронологическом реестре местнических дел по Разрядным Книгам Ю.М. Эскин упоминает воевод в 24 пограничных и стратегически важных городах³. Имеются и случаи одновременного назначения в один и тот же город и наместника и воеводы, что приводило к местническим спорам⁴. Широкого употребления для обозначения представителей царской администрации в городах Центра и Севера понятие воеводы не получило⁵. Проникновение данного института с окраин вглубь страны началось активно уже после Смуты. Не до конца изученным и спорным остается вопрос об объеме их полномочий. По одной из оценок, власть воевод была значительно шире власти наместника (А.П. Павлов). По мнению В.А. Аракчеева, отличием компетенции воеводы от прерогатив наместника и в незначительных городах, и в крупных административных центрах являлись ограниченные судебные полномочия нового воеводского института – они переместились в центральные органы власти. Также воеводы были лишены права собирать в свою пользу пересчитанные в денежном эквиваленте наместничьи доходы и судебные пошлины, но наделены неприбыльными обязанностями по контролю за оформлением и отпуском холопов, т.е. получается, что «воеводы уступали прежним наместникам в объеме компетенций»⁶. Кроме этого, воеводская власть воспринималась как институт чрезвычайный, существующий не «по пошлине». Как отмечают некоторые историки, были проблемы с ее легитимизацией. Возможности воевод в создании собственного аппарата управления на местах были минимальны; они должны были следовать царским наказам, составлять отчеты. Ключевые атрибуты наместнической власти – право на кормление и самостоятельное управление у воевод отсутствовали полностью.

Особый интерес представляет вопрос о том, кто мог назначаться на воеводские должности в последней четверти XVI – начале XVII в., и связан он напрямую с эволюцией Государева двора.

Многие из князей – членов Боярской думы служили на воеводствах в городах. Однако даже с учетом роста численности Боярской думы при Борисе Годунове в пер-

¹ Аракчеев В.А. Указ. соч. С. 383–396.

² Павлов А.П. Указ. соч. С. 240

³ Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994.

⁴ Там же. С. 91.

⁵ Павлов А.П. Указ. соч. С. 242.

⁶ Аракчеев В.А. Указ. соч. С. 395–396.

вые годы его правления и некоторого сокращения в конце сообщается о 20 думных боярах к 1605 г.¹

Среди воевод в последней четверти XVI и в первой половине XVII в. преобладали дворяне московские. Это – придворный чин, служба по которому подразумевала «общегосударственный» характер. Основной вид их деятельности – служба воеводами в городах и полках. В боярском списке 1588/1589 г. значатся 174 чел. Всего с конца 1580-х гг. по 1605 г. в чине московского дворянина служили 246 чел. До конца царствования Бориса Годунова не прослеживается заметного возрастания численности данной категории. А в 1613 г. в списках имеется 88 московских дворян. В дальнейшем наблюдается скачкообразный рост этой группы (1616 г. – 311 чел., 1618 г. – 496 чел., к 1650 г. численность увеличилась в 7 раз). Интересна и сама организация данной службы: служили по «половинам» – одна их часть находилась в Москве, другая – в отпуске, третья – по службам. В течение года меняли каждую треть. Следовательно, около 45–50 московских дворян были в распоряжении приказов для назначения на воеводские должности административного и военного характера. Московские дворяне в те годы были главным резервом пополнения Боярской думы².

Следующей резервной группой для воеводств были выборные дворяне, которые представляли собой самую многочисленную служилую группировку Государева двора. С конца 1580-х гг. наблюдался более значительный рост ее численности – с 680 до 900 чел. к 1605 г. В служебном плане они рассматривались и как нижний чин Государева двора, и как высший – в городской служилой корпорации. Но только 5% из них назначались на воеводские должности, причем – на второстепенные, в городах (в товарищи к главным воеводам) или в «меньшие воеводы» в полках. Нередко они были в качестве «приказных людей» и «судей» в тех городах, в которых служили. Выбирались они уездными служилыми людьми в губные старосты и городовые приказчики, которые практически повсеместно были распространены на рубеже XVI–XVII вв.

Стольники и стряпчие в данный период довольно редко встречаются среди полковых и городовых воевод. Только в XVII в. стольники начинают все больше привлекаться к такого рода службе, особенно к концу столетия. Да и численность их была невелика: 1546 г. – 32 чел., 1598/1599 г. – 47 чел., к 1604 г. – 70 чел. Их служба была, главным образом, связана с Государевым двором и проходила в Москве.

Третья составляющая «приказной» администрации в городах представлена дьяческой и подьяческой группой (т.н. временная часть «приказной» администрации – воеводы, дьяки, подьячие с приписью, имеющие право самостоятельно подписывать документы, - сменялись каждые 2–3 года, и постоянная часть – местные подьячие). Как отмечается в литературе, в рассматриваемый период практически сложился дьяческий корпус: в 1588/1589 г. – не менее 70 чел., к 1604 г. – более 80 чел. (как приказные, так и городовые и прочие дьяки). По подсчетам Н.В. Рыбалко, на период правления Бориса Годунова с 1598 г. до июня 1605 г. из 351 чел. (148 дьяков и 203 подьячих) в приказных избах городов проходили службу 33 дьяка и 114 подьячих³. 1626 г. – 78 чел., 1633 г. – 90 чел., 1646 г. – 86 чел.⁴

¹ Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. Очерки истории. СПб., 2006. С. 242.

² Там же. С. 251.

³ Рыбалко Н.В. Приказное управление в городах России в период Смуты начала XVII в. // Власть [журнал]. 2010. № 6. С. 138–141.

⁴ Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. С. 261.

Местные подьячие составляли основное ядро местной администрации. Их комплектование велось на тех же основаниях, что и комплектование кадров писчих дьячков губных и земских изб, т.е. путем выбора или найма, а значит – они были зависимы от выборщиков и нанимателей в большей степени, чем от воевод. Через выбор и найм в ряды местных подьячих проникали и тяглые элементы¹. Служба в подьячих местных приказных изб для представителей высшего служилого сословия была скорее исключением. С 1598 г. до 1605 г. Рыбалко нашла сведения только о 4 подьячих из выборных дворян и детей боярских. Лишь часть дьяков и подьячих так и оставалась в приказных и воеводских избах в течение всей своей жизни, другие попадали в московские приказы.

Заслуживают особого внимания имеющиеся случаи пожалования в рассматриваемый период в городские дьяки губного старосты и назначения дьяков на воеводство², а также использование земских и губных дьячков в приказных избах.

Наконец, были города, в которых вообще отсутствовал в тот или иной период времени «приказной человек». Н.Ф. Демидова приводит пример города Борисова, где не было приказных людей и во второй половине XVII в., а «ведали» его в Можайске³. Существовала также практика «спаренных» в управлении городов и пунктов. Приказная изба могла действовать то в одном из таких городов, то в другом (Парфеньев, Чухлома, Соль Галицкая). И если это было весьма распространенным явлением в XVII в., то в конце предыдущего столетия такая практика тем более была допустима.

Таким образом, имевшее место реформирование Государева двора после опричнины и в годы правления Бориса Годунова и, как следствие, «перераспределение» отдельных его представителей (выборных дворян, московских дворян) на службу в города, в т.ч. в качестве «приказных людей», воевод не привело, по имеющимся данным, к резкому увеличению формировавшегося чиновного «контингента» для местного «приказного» управления. Этому не способствовал и процесс эволюции наместнической системы в систему воеводскую со всеми его противоречиями и региональными отличиями. Случаи назначения губных старост в дьяки, подьяческая категория из представителей местных социальных низов, использование земских и губных дьячков в воеводском управлении, объединение городских приказчиков с подьячими для управления в городах, факты отсутствия «приказного» человека в управлении в городе в том или ином году – все это свидетельствует о функционировании и дальнейшем развитии системного взаимодействия «приказного» и «выборного» элементов в местном управлении накануне Смуты. Итак, можно говорить не только об «устойчивом функционировании системы государственных (приказных) учреждений в годы Смуты и консерватизме "доморощенной" приказной бюрократии как факторах, в немалой степени способствовавших сохранению и упрочению Московского государства»⁴, но и о накапливавшемся в предшествующий Смуте период опыте взаимодействия «приказных» людей с выборными как основе для преодоления кризиса начала XVII в. и его последствий.

¹ Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 63.

² Рыбалко Н.В. Приказное управление в городах России... С. 140.

³ Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 30.

⁴ Рыбалко Н.В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011; Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М., 2009.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ И НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В XVI–XVII ВВ.: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Весьма расхожим в обыденном сознании является представление о царской власти в России, не имеющей никаких «пределов». Подобные оценки до сих пор бытуют среди отечественных и зарубежных исследователей¹. Но существует и другой взгляд на нашу историю. В работах ряда историков – российских и иностранных – развешиваются мифы о «варварской и деспотической» Руси². Тем не менее, они по-прежнему остаются живучими, равно как и досужие разговоры об исконном русском «холопстве», разглагольствования о «рабской душе России», которыми пытаются дискредитировать и отечественные традиции народовластия, и нашу страну – в целом. Взамен мы получаем абсолютизацию власти правящей бюрократии, подрыв основ «гражданского общества» и отсутствие гармонии в отношениях «Земли» и «Власти»³.

Обратимся, однако, к истории допетровской России для прояснения особенностей ее государственного и общественного устройства. Если мы поймем сущность дихотомии «Земли» и «Власти» и принципы их взаимодействия, то сделаем большой шаг в осмыслении и усвоении нашего исторического опыта. Данная проблематика вписывается в развивающейся в современной историографии исторический институционализм, который «изучает преимущественно роли политических институтов»⁴.

Уточним терминологию. Под институциональным ограничением царской власти следует понимать формально-правовые ограничения и противовесы в лице тех или иных государственных учреждений. Под неинституциональным ограничением подразумеваются дополнительные факторы, не позволявшие монарху при принятии решений руководствоваться только собственными соображениями и интересами.

В дореволюционный период историки редко обращались к данной проблематике. Особо выделим очерки В.Е. Вальденберга о древнерусском понимании «пределов царской власти» в X–XVII вв. (1916). Весьма интересным представляется диалог автора с В.О. Ключевским о том, что, как «дума не действует без государя», так «и государь не действует без думы». Вальденберг четко обозначал границы, до которых простиралась царская власть: «...Московский государь имел обширную власть над лицами, но не над порядком», - и пояснял: «Изменить установившийся порядок политических отношений он был не в силах, потому что он был не им установлен, и ему приходилось этому порядку подчиняться»⁵. По мнению исследователя Е.А. Оболон-

¹ Мининкова Л.В. Теория вотчинного государства и особенности российской истории // Новое прошлое / The New Past. 2018. №3. С. 117; Пайпс Р. Собственность и свобода / пер. с англ. Д. Васильев. М., 2000. С. 160–161, 241–242.

² Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / пер. с англ. П.И. Прудовского; науч. ред. А.Б. Каменский. М., 2016. С. 535–536.

³ В поисках истины: ученый и его школа: Коллективная монография. М., 2012. С. 76, 80.

⁴ Белькова А.А. Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 7. С. 117.

⁵ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в. М., 2006. С. 14–15.

ской, такой взгляд Вальденберга подразумевает «ограничение власти традицией, некими внеинституциональными (неформальными) нормами, закладывающее основу для будущей легитимизации традиций. Очевидно, что в русской политической мысли наблюдается проявление, а затем и доминирование аксиологических установок над формальными правилами и нормами»¹. Историк также дает свою классификацию факторов, ограничивавших царскую власть: 1) нормы, обязательные для царя (Закон Божий, христианский обычай, традиции, нравственность, различные аксиологические установки); 2) ограничение власти царя другой властью (например, патриархом, Боярской думой, Земским собором, общественным мнением); 3) право на свободное обсуждение действий царя и возможность «сопротивления». По словам Е.А. Оболонской, «вышеперечисленные ограничения объединяет то, что они носят в основном не формально-правовой, а условный (внеинституциональный) характер, не создающий "запас прочности" для сдерживания автократических тенденций, усилившихся в XVIII в.»². Советский и российский историк А.Г. Кузьмин, обращаясь к схожей тематике, констатировал, что ограничить власть царя могли, в той или иной степени, церковь, феодальная аристократия и «Земля»³.

В центре давно начавшейся дискуссии о правовом ограничении царской власти находится ст. 98 Судебника 1550 г.: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с *государева доклада и со всех боар приговору вершайется* (курсив мой. – Д.С.), и те дела в сем Судебнике приписывати»⁴. В своем труде «Боярская дума Древней Руси» В.О. Ключевский отмечал, что Боярская дума в соответствии с этой статьей ограничивала царскую власть⁵. Его мысль в дореволюционной историографии развил В.И. Сергеевич. Он отмечал, что бояре «связывают волю государя», а о ст. 98 Судебника 1550 г. писал: «это несомненное ограничение царской власти и новость: царь только председатель боярской коллегии и без ее согласия не может издавать новых законов»⁶. Но эти утверждения подверглись критике со стороны М.Ф. Владимирского-Буданова⁷. М.А. Дьяконов тоже во многом не соглашается с В.И. Сергеевичем⁸. Историография советского периода не добавила единодушия. М.Н. Покровский нашел в формулировке ст. 98 Судебника 1550 г. «феодальную конституцию»⁹. И.И. Смирнов, напротив, выделил противоречие между трактовкой упомянутыми историками данной правовой нормы и Судебником. Не могла статья, якобы ограничивавшая царскую власть Боярской думой, попасть в свод законов, явно носивший антибоярскую направленность и ограничивавший роль боярства в управлении. Автор отметил важную роль приказных людей, в чьей компетенции находилось редактирование законодательных актов; от них зависела формулировка закона, содержание которого определялось царем и Боярской думой. Кроме того, историк вовсе не

¹ Оболонская Е.А. «Предель» власти в историографии В.Е. Вальденберга // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 2. С. 77–78.

² Там же. С. 80.

³ Кузьмин А.Г. Первые попытки ограничения самодержавия в России // Советское государство и право. 1980. № 7. С. 82.

⁴ Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв. в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. Т. 2. М., 1985. С. 120.

⁵ Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 2018. С. 390.

⁶ Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. 2. М., 2007. С. 357–359.

⁷ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 201.

⁸ Дьяконов М.А. Закон и власть в Древней Руси. Очерки общественного и государственного строя. М., 2018. С. 370–373.

⁹ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен: в 4-х т. Т. 1. М., 1993. С. 231.

считал ограничением царской власти обсуждение законов с боярами. Он видел в Боярской думе «одно из звеньев в государственном аппарате Русского централизованного государства, и хотя аристократический состав думы давал ей возможность занимать позицию защиты княжеско-боярских интересов, но как учреждение дума являлась царской думой, собранием советников царя, к выяснению мнений которых по тем или иным вопросам обращался царь, когда он считал это нужным»¹. Заметим, что в XVI – начале XVII в. Боярская дума представляла собой совет старой аристократии, а при Михаиле Федоровиче шли процессы трансформации этого органа в «совет придворных при новой царствующей династии»². Надо признать, что в XVII в. произошли качественные изменения порядка комплектования думы и ее взаимодействия с царской властью; это – тема отдельного монографического исследования.

И все же мнение об ограничении законодательной власти царя Боярской думой продолжает жить и в современной историографии, подкрепляясь содержанием ст. 98 Судебника 1550 г.³ Оппонируя ему, А.И. Филошкин указывал, что смысл той статьи – в правовом оформлении процедуры кодификации законодательства, но Боярская дума не была высшей законодательной инстанцией⁴. Советский и российский историк И.Я. Фроянов, однако, не так категоричен. По его мнению, ст. 98 Судебника 1550г. была специально сформулирована так, чтобы существовала возможность ее двойственного толкования. Фроянов находил в ней попытку правового оформления главенства Боярской думы, но также обращал внимание и на оговорку о том, что вступление данного «закона» в силу – дело будущего⁵. Спор продолжается.

Еще один предмет полемики – процедура целования креста Василием Шуйским и текст его крестоцеловальной записи. Последний не дал почти ничего нового: «все сказанное в записи входило в круг деяний благочестивого государя и вменялось ему при венчании в напутственной речи митрополита/патриарха. Об этом же говорил и сам монарх, обещая подданным блюсти Правду и старину. Новация здесь, собственно, не в содержании, а в форме»⁶. «Государева милость» истолкована как обязанность царя – правда, при условии верности подданных. Дискуссионной остается проблема ограничительной записи Михаила Федоровича. Впрочем, правовых актов, ограничивающих власть первого царя из династии Романовых, похоже, на самом деле нет⁷.

Весьма перспективной для изучения представляется проблематика земских соборов. Академик Л.В. Черепнин не считал Земский собор, как таковой, ограничителем царской власти. Чаще всего земские соборы обеспечивали формальное одобрение царской политики. Однако в критические и поворотные моменты русской истории

¹ Смирнов И.И. Судебник 1550 г. // Исторические записки / отв. ред. Б.Д. Греков. М., 1947. С.339, 352.

² Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. Т. 1. СПб., 2019. С. 780.

³ Петров К.В. «Прецедент» в средневековом русском праве (XVI–XVII вв.) // Государство и право. 2005. № 4. С. 83.

⁴ Филошкин А.И. Законодательная деятельность Боярской думы в конце XV – середине XVI в. (к вопросу о процедуре законотворчества) // Судебник 1497 г. в контексте истории русского и зарубежного права XI–XIX вв.: Сб. статей. М., 2000. С. 208.

⁵ Фроянов И.Я. Комментарий к статье 98 Судебника 1550 г. // Исследования по истории средневековой Руси: к 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева: Сб. статей. М.–СПб., 2006. С. 152, 153.

⁶ Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. / отв. ред. И.Н. Данилевский. Т. 1. М., 2016. С. 163.

⁷ Козляков В.Н. Загадка российской истории: существовала ли «ограничительная записка» при избрании Михаила Федоровича на царство в 1613 г.? // Преподавание истории и обществознания в школе. Научно-теоретический и методический журнал. 2013. № 9. С. 11–12.

они были способны исполнить созидательную и спасительную для государства роль¹. Поскольку ни в царских судебныхниках, ни в Соборном Уложении 1649 г. компетенция Земского собора не зафиксирована, то, возможно, придется признать отсутствие у него формально-правовых инструментов для ограничения царской власти. В то же время, земские соборы, безусловно, созывались для решения государственных проблем и в определенной мере побуждали царскую власть учитывать интересы населения.

Таким образом, в вопросе о формально-юридических, институциональных ограничениях царской власти еще рано ставить точку.

Тема неинституционального ограничения царской власти имеет не меньшие масштабы и значимость. Обозначим лишь основные аспекты.

Детальной проработки требует тема политического влияния феодальной аристократии, в основе – которой характеристика феодального землевладения как экономической основы государственного строя страны той эпохи. Экономическая самостоятельность и наследственный характер землевладения позволяли княжеско-боярской аристократии не только ограничивать царскую власть, но и противостоять ей. Отсюда – феномен местничества, или еще одна дискуссионная проблема. Важно отметить, что регулятором местнических споров служило не законодательство, а обычай. Это неписаное правило производить «пожалование в чин» в зависимости от признаваемой правящими кругами знатности рода, по словам современного исследователя, «с одной стороны, подчеркивало привилегированное положение аристократии (изначально – и прежде всего – князей и бояр по отношению к дворянству), а с другой – служило ограничителем для самовольного действия правителя»². Тем самым царь мог иметь дело с весьма ограниченным числом кандидатур для замещения того или иного поста, хотя, конечно, желал пересмотреть такой порядок вещей.

Мощным фактором общественно-политической жизни оставалась церковь. Но диалектика государственно-церковных отношений в Московской Руси не позволяет делать однозначные выводы в пользу стремления церкви ограничить или, напротив, укрепить власть монарха. Так, Вальденберг отмечал, что в «Послании на Угру» ростовский архиепископ Вассиан Рыло внушал Ивану III «мысль о необязательности для князя боярских советов», так как «перед Богом ответственным является только он один»; поэтому «и действовать он должен по собственному усмотрению, как "наставит его десница Его"», принимая лишь те «чужие советы», которые «кажутся ему» соответствующими его «правде». В то же время он налагал на великого князя иное – не политическое, а религиозно-нравственное ограничение, требуя от него следования христианским нормам. Похожим образом рассуждал и новгородский архиепископ Геннадий, возглавлявший на великого князя попечение о церкви и призывавший его следовать христианским заповедям и церковным канонам. Продолжателями этих идей в XVI в. стали Иосиф Волоцкий, митрополит Даниил и др. Поэтому Вальденберг смело предположил, именно иосифляне впервые признали допустимость «правомерного сопротивления государственной власти»³. Однако ни митрополит Филипп (Кольчев), ни патриарх Никон не посягали на prerogatives царской власти, а патриарх Филарет (Романов) сам «стремился к усилению царской власти, подчиняя интере-

¹ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 389–390.

² Лебедева Е.В. Местничество как социально-политический институт российского общества (XVI–XVII вв.) // Материалы конференций: сб. статей / под ред. д.т.н., д.э.н., профессора В.К. Семеничева. Т. 3. Самара, 2013. С. 41, 44.

³ Вальденберг В.Е. Указ. соч. С. 160, 163, 165, 187–189.

сы церкви интересам государства»¹ и немало в этом преуспев. Можно, правда, обратить внимание на церковную традицию «печалования». Но царская власть могла игнорировать «печалование» церковных иерархов². Иван Грозный пытался полностью нивелировать это право первоиерарха. Но искоренить это традиционное право до конца так и не удалось, хотя, по мнению В.В. Шапошника, на церковное ходатайство «за опальных» требовалось царское разрешение, после чего «делался вид, что государь просто пошел навстречу просьбам своих богомольцев»³. Имеются также и более трагические примеры, когда «печалование» председателя церкви оборачивалось для него самого опалой и даже гибелью – вспомнить хотя бы судьбу митрополита Филиппа (Колычева) во времена опричного лихолетья⁴. Последующие митрополиты «наложили печать на уста свои и предоставили царю "творить елико хошет"»⁵. Позже право «печалования» будет церкви возвращено, но нельзя сказать, что эта традиция сильно ограничивала царское самодержавие.

Остановимся, однако, на роли «Земли», которую олицетворяли различные органы местного самоуправления. Земское самоуправление, занимая важное место в жизни общества, было инкорпорировано в XVI–XVII вв. в систему государственного управления. Оно являлось реальной опорой царской власти на местах. Становлению и развитию местного самоуправления в России посвящено множество монографий и научных статей. Выделим ряд принципиальных моментов.

Под юрисдикцией земских органов власти находились следующие сферы: «финансово-податная, финансово-распорядительная, земельная, полицейская, городское хозяйство, делопроизводство». Это – довольно большой круг полномочий. Например, «кампания при дозоре земель предусматривала в обязательном порядке участие старост, целовальников, лучших посадских людей и крестьян. Без опоры на них правительство не имело возможности проводить земельные переписи, особенно в условиях послесмутного времени». Итак, «обязательное привлечение земских выборных лиц к различным съездам, писцовым мероприятиям, судебным разбирательствам»⁶, а также финансовым вопросам говорит об отсутствии у царской власти иных механизмов управления и контроля на местах. Еще одной важной частью местного самоуправления были губные органы. Основные сферы деятельности губного самоуправления не менялись в течение всего XVI в.: «губное дело, сбор тягла, отправление правосудия (...) добавлялись другие правительственные поручения, связанные, например, с отводом земли и поддержанием правопорядка (...) привлекали к проведению мобилизации и ратным делам». Современный исследователь В.В. Бовыкин отмечает: «Делегируя им новые властные полномочия, одновременно конституируя традиционные, устойчивые институты самоорганизации и самодетельности, центральная власть пыталась сформировать из этих архаичных структур адекватного "партнера-соправите-

¹ Маландин В.В. Церковь и государство в патриаршество Филарета. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1996. С. 15–16.

² Иеромонах Антоний (Малинский А.). Значение печалования как права Православной Церкви противостоять системе антигражданских политических и социальных процессов в государстве (по данным источников XVI в.) // Власть и гражданское общество. Ежегодник. 2013. С. 44, 46.

³ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е гг. XVI в. СПб., 2002. С.270.

⁴ Иеромонах Антоний (Малинский А.). Указ. соч. С. 51, 53.

⁵ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 448.

⁶ Колесникова Е.А. Местные органы власти в России после Смуты (1613–1645 гг.). Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1995. С. 6, 7, 8.

ля"»¹. Сильная «Власть» нуждалась в сильной «Земле», образуя, таким образом, диалектическую пару. Вплоть до петровских реформ, «пока "Земля" в лице выборных представителей различных социальных категорий и на всех уровнях управления с меньшим или большим успехом составляла оппозицию "Власти", последняя вынуждена была учитывать государственный интерес и проводить адекватную политику, сохраняя эффективные и практически обоснованные формы и механизмы управления». Правда, «контролирующая функция может принадлежать только "Земле", сдерживающей "Власть" в проявлении всего комплекса присущих ей внутренних разрушительных сил»².

Таким образом, многие аспекты, связанные с различными формами ограничения царской власти, требуют дальнейшего исследования. Сословное представительство (прежде всего – земские соборы), а также церковные институты, местная земская власть, политически активная феодальная элита, приказной аппарат, - все это вместе взятое составляло политическую систему допетровской России – сложную систему сдержек и противовесов, которые не позволяют однозначно считать русскую царскую власть «деспотической», а ее подданных – всего лишь «холопами». Общественно-политическая жизнь во многом определялась законами и обычаями «старины». Иными словами, царская воля имела свои границы³. Задача исследователя состоит в том, чтобы более четко обозначить эти границы, опираясь на богатейший источниковый материал и современную методологию.

¹ Бовыкин В.В. Русская земля и государство в эпоху Ивана Грозного: очерки по истории местного самоуправления в XVI в. СПб., 2014. С. 350, 379.

² В поисках истины: ученый и его школа. С. 105, 108.

³ Перевезенцев С.В. Традиции народовластия в России в XV–XVI вв. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2017. № 3. С. 62.

ГРОЗНЫЙ И АВВАКУМ: СХОДСТВО НЕСХОДНОГО

Кажется, трудно найти двух столь непохожих друг на друга фигур российской истории – и по своим реальным делам, и по отношению к роли церкви, и по мере их искренности. Можно, в конце концов, предложить даже самые крайние оценки этих двух персонажей – от оценки А.Н. Бохановым Ивана Грозного как «одного из самых оклеветанных героев Русской Истории»¹ до известной оценки ученых досоветского периода, говоривших, что противостояние между Аввакумом и официальной церковью имеет не более, чем сугубо личные основания. Между тем, у этих двух личностей была одна несомненная, присущая только им особенность – они были реформаторами русского литературного языка, предтечами XVIII в. Скажем, известный публицист XVI в. Иван Пересветов ни в коей мере не отвергал правила написания текстов своего времени – даже в «Большой грамоте», жалуясь на то, что Иван Грозный не желает его слушать, он обращался к царю: «Пишут о тебе, государе (...) о благоверном великом царе»², и т.д. О сочинениях противников Грозного и митрополита Макария – Феодосия Косого, Матвея Башкина – сохранилось немного сведений, но, например, М. Дмитриев уверен, что и они писали к царю с не меньшей почтительностью.

И вдруг в 1564 г. царь Иван Грозный и князь Андрей Курбский обмениваются посланиями. Надо сказать, что и первое послание Курбского, и ответ на него Ивана начинаются весьма характерными для эпохи «величаниями», но далее послания раздваиваются. Конечно, и князь Курбский употребляет эпитеты, совершенно «невместные» для самодержца, но, как ни странно, еще более горячится царь. Здесь весь набор полемических приемов Иоанна. Скажем, опровергая утверждения Курбского о том, что еще и его отец верой и правдой служил Василию III, Грозный пишет: «Ты научился от отца своего, дьявола, говорить и писать ложь!»³. Двусмысленность этих слов одновременно и двузначна. Через сто лет после переписки с Курбским в русскую литературу приходит протопоп Аввакум. Позже мы скажем и о мотивах его прихода, и о странностях, сопутствовавших этому. Важно отметить, что на всем протяжении XVI–XVII вв. никто не писал, как Грозный.

Поразительно, но в словах протопопа вновь возникает та свобода, которой легко пользовался русский царь. В «Книге бесед» Аввакум говорит: «Я, братия мои, видел антихриста тову, собаку бешенаю, - право слово, видал»⁴. Тот факт, что «вольность» в речах Аввакума несколько превосходит «вольность» царя, фиктивен: прошло, как никак, сто лет, и люди выражают свои мысли яснее и откровеннее.

Все дальнейшее будет в той или иной мере инсинуацией. Невозможно влезть в головы людей, живших за несколько столетий даже до моего рождения. Однако главный вопрос представляется очевидным – как такие разные и во многом противоположные личности смогли совершить нечто новое в истории русской литературы?

¹ Боханов А. Царь Иоанн Грозный. М., 2013. С. 19.

² Пересветов И. Большая челобитная Ивану Грозному. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--elaaejmeposxq.xn--p1ai/node/13627> (дата обращения: 28.12.2020).

³ Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Царь Иван Грозный. СПб., 2010. С. 38.

⁴ Аввакум. Беседа восьмая // Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. М., 1960. С. 143.

Тут, видимо, все непросто. Иван Грозный, который, как известно, своей рукой не написал ни строчки (ибо ему это было «невместно») считал своей волей все, что он ни сделает. Впрочем, надо сказать, что и Аввакум считал справедливым все, что он (или его союзники) сделает (-ют). Я не считаю, что, как пишет Л.Н. Гумилев, «он (...) всячески досаждал "начальству"»¹. С точки зрения протопопа, он говорил правду, как он ее понимал, и наказания за это не следовало «никакого». Однако расхождения в послыах отнюдь не всегда ведут к итоговому расхождению – это было неоднократно показано на аренах как всемирной, так и российской истории и культуры. Много позже, в начале XX в., авторы, сойдясь в непримиримом теоретическом противоборстве (акмеисты, футуристы, символисты, имажинисты и др.), вполне могли участвовать в общих мероприятиях и даже переходить из одной поэтической школы в другую.

Любопытно обратить внимание на мотивацию обоих авторов в их писательской деятельности. С Аввакумом здесь, наверное, все ясно. В ранней молодости он стал проповедником, чем привлек к себе внимание разных слоев общества, и, лишившись возможности выступать с устными проповедями, стал проповедовать письменно. Но зачем занялся писательством Иван Грозный? На этот счет можно строить лишь гипотезы. Вот, к примеру, царь Алексей Михайлович тоже оставил немало сочинений – «Уложение сокольничья пути», много писем и наставлений. Но мотивы написания соколинного «Уложения» нам более понятны: сокольничья охота была царским отдыхом; здесь государь чувствовал себя знатоком, любил и знал ее; оттого и написал это «поучение». Но дискутировать с опальным боярином, хотя бы и высокородным, царю было бы неприятно и неуместно. Писать письма вообще считалось не царским делом – Г. Котошихин не зря отмечал, что государь «ни к каким делам (...) руки своей не прикладывают»². Даже приложение руки к письму считалось «невместным». Зачем же вступать в долгий диспут с боярином-беглецом?

На этот счет может быть несколько объяснений. Первое и самое очевидное: царь решил одернуть своего бывшего боярина и воеводу – причем одернуть, не прикрываясь никакими нормами приличия. Здесь и обвинения в грабеже государства, и в том, что, «рассердившись на человека, восстали на Бога»³. Сама форма обращений выглядит соответствующей: «пес», «змеиный яд таишь» и т.п. Но такое объяснение выглядит слишком простым и не совсем верным. Более справедлива, очевидно, трактовка этой полемики (со стороны Грозного) в рамках его концепции царской власти. Именно в этом ракурсе – *неограниченной, деспотической* власти и можно рассматривать дискуссию с Курбским. Конечно, царю, неправедно правившему, на том свете воздастся – но уж на этом свете у него точно нет ограничений – и это следует утвердить. Отсюда и письма к Курбскому (заметим, даже без псевдонима – а ведь мог бы подписаться и Парфением Уродивым), и казнь боярина Репнина, отказавшегося на пиру надеть «харю» (маску), и расчленение тел казненных, ибо престолярное русское христианство считало необходимым наличие тела для божьего суда, и множество других деяний подобного рода.

Таковы были результаты творчества двух крупных фигур Русского царства, двух талантливых литераторов – деспота-самодержца XVI в. (создателя опричнины) и вождя русского раскола века XVII-го, прославившегося несгибаемым упорством, яркостью и выразительностью языка и искрометной престолярной лексикой.

¹ Гумилев Л. От Руси до России. М., 2007. С. 247.

² Котошихин Г. О России в царствовании Алексея Михайловича // Московия и Европа. М., 2000. С. 30.

³ Второе послание Ивана Грозного Курбскому // Царь Иван Грозный. С. 51.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИССИИ РУССКОГО ЦАРСТВА В ОБЩЕХРИСТИАНСКОМ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассуждения о миссии и предназначении России в мировой истории можно назвать одним из традиционных сюжетов в русской социально-политической мысли XIX в. Они не представляют собой смыслового монолита: в каких-то случаях речь идет о более «сциентистском» поиске исторических закономерностей, в каких-то – о религиозных задачах и провиденциализме; у одних мыслителей особая роль рождается из преимуществ страны, у других – из ее упущений и статуса «чистого листа»¹. Во всяком случае, мессианский сюжет весьма разнообразно отражен в русской мысли.

Попытка связать эти сюжеты с более древним русским социально-политическим и духовным наследием будет шагом, имеющим свои подводные камни. Не говоря о спорах о самой возможности разговора об «эволюции» или «генеалогии идей», такой шаг рискует не учесть субъективные мотивы авторов и выразителей мессианской мысли более позднего времени. Мы можем оказаться в плену целого ряда личных умозаключений, выдаваемых едва ли не за «истину в последней инстанции». Поэтому при изучении истории общественной мысли необходимо признать правомерность наличия разных трактовок. Так, «ограниченность/грешностью человеческой природы» исторически оправдывалась как необходимость неограниченного абсолютизма, так и неизбежность демократических сдержек²; а американские идеи «исключительности» могли подкреплять как необходимость вести активную внешнюю политику, так и изоляционизм³, и т.п. Думается, это справедливо и по отношению к развитию русской мысли. Ведь последующая мессианская русская мысль зачастую имела дело с нарративами и образами, сформированными в предшествующие эпохи российской истории. Эти нарративы и образы далеко не всегда играли в актуальное для них время ту роль, которую приобрели впоследствии и в новой интерпретации.

Широко известен созданный псковским старцем Филофеем образ «Третьего Рима». В его контексте Русь является последним православным царством; основывается подобный взгляд и на трактовке событий эпохи, и на особом прочтении пророчеств библейской Книги Даниила и слов апостола Павла⁴. Менее известен новоизраильский сюжет, присутствующий в т.ч. в «Послании на Угру» ростовского архиепископа Васиана Рыло: автор призвал Ивана III к стойкости в противоборстве с Ахматом и наз-

¹ Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Идеи мессианизма в русской философии истории // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 72.

² Так к вопросу подходит известный британский апологет и писатель Клайв Стейплз Льюис при осмыслении слов лорда Эктона о том, что «всякая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». См.: Льюис К. Коллектив и мистическое тело // Его же. Эссе. Тюмень, 2016. С. 72.

³ Напр., обращает на себя внимание то, как образ «Града на холме», связанный со строительством пуританами образцового общества в качестве примера для мира, в устах президента США Р. Рейгана превращается во внешнеполитический лозунг в условиях противостояния с «атеистической империей зла».

⁴ Послания старца Филофея // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеяева, Н.В. Поньрко. Т. 9. СПб., 2000. С. 298.

вал великого князя избавителем «Нового Израиля»¹. Таким образом, имеется некая логика развития религиозной рефлексии на Руси, приводящая русскую мысль к этой протомессианской или мессианской точке. Последняя, с одной стороны, выглядит итогом движения по магистральному пути «Новый Израиль – Третий Рим – царство», а с другой – будет осмыслена как беспрецедентное религиозно-политическое выражение. Сама природа мессианской заявки вызывает мысли об эксклюзивном статусе. Тем не менее, требуются важные уточнения, которые позволят взглянуть на рассматриваемые феномены несколько шире.

Во-первых, говоря о «магистральной логике» развития православной мысли и образности, которая привела бы к новоримским и новоизраильским тезисам, а от них – к определенной религиозно-политической конфигурации или целепологанию, представляется возможным заметить, что упор на конкретные концепции при разговоре о мессианских интуициях русской религиозно-политической мысли эпохи чреват рядом упрощений и несоответствий. Так, начиная с третьеримского сюжета и его «имперского» прочтения, необходимо учесть фактор универсалистских тенденций христианского богословия и особенности конкретно православного универсализма, связанного с местом Римской империи/Византии и ее правителя. Такой универсализм исторически предполагал тезис о верховенстве именно ромейского, константинопольского императора в православном мире, и это верховенство чаще всего трактовалось в самой империи как не подлежащее переносу. В свое время Восточная Римская империя уже «обожглась» инцидентом с наделением Римом имперским статусом Карла Великого: со скрипом признав во франке «духовного брата» под давлением политической необходимости², византийцы затем продолжали отвергать германские претензии на «римскость»³. И, даже находясь в куда менее выгодном положении, чем во времена Юстиниана, империя продолжает настаивать на своем приоритете и перед лицом русских единоверцев. Так, великому князю Василию I ставится в укор непоминовение императора в русских церквах и общее пренебрежение к нему, к уникальной в православном мире персоне, со стороны русских властей⁴. Даже лишившись империи, константинопольские представители не признают за Русью третьеримское достоинство, несмотря на ее решающую роль в православном мире: «Третий Рим» отсутствует в греческой грамоте Константинопольского собора 1590 г. и Акте 1593 г., хотя эта формула заявлена от имени константинопольского патриарха Иеремии II в грамоте об учреждении на Руси патриаршества⁵. Однако внешний фактор – не единственный. Вызывает вопросы и внутренняя рецепция третьеримского позиционирования, если видеть в нем наследование византийской имперской традиции. Как отмечает видный историк Церкви протоиерей Иоанн Мейендорф, русский царь, приобретая имперский статус, делает это в русском контексте, а не нарекается «императором римлян», что могло бы подкрепить тезис о *translatio imperii*⁶. Документы эпохи свиде-

¹ Послание на Угру Вассиана Рыло // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. СПб., 1999. С. 396.

² Nicol D.M. The Byzantine View of Western Europe // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1967. Vol. 8(4). P. 321.

³ Ibid. P. 318.

⁴ Сметанин В.А. О византийской аргументации теории универсальной власти (на исходе XVI столетия) // Античная древность и средние века. Вып. 27. Симферополь, 1995. С. 49.

⁵ Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 300–303.

⁶ Прот. Иоанн Мейендорф. Существовал ли когда-либо «Третий Рим»? // Рим – Константинополь – Москва. Исторические и богословские исследования. М., 2006. С. 191.

тельствуют также о стратегии, нацеленной на признание царского статуса отдельными европейскими державами – например, Священной Римской империей¹, постепенно превращавшейся в империю «германской нации»². Иными словами, очевиден контраст между практикой царства и образами, возникающими из ассоциации с «Третьим Римом» или «византийским василевсом». Впрочем, речь, вполне возможно, идет скорее об утвердившемся историографическом клише, которое начало жить своей жизнью, и конвенциональные «политические» трактовки «Третьего Рима», по мнению Н.В. Сеницыной, небесспорны³.

Сходным образом можно проанализировать и новоизраильские смыслы, имеющиеся в т.ч. в «Послании на Угру». Приводя яркие образы Руси как христианского царства и русского правителя как христианского государя, «Послание», однако, помещает эпитет «Новый Израиль» возле категории «христианских людей», а не рядом с понятием «Русь»⁴. Надо отметить и взаимопроникновение категорий «русского» и «православного». Границы этнического и конфессионального, равно как и представления о том и другом по отдельности, менялись в ходе исторического развития, не говоря о том, что сам архиепископ Вассиан, по-видимому, воспринимает Русь как глубоко христианизированную общность. Тем не менее, речь здесь может идти и о сознательном богословском выборе со стороны Вассиана: учитывая, что традиционная православная традиция чаще всего относит статус «Нового Израиля» именно к Церкви как таковой⁵, можно предположить, что использование новоизраильских эпитетов в повествовании о русской борьбе, но рядом именно с категорией «христиан», призвано показать опосредованность русского новоизраильства, т.е. вместо логической цепочки «Русь – Новый Израиль» может иметь место схема «Русь – живущие на Руси православные – Новый Израиль». Кажущаяся, на первый взгляд, незначительной разница все-таки должна иметь принципиальное значение для богослова.

Сходные замечания высказываются в исторической науке и в отношении других концепций библейского параллелизма, возникающих в европейской культуре. Так, в частности, известный тезис о новоизраильском понимании франкской государственности и идентичности⁶ оспаривается некоторыми исследователями опять-таки через представление о конфессиональной/церковной опосредованности израильских параллелей, применяемых франками или кем-то (в частности, римскими понтификами) по отношению к франкам в свете их возвышения сначала как христиан, а уже затем как защитников Рима и христианства⁷. Концепции русского мессианства можно считать не только частью русского наследия, но и довольно распространенным феноменом европейской религиозно-политической мысли. Осмысление христианскими ранне-средневековыми интеллектуалами истории христианизируемых народов, привлекающее израильские параллели в целях формирования историософского взгляда или нра-

¹ Успенский Б.А. Петр Первый и переосмысление понятия империи // Успенский Б.А., Лаврентьев А.В., Успенский Ф.Б. и др. Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. Вып. 3. М.:СПб., 2014. С. 210.

² Winkler H.A. Germany: 1789–1933. Vol. 1. Oxford, 2006. P. 9–10.

³ Сеницына Н.В. Указ. соч. С. 47.

⁴ Послание на Угру Вассиана Рыло // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. С. 396.

⁵ Pelikan J.J. The Christian Tradition: A History of the Development of Doctrine. Vol. 1: The Emergence of the Catholic Tradition (100–600). Chicago, 1971. P. 26.

⁶ Kantorowicz E.H. *Laudes Regiae: A Study in Liturgical Acclamations and Mediaeval Ruler Worship*. Los Angeles, 1958. P. 56.

⁷ Garrison M. The Franks as the New Israel? Education for an Identity from Pippin to Charlemagne // Hen Y., Innes M. (Eds.) *The Uses of the Past in the Early Middle Ages*. Cambridge, 2000. P. 125.

воучительного образа, формирование представлений о «христианском государе» и «христианском государстве», также зачастую синхронизируемое с библейскими образами, и, наконец, конкретный переживаемый обществами судьбоносный опыт, вызывающий рефлексию об историческом и духовном значении случившегося, - все это формировало среди интеллектуалов и деятелей многих европейских обществ начатки протомессианских и мессианских интуиций и образов/нарративов разной степени очерченности. Так, кроме примера франков, примечательного конвергенцией новоизраильства и тезиса о римском преемстве, можно выстроить целый смысловой ряд миссий: 1) в Англии, начиная от осмысления английской истории Бедой Достопочтенным¹ и заканчивая тезисом об английской миссии просвещения Европы в связи с английской церковной реформой² (включая наличие прямых израильских уподоблений³); 2) в Испании, где складывается внутреннее понимание значения «православного короля»/«нового Константина» как защитника Церкви⁴, усиленное опытом внутреннего преодоления арианства, а затем – внешнего завоевания; 3) в Португалии, где у иезуита Антониу Виейры возникнет концепция «пятой империи», навеянная теми же пророчествами Книги пророка Даниила⁵ (секта «людей пятого царства» будет действовать и в Англии⁶), и т.д.

Безусловно, мессианские нарративы католической Испании отличаются от протестантского «нидерландского новоизраильства», в рамках которого уже сама Испания, против которой идет война, будет выглядеть скорее ассирийским типажом, чем израильским⁷. Оба этих комплекса идей, в свою очередь, будут отличаться от православного русского, со своими пропорциями римского, израильского и внутреннего. В то же время, не вполне одинаковыми будут православный русский и православный болгарский типажи. В последнем случае новоримские концепции⁸ будут выкованы в ходе прямого соперничества и войн с Византией, непосредственно граничившей с Болгарией, т.е. при более интенсивном взаимодействии с имперским центром, чем у отдаленной Руси. Таким образом, мнение о распространенности новоизраильских, новоримских или вообще мессианских образов, сюжетов или полноценных концепций не должно умалять уникальность каждой из них и не означает аутентичности той или иной мессианской заявки. Тем не менее, есть основания и для поиска общих факторов генезиса мессианских концепций в разных христианизированных обществах. Такая объяснительная схема позволит иметь более широкий взгляд на феномен и при этом не размоет его в пространстве мессианских концепций или концепций исключительности вообще, от светских до связанных с другими религиозными традициями (например, японский нихондзинрон), постулируя своеобразие библейских и, шире, хри-

¹ Kumar K. *The Making of English National Identity*. Cambridge, 2003. P. 283.

² Адамова Н. Э. Представления пуритан об «исключительности» Англии и ее единстве с Европой: религиозный аспект // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени (СПбГУ). 2015. № 15. С.24.

³ Там же. С. 20–21.

⁴ Ведюшкин В.А., Попова Г.А. (отв. ред.) *История Испании*. Т. 1. М., 2012. С. 106.

⁵ Groenhuis G. *Calvinism and National Consciouness: the Dutch Republic as the New Israel* // Duke A.C., Tamse C.A. (eds) *Britain and The Netherlands*. Vol. VII: Church and State Since the Reformation Papers Delivered to the Seventh Anglo-Dutch Historical Conference. The Hague, 1981. P. 118–133.

⁶ Valdez M.A.T. *Historical Interpretations of the “Fifth Empire”: The Dynamics of Periodization from Daniel to António Vieira*, S.J. Leiden: Brill, 2010. P. 257.

⁷ Burrage Ch. *The Fifth Monarchy Insurrections* // *The English Historical Review*. Vol. XXV. 1910.

⁸ Страхов А.Б. Историческофские параллели концепций Царьград Тырнов и Москва – Третий Рим // *Герменевтика древнерусской литературы*. Т. 19. 2020. С. 430–439.

стианских мотивов, влияющих на осмысление коллективной субъектности и исторической роли различных сообществ в христианизированных культурах.

Христианство дает большой пласт специфического наследия, позволяющий говорить о феномене христианского восприятия истории и вызревающих в его рамках концепциях миссии. Речь идет как о библейских израильских архетипах и образцах жизни народа, переживающего те или иные события, будь то периоды благоденствия или военные поражения от соседей, и осмысляющего эти события в рамках определенной духовной логики, так и в целом о тематике осмысленности/смысла в мироздании и истории и о тематике морального действия, пронизывающей библейский корпус. Говоря же о выходящем за пределы строго библейского нарратива христианском наследии, можно вспомнить особые темы соотношения светской и духовной власти, христианского государства и христианской империи, их назначения, «двух Градов», «двух мечей» и т.д. При этом по отношению к истории развития всех этих параллелей и образов в социально-политической мысли в рамках той или иной христианизированной культуры представляется необходимой осторожность в определении «магистрального пути», в рамках которого какая-либо тема или библейская параллель выглядела бы безальтернативным источником конечной оформленной идеологемы. При анализе комплексного феномена христианского мессианизма придется иметь дело и с конфессиональными различиями, причем не только с различными вариантами церковной истории и предания, но и с различной институциональной экклезиологической реальностью. Культуры, имеющие в своей основе опыт православия, протестантизма или католицизма, обуславливают разное прочтение архетипов «избранного народа», разные подходы к осмыслению христианской дихотомии партикулярного и универсального и разные взгляды на историческое значение и смысл категории «Romanitas».

Экклезиологическая разница дает повод к «факторному анализу» на основе взаимодействия «дедуктивного» и «индуктивного» подходов. Если анализ феномена русского мессианизма через призму новоизраильской или третьеримской концепций чреват повторением спорных тезисов и историографических условностей; то, напротив, учет экклезиологического институционального фактора (независимая Церковь, сближающая «русское» с «православным» и позволяющая говорить о субъектности и месте русской общности в истории), фактора внешней угрозы (ордынское иго, внешняя интервенция инославных христиан), фактора быстрого по сравнению с иноверными/инославными соседями возвышения Руси как единственного самостоятельного православного государства может помочь в осмыслении религиозной и религиозно-политической логики исследуемого периода. Эти подходы можно использовать и при анализе процессов формирования более широкой этнорелигиозной идентичности европейских народов, независимо от сходства и различия их мессианских идей.

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ НА РЕКЕ ВСХОДНЯ В ТУШИНО И ПАТРИАРХ ФИЛАРЕТ (РОМАНОВ)

Спасо-Преображенский монастырь (Преображенский монастырь на Выходне) – мужской монастырь, расположенный в 12 верстах от Москвы по Воскресенской дороге в селе Тушино на берегу реки Выходни. Троицкая летопись впервые упоминает о Спасо-Преображенском монастыре под 1390 г. В 1332 г. знатный боярин Родион Нестерович – родоначальник некоторых дворянских родов (в т.ч. Квашиных, Самариных и Тушиных) по милости великого князя Ивана Даниловича Калиты получил, помимо прочих владений, находившееся здесь село Спас¹. Сын Родиона Нестеровича – боярин и воевода Иоанн Родионович Квашня был одним из ближайших и верных бояр московского князя Дмитрия Ивановича, являлся свидетелем при составлении первых двух духовных грамот Дмитрия Донского и в день Куликовской битвы 8 сентября 1380 г., согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», командовал костромским полком. Таким образом, Спасо-Преображенский монастырь на реке Выходне в Тушино был основан или Родионом Нестеровичем, или Иваном Родионовичем – оба служили московским князьям на протяжении XIV в. И учитывая знаменитую многовековую традицию древнерусских князей строить в своих владениях христианские храмы и монастыри в честь важных событий, не исключено, что после Куликовской победы командующий костромским великокняжеским полком Иван Родионович Квашня по примеру великого князя Дмитрия Ивановича Донского основал в своей родовой вотчине монастырь, который увековечивал память об отце, о героической доблести павших боевых товарищей и всех защитников Земли Русской. В Троицкой летописи фактическое упоминание и монашеского пострига, и погребения одного из героев Куликовской битвы – боярина Ивана Родионовича Квашни в монастыре «святого Спаса (...) что на Выходне», находившемся в его вотчине, свидетельствует нам о последней воле воеводы, адресованной родным и будущим потомкам: личным примером, в молитве и схиме снискать милость Божию перед началом пути в неизведанную, определенную лишь волей Господней, жизнь вечную.

Расположенное на оживленной дороге село Тушино часто служило пристанищем для ночлега иноземных посольств перед их въездом в Москву. Тушино обрело всероссийскую известность в истории страны в период Смутного времени. В июне 1608 г. его захватили войска Лжедмитрия II, расположившиеся военным лагерем в окрестностях села. Лагерь самозванца был расположен рядом со Спасо-Преображенским монастырем. С трех сторон он был защищен водными преградами, а с четвертой – земляным валом с башнями. Военный лагерь напоминал городок, в котором, по некоторым сведениям, собралось более 50 тыс. наемников, а также множество дворян и купцов. Были выстроены деревянные хоромы, в которых поселилась царица Марьяна Мнишек, «признавшая» в Лжедмитрии II своего мужа. Войска царя Василия Ива-

¹ Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // Полное собрание русских летописей. Т. XLIII. М., 2004. С. 110–111.

новича Шуйского пытались захватить тушинский лагерь второго самозванца, но после кровопролитной сечи у села Хорошово вынуждены были отступить обратно – под защиту московских укреплений.

Очевидец событий Смутного времени немец Конрад Буссов отметил в своих записках, что «Димитрий Второй упорно осаждал Москву и Троицу. Где только можно было причинить ущерб москвитам, там его десять тысяч ратников не ленились, жгли, убивали, грабили всюду, куда им только удавалось попасть». Он особо подчеркивал, что «ежедневно (...) в лагере варили и жарили, что только есть отменного, пили больше медов, чем пива, в таком изобилии был найден сотовый мед у крестьян и в монастырях». Противостояние Лжедмитрия II – «тушинского вора», как его называли в столице, с царем Василием Шуйским продолжалось с 1608 по 1610 г. Многие бояре и служилые люди неоднократно переходили с одной стороны на другую, выторговывая себе за службу поместья и вотчины.

В Тушине была создана Боярская Дума во главе с М.Г. Салтыковым и князем Д.Т. Трубецким, был также и свой патриарх. Многие города признали второго самозванца, почти два года Россия имела две царские резиденции – Москву и Тушино, двух царей и двух патриархов. Со Спасо-Преображенским монастырем в Тушино в суровую годину Смуты связана судьба будущего великого государя и Святейшего патриарха Московского и всея Руси Филарета (Федора Никитича Романова) – отца будущего царя Михаила Федоровича Романова. В 1606 г. Филарет был возведен в сан митрополита Ростовского и Ярославского. Он служил как на своей кафедре в Ростове, так и в храмах своей епархии. В октябре 1608 г. войска Лжедмитрия II взяли Ростов: «все постройки были обращены в пепел, многочисленные великолепные сокровища, золото и серебро, драгоценные камни и жемчуг расхищены», а в церквах были содраны даже ризы со святых. Современник тех событий – лютеранский пастор и проповедник Мартин Бер в своей «Летописи Московской» свидетельствовал: «Сапега же отрядил небольшую дружину, состоявшую из немцев, казаков и поляков, под начальством испанца дона Жуана Крузатти для покорения окрестных сел и городов. Переяславль присягнул Димитрию, но Ростов (...) не хотел покориться. 11 октября он был предан огню и мечу. Все сокровища, в нем найденные, – золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни – достались победителям. Свирепые воины не щадили и святых икон, даже разрубили серебряный гроб святого Леонтия, а изображение угодника, вылитое из золота, в 200 фунтов весом, присвоили себе. Митрополит Ростовский князь Федор Никитич был взят в плен и отправлен в подмосковный лагерь, где Самозванец принял его ласково и возвел в достоинство патриарха; митрополит вынул из своего жезла восточный яхонт ценою в полбочки золота и подарил его Димитрию»¹.

По-видимому, именно в Спасо-Преображенском монастыре в Тушино митрополит Ростовский и Ярославский Филарет (Романов) был возведен в сан «тушинского патриарха», и произошло это скорее всего в ноябре 1608 г., так как в грамоте гетману Сапеге о дозволении освятить оскверненный храм, датированной ноябрем 1608 г., Филарет именуется как «Митрополит Ростовский и Ярославский, нареченный патриарх Московский и всея Руси». Он регулярно совершал богослужения в тушинском Спасо-Преображенском монастыре – прямо возле военного лагеря самозванца. «Тушинский лагерь» второго самозванца выглядел вполне натуральным воплощением

¹ Мартин Бер. Летопись Московская // Памятники Смутного времени. Тушинский вор: личность, окружение, время. Документы и материалы / Сост., вступит. ст. и комм. В.И. Кузнецова и И.П. Кулаковой. М., 2001. С. 217–218.

«предверия ада» на поруганной отчей земле, терзаемой разбойниками и вторгнувшимися в пределы Московии польско-литовскими войсками.

Впоследствии, пережив Смуту, русское дворянство и духовенство с особой любовью и благоговением относились к патриарху Филарету, ставшему в 1619 г. уже на законных основаниях великим государем и предстоятелем Русской церкви; Филарета почтительно прозвали «трисвятейшим»¹.

Чин интронизации патриархов Московских и всея Руси до середины XVII в. имел примерно тот же порядок, что и при поставлении Московских митрополитов: после литургии патриарха возводили на архиерейский амвон два митрополита (вместо прежних архиепископа и епископа) и трижды усаживали на поставленный там трон с пением: «Ис пола эти, деспота!» (перев. с греч.: «Многая лета, владыко»). Далее следовало переоблачение патриарха из литургических во внебогослужебные одежды и вручение царем жезла. Интронизация вернувшегося из польского плена Филарета в качестве патриарха состоялась 22 июня 1619 г. в Успенском соборе Московского Кремля². Но жезл ему вручал не царь Михаил Федорович, приходившийся Филарету сыном, а находившийся в Москве патриарх Иерусалимский Феофан III. Двумя днями ранее – 20 июня царь Михаил Федорович своей грамотой нарек отца-патриарха «великим государем»³, уравнивая тем самым патриарший сан с царским титулом.

¹ Временник Ивана Тимофеева. М.–Л., 1951. С. 165.

² Древняя Российская Вивлиофика / изд. Н. Новиковым. Ч. VI. М., 1788. С. 125–126.

³ Собрание Государственных Грамот и Договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных Дел. Ч. 3. М., 1822. № 44. С. 185–186.

ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ СМУТЫ ВО «ВРЕМЕНИКЕ» ИВАНА ТИМОФЕЕВА

Наряду с другими повестями Смутного времени, «Временник» Ивана Тимофеева представляет собой любопытный источник для изучения представлений современников о причинах и сущности тех событий – представлений, существенно отличающихся от научных объяснений XIX–XX вв. Однако соображения автора, касающиеся завершения Смуты, весьма интересны, поскольку дьяк писал части своего труда как в самый разгар всенародных бедствий, находясь в оккупированном шведами Новгороде, так и *post factum* – уже после освобождения Вторым ополчением Москвы, что позволяет предположить определенную эволюцию его взглядов. Кроме того, беспрецедентный масштаб бедствий закономерно приводил средневекового книжника к размышлениям о надвигающемся Конце Света и конце мировой истории. Поэтому в настоящей статье мы предпримем попытку выяснить: считал ли (хотя бы в какой-то момент времени) Тимофеев Смуту непреодолимой для Русского государства (как начало Светопреставления), как он оценивал возможности русских людей своими силами прекратить политические неурядицы и иностранную интервенцию и что, по его мнению, могло вернуть страну в прежнее мирное состояние?

Прежде всего, необходимо отметить, что идеальным состоянием России дьяк считал время правления истинных государей (династии Калитичей), когда благочестивые цари, подобно Адаму до грехопадения, соблюдали богоданные отеческие обычаи, а их подданные беспрекословно им подчинялись, подобно безгласным рыбам и тварям в Раю¹. Смута, конечно, представляет собой нарушение заведенного порядка: oprичное разделение страны Грозным вызвало греховные наклонности в подданных², всеобщее своеволие³ и выдвижение на первые места в государстве недостойных выскочек, что прогневило Бога и привело к злодеяниям Годунова и последующим бедствиям⁴. По мнению Тимофеева, катастрофа заключается в пресечении царского рода и в том, что общество беспробудно погрязло в грехах, причем первое предстает в качестве Божественного наказания за второе («Так как царскую драхму, данную в наследство миру, мы некогда по нерадению погубили, - смущенная этим земля и до настоящего времени неустанно трясется, потому что во второй раз "оскудел князь от Иуды"»)⁵. «Временник» невозможно понять без идеи «Божьего батога» – распространенного в Средние века представления о посылаемых Богом бедствиях как о каре за людские прегрешения⁶. Идея «казней Господних» восходит к библейско-апокрифиче-

¹ Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, перевод и комм. О.А. Державиной. М.:Л., 1951 (далее – Временник). С. 190, 284; Полосин И.И. Иван Тимофеев – русский мыслитель, историк и дьяк XVII в. // Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. Сб. ст. М., 1963. С. 311–312.

² Антонов Д.И. Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII в. М., 2009. С. 159.

³ Коротченко М.А. Публицистика Смутного времени (проблематика, авторская позиция. Влияние церковной публицистики конца XV – начала XVI вв.). Дис. ... к.филол.н. М., 1998. С. 33–36.

⁴ Антонов Д.И. Указ. соч. С. 171; Временник... С. 175.

⁵ Временник. С. 338.

⁶ Антонов Д.И. Указ. соч. С. 37–38, 40–41.

ским произведениям эсхатологического характера (главные из них – «Откровения» Иоанна Богослова и Мефодия Патарского)¹ и содержит представления, с одной стороны, о воздаянии грешникам уже при жизни², а с другой – о приведении людей посредством мучений «в страх веры»³. Однако мы неизбежно приходим к вопросу о том, как понимал Тимофеев описанную выше идею: как благое призрение страны Богом через сменяющие друг друга милости и казни (В.В. Мильков полагает, что Божья кара на Руси неизменно «отсекалась» от финала мировой истории, трактуясь скорее как движущая сила исторического процесса⁴) или он действительно ждал в скором времени Конца Света (Д.И. Антонов отмечает, что в XVII в., несмотря на то, что год Светопреставления – 1492 или 7000 от Сотворения мира – благополучно минул, эсхатологические ожидания сохранялись, став особенно характерными для Смуты и Раскола⁵).

Большинство эсхатологических образов «Временника» сконцентрировано в рассказе о Лжедмитрии I. Тимофеев прямо называет его то Антихристом («враг же обаче, а не человек бывая словеснаго существа, оболкся в плоть антихрист», «Весь сатана и антихрист во плоти явлься, себе самого бесом жертву принес»), то Иудой и Юлианом Отступником: основанием для сравнений со столь одиозными героями христианской истории послужила уверенность книжника в том, что вместе с «безбожной Литвой» Лжедмитрий собирался искоренить православие («яко Христову веру, православием вечно цветущую, в конец хотя окаянный от памяти испровреши зломыслием врага»)⁶. Более того, приезд в Москву польской свиты Самозванца – «Безбожной Литвы», по словам Тимофеева, и ее присутствие в православном соборе во время коронации недвусмысленно уподобляются осквернению храмов измаильтянами⁷ («Видимо весь храм наполнился тогда еретик, яко волков, невидимо же мрачен облак тмы исполнился бесов, радующемся, объемлющим их, божия благодати, мню, отступльши, яко да исполнится реченное: "узрите мерзость запустения"⁸, стоящу на месте святе»»), а невеста Расстриги – «сквернавица» – воплощает в себе и египетского фараона, и вавилонскую блудницу, и апокалиптического дракона, пытающегося потопить водой нечестия жену-Церковь («колеснично фараоницки с отцем си в царский град приведесе (...) не яко царица, но человекообразная аспида, на христианство грядущи, дыша, подобие, якоже иже о женах во Откровении Богослова лежит: едина едину, нечестива благочестиву хотя потопити изо уст водою»)⁹. Однако Лжедмитрий оказывался пока только предтечей Антихриста¹⁰. Господь не дал ему погубить веру, уничтожив его руками русских людей («Богодвижно народу всему, яко огонь возгоресе во Иякове, и бури зело сильне нань подвигшися, взятыя от жизни нежизненный живот его и "память

¹ Там же; Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С. 92, 98.

² Антонов Д.И. Указ. соч. С. 39.

³ Мильков В.В. Указ. соч. С. 95; Антонов Д.И. Указ. соч. С. 40.

⁴ Мильков В.В. Указ. соч. С. 60, 98.

⁵ Антонов Д.И. Указ. соч. С. 95.

⁶ Временник. С. 83–84.

⁷ Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах: Исслед. и тексты. М., 1897. С. 21–22.

⁸ Важным представляется замечание Д.И. Антонова о том, что «установление «мерзости запустения» в соответствии с пророчеством знаменует наступление конца света». См.: Антонов Д.И. Указ. соч. С.80. О популярности апокрифического мотива нашествия поганых – см.: Мильков В.В. Указ. соч. С.100–101.

⁹ Временник. С. 87, 88.

¹⁰ Антонов Д.И. Указ. соч. С. 75.

его с шумом погиге", по реченному, и со иже с ним»¹). Но, несмотря на то, что Бог отсрочил пришествие Антихриста, свергнув самозванца (по прекрасному замечанию Д.И. Антонова, «последние времена не наступили лишь потому, что отмеренный Господом срок – время времен и полвремени – не прошел, и Змей-сатана не смог исполнить задуманное»²), казни для людей не прекратились, ибо они не раскаялись в своих многочисленных грехах («Бог, очищая наши прегрешения, сохранил более лютый, чем они, гнев свой на нас за наши грехи»). В этом фрагменте наиболее ярко проявляется пессимизм Тимофеева по поводу существования возможности окончить Смуту: никакие действия русского общества против иноземцев и с целью установления мира не увенчаются успехом, если оно не раскается в грехах всех, от мала до велика, и не обретет вновь «мужественную крепость», прекратив сотрудничество с врагом («Если бы не вышли от нас теперь по своей воле эти богоотступники и изменники благочестия, скорые предатели христиан (...) Они своим соединением с неверными, после обоюдного с ними соглашения против нас, и своими совместными с ними действиями опять заново наострили их оружие и мечи их сделали обоюдоострыми (...) из-за них иноземцы одолевают нас и, как видно по всему, мы будем окончательно ими побеждены»). Дьяк отчаянно взывает к совести современников, понуждая их прекратить винить во всем Божий суд и обратиться к собственной «греховной слабости» – иначе, несмотря на спасение от Антихриста-Расстриги, их постигнет та же кара, что и Содом с Гоморрой – каменный дождь³.

Интересно, что идея Божественных казней тесно связана во «Временнике» с уверенностью автора в избранничестве Русского государства и его народа – об этом свидетельствуют постоянные сравнения с Израилем и топос избавления от власти Фараона («людьми Божиими нового Израиля» правил Грозный⁴, жизнь при Федоре Иоанновиче сравнивается с Иудеей во дни Соломона, а русский народ в рассказе о смерти Михаила Скопина прямо называется «Новым Израилем»⁵; кроме того, фараону на колеснице уподобляется невеста самозванца⁶). Эта идея логически вытекает из универсального представления о христианах как о народе Божьем, новом народе Израиля⁷: когда западное христианство отклонилось в ересь, а византийские царь и патриарх, два главы православного мира, заключили с Римом преступную Ферраро-Флорентийскую унию, после чего в 1453 г. пал Константинополь, христианский мир сузился до размеров Московского царства⁸ (Иван Грозный, венчаясь на царство, становился царем всех христиан, подобно прежним византийским императорам). Отсюда вытекает более «оптимистическое» представление Тимофеева о том, что, беспрецедентно наказывая общество страданиями, Господь возвращает его на путь истинный («Но, о долготерпеливый владыка всех, не пролей на нас, согрешивших пред тобою, вскоре праведного своего наказания, но, презирая все наши согрешения, дай нам вре-

¹ Временник. С. 90.

² Антонов Д.И. Указ. соч. С. 94.

³ Временник. С. 114–115, 252, 262, 270–271, 284.

⁴ Там же. С. 328.

⁵ «И как когда-то египтяне много дней оплакивали смерть Иосифа, сына Израилева, потому что он накормил их во время голода, а потом и весь Израиль оплакивал самого Моисея, - так и этого – наш новый Израиль за свое освобождение, так как весь народ охотно сравнивал его с тем [Моисеем]. См.: Временник. С. 312.

⁶ Там же. С. 257.

⁷ Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья первая. Наследие священной державы // Развитие личности. 2018. № 1. С. 235.

⁸ Плеханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 234, 236.

мя на исправление, какими сам знаешь, своими судьбами. Мы знаем, воистину знаем, что ты можешь всех спасти, если захочешь, потому что [хотя] мы и согрешили, но от тебя не отступили, ибо мы твое творение и веруем в тебя, могущего нас спасти»; «Видно по всему, что в это время озлобления мы явились неспособными вынести [испытание], так как не вспоминаем пророческих слов Бога, который заботится о нашем очищении, что "не стерпели совета его", и в законе его не хотим ходить и "забыли Бога, спасающего нас"»). Более того, Господь «может лишенное славы опять привести к первой и даже большей славе»¹. Таким образом, в какой-то момент Смута стала восприниматься как испытание веры и Божественное лекарство от грехов, вполне соответствующая отмеченному В.В. Мильковым и Д.И. Антоновым спасительному пониманию казней².

Столь пространное рассуждение об эсхатологических страхах и призывах Тимофеева к всеобщему покаянию неизбежно ставит нас перед вопросом о том, считал ли дьяк возможным преодолеть интервенцию и сместить богопротивных правителей посредством совместных насильственных действий русских людей. Каково соотношение нравственного «делания» с «гражданской» активностью во «Временнике»? Прежде всего, несмотря на обличение дьяком «бессловесного молчания» русского общества в отношении злодеяний Годунова и его несправедливого избрания на престол, представляется неправомерным утверждение Н.М. Золотухиной³ о тираноборческом пафосе сочинения: так, Тимофеев сокрушается о сведении с престола Шуйского, несмотря на все его пороки и нелегитимность избрания («Но [зато] более поспешным и вдвое бесчестнейшим было низвержение этого "самовенчника" с высоты престола, - об этом после, в другом месте, еще и пространнее будет речь»). Вообще в идеях дьяка заметна двойственность: представление о том, что все люди царства – рабы государя и должны ему беспрекословно подчиняться, сохраняя Божественную иерархию (неслучайно уподобление в двух притчах «О вдовстве Московского государства» взбунтовавшихся подданных «злорабам»), и в то же время ликование по поводу внезапного свержения Антихриста-Расстриги всенародным восстанием («Когда весь народ, воздвигнутый Богом, воспламенился, как огонь в Иакове, и поднялся против него [расстриги] очень сильная буря, взята была от жизни неживая жизнь его»). Дело в том, что из-за потери «страха Божия» русские люди не воспрепятствовали Годунову искоренить династию истинных царей и захватить престол («Мы небесный страх поставили ниже земного и раба почтили больше владыки»)⁴, что, вкупе с предательством рядом русских⁵, вызвало нашествие самозванцев и извечных врагов христианства – латинян и еллинов (шведов). На материале «Временника» нельзя говорить об идее народной борьбы и гражданской активности: человеческая воля ничтожна по сравнению с Божественным промыслом; любые действия, направленные на разрешение Смуты (избрание царей, избивание иноземцев в ходе убийства Лжедмитрия, призвание шведов на помощь), которые не санкционированы Господом, обречены и влекут за собой еще большие бедствия. Примером служит продолжение рассказа о свержении Расстриги, в котором Тимофеев сокрушается о том, что, «думая отомстить злочи-

¹ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого и до конца XVII в. Пг., 1916. С. 228, 236, 272–273, 281, 282, 316.

² Антонов Д.И. Указ. соч. С. 143; Мильков В.В. Указ. соч. С. 98.

³ Золотухина Н.М. Смута глазами государева дьяка Ивана Тимофеева. М., 2011. С. 92, 119, 139, 141.

⁴ Временник. С. 156, 237, 261, 274.

⁵ «...Если бы наши не соединились с ними против нас, одни они [враги] таких побед над нами никогда бы не могли одержать». См.: там же. С. 252.

вым за свою гибель, увь, больший вред причинили этим Русской земле»: Господь милосердно спас людей от Антихриста, но те не раскаялись, и потому «меч гнева» продолжает карать. Покуда люди не раскаются, не перестанут винить во всем только Божий Суд¹, никакое их объединение не сможет изгнать врагов и восстановить порядок в стране.

Не удивительно поэтому, что Второму ополчению отводится довольно скромная роль: Москва освобождена «с помощью небольшого остатка людей, вооружившихся и облекшихся в трехкратную крепость древнего ратоборства против фараона». Отпор иноземцам во «Временнике» представляется чудом, «внезапной и неизреченной милостью Божьей», поскольку русские люди уже давно утратили «мужественную крепость» и стали бояться составить «вселенский собор», объединиться ради установления порядка. Оказывается, Господь не в конец наказывает людей, что, попустив страшное разорение, он легко может все восполнить, ибо русские люди не потеряли свое главное достояние – православную веру. Русский «Новый Израиль» был выведен из «египетского рабства» иноземцев и вновь награжден процветанием, получив истинного царя – «боголикого и благочестивого» Михаила. Первоначальный пессимизм дьяка по поводу пресечения династии Калитичей, утери «царской драхмы» нерадивыми подданными сменился ликованием по поводу того, что Господь возобновил угасший «благословенный корень» через родственную ветвь – «масличный лист», выросший «на лозе настоящего винограда». Несмотря на то, что Михаил Федорович был избран на Земском соборе, Тимофеев подчеркивает его отличие от Бориса Годунова тем, что его избрание было богоугодно: «он призван не от людей и не людьми, - как говорит Павел» – через всенародную волю проявилась Божественная воля², а не гордыня и лицемерие прежних «наскакавших царей»³. О том, что обретение царя является ключевым для преодоления Смуты, свидетельствуют две притчи «О вдовстве Московского царства», где Россия после пресечения династии Рюриковичей уподобляется вдове «сильножителю», не имеющей потомства, которую злые рабы – мятежные подданные не слушают и всячески оскорбляют, расхищая господское имущество и приводя пожить чужих – иноземцев. Однако, вняв слезным молитвам вдовы, Господь посылает ей в защиту неизвестно откуда наследника – не обязательно близкого родственника, но близкого по свойству к пресекаемому роду, который приводит хозяйство в порядок и беспощадно наказывает рабов. С избранием Михаила, по мысли Тимофеева, воцарится мир; Новгород, в котором томится дьяк, будет освобожден, иноземцы – изгнаны; кроме того, единение людей, об утрате которого он так сокрушался, наконец-то достигнуто в ходе всенародного избрания царя. Теперь вновь возобладает иерархия, рабы станут слушаться владык, подданные – государя, юные – старых, малые – великих⁴, а иноземцы будут изгнаны. Однако Смута – это урок, показавший, что от раскаяния в грехах и установления «правды» зависит, возродится ли Московское царство⁵, будет ли продолжаться правление благочестивых государей.

Таким образом, проблема преодоления Смуты во «Временнике» Ивана Тимофеева сначала тяготеет к эсхатологическому пессимизму, обусловленному невиданными

¹ Там же. С. 262–263, 267. 271.

² Там же. С. 101, 218, 300, 326, 335, 338, 340–341, 343.

³ Антонов Д.И. Указ. соч. С. 161.

⁴ Временник. С. 285, 332–342.

⁵ Андреев И.Л. «Пучина слез рыдания»: общественно-политическая мысль и представления Смутного времени // Общественная мысль России в XVI–XVII вв.: в 2-х т. Т. 1 / Сост. и комм. И.Л. Андреев, В.Н. Козляков. М., 2010. С. 26.

бедствиями, первое место среди которых занимает пресечение царского рода, и апокалиптическому толкованию правления Лжедмитрия I как воплотившегося Антихриста. Но затем возобладал более оптимистический взгляд на то, что посредством казней Господь возвращает свой народ на истинный путь. Вместе эти две тенденции обусловили покаянный пафос произведения, воспринимаемый как единственный способ прекратить бедствия. Подвиг Второго ополчения поэтому оценивается Тимофеевым не в привычных в наше время терминах гражданской доблести, но как чудо смирившегося над русскими Бога. Конец Смуте кладет единодушное избрание народом богоугодного царя Михаила, с которым и связывается избавление от бед и нашествий. Покаяние и царь – вот решение вынесенной нами в заглавие проблемы.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРИКАЗОВ В ДЕЛЕ ПРОИЗВОДСТВА ЦАРСКОЙ ОДЕЖДЫ В РОССИИ В XVII в.

Одежда формирует облик правителя государства и подчеркивает его статус. С воцарением новой династии Романовых в 1613 г. процессу производства царского костюма стали уделять особое внимание. Царь лично наблюдал за работой дворцового ремесленного комплекса. Различные функции были распределены между приказами.

Основными источниками по истории царского костюма в России являются документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Опубликованные документы по теме содержатся в сборнике материалов по истории экономического развития России, изданном под редакцией М.Н. Покровского¹. Одна из частей труда посвящена дворцовой полотняной мануфактуре XVII в. и содержит материалы по Кадашевской и Тверской-Константиновской слободам в Москве и селам Брейтово и Черкасово в Ярославском уезде. Академией наук СССР были изданы челобитные кадашевцев и другая бытовая письменность XVII в.² Обширные сведения по царскому костюму XVII в. и его производству были собраны И.Е. Забелиным³.

Ткацкие слободы в разное время исследовали А.А. Мартынов, Р.П. Подольский, П.П. Смирнов, А.Л. Якобсон⁴. Приказной системой занимались С.К. Богоявленский, Д.В. Лисейцев, Н.А. Бакланова, С.А. Белокуров, О.В. Новохатко и др.⁵. Но проблема взаимодействия приказов в деле организации производства царской одежды в России в XVII в. будет затронута впервые.

Создателем текстильных мастерских и дворцовых хамовных слобод в России был *Приказ Большого дворца*⁶, учрежденный еще в первой половине XVI в. В его ведении находились царские дворы в Кремле, административно-хозяйственное управление дворцовыми землями, население дворцовых волостей, а также все дела, включая судебные⁷. Во главе Приказа Большого дворца стоял дворецкий. Первоначально производством царской одежды и постельного царского убранства занималась *Постель-*

¹ Крепостная мануфактура в России. Ч. III. Л., 1932.

² Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968.

³ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях. Т. 3. М., 2003.

⁴ Мартынов А.А. Государев Хамовный двор в московской Кадашевской слободе // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Т. 173. Кн. 2. М., 1895; Подольский Р.П. Государев Хамовный двор в Кадашевской слободе в Москве // Сообщения Института истории искусств. Вып. I. М., 1951; Смирнов П.П. Московские ткачи XVII в. и их привилегии. Ташкент, 1928; Якобсон А.Л. Ткацкие слободы в селе в XVII в. (Кадашево, Хамовники, Брейтово, Черкасово). М.–Л., 1934. С. 35.

⁵ Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII в. М.–Л., 1946; Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.–Тула, 2009; Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.;СПб., 2015; Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов в XVII в. // Труды Государственного исторического музея. Вып. 3. М., 1926. С. 53–100; Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906; Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в. М., 2000.

⁶ Дворами и дворцами назывались органы управления, заведовавшие преимущественно хозяйственной частью; иногда, впрочем, дворцами именовали различные ведомства.

⁷ Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель. Т. 1. М., 2000. С. 45.

ная мастерская, впервые упоминавшаяся в летописи под 1547 г. как «Постельная палата», а с 1580-х гг. как «Мастерская палата»¹. В конце XVI в. ее преобразовали в *Государеву и Царицыну мастерские палаты*², просуществовавшие до 1726 г., когда они были слиты с другими приказами в Мастерскую и Оружейную палату.

Принятие Иваном Грозным титула царя в 1547 г., а также расцвет мастерской при его первой жене – Анастасии Романовне, вероятно, способствовали переименованию Постельной мастерской в Государеву и Царицыну мастерские палаты. Этим подчеркивался их новый статус – служить царю и членам его семьи, а также расставлялись новые акценты – во главе мастерских палат теперь стояли сам царь и царица. После Смутного времени, с приходом к власти династии Романовых, в этих мастерских изготавливали вещи, создававшие образы новых государей, т.е. «лицо государства» во время официальных торжественных церемоний и приема дипломатических миссий.

Приказ Государевой и Царицыной мастерских палат состоял из постельничего, двух дьяков и нескольких подьячих³. *Постельничий* – старинная придворная должность; в обязанности постельничего входило следить за чистотой, убранством и сохранностью царской постели, охранять царские покои в ночное время, сопровождать государя на приемах, во время обеда и походов в баню, а также хранить царскую печать, которая использовалась для заверения срочных бумаг и писем. Постельничим мог быть окольничий (второй чин в Боярской думе), возглавлявший приказы, полки и выполнявший дипломатические поручения, или думный дворянин (третий чин), который мог участвовать в заседаниях Боярской думы и возглавлять приказы.

Постельничий заведовал всей «постельной казной» царя, куда входила в т.ч. и одежда, а также шитьем платья и белья, вследствие чего в ведомстве постельничего состояли мастера этого дела и мастерская палата. Он решал вопросы, связанные с принятием на службу, назначал портных в мастерскую палату, разбирал судебные дела и споры, выдавал проезжие грамоты для торговли в других городах, разбирал челобитные о выдаче замуж мастериц. В 1660 г. постельничий в чине окольничего Федор Михайлович Ртищев вместе с думным дворянином Григорием Михайловичем Аничковым, дьяками Дмитрием Алмазовым и Андреем Селиным назначил портных мастеров: Яким Кузьмина – вместо Михаила Федорова, Леонтия Ефимова – вместо Федота Матвеева, Тимофея Иванова и Федора Иванова – в мастерскую палату к царице Марии Ильиничне с выдачей государева денежного и хлебного жалованья 7 руб. денег и 12 четвертей ржи, а также поденного корма – три деньги на день⁴.

Царицына мастерская палата имела не только хозяйственный, но и административный характер, так как решала вопросы административного управления хамовными слободами и селами. Непосредственно ей подчинялись Кадашевская и Тверская-Константиновская хамовные слободы Москвы, два села Ярославского уезда – Брейтово и Черкасово, другие села и посады⁵. В Царицыной мастерской палате составлялись переписные, строительные и мерные книги слобод; распределялись годовое хлебное жалованье и льняные деньги, велся точный учет прихода и расхода «белой казны». В

¹ Донов К.В., Писарская Л.В. Оружейная палата. М., 1960. С. 3–5.

² Государственная Оружейная палата. В помощь гиду-переводчику. Ч. 1. 1990. С. 5.

³ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 107.

⁴ О бытии в мастерской палате в портных мастерах Яким Кузьмину, Леонтию Ефимову, Тимофею Иванову и Федору Иванову с выдачей государева денежного и хлебного жалованья // РГАДА. Ф. 396. 1660 г. Оп. 1. Ч. 6. Д. 6729. Л. 1–19.

⁵ Струмилин С.Г. Царская мануфактура XVII в. // Крепостная мануфактура в России. Ч. III. Л., 1932. С. XV.

приказной канцелярии выдавались данные на дворы и записывались купчие. Царицына палата была не только мастерской, но и хранилищем «белой казны»: полотен и других льняных изделий, изготовленных хамовными мастерами и мастерицами «про государев обиход», а также платья царицы, царевен и царевичей.

Хранением вещевой и денежной «государственной казны» ведал также Казенный приказ, учрежденный в конце XV – начале XVI вв. и управлявшийся казначеем. Документы, поступавшие в Мастерскую палату по государеву указу, были одновременно адресованы и чинам Казенного приказа. В 1660 г. казначей Богдан Минич Дубровский, дьяки Даниил Понкратьев и Иван Харламов следили за поступлением в мастерскую палату сукна, тафты, атласа и других тканей¹ для изготовления разных видов одежды для царя (ферезей, кафтанов и др.). «А сделав, прислать вверх, государыне царице и великой княгине Марии Ильиничне в Мастерские палаты»², видимо, для украшения и отделки. 28 июня 1588 г. взято из казны «государыни царицы и великой княгини 42 полотна тверских». Из них боярыня Настасья Чемоданова скроила «мыльных 10 простинь да два полавощника, да 6 наволочек зголовейныхх»³.

На Казенном дворе хранились ткани иностранного производства, купленные у купцов или резидентов по царскому указу. Так, 3 мая 1692 г. царице Наталье Кирилловне в хоромы из Приказа Большой казны было принесено 11 аршин байберку⁴ (плотная шелковая и парчовая ткань). Известны случаи, когда в Казенном приказе изготавливались: одежда для подарков, для иностранных послов и даже церковное убранство. Сохранились документы, где царь приказывал казначею Богдану Миничу Дубровскому сделать вещи в Казенном приказе, «а зделав (...) прислать вверх государыни царицы и великой княгини Марии Ильиничны в Мастерскую полату»⁵. А 1 августа 1613 г. восьми казенным портным мастерам было выдано 22 алтына «на корм», «делали встречное платье крымским гонцом». 24 июля 1613 г. трем казенным портным мастерам было выдано «на корм» 8 алтын на два дня, «делали патрахель да ризы к Знаменью Пречистой Богородице»⁶. На Казенном дворе хранились и меха. 22 февраля 1617 г. для пошива государева зипуна, ферязи и другого платья были отпущены с Казенного двора камка, бархат, мех бобров и горностаев⁷.

Казенный приказ выдавал распоряжения о покупке мехов, направляя *памяти* дьякам в разные города России. Среди архивных документов сохранилась Память, посланная из Казенного приказа в «приказ Володимерской чети» дьяку Михаилу Огаркову о покупке в городе Владимире и других городах Владимирской четверти⁸ «на

¹ О присылке в мастерскую палату государю на ферези тафты, атласу и прочего // РГАДА. Ф. 396. 1660 г. Оп. 1. Ч. 6. Д. 6739. Л. 1–3.

² О сделании на Казенном дворе телогрей, летников, шуб // Там же. Д. 7206. Л. 1–72.

³ Забелин И.Е. Указ. соч. Т. 3. С. 741.

⁴ Там же. С. 520.

⁵ О сделании в Казенном приказе разного платья, телогрен, кафтанов и прочего и о присылке оных в мастерскую палату // РГАДА. Ф. 396. 1660 г. Оп. 1, Ч. 6. Д. 6573. Л. 1.

⁶ Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584–1725. Т. 1. М., 1877. С. 63.

⁷ Память от 22 февраля 1617 года... // Столбцы бывшего Архива Оружейной палаты / Сост. архивариус Московского отделения Общего архива Министерства Императорского двора А. Успенский. Вып. 1. М., 1912. Д. 198. С. 64.

⁸ Владимирская четверть (или четь) – финансовое учреждение Московского государства XVII в. После взятия Казани к существовавшим Владимирской, Новгородской и Рязанской третям добавилось Казанское царство, после чего административная единица стала называться «четвертью».

государев обиход» белок «чистых и средних» и горностаев¹. Памяти и росписи декабря 1614 – апреля 1615 г. свидетельствуют о присылке на Казенный двор соболей и других меховых товаров из Казанского дворца². 27 апреля 1615 г. в Казенный приказ казначею Никифору Васильевичу Траханиотову и дьякам Ждану Шипову и Булгаку Милованову была послана Память о принятии беличьих, куньих и горностаевых мехов, купленных в 1614 г.³

Бывали случаи, что меха из Казанского дворца поступали не на Казенный двор, а в Посольский приказ. 30 марта 1625 г. была послана память о получении Посольским приказом от Казанского дворца мехов на царскую шапку⁴.

В Росписи от 5 мая 1619 г. значится, «что послано из Казанского дворца на Казенный двор», а именно меха: соболя разного качества и размера ценой от 10 до 27 руб. за сорок, бобра ценой от 10 до 25 руб., ярца (ярец – годовалый бобр) ценой от 6 до 8 руб. за десять шкурок, лисицы чернубурой по 4 руб. с полтиной лисица, лисицы бурой ценой от 25 алтын до 2 руб. за лисицу, лисицы красной ценой от 4 руб. с полтиной до 5 руб. за десять шкурок, белок по 18 руб. за тысячу⁵.

Нами был обнаружен документ, свидетельствующий о том, что в конце XVII в. ткани хранились и в Приказе тайных дел. 25 августа 1673 г. из Приказа тайных дел был взят киндяк лазоревый для пошива подушки, которую царица затем пожаловала кормилице. В этот же день был скроен и пожалован кормилице Гликерье летник, для которого камка была взята из казны Мастерской палаты, «дороги червчеты кармозиновые» для подольника с Казенного двора, «киндяк лазорев» для подкладки – из Приказа тайных дел, на пух – «бобръ целой» – из Сибирского приказа⁶.

В Казенном приказе составлялись выписки о расходах. Бывали случаи, что расходы не совпадали и виновные несли наказания. В счетной выписке в декабре 1688 г. у целовальников Казенного приказа разных товаров (мехов, платья, хлопчатой бумаги, пуговиц и т.п.) было зафиксировано, что «по приходной цене не достало товаров» на 128 руб. 19 алтын 4 деньги. Окольничий Семен Федорович Толочанов «с товарищи, слушавъ сей счетной выписки», приказал за «недостаточные товары» взыскать с целовальника Филиппа Фалелеева «с товарищи», «по приходной цене доправить деньгами против сей выписки»⁷.

На Казенный двор поступали вещи, требовавшие починки. 6 декабря 1623 г. сюда были принесены чулочки теплые песцовые патриарха Филарета. Велено было их починить. «А на починку пошло 5 черев песцовых, цена по 2 алтына череву. Отнес чулочки портной мастер Иван Гудок»⁸. Через Казенный двор осуществлялась продажа излишков товара Царицыной мастерской палаты. В продажу при этом шел, прежде всего, товар «лежалый», т.е. брак и залежавшийся товар. Документы зафиксировали, что на деле продажа этих товаров через Казенный двор позволила выручить в 1631 г. на 25%, а в 1633 г. даже на 38% выше оценки «торговых людей холщевго ряда», причем документ эту разницу называет «прибылью государя»⁹.

¹ Память из Казенного приказа... // Столбцы бывшего Архива Оружейной палаты. Вып.1. Д. 61. С.20.

² Памяти с декабря 1614 г. по апрель 1615 года... // Там же. Д. 125. С. 47.

³ Память от 27 апреля 1615 года... // Там же. Д. 66. С. 20–21.

⁴ Память от 30 марта 1625 года... // Там же. Вып. 2. М., 1913. Д. 1149. С. 453.

⁵ Память от 5 мая 1619 года... // Там же. Вып. 1. М., 1912. Д. 378. С. 113–114.

⁶ Забелин И.Е. Указ. соч. Т. 3. С. 550–551.

⁷ Сетная выписка о расходе... // Столбцы бывшего Архива Оружейной палаты. Вып.1. Д. 514. С. 162.

⁸ Записка от 6 декабря... // Там же. Вып. 2. Д. 703. С. 241.

⁹ Струмилин С.Г. Указ. соч. // Крепостная мануфактура в России. Ч. III. С. XXIV.

С 1694 г. Приказ Большого дворца находился в ведении боярина князя П.И. Прозоровского, который возглавлял также Приказ Большой казны. Очевидно, что тенденция к совместной работе этих приказов наметилась ранее, так как задачи и функции этих ведомств были взаимосвязаны. В 1700–1716 гг. князю П.И. Прозоровскому были также подчинены Государева и Царицына мастерские палаты, которые еще позднее, в 1726 г., были слиты в единую Мастерскую и Оружейную палату¹.

Подводя итоги, следует отметить тесную взаимосвязь Приказа Большого дворца, Казенного приказа и мастерских палат: Постельной, затем – Государевой и Царицыной в деле организации производства царской одежды в XVII в. Царь и царица лично руководили процессом через штат приказов: постельничего, дьяков и подъячих. Готовая продукция (белая казна: полотна, убрους, скатерти и т.д.), изготавливавшаяся в ведомственных Царицыной мастерской палате хамовных слободах и в ней самой, поступала в Казенный приказ, который ведал хранением царской одежды, следил за ее состоянием, фиксировал использование ее в различных церемониях, выдавал распоряжения о списании ветхих вещей или их починке. Туда же отправляли ткани иностранного производства, поступавшие в Россию через Посольский приказ, и меха из Сибирского приказа. Встречаются единичные случаи участия в этом процессе и Приказа тайных дел. Итак, взаимодействие приказов в деле организации работ по производству и хранению предметов царского гардероба диктовалось, прямо скажем, государственной необходимостью, хотя их работа и не всегда была четко упорядочена.

¹ Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель. Т. 1. С. 61.

**«ПАЧЕ ПРОЧИХ ЦАРЕЙ ЗЕМНЫХ ВОЗНОСЯЙ...»:
ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ КАК ИДЕЙНОЕ ОСНОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.¹**

В середине XVII в. Романовы уже могли говорить о своем незыблемом самодержавном статусе. Богобоязненный Алексей Михайлович правил жесткой рукой. По его указанию было составлено Соборное уложение – первый за многие годы свод законов, регулирующих уголовные и гражданские правоотношения. Первая глава была посвящена преступлению против царя. Самодержавие утвердилось окончательно, покушения на него рассматривались как государственное преступление и грех². Одновременно крепло и разоренное в Смуту Русское государство.

Однако Алексей Михайлович не мог чувствовать себя уверенно. В Соловецком монастыре открыли нетленные мощи митрополита Филиппа, умученного и убитого по прямому приказу царя Ивана Васильевича Грозного, официально признанного прямым предком династии. Памятуя о том, что династический грех без покаяния может снова обрушить все накопленное благочестие, царь распорядился начать процесс канонизации Филиппа. С этим событием связано появление двух очень трогательных посланий Алексея Михайловича.

Первое из них обращено к самому Филиппу. Царь обращается с просьбой простить грех своего предка, принимая его на себя: «Молю тебя и желаю тебѣ прийти сюда, чтобы разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего, царя и великаго князя Іоанна, нанесенное тебѣ неразумно завистию и неудержанною яростию, ибо твое на него негодование как бы и насъ сообщниками творить его злобы: хотя я и неповинен досаждению твоему, но гробъ прадедній присно убѣждаетъ меня и в жалость приводитъ». Молитва за прадедов грех важна не только как акт христианского смирения и любви к ближнему. В первую очередь это показывает, что Алексей Михайлович не только принимает на себя самодержавное и благочестивое царство предков, но и не боится принять на себя их грехи. Он призывает к акту великого примирения: «Уже исправился тобою евангельскій глаголь, за который ты пострадалъ: что всякое царство раздѣлившееся не устоитъ»³.

То, что после перенесения мощей Филиппа в Москву прощение греха и примирение все же состоялось, Алексей Михайлович пишет в послании к казанскому воеводе князю Одоевскому: «Гдѣ гонители, гдѣ ложный совѣтъ, гдѣ обаятели, гдѣ соблаз-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №20-011-32194 «Идейные истоки государственной исторической политики в России (на материалах историко-политических сочинений середины XVII века)».

² В науке утвердилась справедливая мысль о том, что подобное положение дел было окончательно закреплено в Соборном уложении. Но и без него Алексей Михайлович очень трепетно относился к самодержавной монархии где бы то ни было: «А нынѣ Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, вѣдомо учинилось, что Англичане всюю землею учинили большое злое дѣло, Государя своего, Карлуса Короля убили до смерти: и за такое злое дѣло въ Московскомъ Государствѣ вамъ быть не довелось» (ПСЗ РИ. Отд. 1-е. Т. 1: 1649–1675. СПб., 1830. С. 169).

³ Два послания царя Алексея Михайловича. М., 1902. С. 11, 12–13.

нителі, гдѣ ослѣпленныя мглою очи, гдѣ хотящія воспріять власть гонимаго ради? – Не всѣ ли зло погибли, не все ли исчезли во веки, не всѣ ли здѣсь месть воспріяли от прадѣда моего царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Руси, и тамъ месть вѣчную пріимут, если не покаяться!»¹. После примирения Иван Грозный, гонитель Филиппа, становится его заступником. Таким образом, правитель, даже правитель-убийца, продолжает оставаться заступником за свой народ перед Богом.

Одновременно «Алексей Михайлович считал себя преемником византийских императоров и был убежден в своем призвании царя всего православия»². Павел Алеппский, дьякон при посольстве Антиохийского патриарха в Москву, свидетельствовал: «Род теперешнего царя, по словам достоверных людей, ведет начало из Рима. Деда его дедов, около семисот лет тому назад, пришли по океану в эту страну и завладели ею. Смотри же, какой это благословенный род! с той поры и до сих пор не прекратился». Однако Алексея Михайловича волновало вовсе не происхождение от Августа; Антиохийский патриарх обращается к царю: «Я человек грешный, но Бог да даст тебе по сердцу твоему и по вере твоей и да исполнит все твои надежды! да дарует тебе победу, как даровал ее великому Константину, и да сделает имя твое, вместо автократор, монакратор, как именуется он! да наделит тебя наследством его престола во век!». После этого «царь был чрезвычайно радостен»³. Царь активно собирал все, что связывало царскую власть в России с Византией⁴. Несмотря на то, что подобные аналогии были необходимы для укрепления позиций России в мире, Алексей Михайлович оставался в первую очередь русским царем. Принятие на себя византийского наследия лишь утверждало претензии русских царей на самодержавную власть.

Утверждение такого идеала было закреплено в «Истории о царях и великих князях земли Русской» Федора Акимовича Грибоедова. Книга была написана в 1669 г., по предположению С.Ф. Платонова, для царских детей: «"История" Грибоедова составлена была для руководства государевых детей в их первом знакомстве с историей родины и их царской семьи»⁵. Тем яснее становится ее тенденциозность и объясняется подбор исторических фактов. В самой первой главе Грибоедов вводит те идейные основания, на которых строилась историческая политика еще в XVI в. и которые были сочтены подходящими: «Въ Русѣй земли первый благочестію держатель свято пожившій, боговѣнчанный великій и равноапостолный князь Владимиръ Святославичъ, нареченный во святомъ крещеніи Василій, сродникъ Августу, кесарю Римскому, отъ него жъ праведное его изращеніе, иже бяху отъ Бога яко райская древеса на-

¹ Там же. С. 20–21.

² Скрипкина Е.В. Царь Алексей Михайлович – «Новый Константин»: византийский образец власти в русской практике третьей четверти XVII в. // Омский научный вестник. 2012. № 1(105). С. 12.

³ Павел Алеппский (архидиакон). Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским (По рукописи Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел) / Пер. с араб. Г. Муркоса. Вып. 3. М., 1898. С. 20, 59–60.

⁴ «Эти легендарные драгоценности знаменовали собой переход наследия святого Константина к русскому царю как к единственному истинно православному государю» (Стерлигова И.А. Византийские святыни и драгоценности московских государей // Наше наследие. 2010. № 93–94. С. 5).

⁵ Платонов С.Ф. Введение // Грибоедов Ф.А. История о царях и великих князях земли Русской (по списку СПбДА, № 306) / сообщ. С.Ф. Платонова и В.В. Майкова. СПб., 1896. С. XI. Одним из признаков истинности этого утверждения может служить и особое внимание, которое Грибоедов уделяет родословной Рюриковичей, прослеживая в т.ч. и то, от каких ветвей происходят самые знатные роды Русского царства. Это не имеет отношения к исторической политике, но важно для понимания придворных процессов.

саждени». Важно, что Грибоедов начинает историю русской государственности не с первого правителя, а с первого православного князя. Возможно, это можно объяснить еще и тем, что «онъ сугубо имянитый владыческо и царско званіе имѣя»¹. Сохраняются идеи родства с Августом и богоизбранности династии. При этом Владимир в дальнейшем именуется «единосамодержцем», что является причудливым соединением двух разных вариантов правления.

Первым венчанным царем на Руси оказывается Владимир Мономах. Его дед – византийский император Константин передает ему дары, среди которых и царский венец, уже ставший главным символом русского самодержавия. Грибоедов без сожаления говорит о сварах, возникающих вокруг киевского стола, ибо «Великій же князь Георгій Владимиричъ, тогда господствуя въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, обновляя въ немъ первоначалственное скипетродержаніе благочестиваго царствія, идѣже нынѣ благородное ихъ сѣмя царское преславно царствуетъ, десницею Божественного Промысла укрѣпляеми и соблюдаеми»². Примерно в это время Киев был подчинен Москве, что отражает современную Грибоедову ситуацию. Подчинение это, впрочем, не подчинение завоеванного, а замена старой столицы единого государства – новой. Первый тип подчинения не упоминается в «Истории» даже в контексте ордынского ига, о начале которого Грибоедов умалчивает.

Грибоедов не лишен провиденциализма: «Честь и слава великого княженія восхождаше на боголюбивый градъ Москву, въ немъ же хотяше Богъ сугубо прославити святое Свое Имя и первосвятителство, и боговѣнчанное царство утвердити». Так начинается апологетика московских правителей – богоизбранным городом не может править небогоизбранный князь и тем более царь. После простого перечисления московских князей Грибоедов подходит к Ивану Васильевичу Грозному. Упомянув, что он венчался царским венцом, составитель «Истории» начинает обширный рассказ о первой жене царя – Анастасии Романовне. Грибоедов рисует ее как почти святую, имевшую огромное влияние на нрав Ивана Грозного и направлявшую его деятельность в благочестивое русло: «Благовѣрнаго и благочестиваго и благороднаго супруга своего государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Русіи самодержца, милостивнымъ своимъ прошеніемъ на всякіе добродѣтели зѣлне приводя»³. Так Романовы становятся причастны к московской династии и в дальнейшем могут претендовать не только на престол, но и на все идеальные духовно-политические образы, которые были разработаны и внедрены при Рюриковичах. Кроме того, Романовы так же, как и Рюриковичи, являются потомками легендарного Пруса, брата Августа. Родственники Анастасии Романовны становятся дважды царственной семьей.

Семейную идиллию нарушает Борис Годунов, который становится абсолютным злом: «Уж тако Богу изволшу, а во время державы своея сій Борис Ѳеодорович по двоелѣтнему прехожденію царства своего возненавиде оставшее племя приснопамятнаго и прекроткого и праведнаго и благочестиваго великого государя царя и великого князя Ѳеодора Ивановича всеа Русіи по матери ево государевѣ»⁴. Причем в трактовке Грибоедова Борис поступает так даже не по собственной воле, а из-за предсказаний

¹ Грибоедов Ф.А. История о царях и великих князьях земли Русской (по списку СПбДА, № 306) / сообщ. С.Ф. Платонова и В.В. Майкова. СПб., 1896. С. 6, 9.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 19, 24.

⁴ Там же. С. 27.

волхвов¹. Годунов начинает репрессии против Романовых, но Господь специально готовит их к чему-то большему: «По милости великаго Бога отъ рода ихъ Никитичевъ Романовыхъ востати имать скипетродержецъ Російскому царствію, сродникъ и наслѣдникъ прежде бывшихъ и свято почившихъ великихъ государей царей и великихъ князей Російскихъ». Своей неразумной злобой Годунов накликает на Русское царство самозванца, Смуту и польское нашествие. Грибоедову тем тяжелее писать об этом, зная, что Москва была прекрасным и боголюбивым городом, «прославляемъ и удивляемъ бысть сій царствующій градъ Москва, паче же реку Новый Римъ». И вся русская земля, узнав о польском разорении, поднялась в едином порыве и освободила Москву. После этого Господь «подаде имъ разумъ, яко нѣкое дарованіе духовное же, еже разумѣти, кого имъ избрати, кому воспріяти скипетродержаніе Російского царствія и ими обладати». Фактически Господь поставил собору нового царя, которым оказался племянник Федора Ивановича – Михаил Федорович Романов, «яко не отъ чловѣкъ, но воистинну отъ Бога избранный великій сей царь и государь»². В это время отец Михаила – митрополит Ростовский Филарет находится в польском плену. Освободившись и вернувшись в Москву, он становится патриархом. Так династия утвердилась и на царстве, и на священстве, что означало возвращение самодержавия.

После смерти Михаила на престол вступил его сын Алексей; причем Грибоедов допускает явный анахронизм, «венчая» его титулом *всёя Великия, Малыя и Белья Россіи*. Этим же титулом величают и наследника Алексея Михайловича – Алексея Алексеевича, который умирает раньше отца.

Итак, «История о царях и великих князьях» полностью справилась со своей задачей и донесла до читателя две идеи: «Во-первых, (...) царская родословная, традиционнo выведенная от Августа, кесаря Римского (...) во-вторых, здесь была освещена предыстория воцарения династии Романовых, а следовательно, Смута»³. Самодержавие оказывается своеобразным атрибутом императорской (царской) власти московских правителей, который присущ ей в любой обстановке в силу особого Божественного промысла (сохраняется мнение о царе как о богоданном правителе).

Анализ даже этих двух исторических текстов показывает сдвиг в восприятии образа правителя. Если раньше – до Смуты правители изображались как некие избранные, наиболее приблизившиеся к идеалу, то теперь правитель – лицо, облеченное высшей властью, - сам по себе становился идеалом, лучшим из людей, несмотря на все свои качества. Правитель более не приближен к Богу ближе подданных; он становится именно наместником Бога на земле, а так как Бог не может ошибаться, то государь уже обладает неким идеальным набором качеств. Произошел сдвиг от идеала правителя к правителю-идеалу. Это связано, как ни странно, не столько с религиозными потрясениями, сколько с окончательным закреплением легитимности новой династии после кризиса Смуты.

¹ См.: Страхов А.Б. «Но я достиг верховной власти... чем?»: как первые Романовы трактовали образ Бориса Годунова в исторической политике // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018». [Электронный ресурс]. М., 2018.

² Грибоедов Ф.А. История о царях и великих князьях земли Русской. С. 28, 33, 36, 41.

³ Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет попомкам явлено...» Очерки о русских историках второй половины XVII в. и их трудах. М., 1988. С. 39.

II. МОНАРХИЯ И РЕФОРМЫ: «ЗОЛОТОЙ ВЕК» ИМПЕРИИ

Е.А. Дубровская
кандидат исторических наук

УСАДЬБА ПОЛОТНЯНЫЙ ЗАВОД В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

Начало истории усадебно-фабричного архитектурного комплекса Полотняный Завод восходит к 1718 г., когда по именному указу Петра I калужскому купцу Т.Ф. Карамышеву было велено организовать «для дела парусных полотен заводь». Исследователями установлено, что Т.Ф. Карамышев происходил из дворцовых крестьян подмосковного села Измайлова и был «служителем дома» сестры Петра I – царевны Екатерины Алексеевны (1658–1718). Затем ему было предписано «для дела парусных полотен заводы в том месте, где приищет, с платежом с того места и мельницы оброку буде онои Его Императорского Величества, а буде помещичьи с обыкновенным наймом построить, и тот завод умножить, и к тому заводу работных людей сколько понадобится нанимать, и всякие припасы покупать и при том запрещения никакого никому не чинить, и те парусные полотна в российском государстве продавать, и в другие государства для продажи посылать с платежом обыкновенных пошлин свободно»¹. Место для постройки было найдено в 35 верстах от Калуги – на земле церкви Спаса на Взгомонах. Известный калужский краевед 1920-х гг. Д.И. Малинин сообщал, что еще в XVII в. неподалеку от того места, где «ныне скромно высится старая заводская церковь, построенная А.А. Гончаровым», находился погост Гоман. При небольшой деревянной церкви в 1701 г. было два «поповых двора да два двора бобыльских». Удобное местоположение не укрылось от предприимчивого калужского посадского человека С. Дехтерева. На той же церковной земле он поставил в 1688 г. мельницу на трех жерновах и платил за нее оброку 4 руб. в год. Таким образом, эта местность была известна калужским торговым людям, и основатель полотняной и бумажной фабрик оказался здесь не случайно².

В 1720 г., вследствие прошения Т.Ф. Карамышева, последовало определение Мануфактур-коллегии «да при той же парусной фабрике построить ему бумажную мельницу своим коштом и делать бумагу картузную, оберточную, книжную, пишущую, и какая может в действо произойти, которая была б доброотою против заморской»³. По новому указу, Карамышеву разрешалось также принять в компанию «из купечества свободных двух человек». Но Карамышев осуществил это намерение далеко не сразу; на данном этапе он стремился расширить свое предприятие. Так, после смерти сестры Петра I – Екатерины Алексеевны в 1718 г. принадлежащее ей село Товарково было отдано «Тимофею Филатову к собственной его парусной фабрике». В 1728 г. Т.Ф. Карамышеву, по его прошению о разрешении ему приобрести к его мануфактурам деревни, людей и земли «под селение дворов», разрешили купить к его мануфактурам деревню до пятнадцати дворов. В 1722–1730-е гг. Т.Ф. Карамышеву были даны: купчая

¹ РГАДА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 25. Л. 1.

² Малинин Д.И. Полотняный Завод в XVIII в. // Усадьба Полотняный Завод в XVIII–XIX вв. Калуга, 2014. С. 123.

³ РГАДА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 25. Л. 9.

на пустоши Петрову и Самостоеву, купчая на медыньское поместье в Мигулине, купчая на землю в Малоярославецком уезде в Товарковском стане, закладная на недвижимое имущество в Товарковском стане в сельце Белых¹.

В начале 1732 г., по-видимому, тяжело заболев, Т.Ф. Карамышев решил ввести в свое дело полноправных компаньонов. В 1732 г. по его прошению был заключен контракт на принятие в компанию посадского человека Афанасия Абрамовича Гончарова и племянника Карамышева – Григория Ивановича Щепочкина, который, возможно, как и его дядя, был выходцем из подмосковных дворцовых крестьян. При этом Карамышев отмечал, что оба они «сначала при заведении и размножении оных фабрик ревностное старание к основанию имеют и в оные как в строение, инструменты и материалы, так и за купленные и закладные земли положили капиталу»: Гончаров – 15 тыс. руб., Щепочкин – 5 тыс. руб. В феврале 1732 г. Карамышев умер. Через год его вдова – У.Г. Карамышева вышла замуж за крупного полотняного фабриканта Ф. Подсевальщикова и «от тех фабрик доброхотно отрешилась». В ноябре 1733 г. «от учинившегося пожару бумажная фабрика с инструментами и материалами и без остатку сгорела» (позднее восстановлена «капиталом и кредитом» А.А. Гончарова). А 27 февраля 1735 г. «компанейщики» А.А. Гончаров и Г.И. Щепочкин «учинили» запись о разделе имущества согласно вложенному каждому капиталу, «чтоб оные фабрики были в добром порядке». Щепочкин сообщает: «по разделу досталось мне Григорееву и жене моей светлица старая против палат, шестьдесят станов с инструментом»².

Также в доле, доставшейся Щепочкину, имелись: «десять человек чесателей со щетями, женами и детьми и самопрялками, три человека мыларей и один сновальщик, один жеребец немецкой породы, три кобылы серыя»³. Кроме того, между «компанейщиками» были поровну разделены пустоши Петрова, Самостоева и другие, приобретенные Т.Ф. Карамышевым. Все строения Г.И. Щепочкин обязался перенести в течение трех лет на т.н. «новый двор». Сведения о мануфактуре Щепочкина, находящейся на территории Полотняного Завода, находим и в начале XIX в. Так, в 1804 г. на его фабрике было 204 стана, около 400 рабочих, 600 самопрялок⁴. Местность, где находились предприятия Гончарова и Щепочкина, носила название «Полотняные Заводы». Современное название усадьбы – Полотняный Завод – восходит к 1740-м гг., когда А.А. Гончаров стал ее полноправным владельцем. В 1736 г. Гончаровым была возведена каменная церковь Преображения Господня на месте прежней деревянной. В указе 1736 г. сказано: «Имеется церковь Преображения Господня что на Згомоях деревянная, при которой имеется дом свой и фабрика». Искусствовед А.В. Средин предполагает, что постройка дома была начата вскоре после пожара бумажной фабрики – в 1730-х гг. Итак, в 1730-е гг. начал складываться архитектурный облик усадьбы, в нем специалисты отмечают некоторые отступления от классического образца. В отличие от большинства усадебных ансамблей, усадьбу Гончаровых не увидишь издалека. Она скрыта от окрестностей величественным садом главного дома, шпилем церкви, могучими деревьями старого парка. Наряду с «потаенным» расположением, это и фабричные здания, почти вплотную примыкающие к дому, и скорее городской, чем загородный облик самого дома⁵. В усадьбе Полотняный Завод промышленные

¹ Там же. Д. 3, 7.

² Там же. Д. 31. Л. 1.

³ Средин А.В. Полотняный Завод // Усадьба Полотняный Завод в XVIII–XIX вв. Калуга, 2014. С. 70.

⁴ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947. С. 258.

⁵ См.: Любченко О.В. Парки в Полотняном Заводе // Калужская Пушкиниана. Сб. статей. Вып. 1. Калуга, 2003. С. 36.

корпуса находились близко к господскому дому, что, несомненно, создавало неповторимый образ этого уникального историко-культурного объекта.

Интересно, что на протяжении всей фабричной деятельности А.А. Гончарова верховная власть оказывала ему свое благосклонное внимание. В 1738 г. Гончаров подал прошение в Сенат: ввиду его заслуг и высокого качества продукции его фабрик «учинить ему награждение – записать за ним приписанных к его фабрике крестьян вечно», ибо «собственным своим и заемным капиталом распространил свои фабрики, не требуя казны, как прочие фабриканты, знатной суммы денежного вознаграждения». В 1739 г. Сенат пошел ему навстречу. Согласно резолюции Кабинета, «обретающихся по фабричным мастерствам, дворцовым, архиерейским, помещиковым крестьянам положенным и неположенным в подушный оклад быть при тех фабриках вечно». 6 сентября 1742 г. последовал новый указ Сената, скрепленный подписью императрицы Елизаветы Петровны. Этим указом Гончаров пожалован «в чин Коллежского Ассессора в ранг Майорский 1742 года сентября 6 дня». Это было крупное возвышение по тем временам, так как давало право на потомственное дворянство.

А.А. Гончаров был человеком эпохи Петра, ярким представителем нового дворянства. Исследователи не раз обращались к вопросу о происхождении капиталов Гончарова. По сведениям, восходящим к XVII столетию, Гончаровы были зажиточными посадскими людьми города Калуги. По мнению специалистов, занимающихся родословной Гончаровых, их родословное древо выглядит так: «1 колено. Дементий (ок. 1615) – вероятно, калужский посадский человек; 2 колено. Иван Дементьевич (ок. 1645) – калужский посадский человек, владелец гончарной лавки; 3-е колено. Авраам Иванович (ок. 1675 – после 1723) – посадский человек; 4-е колено. Афанасий Абрамович (ок. 1704–1784)»¹. Важно отметить, что сотрудничать с калужским купцом Т.Ф. Карамышевым начал еще отец А.А. Гончарова – А.И. Гончаров (эти имена стоят рядом в таможенном документе 1728 г.). Самая ранняя документация, где упоминается имя А.А. Гончарова – вексель 1725 г. и письмо Гончарова на имя императрицы Екатерины I с просьбой освободить арестованные на таможе парусные полотна².

Современник оставил интересное описание внешности А.А. Гончарова: он «ростом был высок, сухощав, глаза быстрые, речи произносил громко, в пище и питии был умерен, во всех частях домашней, сельской, фабричной, торговой экономии был искусен. Приказчику сделал выговор, будучи девяностидесяти лет». На портрете, написанном в 1768 г., по всей вероятности, крепостным мастером, владелец Полотняного Завода изображен в зените своего жизненного пути и достигнутых им успехов. А.В. Средин отмечал: «портрет, с которого имеются две копии, расположенные по разным комнатам дома, изображает его уже в преклонном возрасте; на нем черный бархатный камзол; умно и немного насмешливо глядят небольшие глаза; в осанке чувствуется уверенность хозяина; такой же образ возникает перед нами, если мы начнем перелистывать указы, начиная с 1718 года, с основания фабрики»³.

Первые владельцы Полотняного Завода занимают, несомненно, почетное место среди российских предпринимателей XVIII в. Усадьбно-фабричный архитектурный комплекс Полотняный Завод является выдающимся памятником истории и культуры, неразрывно связанным с именем А.С. Пушкина, а также с историей возникновения и развития полотняного и бумажного производства в России в первой трети XVIII в.

¹ Ровенский Г.В. Родословная Гончаровых. Фрязино, 1999. С. 1.

² Марченко Н.В. Когда родился Афанасий Абрамович Гончаров? // Калужская Пушкиниана. Сб. статей. Вып. 1. Калуга, 2003. С. 16.

³ Средин А.В. Полотняный Завод // Усадьба Полотняный Завод в XVIII–XIX вв. Калуга, 2014. С. 66.

ФОРМИРОВАНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО КАПИТАЛА В XVIII в.

Тема формирования капитала различными категориями населения нашей страны вызывает интерес у историков, экономистов, политологов и других исследователей. К началу XIX в. старообрядческие капиталы оказались весьма внушительными. Почему это стало возможным и каким образом купцам-старообрядцам – выходцам из гонимой и преследуемой официальными властями социальной группы удалось добиться такого экономического успеха?

Начнем с используемой в работе терминологии. **Старообрядцы** – православные русские люди, не принявшие церковную реформу царя Алексея Михайловича и патриарха Никона во второй половине XVII в. и перешедшие в непримиримую оппозицию властям и официальной церкви. Для миллионов верующих людей никоновские исправления священных обрядов стали вопросом о спасении православной души. В итоге, религиозный протест, соединившийся с народным недовольством крепостническими порядками, оформился в мощную контркультуру, противостоящую государству. Правительство объявило староверов *раскольниками*, но сами они не соглашались с этим определением, считая себя истинно верующими, не признавшими отступничества высшего духовенства и властей¹. Последовали массовые гонения. В 1685 г. царевна Софья по настоянию патриарха Иоакима издала против старообрядцев 12 статей, после чего староверам пришлось мигрировать по стране. Эти статьи предписывали разыскивать и пытаться раскольников, не давать им воды и хлеба, высылать, а «в тех городах воеводам и приказным людям приказывать над ними в тех слободах, где они жить станут, старостам и пятидесяцким, и десяцким, и окольным соседям надсматривать, чтоб от них церковной противности и расколу не было»². Преследуемые старообрядцы бежали в Поморье, Сибирь, на Дон и за пределы России. Духовными центрами становились монастыри и скиты, основанные ими в глухих и малонаселенных местах. Такими центрами были Керженец (Нижегородская губ.), Стародубье (местность вокруг г. Стародуб на севере Черниговской губернии), Ветка (слобода при впадении одноименной реки в Сож, до 1772 г. – территория Речи Посполитой), Иргиз (юго-восток Саратовской губ.) и др.³ Староверы, расселяясь по городам, деревням, селам России и за ее пределами, основывали общины со своими особыми взаимоотношениями, уставами, этикой.

Как любая преследуемая группа, старообрядцы действовали сплоченно, их общины становились чем-то вроде «государства в государстве». Довольно подробно о духовных и организационных основах жизни старообрядцев писал в своей монографии «Грани русского раскола» историк А.В. Пыжиков (1965–2019). Старообрядче-

¹ Уэст Дж. Л. Старообрядцы и предпринимательская культура в царской России // Современная конкуренция. 2009. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cvberlinka.ru/article/n/staroobryadtsy-i-predprinimatelskaya-kultura-v-tsarskoy-rossii> (дата обращения: 29.10.2020).

² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук. Т. 4. СПб., 1836. С. 419–422.

³ Кузнецова Я.Л. Миграция старообрядцев на территорию Зауралья // Книжница Самарского староверия. История староверия (по регионам). [Электронный ресурс]. URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/47-1-0-678> (дата обращения: 29.10.2020).

ский капитализм зародился еще в первой половине XVIII в. в Выговской поморской общине¹. Она же и послужит моделью управленческой и хозяйственной организации старообрядцев по всей стране².

Поначалу община выглядела как крестьянская артель, основанная на общих религиозных принципах и эсхатологической идеологии. В 1705 г. Выговская пустынь была приписана к Олонецким заводам. Выговцы – рудознатцы и литейщики – много сделали для разработки новых месторождений полезных ископаемых на Русском Севере, на Урале и в Сибири. В первой половине XVIII в. они сколотили крепкое хозяйство: в 1710 г. основали Чаженгскую пустынь площадью около 250 кв. верст, а в 1731 г. – пристань Пигматку на Онежском озере, через которую вели свою торговлю. Кроме того, выговцы занимались рыбными промыслами на Выгозере и Водлозере, на Белом море, между Печерой и Мезенью, на Мурманском берегу, позднее – на Новой Земле и Груманте (Шпицбергене), а также перепродавали хлеб из Поволжья в Петербург и т.п. На Выге развивались кузнечное дело, обработка кож, выгонка смолы и дегтя, изготовление пряжи. Уже в 1720-е гг. выговские пустыни вступили в пору экономического расцвета, который привел к «обмирщению» жизни выговских старообрядцев. Артель и богадельня оказались единым целым. Здесь появились наемные работники. С 1730-х гг. был ограничен прием в пустынь³.

Отношение правительства к старообрядцам в «эпоху дворцовых переворотов» было весьма своеобразным: власти не были в восторге от экономического преуспевания раскольников, накопивавших капиталы и возводивших мануфактуры, но были очень довольны пополнением казны за счет уплачиваемых ими податей. В обмен на налоги старообрядцам позволялось спокойно проживать в своих общинах. При Петре Выговская община получила возможность автономного существования. «Отец отечества» опасался политической оппозиции и сепаратизма со стороны раскольников, но не собирался бороться с очевидной экономической пользой от их деятельности. Вместо того, чтобы «перепрямить» старообрядцев», было решено извлекать из их «упрямства» большую казенную выгоду. По преданию, в 1702 г. Петр, проезжая мимо Выговской пустыни, обронил решающую фразу: «Пускай живут!». Здесь еще сыграло свою роль взаимодействие раскольников с Олонецкими заводами, на которых хозяйничали иностранцы. Иностранных специалистов конфессиональная принадлежность работников не волновала. Им нужны были добросовестная работа и ее результат, прежде всего – много качественной руды, разведку и добычу которой вели выговцы⁴.

Так для староверов и их экономической деятельности наступило относительно благополучное время.

¹ В октябре 1694 г. в лесах в 70–75 верстах северо-восточнее Онежского озера, в верховьях реки Выг был основан старообрядческий монастырь – Выговская поморская пустынь (другие названия: Выголексинская пустынь, Выговское общежитие, Выговская киновия, Даниловская пустынь, Выгоредия и др.) – крупнейший центр поморского согласия (умеренного крыла беспоповщины, наиболее радикального из двух направлений русского старообрядчества) // Пашков А.М. Выговская поморская пустынь и ее культура // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 5. М., 1996. С.50–54.

² Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. М., 2019. С. 136.

³ Пашков А.М. Выговская поморская пустынь и ее культура // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 5. М., 1996. С. 50–54.

⁴ Юркин И.Н. Государство и старообрядцы в первой трети XVIII в.: действительно ли Империя боролась с расколом? // Человек между Царством и Империей: Сборник материалов международной конференции (14–15 ноября 2002 г.). М., 2003. С. 350–366.

В своей монографии «Великорусский пахарь» видный историк Л.В. Милов отмечает, что до середины XVII в. не было предпосылок для обогащения купечества, развития мануфактур и ремесла и тем более – для складывания всероссийского рынка – страна долго залечивала раны, нанесенные Смутным временем. Для появления капитала требуются особо благоприятные обстоятельства наподобие тех, что сложились в конце XV – начале XVI в. в некоторых странах Западной Европы. В противном случае, он мог формироваться лишь по мере разложения ремесла и развития мелкотоварного производства. Это приводило к появлению т.н. *неадекватных* форм капитала, т.е. таких форм, где капитал не являлся противоположностью труду. Речь – о мелком капитале и промежуточных формах между прежними способами и классическим способом накопления капитала.

Л.В. Милов называет три причины появления неадекватных форм капитала: 1) отсутствие существенных проявлений процесса экспроприации производителей, вследствие чего возник острый дефицит свободной рабочей силы; 2) господство краткосрочной системы вольного найма (поденщины) как в ремесленном, так и в мелкотоварном производстве; 3) высокий уровень оплаты труда свободного рабочего, покрывающей или почти покрывающей всю стоимость его труда¹.

Итак, уникальность мелкого капитала состояла в том, что его владельцы и их наемные работники находились практически в одинаковом положении. Непрерывное производство отсутствовало, а высокая заработная плата свободных работников не позволяла мелким производствам накапливать капитал. Такова была экономическая жизнь на рубеже XVII–XVIII вв. Заниматься предпринимательской деятельностью в таких условиях дворянам было неинтересно. При этом жизнь старообрядческих общин строилась на следующих принципах: 1) равенство всех членов общины как в хозяйственном, так и в духовном отношении; 2) зависимость рода занятий и положения в общине от способностей каждого и от признания его единоверцами: простой крестьянин мог стать главой общины и одновременно – старообрядческой обители; 3) открытость и гласность при решении дел; 4) братское доверие и взаимопомощь; 5) предпринимательская деятельность на благо общины есть средство спасения души; 6) стремление не брать в долг вкуче с готовностью давать в долг, но не в рост – презрительное отношение к «процентщикам»; 7) твоя собственность – собственность собственности твоей веры².

Поощрялась готовность по собственной инициативе отсрочить платеж попавшему в сложную ситуацию заемщику, простить долг, помогать сирым, убогим и вдовам, а также содержать нуждающихся. Практика благотворительности в старообрядческой купеческой среде, равно как и помощь нуждающимся – составная часть христианской этики. В старообрядческой среде эти отношения вылились в собственную систему вторичного распределения, но не по принуждению государства. Владелец добровольно расставался с частью своей собственности в пользу экономически менее состоятельного слоя единоверцев. Поэтому у нуждающегося православного народа, верного никонианским заветам, складывалось впечатление, что бедным «староверничество» не по карману³. По таким законам жили старообрядческие общины в течение всего XVIII в.

¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. Гл. 3.

² Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 138.

³ Шахназаров О.Л. Отношение к собственности у старообрядцев (до 1917 г.) // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 53–70.

После воцарения Екатерины II положение староверов стало неуклонно улучшаться – по сугубо экономическим причинам. Был издан ряд указов, разрешающих крестьянам переходить в купеческие гильдии. Это давало возможность открывать заводы и мануфактуры всем желающим и способным на это независимо от происхождения – лишь бы наполнить доходами государственную казну. Старообрядцы быстро проявили предприимчивость. В конце XVIII в. они начали основывать мануфактуры одну за другой. К прославленным династиям предпринимателей-староверов, появившимся в ту эпоху, можно отнести Морозовых, Щукиных, Прохоровых, Солдатенковых. Опираясь на старообрядческий капитал, Екатерина II и ее преемники начали строить в России капитализм. Они верили в то, что русские предприниматели со временем станут достойными конкурентами европейских, и, конечно, не сомневались в том, что промышленная деятельность купцов-раскольников со временем нивелирует их религиозные предпочтения. Однако староверы образовали, по сути, собственную корпорацию, основанную на конфессиональных и общинных правилах. Таким образом, к началу XIX в. зародилась совершенно иная модель, отличная от западного предпринимательства, называемого капитализмом. А.В. Пыжиков даже приравнял старообрядческую предпринимательскую модель к социализму¹. Колоссальное различие между западным и русским старообрядческим капиталами, вероятно, состояло в том, что первый ориентирован на личную выгоду производителя, а староверческий – на содержание социальной инфраструктуры и нужды общины.

¹ Пыжиков А.В. Указ. соч. С. 151.

ПРИЧИНЫ ФОРМИРОВАНИЯ НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА МОСКОВСКОГО КУПЦА В XVIII–XIX вв.

В Москве – крупнейшем торгово-промышленном центре России издавна происходил симбиоз самых разнородных элементов: немецких и литовских «гостей» с Запада, татарских, среднеазиатских и армянских купцов с Востока, итальянцев и греков с Юга¹. Московское купечество всегда было неотъемлемой частью исторического облика города. Но как воспринимали купца? Купец не был «героем», поведение и быт купечества очень часто неодобрительно оценивались представителями других сословий. О складывании негативного образа купца говорят нам произведения известных литераторов того времени. Русская литература в XVIII – первой половине XIX в. показывала купцов как обманщиков, мошенников, очень жадных до денег. А в быту их «рисовали», как правило, необразованными, неуживчивыми, склочными, толстыми и ленивыми.

Особенной популярностью в Москве всегда пользовались произведения драматурга А.Н. Островского. Так, в пьесе «Семейная картина», купец Ширялов говорит: «...Играешь до восемнадцати лет в бабки, а там тебя женят, да и торгуй. Нынче неученого-то дураком зовут. Ишь, ты, все умны стали!»². В комедии «Свои люди – сочтемся!»³ Островский всячески высмеивает купечество: «Не пойду я за купца, ни за что не пойду. – Затем разве я так воспитана: училась и по-французски, и на фортепьянах, и танцевать! Нет, нет! Где хочешь, возьми, а достань благородного». Купца называют «варваром» и «разбойником»: «Варвар ты, варвар! Разбойник ты эдакой! Нет тебе моего благословения! Иссохнешь ведь с деньгами-то, иссохнешь, не доживя веку. Разбойник ты, эдакой разбойник!». Да и сам купец Большов (герой комедии) в разговоре с чиновником довольно грубо отзывается о своем сословии: «То-то вот и беда, что наш брат, купец, дурак, ничего он не понимает, а таким пиявкам, как ты, это и на руку». А в комедии «Горячее сердце», в образе купца Хлынова, Островский показал московского прожигателя жизни, сына фабриканта Алексея Хлудова – Михаила, славившегося на весь город кутежами, скандалами, костюмированными пирами в доме в Хлудовском тупике и прогулками по Москве с прирученной им тигрицей⁴.

В одном из эпизодов романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский описал образ жизни купца. Кузьма Самсонов назван «развратителем», проживающим в очень большом, но старом и мрачном доме, на первом этаже которого ютилась его семья, а во флигеле двое приказчиков, один из которых тоже был многодетным. Сам купец проживал один в роскошных парадных комнатах второго этажа, меблированных по купеческой старине – вульгарно и безвкусно. Особый упор сделан автором на том, что Самсонов, не пуская в свои огромные комнаты никого, располагался в маленькой спальне, практически не выходя из нее по болезни⁵.

¹ Поликарпов В.С. История нравов России. Восток или Запад. Ростов-на-Дону, 1995. С. 238.

² Островский А.Н. Полн. собр. соч. в 12-ти т. / Под общ. ред. Г.И. Владыкина и др. Вступит. ст. А. Салынского. Т. 1. М., 1973. С. 78.

³ Там же. С. 85–152.

⁴ Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М., 1979. С. 100–101.

⁵ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., 2020. С. 370–371.

К началу XIX в. в общественном сознании был накрепко запечатлен присущий купечеству расточительный образ жизни. При этом ничто не мешало одновременно упрекать купечество и в чрезвычайной скупости. Данный контраст является причиной всевозможных слухов, порой весьма странных, но не добавлявших уважения к купечеству. Князь В.М. Голицын (московский губернатор в 1887–1891 гг.) вспоминал: «Много по Москве ходило рассказов об эпических пиршествах в этих заведениях ("Яр", "Юла", "Эльдорадо" в Петровском парке, "Золотой якорь" в Сокольниках и пр.), герои которых вполне воспроизводили типы, столь картинно изображенные Островским в его бессмертных комедиях. Говорили о разбитой посуде на сотни и тысячи рублей, о мытье пола шампанским, о кидании неоткупоренных бутылок на улицу»¹. Словам князя Голицына, много лет прослужившего в Москве на высоких должностях и хорошо знакомого с московским бытом той эпохи, можно было бы верить. Однако, говоря о разухабистых купчинах, он не подтверждает, что дела обстояли именно так, а лишь ссылается на гулявшие по городу слухи.

До середины XIX в. мелкие и средние купцы относилось к «ученю» пренебрежительно, что также отражено в литературе. В.Я. Брюсов рассказывал, что его отец учился у приходского дьячка, а его дед считал это вполне достаточным, чтобы «заниматься при лавке» (т.е. приобщаться к торговле, помогать старшим). Образование не было необходимо, а порой считалось даже вредным, так как образованный наследник мог не захотеть продолжать дело отца².

Бытописатель Москвы, купец и антиквар И.А. Слонов в книге о московском купечестве середины XIX в., изданной в 1914 г., дает описание новогодних купеческих празднеств, акцентируя внимание на расточительности и, в то же время, на эгоизме, скупости и жадности «деловых» людей первопрестольной: «...В "Метрополе" собираются крупные фабриканты и заводчики, в "Московском трактире" – биржевики, в "Эрмитаже" – немцы (...) Незнакомые люди, отуманенные вином, позабыв о правилах приличия и этики, фамильярно и быстро знакомятся между собой (...) и начинается общий, нелепый и безобразный кутеж...»³. По поводу такого разгула один из провинциальных священников писал купцу Слонову: «Ради Христа, так любившего детей, пожертвуйте, сколько можете, на церковно-приходскую школу. Обращаюсь с просьбой к Вам, как к жителю той самой Москвы, которая (как пишут в газетах) в одну только новогоднюю ночь вливала в свое грешное брюхо более десяти тысяч бутылок шампанского (...) Господи! Сколько школ-то пропито...». Но Слонов не строил на этот счет никаких иллюзий: «Священник, написав такое наивное восклицание, очевидно, не знает, что те господа, которые в одну только ночь пропивают на шампанском не одну сотню тысяч рублей, менее всего думают о школах...»⁴. Помог ли священнику он сам, мы не знаем. Но из приведенного отрывка хорошо видно, какими глазами смотрела русская провинция на купеческую Москву.

В рассказе Н.С. Лескова «Чертогон» главный герой – купец-самодур – тратит 17 тыс. руб. на ужин в ресторане с цыганами, оркестром, битьем посуды и зеркал, погромом и прочими прихотями, а затем ожидает своего соседа по лавке, чтобы идти пить чай, так как вместе получится на 1 копейку дешевле⁵.

¹ Голицын В.М. Москва и ее жители 50-х гг. XIX столетия // Московский журнал. 1991. № 9. С. 26.

² Брюсов В. Из моей жизни. Автобиографическая и мемуарная проза. М., 1994. С. 66.

³ Слонов И.А. Из жизни торговой Москвы (Полвека назад). М., 2006. С. 152.

⁴ Андреев А.Р. Москва. Купечество. Торговля. XV – начало XX в. М., 2007. С. 130.

⁵ Лесков Н.С. Чертогон и другие рассказы. М., 1954.

Богатейший московский купец, меценат и благотворитель второй половины XIX столетия К.Т. Солдатенков (именно на завещанные им средства была построена Солдатенковская больница – ныне ГКБ имени С.П. Боткина) в старости любил перед сном бродить в одиночестве по опустевшим залам своего особняка – «Кунцевского дворца» и выкручивал электрические лампочки, чтобы зря не горели¹.

О скупости Г.Г. Солодовникова ходили слухи и легенды по всей Москве. Предприниматель владел пассажем на Кузнецком мосту, доходными домами в центре города, фабриками, был миллионщиком (только на благотворительность завещал более 20 млн руб.), меценатом, открыл в Москве театр на Большой Дмитровке (ныне Московский театр оперетты). Солодовников жертвовал средства на строительство Клиники кожных и венерических болезней на Девичьем поле, Московскую консерваторию и множество других заведений, но при этом в быту был жаден до чрезвычайности. Приходя на обед в ресторан, миллионер мог заказать вчерашнюю гречку, так как она была дешевле сегодняшней на несколько копеек, торговался с извозчиками, мало давал официантам и половым «на чай», хотя последние не получали жалованья и жили только на чаевые, нередко отдавая часть своему работодателю). Репортер московских газет В.А. Гиляровский, «не понаслышке» знавший жизнь и быт москвичей XIX в., в книге «Москва и москвичи» описывает, как, приходя в Сандуновские бани, Солодовников «никогда не спрашивал – сколько, а молча совал двугривенный (20 коп. – Ю.Н.), из которого банщику доставалось только гривенник»². И всего за 10 коп., получаемых от миллионера (для сравнения, в 1901 г. в Московской губ. 1 кг говядины стоил 23 коп.)³, банщики, проводившие вместе с ним не менее часа, должны были его попарить, помыть и потереть. Гиляровскому, заслужившему искреннюю любовь москвичей, мы обязаны обличительными и довольно красноречивыми статьями, высмеивающими пороки купечества. В «Москве и москвичах», в главе «Дворцы, купцы и ляпинцы», Гиляровский показывает самые разные «выверты» московских «купчишек», которые, впрочем, не отличались новизной: пьянство, кутежи, битье посуды в ресторанах и прочие бескультурные поступки⁴.

В письме И.Н. Крамского к П.М. Третьякову находим яркий пример того, как даже в 1870-х гг. воспринималось такое благое дело, как меценатство: «Извините, все Вас считают таким (богатым. – Ю.Н.), кроме меня. Говорю это с чувством глубокого убеждения, то есть я считаю Вас человеком только со средствами, и знаю очень много людей гораздо богаче Вас, которые считают Вас потому богатым, что если Вы тратите на картины, то есть на прихоть (по их мнению) столько денег, то сколько же Вы должны тратить в таком случае на свои нужды?!»⁵. В самом деле, на фоне соривших деньгами богачей Павел Михайлович – собиратель самой знаменитой в России коллекции картин русских художников – выглядел «белой вороной». Он и в самом деле был гораздо богаче их, но не деньгами, а сокровищами отечественной живописи.

К концу XIX в. московскому купечеству удалось, однако, поднять свой общественный престиж. Но и тогда лучшие представители этого сословия воспринимались чаще как исключение из правил и лица, порывающие со своим кругом. М. Горький взял в качестве сюжета романа «Фома Гордеев» (1899) судьбу купеческого отпрыска,

¹ Щукин П.И. Воспоминания. Ч. 3–5. М. 1912. С. 24.

² Гиляровский В.А. Указ. соч. С. 249.

³ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств ... / М-во земледелия. Отд. сельской экономики и с.-х. статистики. Пг., 1914. С. 490.

⁴ Гиляровский В.А. Указ. соч. С. 94–112.

⁵ Боткина А.П. П.М. Третьяков. Изд. 3-е. М., 1986. С. 195.

испорченного взрастившей его средой. Купцы показаны в романе как корыстолюбцы и обманщики, одержимые жадной наживой. Их Горький характеризовал так: «...обманывал, порою – замечал, торжествуя, открыто смеялся над обманутым и, в безумии жадности денег, возвышался до поэзии...»; «дерзкий со всеми и циничный, он пил, развратничал и спаивал других, он приходил в иступление, и в нем точно вулкан грязи вскипал»¹. Главный герой – сын волжского купца Фома Гордеев, получивший после смерти отца богатое наследство, растрчивает его, ведя разгульный образ жизни (рестораны, цыгане, катания на тройках, кутежи). Этим он компенсирует свою неудовлетворенность жизнью. Не желая более участвовать в грязных делишках, Фома порывает со своей средой: «Торговля – все равно, что война, – азартное дело. Тут бьются за суму, а в суме – душа (...) – фальши много! Тут, брат, подходя к человеку, держи в левой руке мед, а в правой – нож»². Все кончается тем, что, «просадив» отцовское наследство, Гордеев становится бродягой, опускается на самое «дно».

Любопытно, что великий русский певец Ф.И. Шаляпин – давний друг Горького выступал, однако, в защиту купцов, многие из которых были вчерашними «мужиками», т.е. выходцами из крестьянской среды, достигшими успехов благодаря своей предприимчивости, бережливости, расторопности и энергии. «...Начинает он жить в преимущественном положении перед другими мужиками, у которых как раз нет его привилегия (...) С точки зрения последних течений мысли в России, он – "кулак", преступный тип»³, – так рассуждал Шаляпин, эмигрировавший из Советской России. Именно предприимчивость и хозяйскую смекалку он считал главной причиной расцвета торгово-промышленного сословия, незаурядных достижений его представителей. «А там глядь, у него уже и лавочка или заводик, – продолжает певец. – А потом, поди, он уже 1-ой гильдии купец. Подождите – его старший сынок первый покупает Гогенов, первый покупает Пикассо, первый везет в Москву Матисса (имеются в виду московские купцы Щукины. – Ю.Н.). А мы, просвещенные, смотрим на всех непонятых еще нами (...) говорим: – Самодур... А самодуры, тем временем, потихоньку накопили чудесные сокровища искусства, создали галереи, музеи, первоклассные театры, настроили больниц и приютов на всю Москву...»⁴.

Таким образом, купечество долгое время было не в чести как у дворян, так и у «простого народа». Первые сетовали на необразованность купцов, второй – на его приверженность собственным «шкурным» интересам. Зачастую купечество просто не понимали: «Их умеренная жизнь, с наименьшими затратами на свои прихоти, истолковывалась как жадность к деньгам, скряжничество. Эти слухи распространялись и укреплялись в головах многих»⁵. Кроме того, народную нелюбовь к предпринимательскому классу сами купцы иногда объясняли узким кругозором и патриархальным укладом крестьянства, т.е. основной массы населения. «При замкнутости семейной жизни и отсутствии общественных интересов церковь служила центром, объединявшим небольшой мирок прихода (...) Все разговоры вращались на том, что произошло или имеет произойти в кругу нашей родни. Такая замкнутость влекла за собой, разумеется, односторонность и узость воззрений»⁶, – писал московский купец и общественный деятель Н.П. Вишняков.

¹ Горький М. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 4. М., 1988. С. 6–7.

² Там же. С. 95.

³ Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни: Повести. М., 1990. С. 306.

⁴ Там же. С. 307.

⁵ Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 471.

⁶ Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989. С. 280, 294.

ПАВЕЛ I И А.А. АРАКЧЕЕВ: ГАТЧИНСКИЙ УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ОПЫТ

Опытный артиллерист генерал-лейтенант В.Ф. Ратч – автор обширного труда о военной деятельности графа А.А. Аракчеева очень точно определил суть павловской резиденции – Гатчины, назвав ее «школой правительствовать»¹. Именно в этой школе сформировалась целая плеяда управленцев и государственных деятелей – таких, как П.М. Капцевич, Ф.И. Апрелев, Н.О. Котлубицкий, И.Х. Сиверс и мн. др. «Гатчинцы» – это и сам начинающий поручик А.А. Аракчеев, выпускник Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса, и молодой великий князь Александр Павлович – 19-летний шеф 2-го батальона.

Князь Адам Чарторыйский вспоминал, что «великие князья в особенности подвергались насмешливым осуждениям за то, что они, не рассуждая, так горячо пристрастились к этим причудам. Их сравнивали с детьми, играющими в деревянные солдатики»². Только «деревянные солдаты» станут высокопоставленными военачальниками и сановниками, а «причуды» – настоящей управленческой школой. Вступив на престол, император Павел I тотчас привлек новоиспеченного цесаревича Александра к участию в государственных делах; при этом Гатчина осталась чем-то вроде «полигона» для испытания административных и военных талантов будущего правителя. Павел Петрович с юных лет считал военное дело основой российской государственности как таковой, об этом он еще 14 сентября 1778 г. говорил в письме графу П.И. Панину³. Конечно, для Павла-наследника гатчинские военные «занятия» были, по словам историка Е.С. Шумигорского, «лишь временным средством»⁴. Вместе с тем, гатчинские порядки, заведенные Павлом, входили в плоть и кровь всех причастных к ним лиц. Позднее князь Чарторыйский, успевший побывать и близким другом Александра, и членом его Негласного комитета, и министром иностранных дел, оставил и такой ироничный отзыв о своем августейшем патроне и благодетеле: «он (Александр. – Э.П.) охотно согласился бы, чтобы каждый был свободен, лишь бы все добровольно исполняли бы его волю»⁵. Впрочем, не следует слишком уж безоговорочно противопоставлять павловские пристрастия екатерининским обычаям. Ведь будущие гатчинские сподвижники Павла – все сплошь воспитанники Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса, окончательно сформированного при Екатерине II и получившего это свое название в октябре 1762 г. Корпус являлся, по

¹ Ратч В.Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчеве. По 1798 год. СПб., 1864. С. 93.

² Мемуары кн. А. Чарторыйского и его переписка с императором Александром I / пер. с фр. А. Дмитриевой; ред. и вступ. ст. А. Кизеветтера. Т. I. М., 1912. С. 95.

³ Переписка в.к. Павла Петровича с гр. Петром Паниным // Русская старина. Т. XXXIII. 1882. Февраль. С. 412.

⁴ Шумигорский Е.С. Император Павел I: жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 45.

⁵ Мемуары кн. А. Чарторыйского... Т. I. С. 307.

сути, кузницей кадров. Среди его выпускников – прославленный полководец М.И. Кутузов; история Корпуса подробно изложена в трудах Н.Л. Ломана¹, А.Н. Петрова².

Каким же образом гатчинской армии опального цесаревича Павла удалось избежать расформирования? Историк Н.К. Шильдер считал, что «скрытым заступником гатчинских войск следует признать Николая Ивановича Салтыкова, занимавшего место вице-президента Военной коллегии. Он умел удерживать Екатерину от решительных мероприятий, направленных против гатчинского воинства»³. В ту пору подпоручик А.А. Аракчеев по рекомендации директора Кадетского корпуса П.И. Мелиссино преподавал математику сыну графа Н.И. Салтыкова, занимавшегося воспитанием великих князей. Через некоторое время Мелиссино определил своего адъютанта Аракчеева, с отличием окончившего обучение в Корпусе, на службу к цесаревичу Павлу Петровичу. Таким образом, в 1792 г. подпоручик А.А. Аракчеев оказался в строю гатчинских войск, где и начал учиться «правительствовать».

По свидетельству Ф.В. Булгарина, Аракчеев так вспоминал о Гатчине: «там была служба тяжелая, но приятная, потому что усердие всегда было замечено и знание дела, исправность отличены. Наследник Престола жаловал меня, но иногда и журил крепко, всегда почти за неисправность других»⁴. Военный историк В.Ф. Ратч в своих лекциях⁵ находил корни будущих артиллерийских реформ Аракчеева именно в павловском времени и даже в самой личности Павла I, гатчинский опыт будет напоминать о себе на протяжении практически всей последующей службы и государственной деятельности графа⁶.

После нескольких месяцев гатчинской службы, 8 октября 1792 г., поручик Аракчеев был произведен в премьер-майоры (т.е. стал капитаном артиллерии). Дослужившись до подполковника, он получил от Павла в свое ведение устройство классов для младших офицеров, где их предстояло обучать «военной науке»⁷. Наконец, в последний год царствования Екатерины II (1796) Аракчеев получил чин полковника и занял ключевой пост коменданта Гатчины. Успех на службе у Павла зависел, пожалуй, не столько от его спесивого и взбалмошного характера, как утверждали многие, сколько от умения заниматься обустройством маленького гатчинского «государства», от способностей участвовать в управлении им и заботиться о его «подданных».

Когда Аракчеев уже служил в Гатчине, директор Кадетского корпуса Мелиссино продолжал заботиться о своем питомце, давая в письмах к нему дружеские наставления⁸. Мелиссино также помогал гатчинским войскам снабжением и обмундированием, делая «маленькое государство» и его армию вполне жизнеспособными. Так Кадетский корпус стал надежным «тылом» павловской Гатчины. Этот урок окажется очень полезным для Аракчеева, на плечи которого в 1812 г. будут возложены «французская война» и, главным образом, тыловое обеспечение. Исследователь Е.И. Юрке-

¹ Ломан Н.Л. Историческое обозрение 2-го Кадетского корпуса. СПб., 1862.

² Петров А.Н. Исторический очерк Павловского кадетского корпуса и Императорского военно-сиротского дома. 1798–1898. СПб., 1898.

³ Шильдер Н.К. Император Павел I: историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 233.

⁴ Аракчеев: свидетельства современников / Сост. Е.Е. Давыдова, Е.Э. Лямина, А.М. Пескова. М., 2000. С. 261.

⁵ Ратч В.Ф. Публичные лекции, читанные при Гвардейской артиллерии полковником Ратчем в 1859 году // Артиллерийский журнал. 1861. № 1. С. 1–5.

⁶ Аракчеев: свидетельства современников. С. 24–25.

⁷ Ратч В.Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве. По 1798 год. С. 95.

⁸ Письма генерала от артиллерии П.И. Мелиссино к гр. А.А. Аракчееву, 1787–1797 // Русская старина. Т. VIII. 1873. Декабрь. С. 975–980.

вич также обращает внимание на то, что Аракчеев, которого современники нещадно бичевали за суровый и крайне жесткий стиль руководства, много сделал в Гатчине именно для нижних чинов – простых солдат, для административной и судебной защиты их прав¹. Впоследствии Аракчеев, накопивший немало опыта в разрешении всевозможных служебных тяжб, умело улаживал споры и разногласия и в высших учреждениях Российской империи – Государственном совете, Комитете министров, Сенате. При этом он был известен своей требовательностью и взыскательностью к офицерам, для которых служил примером добросовестного выполнения обязанностей и среди которых не терпел праздность и пьянство. Будучи уже военным министром, Аракчеев наказывал офицеров арестами и разжалованием на основании соответствующих «сентенций военных судов за неподобающее поведение, пьянство и проматывание казенных денег»². Давая строгостям графа свои нелестные оценки, многие современники просто были не в состоянии понять специфику военной и государственной службы с их особыми законами, языком, укладом жизни. М.А. Крымов, состоявший в качестве офицера при одном из военных поселений Новгородской губернии, вспоминал, что Аракчеев с высокими чинами был намного строже, так как встречал среди них больше лести и обмана, нежели усердия и порядка; при этом «солдаты любили его настолько, насколько не любили большинство им же поставленных над ними начальников»³.

В Гатчине Аракчеев научился принимать выверенные, подкрепленные практикой решения. Так, инструкции и правила, составленные им для артиллерии и в бытность комендантом Гатчины и на посту военного министра, стали на десятки последующих лет, по словам В.Ф. Ратча, «основаниями батарейного управления»⁴.

Еще в гатчинский период началась регулярная переписка А.А. Аракчеева с великим князем Александром Павловичем – будущим наследником престола, будущим императором Александром I. Последнему нужен был толковый советник в военных делах. В этой роли Аракчеев оказался незаменимым и для Павла, и для Александра.

¹ Юркевич Е.И. Артиллерия Гатчинских войск великого князя Павла Петровича (1783–1796) и ее влияние на развитие русской полевой артиллерии конца XVIII – первой четверти XIX вв.: Дис. ... к.и.н. СПб., 2003.

² Приказы военного министра. 1809 г. СПб., 1809.

³ Аракчеев: свидетельства современников. С. 129.

⁴ Ратч В.Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве. По 1798 год. С. 93–118.

В.Ю. Захаров
*доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
Института истории и политики
Московского педагогического государственного университета,
профессор кафедры истории Московского авиационного института
(национального исследовательского университета)*

НЕГЛАСНЫЙ КОМИТЕТ И ДВОРЯНСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ?

В июне 2021 г. исполнится 220 лет с момента создания Негласного комитета, сыгравшего важнейшую роль в определении, прежде всего, внутривластного курса Российской империи в первые годы правления Александра I. На наш взгляд, Негласный комитет занимает особое и притом весьма оригинальное место в отечественной истории и особенно в истории российского реформаторства. За исключением Избранной рады мы не найдем других случаев в российской истории, когда бы неофициальное учреждение играло столь значительную роль в определении внутривластного курса страны. Интерес к деятельности Негласного комитета то появляется, то затухает. Первое характерно для периодов подготовки и проведения реформ, когда вполне закономерно возрастает интерес к аналогичным моментам нашей истории, начинается поиск аналогий и т.д.; второе – для периодов «постреформаторского синдрома», характеризующихся стремлением к стабильности, равновесию, консервации сложившихся отношений.

В целом Негласному комитету посвящено значительное количество исторической литературы. Достаточно вспомнить работы: Н.К. Шильдера, великого князя Николая Михайловича, А.Н. Пыпина, А.Е. Преснякова; советских историков А.В. Предтеченского, М.М. Сафонова, Н.В. Минаевой; современных российских историков А.В. Демкина, А.Н. Долгих, Ю.А. Ариксиной, а также автора данной статьи¹. Однако многие вопросы, связанные с деятельностью Негласного комитета, до сих пор остаются дискуссионными или недостаточно изученными. Сюда можно отнести проблему определения хронологических рамок деятельности Негласного комитета, вопросы о целях его создания, персональном составе, месте в политической системе того времени. Одним из наименее изученных является *вопрос о взаимоотношениях Негласного комитета и дворянского общественного мнения*. Целью настоящей статьи является анализ взаимоотношений членов Негласного комитета и представителей различных

¹ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Т. II. СПб., 1897. С. 1–55, 93–116, 330–348; Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Т. II. СПб., 1903. С. I–XX, 1–314; его же. Император Александр I. Т. I. СПб., 1912. С. 1–35; Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. СПб., 1871. С. 1–113; Пресняков А.Е. Александр I. Пг., 1924. С. 8–81; Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.–Л., 1957. С. 1–25, 63–145, 200–208, 425–429; Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982; Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988; Демкин А.В. «Дней Александровых прекрасное начало». Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М., 2012; Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX вв. Историкографические очерки. Т. 2. Липецк, 2018; Захаров В.Ю. Российский и зарубежный конституционализм 2-ой пол. XVIII – 1-ой четверти XIX вв.: опыт сравнительного анализа. Ч. II. М., 2017; Ариксина Ю.А. Негласный комитет: истоки реформаторской политики Александра I. Дис. ... к.и.н. М., 2015.

дворянских группировок, прежде всего, в правительственных кругах, а также выяснение вопроса, волновал ли их собственный имидж в дворянском общественном мнении или им это было безразлично. В конечном итоге решение вопроса о сотрудничестве или конфронтации Негласного комитета с дворянским общественным мнением позволяет уточнить место и роль Негласного комитета в общественно-политической жизни Российской империи в начале XIX в.

Начнем с вопроса о том, а что вообще понимается под общественным мнением. Наиболее распространенным является определение, согласно которому под *общественным мнением* называют форму массового сознания, в которой выражается явное или скрытое отношение различных групп людей к событиям и процессам окружающей действительности, затрагивающим их интересы и потребности. При этом общественное мнение представляет собой совокупность многих индивидуальных мнений по конкретному вопросу, затрагивающему группу людей или все общество в целом¹. Общественное мнение существовало во все исторические эпохи, но особое значение оно приобрело в эпоху Просвещения в XVIII в., когда стало неотъемлемым элементом нарождавшегося гражданского общества и гарантией реализации принципа верховенства права и закона. Что касается России начала XIX в., то довольно сложно говорить о развитии общественным мнением в европейском понимании этого слова. Отсутствовали такие обязательные элементы, как гражданские и политические права населения, определенный уровень грамотности, средства массовой информации и, прежде всего, развитая и влиятельная периодическая печать. В силу особенностей социальной структуры российского общества с полным преобладанием дворянства, почти поголовной неграмотности крестьянства и горожан если и можно говорить об общественном мнении в России, то только применительно к дворянству. Причем большая часть провинциального дворянства политической активности не проявляла. Поэтому под дворянским общественным мнением мы имеем в виду позицию и мнение его наиболее активной части, т.е. правящей дворянской элиты, сосредоточенной в обеих столицах и наиболее крупных губернских городах и занимавшей ключевые посты в центральной и местной администрации.

Взаимоотношения российских монархов и дворянского общественного мнения складывались по-разному. Кто-то, как Петр I, Петр III и Павел I, почти не обращал на него внимание. Кто-то, как Екатерина II, пытался с ним взаимодействовать, учитывая пожелания аристократических группировок, да и всего дворянства в целом, при определении внутривнутриполитического курса. События 11–12 марта 1801 г. показали, к чему может привести игнорирование дворянского общественного мнения. Естественно, император Александр I и его т.н. «молодые друзья» не могли этого не учитывать.

Сложность решения проблемы «Негласный комитет и общественное мнение» заключается в наличии разных, а подчас противоположных высказываний деятелей Негласного комитета по данному вопросу, следует ориентироваться и обращать внимание на общественное мнение или нет. Примером негативного отношения к общественному мнению служит *мнение графа П.А. Строганова по поводу дворянства*, высказанное им во время обсуждения на заседании 18 ноября 1801 г. проектов о запрете на продажу крестьян без земли и предоставлении недворянам права покупки земель в частную собственность: «Дворянство у нас в основном состоит из людей, получив-

¹ Горшков М.К. Общественное мнение. История и современность. М., 1988; Иванов О.И. Общественное мнение и власть // Общественно-политический журнал. 1993. № 7; Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.

ших свое звание за службу. У большинства нет никакого образования и все их помыслы не выходят за рамки получения милостей от императорской власти. Ни право, ни чувство справедливости не приводят их к мысли оказать какое-либо сопротивление. Это инертный и беспутный класс, разум которого неразвит. Вот примерно такая картина тех дворян, которые живут в поместьях. Те же, которые получили образование, совсем немногочисленны и в основном не имеют никакого желания становиться в оппозицию правительству. Те же, кто имеет чувство справедливости, могут только аплодировать подобной мере. А остальные, составляющие большинство, вряд ли будут чем-то заниматься, кроме пустой болтовни. Большая часть дворянства, находящаяся на службе, в мыслях занята совершенно другим. К сожалению, они больше озабочены тем, что, выполняя распоряжения правительства, ищут себе личную выгоду и часто обворовывают казну, но чтобы встать в оппозицию – никогда. Вот такая примерно вырисовывается картина нашей дворянской общественности. Часть живет в поместьях и находится в крайнем невежестве, другая проводит время на службе, обураваемая чувствами, которые совершенно не опасны. Крупных собственников не стоит опасаться. И кто остается еще? И где эти элементы опасного недовольства?»¹. И далее: «В предыдущее царствование что только не делали против справедливости, прав этих людей и их личной безопасности. Если и был повод чего-либо опасаться, то именно в ту эпоху. И что, они что-нибудь сказали? Наоборот, все репрессивные меры исполнялись с удивительной точностью, и именно дворянин применял такие меры против своего собрата, против интересов и чести своего сословия. И мы опасаемся после этого, что эти люди, по сущности своей индивидуалисты, смогут встать на защиту интересов всего общества»². Примерно то же самое П.А. Строганов повторил на заседании 23 декабря 1801 г. при обсуждении вопроса о реформе Государственного совета, заявив, что «не следует слишком прислушиваться к общественному мнению, так как оно может привести к отходу от собственных принципов и убеждений»³.

Казалось бы, перед нами доказательство пренебрежения общественным мнением со стороны членов Негласного комитета. Но не все так однозначно. Во-первых, это мнение лично графа Павла Строганова, а не всего Негласного комитета. Во-вторых, пренебрежительные отзывы Строганова касаются не всего дворянства, а дворян-

¹ Заседание Негласного Комитета 18 ноября 1801 г. // Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Т. II. С. 111–112. Существуют разные варианты перевода «Протоколов» Негласного комитета. Для сравнения приводим перевод выступления П.А. Строганова А.Н. Долгих и Ю.Э. Арискиной. Перевод А.Н. Долгих: «Дворянство состоит из большого количества людей, которые получили титул за службу. Такие люди чаще всего не блещут особыми талантами образования и хорошего воспитания. Представители этого класса в большинстве своем являются невеждами и отличаются способностью совершать гнусные поступки. Вот такова картина, характеризующая современное дворянство. Те же, кто получил немного более подобающее воспитание, а таковых меньшинство, наделены разумом, который не позволяет им противиться никаким мероприятиям правительства. Они не станут восставать против справедливости и правосудия» // Долгих А.Н. Указ. соч. С. 69. Перевод Ю.Э. Арискиной: «Дворяне стали благородными только благодаря службе, не получили никакого образования и все мысли их лишь о том, чтобы не видеть ничего, кроме власти Императора. Ни право, ни справедливость – ничто не может породить в них мысль и о самом малом сопротивлении. Это самое невежественное сословие, самое гнусное и его дух наиболее косный» // Арискина Ю.Э. Указ. соч. С. 270. Несмотря на разницу в переводе отдельных фраз, общий смысл высказывания одинаков и не может быть интерпретирован иначе, как в духе пренебрежительного отношения к дворянскому сословию.

² Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. II. С. 112.

³ Заседание Негласного Комитета 23 декабря 1801 г. // Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. II. С. 150–151.

ства провинциального, поместного, составлявшего подавляющее большинство, но не игравшего почти никакой роли в принятии государственных решений.

В противоположность высказываниям П.А. Строганова можно привести факты, которые свидетельствуют об обратном. Например, издание на протяжении 1798 г. на деньги Александра (в тот момент официального наследника престола) «Санкт-Петербургского журнала», целью которого было воздействие на общественное мнение путем публикации переводов работ сторонников идеологии Просвещения, чтобы подготовить общество к будущим преобразованиям, которые планировалось провести после вступления Александра на престол¹. Этот момент отражен в мемуарах князя А. Чарторыйского, причем написание самих этих мемуаров можно воспринимать как своеобразное оправдание князем А. Чарторыйским своего поведения, своей жизненной позиции в глазах как раз общественного мнения, в т.ч. в период его дружбы с Александром². Или возьмем то же обсуждение крестьянского вопроса на заседаниях Негласного комитета в ноябре 1801 г., где постоянно проскальзывают опасения «молодых друзей» (кроме П.А. Строганова) вызвать недовольство дворянского общественного мнения. Чем это чревато – показало царевубийство в марте 1801 г.³ В записке П.А. Строганова от 9 мая 1801 г. «Генеральный план работы с Императором в деле реформы» также говорится о необходимости точного знания общественных настроений при подготовке реформы⁴. И еще один пример. На заседании Негласного комитета 16 марта 1802 г., на котором обсуждался, помимо всего прочего, пограничный конфликт со Швецией, говорится, что «Его величество хотел действовать решительно, что, по его мнению, должно было положительно повлиять на общественное мнение, которое считало, что Император не способен принимать сильные решения»⁵. В этой же связи можно отметить и *секретный характер* деятельности Негласного комитета (во всяком случае, так было решено с самого начала, хотя вскоре это превратилось в «секрет Полишинеля»). Создается впечатление, что «молодые друзья» явно опасались враждебного отношения именно со стороны дворянского общественного мнения.

Возникает резонный вопрос, какова же была истинная позиция членов Негласного комитета по поводу взаимоотношений с дворянским общественным мнением? С нашей точки зрения, единой позиции у членов Негласного комитета не было. Как уже отмечалось выше, позиция графа П.А. Строганова была наиболее радикальной, а взгляды В.П. Кочубея и Н.Н. Новосильцева – более умеренными. Многие зависело от конкретного вопроса, обсуждавшегося на заседаниях комитета. Похоже, члены Негласного комитета все-таки обращали внимание на дворянское общественное мнение, но относились к нему избирательно. К мнению высшей дворянской элиты они, как минимум, прислушивались. По-другому и не могло быть, учитывая события 11–12 марта 1801 г. Однако налицо *выборочный подход* по принципу: единомышленники и противники. Это хорошо видно из «Протоколов» Негласного комитета и связанных с ними документов. Уже в своей записке «О работе с императором» от 23 апреля 1801 г. П.А. Строганов наметил круг тех сановников – представителей высшей бюрократии, которые, по его словам, «нам бы оченьгодились». К ним он отнес графа А.Р. Во-

¹ Сафонов М.М. Указ. соч. С. 49–53; Иванова А.А. Система воззрений и деятельность И.П. Пнина в контексте социально-политической истории России на рубеже XVIII–XIX вв. Автореф. дис. ... к.и.н. Воронеж, 2019.

² Мемуары кн. А. Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. Т. I. М., 1912.

³ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. II. С. 104, 108–109.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Заседание Негласного Комитета 10 марта 1802 г. // Там же. С. 188.

ронцова и Д.П. Трошинского, к которым Александр I порекомендовал добавить и графа П.В. Завадовского¹. Судя по всему, Александр и «молодые друзья» рассматривали их как единомышленников и рассчитывали на их помощь (например, в качестве экспертов) при разработке проектов задуманных преобразований, хотя по поводу А.Р. Воронцова у молодого императора были определенные предубеждения. О них упоминается и в вышеупомянутой записке Строганова от 23 апреля 1801 г. и в «протоколе» заседания Негласного комитета 26 августа 1801 г., когда «молодые друзья» предложили сделать А.Р. Воронцова канцлером (чин первого ранга) или президентом Коллегии иностранных дел; Александр отказался это сделать². Тем не менее, к А.Р. Воронцову неоднократно обращались в качестве эксперта по самым разным вопросам, обсуждавшимся в Негласном комитете. Именно ему принадлежал замысел «Всемилоостивейшей Жалованной грамоты российскому народу», готовившейся к коронации Александра I и представлявшей собой аналог Декларации прав и свобод человека, т.е. своеобразное введение к будущей конституции³. При обсуждении крестьянского вопроса в ноябре 1801 г. «молодые друзья» интересовались мнением графа Н.С. Мордвинова⁴, а при обсуждении проекта министерской реформы – мнением посла России в Англии С.Р. Воронцова – брата А.Р. Воронцова⁵, хотя на заседании 23 декабря 1801 г. В.П. Кочубей довольно резко отказался по поводу слухов о чрезмерном влиянии С.Р. Воронцова на подготовку этой реформы⁶, что позволяет заподозрить элементы ревности или даже личной неприязни В.П. Кочубея к С.Р. Воронцову. Но в целом вышеперечисленных сановников «молодые друзья» воспринимали как своих союзников и единомышленников, мнения которых были для них интересны и значимы. Кстати, к этому кругу лиц следует отнести и дядю В.П. Кочубея – светлейшего князя А.А. Безбородко, умершего в 1799 г. И к нему лично, и к его проекту «О составлении законов российских», созданному по просьбе Александра в 1798 г., «молодые друзья» (особенно, по понятным причинам, В.П. Кочубей и П.А. Строганов) относились с особым уважением. П.А. Строганов вообще считал его проект шедевром⁷. Все вышеперечисленные лица относились к наиболее просвещенной и образованной дворянской элите, были в большей или меньшей степени приверженцами идеологии Просвещения и умеренного варианта концепции «истинной монархии» Вольтера и Монтескье, а А.Р. Воронцов (кстати, друг и покровитель А.Н. Радищева, что о многом говорит), Н.С. Мордвинов и А.А. Безбородко неоднократно высказывали критическое отношение к крепостному праву и предлагали меры по улучшению положения крепостных⁸.

А кто же рассматривался в качестве противников? В «Протоколах» Негласного комитета четко выражено негативное отношение «молодых друзей» к князю П.А. Зубову, графу Н.П. Панину, графу П.А. Палену и Г.Р. Державину⁹. Все они, за исключением Г.Р. Державина, были активными участниками и, по сути, руководителями дворцового переворота и убийства Павла I 11–12 марта 1801 г., а также сторонниками

¹ Результат разговора с императором 23 апреля 1801 г. // Там же. С. 5–6.

² Там же. С. 96.

³ Подробнее см.: Захаров В.Ю. Всемилоостивейшая жалованная грамота российскому народу 1801 г. в контексте развития конституционных идей в России во 2-ой пол. XVIII – начале XIX вв. М., 2002.

⁴ Заседание 18 ноября 1801 г. // Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. II. С. 108.

⁵ Там же. С. 116.

⁶ Заседание 23 декабря 1801 г. // Там же. С. 150–151.

⁷ Записка П.А. Строганова «О работе с императором» от 23 апреля 1801 г. // Там же. С. 10–11; Сафонов М.М. Указ. соч. С. 92–93.

⁸ Архив кн. Воронцова. Кн. XXI. М., 1883. С. 451–470; Русский архив. 1873. Т. III. С. 297–300.

⁹ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. II. С. 100–101, 106–107, 137, 165, 172–173 и др.

принятия аристократической конституции по образцу первоначального проекта «верховников». Прямых документальных свидетельств не сохранилось, но косвенные данные есть. Во всяком случае, сразу после переворота в Петербурге в высших кругах упорно циркулировали слухи о намерениях «заговорщиков» навязать новому императору аристократический конституционный акт¹. Г.Р. Державин попал в этот круг, видимо, как человек, близкий к клану Зубовых и, следовательно, разделявший их взгляды и намерения. К тому же он с самого начала деятельности Негласного комитета, о котором довольно быстро узнали в высших кругах, занял крайне критическую позицию по отношению к советникам нового императора, считая их выскочками и некомпетентными людьми, «ни государства, ни дел гражданских основательно не знающими». Мало того, он высмеял их в басне «Жмурки»:

И стал ему чрез то в его чертогах мрак,
Друзья-ребяточки вокруг его обстали...
Не надо допускать класть на себя повязку
И вслед друзей своих будто слепцу ходить...
А инак голову сломить².

Судя по всему, именно Г.Р. Державин был автором известного эпитета в адрес Негласного комитета, назвав его «якобинской шайкой». Естественно, «молодые друзья» ответили ему той же монетой, всячески критикуя его проекты и предложения.

Каких же критериев придерживались «молодые друзья» в выборе единомышленников из среды высшей придворной элиты? На наш взгляд, к моменту начала деятельности Негласного комитета у Александра I и «молодых друзей» сформировалась довольно продуманная программа реформирования государства. В общих чертах она предусматривала проведение реформ в сфере государственного управления с целью повышения его эффективности (будущая министерская реформа), реформу по крестьянскому вопросу в направлении постепенной отмены крепостного права и реформу в сфере образования (создание единой многоуровневой государственной системы образования с целью просвещения населения и повышения уровня грамотности). Венцом этих преобразований должно было стать введение конституции³. При этом все эти преобразования должны были проводиться исключительно императором, без какого бы то ни было вмешательства извне. Александр I был не против ограничения собственной власти (вспомним его юношеские республиканские увлечения⁴), весь вопрос – в пользу кого и для чего? Полностью реконструировать ход мыслей и мотивацию Александра I не представляется возможным. Можно лишь предположить, исходя из изучения комплекса источников различного характера, что в 1801 г. Александр был согласен с идеей создания народного представительства в ближайшей или отдален-

¹ Подробнее см.: Захаров В.Ю. Конституционные замыслы участников антипавловского заговора. // Вестник МГОУ. Серия: история и политические науки. 2009. №4. С. 202–203; Сафонов М.М. Указ. соч. С. 78.

² Цит. по: Долгих А.Н. Указ. соч. С. 57.

³ В историографии вопрос о том, что подразумевали император и «молодые друзья» под конституцией, является дискуссионным. Дальнейший ход событий (разработка проекта М.М. Сперанского в 1809 г. и Государственной уставной грамоты Российской империи в 1818–1820 гг.) показал, что под конституцией подразумевалось примерно то же самое, что и сейчас: основной закон страны, определяющий основы государственного строя, правовой статус граждан (подданных), структуру высших органов государственной власти и принципы взаимоотношений между ними, включая создание выборного народного представительства (парламента) с законодательными функциями.

⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. V. СПб., 1870. С. 22–29; Мемуары кн. А. Чарторижского... Т. I. С. 91.

ной перспективе. Но создание такого представительства было не самоцелью, а одним из шагов по превращению России в цивилизованное правовое государство, в котором законопроекты будут рассматриваться с учетом мнения разных слоев общества, и тем самым возможность социального недовольства будет сведена к минимуму. Вторым и, по сути, параллельным шагом в этом направлении должна была стать постепенная отмена крепостного права – тем более, что к моменту вступления на престол у Александра была четко продуманная программа решения крестьянского вопроса, предусматривавшая запрет продажи крестьян без земли, предоставление недворянам права покупки земель в частную собственность с автоматическим получением крепостными продаваемых имений личной свободы, дарование крепостным права выкупаться на свободу при помощи государства и с согласия помещика¹.

Казалось бы, т.н. «заговорщики» (братья Зубовы, Н.П. Панин, П.А. Пален) и близкий к ним Г.Р. Державин мыслили в том же направлении, выступая за ограничение деспотической власти монарха. Однако, если мы посмотрим на державинский проект реформы Сената, то увидим, что вопрос о крепостном праве там не упоминается. Зато законодательные полномочия монарха ограничивались выборным Сенатом, но избираться он должен был «Собранием знатнейших государственных чинов» и чиновников обеих столиц от 5-го класса и выше. Причем кандидатами в сенаторы могли бы стать только лица 1–4 классов. Тем самым Сенат должен был превратиться в аристократическое учреждение², а сам проект Державина с полным основанием можно считать примером аристократического (олигархического) конституционализма, напоминавший первоначальный проект «верховников» 1730 г., причем без социальной составляющей. Видимо, именно здесь и проходил водораздел. Для «заговорщиков» и Державина ограничение императорской власти аристократическим Сенатом было главной целью, что означало утверждение главенства аристократии в системе государственной власти. Ни о каком народном, ни даже о дворянском представительстве речи не шло. Александр же и «молодые друзья» планировали проводить политические и социальные реформы одновременно. При этом «майский инцидент» 1801 г., когда Непременный совет выступил против предложения Александра утвердить указ о запрете продажи крестьян без земли, показал, как будет себя вести аристократический или дворянский ограничительный орган в вопросах проведения социальных реформ. После этого «молодые друзья» убедили Александра не отказываться в той конкретной политической обстановке от всей полноты самодержавной власти и не соглашаться на превращение Сената в ограничительный орган с законодательными полномочиями. Тем самым выявились и *критерии* размежевания высшей политической элиты на союзников и противников (с точки зрения императора и «молодых друзей»): проведение не только политических, но и социальных реформ, при этом и то и другое – от имени и по инициативе монарха с сохранением всей полноты его власти. Тем самым возник своеобразный союз «молодых друзей» и части т.н. «екатерининских стариков» против «заговорщиков» во главе с П.А. Зубовым, Н.П. Паниным и П.А. Паленом. Тем более многих екатерининских вельмож раздражало вторичное возвышение клана Зубовых вместе с опасениями возвращения режима фаворитизма со всеми его эксцессами. Ну и, конечно, возмущал тот способ, с помощью которого произошло это

¹ Секретные бумаги, найденные в кабинете императора Александра Павловича // РГАДА. Ф. 10. Д.700. Л. 1–6; Сафонов М.М. Указ. соч. С. 62–63.

² Сборник Археологического института. Кн. 1. Отд. 2. СПб., 1878. С. 134–157; Сафонов М.М. Конституционный проект П.А. Зубова – Г.Р. Державина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. X. С. 226–244.

возвышение. Убийство есть убийство, и в глазах А.Р. Воронцова, Н.С. Мордвинова и ряда других сановников действия «заговорщиков» были жестоки, аморальны и оправданию не подлежали.

Интересно, что П.А. Зубов оказался гибким политиком. При обсуждении реформы Сената и коронационных проектов он предложил императору компромисс: тот соглашается на реформирование Сената в духе аристократического конституционализма в обмен на проект указа о запрете продажи крестьян без земли и постепенный выкуп государством дворовых¹. Тем самым он соглашался и на социальное реформирование. Но Александр и «молодые друзья» в искренность его намерений не поверили, вполне резонно опасаясь, что после превращения Сената в ограничительный орган с законодательными полномочиями все эти уступки будут дезавуированы прокрепостническим сенатским большинством. И такая же судьба будет уготована любому другому законопроекту по крестьянскому вопросу.

Подведем итоги. В вопросе о сотрудничестве или конфронтации с дворянским общественным мнением ответ не может быть однозначным. Судя по высказываниям «молодых друзей», особенно П.А. Строганова, при обсуждении крестьянского вопроса, отношение к мнению провинциального дворянства было безразличным, если не сказать: негативным и пренебрежительным. Совсем иное отношение было к мнению высшего столичного дворянства. К настроениям представителей политической элиты, в руках которых были определенные властные рычаги и влияние на силовые структуры, «молодые друзья», конечно же, прислушивались, но – выборочно. Критерием было соответствие программе императора и «молодых друзей»: проведение не только политических, но и глубоких социальных реформ при сохранении всей полноты власти монарха и отказе, в данный момент, от ограничительных проектов. Те, кто более-менее соответствовал этому критерию, считались единомышленниками и союзниками (А.Р. и С.Р. Воронцовы, Н.С. Мордвинов, Д.П. Трошинский, П.В. Завадовский). К их мнению относились уважительно, обращались к ним за советом как к экспертам и т.п. В тех, кто этому критерию не соответствовал (братья Зубовы, Н.П. Панин, П.А. Пален, Г.Р. Державин), видели противников со всеми вытекающими последствиями. Как правило, их предложения и инициативы получали негативную оценку на заседаниях Негласного комитета, процесс их реализации всячески тормозился. Сам же Негласный комитет стал своеобразным заслоном от поползновений аристократической оппозиции в лице «заговорщиков» и примкнувших к ним некоторых «екатеринских вельмож» (Г.Р. Державин) в союзе с большинством тех же самых «екатеринских стариков» (А.Р. Воронцов, Н.С. Мордвинов и др.). Такими нам представляются взаимоотношения Негласного комитета и дворянского общественного мнения, а также расстановка политических сил в первый год царствования Александра I.

¹ Сафонов М.М. Проблема реформ... С. 141–146.

«ЗИМА. ХОЛЕРА. ГОД ТРИДЦАТЫЙ»: КНЯЗЬ П.А. ВЯЗЕМСКИЙ НА ХОЛЕРНОМ КАРАНТИНЕ В ОСТАФЬЕВЕ (1830 г.)

В 1830 г. на Россию надвинулась эпидемия одного из самых страшных и смертоносных инфекционных заболеваний XIX в. – холеры. А.С. Пушкина о холере уведомили князь П.А. Вяземский. Перед отъездом поэта из Москвы в Болдино для решения имущественных вопросов, связанных с женитьбой, Вяземский показал ему письмо, в котором сообщалось, что холера уже перелетела из Астраханской губернии в Саратовскую и, по всей видимости, не минует и Нижегородскую¹.

Впрочем, Пушкина это не испугало – поэт, в воображении которого «холера отнеслась к чуме как элегия к дифирамбу», «поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию (...) между азиатцами»². Князь Вяземский, напротив, был очень озабочен стремительным распространением эпидемии: «Уже говорили, что холера подвигается, что она во Владимире, что учреждается карантин в Коломне. Я был убежден, что она дойдет до Москвы. Зараза слишком распозлась из Астрахани, Саратова, Нижнего, чтобы не проникнуть всюду, куда ей дорога будет»³. В отличие от Пушкина, он не был бесстрашным перед лицом болезни, считая, что ни к чему «финтить с Провидением»⁴ и, вероятно, относился к числу тех, которые «говорили, что легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество»⁵.

С конца августа до середины сентября 1830 г. князь Вяземский, оказавшийся в Москве по делам службы – он числился в Министерстве финансов и был прикомандирован в первопрестольную для организации промышленной выставки, с беспокойством ловил слухи о приближавшейся эпидемии. Впрочем, не он один – «все трепетало страшной заразы, подвигавшейся по Волге к Москве. Преувеличенные слухи наполняли ужасом воображение. Болезнь шла капризно, останавливалась, перескакивала, казалось, обошла Москву, и вдруг грозная весть "Холера в Москве!" – разнеслась по городу»⁶. По воспоминаниям князя Вяземского, 18 сентября его «давило какое-то предчувствие». 19 сентября он поехал к своему приятелю Николаю Муханову, чтобы узнать о действиях, которые предпринимают, с одной стороны, холера, а с другой – министр внутренних дел граф А.А. Закревский для борьбы с ней. Оказалось, что холера уже в городе, что в тот же день от нее умерли студент Московского университета и несколько человек в полиции.

Всех учащихся университета и гимназии обкурили можжевеловым, своекоштных распустили по домам, казеннокоштных взяли в карантин, вокруг города выставили кордоны. Хотя князь Вяземский и готовился морально к худшему, но эта новость буквально ошеломила его: «Меня всего стеснило, и ноги подкосились»⁷.

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. / 4-е изд. Т. 8: Автобиографическая и историческая проза. Л., 1978. С. 53.

² Там же.

³ Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848) / Изд. подгот. В.С. Нечаева. М., 1963. С. 194.

⁴ Из писем князя Вяземского к Жуковскому // Русский архив. 1900. № 3. С. 358.

⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 53.

⁶ Герцен А.И. Былое и думы. М., 2003. С. 112.

⁷ Вяземский П.А. Записные книжки. С. 195.

Состояние князя можно понять: «Отсутствие жены, поехавшей к матушке, неизвестность, что благоразумнее: перевезти детей в Москву или оставаться в деревне, волновали и терзали меня невыносимо». Вяземскому одному приходилось принимать решение за всю семью, а он и в куда менее ответственные моменты предпочитал советоваться с женой – княгиней Верой Федоровной, которая своим неунывающим нравом вселяла в него оптимизм. Поразмыслив, князь пришел к выводу, что в подмосковной усадьбе переждать эпидемию будет все-таки безопаснее, чем в густонаселенной Москве: «Наконец решил я на Остафьево: запаса пивяками, хлором, лекарствами, фельдшером и приехал вечером в деревню»¹.

А.С. Пушкин, вначале с веселостью писавший о холере из Болдина своему другу П.А. Плетневу: «Около меня холера морбус. Знаешь ли, что это за зверь? того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает – того и гляди, что к дяде Василью отправлюсь, а ты и пиши мою биографию»², - тоже не на шутку встревожился, не получая вестей от невесты и не зная, выехала ли она из холерной Москвы. «Во имя неба, дорогая Наталья Николаевна, напишите мне несмотря на то, что вам этого не хочется. Скажите мне, где вы? Уехали ли вы из Москвы? нет ли окольного пути, который привел бы меня к вашим ногам? Я совершенно пал духом и, право, не знаю, что предпринять. Ясно, что в этом году (будь он проклят) нашей свадьбе не бывать. Но, не правда ли, вы уехали из Москвы? Добровольно подвергать себя опасности раз-разы было бы простительно»³.

С последним утверждением князь Вяземский был бы полностью согласен. Приехав в Остафьево, он принял решительные противоэпидемические меры и для своей семьи, и для местных крестьян⁴. «Я с семейством своим остаюсь между вами, следственно одна судьба нас ожидает»⁵, - заявил он своим крестьянам. В отличие от А.С. Пушкина, провозгласившего болдинским крестьянам, что холера пришла оттого, что они пьянствуют и не платят оброка, и потом смеявшегося над своей «проповедью» в письме к П.А. Плетневу: «я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешнюю мужикам о холере; ты бы со смеху умер, да не стоишь ты этого подарка»⁶, - князь Вяземский подошел к своей речи со всей серьезностью. Опираясь на распоряжения по борьбе с холерой из циркуляра графа А.А. Закревского, он приказал крестьянам:

- 1) без его разрешения никуда из Остафьева не отлучаться;
- 2) никого к себе в гости не принимать – ни из соседних деревень, ни из Подольска, ни из Москвы;
- 3) никому не спать на открытом воздухе;
- 4) не выходить ночью из избы, не одевшись и без обуви;
- 5) одеваться теплее и по возможности обвязать себе живот по голому телу суконным поясом;
- 6) не пить пива, кваса, меда, кислого молока;
- 7) не есть грибов;
- 8) не выходить тотчас после пару в бане на открытый воздух;
- 9) в бане не обливаться холодной водой⁷.

¹ Там же.

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 10. Письма. Л., 1979. С. 240.

³ Там же. С. 242.

⁴ Из писем князя Вяземского к Жуковскому // Русский архив. 1900. № 3. С. 358.

⁵ Документы о борьбе с эпидемией холеры // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 102а. Л. 1об.

⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 241.

⁷ Документы о борьбе с эпидемией холеры // РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 102а. Л. 1–1об.

Кроме того, Вяземский, строго следуя циркуляру министра внутренних дел, выдел в деревне пустые избы для помещения туда больных, если таковые обнаружатся в усадьбе, и для пребывания на карантине тех, кто вернется из города, будучи послан за покупками.

Карантинные меры вызывали повсеместный ропот и недовольство населения, и вряд ли остафьевские крестьяне послушались своего барина, не имевшего «силы повелительной» и твердости требовать неукоснительного выполнения своих распоряжений. Но, как писал граф А.А. Закревский, другого действенного способа воспрепятствовать распространению эпидемии не было: «уже на самом деле дознано, что где благообразные помещики оцепляли свои деревни и никого в них не впускали и из оных никому не позволяли отлучаться, там не было ни больных, ни умерших от холеры, хотя эта эпидемия в то же время и существовала в соседственных местах»¹. То ли князь Вяземский относился к числу «благообразных помещиков», то ли Провидение пощадило мирное Остафьево, но холера усадьбу миновала.

А в Москве во второй половине сентября – начале октября эпидемия только набирала обороты. Для успокоения москвичей и поднятия их морального духа в первопрестольную 29 сентября приехал император Николай I. В Кремле его встретил торжественной речью митрополит Московский Филарет: «Цари обыкновенно любят являться царями славы, чтобы окружить себя блеском торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься среди нас, как царь подвигов (...) чтобы трудности препобеждать». Вяземский, до этого не отличавшийся особым энтузиазмом в восхвалении царей, оказался вполне солидарен с Филаретом: «Странное дело, мы встретились мыслями с Филаретом в речи его государю, - словно удивляясь самому себе, писал князь в своей «Записной книжке». – На днях в письме к Муханову я говорил, что из этой мысли можно было бы написать прекрасную статью журнальную (...) Выезд царя из города, объятаго заразой, был бы, напротив, естественен и не подлежал осуждению; следовательно, приезд царя в таковой город есть точно подвиг героический. Тут уже не *близ царя – близ смерти, а близ народа – близ смерти*»². Пушкин тоже одобрил поступок Николая I, написав Вяземскому из Болдинской глуши: «Каков государь? молодец! того и гляди, что наших каторжников простит – дай Бог ему здоровье. Дай Бог вам всем здоровья, друзья. Покамест желать лучшего нечего»³. Надежды Пушкина на помилование царем декабристов («наших каторжников») не оправдались, но с холерой Николай I боролся и вправду решительно.

«Приезд государя в Москву есть точно прекраснейшая черта. Тут не только неизбежна смерти, но и вдохновение, и преданность, и какое-то христианское и царское рыцарство, которое очень к лицу владыке»⁴, - отметил князь Вяземский. Пушкин написал стихотворение «Герой», которое тайно переслал в Москву М.П. Погодину с просьбой напечатать анонимно и никому не сообщать его имени⁵. Хотя сюжетно стихотворение было посвящено Наполеону и прославляло посещение им чумного госпиталя в Яффе, но сама тема произведения и дата – «29 сентября 1830» – намекали на приезд Николая I в холерную Москву.

Осень 1830 г. запомнилась многим. В Остафьево до конца сентября было сухо, солнечно, тепло. «Трудно было вообразить, - писал Вяземский В.А. Жуковскому, -

¹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 76. СПб., 1891. С. 187.

² Вяземский П.А. Записные книжки. С. 196.

³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 246.

⁴ Вяземский П.А. Записные книжки. С. 196.

⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 246.

что при таком улыбающемся небе земля могла быть предана подобному бедствию; но небо улыбалось нам сардонической усмешкою»¹. Чувства и переживания Вяземского прекрасно отражены в его стихотворении «Осень 1830 года», сюжеты и образный ряд которого были потом подхвачены в пушкинской «Осени» 1833 г. Тревожные ноты стихотворения передавали состояние князя: «лихорадка сомнений, тоска» не оставляли его по приезде в Остафьево². Но мало-помалу он с семьей привык и обжился в усадебном карантине. «...Человеческая природа не выдерживает долгого сильного напряжения, - писал князь И.И. Дмитриеву, - нервы в горести и в радости растягиваются мало-помалу, и, за исключением новых потрясений, привыкаешь к своему положению. Так было и со мною»³. Для развлечения и заполнения времени Вяземскому пришла в голову счастливая мысль: заняться на досуге биографией Д.И. Фонвизина.

Первое обращение Вяземского к творчеству драматурга произошло еще в 1818 г., когда он написал сатирическую статью «О злоупотреблении слов», в которой среди прочего привел отрывок из запрещенной к публикации «Придворной грамматики» Фонвизина. С 1823 г. началось систематическое собирание Вяземским материалов о жизни и творчестве Фонвизина, в результате которого у него сформировался богатый архив документов: списки неопубликованных сочинений Фонвизина и тетрадь с его черновыми рукописями, журнал заграничного путешествия драматурга 1787–1788 гг., письма к Д.И. Фонвизину А.И. Библикова, Я.И. Булгакова, Е.Р. Дашковой и других замечательных людей его эпохи, разнообразные деловые бумаги. Как писал Вяземский, «материалов под рукою было довольно. Вспомнил я о них, принялся за работу, и она закипела»⁴. Никогда – ни раньше, ни потом – Вяземский не работал так увлеченно, засиживаясь за письменным столом по целым часам до обеда, а вечерами за полночь⁵. Так вынужденный холерный карантин стал для него самой плодотворной порой творчества. Работая над биографией Д.И. Фонвизина, Вяземский высказался по широкому кругу актуальных вопросов – от проблемы национального образования в соотношении с европейскими ценностями, сохранения исторической памяти и выяснения, есть ли в России самостоятельная комедия и каков русский театр, до рассуждений о роли литературы в жизни общества. Контрапунктом всех этих рассуждений была тема «Россия и Европа», являющаяся неизбежным спутником отечественной историософии. Слова Вяземского: «русскому, желающему быть тем, чем создал нас Петр и образовала Екатерина, должно с русскою душою соединять и европейский ум»⁶, - прекрасно характеризуют его убеждения.

В 1820-х – начале 1830-х гг. князь придерживался «западнической» позиции⁷, что особенно ярко проявилось в шестой главе монографии, где он писал о заграничном путешествии Фонвизина. Скептические отзывы о Франции и французских энциклопедистах в переписке Фонвизина с П.И. Паниным вызвали порицание Вяземского, писавшего о драматурге: «большая часть его заграничных наблюдений запечатлена предубеждениями, духом исключительной нетерпимости и порицаний, которые при-

¹ Из писем князя Вяземского к Жуковскому // Русский архив. 1900. № 3. С. 358.

² Вяземский П.А. Записные книжки. С. 195.

³ Письма П.А. Вяземского к И.И. Дмитриеву // Русский архив. 1868. № 4–5. С. 613.

⁴ Вяземский П.А. Автобиографическое введение // Его же. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1878. С. L.

⁵ Там же. С. LI.

⁶ Вяземский П.А. Фонвизин // Его же. Полн. собр. соч. Т. 5. СПб., 1880. С. 76.

⁷ Тоддес Е.А. О мировоззрении П.А. Вяземского после 1825 года // Пушкинский сб. Вып. 2 / Ученые записки Латвийского гос. ун-та им. Петра Стучки. Рига, 1974. С. 124.

скорбны в умном человеке»¹. Как заметили В.Э. Вацуро и М.И. Гиллельсон, Вяземский, демонстрируя отзывы Фонвизина о Париже и Риме, позволял себе не совсем корректно приводить цитаты из писем драматурга, намеренно отбирая в них только критические пассажи и путем выпуска фрагментов текста усиливая общий негативный пафос высказывания². Обличая потом Фонвизина в несправедливом отношении к Европе, Вяземский, конечно, полемизировал не столько с писателем прошедшей эпохи, сколько со своими современниками, настроенными подобным же образом. Дело в том, что во время его работы над первой редакцией книги (конец 1830–1831 г.) в Польше поднялось восстание. Это событие накладывало непосредственный отпечаток на восприятие книги Вяземского: к примеру, жаркие споры Пушкина с Вяземским о восставших поляках отразились на пушкинских замечаниях по поводу этой главы книги, направленных на защиту Фонвизина от придинок Вяземского³.

Пушкин познакомился с рукописью «Фонвизина» 17 декабря 1830 г., когда, уже «при последних издыханиях холеры», приехал в гости к Вяземскому в Остафьево. Тот день навсегда остался памятен хозяину усадьбы: «день, проведенный у меня Пушкиным, был для меня праздничным днем». Пушкин в стенах остафьевского дома декламировал произведения, созданные им плодотворной Болдинской осенью. «Он много написал в деревне, - отметил князь Вяземский о Пушкине в своей дневниковой записи, - привел в порядок 8-ю и 9-ю главу "Онегина", ею и кончает; из 10-й, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих – славная хроника»⁴.

Помимо обсуждения «Евгения Онегина», и князю Вяземскому, и даже его 10-летнему сыну Павлуше запомнилось чтение Пушкиным «Моей родословной», дополненной эпиграммой на Ф.В. Булгарина. Так, Павлуша, несмотря на возраст, запомнил, как поэт «во время вечернего чая расхаживал по комнате, не то плавая, не то как будто катаясь на коньках и, потирая руки, декламировал, сильно напирая на: "Я мещанин, я мещанин", "я просто русский мещанин". С особенным наслаждением Пушкин прочел врезавшиеся в мою память четыре стиха:

Не торговал мой дед блинами,
В князя не прыгал из хохлов,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел на крылосах с дьячками»⁵.

Павел Вяземский привел строки Пушкина не совсем точно, по памяти, но их сатирический посыл уловил верно. Он был связан с борьбой Пушкина и Вяземского против Ф.В. Булгарина и Н.А. Полевого, обвинявших поэтов и их друзей – сотрудников дельвиговской «Литературной газеты», в «литературном аристократизме».

Князь Вяземский в статье «Объяснение некоторых современных вопросов литературных» писал: «У нас можно определить две главные партии, два главных духа, если непременно хотят внести междоусобие в домашний круг литературы нашей. (...) К первому разряду принадлежат литераторы с талантом, к другому литераторы "бес-талантные". Мудрено ли, что люди, возвышенные мыслями и чувствами своими, сбли-

¹ Вяземский П.А. Фонвизин // Его же. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 76.

² Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Новонайденный автограф Пушкина: Заметки на рукописи книги П.А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине». М., 1968. С. 85.

³ Там же. С. 81.

⁴ Вяземский П.А. Записные книжки. С. 208.

⁵ Цит. по: Карнишина Л.М. П.П. Вяземский и А.С. Пушкин // Ее же. Владельцы и гости усадеб Остафьево и Михайловское. Сб. ст. Остафьево, 2017. С. 242.

жаются единомыслием и сочувствием?»¹. Что касается дворянства, то Вяземский справедливо указывал, что в России «высший класс есть и образованнейший»², что первоклассные писатели наши были дворянами, что дворяне «по рождению своему, по обстоятельствам, по образованию, полученному от европейского и утонченного воспитания, стоят на высшей степени русского просвещения, а вместе с тем и на высшей степени русского общежития»³.

Пушкин был в целом согласен с позицией Вяземского, но в защите старинного дворянства он видел еще и уважение к прошлому страны, а также формирование чувства собственного достоинства и свободолюбия. Старинное, столбовое дворянство, к которому принадлежал поэт, было носителем чести, в отличие от подлого ласкательства фаворитов и временщиков, выбившихся наверх благодаря «случаю». Именно о них шла речь в так запомнившихся Павлуше Вяземскому пушкинских строках:

– *не торговал мой дед блинами* – это был намек на А.Д. Меншикова, правнук которого А.С. Меншиков был другом Николая I и высокопоставленным сановником;

– *ваксил царские сапоги* камердинер императора Павла И.П. Кутайсов, а сын его в пушкинское время был членом Госсовета;

– *пел с придворными дьячками* будущий фаворит императрицы Елизаветы Петровны А.Г. Разумовский, а племянник его А.К. Разумовский был министром просвещения в пору юности Пушкина;

– *прыгнул из хохлов в князя* А.А. Безбородко;

– *беглым солдатом австрийских пудренных дружин* был дед графа П.А. Клейнмихеля, снискавшего особое расположение императоров Александра I и Николая I за управление военными поселениями⁴.

На фоне этих господ что мог сказать о себе Пушкин, который вел древний «свой род от прусского выходца *Радши* или *Рачи* (*мужа честна*, говорит летописец, т.е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского»⁵? Только то, что он декламировал в Остафьеве, расхаживая по комнате во время вечернего чая:

Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рождением знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломок
(И по несчастью, не один),
Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.

Петр Андреевич Вяземский, в свою очередь, тоже рассказал Пушкину о плодах своих литературных трудов на холерном карантине. «Я прочел ему несколько глав труда своего (имеется в виду «Фонвизин». – Т.Е.), - вспоминал князь в письме к П.И. Бартеневу. – Главою о театре был он очень доволен. Но бранил меня за то, что я излишне хвалю французских энциклопедистов»: «между прочим находил он, что я слишком живо нападаю на Фон-Визина за мнения его о французах и слишком горячо от-

¹ Вяземский П.А. О духе партий; о литературной аристократии // Его же. Полн. собр. соч. Т. 2. СПб., 1879. С. 156.

² Там же. С. 161.

³ Там же. С. 160.

⁴ Цявловская Т.Г. Примечания к стихотворениям Пушкина 1823–1836 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/pushkin/02comm/0558.htm> (дата обращения: 12.11.2020).

⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 56.

стаиваю французских писателей. При всей просвещенной независимости ума Пушкина, в нем иногда пробивалась патриотическая щекотливость и ревность в отношении суда его над чужестранными писателями».

Впрочем, споры Вяземского с Пушкиным не мешали их дружбе. «Он слушал меня с живым сочувствием приятеля и судил о труде моем с авторитетом писателя опытного и критика меткого, строгого и светлого, - вспоминал впоследствии Вяземский о беседе с Пушкиным. – Вообще более хвалил он, нежели критиковал (...) Скромный работник, получил я от мастера-хозяина одобрение, то есть лучшую награду за свой труд»¹.

Подводя итог, следует сказать, что Остафьевская осень князя Вяземского звучна Болдинской осени Пушкина: начатые в удручающих обстоятельствах холерного карантина и душевных волнений, они в итоге привели к творческому подъему поэтов, плодотворной работе и завершению давних проектов – «Евгения Онегина» у Пушкина и «Фонвизина» у Вяземского.

¹ Вяземский П.А. Автобиографическое введение // Его же. Полн. собр. соч. Т. 1. С. LI.

УВАРОВСКАЯ ТРИАДА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Начатые еще во второй половине XIX в. споры об уваровской триаде¹ ведутся до нашего времени. Сформулировав в начале 1870-х гг. клише «теория официальной народности» и приписав графу С.С. Уварову понимание «народности» как крепостного права, А.Н. Пыпин стремился отделить принципиально значимое понятие «народность» от консервативного контекста. По мнению биографа Уварова Ц.Х. Виттекера, он видел «народность» «синонимом преданности алтарю и престолу»². А. Зорин также видел в «народности» абстракцию, бюрократическую подмену национального начала³. А.И. Миллер отметил, что Уваров табуировал опасную своим революционным потенциалом идею нации, заменив ее эвфемизмом⁴. М.М. Шевченко указал на традиционный характер понимания «народности» и связь триады с воинским девизом «За Веру, Царя и Отечество!», где «народность» соответствовала «Отечеству»⁵. С большим интересом историков разошелся японский исследователь Т. Симосато, пришедший к выводу, что «народность» была для министра «символом динамических сил русского общества, ведущих Россию к общему для всего человечества совершенному состоянию»⁶. В целом, сейчас господствует мнение о формальном, неопределенном характере уваровской «народности», которая занимала подчиненное положение в рамках триады. Однако следует учитывать, что еще в 1820-е гг. в русской публицистике велась активная дискуссия о содержании понятия «народность». Оно было введено в оборот в 1819–1823 гг. князем П.А. Вяземским, который подразумевал под «народностью» отличительные особенности национального характера («народного духа»). Сам термин был перенесен из французского языка (*nationalité*) по аналогии с польским «*narodowość*»⁷. Трактую «народность» как художественный метод, Вяземский отрицал сведение «народности» к простонародным проявлениям или внешним бытовым деталям. Важно было не то, что изображалось, а как изображалось. Дело было в самом взгляде на вещи⁸. Непосредственное и решающее идейное влияние на князя в этом во-

¹ Шевченко М.М. Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 89–104.

² Виттекер Ц.Х. Граф С.С. Уваров и его время. СПб., 1999. С. 124–128.

³ Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М., 2001. С. 362, 368.

⁴ Миллер А.И. «Народность» и «нация» в русском языке XIX в.: подготовительные материалы к истории понятий // Российская история. 2009. № 1. С.155–156; Миллер А.И. История понятия «нация» в России // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М., 2012. С.24–28.

⁵ Шевченко М.М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 68–70.

⁶ Симосато Т. Переосмысление концепции «народность»: С.С. Уваров как консервативный мыслитель // Мысль: журнал Петербургского философского общества. 2016. № 20. С. 95.

⁷ Кн. П.А. Вяземский – А.И. Тургеневу, 22 ноября 1819 г. // Остафьевский архив князей Вяземских. Т.1. С. 357–358.

⁸ Вяземский П.А. Известие о жизни и стихотворениях И.И. Дмитриева // Его же. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1878. С. 132.

просе оказали рассуждения Н.М. Карамзина. После выхода первых восьми томов «Истории Государства Российского» он был введен президентом Академии наук Уваровым в ее состав почетным членом. 5 декабря 1818 г. в торжественном собрании академии историограф произнес речь о русской словесности, где ставил проблему общечеловеческого и отечественного: «Великий Петр, изменив многое, не изменил всего коренного русского: для того ли, что не хотел, или для того, что не мог: ибо и власть самодержцев имеет пределы. Сии остатки, действие ли природы, климата, естественных или гражданских обстоятельств еще образуют народное свойство россиян; подобно как юноша еще сохраняет в себе некоторые особенные черты его младенчества, в физическом и нравственном смысле. Сходствуя с другими европейскими народами, мы и разствуем с ними в некоторых способностях, обычаях, навыках, так что хотя и не можно иногда отличить россиянина от британца, но всегда отличим россиянина от британцев: во *множестве* открывается *народное*. Сию истину отнесем и к словесности: будучи зеркалом ума и чувства народного, она также должна иметь в себе нечто особенное, незаметное в одном авторе, но явное во многих. Имея вкус французов, имеем и свой собственный: хвалим, чего они не хвалят; молчим, где они восхищаются. Есть звуки сердца русского, есть игра ума русского в произведениях нашей словесности, которая еще более отличится ими в своих дальнейших успехах. Молодые писатели нередко подражают у нас иноземным, ибо думают, ложно или справедливо, что мы еще не имеем великих образцов искусства: если бы сии писатели не знали творцов чужеземных, что бы сделали? *Подражали бы* своим; но и тогда *стихи их* остались бы *бездушными*. А кто рожден с избытком внутренних сил, тот и ныне, начав подражанием, свойственным юной слабости, будет наконец *сам собою* – оставит путеводителей, и свободный дух его, как орел дерзновенный, уединенно воспарит в горних пространствах» (здесь и далее: курсив авторский. – Ф.Г.). Речь была опубликована в первом номере полуофициального журнала «Сын Отечества» за 1819 г.¹ и оказала большое влияние на Вяземского². В целом, после бурной полемики 1823–1825 гг. первоначальное общее мнение о «народности» можно было считать сложившимся³. Н.И. Надеждин замечал: «*Народность* не состоит в искусстве накидывать русские пословицы и поговорки, где ни попало!.. А иначе "Иван Выжигин" был бы самым *народнейшим* произведением!.. Чтобы быть *народным*, надобно уловить дух народный; а он – не продается, подобно газам, в бутылках!..»⁴.

Однако мысль Карамзина повлияла и на ход мысли Уварова. 22 марта 1818 г. в торжественном собрании Главного Педагогического института президент Академии наук также произнес речь о «духе народов» и, в частности, о русском: «Почему народ не участвовавший ни в одном из общих переворотов Европы, ныне владеет ее жребием? Каким образом сей народ, младший сын в многочисленном европейском семействе, в течение одного столетия превзошел своих братьев и, сохранив в своих учреждениях, в своих нравах след душевной юности, ныне алкает просвещения и стремится похитить у других и лавр воинской славы, и пальму гражданской доблести? По како-

¹ Речь, произнесенная Н.М. Карамзиным, на торжественном собрании Императорской Российской Академии 5 декабря 1818 года // Сын отечества. 1819. № 1. С. 15–17.

² Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 128, 130, 135, 139.

³ См.: Гайда Ф.А. Связующее начало: о понимании «народности» в России I половины XIX в. // Русский Сборник: Исследования по истории России / Ред. и сост. О.Р. Айрапетов, Ф.А. Гайда, И.В. Дубровский, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, А.Ю. Полунов, Пол Чейсти. Т. XXIX. М., 2020. С. 100–116.

⁴ Надеждин Н.И. «Полтава», поэма Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике, 1828–1830. СПб., 2001. С. 171.

му дивному сплетению происшествий правнук Петра Великого на берегах Сены восстановил трон Св. Людовика? (...) Тогда мы вам скажем: «Внимайте гласу истории! Она вам ответить будет; она объяснит все ваши сомнения, решит все ваши вопросы; она вам скажет, сколь завидна участь народа, коему Провидение даровало ряд государей, соответствующих требованиям времени и вполне удовлетворяющих духу своих столетий (...) Теория правительства в сем случае походит на теорию воспитания. Не то достойно похвалы, которому удалось увековечить младенчество физическое или моральное; то премудро, которое смягчило переходы одного возраста к другому, охранило неопытность, заранее открыло способности ума, предупредило опасности и заблуждения и повинуюсь закону необходимого, возрастало и зрело вместе с народом или с человеком (...) Теперь мне остается только изъяснять сердечное желание, чтоб каждый из тех, которые в сем храме просвещения будут образоваться великими примерами истории, нашел в них новые побуждения более любить свое Отечество, свою веру, своего Государя; чтоб каждый из них посредством истории, особенно истории отечественной, коей мы видим, наконец, достойный памятник («Историю» Карамзина. – Ф.Г.), благодаря твердости духа и таланту великого писателя, научался предпочитать честь народную своей собственной жизни; благородство чувства и независимость духа – всем благам мира; истину и добродетель – всем обольщениям страстей; чтоб каждый из них, к какому бы сословию он ни принадлежал, где бы он ни был поставлен судьбою, имел всегда в виду, что и он – звено неизмеримой цепи, объемлющей в своем составе все народы, все племена, все человечество»¹.

В 1832 г. Уваров был назначен товарищем министра народного просвещения, а в следующем году – министром. Программа нового министерства вполне соответствовала первым манифестам и указам Николая I, в которых отмечалось, что «любовь к Монархам и преданность к Престолу основаны на природных свойствах народа»². В отчете по Московскому университету за 1832 г. Уваровым не только упоминалась знаменитая «триада»³, но и давалось понимание «народности» (черновики составлялись на французском языке, в них употреблялось понятие «nationalité»⁴). Как и в речи 1818 г., Уваров отмечал, что изучение отечественной истории повлекло бы «узнание нашей народности во всех ее различных видах». Товарищ министра делал вывод: «Не подлежит сомнению, что таковое направление к трудам постоянным, основательным, безвредным служило бы некоторой опорой против влияния так называемых *европейских идей*, грозящих нам опасностью, но силу коих, обманчивую для неопытных, пе-

¹ Уваров С.С. Речь Президента Императорской Академии наук, Попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного Педагогического института 22 марта 1818 г. // Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. М., 2018. С. 23.

² Манифест «О происшедшем бунте в Санктпетербурге 14 декабря», 19 декабря 1825 г. // ПСЗ РИ. Отд. 2-е. СПб., 1830. С. 14; Именной [указ], объявленный из Сената «О Государственных преступлениях, осужденных к разным казням и наказаниям», с приложением Доклада Верховного Уголовного Суда, 13 июля 1826 г. // Там же. С. 760; Именной [указ], объявленный из Сената «О Государственных преступлениях, осужденных к разным казням и наказаниям», с приложением Доклада Верховного Уголовного Суда, 13 июля 1826 г. // Там же. С. 773; Манифест «О совершении приговора над Государственными преступниками», 13 июля 1826 г. // Там же.

³ Необходимость утвердить образование на принципах православия и самодержавия, разумеется, была обозначена до Уварова. См.: Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного статского советника Магницкого, с поднесением записки о народном воспитании // Магницкий М.Л. Православное просвещение. М., 2014. С. 175.

⁴ Публикация черновика доклада: Зорин А. Идеология «Православия – Самодержавия – Народности: Опыт реконструкции. (Неизвестный автограф меморандума С.С. Уварова Николаю I) // Новое литературное обозрение. № 26. 1997. С. 71–104.

реломить нельзя иначе, как чрез наклонность к другим понятиям, к другим занятиям и началам. В нынешнем положении вещей и умов нельзя не умножать, где только можно, число умственных плотин»¹. Итак, уваровские «плотины» были наполнены таким содержанием, которое могло составить реальную альтернативу «опасности».

В докладе императору от 19 ноября 1833 г. министр писал: «По вступлению моему с высочайшего Вашего Императорского Величества повеления в должность Министра Народного Просвещения употребил я, так сказать, *заглавным местом, лозунгом* моего управления, следующие выражения: "Народное воспитание должно совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности"». При этом Уваров утверждал, что именно «Народность» в «триаде» выступала неким необходимым соединительным чувством²: «Дабы Трон и Церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство Народности, их связующее». Сила «Народности» заключалась в том, что она имела обусловленный всей русской историей естественный характер: «Вопрос о Народности не имеет того единства, какое представляет вопрос о Самодержавии; но тот и другой проистекают из одного источника и совokuпляютя на каждой странице Истории Русского народа». Уваров пояснял: «Относительно Народности, все затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий; но Народность не состоит в том, чтобы итти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид по мере возраста: черты изменяются с летамы, но физиономия изменяться не должна. Безумно было бы противиться сему периодическому ходу вещей; довольно того, если мы не будем добровольно скрывать лицо под искусственной и нам не сродной личиною; если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если мы примем их за основную мысль Правительства, особенно в отношении к Народному Воспитанию. Между обветшалыми предрассудками, восхищающимися единственно тому, что было у нас за полвека и новейшими предрассудками, которые без жалости стремятся к разрушению существующего, посреди сих двух крайностей, находится обширное поле, на коем здание нашего благосостояния — твердо и невредимо укрепиться может»³. Тем самым, «святилище наших народных понятий», позволявшее России сохранять поступательное развитие, было прямо противопоставлено идеям Просвещения и Революции. Позднее, в 1847 г., Уваров еще раз укажет, что «Православие» и «Самодержавие» имеют «Народность» в своем основании: «Славянству русскому, нами во всей чистоте принимаемому, должна быть чужда всякая примесь политических идей; тогда остальным началом, в нем сокровенном, будет наше государственное начало, на котором непоколебимо стоят трон и алтарь, собственно *русское* начало, *русский* дух, наша святыня»⁴. «Государственным началом» для Уварова выступало не «Самодержавие», а именно «Народность».

«Связующий» характер «народности» соответствовал взглядам Карамзина, который отправным фактом русской истории считал добровольное принятие монархии

¹ Уваров С.С. Отчет по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г) // Его же. Государственные основы. М., 2014. С. 331–332.

² В историографии неоднократно указывалось, что в черновике «Православие» фигурирует как «*religion nationale*» (Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 360), что с учетом уваровской стилистики лучше всего было бы перевести как «народная вера».

³ Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения от 19 ноября 1833 г. // Его же. Государственные основы. С.103–106.

⁴ Уваров С.С. [Циркулярное предложение попечителю Московского учебного округа] // Там же. С.346.

русским народом. Повторное добровольное принятие произошло в 1613 г.: «Князья московские учредили самодержавие – отечество даровало оное Романовым». Сила самодержавия была обусловлена характером народа: «Дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух и вера спасли Россию во времена самозванцев; он есть не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству (...) Любовь к Отечеству питается сими народными особенностями, безгрешными в глазах космополита, благотворными в глазах политика глубокомысленного»¹. Для понимания значения «народности» отметим еще одно обстоятельство. В коротком докладе министра присутствовали сразу три «триады»: кроме хрестоматийной, упоминались еще «Бог, Государь, Отечество» и «Вера, Любовь, Надежда». Связь первой и второй «триад» была вполне очевидна и восходила, как уже отмечалось, к русскому воинскому девизу. Связь первой и третьей заметна через понятие «Вера»: наряду с «Православием», Уваров писал и о «Вере Православной». Изменение традиционной конфигурации (Вера, Надежда, Любовь) позволяет говорить о сближении Уваровым понятий «Народность» и «Надежда». И если самодержавие определялось как «главное условие политического существования России в настоящем ее виде», то именно «Народность» («направление, данное Отечественной Литературе, периодическим сочинениям, театральным произведениям; (...) покровительство, оказываемое художествам») давало надежду на будущее². Еще в 1818 г. Уваров указывал на «душевную юность» русского народа и заключал: «Бог нам да поможет в великом деле *народного просвещения*, от которого зависят *настоящее и будущее России!*»³.

Кроме того, Уваров увязывал понятие «народность» с «национальностью»: «Слово *народность* возбуждало в недоброжелателях чувство неприязненное за мелкое утверждение, что министерство считало Россию возмужалой и достойной идти не *позади*, а, по крайней мере, *рядом* с прочими европейскими национальностями»⁴. Предпочтение термина «народность» «национальности», по-видимому, было обусловлено чисто стилистически: министр именовал всю «триаду» «национальными началами», поэтому должен был вводить определенное словесное разделение. В других случаях «национальность» и «народность» выступали в качестве синонимов⁵. В 1834–1840 гг. по инициативе Уварова был опубликован целый ряд профессорских выступлений и работ на тему «народности», где указывалось, что она и составляет «идею нации»⁶. В первом номере журнала «Москвитянин», выпускавшемся с 1841 г. М.П. Погодиным, вышла программная статья «Петр Великий», отредактированная самим Уваровым. Историк использовал термины «народность» и «национальность» как синонимы. Погодин приходил к выводу: «С Императора Николая, которого Министр, в троесловной своей формуле России, после православия и самодержавия поставил

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 29, 32–33.

² Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения от 19 ноября 1833 г. // Его же. Государственные основы. С. 104, 106, 107.

³ Уваров С.С. [Циркулярное предложение попечителю Московского учебного округа] // Там же. С.350.

⁴ Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 // Там же. С. 235–236.

⁵ Уваров С.С. Государственные основы // Там же. С. 105, 135, 170, 182.

⁶ Сочинения и переписка П.А. Плетнева. Т. 1. СПб., 1885. С. 218, 220, 229, 232, 237–239; Казаков Н.И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст–1989: Литературно-теоретические исследования. М., 1989. С. 16, 18, 19.

народность, - с Императора Николая, при котором всякое предприятие на пользу и славу отечества, предприятие Русское принимается с благоволением, начинается новый период Русской Истории, период *национальный*, которому, на высшей степени его развития, будет принадлежать, может быть, слава сделаться периодом в общей Истории Европы и человечества». Если предыдущий – «Европейский» период Погодин открывал Петром I и заканчивал Александром I, делая упор на успехи самодержавия, то новый период уже отождествлялся с «народностью» («Русской национальностью»)¹.

Итак, уваровская триада подразумевала единение власти и народа. Целью такого единения было правильное развитие («поддержание») нации, без которого существовавший строй перспектив не имел. Алтарь и Престол опирались на «народность» как «государственное начало» и соединялись ею воедино. Вместе они составляли исторические «национальные начала» России. «Народность» выступала как факт исторического развития, как постоянно и неизбежно растущая сила, в отношении которой настоятельно требовалось принимать разумные политические решения. Уваров считал факт существования российской «нации» исторически непреложным, но видел ее как государственное образование, включающее в себя и саму самодержавную власть.

Уваровская триада была провозглашена тогда, когда в Петербурге достиг своего апогея официальный культ Петра Великого. Он был противопоставлен европейским революциям, но и сам он был олицетворением революции. В 1832 г. Погодин написал «Очерк русской истории» (опубл. впервые в 1835 г.), где о Петре говорилось: «Во всей Истории не было революции обширнее, продолжительнее, радикальнее»². Осенью 1833 г., когда новый министр народного просвещения представлял императору свой программный доклад, А.С. Пушкин написал «Медного всадника», который «Россию поднял на дыбы». В 1834 г. поэт в беседе с братом императора великим князем Михаилом Павловичем указал ему на главную революционную силу России: «Tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs» [«Все Романовы революционеры и уравнители». – фр.]³. Пока «мощный властелин судьбы» управлял своим скачущим конем, Россия удерживалась «над самой бездной, на высоте». Именно так и предполагала уваровская триада. Сковывание, наоборот, могло обернуться крушением седока и призыванием новых «варягов».

¹ Погодин М.П. Избранные труды. М., 2010. С. 233, 242, 620.

² Погодин М.П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 1, 16, 32.

³ Пушкин А.С. [Дневник 1833–1835 гг.] // Его же. Полн. собр. соч. в 17 т. Т. 12. М.;Л., 1949. С.334–335, 488.

РОЛЬ М.П. ПОГОДИНА В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ОБОСНОВАНИИ САМОДЕРЖАВИЯ НИКОЛАЯ I

Потрясения Великой французской революции и последовавшей за ней эпохи Наполеоновских войн в России и в Европе привели к постепенной культурной переориентации: от идеализации античности к постижению и пониманию собственного национального прошлого¹. В России эти процессы проявились очень ярко в связи с победой в Отечественной войне 1812 г., вследствие которой начало активно развиваться национальное самосознание. Но не менее важную роль сыграло восстание декабристов, заставившее самодержавную власть задуматься над тем, что может объединять ее подданных помимо внешней силы государства. Обращение к национальному прошлому, нацеленное на выявление культурных особенностей России и ее народа, происходило в разных сферах общественной жизни, науки и искусства. Это движение шло не только «снизу», выражаясь в увлечении русской историей и дискуссиях об ее особенностях, но и «сверху», оформляясь в государственную идеологию. В основу правительственного подхода к решению проблемы поиска основ национальной идентичности легла известная триада графа С.С. Уварова: «Православие, самодержавие, народность». Позже комплекс идей Уварова получил название «теории официальной народности»². С.С. Уваров, министр народного просвещения в 1833–1849 гг., вступая в должность, провозгласил: «Народное воспитание должно совершаться в соединенном духе Православия, Самодержавия и Народности». Первые два элемента триады Уварова кажутся наиболее понятными – православие важно для государства, так как представляет собой основу русской культуры и жизни народа в целом. Самодержавие – «главное условие политического существования России в настоящем ее виде»³. Определенную сложность как для современников Уварова, так и для последующих историков представлял третий элемент – «народность», который постепенно уточнялся и развивался Уваровым⁴. Министр, не давая точного и одинакового для всех определения «народности», мотивировал общественность к выработке своих интерпретаций термина, чем активно и занималась русская общественная мысль 1830–1840-х гг.⁵ Тогда «народность» соотносилась с идеей патриотизма, «характерными чертами русского национального самосознания» и часто выступала синонимом «нации» и «национальности»⁶, заменяя собой эти иностранные слова⁷. По мнению Н.И. Казакова,

¹ Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992. С. 69.

² Необходимо отметить, что историками неоднократно критиковался этот термин, основанный на построениях публициста А.Н. Пыпина. Еще в 1989 г. Н.И. Казаков отметил, что концепция Пыпина была сконструирована искусственно, без опоры на источники и весьма тенденциозна. – См.: Казаков Н.И. Об одной идеологической формуле Николаевской эпохи // Контекст–1989. М., 1989. С. 5–41.

³ Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения. 1833 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--c1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13652> (дата обращения: 10.11.2020).

⁴ Холмогоров Е.С. Русификация русских. Граф Уваров и третий русский национализм // Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. М., 2018. С. 86–123.

⁵ Казаков Н.И. Указ соч. С. 27–28.

⁶ Там же. С. 33; Бадалян Д.А. «Официальная народность» или народность? С.С. Уваров и А.С. Хомяков // Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. С. 53.

⁷ Холмогоров Е.С. Указ. соч. С. 89.

«под народностью Уваров разумел национальную культуру и национальный дух русского народа, отличающий его от прочих народов мира»¹.

Таким образом, триада Уварова представляла собой попытку выработать национальную идею русского народа, основанную на русской истории, языке, традициях и способствующую развитию общенациональной культуры. В то же время национальная идея должна была помочь в противостоянии европейской идейной экспансии, достигшей своей наивысшей точки в царствование Александра I. Более того, нужно учитывать, что в 1830-е гг. по Европе прокатилась волна антирусских выступлений, вызванных Польским восстанием 1830–1831 гг. Поэтому усилия Уварова и других интеллектуалов той эпохи были направлены на создание общенациональной культурной системы, вовлечение в нее общества и выстраивание России в качестве реального противовеса Европе в политическом и культурном отношениях.

Формулируя свою теорию, С.С. Уваров опирался в т.ч. на труды историка М.П. Погодина – профессора Московского университета. В 1832 г., еще будучи адъюнктом, Погодин прочитал студентам вводную лекцию «Взгляд на русскую историю», которую посетил и граф Уваров². В ней заявлены основополагающие тезисы погодинской концепции русской государственности, позже дополненные автором. Началом истории России Погодин, как норманист, считал призвание варягов, основавших династию³: «и к нам пришли варяги, но добровольно избранные, по крайней мере сначала, не как западные победители и завоеватели, – первое существенное отличие в заре, семени Русского государства, сравнительно с прочими европейскими»⁴. Погодин постоянно подчеркивал, что, в отличие от истории Западной Европы, где история начинается с завоевания и покорения, на Руси имело место добровольное «призвание» варягов – «полюбовная сделка» между князем и народом⁵. Следующее коренное отличие русской истории, связавшее два элемента триады Уварова – православие и самодержавие, заключается в том, что Россия – «преемница Империи Константинопольской»⁶. Россия приняла из Византии христианство, а также традицию подчинения церковной власти светской, тогда как в Европе духовенство ограничивает власть.

Погодин считал, что особенности русской истории являются и ее социально-политическими преимуществами. Во-первых: наши города и сословия образовались иначе, нежели в Европе; поэтому «доступность прав, яблоко раздора между сословиями (...), существует у нас искони: простолюдину открыт путь к высшим государственным должностям, и университетский диплом заменяет собою все привилегии и грамоты...». Во-вторых, многие важные для развития государства перемены у нас происходили «сверху» – по инициативе самодержавной власти, а «не снизу» – через противостояние сословий и революционные движения. Например, по приказу царя Федора Алексеевича были сожжены Разрядные книги и отменено местничество, а

¹ Казаков Н.И. Указ. соч. С. 28.

² С.С. Уваров в 1832 г. был товарищем министра народного просвещения и находился в Московском университете с инспекторской проверкой. По результатам проверки он отметил Погодина в числе хороших преподавателей. – См.: Погодин М.П. Взгляд на русскую историю. Лекция при открытии курса в сентябре 1832 г. Комм. // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX в. Хрестоматия / Сост.: А.А. Ширинянец, И.Ю. Демин; подг. текстов: А.М. Репьева, М.К. Ковтуненко, А.И. Волошин; под ред. А.А. Ширинянца. М., 2011. С. 419.

³ Погодин М.П. Формация государства // Его же. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 39.

⁴ Погодин М.П. Взгляд на русскую историю // Там же. С. 6.

⁵ Погодин М.П. Параллель русской истории с историей Западных Европейских государств, относительно начала // Там же. С. 62.

⁶ Погодин М.П. Взгляд на русскую историю // Там же. С. 6.

Петр Великий «доставил нам средство учиться, понимать себя, чувствовать человеческое свое достоинство»¹.

В более поздней работе «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала» (1845) Погодин развил эти мысли. Разрабатывая идею добровольного призвания варягов, историк подчеркивал, что завоевание и покорение обширных территорий Древнерусского государства были невозможны в рамках одного поколения династии, поэтому пришедшая власть была вынуждена всегда считаться с интересами местного населения². Поэтому русский князь, хотя он и варяг по происхождению, но – «желанный защитник и судья», который за свою работу получает плату. Его помощники, вассалы принадлежат к тому же роду, что и сам князь, а потому подчинены ему – в отличие от Европы, где вассалы, принадлежащие к разным родам и не подчиняющиеся монарху, отделяют его от народа³.

Из этой особенности вытекал еще один важный, по мнению Погодина, факт: наше дворянство не «феодалного происхождения», а пришлые, «собравшиеся в последнее время, чтобы пополнить недостаточное число первых варяжских пришельцев, из Орды, из Крыма, из Пруссии, из Италии, из Литвы»; поэтому они свои «отличия» приобрели «службою отечеству»; и не так важны их род и происхождение, как государственная служба⁴. В связи с этим показательно сравнение взглядов Погодина с взглядами самого Николая I на национальный вопрос. В одном из разговоров с французским писателем маркизом де Кюстином, оставившим скандально известные воспоминания о своем путешествии в Россию в 1839 г., Николай Павлович заметил, что «покорность заставляет вас думать, будто у нас царит единообразие», но «нет другой страны», где «расы», «верования» и прочее «разнились бы так сильно, как в России. Многообразие лежит в глубине, одинаковость же – на поверхности: единство наше только кажущееся». И далее, указывая на стоящих рядом офицеров, Николай отметил, что из них только двое русские, остальные – поляки, немцы, «даже киргизские ханы [в данном случае – казахи⁵]; случается, доставляют ко мне сыновей, чтобы те воспитывались среди моих кадетов...»⁶. В эпоху Николая I преданность России определялась через преданность ее самодержцу и верную службу ему.

В свою очередь, славянский народ, по Погодину, представлял собой людей «тихих, спокойных, терпеливых», принявших «чуждых господ без всякого сопротивления, исполняли всякое их требование с готовностью, не раздражали ничем, - и всегда были довольные своею участью» (в отличие опять же от «раздражительных» европейцев). Такие черты славян историк объяснял, исходя из географических и климатических особенностей России: равнинная, скудная земля, холодный климат, народ заселен неравномерно, но многочислен и внутренне однороден. Однако есть у Погодина и примеры, которые выбиваются из его представлений об извечной покорности и терпеливости. Он писал, что в «самых крайних случаях» славяне стояли за себя; например, убили князя Игоря и разделались с дружиной Ярослава, но пришедшая власть

¹ Там же. С. 8.

² Погодин М.П. Параллель русской истории с историей Западных Европейских государств, относительно начала // Там же. С. 75.

³ Там же. С. 64–65.

⁴ Погодин М.П. Взгляд на русскую историю // Там же. С. 9.

⁵ Выскочков Л.В. Николай I. М., 2003. С. 251.

⁶ Кюстин А. Россия в 1839 году. Т. 1. М., 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://history-library.com/index.php?id1=3&category=istoriya-rossii&author=kustin-a&book=1996&page=96> (дата обращения: 10.11.2020).

понимала все это и старалась не доводить до крайностей¹. Из отличительных исторических особенностей России и ее народа Погодин выводил настоящее положение Российской империи и ее будущее. Историк так охарактеризовал положение империи после победы над Наполеоном: Россия не нуждается ни в ком, но нужна всем, и никто не осмеливается оспаривать ее первенство, «кто помешает ей решать судьбу Европы и судьбу всего человечества, если только она сего пожелает?»². Причем «невещественная» сила России состоит и в силе ее монарха, который опирается на горячо преданный ему народ. Подданные по отношению к царю испытывают любовь, «безотчетную преданность», «неограниченную доверенность», которые особенно сильно и торжественно проявляются в Москве – древней столице. Когда в 1849 г. император Николай I вместе со всем семейством посетил Москву во время Пасхальных торжеств, чтобы освятить новый Кремлевский дворец, это вызвало волну патриотических настроений. М.П. Погодин находился в центре этих событий, фиксировал восторженную реакцию простых людей и написал статью «Черты из пребывания Царского семейства в Москве» (но не опубликованную по воле Николая I³). В этой работе Погодину удалось, основываясь на своих предыдущих построениях, разрешить важную для николаевского царствования идеологическую проблему: соотношение русского и европейского в природе русской власти. Современный исследователь Р. Уортман отметил: «Поощряя во время своего царствования национальные элементы в искусстве, архитектуре и музыке, Николай и его двор представляли себя частью международной монархической культуры». По мнению Уортмана, противоречием это казалось только иностранцам и радикальным критикам⁴. Погодин же объяснил эту отличительную черту монархии оригинальным способом – через систему московских образов и символов. Находясь в обстановке нового Кремлевского дворца, Николай I – европейский император, помещенный в поистине имперскую роскошь Андреевского, Александровского, Георгиевского, Владимирского залов и окруженный не менее блистательной европеизированной свитой. «Но разве русский царь и европейский император два лица? Нет – одно! Из Владимирской залы только два шага до Грановитой палаты и Красного крыльца. Отвори он дверь к народу, или, еще менее, открой окно царя Алексея Михайловича, и вся Москва, а с ней и вся Россия, его увидит, услышит и ответит: европейский император опять русский царь!». Изменения образа Николая и обстановки, в которую он помещен, демонстрировали, как в русском императоре могут ужиться европейская культура и русский национальный характер. И сами Пасхальные церемонии, и традиции придавали царю русские черты. Простой народ, обладающий, по мнению Погодина, «органом второго зрения» – тем, что «выражается пословицей: глас народа – Глас Божий», почувствовал, что «никогда его царь не был так дорог, (...) для отечества, для Европы, для мира всего мира, как теперь»⁵. Именно от русского царя зависит спокойствие не только России, но и мира.

Эти размышления Погодина были связаны с новой волной европейских революций 1840-х гг. В 1849 г. Николай I, обеспокоенный возможностью проникновения «революционной заразы» в Россию, принял участие в подавлении Венгерской революции. В результате революционных событий 1840-х гг. намечалось все больше

¹ Погодин М.П. Параллель русской истории с историей Западных Европейских государств, относительно начала // Его же. Историко-критические отрывки. С. 75–79.

² Погодин. М.П. Взгляд на русскую историю // Там же. С. 3.

³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 10. СПб., 1896. С. 230–231.

⁴ Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002. С. 392.

⁵ Барсуков Н.П. Указ соч. С. 224, 234.

обособление России от Европы. Последняя представлялась Погодиным как «потрясенная в своих основаниях», «переживающая тревожные поиски» и «мучительные опыты», стоящая на пороге потери всего прекрасного, что было создано в ней в течение веков. В противовес Европе, «мы на святой Руси спокойные и безопасные» убеждаемся в том, что счастье народов и людей зависит не столько от формы правления, сколько от идеи его. Именно эта идея и была выражена, воплощена в русском монархе. При этом русский народ, преданный царю, по мнению историка, верил, что преобразования с целью улучшить его жизнь будут проведены рано или поздно самодержавной властью без революционных потрясений. В заключение Погодин прославлял все русские сословия, призывая их быть «верными историческому своему происхождению» и твердо идти по своему пути, надеясь на царя и Бога¹. Согласно концепции Погодина, недовольные существующим порядком вещей в России должны изучать русскую историю, а не пытаться «пересаживать» «чужие растения» на русскую почву. Историк считал, что «российская история может сделаться охранительницей и блюстительницей общественного спокойствия, самой верной и надежной»².

Эти ключевые идеи историка М.П. Погодина стали важной вехой в обосновании и продвижении концепции государственности, развивавшейся при императоре Николае I. В выстроенной Погодиным исторической системе Россия предстала уникальным, самобытным государством, отличающимся в лучшую сторону от западноевропейских и азиатских государств. Ключевым моментом русской истории, определившим ее своеобразие, был эпизод «призвания варягов», ставший системообразующим для теоретиков «официальной народности». Концепция, предложенная Погодиным, исторически обосновывала преимущества русского самодержавия и причины современной преданности народа монарху, связанной с тем, что общество доверяет власти заботиться о его нуждах. Революционность не свойственна, по представлению историка, русскому народу в силу политических, географических и других факторов. Росийская самодержавная традиция власти, по Погодину, заключается в том, что изначально иноземная, пришедшая власть стала надсословной силой, способной эффективно решать задачи государственного строительства и управления. Благодаря этому, Россия занимает огромные территории, которые представляют особую целостную систему, скрепленную самодержавной властью, единой культурой и верой: «Росийская империя заселена преимущественно племенами, которые говорят одним языком, имеют, следовательно, один образ мыслей, исповедуют одну веру, и, как кольца электрической цепи, потрясаются внезапно от единого прикосновения». Целостность Росийской империи, по мнению историка, достигла такой прочности, которой не имели ни империи прошлого, ни современные европейские небольшие страны. И эта целостность усиливается «неразрывными узами крови и языка» с другими славянскими народами, составляющими с нами «одно живое целое»³. Таким образом, Погодин не только объяснил национальное своеобразие России для ее собственных граждан, но и обосновал ведущую роль Империи на международной арене.

¹ Там же. С. 224–227.

² Погодин М.П. Взгляд на русскую историю // Его же. Историко-критические отрывки. С. 16.

³ Там же. С. 2.

А.А. Орлов
доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории
стран Европы и Америки Института истории и политики
Московского педагогического государственного университета

**РЕЦЕПЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ
ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
В ИДЕЙНОМ НАСЛЕДИИ А.В. БЕРДЯЕВА (1840-е гг.)**

Памяти Сергея Владимировича Сопленкова (1969–2020)

Идейное наследие русского конституционалиста Аркадия Васильевича Бердяева (1823–1891) уже было предметом анализа в советской историографии. И.А. Федосов в монографии «Революционное движение в России во второй четверти XIX в.» подробно проанализировал его конституционные проекты и сделал вывод о том, что Бердяев был по своим взглядам очень близок к декабристам (т.е. к революционному направлению в русском освободительном движении), но не решился включить в свои проекты тезис о праве народа на восстание¹. Н.А. Троицкий, повторив эту оценку, добавил, что Бердяев выступал как против теории «официальной народности», так и против славянофилов, отнеся его, тем самым, к убежденным западникам, хотя и показал его далеким от споров столличных знаменитостей из противоположных лагерей².

Эта географическая удаленность от центров идейной борьбы и неприятие идеи наследственной смены власти, видимо, были причинами того, что интерес к творческому наследию Бердяева в советской историографии постепенно угас и его бумаги, хранящиеся в архиве, крайне редко просматривали, а еще реже – использовали советские и современные российские историки³.

Тем не менее, внимательное изучение не только конституционных проектов Бердяева, но и других документов, отложившихся в четырех архивных делах (отрывков из его историко-правовых сочинений, набросков стихотворений на политические темы, личных писем, нескольких автопортретов, один из которых впервые публикуется нами в настоящем издании), позволяет лучше понять не только смысл и значение предполагавшихся им реформ, но и уловить идейные истоки взглядов русского помещика, усвоившего во время обучения в Харьковском университете комплекс актуальных для своей эпохи английских и французских политико-юридических концепций⁴. Цель моей статьи – показать, насколько адекватно были усвоены эти взгляды и не де-

¹ Федосов И.А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М., 1958. С. 210–241.

² Троицкий Н.[А.] Идейная борьба 30–40-х гг.: Либералы // Научно-просветительский журнал «Скепсис». [Электронный ресурс]. URL: https://scepsis.net/library/id_1455.html#_ftnref3 (дата обращения: 11.10.2020).

³ См.: ГА РФ. Ф. 109. Во всех просмотренных мной в октябре–ноябре 2019 г. четырех делах ГА РФ (Ф. 109. Оп. 214. Приложение к делам. 1817–1880 гг. Д. 30–33) в листах использования можно обнаружить, что за предыдущее время (с 1959 г.) с ними работали лишь восемь исследователей, а выписки сделали – четыре.

⁴ На торжественном открытии Харьковского университета в 1804 г. гр. С.О. Потопкий (первый попечитель Харьковского учебного округа) «выразил, что правительство, основывая новое это высшее учебное заведение, имело целью сделать из него рассадник либеральных государственных деятелей, наподобие английских университетов». – Цит. по: Записки графа М.Д. Бутурлина. Воспоминания, автобиография, исторические современные мне события и слышанные от старожил, портреты, впечатления, артистические сведения, литературные заметки и фамильная летопись. В двух томах / Науч. ред. М.А. Полякова (далее – Записки Бутурлина). Т. 1. М., 2006. С. 519. Прим.

лались ли Бердяевым попытки хоть в какой-то степени воплотить в жизнь меры, предложенные в конституционных проектах.

После окончания в 1843 г. Харьковского университета и получения ученой степени кандидата прав Бердяев с 1844 г. числился чиновником Министерства внутренних дел, но постоянно проживал в своем поместье в Харьковской губернии¹. В мае 1845 г. его дворовый донес в III Отделение о «злоумышлении» своего барина, хотя не мог уразуметь сути «зла», поскольку барин «сходбищ» у себя не устраивал, а с редкими гостями разговаривал обычно по-французски. Помещик был арестован. Н.А. Троицкий писал, что при обыске у Бердяева конфисковали три конституционных проекта: «Проект русской конституции», «Конституция России», «Конституционное уложение»², но в архивных делах названия бумаг несколько иные: «Русская конституция», «Конституционная хартия, или установительная (так! – А.О.) грамота России», «Конституционное Уложение» (с вариантами: «Государственное Уложение» и «Преобразованное Уложение»). Все проекты были адресованы лично императору (хотя никогда не отправлены), которого Бердяев надеялся побудить добровольно провести важные реформы: заменить самодержавие конституционной монархией; отменить крепостное право; уравнивать «всех русских» перед законом; а также ввести бессловесный суд³, свободу вероисповедания, свободу слова, печати, собраний. Следствие по делу Бердяева шеф жандармов граф А.Ф. Орлов подытожил такой резолюцией: «Допрошу его сам; если ничего не откроет, то Высочайше повелено считать его сумасшедшим и посадить в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости впредь до приказа». Только «чистосердечное раскаяние» и ходатайства родственников спасли Бердяева от участи П.Я. Чаадаева, усугубленной заточением в самую страшную тюрьму Империи. Бердяев был сослан в Симбирск, заболел там «припадками меланхолии» и в 1846 г. пытался покончить жизнь самоубийством, а после выздоровления возвращен в свое поместье. Находился на попечении отца и под гласным надзором полиции. Освобожден от надзора в 1850 г.⁴

Бумаги Бердяева, конфискованные при аресте, не были ему возвращены и сохранились в архиве III Отделения. Благодаря этому, мы сегодня можем отчасти реконст-

¹ Бердяев похоронен в с. Непокрытое (видимо, там и находилось его имение) Непокрытыанской волости Харьковского уезда Харьковской губ. С 1968 г. село переименовано в Шестаково (Волчанский район Харьковской обл. Украины).

² Троицкий Н.[А.] Указ. соч.

³ В черновом наброске «Учредительного уложения» есть §2 «Общее право Русских», где сказано: «Все Русские равны перед законом; т.е. а) все подлежат действию одних и тех же законов; в) все судятся одними и теми же судилищами». – ГА РФ. Ф. 109. Оп. 214. Д. 30. Л. 58–59об.

Бердяев, как и в самом начале XIX в. гр. Северин Потоцкий в записках, поданных в Сенат, отстаивал примат неприкосновенности и несменяемости судей. В статье «Теоретическое изложение Главнейших начал Уголовного судопроизводства» (Там же. Д. 31. Л. 11–40об.) есть отрывок из гл. IV «Продолжение о независимости судей. Случай 3-ий: нет независимости, когда судьи отвечают за свое мнение», где, после рассуждений об издевательствах Нерона и Калигулы над римским Сенатом, автор, переходя к периоду средних веков, пишет: «В средних веках также еще не было безответственности (т.е. неприкосновенности. – А.О.) судей, и это послужило одной из причин страшных несправедливостей тогдашнего судопроизводства. Мог ли бы Генрих VIII казнить столько невинных граждан и самых жен своих, ужели из всех судилищ, назначенных им же, [не] нашлось бы ни одного довольно твердого [и] справедливого, чтобы защитить угнетенных, если бы собственная опасность не делала из каждого судьи палача». – Там же. Л. 24об.

⁴ Троицкий Н.[А.] Указ. соч.; Телицын В.Л. Бердяев Аркадий Васильевич // Российская историческая энциклопедия. [Электронный ресурс] URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/bierdiaiev_arkadii_vasilievich (дата обращения: 19.11.2020).

руировать идейные истоки воззрений русского конституционалиста. Действительно, его не устраивала сама идеологическая основа царствования Николая I, выраженная в знаменитой триаде министра народного просвещения графа С.С. Уварова: самодержавие, православие, народность. На первом листе рукописи «Конституционного Уложения» Бердяев нарисовал пером герб России с девизом: «Свобода. Закон. Порядок»¹. Обратим внимание на отсутствие постулата о какой-либо государственной религии, на примат либеральных принципов «свободы» и «закона», дарованных один раз и навсегда монархом своим подданным (при этом монарх² также подчиняется силе октроированных законов и на него, судя по небольшой заметке Бердяева о деле журналиста Шаброля³, можно подать в суд) и новый порядок управления, создаваемый верховной властью на основе добровольного соглашения граждан⁴.

Все конституционные проекты Бердяева базируются на этих принципах. Примером здесь для него могли быть только развитые конституционные государства – Англия и Франция. Он постоянно обращается к истории (особенно внимательно – к истории правовых институтов) этих государств⁵. Но, конечно, Бердяев не мог не видеть, что условия России сильно отличаются от тех, которые сформировали на протя-

¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 214. Д. 30. Л. 4. В статье «Сущность Гражданского права; отношение его к прочим частям законодательства; польза и важность его изучения» (датирована в начале текста 26-м апреля, в конце – 2-м апреля 1842 г., причем отмечено: ее читал, вероятно, по просьбе автора, знаменитый юрист, один из учителей А.С. Пушкина профессор А.П. Куницын) Бердяев определял понятие «свобода» во взаимосвязи с тезисом о разумно устроенном порядке. «Человек, при первом взгляде на самого себя, сознает себя существом разумным и свободным. С помощью своего разума он мыслит, познает, различает хорошее от дурного, справедливое от несправедливого в своих поступках, судит самого себя, действует с самопознанием; свобода его есть вместе форма, проявление воли – способности, дающей ему возможность действовать самостоятельно, не покоряясь рабски влиянию внешних, физических явлений и причин». – Там же. Д. 31. Л. 3–3об. К этому отрывку текста относится пометка на левом поле полулиста (л. 3об.) сверху чернилами: «Рога. Поставил мне». Возможно, это пометка Куницына, сделанная по профессиональным соображениям. Но не исключено, что маргиналия принадлежат А.Ф. Орлову, во время следствия внимательно читавшему бумаги Бердяева и сравнившего авторское определение «свободы» со своими жандармскими занятиями. Последнее предположение вызвано рисунком чернилами в конце статьи (л. 10об.), изображающим человека с бакенбардами и густыми эполетами. Справа от него маленький рисунок звезды какого-то ордена. Непонятно, правда, кто автор рисунка – Бердяев, Орлов или кто-то другой.

² «Российская конституция утверждает правление монархическое наследственное по праву первородства, с исключением женского пола, и ограниченное», – писал в наброске одного из документов (без названия) Бердяев. – Там же. Д. 30. Л. 62об.– 65об. (цит. л. 62об.).

³ «Суд, по апелляции журналиста Шаброля, против решения Парижского Королевского судилища, в 6-й палате...». – Там же. Л. 26об.–27.

⁴ В черновике «Конституционной хартии, или Установительной грамоты России» сказано:

«§1. О силе сего закона.

1. Эта хартия, определяя коренные, неизменные начала всех прав и обязанностей, составляет основной закон государства, равно обязательный как для монарха, так и для подданных; в следствие чего:

А) Каждый Император при вступлении на престол дает присягу в соблюдении хартии, по форме законов определенной. Отказ в присяге равняется абдикации (от *lat. abdicatio* – отречение. – А.О.) от престола;

В) Подобная присяга требуется: а') от всех чиновников...». – Там же. Л. 37–38об. (цит. л. 37).

⁵ Там же. Л. 66–75об. Набросок статьи об историческом развитии западноевропейской цивилизации, начиная с античных времен, в сравнении с российской цивилизацией. Начинается со слов: «Нам известно, что многие государства древнего мира по нашим понятиям были необыкновенно развращены» (л. 66).

жении веков конституционное правление в Англии и Франции¹. Он подразумевал, что благоприятные условия для проведения кардинальных реформ могут сложиться в России в период крупного народного восстания (даже гражданской войны) – так, как это произошло в середине XVII в. в Англии и в конце XVIII в. во Франции. Император вынужден будет тогда созвать собрание «Государственных Чинов» (подлинных представителей народа, а не обманувших его доверие аристократов), которое Бердяев назвал «Собранием депутатов Империи». (Видимо, имелось в виду что-то вроде двухпалатного парламента – упоминается, например, «камера дворянства»²). В решающий момент «Собрание...» может поддержать оказавшегося в трудной ситуации императора, при этом предложив ему свою программу реформ. Естественно, понадобится лицо, способное изложить на бумаге предложения парламента. Таким лицом, вероятно, и видел себя Бердяев. (Он пишет в отрывке одного из стихотворений: «Есть жалкий пафос у меня...»³). В его бумагах есть черновик обращения к монарху:
«Государь!

Ваши министры считали бы себя недостойными доверия, которым Вы их почтили, и обязанностей, Вами на них возложенных, если бы в настоящих критических обстоятельствах Государства, - они решились сложить [с] себя бремя власти, не представив предварительно Вашему Величеству причины этой решимости, - и условий, при которых они считают себя еще в состоянии быть полезными престолу и отечеству. Выражение решения камеры дворянства ставит Вас в необходимость принять увольнение Ваших министров или распустить Г[осударственные?] Чины. Мы считаем обязанностью изложить наше мнение о настоящем положении дел, - и возвратясь к прошедшему, - ~~представить~~ изложить вкратце всю историю Вашего управления.

Предшествовавшая администрация была верным и правильным орудием аристократической партии. Восстание, - разразившееся против нее в обществе...»[далее текст оборван]⁴.

Можно сказать, что Бердяев был готов (хотя бы в мыслях, но уже находящихся выражение в некоторых словах – в дустишии о «жалком пафосе» есть продолжение: «Я говорю не то, что мыслю»⁵) на самопожертвование, так как понимал: Николай I, скорее всего, решительно откажется от помощи со стороны парламента. В отличие от Карла I и Людовика XVI, он сумеет пресечь любую конституционную попытку. После первого варианта обращения к монарху от имени двухпалатного (следовательно, умеренного) «Собрания...» в деле можно обнаружить более решительное обращение к нему со стороны радикального «Национального собрания» и такой же решительный

¹ Еще будучи студентом 3-го курса юридического факультета Харьковского университета, он написал «Рассуждение» (заголовок выцветшими чернилами на четвертушке листа) «О влиянии состояния внутренней жизни народов – их цивилизации, на характер их внешних сношений, и о проистекающей отсюда важности науки Народного Права». Оно сохранилось в его бумагах. – Там же. Д.32. Л.36–48об. (Л.37 – «Введение. Начало и необходимость обществ; – Право как верховный закон общественной жизни. Л. 40–1. Историческое обозрение степени влияния процесса внутренней народной жизни на внешние отношения народов»). На л. 60–79об., видимо, находим еще один вариант этого сочинения. По крайней мере, об этом позволяет судить продолжающееся деление на главы или разделы. Л. 71 – «2. Логическая причина необходимости влияния внутренней жизни народов на характер их внешних отношений». Л. 74 – «3. Достоинство и важность науки народного права». См. также трактат Бердяева «[Русская народность]. Мысли и замечания», публикуемый в приложении к статье.

² Впрочем, в этом же деле есть и некие «декреты» некоего «Народного собрания» (следовательно, подразумевается однопалатный парламента) под заголовком «Декреты 24 Августа» [год не указан]. – Там же. Д. 30. Л. 50–51. В дальнейшем появится и термин из времен Французской революции конца XVIII в. – «Национальное собрание».

³ Там же. Л. 18. Наброски нескольких стихотворных строф без названия.

⁴ Там же. Л. 34.

⁵ Там же. Л. 18.

отказ императора от всякого сотрудничества с мятежными депутатами. Документ достоин того, чтобы привести его целиком.

«Государь! Обвиняемые Правительством Вашим в «преступных и мятежных видах, мы не хотим оправдываться перед ним, не признаем в нем права на подобные обвинения. Представители народа, ему одному обязаны мы отчетом в наших действиях; его одного признаем нашим общим судьей. Но, прежде, нежели приступим к выполнению великого назначения, возложенного им на нас, нам желательно, чтобы Ваше Величество, как Глава Государства, добровольно приняло участие в наших трудах, в наших усилиях.

Наша привязанность к престолу, к монархии заставляет нас обратить Ваше внимание на ошибки Правительства Вашего, на бездну, которую оно вырывает под Вашими ногами.

Оно предлагает Вашему Величеству употребить против нас насилие, исторгнуть нас из святилища законов и предать в руки палачей. Кроме того, что подобный поступок, противный Вашему сердцу, противный благородным намерениям, очернил бы навсегда Ваше имя, - кто исчислит все его гибельные политические последствия?

Один слух простой, неопределенный об этом ... [*пропуск в тексте*] производит волнение в народе, и какое волнение! Посмотрите на стогны Вашего города, Государь! Улицы покрыты толпами; отчаяние и гнев на всех лицах, граждане, доселе покойные, мирные, требуют оружие с дикими криками. Думает ли Ваше Правительство насилем восстановить порядок? Один выстрел, и реки крови обогрят столицу. Войско принуждено будет сразиться против народа, Русские против Русских.

Положим даже, что победа останется на стороне Вашего Правительства, что народ погибнет, что мы погибнем, - эта победа будет только временная. К тому же, захотите ли Вы, Государь, царствовать на могиле России?

Но ежели сила оружия сокрушится пред героизмом народа, если мятеж превратится в победоносную революцию, если войско не захочет сражаться с своими согражданами, не захочет запятнать отечественное знамя кровью сынов отечества?

Народ не всегда к умеренности побуждается победой. Усилия, употребленные им для ее одержания, произведут раздражение, гибельное для престола. Мы будем не в силах остановить излишества, даже желая того.

Государь! Умоляем Вас подумать, удалить недостойных Вашего доверия советников, удалить войско, угрожающее народу и его представителям, и отвратить от отечества бедствия, могущие его постигнуть, спасти народ и престол!

Проникнутые чувствами своих прав, мы не уступим угрозам, которыми осыпают нас со всех сторон; народ не изменит самому себе. За чем (так в тексте. - А.О.) вызывать опасность?

Мы дали торжественную клятву поддержать монархию, укрепить ее установлениями, сообразными времени и потребностям просвещения нации. Это ли мятеж? Мятеж кровавый, убийственный может вспыхнуть, он вспыхнет, если Ваше Правительство будет искать силы только в оружии и деспотизме.

Но соединитесь с нами, Государь, и вместе чинно и покойно мы займемся [*нрзб.*] великими делами государственного преобразования, устраняя общими силами все беспорядки, обуздывая все анархические и мятежные партии.

В след[ствие] этого депутация требует: 1) отставки министров; 2) распускания войска; 3) прокламации народу о своей готовности поддерживать национальное собрание.

Ответ.

Г[оспо]да! Я созвал Вас как добрый отец для того, чтобы услышать ваши мнения относительно многих предметов государственного управления, чтобы вернее узнать, какими средствами могу я упрочить благосостояние Моего народа. Вы отплатили мне неблагодарностью и изменой; захотели подражать Французским якобинцам; самовластно провозгласили себя судьями моего правительства... Непокорные моей законной воле вы осмелились продолжать свои заседания вопреки моим приказаниям. С тех пор вы не имеете более права наз[ывать] себя представителями народа и ваши требования я не удост[а]иваю ответом. Може-

те удалиться. Обстоятельства покажут вам мою твердую решимость, мою непоколебимую во[лю]»¹.

Итак, Бердяев понимал, что Николай I не допустит конституционных экспериментов в деле управления Империей². Что же делать? Свергать его вооруженным путем? Логика развития событий неизбежно вела автора именно к такому выводу. В его бумагах можно найти косвенные свидетельства того, что Бердяев задумывался над таким вариантом. Среди конституционных проектов и историко-правовых сочинений вдруг встречается дважды переписанное (первый раз – крупным писарским почерком, второй раз – скорописью) на половине листа начало (первые 4 строфы) цареборческого стихотворения А.С. Пушкина «К Чаадаеву» (сам Пушкин озаглавил его «К Чедаяву»), поскольку именно так он называл своего друга).

Любви, надежды, тихой славы
Не долго нежил нас обман;
Исчезли юные забавы
Как дым, как утренний туман³.

При Николае I строфы о «минуток вольности святой» и об «обломках самовластия» не могли быть напечатаны, но стихотворение широко разошлось в списках и даже его лирическое начало о многом говорило читателям. Но если бы только Пушкин! Есть намеки и посильнее. Бердяев пытался переводить (видимо, с французского) отрывки из поэмы знаменитого английского поэта лорда Дж.Г. Байрона «Манфред» (1-я полная публ. – 1817 г.). Как известно, эту поэму называют апофеозом байроновского пессимизма. Литературоведы так определяют ее значение: «Для автора – а, следовательно, и для его аудитории – монументальная фигура Манфреда, его томление духа и несгибаемое богорочество, его отчаянная гордыня и столь же неисцелимая душевная боль явились логическим итогом целой галереи судеб романтических бунтарей, вызванных к жизни пылкой фантазией поэта»⁴. К Байрону в России всегда был повышенный интерес, а в начале XIX в. – особенно, так как бурные события эпохи наполеоновских войн способствовали восприятию этого байроновского пессимизма, заме-

¹ Там же. Л. 36–36об. Дубликат документа см.: там же. Л. 56–56об.

² Представление о гибельности для страны новомодных перемен было глубоким убеждением Николая I. Он, например, писал своему сыну Александру, сообщая ему о том, что приказал восстановить разрушенные в 1812 г. кремлевские церкви и навести порядок в Оружейной палате (там «много вздору и многое, даже корона Мономахова, не под настоящим значением»): «Трудно, однако, [гнать] предрассудки, которые сохранились в общем убеждении и походят на святыни, потрясать, и то в такой век, где и незыблемое потрясается. Наводить сомнения вообще опасно». – Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / Публ. Л.Г. Захаровой и Л.И. Тютюнник. М., 1999. С. 152. № 20. Письмо от 30 июля 1837 г.

³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 214. Д. 30. Л. 17. Стихотворение «К Чедаяву» имеет около 70 вариантов. Рукопись Пушкина не сохранилась, и авторство его иногда оспаривается. Версия, канонизированная пушкинистами, печатается по т.н. копии А.В. Шереметева. Стихотворение часто относят к 1818 г., поскольку оно связано с речью Александра I в польском сейме 15 марта 1818 г. Поэт не доверял либеральным обещаниям царя, не верил он и в мирное введение конституционного правления в России. Стихотворение было напечатано М.А. Бестужевым-Рюминым в 1827 г. в альманахе «Сириус» в виде короткого отрывка (4 строки). Затем он же опубликовал его в альманахе «Северная звезда» в 1829 г., причем также в искаженном виде. Стихи «Товарищ, верь...» и следующие были выпущены. Пушкин выразил недовольство по этому поводу. – К Чедаяву (Пушкин). Материал из Википедии – свободной библиотеки. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/К_Чедаяву_\(Пушкин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/К_Чедаяву_(Пушкин)) (дата обращения: 11.10.2020).

⁴ Все шедевры мировой литературы в кратком изложении. Сюжеты и характеры. Зарубежная литература XIX века / Ред. и сост. В.И. Новиков. М., 1996. // Сайт «Брифли». Манфред. [Электронный ресурс]. URL: <https://briefly.ru/bajron/manfred/> (дата обращения: 11.10.2020).

шанного на вызове судьбе, року и богам. «С самого начала своего знакомства с Байроном Россия начала его переводить. Переводили самозабвенно, переводили восторженно десятки самых разных людей. Переводили гимназисты и генералы от инфантерии, переводили землемеры и присяжные поверенные, служащие лесного и прочих департаментов, чиновники по делам инородцев, инспекторы сиротских домов и императорских училищ, учителя, министры, философы, медики, литераторы. Это были даже не переводы в строгом смысле слова, а восторженные имитации, пересказы, подражания, где текст Байрона претерпевал порой самые фантастические изменения», - писала Н.М. Демурова в послесловии к сборнику сочинений Байрона¹.

В список авторов переводов «Манфреда» надо добавить и Бердяева. Причем он, видимо, стал и первым русским иллюстратором поэмы. В одном из архивных дел есть рисунок чернилами, изображающий (по пояс) мужчину с пышными усами. Сверху слабо заштрихованная надпись чернилами (Манфред?), позволяющая представить, что перед нами главный герой байроновской поэмы². В другом деле сохранился чер-

¹ Демурова Н.М. Послесловие // Джордж Гордон Байрон. Избранное. 2-е изд. М.: Прогресс, 1979 // Сайт «Уроки иностранных языков». О переводах Байрона в России. [Электронный ресурс]. URL: http://imadin12.narod.ru/allarticles/article_18.html (дата обращения: 11.10.2020).

По словам советского литературоведа А.А. Елистратовой, поэма «Манфред» отмечена односторонним всепоглощающим пафосом отчаяния, так же, как и близкая ей по времени создания и по духу поэма «Тьма» (1816). – Елистратова А.А. Наследие английского романтизма и современность. М., 1960. С. 326. У английских поэтов предшествующего поколения творчество Байрона вызывало ужас. В частности, поэт Сэмюэл Роджерс был возмущен его антирелигиозностью и называл собрата по перу «корифеем преисподних сил» («the corifee of the infernal region»). О Роджерсе и о его готовности всех, всегда и везде помирить, даже Байрона с Томасом Муром, посвятившим первую поэму «Лалла-Рук» (1817), - см.: [Сахарова] А. Сэмюэл Роджерс и Александр Дайс: поэт и гражданин // Сайт «Удивительный Лондон. Нетривиальный гид по британской столице». [Электронный ресурс]. URL: <http://curiouslondonguide.com/sjemjujel-rodzhers-i-aleksandr-dajs-pojet-i-grazhdanin/> (дата обращения: 6.11.2020). Но в России отношение к Байрону было совсем другим. В нем видели какого-то заступника и мстителя за всех несчастных и оскорбленных. Гр. М.Д. Бутурлин передает в своих записках рассказ о том, что молодые графини Чернышевы, любившие своего зятя Н.М. Муравьева и его брата А.М. Муравьева, после разгрома декабристского восстания «были (...) в экзальтированном настроении духа (...) они смотрели на опозоренного брата (гр. З.Г. Чернышева. – А.О.) и зятя как на жертвы самодержавного произвола и сочувствовали (без трезвого анализа) идеям, целью которых было, как они воображали, благо отечества. Когда пыл этот немного охладел, то милые мои кузины обратили свой энтузиазм на лорда Байрона (...) Об этом поклонении британскому барду Александр Дмитриевич Чертков (...) говаривал, что у добрых-де людей висит в изголовье икона, а у графинь Чернышевых – портрет лорда Байрона». – Записки Бутурлина. Т. 1. С. 143, 210.

Есть свидетельства того, что эта экзальтация перешла в Россию из Франции. Газета «Северная Пчела» в начале 1829 г. сообщала своим читателям: во второй день нового года представления французского театра открылись водевилем «Лорд*** или Романтические женщины» (Lord***, ou les femmes romantiques). В ней «выведены были на сцену матушка вдова и две дочки, влюбленные *заочно* в Байрона (так в тексте. – А.О.). Им подводят женихов, намекая каждой особо, что суженый ее есть знаменитый Лорд, великий Поэт, и оне выходят замуж, воображая, что будут супругами пиитического идеала. В сей пиесе отличились особенно Г-жа Бра и Г. Мере». – Французский Театр // Северная Пчела. 10 января 1829 г. № 5. С. 3.

Первый перевод стихов Байрона (с французского) вышел в России в 1815 г. Подробнее об этом см.: Тюлина Н.И. Байрон в русской критике, литературоведении и библиографии. Автореф. дис. ... к. филол. н. М., 1954; Тюлина Н.И. Байрон в русской критике и литературоведении // Труды Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Т. 5. М., 1961. С. 269–316.

² ГА РФ. Ф. 109. Оп. 214. Д. 30. Л. 49. На л. 49об. – тот же самый рисунок в зеркальном отображении, прокляенный калькой. Сверху листа черновой текст, перечеркнутый несколькими вертикальными чертами: «Речь Герцога! Г-да Перы (т.е. прзы. – А.О.), Г-да Депутаты! Откровенная Ваше годичное засе-

новик перевода отрывка из поэмы, который начинается со слов: «Я бодрствую... пусть лампа догорит...» и заканчивается словами: «С той бедственной поры»¹. Все же начальные строфы из стихотворения Пушкина и переводы отрывков из «Манфреда» – это единственные косвенные намеки на готовность Бердяева идти до конца в сопротивлении непреклонному императору. Другие документы свидетельствуют о том, что Бердяев мог надеяться на внимание со стороны наследника престола цесаревича великого князя Александра Николаевича, который по слухам, носившимся в русском обществе, был более благосклонен к конституционализму, чем его отец. По крайней мере, один из вариантов своего «Преобразованного Уложения» Бердяев начал так: «Божиею Милостию, Мы, Александр II-ый»². Принятие конституции ознаменует начало нового периода в истории России, когда подданные получат основные гражданские права и свободы. Среди работ Бердяева находим «Рапорт Императору», который начинается со слов: «Государь! Конституционная хартия, принятая Вашим Величеством, дала всем сословиям России права, которых они не имели прежде»³. Если же и будущий император не проявит интереса к конституционным проектам, Бердяев планировал заняться образованием юношества, надеясь получить пост министра народного просвещения, попечителя Харьковского учебного округа⁴ или ректора Харьковского университета⁵. Сохранился черновик его письма императору с выраже-

дание, я считаю первою обязанности своею пригласить Вас к принятию мер, которые... Г-да Перы, Г-да Депутаты!».

¹ Там же. Д. 31. Л. 62. В бумагах Бердяева нашлось и его собственное метафизическое стихотворение (оно единственное – без поэмрок и зачеркиваний), написанное словно в подражание «Манфреду»:

О, ты в пространстве бесконечный

Живый в движеньи вещества

Теченьем времени [нрзб.]

Без лиц в трех лицах Божества. – Там же. Д. 32. Л. 80об.

² Там же. Д. 30. Л. 5–7об.

³ Там же. Л. 60–62 (цит. л. 60).

⁴ Харьковский учебный округ – был создан в 1803 г. в числе первых шести учебных округов. Центральным учреждением округа стал Харьковский университет. Официальным печатным органом был «Циркуляр по Харьковскому учебному округу», издававшийся с 1861 по 1916 г. В XIX в. территориальный состав округа неоднократно менялся, но всегда включал в себя значимые в политическом и экономическом отношении территории. По состоянию на 1845 г., в него входили, кроме Харьковской губ., Орловская губ., Кавказская обл., земли Донских и Черноморских казаков, Одесское градоначальство и др. С 1834 по 1846 г. попечителем округа формально был гр. Ю.А. Головкин, но, так как он почти постоянно жил за границей, в реальности округом руководили его помощники – А.Н. Панин (в 1834–1838 гг.) и А.Н. Цертелев (с 1838 г.). В 1846–1847 гг. обязанности попечителя округа исполнял Литовский и Малороссийский генерал-губернатор генерал от кавалерии кн. Н.А. Долгоруков. По словам барона М.А. Корфа, Долгоруков был человек очень умный и с административными дарованиями, но все его достоинства помрачались, с одной стороны, ужасной ленью, которую нельзя было не приписать отчасти колоссальной его тучности, а с другой, еще ужасной расточительностью. Он перед смертью признался императору в растрате огромной казенной суммы – 43 тыс. руб. Так что «претензии» молодого, образованного и бескорыстного Бердяева (к тому же питомца Харьковского университета) на этот пост не выглядят слишком надуманными. Он сам следующим образом оценивает себя в стихах (стихотворение без названия и не закончено):

Я смолоду стремился к знанью, -

Постигнуть цельный мир хотел, -

Казалось следовал призванью, -

Осуществить свои желанья,

И жаждой истины горел. – ГА РФ. Ф. 109. Оп. 214. Д. 31. Л. 40об.

⁵ В одном из архивных дел есть «Набросок программы заседания университетского комитета» Харьковского университета за 20–22 февраля [год не указан]. – Там же. Д. 30. Л. 24. Датировано: 21 фев-

нием готовности стать министром с перечислением неотложных мер по реформированию этой сферы государственного управления. Вот первый вариант начала письма:

«Государь!

Приняв обязанности, возложенные на меня Вашим Величеством, я считаю первую из них – представить ~~Вам~~ на Ваше усмотрение...» [далее текст оборван и перечеркнут].

Вот второй вариант:

«Государь!

Призванный доверием Вашего Величества к управлению Министерством, которому ~~доверена~~ поручена важнейшая быть может часть Государственной администрации, - народное просвещение, - я считаю первую своею обязанностию, - подвергнуть Вашему благоусмотрению всю совокупность основных начал, - и видов, - в распоряжении? которых должны б[ыть] все частные меры Министерства.

1) Управление подчиненными Министерству ~~заведениями~~ властями;

2) Управление учеными и учебными заведениями;

3) Цензура;

2) Управление учеными и учебными заведениями;

1) Це[нзура?]....»¹.

Понимая, что ситуация в России в середине 1840-х гг. не такова, чтобы он мог надеяться на реализацию и даже на какое-то внимание к своим проектам, Бердяев занялся реорганизацией управления собственным помещьем. Он, видимо, предполагал, что, достигнув успеха в данном деле, он сделает новую систему образцом для реформирования всех дворянских поместий в России. Среди его конституционных проектов – бумаги с различными вариантами устройства сельского управления. (То, что они в хаотическом порядке перемежаются с политико-юридическими сочинениями, доказывает: реорганизация крестьянских учреждений на новых началах представлялась автору не менее важным делом, чем государственное строительство).

Проект разработанной им крестьянской реформы назывался «Учреждение сельского управления». Здесь помещик представлял собой фигуру конституционного монарха в миниатюре, назначающего управителя, определяющего объем его обязанно-

раля [1845 г.?). Здесь же: черновой набросок номеров несуществующей газеты Харьковского университета «Университетский монитор» от 16 до 20 февраля [год не указан]. – Там же. Л. 34об.–35об.

¹ Там же. Л. 24. Письмо оборвано, вероятно, потому что автор увидел – он начинает повторяться. Вообще, лень его характера чувствуется во всем. Он часто сбрасал свои сочинения на половине листа или даже на половине фразы. В наброске одного из стихотворений Бердяев честно признавался:

*В минуту праздности ленивой,
Чтоб как-нибудь себя развлечь,
Я вздумал, как поэт спесивый
Раздеться и с сигарой лечь,
На мягком и простом диване...
И дыма мягкая струя,
Как к Как. – Там же. Л. 32об.*

Но все-таки в мечтах он путешествовал в Петербург и готовился там «задать перцу» столичным воротилам. Вот отрывок одного из его незаконченных стихотворений:

*Однажды из далека,
Приехал в Петербург.*

*Однажды из далёка
В столицу прикатил
Какой-то забияка. – Там же. Л. 18.*

До половины листа идет текст документа, потом наброски стихотворения, перечеркнутые горизонтально и вертикально. Справа нарисован человеческий глаз.

стей и составляющего «сельский совет» (сельсовет) из пятерых крестьян. (Видимо, это первый обнаруженный случай употребления данного термина в русской юридической мысли в досоветский период¹). По идее Бердяева, никто из членов сельсовета не мог быть отстранен от своей должности без суда, т.е. по произволу помещика.

«§1. Сельские власти.

1. Сельские власти: а) управитель; в) правительствующий совет; с) сельский сход.

2. Назначение и смена управителя принадлежат Помещику, который, в то же время, особенной доверенностью определяет степень его власти, пространство и пределы его прав и обязанностей.

§2. Состав сельсовета.

3. Совет состоит из 5 членов, назначенных Помещиками. – Никто из этих членов не отставляется без суда от должности.

4. Совет назначает одного из своих членов председателем².

Впрочем, рассуждения о крестьянской реформе, видимо, навеяли на Бердяева скуку, и он бросил составлять документ, отдавшись любовному чувству. Сразу после «Учреждения сельского управления» в архивном деле лежит черновик письма на французском языке с обращением «Моя дорогая Эмилия!» («Ma chere Emiliè!»)³. Но все же от замыслов своих Бердяев никогда до конца не отказывался, вновь и вновь возвращаясь к занимавшим его сюжетам. В архивном деле имеются хозяйственные

¹ Другой вариант авторского названия этого органа крестьянского самоуправления – совет [старейшин]. – Там же. Л. 30об. Черновик.

² Там же. Л. 22об. Об этом же см.: Там же. Л. 27об. «Учредительная грамота [о сельских властях].»

³ Там же. Л. 23–23об. Такие переходы от «полезного» к «приятному» можно обнаружить и далее. Так, заскучав над текстом политического трактата «История Польской революции и царствования Людовика-Филип[па] до 1836 года» (дело остановилось на гл. 1-й «Причины падения старшей линии [Бурбонов]» с единственным предложением: «Франция в том виде, как ее приняли Бурбоны в 1814 году...»), автор, видимо, вытер перо о лист бумаги (он сморщен и покрыт пятнами от чернил) и взялся за сочинение французского любовного письма к «дорогой, милой Аннетте» («Chere, charmante Annette!»). – Там же. Л. 24об.–26. Гл. X с названием «Конституционное правление во Франции» какого-то трактата (на бумаге осталось начало §1 «Зародыш оного правления в древней монархии (ancient régime) до революции») сменяется набросками карандашом человеческого лица в профиль (лоб, глаз и нос), потом задумкой написать стихотворение «Сигары» (автор, как говорилось выше, любил курить, лежа на диване) и несколькими вариантами большой «Поэмы любви» (далее «Песни Первой» с зачином: «С тех пор, как солнце освещает, / Наш грязный, наш ничтожный мир, (...) / Любовь все души наполняет» дело так и не пошло). – Там же. Л. 32–33 (цит. л. 32).

Бердяев предпринимал попытки создания и прозаических произведений с намерением дать в них психологический портрет идеальной женщины. – Там же. Л. 76–84. Два наброска рассказа «Добротельная женщина». Главная героиня – Лиза Гжельска (Гжельская).

Склонность к классификации и теоретизированию заставила его приняться за «ученый» трактат под названием «Физиология любви». Впрочем, задача или оказалась автору не по силам, или слишком быстро вызвала скуку и заставила перейти к вычерчиванию планов усадебного дома. На бумаге остался следующий набросок:

«§1. Введение.

Я избираю предмет опасный. Я сам ужасаюсь предпринятого дела (...) [Внизу листа в середине мужской портрет с большими выразительными глазами, курчавыми бакенбардами и капризно опущенными губами. Ниже – два плана какого-то здания.]

Глава первая. Что такое любовь?

1.

Исследуя какой-нибудь предмет, прежде всего нужно определить его. Что же такое любовь? Кто поверит, что [нрзб.] людей не согласны...». [Больше на листе текста нет, а в середине и внизу листа по центру нарисованы два плана здания.] – Там же. Д. 32. Л. 95–102 (цит. л. 95–95об.).

бумаги по управлению именем, оформленные как приказы Бердяева по разным отраслям управления – волостному сходу, отделению хозяйственных распоряжений, департаменту казначейства, отделению департаментских сношений, Совету прикащиков (так!) и др. Волостной сход, по мысли Бердяева, имел бы право апеллировать к высшим судебным властям о незаконности указов императора! В черновом наброске судебного решения («Апелляционное судилище. Гражданская палата. № 131»), сказано: «Суд, по жалобе Волостного схода о незаконности Высочайшего приказа от 11 Сентября; - преимущественно же ст. 2-й сего приказа; Выслушав комиссионеров (так в тексте. – А.О.) схода в их различных заключениях...» [далее текст оборван]¹.

То, что программа крестьянской реформы не осталась только на бумаге, но была в какой-то степени воплощена в жизнь в с. Непокрытое, доказывает еще один документ – «Решение [совета старейшин от] 25 Июля [1846 г.], № 114». В нем говорилось о крестьянских недоимках и об отрешении от должности Алексея Шебунина, потерявшего доверие управляющего. (Не Шебунин ли из-за этого донес на своего барина?) Завершалось решение словами: «Дано за мою подписью и за приложением герба моей печати в Харькове 1846 года Сентября 1-го Дня. – Помещик Аркадий Васильев[ич] [Бердяев]». Коллегиальность принятого решения подчеркнута необычным заверением документа: «В Особенной Его Высочайшей Канцелярии. Управляющий Канцелярией: Степан Щелков»². Показательно, что реформа помещного управления базировалась на принципе, уловленном Бердяевым в духе времени. Иногда он записывал свои афоризмы под заголовком «Мысли и замечания». Вот один из таких афоризмов: «Демократия составляет, кажется, так точно действительную потребность нашего века, как она (слово «она» повторено в тексте дважды. – А.О.) составляла любимую мечту прошлого столетия»³.

¹ Там же. Д. 31. Л. 43–48об. (цит. л. 43).

² Там же. Д. 30. Л. 28–30. Помещик не просто отрешал от должностей своих ставленников – представителей помещного управления, но, вызывая их к себе, стыдил и требовал письменного признания вины. На первом листе статьи «Сущность Гражданского права...» (видимо, Бердяев схватил со стола попавшуюся ему под руку бумагу и в раздражении сунул ее провинившемуся) сделана надпись чернилами крупным неумелым почерком: «Я нечаян[н]о выселил и ... [нрзб.] нишаго чиловека». – Там же. Д. 31. Л. 1. В разных местах этого полулиста чернилами нарисованы четыре маленьких глаза. Позволю себе вообразить, как, поговорив с возмущившим его негодяем, помещик в раздражении рисует эти глаза и совсем не либерально твердит сам себе: «Следить за ними, чертями, строже надо!».

³ Там же. Д. 32. Л. 49–56 (цит. л. 49). Демократизм Бердяева был выражен и в стихотворной форме. Прочитируем два варианта черновика политического стихотворения без названия:

*Века текли своей чредою...
Безмол[в]ствовал народ смиренный
И тяжким игом удрученный,
Привык себя считать толпой,
И гордые земли владыки,
Забыли общее родство,
Забыв, что все от одного
Родились
Страданью, бедствиям обреченной
Страданью, бедствиям обреченной
И стадом гордого владыки...*

– Там же. Л. 58об. От слов «И гордые земли владыки» до слова «Родились» строфы перечеркнуты.

*Века текли своей чредой...
Безмол[в]ствовал народ смиренный,
И тяжким игом удрученный,
Привык себя считать толпой, ...*

Наброски стихотворений Бердяева (всегда очень слабых с поэтической точки зрения) на общественно-политические темы показывают, что он относился критично к активно пропагандируемым правящими кругами Англии и Франции в преддверии европейских революций 1848–1849 гг. идеям широкой частной благотворительности правящих классов по отношению к трудящимся и неимущим слоям населения. (Эти идеи получили распространение и в России.) Вот один из таких набросков:

Ограбив тысячи несчастных
Мы можем долю их убрать [?]
И нашим жертвам подаянье

Ограбив

Его ограбив без вниманья,
И запретив ему дышать
Мы нашим жертвам подаянье, -
Не можем ли под час бросать?

И можем ли благотворенье,
В систему гордо превратить, -
Чтобы нагое преступленье,
Приличья маскою покрыть?¹

Конституционные проекты Бердяева после его ареста и ссылки канули в Лету. После возвращения из Симбирска он, насколько известно, не пытался возобновить деятельность по их развитию и воплощению в жизнь даже после прихода к власти Александра II. Однако то, что либеральные идеи, заимствованные из арсенала английской и французской политико-юридической мысли, не были фантазией скужающего от безделья помещика-одиночки, но интересовали многих образованных русских, учившихся в университетах при Александре I², доказывает, в частности, роман французского легитимиста Поля де Жюльвекура «Русские в Париже» (1843). В нем он изображает русских как светских господ и дам, без труда находящих общий язык с

*Животных жажду покорность
Страданья, муки и презренье,
Он все с терпением сносил, ...
Родство свое он позабыл. ...
С людьми, которым их рожденье,
Судьбы*

*Иль жребия пустой каприз,
Его судьбу судьбу на век вручили. – Там же. Л. 59.*

¹ Там же. Д. 30. Л. 3. Набросок стихотворения на осьмушке листа.

² Русский и американский историк Г.В. Вернадский в своем учебнике «Очерк истории права Русского государства XVIII–XIX вв.» (1-я публ. – Прага, 1924) оценивал проекты реформ Александра I как гораздо более значительные, чем проекты реформ Александра II. Последние, по его словам, «были весьма осторожны и умеренны, далеко не достигая конституционного размаха правительственных проектов эпохи Александра I. Проекты эпохи Александра II говорят, собственно, не о принципиальных изменениях в устройстве верховной власти, а лишь о представительных комиссиях при законосовещательном Государственном совете. Осуществлением этих проектов вносились бы не принципиальные, а только технические изменения в конструкцию некоторых государственных учреждений. Разумеется, сила времени и обстоятельств могла бы легко затем привести к тому, чтобы эти реформы технические получили бы принципиальное значение». – Вернадский Г.В. Очерк истории права Русского государства XVIII–XIX вв. (Период империи) / Предисл. А.С. Сенина. [2-е изд.]. М., 1998. С.39. Это обстоятельство могло также охладить желание Бердяева после воцарения Александра II вновь взяться за перо, если даже такое желание у него и было.

господами и дамами французскими. Описывая склонность русских аристократов сорить деньгами, автор заключает: «Русские 1840 года – все равно что англичане года 1820-го». Жюльвекур обращает внимание и на острые политические споры, которые ведут между собой русские консерваторы и русские либералы. Один из героев романа (благонамеренный граф Русников) утверждает, что в России больше свободы, чем во Франции («Мы свободны делать и говорить что угодно, если только наши речи не оскорбляют правительство, а поступки не способствуют его свержению»). Тезисы Русникова оспаривает «русский европеец» с говорящей фамилией Болтунов. Он выведен в романе как горячий поклонник либеральной Франции¹.

Можно ли назвать самого Бердяева Болтуновым или, используя гоголевский образ, Маниловым? Да, конечно, в николаевской России его идеи были принципиально нереализуемы. Но все-таки будущее показало, что они могут быть востребованы и в какой-то мере реализованы при реформировании государственного устройства Империи. Поскольку реформирование неизбежно происходило с учетом опыта конституционных государств Западной Европы (прежде всего, Англии и Франции), рецепция политико-юридического наследия этих стран была принципиально важна для России. При анализе архивных документов мы видим, что Бердяев демонстрирует адекватное восприятие данного наследия, хорошо видит «плюсы» и «минусы» западных достижений, не игнорируя проблему цены, которую народы за них заплатили².

Обратим внимание на еще один важный момент. Английский и французский опыт настолько богат и разнообразен, что любой человек может найти в нем обоснование любой идеи, революционной или эволюционной³. С одной стороны, английская правовая традиция демонстрирует тенденцию к формированию системы сдержек и противовесов. С другой – есть Байрон и французские романтики с их призывами к яростной борьбе с судьбой. Что выбрать? Но ведь самое главное – то, что есть этот выбор. Иностраный опыт дает русскому автору прекрасную возможность осмыслить

¹ П. де Жюльвекур (1807–1845) семь лет (с 1834 по 1841 г.) прожил в России и женился здесь на русской – Л.Н. Кожинной (урожд. Всеволожской). О нем подробнее см.: Мильчина В.[А.] «Французы полезные и вредные»: надзор за иностранцами в России при Николае I. М., 2017. С. 353–368.

² См. его трактат «О конституционной представительной монархии». «Глава 1-ая. Исторический взгляд на ее развитие. §1. Почему этот образ правления не существовал и не мог существовать в древности». Трактат обрывается на полуслове. – ГА РФ. Ф. 109. Оп. 214. Д. 32. Л. 1–5об.

³ Вот отрывок из какого-то (не имеющего названия, возможно, это продолжение статьи «Русская народность» – см.: там же. Л. 15) сочинения Бердяева с рассуждениями о постоянном перерождении характера управления в европейских государствах, изменении нравов и национальных особенностей их жителей. «Таким же образом и настоящие (т.е. нынешние. – А.О.) англичане не похожи на первоначальных обитателей своего туманного острова, на этих диких Бретонов, Пиктов, Скот[т]ов, смешавшихся с Римлянами, и Англосаксами, и Франками, и с Норман[н]ами. Надобно заметить, впрочем, что Англия – страна старины; что в ней древние установления, законы и обычаи пользуются наибольшим уважением; следы их сохранились действительно и в характере народа и в его учреждениях. При всем том, если мы сравним Англию времен Генриха VIII-ого, или даже Якова I-ого, с Англией Королевы Виктории, мы увидим дв[а] различных Государства.

И если мы не обвиняем Французов за то, что они перестали быть Гал[л]ами или Франками; Немцев за то, что они не похожи на Кимвров и тевтонов, или на рыцарей средних веков, Англичан за то, что между ними нет более сподвижников Вильгельма Завоевателя, – желать ли нам, чтобы Русские XIX-ого столетия были копией Славян XI-ого века или Московичей (так в тексте. – А.О.) времен Иоа[н]на Грозного?

Не ясно ли, что образованность есть достоинство обще-человеческое (так в тексте. – А.О.), а не достоинство того или другого народа; что немец, француз, русский, англичанин имеют равное право быть людьми просвещенными, смотреть на вещи здраво, и смеяться над заблуждениями невежд?». – Там же. Л. 92–92об.

разные варианты реформирования государства – от вооруженного восстания и царевубийства до проведения представителями высшей власти легальных реформ¹. Характерно, что Бердяев, сознательно отказавшись, в т.ч. и на основании западного опыта, от первого варианта, большую часть внимания посвящает изучению возможностей, предоставляемых русским конституционалистами вторым вариантом, но не исключает, что, возможно, придется в этом деле отойти на важную запасную позицию педагогической деятельности². Хотя и второй вариант им не забыт и реформирование системы управления собственным помещьем доказывает, при всей его лености и неспособности к последовательной деятельности, желание реализовать на практике те элементы западного опыта, которые представлялись ему приемлемыми в русских условиях.

А.В. Бердяев. Автопортрет.

Перо, чернила, тушь. 1840-е гг. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 214. Д. 30. Л. 18об.

¹ Широту взглядов Бердяева подчеркивает то, что в одном из архивных дел вместе лежат две его статьи на разные общественно-политические темы – «Дух Карамзина» и «Секта сен-симонистов. Ее источники. Происхождение, развитие, главное учение и уклад». – Там же. Д. 33. Л. 1–8об., 18–21об.

Между этими трактатами лежит статья «Мейер в Харькове» о гастролях знаменитого австрийского пианиста-виртуоза Леопольда Элдера фон Мейера (1816–1883) в этом городе во время его русского турне 1840 г. – Там же. Л. 9–16. Статья, видимо, осталась неопубликованной. О восторге публики на концертах Мейера можно судить по восхищенному отзыву американского поэта Генри Лонгфелло, видевшего Мейера во время его посещения США в 1845–1847 гг.: «Изумительный исполнитель, набрасывающийся на клавиши, словно врывающийся в чащу лев, и стряхивающий ноты с рук, словно капли воды» (A wonderful performer, pouncing on the keys like a lion on the reeds of a jungle; and shaking the notes from his paws like drops of water). – Life of Henry Wadsworth Longfellow, with Extracts from His Journals and Correspondence / Ed. by Samuel Longfellow. Vols. 1–3. Boston: Houghton, Mifflin, 1891. (Reprint: N.Y., 1969. Vol. 2. P. 60).

² При определении собственной концепции реформирования системы народного просвещения в России Бердяев видел, что ментально объединяет русских и западноевропейцев (см. его трактат «Христианство» – там же. Д. 32. Л. 24об.–30) и что их разъединяет. Последнему обстоятельству он посвятил начало статьи «Русская народность»: «Нельзя без глубокого сожаления смотреть на нашу современную образованность. Но образованы ли мы? Вот вопрос, разрешение которого довольно нелегко. Положим, что мы образованы; назовем образованностию сбор различного рода сведений, та...» [текст оборван на полуслове]. – Там же. Л. 15. Потом обсуждение проблемы продолжилось в тексте под заголовком «Мысли и замечания» (публикуется полностью в Приложении к настоящей статье).

Приложение¹

[Русская народность].

Мысли и замечания

Октябрь и Ноябрь [1841/1845 г.?)

1.

Отчего мы ничего не создаем? Отчего мы не развиваем никакой великой человеческой мысли? Оттого, что не имеем самостоятельной цивилизации. Западна[я] Европа так далеко ушла от нас, что каждое новое произведение наше было бы повторением произведений Западной Европы давно забытых. Если бы мы вздумали развивать современные идеи, мы бы делали только переводы. У нас много образованных людей, людей, как говорят, с Европейскими идеями; но их образованность чужая, не национальная.

Они только по имени Русские. По уму, по идеям, они Испанцы, Французы или Англичане. Наша литература, в особенности наша ученость не имеют прошедшего; могут ли они иметь настоящее? Не изучив иностранных языков, мы не можем быть людьми образованными, не можем стать в уровень с веком. Поставив себя в уровень с веком с помощью иностранной образованности, мы не имеем возможность (так в тексте. – А.О.) примирить ее с нашою народностью, и нашим общественным и политическим состоянием. Какие идеи, созревшие под небом Западной Европы, под влиянием переворотов и преобразований, не имевших места в нашей истории, какие идеи можем мы перенести на нашу почву? Она не оплодотворит их; она отвергнет их как силу враждебную. Наше политическое, общественное, нравственное и религиозное состояние таково, что идеи и верования XI-ого или XII-ого столетия пристали бы к нам гораздо более ~~лучше~~, нежели идеи и верования XIX-ого столетия. Последние, если бы они осмелились обнаружиться, должны были бы или тотчас же погибнуть, или произвести страшный хаос, разрушить всю нашу историю. Вот почему я полагаю, что мир идей для нас недоступен. Нам возможен только мир формы, и в самом деле, формальность – это наше божество. В науке она исключила всякую философию; в литературе убила мысль, в практической жизни нашего общества соделалась законом; в нашей юридической жизни заменила закон.

Петр Великий был действительно гений, единственный в целой истории человечества. Он предпринял дело, быть может, превышавшее всякие человеческие силы. Он захотел один, своей волей, дать блистательное опровержение целой истории народа, занимающего почти 1/3-ью часть земного шара. Его проницательный взор тотчас проникнул превосходство образованности; он вздумал вдохнуть ее в сердце народа невежественного, как искру жизни в мертвый труп.

И что же? Никто не понял истинного величия Петра. Некоторые и до сих пор представляют его врагом Русской народности, слепым приверженцем Немцев и Французов. Другие думают оправдать его, сжав его исполинские намерения в тесную раму самых ограниченных² идей. Устрялов³, например, назвав Петра гением, героем, творцом, заключает: Петр разрушил Государство Московское, и создал Россию. Нет, Г-н Устрялов, Петр сделал более; Россия до него существовала; но существовала как Государство Азиатское; Петр же хотел сделать из нее Государство Европейское, захотел разрушить все следы влияния Византии, и

¹ Там же. Л. 16–24. Текст написан на полулистах желтоватой бумаги с отдельными исправлениями и зачеркиваниями.

² Слово «ограниченных» вставлено поверх текста.

³ Н.Г. Устрялов (1805–1870) – историк, археограф, педагог, профессор русской истории Петербургского университета, декан историко-филологического факультета Петербургского университета (1839–1855 гг.), автор гимназических учебников. Здесь Бердяев, вероятно, имеет в виду его «Русскую историю», выходящую в пяти частях в 1837–1841 гг.

владычества Татар. Вот его подвиг! Собственно говоря, он не разрушал нашей Народности; у нас ее не было. Наши нравы, наши верования, наши законы, наш образ жизни были подарком варваров; они передали нам их вместе с своим кнутом в то время, когда мы были их рабами, а они нашими властителями. Русская народность потерпела первый удар в X-ом столетии, связь с Византией насильственно отдвинула (так в тексте. – А.О.) нас от Запада; последний и окончательный удар нанесен ей был в XIV-ом столетии ордою Чингис-Хана (так в тексте. – А.О.). После того мы не жили более: мы прозябали без мысли, без образованности. Что сделал Петр? Он вздумал заставить нас жить.

Когда мне говорят с энтузиазмом о городах, им построенных, о законах, им созданных, о победах, им одержанных, я удивляюсь, как подобные из его подвигов могут обращать на себя столько внимания, как они могут возбуждать энтузиазм. Построение городов, введение в Государство порядка и законов, все административные улучшения и успехи могли бы прославить царствование человека обыкновенного. Но когда дело идет о Петре, эти подвиги составляют только¹ побочную, самую ничтожную часть его славы. Надобно удивляться его общей цели; надобно удивляться могуществу воли, с которым он ее преследовал; надобно удивляться исполнскому величию всей совокупности его подвигов.

Да! Петр любил Немцев, Французов, Англичан, потому что они чувствовали. Что, если бы не Византия и не орда, мы были бы сами, по своим идеям, Немцами, Французами, Англичанами, т.е. что мы имели бы народность Европейскую.

Петр не мог всего сделать. Довольно того, что он нанес первый смелый удар нашим предрассудкам, нашему невежеству. Довольно того, что он сказал нам: если вы не хотите быть Татарами, будьте Европейцами. Оставьте этот жалкий призрак ложной народности для того, чтобы получить [*нрзб.*] благо цивилизации не только Европейской, но и общечеловеческой (так в тексте. – А.О.).

Благодаря Петру, мы усвоили себе формы Европейской жизни. Екатерина (так в тексте. – А.О.) II-ая поняла мысль своего великого предшественника. Она не имела ни его гения; ни его могучей воли; но обладала, однако же, умом обширным, образованностию и характером твердым. Она увидела, что преобразование Петра было бы слишком ничтожно, если бы оно ограничилось изменением одних внешних форм. Не для того Петр боролся со всеми семейными привязанностями, не для того пренебрег всеми опасностями, не для того преодолел все препятствия, не для того пролил реки крови, чтобы обрить нам бороды, чтобы одеть на нас Немецкие кафтаны, чтобы заставить нас ездить в ассамблеи, а для того, чтобы сделать нас людьми образованными.

Екатерина решилась продолжить начатое, решилась усваивать (так в тексте. – А.О.) своему народу более и более идеи Европейские. Царица самодержавная, она не побоялась сблизиться с великими философами, терпевшими преследования со стороны других Правительств. Вольтеры, Дидеро, Гельвеции, Д'аламберты (так в тексте. – А.О.) были ее друзьями. Их теории мелькнули в ее законодательстве. Их сочинения, сжигаемые в других Государствах, были распространяемы в России Екатериной. Она на свой счет переводила их на Русский язык, чтобы сделать их доступными большей части общества. Официальные действия Екатерины были действиями бессмертными.

Россия плохо воспользовалась великими предначертаниями Петра и Екатерины; она слишком скоро была остановлена в своем сближении с Западом, у которого она успела только заимствовать внешний блеск, частную образованность, порядок. До Петра мы презирали иностранцев, не зная их; Петр познакомил нас с ними, и мы начали презирать самих себя. Вместо того, чтобы в порывах народной гордости, увидев (так в тексте. – А.О.) нравственное превосходство других народов, стараться сравниться с ними в образовании, мы потеряли доверие к себе. Наш язык был изгнан из нашего общества; довольно было носить иностранное имя, чтобы видеть везде прекрасный прием; иностранцы самые жалкие, самые ничтожные, вошли толпами в наши дома; мы доверили им воспитание своих детей. Сколько Француз-

¹ Слово «только» вставлено вверху текста.

ских сапожников, поваров, негодяев сделались у нас гувернерами. Так была понята великая мысль Петра! Такое смешное приложение получили его гениальные планы.

Русские не поняли, что, если Петр делал иностранцев своими министрами, генералами, советниками, это не потому, чтобы он имел к ним особенное влечение, не потому, чтобы смотрел на них как [на] людей с высшей природой и организмом, а потому, что они были образованнее нас. Непобедимое невежество заставляло наших бояр смотреть на действия Петра с ненавистью в сердце; непобедимое раболепие заставляло их слепо подражать двору. Видя вокруг Императора Немцев, Французов, Англичан, они привыкли считать каждого иностранца полубогом, как прежде считали его получеловеком, и это продолжалось весьма долго. Еще при Александре иностранцы были у нас в большой чести; все бесчинства им позволялись. И в наше время язык Русский почти не употребляется в высшем кругу.

ГРАНИЦЫ «НИКОЛАЕВСКОЙ» МОДЕРНИЗАЦИИ: «ЗАКОННОСТЬ» И ПРАКТИКА ПОДАЧИ ПРОШЕНИЙ МОСКОВСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ (1840–1855 гг.)

В последнее время в литературе, посвященной эпохе Николая I, стали преобладать более умеренные оценки. Работы Брюса Линкольна и, в особенности, Ричарда Уортмана продемонстрировали, как внутри самой николаевской системы создавались условия для «Великих реформ»¹. В ходе николаевского царствования росло количество образованных чиновников на государственной службе, появилась когорта «просвещенных» или «либеральных» бюрократов, предпринимались попытки решить крестьянский вопрос, в будущем послужившие основой для реформы 1861 г.² Ревизии, новые бюрократические формы, надзор III Отделения – все это должно было укрепить дисциплину, а систематизация законодательства – водворить порядок и «законность» на местах³. Отчасти это выглядит как возврат к более умеренным дореволюционным оценкам. Так А.А. Корнилов в своем курсе русской истории XIX в. подвел итог царствования следующим образом: «Правительственная система императора Николая была одной из самых последовательных попыток осуществления идей просвещенного абсолютизма...»⁴.

Несмотря на это, многие современники оставили воспоминания о николаевском времени как о годах чиновничьего произвола и коррупции⁵. Среди генерал-губернаторов николаевского царствования – московский генерал-губернатор А.А. Закревский (1848–1859 гг.), чье правление пришлось на «мрачное семилетие», выделяется своей незавидной репутацией. Очевидцы запомнили его «олицетворением всей наглости, грубой, невежественной и ничем не сдержанной власти»⁶. Однако в некоторых мемуарах, в частности – чиновников канцелярии генерал-губернатора, можно встретить и другие оценки деятельности последнего николаевского «главного начальника Москвы». В их историях генерал-губернаторский «произвол» в частных делах, в обход «законных путей», представляется не так однозначно. Так А.Г. Казначеев, хотя и держался о начальнике нелестного мнения, в своих воспоминаниях о Закревском сообщал: «В самый разгар бесправия, взяточничества и бессудия под влиянием господствовавшего тогда в правительственных сферах желания противодействовать обаянию на общество европейских событий 1848 г., он в силу своих полномочий творил суд и расправу и по уголовным и гражданским делам, принуждая недобросовестных удов-

¹ Lincoln. W.B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb, 1982; Уортман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004; Ружицкая И.В. «Просвещенная бюрократия». 1800–1860-е гг. М., 2009.

² Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствовании императора Николая I М.; СПб., 2015.

³ Borisova T. The Digest of Laws of the Russian Empire: The Phenomenon of Autocratic Legality // Law and History Review. Vol. 30. №3. P. 901–925.

⁴ Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. Т. 2. М., 1918. С. 112–113.

⁵ См. собрание мемуарных воспоминаний о губернской администрации правления Николая I – Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 143–151.

⁶ Чичерин Б.Н. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 78; Иванов В.А. Деятельность губернаторов центра России 50–60-х гг. XIX в. в освещении мемуаристов // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сборник статей. М., 1989. С. 180–209.

летворить обобранных ими лиц»¹. Эти оценки требуют более внимательного анализа деятельности московских генерал-губернаторов, в т.ч. их работы с прошениями.

На генерал-губернатора Москвы, облеченного «особым доверием императора» были возложены широкие обязанности по надзору за соблюдением «законности» и оказанию «защиты и покровительства» населению². Он принимал жалобы на «неправильные действия» должностных лиц, например, жалобы на действия полиции и, таким образом, должен был отчасти отвечать за правильную работу правительственного механизма. Несмотря на указание учреждения о том, что наместник «не судья», он принимал участие и в частных делах о взысканиях, семейных неудовольствиях, трудовых конфликтах, где формально выступал посредником, используя свое «нравственное влияние»³.

Для подачи жалобы проситель дождался аудиенции у генерал-губернатора, а после предварительного одобрения подавал ее в письменном виде. То, что разница между устной и письменной версией существовала, подчеркивает распоряжение генерал-губернатора Закревского: «усмотрено мною, что просьбы подаются ко мне без соблюдения установленных законом правил и притом лица, приходящие с таковыми просьбами, объясняют словесно обстоятельства их дел не сходно или даже совершенно противно тому, что написано в их прошениях»⁴. Ряд резолюций генерал-губернатора содержит прямые ссылки на устные объяснения с просителем⁵. Подобное общение с просителем позволяло генерал-губернатору, в некоторых случаях, составить собственное представление о деле просителя. Так, рабочие Николаевской железной дороги были найдены им в «весьма изнуренном положении», что, вероятно, способствовало активному участию генерал-губернатора в деле на их стороне⁶.

Генерал-губернаторские резолюции на прошениях «сообразить и доложить» подчеркивают неофициальную роль его канцелярии в решении судьбы прошения⁷. Это неудивительно, поскольку генерал-губернаторы, как правило, были людьми военными, чей предшествующий опыт службы заключался в штабной работе или командовании армейским корпусом⁸. Подобные «соображения» и доклады, как правило, не отражались в делопроизводственных материалах. Сохранившиеся в делах записки канцелярии не претендуют на анализ ситуаций или правильную юридическую справку, а представляют собой краткое описание «фактов», внесенных на рассмотрение начальника. Эта внешне беспристрастная исполнительность канцелярии могла скрывать тайную ангажированность: характерно изложение полицейского рапорта, подготов-

¹ Казначеев А.Г. Между строками одного формулярного списка 1823–1881 гг. // Русская старина. 1881. Т. 32. № 6. С. 821.

² ПСЗ РИ. Отд. 1-е. № 14392; ПСЗ РИ. Отд. 2-е. № 27293.

³ См., напр., отчет генерал-губернатора В.А. Долгорукова – ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 225. Д. 1074. Л. 50–50об.; Л. 98–99.

⁴ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 15 Д. 701. Л. 2.

⁵ См., напр.: ЦГАМ Ф. 16. Оп. 13. Д. 938. Л. 1; Ф. 16. Оп. 17. Д. 478. Л. 1.

⁶ Рабочее движение в России в XIX в. Т. I. 1800–1860. Волнения крепостных и вольнонаемных рабочих: сборник документов и материалов. М., 1951. С. 771.

⁷ См., напр.: ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 1219. Л. 4; Ф. 16. Оп. 37. Д. 149. Л. 7; Ф. 16. Оп. 15. Д. 316. Л. 4.

⁸ До генерал-губернаторства кн. Д.В. Голицын командовал 2-м пехотным корпусом. Тем же корпусом впоследствии командовал кн. А.Г. Щербатов. Похожий опыт имел генерал-губернатор П.А. Тучков (1859–1864 гг.), до генерал-губернаторства командовавший отдельным армейским корпусом. На этом фоне выделяется гр. Закревский, сделавший более канцелярско-штабную воинскую карьеру как дежурный генерал Главного штаба, ставший сначала финляндским генерал-губернатором, а позже – министром внутренних дел и после возвращения из отставки – московским генерал-губернатором.

ленное канцелярией по делу мещанина Зендрикова, хотя оно является только пере-сказом рапорта обер-полицмейстера; опуская подробности, записка скрывает ряд внутренних противоречий в оригинальном документе, что привело к отказу просителю¹. Примечательно сравнение этих описательных записок с образцами юридического анализа дела, созданными для Петербургской управы благочиния². Подобная технология работы значительно осложняла задачу по осуществлению надзора за деятельностью должностных лиц, прибегающих в своих рапортах к различным хитростям, - таким, как сообщение избыточной информации, сокрытие ключевых фактов, дискредитация жалобщика. Даже при благоприятных обстоятельствах генерал-губернатор мог колебаться в решении. Так, в деле купца Ивана Плигина, хотя Управа благочиния косвенно подтвердила часть жалобы Плигина и свою грубую юридическую ошибку, генерал-губернатор уклонился от вмешательства и оставил дело на усмотрение судебного места³. В то же время, нужно признать, что даже когда после назначенного генерал-губернатором следствия чиновников полиции отдавали под суд, например – за пытки арестантов, уголовная палата могла все же избавить их от ответственности⁴.

Больше свободы генерал-губернатор получал, выступая в роли посредника в частных делах. Граф Закревский отчитывался, что за год рассмотрел 136 дел на общую сумму 282 тыс. руб., из которых «разрешил» дела на сумму в 104 тыс. руб., остальные были переданы на рассмотрение судов⁵. Среди этих исков важную роль играли трудовые конфликты рабочих и хозяев. «Рабочему народу была дана возможность являться со всякими жалобами на хозяев прямо в генерал-губернаторскую канцелярию; вследствие этого в среде рабочих возникло возбуждение и они при всяких недоразумениях, ранее прекращавшихся домашним образом, стали обращаться к хозяевам с угрозами, что пойдут жаловаться "граху" (как они называли Закревского); престиж хозяйской власти был поколеблен совершенно...», - сокрушался младший современник графа Н.А. Найденов⁶. Принимая жалобы рабочих, генерал-губернатор заменял собой нижние судебные инстанции и восполнял недостаточность законодательства. При подобных разбирательствах он официально полагался на свое «нравственное влияние», а также, согласно мемуарам, на брань и угрозу административного ареста и ссылки⁷.

В рамках этой посреднической деятельности, особенно в делах семейных, генерал-губернатор мог действовать параллельно законодательству. Так, в деле Анны Синцовой он потребовал от ее сожителя купца Прокшина, к тому же не живущего со своей законной женой, «отпустить» Синцову и назначить содержание своим незаконнорожденным детям, о чем Прокшин после личной встречи с генерал-губернатором дал подписку⁸. Материалы просительного делопроизводства обнаруживают и то, что де-факто в Московской губернии существовала практика выдачи супругам докумен-

¹ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 15. Д. 316. Л. 1–10об.

² ПСЗ РИ. Отд. 2-е. № 16369.

³ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 14. Д. 1619. Л. 7.

⁴ См. два примера: ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 12. Д. 345. Л. 2–3; Ф. 1650. Оп. 1. Д. 11 Л. 1–14.

⁵ ОР РНБ. Ф. 379. Оп. 736. Д. 22. Л. 12.

⁶ Найденов Н.А. Воспоминания о виденном, слышаном и испытанном. М., 1903. С. 89; см. также: Рабочее движение в России в XIX в. Т. I. 1800–1860; Волнения крепостных и вольнонаемных рабочих: сборник документов и материалов. М., 1951. С. 773.

⁷ Друцкой-Соколинский Д.В. Из моих воспоминаний // Русский архив. 1901. Кн. 1. № 4. С. 675; Найденов Н.А. Воспоминания о виденном, слышаном и испытанном. М., 1903. С. 97–99.

⁸ Весьма показательное полное отсутствие использования законов при производстве дела, решенного также без привлечения духовных властей. См.: ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 15. Д. 515. Л. 1–3об.

тов на отдельное проживание в определенных ситуациях, которая не встречала возражений и со стороны генерал-губернатора¹. Подобные документы были запрещены мнением Государственного совета от 26 марта 1819 г. и Сводом законов Российской империи, настаивавшим на неразделении супругов².

Данный краткий обзор просительного делопроизводства московских генерал-губернаторов подчеркивает важность исследования конкретной практики для реконструкции истории XIX в., а также актуальность альтернативных теорий о юридическом быте Империи³. В пике николаевскому проекту систематизации законодательства и бюрократической централизации управления генерал-губернатор продолжал во многом полагаться на «усмотрение» и «нравственный авторитет», конкурируя с буксующими законными институтами. В ряде дел он мог действовать «прогрессивнее» законодательства, перехватывая инициативу, например, в области семейных отношений, а его опыт работы в разрешении трудовых конфликтов способствовал тому, что московская администрация в дореформенное время стала одним из инициаторов рабочего законодательства Российской империи⁴. Можно заметить, что «произвол» генерал-губернатора и грубость его «посредничества», архаичная власть его канцелярии в определенном смысле компенсировали жесткость законодательства в ряде вопросов, а также исправляли неудовлетворительные результаты работы официальных учреждений и устраняли некоторые явные недостатки сверхцентрализованной административной системы николаевского времени.

¹ См., напр.: ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 12. Д. 845. Л. 8, 9.

² ПСЗ РИ. Отд. 1-е. № 27737; ПСЗ РИ. Отд. 2-е. № 23906.

³ См., напр.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 187–306.

⁴ Туган-Барановский М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1997. С. 208–212, 214–218.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МАРКИЗА АСТОЛЬФА ДЕ КЮСТИНА

С начала XVIII в. в сознании французов боролись два взгляда на Россию: одни видели в ней молодую динамичную нацию с просвещенным монархом на троне, другие смотрели на нее как на средоточие разрушительного деспотизма, который представлял опасность для соседей. Последние страшились российского «похода» против Европы. Царство порядка или «империя кнута» – такой изображали Россию участники французских политических дискуссий 1830-х гг., печатавшиеся в тех газетах, из которых путешественник и публицист маркиз Астольф де Кюстин черпал свои представления. Многие черты русской действительности, описанные Кюстином, запечатлены в книгах и статьях большинства его предшественников и современников, также посетивших Россию. Немецкий офицер Ф.-Б. Гагерн, побывавший в России в одно время с Кюстином, так отзывался о его впечатлениях: «Я не нашел в Кюстине ничего нового, но встретил подтверждение моих собственных взглядов»¹. Тем не менее ни один из авторов книг о России не приобрел такую же известность, что и Кюстин.

«Российская империя – это лагерная дисциплина вместо государственного устройства». Этот тезис красной нитью проходит через повествование о жизни в России в путевых заметках французского путешественника маркиза де Кюстина. Он провел три летних месяца 1839 г. в Петербурге, увидев николаевскую Россию во всей ее красе, и так писал о русских реалиях: «Здесь действуют и дышат лишь с разрешения императора или по его приказу, поэтому все здесь мрачны и скованны; молчание правит жизнью и парализует ее (...) такая жизнь – верх дисциплины и упорядоченности»².

Предшественники Кюстина были свидетелями зарождения этих «лагерных» начал. Например, граф Жозеф де Местр, посланник сардинского короля, прожил в Петербурге 14 лет и имел возможность наблюдать укоренение военной дисциплины в государстве с началом «аракчеевщины». Граф был убежден, что военный педантизм, насаждаемый «сверху» абсолютно чужд и противоестественен характеру русских³. Николаевские порядки резко осуждал А.И. Герцен: «Казарма и канцелярия стали главной опорой николаевской политической науки. Слепая и лишённая здравого смысла дисциплина в сочетании с бездушным формализмом (...) таковы пружины знаменитого механизма сильной власти в России»⁴. Отмечая распространение германфильства и стремление навязать немецкий педантизм, Жозеф де Местр высмеивал эти бесплодные попытки: «Во всем свете нет ничего более различного, нежели немец и русский. Сему последнему ненавистны всякие правила и всякий порядок, возведенные в степень закона»⁵.

¹ Гагерн Ф. Дневник путешествия по России в 1839 г. // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / Сост. Ю.А. Лимонов. Л., 1991. С. 29.

² Кюстин А. де. Россия в 1839 г. М., 2007. С. 24.

³ Местр Ж. де. Сочинения. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб., 2007. С. 113.

⁴ Русское общество 30-х гг. XIX в. Люди и идеи: мемуары современников / Под ред. И.А. Федосова. М., 1989. С. 343.

⁵ Местр Ж. де. Религия и нравы русских. СПб., 2010. С. 56.

Кюстин же находил, что отличительная черта русского – это высший страх перед высшим лицом и высшее же к нему презрение. Раболепие и лицемерие, ставшие характерными чертами царского двора, давали Кюстину немало поводов для рассуждений. Всеобщая ложь и страх маскируются безупречной вежливостью и учтивостью. По словам маркиза, аристократов с детства приучали к соблюдению приличий, как приучают других к владению оружием. У Кюстина это вызывает жалость, так как многие благородные души и независимые умы, способные вести общество к процветанию, вынуждены молчать и бездействовать. Дворянам приходится лгать в разговорах с иностранцами, когда дело касается бедственного положения крепостных. Попытки оправдать безрадостное положение дел и опровергнуть слухи о помещицьем произволе, нищете и голоде целых деревень только усугубляют отвращение иностранцев к роскоши императорского двора.

Повседневный образ жизни дворян мало отличался от образа жизни европейских аристократов, но вызывал искреннее непонимание и сочувствие у путешественников. Плотная занятость разными бесполезными делами, чередующаяся с длительным унылым бездельем, лишала многих представителей дворянства ясного понимания своего предназначения. Душевные болезни, разочарование в жизни и стремление удалиться подальше от высшего света, сбежав или за границу, или в сельскую глушь, становились все более частыми проявлениями упаднического духа. К тому же, побывав в светских салонах, Кюстин заключил, что «самое обыкновенное состояние духа в этой стране – печаль, скрытая под иронией»¹. От осознания безысходности русские глушат свою тоску в пьянстве. Только простонародье – молча, а знать – в шумных и зрелищных увеселениях. По мнению Кюстина, чрезмерная власть монарха – более чем заслуженная кара за слабость дворян, которые изменяют своим обязанностям².

В своих странствиях француз не мог не столкнуться с жизнью крепостных. Бесправное положение большей части населения страны привело Кюстина в отчаяние. Он восхищался стойкостью духа, трудолюбием, выносливостью и поразительной находчивостью крестьян. Маркиз заметил, что крестьянское сословие не развращено нравственно, но унижено социально, и заметил, что умение сохранить доброту человеческой души в таком положении достойно восхищения.

Кюстин предрекал России революцию, подобную той, что случилась в конце XVIII в. во Франции. Он даже проронил пророческие слова: «Первая же давка, которая возникнет в Петербурге, окончится плачевно; в обществе, устроенном так, как это, толпа породит революцию»³. Маркиз предсказывал, что к концу XIX в. или Россия подчинит себе Европу, или в самой России свершится революция «куда более страшная, чем та, последствия которой до сих пор ощущает европейский Запад. Сегодня, когда бунт, можно сказать, носится в воздухе, даже самодержцы, судя по всему, боятся за свое могущество»⁴. По мнению маркиза, именно полицейские строгости и всеобщий страх станут отправной точкой для широкого распространения революционных идей. Народная анархия и тираническая власть названы двумя главными опасностями, грозящими России.

Отношение Кюстина к русскому народу изобилует противоречиями. С одной стороны, он восторгается стойкостью и силой духа русских, с другой – порицает их за

¹ Кюстин А. де. Указ. соч. С. 56.

² Мяло К.Г. Хождение к варварам, или вечное путешествие маркиза де Кюстина // Россия XXI. 1994. № 4–5. С. 61.

³ Кюстин А. де. Указ. соч. С. 449.

⁴ Там же. С. 453.

бездействие и смирение. Для него, уроженца мятежной Франции, осталась непостижимой эта пассивность народа. Маркиз относил ее причины к огромной протяженности русских земель. Если где-нибудь вспыхнут народные волнения, то известно об этом станет слишком поздно, чтобы вызвать цепную реакцию и перенести очаги недовольства на другие местности страны.

При внимательном прочтении книги Кюстина становится ясно, что нескончаемые рассуждения о русском «варварстве», «деспотизме» и «рабстве» преследуют не оскорбительную или обличительную цель, а объясняют специфику уникальной мощи Российской империи. Явления русской действительности, казалось бы осуждаемые, на самом деле воспринимаются автором как враждебные. Страх перед могущественной Россией раскрывается в описании как пугающих, так и восхищающих автора качествах русского народа, которых немало на страницах книги. Поэтому сочинение Кюстина стало одним из самых «обличительных» и одновременно – одним из самых восторженных иностранных сочинений о России. Иллюзорность «парадной» стороны русской жизни замечали многие, но «царством фасадов» николаевскую Россию нарек один Кюстин¹.

Он ехал в Россию, будучи убежденным роялистом. Здесь он надеялся найти доводы против республики, но столкнулся с пугающими формами абсолютизма и, по собственному признанию, «вернулся, если не республиканцем, то уж во всяком случае убежденным противником абсолютизма, который довел до катастрофы Францию и может погубить Россию»².

Впрочем, сегодня не только российские, но и многие французские историки считают книгу маркиза де Кюстина откровенно русофобской, спровоцировавшей настоящую информационную войну между двумя державами.

¹ Буянов М. Маркиз против империи, или Путешествия Кюстина, Бальзака и Дюма в Россию. М., 1993. С. 5.

² Кюстин А. де. Указ. соч. С. 671.

ВОСПРИЯТИЕ ИДЕЙ ЛИБЕРАЛИЗМА В ДВОРЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ДО И ПОСЛЕ 1861 г.

В истории России либеральные идеи крайне редко определяли правительственную политику. Мы можем назвать несколько примеров, среди которых особое место занимают реформы 1860–1870-х гг. Эти преобразования, в подготовке и осуществлении которых «либеральная бюрократия» сыграла ключевую роль, способствовали модернизации России. Но любые реформы, осуществляемые властью, в качестве обязательного и необходимого условия их успеха зависят от возможности их реализации, в т.ч. от восприятия их обществом. В середине XIX в. образованное общество, как реципиент властных решений, было преимущественно дворянским. Поэтому именно от восприятия дворянским обществом либеральных идей во многом зависела судьба реформ Александра II. Ранний русский либерализм середины XIX в. сильно отличался от классического канона, и этому феномену посвящены специальные исследования отечественных историков¹. Так, К.И. Шнейдер выделял в качестве его характерной черты элитизм и аристократизм – и не только по социальному составу представителей этого направления, но и по его роли в преобразовании России².

Термин «либерал» в политическом лексиконе предреформенной эпохи был наполнен несколько иным смыслом, нежели позднее, и тогда скорее сближался с термином «прогрессист». В качестве примера можно привести беседу князей В.А. Долгорукова и Д.А. Оболенского в январе 1857 г., в ходе которой Дмитрию Александровичу был задан вопрос: «Что, Вы тоже прогрессист?». Свой вопрос Василий Андреевич пояснил: «Ну, одним словом, Вы также желаете эмансипации»³. В ходе подготовки крестьянской реформы и по отношению к ней произошла дифференциация представителей дворянского общества на «крепостников» и «либералов», хотя в реальности идейный спектр был гораздо богаче, и эта пестрота была обусловлена, прежде всего, социальной неоднородностью дворянства. Тем не менее, попытаемся выделить спектр идей, так или иначе соотносимых с принадлежностью к либеральному лагерю. Интересно также проследить, как и на каком языке отстаивали свои позиции т.н. «крепостники» – противники реформ, а также колеблющиеся деятели.

При анализе дворянских проектов освобождения крестьян и других документов того времени можно заметить, что представления о незыблемости помещичьей собственности на землю, а в некоторых случаях – и на личность крестьян прочно укоренились в сознании большинства владельцев имений. Так, Ф.С. Офросимов – помещик Пронского уезда Рязанской губернии и один из лидеров консервативного большинства губернского комитета по крестьянскому делу требовал гарантировать «право помещиков на всю землю», заявляя, что в противном случае они не станут заботиться о

¹ Тимофеев Д.В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX в. Челябинск, 2006; Шнейдер К.И. Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Пермь, 2012.

² Шнейдер К.И. «Либерал во дворянстве»: аристократическое начало в раннем русском либерализме // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1(216). История. Вып. 43. С. 33–38.

³ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 154.

своих крестьянах, и протестуя против «нарушений права собственности»¹. Здесь, разумеется, не допускалась даже мысль о праве крестьян на самостоятельное существование. Помещик Михайловского уезда Рязанской губернии П.Н. Шепелев в своей записке по крестьянскому делу высказывался за вознаграждение помещиков, великодушно согласившихся отпустить крестьян на волю: «Вопрос об освобождении крестьян считаю я со стороны дворянства разрешенным. Мы выразили желание дать личную свободу нашим крестьянам, которых мы и предки наши покупали на основании законов; теперь рождается вопрос об обеспечении дворян в соблюдении прав собственности»². При этом он ни словом не обмолвился о наделении крестьян землей. Свое право собственности на всю землю, в т.ч. и населенный крестьянами, которое было закреплено в «Жалованной грамоте дворянству»³ и подтверждено последующим законодательством⁴, многие помещики считали естественным и неотъемлемым, а любые отступления от екатерининской «Жалованной грамоты...» воспринимались как преступные посягательства.

В своей всеподданнейшей записке орловский губернский предводитель дворянства В.В. Апраксин заявил: «Все три, заинтересованные в этом вопросе, стороны: Правительство, помещики и крестьяне согласны в том, что в основании нынешних хозяйственных и административных отношений лежит произвол, то есть самое вредное начало...». В этом утверждении содержалось и согласие на законодательную регламентацию отношений между помещиками и крестьянами, и одновременно – требование оградить помещичьи права и интересы.

При обсуждении будущей системы власти в деревне помещики особенно опасались усиления влияния чиновничества. Лидер «либерального» меньшинства в Московском губернском комитете – губернский прокурор Д.А. Ровинский выступал против разрастания правительственного аппарата, в т.ч. местного. «К чему в уезде сталкиваются за одним делом окружной начальник, его помощник, два станковых пристава, уполномоченный при размежевании казенных крестьян, смотритель хлебных магазинов, лесничий, управляющие дворцовый и удельный, когда все эти должности лежат на одном исправнике, который (...) крал конечно вдесятеро менее, чем все эти лица, вновь определенные, вероятно, с целью уничтожения лихоимства». Ровинский станет одним из разработчиков Судебной реформы, но уже в цитируемой записке он предлагал после отмены крепостного права создать местный третейский суд для разрешения конфликтов между помещиками и крестьянами на сумму не более 100 руб. серебром. Он желал видеть этот суд гласным и справедливым, исключаящим возможность закабаления бывших крепостных помещиками и старой властью⁵.

Либерально-дворянская критика крепостного права основывалась на признании за крестьянином прав личности и необходимости уважения этих прав. Об этом говорил Д.А. Ровинский, и об этом же писал в своей записке аристократ граф Д.Н. Шереметев. Сын крепостной актрисы П.И. Ковалевой-Жемчуговой, начавший карьеру еще в царствование Александра I и более четверти века состоявший членом Вольного экономического общества, он призывал покончить с отжившим крепостничеством и отнять у помещика административные рычаги. «Владелец, имеющий в своем имении и

¹ Государственный архив Рязанской области. Ф. 898. Оп 1. Д. 25. Л. 3.

² РГИА. Д. 1180. Оп. 15. Д. 82. Л. 150.

³ Жалованная грамота благородному российскому дворянству, с принадлежащими к оной узаконениями. СПб., 1827. С. 6–8.

⁴ Свод законов Российской Империи. Т. 9. 1832. Стб. 151.

⁵ ЦИАМ. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 31. Л. 7, 8об.–10.

полицейскую и судебную власть, обличая часто эти пороки, принужден прибегать к телесным наказаниям, при частом повторении которых теряет всякое уважение к личности человека, ему принадлежащего». Крепостное право развращает крестьян, держит их в состоянии невежества, вынуждает обращаться ко лжи и подталкивает к воровству. Кроме того, по словам Д.Н. Шереметева, помещик – владелец «крещеной собственности», состоящий на государственной службе и не привыкший уважать личные права крестьян, переносит это неуважение и на свою служебную деятельность. В этом – причина недобросовестности чиновников и недоверия к ним народа¹.

Прогрессивная часть дворянства выступала также за появление у крестьян «гражданской образованности». В то же время, консервативные дворяне и высшие сановники видели в отсутствии этой «образованности» повод для сохранения вотчинной власти помещика. В частности, речь шла об учреждении должности волостного попечителя, назначаемого из числа помещиков и осуществляющего надзор за крестьянским самоуправлением. На этом настаивали члены Главного комитета по крестьянскому делу – министр государственных имуществ М.Н. Муравьев и шеф жандармов князь В.А. Долгоруков. И если волость будет состоять лишь из одного имения, то волостным попечителем, полагали они, должен являться его владелец.

На опечатанном тексте этой записки член Редакционных комиссий, известный славянофил Ю.Ф. Самарин написал: «Нарушены избирательные начала»². Юрий Федорович был против ущемления прав выборного самоуправления крестьян и твердо защищал главные принципы Крестьянской реформы – освобождение крестьян с усадебной и надельной землей за выкуп, а также организацию крестьянского сельского и волостного самоуправления, независимого от вотчинной власти помещика. По прошествии многих лет – после смерти Самарина (1876) его давний друг и соратник И.С. Аксаков скажет о нем как об одном из создателей «русской гражданской свободы» и особо подчеркнет, что Юрий Федорович никогда не был «либералом в пошлом истасканном смысле этого слова»³. Еще один славянофил – А.И. Кошелев вообще считал неуместным говорить о былом противостоянии западников и славянофилов применительно к реалиям пореформенной России⁴.

Дворянская аристократия, убедившись в непреклонной воле монарха отменить крепостное право, хотела, однако, обеспечить себе привилегированные политические права. Влиятельный царскосельский уездный предводитель дворянства А.П. Платонов – один из авторов «Мнения некоторых членов собрания Петербургской губернии, поданного в заседании марта 1860 г. о правах и роли дворянства в общественной жизни государства» громогласно декларировал, что общественное мнение в России «может высказываться, верно и несомненно, только одним путем: голосом сословных собраний»⁵, т.е., прежде всего, дворянскими собраниями.

В канун и после реформы 1861 г. аристократия взяла на вооружение конституционные требования. В январе 1865 г. Московское губернское дворянское собрание потребовало от царя созвать два депутатских собрания – выборных от земства и дворянства для обсуждения «дел, общих всему государству». Таким образом, московские дворяне допускали сосуществование всесословного и сословно-дворянского выборного представительства. Однако часть из них во главе с Н.А. Безобразовым желала

¹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 1. Д. 669. Л. 7–7об.

² НИОР РГБ. Ф. 265. Папка 82. Д. 12. Л. 8об.

³ Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876). СПб., 2016. С. 333.

⁴ Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 гг.). М., 2002. С. 165.

⁵ РГИА. Ф. 1092. Оп. 1. Д. 166. Л. 9об.

созыва только всероссийского дворянского представительства – фактически дворянского парламента, наделенного правом обращаться к верховной власти от имени всего русского народа. Другие депутаты, включая графа В.П. Орлова-Давыдова – известного англомана, поддержали идею всесословно-земского представительства, но при условии наличия верхней палаты – дворянской по составу¹. Эти планы и нашли отражение в адресе на имя императора от 11 января 1865 г.

В свою очередь, либеральное тверское дворянство еще в феврале 1862 г. выступило за всесословное «Собрание выборных земли русской» как «единственное средство к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не решенных Положением 19 февраля»². При этом тверские дворяне требовали улучшения положения крестьян и скорейшего перевода их на обязательный выкуп.

Славянофил А.И. Кошелев отнюдь не считал конституционные идеи крамольными. В 1862 г. он смело призвал к созыву всесословной Земской думы, которая бы способствовала решению крупных общегосударственных задач³. Он писал: «Созвание Земской думы в сердце России есть, кажется нам, единственный выход из критического, невыносимого положения, в котором мы теперь находимся»⁴. Конституционный характер кошелевского замысла подтверждается мыслью о том, что впредь ни один закон не должен быть издан без согласия Думы и что при ее созыве монарх должен торжественно объявить: отныне нет власти, которая бы стояла выше или вне закона. Закон о созыве Земской думы стал бы для России аналогом «Великой хартии». Планы созыва «Земской думы» приобрели широкую популярность в обществе. Тогда же, в начале 1862 г., свой адрес по этому вопросу намеревалось подать Александру II смоленское дворянство. Впрочем, оно, напротив, надеялось увидеть в лице выборного центрального представительства, в первую очередь, защитника своих сословных прав. В итоге, из опасения навлечь на себя царский гнев, смоленские дворяне в последний момент отказались от своего замысла⁵. Но это, безусловно, не означало отказа русского общества от конституционализма – его борьба за политические права только начиналась.

¹ Там же. Ф. 908. Оп. 1. Д. 246. Л. 25–26.

² Конец крепостничества в России (документы, письма, статьи). М., 1994. С. 415.

³ См.: Кошелев А.И. Какой исход для России из нынешнего ее положения? Лейпциг, 1862; Кошелев А.И. Конституция, самодержавие и Земская Дума. Лейпциг, 1862.

⁴ Кошелев А.И. Конституция, самодержавие и Земская Дума. Лейпциг, 1862. С. 23.

⁵ Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876). С. 455.

Е.М. Петровичева

*доктор исторических наук, профессор, директор Гуманитарного института
Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых*

А.В. Ромашиковец

*соискатель кафедры истории России
Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
учитель средней школы №2 г. Судогда Владимирской обл.*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕФОРМЫ 1861 г. ВО ВЛАДИМИРСКОМ УЕЗДЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Реализация Крестьянской реформы 1861 г. во Владимирской губернии привлекает своей малоизученностью. Исследованием подготовки отмены крепостного права и деятельности Владимирского губернского по крестьянским делам комитета занимался Л.Р. Горланов¹. В 1950-х гг. В.Г. Зимина на материалах трех уездов (Покровского, Юрьевского и Шуйского) сделала в своей диссертации вывод о «грабительском», «крепостническом характере» реализации реформы². Представляется интересным, однако, изучение уставных грамот и других 9 уездов, с использованием статистических методов и компьютерных технологий, описанных С.Г. Кащенко³. Особое место во Владимирской губернии занимал Владимирский уезд, который был образован в 1778 г. и включал помещичьи и крестьянские хозяйства, лежавшие близ губернского центра. Уезд располагался в центральной части Владимирской губернии и граничил с Юрьевским и Суздальским уездами на севере, Ковровским на востоке, Покровским на западе, Судогодским на юге. Территория уезда составляла 2734,1 км² (5,6% территории губернии)⁴. Течением реки Клязьмы она делилась на северную и южную стороны, а по качеству почвы – на 3 части: черноземно-глинистую, глинистую и песчаную. Удобной земли, по подсчетам земства, было 228418 дес., леса – 24000 дес.⁵ Промышленность была развита слабо. В конце 1857 – начале 1858 гг. здесь на 21 заводе работали 1192 чел. – 2,6% от общего числа рабочих губернии. Нельзя назвать Владимирский уезд и промысловым. Основное занятие – хлебопашество – дополняло рыболовство на Клязьме и сплав древесины из Судогодского уезда⁶.

Особенности реализации крестьянской реформы в этом уезде были обусловлены его географическим положением. По «Местному положению о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях великороссийских,

¹ Горланов Л.Р. Подготовка крестьянской реформы 1861 г. во Владимирской губернии. // Вопросы социально-экономической истории Владимирского края в период феодализма. Владимир. 1979. С. 58–80.

² Зимина В.Г. Крестьянская реформа 1861 г. во Владимирской губернии. Дис. ... к.и.н. 1956.

³ Кащенко С.Г. Экономические последствия реформы 19 февраля 1861 г. Источники и современные методы их изучения: учеб. пособие по специальному курсу. СПб., 2013.

⁴ Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом / Сост. А. Бушен. СПб., 1863. Вып. 2. С. 159.

⁵ Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии: [Вып. 1]. Владимир и Владимирский уезд / Сост. В. Добронравов и В. Березин. 1893. С. 110.

⁶ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. [Вып. 6]: Владимирская губерния: ... по сведениям 1859 года / обраб. ст. ред. М. Раевским. СПб., 1863.

новороссийских и белорусских» все земли государства были разделены на три полосы – в зависимости от условий сельскохозяйственной деятельности¹. Владимирская губерния была отнесена к первой полосе, которая делилась на несколько местностей. В зависимости от местоположения начислялся подушевой оброк за высший земельный надел, который равнялся 3 дес. 1200 саж. (низший душевой надел – 1 дес. 400 саж.). Так крестьяне, жившие во Владимирском, Вязниковском, Покровском и Ковровском уездах Владимирской губернии, платили до 10 руб., а в остальных плата за пользование высшим душевым наделом могла достигать до 9 руб.² Различия в сумме определялись удаленностью от губернского центра, развитием торговли и ремесла. Анализ уставных грамот и выкупных документов, сохранившихся в Государственном архиве Владимирской области (ГА ВО) в фонде Владимирского губернского по крестьянским делам присутствия, позволяет детально проследить изменения в размерах наделов, структуре и величине повинностей.

По X ревизии, к 1859 г. во Владимирском уезде проживало крестьян 19747 душ м.п., дворовых – 1041 душ м.п.³ Согласно уставным грамотам, в уезде насчитывалось крестьян 21383 душ м.п., из которых наделы получили 20615 душ м.п. Из дворовых 924 душ м.п. наделы получили 93 души м.п. Отклонение от данных А.Г. Тройницкого составляет 1636 чел., т.е. 7,6%, что говорит о высокой степени достоверности уставных грамот как исторического источника. Причинами несоответствия могут быть временные рамки (грамоты составились в 1861–1877 гг.) и смена места жительства. Сравнение количества крепостных крестьян и крестьян, ставших временнообязанными, позволяет заключить, что 7,2% от общего числа крестьян не получили наделов. Большинство из них отказалось от земли, так как уходило на заработки; некоторые были отпущены еще до реформы или получали земли в другом селении. Состав крестьян по формам повинностей до реформы представлен в таблице 1⁴.

Таблица 1

Количество крестьян на оброке, барщине, смешанной повинности

Оброчные		Барщинные		Смешанные	
Кол-во населенных пунктов (в %)	Кол-во душ м.п. (в %)	Кол-во населенных пунктов (в %)	Кол-во душ м.п. (в %)	Кол-во населенных пунктов (в %)	Кол-во душ м.п. (в %)
52	54,8	18	12,7	30	32,5

Из нее мы видим, что во Владимирском уезде преобладал оброк (54,8%). Это связано с расположением уезда в центре губернии – близ города Владимира, где были развиты ремесло и торговля, которыми активно занимались крестьяне. На втором месте была смешанная форма, позволявшая часть повинностей отдавать в денежном эквиваленте. Меньшее количество деревень и крестьян было на барщине (12,7%).

Важным показателем итогов реализации реформы 1861 г. являются размеры наделов, которые получили крестьяне. До реформы в их пользовании находилось 70421 дес. земли – по 3,29 дес. на душу м.п., после реформы – 61197 дес. – по 2,97.

¹ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. М., 1989. С. 256.

² Там же. С. 289.

³ Тройницкий А.Г. Крепостное население России по 10-й народной переписи: статистическое исследование. СПб., 1861. С. 29.

⁴ ГА ВО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 3443.

Таблица 2

Размеры земельных наделов до и после реформы

Категории крестьян	Кол-во душ м.п. до реформы	Кол-во душ м.п. после реформы	Земля до реформы (дес.)	Средний надел на душу до реформы (дес.)	Земля после реформы (дес.)	Средний надел на душу после реформы (дес.)	Изменение среднего надела (в %)
Оброчные	11570	11175	38738	3,35	32961	2,95	22
Смешанные	7098	6862	23524	3,31	20595	3,00	10
Барщинные	2715	2578	8159	3,00	7641	2,96	2

В ходе осуществления реформы средний душевой надел сократился у разных категорий крестьян на 2–22%. Наибольшие потери понесли оброчные крестьяне – 0,4 дес. Наделы крестьян на смешанной повинности сократились на 0,31 дес. В меньшей степени потери ощутили барщинные крестьяне, составлявшие 12,7% от общего числа крестьян, ставших временнообязанными – 0,04 дес. Из таблицы 2¹ видно, что наделы у всех категорий крестьян становились примерно одинаковыми. Более четко процессы изменения земельных наделов в ходе реформы отражает процентное соотношение т.н. отрезков и прирезок.

Таблица 3

Изменение количества земли у крестьян в ходе реформы

Категории крестьян	Кол-во земли до реформы (дес.)	Кол-во земли после реформы (дес.)	Кол-во отрезков (дес.)	Кол-во отрезков (% от общего кол-ва земли до реформы)	Кол-во прирезок (дес.)	Кол-во прирезок (% от общего кол-ва до реформы)
Оброчные	38738	32961	6745	17,41%	968	2,5%
Смешанные	23524	20595	3070	13,05%	141	0,6%
Барщинные	8159	7641	597	7,31 %	79	0,9%
Всего	70421	61197	10412	14,78%	1188	1,69%

Данные таблицы 3² позволяют сделать вывод о том, что наделы всех категорий крестьян подверглись сокращению. Наибольшее количество отрезанной земли пришлось на оброчные хозяйства (17,41%). Помещики стремились получить максимальную выгоду: дать высший душевой надел, за который могли получить наибольший оброк, а оставшуюся землю использовать в собственных интересах. Если при расчете высших наделов в прежнем пользовании крестьян были излишки, то они отрезались. Если же до максимума земли не хватало, то ее «прирезали» – опять же, чтобы на законном основании собирать оброк в 10 руб. Аналогичные явления наблюдаются и в селениях со смешанной повинностью, где отрезки составили 13,05%. Наименьшие изменения прослеживаются в барщинной деревне, где средний душевой надел до реформы равнялся 3 дес., т.е. забирать некоторое количество земли было просто не из чего. А для получения экономической выгоды помещик чаще всего должен был оставить надел прежним или добавить земли (0,9% – прирезки). В целом, в уезде прирезки составили 1,69%.

¹ Там же.

² Там же.

В большей мере изменения в землепользовании коснулись оброчных крестьян, в меньшей – барщинных. Таким образом, отрезки во Владимирском уезде составили 14,78%, столько же – в Суздальском, в Вязниковском – 11,77%, в Ковровском – 17,62%. Если сравнить с другими уездами – например, Александровским (23,98%), Меленковским (21,69%), Переяславским (20,11%), Судогодским (28,72%), то окажется, что объемы отрезков во Владимирском уезде были меньше; это связано с желанием помещиков получить с крестьян большой оброк, так как здесь земля была более доходной. Если взять общероссийские данные, то похожую картину мы увидим в Московской губернии¹. Соотношение численности крестьян, размеры наделов которых в ходе реформы изменились или остались прежними, дан в таблице 4².

Таблица 4

Численность крестьян, размеры наделов которых в ходе реформы изменились или остались прежними

Категории крестьян	Численность крестьян						
	всего душ м.п.	с отрезкой		с прирезкой		без изменений	
		душ м.п.	%	душ м.п.	%	душ м.п.	%
Оброчные	11175	5230	46,8	1193	10,67	4752	42,53
Смешанные	6862	3157	46	369	5,38	3336	48,62
Барщинные	2578	1058	41,04	275	10,67	1245	48,29
Всего	20615	9445	45,8	1837	8,93	9333	45,28

Данные таблицы показывают, что отрезки коснулись почти половины крестьян всех категорий. Наибольший урон понесли крестьяне оброчной деревни и селений со смешанной повинностью (по 46,8% и 46% соответственно). Доля крестьян, получившая прирезки, одинакова среди оброчных и барщинных крестьян (10,67%). В целом, мы можем проследить тенденцию большей деформации именно оброчной деревни, как преобладающей изначально.

Большой интерес представляют изменения структуры наделов. Сравнение величин наделов, существовавших до реформы и определенных уставными грамотами, представлено в таблице 5³.

¹ Жукова А.В. Изменение наделного землепользования крестьян в ходе реформы 19 февраля 1861 г. (на материалах Можайского уезда Московской губернии // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 2. С. 45–50.

² ГА ВО. Ф. 180. Оп. 2. Д. 3443.

³ Там же.

**Распределение крестьянских наделов до и после реформы
во Владимирском уезде**

Величина надела в дес. На душу м.п.	До реформы		После реформы	
	Число душ м.п.	Процент от общего числа душ	Число душ м.п.	Процент от общего числа душ
0–0,5	72	0,33	0	0
0,5–1	23	0,10	0	0
1–1,5	398	1,86	895	4,34
1,5–2	517	2,41	654	3,17
2–2,5	6419	30,01	4094	19,86
2,5–3	4626	21,52	3246	15,75
3–3,5	2805	13,11	9708	47,1
3,5–4	2460	11,30	1295	6,28
4–4,5	1047	4,90	431	2,09
4,5–5	1494	6,74	89	0,43
5–5,5	276	1,28	167	0,81
5,5–6	267	1,24	11	0,05
6–6,5	287	1,33	0	0
6,5–7	23	0,10	5	0,02
7–7,5	16	0,07	18	0,09
7,5–8	59	0,26	0	0
8–8,5	292	1,35	0	0
8,5–9	188	0,87	0	0
9–9,5	16	0,74	0	0
9,5–10	24	0,11	0	0
10–10,5	15	0,07	0	0
12–12,5	0	0	2	0,01
16,5–17	2	0,01	0	0
19,5–20	5	0,02	0	0
23–23,5	52	0,24	0	0
Итого	21 383	100	19 138	100

В дореформенный период во Владимирском уезде разброс величин наделов был очень широкий: встречались селения, в которых размеры наделов составляли менее 1 дес. (360 саж., 900 саж.) на душу м.п., и превышали 20 дес. (23 дес. 77 саж.). Весьма примечательно распределение земли до реформы по предложенным интервалам. Как видим, до отмены крепостного права наибольший процент приходится на интервалы от 2 до 2,5 дес. и от 2,5 до 3 дес. Наделами, лежащими в этих интервалах, владели почти 50% крестьян. После реформы ситуация меняется: теперь относительное большинство (47,1%) владеет участками, лежащими в интервале от 3 до 3,5 дес. Процесс увеличения среднего надела по уезду шел не за счет уменьшения помещичьей земли, а за счет изъятия излишков и сокращения владений крестьян, имевших в пользовании более 3,5 дес. Исчезают интервалы 0–1 дес. Увеличивается численность наделов в интервале 1–2 дес. Это происходило в тех помещичьих хозяйствах, где не было возможности прирезать недостающей до высшего надела земли. Таким образом, сокращение вариационных рядов в ходе реформы доказывает выравнивание средних наделов для всех категорий населения. Важным звеном реформы был вопрос о распределении оброка за предоставленную в пользование землю. Сравнить дореформенные и

пореформенные показатели представляется возможным на основании части грамот, касавшихся крестьян, которые прежде были на оброке (табл. 6)¹.

Таблица 6

Распределение величины оброка на душу м.п. до и после реформы

Величина оброка (руб.)	до реформы		после реформы						Всего крестьян после реформы	% всех крестьян после реформы
	Кол-во оброчных крестьян	% от общего кол-ва оброчных крестьян	Кол-во оброчных крестьян	% от общего кол-ва оброчных крестьян	Кол-во крестьян на смешанной повинности	% от общего кол-ва крестьян на смешанной	Кол-во барщинных крестьян	% от общего кол-ва оброчных крестьян		
0–1	200	1,43	-	-	-	-	-	-	-	-
1–2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
2–3	36	0,26	-	-	-	-	-	-	-	-
3–4	20	0,15	20	0,18	-	-	-	-	20	0,09
4–5	212	1,52	201	1,79	-	-	-	-	201	0,98
5–6	1117	7,97	862	7,72	-	-	40	1,56	902	4,38
6–7	1590	11,35	1866	16,70	46	0,67	54	2,09	1966	9,54
7–8	952	6,79	1915	17,14	1054	15,36	295	11,45	3264	15,83
8–9	3506	25,02	4276	38,28	2203	32,10	938	36,38	7417	35,98
9–10	5100	36,38	2022	18,09	2369	34,53	1215	47,13	5606	27,19
10–11	851	6,07	13	0,10	1190	17,34	36	1,39	1239	6,01
11–12	111	0,80	-	-	-	-	-	-	-	-
12–13	142	1,01	-	-	-	-	-	-	-	-
13–14	112	0,79	-	-	-	-	-	-	-	-
14–15	62	0,44	-	-	-	-	-	-	-	-
> 17	6	0,04	-	-	-	-	-	-	-	-

Согласно «Местному положению о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в губерниях великороссийских, новороссийских и белорусских», за высший надел во Владимирском уезде (3,5 дес.) крестьяне должны были заплатить 10 руб. Исключение составляли оброчные хозяйства, в них нельзя было повышать прежний оброк (ст. 170 Местного положения)². Средний размер оброчных платежей в уезде до реформы насчитывал 8,38 руб. Вариационные ряды до 1861 г., как и в случае с землей, имели весьма широкий разброс – от 1 до 35 руб. (табл. 6). При этом пореформенный размер оброка варьировался от 3 до 10,5 руб. Наименьшие изменения коснулись платежей оброчных хозяйств. В них мы наблюдаем небольшое удешевление оброка (пореформенный средний душевой оброк – 8,27 руб.), максимальный оброк – 10 руб. платили 13 душ м.п. Необходимо помнить, что и наибольшее количество отрезков коснулось именно оброчной деревни. Ст.170 «Местного положения...» не позволяла увеличивать оброк, но можно было сократить количество земли, с которого он уплачивался. Тяжесть оброчных платежей испытали на себе смешанные и барщинные хозяйства, именно на них приходится наибольшая доля выс-

¹ Там же.

² Российское законодательство X–XX вв. Т. 7. С. 291.

ших платежей: 42% и 21% от общего количества крестьян соответственно платили оброк в интервале от 9 до 10 руб., а 96% и 3% – в интервале от 10 до 11 руб.

Таким образом, статистический анализ уставных грамот Владимирского уезда позволил выявить некоторые особенности реализации реформы 1861 г. на территории, расположенной в непосредственной близости к губернскому центру. На фоне общего сокращения земли, находящейся в пользовании крестьян, наибольший урон понесли оброчные крестьяне, которых в уезде было большинство. Размеры оброчных платежей у них незначительно сократились. Заметно изменилась жизнь крестьян барщинных и смешанных деревень. Их наделы претерпели существенную трансформацию (прирезки, отрезки) и приблизились к средним показателям по губернии. Давая высший надел, помещик именно для этих категорий крестьян повышал оброк до максимума, что резко ухудшило их положение. В целом, происходило усреднение и земельных наделов, и платежей, поскольку в основу реализации реформы были положены экономические механизмы. Во Владимирском уезде, как и в других местностях нечерноземной полосы, это проявилось в большей степени, так как население было реально втянуто в товарно-денежные отношения.

ПОРЕФОРМЕННОЕ ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО В РОМАНЕ С.Н. ТЕРПИГОРЕВА «ОСКУДЕНИЕ»

После манифеста 19 февраля 1861 г. история России поделилась на «до» и «после» отмены крепостного права, которая повлекла за собой многочисленные изменения в общественной жизни – в материальной, законодательной, духовной сферах, затронув все слои русского общества. Ее влияние замечательно отражают слова Н.А. Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»:

Порвалась цепь великая,
Порвалась – расскочилась
Одним концом по барину,
Другим по мужику!¹

Приведенные строки отсылают нас к двум важнейшим участникам этого процесса – *крестьянству* и *дворянству*. И если судьба пореформенного крестьянства хорошо описана во множестве произведений 1860–1870-х гг. – в сочинениях того же Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, Ф.М. Решетникова, А.И. Левитова, а также других писателей-шестидесятников, представлявших столицу и провинцию, то судьба дворянского сословия хоть и привлекала внимание «властителей дум» (например, М.Е. Салтыкова-Щедрина) пореформенной России, но все же оставалась несколько в тени.

Настоящим «певцом дворянского оскудения», наступившего после 19 февраля 1861 г., в русской художественной прозе и очеркстике можно по праву считать Сергея Николаевича Терпигорева, писавшего под псевдонимом: Сергей Атава. Именно он и ввел само понятие «дворянского оскудения», посвятив этому процессу целый ряд произведений. Сам автор происходил из провинциальной среды мелко- и среднепоместных дворян Черноземья России. Поэтому он оказался очевидцем и даже участником процесса «дворянского оскудения».

«Оскудение» стало программным сочинением писателя. Оно было опубликовано в начале 1880-х гг. в журнале «Современник». В нем Атава создал целостную, яркую и живую картину упадка помещиков, затронув разные сферы их жизни и занятий в пореформенный период. Все это развивается на фоне утраты связей с поместьем и традиционным помещичьим укладом, на фоне крушения привычного мира.

После обнародования «Положения 19 февраля» помещики сталкиваются с совершенно новыми для себя условиями существования, которые вынуждают их приспособляться к меняющейся действительности. Однако, как отмечает Терпигорев, устройство хозяйства «по-новому» было для них скорее делом будущего, а не современности. Так, у помещиков существовал своеобразный – единый и монотонный, «запрограммированный» образ жизни, сформированный их предками. Он гарантировал им спокойствие и обеспеченность. А решение повседневных, насущных задач они делегировали управляющим. В итоге это привело к отсутствию стройной, способной к развитию системы хозяйствования в рамках поместий.

Именно консерватизм помещиков, отсутствие необходимых для занятия созидательным трудом навыков, нежелание и неумение видеть перспективу и свое место в

¹ Некрасов. Н.А. Полное собрание сочинений и писем в 15-ти т. Т. 5. Л., 1982. С. 83.

ней, по мнению Терпигорева, и обусловили последующие хозяйственные трудности. В конечном счете, «никто не старался заглянуть вперед и поломать голову над тем хозяйством, которое должно сменить настоящее. Кроме настоящего, никто никакого другого не знал, и едва ли даже кто-нибудь мог себе представить...»¹.

Другой проблемой поместных дворян в новых условиях стала их привычка к бесконтрольной власти над людьми, которой они далеко не всегда умели пользоваться с умом. Поэтому самым сложным для землевладельцев в начале новой «эры» было умение менять свои хозяйственные принципы. Помещикам, по словам Терпигорева, было крайне трудно понять, как «иметь в своем распоряжении мужика не с утра до ночи каждый день, как было прежде, а всего только (при издельной повинности) три дня в неделю, да притом и в эти-то три дня определенное число часов»².

Еще одним непреодолимым препятствием для модернизации поместных хозяйств был финансовый вопрос. Далеко не все помещики имели достаточно денег для безбедного существования и/или приспособления к новым условиям (особенно если учесть, что Терпигорев показывает, в основном, средне- и мелкопоместное дворянство). Поэтому главные свои надежды дворяне возлагали на выкупные платежи и банковские процентные билеты. Эти т.н. «быстрые» деньги были призваны помочь разобраться с долгами, в которых уже глубоко увязли многие помещики³. Однако ввиду описанного ранее образа жизни, вырученных денег от выкупных свидетельств и банковских билетов не хватало на покрытие всех расходов. И дворяне в итоге были вынуждены многократно закладывать или, в конце концов, продавать свои имения.

Таким образом, помещики не имевшие, по мнению С.Н. Терпигорева, «своего» занятия и не желавшие идти в ногу со временем, после отмены крепостного права были обречены встретиться с множеством трудностей.

Перейдем к рассмотрению состояния помещичьего хозяйства после февраля 1861 г. В «Оскудении» С.Н. Терпигорев посредством многочисленных образов-типов показывает широкий спектр пореформенных направлений деятельности землевладельцев. Писатель делит помещиков на два типа: «с фантазией» и без нее. Первый тип – это те, кто, столкнувшись с проблемой ведения хозяйства в новой реальности, увидели выход в заведении т.н. «рационального хозяйства». Это словосочетание завладело мыслями дворян. В нем они находили утешение и с ним связывали надежду на лучшее будущее⁴, а также на «неслыханные богатства», «золотые горы»⁵. Что же подразумевалось под «рациональным хозяйством» и что создавалось под его видом?

При прочтении создается ощущение, что для помещиков это словосочетание звучало как некое заклинание; правда, без какого-либо внятного содержания и четких границ. Главное мерило рациональности – заграничное происхождение или манера ведения хозяйства, что неизбежно ассоциируется с нетрадиционностью (нестандартностью) подхода и максимальной выгодой, полученной буквально из воздуха:

«– Вы говорите: рациональное хозяйство? То есть?

– Ну да-с: рациональное...

– То-то, что ж это такое?

¹ Терпигорев С.Н. (С. Атава). Оскудение. 2 т. / Вступ. стат. и прим. Н.И. Соколова. Т.1. М., 1958. С.19.

² Там же, С. 22.

³ Набялэк О.Э. Проблемы пореформенного поместного дворянства в восприятии русского общества (по материалам художественной литературы и публицистики). Автореф. дис. ... к.и.н. М., 2015. С. 64.

⁴ Там же. С. 66.

⁵ Терпигорев С.Н. (С. Атава). Указ. соч. Т. 1. С. 25.

– А это, извольте видеть, по-заграничному. Там всякая дрянь идет в дело, дает доход, а у нас пропадает. Там, например, хозяин увидит, что косточка валяется – велит ее поднять. Сегодня косточка, завтра косточка, глядишь – и много их собралось – можно продать»¹.

Кроме того, на первых парах рациональным было то, что представляло собой *не-что новое; то, чего не было до этого* в России. И чем оно было оригинальнее, тем лучше. Например, помещики заводили крахмальные заводы вместо винокуренных, так как последние уже были. Т.е. «с понятием о рациональном хозяйстве было соединено представление о *новости*, о *небывалом*. Крахмальных заводов у нас не было, а винокуренные были». И такому принципу следовали, по мнению Атавы, во всех случаях: *уничтожали* уже существовавшее пчеловодство; вместо него заводили, например, «искусственные печи для цыплят». Со временем помещики, поняв безрезультатность такого подхода, нашли новый путь «модернизации». На первый план вышла забота о том, как восполнить нехватку рабочих рук, т.е. где найти «суррогат мужика». Решение этой проблемы виделось в использовании технологий, машин и различного рода механизмов, что было также «по-заграничному». Для исполнения этих планов покупается различная сельхозтехника. А эксплуатировать новые машины решено «без мужика». Рациональной – «*квалифицированной*» рабочей силой становятся в понимании помещиков снова иностранцы – *немцы*. В них землевладельцы, по словам Терпигорева, находили идеал, полностью противоположный крестьянам, которые «все живо изгадят, все у них заржавит и через неделю ничего не соберешь, а вещи-то дорогие»². Однако реальные качества немцев были, конечно, куда приземленнее: привезенные работники были в лучшем случае подмастерьями и нужными навыками по сборке и отладке машин не обладали. Тем не менее, вера в немцев и машины была настолько сильна, что доходило порой до абсурда – один из помещиков за неимением настоящих немцев производил в них своих дворовых³.

Особое внимание обращает С. Атава на то, как ожидали и испытывали новую технику. Машины в помещичьей среде ждали с большим трепетом, волнением и даже некоторым страхом. Мероприятия по испытанию техники обставлялись помещиками грандиозно. Так, например, даже простое приглашение на испытания являло собой нечто вроде «прокламации, призыва на борьбу. Там говорилось и о том, что дворяне должны вспомнить, что они потомки славных предков, что они должны стряхнуть с себя обуявшую их лень, соединить свои силы на борьбу с одолевающей (...) грубой силой (читай: с мужиками) (...) и т.д., и т.д.»⁴. Проведение опытов предварялось торжественной и величественной церемонией. Накрывались банкетные столы, машины обязательно освящались священником. На банкет созывали цвет дворянства со всего уезда. Ради пафоса и официоза на месте действия появлялась походная кухня и канцелярия с книгами, планами; а запись всех действий велась специальными писарями.

Однако реальной пользы от иностранной техники на русской почве, в условиях русского климата, характера и качества землеобработки, не было. На этот факт помещикам укажут их крестьяне: «Мужики были все поголовно в восторге от машин, но и все поголовно же сказали, что нам они пока не пригодны»⁵.

¹ Там же. С. 36–37.

² Там же. С. 38, 40, 47.

³ Набялэк О.Э. Указ. соч. С. 69.

⁴ Терпигорев С.Н. (С. Атава). Указ. соч. Т. 1, С. 55.

⁵ Там же. С. 67.

Таким образом, опыты с машинами и немцами закончились неудачей, наступило всеобщее разочарование¹. Причины этой неудачи для Терпигорева лежат на поверхности. Помещики, не уразумевшие, что «рациональное хозяйство» – это, прежде всего, постепенные усовершенствования с принятием во внимание условий среды, слишком легкомысленно отнеслись к этому вопросу, предполагая лишь «пересадку в нашу Осиновку или Семеновку совершенно произвольно французского, швейцарского, английского или немецкого хозяйства...»². Опыты, конечно, не удались; колоссальные деньги были потрачены впустую.

Кроме покупки машин, «рационализация» хозяйства проявлялась и в других сферах – земледелии и животноводстве: закупили новые семена – египетской пшеницы и нубийского ячменя; заводили новые породы скота – тонкорунных нежных овец, которые гибли в холодных овчарнях как мухи.

Но были и крайне необычные примеры «рационализаторства». Например, один из дворян пытался построить новое хозяйство на основе очень необычного, чисто русского ресурса – зайцев. По Терпигореву, на помещика, решившего завести это дело, «"Объявление" подействовало (...) особенно убийственно, то есть в смысле здравомыслия». И он решил обратиться к опыту иностранного животноводства, пытаясь создать у себя в поместье русское кролиководство – «зайцеводство». К реализации собственных планов Чирухин (так звали помещика) подошел с размахом: отвел все свои охотничьи владения под разведение «зайцев на племя» и построил специальную – внушительную по размеру «зайчину конюшню», истинно веруя, что заяц – это большой кролик. Помещик надеялся использовать животных для различных, нетрадиционных для той поры, целей – получения от зайцев мяса и шерсти, изготовления консервов. Итогом экспериментов по извлечению выгоды из мяса зайцев стало создание небольшого предприятия, на котором Чирухин выпустил продукт «Консервы из зайцев, приготовленные на заводах П.С. Чирухина»³, который, однако, по замечанию Терпигорева, был неудачен.

Еще одним источником идей заведения «рационального хозяйства», наряду с границей, был отечественный пример в лице т.н. «новых помещиков» – купцов и бывших секретарей консисторий (чиновники с IX по V класс «Табели о рангах»).

Эти «герои нового времени» постепенно скупали прогоревшие дворянские поместья, однако, осваиваясь на земле, не тратили средства на реализацию бесплодных и необдуманных мечтаний и проектов, практически не попадались на «рациональном хозяйстве». В то же время, в прямом смысле слова признать таковыми их хозяйства также не представлялось возможным⁴.

В отличие от «старых» помещиков, «новые» были заинтересованы не в земледелии, а в получении дохода, который земля могла им принести. Поэтому они предпринимали разные меры для увеличения доходности имений. Например, практиковали продажу скота на забой, заведение кабаков и перепрофилирование земли под аренду и посадки, а также создавали «удивительно разработанную систему штрафов и вымогательства»⁵, с помощью которой планомерно, при появлении такой возможности, взимали деньги с крестьян.

¹ Набялэк О.Э. Указ. соч. С. 70.

² Терпигорев С.Н. (С. Атава). Указ. соч. Т. 1. С. 68.

³ Там же. С. 69, 75.

⁴ Набялэк О.Э. Указ. соч. С. 176–177.

⁵ Терпигорев С.Н. (С. Атава). Указ. соч. Т. 1. С. 88.

Именно в этом – в заведении нового сельского хозяйства, создании предприятий по свиной бойне, организации кабаков, трактиров, постоянных дворов и проч. «старые» помещики пытались подражать Подугольниковым и Сладкопевцевым – новым помещикам. Но и здесь им не суждено было добиться положительных результатов. Терпигоров объясняет это тем, что главным фактором успеха «новых помещиков» являлся их жизненный опыт и навыки, которые они получали порой с самого детства и в течение всей жизни. Дворяне же не обладали ни знаниями, ни навыками «новых» дворян. Они формально отнеслись к вопросам опыта, полагая, что успех «новых помещиков» кроется лишь в их одежде, т.е. во внешних признаках. Очевидно, что при таком подходе помещиков ожидала неудача.

Итак, и в этом случае помещики проиграли, не сумев ни завести продуктивного «рационального хозяйства», ни выстоять в борьбе с «новыми помещиками». Большинство таких помещичьих затей напоминало не «золотые горы», а, по точному определению исследовательницы российского дворянства в пореформенный период О.Э. Набялэк, «воронку», в которую проваливались практически все средства, предназначенные для ведения «рационального хозяйства»¹. Это, в конце концов, привело к упадку и обнищанию помещиков и их поместий.

Представители второй крупной категории помещиков – «без полета фантазии» не стали затевать большие и необдуманные эксперименты по рационализации своих хозяйств. Поэтому они «сходили на нет» молча и неприметно, погибая, «можно сказать, крадучись...»². Судьбы таких помещиков, их «Осиновок» и «Сосновок» разнообразны. Условно их можно разделить на две группы.

К первой относились дворяне, решившие не предпринимать значимых усилий для адаптации своих хозяйств к новым условиям; вследствие чего по разным причинам, но довольно быстро лишились своей земли. Так, большая часть из них, в отличие от «рациональных хозяев», вскоре поняла, что в «помещичьей жизни все перевернулось, что тут никакой силой ничего не обернешь на старый лад», и осознала беспомощность различных экспериментов. Следствием этого стала незамедлительная продажа собственных имений – как правило, за небольшие денежные суммы³.

По замечанию Атавы, к таким помещикам относились большей частью «новые дворяне», т.е. потомственные дворяне или в первом поколении, получившие это право, в основном, за «Владимира четвертой степени»⁴, или во втором. В обоих случаях поместья приобретались ими для «вольготности» незадолго до «Положения». Поэтому земля не стала им дорога (в отличие от «столбовых» дворян, к которым Терпигоров относил помещиков-рационализаторов). Следовательно, они предпочли оставить имения, потерявшие привлекательность и доходность, и переехать в город⁵.

Другие помещики, быстро расставшиеся с землей, принадлежали к «коренным», «столбовым» дворянам. Не приняв реформу психологически, они сохраняли видимость старого порядка, не отказывались от жизни на широкую ногу и своеобразно по-

¹ Набялэк О.Э. Указ. соч. С. 70.

² Терпигоров С.Н. (С. Атава). Указ. соч. Т. 1. С. 303–304.

³ Там же. С. 207.

⁴ Императорский орден Святого равноапостольного князя Владимира – учрежденный в 1782 г. в честь князя Владимира четырехстепенный орден для военных в чине от подполковника и чиновников среднего ранга. С 1845 г. ордена Св. Владимира и Св. Георгия остались последними наградами, пожалование любой степени которых давало право на потомственное дворянство – в то время, как для других орденов требовалось награждение высшей 1-й степенью.

⁵ Терпигоров С.Н. (С. Атава). Указ. соч. Т. 1. С. 305–306.

нимаемого воспитания детей. Зачастую трата огромных сумм на образование своих чад приводила к полному обнищанию семей.

Ирония судьбы состояла в том, что именно дети становились «последним аккордом» в жизни таких помещиков. Именно дети, неожиданно для их отцов и матерей, оказывались абсолютно нечувствительны к бедам и проблемам родителей и не испытывали чувство благодарности за данное им воспитание. Кроме того, молодое поколение активно критиковало «отцов» за отказ от создания «рационального хозяйства». При этом сами дети впоследствии для получения денег себе на «обучение» распродают все имущество, включая «Отчий дом».

Судьба поместного дворянства, входящего во вторую группу помещиков «без фантазии», представляется более интересной. Они отчасти адаптируются к новой реальности и остаются в своих поместьях, снизив до минимума расходы, отказавшись от «старой жизни» и найдя иной способ получения дохода. Однако таковых явное меньшинство. С.Н. Терпигорев описывает всего лишь два типа приспособившихся. Наиболее ярким и удивительным является пример удачливой помещицы Евпраксии Павловны. Получив большое имение и внушительное денежное наследство, она не только сохраняет состояние, но и увеличивает его – получает доход с земли, которую раздала «по частям в аренду, купцам и кулакам-мещанам», дает деньги в долг под залог земли¹. Но и она в конечном итоге разорится, став заложницей обстоятельств, и от ее богатств не останется и следа.

Таким образом, Терпигорев отразил весь спектр судеб помещиков и их хозяйств в пореформенный период: от моментального оставления поместья до долгих и мучительных попыток наладить «рациональное хозяйство». Но в силу ряда причин – неимения «своего» занятия, отсутствия желания идти в ногу со временем, склонности к поспешным и необдуманным решениям – помещики были обречены на постепенное и полное оскудение.

Думается, «Оскудение» С.Н. Терпигорева является незаменимым вспомогательным источником для понимания атмосферы, царившей в пореформенном дворянско-помещичьем обществе русского Черноземья, и настроений русского средне- и мелко-поместного дворянства – его самоощущения и видения перспектив. Эти очерки обладают высокой степенью достоверности. Автор знал ситуацию изнутри и не ставил целью заострить изображение до уровня сатиры/памфлета (как М.Е. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города»). Кроме того, в произведении прослеживается четкая и ясная градация типов помещиков, сложившихся ситуаций и вариантов развития. И наконец, Терпигорев не просто анализирует причины «оскудения» дворянского землевладения; он предлагает рецепты выхода из кризиса (организация профессионального управления помещьем, ориентация дворян на работу на земле, получение актуального образования и т.п.).

В заключение отметим, что само творчество Терпигорева-Атавы, в целом, и цикл очерков «Оскудение» – в частности, содержат большой потенциал для дальнейших исследований в различных направлениях – в области социально-экономической, гендерной истории и др.

¹ Там же. Т. 2. М., 1958. С. 318–319.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ОТ ЧАСТНОГО К ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ

Активное строительство железных дорог с середины XIX в. отчасти было вызвано стремлением наполнять бюджетные потребности с помощью косвенного обложения. Интенсивное строительство становилось решающим фактором в развитии экономики. Оно выходило за рамки технических и экономических новаций, и определило прорыв в «цивилизированный мир», от которого Россия долгое время была отдалена бездорожьем. Усиленная постройка железных дорог ускоряла переход России от натурального хозяйства к денежному, активизировала развитие промышленности; а та, в свою очередь, требовала «хорошего оборудования страны железнодорожной сетью», железная дорога открывала новые рынки продуктам промышленности¹. Первый рывок был осуществлен в период «Великих реформ», когда железнодорожный бум 1870-х гг. позволил создать сеть железных дорог в европейской части страны. В это время дорог стали строить больше и быстрее, чем в других европейских странах. Если в начале царствования Александра II длина железных дорог в России составляла 1 тыс. км, то к 1880 г. – 22 тыс.² При этом на устройство дорог было затрачено свыше 2 млрд руб., в т.ч. 1 млрд 112 млн руб. средств государственного казначейства. Кроме того, уплата гарантированного дохода, недоимки по уплате процентов с облигационного капитала и различные ссуды обществам образовали значительный долг последних перед государственным казначейством. Долг этот на 1 января 1879 г. составил не менее 450 млн руб., а с затратами на постройку Николаевской железной дороги и на развитие рельсового производства, вагоностроение и паровозостроение общая сумма расходов казны на железнодорожное дело составила 1 млрд 732 млн руб.³

В западных странах строительство железных дорог стало ответом на потребности рынка; в России же, напротив, железнодорожное строительство стимулировало развитие рынка, т.е. основания для выработки подходов к строительству сети железных дорог и их эксплуатации в России и за рубежом изначально были разные.

Русское правительство с самого начала не хотело выпускать из своих рук железнодорожного дела, но неудачный опыт постройки казной нескольких линий привел к передаче строительства железных дорог в частные руки. Частные компании выговаривали себе очень выгодные условия. Казна брала на себя много обязательств по гарантии железнодорожных дивидендов, по реализации облигационных капиталов. Кроме того, железнодорожные компании добивались выгодных для себя условий выкупа дорог⁴. Таким образом, строительство железных дорог в России фактически осуществлялось на государственные средства или на средства, гарантированные государством, которое из-за этого залезало в громадные долги. При этом все железнодорожное дело было отдано частным предпринимателям практически в бесконтрольное ве-

¹ Озеров И.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М., 1905. С. 150–151.

² Пушкарев С.Г. Россия 1801–1917: власть и общество. М., 2001. С. 258.

³ Головачев А.А. История железнодорожного дела в России. СПб., 1881. С. 1.

⁴ Озеров И.Х. Указ. соч. С. 150.

дение. Такая система вскоре показала свою неэффективность и оказалась для государства вдвойне невыгодной. С одной стороны, погашение значительных убытков брала на себя казна, а с другой – страна пожинала плоды хозяйничанья частных предпринимателей. Потери казны на приплатах обществам по гарантии их доходов достигали 60 млн руб. в год¹. Российская теория капитализма была в середине XIX в. весьма юной, имела слабое представление о том, что частные компании, во всем преследуют только свои интересы, и в этом случае государство бессильно в полной мере оградить интересы общественные. И.Т. Тарасов писал: «Постройка железных дорог частными компаниями развивается всегда во время спекуляции, наступающей периодически, а потому железнодорожная сеть сооружается неправильно, урывками, с постоянным предпочтением наиболее доходным линиям, хотя бы это шло вразрез с интересами страны. Источник, откуда акционерные компании черпают средства для постройки железных дорог, оказывается далеко не безопасным». Он подчеркивал, что на казенных дорогах больше порядка и точности в движении, тарифы умеренные и общая сумма расходов на центральное управление меньше, чем на частных железных дорогах². А.А. Головачев категорично заявлял, что «чеканка монеты, почта, телеграфы, улучшение водяных и сухопутных сообщений, а следовательно и сооружение железных дорог составляют такие серьезные потребности общественной жизни, рациональное удовлетворение которых не может и не должно быть поставлено в зависимость от интересов частных лиц или отдельных обществ»³. Поиск баланса интересов государства и частных компаний в железнодорожном деле начался еще с момента начала крупного железнодорожного строительства.

Наиболее видные представители науки финансового права – К. Рау и А. Вагнер (Германия), П. Леруа-Болье (Франция) и др. твердо высказывались в пользу принадлежности железных дорог казне, опровергая мнение о предпочтительности частной инициативы⁴. Необходимость более тщательной регламентации железнодорожного дела русским правительством становилась все очевиднее. И это не удивительно, ведь даже в таких странах, как Англия и США, где давно сложились рыночные отношения, на определенном этапе общество стало настойчиво требовать все большего вмешательства государства с целью прекратить различные злоупотребления частных компаний; все чаще раздавались голоса за выкуп железных дорог казной⁵.

Перемены стартовали в начале 1880-х гг. с приходом на пост министра финансов Н.Х. Бунге. Он инициировал крупное железнодорожное строительство за счет казны и одновременно начал выкупать дороги, находящиеся в частном владении. В дальнейшем его начинание продолжил И.А. Вышнеградский, ставший министром финансов в 1887 г. В результате его операций по выкупу частных железных дорог 10 железнодорожных обществ из 41 прекратили свое существование⁶. Вышнеградскому удалось заложить прочные основы подчинения частных дорог правительству. В дальнейшем Министерство финансов, уже под руководством С.Ю. Витте, взяло на себя

¹ Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. М., 2011. С. 395.

² Тарасов И.Т. Очерк науки финансового права // Финансы и налоги: очерки теории и политики. М., 2004. С. 225–226.

³ Головачев А.А. История железнодорожного дела в России. СПб., 1881. С. 5.

⁴ Тарасов И. Т. Указ. соч. С. 225.

⁵ Янжул И.И. Основные начала финансовой науки: Учение о государственных доходах. М., 2002. С.149.

⁶ Мартынов С.Д. Государство и экономика: система Витте. СПб., 2002. С. 225.

определение железнодорожных тарифов, лишив частные общества и права автономно управлять железными дорогами. С широкомасштабным строительством железных дорог была во многом связана экономическая политика Витте, который, будучи самым опытным железнодорожником, лучше других понимал их значение. Залогом успеха экономических реформ Витте считал определяющую роль государства и добивался полного перехода железнодорожного транспорта в казенные руки, настаивая на продолжении выкупа государством частных железнодорожных линий.

При национализации железных дорог правительство, однако, оставило некоторые из них в руках частных обществ, но это была во многом вынужденная уступка, так как у казны попросту не хватало средств, хотя расходы бюджета на эти цели и возросли за 10 лет в 4 раза¹. Всего при Витте на железнодорожное строительство была затрачена астрономическая сумма – 2 млрд 400 млн руб., из них 55% путем займов внутри страны и за границей. Витте также сознательно делал исключение для тех обществ, деятельность которых оказалась рентабельной. Он заключал с ними соглашения, обязывая их строить новые и весьма протяженные линии. Так, общество Рыбинско-Бологовской дороги, владевшее лишь 275 верстами рельсового пути, превратилось в общество Московско-Виндавской дороги, линии которой к 1903 г. составляли уже 2446 верст; малая Рязанско-Козловская дорога (199 верст) выросла в Рязанско-Уральскую – 1600 верст и т.д. В итоге, число частных железных дорог при Витте сократилось более чем втрое (до 9), но каждое из обществ оказалось обладателем целой сети. Витте стремился использовать организаторский потенциал частных лиц, так как капиталы на строительство они получали в той или иной форме от правительства. Средства давались путем займов, помещавшихся в фонд государственных сберегательных касс или получаемых из-за границы при посредничестве минфина. Получение заграничных капиталов на имя частных обществ под гарантии правительства было выгодно казне; поэтому позже, в 1910-х гг., преемник Витте В.Н. Коковцов также использовал этот способ финансирования железнодорожного строительства².

В 1890-е гг. новая железнодорожная политика проводилась настолько решительно и неуклонно, что к началу XX в. уже около 70% сети магистральных железных дорог перешло в руки казны, а над остальными дорогами, принадлежавшими акционерным обществам, правительство осуществляло постоянный надзор как в тарифном, так и в финансовом отношении. В этих условиях железнодорожная сеть перестала требовать от казны каких-либо средств и в 1898–1900 гг. приносила чистую прибыль. В 1903 г. государство собрало 2 млрд 210 млн руб. обыкновенных и чрезвычайных доходов, причем неналоговых – 1 млрд руб., из которого 453 млн руб. дали казенные дороги, прибыль от которых лишь немного уступала винной монополии – 542 млн руб.³ Таким образом, казенное железнодорожное строительство и национализация частных железных дорог обеспечили рост доходов в этой отрасли почти в 4 раза – со 120 млн руб. в 1893 г. до 453 млн в 1903 г. Однако были велики и бюджетные расходы на железнодорожное хозяйство; их общая сумма со 142 млн в 1893 г. возросла к 1903 г. до 565 млн руб., т.е. почти вчетверо⁴. Поэтому можно признать, что за время деятельности Витте на посту министра финансов железные дороги, значительно увеличив доходную часть бюджета, тем не менее не принесли казне слишком уж круп-

¹ Кутлер Н.Н. С.Ю. Витте // Новый энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т.10. 1913. С. 835.

² Мартынов С.Д. Указ. соч. С. 225–226.

³ См.: Статистический ежегодник России. 1904 г. СПб., 1905. С. 368.

⁴ Мартынов С.Д. Указ. соч. С. 220.

ной прибыли. Этот скромный результат был связан и с недостатками управления, и с невысоким качеством строительства дорог, когда многое приходилось укреплять и заново переделывать. Имели место и переплаты казны при приобретении частных дорог. Но наибольший объем средств, по мнению Витте, отнимали государственные расходы на стратегическое железнодорожное строительство.

Вместе с тем, как показывал опыт зарубежных стран, железные дороги могли приносить регулярные крупные доходы. Так, казенные прусские дороги в 1900 г. принесли Пруссии чистого дохода 564 млн марок, а в 1901 г. – 518 млн марок¹.

Основной причиной сравнительно небольшой доходности российских железных дорог являлось то, что многие линии имели только стратегическое значение и были бездоходными в коммерческом отношении; индустриализация страны только начиналась, поэтому промышленность еще не могла дать железным дорогам необходимых объемов работы. Витте отмечал, что России приходится строить много дорог, не вызванных экономическими нуждами. К их числу он относил стратегические ветки в Царстве Польском и западных губерниях, а также южную ветку КВЖД, Уссурийскую, Оренбургско-Ташкентскую и другие линии, которые строились по требованию военного ведомства². Впрочем, нельзя не учитывать, что и эти линии впоследствии сыграли значительную роль в социально-экономическом развитии окраин России³. Казна была заинтересована в эксплуатации железных дорог не только как в источнике пополнения бюджета, но и в качестве гаранта, поскольку ей принадлежало 97% всех капиталов, вложенных в частные дороги.

Политико-стратегические цели постройки были даже более существенными, чем коммерческие. Этот процесс был связан с освоением новых территорий: в течение нескольких лет, начиная с 1901 г., из европейской в азиатскую часть России переехало 2 млн чел. или примерно 400 тыс. семей⁴. Стратегические цели достигались усилением роли государства, которое имело возможность строить малооходные и даже убыточные дороги, необходимость которых оправдывалась обороной, целями развития промышленности и сельского хозяйства, заселением окраин. При этом государство могло при постройке дорог и их эксплуатации использовать очень высокую концентрацию капитала, труда и техники, невозможную для акционерных обществ.

Вопрос: как лучше вести железнодорожное дело – непосредственным ли введением казенного управления или с опорой на частный капитал? – актуален и сегодня. Здесь сосредоточена и пересекается такая масса разнообразных и важных интересов, что оставлять дороги в бесконтрольном ведении частных предпринимателей – дело крайне рискованное. Частное предприятие имеет собственные интересы и, следовательно, даже в самом лучшем случае интересы народа и государства будут отходить на второй план. Поэтому управление железными дорогами, осуществляемое правительственной властью, наиболее соответствует их экономическому и стратегическому предназначению.

¹ Озеров И.Х. Указ. соч. С. 152.

² Ананьич Б.В. Россия и международный капитал. Л., 1970. С. 96.

³ Маргыннов С.Д. Указ. соч. С. 221.

⁴ Елисеева И.И. Политика железнодорожных тарифов в России // История финансовой политики: Сб. статей. СПб., 2000. С. 142.

**ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ И СТИЛЯ ПРОПОВЕДЕЙ
ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В 1860–1870 гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ)**

Проповеди русского православного духовенства, разнообразные по стилю, тем не менее всегда отличаются особым языком, который должен соответствовать как важности темы, так и духу Евангелия. Священнослужители первых пореформенных лет нередко спорили о стиле и языке проповедей. Одни отдавали предпочтение конкретике, упрощая свою речь, но не в ущерб смыслу; другие, напротив, считали главным эмоциональное воздействие на слушателя, а не апелляции к его разуму. Для анализа характера этих расхождений обратимся к материалам «Ярославских епархиальных ведомостей» 1860–1870 гг. В них, наряду с официальными документами и хроникой епархиальной жизни, размещались переводы трудов святых отцов, проповеди, краеведческие статьи и заметки, стихи местных поэтов.

При публикации проповедей в «Ярославских епархиальных ведомостях» задача состояла и в том, чтобы научить священников общаться с крестьянами, находить к ним подход, просвещать их. Это – важное открытие, так как нахождение общего языка с народом в период крупных реформ царствования Александра II обеспечивало бы и возрастание общественной роли Церкви в поворотный момент отечественной истории, и включение социальных низов в общественную жизнь страны. Так, в 1862 г., обращаясь к своим авторам и читателям, редакция заявляла об одном из ключевых принципов отбора проповедей для публикации, а именно – о неприемлемости псевдонародного стиля: «Мы предоставляем доброй воле и опытности духовных писателей выбор предметов для сочинений такого рода, их формы и способов упрощения и приближения к разумению крестьян христианского учения, – но находим нужным сказать, что мы избегаем в своем издании одного, по нашему мнению, ложного направления, в популярных сочинениях, это искусственного приспособления к крестьянской речи»¹. Доказательством существования особого языка проповедей можно считать обращение редакции к подписчикам в начале 1864 г., где вновь говорилось о публикации проповедей: «О всех же (проповедях. – А.З.) вообще должно сказать, что они сохраняют строгое приличие языка, того языка, который свойственен церковной кафедре и священным предметам, воздвигаемым с этой кафедры, что все они с должным благоговением относятся к излагаемым ими истинам, которые изошли не из человеческого ума»². Надо, конечно, иметь в виду, что этот специальный стилизованный язык был очень дифференцированным и разнообразным, вполне допуская адаптацию для неграмотного крестьянского населения.

При этом вспоминается печально знаменитое «Соединение и перевод четырех Евангелий» Л.Н. Толстого³, появившееся намного позже этого замечания. Толстой пытался просвещать народ и вести с ним диалог на понятном языке, приспосабливаясь к крестьянской речи. Если сравнить проповеди и «Евангелие» Толстого как итог поиска приемлемого языка, на котором было бы возможно объяснять народу христи-

¹ От редакции // Ярославские епархиальные ведомости. 1862. № 48.

² От Редакции // Ярославские епархиальные ведомости. 1864. № 1. С. 7.

³ См.: Толстой Л.Н. Соединение и перевод четырех Евангелий. М., 1995.

анские истины, то можно заметить, что авторы пытаются достичь этого разными способами и приходят, разумеется, к разным результатам. В проповедях доходчивость и ясность сказанного обеспечивается подробным объяснением с помощью общеупотребительных слов, которые, как правило, не имеют просторечных оттенков. В «Евангелии» же Толстого, напротив, снижение стиля сопровождается просторечными выражениями, способствующими деградации смысла сказанного. Из этого следует, что Толстой в своем диалоге с крестьянами не был первопроходцем и Церковь уже имела негативный опыт такого рода. Кроме того, приведенный пример доказывает, насколько различны были взгляды на народ и вопросы общения с народом у разных групп образованного общества.

В качестве примера проповеди, которая обращена к простым неграмотным людям, возьмем проповедь «Об обязанностях жены по отношению к мужу и семейству»¹ священника Николая Скворцова. Она имеет очень простой план и напоминает некий учебный алгоритм, по которому необходимо действовать, чтобы составить сочинение этого жанра. Вступление представляет собой краткую аннотацию содержания проповеди: «Ныне я буду говорить об обязанностях жены по отношению к мужу и семейству. Итак, послушайте со вниманием, жены»². Автор избегает постановки проблемы, длинного вступления и какого-либо обоснования важности этого разговора с вероучительной или социальной точки зрения. Он лишь стремится привлечь внимание слушателей и объяснить им, о чем он собирается с ними говорить, так чтобы они поняли это наверняка. Далее перечисляются обязанности жены по отношению к мужу и семье. Всего пять пунктов, четыре из которых посвящены долгу перед мужем, и лишь последний – детям. При этом основные тезисы подкреплены цитатами из Священного Писания. Любопытно, что проповедник заимствует фразу из Евангелия от Матфея, переведя личные местоимения в женский род: «Но если которая из вас не будет учить детей своих, да еще дурным поведением будет служить для них соблазном: то, по слову Господа, лучше ей будет, если обвесится жернов осельский на выи ея и она потонет в пучине морской (Матф. 18, 6)»³. Этой переделанной цитатой автор желает подчеркнуть, что она обращена к слушающим его женщинам. Один из пунктов требований к жене звучит в проповеди так: «Жена есть помощница мужа. Поэтому долг ея – во всех случаях семейной жизни, и советом и всяким делом, оказывать помощь мужу. Как несчастно то супружество, где муж трудится всеми силами, а жена, предавшись праздности, не хочет ни в чем помогать ему! Один муж, как бы ни трудился, но успех его всегда не важен. Нет, жены! Так не делайте, но всеми силами помогайте мужьям своим во всем, в чем только можете»⁴. Первое, на что необходимо обратить внимание, – это наличие восклицательных знаков в тексте, указывающее на эмоциональность проповеди. Эмоциональность – очень важная характеристика, которая сильно влияет на отношение слушателей и читателей к тексту, на привлечение их внимания к теме.

Священники могли по-разному позиционировать в проповедях себя и своих слушателей. Рассуждения часто строились на противопоставлениях некой группы («вы»), от которой проповедник себя отделял, так как с этой группой были связаны те или иные грехи, и группой «мы», к которой автор причислял и самого себя, излагая свои

¹ Об обязанностях жены по отношению к мужу и семейству // Ярославские епархиальные ведомости. 1866. № 23. С. 177–179.

² Там же. С. 177.

³ Там же. С. 177.

⁴ Там же. С. 178.

наставления. В текст проповеди осознанно не включались конкретные факты. Поэтому возникает впечатление, что наиболее информативным является заголовок проповеди, а не ее содержание. Случаи наличия в проповеди тех или иных практических примеров и сведений довольно редки. Там нет и конкретных рекомендаций насчет благочестивого поведения или порицаний в адрес неблагочестивых поступков человека. Текст максимально обезличивает возможного слушателя; автор создает абстрактный коллективный портрет своей аудитории и обращается к нему. Известный немецкий исследователь основ пропаганды и пропагандистского языка Виктор Клемперер выделяет следующие семантические особенности языка, ориентированного на общество малообразованных людей: «Но речь не просто стала теперь важнее, чем прежде, она с неизбежностью изменилась и в своей сущности. Поскольку теперь она адресуется всем, а не только избранным народным представителям, она должна быть и понятной всем, а значит более доступной всем, а значит – народу. Доступная народу речь – речь конкретная; чем больше она призывает к чувствам, а не к разуму, тем доступнее она народу. Переходя от облегчения работы разума к его сознательному отключению или оглушению, речь переступает границу, за которой доступность превращается в демагогию или совращение народа». При кажущейся разности эпох – той, о которой идет речь в книге Клемперера, и той, о которой говорим мы, у них есть одна общая деталь. Клемперер пишет, что речь должна стать понятной в силу того, что она нацелена на широкие массы и может быть услышана благодаря новым техническим способам ее передачи – телевидению, радио, кино – независимо от расстояния: «...метод древних (ораторство. – А.З.) распространен на безграничное пространство, вождь реально и персонально обращается теперь "ко всем", даже если отдельные группы этих "всех" находятся за тысячи километров друг от друга»¹.

Ситуация, в которой оказались издатели журналов и газет в России в 1860-е гг., была во многом аналогичной, так как, с одной стороны, в это время появился массовый читатель как явление общественной жизни, с другой – открылись профильные специализированные издания, к которым относились и «Ярославские епархиальные ведомости». Редакция, пользуясь беспрецедентной возможностью быть услышанной максимально широкой на тот момент аудиторией, намеревалась публиковать такие нравоучительные тексты, которые были доступны пониманию как читателей, так и простых прихожан в храмах.

¹ Клемперер В. ЛТИ: Язык Третьего рейха. Записки филолога. М., 1998. С. 70.

ВОЙНА 1877–1878 гг. КАК ПРОВЕРКА РЕФОРМ

Война 1877–1878 гг. стала своеобразным испытанием на прочность реформ императора Александра II – экзаменом, который достижения либеральных преобразователей так и не смогли выдержать. Нисколько не ставя под вопрос саму необходимость этих преобразований, предлагаю задуматься о том, были ли они эффективными или нет.

Уже в 1876 г. было ясно, что султан не собирается идти на уступки в отношении своих христианских подданных. Русско-турецкие отношения стремительно ухудшались. Императорское правительство, которое поначалу не желало вмешиваться в балканские проблемы, под давлением общества начало отходить от первоначальной позиции. Перелом в пользу войны произошел на т.н. Ливадийских совещаниях, которые начались 25 августа (6 сентября) 1876 г. В них принимали участие император, наследник цесаревич Александр Александрович, министр двора граф А.В. Адлерберг, министр иностранных дел князь А.М. Горчаков, посол в Турции генерал-адъютант Н.П. Игнатъев, военный министр генерал-адъютант Д.А. Милютин, министр финансов М.Х. Рейтерн.

Свой первый день на совещаниях Рейтерн описал следующим образом: «Государь меня тотчас принял и сказал мне, что несмотря на его желание кончить дело мирным путем, это по всему вероятно не удастся и что следует готовить средства для войны. Я начал было объяснять государю трудность вообще и в особенности в год, экономически неблагоприятный. Государь, против своего обыкновения, меня прервал словами, что нечего делать, приказал переговорить с другими и затем доложить ему (...) Общая атмосфера в Ливадии была крайне воинственна¹. Почти теми же словами описал настроения на совещаниях и Игнатъев².

Сторонником военного вмешательства в конфликт был только Милютин, но именно его доводы возобладали над другими. В Ливадию Рейтерн ехал, надеясь отстаивать интересы своего ведомства в своем понимании – т.е. необходимость экономии. 1(13) октября он уже был в Крыму. «Здесь большое волнение – to be or not to be, - отметил 3(15) октября 1876 г. Жомини. – Министр финансов колеблется»³. Имелись в виду колебания на предмет возможности внешнего займа на Берлинской бирже. 3(15) октября 1876 г. Рейтерн подал записку императору с изложением своей позиции – конечно, антивоенной. Министр финансов постоянно выступал с требованиями экономии и в первую очередь на обороне⁴. Он был весьма обеспокоен постоянным ростом военных расходов. Их рост начался только после австро-прусской войны 1866 г.: в 1865 г. они составили 127,687 млн руб., в 1866 г. – 129,687 млн руб., в 1867 г. – 127,25 млн руб., в 1868 г. – 136,701 млн руб., в 1869 г. – 147,702 млн руб., в 1870 г. – 145,211 млн руб., в 1871 г. – 159,257 млн руб., в 1872 г. – 165,924 млн руб., в 1873 г. – 175,033

¹ Куломзин А.Н. М.Х. Рейтерн. СПб., 1910. С.158.

² Записки графа Н.П. Игнатъева // Исторический вестник (далее – ИВ). 1914. № 5. С. 446.

³ Russia in the East 1876–1880. The Russo-Turkish war and the Kuldja crisis as seen through the letters of A.G. Jomini to N.K. Giers. Edited by Chrales and Barbara Jelavich. Leiden, 1959. P. 30.

⁴ Степанов В.Л. Михаил Христофорович Рейтерн // Российские реформаторы (XIX – начало XX в.). М., 1995. С. 159–160.

млн руб., в 1874 г. – 198,709 млн руб., в 1875 г. – 201,284 млн руб., в 1876 г. – 260,792 млн руб.¹ Ведомство финансов традиционно выступало против любых военных действий и территориальных приобретений². Подъем 1869–1873 гг. позволил Рейтерну планировать возвращение к свободному обмену бумажных денег на звонкую монету; впрочем, после кризиса 1873 г. и неурожайного 1875 г. об этих планах пришлось забыть³.

Показатели последних трех лет (1874–1876), когда военные расходы составили соответственно 36,58%, 37,05% и 41,8% всех расходов страны, особенно взволновали Рейтерна, который к 1876 г. вплотную подошел к реализации своей мечты – бездефицитного бюджета. Планируемые на 1876 г. доходы составляли 570 138 308 руб., а расходы – 570 052 136 руб., что дало профицит в 86 170 руб. Однако даже мобилизация 1876 г. привела к чрезвычайным, незапланированным расходам, поэтому в реальности финансовый год завершился дефицитом в 64 843 480 руб.⁴ Рейтерн пытался убедить императора отказаться от планов вмешательства в Балканский кризис по соображениям финансовой экономии, которой особенно буквально следовали в 1867–1875 гг. Финансовое положение в действительности было не блестящим, однако это было следствием политики Рейтерна в железнодорожном вопросе, приведшей к росту выплат по гарантированным государством капиталам частных линий⁵.

Реакция Александра II явно свидетельствовала об изменении его еще недавно миролюбивых настроений. «Государь сказал, - отмечал Рейтерн, - что записка произвела на него самое грустное впечатление, что я порицаю все реформы его царствования, доказывая, что эти реформы ослабили Россию; что я вовсе не указываю на средства для ведения войны и предлагаю унизить Россию. Что этого ни Он, ни сын Его не допустят»⁶. Судя по свидетельству Рейтерна, император был очень взволнован. Действительно, внешнеполитический вопрос явно становился и вопросом внутренней политики. Если Россия Николая I была в состоянии выдержать противостояние с коалицией, а Россия его преемника не могла вести войну с Турцией, то вопрос об оценке реформ 1860-х гг. вновь ставился в повестку дня, и причем далеко не только одними революционерами. По словам Н.К. Гирса, Александр II был настолько возмущен запиской министра финансов, что швырнул «эту записку через стол Рейтерну, говоря, что теперь нужны не записки, а дела»⁷. Милютин описал ту же сцену следующим образом: «...Государь возвратил ему записку, сказав, что он вызвал его не для того, чтобы узнать его мнение, следует ли начать войну или нет, а чтобы изыскать средства к покрытию тех издержек, которые вызовет война»⁸.

Раздражение императора можно легко понять. Действительно, если Рейтерн повторял те же доводы о финансовой неподготовленности России, что и в 1866, и в 1870 г., то невольно возникал вопрос, ослабили или усилили реформы Россию. Если в 1856 г. Александр II согласился на переговоры в Париже по причине финансовой сла-

¹ Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История-статистика. Т. 2. СПб., 1882. С. 195, 228.

² Степанов В.Л. Михаил Христофорович Рейтерн // Российские реформаторы (XIX – начало XX в.). М., 1995. С. 160.

³ Степанов В.Л. Цена победы: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и экономика России // Российская история. 2015. № 6. С. 100.

⁴ Блюх И.С. Указ. соч. Т. 2. С. 227, 229.

⁵ Степанов В.Л. Михаил Христофорович Рейтерн // Российские реформаторы (XIX – начало XX в.). С. 172, 174.

⁶ Куломзин А.Н. Указ.соч. С. 159.

⁷ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 2. М., 1966. С. 187.

⁸ Милютин Д.А. Дневник. Т. 2. М., 1949. С. 93.

бости, которая была следствием чудовищного напряжения Крымской войны, если в ноябре 1866 г. он склонился к мнению большинства, в т.ч. и к голосу Рейтерна, объяснявшего финансовую слабость страны относительно недавней отменой крепостного права и экстраординарными расходами 1863–1864 гг., то выходило, что за 20 лет, прошедших после Парижского мира, и за 10 лет, прошедших после совещаний по вопросу об отмене ограничительных статей 1856 г., ничего не изменилось. Министр финансов, постоянно настаивавший на государственной экономии и достижении профицитного бюджета, явно не желал понимать, что не государство существует для бюджета, а скорее наоборот. Впрочем, творец финансовых реформ рано или поздно все равно должен был получить вопрос, почему они не дали положительных результатов для государства и когда можно будет ожидать таковые. Между тем, времени для поиска ответов уже не было.

9 ноября 1877 г. Дизраэли выступил с весьма жесткой речью¹. Это выступление прозвучало в Гилдхолле – в здании мэрии Лондона как ответ на предложения России. Оно и было таким – глава британского правительства категорически протестовал против права Австро-Венгрии оккупировать Боснию и Герцеговину, а России – Болгарию. «Несмотря на то, что политика Англии миролюбива, - заявил он, - нет страны более подготовленной к войне, чем наша. Если она вступит в войну за справедливое дело, а я не верю, что она может вступить в войну иначе, как за справедливое дело, если затронуты будут ее свобода, ее независимость, ее империя, ее ресурсы, я чувствую, что она будет неутомима. Она не из тех стран, которая, вступая в кампанию, должна спрашивать себя, может ли она позволить себе вторую и третью кампанию (прямое указание на Россию – примечание «Спектейтора». – О.А.). Нет, она вступит в кампанию, которая не кончится, пока правда не победит»². Смысл речи был ясен – Дизраэли говорил о готовности Англии отстаивать целостность Турции вплоть до войны³. Это было не первое уже выступление британских политиков в защиту Турции. «Таймс» писал о том, что и вся британская колония в Константинополе и, что гораздо более важно, посол Эллиот неустанно убеждал: «Англия никогда не согласится допустить нашествия России на Турцию»⁴.

Ответ не заставил себя ждать⁵. 29 октября (10 ноября) по приезде в Москву из Крыма Александр II также перешел к публичным заявлениям. В день возвращения монарха в Москву в Большом Кремлевском дворце собрались тысячи представителей различных сословий России. Залы дворца не вмещали людей – император шел по узкому проходу в человеческом море. Александр II через Красное крыльцо проследовал на молебен в Успенский собор. По окончании службы московский городской голова поднес монарху хлеб-соль⁶, и тот сказал речь, смысл которой заключался в следующем пассаже: «Желаю весьма, чтобы мы могли прийти к общему соглашению. Но если же оно не состоится и я увижу, что мы не добьемся таких гарантий, которые обеспечивали бы исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то я имею твердое намерение действовать самостоятельно»⁷.

¹ Loftus A. Diplomatic reminiscences. Vol. 2. 1862–1879. London, 1894. P. 194.

² News of the week // The Spectator. November 11, 1876. № 2524. P. 1395.

³ Loftus A. Op. cit. Vol. 2. P. 195.

⁴ Иностранные известия // Правительственный вестник. 29 октября (10 ноября) 1876. № 241. С. 2.

⁵ Записки графа Н.П. Игнатьева // ИВ. 1914. № 5. С. 447.

⁶ Мещерский В.П. Мои воспоминания. СПб., 1898. С. 308.

⁷ Слова, произнесенные Государем Императором при приеме московского дворянства и городского общества в Москве, 29-го октября 1876 года // Правительственный вестник. 31 октября (12 ноября)

Московская речь императора была результатом Ливадийских совещаний. Но она была воспринята и в России и в Европе как реакция на недвусмысленные угрозы британского премьер-министра¹. «Необычное слово царское, - вспоминал Игнатьев, - прозвучало в Европе как отклик на британский вызов»². В случае, если этот вызов был бы принят, только молниеносная и решительная победа давала России возможность избежать вмешательства Европы. Возможность достичь подобного успеха была предоставлена. Ни в одной из русско-турецких войн фактор времени не играл столь значительную роль. Турция возлагала все свои надежды на успешную оборону.

Если финансовое положение Османской империи можно описать как затянувшийся на несколько лет крах, то финансы Российской империи находились в лучшем, но все же не в блестящем состоянии, и это требовало быстрых и эффективных решений. Готова ли была к ним Россия? Русские планы были основаны на расчетах проведения войны в одну кампанию, что требовало высокого уровня подготовки армии и ее руководства. «У нас подготовлены войска и материальные средства, - отмечал 27 июля (8 августа) 1876 г. Милютин, но вовсе не подготовлены ни главнокомандующие, ни корпусные командиры»³. На самом деле состояние армии было далеко не блестящим, что не замедлило сказаться на ее действиях. С ноября 1861 г. Военное министерство возглавлял генерал Д.А. Милютин, который провел ряд реформ, полностью изменивших систему комплектования и управления армией. Финальным и, пожалуй, самым известным эпизодом этой колоссальной работы стало введение 1(13) января 1874 г. всесословной воинской повинности. Ее результаты, конечно, не могли еще проявиться, однако широкие преобразования в армии начались еще в 1862 г.⁴ Их естественной проверкой стала война. Каковы же были итоги 15-летнего пребывания Д.А. Милютина на посту военного министра?

«Что касается боевой готовности выставленных войск, - писал один из самых первых историков этой войны, - то она оставляла желать многого: линейная пехота была вооружена несовершенным оружием – винтовками Крнка; стрелковые батальоны, хотя имели малокалиберные винтовки Бердана, но образца № 1, а не окончательного; артиллерия была вооружена 4-х и 9-ти фунтовыми медными пушками, которые по своей малой начальной скорости (около 1 000 ф. в секунду) должны быть отнесены к первоначальному типу нарезной артиллерии; кавалерия была недостаточно подготовлена к выполнению главного своего назначения – разведывательной службе; новые тактические приемы, вызванные быстрым усовершенствованием огнестрельного оружия, еще не успели привиться в войсках; особенно сильно сказывалось отсутствие связи при совместных действиях трех родов оружия. Все эти недостатки искупались одним неизменным достоинством – мужеством и выносливостью солдат»⁵.

Технический прогресс, который мог быстро обесценить любое новое оружие, особенно сильно сказался на процессе перевооружения России. «Содержа громадную кадровую армию и в то же время постоянно нуждаясь в финансовых средствах, зачас-

1876. № 243. С. 1; Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Вып. I. СПб., 1899. С. 32.

¹ Argyll G. The Eastern question from the Treaty of Paris 1856 to the Treaty of Berlin 1878 and to the second Afgan war. Vol. 1. London, no date. P. 304.

² Записки графа Н.П. Игнатьева // ИВ. 1914. № 5. С. 448.

³ Милютин Д.А. Дневник. Т. 2. С. 65.

⁴ О правительственной политике этого периода в отношении армии – см.: Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., 1952.

⁵ Маргьнов Е.[И.] Блокада Плевны (по архивным материалам). СПб., 1900. С. 4.

тую более, чем какое-либо другое европейское государство, - отмечал В.Г. Федоров, - русское правительство с крайней осторожностью относилось ко всем техническим нововведениям, требовавшим колоссальных денежных затрат»¹. За 20 лет Военное министерство не успело решить проблему удовлетворительного снабжения армии стрелковым оружием. В 1856 г. для вооружения стрелковых частей была утверждена переделочная (из гладкоствольных ружей) 6-линейная (15,24 мм) дульнозарядная винтовка, разными вариантами которой с 1860 г. начали перевооружать пехоту и казачьи части². Ее производство в России налаживалось с трудом (Ижевский завод, например, не мог справиться с заказом в 30 тыс. винтовок в год), производство налаживалось медленно, был высок процент брака³. Заказ на производство винтовки пришлось размещать в Германии и Бельгии, где производство было качественнее и быстрее, но дороже⁴. Очень скоро выяснилось, что 6-линейная винтовка – весьма капризное и ненадежное оружие, выходившее из строя даже в мирное время⁵.

После австро-прусской войны необходимость введения более надежной и современной винтовки стала очевидной для всех. Эта необходимость совпала с предложениями, сделанными германскими оружейниками⁶. В сентябре 1867 г. была принята новая, т.н. переделочная винтовка системы Карле (игольчатая, по образцу прусской винтовки Дрейзе)⁷. Она отличалась надежностью, заряжалась с казенной части и делала от 13 до 15 выстрелов в минуту⁸. Их изготовили 213 тыс. штук, в основном для нужд войск, действовавших в Азии, а в 1869 г. на вооружение была принята еще одна переделочная винтовка – системы Крка⁹. Это не было чем-то необычным. В Англии между 1857 и 1861 гг. было принято в качестве эксперимента 4 варианта казнозарядных карабинов для кавалерии. Винтовка Мартини-Генри была принята на вооружение только в 1867 г. Между 1860 и 1871 гг. только в США было принято 500 патентов на казнозарядные винтовки¹⁰.

Русское правительство обратило внимание на американскую систему Бердана. Она не была идеальной – русские оружейники были недовольны качеством американских стальных стволов¹¹. После значительных изменений, сделанных русскими офицерами, винтовка в Америке получила прозвище «Russian musket». Проведенные испытания показали огромное превосходство этого оружия над имевшимися в России 6-линейными винтовками. Тем не менее в 1869 г. заводу Кольта был сделан заказ только на 30 тыс. таких винтовок¹². Между 1856 и 1865 гг. Кольт произвел 500 тыс. рево-

¹ Федоров В.[Г.] Эволюция стрелкового оружия. Ч. 1. М., 1938. С. 7.

² Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 119–120.

³ Субботин М. Об Ижевском оружейном заводе // Оружейный сборник (далее – ОСб). 1863. № 2. С.163–167.

⁴ Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. С. 120.

⁵ Огронович А. Нечто о 6-ти линейной винтовке // ОСб. 1866. № 4. С. 42.

⁶ Бильдерлинг П. Русская игольчатая винтовка (Исторический очерк постепенных совершенствований над системою Карле и Закса) // ОСб. 1868. № 1. С. 1–4.

⁷ Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. С. 175–176.

⁸ Буняковский В. Русская игольчатая винтовка... // ОСб. 1868. № 1. С. 36–38.

⁹ Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. С. 189–190, 210.

¹⁰ Bradley J. Guns for the Tsar. American technology and the small arms industry in nineteenth century Russia. Northern Illinois University Press. Dekalb. Illinois, 1990. P. 14–15.

¹¹ Saul N. Concord and conflict: the United States and Russia, 1867–1914. University of Kansas press, 1996. P. 107.

¹² Буняковский В. Несколько слов о свойствах русской 4,2 лин. винтовки, об испытании оной в Америке, об улучшениях, произведенных в ней и о преимуществах оной перед другими образцами оружия, заряжающегося с казны // ОСб. 1869. № 4. С. 1, 5.

льверов и почти 7 млн винтовок разных модификаций¹. В 1858 г. он снова приехал в Петербург и опять попытался добиться заказа на свою продукцию, но без успеха². При этом поездку трудно было назвать безрезультатной – револьверы Кольта пользовались популярностью среди офицеров жандармского корпуса и императорского конвоя³. Однако по ряду причин быстро выполнить русский заказ 1869 г. фирма Кольта не смогла. Производительность этого завода не позволяла сделать это ранее, чем через два года – в то время, как 3 казенных и 4 частных завода в год переделывали до 369 164 винтовок Крнка⁴. Для перехода на производство системы Бердана требовалась техническая модернизация. С другой стороны, «Крынка» считалась более дешевым и простым оружием⁵. Ижевский завод, например, сдавал государству винтовку Крнка по 15,5 руб. за штуку, а после перехода на производство Бердана цена одной винтовки выросла до 18 руб.⁶

В результате, в 1869–1871 гг. русская пехота в европейской части Империи была перевооружена новыми винтовками Крнка, а система Карле была сохранена для Кавказской армии и Туркестана. Только в 1871 г. было принято решение о начале перевооружения принципиально новой и имеющей меньший калибр (4,2 линии – 10,67мм) винтовки системы Бердана. Быстро сделать это не смогли⁷. Вводилось четыре образца винтовки – пехотная, драгунская, казачья и кавалерийский карабин⁸. Прицел новой винтовки давал возможность стрельбы от 200 до 1500 шагов, цельный патрон был лагунным⁹. Это создавало проблемы. Для производства лагуны необходимы были медь и цинк в соотношении 2 к 1. В 1877 г. был создан запас в 1 662 млн патронов, для чего потребовалось 1 874 006 пудов меди¹⁰. Ежегодная потребность экономики (без учета интересов армии) России в меди составляла 255 тыс. пудов¹¹. Патрон для винтовки Бердана оказался довольно дорогим, и для производства латуни к нему требовалась самая чистая медь. Из 1 пуда латуни получалось 900 патронных гильз, стоимость каждой равнялась 2,25 коп.¹² Меди требуемого качества в достаточном количестве в России не имелось¹³. Из добываемой меди под стандарты подходило только 78,5 тыс. пудов, остальное покрывалось за счет ввоза. В 1874 г. он составил около 360 тыс. пудов, в основном из Саксонии¹⁴. Военные опасались, что в случае большой войны придется использовать некачественную медь, что приведет к разрыву гильз при стрельбе¹⁵.

¹ Bradley J. Guns for the Tsar... P. 38.

² Мавродин В.В., Ефимов Ю.Г. Самуэль Кольт в Петербурге // История Петербурга. 2004. № 5(21). С.86, 88.

³ Bradley J. Guns for the Tsar... P. 59–60.

⁴ Чебышев В. Современное положение ружейных заводов в Англии, Бельгии, Пруссии и Австрии // ОСб. 1873. № 1. С. 2.

⁵ Аргаматов В. О русском переделочном скорострельном оружии // ОСб. 1875. № 2. С. 26.

⁶ Ижевский оружейный завод // ОСб. 1885. № 3. С. 25.

⁷ Перевооружение нашей армии // Артиллерийский журнал (далее – АЖ). 1871. № 9. С. 150, 152.

⁸ Защук И.И. Малокалиберная скорострельная винтовка со скользящим затвором Бердана № 2. СПб., 1874. С. 3.

⁹ Там же. С. 7–8, 41.

¹⁰ Наперсточный патрон (для ружей системы Бердана). СПб., 1877. С. 1.

¹¹ Там же. Приложение Д. С. 9.

¹² Там же. Приложение А. С. 7.

¹³ Наперсточный патрон... С. 3.

¹⁴ Там же. Приложение Д. С. 9.

¹⁵ Наперсточный патрон... С. 4.

Расход патронов в войну 1877–1878 гг. был довольно скромным – всего 16 млн. Во франко-прусскую войну французская армия использовала 25 млн патронов¹. Постоянная экономия на нуждах армии привела к тому, что в 1877 г. она была вооружена винтовками нескольких образцов, не обладая преимуществом единообразия вооружения. Из 48 пехотных дивизий русской армии только 16 имели на вооружении современные для того периода винтовки системы Бердана с прицельной дальностью стрельбы до 1200 шагов. 5 дивизий на Кавказе имели игольчатые винтовки Карле с бумажным патроном, 27 – винтовки системы Крнка. Обе винтовки имели прицельную дальность стрельбы до 600 шагов в линейных ротах и до 1200 у унтер-офицеров и у всех в стрелковых ротах.

Поскольку серийный выпуск малокалиберных берданок начался с 1874 г. и заводы только осваивали их производство (например, Ижевский завод в 1874 г. сумел выпустить только 33 600, а в 1875 – 58 000 винтовок, максимальный уровень производства – 143 000 – был достигнут только в 1881 г.²), то в ходе перевооружения в течение 1877 г. могли быть снабжены новым оружием лишь войска, находившиеся в пределах Империи и не участвовавшие в военных действиях, а также вновь формируемые войска³. Пехота Киевского, Одесского, Харьковского и Московского военных округов отправилась на Балканы с модернизированным в 1857–1859 гг. оружием армии Николая I – устаревшими винтовками системы Крнка, и ее перевооружение происходило частично в ходе боевых действий в 1878 г.⁴ Кавалерия к началу 1877 г. была перевооружена полностью⁵. Перевооружение армии винтовками Бердана-1 и Бердана-2 продолжалось и закончилось лишь в 1884 г.⁶

Всеобщая воинская повинность (для мусульманского населения) в Османской империи также была введена в 1874 г. Переход к ней занял гораздо меньше времени, так как турки приступили к реформированию своей военной системы в 1869 г.⁷ Призывной возраст вводился с 20 лет, 4 года службы «под знаменами» для пехоты и артиллерии (Низам), два года в резерве 1-го класса (Ихтият), в 26 лет отслужившие солдаты последовательно переходили в 1-й, 2-й, 3-й и 4-й классы резерва 2-го класса (Редиф). В кавалерии служба «под знаменами» продолжалась на 1 год больше, чем в пехоте и артиллерии, но в резерве 1-го класса кавалеристы находились всего год, после чего переходили в редиф⁸. Кроме того, существовала и иррегулярная кавалерия – башибузуки, однако, по свидетельству иностранных наблюдателей, в ходе войны она проявила себя абсолютно бесполезной. Эти отряды слабо контролировались командованием и, вместо разведки и действий на коммуникациях противника, в основном, занимались грабежами и резней мирного населения⁹.

¹ Федоров В.[Г.] Эволюция стрелкового оружия. Ч. 1. С. 11.

² Соловьев А.М. В память столетнего юбилея основания Ижевского оружейного завода 1807 г. 10 июня – 1907 г. 10 июня. Исторический очерк. Ижевск, 1907. С. 47–48.

³ Исторический очерк деятельности военного управления в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича (1855–1880). Под ред. ген.-лейт. Богдановича. Т. 6. СПб., 1881. С. 69.

⁴ Там же. С. 179.

⁵ Там же. С. 177.

⁶ Там же. С. 143.

⁷ Erickson E.J. Defeat in detail. The Ottoman Army in the Balkans, 1912–1913. Westport, Connecticut–London, 2003. P. 5.

⁸ Ibid. P. 6.

⁹ Greene F.V. Report on the Russian army and its campaign in Turkey in 1877–1878. Nashville, 1996 (reprint from the first edition – 1879). P. 141.

Буквально накануне войны был решен вопрос о перевооружении армии. На рынке мирового производства оружия в 1872–1873 гг. наблюдался застой и основные производители поспешили в Константинополь, чтобы предложить свои услуги султану¹. Повезло не всем. С 1872 г. правительство вело переговоры с американской фирмой о покупке винтовок Пибоди-Мартини. Надежная, скорострельная по тем временам винтовка легко прошла испытание, выдержав требование заказчика – сохранить свои боевые свойства после 2 тыс. выстрелов. У нее существовал и конкурент в лице британской винтовки Мартини-Генри. В мае 1872 г. хедив Египта подарил 50 тыс. винтовок Мартини-Генри своему сюзерену. Абдул-Азиз был впечатлен и объемом подарка, и качеством оружия. В результате, в июле того же года были приняты решение о закупке 200 тыс. таких винтовок. 1 января 1873 г. был подписан контракт между турецким правительством и фирмой Винчестер о покупке 200 тыс. Мартини-Генри калибра 11,43 мм. Условием начала выполнения контракта было внесение Портой первого взноса в 186 тыс. долларов. Перевооружение турецкой армии почти совпало с ее организационной перестройкой и укреплением резервов.

Разумеется, для покупок винтовок и патронов были нужны деньги. Платежи для оружейного заказа в Америке проводились через отделение Имперского Оттоманского банка в Лондоне. Интересы американских производителей оружия в Константинополе представляла фирма «Отец и сыновья Азарян», имевшая значительные связи в турецких правительственных кругах и располагавшая их доверием. Благодаря усилиям Азарянов в 1873 г. было заключено еще 2 контракта: 11 марта – на 300 тыс. Мартини-Генри, 23 августа – еще на 100 тыс. К этому времени это был самый крупный оружейный контракт, когда-либо заключенный американской фирмой. Первый вклад турецкого правительства вырос со 186 до 600 тыс. долларов. С 1874 г. винтовки, произведенные в США, стали называться Пибоди-Мартини. Это делалось для того, чтобы избежать финансовых претензий шотландского оружейника А. Генри.

Первая 1 тыс. винтовок под таким именем была доставлена в Турцию в марте 1874 г. Последние 200 тыс. винтовок должны были быть поставлены 9 ноября 1875 г.² Исполнял заказ оружейный завод в Провиденсе (штат Род-Айленд) – один из самых мощных заводов в это время. Его оборот в 1875 г. составил 4 млн долларов. Огромный объем заказа позволил фирме-производителю пойти на уступку – цена на винтовку с учетом доставки до парохода была снижена с 62 до 60 шиллингов золотом (24 руб. по тогдашнему курсу)³. Финансовый кризис поставил это соглашение под угрозу. Предложения расширить эти контакты или дополнить их в том же году были отвергнуты Портой. Она с трудом справлялась с текущими выплатами. Кризис был решен благодаря Азарянам, которые предложили приемлемое решение – компенсации производителям путем небольших еженедельных выплат. К середине октября 1876 г. на заводе Провиденса еженедельно производилось по 2700 винтовок. Винтовки Винчестера поставляла фирма «Смит и Вессон»⁴.

Уже весной 1875 г. турецкое правительство приняло решение ускорить перевооружение армии скорострельными винтовками. Два контракта в США – на 200 и 400

¹ Чебышев В. Современное положение ружейных заводов в Англии, Бельгии, Пруссии и Австрии // ОСб. 1873. № 1. С. 3.

² Achtermeier O. The Turkish Connection. The Saga of the Peabody-Martini Rifle // Man at arms. Vol. 1. №2. 1979. P. 14–21.

³ Фон-дер-Ховен А. Заметка о Провиденском заводе и о ружьях Пибоди-Мартини, турецкого образца // ОСб. 1877. № 4. С. 16–17, 26.

⁴ Achtermeier O. The Turkish Connection... // Man at arms. Vol. 1. № 2. 1979. P. 20–21.

тыс. винтовок обошлись соответственно в 753 164 и 1 320 000 лир, еще 476 348 лир пришлось выделить на покупку 500 орудий в Германии и еще 415 632 лиры – на приобретение двух броненосцев в Англии¹. Пибоди-Мартини превосходили по дальности стрельбы винтовки Крнка и Карле, которыми, в основном, были вооружены воевавшие на Балканах и на Кавказе русские пехотинцы. Прицельная дальность стрельбы этого оружия доходила до 1800 шагов, скорострельность также существенно превосходила Крнка и Карле. Что касается турецкой кавалерии, то она была вооружена 11- или 15-зарядными карабинами Винчестера, гораздо более скорострельными, чем оружие русской кавалерии. Не лучшим образом дело обстояло и с артиллерией. В ходе боевых действий обнаружилось значительное превосходство новых стальных турецких орудий (немецкого и английского производства) над русскими бронзовыми образца 1867 г. В 1877 г. пришлось срочно выработать и принять на вооружение образцы новых стальных орудий². Затянулось и перевооружение артиллерии. Его пришлось начать еще во время военных действий. 4-фунтовые бронзовые орудия имели дальность в 3400 м, а 9-фунтовые – 4480 м в то время, как стальные образца 1877 г. 87-мм – 6470 м, и 107-мм. – 5530 м.³ Уже в ноябре 1877 г. Обуховскому заводу был сделан заказ на 1700 стальных 4- и 9-фунтовых орудий для пешей, конной и горной артиллерии. Для ускорения перевооружения заказы были сделаны и у Круп-ки⁴. На это пришлось пойти при самом тяжелом финансовом положении. Обыкновенные доходы на 1877 г. составили 548 830 831 руб. в то время, как расходы на военные нужды, начиная с мер по подготовке к войне, принятых в конце 1876 г., составили на 1(13) января 1878 г. 898 935 000 руб.⁵ Расходы на Военное министерство, и без того доходившие до $\frac{1}{3}$ бюджета перед войной, почти утроились. В 1877 г. они составили 571 и в 1878 г. – 560 млн руб. при том, что обыкновенные доходы Империи в 1878 г. составили 625 972 735 руб.⁶

В России винтовку Мартини-Генри и ее возможности явно недооценили перед войной. В британской армии она была принята на испытание в 1869 г. и в 1871 – через полтора года после различных проверок – на вооружение⁷. Считалось, что она слишком перегревается при интенсивной стрельбе, у нее ненадежный штык, из нее трудно целиться и т.п.⁸ После франко-прусской войны в военных кругах шли дискуссии о том, насколько необходима дальнобойная винтовка. Опыт французской пехоты и превосходство Шаспо оказались в тени немецких успехов, хотя сами немцы уже в 1872 г. начали переходить на аналогичный французскому вариант винтовки Маузера. Мнения были самыми различными – в т.ч. сомнения вызывала и способность среднего солдата вести прицельный огонь на дальние дистанции. Мнение о том, что современное оружие может поддерживать эффективный огонь на расстоянии до 2700 шагов (2 тыс. метров), не было доминирующим⁹. Между тем, из 96 473 раненых немцев

¹ Clay Chr. Gold for Sultan: Western Bankers and Ottoman Finance, 1856–1881: A Contribution to Ottoman and to International Financial History. London–NY, 2000. P. 281.

² Исторический очерк деятельности военного управления... Т. 5. СПб., 1880. С. 184.

³ Козловский Д.Е. История материальной части артиллерии. М., 1946. С. 175, 229.

⁴ Колчак В. История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом техники. СПб., 1903. С. 113, 115; Greene F.V. Op. cit. P. 59.

⁵ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1878 г. СПб., 1879. С. 82–83.

⁶ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1879 г. СПб., 1880. С. 6, 91.

⁷ Принятие ружья Мартини-Генри // АЖ. 1871. № 5. С. 819.

⁸ Смесь. Сомнительность преимуществ системы Мартини-Генри // АЖ. 1875. № 3. С. 138–141.

⁹ [Альфред Кропачек]. О значении ружейной стрельбы с дальних дистанций, на основе опытов войны 1870–1871 гг. // ОСб. 1875. № 4. С. 29–30, 32, 42–43.

пулей было ранено 91,6% (штыковые ранения получили 0,7% – 650 чел.), сабельные или пикой – 1,2% и 8,4%)¹. На поле боя русско-турецкой войны быстро выяснилось, что особого искусства в стрельбе по плотным батальонным колоннам, которыми наступала русская пехота, не требуется, а до штыкового боя дело доходило редко. Таким образом, русская армия вступала в войну, имея устаревшее и явно уступающее противнику по качеству ручное огнестрельное оружие и артиллерию.

Несколько лучше дело обстояло с обученными резервами. Их было больше, чем у Турции, но все же явно недостаточно для того, чтобы принять вызов войны с коалицией. Перед мобилизацией 1876 г. в армии насчитывалось 722 тыс. чел., а в обученном резерве – всего 752 тыс. чел. После мобилизации 1877 г. в запасе состояло 850 тыс. чел. (с учетом необученного призыва 1877 г., записанных в ополчение льготников, а также не обученных и льготных казаков)². Весной 1877 г. турецкая регулярная армия насчитывала 276 тыс. чел., из которых 186 тыс. были направлены на Балканы фронтом к линии Дуная и 90 тыс. расположены на русско-турецкой границе в Закавказье. В 1875 г. была проведена мобилизация ихтията и первого класса редифа, которые, собственно, и составили костяк армий, действовавших против Сербии и Черногории и повстанцев в Боснии, Герцеговине и Болгарии. В 1877 г. турецкие сухопутные силы были разделены на семь армий: 1-я гвардейская армия занимала позиции у столицы, 2-я находилась на Дунае, 3-я – на границе с Сербией и в Македонии, 4-я – в Закавказье и Малой Азии, 5-я – в Сирии, 6-я – в Месопотамии, 7-я – на Аравийском полуострове и в Йемене. Лучшие силы были собраны в 1-й и 2-й армиях; остальные, в основном, состояли из ихтията и редифа³.

В начале русско-турецкой войны мобилизационные возможности русской армии были далеко не исчерпаны (во всяком случае, в отношении рядового состава), что позволило к началу 1878 г. удвоить списочный состав армии (от уровня ноября 1876 г.) с 722 тыс. до 1 511 тыс., а состав полевых войск – в 1,5 раза, т.е. более чем на 300 тыс. Полевые войска на этот период составляли 56% сухопутных сил – 850 тыс. чел.⁴ Большинство запасных имело солидную подготовку и легко сливалось с теми, кто служил под знаменами⁵. Солдат было достаточно, чего никак нельзя было сказать о командирах. Унтер-офицеров не хватало уже перед войной. Из 32 тыс. требуемых сверхсрочных налицо было 5730 (т.е. 17% штата), из них строевых только 2048 фельдфебелей (38% штата) и 1790 старших унтер-офицеров (8% штата) – всего 3838 чел.⁶ В 1877 г. в армии состояло по списку 21 189 офицеров и генералов, а по штату полагалось 22 952 чел.⁷ Разница составила 1763 чел. Боевые потери увеличили ее. Запаса офицеров для новой мобилизации не было. Даже в 1881 г. разница между штатными мирного и военного времени составила 13,5 тыс. чел.⁸

Но гораздо более тяжелым по последствиям для судеб армии и войны было отсутствие в России независимого Генерального штаба. Большие числа были созданы, а

¹ Процент поранений, произведенных разными видами оружия в войну 1870–71 гг. // ОСб. 1887. № 2. С. 1.

² Исторический очерк деятельности военного управления... Т. 5. С. 184.

³ Erickson E.J. Defeat in detail... P. 6–7.

⁴ Исторический очерк деятельности военного управления... Т. 5. С. 69.

⁵ Лопатин И. Три года из жизни 6-го пехотного Либавского полка (Воспоминания участника кампании 1877–1878 гг.) // Военный сборник. 1902. № 5. С. 18.

⁶ Исторический очерк деятельности военного управления... Т. 5. С. 11.

⁷ Там же. С. 59.

⁸ Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. СПб., 1903. С. 18.

система эффективного управления ими – нет. Последствия этого в полную силу сказались на качестве управления русскими войсками и особенно после перехода Дуная. Результат кампании 1877 г. сыграл огромную роль в дискредитации правительства в глазах общества. Победа 1878 г. лишь временно смягчила этот болезненный эффект, который лишь усилился после Берлинского конгресса. Результаты войны не привели к улучшению политического положения в стране, в которой начинался народолюбивый террор. По мере усиления критики слева политика правительства стала подвергаться и критике справа. В этой атмосфере неизбежным становился вопрос о переоценке достижений довоенного курса внутренней политики.

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА ЗЕМСКИХ УЧАСТКОВЫХ НАЧАЛЬНИКОВ НА КРЕСТЬЯНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

После воцарения Александра III курс внутренней политики претерпел серьезные изменения: закончилась эра либеральных реформ и наступила пора «реакции». Подверглось реформированию и крестьянское самоуправление. Вопрос о введении института *земских начальников* для руководства крестьянами первоначально должна была решить Кахановская комиссия, исследовавшая с 1881 по 1885 г. крестьянское самоуправление. Активным деятелем этой комиссии выступил алатырский уездный предводитель дворянства А.Д. Пазухин, который в своей записке «Современное состояние России и сословный вопрос» (1885), резко критикуя деятельность земства, утверждал, что «русских у нас воспитывает сословный быт», а «органы нашего самоуправления среди крестьян совсем непопулярны и мало известны»; поэтому «со введением сословного представительства восстановится значение нравственно-политического начала, в настоящее время вполне подавленного эгоистическим»¹.

В 1885 г. деятельность Кахановской комиссии, большинство которой составляли либерально настроенные деятели, была прекращена, а мнение меньшинства и, прежде всего, А.Д. Пазухина, ставшего правителем канцелярии министра внутренних дел, напротив, оказалось весьма востребованным. Пазухин разработал проект соответствующего «Положения», которое в 1889 г. утвердил Александр III². Согласно данному «Положению», с 1 октября 1889 г. должность земского начальника вводилась в большинстве великорусских губерний, а с 1 октября 1894 г. – в Оренбургской и Уфимской губернии (по причине обособленности казачьего края и особого характера землепользования и землевладения башкир)³.

«Положение» предписывало, что земскими начальниками могли быть «местные потомственные дворяне, которые имеют не менее двадцати пяти лет от роду, прослужили в губернии не менее трех лет или они, или их ближайшие родственники владеют в пределах уезда на праве собственности землей»⁴.

По закону, на земских начальников возлагались функции мировых посредников, а именно – надзор за действиями волостных старшин и сельских старост (ст. 24), надзор за состоянием мирских капиталов (ст. 36), попечение о хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспевании вверенного ему участка (ст. 39). На земских начальников возлагался также надзор за волостными судами своего участка (ст. 13), они имели право приостанавливать исполнение решений волостных судов (ст. 20), должны были утверждать приговоры волостных судов о телесных наказаниях крестьян (ст. 29) и др. В случае превышения земским начальником своих полномочий крестьяне могли жаловаться на него губернскому присутствию. Каковы же были на деле взаимоотношения крестьян и земских начальников?

¹ Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос. М., 1886. С. 41, 56–57.

² См.: Гессен В.М. Вопросы местного управления. СПб., 1904.

³ Попов В.Б. Введение функционирования института земских начальников в Оренбургской губернии // Вестник Оренбургского университета. 2015. № 7. С. 69.

⁴ Положение о земских участковых начальниках (12 июля 1889 года) // ПСЗ РИ. Отд. 3-е. Т. 9. СПб., 1889. № 6196. С. 511.

Столетия крепостного бесправия оказали сильное влияние на менталитет русского крестьянства. Как отмечал выходец из крестьян Воронежской губернии И.А. Столяров, родившийся после отмены крепостного права, «мужик знал, что он всегда будет виноват перед бариним. Он должен все переносить»¹. Отношение же к мелкопоместным помещикам было каким-то насмешливо-сочувственным. Примером тому – крестьянские пословицы: «Сколько дворов, столько господ»; «У всякого крестьянина по семи бариним»; «Нес черт грибы в коробе, да рассыпал по бору: и выросли однодворцы». В мелких помещиках крестьяне не видели истинных бар не только из-за их бедности, часто граничившей с нищетой, но и потому что на глазах «мужиков» соседние богатые помещики открещивались над мелкопоместными².

Иным было отношение крестьян к царской власти. Если открыть крестьянские послания к государю, то заметим, что самодержца именовали не иначе, как «Царь-батюшка». Царь был выше закона. Закон чиновники могли повернуть в любую выгодную для себя сторону; царь же правил по справедливости, следуя правде-истине³. Однажды помещик А.Н. Энгельгардт встретил проезжавшего мимо его имения в Батищево чиновника. Тот всем своим видом демонстрировал презрение к «мужику» и нисколько не сомневался в праве наказывать крестьянина, который перед дворянином «в шапке стоять смеет»⁴. Прогрессивно настроенный земский начальник из Козловского уезда Тамбовской губернии А.И. Новиков нашел деревню в состоянии войны с помещиком и упрекал своих коллег в безоглядном следовании помещичьим интересам. Он писал: «Мужик смотрит на земского начальника как на барина. Мужик в барине видит врага: он ему не доверяет, он его боится. Так и со стороны земского начальника мы видим не знание мужика, а предвзятое убеждение, что мужик – негодяй, и что его надо держать в ежовых рукавицах»⁵. По словам исследователя А.В. Сергеевой, «власть всегда связывалась с "бариним" (господином), т.е. защиту от беды и несправедливости можно было найти только в конкретном человеке, облеченном властью, а не в букве закона»⁶. В этом – сила крестьянской веры «в доброго царя».

Со своей стороны, многие помещики никак не желали мириться с концом крепостничества: «Примечательной пореформенной деталью поместной повседневности было то, что теперь помещик или юные барчуки не гнушались, заходя в гости в крестьянские избы, сесть за обеденный стол и "отъясствовать" с хозяевами. Естественно, это относилось к определенному кругу крестьянских семей, отличавшихся достатком и чистоплотностью. Тем не менее, это были не единичные, праздничные угощения крестьянскими блюдами, а обычная реальность пореформенной деревенской жизни»⁷.

Введение института земских начальников фактически подрывало позиции выборного крестьянского самоуправления в лице сельского и волостного сходив, сельского старосты и волостного старшины, волостного суда. Закон 12 июля 1889 г. был актом полного недоверия к крестьянам, большинство земских начальников видело в

¹ Столяров И.А. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989. С. 67.

² Шаповалов В.А., Шаповалова С.П. «Дворянство бывает хуже пономарства»: мелкий помещик в народных пословицах и поговорках // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, Политология. 2015. № 13. Вып. 35. С. 93, 94.

³ Беловинский Л.В. Культура русской повседневности. М., 2016. С. 205.

⁴ Энгельгардт А.Н. Письма из деревни (1872–1887 гг.). М., 2012. С. 129.

⁵ Новиков А.И. Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 96.

⁶ Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М., 2005. С. 165.

⁷ Шаповалов В.А. Поместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX в. (по материалам центрально-черноземных губерний). Белгород, 2014. С. 379.

нем призыв к неусыпному надзору за крестьянским волеизъявлением¹. На практике дело доходило до кровавых эксцессов. В 1899 г. крестьянами Острогожского уезда Воронежской губернии был убит земский начальник Ренье, который «дошел до того, что на своей конюшне стал сечь», а на земского начальника Данилевского, который «даже в уезде не живет», было совершено покушение из-за того, что он «держал интересы кулака Галкина и помещиков»².

Средний размер участка земского начальника составлял 4120 кв. верст (на уезд приходилось 3–5 таких участков). Как правило, земский начальник посещал свой участок всего несколько раз в год³, но часто вел себя далеко не подобающим образом. «Сажать под арест за то, что мужик не поклонился, многие земские начальники считают своим неотъемлемым правом»⁴, - сообщал воронежский вице-губернатор А.М. Чернов. На время отсутствия земского начальника его обязанности фактически исполняли или волостной старшина, или волостной писарь. Последний к концу XIX в. сделался очень крупной фигурой в русской деревне. «Вершителем деревенских судеб, действительно, последнее время стали старшина с писарем. И в особенности писарь, как более грамотный, по долгу службы своей знающий законы о крестьянах, а отчасти и другие законы. В начале своей писарской карьеры он терся около земских начальников и набрался так презрительных взглядов на мужиков. Он не считал их достойными внимания, а говорил, что это стадо баранов»⁵, - так характеризовал положение дел в деревне Андреевка Московской губернии крестьянский писатель С.Т. Семенов. Отметим, что «волостной старшина ставится на должность будто самими крестьянами, а утверждается он земским начальником. Где старшина пытается стать на сторону крестьянских интересов, там начинается опасная борьба с земским начальником, который считает себя главным хозяином в волостях своего участка, главным опекуном и попечителем крестьянства»⁶.

Таким образом, при введении института земских начальников правительством не были учтены возможные опасные последствия. «На крестьянское население установился взгляд, что они полудети, которых следует опекать, не только в смысле их поведения и развития, но и желудка»⁷, - констатировал положение в деревне конца XIX в. С.Ю. Витте. Поддержала мнение Витте и либеральная периодика. Редактор «Вестника Европы» М.М. Стасюлевич писал о том, что «необходимо не ограничение власти земских начальников, а совершенное упразднение этого института»⁸. С ним был солидарен публицист В.А. Розенберг, утверждавший, что «в настоящее время повсеместно одною из первых и, быть может, самую насущною и настоятельною нуждою деревни является освобождение крестьян от тяготеющей над ними властной опеки земских начальников»⁹. С.Н. Прокопович констатировал фактическое уничтожение крестьянского самоуправления: «Принуждение поступать не по убеждению, а по

¹ Никонов С.П. Крестьянский правопорядок и его желательное будущее. Харьков, 1906. С. 69.

² Вице-губернатор А.М. Чернов о положении деревни на исходе XIX века (публикация источника) // Из истории Воронежского края. Сборник статей. Вып. 7. Воронеж, 1998. С. 209–213.

³ См.: Кузьмин-Караваев В.Д. Будущие участковые судьи и земские начальники // Земство и деревня (1898–1903 гг.). Статьи, рефераты, доклады и речи. СПб., 1904.

⁴ Вице-губернатор А.М. Чернов о положении деревни... С. 208.

⁵ Семенов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915. С. 158–159.

⁶ Звягинцев Е.А. Что такое мелкая земская единица и волостное земство. М., 1916. С. 20.

⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 496.

⁸ Стасюлевич М. Хроника. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1906. Т. 5. Кн. 10. С. 781.

⁹ Розенберг В.А. Земские начальники // Нужды деревни. СПб., 1904. С. 52.

приказу лишает население не только веры в свои силы, но и не дает возможности и на опыте знать, что такое хорошо и что плохо, что надо и чего не надо»¹.

Нараставшее недовольство в деревне, в итоге вылившееся в крестьянские выступления 1902 г. в Харьковской и Полтавской губерниях, вынудило правительство учредить Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Были организованы комитеты, целью которых было изучение первостепенных нужд крестьянского населения. Через год появились первые результаты работы – были опубликованы труды местных комитетов. Представитель Данковского уездного комитета Рязанской губернии князь Н.С. Волконский, отмечая, что «наши главные производители хлеба и сельские хозяева оберегаются опекою целого рода административных учреждений от разорения», признавал, что «та же опека ложится нелегким гнетом на его (крестьянина. – И.С.) самостоятельность и предприимчивость, стесняя каждого»². Та же мысль прозвучала и в докладе Звенигородскому уездному земскому собранию в 1902 г.: «При всей своей относительной малокультурности, крестьянское население Московской губернии отнюдь не может быть признано неспособным к общественной самостоятельности»³. На заседании Особого совещания князь А.Г. Щербатов, резюмируя мнения крестьян, отраженные в трудах местных комитетов, заявил: «Я считаю, что с полным правом могу гордиться русским землевладельческим крестьянством. За последние двадцать лет крестьянство быстро развивается в смысле гражданственности и в настоящее время не нуждается в административной опеке»⁴. П.П. Семенов-Тянь-Шанский в письме к С.Ю. Витте указывал на то, что «наше Совещание подвергалось той же участи, что Редакционные Комиссии 19-го февраля 1861 года, но идеи работы не умирают, и наше Совещание оставит свой след в истории крестьянского дела»⁵.

Вместе с тем, революция стояла на пороге. В 1903 г. при станových приставах и полицейских урядниках создавалась уездная полицейская стража, ставшая их вооруженной опорой – вместо ненадежных волостных и сельских должностных лиц из крестьян⁶. Несколько позже был поднят вопрос о превращении волости в мелкую земскую всесословную единицу, но этот проект не был поддержан правительством. Предложение замещать волостных писарей и волостных старшин «по назначению от крестьянского ближайшего начальства»⁷ также не прошло. Иногда крестьяне даже жалели об ушедшем в прошлое крепостном праве и сравнивали бывших господ с нынешними: «Про старого помещика, действительно, стали говорить, что он поставлен для порядку, а молодых приделили затем, чтобы кормиться»⁸. Они также не хотели

¹ Прокопович С.Н. Местные люди о нуждах России. СПб., 1904. С. 82.

² Доклад Звенигородскому Уездному Собранию 1902 года комиссии по вопросу о мелкой земской единице // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXIII. Московская губерния. СПб., 1903. С. 323.

³ Мнение кн. Волконского о нуждах сельскохозяйственной промышленности и мерах к удовлетворению их // Там же. Т. XXXIV. Рязанская губерния. СПб., 1903. С. 60.

⁴ Протокол Высочайше учрежденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности по крестьянскому делу № 5. Заседание LXXV – 22 декабря 1904 г. // Протоколы по крестьянскому делу. Заседания с 8 декабря 1904 года по 30 марта 1905 года. СПб., 1905. С. 31.

⁵ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 370. Л. 4.

⁶ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 226.

⁷ Проекты Редакционной комиссии по пересмотру законодательства о крестьянах // Очерки по крестьянскому вопросу. Собрание статей под ред. проф. Московского университета А.А. Мануилова. Вып. II. М., 1905. С. 322.

⁸ Семенов С.Т. В родной деревне. М., 1904. С. 79.

расставаться с надеждами на верховную власть. По свидетельству современника, рязанские «мужики» просили, чтобы «высшее начальство почаще вступало в мирские дела»¹. Но правительство не слышало эти призывы.

В уездные съезды, объединявшие земских начальников уезда, беспрерывно поступали жалобы крестьян. В Воронежской губернии в 1908 г. 87,3% всех судебных дел составили дела из волостных судов, где крестьяне жаловались на действия земских начальников; в 1909 г. количество таких дел увеличилось до 88,6%². Враждебность крестьян к своим земским начальникам неуклонно нарастала. Об этом лучше всех сказал Н.Ф. Бунаков. По словам русского педагога, «почти все, кто не крестьянин, так долго всячески обирали и эксплуатировали мужика, пользуясь разными своими преимуществами, что мужик (...) утратил доверие (не внешнее, которое выражается скиданием шапки, а истинное внутреннее, душевное уважение человека к человеку)»³. По мнению П.Н. Обнинского, «твердой может быть только та власть, которая опирается на закон и умеет внушать к себе уважение и любовь народа». А о земских начальниках Обнинский заметил: «Нашему сельскому обывателю нужна не эта палка; ему нужно честное исполнение тех "возложенных на земского начальника обязанностей", которые, по мысли законодателя, должны выражаться "попечительством" и "заботами" о "благополучии", "нравственном преуспевании" и об "охране прав его", отовсюду и всегда подвергающихся нападению»⁴. В подтверждение этого приведем пример – решение сельского схода крестьян Старо-Казачьей слободы Тульской губернии. «Эти лица, - так говорилось о земских начальниках и волостных старшинах (!), - не только нам не помогут, но и употребят все усилия, чтобы нас придавить и заставить по-прежнему пребывать в темноте и бесправии»⁵.

Законом от 15 июня 1912 г. был восстановлен институт мировых судей, в связи с чем у земских начальников были изъяты судебные функции. Была сделана попытка создать связь между сословными крестьянскими волостными судами и институтом мировых судей. Однако царизм не торопился с введением этого закона⁶.

Подведем итоги. Введение института земских участковых начальников уже к началу XX в. привело к накалению обстановки в русской деревне и стало одной из предпосылок массовых крестьянских волнений в канун и в ходе революционных событий 1905 г.

¹ Дневник Павла Михайловича Семенова-Тян-Шанского // Личный архив семьи Семеновых-Тян-Шанских. г. Санкт-Петербург. Л. 29.

² Башкирева Н.В. Институт земских участковых начальников и волостной суд: к вопросу о взаимодействии // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2013. № 1. С.166.

³ Бунаков Н.Ф. Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. СПб., 1906. С. 56.

⁴ Обнинский П.Н. Закон и быт. Очерки и исследования нашего реформируемого права. Вып. I. М., 1891. С. 420, 421.

⁵ ГА РФ. Ф. 519. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

⁶ Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 285.

ИЗЪЯТИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ДЕЛА ИЗ ВЕДЕНИЯ ЗЕМСТВ: ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ В КОНЦЕ XIX в.

Голод 1891–1892 гг., постигший 18 губерний Европейской части России, вызвал небывалые за всю историю неурожаев в России государственные ассигнования на обеспечение населения продовольствием. На борьбу с голодом в целом было потрачено около 157 091 126 руб. Поэтому неудивительно, что еще в 1892 г. Министерство внутренних дел инициировало пересмотр продовольственного Устава. К недостаткам продовольственного дела, прежде всего, были отнесены вопросы, связанные с организацией системы хлебных запасов и денежных капиталов, а также с реализацией этой системы на практике, ответственность за которую возлагалась на земские учреждения. Таким образом, основным предметом деятельности продовольственных комиссий и совещаний, призванных к разработке проекта нового продовольственного Устава, была реорганизация системы продовольственных запасов и рассмотрение степени участия земств в осуществлении продовольственной политики на местах.

На протяжении 1890-х гг. было образовано большое число комиссий и совещаний для выяснения причин несостоятельности продовольственной сферы и выработки новых продовольственных правил. Наиболее заметной оказалась деятельность Комиссии для пересмотра Устава о народном продовольствии под председательством товарища министра внутренних дел, сенатора, тайного советника В.К. Плеве¹.

Неудачи продовольственной кампании 1891–1892 гг. Комиссия объясняла несовершенством самого института земств – ограниченностью их полномочий, отсутствием мелкой земской единицы, центральной организации и постоянства в работе. В этом отношении весьма типична записка члена Комиссии А.П. Энгельгардта по вопросу о пересмотре продовольственного Устава, согласно которой «пассивное отношение управ к весьма важной отрасли народной жизни не могло быть поставлено в вину всецело земским учреждениям». По его мнению, причина такого положения «крылась в непригодности организации земских учреждений к отпращиванию задач народного продовольствия». В записке объяснялись и причины, по которым не исполнялись требования проверки уездными земскими управами приговоров сельских обществ о выдаче ссуд посредством удостоверения в действительном положении нуждающихся членов общества местным дознанием через членов управ. Это было вызвано тем, что земские управы являлись слишком отдаленной инстанцией для надзора за положением дел в селениях. «Созыв собраний, особенно губернских, был сопряжен с немаловажными затруднениями для гласных, которым приходилось съезжаться из отдельных местностей, оставляя ведение собственных хозяйственных дел, которые требовали внимания. При этом для созыва гласных было необходимо значительное время, которого во время неурожая нет»², – добавлял А.П. Энгельгардт.

Неудачи хлебных закупок в голодные годы также ставились в вину земским учреждениям. По данным Центрального статистического комитета, в неурожайных

¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 4. Д. 2230. Л. 1–1об.

² Там же. Д. 2164. Л. 13об.–14, 15–15об., 21–22.

губерниях в 1891 г. в руках владельцев-некрестьян находилось около 115 млн пудов зерна. Согласно заключению Комиссии, «этого количества было в сущности достаточно, чтобы прокормить население до следующего урожая». Необходимо было позаботиться о том, чтобы внушить продавцам зерна убеждение, что они не найдут сбыта вне губернии. Между тем, земства держались совершенно противоположного образа действий и тем причиняли друг другу много вреда: «Агенты управ появлялись в чужих губерниях, где существовала сильная нужда, и покупали там запасы хлеба, вызывая сильное повышение местных цен. То же самое происходило и на больших хлебных рынках, например, в Ростове-на-Дону. Комиссионеры от земств, появляясь там одновременно, не только действовали без надлежащего между собою соглашения, но во многих случаях прямо перебивали друг у друга партии хлеба, вследствие чего цены на зерно непомерно росли»¹. Подтверждением подобного поведения земств служит объяснительная записка к проекту Устава об обеспечении народного продовольствия, составленная директором Хозяйственного департамента И.И. Кабатов: «Примеров достаточно, чтобы сделать наглядными ошибки, допущенные земствами при производстве продовольственной операции 1891 г. Земские деятели искали в чужих губерниях и на отдельных рынках те запасы, которые весьма часто были у них под руками. Этот способ действий, который был в 1891 г. не случайным, а совершенно обычным явлением, свидетельствовал о том, что земские учреждения принялись за дело, не только не обдумав плана снабжения своей губернии продовольственными средствами, но даже не зная размера находящихся в ней самой запасов». Результатом явилось то, что во время продовольственной кампании 1891 г. из всего покупного хлеба на месте приобреталось только 42,4%, а вне губернии соответственно 57,6%. Так, в Уфимской губернии было закуплено 1,5 млн пудов зерна для Казанской губернии и 300 тыс. пудов для Вятской губернии – в то время, как для собственных нужд ею было приобретено в других губерниях 1,4 млн пудов зерна; в Саратовской губернии было закуплено 800 тыс. пудов зерна для Самарской губернии, а для собственных нужд – 5,5 млн пудов в других губерниях; в Орловской губернии было куплено 1,3 млн пудов зерна, а для собственных нужд получено 1,6 млн пудов; в Вятской губернии куплено 700 тыс. пудов зерна, а для своих нужд приобретено 1,3 млн пудов².

Упомянутая неосведомленность земских учреждений относительно размеров запасного хлеба, хранящегося в магазинах вверенных им губерний, была обусловлена, согласно мнению И.И. Кабата, отсутствием правильной регистрации урожаев и хлебных запасов самими земскими учреждениями. Процесс же регистрации, в свою очередь, был затруднен уже известными причинами, связанными с отсутствием мелкой земской единицы, центральной организации и постоянства в работе земских учреждений. Свое мнение по этой части продовольственного вопроса высказал и министр внутренних дел И.Н. Дурново в письме министру финансов С.Ю. Витте от 27 августа 1894 г.: «Не могу также не высказать, что для земских учреждений, имеющих в своем ведении местные органы для исполнения их распоряжений, заведывание с надлежащим Уставом продовольственным делом во многих случаях представляется крайне затруднительным»³. Таким образом, складывался своеобразный замкнутый круг, выход из которого мог быть осуществлен только посредством удаления одного из его элементов. Впоследствии этим элементом стали земские учреждения. Главной же

¹ «Новый продовольственный закон»: пособие к применению Временных правил 1900 г. по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей / Сост. В.Я. Филимонов. М., 1902. С. 6.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 4. Д. 2232. Л. 53–53об.

³ Там же. Д. 2231. Л. 112об.

причиной, чрезвычайно затруднившей деятельность земских учреждений по снабжению населения продовольствием, было, по мнению И.И. Кабата, «крайне неисправное состояние общественных хлебных запасов в сельских магазинах». Это мнение подтверждает и Уфимский коллежский регистратор, секретарь уездной земской управы Е.И. Билярский. «Как указал пример прошлого года, - пишет он, - в течение долгого времени земство не только ничего не сделало по этой самой серьезной отрасли земского хозяйства, но и совершенно истощило все наличные запасы хлеба и наличный запас как губернского, так и общего по империи продовольственного капитала». И в заключение: «Оставлять это дело в руках земства далее – значит обресть его на такое же печальное положение в будущем: с одной стороны – сложность дела, с другой – разность взглядов на это дело в земских учреждениях и между отдельными его лицами, отсутствие солидарности между губернскими и уездными земствами, не дают никакой надежды на то, чтобы дело это в руках земства шло успешно»¹. При этом необходимо сказать, что, несмотря на все выявленные промахи земских учреждений, неудачи продовольственной кампании были объяснены Комиссией, прежде всего, с точки зрения недостатков действующих правил по обеспечению народного продовольствия; земствам не вменяли в вину голод 1891–1892 гг.² Так или иначе, Комиссия пришла к убеждению, что заведование делом народного продовольствия является «непосильной задачей» для земских учреждений, пусть и обусловленной половинчатостью законоположений о порядке организации и полномочиях самих земств.

Результатом деятельности Комиссии во главе с В.К. Плеве стал проект Устава о народном продовольствии, который 12 марта 1899 г. был внесен в Государственный совет по представлению министра внутренних дел И.Л. Горемыкина. Новый проект содержал ряд отличий от прежних правил. Главным оставался вопрос о заведении продовольственным делом в целом по стране и на местах. Согласно проекту Устава, общее попечение о народном продовольствии возлагалось на МВД, в составе которого предполагалось образовать особый Совет народного продовольствия. Местный же надзор возлагался на генерал-губернаторов, губернаторов, губернские и уездные присутствия по народному продовольствию, земских начальников, попечителей продовольственных участков, волостные и сельские начальства. Участие же земских учреждений ограничивалось привлечением земских управ к хозяйственным распоряжениям и заведению делопроизводством продовольственных присутствий. Впоследствии среди замечаний ведомств на проект Министерства внутренних дел имелись возражения бывших министров земледелия и финансов против изъятия продовольственного дела из ведения земств. Но министр внутренних дел не согласился с ними, ссылаясь на проявленную земствами бездеятельность и неспособность совладать с продовольственным делом во всем его объеме³. В то же время, с земств не слагались заботы по устранению нехватки продовольствия и оказанию помощи местному земледелию посредством устройства центральных хлебозапасных магазинов, снабжения улучшенными семенами и орудиями, содействия сбыту сельских продуктов и т.п. При этом создание центральных хлебозапасных магазинов допускалось только по инициативе земств и на земские средства. В окончательном проекте МВД идея создания Совета народного продовольствия была отвергнута; взамен этого допускался созыв особых продовольственных совещаний с участием местных представителей.

¹ Там же. Д. 2230. Л. 25об.–26.

² «Новый продовольственный закон»: пособие к применению Временных правил 1900 г. ... С. 7.

³ Ермолов А.С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. СПб., 1909. С. 208.

Согласно представлению МВД Государственному совету от 12 марта 1899 г., проект Устава «по точному своему смыслу, должен был предупреждать лишь появление голода в населении и предусматривать меры по обсеменению полей, могущих в результате дать земледельцам средства к существованию из будущего урожая; никаких других задач при проектировании нового Устава МВД не преследовало, а потому должны отпасть все замечания, имеющие целью доказать, что проектированные меры не исцеляют зло в корне и оставляют открытым множество вопросов, связанных с мерами предупреждения народных бедствий»¹. Однако в конце 1899 г. в правительстве произошли изменения – министром внутренних дел был назначен Д.С. Сипягин; поэтому, а также по требованию С.Ю. Витте, сославшегося на то, что «в последние годы в положении продовольственного дела произошли существенные изменения», проект продовольственного Устава И.Л. Горемыкина был возвращен на заключение Витте и нового министра внутренних дел. В ноябре того же года министром финансов был представлен отзыв, разработанный им при посредстве министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова, на проект И.Л. Горемыкина².

Одно из принципиальных возражений министра финансов вызвал вопрос об учреждениях, заведующих народным продовольствием. Витте не возражал против привлечения земских начальников к деятельному участию в делах народного продовольствия, но считал, что соответствующие положения проекта подлежат тщательной переработке с целью разграничения компетенции земских начальников и органов волостного и сельского управлений, более точного определения обязанностей земских начальников и установления надлежащего порядка их исполнения. Разграничение полномочий министр финансов предполагал в силу того, что в противном случае заведование продовольственной частью фактически отошло бы к волостному и сельскому начальству, которое бы лишь прикрывалось авторитетом земского начальника, на деле бездействующего. При этом министр финансов по-прежнему полагал, что намеченная МВД организация продовольственного дела силами местного управления отличалась излишней сложностью и дороговизной. По словам Витте, «она как бы предполагала постоянное существование голода на всей территории России». Кроме того, Витте предлагал учредить Совет народного продовольствия из представителей всех заинтересованных ведомств и отнести к его компетенции обсуждение наиболее важных вопросов, требующих участия правительства. Создание такого органа планировалось еще в 1893 г., но в новом проекте отсутствовало.

Время, отведенное министру финансов на составление отзыва, было, использовано и МВД, которое также внесло принципиальные изменения в проект продовольственных правил. Этим обстоятельством можно объяснить содержание письма, адресованного С.Ю. Витте к В.К. Плеве 11 января 1900 г., в котором министр финансов сообщал о полном согласии с министром внутренних дел по всем вопросам – как общим, так и частным по существу продовольственных правил. Более того, Витте признал свой отзыв утратившим силу и просил В.К. Плеве «не рассылать его членам Государственного совета», а вернуть все экземпляры обратно в Министерство финансов³. Иными словами, между Витте и Сипягиным состоялось полное соглашение по спорным вопросам проекта продовольственных правил; поэтому 30 января 1900 г. оба министра внесли в Государственный совет совместное представление с приложе-

¹ «Новый продовольственный закон»: пособие к применению Временных правил 1900 г. ... С. 20.

² Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. С. 208, 209–211.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 4. Д. 2232. Л. 245–246.

нием нового проекта продовольственного Устава, названного «Правилами по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей».

Однако новый проект вызвал в Государственном совете большую дискуссию. Предметом спора стал вопрос об изъятии продовольственного дела из ведения земских учреждений и передаче его в руки администрации. В конечном итоге, большинство высказалось за отстранение земств от этой части хозяйственного управления, ссылаясь на то, что, по мнению министров финансов и внутренних дел, за земством и впредь оставалось широкое поле деятельности. Полномочия земств сводились к продаже хлеба по заготовительной цене и обеспечению прокорма лошадей. Но они не включались в текст «Правил», а были отнесены к вопросам дальнейшей разработки продовольственного законодательства. Кроме того, многие члены Государственного совета были недовольны деятельностью земств во время закупочных операций 1891–1892 гг., несоответствием функций земств основным началам продовольственного Устава и ролью земств как средней инстанции, не имеющей ни высшего органа, ни низших подчиненных структур. Мнение Государственного совета легло в основу нового закона, утвержденного 12 июня 1900 г. под названием «Временных правил по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей».

«Временные правила» вступили в силу 1 января 1901 г. и должны были стать, по замыслу законодателя, качественным новым механизмом обеспечения населения продовольствием, пусть и недоработанным. Но главным отличием новых продовольственных правил от прежнего законодательства явилось полное устранение земских учреждений от всего, что касалось удовлетворения потребностей населения в продовольствии и семенах. Четкую характеристику новому закону дал известный либеральный деятель И.К. Сухоплов: «Деятельность бюрократии выразилась в том, что она в 1900 г. изъела продовольственное дело из ведения земства и передала его в руки административных крестьянских учреждений, совершенно неприспособленных к заведованию продовольственным делом»¹. Во всех прочих аспектах продовольственного дела не произошло никаких кардинальных изменений. Защищая законопроект в Государственном совете, Д.С. Сипягин развивал мысль о том, что «в своих основах продовольственная система не требует коренных изменений во всем ее объеме, что было бы к тому же и опасно, и нежелательно. Неурожай последних лет вовсе не доказали ошибочности всех порядков, на которых зиждется обеспечение населения продовольствием»; они лишь обнаружили некоторые их «несовершенства»².

Таким образом, начатый еще во время голода 1891–1892 гг. процесс пересмотра продовольственного законодательства так и не завершился принятием полноценного продовольственного Устава, приспособленного к условиям пореформенного времени. «Временные правила» регламентировали лишь отдельные стороны продовольственного вопроса. Отстранение земских учреждений от заведования продовольственным делом явилось, по мнению законодателя, шагом вперед в продовольственной политике. Однако на практике эта мера докажет свою абсолютную бесполезность.

¹ Сухоплов И.К. Основной принцип действующей продовольственной системы. 1906. С. 24.

² Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 2. СПб., 1909. С. 332.

ВЕДОМСТВО УЧРЕЖДЕНИЙ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ И ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ДЕТЯМ МОСКВЫ

Дети – одна из самых незащищенных категорий общества, особенно в крупном городе, где социальные проблемы наиболее заметны. Отсутствие своевременной помощи угрожает не только самим детям, но и социуму, и государству, так как вчерашние сироты и беспризорники рискуют не справиться самостоятельно с жизненными трудностями и встать на путь преступности. В Российской империи, в частности – в Москве, проблемой социализации детей из неблагополучных семей или сирот занимались и государство, и частные благотворители. При этом необходимо отметить, что благотворительность не имела четкой структуры, а ее сферы не были разграничены. Тем не менее большая часть заведений находилась в подчинении Ведомства учреждений императрицы Марии – крупнейшего и, пожалуй, уникального в своем роде ведомства, курировавшего вопросы попечительства не только о детях, но и о глухонемых, слепых и др.¹ Целью настоящей статьи является анализ деятельности Ведомства учреждений императрицы Марии на поприще социальной помощи детям Москвы как одной из столиц Российской империи.

Нельзя не отметить, что тенденцию к осуществлению и повышению качества помощи задала сама императрица Мария Федоровна: благодаря ее стараниям находящийся с 1797 г. на ее попечении Московский Воспитательный дом, претерпев внутренние реформы, достиг важных успехов – была снижена детская смертность, введена система патронажа, улучшено финансирование, организована своевременная медицинская помощь². Детям старались дать профессию, которая, при выходе из Воспитательного дома, дала бы возможность самостоятельно обеспечивать себя. Также императрица активно открывала учебные заведения для детей; среди них – Екатерининское училище для дочерей потомственных дворян и мещанское отделение для девиц прочих сословий, находящееся при нем. По оценке Г.Л. Микиртчичан, вести столь широкую деятельность Марии Федоровне помогали не столько собственное влияние и поддержка сыновей-императоров, сколько экономность, расчетливость и основательность в делах³. В благотворительность она вкладывала не только собственные деньги, но и доходы со специально установленных сборов, тем самым обеспечивая постоянную индексацию средств, направленных на филантропию. Впоследствии, размер денежных средств, выделяемых на благотворительные учреждения, неуклонно рос – от 518519 руб. серебром в 1828 г. до 813307 руб. серебром в 1853 г. на годовое содержание одного только Воспитательного дома в Москве⁴. Со смертью Марии Федоровны (1828) все ее учреждения были приняты под непосредственное покровитель-

¹ Ширяева С.В. Основные тенденции развития частной благотворительности в Российской империи XIX – начала XX вв. // Вестник МГГУ имени М.А. Шолохова. Отечественная история. 2013. № 2. С.37.

² Микиртчичан Г.Л. Вклад императрицы Марии Федоровны в организацию помощи детям. // Вопросы современной педиатрии. 2013. № 12(2). С. 117.

³ Там же. С. 121.

⁴ Обозрение учреждений Императрицы Марии в 25-летие, с 1828 по 1853 г. СПб., 1854. С. 127.

ство Николая I – управление ими было сосредоточено в IV Отделении С.Е.и.в. канцелярии, в дальнейшем же (с 1854 г.) в документации появилось официальное наименование: «Ведомство учреждений Императрицы Марии». Статус его покровительницы имела супруга государя – императрица Александра Федоровна, что, по словам А.А. Хитрова, говорит о двойственности статуса самого Ведомства: с одной стороны, оно входило в состав государственных учреждений, но с другой – являлось общественной организацией, решавшей социальные проблемы в общегосударственном масштабе¹. Учитывая, что впоследствии Ведомство возглавляли жены русских монархов, с исследователем нельзя не согласиться: организация занималась не только и не столько организованной благотворительностью, сколько решением государственных задач в области социальной политики.

Если обратиться к Москве и собственно социальной политике Ведомства, направленной на детей, то помимо вышеназванного Воспитательного дома, который устраивался лично императрицей Марией Федоровной, в городе имелась разветвленная и неупорядоченная система учреждений, попечительств и обществ, входящих в Ведомство. Здесь были представлены: больницы для детей обоего пола до 12-летнего возраста, преимущественно бедных родителей, причём медицинская помощь детям оказывалась бесплатно (Софийская больница); училища (Ордена св. Екатерины), куда на равных условиях принимались девочки-сироты, полусироты и не-сироты; и институты (Александровский, Елизаветинский, Николаевский, Александр-Марининский) – каждый из них имел собственные правила приема; Дамское попечительство о бедных, насчитывавшее 23 отделения по городу и в числе прочих ставившее перед собой задачу воспитания бедных детей: в его структуру входили школы, приюты, убежища и лечебницы; Московское благотворительное Общество 1837 г., имевшее 16 школ для девочек по всему городу, в которых к 1900 г. получали образование 1146 детей². Наиболее организованной структурой внутри Ведомства был Московский совет детских приютов. Он был основан в 1842 г. и его деятельность начиналась, по сути, с нуля: первоначально у него не было ни капиталов, ни зданий, в отличие от, например, Петербургского совета. Его капитал составлялся из выделенных высочайшим повелением средств Воспитательного дома в размере 2857 руб. 14 коп., частных пожертвований и кружечного сбора. В год создания Совета размер капитала составлял лишь около 15 тыс. руб. Однако в 1898 г. чистая прибыль достигла 112123 руб. 30 коп. – почти половину этой суммы составляли членские взносы. Кроме того, все так же проводился кружечный сбор и даже спектакли и концерты, доход от которых поступал в пользу приютов³. Любопытно, что у частных заведений призрения почти не возникало проблем поиска денег. Так, братья Бахрушины обеспечили свой сиротский приют неприкосновенным капиталом в 450 тыс. руб., на проценты с которого он и существовал, в его развитие вкладывались другие частные жертвователи и городская дума⁴.

Ввиду того, что Ведомству принадлежало значительно большее количество заведений призрения, для осуществления его деятельности требовались большие расходы

¹ Хитров А.А. Опыт организованной благотворительности в России: Ведомство учреждений императрицы Марии (XVIII – начало XX вв.) // Вестник СПбГУ. 2008. Сер. 2. Вып. 2. С. 62.

² Сборник справочных сведений о благотворительности в Москве. М., 1901. С. 37–40.

³ Благотворительная Россия. История государственной, общественной и частной благотворительности в России. СПб., 1901. С. 113, 115.

⁴ Устав Московского Городского Сиротского приюта имени братьев Петра, Александра и Василия Бахрушиных // Уставы благотворительных учреждений братьев П., А. и В. Бахрушиных. М., 1903. С.51.

и, следовательно, использовались различные способы добывания средств – от вышеперечисленных до выпуска специальных благотворительных бланков для писем, продаваемых в пользу детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии¹. Примечательно также, что до 1878 г. среди приютов Совета было лишь два заведения, предлагавших полный пансион для сирот; остальные оказывали помощь только приходящим детям², что лишний раз подтверждает отсутствие у Ведомства, в целом, и у Совета, в частности, средств для качественного расширения деятельности. Тем не менее, количественное расширение происходило: если по состоянию на 1889 г. в ведении Московского совета состояло 13 приютов (Александринский – для 50 детей обоего пола и состоящее при нем Долгоруковское сиротское отделение на 45 мальчиков; Николаевский – для 100 приходящих детей обоего пола; Ольгинский – на 100 приходящих детей обоего пола и 5 живущих мальчиков; Мариинский – на 85 приходящих детей обоего пола; Александро-Мариинский – на 115 приходящих детей; Яузский – на 60 приходящих детей; Пресненский – на 120 приходящих детей; Серпуховской – на 65 приходящих детей и 5 девочек-сирот; имени княгини Марии Максимилиановны – на 100 приходящих детей; приют Торлецкого – на 100 приходящих детей и 12 мальчиков-сирот; приют великой княжны Ксении Александровны – на 125 постоянно живущих девочек; приют князя Владимира Андреевича Долгорукова – на 75 приходящих детей и 10 девочек-сирот; приют принца Петра Георгиевича Ольденбургского – на 30 сирот обоего пола)³, то к 1901 г. их было уже 17. Добавились: Мужской Ремесленный приют имени великого князя Сергея Александровича на 54 мальчика, приют великой княгини Елизаветы Федоровны на 18 детей обоего пола, приют на станции Подсолнечная Николаевской железной дороги на 50 детей обоего пола (был общей приютской дачей), Павловский дневной приют на 48 приходящих детей. Кроме того, в ведении Совета находились: Сельский приют в селе Зуево Московской губернии, бесплатная детская лечебница имени императора Александра III и Центральная библиотека, которой могли пользоваться и частные лица⁴.

Всего к концу XIX в. в учреждениях Московского совета детских приютов получили признание более тысячи детей ежегодно⁵, что, несомненно, говорит о масштабах оказания социальной помощи, прежде всего – в сфере воспитания, образования и социализации, т.е., главным образом, получения профессии. В основном московские приюты готовили детей на такие профессии, как: для девочек – учитель, закройщица, мастерица, комнатная девушка; для мальчиков – мастер, монтер, чертежник, слесарь. Для этого дети, после прохождения учебного курса, идентичного курсу начальных городских училищ, направлялись в ремесленные и иные профессиональные отделения, где оканчивали курс в 17–18 лет. Более того, по окончании обучения Совет подыскивал воспитанникам место работы, а также выдавал денежные пособия⁶. Все это доказывает, что, несмотря на свою громоздкость, система Совета детских приютов функционировала исправно.

¹ Руководство для организации сбора объявлений и выпуска в продажу благотворительных писем с объявлениями в пользу детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии. СПб., 1900. С. 4–5.

² Благотворительные учреждения России. СПб., 1912. С. 37.

³ Детские приюты Ведомства учреждений Императрицы Марии. (1839–1889 гг.): К пятидесятилетию со времени издания Положения о детских приютах 27 декабря 1839 года. СПб., 1889. С. 65–66.

⁴ Благотворительная Россия... С. 119–120.

⁵ Там же. С. 115.

⁶ Сборник справочных сведений... С. 30–31.

Итак, Ведомство учреждений императрицы Марии не являлось организацией, строго контролировавшей действия каждого из своих учреждений. Оно скорее было своеобразным центром притяжения, объединявшим разрозненные советы, попечительства и др., придавая им дополнительный вес в обществе и включая их в государственную систему социального обеспечения. Систему социальной помощи детям, функционировавшую в Москве в XIX – начале XX вв., можно оценить в целом положительно, несмотря на общую неорганизованность и запутанность ее структуры. В этой системе существовали и органы призрения, и образовательные, и медицинские учреждения, где дети получали воспитание, обучались грамоте и профессии и, при необходимости, находились на лечении. Наконец, следует особо выделить московскую систему приютов, существовавшую под эгидой Ведомства: несмотря на финансовые трудности (в этом свете выгодно отличались частные учреждения призрения), они оказывали помощь в социализации тысячам обычных детей и детей-сирот ежегодно. Все это говорит о том, что система отвечала требованиям времени.

III. «ПУСТЬ СИЛЬНЕЕ ГРЯНЕТ БУРЯ!»: ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТРАДИЦИЯ

А.И. Молодова

*студентка Института истории и политики
Московского педагогического государственного университета*

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1860-х гг. И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А.И. ГЕРЦЕНА

Сегодняшние российско-польские отношения своими корнями уходят в далекое прошлое. Необходимость оптимального и, по возможности, скорейшего решения польского вопроса стояла перед властями Российской империи с момента вхождения в ее состав Царства Польского в 1815 г. Ради решения этой задачи Александр I даровал Польше конституцию, право иметь собственную армию и денежную единицу, а также другие атрибуты суверенного государства. Но ответом на эти либеральные меры (правда, уже в царствование Николая I) стало Польское восстание 1830–1831 гг., после подавления которого Царство Польское лишилось своей конституции и армии.

В русском обществе имелись полярные мнения по польскому вопросу. Приверженцем одной из крайних позиций оказался Александр Иванович Герцен (Искандер) – радикальный русский публицист и мыслитель, эмигрировавший из России в 1847 г. и в 1853 г. основавший в Лондоне «Вольную русскую типографию». Здесь он публиковал острые и злободневные материалы о русской действительности. «Вольное слово» Герцена приобрело огромный вес на родине. Император Александр II, вступивший на престол в 1855 г., разумеется, не разделял многих резких суждений журналиста, но прислушивался к его мнению о пользе кардинальных внутренних преобразований в стране.

Герцен не скрывал своих симпатий к полякам – братскому славянскому народу, лишившемуся независимости и на три десятилетия подпавшего под власть военной диктатуры. Симпатии Герцена не были случайными. Ведь и его лондонская типография была открыта благодаря помощи польского революционера Станислава Ворцеля¹. Александр Иванович безусловно признавал право Польши на свободу и самоопределение. Но при этом польский вопрос, давно ставший роковым, легко мог сделаться «камнем преткновения» в отношениях Герцена не только с русским правительством, но и со многими единомышленниками.

Подготовка нового восстания началась в Польше уже в конце 1850-х гг. – на фоне частичной либерализации режима. Первая крупная «патриотическая» демонстрация, увенчавшаяся кровопролитием и гибелью пяти ее участников, состоялась в Варшаве 13(25) февраля 1861 г. В своей газете «Колокол» Герцен откликнулся на это событие статьей «Vivat Polonia!», которая начиналась с восклицания: «И да здравствует русский воин, который отказался стрелять в безоружных, несмотря на приказ какого-то спадасина Заблоцкого!»². Эта статья приветствовала офицера, отказавшегося поднять оружие против поляков. Впоследствии «Колокол» будет неоднократно призы-

¹ Пирумова Н.М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М., 1989. С. 47.

² Колокол. Лист 94. 1861.

вать к этому русских офицеров. В номере газеты от 15 октября 1862 г. будет помещена статья «Русским офицерам в Польше», где был дан четкий и однозначный ответ на вопрос: «Что должно делать русским офицерам, находящимся в Польше, в случае польского восстания?». Ответ звучал так: «Идти под суд, в арестантские роты, быть расстрелянным, (...) быть поднятым на штыки (...), но не подымать оружия против поляков, против людей, отыскивающих совершенно справедливо свою независимость»¹.

Польские революционеры были благодарны Герцену. Так, в журнале «Обозрение польских дел» издатель «Колокола» была выражена признательность с надеждой на полную солидарность².

Александр Иванович постоянно следил за польскими новостями и живо реагировал на новые события. В начале апреля 1861 г. он писал: «Вы Польшу потеряли. Вы могли стать во главе славянского движения, вы могли восстановить Польшу без капли крови – вы предпочли австрийские драгонады»³. Эти слова были обращены к Александру П. Герцен склонялся к мысли о том, что решением польского вопроса может стать только обретение поляками свободы и, вероятно, их будущее объединение с русскими «в добровольной федерации равных»⁴.

Во второй половине 1861 г. был создан «Комитет русских офицеров в Польше» под руководством Андрея Потебни – одного из «землевольцев». Члены «Комитета» стояли на тех же позициях, что и А.И. Герцен с Н.П. Огаревым, и начали мощную агитационно-пропагандистскую деятельность в офицерской среде. Издатели «Колокола» установили тесные связи с «Землей и Волей», а также с «Комитетом». Осенью 1862 г. Герцен опубликовал в «Колоколе» воззвание «Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше», на котором стояла печать «Земли и воли». Все это подтверждало единство взглядов авторов воззвания и самого Герцена. При этом на первое место было поставлено решение социальных задач, а именно – крестьянского вопроса⁵.

Еще в 1840-е гг. ознакомившись с курсом лекций А. Мицкевича, Александр Иванович знал о существовании разногласий между передовыми людьми Польши и России⁶. Эти разногласия были вызваны националистическими стремлениями польских «патриотов», отодвигавших социальные преобразования на второй план. Поэтому Герцен поначалу «не очень» поддавался на уговоры соратников пойти на альянс «с польскими патриотами»⁷.

Вскоре после прибытия в Лондон М.А. Бакунина Герцен, по инициативе будущего вождя анархистов, принял у себя эмиссаров польского Центрального национального комитета – Падлевского, Миллера и Миловича. В ходе разговора обнаружилось ключевое разногласие не только между Герценом и поляками, но и между ним и Бакуниным. У Герцена борьба поляков за независимость стояла на втором месте, а на

¹ Колокол. Лист 147. 1862.

² Малютин Г.А. «Польский вопрос» в русской общественно-политической мысли в 1830-е – начале 1860-х гг.: монография. М.; СПб., 2013. С. 163.

³ Колокол. Лист 96. 1861.

⁴ Малютин Г.А. Указ. соч. С. 164.

⁵ Там же. С. 179, 184.

⁶ Фруменков Г.Г. А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение в 30–50-е годы XIX в. // Труды Архангельского государственного педагогического института. Вып. 1. Архангельск, 1956. С. 7.

⁷ Драгоманов М.П. Герцен, Бакунин, Чернышевский и Польский вопрос. Казань, 1906. С. 4–5.

первом значился крестьянский вопрос. Со своей стороны, польские гости и безоглядно поддерживавший их Бакунин почему-то не особенно интересовались крестьянскими делами¹. Еще одно разногласие возникло по поводу времени восстания. Герцен был против спешки, полагая, что «преждевременный взрыв в Польше ее не освободит, вас погубит и непременно остановит наше русское дело»². Герцен, вопреки мнению Бакунина и неутомимого романтика Огарева, до самого конца 1862 г. надеялся на отсрочку восстания.

В статье «Подтасованный набор», посвященной внеочередному рекрутскому набору среди недовольной польской городской молодежи, Искандер открыто заявлял, что всячески убеждал поляков не торопиться с восстанием, которое считал преждевременным³. Но затем он переменял свою позицию и стал возлагать надежды на армию и ее участие в освободительном движении. В передовой статье «Колокола» от 1 января 1863 г. он призывал русских солдат и офицеров не идти против своего народа и против поляка, не превращаться в палачей⁴.

Однако полной уверенности в правоте такой позиции Герцен также не имел. Он сильно сомневался в победе восстания и еще меньше верил в то, что оно способно поднять русских крестьян на борьбу⁵. Но обратного пути уже не было. В мемуарах Александр Иванович с большим сожалением признавался, что уступил натиску своих друзей – Огарева и Бакунина⁶. Это подтверждает и Татьяна Пассек, близкая к Герцену: «Бакунин часто вредно влиял на Герцена, обыкновенно через Огарева. Он настаивал на своей программе, а эта программа скоро запугала всех и прямо противоречила тому, что раньше говорилось в "Колоколе"»⁷.

Тем не менее, «Колокол» ударил в «набат» в поддержку восставших. Герцен призывал всячески помогать восстанию, организовал сбор средств на вооруженную борьбу поляков. «Мы с Польшей потому, что мы – за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы – русские. Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих»⁸, - заявлял он в «Колоколе» 1 апреля 1863 г.

Но предчувствия не обманули Александра Ивановича. Восстание было разгромлено. В канун нового 1864 г. Герцен выпустил статью «В вечность грядущему 1863 году», похожую на реквием погибшим и израненной Польше, «мужественной, неуловимой (...) гибнущей здесь и возрождающейсяazole»⁹.

Поражение Польского восстания 1863 г. привело к крушению и самого «Колокола», от которого отвернулась основная масса его русских читателей. В 1864 г. тираж газеты упал в несколько раз, а в июле 1867 г. «Колокол» перестал выходить на русском языке.

¹ Малотин Г.А. Указ. соч. С. 180.

² Колокол. Лист 147. 1862.

³ Колокол. Лист 151. 1862.

⁴ Колокол. Лист 153. 1863.

⁵ Малотин Г.А. Указ. соч. С. 186–187.

⁶ Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 6–8. М., 1983. С. 340.

⁷ Соловьев Е.А. А.И. Герцен. Его жизнь и литературная деятельность. Биогр. очерк. СПб., 1905. С.148.

⁸ Колокол. Лист 160. 1863.

⁹ Колокол. Лист 175. 1863.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ВОСПИТАННИКОВ МОРСКОГО УЧИЛИЩА В 1860–1870-х гг.

Системе военного образования всегда принадлежала исключительно важная роль в подготовке кадров для армии и флота, а значит – в деле обеспечения обороноспособности. Кроме того, мировоззрение офицерского корпуса, особенно в кризисные периоды, может иметь определяющее влияние на политическую судьбу страны. По мере развития русской общественной мысли проблемы войны и мира, места армии и флота в политической жизни России все больше привлекали внимание передовой общественности. Подъем революционного движения в пореформенные десятилетия не мог не затронуть военные и морские силы России и, так или иначе, вел к втягиванию офицерского корпуса в «политику».

Наибольшую активность проявляли офицеры флота, часть из них участвовала в создании тайных организаций в Петербурге, Кронштадте и других городах. Морские офицеры образовали костяк Военной организации партии «Народная воля», став мощным фактором революционной борьбы. Поэтому необходимо изучать общественно-политические взгляды воспитанников главного учебного заведения русского морского офицерства – Морского училища в «эпоху Великих реформ» 1860–1870-х гг. Выяснив степень политизированности молодых морских офицеров, можно понять мотивацию тех из них, кто решил посвятить себя революционной деятельности и борьбе против старого строя.

В научной литературе данная тема часто затрагивается в контексте изучения истории Морского училища, а также деятельности русского морского офицерского корпуса – в целом. Среди наиболее значимых работ по этой проблематике можно назвать исследования А.С. Кроткова¹, Л.Г. Бескровного², А.П. Шевырева³, В.И. Мамонтова⁴. Особо отметим диссертацию В.И. Мамонтова, посвященную влиянию общественно-политической жизни пореформенной России на армию и флот. Автор вводит в научный оборот широкий круг архивных источников, позволяющих решить поставленные в работе задачи. При этом в большинстве исследований внимание акцентируется на мировоззрении взрослой и служилой части морских офицеров, взгляды юных воспитанников морских учебных заведений остаются в стороне. Между тем, воззрения самой юной части офицерства не следует недооценивать.

В 1860-е гг. Морское училище – основная кузница кадров морского ведомства – находилось в стадии коренных преобразований. Менялись принципы функционирования учебного заведения, учебно-воспитательного процесса в нем. «Морским училищем» в 1867 г. был назван прежний Морской кадетский корпус, преобразованный в специальное учебное заведение: были скорректированы учебные программы, приоритетное значение имели специальные дисциплины, но при этом подчеркивалась фор-

¹ Кротков А.С. Морской кадетский корпус: краткий исторический очерк. СПб., 1901.

² Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1972.

³ Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990.

⁴ Мамонтов В.И. Общественно-политическое движение в русской армии и на флоте в 60-е – начале 90-х гг. XIX в. Дис. ... к.и.н. Воронеж, 1991.

мальная принадлежность морского образования к общей системе народного просвещения. Менялись правила приема воспитанников в училище: возраст поступающих увеличивался с 15 до 18 лет; право поступления в Корпус предоставлялось более широкому кругу лиц – детям штаб- и обер-офицеров, гражданских чиновников. Новая система воспитания строилась на доверии и уважении преподавателей к своим питомцам, но при строгом наблюдении за их поведением. Это должно было сделать воспитанников сознательными и ответственными людьми. Воин Андреевич Римский-Корсаков, директор Морского кадетского корпуса (затем – училища) в 1861–1871 гг., так объяснял суть действий наставников и начальства в отношении учащихся: «Мы не стараемся ловить наших воспитанников, подсматривать за ними, разведывать о них, но не оставляем без последствий ни одной мелочи, которая сама попадает на глаза, или дойдет до нашего слуха»¹.

Реформы морского образования привели к успехам, повысили успеваемость воспитанников, открыли доступ к обучению отдельным выходцам из других сословий. В то же время, отказ от строгостей «николаевского времени» привел к появлению в Морском училище политически активной молодежи. В 1871–1872 гг. здесь действовал первый нелегальный кружок. Ценным источником для исследования взглядов и политических предпочтений воспитанников Морского училища конца 1860-х – начала 1870-х гг. являются воспоминания Эспера Александровича Серебрякова – молодого морского офицера, ставшего революционером-народовольцем.

«Народная воля» имела наибольший успех среди радикально настроенной части воспитанников Морского училища. Народовольцы видели в них – будущих офицерах флота свою надежную опору. Революционер-народник Н.И. Утин считал молодых офицеров «многозначительным подспорьем» для «революционной партии»². О влиянии народовольцев на морское офицерство адмирал П.Н. Кислинский писал: «Тайная революционная партия ищет все способы, чтобы распространить свою пагубную пропаганду во всех частях России, и ныне обратила особенное напряженное внимание на военное сословие. Между молодыми офицерами, к сожалению, нашлось уже довольно много легкомысленных, поддавшихся коварным влияниям...»³. Но не только народовольцы видели в армии и флоте движущую силу будущей революции. Еще задолго до создания «Народной воли» А.И. Герцен, Н.П. Огарев и М.А. Бакунин признавали русское офицерство одним из главных оплотов революционного движения. Революционер-анархист Бакунин призывал офицеров русской армии создавать революционные организации и кружки по всей России, а также вовлекать в революционную работу солдатские и матросские массы, готовить вооруженное восстание⁴.

Нелегальный политический кружок Морского училища начал с чтения популярной политической и экономической литературы. Читая работы передовых русских и западноевропейских мыслителей и революционеров, юные воспитанники проникались духом их идей, сочувствием к угнетенным классам и желали знать, как добиться более справедливого общественного устройства. Э.А. Серебряков так вспоминал свои впечатления от сочинений Ф. Лассаля: «Я не прочитал, а проглотил том Лассаля, и во мне произошел какой-то перелом, хотя неясный и неопределенный, но я чувствовал, что что-то не ладно (...) явилось желание что-то делать...». Объясняя причины своего участия в деятельности нелегального кружка, Серебряков указывал на «любовь к рус-

¹ Дополнение к отчету начальника Морского училища // Морской сборник. 1870. № 11. С. 179.

² Серебряков Э.А. Революционеры во флоте // Былое. 1907. № 4. С. 105.

³ Там же. С. 109.

⁴ Мамонтов В.И. Указ. соч. С. 97.

скому народу, мы всегда были склонны к протесту против насилия и угнетения»¹. К тому же ранняя юность и демократизм воспитания в училище создавали благоприятные условия для распространения революционных идей.

Основным занятием участников кружка были чтение и анализ работ Ф. Лассалья, В.В. Берви-Флеровского, Н.Г. Чернышевского и других мыслителей. В своих мемуарах Серебряков рассказывает о лидере этой небольшой подпольной организации – старшем воспитанике В.В. Луцком. Тот обладал определенной харизмой и руководил собраниями, дебатами по прочитанным книгам, составлял список сочинений для совместного прочтения. На своих собраниях члены кружка проводили «общие чтения», занимались самообразованием, строили планы пропагандистской работы, принимали в свои ряды единомышленников².

Однако ясной политической программы кружок и его организаторы не имели. Будущая революция, по словам Э.А. Серебрякова, «представлялась в виде организованных восстаний, битв с тиранами, оканчивавшихся победой и общим благополучием, но никто из нас не представлял себе, да и не задумывался над тем, на чем будет основано и в чем будет состоять это всеобщее благо, ради которого мы будем воевать». Участников кружка, как и следовало ожидать, отличали политическая наивность, революционная романтика и юношеский максимализм, подкрепленные обостренным чувством справедливости и народолюбия. Так, на одном из общих собраний кружка спорили о «мирном» и «бурном» характере грядущей революции. Представители роты, в которой состоял Серебряков, высказались за «бурный путь». Сам Серебряков полностью разделял эту точку зрения: «Какая же революция без сражений? Это было нам совершенно непонятно...»³.

Впрочем, едва ли кто-то из участников бурной дискуссии представлял себе настоящие последствия революционного переворота. Кроме того, мало кто из них был способен на серьезный критический разбор обсуждаемых трудов политического и социально-экономического содержания.

Деятельность кружка была прервана арестом 25 воспитанников (примерно 15% от общего числа учащихся). Одновременно были свернуты эксперименты по части дальнейшего реформирования военно-морского образования. Впрочем, власти проявили снисходительность, не найдя в крамольных настроениях юных моряков какой-либо реальной опасности. В 1872 г. все арестованные были прощены, им было позволено завершить учебу и отправиться на службу.

Еще одним важным источником, отражающим воззрения воспитанников Морского училища, являются мемуары генерала флота, профессора Николаевской морской академии, участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Евгения Ивановича Аренса. Он был одним классом младше Э.А. Серебрякова. Однако он не запечатлел ни оппозиционных политических взглядов товарищей, ни их склонности к нелегальной деятельности. Зато Аренс оставил критические отзывы о начальстве и преподавателях, а также о флотских порядках и отношении к ним воспитанников. Директор училища контр-адмирал Алексей Павлович Епанчин за свою надменность и равнодушные к делам был саркастически поименован «превосходительством» (причем подчеркнуто в среднем роде – «оно»), которое «торжественно» шествует «по ротам»⁴. Нелюбимым преподавателям также подбирали всевозможные прозвища. Так, учителя

¹ Серебряков Е.А. Революционеры во флоте. Из воспоминаний. СПб., 1919. С. 5.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 8.

⁴ Емелин А.Ю. Морской кадетский корпус в воспоминаниях воспитанников. СПб., 2003. С. 35.

по начертательной геометрии капитан-лейтенанта Александра Георгиевича Грундштрема воспитанники за спиной «громко и бесцеремонно» обзывали: «"Груша! Компот! Слива!" (по сходству с формой его носа) и так далее...»¹.

Аренс отмечал нередкие случаи нарушения дисциплины и правил поведения – как мелкие («фиктивные заболевания», списывание на экзаменах), так и прямое неповиновение начальству. Однажды, находясь в практическом плавании, кадеты, обязанные по команде становиться у входного трапа для встречи приезжающих на корабль офицеров и подачи им фалперов – толстых веревок, использовавшихся вместо поручней, «почему-то вдруг» сочли это унижением собственного «достоинства», и выразили «протест против назначения фалперными»². За это они были наказаны.

Таким образом, питомцы Морского училища были довольно неспокойной средой, проявлявшей свои протестные настроения и в политических вопросах, и в своем отношении к дисциплине и субординации. Впоследствии, по окончании училища, большинство из них предпочтет «мирный путь» службы и жизни; но некоторые делают выбор в пользу «бурного пути». Это – Э.А. Серебряков, В.В. Луцкой, Н.Е. Суханов, А.П. Штромберг. Окончив училище, они уже вполне осознанно встали на путь революционной борьбы и влились в ряды «Народной воли». А рядом с ними росли будущие герои войн. Е.И. Аренс, лейтенант граф А.И. Коновницын и будущий адмирал К.Д. Нилов отличились в боевых действиях на Дунае и Черном море во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; а капитан 1-го ранга В.И. Бэр погиб в Цусимском сражении, отказавшись уйти с капитанского мостика.

¹ Там же. С. 40.

² Там же. С. 32.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В «ДЕЛЕ» ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ

31 марта 1878 г. суд присяжных вынес оправдательный приговор Вере Ивановне Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника Федора Федоровича Трепова. Этот судебный процесс вызвал большой интерес не только в России, но и за границей. «Дело» Веры Засулич положило начало глубокому политическому кризису («кризису самодержавия»), вызванному непримиримым противоборством правительства и революционеров-народников.

С начала «эпохи Великих реформ» (1856–1881 гг.) роль общественных сил в политической жизни страны, невзирая на сохранявшееся самодержавие и отсутствие легальной политической системы, неуклонно возрастала. Правда, высшие сановники пытались игнорировать данное обстоятельство. «Большая часть облеченных властью людей (...) не замечают, что Россия совсем уже не та, в которой они проводили свою молодость»¹, - писал в конце 1870-х гг. русский военный историк и публицист генерал Р.А. Фадеев. Между тем, радикальная часть общества не столько желала участвовать в решении государственных дел, о чем мечтали либералы, сколько намеревалась добиваться скорейшего переворота и полной ликвидации старого строя.

Последнее стремление было особенно присуще разночинской молодежи. Председатель Петербургского окружного суда Анатолий Федорович Кони, руководивший рассмотрением «дела» В.И. Засулич, понимал эту особенность молодого поколения, не желавшего ждать и выслушивать уговоры, что «надо погодить, что придет время, что когда-нибудь законодательная наша машина двинется скорее (...) Он отвертывается в сторону, где вместо слов предлагают дело, и бросается в объятия революционера, который и указывает ему путь, на котором написаны заманчивые для молодого сердца слова: "борьба", "помощь народу", "самопожертвование" и т.д.»².

Впрочем, на революционный путь молодежь во многом толкала сама власть. П.А. Кропоткин вспоминал: «Все молодое поколение огулом признавалось "неблагонадежным", и потому старшее поколение боялось иметь что-нибудь общее с ним. Каждый молодой человек, проявлявший демократические симпатии, всякая курсистка были под тайным надзором полиции и обличались Катковым как крамольники и внутренние враги государства»³.

Катализатором роста оппозиционных настроений в русском обществе стала русско-турецкая война 1877–1878 гг., половинчатые итоги и неоправданные жертвы которой, а также тяжелые последствия которой для населения и экономики страны вызвали большое разочарование. Даже выигранная война приобрела «роковое значение», вызвав «всеобщее глухое недовольство»⁴.

Положение усугубило массовое судилище над участниками «хождения в народ» – т.н. «процесс 193-х» в конце 1877 – начале 1878 гг. В недавнем прошлом юные романтики, мечтавшие улучшить народную жизнь, к моменту начала процесса уже про-

¹ Фадеев Р.А. Письма о современном состоянии России: 11 апреля 1879 г. – 6 апреля 1880 г. Размышления о дальнейшем пути России после реформ Александра II. М., 2016. С. 109.

² Кони А.Ф. Дело Веры Засулич. М., 2015. С. 23–24.

³ Кропоткин П.А. Записки революционера. Лондон; СПб., [1906]. С. 258.

⁴ Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 3. М., 2016. С. 159.

вели в одиночном заключении более трех лет и, в итоге, были обвинены в «серьезном подрыве государственных устоев»¹. Конечно, они едва ли могли реально угрожать правительству, особенно если учесть, что и «народ» отнесся к неумелым «пропагандистам» недоверчиво и неодобрительно. У молодых людей, по словам П.А. Кропоткина, «не было никакой еще мысли о революции, о насильственном перестройстве общества по определенному плану. Они просто желали обучить народ грамоте, просветить его, помочь ему каким-нибудь образом выбраться из тьмы и нищеты и в то же время узнать у самого народа, каков его идеал лучшей социальной жизни»².

Громкий процесс над молодежью, собранной, по сути, по всей стране, увенчался приговором, из которого общество, как заметил А.Ф. Кони, «с изумлением узнало, что из 193 привлеченных осужденных оказывается лишь 64 человека, что остальные от суда освобождены, то есть понесли досудебное наказание – и наказание тяжелое – задаром, и что даже за двадцать семь из приговоренных сенат ходатайствует перед государем о милосердии»³. Столь жалкий финал с фактическим развалом «дела» после долгого предварительного заключения обвиняемых послужил дискредитации правительственной власти в обществе.

Данные обстоятельства предшествовали покушению Веры Засулич на петербургского градоначальника и обусловили этот поступок революционерки. Согласно показаниям подсудимой, стрелять в Трепова она решила после того, как политзаключенный А.С. Боголюбов, находившийся в петербургском доме предварительного заключения, был выпорот по приказанию градоначальника, несмотря на противозаконность такой меры наказания. Даже председатель суда должен был признать, что приказ градоначальника «был противен русским законам и оскорблял сложившиеся в лучшей части общества за последние двадцать лет взгляды на личное достоинство человека»⁴. Но, разумеется, никаким взысканиям Трепов не подвергался.

А.С. Боголюбов был высечен в июле 1877 г., а 24 января 1878 г. пришедшая на прием к Ф.Ф. Трепову Засулич ранила его выстрелом из револьвера в бок, после чего была арестована. Рана была смертельной. Однако покушение взбудоражило общество, вызвав споры о виновности сторон и разговоры об истинных причинах. В высшем свете забавлялись разглагольствованиями, что Засулич – «несомненная любовница Боголюбова и все-таки "мерзавка"», относясь «к ней с некоторым любопытством». Либералы сочли ее выстрел протестом «за поруганное человеческое достоинство» и «грозным призраком пробуждения общественного гнева»; кто-то почему-то увидел в ней «новую русскую Шарлоту Кордэ» (хотя крайне затруднительно найти какое-либо сходство между лидером французских якобинцев Маратом и верным слугой русской самодержавной власти). Были и те, кто, «не отказывая в симпатии характеру Засулич, осуждали ее поступок как опасный прецедент»⁵. Любопытно, что пострадавший Ф.Ф. Трепов, напротив, ни у кого не вызвал ни интереса, ни сочувствия. Все внимание было приковано к главной виновнице.

«Дело» Веры Засулич было признано чисто уголовным и направлено в суд присяжных – власти подчеркивали отсутствие политических мотивов, изображая революционеров обычными уголовными преступниками. «Всякий намек на политический характер из дела устранился (...) с настойчивостью просто странной со стороны ми-

¹ Ляшенко Л.М. Александр II. История трех одиночеств. М., 2018. С. 264.

² Кропоткин П.А. Записки революционера. Лондон; СПб., [1906]. С. 252.

³ Кони А.Ф. Указ. соч. С. 49.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Там же. С. 54–55.

нистерства, которое еще недавно раздувало политические дела по ничтожнейшим поводам»¹, - вспоминал А.Ф. Кони. В письме к наследнику Александру Александровичу К.П. Победоносцев назвал решение о предании Засулич суду присяжных «великой, непростительной ошибкой», совершенной «из малодушной боязни оскорбить будто бы общественное мнение, из желанья пощеголять перед интеллигенцией – пожалуй, перед Европой – уважением к суду присяжных»².

За первым промахом последовали другие. После отказа двух талантливых юристов – Жуковского и Андреевского – выступить в качестве обвинителя на эту роль был выбран не самый удачный из кандидатов – Кессель, произнесший на суде бесцветную и сухую речь. Он также отказался от права отвода части присяжных, чем поспешил воспользоваться адвокат Веры Засулич – присяжный поверенный Александров; он удалил из числа присяжных представителей купечества, наиболее лояльных по отношению к Ф.Ф. Трепову. Таким образом, потерпевшая сторона, т.е. власть как таковая, уже не могла полагаться ни на талант обвинителя, ни на симпатии и лояльность присяжных. Со своей стороны, Засулич заручилась поддержкой одного из лучших адвокатов своего времени. На суде Александров произнес яркую речь, закончив ее фразой: «Она (Засулич. – И.К.) может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренною, и остается только пожелать, чтобы не повторялись причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников». По его словам, Засулич была виновна с точки зрения буквы закона, но в глазах общества ее поступок не нуждался в оправданиях, поскольку в его мотивах «нельзя не видеть честного и благородного порыва»³.

После объявления оправдательного приговора в зале суда начались «крики несдержанной радости, истерические рыдания, отчаянные аплодисменты, топот ног, возгласы: "Браво! Ура! Молодцы! Вера! Верочка! Верочка!"». Ликовали все, включая высокопоставленных лиц. «Помощник генерал-фельдцейхмейстера, Г.А. Баранцов, раскрасневшийся седой толстяк, с азартом бил в ладони, - вспоминал А.Ф. Кони. – Встретив мой взгляд, он остановился, сконфуженно улыбаясь, но, едва я отвернулся, снова принялся хлопать...»⁴. Такая реакция показала, что вердикт присяжных заседателей стал «чувствительным отголоском общественного настроения»⁵, которое к тому моменту было весьма оппозиционным по отношению к верховной власти.

Надежды правительства на верноподданнические чувства присяжных не оправдались, а бурное одобрение оправдательного приговора стало еще одним неприятным сюрпризом. «В правительственных сферах забили тревогу, - вспоминал А.Ф. Кони, - как только после первого впечатления явилось сознание, что общество, выйдя из пассивной роли, выразило осязательно и наглядно в громе рукоплесканий и криках восторга свое неодобрение, свое резкое порицание самому началу незаконных действий видного сановника и в его лице – всей предрежущей власти»⁶. Приговор присяжных был отменен Сенатом, но вновь арестовать Засулич, освобожденную в зале суда, уже не удалось. Оправдательный приговор, вынесенный Засулич, повлиял на разрастание политического кризиса, доказав революционерам, что общественное мнение во многом на их стороне. «То, что вчера считалось государственным преступлением, сего-

¹ Там же. С. 52.

² Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М., 1926. С. 119.

³ Кони А.Ф. Указ. соч. С. 150.

⁴ Там же. С. 166, 167.

⁵ Там же. С. 61.

⁶ Там же. С. 178.

дня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление нередко – только одновременно высказанное учение преждевременного преобразования, проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время»¹, - такова была позиция «непротивления радикализму», выраженная адвокатом Александровым.

Оправдательный приговор побуждал революционные силы к решительным действиям. 4 августа 1978 г. народник Сергей Кравчинский смертельно ранил кинжалом шефа жандармов генерала Н.В. Мезенцева в ответ на расстрел одесского революционера Ивана Ковальского. 9 февраля 1879 г. смертельное ранение получил харьковский генерал-губернатор князь Дмитрий Николаевич Кропоткин, 13 марта 1879 г. народник Л.Ф. Мирский стрелял в нового шефа жандармов генерала А.Р. Дрентельна, а 2 апреля 1879 г. земледелец А.К. Соловьев совершил покушение на императора Александра II, положившее начало настоящей «охоте» на царя...

«Опять масса необъяснимых фактов, порожденных прошлогодним оправданием Веры Засулич (...) До сих пор горсть людей действует безнаказанно, тревожит целое государство – и нельзя ее накрыть. Она же смеется над правительством, печатает брошюры, выпускает прокламации, судит своим кровавым судом»², - писала в те дни «генеральша» А.В. Богданович. Полиция, не имевшая опыта борьбы с революционным подпольем, была растеряна и деморализована. 20 февраля 1880 г. революционер И.О. Млодецкий стрелял в графа М.Т. Лорис-Меликова прямо на улице – в присутствии нескольких полицейских и военных чинов. «Бессилие петербургской полиции достаточно доказали прискорбные факты последних лет, - говорилось в записке генерала Е.В. Богдановича в Верховную распорядительную комиссию (1880 г.). – Шеф жандармов (Мезенцев. – И.К.) был смертельно ранен среди белого дня в одной из самых людных местностей Петербурга. Мирский, после выстрела в другого шефа жандармов, был посажен на извозчика полицейским и свободно уехал на квартиру. Соловьев сделал в ИМПЕРАТОРА несколько выстрелов. Млодецкий стрелял в присутствии двух часовых, двух казаков и одного городского»³. Наконец, 1 марта 1881 г. произошло царевубийство, положившее конец «эпохе Великих реформ».

Таким образом, «дело» Веры Засулич послужило началом настоящей войны между революционерами и царским правительством, растянувшейся на десятилетия и завершившейся крушением российской монархии в феврале 1917 г.

¹ Там же. С. 136.

² Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М.; Л., 1924. С. 13.

³ Записка генерал-майора Е.В. Богдановича в Верховную Распорядительную Комиссию, 1880 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. XIV. М., 2005. С. 429.

К ДИСКУССИИ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Проблема формирования гражданского общества тесно связана с историей взаимодействия государственной власти и населения, которая, в свою очередь, является ключевой при анализе революционных процессов и оценке государственного устройства, политического режима. Этим обусловлены актуальность данной проблемы и ее дискуссионный характер. Прежде всего, исследователи расходятся в понимании природы гражданского общества. Одни убеждены в том, что это – феномен западной цивилизации, другие утверждают его универсальный характер. Одни считают политическое общество частью гражданского, другие признают только неполитический характер гражданской деятельности. Одни ведут историю гражданского общества со времен Древнего мира, другие связывают его появление с Новым временем. Одни находят только элементы «гражданского общества» в поздней имперской России, другие отслеживают этапы его развития, начиная с XVIII в.¹

Одна из причин такого широкого диапазона оценок заключается в том, что «гражданское общество» приобрело в социологической теории *такое же применение*, как понятия свободы, справедливости, равенства, демократии. В современной социологии представлено несколько групп определений гражданского общества по *доминирующему смыслу их употребления*. В ценностной трактовке доминирует либеральное качество гражданского общества, в пространственной – признание его промежуточного положения между частной сферой жизнедеятельности и государственной. В субъектной – исследовательский интерес нацелен на носителей идей гражданской ответственности (личности, группы и ассоциации). Различное понимание сути этой принципиально важной социологической категории познания ведет к ее научной девальвации, однако специалисты все же не призывают отказаться от нее, а советуют обратиться к более активной разработке эмпирического содержания понятия. «Чрезвычайно важно, чтобы теория гражданского общества основывалась на надежных эмпирических данных, характеризующих его как на макроуровне анализа его структур, так и на микроуровне анализа его субъектов»².

Парадоксальность ситуации заключается как раз в том, что конкретно-историческое изучение темы в русле социальной истории осуществляется методом социального моделирования, т.е. применения социологических понятий в ходе анализа эмпири-

¹ Бурбанк Дж. Империя и гражданское общество. Имперская конструкция России и Советского Союза. [Электронный ресурс]. URL: <http://textarchive.ru/c-2710473.html> (дата обращения 18.11.2019); Валитов А.А., Вильцан М.А., Томилов И.С. Основные этапы развития гражданского общества в России // Политика, государство и право. 2014. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://politika.snauka.ru/2014/11/2088> (дата обращения: 08.02.2019); Кара-Мурза С. «Общество граждан» // Взгляд. Деловая газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/opinions/2013/8/27/647338.html> (дата обращения 12.12.2020); Королев Б.И. Элементы гражданского общества в России в условиях политического кризиса начала XX века // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2014. №3(2). С. 101–103.

² Мерсиянова И.В. Определение понятия «гражданского общества»: Опыт систематизации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 4. С. 6.

ческих данных. Круг замыкается. В историографии темы, как в отечественной, так и в западноевропейской исторической науке, были попытки избежать этого «неудобства». Например, с помощью следующего изящного пояснения: «Авторы данного сборника далеки от стремления верифицировать или фальсифицировать социологическую схему с помощью исторического исследования. В большей мере представленные здесь категории и интерпретации должны послужить структурированию и исторической классификации наших исследований, которые являются результатом изучения исторических источников»¹. Введение с этой целью понятий «гражданская идентичность», «гражданская деятельность», «локальное общество», «местное общество», «публичная сфера», «коммуникативное измерение» и т.п. при описании случаев общественной самоорганизации различных социальных групп населения Российской империи не изменило в целом исследовательскую ситуацию. В центре внимания по-прежнему находилась проблема оценки гражданского общества в русле теории модернизации, т.е. в прямом сравнении с историей его становления и развития в западноевропейских странах. Обращение к новым версиям этой теории, отличающимся от ее эволюционистской конструкции 1960–1970-х гг. более развернутым культурно-цивилизационным компонентом и разнообразием исследовательских подходов², безусловно, позволило избежать схематизма, обеспечило живую, наполненную яркой конкретикой, ткань повествования, придало динамизму анализу фактов. В этом отношении наиболее последовательно проявил себя Дж. Брэдди, которому удалось избежать тенденциозности и преодолеть доминировавшие в англо-американской историографии в 1960–1990-е гг. оценки российского гражданского общества как «примитивного», «аморфного» и «конфронтационного»³.

Пережитки эволюционистского варианта теории модернизации отчетливо видны в характерной лексике очерков, посвященных «парадоксам модернизации». Гражданское общество фатально не могло сложиться в России, поскольку приобщение «к цивилизационному процессу» происходило «в условиях самодержавия» и, разумеется, бюрократического строя⁴. Неудача «трансформации дореволюционного российского социума в гражданское общество» объяснялась тем, что основная масса крестьянства еще недостаточно восприняла «цивилизационную» программу⁵. Эти и подобные суждения, встречающиеся в коллективной монографии, наводят на мысль об абсурдности попыток применять мерки западноевропейской модели модернизации к России, и, возможно, в этом состоит главное ее значение в историографии «гражданского общества». Тем не менее, теория модернизации продолжает играть роль базовой в социальной истории России и при изучении гражданского общества она реализуется посредством двух подходов. Это может быть институциональный подход, при котором в центре изучения находятся право, регулирующие гражданские, имущественные и

¹ Пиетров-Энкер Б., Ульянова Г.Н. Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2007. С. 15.

² Бокарев Ю.П. Теории модернизации и экономическое развитие // Уральский исторический вестник. 2017. № 4(57). С. 25–35; Побережников И.В. Модернизация в истории России: направления и проблемы изучения // Там же. С. 36–46.

³ Брэдди Дж. Гражданское общество и формы добровольных ассоциаций: опыт России в европейском контексте // Гражданская идентичность и сфера... С. 64–70.

⁴ Рааб Н. Формирование гражданской идентичности в общественных организациях России (на примере Вольно-пожарных обществ). 1880–1905 гг. // Там же. С. 294–295.

⁵ Хэфнер Л. В поисках гражданского общества в самодержавной России // Гражданская идентичность... С. 57–58.

политические отношения; общественные организации, призванные формулировать и представлять разнообразные интересы граждан (экономические, культурные, социальные) перед государством; профессиональные союзы и политические партии, отстаивающие общественно значимые интересы граждан и ограничивающие, удерживающие власть в рамках правового государства; общественное мнение и печатные средства массовой информации как важная часть самоорганизации гражданского общества.

Здесь трудность состоит в том, что степень зрелости гражданского общества в поздней имперской России в этом случае трудно определить из-за отсутствия четких критериев такой оценки. В исследованиях она выражается либо в количественной форме – по числу союзов, общественных организаций, печатных изданий и т.п., либо по известному результату развития событий в 1917 г. – срыв страны в глубокий и затяжной революционный процесс объясняется незрелостью гражданского общества.

В этом отношении характерна дискуссия по поводу выхода первого обобщающего труда по истории гражданского общества в России, выполненного в этом формате исследования¹. Главным его оппонентом выступил Б.Н.Миронов, выразив свои возражения в форме полемической статьи, центральным положением в которой была неудовлетворенность «размытой» оценкой степени зрелости гражданского общества по причине игнорирования авторами монографии фактов широкого распространения кооперативных организаций и церковно-приходских попечительств. По его подсчетам, до 85% населения России к 1917 г. были включены в самодеятельные общественные организации. Этот аргумент хорошо вписывается в стройную и во многих других аспектах хорошо аргументированную концепцию социальной истории России Б.Н.Миронова². Но на этот его аргумент можно возразить.

Высокий показатель включенности крестьянства в кредитные и иные товарищества не отражает внутренние особенности этой «самоорганизации». Во-первых, показатель вовлеченности крестьян в кооперацию заметно преувеличен; в отчетах были показаны не только реально участвовавшие в кооперативе домохозяев, но и общее количество дворов, находившихся в радиусе действия товарищества, т.е. его потенциальных членов. Во-вторых, не принято во внимание едва ли не главное – самосознание кооператоров. В инспекторских отчетах указывалось, с одной стороны, на низкую, не превышавшую половины, а чаще всего 10–20% явку членов кредитных товариществ на общие собрания; при этом пришедшие требовали от правления чаевых (в размере 1 р.) за свое участие в голосовании. С другой – на угощение председателей, казначеев товарищества с целью получения более крупного кредита, на растраты залогов, на продажу местным торговцам большими партиями товаров, приобретенных по посредничеству, на злоупотребления властью. Подчеркивалось, что все это были привычные явления в жизни кредитных товариществ каждой губернии Центрально-промышленного района³. Не менее ярким свидетельством некооперативной психоло-

¹ Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. М., 2011; Миронов Б.Н. Гражданское общество в поздней имперской России: было или не было? // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 141–150.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. СПб., 2003.

³ ЦГИАМ. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 72. Л. 12, 63, 118; Д. 68. Л.99; Д. 45. Л. 249–249об.; Д. 66. Л. 12; Д. 61. Л.8–8об.; Оп. 2. Д. 2. Л. 324; Д. 33. Л. 202–203; Д. 48. Л. 162об.; Д. 79. Л. 118; Известия Московской губернской земской управы. 1916. № 4–5. С. 59; Государственный архив Владимирской области. Ф.311. Оп. 1. Д. 49. Л. 40–40об.; Д. 70. Л. 8–8об.

гии крестьян являлась та отчужденность, с какой они относились к выбранному ими же самими руководству. В Ярославской губернии на собраниях звучали искренние пожелания рядовых членов кредитных товариществ, «чтобы члены правления назначались в должность Государственным банком или земской кассой мелкого кредита и от них бы получали свое содержание»¹. «Отношение членов Лигачевского товарищества к правлению, - отмечалось в материалах ревизии московской инспекции, - исключительно недоверчивое, почти озлобленное...»². В районах действия двух товариществ Владимирской губернии при попытке выявить степень понимания крестьянами смысла кредитной кооперации статистики «постоянно (...) встречались с обычным противопоставлением: "мы" – рядовые члены и "они" – правление товарищества»³. Подобное деление ничего общего с кооперативным сознанием не имело – точно так же, как кредитная деятельность товариществ, по признанию многих современников, больше напоминала работу сельских банков, а не кооперативов⁴.

Наконец, кредитные товарищества отличались большой спецификой и в вопросах финансовой независимости от государства.

Б.Н. Миронов ссылается в статье на факты активности центральных органов местного самоуправления и кооперативов в политическом процессе в 1915–1916 гг. как на проявление гражданской активности многотысячных местных организаций. Однако само наличие параллельных коронной власти структур еще не убеждает в таком выводе, поскольку сферой взаимодействия Центрального кооперативного комитета, Центрального военно-промышленного комитета, Земгора и местных отделений было выполнение военно-хозяйственных государственных заказов.

Функциональный подход к изучению проблемы направляет анализ исследователей по пути разграничения сфер жизнедеятельности населения между государством и гражданским обществом. В этом отношении примером может служить диссертация В.Ф. Абрамова с впечатляющими сведениями о масштабах земской деятельности и ее социокультурном влиянии на рост гражданского самосознания населения⁵. Автор пришел к выводу о том, что земское самоуправление связывало коронную администрацию с народом, развило в гражданах самодеятельность, энергию, предприимчивость и вело к высокому развитию общественных сил⁶.

Однако земства, как и городские думы, были той частью политической системы страны, которая, во-первых, испытывала «воздействие извне» со стороны государства не только по линии контроля, но и по выполнению «обязательных» функций в сфере местного управления, а, во-вторых, не отличалась «плюрализмом» – органы были все же не бессловесные, а всесловесные.

Подводя итоги, важно акцентировать следующие аспекты поставленной в статье проблемы. Во-первых, понятие «гражданское общество» применительно к российской исторической реальности ассоциируется с «прокрустовым ложем», в которое ее

¹ Анисимов Ф.А. Кооперация и земская касса в Ярославском уезде // Вестник кооперации. 1913. № 3. С. 78–79.

² ЦГИАМ. Ф. 1283. Оп. 2. Д. 2. Л. 214об.

³ Опыт исследования значения кооперативов в экономической жизни сельского населения. Владимир, 1915. С. 115.

⁴ Там же. С. 117–118; Государственный архив Ярославской области. Ф. 518. Оп. 1. Д. 1603. Л. 45об., 53об.

⁵ Абрамов В.Ф. Земства в России (1905 – февраль 1917 гг.): опыт организационной и культурно-хозяйственной деятельности. Автореф. дис. ... д.и.н. М., 1998.

⁶ Там же. С. 46–47.

очень трудно уложить, на что указывает корректировка самого термина – «авторитарное гражданское общество», «запаздывающий» и даже «инициированный сверху» процесс его развития. От переноса западноевропейских (по происхождению и применению) понятий на анализ «другой», «иной» историко-культурной среды предостерегал еще В.О. Ключевский, призывавший историков «соотнести западноевропейские идеи с русской действительностью, оценить правильно меру их применимости». Эта осознанная необходимость обнаруживается у современных историков. Так, Л. Хефнер признал, что «распространение категориального аппарата, заимствованного из опыта западноевропейского общества, на Россию с ее своеобразными общественными условиями представляется весьма сложной операцией (...) вместо постулирования тезиса о существовании в царской России "среднего класса", буржуазии или гражданского общества» следует обратиться к изучению «местного общества» в рамках губернии, уезда¹. Во-вторых, очевидно, что следующим шагом в развитии темы должно стать изучение самосознания рядовых участников массовых обществ и союзов, их реальной мотивации и степени гражданской активности, причем в русле региональной истории. При изучении общественных инициатив, деятельности ассоциаций, печати, становления массовой культуры в провинции наиболее интересна их роль в воспитании гражданского долга и формировании правового самосознания местного населения. Достигнутые результаты подобного регионального изучения свидетельствуют о том, что провинциальная интеллигенция по сравнению со столичной стремилась направлять свою гражданскую активность на решение просветительских задач, на дела благотворительности и милосердия, а не на политическую сферу².

Наконец, в исследованиях по теме слабо представлен персоналистский дискурс гражданской идентичности, позволяющий составить полное, конкретное и наглядное представление о том, что же такое гражданин своего отечества, рассмотреть процесс трансформации мирной и созидательной гражданской активности в политическую деятельность, выходящую за законные рамки оппозиционной борьбы. Любопытно, например, проследить, как сформированная в семейных и университетских традициях гражданская ответственность за страну приводила известных земских гласных – таких, как князя Г.Е. Львов и Д.И. Шаховской – в либеральный лагерь убежденных противников самодержавия, активных членов Конституционно-демократической партии.

¹ Хефнер Л. В поисках гражданского общества в самодержавной России // Гражданская идентичность... С. 47.

² Луговая А.В. Становление массовой культуры в российской провинции (по материалам Ярославской губернии. 1890-е – 1917 гг.). Автореф. дис. ... к.и.н. Ярославль, 2013; Любарев А.Г. Социокультурная деятельность духовенства Ярославской епархии в конце XIX – начале XX в. Автореф. дис. ... к.и.н. Ярославль, 2011; Новичкова Н.Ю. Социокультурный опыт обеспечения пожарной безопасности в городах России во второй половине XIX в. – начале XX в. Автореф. дис. ... д.к. Ярославль, 2016; Рождественская Н.Ю. Нищенство и благотворительность в Костромской и Ярославской губерниях в конце XIX – начале XX в. Автореф. дис. ... к.и.н. Ярославль, 2004; Таточенко В.В. Роль провинциальной прессы в формировании гражданского общества в России в конце XIX – начале XX в. (по материалам Ярославской губернии). Автореф. дис. ... к.и.н. Ярославль, 2010.

АРИСТОКРАТИЯ, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОБЛЕМА АБСЕНТЕИЗМА КРУПНЕЙШИХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. 1880–1914 гг.

В разговоре о роли крупных землевладельцев в развитии сельского хозяйства в Российской империи в период 1880–1914 гг. привычным стало использование понятия абсентеизма применительно к их управленческой и предпринимательской деятельности. В большей степени с собственниками средней руки обычно связывают формирование нового слоя помещиков, постоянно проживавших в своих имениях и непосредственно занимавшихся ведением собственного хозяйства. В историографии уже высказывались соображения, что абсентеизм русских помещиков, которые поручали собственное хозяйство арендаторам или наемным управляющим, был развит значительно больше, чем в однотипной по развитию Германии, но все-таки был несравним с английским образцом. Но если в Англии этот разрыв между владением землей аристократии и личным участием в ведении сельского хозяйства обуславливался тем, что оно велось арендаторами-фермерами на условиях долговременных контрактов, причины абсентеизма русских помещиков заключались в оставшихся от недавней крепостной эпохи непривычки и неумении хозяйствовать, в унаследованной от предков страсти к праздности и жизни в «обществе», а также в чрезвычайно крупных размерах землевладения, в обладании несколькими имениями и в возможности эксплуатации земли за счет ее раздачи в аренду крестьянам¹.

Действительно, традиция абсентеизма русской аристократии в своих обширных владениях восходит к эпохе XV–XVII вв., что было связано с правовыми особенностями землевладения (служилый характер земельной собственности) и привлечением (как принудительным, так и в виде различных преференций) знати к обслуживанию централизованной власти русских государей. После оформления юридических прав дворянского сословия (актами 1714, 1762 и 1785 гг.) выделяют период возросшего интереса аристократии к личному ведению своего хозяйства в имениях, что обычно связывают с повсеместным строительством усадебных резиденций и формированием особой дворянской культуры в провинции. Пореформенная эпоха 1860–1870-х гг. рассматривается как время, когда землевладельческая аристократия утрачивает интерес к сельскому хозяйству, что выразилось в продаже многих имений, в сокращении дворянского землевладения и передаче оставшихся земель в аренду крестьянам (за отработки или деньги). В советской историографии эта экономическая стратегия объяснялась «предпринимательской немощью» аристократии, ее неспособностью адаптироваться к капиталистическим условиям, традициями «паразитического существования». В общих чертах эти выводы переносились и на период 1880–1914 гг.

В этой привычной схеме есть существенные спорные моменты. Формирование дворянской усадебной культуры в 1760–1840-е гг. определенно не может рассматриваться как увлечение аристократии сельским хозяйством и превращение ее в класс управленцев и предпринимателей. Система крепостного хозяйства, как это наблюда-

¹ Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000. С. 98.

лось в русских губерниях, предполагала работу крестьян со своим инвентарем как на своих наделах, так и на господском поле. Управленческие и организаторские функции имения сводились исключительно к контролю над хозяйственной деятельностью крестьян и по своему объему и содержанию были несравнимы даже с плантационными хозяйствами в американских штатах Юга. Хозяев-рационализаторов, использовавших в этот период более совершенную агрикультуру, сельскохозяйственные машины и наемный труд, насчитывались единицы. Постоянное проживание аристократов в сельской местности в крепостную эпоху вовсе не означало их активной хозяйственной и предпринимательской деятельности. Поэтому вызывает сомнение и тезис о падении интереса крупных русских землевладельцев к ведению сельского хозяйства в пореформенное время и последующие десятилетия вплоть до революции 1917 г.

В свое время Роберта Мэннинг выдвинула предположение, которое опровергало сложившиеся представления по этой проблеме в историографии. Она писала о наблюдаемом в России к началу 1900-х гг. «возврате дворянства к земле», понимаемом именно как обращение к хозяйственной деятельности в имениях. Этот тезис чуть ранее уже имелся в работах Леопольда Хеймсона и Роберта Эдельмана¹. Мэннинг полагала, что экономические потребности, падение привлекательности государственной службы и расширение возможности занимать выборные должности в местном управлении побуждали значительную часть дворян возвращаться в деревню, чтобы взять управление семейным поместьем в свои руки². Эти выводы Мэннинг встретили массу критических возражений со стороны других исследователей. Так, С. Беккер отмечал, что эта гипотеза опирается в основном на мемуары примерно десятка политически активных деятелей, поэтому «вряд ли допустимо делать столь широкие обобщения на основании столь незначительной выборки»³. Очевидный процесс успешной рационализации хозяйства во многих дворянских имениях в начале XX в. С. Беккер объяснял другими факторами: за предыдущие десятилетия из деревни ушли экономически слабые землевладельцы, наименее преданные сельскому хозяйству и сельской жизни⁴.

Значительный комплекс опубликованных и архивных документов личного происхождения еще мало привлекается к рассмотрению вопроса об участии крупных землевладельцев в ведении сельского хозяйства, о масштабах и характере этого участия. Их анализ показывает, что многие русские аристократы из числа крупных землевладельцев активно посещали и инспектировали свои, в т.ч. и весьма отдаленные, имения. Некоторые из них сами вникали в хозяйственные вопросы и занимались организацией производства. Более того, интерес русской аристократии к сельскому хозяйству в 1880–1914 гг. был скорее новшеством, нежели традицией. До отмены крепостного права роль помещика в России как земледельца была минимальной, поскольку вплоть до 1861 г. доход землевладельца складывался из оброчных платежей и трудовых повинностей крепостных крестьян⁵. Статистические и другие источники, относящиеся к последним десятилетиям существования Российской империи и испо-

¹ Haimson Leopold H. Conclusion: Observation on the Politics of the Russian Countryside (1905–1914) // Haimson Leopold H. ed. The politics of Rural Russia 1905–1914. Bloomington, 1979. P. 262–263; Edelman R. Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution. New Brunswick, 1980. P. 16–17.

² Manning Roberta T. The Crisis of the Old Order in Russia. Gentry and Government. Princeton, 1982. P.36–38.

³ Беккер С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 17.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Ливен Д. Указ. соч. С. 98.

льзуемые для характеристики сельского хозяйства вообще и помещичьего землевладения – в частности, не содержат информации о личном участии владельцев в хозяйственной деятельности. Обращение же к документам личного происхождения, к хозяйственным материалам отдельных владений скорее подтверждает тезис Р. Мэннинг о возросшем в 1800–1914 гг. интересе русской аристократии к сельскому хозяйству, нежели опровергают его.

Князь Ф.Ф. Юсупов-младший вспоминал, что частые отлучки его деда и бабки за границу (в 1860–1870-е гг.) «оказались убыточными для их русских имений» и «восстановление состояния и устройство (...) земель, слишком часто остававшихся покинутыми, стоило многих усилий (...) родителям»¹. Княгиней З.Н. Юсуповой и ее мужем были намечены крупные перестройки в их городских и сельских резиденциях, что потребовало значительных денежных средств. С этой целью Главное управление по делам и хозяйству князей Юсуповых получило указание от владельцев о подготовке планов существенных улучшений в сфере ведения хозяйства в имениях и поиске новых источников дохода. Нам уже приходилось писать о тех мерах, которые предприняли Юсуповы в 1890–1910-е гг. по перестройке своих сельских «экономий» и городских владений². К этим вопросам ранее также обращались исследователи³. Общими хозяйственными и организационными вопросами по управлению обширными владениями своей жены занимался сам князь Ф.Ф. Юсупов-старший. Юсуповы, как это видно из обширной документации, лично принимали решения о продаже земли, покупке ценных бумаг и получении кредитов. Разумеется, эти решения готовились служащими Главного управления, но реализовывались только при согласии владельцев. Юсуповы достаточно регулярно лично посещали свои крупнейшие вотчины. В обширной переписке княгини З.Н. Юсуповой неоднократно встречаются жалобы на необходимость периодических встреч с управляющими. Она была владелицей подавляющей части семейных имений, и при обсуждении финансовых и юридических вопросов требовалось ее непосредственное участие. Юсуповым приходилось менять главноуправляющих. Последний раз это произошло в 1916 г. и было вызвано крайним недовольством владельцев ростом финансовой задолженности их хозяйства.

Специфика отношения представителей землевладельческой аристократии к управлению хозяйством в собственных имениях состояла в том, что им, в отличие от дворян-владельцев небольших и средних поместий, не было необходимости лично принимать участие в управлении. К тому же это было невозможно чисто технически. Представители таких аристократических фамилий, как Юсуповы, Шереметевы, Строгановы, Барятинские, Воронцовы-Дашковы, и другие крупные землевладельцы управляли своими имениями и организовывали в них хозяйственную деятельность с

¹ Юсупов Ф., кн. Перед изгнанием. 1887–1919. М., 1993. С. 26.

² Юдин Е.Е. Российская модернизация и аристократия: состояние семьи Юсуповых в начале XX в. // Новый исторический вестник. № 1(14). М., 2006. С. 25–35; Юдин Е.Е. Хозяйство князей Юсуповых в 1890–1914 гг. // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 32–48; Юдин Е.Е. Князья Юсуповы. Аристократическая семья в позднимперской России 1890–1916. М., 2012. С. 76–159; Юдин Е.Е. Князья Юсуповы: состояние и источники доходов крупнейших землевладельцев Российской империи в 1890–1914 гг. // История. Научное обозрение OSTKRAFT. М., 2019. № 3. С. 31–72.

³ Минарик Л.П. Система помещичьего хозяйства в Ракиятском имении Юсуповых (1900–1913 гг.) // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. № 5. С. 377–390; Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX – начала XX в. М., 1971; Анфимов А.М. Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX – начале XX в. // Исторические записки. 1958. № 63. С. 244–258; Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.). М., 1969.

помощью специально созданного управленческого аппарата. Главные конторы размещались, как правило, в столице, находились в прямых контактах с владельцами и контролировали местные управления отдельных имений и промышленных предприятий. Сами владельцы не входили в тонкости организации хозяйственного процесса, но определяли общую стратегию развития своих имений и лично принимали решения по ключевым вопросам – сделкам с землей, заключению контрактов с посредниками, различным нововведениям и т.п. Таким образом, в отличие от прочих дворян-помещиков, аристократы были избавлены от решения проблемы приобретения определенных управленческих навыков и понимания всех тонкостей рыночной конъюнктуры. В данном случае право владения было отделено от непосредственного экономического управления. Последнее было доверено профессиональной корпорации наемных специалистов (управляющих, их помощников и технического персонала).

Экономическая стратегия в организации своего хозяйства, в т.ч. и мера личного участия в управлении имениями, выбранная Юсуповыми, была характерна в рассматриваемый период и для других крупных землевладельцев. Граф С.Д. Шереметев в 1880–1910-х гг. придерживался похожей стратегии в управлении своими обширными владениями – сельскохозяйственными и лесными вотчинами. Деятельность управляющих и значительного штата администрации постоянно находилась в центре его внимания. Им же принимались важнейшие экономические решения, будь то заключение финансовых сделок, условий продажи продукции или вопросы кредитования. В 1912г. граф С.Д. Шереметев отдал распоряжение о передаче главного наблюдения за домами, имениями и делами своему сыну – графу Борису Сергеевичу. Последнему приходилось часто находиться в разъездах, но организация хозяйства в имениях и сельскохозяйственное производство в них находились под непосредственным контролем владельцев¹. По воспоминаниям князя С.С. Белосельского-Белозерского, его отец – князь Сергей Константинович, к которому перешли вопросы управления обширными имениями семьи, в предвоенные годы довольно часто посещал свои владения². В кратких записях в дневнике за период 1890–1905 гг. графа Анатолия Владимировича Орлова-Давыдова также видно, как один из крупнейших землевладельцев России с завидной регулярностью инспектировал свои имения. При этом главное внимание уделялось огромной и высокодоходной Усольской вотчине в Поволжье: «20 мая 1890г. Я с Сашею отправляемся через Нижний, по Волге в Усолье (...) Посещаем Казанскую выставку. В Усолье объезжаю с Сашею все 6 приволжских имений в течение 10 дней»; «25 мая 1891 г. Прикупаю около тысячи десятин земли к Ново-Покровскому имению Тамбовской губ. у купца Давыдова»; «17 июня 1891 г. Я еду с сыновьями в Усолье, на Н. Новгород и по Волге (...) Много разъезжаем»; «25 января 1892. Выезжаю в Усолье. Февраль 1892. В течение 3 недель объезжаю все приволжские вотчины, проверяю списки, раздачу муки и устройство столовых»; «Декабрь 1893. В Усолье на неделю. Нововведения – верблюды по хуторам»; «1895 г. В конце июня еду на 2 дня в Ивановское. В начале августа – еду на 2 дня в Або на пробу нового парового катера "Усолье" для Усоля. 1 октября. Живем в Усолье. Много разъезжаем по имениям и на новом паровом катере "Усолье"; «Сентябрь 1899. Объезжаю с Гавеманом и Акерманом все приволжские вотчины. Урожай огромный. 3 октября 1899. Выезжаю вниз по Волге, с Воронцовым, Акерманом и кн. Нахашидзе в Алексеевку Саратовской губ. Осматриваем имение 3 дня»; «3 сентября 1903. Выезжаю в Усолье (по Вол-

¹ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 5. Д. 9173. Л. 14–15.

² Memoires of Prince Serge Sergeevitch Belosselsky-Belozersky. P., 1981. P. 23.

ге). По пути останавливаюсь на сутки в Симбирске и осматриваю свое Ремесленное Училище (...) В Усолье объезжаю имение»¹.

Другая форма интереса аристократии к сельскому хозяйству в 1880–1914 гг. выражалась в непосредственном участии в управлении и в организации своих отдельных экономий. Многочисленные материалы личного происхождения открывают непосредственную картину хозяйственной деятельности, которой посвящали значительную часть своего времени крупные землевладельцы. При этом основное внимание уделялось описанию различных форм и методов интенсификации производства в экономиях. Подробные описания деятельности крупных землевладельцев по управлению своими имениями можно найти во многих воспоминаниях – графа К.А. Бенкендорфа (имение Сосновка в Тамбовской губ.)², князя М.В. Голицына (имение Бучалки в Тульской губ.)³, графа Ю.А. Олсуфьева (имение Красные Буйцы в Тульской губ.)⁴, Ю.К. Мейера (имение Спасское-Кубань в Орловской губ.)⁵, З. Башкировой (имение Курбатика Сумароковых-Эльстон в Нижегородской губ.)⁶, графини А.И. Шуваловой (имение Ново-Томниково Воронцовых-Дашковых в Тамбовской губ.)⁷.

Князь Б.А. Васильчиков (1860–1931), унаследовавший в 1881 г. огромное состояние в виде крупных имений в Новгородской, Тамбовской, Воронежской и Ковенской губ., был типичным латифундистом, занимавшимся сельским хозяйством наряду с занятием постов псковского губернатора и главноуправляющего землеустройством и земледелием. В течение 36 лет, как отмечалось в его воспоминаниях, он занимался хозяйством в своем имении Выбити. Одним из своих достижений князь Васильчиков считал образование племенного молочного стада за счет метизации ярославской породы с выписанными из Англии айрширами. Вся система хозяйства в Выбити, благодаря управляющему Гельцерману, была перестроена на «немецкий лад»⁸. Князь Георгий Александрович Щербатов, сын крупнейших землевладельцев, вспоминал: «Мы проводили большую часть года в деревне. За исключением 2,5–3 зимних месяцев в Санкт-Петербурге, остальное время мы жили в том или ином поместье (...) Мой отец, глубоко интересовавшийся сельским хозяйством не только в пределах своего поместья, но и в национальных масштабах, многие годы был президентом Всероссийской сельскохозяйственной организации юга России (...) Моя мать также любила деревенскую жизнь: ее главным интересом было садоводство, парки, растения, цветы, деревья, кусты и английские газоны. Затем пришло разведение лошадей, скачки (она и мой отец завели первую арабскую конюшню в России), а также охота с хортыми борзыми и фокстерьерами (...) Мой отец вставал рано утром и занимался делами по скоту и ферме, а затем уделял внимание соседним фермерам (...) Моя мать часто перед завтраком каталась верхом и прогуливалась пешком, осматривая различные сады...»⁹.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 42. Л. 58–60об., 65–69; Д. 43. Л. 24, 55об.

² Бенкендорф К.А. Половина жизни. Воспоминания русского дворянина. М., 2014. С. 96–115.

³ Голицын М.В., кн. Мои воспоминания (1873–1917). М., 2007. С. 176.

⁴ Олсуфьев Ю.А. Из недавнего прошлого одной усадьбы. Буецкий дом, каким мы оставили его 5-го марта 1917 года. М., 2009. С. 65.

⁵ Мейер Ю.К. Записки последнего кирасира // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. VI. М., 1995. С. 556–560.

⁶ Bashkiroff Z. La faucille et la moisson. P., 1993. P. 43–44.

⁷ Шувалова А.И., гр. То, что я помню // Наше наследие. 2018. № 125. С. 83–85.

⁸ Васильчиков Б.А., кн. Воспоминания. М., 2003. С. 44–45.

⁹ «Мое любимое место было Васильевское...». Фрагмент из воспоминаний князя Георгия Александровича Щербатова «Моя жизнь» // Краеведческие чтения. Порхов-Холомки. Материалы научной конференции 20–21 декабря 2002 г. Псков, 2003. С. 195–196, 198.

Еще в 1970-е гг. Л.М. Демину удалось записать беседу с бывшим служащим Васильевского имения князя А.Г. Щербатова и его жены княгини О.А. Щербатовой – Алексеем Григорьевичем Земляковым. По его воспоминаниям, Щербатовы были людьми богатыми и культурными. Они владели обширными угодьями, лесами, стадами скота, конным заводом. Если князь обычно «сидел за письменным столом в своем кабинете, в котором было много книг, и что-то писал», то всеми делами в имении распоряжалась его жена. В имении была огромная псарня. Английских гончих, которых особенно любила княгиня, выписывали из Англии. Когда княгиня О.А. Щербатова выезжала на псовую охоту в воронежские имения, то поднимала на ноги всю челядь. Княгиня нанимала целый поезд для псарни, псарей и др. В течение ряда лет князь А.Г. Щербатов был президентом Московского общества сельского хозяйства. Под его руководством эта организация стремилась пропагандировать передовые агрономические методы и опыт развитых западных стран, поощряла деятельность предприимчивой части сельской верхушки¹. В своих воспоминаниях князь А.Д. Голицын, рассказывая о своей деятельности в области сельского хозяйства, специально оговаривается, что его цель – «запечатлеть определенный перелом, происшедший в эту эпоху среди землевладельцев по вопросу ведения своего хозяйства». Получив в 1905 г. по раздельному акту в единоличную собственность материнское имение Должик в Харьковской губ., Голицын осуществил свою мечту – создал образцовое хозяйство. Мемуарист подробно сообщает о строительстве в имении винокуренного завода и крупной молочной фермы, о введении многопольного севооборота на пахотных землях, о покупке различных машин (маслобойка, локомобиль)². Князь С.Д. Урусов рассказывает в своих мемуарах, что лично занимался хозяйством в своем имении Расва Калужской губ. с 1885 по 1917 гг., лишь дважды отвлекшись на политическую деятельность – в 1890–1893 и 1900–1906 гг. Его цель заключалась в интенсификации производства в экономии. «Получая и постоянно читая сельскохозяйственные книги и журналы», князь Урусов реализовал переход к многопольному севообороту и травосеянию и создал образцовое молочное стадо. По мнению мемуариста, результаты впечатлили самого князя. Накануне 1914 г. урожайность ржи выросла до 137 пудов с дес., пшеницы – до 168 пудов с дес. вместо первоначальных 56 пудов. Убыточность имения в 1880-е гг. (до 3 тыс. руб. в год) сменилась ежегодной прибылью в 3 тыс. руб.³

В источниках отражена и другая сторона интереса аристократии к сельскому хозяйству. Многие владельцы и члены их семей стали интересоваться чисто профессиональными аспектами полеводства и скотоводства, вплоть до личного участия в разных сельхозработах. Князь Сергей Платонович Оболенский-Нелединский-Мелецкий (род. 1890) вспоминал, как накануне 1914 г. управлял отцовскими экономиями. Он отмечал, что было трудно повысить их производительность. Тогда он занялся изучением агрокультуры и позже стал настоящим экспертом. Эта семья Оболенских владела крупными имениями – Красной Горкой в Нижегородской губ. и Еридиново во Владимирской губ. Общая их площадь определялась князем Сергеем Платоновичем для английского читателя в 60 тыс. акров. Он вспоминал, что по настоянию отца проводил много времени в Красной Горке – изучал молочное производство, ухаживал за лошадьми и выполнял все виды работ на ферме, в т.ч. на сложном оборудовании⁴. Молодой граф Алексей Алексеевич Бобринский писал матери (ноябрь 1886 г.) о сво-

¹ Демин Л.М. В дальних странствиях. Рассказ о путешественниках Щербатовых. М., 1984. С. 90–93.

² Голицын А.Д., кн. Воспоминания. М., 2008. С. 237–243.

³ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 192–193.

⁴ Obolensky S. One man in his time. The memoirs of Serge Obolensky. L., 1960. P. 31, 47.

их занятиях в крупнейшем семейном имении в Тульской губ., посвященных производственной практике на собственном сахарном заводе и на полевых фермах: «Я доехал благополучно до Богородицка (...) Свободного времени мало. Вот как я распределил свой день: встаю в 6 час., и отправляюсь на работы по усадьбе, и читаю кое-что до 8½, когда мне приносят книгу рабочих (...) и я пью коффи, от 9 до 10½ имею русский урок (...), в 11 я отправляюсь на завод и там стою ½ смены (от 11½ до 5½). В 6 часов мы обедаем, и после обеда до 10 или 10½ читаю, учусь счетоводству завода и читаю книги о производстве. Скажи отцу, что в то же время я намереваюсь читать инструкцию и хутор. управляющих, когда они окончат сметы»¹.

Князь Сергей Илларионович Васильчиков (1849–1926), владевший свыше 29 тыс. дес. в Воронежской, Ковенской и Санкт-Петербургской губ., лично занимался своим хозяйством. Его дочь – княжна Софья Сергеевна Васильчикова подробно описывала повседневные хозяйственные заботы семьи в письмах к жениху – князю А.А. Щербатову (экономия Юрбург, август 1902 г.): «Мы последнее время все в отчаянии! Кажется, весь урожай пропадет, а он был особенно хорош в этом году. Вот уже 3 месяца, что дождь льет почти каждый день, поля одна масса грязи. Никакие машины, никакие телеги не могут туда въехать, стали косить просто косами, но и то плохо, потому что вывезти ничего нельзя и весь хлеб лежит на полях под дождем и гниет. Бедные мужики тоже пропадают – прямо ужасно!.. Действительно скверно, если это будет продолжаться, то у нас голод будет. Папа, мальчики, все стонут, что нет солнца...»². В другом письме, несколько дней спустя, она продолжает рассказывать о своих занятиях в имении: «... Видно я не создана для светской жизни, раз я так скоро от нее отвыкаю (...) Странно подумать, что сегодня я возилась в курятнике в коротком ситцевом платье, а через три дня (...) буду на Выходе и большом обеде в придворном шлейфе, в кокошнике и вуали!»³. В одном из номеров журнала «Столица и усадьба» в репортаже об имении Гремяч князя В.Д. Голицына (Черниговская губ.) на одной из фотографий можно видеть дочь владельца – княжну Марию Васильевну, в местном крестьянском наряде доящую корову⁴. Графиня А.И. Шувалова, дочь графа И.И. Воронцова-Дашкова, вспоминала, как она со своими братьями и сестрами часто ездила на сельские работы у себя в имении Ново-Томниково Тамбовской губ.: «Не умели мы ни косить, ни жать, но ворошили сено, своими силами складывали его в скирды»⁵. Графиня Вера Клейнмихель, чьи родители владели крупными имениями в Курской губ., писала то же самое о своих делах в усадьбе (в 1880-е гг.): «Мы очень любили, когда нам позволяли во время уборки помогать грузить снопы. Работали мы усердно, боясь насмешек крестьян, чтобы они не сказали, что графчики не умеют работать»⁶. В своем дневнике княгиня М.П. Долгорукова, владелица имения Великая Топаль Черниговской губ., отмечала (август 1899 г.), что ее дети (сыновья и дочь) «теперь уже исполняют легкие работы в поле и огороде» и «любят этот труд»⁷. Князь С.Д. Урусов вспоминал о совпадении «эстетики в полевых работах» с экономической выгодой: «Моя любимая работа – пахота, первоначальная обработка поля (...) Вставая утром

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 357. Оп. 1. Д. 75. Л. 123–124.

² РГАДА. Ф. 1289. Оп. 2. Д. 219. Л. 33об.

³ Там же. Л. 40–41.

⁴ Столица и усадьба. Пг., 1916. № 50. С. 5.

⁵ Шувалова А.И. гр. То, что я помню // Наше наследие. 2018. № 125. С. 85.

⁶ Фрейлина Вера Клейнмихель, графиня Екатерина Клейнмихель. В тени царской короны. Симферополь, 2009. С. 82.

⁷ Княгиня Мария Павловна Долгорукова. Биография. Мемуары. Дневники. М., 2020. С. 145.

одновременно с рабочими, я целыми часами мог ходить за плугами, наблюдая волнообразный подъем пласта»¹.

Мемуары и другие личные материалы владельцев крупных имений показывают, насколько возрос интерес аристократии к применению сложных машин в сельском хозяйстве. Князь М.В. Голицын вспоминал, как его занимала паровая молотья в его имении Бучалки Тульской губ., как впервые он увидел и тщательно изучал жатвенные машины и локомобиль, приобретенные новым управляющим хозяйства². Граф К.А. Бенкендорф отмечал, что в его имении Сосновка Тамбовской губ. применялись уборочные машины на конной тяге, земля возделывалась с помощью механизмов, а все молотилки и много другой сельскохозяйственной техники всегда заказывались в британской фирме Рэнсома еще до того, как отец мемуариста стал российским послом в Лондоне³. Князь А.Д. Голицын, создавая свое образцовое хозяйство в имении Должик Харьковской губ., использовал локомобиль от паровой молотилки для работы мельницы, просорушки и маслобойки. И даже мед из пчелиных сот на пасеке извлекался специальной центробежной машиной⁴. Офицер лейб-гвардии Кирасирского полка Ю.К. Мейер, семье которого принадлежало крупное имение в Орловской губ., с увлечением описывал в мемуарах разные виды сельскохозяйственных машин, применявшихся в экономии накануне 1914 г., и даже свой личный опыт управления косилкой американского изобретателя Мак-Кормика⁵. Шереметевы, как и другие крупнейшие землевладельцы, с большим интересом относились к техническим новинкам в области сельскохозяйственного производства. В апреле 1913 г. главный лесничий общал графу С.Д. Шереметеву о своем посещении сельскохозяйственной выставки в Киеве. При этом особо подчеркивалось наблюдение за испытанием моторных плугов в 80 верстах от Киева, где принимали участие пять разных американских фирм⁶.

Можно ли говорить, что в период 1880–1914 гг. интерес крупных русских землевладельцев к сельскому хозяйству вырос и сфера их личного участия в хозяйственной деятельности в имениях расширилась? Источники показывают, что, безусловно, да. Это объяснялось вполне прагматическими причинами: в условиях развития капиталистической экономики и благоприятной рыночной конъюнктуры в 1890–1914 гг. крупные земельные владения при применении интенсивных методов производства стали приносить постоянно растущую прибыль. Разумеется, этот вывод применим именно к данному периоду развития капитализма в России. Ничто не гарантировало, что с изменением экономической конъюнктуры или с системными переменами в экономике аристократия не предпочла более выгодные для себя сферы хозяйственной деятельности. Земельная собственность могла быть, например, без труда обращена в ценные бумаги промышленных компаний и коммерческих банков. Однако ситуация, сложившаяся в России после 1917 г. и характеризовавшаяся искусственным разрушением до-reволюционной экономической модели, оставила любые возможные предположения насчет перспектив развития крупных помещичьих хозяйств без ответа.

¹ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. С. 194.

² Голицын М.В. кн. Мои воспоминания (1873–1917). С. 80–81.

³ Бенкендорф К.А. Половина жизни. Воспоминания русского дворянина. С. 104–106.

⁴ Голицын А.Д., кн. Воспоминания. С. 241–243.

⁵ Мейер Ю.К. Записки последнего кирасира // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. VI. М., 1995. С. 556–557.

⁶ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5980. Л. 144.

АНАТОЛИЙ ОСИПОВИЧ БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ В РУССКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

Отмена крепостного права и последовавшие за ней реформы (земская, судебная, финансовая, народного просвещения и др.) были давно назревшим шагом на пути эволюции самодержавия в сторону буржуазной монархии. На первых порах преобразовательная деятельность Александра II вызвала в обществе неподдельный энтузиазм: «Из дали нашей ссылки мы приветствуем его именем, редко встречавшимся с самодержавием не возбуждая горькой улыбки, - мы приветствуем его именем *Освободителя!*»¹ – восторженно писал непримиримый критик самодержавия А.И. Герцен. Но вскоре вскрылась вся неполнота и недостаточность реформ, набирало силу разочарование, вспыхивали крестьянские волнения и начало расти революционное движение. Прогрессивная интеллигенция чутко реагировала на недовольство крестьян. Движимые чувством долга перед крестьянством и руководимые идеями Герцена и Чернышевского, многие молодые люди отправляются «в народ», чтобы повести его на борьбу с правительством.

Рождение народнической идеологии пришлось на детство и отрочество Анатолия Осиповича Бонч-Осмоловского, всегда осознанно считавшего себя народником. Его отец был назначен мировым посредником в Рославле и воочию наблюдал стремление помещиков оставить за собой наиболее пригодные для сельского хозяйства земли, а также лесные угодья, луга и прогоны, отрезая в свою пользу до трети крестьянской надельной земли². По воспоминаниям Анатолия Осиповича, его прогрессивно мыслящий отец старался решать конфликты между помещиками и крестьянами в пользу последних. Крепостники негодовали и чинили ему всяческие неприятности, в конце концов, вынудив Осипа Александровича подать в отставку³.

Детство Анатолия прошло большей частью в деревне, а юность – бурная эпоха начала 1870-х гг. – в стенах Катковского лицея, где дозволялось читать лишь реакционные катковские издания «Московские ведомости» да «Русский вестник». По окончании лицея Анатолий, по настоянию отца, поступил в Институт инженеров путей сообщения, в котором прouchился всего лишь год, и этот год стал переломным в жизни молодого человека. Он много читал, расширял свой кругозор, обрастал новыми знакомствами и, наконец, вступил в Могилевское студенческое землячество. Через год, с согласия отца, молодой Бонч-Осмоловский поступил в университет. Вскоре он расстался со своей религиозностью, унаследованной от лицея, и стал убежденным социалистом: «Переход от истинного христианства к социализму оказался для меня вполне прост и легок. Собственно говоря, и перехода почти не было: пришлось только отбросить представление о существовании верховного начала в виде бога»⁴. Подобный взгляд на связь социализма с христианством найдем мы и у первомамартовца Желябова, который на вопрос суда о вероисповедании ответил: «Крещен в православие, но православие отрицаю, хотя сущность учения Иисуса Христа признаю (...) Я верю в истину и справедливость этого вероучения и торжественно признаю, что вера без дела –

¹ Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 15. М., 1958. С. 52.

² Найденов М.Е. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861–1863 гг.). М., 1955. С. 256.

³ Бонч-Осмоловские. Воспоминания. М., 2015. С. 240.

⁴ Там же. С. 243, 244.

мертва есть и что всякий истинный христианин должен бороться за правду, за права угнетенных и слабых, и если нужно, то за них пострадать: такова моя вера»¹. Основу такой иррелигиозности, уходящей корнями в религию, хорошо раскрыл Ф. Энгельс: «Религия по существу своему, - писал он, - есть выхолащивание из человека и природы всего их содержания, перенесение этого содержания на фантом потустороннего бога, который затем из милости возвращает людям и природе частицу щедрот своих»². Придя к этому, образованные молодые люди отказывались думать иначе.

В землячестве Анатолий сближается с Григорием Исаевым – будущим членом Исполкома «Народной воли». Но и не будучи еще членами какой-либо организации, они начали распространять нелегальную литературу среди молодежи.

В студенческие годы окончательно оформились народнические взгляды Анатолия, он много времени уделял естественным наукам, а также чтению сочинений Тейлора и Адама Смита, «Капитала» Маркса, произведений Чернышевского, Бакунина, Прудона, книг по истории революций и крестьянского движения в Европе и России. Все это вызывало живой интерес у передовой молодежи, объединявшейся в кружки и готовившей доклады на злободневные темы. И. Попов указывает, что в состав кружка Бонч-Осмоловского и Исаева входил И. Каблиц, ставший позднее либеральным народником³. Землячества же были очень удобны для вовлечения молодежи в революционное движение и Анатолий Осипович активно участвовал в их создании. Эта активность привлекла внимание старых народников – Михайлова, Тихомирова, Клеменса. Так началось сближение Анатолия с ведущими революционерами.

Не осталась в стороне и пропаганда среди рабочих и крестьян. Для этих целей Анатолий нанимался летом на различные работы, будучи убежденным, что, не умея хорошо работать, не встав в ряды рабочего люда, невозможно завоевать в его глазах необходимого авторитета. Приходилось ему работать и кузнецом, и косарем, и наниматься на ремонт железных дорог. Работа порой бывала крайне утомительна и тяжела, но Анатолий всегда отличался крепким здоровьем – сказывалось детство, проведенное в деревне, и увлечение гимнастикой в лицее.

В 1878 г., вскоре после окончания «процесса 193-х», на одной из бумагопрядильен Петербурга началась стачка и Анатолий Осипович организовал среди студентов сбор пожертвований в пользу бастующих. Всю собранную сумму он отнес в стачечный комитет – в скромную студенческую квартиру, где его встретила С.Л. Перовская, которой он и передал деньги – несколько сот рублей. По всей вероятности, это была знаменитая стачка, проходившая в феврале–марте 1878 г. на Новой бумагопрядильне, где пропагандой занимался Петр Моисеенко и в которой принимал активное участие

¹ Суд над царевубийцами. Дело 1 марта 1881 года / Под ред. В.В. Разбегаяева. Т. 1. СПб., 2014. С. 9.

² Энгельс Ф. Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее». Лондон, 1843 // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1955. С. 590.

³ Попов И. А.О. Бонч-Осмоловский // Катогра и ссылка. М., 1931. Кн. 4. С. 207.

Анатолий Осипович вспоминал, что Каблиц неоднократно выступал с докладами и вел диспуты на тему «Роль ума и чувства» (Бонч-Осмоловские. Указ. соч. С. 248). В свою очередь, В.Н. Фигнер вспоминала совсем другие доклады Каблиц: «Под "центральным ударом", как было сказано, разумелся такой крупный факт, который, направляясь на главу государственной власти, парализовал бы центральное правительство и обеспечивал успех первого взрыва революционного движения. Разумелось истребление царя и, если возможно, то и всей императорской семьи, и никто иной, как Каблиц, постоянно указывал на динамит как на средство, наиболее подходящее для этой цели. Тогда же от землевольцев мне стало известно, что он ездил в начале семидесятых годов по поручению южан в Англию со специальной целью изучить приготовление динамита и ознакомиться с фабричным производством его» (Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Ч. 1. М., 1921. С. 97).

Г.В. Плеханов, впоследствии вспоминая, что «когда среди петербургской интеллигенции разнесся слух о стачке, студенты немедленно собрали в пользу забастовавших очень значительную сумму денег»¹.

На это время приходится распад «Земли и воли» и кружка, в котором состоял Анатолий – «молодым землевольцам», как они себя называли, пришлось решать, к кому теперь примкнуть. Выбор был сделан в пользу «Черного передела». В состав кружка, помимо Бонч-Осмоловского, входили В.И. Яковенко, Загурский, брат и сестра Решко, Шефтель, братья Марковские, А. Буланов². Более подробный состав сторонников «Черного передела» дает В.И. Невский, справедливо характеризуя их как «молодежь, которая подхватила работу после ареста или отъезда старших товарищей»³. Тогда же, осенью 1879 г., происходит первая и единственная встреча Бонч-Осмоловского с Плехановым. Анатолий Осипович явился на квартиру к старому землевольцу Преображенскому с вестью о провокаторе, там он и застал Георгия Валентиновича. Спустя несколько дней Бонч-Осмоловского задержали и выслали из Петербурга без права поступления в какое-либо высшее учебное заведение. Он отправился в Минск к больному отцу, а приехав, уже не застал того в живых.

Со смертью отца положение Анатолия коренным образом изменилось: он получил в пожизненное владение два имения в Минской губернии – Блонь и Дмитриевку. Первостепенное значение для революционной работы теперь приобрели материальные средства, которые приносили имения, а роль отдельного активного революционера отходила на задний план. В 1880-е гг. революционеры остро нуждались в деньгах; дошло до того, что сам П.Б. Аксельрод был вынужден заняться производством кефира, чтобы хоть как-то продержаться на плаву⁴. Но все оказалось не так просто. Отец Анатолия, знавший об увлечениях сына, составил завещание таким образом, чтобы тот не мог тратить средства на революцию, и ограничил его возможности как продать, так и заложить имения. Кроме того, нужно было погасить отцовские долги. Анатолий Осипович решил приложить все старания к тому, чтобы привести в порядок имущество и наладить образцовое хозяйство, приносящее средства, столь необходимые «Черному переделу» и социалистам-революционерам, к которым он позже примкнет. Со временем Дмитриевку все же удастся продать, а на погашение долгов, войны с кредиторами и устройство в Блони образцового хозяйства, приносящего солидный доход, у Анатолия Осиповича уйдет десять долгих лет. Позже он сочтет свой выбор большой ошибкой, но тогда не было никаких оснований предпочесть добыванию средств для революции личное в ней участие.

Отказ от личного ради дела приведет и к другому решению, которое сильно изменит жизнь молодого революционера – заключению фиктивного брака, но об этом он не пожалет. В 1880 г. Анатолий Осипович женился на Варваре Ивановне Ваховской – самой молодой участнице «процесса 193-х». По приговору суда ее отдали под строгий надзор полиции и на поруки отцу в Подольской губернии, и для ее освобождения была затеяна «брачная операция». Соратники по «Черному переделу» порекомендовали ей Анатолия Осиповича, с ним Варвара Ивановна была знакома по Пе-

¹ Плеханов Г.В. Русский рабочий в революционном движении: (по личным воспоминаниям). 2-е изд., испр. и доп. [Б. м.], 1902. С. 31.

² Бонч-Осмоловские. Указ. соч. С. 247.

³ Зерно. Рабочий листок // Историко-революционный сборник: В 3-х т. Т. 2. Группа «Освобождение труда». М.; Пг., 1924. С. 350.

⁴ Ненароков А.П. Кефирная глава, шапокляк и конъюнктура // В поисках жанра. Т. 2. М., 2009. С.171–197; Вольфсон С. «Черны Перадзел» у Менску // Польшы. № 4. Минск, 1925. С. 81.

тербургу. Местное начальство легко выдало Варвару Ивановну супругу на поруки, и они уехали в Блонь. Одно беспокоило Анатолия Осиповича: обзаводиться семьей и детьми он не предполагал, но они появились. Трое сыновей – Иван, Родион и Глеб и дочь Ирина требовали к себе внимания, отрывая его от революционной деятельности.

Положение в стране, между тем, обострялось. Хотя крестьянское движение пошло на спад – десятки выступлений, по сравнению с сотнями в конце 1850-х – первой половины 1860-х гг., но начался подъем в рабочей среде¹. Царское правительство, не встречавшееся прежде с хорошо слаженной революционной организацией, каковой являлась «Народная воля», было растеряно; наблюдался явный «кризис верхов». Охранительные периодические издания – такие, как «Московские ведомости» и «Правительственный вестник», пестрили напатками на оппозиционную интеллигенцию, твердя о ненависти народа к ней. Нелегальная печать не осталась в долгу, призывая к радикальному переустройству общества². «Черный передел» тоже вносил свою лепту в революционное дело. Чернопередельцы были сосредоточены на пропаганде среди рабочих Петербурга, Москвы, Харькова, Одессы, Могилева, Минска, Витебска и других городов. Хотя многим членам «Черного передела» претил террор, организация была готова сотрудничать с «Народной волей»³. Видя недостаточность одних насильственных мер, правительство вынуждено было обещать некоторые уступки либеральной публике и пыталось привлечь ее на свою сторону, параллельно усиливая репрессии против революционеров. Кровавая развязка последовала 1 марта 1881 г., когда на набережной Екатерининского канала было совершено цареубийство. «При таком колебании правительства, - писал Ленин, - только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституции, а этой силы не было: революционеры исчерпали себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами»⁴. Решившись на цареубийство, народолюбцы оказались не готовы к дальнейшей борьбе и потерпели жестокое поражение. Манифест 29 апреля 1881 г. о неизбежности самодержавия означал свертывание реформ.

Бонч-Осмоловский в это время разъезжал по всей России, кроме столиц, распространял нелегальную литературу и вел пропаганду среди фабричных рабочих Московской губернии. Второй его арест приходится на 1882 г. Это произошло в Вильно и было связано с закрытием минской типографии «Черного передела». Сам Бонч-Осмоловский не знал истинной причины задержания и предполагал, что оно стало следствием откровений кого-то из молодых революционеров, арестованных в Петербурге и назвавших его имя. Свет на это событие проливает воспоминания наборщика той типографии И. Гецова. Он отмечал, что «все аресты произошли вследствие задержания в Москве Яковенко, у которого нашли много адресов организации Красного Креста, вследствие чего обыски и аресты были тогда произведены, начиная с западной границы России до Сибири включительно»⁵. Задержан же был младший из

¹ Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., 1978. С. 139.

² Подробнее о печати того периода см: Твардовская В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 173–213.

³ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 149–150.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1967. С. 44.

⁵ Гецов И. Типография «Черного передела» // Группа «Освобождение труда»: (из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча). Сб. 1. М., [1923]. С. 131.

братьев Яковенко – Валентин Иванович, что подтверждается воспоминаниями самого Анатолия Осиповича о братьях Яковенко. «Валентин Иванович, - вспоминал Бонч-Осмоловский, - возвратился из ссылки уже после ареста последних "Чернопеределцев". Потом, во время одного из очередных обысков, у него было найдено [нрзб.] адресов политического Красного Креста, что конечно, в свою очередь, вызвало дальнейшие обыски и аресты: этот случай повлиял на него очень угнетающим образом»¹. Анатолий Осипович не имел отношения к этой типографии и узнал о ее существовании перед самой ее ликвидацией, когда она была «на углу Полицейской и Крещенской в маленьком домике, посреди двора, примыкавшего к набережной реки Свислочь»². Изначально типография находилась на углу Университетской и Богадельной улиц, откуда и переехала на адрес, указанный Бонч-Осмоловским. Удивительно, что типографию не накрыли раньше. В качестве представителя Петербургской организации «Черного передела» в Минск приезжал известный революционер, бывший морской офицер Анатолий Петрович Буланов. Как пишет О. Буланова-Трубникова, «Анатолий Петрович, поехав за очередным номером, рассказывал, что в Минске царят совершенно патриархальные нравы. В квартире, где печатается газета, живет офицер-жилец с денщиком, которому квартирохозяева, они же типографщики, без дальних околичностей запретили входить в свои комнаты, и это несколько не казалось подозрительным. Далее, к ужасу своему, Анатолий Петрович увидал, что мальчишки на улице запускали бумажного змея из испорченных листов того же "Черного Передела"». Прежде, чем типографское оборудование в конспиративных целях оказалось на дне Свислочи, на нем успели распечатать прокламацию Северного Рабочего Союза по поводу стачки, 3–5 номера «Черного передела», 3–6 номера газеты «Зерно» и прокламацию по поводу 1 марта 1881 г.»³

После пяти месяцев заключения в одиночной камере минской тюрьмы Бонч-Осмоловский был водворен в Блонь под надзор полиции на три года с обязательством не выезжать из имения далее трех верст. В это время один за другим шли процессы над революционерами, особенно после назначения Судейкина инспектором Петербургского охранного отделения и проведения под его руководством грандиозной провокации, получившей, по фамилии исполнителя, название «дегаевщина». Революционное движение было разгромлено. «Первые три-четыре года - писал Бонч-Осмоловский, - мы с женой были прикреплены к Блони, прожили под гласным надзором полиции. Когда срок этот кончился, то связи со старыми идейными товарищами оказались прерванными. Казалось, что всякое революционное движение в России прекратилось, что в живых почти никого на свободе не остается; в то же время состояние дел было так плохо, что приходилось энергично бороться за существование»⁴. Тем не менее выход был найден. Супруги Бонч-Осмоловские с присущей им энергией перешли к практике подготовки отдельных личностей из народа, среди блонских крестьян, для дальнейшего руководства массами и организовали там рабочую артель. «Нам было странно и трудно вести социалистическую пропаганду среди крестьян в положении помещиков, - вспоминала Ваховская, - но тут нам помогало само правительство. Постоянными слежками, обысками, арестами оно возбуждало сочувствие к нам со стороны крестьян. Бывало, только что выйдут из вагона жандармы, приехавшие из Минска в Пуховичи для производства обыска в Блони, как кто-нибудь с вокзала бежит нас

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 506. Д. 12. Л. 277–278.

² Бонч-Осмоловские. Указ. соч. С. 262.

³ Буланова-Трубникова О.К. Три поколения. М., 1928. С. 169.

⁴ Бонч-Осмоловские. Указ. соч. С. 264.

уведомить, и часто даже лица совсем незнакомые»¹. В 1887 г., пытаясь расшевелить павшую духом революционную молодежь и привлечь в движение новых людей, Анатолий Осипович и Л.О. Рогаллер решили выпускать нелегальный «будящий листок»². Но затея оказалась бесплодной, листок так и не вышел. К тому времени в революционной среде началось некоторое оживление. В 1886 г. возникла харьковская подгруппа «Народной воли», в том же году в Петербурге – «Террористическая фракция Народной воли», в 1887 г. в студенческой среде Москвы зародилась «Социально-революционная партия». С 1888 г. предпринимаются первые попытки объединения разрозненных кружков в одну революционную партию.

Новую жизнь в революционное движение, обескровленное «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской», по словам Ленина, политикой Александра III, вдохнул лишь голод 1891–1892 гг.³ Правительство пыталось организовать общественные работы, «однако, задуманные как средство помощи постигнутому неурожаем и голодом населению и с такой надеждой встреченные передовой общественностью, работы, по форме и содержанию своей фактической реализации, оказались весьма неэффективны и зачастую убыточны для казны»⁴. Многомиллионные средства, бездарно потраченные на устранение голода, оказались недостаточными для спасения русской деревни от ее извечной беды. Расписавшись в своем бессилии, царское правительство вынуждено было сквозь пальцы смотреть на частные благотворительные предприятия. Как отмечает А.А. Корнилов, «полицейская администрация, ревниво оберегавшая до тех пор народ от всякого соприкосновения с интеллигенцией, принуждена была пустить многочисленных представителей этой интеллигенции и даже столичной учащейся молодежи в деревню»⁵. Эта возможность была незамедлительно использована как прогрессивной общественностью, так и революционным подпольем. Интеллигенция, как и в 1870-е гг., двинулась «в народ». Помимо решения исключительно продовольственных проблем, предпринимались попытки поднять культурный уровень населения: организовывались народные чтения, открывались читальни и библиотеки, распространялась научная и художественная литература. Революционеры, в свою очередь, создавали т.н. *кружки самообразования*, посредством которых распространяли нелегальную литературу. Бонч-Осмоловские не остались в стороне. Революционной чете удалось собрать по соседям несколько пудов круп и сала, от своего хозяйства – вагон ржи и несколько сот рублей. С этими пожертвованиями В.И. Ваховская с дочерью отправилась на Волгу кормить голодающих⁶.

В 1896–1897 гг. А.О. Бонч-Осмоловский отправляется за границу – в Швейцарию, где знакомится с эмигрантами и членами Аграрно-социалистической лиги, среди которых – Феликс Волховский и Егор Лазарев. Домой он возвращается с двумя чемоданами с двойными стенками, забитыми нелегальной литературой разных партий. Этот литературный вояж положил начало библиотеке нелегальной литературы в

¹ Там же. С. 380.

² Один из первых русских марксистов И.А. Гурвич относит Льва Осиповича Рогаллера к пионерам социалистического движения в еврейской среде и организаторам интеллигентских пропагандистских кружков. – См: Гурвич И.А. Первые еврейские рабочие кружки // Былое. № 6. 1907. С. 66.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 295.

⁴ Рогожина А.С. Организация общественных работ в Российской империи во время голода 1891–1892гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Вып. 36. Белгород, 2015. С. 109.

⁵ Корнилов А.А. Крестьянская реформа. СПб., 1905. С. 248.

⁶ Бонч-Осмоловские. Указ. соч. С. 284–285.

Блони, откуда она расходилась по окрестным деревням, а также распространялась среди молодежи Минска, Москвы и Петербурга.

В 1896 г. из сибирской ссылки к своей приятельнице – Варваре Ивановне Ваховской приехала «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская. Вскоре Блонь навещает еще один ветеран народнического движения – «Старик» С.Ф. Ковалик. Он гостит у Бонч-Осмоловских несколько месяцев, а затем переезжает в Минск¹. Этого времени было достаточно, чтобы взбудоражить молодое поколение: «В Блони в это время вокруг нас группировался кружок революционно настроенной крестьянской молодежи, - вспоминал Анатолий Осипович, - были знакомства, [также] евреи, молодежи рабочей и интеллигентной, как местной, Минской, так и посторонней, в большом количестве навещавшей нас. Со всей этой молодежью я познакомил Сергея Филипповича, и они сразу же окунулись в тогдашние развивающи[еся] революционные настроения»². Так в Блони сложился своеобразный триумvirат из «Бабушки», «Старика» и «Дедова» – именно такой псевдоним, по воспоминаниям В.М. Чернова, носил Анатолий Бонч-Осмоловский³. В конце 1890-х с тройкой старых народников познакомился с Г.А. Гершуни и под их влиянием «довольно быстро (...) от умеренно-радикальных взглядов перешел к крайним социалистическим-революционным. Он втянулся в складывавшуюся революционную группу, составлявшую один из зародышей-корней партии социалистов-революционеров»⁴. «Группкой» была «Рабочая партия политического освобождения России» (РПОРО). Вместе с Гершуни, Брешко-Брешковской и Бонч-Осмоловским в ее состав вошли Ефим Гальперин и Л.М. Родионова-Клячко. Партия пополнялась, в основном, ремесленной молодежью и имела местные отделы в Екатеринославе, Житомире, Белостоке, Двинске и других городах; основной же была Минская организация. Кроме того, партии удалось организовать две типографии – в Минске и Нежине. Программным документом стала брошюра «Свобода», важное место в которой отводилось политическому террору: «Направляя свои удары на членов правительствующей группы, мы имеем в виду удалить прежде всего сподвижников царизма – тех представителей власти, которые непосредственно заинтересованы в поддержании существующего строя, (...) сделать их ответственными за их деятельность». И далее: «Боевая роль партии кончается в тот день, когда в России будет провозглашена полная свобода, когда будет открыт путь для свободной борьбы пролетариата, для осуществления социалистического строя (...) Пока Партия организуется, центр ее тяжести – пропаганда и агитация; когда Партия выступит на открытую борьбу, центр ее тяжести переносится на ее боевой отряд»⁵.

«Свобода» предлагала следующий план партийного строительства: «Наш план организации – федерация автономных местных групп, объединенных программой и практическими приемами, но имеющих свой местный центр, составленный из выборных представителей отдельных кружков. Этот местный центр, или комитет, руководствуясь общей программой, свободен (...) видоизменять организацию; этот местный центр ведает свои дела и сообщается с другими комитетами посредством своих делегатов. Собрание делегатов от нескольких комитетов составляет высшую инстанцию – "совет партий"». По мысли авторов «Свободы», призвание социалиста – «связывать

¹ Ковалик С.Ф. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928. С. 31.

² ОПИ ГИМ. Ф. 506. Д. 12. Л. 265.

³ Чернов В.М. В партии социалистов-революционеров: воспоминания о восьми лидерах. СПб., 2008. С. 306.

⁴ Бонч-Осмоловские. Указ. соч. С. 289.

⁵ Слетов С.Н. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг., 1917. С.97.

воедино людей, бессознательно составляющих партию»¹. По всей вероятности, этот вопрос в брошюре прорабатывал сам Анатолий Осипович. Он полагал, что «все центристические организованные партии не в состоянии так успешно воспитывать, подбирать и втягивать в свою орбиту адептов такой же высокой квалификации, столь же сильных и прочных бойцов, как это само собой происходило в периоды буйного идейно-революционного массового брожения, например, 70-х годов, не улегшегося еще в прочные организационные формы»².

Несмотря на громкое название, четкое целеполагание и опытных членов, Минская организация РППОР провалилась уже в 1900 г., а благодаря словоохотливости Л.М. Клячко в 1901 г. был разгромлен и блоньский кружок. Были арестованы: А.О. Бонч-Осмоловский, его старший сын Иван и несколько крестьян. Отдельные группы РППОР продолжали обособленное существование и в 1902 г. влились в Партию социалистов-революционеров (ПСР). РППОР не смогла отличиться ни хорошо поставленной работой в массах, ни удачно законспирированными типографиями, ни воспитанием стойких и надежных партийных работников. И в целом «ее двухгодичное существование прошло столь же бесследно, как и ее исчезновение»³.

После года предварительного заключения отца и сына Бонч-Осмоловских отправили в административную ссылку в Сибирь. Сам Анатолий Осипович вспоминал, что улик против него было недостаточно, но полицейский строй всеми силами стремился сохранить свою незыблемость и для этого такая мера, как ссылка, была отдана на откуп административной власти. По всей вероятности, ссылка Бонч-Осмоловских была обусловлена не столько виновностью, сколько их неудобством, неудобностью местной администрации, поскольку Блонь давно превратилась в настоящий приют для революционеров и бунтовщиков всех мастей. По словам Н.А. Троицкого, «административным (без привлечения к суду) наказаниям подвергались те из арестованных, против кого не доставало (а то и вовсе не было) улики»⁴. Для Ивана срок ссылки был определен в четыре года, для Анатолия Осиповича – пять, однако в Сибири они пробыли недолго. Уже осенью 1902 г. сибирская ссылка была заменена ссылкой в Уфимскую губернию – в город Белебей. После Сибири Белебей оказался настоящим испытанием. «Здесь чиновничество было явно с черносотенным душком, - вспоминал Иван Бонч-Осмоловский, - к революционерам и социалистам относились враждебно, и ссыльные чувствовали себя здесь как во вражеском окружении»⁵. Около 1903 г., когда эсеры бурно спорили о содержании программы партии, Бонч-Осмоловских навестил Г.А. Гершуни, занятый в то время организацией убийства уфимского губернатора Богдановича, и привез с собой проект программы. Его посещение, рассказы о надвигающейся революции и партийном строительстве ободрили Бонч-Осмоловских, придав им сил, чтобы дотянуть постыльную ссылку, которая, к слову, окончилась раньше срока – в связи с амнистией по случаю рождения цесаревича Алексея.

Первое время после возвращения из ссылки было посвящено преимущественно хозяйственным вопросам, так как Анатолий Осипович хоть и отстал от революционного движения, но быстро наверстал упущенное. Он налаживает связи с лидерами эсеров – Н.И. Ракитниковым, А.А. Аргуновым, С.Н. Слетовым и другими и в конце

¹ Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. Пг., 1918. С. 60.

² Бонч-Осмоловские. Указ. соч. С. 289.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1967. С. 50.

⁴ Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 60.

⁵ Бонч-Осмоловские. Указ. соч. С. 400.

1905 г. его кооптируют в ЦК партии. Бонч-Осмоловский фокусируется на революционной работе в крестьянской среде. Он полагал, что рабочий класс в России недостаточно развит, но в пролетарской среде уже вели работу и социал-демократы, и социал-революционеры, и интеллигенция, и политически развитые выходцы из рабочей среды. В то же время, среди крестьян работали лишь эсеры, да и то немногие. «Без достаточной и своевременной подготовки, - писал А.О. Бонч-Осмоловский, - легко могло бы случиться, что крестьянство некоторых местностей России сыграет в развивающейся революции роль, подобную Вандее во Франции»¹. С подобной оценкой едва ли можно согласиться. Если для эсеров работа в деревне действительно представляла трудности, поскольку партия того периода не завершила еще своего организационного оформления, то РСДРП активно вовлекала крестьян в революционную борьбу. В начале 1905 г. вышла прокламация ЦК РСДРП «Крестьяне, к вам наше слово»; одни только Нижегородский и Сибирский комитеты издавали листовки тиражом до 25 тыс. экземпляров. В апреле 1905 г., к Пасхе, Московский комитет РСДРП выпустил специальную листовку «К товарищам, уезжающим в деревню», а ряд комитетов напечатал специальные газеты для крестьян: это – «Пчелка» в Пскове, «Письма к крестьянам» в Херсоне, «Крестьянский листок» в Казани и Самаре². ПСР же в 1905 г., не без участия Анатолия Осиповича, только ставит вопрос о создании специального отдела для налаживания работы в крестьянской среде и о созыве специальной конференции крестьянских работников. Для этой цели Анатолий Осипович и его средний сын Родион совершили объезд работников на местах по всей России. Конференцию крестьянских работников удалось собрать в середине 1905 г. На ней было решено издавать газету «Земля и воля». В скором времени при непосредственном участии А.О. Бонч-Осмоловского старшего и его сына Ивана были созданы три нелегальные типографии: в Минске, Гомеле и Бобруйске. Типографии были завалены работой и до 17 октября 1905 г. напечатали около 40 пудов нелегальной литературы³. Первый номер «Земли и воли», из-за чрезмерной нагрузки на типографии, пришлось печатать в Швейцарии. Для этого в августе 1905 г. А.О. Бонч-Осмоловский поехал в Женеву, где местные товарищи оказали ему содействие в переправке газеты в Россию. Осенью этого же года, в самый разгар крестьянских бунтов, Анатолий Осипович активно ездит по России, агитирует население, выполняет различные поручения партии – в т.ч. проводит в жизнь директиву крестьянских работников в Чернигове об экспроприации помещичьей земли и сельскохозяйственных орудий.

После манифеста 17 октября 1905 г. Анатолий Осипович отправился в Петербург хлопотать в издательстве «Школьное дело» об издании старых нелегальных брошюр, популярных в 1870-е гг.: «Хитрая механика» и «Сказка о четырех братьях». Благодаря его связям заказ был исполнен быстро, а брошюры, пользовавшиеся неизменной популярностью, разошлись среди населения. Это было сделано очень своевременно, ибо свобода печати, дарованная манифестом, вскоре была забыта. Затем Анатолий Осипович и его сын Иван вступили во Всероссийский крестьянский союз. Иван Бонч-Осмоловский принимал активное участие в его организации и впоследствии стал секретарем Трудовой группы в Первой Государственной Думе. Сам Анатолий Осипович очень ценил Крестьянский союз, полагая, что тот может сыграть огромную роль в организации и объединении крестьян. Он надеялся на сотрудничество

¹ Там же. С. 300.

² Шацилло К.Ф. Первая революция в России. 1905–1907. Книга для учителя. М., 1985. С. 86–87, 124.

³ Бонч-Осмоловские. Указ. соч. С. 303.

союза с ПСР, но руководство партии увидело в Крестьянском союзе конкурирующую организацию и только мешало его развитию. Все усилия Бонч-Осмоловского создать в партии эсеров отдел, занимающийся исключительно крестьянским вопросом, пошли прахом. После второго съезда Всероссийского крестьянского союза Анатолий Осипович остался в Москве и в декабре 1905 г. с оружием в руках участвовал в боях на баррикадах Пресни, откуда по поручению дружинников выводил американского корреспондента. После разгрома Московского восстания надежд на победу революции у Бонч-Осмоловского не осталось, Дума тоже не вызывала доверия. Старый революционер больше не верил в способность революционных партий вести за собой массы. Тем не менее он продолжал партийную работу: участвовал в учредительном съезде ПСР на Иматре, в съезде Крестьянского союза в Гельсингфорсе, во втором съезде эсеров в Таммерфорсе.

После спада активности масс и разгрома революционных организаций активную борьбу продолжали лишь энтузиасты. Среди них был К. Базальчук – убежденный анархист и друг младшего сына Анатолия Осиповича – Глеба. В 1907 г. он посетил Блонь и своей деятельностью привлек внимание местных властей, что незамедлительно сказалось на обитателях Блони. В апреле 1908 г. в имении был произведен двухдневный обыск, после которого арестовали самого Анатолия Осиповича, его жену – Варвару Ивановну, их старшего сына Ивана, племянника Варвары Ивановны В. Ваховского, фельдшеру М. Ермолину и двух крестьян. Хотели привлечь и среднего сына – Родиона, но он в это время уже отбывал наказание по другому делу. Все были соединены в одно дело о «Блонском крестьянском союзе». Обвиняемые провели около девяти месяцев в Минской тюрьме и были отпущены под залог. Обвинительный акт же был составлен только 2 февраля 1910 г. Защитником обвиняемых выступил известный адвокат Грузенберг, сделавший себе имя на политических делах. «Мощной рукой потушен революционный пожар, - гремел на суде товарищ прокурора палаты М.Х. Ауэ. – Но от одной искры он может опять разгореться. Оберегите, гг. судьи и словесные представители, село Блонь от этой искры, которую, несомненно, представляют из себя подсудимые!»¹. Суду было известно об общем направлении деятельности Бонч-Осмоловских, но ему не хватало доказательств, так как деятельность Анатолия Осиповича касалась больше других районов, чем Минска и Блони. Даже лучший провокатор охранки Азеф не помог, ибо никогда не работал в крестьянской среде. Виленская Судебная палата трижды разбирала дело о «крестьянском союзе» и вынесла приговор: «Иван Лукашин, по совокупности с приговором 1908 г., к 1 году 6 месяцев крепости с зачетом года предварительного заключения. Мария Ермолина к одному году крепости с зачетом двух месяцев и 12 дней предварительного заключения. Анатолий, Варвара и Иван Бонч-Осмоловские, Владимир Ваховский, Степан Мигуцкий и Виктор Федорейчик оправданы»².

Очень скоро революционная искра в Блонь вновь превратилась в пламя. После суда, да и много лет спустя, Бонч-Осмоловские продолжали революционную и общественную деятельность. Анатолий Осипович стал участником Февральской революции. Он выступал на собраниях, агитировал, был избран гласным Московской городской думы, вел работу среди крестьян, а также организовал кооперативное движение в полном соответствии со своими взглядами, которые пронес через всю жизнь.

¹ Дело Бонч-Осмоловских и др. // Минский голос. 1911. № 375. С. 2.

² Там же. С. 3.

К ВОПРОСУ О РОЛИ «ЛЕГАЛЬНОГО МАРКСИЗМА» В РАЗВИТИИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

В 1890-е гг. марксистский лагерь в России был расколот на два непримиримых, но при этом взаимосвязанных течения – на последователей соответственно «легального» и революционного марксизма. Под «легальным марксизмом» в отечественной публицистике и историографии подразумевалась часть демократически настроенной интеллигенции, увлеченной экономическим учением К. Маркса. Это, прежде всего, такие видные экономисты и философы, как П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев. Данный список можно пополнить именами литераторов В.Я. Яковлева-Богучарского, А.С. Изгоева (Ланде), В.А. Поссе... «Легальные» марксисты были продолжателями традиций существовавшего до них «академического марксизма» (Н.И. Зибер, А.И. Скворцов, П.Н. Скворцов)¹. За время существования «легального марксизма» как течения общественной мысли (1892–1903 гг.) его идеологи и приверженцы прошли путь от оформления данного направления до полного отказа от марксизма.

«Легальный марксизм» вышедший из академической среды, унаследовал все достоинства и недостатки «академического марксизма». П.Б. Струве считал своим учителем экономиста А.И. Скворцова, так как вырос на его магистерской диссертации. Он вспоминал: «О себе я могу сказать, что "Капитал" Маркса имел на меня не больше влияния, чем огромная, полу-агрономическая диссертация Скворцова (...) То течение в русском марксизме, которое наиболее полно было представлено (...) в книге Скворцова, подверглось нападкам с двух сторон: со стороны ортодоксального марксизма (...) и со стороны народнического марксизма»². Для профессора А.И. Скворцова и других «академических» марксистов характерен эклектизм взглядов, который вобрали в себя и представители «легального марксизма». Так, А.И. Скворцов легко сочетал в своем мировоззрении марксову трудовую стоимость с национализмом, антисемитизмом и монархическими взглядами.

При этом отождествлять «легальный марксизм» с «академическим» было бы неверно, хотя именно это мы находим в первой научной работе по данной теме³. Н.С. Ангарский намеренно «удревнил» русский марксизм, относя его зарождение к 1876–1883 гг., дабы объединить «народнических», «академических» и «легальных» марксистов в одну общую категорию – «ревизионистов». Он также приходил к очень своеобразному выводу о том, что ревизионизм, догматизм и творческий марксизм в России оформлялись параллельно друг другу. По мнению исследователя, распространение марксистских идей в России было обусловлено как интересом русской читающей публики к политэкономии, призванной объяснить происходившие в России процессы становления капиталистического способа производства, так и «живым творческим» стремлением масс к действию. Поэтому марксизм в России возник одновременно и

¹ Бармина Н.Н. История раннего русского марксизма в источниках личного происхождения // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2011. № 1. С. 32–41.

² Струве П.Б. Мои встречи и столкновения с Лениным // Вестник русского христианского движения. Париж, 1970. № 95. С. 169–170.

³ Ангарский Н.С. Легальный марксизм. Вып. 1. М., 1925. С. 3.

как концепция построения пролетарской партии, и как ее отрицание через «пересмотр» – ревизию самого марксизма.

С.Н. Булгаков, впоследствии далеко отошедший от марксизма, однако, отмечал, что «после томительного удушья 80-ых годов марксизм явился источником бодрости и деятельного оптимизма молодой России, как бы став ей общественным бродилом»¹. Н.А. Бердяев отмечает примерно то же самое, касаясь своего «марксистского прошлого»: «Я почувствовал, что поднимается в русской жизни что-то новое и что необходимо определить свое отношение к этому течению»².

«Легальный марксизм», по сути, отражал реалии 1890-х гг. Причисление к нему Н.И. Зибера, умершего в 1888 г., ошибочно. Ведь приверженцы «легального марксизма» желали ревизовать учение Маркса, Зибер же разделял концепцию Маркса в отношении развития капитализма как такового. Он стоял на позициях цельного материалистического понимания исторического процесса и отнюдь не стремился к пересмотру политической экономии «Капитала». Неучастие Зибера в политике объясняется отсутствием у него личных амбиций вкупе с убеждением, что русский пролетариат пока еще не сложился как класс. Зибера долгое время объявляли «легальным» марксистом как «не понимавшего классового революционного содержания учения Маркса–Энгельса» и видевшего в нем лишь «абстрактную научную теорию»³. Тем не менее, Зибер признавали первым российским марксистом в области экономической мысли⁴. Итак, при отождествлении «академического марксизма» с «легальным игнорировался тот факт, что «академические» марксисты 1880-х гг. были, в научном плане, верными последователями Маркса и не пытались ни пересмотреть, ни «дополнить» его.

В свою очередь, основоположники «легального марксизма» – П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков с момента начала своей публицистической деятельности прямо призывали «дополнить» Маркса. Тем самым они во многом предвосхитили «экономистов», меньшевиков и других ревизионистов. Видимо, прав был В.И. Ленин, считавший «легальных марксистов» буржуазными демократами, «для которых разрыв с народничеством означал переход от мешанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, (...) а к буржуазному либерализму»⁵.

Штамп «легальный марксизм» ввели в оборот идеологи революционной марксистской мысли – Г.В. Плеханов и В.И. Ульянов (Ленин). Они видели в «легальном марксизме» лишь «отражение марксизма в буржуазной литературе». Плеханов с момента своего знакомства с П.Б. Струве окрестил «легальных» марксистов не иначе, как «полицейскими социалистами».

П.Б. Струве прямо заявил в 1894 г., что «чисто философского определения (...) марксизма (...) еще не дано»⁶. Желание Струве начать «пересмотр фактов с точки зрения новой теории», по сути, означало наличие планов создания «новой идеологии». Струве и Туган-Барановский пытались доказать, что «нет никакой пропасти между социализмом и капитализмом (...) есть лишь ряд переходов», т.е. обосновать собственную теорию общественного развития, во многом опередив ревизионистские

¹ Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Сборник статей. СПб., 1903. С. 7.

² Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 2006. С. 140.

³ Наумов Д.Б. Николай Иванович Зибер. Из истории марксистской экономической мысли на Украине и в России. Харьков, 1930. С. 16.

⁴ Цаголов Н.А. К характеристике экономических взглядов Н.И. Зибера // Вопросы экономики. 1953. № 9. С. 78–91.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. М., 1970. С. 96.

⁶ Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. С. 46.

построения Э. Бернштейна¹. Эклектичность взглядов «легальных» марксистов четко прослеживается в их работах, поэтому последующие кардинальные перемены в их взглядах несколько не удивляют. Н.А. Бердяев, изучая взаимосвязь психологического и трансцендентального в процессе познания, стремился «дополнить этическую сторону марксизма» и, в итоге, договорился до абсурдного утверждения, что «нравственность, как и истина, не может быть классовой, но исторически она принимает классовую форму и носителем ее является тот общественный класс, который несет знамя общечеловеческого прогресса»².

Выстраивание концептов «этических», «критических» социализмов «легальными» марксистами привело их к необходимости «перестроить» методологию марксизма через обращение к неокантианству, что, в конечном счете, и сделало их всех «критиками и врагами марксизма». Маркса невозможно понять без обращения к живой диалектике, которая одновременно является и методом, и теорией познания. Метафизическое понимание Маркса есть не что иное, как его ревизия, курс на которую провозгласили «легальные марксисты». Следствием стало их полное идейное банкротство. Ревизионистские стремления обусловлены детерминацией какой-либо одной «понавившейся» стороны учения в угоду собственным предпочтениям и интересам. Ревизия и догматизм есть «суть» процесса отрыва теоретических построений от объективной реальности. «Легальный марксизм» своим главным постулатом имел не создание пролетарской партии, а пересмотр основ материалистической диалектики.

Впрочем, не следует преуменьшать роль «легальных марксистов» в полемике с неонародниками, в которой, по выражению Розы Люксембург, «легальные русские марксисты, несомненно, одержали победу над своими противниками»³. Эта дискуссия требует более детального изучения. Пока же остается отметить, что в итоге «легальные» марксисты, и либеральные неонародники органически слились и оформились в левое крыло Конституционно-демократической партии.

Ревизионистское направление русской марксистской мысли, представленное «легальным марксизмом», стало прологом к последующим расколам внутри русской и международной социал-демократии, так как подобная ревизия являлась не столько попыткой творческого развития тех или иных положений марксизма, сколько лишь слегка закамуфлированной формой борьбы с ним.

¹ Ойзерман Т.И. Избранные труды. Оправдание ревизионизма. Т. 3. М., 2014. С. 5.

² Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. СПб., 1901. С. 78.

³ Люксембург Р. Накопление капитала. Т. I. 5-е изд. М.; Л., 1934. С. 226.

КНЯЗЬ А.А. ЩЕРБАТОВ О ДЕЙСТВИЯХ ВЛАДИВОСТОКСКОГО ОТРЯДА КРЕЙСЕРОВ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

В трудах по истории русско-японской войны¹ подробно освещены трагические для русского флота морские сражения: подвиг «Варяга» и «Корейца», бой 28 июля 1904 г. в Желтом море, Цусима и др. Но есть в истории русско-японской войны целая серия успешных операций, проведенных Владивостокским отрядом крейсеров.

Идея использовать крейсера для операций на морских коммуникациях противника возникла в России еще за четверть века до русско-японской войны. В 1878 г. Российская империя и Великобритания стояли на пороге войны. Британские броненосцы были готовы войти в Черное море и обстреливать русские города – Севастополь, Одессу и др. В ответ русские общественные круги выразили решимость начать подготовку к серьезной войне на истощение с державой, обладавшей сильнейшим флотом в мире. Весной 1878 г. Императорское общество для содействия русскому торговому мореходству бросило клич: «Враг наш силен на море. И числом, и громадностью средства морские силы его далеко превосходят наши. Но есть возможность нанести ему и на морских путях чувствительный удар. Кто не знает, что все интересы нашего врага сводятся к барышу и наживе? Он обладает громадным купеческим флотом. Тридцать тысяч судов его покрывают океаны. Вот куда следует направить удары! В то время, когда враг запрет наши моря и, как в Крымскую войну, будет жечь и грабить беззащитные селения на берегах наших, торговый флот его на просторах океанов да подвергнется в свою очередь бедствиям войны! Для этого нам нужны быстрые и крепкие суда, которые являлись бы неожиданною грозой на морских торговых путях нашего врага»². На собранных народом средства в июле 1878 г. в Гамбурге купили три судна, на которые, по прибытии их в Россию, поставили орудия, превратив их в крейсера. Однако в это самое время завершился Берлинский конгресс и угроза большой европейской войны миновала.

Идея крейсерской войны оказалась востребована в ходе войны с Японией. В конце января 1904 г. корабли Тихоокеанской эскадры были заблокированы в Порт-Артуре. Во Владивостоке же Россия имела всего 4 крейсера: «Рюрик», «Россию», «Громобой» и «Богатырь». Казалось бы, силы незначительные, но именно они станут головной болью японцев и заслужат у европейцев прозвище «эскадры-невидимки»³. Сведения о действиях Владивостокского отряда крейсеров, содержащиеся в различных официальных и мемуарных источниках, существенно дополняются недавно опубликованными письмами князя А.А. Щербатова⁴ – мичмана на крейсере «Россия».

¹ Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014; История русско-японской войны 1904–1905 гг. / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1977; Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. М., 1942.

² Цит. по: Толмачев Е.П. Александр III и его время. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.wikireading.ru/234620> (дата обращения: 1.11.2020).

³ Хисамутдинов А.А. Владивосток. [Электронный ресурс]. URL: <https://info.wikireading.ru/47988> (дата обращения: 27.10.2020).

⁴ «Всю жизнь продержаться на высоте подвига...». Из переписки князя А.А. Щербатова и княжны С.С. Васильчиковой. 1904–1905 гг. М., 2020.

Князь был назначен на «Россию» в апреле 1904 г., и 31 мая в 9 часов утра вышел на крейсере в свой первый боевой поход, в котором, наряду с «Россией», участвовали «Рюрик» и «Громобой». Щербатов так писал об успешной атаке русскими силами японского парохода «Идзуми-Мару», предпринятой 2 июня 1904 г.: «... Утро было туманное (...) Вдруг в девятом часу утра мы сразу увидели слева дым, впереди дым, справа дым и большой парусник (...) В это время поднимают сигнал "Громобойю отрезать левый пароход", который стремится в Симоносеки. "Громобой" вышел из строя и сразу продвинулся вперед, удивительно грозно и красиво разрезывая носом воду (...) Через ½ часа подошли к "Громобойю". Он уже покончил со своим пароходом "Идзуми-Мару" и стоял совершенно смирно – кругом плавали обломки»¹. Однако вскоре отряд увидел на горизонте два новых японских парохода. Пароход «Хитаци-Мару» выпало остановить «Громобойю», но капитан парохода – шотландец, как его называл А.А. Щербатов, решил не останавливать судно и скрыться от русских. После того, как сделать это не удалось «Хитаци-Мару» попытался протаранить русский крейсер, а японская команда начала отстреливаться из ружей. Поединок закончился печально для японского судна. Князь Щербатов пишет о том, как пароход был потоплен, а «Громобой» подобрал около ста раненых. Зато еще один японский пароход – «Садо-Мару», за которым гнался «Россия», сопротивляться не стал. Чернорабочие с него отравились на шлюпках к берегу, а команду вместе с пленным англичанином разместили на крейсерах. Опустевший «Садо-Мару», ввиду спускавшегося тумана, был торпедирован и начал тонуть; русские крейсера ушли, не дождавшись момента, когда он пойдет на дно (по одной из версий, японцы спасли свой пароход). Один из вражеских пароходов перевозил осадные орудия, предназначенные для осады Порт-Артура. В.Е. Егорьев, товарищ князя А.А. Щербатова, свидетельствовал, что вместе с «Хитаци-Мару» пошли ко дну «18 осадных 280-мм гаубиц. О гибели этих орудий умолчал японский морской генеральный штаб, однако это настолько достоверно, что не вызывает сомнений». Правда, при этом Егорьев продолжал: «Станки для этих орудий были погружены на "Садо-Мару" и вместе с этим судном спасены»². Таким образом, Егорьев подтверждал версию о спасении японцами одного из трех своих пароходов. Именно из 280-миллиметровых мортир будут расстреляны русские корабли в Порт-Артуре. Владивостокский отряд отсрочил эту катастрофу на полгода, пока японцы не подвезли новые орудия данного калибра.

Операции Владивостокского отряда были весьма рискованными, так как атаковать приходилось малыми силами при наличии постоянной угрозы столкновения с крупной неприятельской эскадрой. Мичман князь Щербатов писал: «Все это мы продельвали между Ико-Симой и Японией. И все время на горизонте за нами следил японский крейсер. В сущности, это было страшное нахальство, ибо будь у японцев хоть что-нибудь дома, то мы бы серьезно поплатились. Мы были в следующем треугольнике: Сасебо – главный военный порт Японии, порт на Тсусиме – большое минное депо и Симоносеки – тоже минное депо и военный порт. По слухам за нами впоследствии вышли японские миноносцы»³. Князь Щербатов не сомневался ни в важности действий Владивостокского отряда для хода войны, ни в оцутимости наносимого японцам урона. «Утром около 6 час. мы шли милях в шести от острова Окинисима – туман немного поднялся, и берега были отлично видны (...) В это время говорят: сле-

¹ Там же. С. 168.

² Егорьев В.Е. Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904–1905 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://cruiserox.net/ovc/138-149.htm#1.1> (дата обращения: 24.09.2020).

³ «Всю жизнь продергаться на высоте подвига...». С. 169.

ва пароход. Мы поворачиваем и идем прямо на него (...) По осмотру оказался английским угольщиком "Allanton", везшим в Сасебо кардиф¹ для японцев, и теперь следующим из Мурорана на восточной стороне Мацмая в Сингапур с углем. В виду же того, что у него вахтенный журнал был неисправен, к нему придрались и решили взять призом», - читаем в одном из писем князя. В письме 15 июля 1904 г. Щербатов рассказывал о захвате больших грузов, предназначенных для Японии: «9-го, а может быть, 8-го, мы узрели к востоку большой коммерческий пароход. Оказался немцем "Arabia", идущим из Америки в Японию с железнодорожным грузом в 1,5 миллиона рублей ценностью. Мы, конечно, его забрали, посадили на него призовую команду и отправили через Лаперузов пролив во Владивосток (...) Утром увидели пароход, подошли, оказался англичанином "Knight Commander", идущим с контрабандным грузом в Йокогаму. Кажется, у него был тоже железнодорожный груз. Так как у него не хватило бы угля дойти до Владивостока, то было решено его потопить»².

О существенном уроне, нанесенном японцам потоплением "Knight Commander", писал и В.Е. Егорьев: «Около 1000 т рельсов и рельсовых креплений, 1700 т мостовых частей, 300 пар вагонных колес с осями и 400 колес отдельно, направлявшихся непосредственно на театр военных действий, и значительное количество прочего груза, адресованного в Йокогаму и Кобе, были потоплены вместе с пароходом на глубине 1300 м. Сам пароход постройки 1900 г. имел 4300 т брутто, скорость 11 узлов»³.

Владивостокский отряд крейсеров останавливал пароходы и шхуны несколькими предупредительными залпами. Если судно пыталось уйти от преследования, то его топили. Команда судна, сдававшегося русским морякам, или отправлялась к берегу на шлюпках, если до берега было недалеко, или пересаживалась на русские корабли. Иногда, по гуманным соображениям и вследствие отсутствия военных грузов, захваченное судно отпускали. В письме мичмана Щербатова 7 июля 1904 г. читаем: «Во время операции увидели другой дым, думали – военный, оказался другой каботажник; ввиду отдаленности берега и присутствия на нем женщин и детей отпустили его». Правда, в том же письме находим и другой способ действия: «...Увидели 2 шхуны – потопили, людей взяли к себе...»⁴.

Почему же три русских крейсера – «Россия», «Громобой» и «Рюрик» стали «невидимыми» для опытного японского адмирала Камимурэ? Секрет успеха заключался в маневренности, умении быстро принимать верные решения и четких командах. Подтверждение этому находим в еще одном письме князя Щербатова: «Перехватили депешу: Русские курсируют в северном направлении (...) Затем, для надутия японцев, пошли к северу и, отойдя из виду берегов, повернули на юг...». 17 июля Щербатов описывал состоявшуюся неделей раньше встречу с английским пароходом «Тсинан», шедшим в Йокогаму. События происходили южнее Токийского залива. Князь рассказывал, что командир парохода сообщил русскому офицеру Петрову, осматривавшему английское судно, много интересного и что англичане «выразили свое безграничное удивление тому факту, что мы здесь находимся. (...) они до последней минуты полагали, что мы японцы, и командир "Тсинан" сказал: "Only when I saw your blue cross did I believed that you were russlans and even then I rubbed my eyes hard before I was sure of it" ["Лишь когда я увидел ваш голубой крест (на флаге), я поверил, что вы

¹ Кардиф – высококачественный английский каменный уголь, добытый на копях Уэльса; предназначался для военно-морского флота.

² «Всю жизнь продержаться на высоте подвига...». С. 170, 200.

³ Егорьев В.Е. Указ. соч.

⁴ «Всю жизнь продержаться на высоте подвига...». С. 192.

русские, и даже тогда я протер глаза, прежде, чем окончательно убедился в этом». – англ.]»¹. Данный пример доказывает высокий уровень профессионализма при планировании операций. Находясь в самом глубоком японском тылу – неподалеку от вражеской столицы, небольшой отряд русских кораблей захватывал и уничтожал военные грузы, а затем благополучно возвращался к родным берегам.

Японцы не желали мириться с подобными неудачами. Вечером 16 или 17 июня (по версии А.А. Щербатова; по другим данным² – 18 июня) 1904 г. четыре японских крейсера и несколько миноносцев погнались за «Рюриком», «Россией» и «Громобоем». Около 8 часов вечера корабли Владивостокского отряда заметили от 6 до 11 японских миноносцев и своевременно открыли по ним огонь, отразив их атаку. Правда, некоторые современные исследователи взялись опровергнуть «миф» об успешном для России морском сражении русско-японской войны, утверждая, что никаких миноносцев не было, так как японские архивные документы не подтверждает факт атаки. Ответ на этот спорный вопрос находим в письме князя Щербатова 28 июня 1904 г.: «Около 8 час. я стоял на мостике и определял расстояние до "Рюрика", когда кто-то вдруг закричал: "Миноносцы слева!", - у меня сердце так и упало (...) Взглянув влево, я увидел 6 или 8 силуэтов миноносцев, идущих мимо нас в кильватерной колонне (...) Я никогда так не нервничал, как тогда (...) К счастью, скоро пришел старший офицер. Гревениц – старший артиллерист – спустился на палубу и указал цель комендорам. Загремела пальба (...) У миноносцев показались какие-то дымки и затем два огромных дыма: говорят, что два потопло. (...) Надо сказать еще то, что несколько минут после окончания нашей стрельбы японские крейсера стали освещать кругом себя и открыли ожесточенную пальбу мелкой артиллерией, почти, наверное, они с перепугу расстреляли собственные миноносцы»³.

Владивостокский отряд, успешно действовавший в территориальных водах Японии, великолепно следовал тактике крейсерской войны. Отказ от нее привел к трагическим последствиям. Из-за плохой связи (дальность приема сообщений по радио была незначительной) крейсера, вышедшие из Владивостока на помощь Порт-Артурской эскадре, вернуть было уже невозможно. Когда пришла телеграмма дальневосточного наместника адмирала Е.И. Алексеева о том, что попытка прорыва эскадры из Порт-Артура не удалась, Владивостокский отряд был уже вне зоны приема-передачи сообщений. Войдя в Корейский пролив, утром 1 августа 1904 г. «Рюрик», «Россия» и «Громобой» вступили в бой с четырьмя японскими крейсерами, к которым во время боя присоединилось еще два судна. «Японцы были от нас к северу, мы в темноте прошли мимо них и теперь они были между нами и Владивостоком. Волей-неволей приходилось принимать бой (...) Из окружающего я видел мало. Знаю, что по носу открылось пятое судно, от которого мы увернулись влево, что на "Рюрике" то и дело вспыхивали пожары», - так пишет Щербатов о начале этого сражения. Японские орудия били метко, нанося большой ущерб русским крейсерам. «Снаряды с шипом и воем летали через голову, - продолжает князь, - они видны были отлично, когда, ударяясь об воду, с кувырканьем и воем летели через судно, то и дело ударяясь в трубы, мачты и надстройки и осыпая палубу кучею осколков»⁴. Несмотря ни на что, «Громобой» и «Россия» в течение пяти часов пытались спасти «Рюрика», получившего серь-

¹ Там же. С. 191, 201.

² Мельников Р.М. Крейсер I ранга «Россия» (1895–1922). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=227273&p=50> (дата обращения: 28.11.2020).

³ «Всю жизнь продержаться на высоте подвига...». С. 180–181.

⁴ Там же. С. 214–215.

езные повреждения уже в начале боя. Но силы были неравны. Русский адмирал К.П. фон Иессен отдал приказ: вывести из-под огня «Россию» и «Громобой», сохранившие боеспособность. «Рюрик» был потерян. Этот русский крейсер повторил подвиг «Варяга» – был затоплен собственной командой. «Россия» и «Громобой» вернулись во Владивосток – оба крейсера подлежали длительному ремонту.

Действия Владивостокского отряда крейсеров

Гибель «Рюрика» была вызвана отсутствием у него бронированных перегородок между орудиями. Это позволило японцам одним метким попаданием выводить из строя сразу несколько орудий. Кроме того, «Рюрик» был самым старым из крейсеров отряда и имел меньшую скорость, чем «Громобой» и «Россия». Еще за полтора месяца до того рокового боя Щербатов отмечал низкие скоростные качества «Рюрика» при уходе от погони: «Через несколько времени "Рюрик" стал отставать, и пришлось уменьшить ход, чтобы не уйти от него»¹. В бою 1 августа 1904 г. сказалось и численное превосходство японцев, и высокое качество мгновенных взрывателей у японских снарядов, и размещение японских орудий в хорошо бронированных башнях, тогда как русские стояли в казематах и из-за этого могли вести огонь только одним бортом.

Впрочем, до проигранного боя 1 августа 1904 г. Владивостокский отряд причинил неприятелю и его кредиторам такой военный и экономический ущерб, что вынудил англичан и американцев сократить военные поставки в Японию по морю из-за того, что даже ее глубокие морские тылы оказались небезопасными². Япония же, набрав кредитов, находилась в отчаянном положении: с Англией и США необходимо было расплачиваться, а деньги, вложенные в грузы, ушли на дно. Именно поэтому в конце войны японцы будут так настойчиво требовать от России большой контрибуции. По окончании войны крейсера «Россия» и «Громобой» отправились в Балтийское море. Свою боевую задачу на Дальнем Востоке они выполнили с честью.

¹ Там же. С. 180.

² Царьков А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Боевые действия на море. [Электронный ресурс]. URL: http://www.plam.ru/hist/russko_japonskaja_voina_1904_1905/p8.php (дата обращения: 24.09.2020).

М.В. Медоваров
кандидат исторических наук, доцент
кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях
Национального исследовательского Нижегородского государственного
университета имени Н.И. Лобачевского

ВОСПОМИНАНИЯ А.Ф. ФИЛИПОВА О ГЕОРГИИ ГАПОНЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Среди множества источников по революции 1905 г. и деятельности о. Георгия Гапона историки до сих пор незаслуженно игнорировали воспоминания Алексея Фроловича Филиппова (1869–1936), хотя они были дважды опубликованы в 1913 г. – сначала в «Новом журнале для всех», затем – отдельной брошюрой, и легко доступны для исследователей. Кроме того, дополнительные сведения на данную тему Филиппов сообщил в 1931 г. в своем письме Вере Фигнер. При всей известной склонности этого мемуариста к преувеличениям и подчас прямой лжи, в данном случае сообщаемые им подробности в целом подтверждаются другими сведениями из его биографии. Информационный потенциал филипповских воспоминаний о Гапоне и подготовке «Кровавого воскресенья» еще не оценен историками по достоинству.

В декабре 1904 г. Филиппов работал в Петербургском телеграфном агентстве под началом Шпиганова (преобразовано 1 сентября 1904 г. из Торгово-телеграфного агентства и фактически находилось под контролем С.Ю. Витте), читая газеты для составления ежедневных утренних докладов министру финансов В.Н. Коковцову. В рамках журналистской профессии такая работа могла восприниматься Филипповым, только что переехавшим из Москвы в Петербург, даже как повышение по сравнению с его прежним статусом редактора двух фактически прекративших выходить журналов («Русское обозрение» и «Искусство строительное и декоративное»). К моменту приезда Филиппова в столицу (он остановился у литературного критика Арсения Введенского) город уже был охвачен революционным потоком. Реформы князя П.Д. Святополка-Мирского, падение Порт-Артура, «банкетная кампания» либералов сочетались с повышенной активностью рабочего и профсоюзного движения, плотно настигнутого агентами охраны. Неудивительно, что склонный к авантюрам Филиппов сразу же был вовлечен в окружение священника Георгия Гапона и участвовал в грандиозной провокации, которая закончилась «Кровавым воскресеньем».

Воспоминания Алексея Фроловича были написаны восемь лет спустя. Они были напечатаны в июне 1913 г. в первом же номере «Журнала для всех», вышедшего под новой редакцией А.Л. Гарязина и А.Ф. Филиппова¹, а месяц спустя без изменений вышли отдельной брошюрой². Обложку «Страничек минувшего» украшали волнистый орнамент и свастика, что, разумеется, не являлось случайностью, а было обусловлено тогдашней близостью Филиппова к Григорию Распутину и императорской чете, как известно, активно использовавшей данный «благой» и «охранный» знак. На второй странице мемуаров был напечатан и портрет Гапона. Издателем книги значился А.Л. Гарязин с указанием адреса: Загородный проспект, 36, где располагалась редакция «Дыма Отечества» и «Журнала для всех».

¹ Филиппов А.Ф. Странички минувшего. I. Несколько слов о Гапоне // Журнал для всех. 1913. № 6. С.105–122.

² Филиппов А.Ф. Странички минувшего. I. О Гапоне. СПб., 1913.

Филиппов начинал и заканчивал свои мемуары с уверения читателей в том, что «Гапон – совершенная случайность, выдвинутая массой обстоятельств, неожиданных и исключительных; поэтому лично он не внес в историю "освободительного движения" ровно ничего (...) до 9-го января он не был, как утверждают одни, ни вождем революции, ни тем охранником, каким его представляют другие (...) Гапон – жалкая, бесцветная, юркая, честолюбивая фигура, случайно выброшенная наверх в крутившемся вихре событий. Окружавшие его – случайные люди – ничтожество, то охваченные верой (...) то расчетливо наглые дельцы»¹. Себя Филиппов, разумеется, ни к тем ни к другим не относил, хотя современники могли бы поспорить на этот счет. Наконец, он имел склонность всегда оказываться в эпицентре бурных событий.

Публицист констатировал глубочайшее недовольство интеллигенции властью к 1904 г. «Все прорехи нашего строя раскрылись как-то вдруг, и в них виднелись зияющие раны, покрытые червями, - вспоминал Филиппов. – (...) Рождается предположение, что любой из нас, вооруженный властью и денежными средствами, может управляться если не с государством, то во всяком случае с целой отраслью управления лучше, нежели те генералы и гофмейстеры, которые еще тогда властвовали, при полной неограниченности их appetitов, над Россией». Однако, подчеркивал мемуарист, 14 декабря 1904 г. правительство заявило, что само будет внедрять реформы в жизнь; это прозвучало как вызов общественности, «и с этого момента начинается вдохновенная мобилизация сил в общественных слоях»².

Возмущение, по словам Филиппова, тогда охватило интеллигенцию и рабочих, но «интеллигенция у нас всегда отличалась духовной импотентностью». Мыслитель обвинял русскую интеллигенцию – включая, подчеркивал он, не только русских, но абсолютно все народы Империи – в розовых мечтах о будущем. Предвосхищая суровые вердикты Г.П. Федотова («идейность и беспочвенность») и П.Б. Струве («государственное отщепенство»), Филиппов – впрочем, уже после «Вех» – писал: «Характерной особенностью нашей интеллигенции (...) является ее непримиримая отвлеченность и искание правды и принципов там, где необходима сила и действие». Поэтому, говорил он, предвосхищая заодно события 1917 г., «в дни подъема стихийных сил нации решительный удар прошлому наносят (...) вожаки грубой недисциплинированной толпы, годные для разрушительных целей, но неспособные к созиданию чего бы то ни было». Вот почему, по мнению Филиппова, «цветник» образованных либералов 1904–1905 гг. был быстро и прочно забыт, а в памяти народной остались только Гапон и Хрусталева-Носарь, которые «умели дерзать» и, «как дети, безумную мечту превращали в действительность»³.

Филиппов был убежден, что Гапон не верил в активность масс и воспринимал их лишь как фон для самого себя, как пассивных слушателей. И хотя зубатовские провокаторы Матюшенский и Шаевич уже устраивали беспорядки в Баку и Одессе, никто не думал, что такое возможно в столице, ведь Зубатов ориентировался на мирные монархические манифестации московских рабочих 1902 г. как на образец. Говоря об этом в 1913 г., Филиппов не упускал возможности уязвить давно уже покойных великого князя Сергея Александровича и особенно В.А. Грингмута, который-де «помещал свои передовые статьи только после прочтения их великому князю». В итоге, по мнению Алексея Фроловича, политика сращивания властей с зубатовскими профсою-

¹ Там же. С. 3–4, 35.

² Там же. С. 4, 5.

³ Там же. С. 6, 7.

зами привела к тому, что чернорабочий Ф.И. Слепов из грязной пивной по телефону давал указания обер-полицмейстеру Москвы Д.Ф. Трепову, что нужно делать. Филиппов утверждал, что «Грингмут по предложению Плеве не раз приглашал к себе Слепова, подолгу с ним советовался и умолял привезти в Москву о. Георгия, который, однако, с "Московскими ведомостями" не хотел иметь никакого дела»¹. При этом, по словам мемуариста, живший в нищете Слепов после визита к царю «заялся», а его петербургский аналог Гапон только еще мечтал о подобной славе.

27 или 28 декабря 1904 г. по поручению своего начальника Шпиганова Филиппов пошел на собрание Союза рабочих в Дегтярном переулке. Как оказалось, ни в полиции, ни в канцелярии градоначальника не знали об этом адресе и вообще относились к легальному рабочему движению крайне халатно. В итоге оказалось, что собрание (в количестве около 150 чел.) перенесено на 1-ю линию Васильевского острова, куда и направился Филиппов. Узнав, что перед ним представитель телеграфного агентства, Гапон оживился и принял его как почетного гостя. Алексей Фролович вспоминал, что благодаря случайному выкрику с места в последний момент было решено включить в резолюцию собрания пункт об угрозе забастовки в случае невыполнения требований рабочих, хотя журналисты из «Руси», писавшие о рабочем вопросе, возражали². Филиппов передал в телеграфное агентство известие об этой резолюции, но на него в прессе никто не обратил внимания.

Три дня спустя, т.е. 30 или 31 декабря, Гапон приехал к Филиппову (на квартиру Введенского, жена которого с увлечением разглядывала красавца-священника) и три часа подряд предлагал устроить для «Санкт-Петербургского общества фабричных и заводских рабочих» чтения по русской истории и литературе. Алексей Фролович был поражен, что в такую минуту Гапон думает о столь второстепенных делах, не подозревая, «что через два-три дня ураганом будет сметено все». Филиппов обратил внимание на любопытный момент: судя по внешности Гапона, он предполагал его еврейское происхождение и удивлялся ненависти, с которой священник говорил о евреях и особенно о своем конкуренте в рабочем движении (то ли Финкеле, то ли Финкельштейне). Также не раз Филиппов отмечал необычную «женскую» красоту и изящество Гапона, контрастировавшие с его полным неумением произносить речи, невнятным бормотанием и отсутствием ясных мыслей. Священник даже сам не знал, для какой аудитории он хочет организовать чтения: «Он, очевидно, привык выслушивать чужие мысли, рассматривая чужие планы, выдавать за свои и единственно чем интересовался всегда – это тем, чтобы слыть инициатором, стоять впереди всех». Заодно Филиппов убедился в том, что охранка денег Гапону не дает, он сам и его помощники живут в нищете, сил и средств даже на организацию чтений у них нет. Отмечая, что «обаяние рясы» в России начала XX в. было правилом и дало многих известных деятелей и ораторов, мемуарист констатировал, что о. Георгий не сумел воспользоваться этим преимуществом, этим «вернейшим средством уловления сердец в массах»³.

В первых числах января 1905 г. начались грандиозные забастовки на петербургских заводах. Гапон решил примкнуть к этому движению. В эти роковые дни Филиппов ходил к нему на квартиру на Церковной улице, видел его сожительницу – «почти девочку, пылкий роман Гапона», а рядом – толпы случайных пьяных посетителей. Часто «Гапона по чьему-либо предложению внезапно одевали, куда-нибудь везли и

¹ Там же. С. 9.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 15, 16, 18.

также случайно и неожиданно привозили назад. Им пользовались в ту пору, как имением, хотя таким, под которым одинаково можно было провезти и революционный, и охранительный груз»¹. Тут-то и всплыла фигура А.И. Матюшенского – «русского Рокмболя и Марата», по мнению Филиппова. Агент революции и охраны, он ранее был выслан из Тифлиса и Баку, конфликтовал с Короленко в Нижнем Новгороде и с Горьким в Саратове. Теперь он объявился в Петербурге, спаивал Гапона и продиктовал обращение от имени рабочих-путиловцев. Мнения историков о степени участия Матюшенского в составлении петиции Гапона расходятся, но воспоминания Филиппова могут служить аргументом в пользу точки зрения о значимости этой роли.

Филиппов отказался публиковать петицию в телеграфном агентстве, Гапон тоже пытался проявить волю и упорно отказывался подписывать воззвание откровенно революционного содержания с очень левыми требованиями различных прав и свобод. Но 6–8 января это обращение переписывалось от руки, а провокаторы вроде Матюшенского ни на шаг не отходили от Гапона. Филиппов утверждал, что никакие агенты охраны в эти дни в принципе не могли пробиться к о. Георгию, а революции он определенно не желал: «Напротив, отдавшись всецело общему возбуждению, которое независимо ни от кого превращалось в подобие вихря, Гапон крутился в нем и испытывал наслаждение от этого стихийного процесса, где, как ему казалось, он занимает выдающуюся роль». Священник преобразился: с утра до ночи стал произносить перед рабочими речи, пусть и шаблонные, «против засилья бюрократии, властности министров, их невнимания к истинным нуждам народа»². Но это уже были толпы по 2–3 тыс. чел., готовые по пять часов стоять на морозе в ожидании речей о. Георгия.

Описывая произошедшие события восемь лет спустя, в эпоху своей «национал-демократической» деятельности, Филиппов не мог не сделать акцент «на описании этого величественного, бурного и клокочущего, как море, людского потока». Он пафосно говорил об «этом сером, забитом народе, истощенном, жалком, призванном оставаться в роли раба у предпринимателей капиталистов, по преимуществу иностранцев». Филиппов вспоминал: «Речи Гапона, несмотря на сильную окраску протеста, при всей их искренности и вдохновенности, были по существу строго консервативными. Он все сводил к необходимости поднять борьбу против капитала, а капитал представлялся и рабочим, и самому Гапону в виде иностранцев и инородцев». Речи о. Георгия заканчивались призывом к царю-батюшке встать на сторону народа. По мнению Филиппова, Гапон, подхваченный «массовой наэлектризованностью», «захлебывался от восторга» и в мечтах уже представлял себе, как он придет к Зимнему дворцу во главе крестного хода и пожмет руку «Северному Властелину»: «Вероятно, как и Жанна д'Арк, он считал себя тайным избранныком судьбы»³. По мнению Филиппова, в начале января 1905 г. соединились несколько факторов: ужасающее положение рабочих, стихийно боровшихся на выживание, давняя революционная пропаганда и новое обстоятельство – авантюра Гапона. 5 января о. Георгий говорил Филиппову, что если бы московские фабриканты подняли рабочим зарплату, а потом внезапно всех уволили, то эту рассерженную толпу можно было бы двинуть на Петербург и совершить революцию их руками. Вышло иначе. Рабочие восприняли речи косноязычного Гапона как проповеди Савонаролы. Они постились перед шествием 9 января, не пили спиртного, не взяли с собой оружия и даже ножей, так как о. Георгий запретил это.

¹ Там же. С. 18.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 22–23, 24–25.

По оценке Филиппова, ни власти, ни революционные партии, зная о предстоящем шествии, не могли предвидеть его масштаб. «Охрана проглядела события (...) Охранная полиция, попросту говоря, бездействовала (...) Я утверждаю, на основании личных наблюдений, что полиции ничего не стоило арестовать того же Гапона», - писал мемуарист. Более того, он утверждал, что в охране служили алчные карьеристы с неустойчивыми, колеблющимися взглядами, а потому она стала «самым опасным элементом для государственной безопасности и охраны порядка». У нас, впрочем, мало сомнений в том, что еще до 1905 г. Филиппов сошелся с охранкой куда теснее, чем мог признаться в этом публично, и в итоге разочаровался в методах и эффективности ее работы. Конечно, о документальном подтверждении такого сотрудничества вряд ли может идти речь. По словам Филиппова, Гапон сначала боялся, что народ не выйдет, а потом был вынужден подстроить маршрут шествия под требования иностранных репортеров из агентств «Вольф» и «Рейтерс», хотя сообщаемые Филипповым в Петербургское телеграфное агентство сведения сразу уходили в зарубежную прессу. Филиппов сам расставил корреспондентов своего агентства по местам вероятных происшествий вдоль маршрута шествия 9 января, что позволяет говорить и о его собственной провокационной роли. Секретари Гапона уверяли его, что полиция не будет вмешиваться, хотя сам о. Георгий не был в этом уверен и колебался до последнего. Вечером 8 января Филиппов встретился с ним в квартире на Измайловском проспекте и нашел Гапона в крайне нервном состоянии: «Он был один, накануне, так сказать, генерального сражения за свою будущую славу, как вождя и демагога»¹.

Соратники бы уже не позволили Гапону отменить шествие, даже если бы он захотел это сделать, поэтому он в присутствии Филиппова и своих помощников Кузина и Казнакова составил письмо царю. Филиппов сообщает: «Я взял черновик этого письма с подписью Гапона и его пометками себе на память и подарил ныне покойному князю Н.В. Шаховскому – оно находится в его бумагах и когда-нибудь будет воспроизведено мной полностью, с факсимиле»². К сожалению, мы пока не обнаружили этого документа. Известно, что оригинал письма какой-то пьяный рабочий, получивший от Филиппова 25 руб. (громадная сумма!) за счет телеграфного агентства, пытался пронести в Царское Село, но был задержан. В итоге он эти деньги пропил, уехал в деревню и оттуда просил Алексея Фроловича прислать ему еще 3 рубля.

По мнению Филиппова, своим письмом Гапон желал заставить Николая II пойти ему навстречу ради сохранения его, Гапона, лица перед рабочими. «Это были судорожные движения растерявшегося человека, который закружился в вихре событий», - полагал публицист. Одновременно о. Георгий просил Филиппова, собиравшегося ехать к Шервашидзе (секретарю императрицы Марии Федоровны), передать на словах точно такое же предупреждение государю о неприменении насилия, какое содержалось и в письме. Действительно, вечером 8 января 1905 г. Алексей Фролович встретился с Шервашидзе, спешившим в театр. От предупреждения тот пренебрежительно отмахнулся, заметив, что полиция легко разгонит толпу, а попам-де не следует заниматься политикой. «По всему было видно, что в сферах царицы полная уверенность в ничтожности движения и ему придавалась окраска обычного уличного скопления в праздник, с чем можно было бороться простою нагайкой и нарядами городских», - с грустью констатировал Филиппов³.

¹ Там же. С. 28–29, 31.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 33, 34.

Дальнейший ход событий хорошо известен. Спустя четверть века, в 1931 г., Филиппов в своем письме скажет о Гапоне так: «Я против шаблонного осуждения Георгия Гапона как якобы только провокатора и слепого сотрудника охранки. Я думаю, уверен, что *сам по себе* он появился на арене тогдашнего внимания просто как "милый" (по внешности и по возрасту) политический *Хлестаков*, окончательно выпотрошенный в *Париже*, куда он бежал после 9-го января (там у него в интервью с французами и в беседах с Плехановым были и "лабардан", и 10000 курьеров). Гапон не служил ни в охранке (потому что там были искусные и неглупые люди с большой школой и *подготовкой*), ни для охранки; но верю слепо в свое счастье и считая свою миссию чуть не общественной, он несся *по течению* (...) И убили его *охранники*, действуя через такие дьявольские искусно-рассудочные аппараты, как Азеф и Рутенберг, только потому что Гапон был уже *бесполезен* и в то же время суеверно несговорчив на отъезд из России (потому что он был *ненужным* и за границей)»¹.

Конечно, Филиппов не мог знать мотивы эсеров, убивших Гапона, и кое-что домысливал наугад; но его поразительная осведомленность укрепляет нас в мысли, что сам Алексей Фролович вовсе не отказывался сотрудничать с охранкой. Заметая следы собственного участия в подготовке событий «Кровавого воскресенья», он уже через неделю, по собственному признанию, уехал «в провинцию», а точнее – в Ревель. Начался новый – провинциальный этап жизни и деятельности Филиппова как редактора и издателя, он длился более шести лет. У него, как и у его бывших покровителей А.А. Киреева и Л.А. Тихомирова², было достаточно времени для осмысления случившегося в 1905–1907 гг. и выработки ретроспективного взгляда на «гапониаду».

Чего же добивался Филиппов в 1913 г., вернувшись в Петербург и выпустив мемуары о Гапоне? По его признанию, он хотел показать русским читателям, «до чего мы не умеем проникать в желание и суть массовых движений и стихийного протеста народа». Мыслитель нередко прибегал к музыкальной метафоре для описания великих социальных перемен: несмотря на убожество Гапона и его соратников, «есть то, что представляется величественным, подобно гневному морю, и музыкальным, как немолчный призыв к свободе – это движение народной души. Оно вылилось тогда в своеобразную с печальным финалом форму по вине не Гапона, а тех, кто призван наблюдать за движением народных масс и сменой их настроений». Спрашивается: по чьей вине? Охранки? Царской власти? Ответ был более радикальным: «Гапониада, если в ней разобраться детально, глубоко поучительна. Она говорит нам открыто, что исторических личностей из народа у нас не было и нет; что власть, пассивно относившаяся к событиям, никогда не имела таланта и чутья, чтобы предотвратить их или хоть использовать; что органы охраны и полиции по обыкновению продажно-пассивны; что интеллигенция во всех подобных выступлениях может и будет играть самую ничтожную роль и, наконец, что стихийное движение масс в России всегда способно принять такие неожиданные и грандиозные формы, жалкой тенью и слабым подобием которых является шествие 9-го января»³. В 1913 г. глубоко разочарованный в «политике», хотя и подавшийся в «национал-демократы», Филиппов уже без труда мог предвидеть приближение новой – еще более кровавой революции, а «гапоновщину» безошибочно диагностировал как один из типичных симптомов той эпохи.

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Д. 797. Л. 2–2об.

² Медоваров М.В. *Finis Rossia: революция 1905–1907 гг. и ее последствия глазами консерваторов* (на примере А.А. Киреева и Л.А. Тихомирова) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1. С. 308–314.

³ Филиппов А.Ф. Странички минувшего. I. О Гапоне. С. 35, 36.

ПАРТИЯ МИРНОГО ОБНОВЛЕНИЯ: ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ

После выхода манифеста 17 октября 1905 г. и внесения соответствующих изменений в отечественное законодательство в декабре 1905 – апреле 1906 гг. Российская империя становится конституционной – Думской монархией. Общество с небывалым энтузиазмом и энергией включилось в политическую жизнь. Так, к 1906 г. в России существовало около 50 политических партий различной направленности. Одной из вновь созданных была Партия мирного обновления (далее – ПМО). Время наибольшей активности партии пришлось на 1906–1907 гг. ПМО традиционно относят к либеральному лагерю дореволюционной российской политической системы. В самом либеральном лагере, от кадетов слева до октябристов справа, мирнообновленцы занимали положение «центра в центре». По своей идеологической направленности партия была умеренно-либеральной или либерально-консервативной.

При анализе партийной периодики складывается впечатление, что ПМО в пору своего расцвета оказалась в роли «лакмусовой бумаги» всего либерального движения: давала оценку деятельности близких ей по лагерю партий и напоминала им об общей «нравственной борьбе» за политическую свободу¹, подчеркивая недопустимость противозаконных методов борьбы. Возникнув на стыке партий кадетов и октябристов, мирнообновленцы успели до того поучаствовать в создании и той и другой. Так, Д.Н. Шипов, П.А. Гейден и М.А. Стахович стояли у истоков «Союза 17 октября», а Е.Н. Трубецкой был одним из инициаторов создания Конституционно-демократической партии. Своей главной отличительной чертой мирнообновленцы считали этическое начало – нравственность в политике, которая должна обусловить постепенную демократизацию государственного строя «мирным» путем.

Идейный фундамент партии сложился в условиях Первой русской революции. Е.Н. Трубецкой, оказавшись правее кадетов, призывал взбаламученное общество к *умиротворению* и совместной конструктивной работе в рамках законности и во избежание всеобщей анархии. Приветствуя рост политической активности, деятели ПМО в то же время пугались крайней поляризации сил и крайних форм политической борьбы – антиправительственного террора, погромов помещичьих имений; впрочем, репрессии властей – военно-полевые суды, преследования оппозиции и т.п. также не приветствовались «центристской» партией, желавшей преодолеть междоусобицу и классовую вражду. Первоочередной общенациональной задачей партия считала восстановление «племенного», «классового» и «международного» мира как необходимых условий успеха будущих реформ. Лидер ПМО Д.Н. Шипов высказывался за широкое единение общественных сил ради решения этой задачи². «Мир племенной» при этом подразумевал уравнивание в правах всех подданных Империи независимо от национальности и вероисповедания. Е.Н. Трубецкой считал, что «Россия может быть крепка только внутренним объединением разноплеменного состава ее граждан», и что поэтому для решения национального вопроса необходимо отказаться от «узкого

¹ Трубецкой Г.Н. Этика и политика // Московский еженедельник. 1906. № 31. С. 25.

² Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 142.

национализма». Кроме того, за каждой народностью признавалось право на культурную автономию и местное самоуправление. ПМО также выступала за возрождение административной автономии Польши, но при безусловном верховенстве общеперского законодательства и правительственной власти. Мирнообновленцы видели Россию унитарным государством и отвергали «узкоплеменную» политику, ведущую к разобщению и росту сепаратистских настроений. В «мире классовом», которого жаждала «измученная страна», Е.Н. Трубецкой усматривал залог предотвращения гражданской войны, при этом он убеждал имущие слои отказаться от «классового эгоизма»¹. Особое место в партийной программе занимал аграрный вопрос. ПМО настаивала на следующих срочных мерах: 1) отчуждение частновладельческих земель за справедливое вознаграждение; 2) отвод земельных участков безземельным земледельцам; 3) расширение площади землевладения малоземельного сельского населения; частичный выкуп помещичьих земель казной для наделения ими нуждающихся крестьян². Мирнообновленцы настаивали на передаче крестьянам земли в полную собственность, ибо только такими мерами можно воспитать в народе «сознание личной независимости». Целью будущей аграрной реформы, с точки зрения ПМО, должно было стать «развитие мощного мелкого землевладения крестьян»³. Решение рабочего вопроса виделось партии на путях: 1) принятия закона об обязательном государственном страховании рабочих от несчастных случаев, профессиональных заболеваний, старости и нетрудоспособности; 2) учреждения инспекции труда; 3) создания «примирительных камер» на производстве; 4) сокращения рабочего дня; 5) предоставления рабочим права на мирную забастовку⁴. Е.Н. Трубецкой заявил, что «обеспеченным классам придется пожертвовать теми выгодами, которые противоречат справедливости»⁵. Таким образом, мирнообновленцы не очень верили в социальную гармонию и добивались перевода классовый борьбы в законное русло. Наконец, «внутренне объединенная» и «собранная во единое живое целое» Россия станет и гарантом «мира международного»⁶. Оградить страну от внешней агрессии должны грозная боевая готовность и внутреннее единство народа.

Политическим идеалом ПМО стало *правовое государство*. Для продвижения к нему следовало, прежде всего, укрепить в народе «уважение к закону, как источнику высшей справедливости»⁷. Как идейные конституционалисты, мирнообновленцы добивались реального предоставления населению демократических прав и свобод. Существующую на практике эфемерность прав и свобод подданных, по мысли ПМО, важно было исправить путем их закрепления в Основных законах Российской империи и обеспечения независимости судебной системы посредством неукоснительного соблюдения принципов судебной реформы 20 ноября 1864 г. Политическую борьбу, по мысли мирнообновленцев, все стороны должны вести исключительно легальными методами. Концепцию правового государства мирнообновленцы дополняли и этико-религиозными представлениями о том, что право, регулирующее жизнь общества, в

¹ Трубецкой Е.Н. Идейные основы Партии мирного обновления (публичная лекция, прочитанная на «политическом турнире», организованном Партией мирного обновления) // Московский еженедельник. 1906. № 41. С. 8–12.

² От Партии мирного обновления. СПб., 1906. С. 7.

³ Трубецкой Е.Н. Идейные основы... С. 14, 15.

⁴ От Партии мирного обновления. С. 10.

⁵ Трубецкой Е.Н. Идейные основы... С. 15.

⁶ Там же. С. 16.

⁷ От Партии мирного обновления. С. 2.

конечном счете, должно стремиться к «постепенному установлению в государстве высшей правды и справедливости»¹. При этом ПМО была против безоглядного копирования западных моделей социально-политического устройства – без опоры на истоки народной жизни. Последним предстояло сыграть важную роль в «тушении революционного пожара». По словам Е.Н. Трубецкого, народную вражду остановит только «вечная» и «незыблемая духовная основа»², т.е. традиционный христианский общественный уклад. Д.Н. Шипов был солидарен с ним, вынашивая этико-социальную идею в качестве основы политической системы. Е.Н. Трубецкой обращал особое внимание на принципы «*демократии христианской*» и признание *абсолютной ценности человеческой личности* в христианском значении. Для него исключительную важность имел правильный выбор между господством силы и господством права, между «массовым деспотизмом» и демократическими свободами. Итак, обуздать разрушительные, анархические начала революции, по мысли Евгения Трубецкого, должны были политическое равенство и по-христиански понимаемые демократические свободы. Они должны были гарантировать свободу личности, а также защиту интересов как большинства, так и меньшинства. Ведь в народном сознании понятие о достоинстве человеческой личности неразрывно связано с христианским учением о том, что человек является «образом и подобием Божиим». Лишь такое «одухотворенное понимание демократии» может предоставить каждому человеку возможность по-настоящему свободного развития: «весь пафос свободы не имеет ни малейшего смысла, если в человеке нет той святости, перед которой мы должны преклониться»³.

Признание абсолютной ценности человеческой личности тесно переплетается у мирнообновленцев с идеей *ненасилия*. ПМО отрицала любое насилие в политике. Она не только выступала за отмену смертной казни в России, но и решительно осуждала казни революционеров-террористов. Мирнообновленцы допускали репрессивные меры лишь при чрезвычайных обстоятельствах – для пресечения массового насилия. Таким правом они наделяли власть, пользующуюся доверием народа и поэтому способную успокоить общество⁴.

Последователи идей *политического эволюционизма*, деятели ПМО желали осуществить социально-политическое переустройство «последовательно, без резкого нарушения веками сложившегося уклада жизни»⁵. Г.Н. Трубецкой пояснял, что новые законы и государственные учреждения «не сваливаются с неба и не растут как грибы, а медленно пускают корни»⁶. Работу по политическому реформированию страны мирнообновленцы считали нужным возложить на законодательные палаты и саму верховную власть, т.е. уповали на легальные и корректные способы изменения существующего порядка вещей, не признавая за царским правительством право на «экстралегальные» меры, ограничивающие политические свободы, а за оппозицией – право на какую бы то ни было «революционную целесообразность».

¹ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. С. 146.

² Трубецкой Е.Н. Два зверя (старое и новое). М., 1918. С. 7.

³ Там же. С. 10.

⁴ Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 82.

⁵ Партия мирного обновления. Постановления группы прогрессистов и программа Партии, разработанная во время заседаний Государственной думы 27 апреля – 8-го июля 1906 года. СПб., 1906. С. 13.

⁶ Трубецкой Г.Н. Как сложилась партия мирного обновления и какие задачи она преследует // Московский еженедельник. 1906. № 40. С. 18.

А.Н. Иванова
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
МИРЭА – Российского технологического университета,
доцент кафедры истории Московского авиационного института
(национального исследовательского университета)

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА НА ПРИМЕРЕ ПОДГОТОВКИ ЗАКОНОПРОЕКТА О ВВЕДЕНИИ ВСЕОБЩЕГО НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НАЧАЛЕ XX в.

Проблема взаимоотношений власти и общества является одной из «вечных» тем. Для исторической науки она интересна тем, что позволяет выявить не только механизм принятия политических решений и степень учета интересов разных социальных групп в каждом конкретном случае, но и проследить общие тенденции и направление эволюции этих отношений на протяжении десятилетий, столетий и целых эпох.

Весьма показательной в плане взаимоотношений правительства и общества является попытка введения в России всеобщего начального образования в период премьерства П.А. Столыпина, т.е. сразу после революции 1905 г., когда правящий режим должен был функционировать в рамках новой парламентской системы.

Проблема низкого уровня грамотности населения была одной из наиболее острых для Российской империи того времени.

В странах Западной Европы, осуществлявших быстрый переход от аграрного общества к индустриальному, всеобщее начальное образование было введено еще на рубеже XVIII–XIX вв. И в более передовых в политическом отношении Англии и Франции, и в более консервативных Австрии и Пруссии уже в начале XIX в. уровень грамотности превышал 50% населения¹. Россия по уровню грамотности очень сильно отставала от других крупных держав. По данным переписи населения 1897 г., в целом по стране грамотность населения составляла лишь 21,1%, в т.ч. среди мужчин – 29,3%, среди женщин – 13,1%. Уровень грамотности городского населения был равен 45,3%, сельского – всего 17,4%². Для сравнения, в промышленно развитых государствах Европы и США уровень грамотности населения к тому моменту достигал от 70% до 95%.

Казалось бы, после отмены крепостного права (1861) и в процессе завершения промышленного переворота положение дел с народной грамотностью должно было кардинально измениться. В самом деле, в ходе проведения земской реформы органы местного самоуправления – *земства* получили право открывать свои начальные школы, что было закреплено в «Положении о начальных народных училищах» 1864 г.³ Земские школы подчинялись Министерству народного просвещения, но финансировались, в основном, самими земствами. Постепенно земские школы стали наиболее популярными среди крестьян, благодаря практической направленности обучения. Их

¹ Захаров В.Ю., Иванова А.Н. Всеобщее начальное образование в Российской империи в XIX – начале XX вв.: причины неудачи реформы // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 2. С.12–13.

² Богданов И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР (историко-статистические очерки). М., 1964.

³ Положение о начальных народных училищах 1864 г. // ПСЗ РИ. Отд. 2-е. Т. 39. СПб., 1867. №41068. С. 614–617.

особенностью был преимущественно светский характер обучения. *Земские школы* были выгодны и правительству, так как позволяли снизить государственные расходы на начальное образование, переложив их на земства. Они могли стать фундаментом будущей единой системы начального образования. Но этого не произошло из-за нехватки у земских учреждений средств на содержание уже существующих и открытие новых школ. Со своей стороны, в условиях перманентного бюджетного дефицита Министерство народного просвещения могло позволить себе создание лишь «образцовых» начальных школ, которые никак не могли охватить большинство населения страны. При Александре III, усиливая обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, предпочтение было отдано церковноприходским школам; при этом ужесточались требования к земствам, в т.ч. в вопросе об открытии новых школ. Власти высказывали недоверие выборным местным органам. За 13 лет царствования Александра III было создано в 3 раза меньше земских школ, чем за предыдущие 10 лет¹. При этом сохранялась *разнородность и многотипность начальных школ*, созданных под эгидой различных ведомств и учреждений. Отсюда и печальные результаты переписи 1897 г.

При Николае II положение дел не менялось вплоть до 1905 г.: главным оставалось религиозное воспитание учащихся, росло финансирование церковноприходских школ, возможности и средства земств оставались довольно скудными, общественная инициатива игнорировалась². Но промышленный «бум» 1890-х гг. и начавшаяся в стране индустриализация требовали значительного повышения уровня образования и, как минимум, народной грамотности. Это понимали и наиболее дальновидные представители правящей элиты. И С.Ю. Витте, и П.А. Столыпин несколько раз ставили вопрос о необходимости введения всеобщего начального образования. Так Столыпин, выступая в марте 1907 г. перед II Государственной думой, высказался за скорейшую «коренную реформу» всей системы народного просвещения, чтобы не допустить ее «полного разложения»³. Начальное образование должно было стать общедоступным, а затем – и обязательным для всего народа. Правительство взяло на себя ответственность и завершённость начального, среднего и высшего образования⁴.

К этому времени оживилась также деятельность общественных организаций, оказывавших серьезное давление на правительство «снизу». Если раньше активность исходила, в основном, от земских деятелей, то в начале XX в. инициатива перешла к демократической интеллигенции, педагогам и ученым. Кроме того, Россия уже имела демократические свободы, легальную систему политических партий и общественных организаций, а также двухпалатный парламент с законодательными правами, став конституционной дуалистической монархией.

В марте 1906 г. в Петербурге была создана Лига образования (видимо, по примеру одноименной организации, созданной во Франции в 1866 г.), считавшая своей задачей объединение и координацию деятельности педагогических и просветительских обществ в России. Лига объединила многих активных общественных деятелей и педагогов – таких, как В.П. Вахтеров, С.А. Венгеров, Н.В. Чехов, князь Д.И. Шаховской, В.И. Чарнолуцкий, Г.А. Фальборк и др., предлагавших свои проекты введения единой

¹ Мазалова М.А., Уракова Т.В. История педагогики и образования. М., 2006. С. 108.

² Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Народное образование в России. СПб., 1900; Иванова А.Н. Социокультурные изменения в российской деревне в 1861–1914 гг. на примере Центрально-промышленного района. М., 2018.

³ Сборник речей П.А. Столыпина, произнесенных на заседаниях Государственного Совета и Государственной Думы (1906–1911 гг.). СПб., 1911. С. 23.

⁴ Там же. С. 24.

системы начального образования для всей страны. Общее для них заключалось в создании новой системы начального образования *на основе земских школ* с финансированием на паритетных началах как государством в виде субсидий или беспроцентных кредитов, так и земствами путем организации попечительств из частных лиц и представителей общественных учреждений. В идеале планировалось добиться создания «трехверстной системы»: начальные школы должны были располагаться максимум в трех верстах друг от друга, т.е., по меркам того времени, в «шаговой доступности». Видный педагог, член Петербургского комитета грамотности Чарнолуцкий предлагал сделать начальную школу чисто светским учреждением, признать преподавание религии частным делом каждого человека и в будущем исключить Закон Божий из программ всех общественных учебных заведений¹. Лига образования располагала поддержкой партии кадетов, имея возможность использовать для продвижения своих идей не только собственные, но и кадетские издания. Лидер кадетов П.Н. Милуков был секретарем правления ее Петербургского отделения.

Итак, к моменту, когда премьер Столыпин сделал введение всеобщего начального образования одним из пунктов правительственной программы, казалось, все этому благоприятствовало. Заявленное начинание пользовалось поддержкой как образованного общества, так и крестьянства. Под влиянием отходничества, с одной стороны, и необходимости усовершенствовать свое хозяйство – с другой многие крестьяне желали отдать своих детей в школы, причем не только мальчиков, но и девочек. Однако в верхах по-прежнему настороженно относились к общественным инициативам «снизу», опасаясь также, что выделенные средства попросту будут разворованы.

Тем не менее, в 1906–1907 гг. Министерство народного просвещения начало своеобразный эксперимент, выделив субсидию на создание сети начальных школ в одном из уездов. «Полигоном», по инициативе Тверского губернского земства, издавна славившегося своей гражданской доблестью, стал Весьегонский уезд Тверской губернии. Местному земству была выделена государственная субсидия под обязательство построить за год заранее оговоренное количество новых школ. Результат *«весьегонского эксперимента»* оказался вполне обнадеживающим: школы были построены, а государственные средства – не разворованы².

Успех этого эксперимента стал одной из причин активизации деятельности правительства в вопросе создания единой системы начального образования. В ноябре 1907 г. министр народного просвещения П.М. фон Кауфман внес на рассмотрение III Государственной думы долгожданный *законопроект «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи»*³. Проект был сформулирован предельно кратко. Объявлялось о предоставлении всем детям обоего пола возможности пройти по достижении 8 лет полный четырехлетний курс начального обучения в «правильно организованной школе» (для детей 8–11 лет). Обязанность открытия новых школ возлагалась на уездные земства, которые должны были в двухгодичный срок составить про-

¹ Всеобщее образование в России. Сборник статей / Под ред. кн. Д.И. Шаховского. Вып. 1. М., 1902; Чарнолуцкий В.И. Итоги общественной мысли в области народного образования. СПб., 1906; его же. К школьной реформе. М., 1908; Иванова А.Н. Указ. соч. С. 108–109.

² Иванова А.Н. Указ. соч. С. 137–138.

³ Уточним, что данный законопроект был подготовлен еще в начале 1907 г. и 20 февраля 1907 г. внесен во II Государственную Думу, но из-за ее досрочного роспуска 3 июня 1907 г. не был рассмотрен. Повторно был внесен уже в III Думу. См.: Россия. Министерство Народного Просвещения. Департамент народного просвещения. Представление в Государственную Думу «О введении всеобщего начального обучения в Российской Империи». СПб., 20.02.1907. № 5027.

ект школьной сети и определить примерный срок достижения всеобщего характера обучения в данной местности, а также примерную смету с указанием размера средств из местных источников финансирования. Для включения в школьную сеть училище, рассчитанное на четыре возрастные группы, должно было соответствовать следующим требованиям: наличие законоучителя и учителя, обладающего законным правом на преподавание; наличие помещения, соответствующего школьным и гигиеническим требованиям; обеспеченность учебными книгами и пособиями. Кроме того, вводились дополнительные нормативы: не более 50 детей на одного учителя и месторасположение школы не далее 3 верст от места жительства учащихся. Проект школьной сети местное земство должно было направлять в Министерство народного просвещения, которое после консультаций с Министерством внутренних дел, в случае одобрения проекта, выделяло бы ежегодную субсидию (пособие) из расчета 390 руб. на каждые 50 учеников, 360 руб. каждому учителю и 60 рублей – законоучителю. Это был минимум средств, выделявшихся из государственного бюджета по смете Министерства народного просвещения. Дополнительные суммы на содержание начальных школ и оплату труда учителей могли быть выделены учредителями (земствами и частными лицами) из местных фондов. Специально оговаривалось, что общее руководство школьной сетью передается органам местного самоуправления под надзором Министерства народного просвещения. Тем самым церковноприходские школы включались в общую школьную сеть данного уезда под руководством уездных земств, но при этом их финансирование должно было вестись по смете Св. Синода. На ближайший год на финансирование создания школьных сетей предстояло выделить 5,5 млн руб. по смете Министерства народного просвещения.

Однако вопрос о двойном подчинении церковноприходских школ и их финансировании стал «камнем преткновения» при обсуждении законопроекта фон Кауфмана в III Государственной думе. 8 января 1908 г. законопроект о введении всеобщего начального образования поступил на предварительное рассмотрение в комиссию по народному просвещению под председательством Е.П. Ковалевского, но был признан «сырым» и отправлен на доработку в министерство, прежде всего, из-за неясности статуса церковноприходских школ.

Доработка проекта затянулась, причем в 1908 г. в Думу было внесено еще два альтернативных проекта: *проект министерской комиссии под руководством А.Н. Шварца* и *проект Лиги образования*. Первый был более проработанным и включал новое «Положение о начальных училищах», но в целом мало чем отличался от проекта фон Кауфмана. Проект Лиги образования был более радикальным. Он предусматривал увеличение казенных субсидий примерно в 2 раза – до 10 млн руб. в год, а церковноприходские школы надлежало включить в общую систему земских школ. Тем самым Синод терял право управления церковноприходскими школами. Предполагалось и сокращение часов на преподавание Закона Божия, их перераспределение в пользу предметов практической направленности. Введение всеобщего начального образования в европейской части России предполагалось осуществить к 1914–1915 гг.¹

Духовное ведомство, не желавшее терять контроль над своими школами, резко возражало против такого проекта. В итоге, работа над новым проектом постоянно прерывалась и затянулась на два года.

¹ Проект школьного закона. С приложением примерного исчисления стоимости введения всеобщего образования в России. Принят правлением Лиги образования. СПб., 1908; Константинов Н.А., Струминский В.Я. Очерки по истории начального образования в России. 2-е изд. М., 1953. С. 154–155; Иванова А.Н. Указ. соч. С. 135.

Параллельно с обсуждением законопроекта в комиссии Государственной думы правительство в начале 1908 г. внесло проект об увеличении сметы Министерства народного просвещения на нужды начального образования до 6 млн 900 тыс. руб. в год. Его обсуждение прошло без особых проблем, и 3 мая 1908 г. закон «Об отпуске 6,9 млн руб. на нужды начального образования» был подписан Николаем II¹. 5 млн руб. должны были расходоваться на финансирование уже существующих школьных сетей по нормативам, указанным в законопроекте П.М. фон Кауфмана, а 1,9 млн руб. выделялись дополнительно на создание и обустройство новых школ. Правительство получало возможность обходным путем, не дожидаясь принятия основного закона о введении всеобщего начального образования, продолжить реализацию курса на создание школьных сетей в уездах, как и было предусмотрено проектом 1907 г.

Лишь 10 декабря 1910 г. думская комиссия наконец-то одобрила новый вариант законопроекта о введении всеобщего начального образования, взяв за основу проект А.Н. Шварца и не принимая во внимание проект Лиги образования. 24, 26 января и 12 февраля 1911 г. состоялось обсуждение законопроекта на заседании III Думы. В законопроект были внесены незначительные изменения, 19 марта 1911 г. Дума одобрила проект и передала его в Государственный совет. Но последний отклонил этот законопроект, сочтя невозможным включить церковноприходские школы в единую школьную сеть и требуя ежегодно отпускать на нужды этих школ по 1,5 млн руб. Членов Госсовета не устроил также нереальный, по их мнению, срок завершения введения системы всеобщего начального образования – 10 лет. 28 января 1912 г. была создана согласительная комиссия. Госсовет соглашался увеличить ежегодные ассигнования на 500 тыс. руб., но по другим спорным пунктам комиссия к компромиссу не пришла. В итоге, 6 июня 1912 г. Госсовет окончательно отклонил данный законопроект и до 1917 г. на высшем государственном уровне этот вопрос больше не обсуждался².

В чем причины такого провала? Очевидно, что, во-первых, в *отсутствии политической воли и заинтересованности правящих кругов* в решении этого вопроса. Уже сами сроки рассмотрения законопроекта, растянувшиеся с 1907 г. по 1912 г., демонстрируют нежелание решать вопрос как таковой, несмотря на его насущный характер. Известно, что при необходимости правительство могло воспользоваться 87-й статьей Основных законов Российской империи 1906 г. и начать реформу соответствующим высочайшим указом. Судя по всему, «придворная камарилья» и впрямь активно противодействовала не в меру активному, с ее точки зрения, премьеру Столыпину в проведении одной из важнейших для страны реформ, а также опасалась, что грамотный «мужик» окажется более враждебным по отношению к правящей бюрократии.

Во-вторых, сказалось *противодействие со стороны Синода*, защищавшего свои узковедомственные интересы.

¹ О введении всеобщего начального обучения в Российской империи // Программа реформ П.А. Столыпина. Документы и материалы. Т. 1. М., 2002; ПСЗ РИ. Отд. 3-е. Т. 18. № 30328; Собрание узаконений. 1908 г. Отдел I. № 73. Стб. 447.

Судя по всему, сравнительная легкость принятия данного закона объясняется использованием бюрократической хитрости, когда истинное назначение документа было завуалировано нейтральным названием «Об отпуске 6,9 млн рублей на нужды начального образования». Консервативно настроенная часть депутатов III Думы, представлявшая правые партии и выступавшая за сохранение церковноприходских школ, видимо, не поняла, о чем идет речь, и не стала противиться принятию данного законопроекта. У его авторов, скорее всего, и был расчет на то, что никто из депутатов не будет выступать против увеличения финансирования начального образования, не вдаваясь в подробности, на создание каких школ пойдут эти деньги.

² Программа реформ П.А. Столыпина. Документы и материалы. Т. 1. М., 2002.

В-третьих, сыграл свою роль *субъективный фактор*, а именно – мировоззрение и профессиональные качества лиц, от которых зависел успех начатого дела, и прежде всего – министров народного просвещения. Они часто менялись, а вместе с ними – и политика министерства. Если П.М. фон Кауфман был убежденным сторонником всеобщего начального образования и прислушивался к общественному мнению (в лице той же Лиги образования), то А.Н. Шварц занимал уже более умеренную позицию и особой активности не проявлял. Наконец, Л.А. Кассо, ставший министром в 1910 г., придерживался крайне консервативных взглядов и фактически похоронил проект в законодательных палатах. В бюрократической системе Российской империи позиция конкретного министра имела во многом решающее значение. Так, в 1908–1909 гг. либеральный министр П.М. фон Кауфман освободил земства от обязанностей платить жалованье учителям земских школ (министерство брало это на себя). Это позволяло перенаправить освободившиеся средства на постройку и открытие школ. Он немало сделал для увеличения ассигнований на нужды начального образования. То же самое можно сказать о графе П.Н. Игнатьеве – министре народного просвещения с ноября 1914 г. При нем министерство совместно с земствами всего за несколько месяцев разработало организационные и финансовые планы реализации проекта введения всеобщего начального образования. Игнатьев показал себя государственным деятелем новой формации, он отказался от администрирования в пользу прямого диалога с органами местного самоуправления. К лету 1915 г. 414 уездных земств поддержали замысел министра¹. Но придворные интриги привели к отставке Игнатьева в конце 1916 г. – незадолго до Февраля...

В-четвертых, еще одной причиной провала было *отсутствие обязательности начального образования для населения*. Родители сами решали, вести им детей в школу или нет. К тому же в любой момент они могли забрать детей из школы, например, для участия в сельскохозяйственных работах. Поэтому до окончания 3–4-классного обучения доходили менее половины поступивших в школу детей.

В-пятых, нельзя не отметить постоянную *нехватку финансовых ресурсов* по причине активной внешней политики и войн. Впрочем, в 1907–1912 гг. с финансами все было в порядке, казна была способна выделять значительные суммы на нужды образования. Поэтому неудача последней попытки ввести в России всеобщее начальное образование была связана, главным образом, с полным разладом на самом верху «политического Олимпа» Империи.

¹ Медведков А.П. Краткая история русской педагогики в культурно-историческом освещении. 3-е изд. Пг., 1916. С. 199–200; Иванова А.Н. Указ. соч. С. 136.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВОЙНЫХ АГЕНТОВ (Е.Ф. АЗЕФ, Д.Г. БОГРОВ, Р.В. МАЛИНОВСКИЙ) В ЗЕРКАЛЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Деятельность секретных служб и шпионов на протяжении многих веков вызывает неподдельный интерес как у обычных граждан, так и у профессиональных исследователей и ветеранов органов государственной безопасности. Это не удивительно, ведь работа спецслужб всегда покрыта завесой тайны: вся информация, от численного состава до конкретных операций, является конфиденциальной и раскрывается спустя многие годы, когда теряет актуальность. Именно поэтому общество хватается буквально за каждую крупницу информации. Интерес же к шпионской тематике удовлетворяют обширная беллетристика, специфические популярные и публицистические издания. Некоторые из них являются сборниками откровенных вымыслов, небылиц и слухов, другие же составляют достойную конкуренцию научным изданиям.

Автор данной статьи уже разбирал вопрос об отражении деятельности Е.Ф. Азефа, Д.Г. Богрова, Р.В. Малиновского в историографии РФ и ближнего зарубежья¹. Теперь остановимся на научно-популярных и публицистических изданиях, чтобы найти ответ на вопрос, в какой мере они позволяют продвинуться в изучении и понимании данной тематики.

Точкой отсчета в исследовании проблемы стала вышедшая осенью 1917 г. большая статья В.Б. Жилинского о деятельности царской охранки². Статья базировалась на огромном пласте нормативно-правовых источников, была хорошо иллюстрирована и всесторонне освещала деятельность Департамента полиции – от дактилоскопии до методик деятельности секретных агентов. Не удивительно, что спустя год статья была опубликована отдельно в серии «Труды комиссии по разработке политических архивов в Москве»³ в виде оттиска из журнала. В те же переломные годы – в канун и вскоре после Революции 1917 г. – изучением истории охранного отделения занимались В.Л. Бурцев⁴, А. Мушин⁵, П.Е. Щеголев⁶, Б. Струмилло⁷, Г.Б. Сандомирский⁸ и др. Сегодня плоды этих трудов представляют собой уже не историографический, а источниковый материал. Но именно с них началось научное изучение истории русской тайной полиции.

Период с конца 1920-х до начала 1980-х гг. ознаменовался застоем в сфере исследования деятельности секретных сотрудников. Имена Азефа, Богрова и Романа Малиновского упоминались лишь эпизодически. Потребность в изучении роли Де-

¹ Красанов Т.Г. Эволюция изучения деятельности двойных агентов (Е.Ф. Азеф, Д.Г. Богров, Р.В. Малиновский) в российской историографии и историографии ближнего зарубежья (Беларусь, Украина) // Россия и мир в прошлом и настоящем. Материалы II Межвузовской научной конференции студентов и школьников. Сборник научных трудов / Отв. ред. В.Е. Воронин. М., 2020. С. 120–123.

² Жилинский В.Б. Организация и жизнь Охранного отделения // Голос минувшего. 1917. № 9–10.

³ Жилинский В.Б. Организация и жизнь охранного отделения во время царской власти. М., 1918.

⁴ Бурцев Вл. В погоне за провокаторами. М.–Л., 1928.

⁵ Мушин А. Дмитрий Богров и убийство Столыпина. Париж, 1914.

⁶ Щеголев П.Е. Охранники, агенты, палачи. М., 2004.

⁷ Струмилло Б. Материалы о Дмитрие Богрове // Красная летопись. 1923. № 9.

⁸ Сандомирский Г.Б. По поводу старого спора // Каторга и ссылка. 1926. № 2(23).

партамента полиции в политической жизни Российской империи надолго исчезла, в т.ч. благодаря «Краткому курсу истории ВКП(б)»¹. «Краткий курс» дал понять читателю, что большевики полностью переиграли подручных царского режима, включая охранку. Первые научные работы, лишь отчасти касающиеся деятельности агентов охранки, появились только в 1970-е гг.

Необычайный рывок в изучении темы пришелся на 1990-е и 2000-е гг. Существовавший в советский период недостаток исторической литературы был быстро компенсирован благодаря открытию доступа в архивы. При этом многие профессиональные историки, а также ветераны правоохранительных органов отдали предпочтение формату научно-популярных изданий, а не научных монографий. Вместе с тем, эти работы были основаны на широком круге источников. Именно в таком формате были выпущены книги С.А. Степанова об убийстве П.А. Столыпина² и о его государственной деятельности³, ставшие настоящим прорывом в исследовании ряда специальных аспектов политической истории Российской империи начала XX в. Историк тщательно анализирует архивные материалы, публицистику и переписку современников. Тем же путем пошли украинские исследователи Д.В. Табачник и В.Н. Воронин в небольшом исследовании об убийстве Столыпина⁴, подробно разобрав ключевые аспекты деятельности Богрова и политической полиции накануне и в момент покушения на Столыпина. На данных источников и материалах историографии основаны труды ветерана МВД А.М. Пиджаренко⁵ и полковника КГБ О.М. Хлобустова⁶. Авторы доказали умение работать с источниками, а их книги могли бы по праву стать научными монографиями.

Для непрофессиональных исследователей формат публицистических, литературно-художественных и научно-популярных изданий является вынужденным. Нельзя сказать, что данная тема очень популярна среди пишущей братии. Больше всего работ принадлежит перу В.Г. Джанибекия – московского журналиста, публиковавшегося в газете «Тверская, 13» и «Литературной газете». В 2000 г. вышла его книга о полицейских агентах⁷, переизданная в 2005 г.⁸, а в 2007 г. – книга об убийстве Столыпина⁹. Автор старается опираться на источники, при этом в его работах явно преобладают данные уже опубликованных мемуаров; ссылки на архивные документы, документы партий, периодики и т.п. сведены к минимуму. Есть также немало повторов, очень похожих на нарратив уже изданных научных трудов – монографий о политическом сыске Ф.М. Лурье¹⁰, Ч.А. Рууда и С.А. Степанова¹¹ и др. Автор смело перефразирует и вкладывает в уста исторических деятелей «прямую речь» сомнительного происхождения (фразы тех или иных деятелей могут содержаться в одних мемуарах и отсутствовать в других). С другой стороны, его труд «Провокаторы и охранка», отчасти компенсирует это своего рода «эксклюзивными» воспоминаниями революционерки И.Г.

¹ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.

² Степанов С.А. Загадки убийства Столыпина. М., 1995.

³ Степанов С.А. Столыпин. Жизнь и смерть за Россию. М., 2009.

⁴ Табачник Д.В., Воронин В.Н. Убийство Столыпина. Харьков, 2010.

⁵ Пиджаренко А.М. История и тайны уголовного и политического сыска. Киев, 1994.

⁶ Хлобустов О.М. История службы государственной безопасности. От Александра I до Сталина. СПб., 2018.

⁷ Джанибекия В.Г. Провокаторы. М., 2000.

⁸ Джанибекия В.Г. Провокаторы и охранка. М., 2005.

⁹ Джанибекия В.Г. Тайна убийства Столыпина. М., 2007.

¹⁰ Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. М., 1992.

¹¹ Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М., 1993.

Морозовой, которыми разбавлено общее повествование. Но и в этом случае остается уповать лишь на добросовестность автора.

Более основательным представляется труд И. Симбирцева о русском политическом сыске 1880–1917 гг.¹ Автор исследует историю отечественных спецслужб в период с 1718 по 1939 г. (т.е. с момента расправы над опальным царевичем Алексеем Петровичем до начала Второй мировой войны), выпустив уже пять изданий. Несмотря на некоторую вторичность, отдельные фактические ошибки и полное отсутствие библиографии, пытается объективно, сдержанно и, вместе с тем, остроумно излагать свое видение проблемы.

Тема двойных агентов не оставила равнодушными писателей. Обладая способностью тонко чувствовать личности и создавать психологические портреты, они оставили немало пищи для ума профессиональных историков. Особо отметим роман Р.Б. Гуля «Азеф»², очерк М.А. Алданова «Портреты. Азеф»³, рассказ И.С. Лукаша «Убийца Столыпина»⁴ и др. Они актуальны и для сегодняшнего дня. В современной России впервые на данную тему писал режиссер и документалист В.В. Хотулев в книге о Столыпине⁵. Заметим, что и В.Г. Джанибекян начинал свой исследовательский путь по теме провокаторов именно с литературно-художественных сочинений о гибели Столыпина⁶ и «короле провокаторов» Азефе⁷. Данные труды являются своеобразными романами, снабженными выдержками из источников и авторским мнением. Вероятно, размышления современных писателей не будут лишними; ведь когда-то определение Марка Алданова, который емко характеризовал Азефа как «получеловека-полуудава», надолго укоренилось в нашей литературе.

Обратим внимание и на периодику, в которой публиковались специалисты-историки. В 1990 г. в журнале «Община» вышла статья Ю.В. Московского «Чьим агентом был Р. Малиновский?»⁸, ставшая ответом на статью А. Власенко и В. Разуваева в журнале «Новое время» (1990, № 3). Обе статьи затрагивали вопрос о степени ущерба, нанесенного большевикам провокатором Р.В. Малиновским. Власенко и Разуваев считали деятельность Малиновского губительной; Московский же утверждал, что деятельность сексота была на руку большевистской партии, в руководстве которой наверняка знали об «изнанке» его политической деятельности.

В 2016–2019 гг. тема убийства Столыпина, после многолетнего вновь напомнила о себе. В 2016 г. в «Родине»⁹ историк В.И. Жилиев поместил свою весьма оригинальную статью, в которой на основе малоизвестных документов охраны констатировал разлад и несогласованность в работе охранного ведомства, вследствие которых и был смертельно ранен премьер-министр. Исследователь В.В. Эрлихман в журнале «Историк» опубликовал статью «Смерть в Киеве»¹⁰, где обстоятельно изложил ход событий на основании имеющихся на данный момент источников и литературы. В 2018 г. ис-

¹ Симбирцев И. На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880–1917. М., 2006.

² Гуль Р.Б. Азеф. М., 1994.

³ Алданов М.А. Портреты. Азеф. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oslaRFjUJCo> (дата обращения: 29.09.2020).

⁴ Лукаш И.С. Убийца Столыпина. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/o/oredez_h_i/text_1932_ubiistvo_stolypina.shtm (дата обращения: 29.09.2020).

⁵ Хотулев В.В. Петр Столыпин: Трагедия России. М.; Смоленск, 1998.

⁶ Джанибекян В.Г. Тайна гибели Столыпина. М., 2001.

⁷ Джанибекян В.Г. Азеф: король провокаторов. М., 2005.

⁸ Московский Ю.В. Чьим агентом был Р. Малиновский? // Община. 1990. № 45.

⁹ Жилиев В.И. Награды за убийство Столыпина? // Родина. 2016. № 11.

¹⁰ Эрлихман В.В. Смерть в Киеве // Историк. 2017. № 30.

торик Д.А. Коцюбинский в журнале «Дилетант» дал свою версию причин покушения на Столыпина в 1911 г.¹: он отчасти согласен с тем, что «заказчиками» преступления могли оказаться некоторые государственные деятели, хотя много внимания уделяет эмоциональным оценкам исторической роли Петра Аркадьевича. Наконец, в статье историка А.М. Лавреновой, опубликованной в 2019 г. в «Родине»², продемонстрировано хранящееся в ГА РФ письмо Е.Ф. Азефа, где последний расписывает заказ П.А. Столыпина на собственное убийство.

Подведем предварительный итог. Научно-популярные публикации по тематике агентуры охранного отделения, авторами которых являются профессиональные историки или ветераны спецслужб, освоившие научные методы познания без профильного образования, являются вполне актуальными исследованиями по нашей проблематике. Однако всевозможные труды публицистов и литераторов, кроме отдельных сочинений, ставших подлинными произведениями искусства, едва ли способны сказать что-то новое и содержат, в лучшем случае, давно известные материалы, но часто несут на себе отпечаток крайне субъективных и вычурных мнений своих авторов. Следует также отметить, что работа Департамента полиции и секретных сотрудников царской охраны на сегодня уже не вызывает большого интереса у фальсификаторов и проходимцев (что, напротив, наблюдается при изучении истории спецслужб СССР и РФ). Если говорить о периодике, то сейчас в ней «начальствуют» ученые-историки, чьи публикации способны пролить свет на многие доселе не известные факты.

¹ Коцюбинский Д.А. Почему Столыпин не смог спасти империю от краха? // Дилетант. 2018. № 30.

² Лавренова А.М. Столыпин заказал собственную смерть?! // Родина. 2019. № 7.

РАБОЧИЕ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ НАЧАЛА XX в. КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ШТРЕЙКБРЕХЕРСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Начало XX в. характеризуется подъемом русского рабочего движения, беспрецедентным в отечественной истории ростом числа политических и экономических забастовок, трудовых конфликтов. В стране увеличивается число рабочих союзов, обществ взаимопомощи и других объединений трудящихся, многие из них выпускали свои печатные издания. Последние стали летописью борьбы рабочих за свои права. Впрочем, бастующим приходилось иметь дело не только с администрацией и властями, но и со своими противниками в рабочей среде. Феномен штрейкбрехерства, к сожалению, пока еще не нашел должного отражения в отечественной историографии. Между тем, письма, фабричная документация, протоколы допросов, уголовные дела, прокламации и другие источники дают нам подробную информацию об этом явлении. Среди имеющихся источников особое место занимают рабочие газеты и журналы, содержащие поистине неисчерпаемый материал по штрейкбрехерству.

В петербургских рабочих газетах (в основном, ежедневных), часто велась хроника забастовочных действий. Корреспонденты, многие из которых сами работали на предприятиях и передавали материалы «с мест», сообщали о причинах остановки работ, требованиях забастовщиков, их моральном состоянии, а также призывали к оказанию материальной поддержки. Каждая такая заметка содержала требование не занимать места бастующих¹. Сообщалось также и о появлении штрейкбрехеров. При этом, конечно, сами рабочие газеты были средством борьбы с ними. Рабочими союзами и отдельными лицами в редакции газет поставлялась информация о числе штрейкбрехеров на предприятии; иногда обнародовались фамилии, должности и клички «изменников». К примеру, в типичной заметке, освещавшей забастовку на фортепианной фабрике братьев Дидерихс в 1913 г., говорилось: «Забастовка продолжается 35 дней. Из старых рабочих нашлись штрейкбрехеры: отдельщик пианино Кевен, отдельщик роялей И. Махавкин, мастер-лакировщик Попов и любимчик старшего мастера струнщик Степан Смирнов»². На страницах газеты деревообделочников «За Правду!» рьяно поддерживавший администрацию во время стачки в мастерской Зимина резчик Никифоров был объявлен ярым штрейкбрехером и врагом рабочего класса³. «Новая рабочая газета» писала о рабочем Петре Лебедеве по кличке «Сметана», явившемся в мастерскую Поссе и предложившем хозяину свои услуги по срыву забастовки позолотчиков⁴. Именные списки штрейкбрехеров не просто обнародовались, они активно распространялись рабочими союзами, часто передавались из газеты в газету, «гастролируя» по городам и весям России. Так, в 1912 г. жандармами был изъят один из таких списков, в котором содержалась информация о 25 наборщиках и 7 машинных мастерах, неоднократно принимавших участие в срыве стачек⁵. Перспектива попасть

¹ См.: газеты «Луч», «За Правду!», «Наш путь», «Новая рабочая газета», «Живая жизнь» и др.

² Новая рабочая газета. 24 августа 1913 г. № 14. С. 3 // ГА РФ. Ф.Р-6874. Оп. 1. Д. 80. Л. 242.

³ За Правду! 1 декабря 1913 г. № 49. С. 3 // Там же. Л. 106.

⁴ Новая рабочая газета. 4 сентября 1913 г. № 23. С. 3 // Там же. Л. 256.

⁵ Заметка неустановленного лица «Список Юрьевских штрейкбрехеров». 1912 г. // Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 5433в. Л. 1.

в «черный список» была одним из способов профилактики «измены» среди бастующих. Оказавшись в списке, рабочий терял уважение товарищей и трудящихся города и имел большие проблемы при трудоустройстве, так как члены рабочих обществ старались тщательно отслеживать подобных работников и быстрее от них избавляться, если они появлялись на фабрике. Если провинившийся рабочий при этом был членом профсоюза, то чаще всего он исключался из его рядов¹. Впрочем, позорное клеймо штрейкбрехера ставилось не окончательно и могло быть снято в случае, например, раскаяния работника или его перехода на сторону бастующих, о чем также сообщалось в газетах². Отметим, что иногда, если рабочий хотел прекратить стачку и нарушить договоренности с товарищами, но не делал это тайком, а шел к стачечникам и объяснялся с ними или же делал это по уважительной причине, то рабочие за штрейкбрехера его не считали. К примеру, когда в ходе упомянутой забастовки на фабрике братьев Дидерихс группа забастовщиков взяла расчет, местные рабочие сообщили в газету, что эти бастующие взяли его с ведома товарищей и по уважительным причинам – «за отъездом на родину и на призывы (новобранцы)»³.

Рабочая печать помещала полные укора и презрения письма, осуждавшие и высмеивавшие штрейкбрехеров статьи. Здесь «сознательные» рабочие пытались пристыдить «изменников». «Стыдно и грязно, товарищи, срывать стачку, разве вам так живется хорошо?» – так обращался к штрейкбрехерам бастующий рабочий-пекарь⁴. «Так кому же порадоваться, как не капиталисту, что есть на матушке Руси рабочие, которые в нужную ему минуту согласны работать (...) вставить на места бастующих является недостойным каждого честного рабочего, не только члена какой-либо организации», – писали в «Луче»⁵. «Видно, у наших штрейкбрехеров совесть нечиста, а эти жалкие люди не знают, что сознательные рабочие не кулачной расправой добиваются лучшей жизни», – смеялась «Новая рабочая газета» над перепуганными штрейкбрехерами, которые, боясь расправы, пытались вооружиться для самообороны⁶. Агитация против штрейкбрехерства была действенным орудием пропаганды и позволяла заметно снизить число «изменников».

Боролись со штрейкбрехеством и силой рабочей поэзии. Так, во время обыска в редакции одной из пролетарских газет жандармы изъяли предназначавшийся для публикации стих, в котором высмеивалась группа московских железнодорожников, что во время стачки «работают даже и ночки, чтобы только хозяин был рад». Перед нами – образец типичного агитационного материала против штрейкбрехеров:

Ведь были же вы батраками, мозоли имели в руках,

Простет вы когда-то видали, теперь вы живете впотмах.

Говорится об их малочисленности и малодушии, о позоре измены общему делу:

Изменники нашего дела продали рабочую честь

И служат царю-капиталу, чтоб ближе к начальству пролезть⁷.

Стихи предупреждают и о том, что соглашательство с хозяевами вместо коллективного отстаивания своих прав аукнется штрейкбрехерам лишь ухудшением усло-

¹ Луч. 12 февраля 1913 г. № 35(121). С. 4 // Там же. Ф.Р–6874. Оп. 1. Д. 80. Л. 131.

² За Правду! 1 декабря 1913 г. № 49. С. 3 // Там же. Л. 106.

³ За Правду! 5 октября 1913 г. № 4. С. 3 // Там же. Л. 53.

⁴ Письмо рабочего-пекаря о забастовке рабочих – пекарей булочных Филиппова в г. Москве 22 декабря 1914 г., направленное против штрейкбрехеров // Там же. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 3909. Л. 1.

⁵ Луч. 6 апреля 1913 г. № 80(166). С. 3 // Там же. Ф.Р–6874. Оп. 1. Д. 80. Л. 116.

⁶ Новая рабочая газета. 18 сентября 1913 г. № 35. С. 3 // Там же. Л. 274.

⁷ Стихотворение неизвестного автора «По рельсам железной дороги...» (о срыве забастовки рабочих в Москве штрейкбрехерами). Б/д. // Там же. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 5085. Л. 1.

вий жизни и презрением со стороны честных трудящихся. Агитация против штрейкбрехеров формировала их образ как людей недалеких, жадных, корыстных, презренных, готовых пойти на любое унижение перед начальством. Быть штрейкбрехером было настолько постыдно, что часто невольные штрейкбрехеры, замещавшие бастующих по незнанию, когда узнавали, в чем дело, тут же брали расчет, а иногда и ругали хозяев за то, что те не сообщили им о стачке на предприятии¹.

Наряду с порицанием, исключением из профсоюза и обличительными газетными публикациями, иногда против штрейкбрехеров применялись и террористические методы. Журнал «Трудовой народ», освещая забастовку трамвайщиков в Риге в 1906г., писал, что разъяренные суровыми мерами администрации бастующие, узнав, что штрейкбрехеры пустили трамваи, начали мастерить самодельные бомбы и забрасывать ими вагоны на маршрутах. Администрация привлекла к охране путей городских, но предотвратить теракты не смогла. 22 августа на Столбовой улице была брошена бомба, убившая пассажира и ранившая городского. 12 сентября очередная брошенная в идущий трамвай бомба разорвала одного пассажира на куски, тяжело ранила вагонновожатого, ранения получили городской и два других пассажира. Были и другие взрывы. Бастующие также разрушали трамвайные столбы и стреляли в «изменников». 10 сентября на углу улиц Веденской и Ревельской шесть выстрелами был убит контролер-штрейкбрехер Фильрозе, а поздним вечером 14 сентября у депо была обстреляна группа штрейкбрехерствующих кондукторов. Один кондуктор был убит, а двое других тяжело ранены². Акты устрашения приносили свои плоды. Штрейкбрехеры боялись выходить на маршруты, а общество трамваев несло серьезные убытки, так как жители города переставали пользоваться этим видом транспорта. При этом рабочие газеты, как правило, не приветствовали прямое насилие по отношению к штрейкбрехерам. Если же подобное случалось, то корреспонденты чаще всего изображали дело как результат провокации «изменников» или иных враждебных сил.

Сохранились сведения и о различных формах противодействия, которые, в свою очередь, оказывали штрейкбрехеры организованным рабочим. Пользуясь поддержкой администрации, они оскорбляли бастующих, писали доносы в полицию и хозяевам, выявляли агитаторов и распускали слухи. Получая от фабрикантов охрану и оружие для самообороны, штрейкбрехеры и в самом деле устраивали провокации. Где угрозой, а где и увещаниями пытались заставить рабочих прекратить стачку. «Среди рабочих нашлись такие, которые доносили обо всем администрации, пугали рабочих штрафами за забастовку» - писал в редакцию газеты уволенный работник лесопильного завода Андреева³. Описывая положение забастовавших в июле 1913 г. рабочих на пуговичной фабрике Альберта Зоне, газета «Живая жизнь» сообщала, что положение на предприятии сильно осложняют штрейкбрехеры, которые «ходят чуть ли не с кинжалами и угрожают бастующим»⁴. «Новая рабочая газета» в августе того же года передавала, что слепой настройщик-штрейкбрехер Треше с фабрики братьев Оффенбахер по просьбе хозяина безрезультатно пытается уговорить рабочих вернуться на работу⁵. В Петербурге старательные штрейкбрехеры с одной из фабрик поймали на улице рабочего и говорили ему: «пойдем работать, что ты смотришь на этих красных

¹ Новая рабочая газета. 19 сентября 1913 г. № 36. С. 3 // Там же. Ф.Р-6874. Оп. 1. Д. 80. Л. 277.

² Народно-Социалистическое обозрение. Вып. 11. Трудовой народ. 1906 г. С. 74-77 // Там же. Ф.6935. Оп. 4. Д. 609а. Л. 12. Л. 12-13.

³ Луч. 8 февраля 1913 г. № 32(118). С. 4 // Там же. Ф.Р-6874. Оп. 1. Д. 80. Л. 128.

⁴ Живая жизнь 20 июля 1913 г. № 9. С. 9 // Там же. Л. 28.

⁵ Новая рабочая газета. 18 августа 1913 г. № 9. С. 3 // Там же. Л. 234.

хулиганов?»¹. Интересные события произошли на фабрике Фельско в Москве. Там штрейкбрехеры Иван Гаврилов и Сергей Васильев, увидев свои фамилии в номере газеты «Луч», сильно встревожились и пошли с этим номером к начальству. По их указке было уволено трое рабочих, которые, как они думали, являются тайными корреспондентами газеты². Однако произошла ошибка и истории о похождениях «изменников» продолжали публиковаться в дальнейшем. В статье «Локаут в Лодзи» из журнала «Трудовой народ» за 1906 г. говорилось, что фабриканты города, устроившие локаут, натравили на рабочих активистов и агитаторов лояльных администрации рабочих – националистов из числа т.н. «Народовцев». Финал был трагическим. В последние дни ряно принявшиеся за дело штрейкбрехеры устраивали кровопролитные стычки на улицах города с рабочими-социалистами, в результате чего большое число рабочих было ранено и искалечено, имелись убитые. При этом фабриканты на время конфликта закрыли рабочим доступ в аптеки города³. События в Лодзи сильно потрепали местный рабочий класс, обеспечив буржуазии кровавую победу.

Дела у штрейкбрехеров на фабриках складывались по-разному. Если хозяин очень нуждался в работниках, то уделял вновь нанятым много внимания, угождал им. Так, во время забастовки на яичной фабрике (отделение завода «Вулкан») в Петербурге, в которой приняли участие почти все рабочие и мастера предприятия, хозяева, находясь в отчаянном положении, всячески старались умилостивить немногих набранных штрейкбрехеров. По прибытии им был выдан фунт ситного, а к обеду – по фунту хлеба и колбасы, еще один фунт ситного и 8 кусков сахара⁴. С помощью таких показных жестов администрация надеялась привлечь на фабрику новых работников, заменив ими бастующих. Кстати, рабочие, изначально оставшиеся верными фабрикантам, подобных подачек не получили. Однако, по сообщениям рабочих газет, чаще всего положение штрейкбрехеров было незавидным. Особенно это касалось чернорабочих, вынужденных трудиться в рабских условиях. Получая, как правило, меньше обычных рабочих, они часто работали под охраной полиции. Известны случаи, когда им даже запрещалось выходить за территорию завода или останавливать работу⁵. Многие штрейкбрехеры приходили на завод тайком, опасаясь гнева бастующих.

В конечном счете, на успех действий штрейкбрехеров влияло множество факторов – от ресурсов администрации и ситуации в отрасли, в целом, до квалификации и численности организованных рабочих. Так, в ходе забастовки на фортепианной фабрике в Петербурге, несмотря на большой наплыв штрейкбрехеров, среди них не нашлось никого, кто смог бы выполнять квалифицированную работу за бастующих⁶. Это обстоятельство позволило забастовщикам продержаться довольно долгое время, сводя к минимуму эффективность заменивших их работников. Если стачка по тем или иным причинам все-таки срывалась штрейкбрехерами, то в рабочей печати часто писали, что произошло это из-за неорганизованности бастующих и отсутствия среди них должного уровня солидарности. Однако очевидно, что это заявлялось в целях пропаганды солидарности рабочих.

Рабочая периодика сообщала информацию о разных способах вербовки штрейкбрехеров. Если предприятие было небольшим, то хозяин иногда сам зазывал к себе

¹ Новая рабочая газета. 1 октября 1913 г. № 46. С. 3 // Там же. Л. 286.

² Рабочая жизнь. 20 февраля 1913 г. № 90(176). С. 4 // Там же. Л. 166.

³ Локаут в Лодзи. Вып. 1. Трудовой народ. 1906 г. С. 68–76 // Там же. Ф. 6935. Оп. 4. Д. 609а. Л. 86.

⁴ Новая рабочая газета. 11 сентября 1913 г. № 29. С. 3 // Там же. Ф.Р–6874. Оп. 1. Д. 80. Л. 268.

⁵ Новая рабочая газета. 18 сентября 1913 г. № 35. С. 3 // Там же. Л. 276.

⁶ За Правду! 6 октября 1913 г. № 5. С. 3 // Там же. Л. 53.

работников; но зачастую вербовщиками становились лояльные администрации рабочие и мастера. Газета «Живая жизнь» писала о рабочих Исаеве и Торошенко, отправленных хозяином в Химки и сумевших привести на фабрику Альберта Зоне еще четырех работников. Трое из них, увидев, что там – забастовка, ушли, но один – некто С. Полкан – остался и приступил к работе¹. В Петербурге штрейкбрехер Квятек из мастерской Зимина ходил по чайным и пивным, угощая отдыхающих там трудящихся и предлагая им работу, умалчивая при этом, что на предприятии стачка². Ему почти удалось набрать штрейкбрехеров, но в одной из таверн он наткнулся на членов профсоюза и с позором был вынужден ретироваться. Набор на предприятия шалчи и по рекламе в бульварных газетах; при этом, как правило, не упоминалось о наличии каких-либо трудовых конфликтов. В Петербурге основными газетами, где хозяева производств регулярно публиковали объявления о найме, были «Петербургский листок», «Герольд», «Копейка» (последняя на страницах рабочей прессы прямо именовалась «штрейкбрехерской») и ряд черносотенных изданий³. Если у хозяев было достаточно ресурсов или необходимых связей (особенно это характерно для крупных предприятий), то они могли воспользоваться услугами организаций, поставлявших штрейкбрехеров. Ведущую роль в этом деле играл небезызвестный «Союз русского народа». Его деятельность также нашла отражение на страницах рабочей печати. Так, по сообщению журнала «Трудовой народ», во время забастовки портовых и судовых рабочих Одесского порта (1906), парализовавшей работу судовладельцев, одесский генерал-губернатор и глава местного отделения «Союза русского народа» граф Коновницын организовали завоз на место стачки штрейкбрехеров-черносотенцев. По прибытии, ими был учинен еврейский погром и начато избиение рабочих. По указанию Коновницына, судовладельцы набрали новые команды из штрейкбрехеров, причем последние явились на пароходы с «резинами, нагайками и револьверами», т.е. вооруженными. Многие из тех, кто все же рискнул выйти в море с такими командами, впоследствии поплатились за это. Ряд судов действиями неподготовленных экипажей был посажен на мель, а пароход «Новороссийск», который помимо значительного груза вез множество пассажиров и 700 новобранцев, черносотенцы умудрились поджечь и выбросить на берег в районе Судака⁴. Все эти события освещались в бульварной прессе, но там с подачи генерал-губернатора их изображали как «патриотическое дело истинно русских людей».

Рабочие газеты освещали и побудительные мотивы работников, совершивших «измену». Чаще всего это была крайняя нужда. Например, во время забастовки в Потни на лесопильном заводе Сбровоякина хозяева набирали штрейкбрехеров из числа обнищавших татар, готовых на все – лишь бы найти работу⁵. Штрейкбрехеры не были устойчивой социальной группой, «изменником» мог оказаться кто угодно от чернорабочего до пламенного профсоюзного агитатора. Рабочая печать особо отмечала случаи перехода «сознательных» на сторону администрации – с целью пристыдить и опозорить подобных работников перед лицом организованных трудящихся. «Поступил на работу токарь Иванов, - писала «Новая рабочая газета», - на собраниях всегда ораторствовал: товарищи, с капиталистом надо всегда бороться, ни перед чем не оста-

¹ Живая жизнь. 20 июля 1913 г. № 9. С. 9 // Там же. Л. 28.

² За Правду! 26 ноября 1913 г. № 44. С. 3 // Там же. Л. 97.

³ За Правду! 28 ноября 1913 г. № 46. С. 3 // Там же. Л. 100.

⁴ Одесские генерал-провокаторы. Народный труд. Сборн. 8-й. С. 61–70. // Там же. Ф. 6935. Оп. 4. Д. 609а. Л. 74, 75.

⁵ Новая рабочая газета. 23 октября 1913 г. № 64. С. 3 // Там же. Ф.Р–6874. Оп. 1. Д. 80. Л. 303.

навливаясь и терпя всякие лишения. А когда капиталист прислал ему письмо с угрозой (...) то этот "смелый" борец не только сам стал штрейкбрехером, но еще привел новенького на заготовку»¹. Внутри коллектива штрейкбрехерами становились, в основном, любимчики администрации – люди, желавшие выслужиться у начальства с выгодой для себя, изгой и т.н. «мальчишки» – бесправные несовершеннолетние, малообразованные и низкоквалифицированные рабочие, как правило, не состоявшие в профсоюзе. Рабочая печать напрямую связывала невежество работников с их покорностью администрации. Однако анализ периодики показывает, что и среди образованных и квалифицированных рабочих было много «державшихся за теплое место» и готовых поступиться интересами коллектива ради собственной выгоды. Отдельную группу составляли рабочие-националисты и черносотенцы, эти были готовы из одного только чувства «патриотизма» участвовать в разгроме стачек.

Итак, рабочие газеты и журналы, являясь важным органом агитации и пропаганды, организации и координации рабочего протеста, стали мощным орудием борьбы со штрейкбрехерством в рабочих рядах, что закрепляло лидерство в рабочей среде за грамотными, высококвалифицированными, сознательными рабочими – талантливыми организаторами борьбы пролетариата за его экономические и политические права.

¹ Новая рабочая газета. 18 октября 1913 г. № 35. С. 3 // Там же. Л. 274.

К ВОПРОСУ ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ВСЕРОССИЙСКОГО ЗЕМСКОГО СОЮЗА ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ И РАНеныМ ВОИНАМ В 1914 г.

В ожидании неминуемого и близкого вступления России в войну совещание Московской губернской земской управы и представителей уездных земских управ, проходившее 17 июля 1914 г., признало необходимым в короткий срок созвать чрезвычайную сессию губернского земского собрания, чтобы представить на его рассмотрение проект учреждения «общеземской санитарной организации». Предварительное обсуждение разработанного Московской губернской управой проекта и подготовка доклада для собрания были поручены особой комиссии, в состав которой вошли А.Д. Самарин, Н.И. Гучков, князь Г.Е. Львов, граф Ф.А. Уваров, граф П.С. Шереметьев, В.Д. Шервинский, В.А. Ржевский, Н.Н. Хмелев, П.П. Патрикеев, П.Н. Диатропов, Ф.В. Шлиппе, А.Е. Грузинов, М.А. Нарожницкий. Заседания комиссии начались с вопроса об отличии «надвигающейся кампании» от русско-японской войны 1904–1905 гг., в ходе которой тринадцать губернских земств, успешных до правительственного запрета объединиться в союз, впервые приобрели совместный опыт оказания помощи раненым. Было отмечено, что в 1904–1905 гг. «исключительная отдаленность театра (военных действий – А.Г.) заставляла общеземскую организацию всю свою деятельность сосредоточить в районе действующей армии и в ее тылу», устраивая там склады, подвижные лазареты, поезда, питательные пункты. Нынче же, ввиду «близости разгорающейся войны к центру России (...) главные заботы земского объединения», по предположению членов комиссии, будут сосредоточены на перевозке раненых и на оборудовании для их лечения госпиталей и лазаретов во внутренних районах империи¹. Доступ в районы дислокации действующей армии земскому объединению был закрыт – согласно эвакуационному плану, это была «вотчина» военного ведомства и Российского общества Красного Креста². Как видно, поначалу земцы собирались лишь помогать в деле санитарного обслуживания войск, которое считалось «функцией правительственной власти». Браться за решение каких-либо других, а тем более – крупномасштабных задач в различных сферах государственной жизни силами союза они не планировали. Но обстоятельства сложились иначе.

На первом же заседании, 18 июля 1914 г., комиссия выступила с инициативой созыва общеземского съезда «для выработки и исполнения плана действий объединенных земств». В дальнейшем к работе комиссии подключились М.В. Челноков – московский городской голова и будущий глава Всероссийского союза городов, зарождение которого состоялось в те же последние предвоенные дни, и граф Д.А. Олсуфьев. Так, через делегирование своих членов в структурные подразделения смежной организации и создание общих комиссий, происходило взаимодействие Земского и Городского союзов на протяжении всего периода их существования.

Между первым и вторым, намеченным на 22 июля 1914 г., заседаниями комиссии была проведена серия частных совещаний земцев со специалистами, в ходе кото-

¹ Возникновение, организация и деятельность союза // Известия Главного комитета (Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам). 1914. № 1. С. 2–3.

² Собрание уполномоченных губернских земств в Москве 12–13 марта 1915 г. // Известия Главного комитета (Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам). 1915. № 12–13. С. 6.

рых детальному обсуждению подверглось устройство будущего общеземского объединения и был поднят вопрос о его наименовании. Поскольку совещавшиеся выразили уверенность, что в объединение вольются все губернские земства, то решили назвать его «Всероссийским земским союзом помощи больным и раненым воинам». Это название сохранялось за организацией даже тогда, когда ее функции вышли далеко за очерченные им рамки.

22 июля 1914 г. на втором заседании комиссии при участии председателей уездных управ Московской губернии был принят проект устройства Земского союза. В ходе дискуссии, предшествующей принятию решения, Г.Е. Львов, имевший опыт руководства общеземской организацией в русско-японскую войну, призвал коллег быть готовыми «ко всяким случайностям». «В военное время, - говорил он, - самое дорогое – гибкость и готовность общественных сил. И в прошлую войну рисовавшиеся нам вначале задачи очень мало походили на те, которые пришлось выполнять впоследствии»¹.

По проекту, высшим распорядительным органом союза являлось проводившееся в Москве собрание уполномоченных губернских земств, для участия в котором от каждой губернии избиралось по два представителя, могли также приглашаться с правом совещательного голоса разные заинтересованные и компетентные в обсуждаемых делах лица. Собрание из своей среды и не только (допускались посторонние кандидаты) формировало центральный исполнительный орган союза – постоянный комитет в количестве десяти человек и избирало его председателя – главноуполномоченного. В задачи собрания уполномоченных и постоянного (в дальнейшем – Главного) комитета входили разработка организационных вопросов и практическая деятельность общеземского характера, непосильная для местных органов союза – губернских и уездных земских комитетов. Губернские земские комитеты, состоявшие из десяти гласных, избранных местным земским собранием, членов губернской земской управы, представителей губернских земских санитарных бюро и совета, а также от уездных земских комитетов, отвечали за оборудование госпиталей и лазаретов, «планомерное» заполнение их пациентами и субсидирование уездных земских комитетов в пределах своих губерний. Уездные земские комитеты из членов уездной земской управы и пяти гласных по выбору уездного земского собрания создавались по необходимости. Их работа определялась местными условиями.

К тому времени комиссия получила уже около двадцати утвердительных ответов на вопрос о готовности губернских земских управ объединиться в союз. Воодушевленная надеждой на успешную реализацию проекта, она учредила 22 июля 1914 г. временный исполнительный комитет, которому поручила без промедления приступить к закупке лекарств, перевязочных и других медицинских товаров.

25 июля 1914 г. проект устройства союза был единогласно одобрен на чрезвычайном заседании Московского губернского земского собрания, а спустя пять дней, 30 июля 1914 г., с поправками, предусматривавшими безвозмездную работу членов Главного комитета и предоставление земствам права самостоятельно определять порядок открытия местных органов союза, утвержден на прошедшем в Москве под председательством Ф.В. Шлиппе первом съезде земских уполномоченных. Хотя в Москве собрались делегаты только от 35 губерний, о своем намерении присоединиться к союзу объявили все губернские земства, за исключением курского, председатель которого К.А. Рапп, тем не менее, на съезде присутствовал. Произошло слияние ново-

¹ Возникновение, организация и деятельность союза. С. 4.

образованного союза и существовавшей со времен русско-японской войны общеземской организации. Съезд избрал главноуполномоченным союза князя Г.Е. Львова, его заместителем – Ф.В. Шлиппе, членами Главного комитета – С.Н. Маслова, Н.С. Лопухина, В.В. Вырубова, графа В.А. Мусина-Пушкина, графа Ф.А. Уварова, Н.Н. Хмелева, Н.И. Гучкова, И.А. Каншина и Д.М. Щепкина.

С появлением Главного прекратил работу временный исполнительный комитет, передав преемнику свои дела. Главный комитет уже на следующий день после съезда, 31 июля 1914 г., провел организационное заседание, по итогам которого при нем возникли порядка десяти отделов. В дальнейшем усложнение функций союза неизменно влекло за собой рост числа отделов при Главном комитете. До 10 августа 1914 г. по решению местных земских собраний в 38 из 43 губерний были образованы губернские комитеты помощи больным и раненым воинам¹. Работа закипела.

Из хронологии описанных выше событий видно, что, создавая союз, земцы действовали быстро, чтобы недоброжелатели, наделенные властью, не успели помешать им осуществить задуманное. Опасения не были напрасными. О том, как проходило официальное учреждение Земского и Городского союзов, писал М.В. Вишняк в статье «Запрещение свободы собраний общественных организаций», опубликованной в октябре 1916 г.: «Организация и дело возникли раньше, чем правительство успело дать на это соответствующее разрешение, и бывшему тогда министром внутренних дел Маклакову не оставалось ничего иного, как "оформить уже сложившееся явление". С этой целью министр вошел со всеподданейшим докладом, попытавшись (...) "вместе с тем уточнить и, по возможности, сузить предназначение новых организаций". Эта попытка увенчалась успехом, и Союзы, признанные Высочайшими повелениями 12 и 16 августа 1914 г., были ограничены в своей деятельности по времени – "на время текущей войны" – и по предмету ведения – "функциями помощи больным и раненым воинам"»². К сказанному еще надо добавить, что легализованный 12 августа 1914 г. Земский союз, в нарушение существовавшей тогда традиции, устава не получил. Впрочем, как и Городской.

Тем не менее земцы не отказались от идеи добиться превращения союза в постоянно действующий орган. По их глубокому убеждению, земское здание остро нуждалось в «крыше», которая венчала бы его, связывая в единое целое не только в военный, но и в мирный период. Поэтому очень скоро земцы перешагнули через установленные властью функциональные ограничения, по собственному почину взявшись за новые виды помощи армии и за заботу о мирном населении, пострадавшем от войны, а затем, доказав на деле пользу союза, намеревались устранить и временной барьер.

¹ Судавцов Н.А. Земство в годы Первой мировой войны // Земское самоуправление в России, 1864–1918: в 2 кн. Кн. 2. М., 2005. С. 239.

² Вишняк М. Запрещение свободы собраний общественных организаций // Известия Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам. 1916. № 37. С. 18.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА А.Т. АВЕРЧЕНКО В ПЕРИОД «ЗАКАТА» РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Тема политической сатиры в последние годы существования Российской империи по-прежнему мало изучена. Выбор Аркадия Тимофеевича Аверченко в качестве центральной фигуры нашего исследования не случаен. Он создал самый популярный сатирический журнал периода 1913–1917 гг. – «Новый Сатирикон», издававшийся многосоттысячными тиражами. Аркадий Тимофеевич был главным редактором своего журнала. Он также был главным автором в своем детище. Ему пришлось взять несколько псевдонимов, чтобы его фамилия не так часто мелькала в выпусках. Более того, он придумывал сюжеты к большей части печатавшихся карикатур, ставя задачи своим коллегам-художникам. На что и на кого были нацелены сатирические «стрелы» «Нового Сатирикона» в 1916 – начале 1917 гг.?

Негласное перемирие либеральной оппозиции с российской монархией, заключенное в начале Первой мировой войны на волне общего патриотического подъема, прервалось уже в 1915 г., а в 1916-м сатириконицы окончательно разорвали былой «мир». Специальный «Масленичный номер» журнала 1916 г. вышел с чрезвычайно острой карикатурой к передовице номера. В центре были изображены истощавшая голодная мать с грудным ребенком на руках и жмущимися к ней двумя маленькими худенькими детишками. Вокруг них плясали толстые сытые, богато одетые господа. Под рисунком – текст от редакции: «Если кто знает, когда кончится вечная масленица для одних, вечный пост для других, - протелеграфируйте в редакцию "Нового Сатирикона". Очень просим!»¹. Карикатура прямоком угодила в один из ключевых социальных нервов, обостренных затяжной войной. Пока в окопах лилась кровь, в пирующих столиках лился алкоголь. Примечательна глубина лицемерия А.Т. Аверченко, продемонстрированная самим фактом публикации этой карикатуры в его журнале. Сам Аркадий Тимофеевич жил довольно роскошно. В его трехкомнатной квартире на Троицкой улице (ныне улица Рубинштейна) имелись пылесос и домашний телефон, а также горничная по имени Надя². Аверченко был завсегдатаем популярнейшего среди столичных писателей ресторана «Вена» (ресторан переименован владельцем в первые годы войны на «Ресторан И.С. Соколова» на почве германофобии)³. В этом ресторане он ужинал ежедневно. Потом в эмиграции в своих знаменитых «Дюжина ножей в спину революции» он будет, смакуя, вспоминать былые времена – «навагу, фрит и бифштекс по-гамбургски, жареных поросят». Будет негодовать, что кучкой мерзавцев и убийц у них отнято «право еды»⁴. Также упомянем воспоминания писателя А.С. Грина – одного из авторов «Нового Сатирикона». Грин был пристрастен к алкоголю, и сухой закон ему давался с трудом. Как-то раз в 1915 г. после редакционного совещания Аверченко пригласил пригорюнившегося Грина в ресторан «Король Альберт» обедать. Как постоянный клиент, Аверченко попросил у официанта «чайку», после чего им принесли два чайника: один с портвейном, второй с «английской

¹ Новый Сатирикон. 1916. № 8. С. 1.

² Зозуля Е.Д. Сатириконицы // Русская литература. 2005. № 2–3.

³ Миленко В.Д. Аркадий Аверченко. М., 2010. С. 158.

⁴ Аверченко А.Т. Собрание сочинений в 13 т. Т. 12. Рай на земле. М., 2014. С. 78.

горькой». В конце «Дюжины ножей в спину революции» Аверченко будет сокрушаться: «Чем им мешало все это...»¹. На вышеупомянутой карикатуре он сам дал ответ на свой вопрос.

В продолжение темы «гнилого тыла» примечательна карикатура с названием «Вырождение миллионеров», напечатанная накануне Февральской революции. Она послужила реакцией на спектакль, сборы от которого в Большом театре составили 72 тыс. руб. Первая часть карикатуры изображала анатомический театр (Кунсткамеру) с подписью, что там можно видеть дегенератов в банке; ниже была изображена ложа Большого театра, заполненная богатыми господами с подписью: а в Большом театре – дегенератов из банков².

В июле 1916 г. из-за вопроса о польской автономии лишился своего портфеля министр иностранных дел С.Д. Сазонов. На его место был назначен Б.В. Штюрмер, который в общественном мнении относился к «прогерманскому лагерю» двора. Союзники России в войне с огромной опаской отнеслись к назначению Штюрмера. Для них даже отдаленное подозрение в перспективе сепаратного мира между Россией и Германией было страшным сном. Посол Великобритании Дж. Бьюкенен писал о своих опасениях открытым текстом³. Масло в огонь подольет громкий скандал, вошедший в историографию как «инцидент Булацеля». П.Ф. Булацель был адвокатом и членом Союза русского народа имени Михаила Архангела. Не раз в нулевые годы Булацель защищал в судах своих однопартийцев – монархистов-черносотенцев. С 1915 г. он издавал журнал «Российский гражданин». В статье от 31 июля 1916 г. Булацель резко раскритиковал идею британского премьер-министра Г. Асквита устроить после войны суд над «немецкими агрессорами», не исключая *высокопоставленных* лиц. Асквит явно намекал на кайзера Вильгельма II. Булацель написал в своей статье: «англичане, продвинувшиеся за два года войны на своем фронте на несколько сот метров (...) вменяют России в обязанность воевать не только до тех пор, пока наши упорные, храбрые и сильные враги – германцы признают себя сломленными и согласятся на выгодный и почетный для России мир, а до тех пор, пока царствующая в Германии династия Гогенцоллернов не будет низложена русскими штыками»⁴. Из этой цитаты видно, что для Булацеля немцы хоть и враги, но заслуживающие уважения за свою силу и храбрость – в отличие от Англии, продвинувшейся всего на несколько сот метров. Также здесь четко сказано, что война ведется русскими штыками.

Дж. Бьюкенен, прочтя эту статью, пришел в бешенство. Он устроил демарш и царю, и новоназначенному министру иностранных дел Б.В. Штюрмеру. Штюрмер вынудил Булацеля отправиться в английское посольство и извиниться. Булацель это сделал, но затем написал еще одну статью, в которой за внешней комплиментарностью маскировал ответную критику. Булацель писал: «...я просил его (Бьюкенена. – В.Л.) верить, что пером моим руководило вовсе не желание обидеть Англию, а исключительно опасение за будущее экономическое порабощение России, если по окончании войны Россия не получит всего, что ей следует получить». Здесь Булацель намекал на интриги по поводу союзнических гарантий насчет передачи России Константинополя после победы. Далее Булацель продолжает: «Полагая, что намерение привлечь Вильгельма к суду может затянуть войну, быть может, долее, нежели это в интересах русского народа, я стал на ту же точку зрения, на которой стоял в 1813 г.

¹ Там же. С. 110.

² Новый Сатирикон. 1917. № 8. С. 13.

³ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 174.

⁴ Российский гражданин. 1916. № 29. С. 13.

князь Кутузов, советовавший после изгнания Наполеона из России не переходить нашу границу. Никто не может упрекнуть Кутузова в недостатке патриотизма и в сочувствии к вторгнувшемуся в Россию завоевателю. Так же точно моим пером руководило не опасение за судьбу Вильгельма, а исключительно забота об интересах русского народа и Российской Монархии»¹. По сути, Булацель прямо изложил то, в чем Бьюкенен подозревал скрытую политическую линию Штюрмера.

«Новый Сатирикон» отреагирует на инцидент Булацеля в своей традиционной рубрике «Волчьи ягоды», где редакция журнала колко комментировала цитаты из различных печатных изданий. Там сатириконцы процитируют пересказ извинений Булацеля, видимо, из какой-то газеты либеральной направленности. Говорилось, что Булацель признал свои высказывания о действиях британской армии во Франции ложными, а также большие услуги британской армии делу союзников. Далее сатириконцы добавляют от себя: «Булацель ходит в мужском костюме. Но если эту фигуру раздеть, то все ахнут: под мужским платьем окажется унтер-офицерская вдова»². Журнал представил все так, будто Булацель сам себя высек. Однако это далеко не так. Заметим, что здравые аргументы Булацеля были полностью проигнорированы в данной заметке, которая сама по себе показывает, что редакция «Нового Сатирикона» продолжала всецело оставаться на стороне либеральной оппозиции. Эффект инцидента Булацеля был настолько велик, что король Великобритании Георг V написал личное письмо Николаю II, в котором выразил сожаление, что, оказывается, в России существуют силы, враждебные Антанте. На это Николай ответил, что придавать этому значение не следует и что он верен союзу и будет вести войну до победного конца.

С середины 1916 г. Лондон был убежден в том, что в Петрограде имеется сильная прогерманская партия, ведущая подготовку к сепаратному миру с Германией. Весной–летом 1916 г. состоялась поездка делегации Государственной думы по союзным странам Антанты. На довольно злой карикатуре, приуроченной к отъезду делегации, с названием «Наставление доброго папаша» депутаты были изображены в образе мальчуганов в коротких шортах, а в роли доброго большого папаша – председатель Думы М.В. Родзянко, поглаживающий по голове своих «деток». В сторонке от готовящихся к отъезду стоял в гордом одиночестве Марков 2-й с еврейской головой в руке. Под карикатурой были написаны слова Родзянко: «Ну, вот вы теперь, г. депутаты, и за границу едете. Мальчика Маркова второго я с вами не могу отпустить: у него в руках такая игрушка, с которой за границу показаться стыдно!»³. Эта поездка сыграет свою роль в раздувании истерии вокруг «германофильской партии» при русском дворе. Главой делегации был помещик и промышленник А.Д. Протопопов. На обратном пути в Стокгольме он встретится с эмиссаром кайзера – финансистом Варбургом. В этой беседе Варбург будет предлагать Протопопову условия сепаратного мира. По приезде Протопопов честно доложит о прошедшей беседе царю во время личной аудиенции. Николай II высоко оценит честность Протопопова, которую он не ожидал увидеть в одном из думцев. В итоге, царь назначит Протопопова министром внутренних дел. Но членами Думы Протопопов будет признан предателем. Подозрения насчет прогерманской группы вокруг императрицы Александры Федоровны после этой истории только усилятся⁴. Либеральная оппозиция в лице П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова усиленно подогревала подозрения англичан относительно угрозы сепаратного

¹ Российский гражданин. 1916. № 30. С. 14.

² Новый Сатирикон. 1916. № 36. С. 3.

³ Новый Сатирикон. 1916. № 18. С. 1.

⁴ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 185.

мира с Германией. Тем самым она всячески рекламировала себя как реальную альтернативу действующей власти, верную союзническому долгу. Историк Б.И. Колоницкий справедливо отмечает роль русской прессы, пропагандировавшей шпиономанию и ксенофобию, что, безусловно, внесло вклад в будущее падение режима¹.

1 ноября 1916 г. лидер кадетов П.Н. Милоков произнес свою знаменитую речь в Государственной Думе. Эта речь фактически стала сигналом к подготовке переворота. Главным рефреном речи был вопрос, постоянно повторяемый оратором: «Глупость или измена?». Фактически П.Н. Милоков бросил прямое обвинение премьер-министру Штюрмеру, а через него и императрице Александре Федоровне в том, что они работают на немцев. Вот что говорил Милоков: «Я минуя Стокгольмскую историю, как известно, предшествовавшую назначению теперешнего министра и производящую тяжелое впечатление на наших союзников. Я могу говорить об этом впечатлении как свидетель; я хотел бы думать, что тут было проявление того качества, которое хорошо известно старым знакомым А.Д. Протопопову – его неумение считаться с последствиями своих собственных поступков. По счастью, в Стокгольме он был уже не представителем депутации, так как депутации в то время уже не существовало, она частями возвращалась в Россию. То, что Протопопов сделал в Стокгольме, он сделал в наше отсутствие. Но все же, господа, я не могу сказать, какую именно роль эта история сыграла в той уже известной нам прихотей, через которую, вслед за другими, прошел А. Д. Протопопов на пути к министерскому креслу. Я вам называл этих людей – Манасевич-Мануйлов, Распутин, Питирим, Штюрмер. Это та придворная партия, победой которой, по словам "Нейе Фрейе Прессе", было назначение Штюрмера: "Победа придворной партии, которая группируется вокруг молодой Царицы". Во всяком случае, я имею некоторое основание думать, что предложения, сделанные германским советником Варбургом Протопопову, были повторены более прямым путем и из более высокого источника. Я несколько не был удивлен, когда из уст британского посла выслушал тяжеловесное обвинение против того же круга лиц в желании подготовить путь сепаратному миру (...) Когда вы целый год ждете выступления Румынии, настаиваете на этом выступлении, а в решительную минуту у вас не оказывается ни войск, ни возможности быстро подвозить их по единственной узкоколейной дороге, и, таким образом, вы еще раз упускаете благоприятный момент нанести решительный удар на Балканах, - как вы назовете это: глупостью или изменой?

Когда со все большей настойчивостью Дума напоминает, что, надо организовать тыл для успешной борьбы, а власть продолжает твердить, что организовать, - значит организовать революцию, и сознательно предпочитает хаос и дезорганизацию – что это, глупость или измена? Когда в разгар войны "придворная партия" подкапывается под единственного человека, создавшего себе репутацию честного у союзников (шум) и когда он заменяется лицом, о котором можно сказать все, что я сказал раньше, то это... (*Марков 2-й: "А ваша речь – глупость или измена?"*). Моя речь – есть заслуга перед родиной, которой вы не сделаете. Нет, господа, воля ваша, уж слишком много глупости. Как будто трудно объяснить все это только одною глупостью². В тот же день речью отличился Пуришкевич, напрямую обвинявший Распутина.

Публикация этих речей была строго запрещена, как и любые ссылки на них. Но Аверченко сумел тонко и изящно обойти цензуру. На передовице номера «Нового Са-

¹ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 574.

² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Пг., 1916. Стб.47.

тирикона» от 3 ноября 1916 г. была напечатана карикатура под названием «Из "Жизни животных" Брэма». По центру был изображен огромный паук в темной комнате, в которой также был человек, прижавшийся в страхе к стенке. Снизу была выписка из Брэма о пауках, достигающих огромного размера и бросающихся на людей как на жертвы¹. С учетом вышеописанного «послужного списка» журнала в острых политических ситуациях, на наш взгляд, трактовка рисунка не оставляла сомнений.

Именно эта атака П.Н. Милюкова станет главной причиной отставки Штюрмера. Затем либеральная оппозиция вновь упрется в нежелание царя идти ей навстречу. Начнется подготовка к захвату власти. Б.В. Штюрмера «Новый Сатирикон» не забудет и будет продолжать линию: Штюрмер – пособник немцев. Так, в «Волчьих ягодах» в начале января 1917 г. будет напечатана заметка из газеты «Русская воля». Согласно этой заметке, Б.В. Штюрмер планирует в скором времени переехать на постоянное место жительства в Мадрид. Тут же следом указывалось, что бывший немецкий канцлер Бюлов назначен послом в Испанию. Сатириконцы от себя добавляли, что, мол, таким образом, население Испании выросло в количестве, но не в качестве².

В январе 1917 г. в «Новом Сатириконе» выйдет карикатура под названием «Предательский ветер». Там Вильгельм растягивает белое знамя мира, но поднимается порыв ветра и за этим знаменем виден немецкий солдат со снарядами и винтовкой, готовый к бою³. Посыл понятен: с немцами, пока они не разгромлены, мириться нельзя, потому что обязательно обманут.

В начале февраля 1917 г. сатириконцы изнемогали от цензуры. Чего стоит одно только изображение в передовице номера П.Н. Милюкова, приложившего указательный палец к губам. Подпись снизу: «Тсс! О политике ни слова»⁴. В том же номере на карикатуре с названием «Страшное» показан сам «Сатирикон» в образе поленья сатира, возвышающегося над Вильгельмом II. «Сатирикон» говорит Вильгельму: «Уу, как я тебя ненавижу, проклятый!». Вильгельм удивляется: «Почему? За то, что я воюю с вами?» На это «Сатирикон» отвечает: «Нет. А за то, что ты мне надоел. Ты – единственный, кого я могу касаться!»⁵.

Итак, в 1916 г. на общественном единении первых месяцев Мировой войны был поставлен крест. Образы «гнилого тыла», «пира во время чумы» всплывали на страницах «Нового Сатирикона» с завидной регулярностью. Полемика и жесточайшая борьба с монархическими изданиями, а также с наиболее одиозными монархистами-черносотенцами продолжалась. Тема измены прогерманской партии поддерживалась «Новым Сатириконом» в духе либеральной оппозиции. Речь Милюкова 1 ноября 1916 г., ставшая своеобразным манифестом будущей Февральской революции, в завуалированной форме нашла отражение и на страницах журнала. При этом постоянно делались укольы цензуре, не позволявшей писать о политике напрямую. Трудно себе представить существование подобного сатирического содержания, например, в годы Великой Отечественной войны, чтобы какой-то сатирик высмеивал членов правительства, законы военного времени и т.п. Аркадий Тимофеевич, безусловно, внес свою лепту в идейную подготовку февральского переворота, а по сути – и в грядущее военное поражение своей страны.

¹ Новый Сатирикон. 1916. № 45. С. 1.

² Новый Сатирикон. 1917. № 2. С. 11.

³ Там же. С. 8.

⁴ Новый Сатирикон. 1917. № 6. С. 1.

⁵ Там же. С. 16.

О ЗНАЧЕНИИ ТРУДОВ В.Т. ГЕОРГИЕВСКОГО ПО ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Термин «церковное строительство» многозначен. Чаще всего его трактуют как инженерно-архитектурное проектирование, строительство и обустройство культовых зданий и крепостных стен, т.е. храмовое строительство. В Священном Писании это понятие подается как «народ Божий, спасенный Христом». Основание церковного здания – Иисус Христос. «Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос», - говорит апостол Павел в своем первом послании к Коринфянам (1 Кор. 3:11; см. Еф. 2:20). Церковное строительство – это священническое и миссионерское служение, христианское просвещение, деятельность иереев и архиереев, книжные собрания и библиотеки, церковное искусство.

Одним из исследователей православного церковного строительства (во всех смыслах указанного понятия) был Василий Тимофеевич Георгиевский (1861–1923).

Составивший славу русской науки, открывший миру замечательное наследие художников русского и византийского средневековья, каковыми являлись Дионисий и Мануил Панселин, «неутомимый и энергичный исследователь, влюбленный в древнерусскую культуру», член Общества любителей древней Письменности, Комитета попечительства о русской иконописи, Владимирской ученой Архивной комиссии, Московского Археологического общества, Санкт-Петербургского и Московского Археологических институтов, Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины в России, Общества Поощрения художников в Санкт-Петербурге, Киевского Историко-археологического общества, Новгородского Церковно-археологического общества и других был известен в России и за рубежом как краевед, исследователь древнерусского искусства и историк русского церковного строительства. В числе его трудов, имеющих непреходящее научное значение: «Флорищева пустынь: Историко-археологическое описание», «Фрески Ферапонтова монастыря», «Фрески Панселина в Протате на Афоне», «Феодоровский Государев Собор в Царском Селе»¹. Ряд работ посвящен крупнейшим монастырям, выдающимся церковным строителям, книжным собраниям и иконописной традиции Суздаля. Это «Суздальский Ризположенский женский монастырь: Историко-археологическое описание», «Опись Покровского женского монастыря в городе Суздале 1651 г.», «Иконы Иоанна Грозного и его семьи в Суздале», «Житие и подвиги святителя Илариона, митрополита Суздальского», «Памятники старинного русского искусства Суздальского музея»². Особую ценность

¹ Георгиевский В.Т. Флорищева пустынь: Историко-археологическое описание. Вязники, 1896; Георгиевский В.Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911; Георгиевский В.Т. Фрески Панселина в Протате на Афоне: Альбом. [СПб., 1914].

² Георгиевский В.Т. Опись Покровского женского монастыря в городе Суздале 1651 г. // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. V. Владимир, 1903. С. 55–126; Георгиевский В.Т. Суздальский Ризположенский женский монастырь: Историко-археологическое описание. Владимир, 1900; Георгиевский В.Т. Иконы Иоанна Грозного и его семьи в Суздале // Старые Годы. 1910. Ноябрь. С. 3–20; Георгиевский В.Т. Житие и подвиги святителя Илариона, митрополита Суздальского.

представляют его подробные научные описания собраний монастырских и церковных книгохранилищ, а также книжных собраний братских организаций¹. Несколько книг В.Т. Георгиевского представляют собой путеводители по городам Владимирской земли, например, «Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности» и «Владимир, Суздаль, Переславль-Залесский»².

Немало внимания В.Т. Георгиевский уделил исследованию жизни, деятельности и служения «замечательной личности Древней Руси» – святого благоверного князя Андрея Боголюбского³, который, перенеся столицу из Киева во Владимир и основав Боголюбово, положил «начало новой эпохе в исторической жизни русского народа»⁴. Именно в этом своем сочинении В.Т. Георгиевский сформулировал актуальное положение о том, что «православие и самодержавие – краеугольные камни великого здания государства русского – были впервые указаны русскому народу» в период княжения Андрея Боголюбского и стали его «заветом» будущим правителям «для достижения государственного могущества и народного благосостояния»⁵.

Выдающийся русский ученый-краевед В.Т. Георгиевский, о значении трудов которого идет речь в данной статье, был родом из Судогды – небольшого уездного городка Владимирской губернии с населением чуть меньше двух с половиной тысяч человек. Он родился 6 января, в Рождественский сочельник, 1861 г. и стал третьим сыном в семье провинциального священника Тимофея Никитича Георгиевского.

Как и два его старших брата, Василий Георгиевский учился во Владимирской семинарии. После ее окончания в 1881 г. продолжил свое образование в Киевской духовной академии на церковно-историческом отделении. Через 4 года он вернулся во Владимир, начал преподавать во Владимирском женском епархиальном училище и одновременно получил должность заведующего библиотекой и древлехранилищем Владимирского братства во имя благоверного князя Александра Невского. Работа с книгами и рукописными собраниями братства поспособствовала формированию направленных научных интересов молодого преподавателя и библиотекаря. Он увлекся исторически краеведением. Вот почему первыми книгами, вышедшими из-под его пера, стали «Владимир Святой и крещение Руси» и «Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский»⁶.

Жизнь и труды на древней Владимирской земле, история которой насыщена важнейшими для российской государственности событиями, способствовала не только активным краеведческим исследованиям, но и обращению к серьезному изучению

Пг., 1914; Георгиевский В.Т. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М., 1927; Георгиевский В.Т. Феодоровский Государев Собор в Царском Селе. Вып. 1. М., 1915.

¹ Георгиевский В.Т. Краткое описание церковно-исторического древлехранилища Братства святого благоверного великого князя Александра Невского во Владимире губернии. Вязники, 1895; Георгиевский В.Т. Каталог старопечатных книг церковно-исторического древлехранилища при братстве Св. блгв. вел. кн. Александра Невского. Вязники, 1898; Георгиевский В.Т. Евангелие 1532 г. архиепископа Макария, хранящееся в Пафнутьево Боровском монастыре // Светильник. 1915. № 1. С. 8–15; Георгиевский В.Т. Миниатюры Евангелия 1532 г. Новгородского архиепископа Макария: [Евангелие 1532 г. архиеп. Новгородского Макария, хранящееся в Пафнутьевском Боровском мон-ре]. М., 1915.

² Георгиевский В.Т. Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности. Владимир, 1896; Георгиевский В.Т. Владимир, Суздаль, Переславль-Залесский: [Путеводитель по памятникам старины]. СПб., 1913.

³ Георгиевский В.Т. Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский. Владимир, 1894.

⁴ Там же. С. 1.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Георгиевский В.Т. Владимир Святой и крещение Руси. Б.м., 1888; Георгиевский В.Т. Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский. Владимир, 1894.

памятников древнерусской письменности, сохранившихся в монастырях и церквях, к изучению художественно-графического и монументального живописного наследия Владимиро-Суздальской и Московской Руси, к изучению роли монастырей в сохранении историко-культурного наследия Древней Руси. После первых работ, связанных с размышлением о роли Владимира Святого и Андрея Боголюбского в созидании российской государственности и церковном строительстве, увидевших свет соответственно в 1888 и 1894 гг., вышла небольшая книга о «пастыре добром и милостивом»¹ – митрополите Суздальском Иларионе, основавшем Свято-Успенскую Флорищеву пустынь².

Этот труд, построенный на основе рукописных источников XVIII столетия, церковных и светских изданий XIX в., можно было бы охарактеризовать как агиографический, не имея он в качестве приложения «Краткие сведения о состоянии Флорищевой пустыни после смерти первого ее строителя, митрополита Илариона»³. В состав справочных «Кратких сведений» автор включил перечень всех настоятелей пустыни, характеристику храмов и зданий, приписанных церквей и земель.

От изучения наследия Суздальского митрополита Илариона В.Т. Георгиевский «как скромный бытописатель»⁴ обратился к подробному и внимательному исследованию не только истории Флорищевой пустыни, привлекая всевозможные сохранившиеся источники, связанные с храмовым строительством, с историей уникальных собраний ризницы, библиотеки и архива. Как итог – монографическое «историко-археологическое описание»⁵ «Флорищева пустынь»⁶.

Книга, как бы предупреждая некоторые вопросы читателей, открывается словами: «Монастырь второго и третьего порядка»⁷ Флорищева пустынь, «удаленная от многолюдных городов и от других знаменитых обителей, смиренно укрывшаяся в глубине вековых хвойных лесов в Гороховецком уезде Владимирской губернии, усердно посещается только богомольцами (...) замечательна во многих отношениях». Например, почему столь солидный том посвящен малоизвестному монастырю, и какова роль его в истории Русской Православной Церкви и в истории государства Российского. По мнению В.Т. Георгиевского, из трех монастырей (Флорищева, Санаксарского и Саровского), история которых начинается в середине XVII в., во времена царствования Алексея Михайловича, именно «Флорищева пустынь отличается всем строем монастырской молитвенно-трудовой жизни иноков, руководствующихся строгим афонским уставом, оставленным пустыни первым ее основателем – подвижником благочестия Иларионом и отсюда заимствованным более известными православной Руси пустынями»⁸.

¹ Георгиевский В.Т. Житие и подвиги Илариона, митрополита Суздальского и краткие сведения об основанной им Флорищевой пустыни. Тщанием и иждивением настоятеля Флорищевой пустыни архим. Антония. Вязники, 1894. С. 21.

² Георгиевский В.Т. Житие и подвиги Илариона, митрополита Суздальского и краткие сведения об основанной им Флорищевой пустыни. Тщанием и иждивением настоятеля Флорищевой пустыни архим. Антония. Вязники, 1894.

³ Там же. С. 23–32.

⁴ Георгиевский В.Т. Архимандрит Антоний, настоятель Флорищевой пустыни Владимирской губернии: (К XXV-летию управления его Флорищевой пустыней). Изд. 2-е. Владимир, 1898. С. 13.

⁵ Покровский Н.В. Отзыв на книгу «В.Т. Георгиевский: Флорищева пустынь. Историко-археологическое описание с рисунками. Издание архимандрита Антония. Вязники, 1896. СПб., 1899. С. 1.

⁶ Георгиевский В.Т. Флорищева пустынь: Историко-археологическое описание. Вязники, 1896.

⁷ Покровский Н.В. Указ. соч. С. 1.

⁸ Георгиевский В.Т. Флорищева пустынь... С. 1.

Книга состоит из двух частей: основной части (собственно исследования) и приложений. Основная часть – это 15 глав, четыре из которых посвящены Илариону и его деятельности по устройению монастыря, и три – «строительству», осуществленному его преемниками в XVIII в. В нескольких главах подробно говорится о монастырских храмах, иконах, иконном письме, о монастырской ризнице. В этих главах мы встречаем описания и атрибуцию икон соборного храма и трех церквей Флорищевой пустыни, напестольных и наперсных крестов, священных сосудов, риз и воздушов.

Основу монографического исследования составили разновременные списки Жития митрополита Илариона, относящиеся к середине XVIII и середине XIX вв. Фактический материал уточняющего характера содержался также в опубликованных документах и делах архива Святейшего Синода и в научных трудах, посвященных первым представителям династии Романовых.

К особым заслугам монастыря, «не принадлежавшего к числу древнейших и знаменитых обителей», история которого «не была сложна»¹, автор отнес «устройство хорошей библиотеки», снабженной «всевозможными рукописями и древнепечатными творениями святых отцов и современных духовных писателей»². «Библиотека рукописей Флорищевой пустыни, довольно обширная и разнообразная, уже давно обратила на себя внимание ученых»³.

Написание развернутой истории одного из духовных центров России в связи с вопросом о канонизации митрополита Суздальского Илариона стало актуальнейшей задачей церковной науки конца XIX в. Первым и единственным из тех, кто обратил свой взор на Свято-Успенскую Флорищеву пустынь, стал В.Т. Георгиевский. Его начинание поддержал архимандрит Антоний, «доведший пустынь до значительной степени высоты во всех отношениях»⁴. Составленная архимандритом «подробная опись монастыря» и «приведенные в порядок монастырский архив и библиотека» сделали доступным большой комплекс источников, позволяющих наиболее полно раскрыть историю строительства монастыря на протяжении двух с половиной веков – с середины XVII до конца XIX в. Впервые в научный оборот совместными стараниями настоятеля обители и ученого были введены помещенные в приложение 32 официальных документа, среди которых грамоты царя Федора Алексеевича, патриархов Иоакима и Адриана, императрицы Елизаветы Петровны.

Ценность издания заключается и в публикации «Описания рукописей Флорищевой пустыни», состоящего из 223 кодексов XV–XVIII вв. Это – «азбуковники, риторики, титулярники, хрисмологии, космографии, арифмологии, знакомившие московскую Русь впервые с корнями учения киевских и белорусских школ», а также сборники, содержащие сочинения Иосифа Волоцкого, Симеона Полоцкого, Юрия Крижанича, Дмитрия Ростовского, Ивана Посошкова, Иннокентия Гизеля, Лихудов, Паисия Величковского; сборники творений отцов церкви. Это – богослужебные книги, ирмо-

¹ Покровский Н.В. Указ. соч. С. 1.

² Георгиевский В.Т. Флорищева пустынь... С. II.

³ Покровский Н.В. Указ. соч. С. 4.

⁴ Георгиевский В.Т. Флорищева пустынь... С. IV.

С богатейшим собранием рукописных и старопечатных книг работали крупнейшие специалисты, изучающие памятники древнерусской литературы: русский археолог и библиограф А.Е. Викторов (1827–1883), историк и писатель М.В. Веневитинов (1844–1901), филолог и палеограф И.А. Шляпкин (1858–1918), историк искусства Г.Д. Филимонов (1828–1898), нижегородский писатель и статистик А.С. Гациский (1838–1893) и др. (См.: Георгиевский В.Т. Архимандрит Антоний... С. 9.) Научно-исследовательской работой в библиотеках монастыря читателей такого уровня могли похвастаться только библиотеки Московской Духовной академии и Троице-Сергиевой лавры.

логии, октоихи, синодики, жития, патерики, канонники, требники, часословы, летописцы, лексиконы. Особую научную ценность представляет опубликованный в приложении каталог старопечатных книг, хранившихся в библиотеке монастыря¹.

С рецензией на книгу о Флорищевой пустыни выступил профессор Санкт-Петербургской духовной академии и археолог Н.В. Покровский (1848–1917). Он указал на главную заслугу автора: тот «собрал относящийся к его предмету материал из рукописей и печатных изданий, привел его в стройный порядок и дал верное представление о несложной и непродолжительной истории Флорищевой пустыни»².

Как церковный историк, археограф, библиотекарь и краевед, В.Т. Георгиевский не обошел своим вниманием и современную историю обители. К 25-летию настоятельства архимандрита Антония во Флорищевой пустыни была написана и издана небольшая брошюра, в состав которой, прежде всего, вошла краткая биография «почтенного старца». В числе названных его главных заслуг были названы такие, как приведение своими «неусыпными трудами» в «благолепный вид» храмов, икон, библиотеки и архива монастыря³. В книгу также сочли возможным включить присланные на «скромное празднование» адреса и поздравления, раскрывающие смыслозначимость трудов этого замечательного церковного строителя и «полезного деятеля»⁴.

Монастырская тема, а точнее история небольших, но значимых для русской государственности монастырей продолжилась книгами о Суздальском Ризположенском женском монастыре⁵ и Вышинской пустыни⁶, в которых соответственно подвизались Евфросиния Суздальская и святитель Феофан Затворник Вышенский.

Книга, раскрывающая значение Ризположенского монастыря в истории государства Российского и церковного строительства, состоит из двух частей. Первая – это история обители, содержащая характеристику церквей и монастырских зданий, рассказ обо всех церковных предметах, хранящихся в монастырской ризнице (к сожалению, «мало сохранившей древних и замечательных в археологическом отношении вещей»⁷), повествующая о библиотеке и земельных владениях, а также об особенностях богослужения. Вторая часть – приложения: официальные документы: описи, грамоты, указы, челобитные, доношения, ведомости. Особую ценность имеет научная публикация лицевого Жития преподобной Евфросинии Суздальской, дочери князя Михаила Черниговского, по списку XVII в.с подробным описанием миниатюр.

На значение публикации в качестве приложения официальных и архивных документов, связанных с историей строительства и повседневной монастырской жизни Ризположенской обители, В.Т. Георгиевский указал еще в предисловии, подчеркнув, что «время и пожары истребили почти все источники для многовековой истории этого монастыря (...) Единственные сведения о первоначальной его истории заключаются в житии преподобной Евфросинии, (...) передающем одни смутные предания о его первоначальной истории»⁸.

¹ Георгиевский В.Т. Флорищева пустынь... С. 161–303.

² Покровский Н.В. Указ. соч. С. 2.

³ Георгиевский В.Т. Архимандрит Антоний... Владимир, 1898.

⁴ Там же. С. 3, 14.

⁵ Георгиевский В.Т. Суздальский Ризположенский женский монастырь: Историко-археологическое описание. Владимир, 1900.

⁶ Георгиевский В.Т. В Вышинской пустыни. СПб., 1910.

⁷ Георгиевский В.Т. Суздальский Ризположенский женский монастырь... С. 87.

⁸ Там же. С. 1.

С целью реконструкции подлинной истории одного из старейших монастырей Владимиро-Суздальской Руси ученый провел работу в архивах Владимирской духовной консистории, Суздальского духовного правления, в Московском архиве Министерства юстиции и иностранных дел и Синодальном, собрав «разного рода» акты, указы, изучив приходорасходные книги. Была внимательно изучена не столь обширная историография. Это – труды В.В. Сулова, М.В. Толстого, иеромонаха Иоасафа, И.Ф. Токмакова и справочные издания Л.И. Бакмейстера, А.М. Ратшина, В.В. Зверинского и др.

В 1910-е гг. В.Т. Георгиевский начал работать над книгой о памятниках древнерусского церковного искусства, хранившихся в Суздальском Покровском монастыре. Этот труд должен был выйти в 1917 г., но «затерялся при ликвидации типографии». Книга, названная «Памятники старинного русского искусства Суздальского музея», увидела свет только в 1927 г.¹

Описание монастырских собраний продолжалось на протяжении всей жизни В.Т. Георгиевского. Он одним из первых дал подробную характеристику коллекции шитья ризницы Троице-Сергиевой лавры², а после революций 1917 г., заняв должность хранителя древних тканей в Оружейной палате Московского Кремля, он создал в Московском Кремле Всероссийскую мастерскую по шитью, которая просуществовала до 1924 г., и тем самым заложил основы теории и практики реставрации тканей и шитья³.

Историю церковного строительства Владимиро-Суздальской Руси ученый описал и в написанных им путеводителях по Владимиру⁴ и по Владимиру–Суздалью–Переславлю-Залесскому⁵. Свое обращение к подобному жанру он объяснил не только отсутствием «специального описания, которое познакомило бы желающего с местными (г. Владимира. – Г.А.) достопримечательностями»⁶, но и тем, что при «заметно развивающемся похвальном обычае летних поездок по разным уголкам нашего обширного отечества с целью ближнего ознакомления с родной страной и с ее историческими памятниками» далеко не везде есть возможность «пользоваться печатным руководителем при обозрении достопримечательностей и древностей»⁷.

¹ Георгиевский В.Т. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М., 1927.

Издание осуществлено благодаря стараниям старшей дочери ученого – Е.В. Георгиевской-Дружининой. В предисловии, раскрывая особенности увидевшего свет издания, она указала: «В настоящее время, найдя недостающие части первого тома, я считаю полезным долгом выполнить начинание отца моего выпуском этого первого тома с описью 1597 года и таблицами с прибавлением небольшого объяснительного текста к ним, так как второй том, в котором заключался разбор опубликованных памятников, утерян, и от второй части труда осталась только рукопись 1725 года, которую я и присоединяю как приложение к первому тому» (см.: Георгиевский В.Т. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея... С. 57). Помощь в подготовке и реализации издания оказали российский и советский историк искусства Д.В. Айналов (1862–1939) и жена Л.Д. Троцкого – заведующая музейным отделом Наркомпроса в 1918–1928 гг. Н.И. Троцкая (1882–1962).

² Георгиевский В.Т. Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевой лавры. М., 1914.

³ Аксенова Г.В. Василий Тимофеевич Георгиевский – исследователь, педагог, наставник. К вопросу об особенностях путешествия по России князя Олега Константиновича // Константиновские чтения–2017. Жизнь, отданная служению России. К 190-летию со дня рождения великого князя Константина Николаевича. Сборник материалов научной конференции 25 октября 2017 г. СПб., 2017. С. 174.

⁴ Георгиевский В.Т. Гор. Владимир на Клязьме и его достопримечательности. Владимир, 1896.

⁵ Георгиевский В.Т. Владимир, Суздаль, Переславль-Залесский: [Путеводитель по памятникам старины]. СПб., 1913.

⁶ Георгиевский В.Т. Гор. Владимир на Клязьме... С. 3–4.

⁷ Там же. С. 3.

Здесь необходимо указать на важный факт в биографии В.Т. Георгиевского, связанный как с его церковно-научной деятельностью, с изучением церковного строительства в России, так и с работой над написанием путеводителей.

В мае 1908 г. состоялось знакомство замечательного исследователя древнерусской старины В.Т. Георгиевского с великим князем Константином Константиновичем (знаменитым поэтом, писавшим под псевдонимом К.Р.) и его семьей. В.Т. Георгиевский сопровождал семью великого князя в ее поездке по Ярославлю, Ростову, Костроме, Нижнему Новгороду, Владимиру, Боголюбому, Суздалью и Москве¹ – духовным центрам, святым местам и рассказывал об уникальных архитектурных памятниках этой исконно русской земли, представив их во всем своем величии, красоте и могуществе². Он встретился с ними в Киеве на раскопках близ Десятинной церкви³. Великий князь Константин Константинович охарактеризовал своего «экскурсовода» как «знатока истории и древнего русского искусства»⁴. Великий князь Гавриил Константинович назвал В.Т. Георгиевского «знатком русской старины»⁵. Это путешествие способствовало формированию отношения к русской истории у юного поколения Константиновичей, оказало влияние на формирование их взглядов, «воспитало горячую любовь к родине и готовность жертвовать всем и даже самой жизнью»⁶.

Первый из путеводителей – по Владимиру – увидел свет еще в конце XIX в. В нем автор не преминул подчеркнуть, что любимый им город Владимир, даже «уступив свое первенство позднейшим столицам Москве и Петербургу и передав им в наследие главнейшие святыни свои: древней Москве – чудотворную икону Владимирской Божией Матери, а Петербургу – святые мощи великого князя Александра Невского», не оскудел святынями⁷.

«Путеводитель по памятникам старины», т.е. по Владимиру, Суздалью и Переяславлю-Залесскому, вышел специально к празднованию 300-летия Дома Романовых в 1913 г. Предваряя подробный, информационно насыщенный рассказ о главных городах Владимиро-Суздальской Руси, В.Т. Георгиевский писал: «Величественные храмы с их оригинальной архитектурой, древние фрески и иконы, предметы богослужебной утвари, изделия из золота, серебра и меди, резьба по камню, кости и дереву, художественное шитье и низанье жемчугом и драгоценными камнями – все это дорогое наследие старой культурной жизни наших предков дает обильный материал для любознательности каждого, кому дороги интересы родного искусства и науки»⁸.

¹ Дневник великого князя Константина Константиновича. 1907–1909 гг.: Текст / Сост., автор предисл., коммент. и биограф. справочника Т.А. Лобашкова. М., 2015. С. 241–253; Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М., 2017. С. 83.

² Краткое описание маршрута и впечатлений от увиденного – см.: Дневник великого князя Константина Константиновича... С. 241–253.

³ Дневник великого князя Константина Константиновича. 1907–1909 гг. С. 282.

⁴ Там же. С. 246.

⁵ Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце... С. 83.

⁶ Вашков Е.И. Его высочество князь Олег Константинович: [Некролог]. Пг., 1916. Цит. по публикации, подготовленной Г.В. Аксеновой для сборника «Константиновские чтения–2015». См.: Аксенова Г.В. Семья Вашковых и Константиновичи: жизнь и деятельность художника, писателя Евгения Ивановича Вашкова. Приложение. Евгений Вашков и его очерк о подвиге князя Олега Константиновича // Константиновские чтения–2015. Константиновичи – семья, традиции, деятельность на благо России. Сборник материалов научной конференции 28 октября 2015 г. СПб., 2015. С. 134.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Георгиевский В.Т. Владимир, Суздаль, Переяславль-Залесский... С. 6.н.

Повествуя об истории Владимира, как ученый-краевед, В.Т. Георгиевский уделил много внимания князю Андрею Боголюбскому, построившему «великолепный соборный храм во имя Успения Божией Матери, украсив его золотом и серебром снаружи и внутри и снабдив его драгоценной церковной утварью. Здесь же, в этом соборном храме, поставлена была и главная святыня новой столицы – чудотворная икона Божией Матери, принесенная им из Вышгорода (...) и получившая отныне название Владимирской». К числу заслуг великого князя Всеволода он отнес восстановление после пожара соборного храма Успения и строительство новых храмов: Рождества Пресвятой Богородицы и Дмитриевского собора. Храмовое строительство Георгия и Константина Всеволодовичей позволило, по мнению В.Т. Георгиевского, «выделить Владимир в особую епископию» и городу «возвыситься в церковном отношении, а через это и в отношении гражданском»¹.

Первыми достопримечательностями, о которых в путеводителе идет подробный рассказ, стали Успенский и Дмитриевский соборы, затем – Княгинин женский и Боголюбов монастыри, церковь Покрова на Нерли.

В повествовании о Суздале особое внимание обращено на собор Рождества Пресвятой Богородицы, построенный в 1222 г. князем Юрием Всеволодовичем и на роль митрополита Илариона в церковном созидании этого древнего места. Указано на особую роль Спасо-Евфимиева монастыря, в котором сохраняются древнейшие святыни, связанные с жизнью строителя и первого игумена – преподобного Евфимия, который стал местом погребения князя Дмитрия Пожарского. Не менее подробное описание дано Покровскому женскому монастырю, в котором была погребена в XVI в. праведная Соломония Сабурова и заточена в XVIII в. первая жена царя Петра I – Евдокия Лопухина.

При описании Переславля-Залесского внимание читателей и путешественников обращается на Преображенский собор, на значение Никитского и Троицкого Данилова монастырей.

Очарованный «прелестью и совершенством художественных форм» древнерусского искусства, В.Т. Георгиевский стал практически первым автором обобщающей работы о древнерусском искусстве. Ее включили в состав переводного издания французского ученого К. Байе, посвященного общей истории искусств «Précis d'histoire de l'art» (1886 г.). Перевод этого труда, осуществленный под редакцией профессора университета святого Владимира Г.Г. Павлуцкого под названием «История искусств (архитектура, скульптура, живопись)», осуществили в самом начале XX в. Книга «с прибавлением главы о древнерусском искусстве В.Т. Георгиевского» вышла в Киеве в 1902 г.² Отметив имеющую место быть дискуссию о византийском влиянии на древнерусское искусство и не согласившись с «желанием» историков и археологов «при изучении уцелевших памятников искусства лишь исключительно отыскивать в них

¹ Там же. С. 2–4.

² Байе К. История искусств / Пер. под ред. и с доб. проф. ун-та св. Владимира Г.Г. Павлуцкого и с прибавлением гл. о древнерусском искусстве В.Т. Георгиевского. Киев, 1902.

В аннотации к изданию сказано: «Книга представляет общий, сжатый и в то же время систематический и полный обзор всех фактов в истории искусств. Здесь кратко изложена вся история искусств, отмечены все главнейшие течения в истории художественного творчества с древнейших времен до XVIII века. По богатству материала содержания, разнообразию обобщаемого материала книга заслуживает полного внимания, благодаря живому, увлекательному изложению, она читается с большим интересом. В русском переводе Г.Г. Павлуцким добавлены главы об искусстве в Западной Европе в XIX в., древнерусском искусстве и искусстве XIX в. в России.

Очерк В.Т. Георгиевского помещен на с. 325–366.

черты византинизма и отчасти влияний других народностей», он указал на необходимость «видеть черты самобытности и те характерные особенности, которые образовались в русских произведениях искусства под влиянием родной среды и народности»¹. Он согласился с мнением академика Н.П. Кондакова, неопровержимо доказавшего в своих последних исследованиях «значительную самостоятельность древнерусского искусства и художественной промышленности даже в области таких тонких технических художеств, как, например, перегородчатая эмаль и довольно высокое состояние вообще древнерусской культуры в некоторых областях домонгольской Руси». Прежде чем начать разговор об особенностях древнерусского искусства на примерах памятников архитектуры (культовых каменных строений и культового деревянного зодчества), мозаик, монументальной и станковой живописи (фрески и иконы), резьбы по дереву, книжной графики, декоративно-прикладного и ювелирного искусства, ученый указал на тесную взаимосвязь всех видов церковного искусства, связанных с церковным строительством, очертил географические и хронологические рамки анализируемого материала. В частности, он писал: «Наиболее видными и богатыми центрами в древней домонгольской Руси были: Киев, Владимир и Новгород с Псковом. В XIV в. возвышается Москва и надолго делается единственной столицей Руси. В этих древних культурных центрах сохранились до сего времени наиболее важные памятники древнерусской архитектуры, живописи и прикладных искусств»².

Размышления об особенностях русской архитектуры ученый начал с «целешего в значительной мере» Киево-Софийского собора, характеристики значения Злато-Верхо-Михайловского, Выдубицкого и Кириллова монастырей в Киеве, храма Спаса на Берестове, Черниговских и Овручских соборов. Затем он обратил внимание читателей на Владимиро-Суздальское церковное белокаменное зодчество, у истоков которого стоит Андрей Боголюбский, и перешел к характеристике древнейших памятников Новгородской архитектуры, указав на ее самобытные черты, свидетельством чему – София Новгородская и Спасо-Преображенский собор в Мирожском монастыре.

В Московской Руси после ее возвышения шло активно церковное и монастырское строительство, в котором участвовали как московские и псковские мастера, так и приглашенные Иваном III иностранцы. Рассуждая об особенностях иностранного присутствия в церковном строительстве, В.Т. Георгиевский отметил: «Интересны отношения к этим иностранцам, призванным для сообщения технических сведений русским мастерам, со стороны русских захватчиков. Художники эти не вполне свободны в своей деятельности, но должны были сообразоваться с русскими требованиями и вкусами, с русскими преданиями и, производя монументальные постройки, должны были предварительно справляться с древнерусскими памятниками зодчества»³.

Как шедевры русского церковного зодчества XVI в. отмечены каменная церковь Вознесения в селе Коломенском и церковь Василия Блаженного. «Наиболее роскошными по наружным украшениям фасадов» названы «церкви Ярославские и Ростовские»: Иоанна Предтечи в Толчкове, Ильи Пророка в Ярославле и Воскресенский собор в Романове Борисоглебске, имеющие «своеобразную отделку наружных стен»⁴.

Особое внимание уделено иконописи, решениям Стоглава и лицевым иконописным подлинникам: Сийскому и Строгановскому. «Строгие постановления Стоглава и

¹ Георгиевский В.Т. Книга пятая. Глава первая. Древнерусское искусство // История искусств... С. 325.

² Там же. С. 325, 326.

³ Там же. С. 340.

⁴ Там же. С. 343.

неизменное следование правилам иконописным подлинников, по-видимому, обрекали на мертвую неподвижность нашу иконопись, сводя деятельность художников-иконописцев исключительно на копирование старых образцов и заставляя их размениваться на мелочи», - писал В.Т. Георгиевский, подводя итоги развития русской иконописи к началу XVII столетия. «Но живое художественное чувство, - продолжает ученый, - присущее лучшим и талантливейшим иконописцам XVII в., не могло мириться с одной ремесленностью и скоро среди них являются выдающиеся по таланту личности, которые вносят струю художественности в иконописную среду». По мнению В.Т. Георгиевского, «талантливейшим иконописцем царской школы» второй половины XVII в. стал Симон Ушаков (1626–1686), художественное чутье которого, с одной стороны, «не мирилось со многим из того, что было обязательным для иконописца того времени», с другой – «он оставался верен многим основным принципам иконописания», внося «в древнюю технику его много нового, лучшего»¹.

Размышления о новых тенденциях в русском иконописании заставили ученого поставить вопрос об их согласованности с глубоким религиозным чувством. На этот непростой вопрос он дал ответ, сначала участвуя в работе комиссии, инспектировавшей работу иконописных промыслов в 1900 г., а затем став членом Комитета попечительства о русской иконописи. После совместной с Н.П. Кондаковым и С.Д. Шереметевым инспекции иконописных промыслов, существовавших в Центральной России, и проведенного анализа состояния провинциального рынка икон В.Т. Георгиевский в конце XIX – начале XX в. стал «дейтельным участником» процесса организации иконописных школ в селах Мстере, Палехе, Холуе Владимирской губернии и в селе Борисовке Курской губернии, которые и были открыты в 1902 г.

Деятельность В.Т. Георгиевского в Комитете не ограничилась только организацией иконописных мастерских. Он принимал участие в подготовке периодических изданий, каковыми стали с 1902 г. «Известия Высочайше учрежденного Комитета попечительства о русской иконописи» и с 1906 по 1910 г. «Иконописный сборник».

В 1907 г. В.Т. Георгиевского избрали на должность члена Училищного совета при Святейшем Синоде. С 1907 по 1917 г., как член Училищного совета и помощник наблюдателя церковно-приходских школ, он неоднократно выезжал для проведения экзаменов и оказания помощи в становлении учебного процесса в Костромскую, Новгородскую, Донскую, Литовскую, Херсонскую, Енисейскую, Иркутскую, Черниговскую, Астраханскую, Архангельскую, Вятскую, Вольнскую, Курскую, Сухумскую, Полоцкую и другие епархии². Одними из самых значимых в жизни ученого инспекционных поездок стали неоднократные посещения в 1905–1908 гг. Ферапонтова монастыря Новгородской губернии, во время которых было сделано открытие — обнаружена фресковая живопись в Рождественском соборе. Как отмечает Ю.А. Пятницкий, «фрески сильно увлекли его и В.Т. Георгиевский "загорелся" идеей издать их самым достойным образом и таким образом сделать доступным для специалистов и любителей древнерусского искусства это сокровище культуры»³. 15 февраля 1908 г. на

¹ Там же. С. 362.

² Сведения взяты из статьи: Вздорнов Г.И. Георгиевский Василий Тимофеевич // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/162161.html> (дата обращения: 23.04.2017).

³ См.: Пятницкий Ю.А. В.Т. Георгиевский и его поездки на Афон в 1911–1913 годах в письмах к Н.П. Кондакову // Труды Государственного Эрмитажа: Т. LVII. Балканский сборник. К XXII Международному конгрессу византинистов. София, 22–27 августа 2011 года / Государственный Эрмитаж. СПб., 2011. С. 302.

заседании Комитета попечительства о русской иконописи ученый сообщил о фресках Ферапонтова монастыря, написанных Дионисием и его сыновьями. Комитет принял решение о публикации фресок в «Иконописном сборнике» (но решение не было выполнено).

Книга-альбом «Фрески Ферапонтова монастыря»¹, посвященная уникальному творческому наследию русского иконописца XV в., вышла три года спустя.

Помимо рассказа о сохранившихся фресках Рождественского собора и расшифровки их сюжетов, в книгу были включены сохранившиеся письменные известия о художнике. В предисловии, обращая внимание читателей на значение обретенного наследия, В.Т. Георгиевский писал: «XV век в истории русского искусства является одним из наиболее важных и интересных. В то время как памятники русской архитектуры этого периода, за немногими исключениями, уцелели и доступны для изучения, фрески и иконы почти все погибли для науки или испорчены позднейшими реставрациями (...) Нам посчастливилось найти в глухом углу Новгородского края, в полузабытом древнем Ферапонтовом монастыре целую стенную роспись, сохранившуюся почти чудом, принадлежащую кисти (...) иконописцев великого князя Иоанна III – Дионисия и его сыновей Феодосия и Владимира, продолжавших дело отца при дворе великого князя Василия III»². Также он констатировал: «Древнерусская иконопись так мало изучена, что представляет настоящий дремучий "лес"³. Если нам удалось сделать хотя некоторую небольшую просеку в этом "темном лесу" посредством издаваемой книги, мы будем считать свой труд не бесполезным»⁴.

Н.П. Кондаков в «Отзыве о сочинении» подчеркнул, что работа В.Т. Георгиевского «составит основу будущей науки»⁵.

После посещения Ферапонтова монастыря в 1911 г. совместно с архиепископом Арсением (в прошлом ректором Московской духовной академии), знатоком, деятельным любителем русской старины и искусствоведом Ю.А. Олсуфьевым (1878–1938) и описанием состояния сохранившихся фресок В.Т. Георгиевский выступил в Санкт-Петербургском обществе защиты и охраны памятников искусства и старины. По итогам этого выступления был организован особый Комитет по восстановлению Ферапонтова монастыря под руководством новгородского архиепископа Арсения.

Следующий большой шаг по сохранению православного средневекового наследия связан с тремя научными поездками на Афон, состоявшимися в 1911, 1912 и 1913 гг. Эти поездки подробно описаны в статьях Ю.А. Пятницкого⁶. Остановимся только на некоторых фактах. Первый раз В.Т. Георгиевский отправился на Афон летом 1911 г. по собственной инициативе и на свои собственные средства. При посещении столицы Афонского монашеского государства – его административного центра Карье он смог побывать в храме Протата, посвященном Успению Богородицы, и познакомиться с уникальными фресками византийского живописца конца XIII – начала

¹ Георгиевский В.Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911.

² Там же. С. I–II.

³ Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. СПб., 1911. С. 18.

⁴ Георгиевский В.Т. Фрески Ферапонтова монастыря. С. I–II.

⁵ Кондаков Н.П. Отзыв о сочинении В.Т. Георгиевского «Фрески Ферапонтова монастыря» // Отчет о пятидесяти пятом присуждении наград гр. Уварова. Пг., 1915. С. 1, 4–6.

⁶ Пятницкий Ю.А. Афонские экспедиции В.Т. Георгиевского в 1911–1913 гг. // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского (14.II.1908–15.X.1990). Тезисы докладов. СПб., 1995. С. 45–47; Его же. В.Т. Георгиевский и его поездки на Афон в 1911–1913 гг. в письмах к Н.И. Кондакову // Труды Государственного Эрмитажа: Т. LVII. Балканский сборник... С. 294–378.

XIV в. Мануила Панселина. Придя к выводу о чрезвычайно важном значении фресок Протата в истории византийской живописи, он получил у монахов разрешение на их фотофиксацию. Помимо Святой горы Афон он также побывал в Константинополе, посетил Сербию, где ему удалось сфотографировать фрески Раваницы, Каленича, Манасии, Жиче, Любостыни, Студеницы. Все увиденное и отснятый материал позволили ученому замыслить монографию о фресках сербских церквей, которая не была реализована из-за начавшейся Первой мировой войны.

Итогом трех проведенных экспедиций, которые успели провести русские ученые, стали 200 снимков с фресок и икон монастырей Афона и сербских церквей XIV–XVI вв.; в Россию доставили несколько фрагментов афонской стеной живописи и, наконец, увидел свет альбом с 32 таблицами фототипий и 3 цветными снимками «Фрески Панселина в Протате на Афоне», ставший «первой научной публикацией уникального комплекса»¹. Роскошное издание фресок Мануила Панселина – «подлинной росписи начала XIV века на Афоне», по мнению искусствоведа и реставратора Г.И. Вздорнова, «явилось научным подвигом со стороны В.Т. Георгиевского и Л.Д. Никольского»². Современным искусствоведом Ю.А. Пятницким особо отмечается роль В.Т. Георгиевского в спасении икон Афонских монастырей и иконостаса, вошедшего в историю науки под именем Хиландарского³.

В марте 1915 г. В.Т. Георгиевский стал одним из учредителей Общества возрождения художественной Руси, которое объединило художников, искусствоведов, коллекционеров, благотворителей, государственных и общественных деятелей, проникнутых любовью к древнерусской культуре. За многолетнюю службу при Святейшем Синоде ему были пожалованы ордена Святого Станислава 3-й степени, 1-й степени (1899 и 1913 гг.) и Святого Владимира 3-й степени (1910 г.).

В 1917 г. В.Т. Георгиевский участвовал в качестве делопроизводителя в работе Поместного Собора Православной Российской Церкви. В июле 1918 г. он вошел в Комиссию по сохранению и раскрытию древней живописи в России, созданную при Музейной коллегии Наркомпроса РСФСР, и участвовал в расчистке фресок Владимирских Дмитровского и Успенского храмов, затем – в экспедиции в Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Вспоминая о последних годах жизни ученого, сын Сергиево-Посадского священника С.И. Четверухин писал: «Василий Тимофеевич Георгиевский, археолог, известный искусствовед, воспитатель сыновей поэта К.Р., познакомивший Россию с фресками Ферапонтова монастыря. Это был старый друг папы, и когда мы переезжали в Замоскворечье, он нашел квартиру рядом с нами. В церкви он читал и подпевал приятным баритоном, звонил, подражая Ростовским звонам, водил в Исторический музей поклониться только что расчищенной иконе Богоматери. Говорил о старине, своих поездках и находках, людях. Увлеченно принимал участие в маминых спевках. Умер Василий Тимофеевич в конце 1923 г. после недолгой болезни. На его отпевание пришло много профессоров и художников, называли Васнецова и Нестерова. Отпевал митрополит Крутицкий Петр»⁴.

¹ Пятницкий Ю.А. В.Т. Георгиевский и его поездки на Афон в 1911–1913 гг. в письмах к Н.И. Кондакову... С. 330.

² См.: Вздорнов Г.И. Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М., 2006. С. 31.

³ Пятницкий Ю.А. В.Т. Георгиевский и его поездки на Афон в 1911–1913 годах в письмах к Н.И. Кондакову...

⁴ Цит. по: Векслер А.Ф., Крашенинникова Т. Владимирский округ. Большая и Малая Московские улицы и улица Правды. [Электронный ресурс]. URL: <http://iknigi.net/avtor-arkadiy-veksler/86536>

Василий Тимофеевич Георгиевский скончался в Москве 14 декабря 1923 г. Его похоронили на Даниловском кладбище.

В.Т. Георгиевский, уроженец Владимирской земли, друг художника В.М. Васнецова, член Общества любителей древней Письменности и Комитета попечительства о русской иконописи, вошел в историю мировой науки как ученый, открывший фрески Дионисия и приложивший немало усилий к сохранению наследия Афона. Его научные открытия и труды по сохранению и реставрации церковного историко-архитектурного наследия, в т.ч. Богородице-Рождественского Ферапонтова монастыря, труды, посвященные истории городов Владимиро-Суздальской Руси и таких монастырей, как Суздальский Ризоположенский, Флорищева и Вышинская пустыни, Троице-Сергиева лавра, публикации описаний их ризниц и книжных собраний позволяют утверждать, что В.Т. Георгиевский как историк, краевед, искусствовед и археограф внес серьезный вклад в изучение церковного строительства в России.

**НОВАЯ РЕЛИГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ОТ Р.В. ИВАНОВА-РАЗУМНИКА:
К ВОПРОСУ О ДУХОВНОМ КРИЗИСЕ
РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАЧАЛЕ XX в.**

В анамнезе русской интеллигенции периода после революции 1905 г., представленном в известном сборнике «Вехи», присутствует, среди прочих, такое определение интеллигентского сознания, как «безрелигиозная религиозность».

По мысли автора определения, С.Н. Булгакова, это явление есть не что иное, как результат столкновения в сознании интеллигента атеизма и идеологии человекобожия с глубинным религиозным чувством и жаждой целостного мирозерцания или, иными словами, с жаждой веры и исканием Града Божия. Безрелигиозность, таким образом, является особым видом наивной религиозной веры, воинствующей, с догматическими наукообразными формами, а всякая деятельность по устройению внешних форм жизни приобретает вид религиозного служения с сопутствующим чувством мученичества, жертвенностью, исповедничеством, идейным максимализмом.

В связи с обозначенным парадоксом в душевном строе русского интеллигента особый интерес представляет фигура Р.В. Иванова-Разумника¹.

Будучи активным участником актуальной публицистической полемики об интеллигенции, он выделялся рельефностью индивидуально-психологических качеств, и, вместе с тем, в мировосприятии и общественно-политической практике со всей очевидностью демонстрировал в концентрированном выражении все признаки собранного авторами «Вех» типа.

Р.В. Иванов-Разумник заявил о себе в первом десятилетии XX в. двумя работами – «История русской общественной мысли» (1906 г.) и «О смысле жизни» (1908 г.), содержащими основные положения его мировоззренческой концепции, которую сам автор поначалу назвал философией имманентного субъективизма.

Он считал безнадежно устаревшими все крупные концепции исторического процесса, содержащиеся как в мировых религиозных доктринах, так и в философских и научно-философских системах. Не соответствующими требованиям развития он объявил и историческое христианство, и т.н. позитивную теорию прогресса, и «экономический аршинчик» марксизма.

В центр своего мировоззрения, вполне в духе времени, он поместил Человека, но не как категорию, а как конкретную, отдельно взятую, субъективно мыслящую и действующую сообразно собственному мировидению (принцип этического индивидуализма) индивидуальность. Она же определялась смыслом и целью социальной истории в каждом моменте, т.е. здесь и сейчас.

Это означало, что всякий человек – самоцель, и смысл его жизни заключается в стремлении к полноте бытия, к полноте всех переживаний (исключая ценности гедонизма и утилитаризма), и он не может быть средством ни для каких-либо обществен-

¹ Разумник Васильевич Иванов (псевд. – Иванов-Разумник) (1878–1946) известен как литературный критик, публицист, издатель, яркий и яростный общественно-политический деятель неонароднического толка периода трех русских революций, оппозиционер с богатым тюремно-ссылным опытом, эмигрант (с 1942 г.).

ных групп и классов, ни для благополучия грядущих поколений. Исторический прогресс, таким образом, виделся ему как деятельное, непрерывное, бескомпромиссное и жертвенное творчество истинных этических индивидуалистов (интеллигенции) по выработке и утверждению в общественном сознании и политической практике все новых духовных ценностей, способствующих росту «вширь и вглубь» человеческой личности, социальному и политическому освобождению (в т.ч. путем социальных революций) тех классов и слоев общества, которые пока являются средствами для других общественных групп. Иванов-Разумник определял это как состояние «вечной революционности».

В мировоззренческой конструкции Иванова-Разумника антихристианство было, безусловно, одним из базовых элементов.

Он полагал, что «христианство не удалось», потому что «пыталось преобразить мир только силой духа»¹, потому что «мистики-объективисты» думали, что «мир должен быть преобразен и спасен одним человеком, кто бы ни был этот человек, и в этой вере – величайшее кощунство, ибо спасение человека – в мире, а не в человеке – спасение мира»², потому, наконец, что само устройство православной церковной жизни противостоит «широкому демократизму, социальному и политическому»³. Он уличал «оправдывающих» Бога в безропотном принятии всего и вся как неизбежного («таракан не ропщет»)⁴, и обвинял христианство в духовном минимализме, противопоставляя ему принцип духовного максимализма – все или ничего⁵.

Выступая против идей и ценностей христианства, Иванов-Разумник иногда разделял церковь как организацию и церковь-носителя Завета, христианскую идею и «историческое христианство», уточняя, что есть христианство и Христианство. Иногда он не делал разделения, говорил то о непризнании Бога, то о неверии.

В книге «О смысле жизни» Иванов-Разумник заявлял о своем неприятии метафизического взгляда на мир, но, вместе с тем, объективного существования Бога не отрицал: «Наше понятие о Боге теперь другое (...) чистый, догматический атеизм отходит теперь в область предания (...) Вера, неверие – не в этом лежит теперь центр тяжести. Можно признавать Бога и в то же время не принимать его»⁶.

В письме к А.А. Блоку в 1918 г. Иванов-Разумник писал: «чувствую себя ни на волос не сдвинувшимся с прежнего неприятия не моей воли. В этом все дело». Далее по тексту он оформлял это утверждение пояснениями, выводящими его на уровень высоких обобщений, аргументов еще из книги «О смысле жизни». Он возвращался к демонстрации личного гордого бунта против Бога и божественного миропорядка, повторяя вслед за героем Достоевского: «я этой гармонии не приемлю и "почтительнейше билет возвращаю". Принимаю мир, не принимаю бога (в себе же!) и в этом месте "да будет воля моя"». Он использовал характерные для него «своеобразные» трактовки: «Это – "демонизм", "люциферианство"? Конечно. Если "да будет воля Твоя" – подлинное христианство, то пусть "да будет воля моя" – будет "люциферианство", но

¹ Иванов-Разумник Р.В. Россия и Иония. Андрей Белый. Христос Воскресе. Сергей Есенин. Товарищ. Иония. Берлин, 1920. С. 7.

² Иванов-Разумник Р.В. Клопные шкурки // Его же. Заветное. О культурной традиции. Пг., 1922. С.118.

³ Иванов-Разумник Р.В. Моховое болото // Там же. С. 102.

⁴ Иванов-Разумник Р.В. О смысле жизни. Берлин, 1920. С. 14.

⁵ Иванов-Разумник Р.В. Клопные шкурки // Его же. Заветное. О культурной традиции. С.115–116.

⁶ Иванов-Разумник Р.В. О смысле жизни. С. 11.

я знаю, что это люциферианство так же близко Христу, как "христианство" (не говоря уже об историческом!) близко к другому полюсу»¹.

Б.Н. Лосский вспоминал об одном из выступлений Р.В. Иванова-Разумника в марте 1920 г.: «... Встав на позицию не то байроновского героя, не то Ивана Карамазова, он высказался в направлении не отрицания Бога, а его неприятия (пусть всего Его благодати) в случае, если бы Он захотел снизойти на него, не спросивши на то предварительного разрешения»².

Согласно духу и букве субъективизма отрицалась и христианская этика как непреложный нравственный закон. В литературных критических статьях Иванов-Разумник развивал эту тему, находя подтверждение своим взглядам в рецензируемых произведениях. В статье «Великий Пан»³ о произведении М.М. Пришвина он предлагал одно из воплощений имманентного субъективизма: ни в чем нет греха, если нет сознания греха. Традиционная мораль сковывает познание и мешает творцу выйти в область жизни, т.е. в область греха.

В статье «Было или не было»⁴ о романе Б.В. Савинкова тот же вопрос об объективном нравственном законе разворачивался в размышлениях о возможности оправдания убийства. Революционер, убивший жандарма, - герой; жандарм, повесивший революционера, - мерзавец и убийца; возможна ли такая этическая вольность? Не только возможна, но и предпочтительна, считал Иванов-Разумник, так как есть только субъективный нравственный закон. В 1926 г. в письме к А. Белому он сформулировал единый критерий субъективной оценки – деяния освящаются целью.

Иванов-Разумник претендовал на оформление мировоззренческой системы «следующего поколения», соответствующей, как ему представлялось, новому качеству развития человека и человечества – грядущему царству Социализма, второго после Христианства мирового переворота. По масштабам, значению, внутреннему наполнению эти величины в его сознании могли быть и сопоставленными, и противопоставленными друг другу.

«Исторический социализм – есть и всегда будет тем самым, чем всегда была христианская церковь: социально-культурной силой, которая беспрерывно сменяться будет новыми формами, в связи с изменяющимися историческими условиями. Но все эти многообразные формы "социализма", "синдикализма", "анархизма" неизбежно нам объединит условной, общей – не боюсь этого слова – религиозной идеей Социализма, новой верой и новым знанием, идущим на смену старому знанию и старой вере Христианства и его многообразных исторических форм»⁵.

В конечном итоге, самому себе он определил роль апостола новой идеи, противостоящей и Христу, и Завету, а философию имманентного субъективизма с течением времени переквалифицировал в новую религию человечества – Антроподиюцу.

Помимо неприятия Провидения и исторического христианства в самостоятельном религиозном творчестве Р.В. Иванова-Разумника нашли отражение и многочис-

¹ Переписка – А. Блок с Р.В. Ивановым-Разумником // Литературное наследство. Т. 92. Кн.2. М., 1982. С. 407–408.

² Лосский Б.Н. Вспоминая Иванова-Разумника // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С. 24–25.

³ См.: Иванов-Разумник Р.В. Великий Пан // Творчество и критика. СПб., 1912.

⁴ См.: Иванов-Разумник Р.В. Было или не было // Иванов-Разумник Р.В. Заветное. О культурной традиции. Пг., 1922.

⁵ Иванов-Разумник Р.В. Россия и Иония. Андрей Белый. Христос Воскресе. Сергей Есенин. Товарищ. Иония. С. 7–8.

ленные экзотические формы интеллигентских исканий начала XX в. В ближайшем окружении Иванова-Разумника были почитатели, приверженцы, искатели в самых разных направлениях: оккультизма, язычества, масонства, сектантства. Для примера, М.М. Пришвин и А.А. Блок долгое время изучали хлыстовство, интересовались отколовшейся от него сектой «Начало века». Отсюда у Пришвина активно работающая тема Чана, образа народной стихии, массы, поглощающей личное начало. Блок тоже находился под сильным влиянием этого образа. Оба, и Пришвин, и Блок, были членами Петербургского Религиозно-философского общества, в большей части хлыстовского по составу участников, хотя в целом идеологически пестрого. Блок, кроме того, активно использовал модное пантеистическое учение Гераклита Эфесского.

Религиозно-мистическое учение Е.П. Блаватской – и «универсальная» религия, объединяющая элементами различные вероисповедания, и оккультизм с целью отыскания тождественного смысла всех религий – было также представлено в Религиозно-философском обществе, а с 1917 г. большую популярность приобрела выделившаяся в 1913 г. из теософии ветвь – *антропософия*, создателем которой был Р. Штейнер. В новой версии в теософский замес добавились науки и философия. Одухотворялась не только окружающая среда, но и культура, а также все профессии и занятия, интересы и достижения. Все это вместе называлось естественнонаучным методом познания.

Одним из базовых антропософских принципов является принцип этического индивидуализма. Нравственность, как мотивация поступков, здесь – подвижная категория. Критерий – любовь к объекту, на который поступок направлен. Любовь к поступку на основе интуиции, вне зависимости от того, добрый он или злой, исчерпывает все сомнения. Если поступок отражает сущность человека, то налицо ситуация свободы. Если же он ориентирован на нравственные нормы – несвободы. Субъективная картина мира, самосознающее «я», человеческая душа, благодаря своей сущности преобразующая эмпирический мир – это тоже антропософия. В числе благоговейных поклонников антропософии с кратковременными периодами охлаждения был А. Белый, который еще и председательствовал в Антропософском обществе. Иванов-Разумник какое-то время дистанцировался от «российского неохристианства» (так он почему-то называл вариации неоязычества), по его определению, беспочвенного, безжизненного, по-сектантски злобного. Он заявлял о том, что прошло время мировых религий, «и напрасно теперь разные господа Рудольфы Штейнеры и г-жи Анны Безант пытаются клеить теософские коробочки: они смогут собрать вокруг себя (...) только жалкую кучку сектантов. "Жить, строить и гибнуть" можно только во имя Человека, а не во имя "трансцендентного", в каких бы формах оно не выжалось»¹.

Одновременно в печатных выступлениях Иванова-Разумника присутствовало влияние сектантских доктрин. Уже в 1912 г. в упомянутых статьях о творчестве Пришвина и Савинкова он оперировал понятием народа в «стихийном» толковании, как стихийной народной души. Дистанция сократилась до минимальной в условиях революции 1917 г. Чем далее, чем глубже развивалась революция, тем более проявлялась мистико-идеалистическая компонента в мировоззрении Иванова-Разумника. С новым качеством мирозерцания связано, в частности, его «скифство»².

¹ Цит. по: Петрова М.Г. Эстетика позднего народничества // Литературно-эстетические концепции в России в конце XIX – начале XX в. М., 1975. С. 158.

² «Скифская» группа – неформальное объединение, организованное по свободным принципам схождения взглядов, без каких-либо правил, на основе литературных и товарищеских связей. В более или менее постоянном составе группа сотрудничала с газетой «Знамя труда» и журналом «Наш путь». В 1917–1918 гг. осуществила публикацию двух альманахов «Скифы». К «скифам», кроме Иванова-Ра-

При всем различии в мировоззрении отдельных «скифов», объединяющим их элементом было ощущение стихийности жизни вообще и текущего момента – в частности. Стихия понималась в сочетании значений: и как разрушительное явление природы, и как понятие натурфилософское. Темы, разрабатываемые «скифством», – это, так или иначе, темы стихий. «Скифы» исследовали стихии творчества, духа (духовный максимализм), революции, противостоящей стихии мещанства, стихии России в сопоставлении со стихией Запада, города и деревни и т.д.

В «скифстве» Иванова-Разумника не было ни одной из идей, не провозглашенных им ранее. Но осуществлявшаяся революция, иллюзия оправдывающихся практической теорией преисполнили его пафосом момента, а максималистский психологический тип и уже проявленное религиозное отношение к происходящему, с одной стороны, и к собственным теориям – с другой, пафосом проповеди. Он с восторгом ожидал физической гибели исторической России. В статье «Две России» он писал: «Сотни и тысячи невинно убитых и пострадавших – это ли радость! Гражданская война, взаимная ненависть (...) это ли Христос (...) Многие и многие (...) падают под бременем тяжелого этого сомнения. Понятна их душевная боль, но непонятна их душевная слабость»¹. Россия, родина не была для него односмысленна с «географическим единством», «великой державой». Родина, как и народная душа, имела смысл не географический, а духовный: «Пример этот, один из немногих, ясно выявляющих, как разное понимают "гибель России" люди старой и новой веры, старого и нового завета. Их Россия подлинно погибла, наша Россия – подлинно народилась (...) Они похожи на тех книжников и фарисеев, которые все еще ждали "подлинного мессии", в то время как вселенская идея Христианства уже покоряла мир. Они проглядели рождение новой вселенской идеи, они не видят и распятия ее, а если и видят, то услужливо подают гвозди и помогают ставить крест»².

В своей одержимости Иванов-Разумник отметал за ненадобностью любую информацию и любые точки зрения, которые не вписывались в его схему. Так, в воспоминаниях А.З. Штейнберга зафиксирован эпизод, когда он обвинил автора мемуаров в близоруком национализме и инстинктивном недоверии к вселенскому характеру русской революции из-за того, что Штейнберг утверждал, побывав в Германии, что все симпатии немцев к русской революции объясняются их надеждой заключить сепаратный мир с революционной Россией за счет берущих верх западных союзников.

Как настоящий проповедник, Иванов-Разумник призывал, прежде всего, к вере – в путь, ведущий хотя бы к первым ступеням внешнего раскрепощения человека, в рождение тела мирового нового, грядущего мировоззрения социализма, в возможность хоть издали, в тумане, но увидеть обетованную землю. Механизм перехода в новую эпоху по-прежнему считалась мировой стихия – революция, в которой русская революция – это гребень волны, который уже видело поколение Иванова-Разумника и даже несло на нем. До мирового пожара требовалась работа, быть может, поколений над выработкой нового сознания. По поводу революционной аффектации Ивано-

зумника, обычно причисляют А.А. Блока, А. Белого, Е.Г. Лундберга, К.А. Эрберга, молодых крестьянских поэтов С.А. Есенина, Н.А. Клюева, публиковавшихся в сборниках «Скифы» В.Я. Брюсова, Л.И. Шестова, С.Д. Мстиславского, В.Н. Фигнер, Е.И. Замятина, М.М. Пришвина, с большими оговорками – оппонента Иванова-Разумника в «скифстве» – А.М. Ремизова. Впрочем, Замятина, Ремизова, Шестова называют и в числе постоянных оппонентов «скифства».

¹ Иванов-Разумник Р.В. Две России // Скифы. Сб. 2. Пг., 1918. С. 221–222.

² Иванов-Разумник Р.В. Россия и Инония. Андрей Белый. Христос Воскресе. Сергей Есенин. Товарищ. Инония. С. 14.

ва-Разумника очень точно высказался критик П.К. Губер. Он определил Иванова-Разумника к тем «мистикам революции», которые, ссылаясь на собственный мистический опыт, отрицают опыт истории или сообщают последнему совершенно фантастические черты. Н.А. Бердяев в 1923 г. писал о скифской идеологии: «Она явилась формой одержимости революционной стихией людей, способных к поэтизированию и мистифицированию этой стихии. Скифская идеология – одна из масок Диониса (...) своего рода языческий национализм, уходящий корнями в нехристианский или антихристианский мессианизм»¹.

Антропософия, наконец, также нашла в душе Иванова-Разумника живой отклик. Очевидное совпадение базовых мировоззренческих принципов Иванова-Разумника и антропософских тезисов неизбежно привело его к Штейнеру. Факт этот не остался незамеченным современниками. Так, А. Гизетти, критик «скифов», еще в 1918 г. отмечал, что теософская доктрина Белого вполне по душе Иванову-Разумнику. Иванов-Разумник в самом деле способствовал изучению антропософии в «скифской академии» – Вольной Философской Ассоциации, учебном заведении, учрежденном при его непосредственном участии в 1919 г. В Вольфиле работали антропософские кружки, читались и обсуждались доклады, сам Иванов-Разумник развивал идеи синтеза разных культур и религий. На смену отрицанию пришло глубокое почтение. Указание на это присутствует в дневниковых записях В.Д. Пришвиной 1940 г.: «Забыла прошлый раз напомнить Р. В-чу: ваш Розанов со слов ап. Павла пишет где-то: "Святые будут судить мир". Куда же деть в таком случае все 40 томов этого д-ра (Штейнера), ради изучения которых хотел бы Р.В. еще раз "воплотиться"?»².

Итак, очевидно, что комплекс установлений имманентного субъективизма, выстроенного и твердо стоящего, по уверениям творца, на почве эмпирики, в их трансформации в условиях преобразующейся действительности вскоре превратился в квазирелигиозное учение, а его создатель и адепт в одном лице последовательно демонстрировал признаки сектантской психологии. Во многом в силу этих обстоятельств за Р.В. Ивановым-Разумником значительно раньше, чем он сам мог бы это осознать, закрепился статус «бывшего». «Разумник Васильевич как будто замариновался в той, уже прошлой жизни, в которой жили люди нашего круга и которая себя изжила (...) Одной ногой он все еще в "духовных салонах" прошлого. Все это нужно было когда-то (...) Мне тяжела замороженность Р. В-ча в симпатиях к гностицизму и его пристрастиям: Белому, Штейнеру; его вкус к схематизму в вопросах духовной жизни (...) Он чистейший и благороднейший человек и трогательный даже: к нему всей душой можно привязаться, только с ним нельзя взаимно расти»³, - так писала в своем дневнике В.Д. Пришвина в 1940 г. Но и намного раньше, еще в 1919 г., К.И. Чуковский использовал для Иванова-Разумника и его единомышленников определение-симптом: «Все какие-то бывшие люди»⁴.

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж, 1970. С. 228–229.

² Пришвина М.М. Дневник 1940 г. // Дружба народов. 1990, № 6. С. 258.

³ Там же. С. 257.

⁴ Из дневника К.И. Чуковского // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 248.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в. КАК ПРЕДПОСЫЛКИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕГИОНЕ В 1917–1922 гг.

Начало XX в. было отмечено активным участием крестьянства в социально-политической жизни страны. Волнения крестьян происходили как в царской России, так и при Советской власти. Причиной тому были социально-экономические условия. Одним из основных очагов волнений выступала Тамбовская губерния. «Земельный голод» и тяжелые условия жизни крестьян привели к стихийным выступлениям в 1905–1907 гг. Но самым масштабным стало крестьянское восстание против власти большевиков, названное в советской историографии «антоновщиной» по имени одного из своих предводителей – А.С. Антонова.

Попробуем, однако, рассмотреть предпосылки крестьянского протеста не только с классовых позиций. Так, исследователь В.Л. Дьячков в своих работах отмечал его извечный антигосударственный характер. По мнению историка, суть Антоновского восстания заключалась в противоборстве крестьянства и власти по причине антикрестьянской политики правительства в деревне¹. С.А. Есиков и В.В. Канищев пришли к выводу, что крестьянство восставало против власти только в тех случаях, когда проводимая ею политика противоречила их интересам, не оправдывала их социальных ожиданий и выдавала собственную слабость². В 1918–1922 гг., в условиях Гражданской войны, произошло широкомасштабное столкновение государственных и крестьянских интересов. Однако оно имело богатую предысторию.

Крестьянские волнения начались еще в 1902 г., когда возникла проблема аграрного перенаселения ряда центральных губерний. В самом начале века восстание вспыхнуло в Полтавской и Харьковской губерниях³. Черты системного кризиса проявились уже тогда. Его признаками были: истощение почв, стагнация производства зерновых культур и множество других проблем. Губернии оказались в своеобразной «мальтузианской ловушке», в результате которой рост населения на определенной территории обгонял соответствующий прирост производства продуктов питания и обуславливал малоземелье. Из-за последнего возникло две проблемы: «земельный голод» и невозможность для крестьянина прокормить семью. Особенно остро эта проблема встала в Тамбовской губернии, где крестьяне поднялись на борьбу с помещиками в 1905–1907 гг. Это противостояние было вызвано не только революционной пропагандой различных партий, но и бедственным положением крестьян, их голодом, который был обусловлен и природными факторами. Министр земледелия А.С. Ермолов отмечал, что летом 1905 г. был недород озимых и яровых хлебов в ряде губерний

¹ Дьячков В.Л. Предисловие // Соболева А. А. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1920–1921 гг.): библиогр. указатель. Тамбов, 1993.

² Есиков С.А., Канищев В.В. Специфика антигосударственного протеста крестьян (Тамбовская губерния 1861–1921 гг.) // Крестьяне и власть: тезисы докладов и сообщений Науч. конф. (7–8 апреля 1995г.). Тамбов, 1995. С. 29.

³ Безгин В.Б. Погромное движение 1905–1907 гг. и повстанчество 1920–1922 гг. тамбовского крестьянства: общее и отличие // История: Факты и символы. 2017. № 3(12). С. 21.

Центрального Черноземья, в т.ч. и в Тамбовской. Она была отнесена к местностям, находящимся в критическом положении. В 1906 г. в губернии было собрано менее половины среднегодового урожая, что говорило о тяжелом положении в регионе¹. Причина голода и недорода была связана и с изменениями в структуре земледелия. Постепенная миграция крестьян в лесостепную и степную зоны приводила к резкому увеличению сборов зерна в южных черноземных и степных районах. В это же время наблюдалось падение зернового производства в районах традиционного земледелия – Центральном черноземном и Центральном нечерноземном. И. Плотников так описывал условия развития сельского хозяйства в России: «Слишком обильный урожай усиленно истощает почву и пролагает дорогу неурожаю. Неурожайный год или ряд неурожайных лет позволяют почве восстановить свое естественное плодородие и приводят к урожайному году. Климатические условия вызывают только колебания в ту или иную сторону величины урожая, но они уравниваются, если рассмотреть достаточно продолжительный ряд лет. Таков закон, которому подчиняется урожайность земли при отсутствии и недостаточности человеческого воздействия»².

Отстальные методы хозяйствования, характерные для общинного земледелия, приводили к быстрому истощению осваиваемых почв – удобрения (даже естественные, вроде навоза) крестьянами использовались недостаточно. Поэтому, если ранее от неурожаев страдали преимущественно северные и северо-западные губернии, то с 1880-х гг. их эпицентр стал перемещаться на юго-восток и восток, а в следующем десятилетии захватил и черноземный центр.

Таким образом, предпосылками для крестьянского протестного движения в 1905–1907 гг. оказались: 1) аграрное перенаселение и вытекающий из него «земельный голод»; 2) недород хлеба, вызванный значительным истощением почв и проблемой малоземелья; 3) естественный цикл восстановления почв после истощения.

Очевидно, что ожесточенность и масштабность крестьянского движения зависели, прежде всего, от продовольственного обеспечения русской деревни. Тамбовский историк В.Б. Безгин отмечал, что крестьяне в ходе событий 1905–1907 гг. использовали «весь арсенал традиционных форм сельского протеста», а именно – разоряли помещичьи земли, жгли хозяйственные строения. Известны случаи, когда в 1905 г. крестьяне Борисоглебского уезда разорили хутора князей Волконских, а имения Чернышова и Колобова подожгли³. Но к самим помещикам крестьяне относились мирно и справедливо, не причиняли им вреда. Б.Б. Веселовский писал, что «крестьяне заранее предупреждали владельцев, вскрывали амбары и увозили хлеб. В дом не заходили, денег не брали, насилия не чинили»⁴.

Таким образом, предпосылками крестьянского движения в Тамбовской губернии 1905–1907 гг. стали проблемы, связанные с природно-климатическими и социально-экономическими факторами. Следует отметить определенную взаимозависимость, рассматривая которую можно выявить основные хозяйственные проблемы губернии. Проблема аграрного перенаселения, наметившаяся тогда во многих регионах Европейской России, обострила проблему малоземелья. Количество жителей деревни в какой-то момент стало избыточным по отношению к земле. Череды неурожайных и голодных лет, обусловленных истощением почв и использованием общинных мето-

¹ Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. 1–2. СПб., Т. 1.

² Плотников И. Неурожай в России, их причины и меры борьбы с ними. Пг., 1921. С. 15.

³ Крестьянское движение 1905–1907 гг. в Тамбовской губернии. Сб. док. Тамбов, 1957.

⁴ Веселовский Б.Б. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России. 1902–1906 гг. СПб., 1907. С. 32.

дов земледелия (отсутствие удобрений), привела к началу решительных действий крестьян по захвату земель у помещиков. Это была борьба за выживание и лучшую жизнь, за ликвидацию помещичьего землевладения.

С новой силой крестьянское движение активизировалось накануне 1917 г. на фоне общенационального кризиса во всех сферах жизни. Первая мировая война сильно ударила по экономическому положению России и деморализовала общество, которое в начале войны верило в скорую победу над Германией. Положение в стране ухудшалось и из-за политических забастовок в городах. Революционные партии призывали к миру и новой жизни.

Обратимся к анализу социально-экономического положения Тамбовской губернии до Октябрьского переворота 1917 г. и, главным образом, тех ее уездов, которые станут основными очагами крестьянского движения уже после установления Советской власти – Тамбовского, Борисоглебского и Кирсановского. До революции Тамбовская губерния была густонаселенным регионом, где подавляющее большинство составляли сельские жители. По данным Всероссийской переписи 1897 г., на долю сельского населения приходилось 91,6% от общего числа жителей; доля городских жителей составляла всего 8,4%¹.

<i>Город</i>	<i>Городское население (чел.)</i>	<i>Уезды</i>	<i>Сельское население (чел.)</i>
Тамбов	48.015	Тамбовский	374.483
Борисоглебск	22.309	Борисоглебский	284.406
Кирсанов	9.331	Кирсановский	253.771

Табл. 1. *Распределение населения по городам и уездам.*

Из таблицы мы видим, что подавляющее число жителей трех уездов относилось к сельскому населению и проживало в деревнях, что предопределило вспышку именно крестьянского протестного движения. Кроме того, из всех сословий самым многочисленным было именно крестьянство – 93,7% по всей губернии, что говорит о слабости урбанизационных процессов.

Последнему обстоятельству способствовали качество почв и климат. На Тамбовщине преобладает чернозем (кроме самой северной части губернии, где поверхностной почвой была глина и песок). Выгодные природно-климатические условия и плодородие почв сделали Тамбовскую губернию лидером в развитии сельского хозяйства и земледелия². Если почвы Моршанского и Козловского уездов, обрабатываемые с середины XVII в., истощились, то почвы Тамбовского, Кирсановского и Борисоглебского уездов, освоенные сравнительно недавно, в конце XIX в. были способны приносить большие урожаи. Климат был, в целом, умеренным и отличался некоторой суровостью лишь на севере губернии. На Тамбовщине было несколько видов хозяйства: родственные (семейные), одинокие, лиц, не связанных родством и т.п. Самыми распространенными были семейные хозяйства – 89% в городах, 96% в уездах. Лишь немногие хозяйства использовали наемный труд, 95,25% хозяйств обходились без наемных рабочих. Это было обусловлено большим спросом на наемную рабочую

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. Тамбовская губерния. [СПб.], 1904. С. 6.

² Там же. С. 4.

силу в городах¹. Значительная часть губернии находилась в лесостепной зоне и была покрыта лесами, но и тут были различия. Северная половина губернии (отчасти – и Тамбовский уезд) была лесистой и холмистой, а южная – степной и открытой.

В начале XX в. черноземные земли Тамбовской губернии давали много урожая – не менее 50 пудов зерна с десятины. Богатая урожайность позволяла экспортировать зерно не только на внутренний рынок, но и в страны Западной Европы. Например, Борисоглебский уезд занимал третье место среди уездов Российской империи по объемам экспорта зерна за границу. Кроме того, и сами крестьяне небрежно обращались с землей и предпочитали восполнять потери от засухи, распахивая пастбища и вырубая леса. Они были далеки от мыслей о необходимости рационального использования ограниченных природных ресурсов, что позволило бы сохранить плодородие почв и защититься от неурожая. Крестьяне также считали вредным использование навоза для удобрения почв. По замечанию исследователей Д.П. Иванова и В.В. Канищева, «в результате распашки земли под зерновые культуры к 1917 г. пашня в трех уездах (Тамбовском, Борисоглебском и Кирсановском. – Н.З.) по сравнению с 1881 г. выросла на 170 тыс. десятин»². Расширение пашни происходило и за счет истребления леса, что вело к негативным последствиям – например, к нехватке топлива с последующим удобрением почвы его отходами. По выборке Д.П. Иванова и В.В. Канищева, в годы Первой мировой войны число селений, которые не располагали лесными угодьями, составило более половины от общего числа населенных пунктов губернии.

Таким образом, нерациональное использование ресурсов, экстенсивное развитие хозяйства за счет расширения пашни и эксплуатация плодородной земли без поддержки ее урожайности стали предпосылкой к голоду 1920–1921 гг. даже в плодородных местностях, а голод вызвал массовое недовольство политикой «военного коммунизма». Аграрная политика большевиков еще больше осложнила положение крестьян, у которых сократилось количество хлеба из-за недородов. Наибольшую активность проявляло крестьянство, использовавшее наиболее плодородные почвы. Большое количество урожая позволяло ему продавать излишки нуждающимся уездам и жить за счет земледельческого труда. После Октября 1917 г. крестьяне зажили еще лучше, получая большой доход от продажи зерна и хлеба «мешочникам» и другим крестьянам, которые в нем нуждались. Именно на защиту возможности продавать свой хлеб и поднялось крестьянство Тамбовской губернии.

Еще одной предпосылкой восстания оказались лесные угодья и сложный рельеф Тамбовского, Кирсановского и Борисоглебского уездов. Важным источником здесь служат труды советских военачальников, участвовавших в подавлении мятежа. Так, например, В. Мокеров, командовавший в 1921 г. курсантами, вспоминал, что местность в Кирсановском уезде благоприятствовала восставшим, так как леса были сильно заболочены и поэтому труднопроходимы³. Такие леса служили пристанищем для повстанцев, где их не смогли бы найти. Наличие лесных массивов также влияло на участие местного населения в восстании, позволяя создавать целые партизанские базы и формировать крупные повстанческие отряды. Пересеченная местность, овраги и другие природные преграды способствовали разрастанию мятежа и его выходу за пределы лесистых уездов.

¹ Там же. С. 16.

² Иванов Д.П., Канищев В.В. Естественно-исторические предпосылки Тамбовского восстания 1920–1921 гг. // История и современность. № 2. Сентябрь 2010. С. 118.

³ Мокеров В. Курсантский сбор по борьбе с антоновщиной. Самошкин В.В. Антоновское восстание. М., 2005. С. 315.

Такова была роль природно-климатического фактора в крестьянском повстанческом движении.

Подведем итоги. В начале XX в. крестьянский протест был обусловлен общим малоземельем крестьян, вызванным аграрным перенаселением и частичным истощением почв. Это усугубилось засухой и недородом. Тяжелая жизнь побудила крестьян сначала начать борьбу против помещиков, что, в итоге, позволило им силой отобрать у них землю. Однако вскоре Советская власть, наделившая крестьян землей, оказалась их новым врагом. Борьба большевиков против буржуазных тенденций и товарно-денежных отношений восстановила «мужика», не считавшего продажу собственного хлеба и зерна преступлением, против нового режима. Из-за сокращения посевных площадей и голода, начавшегося в 1920 г. и вызванного как «военным коммунизмом», так и нерациональным использованием самими крестьянами почв, вспыхнуло Антоновское восстание – широкомасштабное, но обреченное на гибель движение под знаменами эсеровско-анархистских утопий.

IV. «ЗДРАВСТВУЙ, СТРАНА ГЕРОЕВ...»: РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, «РУССКИЙ ИСХОД» И СОВЕТСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Г.Н. Михеев

*курсант Арктического морского института имени В.И. Воронина,
г. Архангельск*

ВЛИЯНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ МЕЗЕНСКОГО УЕЗДА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Революционные события 1917 г. раскололи общество на противоборствующие лагеря, что привело к кровопролитной Гражданской войне. Главными эпицентрами революционных переворотов стали, конечно, обе столицы – Петроград и Москва. Но происходившие перемены вскоре затронули и провинцию, в т.ч. Русский Север.

Мезенский уезд Архангельской губернии¹ был невероятно богат политическими ссыльными. Здесь, начиная с 1905 г., находились в ссылке многие революционно настроенные деятели. Среди них – А.С. Серафимович, И.Ф. Арманд, П.А. Моисеенко, К.Е. Ворошилов. При этом они не прекращали вести революционную агитацию, что иногда приводило к открытым выступлениям против царской власти.

Осенью 1917 г. Россия стала Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В самой Архангельской губернии не оказалось «влиятельных социалистических организаций», так что рабочее и крестьянское движение начала XX в. было здесь «слабо организованным и преимущественно аполитичным»². Но Октябрьская революция 1917 г. внесла свои коррективы в сельскую жизнь окраин, местное население стало интересоваться насущными политическими вопросами и, в основном, поддержало установление Советской власти. Тем не менее, столкновения между Советами и местными земскими управами все-таки начались. Лешуконский волостной Совет стал инициатором установления Советской власти в Мезенском уезде. 9 декабря 1917 г. он призвал крестьян разогнать земскую управу. Крестьянский съезд, заседавший в Усть-Вашке 28–31 декабря и объединивший в своих рядах представителей шести волостей Мезенского уезда и двух волостей Яренского, проголосовал за Советскую власть и избрал Усть-Вашский Совет во главе с М.И. Ляпуновым, П.Я. Задориным, А.П. Вудровым, К.И. Шульгиным и М.М. Киприяновым.

В ответ Мезенская уездная земская управа провела в феврале 1918 г. собрание общественных организаций, объединившее противников большевистской власти. 8 марта она призвала к неподчинению решениям Усть-Вашского Совета. Тогда Совет объявил председателя управы П. Алашева «слугой Временного правительства и врагом народа». В итоге, управе пришлось сменить «вывеску» и назваться «временным исполкомом Уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов». 9–12 апреля 1918г.

¹ Мезенский уезд включал в себя город и 13 волостей, среди которых особый интерес представляют Койнасская и Лешуконская волости, по которым имеется обширный источниковый материал.

² Новикова Л. Провинциальная «контрреволюция». Белое движение и гражданская война на русском Севере. 1917–1920. М., 2011. С. 31.

бывшие земцы даже провели съезд волостных делегатов. Заслушав доклад председателя «временного исполкома» П. Кононова, съезд объявил свое решение: «Власть Советскую, как и власть народную, а не власть одной политической партии, признать»¹. Это было заявление о недоверии большевистскому правительству Ленина. Членами исполкома стали противники большевиков во главе с П. Алашевым и Е. Салтыковым. Они саботировали осуществление декретов Советского правительства. На II Мезенском уездном съезде Советов в конце июня 1918 г. большевики потребовали переизбрать исполком и выполнять декреты Совнаркома. Но большинство поддержало эсеров, а делегат на V Всероссийский съезд Советов получил наказ руководствовать «повелению разума». Мезенский Совет и его исполком проводили эсеровскую линию и вплоть до оккупации уезда интервентами Антанты боролись против власти большевиков².

Усть-Вашский Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов был воссоздан уже в условиях начавшейся на Севере интервенции стран Антанты. 15–17 июня 1918 г. прошел III уездный съезд, где было решено создать военный комиссариат, начать всеобщее военное обучение и отправлять добровольцев в Красную Армию. Еще раньше, в апреле 1918 г., в Усть-Вашке начало работу уездное бюро РКП(б) во главе с К.К. Новоселовым.

Впрочем, политическая специфика Русского Севера заключалась еще и в том, что здесь на протяжении 1917 г. разные партии революционно-социалистического толка не только и не столько боролись, сколько взаимодействовали друг с другом – в городской думе, Советах, комитетах, общественных организациях. Лишь после прихода своих однопартийцев к власти местные большевики противопоставили себя всем остальным партиям, превратившись, в глазах местного общества, в «маргиналов»³. Этим объясняется поражение большевиков в борьбе за власть в уезде весной 1918 г., когда местные политические круги дружно поддерживали бывших земцев под руководством прежнего председателя уездной управы П. Алашева. Вынужденные формально признать Советскую власть, они резко осудили большевиков за попытку монополизации власти.

При этом простые жители уезда, когда-то очень далекие от политики, должны были делать свой выбор – высказываться «за» или «против» новой власти и объединяться с единомышленниками. Одновременно начала стихийно расти грамотность населения. Так, если до Октября 1917 г. в Койнасе – волостном центре – не было ни одного учреждения культуры, то в 1918 г. был открыт первый народный дом-клуб, при котором в 1919 г. жители села собрали свою первую библиотеку...

¹ Шумилов М.И. Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973. С. 174.

² Там же. С. 175.

³ Новикова Л. Указ. соч. С. 54.

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ЗЕМЕЛЬНО-ЛЕСНЫХ СОВЕТОВ В АЛТАЙСКОМ ОКРУГЕ В ДЕКАБРЕ 1917 – ИЮНЕ 1918 г.¹

Период кратковременного существования Советской власти на Алтае в первой половине 1918 г. является важной вехой в истории хозяйственного развития региона. Новой властью была предпринята попытка создания собственной вертикали управления, сопряженная с ломкой региональной административно-хозяйственной системы Кабинета Е.и.в., не подвергавшейся серьезным изменениям в течение 1917 г. Все лесничества и арендные районы Алтайского округа, сохраняя старый контингент служащих, передавались в ведение и распоряжение земельно-лесных Советов.

Реорганизация управления Алтайским округом в период недолгого существования Советской власти не получила широкого освещения в историографии. Анализируя итоги деятельности советской администрации, историки констатируют незавершенность реорганизации управления округом: во многих лесничествах не были созданы новые коллегиальные органы и административно-хозяйственный механизм, существовавший до прихода к власти большевиков, был, в целом, сохранен². При этом вопрос о причинах незавершенности реорганизации управления Алтайским округом остается открытым. Актуальность исследования данного процесса обусловлена необходимостью приращения опыта форсированной модернизации управления громадным производственно-территориальным комплексом, предпринятой в сложных социально-экономических и политических условиях революционного времени.

На основе делопроизводственной документации фондов Государственного архива Алтайского края (ГА АК), а также Российского государственного архива экономики (РГАЭ) предпринимем попытку проанализировать проблемы организации земельно-лесных советов в Алтайском округе в декабре 1917 – июне 1918 г., выявить механизм реорганизации административно-хозяйственных единиц и обстоятельства, затруднявшие этот процесс.

В состав земельно-лесных Советов входили: по одному представителю от каждого волземкома, «тяготеющего по пользованию к данному лесничеству»; по одному представителю от волостных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; лесничий; два представителя от лесной стражи лесничества и один – от рабочих лесничества. Тем самым предполагалось частично решить проблему административно-хозяйственного деления Алтайского округа, не учитывавшего прежнего деления на волости и исходившего из хозяйственных нужд, что часто шло вразрез с интересами населения, а также вовлечь трудящихся в процесс управления хозяйством. Для текущей работы земельно-лесной Совет избирал управу, обязательным членом которой являлся лесничий (председатель управы избирался земельно-лесным Советом). Обязанности лесничего переходили к земельно-лесному Совету, что означало ликвида-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации проекта № 18-09-00439.

² Поляков С.Е. Реорганизация системы управления Алтайским округом в период временного установления советской власти (декабрь 1917 г. – июнь 1918 г.) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. II. Барнаул, 2003. С. 291; Тяпкин М.О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в. Барнаул, 2019. С. 236, 240–241.

цию монопольной власти лесничего на подведомственной территории. В свою очередь, деятельность управы Совета была поставлена под контроль ревизионной комиссии лесничества (избиралась земельно-лесным Советом лесничества), наделенной соответствующими функциями согласно циркуляру земельной управы Алтайского губернского земельного комитета (губземкома) от 18 марта 1918 г.¹ О создании таковой следовало докладывать губернской земельной управе. Районные земельно-лесные Советы избирались на специальных съездах, созывом которых занимались уездные и волостные земкомы. Содержать районные земельно-лесные Советы и их управы надлежало за счет средств лесничества.

Сложность создания земельно-лесных Советов при лесничествах была обусловлена противоборством между Управлением Алтайского округа – структурой бывшего Кабинета Е.и.в. и Алтайским губземкомом в конце 1917 – начале 1918 гг.², а также общей хозяйственной разрухой. Несмотря на то, что Алтайской губернской земельной управой декларировался отказ от насильственной реорганизации управления на местах (до создания земельно-лесных Советов было запрещено препятствовать получению денег лесничими, «если к тому не имеется достаточных оснований»³), в декабре 1917 – феврале 1918 гг. реорганизация управления вылилась в попытки упразднения лесничеств как таковых⁴. Обострение отношений между служащими лесничеств и населением, усиление аграрных беспорядков, попытки силового захвата лесничеств и разрушали хозяйственный механизм: циркуляр начальника Алтайского округа № 62 от 9 декабря 1917 г., позволял останавливать работу лесничества в случае невозможности его нормального функционирования. Некоторые лесничие (Дыши, Николаев, Бояршинов) были уволены Алтайской губернской земельной управой за отказ сдать лесничества новообразованным земельно-лесным органам⁵.

К моменту выхода третьей, «финальной», инструкции о реорганизации от 29 января 1918 г. на местах уже всюю шла передача власти районным земельным комитетам (проект инструкции 4-й сессии Алтайского губземкома от начала декабря 1917 г.)⁶ или избранным земельно-лесным Советам (инструкция конца декабря 1917 г.)⁷. Так, в январе 1918 г. была проведена реорганизация Камышенского, Сузунского, Нижне-Петровского лесничеств на основе одного из предшествовавших вариантов инструкции⁸. Кузнецкий уездный земельный комитет на заседании 7 января

¹ ГА АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4787. Л. 29.

² См. подробнее: Калашников А.А. Начало реорганизации структур ведомства бывшего Кабинета на Алтае в контексте ликвидации кабинетского землевладения (декабрь 1917 – январь 1918 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием. Новосибирск, 2018. С. 117–129; его же. «Пристраиваются как-то сбоку»: реакция алтайского чиновничества ведомства бывшего Кабинета на установление советской власти в Алтайской губернии в декабре 1917 – январе 1918 г. // Тобольск научный – 2018: Материалы XV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Тобольск, 2018. С. 71–77.

³ ГА АК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 93. Л. 35.

⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4700. Л. 30об.; Д. 4681. Л. 36–36об.; Д. 4695. Л. 107об.; Д. 4707. Л. 37; Д. 4705. Л. 51; Поляков С.Е. Реорганизация системы управления Алтайским округом в период временного установления советской власти (декабрь 1917 г. – июнь 1918 г.) // Исторический опыт хозяйственно- и культурного освоения Западной Сибири. Кн. II. С. 289.

⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 9. Д. 91. Л. 82.

⁶ ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 34. Л. 24–26.

⁷ ГА АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 545. Л. 49.

⁸ Там же. Д. 4775. Л. 32, 36; Ф. 229. Оп. 1. Д. 5. Л. 167–170.

1918 г. постановил передать все дела лесничих в уезде районным земельным комитетам¹. 30 января решение об образовании районного земельного комитета было принято Советом Салаирского лесничества². До избрания земельно-лесного Совета Абаканского лесничества (апрель 1918 г.), там действовал Таштыпский районный земельный комитет³. Если организация районных земельных комитетов и земельно-лесных Советов соответствовала первым вариантам инструкции по реорганизации управления округом, то создание на местах таких специфических органов, как «исполнительный хозяйственный районный комитет»⁴ (Караканское лесничество) и «исполнительный лесной комитет»⁵ (действовал в мае–июне в Салаирском лесничестве), являлось локальными инициативами и, по всей видимости, стало компромиссом между администрацией и местным населением.

Главным рычагом проведения реорганизации управленческой структуры лесничеств являлись финансы. По распоряжению Алтайской губернской земельной управы, требования о пополнении кассовой наличности и об ассигновании дополнительных кредитов должны были исполняться только при наличии подписей членов земельно-лесной управы лесничества; в связи с этим Управление Алтайского округа предлагало всемерно содействовать скорейшему созданию Советов и управ при лесничествах⁶. Данное решение стало закономерным продолжением политики губисполкома Алтайского Совета, установившего в феврале контроль над сметными ассигнованиями⁷. Без необходимых ассигнований работа наименее доходных административно-хозяйственных единиц оказалась парализована. Отсутствие возможности выплаты жалования служащим лесничеств вкупе с радикализацией настроений масс в отношении местных – еще дореволюционных административно-хозяйственных структур усиливало отток кадров, стража «начала разбегаться»⁸. Вследствие ряда несостоявшихся съездов для избрания земельно-лесного Совета, улалинский лесничий в телеграмме 12 апреля 1918 г. был вынужден констатировать отсутствие денег и необходимость сдачи лесничества⁹. Ответом на его телеграмму послужило заверение, что деньги будут посланы только после образования земельно-лесной управы.

Создание новых коллегиальных органов на съездах доказало свою непрактичность. Население принимало пассивное участие, зачастую отсутствовал необходимый кворум, из-за чего создание земельно-лесных Советов на территории Алтайского округа растянулось на весь период «первой» Советской власти. Кроме того, избрав земельно-лесной Совет, участники съезда могли забыть о создании управы, из-за чего вся власть оставалась в руках старого аппарата лесничества. Так, лишь на втором съезде был создан земельно-лесной Совет Сузунского лесничества¹⁰. Земельно-лесной Совет Егорьевского лесничества был избран 4 февраля 1918 г., но управа была образована лишь на третьем съезде, который состоялся 31 марта¹¹. Только на третьем

¹ ГА АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4729. Л. 10.

² Там же. Д. 4695. Л. 108–108об.

³ Там же. Д. 4723. Л. 53 об., 62–63об.

⁴ Там же. Д. 4713. Л. 48.

⁵ Там же. Д. 4695. Л. 132 об.; Д. 683. Л. 8.

⁶ Там же. Д. 4787. Л. 11; Д. 4695. Л. 123; Д. 4703. Л. 41–41об.

⁷ Там же. Ф.Р–10. Оп. 4. Д. 1а. Л. 2.

⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4750. Л. 7.

⁹ Там же. Д. 4703. Л. 46.

¹⁰ Там же. Д. 4775. Л. 32; Д. 4704. Л. 71об.

¹¹ Там же. Д. 4700. Л. 39; Ф. 229. Оп. 1. Д. 56. Л. 72.

съезде были созданы управа и земельно-лесной Совет Чарышского лесничества¹. В Верх-Бухтарминском арендном районе реорганизация проведена так и не была, ни один из трех проведенных съездов не собрал необходимого кворума². Как отмечал заведующий арендным районом, крестьяне «ввиду свободы организовать какие-либо Советы по арендному району не желают»³. По его мнению, для организации земельно-лесного Совета были необходимы «категорические требования центрального управления, поддержанные реальной силой»⁴. Так и не была проведена реорганизация Улалинского лесничества⁵. Делегаты волостей, входивших в район фактически действующего, но юридически не признанного Советской властью Каракорумского уезда («Каракорум-Алтайского округа»), не являлись на объявленные съезды. Как отмечал лесничий, «в Каракорум-Алтайском округе предположено создать лесничество на иных началах»⁶. Проблема создания новых органов власти на съездах затрагивалась Бийской уездной земельной управой в ее отношении в Алтайский губземком еще по получении первого варианта инструкции в декабре 1917 г. Так как большие расстояния и огромные площади лесничеств требовали длительных поездок делегатов, члены управы полагали, что «при отсутствии своего наличного кредита и наличных денег в некоторых лесничествах (...) без определенного указания на вознаграждения, а может быть и самой высылки денег за эту командировку (...) благое начинание все-таки будет выполнено»⁷. Данную проблему осознавали и чиновники Управления Алтайского округа. С целью выяснения необходимости и правомерности выдачи суточных для участников земельно-лесных Советов начальник Алтайского округа 13 января 1918 г. отправил запрос в Лесной департамент, однако получил на него категоричный ответ: «Суточные законом не предусмотрены»⁸.

Абсурдность ситуации заключалась в том, что у наиболее заинтересованных в проведении реорганизации служащих лесничеств оказались связаны руки. Письмоводитель Касмалинского лесничества, распорядившийся созвать районный земельно-лесной Совет, был отстранен от должности, потому что не считался «с инструкциями и распоряжениями по этому вопросу губернской земельной управы»⁹. Так как, согласно инструкции, инициатива созыва съездов была лишь у волостных и уездных земкомов, администрация лесничеств оказалась в беспомощном положении: ее деятельность заключалась в бесконечном написании просьб о содействии в уездные и губернские органы власти, а также в попытках окольными путями договориться о созыве съездов с представителями отдельных селений для получения необходимого кворума. Однако даже на съезде не всегда можно было достичь желаемого результата. Так, делегаты одного из съездов, проходившего в Верх-Бухтарминском арендном районе, требовали для себя персонального распоряжения Алтайского губсовдепа, так как предложение о создании земельно-лесного Совета со стороны лесничего было воспринято ими в качестве его личной инициативы¹⁰.

¹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775. Л. 26, 73.

² Там же. Д. 4748. Л. 25–31об.

³ Там же. Л. 27.

⁴ Там же. Л. 25–25об.

⁵ Там же. Д. 4778. Л. 48–49.

⁶ Там же. Л. 49.

⁷ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 56. Л. 34.

⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 9. Д. 91. Л. 13–13об.

⁹ ГА АК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 57. Л. 49.

¹⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4748. Л. 31об.

Препятствием для образования земельно-лесных Советов стало также банальное отсутствие инструкции о реорганизации на местах. Так, в марте 1918 г. о необходимости присылки таковой сообщали салаирский, солоновский, ново-николаевский, тогульский, улалинский, в апреле – ниже-обский, в июне (!) – ниже-томский лесничество¹. Недостаток на местах инструкций также являлся причиной неявки делегатов на съезды для избрания земельно-лесных Советов. Новообразованным волостям, активно создававшимся в течение 1917–1918 гг., инструкции высылались со значительной задержкой, нередко – лишь после соответствующих ходатайств уездных земкомов (например, Бийского, Каменского²). Недостаток инструкций на местах компенсировала деятельность делегатов уездных земкомов, а также инструкторов, занимавшихся разъяснением порядка созыва земельно-лесных Советов при лесничествах.

Немаловажной проблемой было то, что реорганизация происходила параллельно с советизацией алтайской деревни. Согласно инструкции, в состав земельно-лесных Советов должны были входить по одному представителю от волостных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, «где есть эти организации»³. К маю 1918 г. волостные Советы действовали менее чем в трети от общего числа волостей Алтайской губернии⁴. Несмотря на то, что участие их представителей носило необязательный характер, губернские власти и лесничие рассматривали Советы в качестве проводников окружной политики Алтайского губземкома. 5 апреля 1918 г. в губисполкоме Алтайского Совета было решено дать строгое предписание волостным и сельским совдепам незамедлительно способствовать образованию земельно-лесных Советов при лесничествах⁵. Абаканский лесничий полагал, что образование Советов в волостях и деревнях приведет к тому, что в «недалеком времени Советы выберут своих представителей и образуют совет и управу лесничества»⁶. В мае 1918 г. попытка создания земельно-лесного Совета Верх-Бухтарминского арендного района была принята делегатами от Советов крестьянских депутатов входивших в него деревень, но она оказалась неудачной из-за неравномерного представительства волостей, входивших в арендный район, на собранном съезде⁷.

Включение в состав земельно-лесных Советов селений, тяготеющих по пользованию к лесничествам, несмотря на сохранение прежних границ административно-хозяйственных единиц, подрывало административно-территориальную целостность лесничеств. Так, степным населением, причисленным к Бобровскому лесничеству, была образована собственная земельно-лесная управа, куда была перевезена часть канцелярии лесничества⁸. Наличие нескольких земельно-лесных управ фактически разделяло лесничество надвое. Лесничий видел выход из данной ситуации лишь в образовании новой административно-хозяйственной единицы – «Боюновского лесничества», в которое должны были войти дачи, выделенные из Бобровского и Петровского лесничеств. По-другому выход из ситуации видела Барнаульская уездная земельная

¹ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 60. Л. 19 об., 6; Д. 56. Л. 69; Ф. 4. Оп. 1. Д. 4695. Л. 123; Д. 4750. Л. 6; Д. 4703. Л. 41–41об.; Д. 4778. Л. 281.

² Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 4. Л. 108; Д. 13. Л. 77.

³ Там же. Д. 55. Л. 21об.

⁴ Иванцова Н.Ф. Сибирское крестьянство в 1917 – начале 1918 гг. М., 1990. С. 101.

⁵ ГА АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4700. Л. 41.

⁶ Там же. Д. 4775. Л. 79.

⁷ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 56. Л. 145–146.

⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 561. Л. 17.

управа: в марте 1918 г. в лесничество был отправлен отряд солдат¹. В мае по постановлению Селиверстовского волостного Совета крестьянских депутатов был образован второй земельно-лесной Совет в Мормышанском лесничестве (образованный земельно-лесной Совет в селе Бутырки не устраивал жителей Селиверстовской волости из-за дальности расстояния и финансовых соображений)². Земельно-лесной Совет Камышенского лесничества постановлением от 25 февраля 1918 г. разделил лесничество на два по числу лесных дач³; как сообщал ранее в телеграмме камышенский лесничий, районный Совет желал соединить Камышенское и Верх-Обское лесничества⁴.

Таким образом, незавершенность реорганизации управления Алтайским округом в первой половине 1918 г. обусловлена несовершенством административных механизмов ее проведения. Из-за наличия различных вариантов инструкции, пассивного финансового давления на нереорганизованные лесничества, нехватки текстов инструкций на местах, незаинтересованности населения в проведении преобразований и общей хозяйственной разлухи реорганизация управления Алтайским округом была обречена на излишнюю длительность, неравномерность, локальные отступления и общий паралич хозяйственной деятельности.

¹ Там же. Л. 24.

² Там же. Д. 4778. Л. 42об.

³ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 4. Л. 87; Ф. 4. Оп. 1. Д. 4694. Л. 16.

⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 560. Л. 5.

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 г.

Политической пропагандой и агитацией обычно называют воздействие на настроения и сознание народных масс с целью привлечения их на сторону тех или иных политических идей и использования в интересах партийно-политических групп. Значение пропаганды и агитации усиливается в кризисные эпохи, тем более – во время революционных событий. Однако революционная идея приобретает ценность только тогда, когда она овладевает народными массами. Так обстояло дело и с революционной деятельностью большевиков, борющихся за государственную власть и вовлекавших в эту борьбу революционно настроенный пролетариат.

С момента зарождения российской социал-демократии ее левое крыло перешло к массовым и масштабным агитационным мероприятиям. Большевики создавали кружки, обучая свой актив приемам распространения нелегальной литературы и азам типографского процесса. В.И. Ульянов (Ленин) призывал к созданию при заводских ячейках РСДРП специальных групп для распространения партийной литературы, для выявления полицейской агентуры. На своих курсах большевики готовили профессиональных агитаторов и пропагандистов, «умеющих начинать разговоры и долго вести их вполне легально (...) с тем, чтобы говорить безопасно и публично, чтобы разведывать людей и нащупывать почву и т.д.»¹. Руководящий состав партийных организаций обычно не превышал 3–5 чел., поэтому при раскрытии и аресте его членов урон был минимален. Во главе же курсов, как правило, стояли: общий руководитель, организатор агитации и пропаганды, библиотекарь, ответственный за поставки и распространение нелегальной литературы и кассир².

Все это относится и к Таврической губернии, где в 1917 г. большевики наладили эффективную работу разъездных пропагандистов и агитаторов. Действительно, тогда в Крыму расцвела большевистская печать, призывавшая к полному уничтожению старого социального строя и привлечению солдат и матросов на сторону революции. Начались митинги, энергично действовали агитаторы³. Подобная активность была связана с прибытием в Крым представителей ЦК РСДРП(б) И.Н. Островской и Ю.П. Гавена, которые вошли в Севастопольский Совет, а также Н.А. Пожарова, Я.Ю. Тарвацкого, С.П. Новосельского и других большевиков. В итоге, уже к октябрю 1917 г. большевиков на полуострове было около двух тысяч, и это число продолжало расти. С конца июня 1917 г. здесь возникали первые самостоятельные большевистские группы, а с августа – большевистские фракции в местных Советах. 19 декабря 1917 г. стали выходить «Известия Севастопольского Военно-Революционного Комитета», вско-

¹ Ленин В.И. Письмо к товарищу о наших организационных задачах // Его же. Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1967. С. 18.

² Сокольский Л. Опыт большевиков. Ч. 2: Организация пропаганды и агитации. [Электронный ресурс]. URL: <https://rkrp-rpk.ru/2012/03/11/> (дата обращения: 10.09.2020).

³ Смирнов М.И. Адмирал А.В. Колчак во время революции в Черноморском флоте // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С. 78.

ре изменившие свое название на «Известия Севастопольского Совета Рабочих и Военных Депутатов», - первая в Крыму советская (фактически – большевистская) газета. Основным же печатным органом большевиков в Крыму стала «Таврическая Правда». Но большевистская агитация и пропаганда на полуострове велась не только в печати¹. В Крым прибыли десятки пропагандистов-профессионалов, окончивших Пропагандистские курсы РСДРП(б). Среди них была особая группа мусульман-большевиков, нацеленная на работу среди местных татар. Подробности деятельности большевистского актива в Крыму подробно описаны в книге непосредственного участника данных событий Г.И. Семина «Посланцы Ленина»².

Однако хорошо организованная большевистская пропаганда привела к неоднозначным результатам. Сразу после известий об Октябрьском перевороте в Петрограде в Крыму начался массовый политический террор. Ситуация еще более ухудшилась к декабрю 1917 г., когда группы революционных матросов, большей частью – анархистов из отряда А.В. Мокроусова, начали настоящую охоту на офицеров. Последних избивали и при этом все чаще выносили им смертные приговоры. После расстрела первых шести офицеров по постановлению команды миноносца «Гаджибей» начались массовые грабежи, произвольные аресты и убийства других офицеров, что стало причиной срочного созыва исполкома Совета и формирования Временного революционного комитета из представителей Совета, соцпартий, Центрфлота, судовых и войсковых комитетов. Новый революционный орган требовал прекратить самосуды и расстрелы офицеров. Беспорядки, унесшие жизни 23 (по другим данным – 34) человек, в т.ч. одного мирного жителя, с трудом удалось на время прекратить³.

В ночь на 16 декабря 1917 г. большевики образовали в Севастополе Военно-революционный комитет под председательством Ю.П. Гавена. Совет был распущен. 18 декабря из Севастополя в Петроград Совету Народных Комиссаров была отправлена следующая телеграмма: «Вся власть перешла в руки организованного Военно-революционного комитета. Самосуды прекращены. Учреждается революционный трибунал. Город находится под охраной революционно настроенных матросов и солдат»⁴. К концу 1917 г. на полуострове сложилась весьма запутанная военно-политическая обстановка, связанная с противоборством нескольких сил – «красных», «белых», крымскотатарского «курултая» и др. Своими привлекательными лозунгами большевики завоевали симпатии значительной части населения – социальных низов. Однако идеи классовой борьбы стали причиной жестокой межклассовой распри, обусловившей начало полномасштабной Гражданской войны.

От агитационной работы большевиков резко отличалась аналогичная деятельность националистов всех мастей. Так, националистические лозунги были положены в основу украинской пропагандистской работы на полуострове. Сепаратисты, поддерживаемые Германией, претендовали не только на Северную Таврию, но и на весь Крым, а также на Черноморский флот. Лидеры самопровозглашенной Украины были готовы

¹ Борьба за Советскую власть в Крыму в 2 т. Т. 1. / Ред. коллегия: П.Н. Надинский (отв. ред.) и др. Симферополь, 1957. С. 39; Аникеев В.В. Деятельность ЦК РСДРП(б)–РКП(б) в 1917–1918 гг. (хроника событий). М., 1974. С. 521; Зарубин А.Г., Шуранова Е.Н., Зарубин В.Г. Крым: начало XX века – февраль 1917 г. Исторический очерк // Историческое наследие Крыма. 2005. № 11. С. 160.

² Семин Г., Никитина Г. Посланцы Ленина. Очерки. Симферополь, 1977.

³ Королев В.И. Черноморская трагедия. (Черноморский флот в политическом водовороте 1917–1918 гг.). Симферополь, 1994. С. 22.

⁴ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд., испр. и доп. Симферополь, 2008. С. 237–238.

пойти на соглашение с кем угодно – лишь бы заполучить Крым и флот, который, по их словам, «на Черном море принадлежит только Украине»¹. Впрочем, большого успеха в Крыму украинские националисты никогда не имели.

Тем не менее, определенный интерес представляют пропагандистские шаблоны украинских сепаратистов, оправдывающие их претензии на обширные и густонаселенные губернии Юга России. Так, националисты утверждали, что только Украина, как большое и сильное государство, может взять под свою защиту проживающее здесь население. Кроме того, по мнению сепаратистов, Крым связан географически, политически и экономически не с Россией, а именно с Украиной. «Украина – страна хлебная с огромными промышленными возможностями в будущем, – крымский юг – это Ривьера, климатические станции, виноградные и фруктовые сады, которые, однако, без украинских промышленных изделий обойтись не смогут. Государственный симбиоз крымских татар и украинцев продиктован самой природой, и мы думаем, что эти резоны, как наиболее убедительные, примут во внимание татарские политики и создадут добро для родной страны – выгодное для украинцев и себя согласие»².

Поначалу такая агитация имела некоторый успех среди противников большевизма, пробуждая веру в «освобождение» этих территорий и от красных, и от немцев. Правда, о том, что украинские «освободители» отставали от германских войск всего на двое суток, предпочитали не говорить. Факты резко противоречили заявлениям украинской пропаганды. Так, германские войска вошли в Симферополь утром 21 апреля 1918 г., а первый приказ германского военного коменданта Симферополя был выпущен уже на следующий день. При этом отставшие от немцев украинские войска полковника Болбочана через несколько дней были выдворены из Крыма³.

Если в 1917–1918 гг. и пропаганда «украинства» и достигла какого-то успеха среди населения Крыма, то и он основывался не на национальных мотивах, а на тяге к установлению порядка и желании людей защитить себя от анархии и беспредела. Но эти расчеты оказались напрасными. Сформированные в Таврической губернии украинские полки и батальоны (4-й украинский батальон И.Ф. Федько в Феодосии и др.) перешли на сторону большевиков⁴. Провалы украинской пропаганды в Крыму были вызваны националистической демагогией, оттолкнувшей от себя многонациональное население. Объявление всех неукраинцев «национальным меньшинством», поголовный переход на украинский язык, рассказы о «Великой Украине» от Дуная до Каспия, – все это восстановило крымчан против «Украинской державы».

Похожая судьба ожидала и крымскотатарских националистов, мечтавших восстановить руками германских оккупантов Крымское ханство и «освободить» Крым от

¹ Сергійчук В. Етнічні межі і державний кордон України. Вид. 3-є, доповнене. Київ, 2008. С. 14–16.

² Там же. С. 14.

³ Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. 1957. Ч. II. Симферополь, 1957. С. 92; Хроника революционных событий в Крыму. 1917–1920 гг. / Сост. И.П. Кондранов, В.А. Широков и др. Симферополь, 1969. С. 87; Бутовский А.Ю., Бобков А.А. О некоторых вопросах захвата германскими войсками Крыма в апреле 1918 г. // История и археология Крыма Сборник статей, посвященный 70-летию со дня рождения С.Г. Колтухова / Отв. ред. В.В. Майко. Вып. XII. Симферополь, 2020. С. 349–382; Das Landwehr – Infanterie – Regiment 53 im Weltkrieg. 1914–1918. Regimentsgeschichte berfabt an hand der Aften des Regiment von Otto Koch. [Kettwig u.a.]. [Flothmann], 1928. S. 89; Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Im Auftrage des Oberkommandos des Heeres bearbeitet und herausgegeben von der Kriegsgeschichtlichen Forschungsanstalt des Heeres. Die militärischen Operationen zu Lande Dreizehnter Band. Die Kriegführung im Sommer und Herbst 1917. Die Ereignisse außerhalb der Westfront bis November 1918. Berlin, 1942. S.384.

⁴ Обертас И.Л. Командарм Федько. М., 1973.

русских. Вожди этого движения, к тому же схлестнувшиеся между собой в борьбе за власть, обещали немцам быть надежным форпостом в борьбе с большевиками и английским империализмом, но не внушали доверия ни населению, ни оккупантам¹.

В свою очередь, немцы установили в Крыму жесткий оккупационный режим. Захваченные советские работники и красноармейцы были заключены в концлагеря. Марионеточное Крымское краевое правительство генерала М.А. Сулькевича ввело цензуру, которой ведал Отдел печати при МВД². 17(30) октября 1918 г. был утвержден штат Отдела печати в составе управляющего, двух делопроизводителей и семи заведующих делами о печати в окружных и уездных городах с общим бюджетом в 93,8 тыс. руб. в год³. Правда, собственной агитацией и пропагандой прислужники оккупантов не занимались, а частные газеты находились в оппозиции властям. Поэтому 10(23) ноября 1918 г., когда краевым премьером стал С.С. Крым, а в самой Германии разразилась революция, Отдел был расформирован за ненадобностью⁴.

7(20) февраля 1919 г., после прихода на полуостров денikinских частей, кабинет С.С. Крыма образовал Особое совещание в составе министров внутренних дел, юстиции и начальника штаба Добровольческой армии с целью выявления лиц, содействующих большевикам⁵. 14 февраля вышло постановление «О борьбе с большевиками»⁶. Аресту и высылке подвергались не только противники белых, но и критики властей⁷. 7 марта была закрыта севастопольская газета «Прибой», а 15 марта вновь введена цензура в отношении всех периодических изданий⁸. При этом белая пропаганда не выходила за рамки «демократических ценностей» партии Народной Свободы (кадетов), что уже весной 1919 г. привело к затуханию общественной жизни и разрушению административного аппарата⁹. Более успешно действовало Осведомительное агентство при штабе Вооруженных сил Юга России – знаменитый денikinский ОСВАГ. Его сотрудники не только собирали информацию, но и вели активную агитацию на местах¹⁰. Но даже тогда план подготовки агентов-пропагандистов остался на бумаге. Поражение белых становилось вопросом времени.

¹ Королев В.И. Возникновение политических партий в Таврической губернии. Симферополь, 1993. С.24–25; Яблоновская Н.В. Проблема культурного возрождения крымских татар и диалога культур на страницах газеты Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета «Голос татар» (1917) // Культура народов Причерноморья. 2004. № 47. С. 174–176.

² Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 383.

³ Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого правительства. 1 ноября 1918 г. № 8 (Отдел первый). Симферополь, 1918. С. 168–199.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Крымского Краевого правительства. 1 декабря 1918 г. № 10 (Отдел первый). Симферополь, 1918. С. 232–268.

⁵ Государственный архив Республики Крым. Ф. 999. Оп. 2. Д. 405. Л. 13.

⁶ Крымский вестник. 1919. 14(1) февраля.

⁷ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Указ. соч. С. 466.

⁸ Там же. С. 467.

⁹ Крымский вестник. 1919. 4 апреля (22) марта.

¹⁰ Кирмель Н.С. Разведывательные и контрразведывательные органы Белой армии. 1918–1920 гг. // Военно-исторический журнал / Издание Министерства обороны Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://history.ric.mil.ru/StatItem/117761/> (дата обращения: 5.10.2020).

ЛОКАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ОСЕНЬЮ 1919 г.

В ноябре 2020 г. исполнилось 100 лет с момента исхода Русской Армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма. Разгром белых армий на Юге России в 1919–1920 гг. явился решающей победой большевиков в Гражданской войне – и военной, и морально-политической. Одним из весьма эффективных способов исследования истории Гражданской войны представляется локальный (региональный подход), с помощью которого можно воссоздать полную и всестороннюю картину Гражданской войны.

Осенние события 1919 г. в Орловской губернии стали своего рода кульминацией войны, а сама Орловская губерния – ключевым регионом, где решалась судьба страны. 13 октября Вооруженные силы Юга России (ВСЮР) заняли Орел. Но затем в ходе Орловско-Кромской операции Красная Армия перехватила инициативу у белых, не дав им приблизиться к Москве и перейдя в победное контрнаступление.

В своих «Очерках русской смуты» генерал А.И. Деникин дал следующую характеристику положения ВСЮР к моменту решающего сражения под Орлом: «В начале октября Вооруженные силы Юга России занимали фронт параллельно нижнему плесу Волги до Царицына и далее по линии (примерно) Воронеж–Орел–Чернигов–Киев–Одесса. Этот фронт прикрывал освобожденный от советской власти район, заключавший 16–18 губерний и областей, пространством в 810 тыс. квадратных верст с населением в 42 млн»¹. Контролируя такую значительную и стратегически важную территорию с огромной ресурсной базой, белые, однако, все равно потерпели сокрушительное поражение. В чем причина такого исхода военной кампании?

Тогдашняя Орловская губерния включала в себя территории трех современных областей – Орловской, Брянской и Липецкой. Местный ландшафт отличался лесистостью, большим числом мелких речек и заболоченностью. Эти природные особенности не позволили генералу Деникину задействовать на Московском направлении крупные конные части, танки и авиацию. Левый фланг ВСЮР прикрывала 3-я кавалерийская бригада генерала М.Е. Аленича; на правом, в районе Воронежа, действовала конница А.Г. Шкуро; а в центре – закаленный в боях 1-й армейский корпус генерала А.П. Кутепова. Ключевым фактором было наличие в этом регионе двух важных железно-дорожных линий: одна ветка вела в сторону Брянска, другая – в сторону Орла. Это облегчало транспортировку живой силы и использование бронепоездов.

Каким было соотношение сил к моменту начала Орловско-Кромского сражения? По данным командующего Южным фронтом красных А.И. Егорова, частям ВСЮР численностью 27,5 тыс. штыков и сабель противостояли две Красные армии – 13-я и 14-я общей численностью почти 70 тыс. штыков и сабель².

Крупных резервов Деникин не имел. Заменить выбывших из строя было нечем, тогда как командование Красной Армии постоянно наращивало силы для решающего

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты: [в 3 кн.]. Кн. 3. М., 2015. С. 509.

² Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. М., 2012. С. 671.

удара. Штаб ВСЮР не проводил организованной мобилизации. После выхода с Донбасса деникинцы оказались на самообеспечении. Полковые командиры, как могли, пытались пополнить свои подразделения, прибегая к разным хитростям и уловкам. Многие ценные кадры Добровольческой армии полегли на полях сражений во время 2-го Кубанского похода. В новые части вливались пленные красноармейцы, учащаяся молодежь, колеблющееся офицерство; на местах, в лучшем случае, была возможна частичная мобилизация. В прифронтовой местности мобилизация была очень деликатным делом. Один из командиров добровольческого полка писал об этом так: «...В Добровольческой армии вопрос о пополнении полков из запасных армейских частей был разрешен неудовлетворительно. Со времени выхода их Харькова и до начала Бредовского похода, то есть в течение семи месяцев, Белозерский полк пропустил через свои ряды более 10 тысяч человек – офицеров и солдат. И за все это время только один или два раза я получил из какого-то армейского батальона пополнение общей сложностью 300–400 человек. Между тем громадная территория, занятая Добровольческой армией к октябрю 1919 года, давала, казалось, неиссякаемый источник людского запаса»¹.

Еще более важным обстоятельством являлось то, что в течение почти двух лет территория Орловской губернии находилась в руках большевиков, идеи которых пользовались немалой популярностью. Местное население видело в Добровольческой армии, ее офицерском корпусе защитников старых порядков и не ждало от них ничего, кроме реституции, т.е. восстановления прежней власти и возвращения прежних собственников. Это восприятие только укоренилось после того, как белые на занятых территориях ввели в действие «Положение о полевом управлении войск в военное время», разработанное еще великим князем Николаем Николаевичем и утвержденное 16 июля 1914 г. По этому «Положению», вся полнота власти на соответствующей местности возлагалась на военачальника, начиная от командира полка и выше². Крестьяне не ждали от военной диктатуры ничего хорошего, к тому же белая пропаганда по своему размаху и эффекту заметно уступала красной.

В начале октября 1919 г. 1-й армейский корпус генерала Кутепова глубоко вошел в Южный фронт красных. При этом линия фронта между Дроздовской и Корниловской дивизиями, как таковая, отсутствовала. Поэтому Ударная группа красных, сосредоточенная в районе Карачева (45 км к востоку от Брянска) нанесла свой удар в направлении Кром (39 км к юго-западу от Орла), заходя к белым в тыл. Контрнаступление красных не стало для белых неожиданностью – красноармейскому авангарду противостояли сводный отряд полковника А.В. Туркула и конная группа полковника И.Г. Борбовича. Первые бои завязались в «треугольнике» между н.п. Рыжково, Волчи Ямы и Городище³. План А.И. Егорова включал в себя нанесение фланговых ударов по ВСЮР слева силами Ударной группы и справа – силами конного корпуса С.М. Буденного. Красные планировали окружить и уничтожить 1-й армейский корпус генерала Кутепова. Деникин вспоминал: «Группировка сил противника не была для нас тайной. Но ввиду отсутствия у нас резервов парировать намеченные удары можно было лишь соответствующей перегруппировкой войск. Удар с линии Орел–Севск, выводивший противника на фронт Корниловской и Дроздовской дивизий, не внушал мне опасений. Угроза же со стороны Воронежа левому флангу Донской армии была

¹ Штейфон Б.А. Кризис добровольчества. Бредовский поход. М., 2017. С. 122.

² Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1917–1919 гг. М., 2019. С. 178–179.

³ Трофимов П.М. Дроздовская дивизия в генеральном сражении на путях к Москве осенью 1919 года / Подгот. текста, вступ. ст. Р.Г. Гагуева. М., 2018. С. 120.

более серьезна. Поэтому я, не приостанавливая наступления Добровольческой армии на линию Брянск–Орел–Елец, 17 сентября вновь предписал Донской армии ограничиться в центре и на правом фланге обороной...»¹.

Итак, прорыв к Орлу и овладение им не вызвали у Деникина головокружение от успехов. Белый военачальник достаточно трезво оценивал возможности своих войск. Однако сложившееся к тому времени соотношение сил и ресурсов сторон не только делало невозможным дальнейшее наступление ВСЮР на Москву, но и обрекало деникинцев на жесточайшее военное поражение.

¹ Деникин А.И. Указ. соч. Кн. 3. С. 645; 17 сентября – ст. ст.

ГОРОД КЕРЧЬ НАКАНУНЕ КРЫМСКОЙ ЭВАКУАЦИИ 1920 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ)

Древний город Керчь в Крыму, возникший еще в VII–VI вв. до н.э., до сих пор считается одним из самых посещаемых мест на полуострове-курорте. Как и другие города Юга России, в годы Гражданской войны 1917–1920 гг. Керчь оказалась ареной противостояния разных военно-политических группировок и их лидеров. Вместе с тем, о жизни города накануне эвакуации Русской Армии генерала П.Н. Врангеля в ноябре 1920 г. имеются лишь отрывочные сведения. Это упущение позволяет восполнить материалы газеты «Русское дело», первый номер которой был выпущен издателем А.К. Филиппенко в типографии «ЛАГО» 6 июня 1920 г.

Ситуация, в которой оказались Вооруженные силы Юга России после эвакуации из Новороссийска в марте 1920 г., выглядела удручающей. «Крым всем тогда казался безнадежным, - написал позднее журналист и редактор газеты «Великая Россия» Валерий Левитский. – Думали, что о продолжении борьбы нечего и мечтать. Все надежды сводились к возможности вывести остатки армии»¹. Вынужденные под ударами Красной Армии отступать с боями с территории Кубани, белые части на оставшихся в их распоряжении судах Черноморского флота отступили в Крым, ставший их «последним оплотом».

Крым обладал удивительной политической спецификой. Мало того, что после Революции 1917 г. там были последовательно созданы правительства большевиков, националистов, немецких оккупантов, вновь большевиков и вновь белых в 1919 г., так даже в марте 1920 г. здесь было несколько правительств одновременно. Князь Владимир Оболенский вспоминал об этом не без иронии: «Несмотря на тревожное настроение, я не мог удержаться от юмористических мыслей: вот уже целую неделю я езжу по Крыму из одного города в другой, получая лестные предложения, и каждый шаг моей внезапной карьеры связан с крушением возвышающей меня власти. Неужели же Врангель хочет мне предложить какой-нибудь высокий пост, и я его похороню так же, как хоронил в Севастополе правительство Мельникова, а в Феодосии – самого Деникина!»². После смены командования – вместо Деникина пост главнокомандующего занял Врангель – поменялся и внутривластный курс белых властей, впоследствии его окрестили как проведение «левой политики правыми руками»³. Приближалась развязка.

В отличие от других территорий, входивших в состав Таврической губернии, до Революции 1917 г. Керчь была особой административной единицей, входившей в состав Керчь-Еникальского градоначальства и напрямую подчиненной МВД. Точное число жителей сосчитать достаточно сложно. По данным переписи 1897 г., в градоначальстве проживало более 43 тыс. чел. в то время, как в Керчи – около 33 тыс. жите-

¹ Левитский В.М. Борьба на Юге. Факты. Люди. Настроения / Сост. А.А. Чемакин. М., 2019. С.159.

² Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники: Воспоминания. 1869–1920: в 2 т. Т. 2. / Вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьева. М., 2017. С. 422.

³ Подробнее см.: Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919–1922. Ч. I. М., 2013. 158–182.

лей¹. Во главе градоначальства, как правило, стояли военные. После изгнания из Керчи красных в 1919 г. во главе города был поставлен комендант генерал-майор Н.Н. Ходаковский, а в июле того же года – после восстановления градоначальства – он занял и эту должность². На посту коменданта крепости генерал пребывал вплоть до прихода на эту должность генерал-лейтенанта Д.М. Зигеля в июне 1920 г.³ Городская дума помогала градоначальнику, руководя хозяйственной жизнью города. Правда, выборы в нее при Врангеле не проводились. Дело дошло до того, что к августу из-за отсутствия минимального кворума заседания прекратились. Тогда городская управа решила «обратиться с напоминанием об исполнении их (гласных. – В.Ч.) гражданско-го долга к манкирующим или вовсе не посещающим заседания гласным»⁴. Судя по всему, призыв возымел эффект: на заседание 24 августа явилось 18 из 23 гласных⁵.

Известно, что в 1919 г. под Керчью, ставшей форпостом антибольшевистских сил в Крыму, еще долго шли бои с красными партизанами в районе каменоломен – Старо-Карантинных, Аджимушкайских, Багеровских⁶ и в других местах. Журналист Аркадий Столыпин, племянник П.А. Столыпина, впервые посетивший Керчь 29 марта 1919 г., писал в дневнике: «Керчь – исторический город. В нем много разных памятников греческого и римского владычества. У моря возвышается невысокая гора, которая называется Митридат. На ее вершине построено уже русскими какое-то подобие греческого храма. Около города много каменоломен, где добывали когда-то легкий белый камень, так называемый ракушник, римские каторжники. Камень добывается и теперь, и почти все здания города сделаны из него»⁷.

В марте 1920 г. Крым пережил наплыв беженцев. Несмотря на хаос в Новороссийске, эвакуация прошла относительно благополучно. Генерал Деникин сделал для этого все возможное, хотя не обошлось без катастрофы Донской и Кубанской армий⁸. Среди беженцев было много гражданских лиц. Журналист Бельский писал: «До берегов Черного моря, в Крым покатились только та волна беженцев из северной и центральной России, которая состояла из людей наиболее непримиримых, наиболее сильных духом (...) Тяжело быть изгнанным на чужбине, но еще тяжелее – в родной земле (...) В Керчи, когда я вхожу в полутемный подвал, где собираются беженцы и помещается беженский комитет, мне кажется, что я разом переносусь в царство сна. Фонтан и круглый бассейн без воды, зеленоватые окна в глубоких нишах, смуглые неясные фигурки, едва слышные голоса. Сверху, где ослепительное солнце зажигает

¹ Таврическая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. // Демоскоп Weekly. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=41 (дата обращения: 5.10.2020).

² Ходаковский Н.Н. Русская армия в Первой мировой войне. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grwar.ru/persons/person/764> (дата обращения: 5.10.2020).

³ Хроника // Русское дело (Керчь). 19 июня 1920 г.; Зигель Д.М. Русская армия в Первой мировой войне. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grwar.ru/persons/person/582> (дата обращения: 5.10.2020).

⁴ Хроника // Русское дело. 9(22) августа 1920 г.

⁵ Заседание городской думы // Русское дело. 27 августа (9 сентября) 1920 г.

⁶ Керченские каменоломни в 1919 г. / Публ. А. Гуковского. // Скепсис. [Электронный ресурс]. URL: https://scepsis.net/library/id_3111.html (дата обращения: 5.10.2020); Заяц Н. Гражданская война в Керчи // Скепсис. [Электронный ресурс]. URL: https://scepsis.net/library/id_3188.html (дата обращения: 5.10.2020).

⁷ Столыпин А.А. Из дневника 1919 г. Тетрадь 1-я. Добровольческая армия // Скепсис. [Электронный ресурс]. URL: https://scepsis.net/library/id_3187.html (дата обращения: 5.10.2020).

⁸ Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М., 2019. С. 160–162.

стекла, раскаляет белый камень, и упругий морской ветер весело качает ярко зеленые деревья, - сюда, в подвал, не попадает ни звука»¹.

Но невзирая на Гражданскую войну, Керчь пыталась жить мирной жизнью. 8 марта 1920 г. (т.е. в те дни, когда белые эвакуировались из Новороссийска) здесь было открыто новое высшее учебное заведение – Боспорский университет, который возглавил известный историк М.В. Довнар-Запольский. Университет состоял всего лишь из двух факультетов – историко-археологического и коммерческо-экономического, лекции в котором начались уже на следующий день после открытия².

Правительство П.Н. Врангеля придавало ключевое значение обороне Керчи в случае наступления красных с востока. 6 июня 1920 г. в газете «Русское дело» вышла редакционная статья, пробуждавшая боевой дух. Там говорилось, что газета открыта с целью «поддержать и охранять от дыхания смерти тот священный огонь, который вновь разгорается, чтобы озарить, согреть и оживить нашу опозоренную, истерзанную родину». Выражалась надежда на успех нового «наступления» белых – «живых сил страны». «Наступают великие, страданные дни», - заключила передовица³.

Некий «странствующий журналист» в фельетоне сравнил Керчь с Неаполем: «Неаполитанцы говорят: посмотри на Неаполь и умри! На Керчь можно смотреть без таких печальных последствий; вид этого города не вызывает даже никакой болезни, хотя бы в форме легкой лихорадки». Однако, саркастически описывая торговлю, он все же заметил два важных элемента повседневности: 1) высокую инфляцию, и 2) бумажные деньги разного достоинства и происхождения, бывшие в хождении у горожан. «Самое замечательное место – это базары, - замечал он. – Сюда каждый день привозят и приносят продуктов на несколько миллиардов руб. По ценности выставленных продуктов все европейские рынки – полное ничтожество по сравнению с Керченским базаром. У нас торговки и торговцы обращают еще кое-какое внимание на тысячерублевые билеты, на голубые пятисотенные кредитки смотрят с презрением, а бумажки низшего достоинства едва замечают»⁴.

Изданный 25 мая 1920 г. Врангелем «левый» закон о земле был популярен в Крыму. Керченское градоначальство внесло и свою лепту в реализацию закона. Чтобы пресечь дезинформацию, совещание по земельному вопросу под председательством полковника генерального штаба А.В. Темникова⁵ решило принять меры для «самого широкого распространения среди крестьян подлинного закона о земле, брошюр с популярным изложением и доступными комментариями его»⁶. Разъяснением закона жителям занимались сотрудники политической части керченского управления. Так, в июле они побывали в селах Ново-Александровска и Казаул, где беседовали с крестьянами. При описании событий в Советской России белые пропагандисты много говорили о красном терроре, что производило «сильное впечатление на крестьян»⁷.

Керченский гарнизон не участвовал в наступлении белых в Северной Таврии, начатом в мае 1920 г.; бои там продолжались до октября 1920 г., когда Русская Армия

¹ Бельский С. Беженцы // Русское дело. 14 июня 1920 г.

² От Боспорского университета // Вечернее время (Феодосия). 7 марта 1920 г.

³ От редакции // Русское дело. 6 июня 1920 г.

⁴ Фельетон. О Керчи // Русское дело. 7 июня 1920 г.

⁵ Сам А.В. Темников погиб во время боев у Днепра – «не желая сдаться живым, застрелился, а его товарищи попали в руки красных» в начале октября. – См.: К смерти полк. А.В. Темникова // Русское дело. 10(23) октября 1920 г.

⁶ Хроника // Русское дело. 13 июня 1920 г.

⁷ Наш край (от нашего корреспондента) // Русское дело. 14 июля 1920 г.

отошла к оборонительным позициям на Перекопе. Однако события на фронте влияли на жизнь города. Обозреватели заметили «колебание цен с тенденцией к понижению, в особенности на овощи и фрукты». В городе к тому же объявляли мобилизацию, в которой приняли участие даже сотрудники почтово-телеграфной службы города¹. Росло и количество городских проблем. После того, как 13 июня красные взяли Бердянск, беженцы на кораблях отправились в Крым. 16 июня «Русское дело» сообщило о прибытии в город парохода «Ингул»², на нем находились беженцы (их количество не сообщалось). По мнению газеты, появление бердянцев, «настроенных не особенно воинственно, несомненно, внесет некоторую тревогу в обывательскую среду керчан»³. Судьба бердянцев, впрочем, осталась неизвестной. В Керчи далеко не все беженцы оставались надолго – некоторые (чиновники «различных ведомств, особенно судейских») отбывали в Мелитополь, когда он был в руках белых⁴. Центральное бюро для беженцев находилось в Севастополе – в «Гранд-Отеле» в центре города, так что корреспонденцию беженцы получали через это управление⁵.

Торговля шла достаточно активно. По морю город Керчь имел связь с Феодосией, Алушкой и другими городами побережья. Приходили суда и из Батума – правда, не известно, о каких товарах шла речь⁶. Железная дорога вела к Феодосии и Джанкою, откуда товары шли и в Северную Таврию, и на юг – в сторону Севастополя. Впрочем, данную линию еще до революции предлагалось значительно продлить – от Умани через Николаев и Херсон до Джанкою и через Керчь и пролив до Туапсе⁷.

Район градоначальства не был лишен и опасных заболеваний. С начала 1920 г. в городах Крыма обострилась проблема холеры, к июлю в окрестностях Керчи появились случаи заболевания оспой⁸ и тифом⁹. Для небольшого города статистика подобных заболеваний не была оптимистичной. За неделю с 23 августа по 1 сентября в городе было 73 случая заболевания холерой, из которых 24 имели летальный исход¹⁰. Правда, до конца войны вспышек эпидемий в градоначальстве так и не случилось.

В начале августа 1920 г. Керчь стала местом, откуда была начата десантная операция белых, названная по имени командующего – генерал-лейтенанта С.Г. Улагая. Генерал Врангель впоследствии вспоминал, что «29 июля должна была начаться погрузка войск одновременно в Феодосии и Керчи. 1 августа на рассвете десант должен был высадиться в районе Приморско-Ахтарской и, заслонившись с севера, быстро двигаться в направлении на станцию Тимашевская – Екатеринодар, присоединяя по пути повстанцев и поднимая в станицах казаков»¹¹. Для координации действий на фронте главнокомандующий прибыл в Керчь¹². Но промедление, растянутость фронта, невозможность закрепиться на Тамани, а также другие факторы привели к тому, что операция окончилась неудачей. Комендант Керчи генерал Зигель даже пытался

¹ Хроника // Русское дело. Экстренный выпуск. [без даты]. Август 1920 г.

² Лапшин Р.В., Коробейников А.В. Белый флот Гражданской войны. Ч. 2. Ижевск, 2014. С. 152–153.

³ Бердянские беженцы // Русское дело. 16 июня 1920 г.

⁴ Хроника // Русское дело. 28 июня 1920 г.

⁵ Вниманию беженцев // Русское дело. 3 июля 1920 г.

⁶ Хроника // Русское дело. 23 июля (6 августа) 1920 г.

⁷ Пояснительная записка к проекту железнодорожной линии Умань (Обозовка)–Николаев–Херсон–Джанкой–Керчь–Туапсе. Пг., 1915.

⁸ Хроника // Русское дело. 10 июля 1920 г.

⁹ Хроника // Русское дело. 23 июля (6 августа) 1920 г.

¹⁰ Хроника // Русское дело. 4(17) сентября 1920 г.

¹¹ Врангель П.Н. Воспоминания. М., 2016. С. 397.

¹² Главнокомандующий в Керчи и Тамани // Русское дело. 15(28) августа 1920 г.

организовать помощь, сформировав «сборную роту и сотню пластунов при одном орудии», но малочисленность состава не позволяла использовать этот резерв¹.

По окончании операции город жил сравнительно спокойно, шла рутинная работа по подготовке учебных заведений (как частных, так и бюджетных) к учебному году. В городе существовали также татарские школы, в которых служили преимущественно преподаватели-татары, мужская гимназия, реальное училище, частные школы (Босфорская², Глинищанская, Александро-Невская) и начальные школы³. В судах нередко рассматривались дела о коррупции, об освобождении сына от службы в армии по призыву. Так, общественность активно следила за «делом полковника Кибичева», которого обвиняли в получении взятки за освобождение от призыва одного из местных жителей. Дело закончилось оправдательным приговором⁴.

Одним из обычных явлений в городах белого Юга России было проведение праздников-акций, во время которых горожане могли внести деньги в помощь действующей армии. Такой праздник состоялся и в Керчи 19–20 сентября (2–3 октября) 1920 г. – за месяц до эвакуации армии с полуострова. Этот праздник был назван «Днем воина». «Русское дело» призывало горожан «быть щедрыми», но как много средств удалось собрать в эти дни, осталось неизвестным⁵.

К концу октября в городе все резко подорожало. «Цены на предметы первой необходимости поднимаются не по дням, а по часам»; «Вся жизнь нашего города, когда-то славившегося своей дешевизной, сейчас вращается около этой злобы дня. На заднем плане даже фронт; эта кровавая, кошмарная борьба за жизнь родины стоит как-то в тени», – негодовало «Русское дело». Для сравнения обозреватель приводил в пример цену одного пуда картофеля. В Мелитополе пуд стоил 10–11 тыс. руб. (впрочем, непонятно, в какой валюте автор рассматривал цены), а в Керчи «этот продукт дошел в цене до 32 тыс. руб.»⁶. Еще через несколько дней пресса заговорила о «дровяном вопросе». В городе не хватало дров, тогда как привезти дрова можно было по железной дороге, на паромах и пароходах из Феодосии, Алушты, Куру-Узена и других мест. Общественность обвиняла в дефиците дров городские власти, уверенная в том, что нет средств для вывоза дров из указанных мест, хотя это можно было бы сделать и за «гроши»⁷.

Однако эти проблемы уже ничего не значили для белых. Их отступление из Северной Таврии шло полным ходом. 7 ноября 1920 г. войска Южного фронта РККА под командованием М.В. Фрунзе прорвали оборону белых на Перекопе. 11 ноября вышел последний номер «Русского дела». Эвакуация Керчи состоялась 13–16 ноября, когда суда флотилии вышли в открытое море и более 140 тыс. чел. со всего Крыма отправились в изгнание⁸. Это событие было названо «Русским Исходом».

¹ Врангель П.Н. Указ. соч. С. 412–424.

² Не следует путать с Босфорским университетом, который находится в Константинополе (ныне – Стамбул) и являлся американским учебным заведением.

³ В учебных заведениях // Русское дело. 5(18) сентября 1920 г.

⁴ Дело полковника Кибичева // Русское дело. 8(21) сентября 1920 г.

⁵ Русское дело. 20 сентября (3 октября) 1920 г.

⁶ У нас в Керчи // Русское дело. 11(24) октября 1920 г.

⁷ Без топлива // Русское дело. 14(27) октября 1920 г.

⁸ Подробнее см: Ходаковские К.Н. и В.Н. Русский Исход. Керчь. 1920 год. Н. Новгород, 2014.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНИИ КОМИНТЕРНА В 1919–1922 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ»)

Коммунистический Интернационал (III Интернационал, Коминтерн) – международная организация, объединявшая коммунистические партии всего мира в 1919–1943 гг. В первые годы Советской власти политика Коминтерна стала неотъемлемой частью внешней политики Советской России. При этом линия Коминтерна от конгресса к конгрессу претерпевала изменения, вносимые коррективы были связаны с непосредственным ходом событий – положением на фронтах Гражданской войны в России, политической ситуацией в разных странах Европы и мира. К сожалению, идейно-пропагандистская деятельность журнала «Коммунистический Интернационал»¹ практически не затрагивается в работах современных историков.

В марте 1919 г., когда по всей России полыхала Гражданская война и решался вопрос «кто кого?», в Москве состоялся I конгресс Коминтерна. Он вынес на повестку дня вопрос о пролетарских революциях в развитых западноевропейских странах. В воззвании Исполкома Коминтерна (ИККИ) даже указывались конкретные временные рамки выполнения данной задачи: «Не пройдет и года, как вся Европа будет советской»². Председатель ИККИ Г.Е. Зиновьев добавлял, что в ближайший год «вся Европа будет коммунистической»³. В том же духе высказался и ряд зарубежных делегатов I конгресса: «Волна коммунистической революции зародилась на Востоке и неудержимо рвется на Запад» (К. Штейнхардт, псевд. Грубер)⁴; «Северный ветер из России скоро очистит политический горизонт Западной Европы от болотных испарений социал-патриотов» (Ф. Платтен)⁵. Большевики Д.З. Мануильский и И.Ф. Арманд (псевд. – Е. Блонина) в своих статьях оптимистично предрекали скорую революцию во Франции: «Французская революция не за горами»⁶; «Франция сейчас уже накануне революции – это можно сказать с уверенностью»⁷.

И хотя до революции в развитых странах Запада дело так и не дошло, но весной 1919 г. в Центральной Европе появились две советские республики – Венгерская⁸ и

¹ Суздальцев И.А. Роль РКП(б) в формировании организационной структуры Коминтерна // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 3. С. 127.

² Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала. Да здравствует Первое Мая! К трудящимся всего мира // Коммунистический Интернационал. 1919. №1. С. 25.

³ Зиновьев Г.Е. Перспективы пролетарской революции // Там же. С. 42.

⁴ Грубер К. Последний этап // Там же. С. 60.

⁵ Платтен Ф. Третий Интернационал // Там же. С. 61.

⁶ Мануильский Д.З. Современное положение во Франции // Коммунистический Интернационал. 1919. № 2. С. 214.

⁷ Блонина Е. Перспективы революции во Франции // Коммунистический Интернационал. 1919. № 3. С. 338.

⁸ См. об этом: Шмигель М. Наследники великой революции – венгерская и словацкая советские республики (1919 г.) // Великая российская революция 1917 г. в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI вв. Материалы международной научной конференции / Гл. ред. А.В. Егоров. Витебск, 2017. С. 169.

Баварская¹. И если Баварская просуществовала всего три недели – с 13 апреля по 3 мая, то Венгерская, провозглашенная 21 марта, продержалась до августа, когда пала под ударами румынских интервентов, поддерживаемых Антантой. Эти неудачи, равно как и недолгое существование Словацкой советской республики летом 1919 г., не обескуражили большевиков и коминтерновцев. Зиновьев заявил, что «причин к унынию нет», а «победа коммунизма неизбежна, как неизбежно после ночи наступает утро»². Впрочем, летом–осенью 1919 г. тактика Коминтерна все-таки стала меняться. Л.Д. Троцкий призывал перенести маршрут мировой революции на Восток, а на западных рубежах пойти на заключение мирных договоров с малыми государствами – создать временный буфер между Европой и Советской Россией³. В № 7–8 журнала (ноябрь–декабрь 1919 г.) помещен «Привет III Интернационалу» от II Всероссийского съезда мусульманских коммунистических организаций народов Востока с надеждой, что «под руководством Исполнительного Комитета III Интернационала коммунистам Востока удастся революционизировать Восток»⁴. В.И. Ленин, выступая на съезде, подчеркнул, что «освобождение народов Востока является теперь вполне практически осуществимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии»⁵.

В статье о национальном и колониальном вопросах, приуроченной ко II конгрессу Коминтерна (июль–август 1920 г.), Ленин предлагал еще более расширить геополитический охват деятельности III Интернационала: «необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях (напр., в Ирландии, среди негров Америки и т.п.) и в колониях»⁶. Однако подготовка революций в странах Азии пока не выходила за рамки теоретических построений. Образование Туркестанской АССР и Гилянкой ССР в Иране не было итогом деятельности Коминтерна⁷. Попытка начать напрямую руководить компартией Ирландии не увенчалась успехом⁸. Компартия США также уклонилась от следования инструкциям Коминтерна по ряду вопросов, в т.ч. по негритянскому⁹.

Поражение Красной Армии в польской кампании 1920 г. сделало неактуальным вопрос об «экспорте» революции военным путем. В своем воззвании Г.Е. Зиновьев был вынужден заявить: «рабочая власть в Польше будет крепка только тогда, когда польские рабочие и крестьяне сами добьются победы»¹⁰. Правда, коминтерновцы

¹ См. об этом: Ватлин А.Ю. Советская республика в Баварии: история политических мифов // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 37.

² Зиновьев Г.Е. Русская революция и международный пролетариат // Коммунистический Интернационал. № 6. С. 791.

³ Емельянова Е.Н. Политика Советской России по отношению к странам Среднего Востока в начале 20-х гг. XX в. // Научный диалог. 2016. № 7(55). С. 174.

⁴ Привет III Интернационалу // Коммунистический Интернационал. 1919. № 7–8. С. 1114.

⁵ Ленин В.И. Доклад на II Всероссийском съезде мусульманских коммунистических организаций народов Востока // Его же. Полн. собр. соч. Т. 39. М., 1970. С. 321.

⁶ Ленин В.И. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам // Коммунистический Интернационал. 1920. № 11. С. 1722.

⁷ Суздальцев И.А. Проблема «Запад–Восток» в политике Коминтерна в 1919–1920 гг. // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2020. Вып. 20. С. 58.

⁸ O'Connor E. From Bolshevism to Stalinism: Communism and the Comintern in Ireland // Bolshevism, Stalinism and the Comintern. Perspectives on Stalinization, 1917–53. Edited by Norman LaPorte, Kevin Morgan and Matthew Worley. N.Y., 2008. P. 245.

⁹ Storch R. 'Their unCommunist Stand': Chicago's Foreign Language-Speaking Communists and the Question of Stalinization, 1928–35 // Ibid. P. 265.

¹⁰ Зиновьев Г.Е. К рабочим всех стран // Коммунистический Интернационал. 1920. № 9. С. 1397.

уповали на успех революций в Германии, на Балканах и даже в Англии: «Германская революция начинает идти вверх по восходящей линии»; «пройдет немного времени и Балканский полуостров станет Советским полуостровом»¹; «крах капиталистических правительств неминуем»²; «фактически Англия переживает сейчас такой же критический момент, какой переживала Россия накануне февральской революции»³.

II конгресс Коминтерна, закончивший работу незадолго до начала успешного контрнаступления польских войск под Варшавой, одобрил «21 условие» приема национальной компартии в Коминтерн. По словам Г.Е. Зиновьева, для того чтобы оградить Коминтерн от влияния «дельцов» от социал-демократии, «нужно взять двери Коммунистического Интернационала на запор, нужно поставить надежную стражу у ворот Коммунистического Интернационала»⁴. В.И. Ленин еще в 1919 г. поставил вопрос о выработке строгих принципов совместной деятельности и политической борьбы коммунистов всего мира: «Партия, которая (...) не ведет систематической, всесторонней нелегальной работы, (...) есть партия предателей и негодяев. В Коммунистическом Интернационале их не будет»⁵. А на II конгрессе он, даже несмотря на благоприятный на тот момент для Советской России ход «войны с белополяками», высказался против поспешных геополитических авантюр. Он сказал, что «в громадном большинстве капиталистических стран не закончена подготовка пролетариата к осуществлению им своей диктатуры». Поэтому перед компартиями ставились задачи: тщательно готовить будущее выступление; поддерживать стачечное движение; вести нелегальную работу в армии, на флоте, в полиции; открывать легальные органы печати⁶. Коммунистам надлежало вести за собой рабочий класс – устанавливать рабочий контроль над производством, создавать фабзавкомы, что должно привести к уничтожению «органов угнетения капиталистического государства»⁷. При этом все более приоритетным становилось азиатское направление. Журнал печатал обзоры политических событий в странах Востока, о важности которых для революционного процесса говорил и Зиновьев: «События на Востоке имеют гигантское значение. То, что мы видим сейчас на Ближнем и Дальнем Востоке, есть еще только слабое начало. Недалеко время, когда весь Восток загорится революционным полымем»⁸.

Тем, кто не был полностью готов принимать «21 условие» (Дж. Серрати – Итальянская социалистическая партия; А. Криппин, В. Дитман – Независимая социал-демократическая партия Германии; П. Леви – Коммунистическая партия Германии) большевики были готовы предложить компромисс: «По отношению к массовым пролетарским организациям, еще не освободившимся от этих "левых" стремлений, мы будем настойчиво и систематически вести воспитательную работу и будем сближаться с ними»⁹. По поводу НСДПГ Зиновьев на заседании ИККИ 7 августа 1920 г. сфор-

¹ Трудящимся всего мира // Коммунистический Интернационал. 1920. № 10. С. 1147, 1446.

² Ленин В.И. Третий Коммунистический Интернационал // Там же. С. 1459.

³ Революционные перспективы в Англии // Коммунистический Интернационал. 1920. № 11. С. 1779.

⁴ Зиновьев Г.Е. Второй конгресс Коммунистического Интернационала и его задачи // Там же. С. 1730.

⁵ Ленин В.И. О задачах III-го Интернационала // Коммунистический Интернационал. 1919. № 4. С. 455.

⁶ Ленин В.И. Тезисы об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала // Коммунистический Интернационал. 1920. № 12. С. 1973, 1977–1978.

⁷ Западноевропейский Секретариат Коммунистического Интернационала. Тезисы о тактике Коммунистического Интернационала в борьбе за пролетарскую диктатуру // Там же. С. 2224–2226.

⁸ Зиновьев Г.Е. Чем был Коммунистический Интернационал до сих пор и чем он должен стать теперь // Там же. С. 2006.

⁹ Зиновьев Г.Е. Два пути // Коммунистический Интернационал. 1920. № 13. С. 2586.

мулировал немудреный принцип: «Без вас – если вы не хотите! С вами – если вы хотите! Против вас, если вы вступите с нами в борьбу!»¹. Однако вскоре он ужесточил свою риторику: «Социалист, который сегодня не стоит вполне искренно на стороне III Интернационала, завтра будет выступать за II Интернационал»². Видимо, на Зиновьева подействовало ленинское отношение к соглашательству. Ленин был непреклонен: «Господа Дитманы, Каутские, Крипины в Германии, Лонге и К^о – во Франции, Турати и его друзья – в Италии (...) не понимают диктатуры, неспособны понять и осуществлять ее»³. В конце 1920 г. ИККИ признал «в высшей степени вредными всякие уступки и компромиссы по отношению к "объединенцам"»⁴.

Стабилизация капитализма, о которой говорил большевистский теоретик Н.И. Бухарин⁵, стала очевидной и для В.И. Ленина, по словам которого «классовая самоуверенность буржуазии и внешняя устойчивость ее государственных органов несомненно укрепились»⁶. Журнал «Коммунистический Интернационал» также констатировал отдаление мировой революции ввиду наступления «переходного периода», когда на первый план выходят частичные требования, необходимые для установления «самой тесной связи коммунистических партий с широкими массами пролетариата»⁷.

Чтобы не допустить деморализации зарубежных компартий по причине резкой смены внутривоплотительского курса большевиков в 1921 г., советский экономист Е.С. Варга на страницах «Коммунистического Интернационала» дал обоснование необходимости перехода Советской России к *нэпу*: «Политически потому, что бывшие деревенские бедняки превратились в крестьян-средняков и требовали соответственной экономической политики. Экономически изменение было необходимо потому, что посевная площадь и сбор урожая беспрестанно уменьшались. Государство при всем желании не могло снабдить крестьянина нужными средствами производства фабрикатами для потребления, потому что крупная промышленность парализована»⁸.

После принятия резолюции о едином рабочем фронте на I расширенном пленуме ИККИ (21 февраля – 4 марта 1922 г.), продиктованной, главным образом, стремлением РСФСР заручиться поддержкой социал-демократов на Генуэзской конференции⁹, в журнале стали появляться публикации с обоснованием правильности новой тактики. Наиболее ярко ее излагал Г.Е. Зиновьев, заявивший, что «изменившаяся обстановка выдвигает в настоящее время перед Коминтерном некоторые новые задачи. Старый Либкнехт любил говорить о том, что революционеру иногда необходимо "в 24 часа" менять свою тактику»¹⁰. Он пояснял: «Дело должно идти о боевых соглашениях для

¹ Кобецкий М.В. Первый месяц работы // Там же. С. 2595.

² Зиновьев Г.Е. О съезде в Галле // Коммунистический Интернационал. 1920. № 14. С. 2683.

³ Ленин В.И. К истории вопроса о диктатуре // Там же. С. 2702.

⁴ Заседания Исполкома Коминтерна (3 ноября) // Коммунистический Интернационал. 1920. № 15. С.3358.

⁵ Латышев А.Г. Бухарин – известный и неизвестный // Открывая новые страницы / Сост. Н.В. Попов. М., 1989. С. 369.

⁶ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. М., 1933. С. 166.

⁷ Зиновьев Г.Е. Письмо Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала ко всем пролетарским организациям, принадлежащим Коминтерну и желающим вступить в Коминтерн // Коммунистический Интернационал. 1921. № 17. С. 4033.

⁸ Варга Е.С. Поворот в экономической политике Советской России // Коммунистический Интернационал. 1921. № 18. С. 4598.

⁹ Пантелеев М.М. Агенты Коминтерна. М., 2005. С. 7.

¹⁰ Зиновьев Г.Е. Старые цели – новые пути // Коммунистический Интернационал. 1921. №19. С.4781.

борьбы против капитализма также и с анархистами, с синдикалистами и с беспартийными рабочими». По словам главы Коминтерна, «наступление международного капитала, банкротство Версальского мира, возникающая опасность новых войн»¹ осложняют положение коммунистически ориентированной части рабочего класса, которой будет трудно действовать в одиночку. Однако ни о каком альянсе разных политических сил внутри самой Советской России уже не могло быть и речи. В 1922 г. Зиновьев уточнил, что организовать единый фронт с меньшевиками не представляется возможным по причине организации последними «стачек против Советской России», а также «поддержки Кронштадта»².

На конференции трех интернационалов (II-го, II^{1/2}-го и III-го) в Берлине в марте 1922 г. представители Коминтерна Н.И. Бухарин, К.Б. Радек и др. достигли некоторых компромиссных договоренностей с деятелями европейской социал-демократии. В Москве рассчитывали на то, что социал-демократы поддержат Советскую Россию на международной арене. Однако этого не произошло, и большевики обвинили противоположную сторону в срыве договоренностей, в бездействии и предательстве³, а также в том, что они «заняты саботажем первых шагов в братаниях французского и германского пролетариата»⁴ (Рурский бассейн находился под французской оккупацией). II расширенный пленум ИККИ отметил, что «сопротивление лидеров социал-демократии должно побудить коммунистов еще настойчивее бороться за единство рабочего класса»⁵. Отныне единый фронт предполагалось выстраивать на основе компартий, постепенно вытесняя «реформистов». В своей статье член ИККИ С.А. Лозовский писал: «Мы сделали еще один шаг по пути создания единого фронта. Мы внесли внутрь реформистских рабочих организаций наши идеи, наша платформа начинает завоевывать эти массы»⁶.

Таким образом, в журнале «Коммунистический Интернационал» за период проведения первых четырех конгрессов Коминтерна (1919–1922 гг.) отражены основные повороты политической линии Коминтерна, связанные с поражением пролетарских революций в европейских странах в 1919–1920 гг., разработкой вопроса о революционном процессе в Азии, задачами консолидации национальных компартий под руководством Коминтерна и дискуссиями о возможности сотрудничества между коммунистами и другими силами левосоциалистической ориентации в рамках единого фронта. Ведущими теоретиками международного коммунистического и рабочего движения, объединяемого под эгидой Коминтерна, выступали лидеры РКП(б); они регулярно публиковались в главном коминтерновском журнале.

¹ Там же. С. 4782, 4787.

² Зиновьев Г.Е. Еще о тактике единого фронта // Коммунистический Интернационал. 1922. № 20. С.5151.

³ Лозовский С.А. К Франкфуртской конференции // Коммунистический Интернационал. 1923. № 25. С. 6781–6808.

⁴ Радек К.Б. Рур и Гамбург // Там же. С. 6719.

⁵ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969. С. 173.

⁶ Лозовский С.А. К Франкфуртской конференции. С. 6808.

Е.А. Прокофьева
кандидат исторических наук, доцент
Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева
Е.О. Демьяненко
учитель истории ГБОУ «Школа №1375», г. Москва

ОСОБЕННОСТИ КООПЕРАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ В 1920-е гг.

В экономическом развитии регионов Поволжья – Чувашии, Мордовии, Марийской области, Башкирии, Татарии – в первые послереволюционные годы наряду с постепенно развивающейся промышленностью важную роль продолжало играть ремесленное производство. Издавна крестьянское население Поволжья занималось различными кустарными промыслами, вырабатывая вручную или при помощи примитивных приспособлений предметы домашнего обихода, сельскохозяйственные орудия. Существовали промыслы, имевшие характер ремесла: шерстобитное, гончарное, кузнечное, плотницкое и др. Промыслы были распространены у всех поволжских народов; тем не менее, некоторые из них были более характерны для того или иного народа. Так, обработкой материалов, поделками из керамики, пошивом одежды занималось, в основном, русское население. Бондарным, шерстобитным делом, изготовлением различных орудий труда – почти все народы региона. Нерусские народы предпочитали выделывать кули, рогажи, мастерить изделия из прутьев¹.

После Октября количество кустарных производств в этом регионе сократилось. Если до Первой мировой войны в Чувашии, например, кулеткацким делом занималось 15 тыс. кустарей, то после революции их осталось 9 тыс. Однако в годы Гражданской войны и в период восстановления разрушенной войной экономики потребность в кустарных изделиях снова возросла. Чтобы обеспечить армию, удовлетворить потребности крестьянских хозяйств в необходимых предметах, а также создать хотя бы минимальные условия для восстановительных работ в промышленности, Советское правительство предприняло меры для оживления промысловой деятельности: на льготных условиях отпускались сырье и материалы, кустарям выдавались ссуды на приобретение инструментов и оборудования, создавались артели и союзы.

В 1921 г. в Среднем и Нижнем Поволжье, в Крыму, в некоторых районах Украины и Южного Урала начался вызванный неурожаем голод, от которого пострадало большое количество населения. И центральная, и местная власть сделали ряд важных шагов. При ВЦИК была создана Центральная комиссия помощи голодающим, чьи отделения начали работу в бедствующих регионах. Голодающие местности прикрепили к благополучным (к Москве и Московской губернии была прикреплена, например, Чувашская автономная область, создается Московская губернская комиссия помощи голодающим, которая организует в регионах свои бюро), а при Чувашоблисполкоме, например, была образована областная комиссия помощи голодающим².

Горестным голодным годам предшествовал «военный коммунизм» с его суровыми реалиями и, прежде всего, продразверсткой, сильно ударившей по интересам и уровню жизни многомиллионного крестьянства. Он вызвал мощные антибольшеви-

¹ Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Русское население Чувашской АССР: Материальная культура. Чебоксары, 1960. С. 93.

² Вязова О.Г. Кооперация в Чувашии в борьбе с голодом 1921–1922 г. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Саратов, 2007. № 7(3). С. 162.

ские выступления, в т.ч. в Поволжье. Не будем подробно останавливаться на методах проведения продразверстки, приведем лишь один пример. 15 января 1920 г. Мензелинское уездное продовольственное совещание, основываясь на приказе Прикамгубпродкома, потребовало выполнить в десятидневный срок 60% годового наряда продразверстки хлеба. Для выполнения данного приказа предписывалось «не останавливаться перед арестом, конфискацией не только хлеба, но и лошадей, скота и т.п. За неисполнение настоящего приказа немедленно будут арестованы сельсоветы, волисполкомы в целом, а отдельные лица, тормозящие исполнение настоящего приказа, будут без суда и следствия арестовываться и препровождаться в г. Уфу для отправления в Москву в концентрационный лагерь»¹. Реакция не заставила себя долго ждать. Вспыхивает мощное восстание «Черный орел». В ряды т.н. «Народной армии» призывались все желающие от 15 до 55 лет. «Вставай, вставай, измученный народ, проснись от тяжкого сна, подними лицо твое, все мокрое от слез, вздохни полной грудью и иди на смертный бой с врагами!» – призывал Центральный штаб повстанцев, а уполномоченный губчека и губкома РКП(б) докладывал в коллегию Уфимского губчека о вилочном восстании крестьян в Мензелинском уезде². И как цепная реакция – выступления распространяются по поволжскому региону. 19 января 1921 г. вспыхнуло восстание крестьян в Акулевской волости Чебоксарского уезда, которое перекинулось на соседние территории.

Таким образом, перед большевиками встала задача – укрепить свою сильно пошатнувшуюся власть, что требовало комплексного решения: успокоить национальные регионы, победить голод и провести посевные работы. На смену «военному коммунизму» пришла новая экономическая политика (нэп), которая, наряду с налоговыми изменениями, допускала частную инициативу и разные формы кооперации. Первоочередными проблемами в 1921–1922 гг. были: обеспечение крестьян семенами для засева земель в пострадавших районах, организация там общественного питания и общественно-полезных работ, заготовка продовольствия и обеспечение его сохранности на складах. В проведении этих мероприятий принимали участие кооперативные организации. Было необходимо также трудоустроить массы голодного населения.

Немаловажным был и национальный вопрос. Громкий резонанс имело дело Мирсаида Султан-Галиева – идеолога «мусульманского национального коммунизма», которому было посвящено Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г. Хотя эти события затронули лишь Татарию и Башкирию, но ползучую опасность националистической агитации большевики не могли недооценивать. К тому же немногочисленность промышленных предприятий, а следовательно, и количественная недостаточность политической сознательного пролетариата делали многонациональное крестьянское и ремесленное население Поволжья, большей частью – незажиточное, особенно восприимчивым ко всякого рода политической и националистической агитации. Конкретные меры включали в себя обеспечение земель местного населения за счет государственного земельного фонда, доступный сельскохозяйственный кредит и всемерную помощь кооперации, в т.ч. промысловой; для привлечения кустарей должны были оторвать безлошадного и безземельного крестьянина от зажиточного элемента и ослабить, таким образом, его «политическое подчинение». Не случайно особое внимание уделялось

¹ История Татарстана и Татарского народа. 1917–2017: хрестоматия /под ред. А.Г. Галлямовой. Казань, 2019. С. 142.

² Там же. С. 143–148.

развитию разных форм кооперации, ведь традиционно за счет деятельности кустарных предприятий существовала половина национального населения Поволжья. Создаваемые в Бирском, Белебеевском и Стерлитамакском кантонах животноводческие, пчеловодческие и семеноводческие союзы, маслосоюзы и хлебосоюзы оживили экономику Башкирии, где уже к 1923–1924 гг. кустарная промышленность составляла 50,6% всей имеющейся промышленности; в Татарии в те же годы – 23%¹. В Марийской области был создан Марсоюз, который, несмотря на то, что начал свою деятельность в тяжелых условиях голода и отсутствия капиталов, стал и довольно крупной хозяйственной единицей и центром, охватившим все виды производства.

Развитие производства было напрямую связано с сырьевыми возможностями поволжских регионов. Около 63% территории Марийской области, в основном – юго-западную его часть, занимали лесные массивы. Густая речная сеть (Ветлуга, Рутка, Илеть, Большая и Малая Кокшага) позволяла заниматься лесосплавными работами. Поэтому наиболее распространены были производства, связанные с использованием леса и его богатств. А так как марийские леса на 50% сосновые, то здесь успешно развивалось смолокурно-скипидарное производство. В Мордовии больше всего кустарей работало в трикотажном, пошивочном, кружевном, деревообделочном производстве. В русских и мордовских селениях Краснослободского, например, уезда уже в 1920 г. были созданы крупные колесные, бондарные и ободно-повозные артели. В отличие от Башкирии, Мордовии и Марийской области, где крупные кооперативные союзы создавались практически заново, в Чувашии кооперативное движение имело давние традиции. Так, в 1890-х гг. уже функционировали потребительское общество Алатырских железнодорожных мастерских и общество потребителей г. Цивильска, подобные формы хозяйственной деятельности возникали и в сельской местности. В начале 1910-х гг. в Чувашии появились промысловые кооперативы. Специалисты по истории кооперативного движения в Чувашии отмечали, что наиболее распространенным видом кооперации там стала не потребительская, а кредитная кооперация (ссудно-сберегательные и кредитные товарищества), охватившая к 1914 г. 34% всех крестьянских хозяйств². Из промысловых артелей и производственных кооперативов выживали те, которые использовались частными предпринимателями.

Изготовление рогожи и кулей было традиционным занятием чувашей. В дореволюционное время Чувашия была опутана крепкими сетями частного капитала, державшего кулеткацкое производство в своих руках. В Чебоксарах работали крупные фирмы предпринимателей Тихомирова и Чуева, контора московской фирмы «Будущность» и мн. др.; на местах работу выполняли не менее 40 мелких предпринимателей, которые не только снабжали готовую продукцию фирмам покрупнее, но и самостоятельно выходили на внеобластные рынки. Кроме того, по всему кулеткацкому району было разбросано бесчисленное множество мелких предпринимателей-чувашей, которые являлись связующим звеном, с одной стороны, с кустарями, с другой – с более крупными предпринимателями. Сырье – мочало закупалось в Вятской и Симбирской губерниях и свозилось в Чебоксары, где сдавалось на переработку кустарям.

Созданный после Февральской революции 1917 г. «Союз кустарей мелкой промышленности», состоявший, в основном, из частных предпринимателей, распался после Октябрьской революции – в ходе экспроприаторских мероприятий. Крупные

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 270. Л. 215, 244, 286.

² Вязова О.Г. Местная власть и кооперация в Чувашии в годы нэпа // Новый исторический вестник. М., 2009. Вып. 19. С. 54.

предприятия были ликвидированы, а имеющееся у них сырье национализировано. Оставшиеся средние и мелкие предприятия преобразовывались в артели. Зачастую, создание кооперативов инициировалось советскими и партийными органами. Так, с июля 1920 по январь 1921 г. в Чувашской области ими было организовано 68 артелей по выделке кулей и рогож, 37 артелей лаптеплетов, 3 артели бондарей, 2 артели оглобельщиков и др.¹ С началом нэпа кооперативное движение в Чувашской области приняло массовый характер. Разворачивают свою деятельность Чувашлестрест, Чувашпроизводсоюз, Горкоп. Важную роль в заготовке семян сыграл Чувашский областной союз потребительских обществ (Чувашоблсоюз). Самым сильным из них был Чувашкооперативсоюз, объединяющий почти все виды производственной кооперации, в которую к этому времени вошло 173 кооператива. Среди них: одно сельскохозяйственное общество, 35 кредитных товариществ, 3 сельскохозяйственных коммуны, 7 сельскохозяйственных артелей и 89 промыслово-кооперативных товариществ². Обратим внимание на историю его появления: в августе 1921 г. был создан союз артелей под названием «Чувашкуль», но в 1922 г. он оказался на грани банкротства и под угрозой ликвидации. Для сохранения этого производства и на его базе с помощью Кустсоюза и Сельхозсоюза и был сформирован крупный Чувашпроизводсоюз, который уже в первый год своей работы охватил более 20% всего кулеткацкого производства. Основным видом деятельности этого союза было рогожно-кулевое производство; сырье для него добывалось из лесов, которыми так богат Поволжье. В 1923–1924 гг. Чувашпроизводсоюз вырабатывал 850 тыс. единиц продукции – в то время, как государственные предприятия – всего 65 тыс., частные – 1,5 млн. Изделия, производимые кулеткачами, шли на экспорт: кули и рогожи вывозили даже в Англию³. Государство обеспечивало их сырьем и заказами, покупало готовую продукцию.

Также сбытом изготовленной кооператорами продукции занимались предприятия торговли, основная масса которых в середине 1920-х гг. принадлежала частным лицам. Отметим, что в Чувашии в то время успешно сочетались кооперативные, государственные и частные формы хозяйствования при видимом приоритете последних. Так, на 1 января 1925 г. в городах автономии было 26 государственных, 250 кооперативных и 706 частных предприятий. В сельской местности функционировало 7 государственных, 337 кооперативных и 937 частных торговых предприятий⁴.

В Башкирии же, напротив, кооперативные товарищества по реализации продукции твердо удерживали первенство по сравнению с государственным и частным сектором. Если в 1923 г. в общем объеме частная торговля занимала первое место (67%), кооперативная – 30%, а государственная – 1,7%, то в 1924 г. доля государственной торговли – уже 8,6%, частной – 33%, а кооперативная в общей структуре была представлена 57%. На следующий год эта тенденция сохранилась: 11,2% занимали государственные предприятия, 28% – частные, а доля кооперативных достигла 59%⁵.

К концу 1920-х гг., в связи с принятием плана индустриализации, число кустарно-ремесленных производств стало медленно уменьшаться, а продолжавшееся кооперирование кустарей и перевод их на работу в общие мастерские положили начало постепенному превращению их в рабочих фабрично-заводского типа.

¹ Там же. С. 55.

² ГА РФ. Ф.Р-5677. Оп. 5. Д. 434. Л. 144.

³ Там же. Д. 435. Л. 145.

⁴ Там же.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 270. Л. 85.

Основным занятием населения Поволжья в 1920-е гг., по-прежнему, оставалось сельское хозяйство. Во всех национальных автономиях крестьянство составляло абсолютное большинство: 93% населения Чувашии, 96% жителей Мордовии, более 90% населения Татарии. В 1920-х гг. появилось много сельскохозяйственных кооперативов, возникают коллективные хозяйства. Формы нарождавшихся коллективных хозяйств были различными: товарищества по совместной обработке земли или продуктов животноводства, коммуны. Колхозов, в привычном нам понимании, было очень мало. В Татарии в 1921–1925 гг. наибольшее распространение получила сельская потребительская кооперация. Число членов потребительской кооперации с 1923 по 1925 г. увеличилось почти в пять раз, а число кооперативных крестьянских хозяйств возросло с 6,7% до 32,2%. На конец 1925 г. в Татарии имелось 333 коллективных хозяйства, из них 130 артелей, 20 коммун, 183 товарищества по совместной обработке земли. Они объединили 9714 крестьянских хозяйств (более 30 тыс. дес. посевов). Так шесть бедняцких дворов Калининской волости Арского уезда объединились в коллектив имени Чернышевского. К концу восстановительного периода уже в каждом кантоне имелось несколько коллективных хозяйств – таких, как «Луч» в Чернышевском, имени Ленина в Бугульминском, «Дружба» в Мензелинском, «Ярдам» в Тетюшинском и др.¹ В Мордовии первые совместные хозяйства возникли еще в 1917 г., а к концу 1918 г. насчитывалось уже более 30 коммун и артелей. В начале 1920-х гг. в Саранском, Рузаевском, Инсарском, Краснослободском и Наровчатовском уездах в коммунах состоял 1061 чел. Наряду с коммунами и артелями создавались также товарищества по совместной обработке земли и совхозы. В середине 1920-х гг. в уездах округа насчитывалось 156 специализированных сельскохозяйственных кооперативов, в т.ч.: товариществ по переработке и сбыту сельхозпродукции – 69, сельхозкредитных – 47, подсобно-производственных – 39, по электрификации – 1. В среднем по Мордовии свыше 11% крестьянских хозяйств вошло в кооперативы, самым высоким был процент в Саранском, Рузаевском, Темниковском уездах. На 1 октября 1927 г. в Мордовии насчитывалось 48 колхозов, а к концу 1927 г. их было уже 158². Похожие процессы происходили и в Марийской области. В одном только Сернурском кантоне было организовано 12 колхозов. Наряду с колхозами имелись и другие формы совместного ведения хозяйств, наиболее популярными были машинные товарищества.

Различный, в целом невысокий уровень развития сельского хозяйства в автономиях Поволжья, характеризующийся технической отсталостью и плохой обеспеченностью земель, заставлял крестьянство региона искать новые пути кооперирования, которые позволили бы объединить усилия для достижения ощутимых результатов. Но по целому ряду причин ожидаемые результаты не были получены. С одной стороны, коллективные хозяйства остро нуждались в технике и машинах, которых не хватало и которые были довольно дороги. С другой стороны, стратегия ведения коллективных хозяйств только разрабатывалась. А в-третьих, предлагаемый самими крестьянами принцип добровольности кооперирования был грубо нарушен, когда Советское правительство в новых условиях (широкомасштабная индустриализация, кризис хлебозаготовок, угроза большой войны и др.) взяло курс на сплошную коллективизацию, применяя при этом весьма жесткие методы. Все это, в итоге, и не давало развиваться кооперативному движению.

¹ История Татарской АССР. Казань, 1968. С. 395–396.

² Лузгин А.С. В тесном сотрудничестве. Хозяйство и материальная культура русского населения Мордовии. Историко-этнографический очерк. Саранск, 1987. С. 53.

«СТАРЫЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ» В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ОБЩЕСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН

В 1921 г. В.Н. Фигнер писала М.В. Новорусскому: «12 марта будет праздник амнистированных 17 г., устроители – бывшие ссыльные и каторжане. К эт[ому] дню издается небольшой сборник и будет предложено организовать общество вспоможения амнистированным в тек[ущем] году. Сомневаюсь, однако, чтоб из этого что-нибудь вышло. И не понимаю, какую твердость может иметь связь по амнистии, когда люди не только в прошлом, но еще более в настоящем разбежались и разбежались в разные стороны: одни будут сажать в тюрьму других и вместе давать взносы на поддержку этих других в тюрьмах»¹.

Этим «обществом» оказалось Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (далее – ОПК), а сборником – первый номер журнала «Каторга и ссылка», которому было суждено сыграть огромную роль в жизни и литературной деятельности «старых революционеров» в 1920–1930-е гг.

ОПК было образовано в 1921, а закрыто в 1935 г. Несмотря на то, что первоначальная инициатива создания Общества исходила от большевистских руководителей (Е.М. Ярославского, Ф.Э. Дзержинского, М.П. Томского и др.), ОПК существовало на внепартийной основе, и в него входили представители разных революционных течений и поколений, осужденные в царское время за политическую деятельность. Целями Общества были, прежде всего, материальная взаимопомощь и изучение истории революционного движения и репрессивной политики царского режима. Истории ОПК в современной отечественной и зарубежной историографии посвящено несколько крупных работ. Первым исследованием была дипломная работа А.В. Ратнера (1975), изданная в 2007 г.² В 1999 г. вышла книга американского исследователя³. В 2001 г. состоялась посвященная ОПК конференция, по результатам которой был издан сборник статей⁴. Фундаментальным исследованием по истории Общества стала монография М. Юнге, опубликованная в 2009 г. на немецком языке⁵ и в 2015 – на русском⁶. Издательской и музейной деятельности ОПК посвящены статьи Н.Ф. Васильевой⁷.

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 239. Л. 171.

² Ратнер А.В. Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1921-1935) // Конспект времени: труды и дни Александра Ратнера / Сост. А.И. Рейтблат, А.П. Шикман. М., 2007. С.284–338.

³ Pujals S. When Giants Walked the Earth: The Society of Former Political Prisoners and Exiles of the Soviet Union: 1921–1935. Washington, 1999.

⁴ Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: образование, развитие, ликвидация: 1921–1935: бывшие члены общества во время Большого террора: материалы международной научной конференции (26–28 октября 2001 г.). М., 2004.

⁵ Junge M. Die Gesellschaft ehemaliger politischer Zwangsarbeiter und Verbannter in der Sowjetunion: Grundung, Entwicklung und Liquidierung (1921–1935). Berlin, 2009.

⁶ Юнге М. Революционеры на пенсии: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев: 1921–1935. М., 2015.

⁷ Васильева Н.Ф. Влияние Коммунистической партии на издательскую деятельность Общества политкаторжан // Сибирская ссылка. Иркутск, 2013. С. 146–160; ее же. Некоторые сюжеты деятельности издательства Общества политкаторжан: политические и организационные трудности // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2011. № 1.

Наиболее актуальные для настоящей работы вопросы взаимоотношений «старых революционеров» с ОПК затрагиваются в некоторых работах Я.В. Леонтьева¹. Среди членов ОПК были, в частности, «старые революционеры» – представители революционного поколения 1870–1880-х гг., бывшие «чайковцы», землевольцы, народовольцы и чернопередельцы, пережившие долгие годы каторги и ссылки и ставшие свидетелями революции 1917 г. и начала строительства в России нового социалистического общества. Несмотря на то, что наиболее активный и яркий этап жизни этих людей пришелся на период их молодости, их деятельность в советский период также представляет исследовательский интерес. В 2010-е гг. вышли биографии таких известных революционеров-народников, как Н.А. Чарушин, Н.А. Морозов и В.Н. Фигнер, в которых большое внимание уделено советскому этапу их жизни². Основным занятием «старых революционеров» в 1920–1930-е гг. была деятельность по восстановлению истории революционного движения 1870–1880-х гг.: они писали мемуары, публиковали документы, работали в архивах и музеях. В этой своей работе они были связаны с разными организациями, но главную роль среди них играло ОПК. Обратимся к истории взаимоотношений «старых революционеров» и их Общества.

Участие «стариков» в исследовательской деятельности ОПК проходило в рамках нескольких подразделений Общества – Секции по изучению эпохи утопического социализма в России, Кружка народовольцев, издательства ОПК и журнала «Каторга и ссылка». Научно-исследовательская секция ОПК по изучению эпохи утопического социализма в России была образована в 1927 г., затем несколько раз меняла свое название и в 1931 г. была объединена с Секцией по изучению декабристов. В работе Секции принимали участие как «старые революционеры» (В.Н. Фигнер, А.В. Якимова, Н.А. Головина-Юргенсон, Л.Г. Дейч, М.П. Шебалин, М.П. Сажин), так и историки, многие из которых также имели революционное прошлое, но принадлежали уже к другому поколению (Б.И. Горев, Б.П. Козьмин, А.А. Кункль, М.М. Клевенский, Ф.И. Витязев, В.И. Невский, В.П. Полонский, Ю.М. Стеклов и др.). Заседания Секции проходили открыто в присутствии большого числа слушателей. На них «старики» выступали с комментариями к докладам историков – например, к докладам Б.П. Козьмина «Революционная деятельность М.П. Сагина в 60-е гг.» (1930) и «Ткачев и социальная революция» (1931), Е.Н. Кушевой «Общество народного освобождения» (1931), Б.И. Горева «Роль Прудона в истории русской общественной мысли» (1930), Е.Е. Колосова «В.Н. Фигнер как критик Исполнительного комитета Народной Воли» (1931)³. Таким образом, Секция была тем местом, где происходило непосредственное взаимодействие историков и участников революционного движения в ходе совместного обсуждения научных докладов, статей, книг. Кружок народовольцев был создан в

С. 247–254; ее же. Музейная работа Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Сибирская ссылка. Иркутск, 2011. С. 449–463; ее же. Роль рецензий в становлении журнала «Каторга и ссылка» // Сибирская ссылка. Иркутск, 2009. С. 59–72.

¹ Незапечатленный труд: Из архива В.Н. Фигнер / публ. Я.В. Леонтьева и К.С. Юрьева // Звенья. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 424–488; Леонтьев Я.В. Старые революционеры и советская власть // Проблемы политической истории России: сб. ст. к 70-летию заслуженного профессора МГУ А.В. Кувшинова. М., 2000. С. 135–165; его же. Кропоткинский комитет и Кружок народовольцев: к истории взаимоотношений // Труды Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Вып. 2. М., 1997. С. 48–65.

² Шикман А. Николай Морозов: мистификация длиною в век. М., 2016; Сабурова Т.А., Эклоф Б. Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х гг. М., 2016; Воронихин А.В. Вера Николаевна Фигнер: взгляд на женщину русских революций из XXI в. М., 2020.

³ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 94. Л. 50, 66, 69; Д. 100. Л. 9; Д. 101. Л. 1–14, 25, 32.

1925г. В него входили активные участники народовольческого движения – не только члены «великого» Исполнительного комитета, но и народовольцы 1880–1890-х гг. В 1928 г. численность Кружка составляла 96 чел.¹ Помимо ядра Кружка в Москве, функционировал Кружок народовольцев при Ленинградском отделении ОПК. Целью Кружка была не только материальная взаимопомощь, Кружок занимался воссозданием истории «Народной воли» путем сбора и публикации воспоминаний и документов, организации публичных выступлений. Таким образом, Кружок играл роль научно-исследовательской секции, но его членами могли быть только сами народовольцы, а не историки, занимающиеся изучением «Народной воли». На заседаниях Кружка читывались доклады членов Кружка, а также обсуждались материалы, переданные редколлегией «Каторги и ссылки» для отзыва. Доклады затем печатались в «Каторге и ссылке» или отдельными брошюрами. Крупным достижением Кружка было издание серии «Труды Кружка народовольцев», в которой вышли сборники статей, воспоминаний и документов «Народовольцы после 1 марта 1881 года» (1928), «Народовольцы 80-х и 90-х годов» (1929), «Литература партии "Народная воля"» (1930), «Народная Воля перед царским судом» (1930), «"Народная Воля" в документах и воспоминаниях» (1930), «1 марта 1881 года» (1931, 1933), «Народовольцы» (1931). Основной специализацией издательства ОПК и журнала «Каторга и ссылка» была история революционного движения в России в XIX – начале XX вв. Первый номер журнала вышел в 1921, первая книга издательства – в 1923 г. Здесь выходила основная масса трудов «старых революционеров» в 1920–1930-е гг.: крупные фундаментальные издания собраний сочинений В.Н. Фигнер и М.Ф. Фроленко, воспоминаний Н.А. Чарушина и Н.А. Морозова, множество брошюр, статей, рецензий и мн.др. Непосредственное отношение к журналу «Каторга и ссылка» имели М.Ф. Фроленко, Е.Н. Ковальская и Н.А. Головина-Юргенсон, которые входили в состав редколлегии.

Взаимодействие «старых революционеров» с ОПК было сопряжено с рядом конфликтных ситуаций, так как, хотя Общество и носило внепартийный характер, но руководство его было преимущественно большевистским. В первую очередь, надо сказать, что не все «старые революционеры» пожелали стать членами ОПК. Так, членом ОПК не была П.С. Ивановская, не хотевшая принимать материальную помощь от Советской власти, несмотря на крайнюю нужду. Отказалась она и от пенсии, предоставленной в 1926 г. СНК всем участникам царевубийства 1 марта 1881 г.² В.Н. Фигнер также долгое время не вступала в Общество, хотя и принимала активное участие в его деятельности. Когда в 1932 г. к 80-летнему юбилею ей преподнесли членский билет, она ответила письмом с резкой критикой ОПК за одобрение смертной казни и деятельности ГПУ, «чистки», разделение Общества на привилегированную комфракцию и «подьяремное» беспартийное большинство³. Такая реакция Фигнер вызвала негодование среди большевистской части ОПК⁴. И.А. Теодорович, Е.М. Ярославский и Я.Б. Шумяцкий составили несколько проектов ответа на письмо Фигнер, где ее обвиняли в проповеди «политики разоружения перед врагами революции, политики либерализма, пацифизма, обывательского отношения к величайшей борьбе наших дней»⁵. Од-

¹ Терешкович К.М. Народовольческий кружок // Каторга и ссылка. 1928. № 8–9. С. 282.

² Юнге М. Указ. соч. С. 280.

³ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 85. Л. 2–3; РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 25. Л. 38; Коржихина Т. За пять лет до 1937-го // Московские новости. 1988. № 45 (6 ноября). С. 9; Гарелин И. [Рогинский А.Б.]. В.Н. Фигнер и Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Память. Вып. 3. Париж, 1980. С. 395.

⁴ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 58. Л. 182–186; ГА РФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 110–114, 169–172.

⁵ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 5. Д. 25. Л. 32–56.

нако ни один из этих проектов так и не был отправлен Фигнер, так как от Л.М. Кагановича была получена директива «не поднимать шум». В итоге, Вера Николаевна написала второе письмо¹, в котором подчеркнула, что не отказывалась вступать в Общество, а лишь хотела поставить Президиум в известность о своей позиции, и приняла присланный ей членский билет². Через некоторое время Ленинградское отделение ОПК снова подняло вопрос о письме Фигнер, выразив свое негативное отношение к реакции и действиям Президиума Центрального Совета Общества, которые оно сочло слишком мягкими. История с письмом Фигнер стала предметом обсуждения на заседании комфракции Президиума ЦС ОПК в апреле 1933 г. Общее мнение фракции сводилось к тому, что изначальной ошибкой была идея предложить Фигнер членский билет: «Мы не всегда можем быть уверенными, не выкинет ли этот наш "почетный член" какого-нибудь коленца. А исключать его никак нельзя (...) Выгодно нам политически эта фигура, и потому мы должны носиться с ней» (Ф.Я. Кон); «Надо впредь всем предписывать, что их («старых революционеров». – О.Ш.) таскать не нужно. Нам выгодно сделать вид, что они за нас и во всем Союзе и за границей. Когда их не вытаскивают, они сидят смиренно, и пусть сидят» (С.И. Мицкевич)³.

Уже из этих двух примеров видно, что отношение «стариков» к ОПК было неоднозначным. Наиболее конфликтным оказался 1927 г., когда руководство ОПК активно проводило линию на усиление коммунистических фракций и контроля центрального руководства над всеми подразделениями Общества, особенно после смещения одного из руководителей ОПК – «троцкиста» В.Д. Виленского-Сибирякова. На должности ответственного редактора «Каторги и ссылки» его заменил Ф.Я. Кон, что вызвало резкое неприятие со стороны «стариков», входивших в состав редколлегии – М.Ф. Фроленко и Е.Н. Ковальской⁴. В это же время произошел открытый конфликт между «стариками» и коммунистической фракцией ОПК по поводу ответа на анкету «Ле Либертер». Летом 1927 г. в Президиум ЦС ОПК поступила анкета от газеты «Ле Либертер» – печатного органа французских анархо-коммунистов. Анкета содержала вопросы, касающиеся деятельности ГПУ и отношения к ней Общества. В №7 «Каторги и ссылки» был опубликован ответ ОПК на эту анкету, выражающий одобрение деятельности ГПУ⁵. Через два месяца в «Правде» было напечатано письмо в редакцию Е.Н. Ковальской, в котором она заявляла, что по болезни не участвовала в подготовке этого номера и не желает быть ответственной за него⁶. Одновременно Ковальская обратилась в редакцию «Каторги и ссылки» с просьбой напечатать ее заявление следующего содержания: «В 7-м номере журнала "Каторга и ссылка" в числе редактировавших этот номер стоит и моя фамилия. В редактировании этого номера я не участвовала. Об анкете анархо-коммунистов и об ответе на анкету ничего не знала до выхода номера. Можно бороться с инакомыслящими, но клеветать на томящихся в тюрьмах и ссылке беззащитных, честно отстаивающих свои – хотя бы и неправильные с нашей точки зрения – взгляды, называть без всяких оснований контрреволюционерами, стремящимися восстановить царско-помещичий строй "злейшими врагами

¹ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 85. Л. 4.

² Сохранился членский билет В.Н. Фигнер с отметками об уплате членских взносов за 1932–1935 гг. – См.: РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

³ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 193. Л. 110–114об.

⁴ Там же. Д. 190. Л. 176.

⁵ Ответ на анкету органа анархистов-коммунистов во Франции «Ле Либертер» // Каторга и ссылка. 1927. № 7. С. 234–236.

⁶ Ковальская Е. Письмо в редакцию // Правда. 1927. 18 ноября. С. 5.

рабочих и крестьян" людей, борющихся за крестьян и рабочих – значит уподобляться бывшему царскому правительству, унижать Общество каторжан»¹.

Далее со своим заявлением сходного содержания и требованием исключить себя из редколлегии журнала обратился Фроленко², присоединились к заявлению Ковальской Л.Г. Дейч и М.Н. Дигамма-Васильев. Немного позднее поступило уже коллективное заявление в Президиум ЦС ОПК от Е.Н. Фигнер-Сажинной, А.В. Якимовой, М.П. Сажина, Н.О. Коган-Бернштейн, М.П. Шебалина и Ф.А. Морейнис-Муратовой. Конфликт стал предметом довольно откровенного и резкого обсуждения на IV Пленуме ЦС ОПК в декабре 1927 г. Выступавшие на заседании «старики» (А.В. Якимова, Ф.А. Морейнис-Муратова, М.П. Шебалин, А.В. Прибылев) продолжали выражать свой протест против заочного приписывания им одобрения деятельности ГПУ. Приведем выдержку из выступления А.В. Якимовой: «У нашего О[бщест]ва есть определенные цели и определенная общая работа, необходимая Советской власти. Эту работу мы все, различные люди, собравшиеся в это О[бщест]во, по мере своих сил и возможностей исполняем добросовестно. А тут имеется желание придать единообразный облик нашему О[бщест]ву. Уже придали в момент образования коммунистической фракции в нашем О[бщест]ве, а здесь действительно дошли до того, что всех в кучу собрали и надели одну маску. Тут и народовольцы, и коммунары французские, все вместе в виде единомышленников с коммунистами. Мы, старые революционеры, не привыкли никому навязывать своих мнений, и не желаем, чтобы нам навязывали и говорили за нас»³. Представители большевистского руководства ОПК горячо спорили со «стариками», доказывая правильность оценки, данной Президиумом ЦС ОПК в ответ на анкету, и возмущались тем, как «старики» позволили себе назвать «своими товарищами» «врагов советской власти», подвергшихся преследованиям со стороны ГПУ. Но каких-то последствий для «старых революционеров» этот конфликт не имел.

Несмотря на ряд конфликтов между «стариками» и большевистским руководством ОПК по поводу репрессивной политики Советской власти, ОПК сыграло огромную роль в жизни «старых революционеров» в советский период. Об этом наилучшим образом свидетельствуют слова В.Н. Фигнер в письме к П.С. Ивановской в 1933г., в котором она так объясняла свое решение принять членский билет Общества: «...Моя связь с жизнью, с общественностью, с друзьями, со знакомыми, со всем прошлым тесно соединена с О[бщест]вом, с теми, кто входит в него. Там бывшие члены И.К.: Корба, Якимова, Фроленко, Морозов, там народовольцы: Шебалин, Морейнис, Прибылев, Чуйко и др.; там женщины Мальцевской тюрьмы и поколения, последовавшие за нами до революции; там решительно все, кого я люблю и уважаю и кто меня любит. Быть вне всякого коллектива, одиноким атомом, оторваться и порвать со всеми и со всем в жизни я совершенно не могу и не хочу (...) я хочу быть с теми внепартийными, которые составляют большинство в О[бщест]ве, и хочу нести все тяжести жизни, которые несут они»⁴.

Общество политкаторжан, его издательство и журнал «Каторга и ссылка» были закрыты в 1935 г., что стало большим ударом для оставшихся тогда еще в живых «старых революционеров».

¹ НИОР РГБ. Ф. 520. Картон. 45. Д. 11. Л. 3.

² Там же. Картон 48. Д. 100.

³ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 5. Д. 2. Л. 301–306.

⁴ РГАЛИ. Ф. 234. Оп. 5. Ф. 265. Л. 16–17.

МЕСТО АРХЕОЛОГИИ В СОВЕТСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ СЕРЕДИНЫ 1930-х гг. ПО ПУБЛИКАЦИЯМ «АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

В 1900 г. начал выходить «Русский антропологический журнал» (РАЖ), публиковавший, в частности, статьи по археологической тематике. Его издавало Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии (ОЛЕАиЭ). И журнал, и научное общество пережили революцию 1917 г. и просуществовали до 1930 г., когда ОЛЕАиЭ было слито с Московским обществом испытателей природы, а выпуск РАЖ прекратился. В 1932 г. ему на смену пришел «Антропологический журнал» – «рупор» Института антропологии Московского университета. Первый номер нового журнала начинался статьей с названием-лозунгом: «За советскую антропологию!»¹. Констатируя преемственность от РАЖ, журнал ставил «перед собой задачу стать подлинным органом советской антропологии, направляющим ее, отражающим ее достижения, выявляющим ее недостатки»². Итак, подобно своему предшественнику, он претендовал на роль центрального антропологического издания страны³. Правда, в свое время РАЖ не решался заявить об этом столь громко. Претензии к РАЖ носили чисто идеологический характер: говорилось о неясности «идейного облика», об отсутствии четкой идеи и бессистемности в подборе работ для публикации. Программная статья критиковала буржуазную науку и призвала поставить антропологию на службу социалистическому строительству, объявив ее важной задачей изучение производительных сил. Впрочем, последнее не было советским изобретением; о том же шла речь и в работах, начатых еще в годы Первой мировой войны. В 1915 г. была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил. Она действовала до 1930 г., когда была слита со схожими по функционалу организациями. «Антропологический журнал» публиковал статьи разного профиля, в т.ч. по археологическим вопросам. Анализировались материалы палеопопуляций, полученные в ходе раскопок. Они привлекались и для исторических интерпретаций археологических памятников.

В первом номере «Антропологического журнала» вышла статья Г.Ф. Дебеца «Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии»⁴. Ее основу составлял антропологический (краниологический) анализ нескольких серий черепов из Поволжья. Но в начале статьи автор описывал основные подходы индоевропейской лингвистики к историческим вопросам и взгляды главы «яфетической» школы академика Н.Я. Марра. Признавалась верность построений последнего о «классовой сущности» языка и ставился вопрос о корреляции данных лингвистики и антропологии: «и как вообще связать выводы расовой антропологии с выводами лингвистов-яфетидологов, которые во всех своих работах подчеркивают, что языковые системы образуются отнюдь не на основе расового единства?»⁵.

¹ За советскую антропологию! // Антропологический журнал. 1932. № 1. С. 1–9.

² Там же. С. 1.

³ Подробнее см.: Могильнер М. *Nomina imperii*. История физической антропологии в России. М., 2008.

⁴ Дебеч Г.Ф. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии // Антропологический журнал. 1932. № 1. С. 54–74.

⁵ Там же. С. 63.

В следующем номере Дебец напечатал статью «Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя (к вопросу о миграциях в доклассовых обществах)»¹. Он пытался решить методологическую проблему: «Задачей настоящего очерка является освещение проблемы переселений на основе антропологического материала, собранного в Минусинском крае. Мы выбрали этот район, во-первых, потому, что по нему имеется сравнительно большое количество костяков разных эпох, во-вторых, потому, что по своему географическому положению он является на протяжении ряда эпох крупным, так сказать узловым центром в истории Северной Азии и прилегающих областей»². Исследовав антропологические материалы за широкий временной промежуток (от неолита до железного века), автор проанализировал возможности их интерпретации в историческом ключе. При сравнении различных подходов Дебец констатировал преимущество стадиального (в интерпретации Марра), но не отрицал и значение миграций: «По отношению к Минусинскому краю мы должны заключить, что смена разных культурных стадий протекала с резкими взрывами в формах производственных отношений отдельных конкретных обществ, что вызывало очевидно и крупные столкновения в результате переселения, которые, быть может, еще не все отмечены нашими, пока еще скудными данными, притом слабо увязанными с фактами истории материальной культуры и лингвистики»³.

В исторической ретроспективе исследовались не только древние, но и современные этносы. Т.А. Трофимова опубликовала работу, посвященную айнам⁴. Вновь поднималась проблема происхождения этого народа. Для ее решения использовался кра­ниологический материал с подключением этнографических и исторических данных. Кратко излагая историю изучения вопроса, автор сделал несколько выпадов в адрес «буржуазной науки» и господствующего там «расизма».

Исследования касались разных популяций, в т.ч. и населения Центральной России. Еще одна статья Г.Ф. Дебца посвящена изучению вопроса о «восточном великоруссе»⁵. Наряду с дежурной констатацией превосходства марризма над индоевропейской автор сделал обзор работ о соотношении разных кра­ниологических типов с этносами. Отмечалась мода искать чистые типы, но из нее выбывался один из основателей отечественной антропологии – А.П. Богданов⁶, который, «настойчиво подчеркивая разницу между этнографической и антропологической классификациями, (...) не избегает этнографической терминологии для деноминации антропологических типов»⁷. Работа Дебца основана на сопоставлении измерений современного населения со средневековыми материалами. При этом привлекались и исторические данные.

Приведенные статьи иллюстрируют общую ситуацию с изучением древних скелетных останков и привлечением результатов для решения исторических вопросов. В выпусках журнала за разные годы имеется еще целый ряд работ, авторы которых исследовали антропологические материалы различных регионов и эпох, не делая при

¹ Дебец Г.Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя (к вопросу о миграциях в доклассовых обществах) // Антропологический журнал. 1932. № 2. С. 26–49.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 35.

⁴ Трофимова Т.А. К айнской проблеме // Антропологический журнал. 1932. № 2. С. 89–124.

⁵ Дебец Г.Ф. Так называемый «восточный великорусс» (К вопросу о протонародах и проторасах) // Антропологический журнал. 1933. № 1–2. С. 34–70.

⁶ Богданов А.П. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. М., 1867.

⁷ Дебец Г.Ф. Так называемый «восточный великорусс» (К вопросу о протонародах и проторасах) // Антропологический журнал. 1933. № 1–2. С. 34.

этом четких исторических выводов. Но это было вполне допустимым для издания, специализировавшегося все-таки на антропологических вопросах.

Однако в 1936–1937 гг. (в последние годы выхода «Антропологического журнала») появилось несколько работ, основанных на более разнообразных источниках. Например, исследование А.В. Збруевой «К вопросу о происхождении ананьинской культуры»¹ не только имеет «археологическое» название, но и базируется преимущественно на анализе предметов материальной культуры. Информация же, полученная при изучении костных останков, служит скорее дополнением к основному массиву данных.

Междисциплинарный характер имела попытка решить вопросы о происхождении эскимосов, предпринятая А.М. Золотаревым². Автор привлек данные физической антропологии, этнографии, археологии. Анализ материалов сразу нескольких наук, если допускать такое их разделение, позволил довольно обоснованно решить одну из проблем происхождения относительно многочисленного народа Севера. Заметим, что именно такое сочетание дисциплин образует «анучинскую триаду», названную в честь Д.Н. Анучина (1843–1923) – выдающегося русского ученого, стоявшего у истоков РАЖ.

«Антропологический журнал» выходил всего шесть лет. За это время в нем были опубликованы статьи по ряду важных проблем археологии и истории. В большей части работ акцент делался на анализе антропологических материалов. Примеров междисциплинарных исследований немного. Идеологический диктат воплотился в насаждении единственно правильного «нового учения о языке» Н.Я. Марра, взгляды которого в эпоху «великого перелома» признавались вполне соответствующими «официальному» марксизму и пользовались поддержкой политического руководства. Правда, судя по выводам авторов журнальных статей, в действительности они мало согласовывали свои выводы с установками яфетической лингвистики и ограничивались всего лишь формальным прославлением «великого» ученого и его политически ангажированной «классовой» теории происхождения языка.

¹ Збруева А.В. К вопросу о происхождении ананьинской культуры // Антропологический журнал. 1936. №4. С.414–428 (нумерация страниц в этом выпуске не соответствует их реальному количеству).

² Золотарев А.М. К вопросу о происхождении эскимосов // Антропологический журнал. 1937. № 1. С.47–57.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СМЕРТИ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КОНСТАНТИНА (ДЬЯКОВА), МИТРОПОЛИТА КИЕВСКОГО И ГАЛИЦКОГО, И ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА ГЛАГОЛЕВА

За время своего архиерейского служения митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх Украины Константин (Дьяков) арестовывался сравнительно мало, всего два раза. В 1923 г. обвинение не было предъявлено, и его освободили через два месяца, а в 1926 г. он провел в тюрьме две недели и был отпущен без последствий.

26 марта 1934 г. в связи с тем, что столица Украины была перенесена, митрополит Константин перебрался из Харькова в Киев и поселился со своей дочерью Мелетиной Константиновной на улице Толстого, №39. Сразу же по приезде он тяжело заболел и несколько месяцев провел в постели. Церковная обстановка в Киеве была тяжелой; достаточно сказать, что к началу 1937 г. в городе осталось четыре действующих храма. 3 июля 1936 г. НКВД арестовал зятя владыки – Бориса Александровича Дьякова, а 19 сентября 1937 г. – Мелетину Константиновну.

На основании нижеприведенной справки было принято решение об аресте митрополита Константина:

«По показаниям арестованных архиепископов Филарета Линчевского (Киев), Георгия Делиева (Днепропетровск) и монаха Федота Проняева (Новочеркасск), Дьяков является руководителем антисоветской фашистской организации церковников (тихоновцев), широко развернутой на Украине. Давал указания епископам о подготовке кадров для вооруженного восстания в случае войны с Германией, создании фашистских групп на периферии и проведении антисоветской работы в связи с переписью населения и подготовкой к выборам в Советы. Дьяков поддерживает связь с германским консульством.

Зять Дьякова, военнослужащий КВО, 9 сентября 1937 года осужден Военной Коллегией к расстрелу, как активный участник военно-троцкистского заговора и немецкий шпион. Расстрелян 10 сентября 1937 г.».

Постановление об аресте Экзарха было подписано 27 сентября 1937 г. З.С. Гольдфарбом и утверждено Д.А. Перцовым.

За митрополитом Константином пришли 29 октября 1937 г. По свидетельству очевидцев, обыск походил скорее на погром и грабеж, чем на правовую процедуру; во время обыска было изъято более 18 кг серебряных и золотых изделий – панагии, кресты и др., что оставалось после закрытия храмов. Все эти ценности впоследствии бесследно исчезнут...

Ревнуя не по разуму, молодой следователь НКВД Гольдфарб (ему шел 31-й год, в прошлом он был помощником мясника, костником) решил отличиться и получить показания, сделанные рукой митрополита. Рассматривая страницы следственного дела, нетрудно догадаться, что применялось насилие. Ровный почерк периодически становится сбивчивым и неразборчивым. Некоторые абзацы, видимо, не устраивающие следователя, вовсе перечеркнуты, и после них без всяких пояснений излагается та же мысль, но уже в другой редакции. Дело велось настолько небрежно, что следователь в восторге от своего «успеха» не заметил, что митрополит Константин ни под одним своим ответом не поставил подписи.

20 октября 1937 г. по распоряжению того же следователя был арестован известный киевский протоиерей Александр Глаголев – замечательный ученый, один из лучших гебраистов, автор многих научных книг, в прошлом профессор Киевской Духовной Академии (КДА). До революции отец Александр проявил себя как либерал. В известном деле Бейлиса как эксперт он утверждал, что иудейская традиция не склонна к ритуальному употреблению человеческой крови, что вызвало недовольство в известных кругах. После революции Глаголев, как и раньше, был далек от политики и вел тихую, практически закрытую жизнь. Часто служил в своем Свято-Николао-Набережном храме, большую часть времени оставаясь на приходе. Требы, чтение книг по своей академической специальности, потом служба, только к 9–10 часам вечера он возвращался домой.

На основании ложных показаний начались допросы, которые проводил тот же следователь. Протоиерей Александр на допросах держался независимо, за что, по свидетельству однокамерников, в наказание был поставлен на 16 суток «на стойку». Небольшого роста, шустрый, он оказался удивительно крепким человеком. Впоследствии очевидец говорил родственникам, что отец Александр подвижник, - перенести весь этот ужас и не потерять душевного равновесия обыкновенному человеку невозможно. Следователь Гольдфарб хотел и от него получить собственноручное признание. Протоиерей Александр Глаголев стал давать показания, в которых мелким неразборчивым почерком описывал свой распорядок дня: во сколько проснулся, с кем пил чай, о чем говорил на последней проповеди, что опаздывал на службу и что у некоего отца Досифея Гонимовка несколько лет назад произошло недоразумение с будильником. Для видимого покаяния указал, что в 1934 г. по благословению архиерея ездил в Москву к митрополиту Сергию, но в ГПУ не сообщил, так как был уверен, что его прямое начальство об этом уже позаботилось, а также, что в декабре того же года, проезжая через Киев к Святейшему Патриарху Тихону, декан белградского богословского факультета протоиерей Стефан Димитриевич с его помощью приобрел труды КДА.

Разумеется, такие «признания» не могли быть достаточными для обвинения. Следователю не терпелось получить «результат», и 10 ноября он вызвал митрополита Константина к 22.00 на очередной допрос. Он был доставлен к 24.00 и сразу же пожаловался на плохое самочувствие, но допрос все же начался... Через 15–20 минут митрополит умер... Далее, при восстановлении хроники событий, возникают некоторые трудности, не без причин созданные следователем. Наутро Н.С. Клопотнюк, в то время работавший инспектором отдела резервов НКВД УССР, написал помощнику начальника IV отделения УГБ НКВД УССР Д.А. Перцову:

«Рапорт

9.XI–37 г. на 22 часа мною был вызван на допрос в комнату № 164 арестованный Дьяков Константин Григорьевич. Дьяков был доставлен около 24 часов.

По прибытии на допрос Дьяков попросил дать ему возможность отдохнуть 5–10 минут. Еще через 2–3 минуты Дьяков побледнел и упал со стула на пол. Я позвонил оперуполномоченному IV отделения УГБ тов. Гольдфарбу, который зашел ко мне в комнату и вызвал по телефону врача из санотделения. Минут через 10–15 после вызова дежурный врач Мороз прибыл. Несмотря на то, что врачом был принят ряд мер к приведению Дьякова в чувство (уколы, а затем искусственное дыхание), - последний скончался.

Как видно из акта врача Мороза, причиной смерти Дьякова послужил артериосклероз сосудов.

10 ноября 1937 г.

Н. Клопотнюк».

Был составлен акт смерти заключенного:

«Акт

Гор. Киев, 1937 года, ноября 10 дня. Я, нижеподписавшийся дежурный врач санотдела НКВД УССР Мороз Н.К., был вызван оперуполномоченным НКВД УССР лейтенантом Госбезопасности т. Гольдфарбом З.С. в Наркомат – комнату 164. 10.XI–37 г. в 0 ч. 30 минут для оказания медпомощи арестованному.

Войдя в комнату, я застал труп мужчины выше среднего роста, атлетического телосложения, на вид лет 70–75, лежащего вниз лицом, от входной двери на расстоянии 2½ метров, рядом со стулом – головой к восточной стороне. Все принятые мною меры оказались безрезультатными. Считаю, что смерть наступила от кровоизлияния в мозг, как следствие болезни сердечно-сосудистой системы (артериосклероз сосудов).

Дежурный врач санотдела НКВД УССР Н. Мороз.

Оперуполномоченный IV отделения УГБ лейтенант госбезопасности Гольдфарб.

Сотрудник IV отделения УГБ Клопотнюк.

Зам. коменданта НКВД УССР младший лейтенант Госбезопасности Нагорный».

В связи с происшедшим следователь составил следующий документ:

«Постановление

Гор. Киев, 1937 года, декабря 10 дня.

Оперуполномоченный IV отдела УГБ НКВД УССР, лейтенант Государственной безопасности – Гольдфарб, рассмотрев следственное дело №527 по обвинению Дьякова Константина Григорьевича и др. по ст. 54-10 и 54-11 УК УССР и найдя, что, как видно из акта врача санотдела НКВД УССР Мороза, обвиняемый Дьяков умер 10 ноября с.г.

Постановил.

Следственное дело в отношении Дьякова К.Г. прекратить.

Лейтенант Госбезопасности Гольдфарб.

Утверждаю: пом. нач. IV отделения УГБ НКВД УССР ст. лейтенант Госбезопасности

Перцов Д.А.».

Честолюбивая затея молодого следователя создать образцово-показательное дело о церковной фашистской организации, занимавшейся шпионажем, подрывом Советской власти на территории всей Украины, провалилась. Самопризнания митрополита не произошло.

Следователь попытался сделать все возможное, чтобы скрыть свое присутствие во время смерти митрополита.

К данному делу была приобщена вместо оригинала копия акта, заверенного начальником тюрьмы, свидетельствующего о том, что протоиерей Александр Глаголев умер в тюремной больнице от уросепсиса и недостаточности сердца 25 ноября в 3 часа ночи.

Вот этот документ:

«Акт

25 ноября 1937 года. Мы, нижеподписавшиеся дежурные по тюрьме – т. Плисецкий и дежурный врач Фастовский составили сей акт в том, что 25.XI.37 г. в 3 часа ночи в терапевтическом отделении больницы умер з/к Глаголев А.А., 66 лет, от уросепсиса и недостаточности сердца.

Дежурный по тюрьме Плисецкий.

Верно: нач. УРЧ тюрьмы Ясинский».

Между тем в постановлении о прекращении дела указано, что А.А. Глаголев умер в тюрьме 25 декабря (а не ноября) 1937 г. Но помимо всего, из приобщенных к

делу актов о смерти на стр. 25 и 47 видно, что 10 ноября 1937 г. в 0 часов 30 минут во время допроса в помещении НКВД УССР скончалось два человека без указания личности.

Врачебного заключения о смерти митрополита нет вообще. Есть только два акта о смерти двух человек в кабинете №164 в 0 часов 30 минут. В одном из них указано, что он составлен в связи со смертью митрополита Константина (Дьякова), который приводился выше. Выходит так, что протоиерей Александр Глаголев умер в то же время и в том же кабинете, что и митрополит. Официальная путаница в датах лишь подтверждает, что следователь пытался скрыть реальные обстоятельства смерти священника Александра Глаголева, переместив их во времени и пространстве, и тем самым уйти от нежелательных для себя вопросов. И ему удалось достичь этого, но только на некоторое время.

При пересмотре данного дела на основании жалоб дочери митрополита Константина Мелетины Константиновны (она, отсидев свои десять лет в среднеазиатских лагерях, вернулась в Харьков) и сына Александра Глаголева эти несоответствия вышли на поверхность. Были определены все лица, так или иначе имевшие отношение к смерти подследственных. Допрошены оставшиеся в живых свидетели. Как эксперта 9 апреля 1963 г. пригласили киевского беллетриста Абрама Когана, написавшего роман о деле Бейлиса. Он отозвался о протоиерее А. Глаголеве как о прогрессивном ученом, так как «тот высказался против изуверов царских чиновников и членов Союза русско-го народа по вышеуказанному делу».

Не без некоторых сложностей спецслужбой был найден виновник происшедшего¹. Два слова о его личности. Гольдфарб Зус Самойлович родился в 1905 г. в селе Володарском Житомирской области. С 1934 по февраль 1938 г. работал оперуполномоченным в СПО НКВД УССР в IV отделении. В 1937 г. вступил в партию. 14 февраля был переведен в УНКВД Куйбышевской области и в начале 1939 г. уволен из органов за «извращение формы ведения следствия». До 1952 г. жил в Киеве, после – в Москве, а потом переехал в Тбилиси, где и нашли его прежние коллеги через пенсионный фонд; проживал он по улице Плеханова, 63-а, кв. 22. На собеседование в Киев он был приглашен к 11.00 31 января 1964 г. майором Гребневым.

Пообещав говорить только правду, Гольдфарб стал излагать свою версию происшедшего, корректируя ее по ходу вопросов:

¹ Органами госбезопасности была составлена справка обо всех, имевших прямое или косвенное отношение к смерти митрополита Константина и протоиерея Александра.

Перцов Давид Аронович родился в 1909 г. в г. Александрии Днепропетровской области. Арестован за нарушение социалистической законности 16 ноября 1938 г. УНКВД по Киевской области. Осужден 5 июля 1941 г. по ст. 54.7 УК УССР на 15 лет. Умер 28 августа 1948 г.

Хатенев Аркадий (Арон) Миронович родился в 1905 г. в Минске. Был начальником 4-го отдела УГБ НКВД УССР. В 1938 г. был назначен помощником начальника УНКВД в Ленинграде. Арестован 17 ноября 1938 г. и 2 мая 1940 г. приговорен Военным судом СССР за нарушение социалистической законности по ст. 58.1 и 58.11 к высшей мере наказания. Расстрелян 22 июня 1940 г.

Клопотнюк Николай Сергеевич в 1937 г. работал инспектором отдела резервов НКВД УССР. Умер в 1954 г.

Калужский Соломон Давыдович – бывший зам. начальника следственной части НКВД УССР. По приказу НКВД УССР №1251 от 9 сентября 1940 г. был уволен из органов «за невозможностью дальнейшего использования на работе». Умер 3 апреля 1943 г. в Алма-Ате.

Нагорный Иван Григорьевич – бывший зам. коменданта НКВД УССР. 6 марта 1942 г. исключен из списков личного состава как пропавший без вести.

Ясинский Петр Юрьевич в 1936 г. значился работавшим начальником канцелярии.

«Работая оперуполномоченным СПО НКВД УССР, наряду с оперативной работой я вел отдельные уголовные дела. Однако, насколько мне помнится, расследования ни одного дела от начала до конца я не закончил.

Помню, что во время работы в СПО НКВД УССР, но не помню в каком году, у меня под следствием был священник, фамилии его не помню. Этот священник был вызван мною в мой кабинет на допрос. Еще допрос не начался, в связи с чем-то я отлучился из кабинета на короткое время, а с арестованным оставил одного из работников НКВД УССР, фамилию его не помню (это был Н.С. Клопотнюк, умерший в 1954 г. – Авт.).

По возвращении в кабинет я застал этого арестованного на полу лежавшим. Немедленно вызвал врача, который констатировал смерть по причине грудной жабы или другой какой болезни на основании многочисленных рецептов, обнаруженных и изъятых у этого священника при его аресте. Эти рецепты находились при следственном деле. Смерть священника оформили актом. Фамилию врача я также не помню.

Вопрос: В 1937 году сколько человек арестованных умерло у вас на следствии?

Ответ: У меня на следствии умер один выше указанный священник, других фактов смерти подследственных не было.

Вопрос: К священнику, умершему у вас в кабинете, не применялись ли незаконные методы следствия?

Ответ: Категорически заявляю, что к этому подследственному священнику и к кому-либо иному никогда и никаких недозволённых методов допроса я не применял.

Вопрос: Вам для ознакомления предъявляется уголовное дело по обвинению Дьякова К.Г. и Глаголева А.А., служителей религиозного культа. Вы вели расследование по этому делу?

Ответ: С уголовным делом 38168 по обвинению Глаголева А.А. и Дьякова К.Г. я ознакомился. В 1937 году я вынес постановление о принятом деле по обвинению Глаголева и Дьякова к своему производству и об избрании меры пресечения в отношении того и другого. Однако расследование в отношении Дьякова К.Г. производил я. Я его допрашивал. Глаголева я не допрашивал, фамилии этой не помню и кто с ним работал на следствии, не знаю. В те годы так практиковалось: оформлял дело один, а расследование по делу и допрос арестованных вели другие. Так, видимо, было и с Глаголевым, поэтому я его не помню и о его смерти ничего не знаю. Что касается Дьякова, то, как видно из имеющегося в деле рапорта Клопотнюка, он допрашивал Дьякова, хотя я считался следователем по делу. В момент смерти Дьякова, как видно из того же рапорта, я не был в кабинете, в котором умер Дьяков. Я сейчас вспоминаю, когда по вызову Клопотнюка я зашел в его кабинет, то Дьяков лежал на полу без признаков жизни. Следов побоев на лице и теле Дьякова при осмотре с врачом не было обнаружено.

Вопрос: Из указанного выше рапорта Клопотнюка также видно и другое, что в связи со смертью Дьякова Клопотнюк обратился к вам. В чем суть этой взаимосвязи?

Ответ: Клопотнюк обратился действительно ко мне в связи со смертью Дьякова, и, видимо, потому что я считался следователем по этому делу.

Вопрос: По делу Глаголева вы тоже являлись следователем, ведущим расследование. Поэтому, кто бы с ним ни работал на следствии, вы отвечали за эти допросы!

Ответ: Повторяю, что к допросам Глаголева я отношения не имел, а лишь оформил те обязательные документы, которые должны быть в деле и которые я назвал выше. Кроме того, Глаголев умер в терапевтическом отделении тюремной больницы естественной смертью в результате болезни, о которой указано в акте.

Вопрос: На листах дела 25 и 47 два подлинных экземпляра актов о смерти 10 ноября 1937 года арестованных без указания фамилий. На одном из этих актов (л. д. 47) помощником начальника тюрьмы НКВД сделана надпись: «Акт о смерти арестованного Дьякова Константина Григорьевича».

Откуда это видно, что данный акт (л. д. 47) относится к Дьякову К.Г. и к кому относится акт о смерти л. д. 25?

Ответ: Это несомненно, что оба вышеуказанных акта являются двумя экземплярами одного документа и свидетельствуют смерть арестованного Дьякова К.Г., что видно из содержания рапорта Клопотнюка (л. д. 24), а также из содержания самих актов.

В своем рапорте Клопотнюк указывает, что в 22 часа 9 ноября 1937 года в кабинет №164 вызвал на допрос арестованного Дьякова, которого привели около 24 часов. Через несколько минут ему стало плохо. Затем он упал. После этого вначале в кабинет был вызван я, а мною в кабинет был вызван врач. Из акта врача Мороза видно, что в кабинет №164 к умершему арестованному, смерть которого он констатировал, он явился в 0 часов 30 минут 10 ноября 1937 года, то есть врач явился в кабинет через столько времени после происшествия, сколько потребовалось, чтобы передать вызов в санчасть и дойти от санчасти до кабинета №164. В рапорте Клопотнюка об этом времени в минутах указано подробно.

Почему в акте не указана фамилия умершего, могу сказать то, что акт о смерти арестованного составлял врач, возможно, он допустил ошибку, а я считал, что так и нужно, так как я подписал этот акт не как участник составления его, а как присутствовавший.

Факт наличия двух экземпляров одного и того же акта я могу объяснить только тем, что один предназначался для тюрьмы, а другой для следственного дела. Но в связи с чем оба экземпляра этого акта оказались в уголовном деле, - я не знаю.

На основании этого акта я вынес постановление от 10 декабря 1937 года о прекращении дела в отношении Дьякова К.Г. в связи с его смертью.

Вопрос: Из копии акта от 25 ноября 1937 года видно, что арестованный Глаголев А.А. умер в терапевтическом отделении больницы указанного числа, а в постановлении о прекращении дела в отношении Глаголева указано, что он умер в тюремной больнице 25 декабря 1937 года.

Что же будет правильно, так как подлинного акта о смерти Глаголева нет?

Ответ: По этому вопросу я могу лишь сказать то, что постановление о прекращении дела на Глаголева вынесено не мною, а Морозом, которого я не помню и не знаю, где он. Документы о смерти Глаголева я не видел, так как расследования по его делу не вел, о чем указал выше.

Однако, ознакомившись сейчас с делом, я считаю, что имеющаяся в деле копия от 25 ноября 1937 года о смерти Глаголева А.А. является достоверным документом, поскольку она заверена соответствующей подписью и печатью, а в постановлении о прекращении дела на Глаголева вкралась опечатка о дате смерти.

Вопрос: В начале допроса вы показали, что смерть вашего подследственного и причину смерти врач констатировал на основании рецептов, имеющихся в деле.

Если умершим, о котором говорится в начале ваших показаний, был Дьяков К.Г., то где эти рецепты?

Ответ: После ознакомления с делом на Дьякова и Глаголева я утверждаю, что умерший подследственный, о котором я показывал в начале допроса, был именно Дьяков, так как других подобных случаев за период работы в органах у меня не было.

При деле Дьякова было много рецептов за ряд лет, которые врач рассматривал и по которым установил причину смерти. Почему этих рецептов нет сейчас в деле, могу объяснить только тем, что они никакого отношения к доказательству вины Дьякова не имели, а поэтому их прохождение в документах не отражено.

В начале данного допроса об обстоятельствах смерти Дьякова я рассказал не совсем точно, в частности, я показал, что я вызвал арестованного на допрос, на котором он умер, однако, как видно из материалов дела, на допрос его вызвал не я, а Клопотнюк. Эта неточность объясняется слишком большой давностью событий.

Вопрос: При каких обстоятельствах Дьяков давал показания о своей преступной деятельности, учитывая, что в то время (как видно из дела) в деле не было никаких доказательств, избличавших его в этом?

Ответ: Я сейчас не помню, в связи с чем и как Дьяков начал давать показания о своей преступной деятельности, то есть этим я хочу сказать, что я не помню, какие доводы приве-

ли его к необходимости признать свою вину, однако я заявляю, что свои признательные показания он давал без применения к нему каких-либо недозволенных методов допроса.

Допрос окончен в 15–00 ч.».

Остается только добавить мнение официальных представителей по этому делу:

«Дьякову и Глаголеву в октябре 1937 года было предъявлено обвинение в том, что они являются активными участниками антисоветской фашистской организации церковников.

Данные обвинения никакими доказательствами не были подтверждены (...).

Следственное дело в отношении Дьякова К.Г. 10 ноября 1937 года, а в отношении Глаголева А.А. 22 февраля 1938 года дальнейшим производством прекращено за смертью.

Причины смерти Дьякова К.Г. и Глаголева А.А. не выяснены и являются загадочными (...).

Из приобщенных к делу актов о смерти (...) в 0 часов 30 минут во время допроса в помещении НКВД УССР скончалось два человека (...).

Зам. нач. отделения по надзору за следствием в органах Госбезопасности

Ст. советник юстиции Г. Малый».

Источники.

Архив СБУ. Д. 71156-ФП. (Дело Дьякова К.Г. и Глаголева А.А.).

ГЕРОИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ – ПОЛКОВОДЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Одним из важнейших факторов Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне следует назвать крепнувшее с каждым днем боевое мастерство командиров Красной Армии. Бывший начальник Генерального штаба вермахта генерал-полковник Ф. Гальдер констатировал: «Исторически небезынтересно исследовать, как русское руководство, потерпевшее крушение со своим принципом жесткой обороны в 1941 году, развилось до глубокого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов ряд операций, которые по немецким масштабам заслуживают высокой оценки, в то время как немецкое командование под влиянием полководца Гитлера отказалось от оперативного искусства и закончило его бедной по идее жесткой обороной, в конечном итоге приведшей к полному поражению»¹.

Не секрет, что на становление и формирование профессионального мастерства полководцев порой уходят годы и десятилетия. Не случайной боевая биография многих наших генералов и маршалов Великой Отечественной войны началась в годы Первой мировой, что, по нашему мнению, представляет большой интерес для изучения, анализа и выработки аргументированных выводов, позволяющих понять условия и факторы складывания их полководческого таланта.

Как известно, через окопы Первой мировой войны прошло почти все германское военное руководство – генштабисты, командующие армиями, корпусами и дивизиями. Немало и советских полководцев Великой Отечественной войны вышло из той же суровой «школы». После выхода России из Первой мировой войны и роспуска старой армии десятки тысяч бывших солдат и офицеров решили связать свою судьбу со службой в новой Красной Армии. За два межвоенных десятилетия, по нашим подсчетам, более ста из них прошли путь от рядового и младшего командира до генерала и маршала.

В первую очередь, речь идет о маршалах Советского Союза Г.К. Жукове, К.К. Рокоссовском, Р.Я. Малиновском, А.М. Василевском, Ф.И. Толбухине, С.К. Тимошенко и И.С. Коневе. Все они получили это высшее в Советском Союзе воинское звание накануне и в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, «за успешное проведение таких боевых операций в масштабе одного или нескольких фронтов, в результате которых в корне менялась обстановка в пользу Советской Армии», как гласил указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1943 г.², они были удостоены высшего военного ордена страны – ордена «Победа» (впоследствии Жуков и Василевский получили его во второй раз). Этим орденом был награжден также генерал армии А.И. Антонов.

Напомним, будущий маршал Советского Союза Г.К. Жуков, прежде чем попасть на фронт в годы Первой мировой войны, окончил учебную команду, получил чин унтер-офицера, а с 1916 г. воевал на Юго-Западном фронте в 10-м драгунском Новго-

¹ Цит. по: Данилов В.Д. Ставка ВГК. 1941–1945 гг. М., 1991. С. 3.

² Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М., 1956. С. 264–265.

родском полку. «Оценивая теперь учебную команду старой армии, - писал Жуков впоследствии в воспоминаниях, - я должен сказать, что в общем учили в ней хорошо, особенно это касалось строевой подготовки. Каждый выпускник в совершенстве владел конным делом, оружием и методикой подготовки бойца. Не случайно многие унтер-офицеры старой армии после Октябрьской революции стали квалифицированными военачальниками Красной Армии»¹.

Аналогично начиналась военная биография К.К. Рокоссовского. В 1914 г. он добровольцем вступил в 5-й драгунский Каргопольский полк, храбро воевал, стал Георгиевским кавалером, а в 1916 г., как и Жуков, окончил учебную команду, получил чин унтер-офицера². Р.Я. Малиновский также в 1914 г. добровольцем отправился на фронт и в неполных 16 лет стал солдатом 256-го пехотного Елизаветградского полка. Здесь он выучился на пулеметчика, заслужил два Георгиевских креста и с 1916г. воевал в составе русских экспедиционных сил во Франции.

А А.М. Василевский о своем участии в Первой мировой войне так писал в автобиографии: «В январе 1915 года зачислен в Алексеевское военное училище (г. Москва) и 1 июня 1915 года по окончании его выпущен прапорщиком.

С августа 1916 года по декабрь 1917 года – командир роты и временно исполняющий должность командира батальона того же полка на Юго-Западном и Румынском фронтах.

Последний чин – штабс-капитан. В январе 1918 года прибыл в отпуск на родину»³.

Будущий маршал Советского Союза И.С. Конев стал, как говорили солдаты Первой мировой войны, батареем – служил старшим фейерверкером в артиллерийской бригаде. Ф.И. Толбухин, призванный в армию в 1914 г. рядовым, впоследствии был направлен в Ораниенбаумскую офицерскую школу и закончил войну командиром батальона в чине штабс-капитана. Будущий генерал армии А.И. Антонов окончил Павловское военное училище, получил чин прапорщика и отправился в действующую армию в должности командира роты.

Боевое крещение получил в Первую мировую войну и маршал авиации Ф.А. Астахов. Попад на фронт рядовым воздухоплавательной роты, он затем, в 1916 г., окончил Качинскую военно-авиационную школу и стал военным летчиком. А маршал артиллерии М.Н. Чистяков находился в действующей армии с 1915 г., был разведчиком, за храбрость был награжден Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степени, произведен в прапорщики и назначен командиром взвода. Маршалы бронетанковых войск С.И. Богданов, П.С. Рыбалко и Я.Н. Федоренко также получили закалку в годы Первой мировой войны.

Многие из будущих полководцев Победы в годы Первой мировой войны стали Георгиевскими кавалерами (Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, Р.Я. Малиновский, С.К. Тимошенко, М.Н. Чистяков и др.), в т.ч. полными, т.е. награжденными этим самым высоким в России орденом всех четырех степеней, - С.М. Буденный, К.П. Трубников, И.В. Тюленев.

Среди генералов Великой Отечественной войны, чья боевая биография начиналась в годы Первой мировой, такие прославленные полководцы, как И.Х. Баграмян, В.М. Баданов, П.И. Батов, П.А. Белов, И.В. Болдин, К.Н. Галицкий, М.Н. Герасимов,

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 36.

² Кардашов В.И. Рокоссовский. 4-е изд. (Сер.: Жизнь замечательных людей). М., 1984. С. 28.

³ Цит. по: Великанов Н.Т. Василевский (Сер.: Жизнь замечательных людей). М., 2014. С. 6.

А.В. Горбатов, А.И. Еременко, М.Г. Ефремов, Г.Ф. Захаров, М.П. Кирпонос, В.В. Новиков, И.В. Панфилов, Г.П. Софронов, М.Ф. Терехин, К.П. Трубников, И.В. Тюленев, Н.М. Хлебников, М.Н. Чистяков, М.С. Шумилов. И этот список далеко не полон.

«Германская война», как ее называли в народе, была суровой, но достойной школой. И те, кто ее прошел, использовали накопленный фронтный опыт, забытый или отвергнутый в 1920–1930-е гг., и делились им с молодежью. Так, будущие маршалы Советского Союза Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, И.С. Конев, С.К. Тимошенко, генералы И.В. Болдин, К.Н. Галицкий вместо принятой в то время в нашей армии т.н. ячеечной системы обороны (т.е. цепочки одиночных окопов) настойчиво внедряли в своих войсках прочные траншейные позиции, которые русские солдаты хорошо умели создавать во время Первой мировой войны. При этом инструкторами назначали тех офицеров, которым лично доводилось в те годы самим строить позиционную оборону. А П.С. Рыбалко, тогда еще генерал-майор, при формировании своей армии даже лично учил командиров, как правильно оборудовать окопы, строить блиндажи и укрытия от артиллерийского огня. Кроме того, К.К. Рокоссовский при содействии С.К. Тимошенко, памятуя удачный опыт экстренной подготовки командных кадров, полученный во время предыдущей схватки с германцами, организовал летом 1941 г. во вверенной ему 16-й армии месячные курсы младших лейтенантов из числа отличившихся в боях солдат со средним и высшим образованием – по аналогии с полковыми школами прапорщиков в русской армии¹.

Достижения военного искусства и тактические разработки времен Первой мировой войны также были взяты на вооружение в ходе Великой Отечественной. Так, важнейшую роль в обороне Ленинграда сыграла постановка минного заграждения – план, который почти без изменений был позаимствован у адмирала Н.О. Эссена – в 1914 г. командующего Балтийским флотом. В годы гитлеровского нашествия наши полководцы не оставили без внимания и бесценный опыт Брусиловского прорыва. В частности, он был успешно использован маршалом И.С. Коневым в Львовско-Сандомирской операции 1944 г. – скрытная подготовка, атака позиций противника в нескольких заранее намеченных пунктах, организация артиллерийского наступления и т.д. И подобных примеров было немало.

Возникает закономерный вопрос, сколько военачальников, имевших в начале Великой Отечественной войны звание не ниже генерал-майора и командовавших дивизиями, корпусами и армиями, родились в конце 1880-х – 1890-х гг. (по 1898 г. включительно)? Поясню: 1898 г.р. – последний год призыва в армию в Первую мировую войну. По моим подсчетам, к этой возрастной категории принадлежит 146 чел. Из них в действующей армии находились 111 (см. «Список ветеранов Первой мировой войны, ставших генералами к моменту начала Великой Отечественной войны» в конце статьи), в тыловых гарнизонах – 19 (в качестве примера можно назвать маршала Советского Союза Л.А. Говорова, окончившего Константиновское артиллерийское училище в Петрограде в 1916 г., затем служившего подпоручиком в Томском гарнизоне), не были мобилизованы 26 чел. (например, будущий маршал Советского Союза К.А. Мерецков получил освобождение от призыва в армию, так как работал на оборонном предприятии слесарем-механиком)².

¹ Шамбаров В.Е. За веру, царя и Отечество! М., 2003. С. 640.

² Подсчитано по: Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М., 1961–1976; Советская военная энциклопедия. В 8 т. М., 1976–1980; Военный энциклопедический словарь. М., 1983. Великая Отечественная война: Комкоры: Военный биографический словарь. Т. 1, 2. М., 2006; Великая Отечествен-

Таким образом, более двух третей наших полководцев Великой Отечественной войны указанной возрастной категории были участниками Первой мировой войны, а многие из них – и Георгиевскими кавалерами. Свой богатый фронтовой опыт они с успехом применяли на полях сражений Великой Отечественной и передавали его молодому поколению военачальников, сражавшихся с ними бок о бок.

Может быть, для всей плеяды советских военачальников число таких ветеранов было не столь уж велико. Но если к их числу добавить всех фронтовиков Первой мировой войны, участвовавших в Великой Отечественной в звании от рядового до полковника, цифра получится внушительная. Ведь через фронты Первой мировой войны прошли не менее 12 млн чел. Из них около 2 млн погибли в бою, скончались в госпиталях от ран и болезней, умерли в плену, пропали без вести, а еще приблизительно 2 млн остались инвалидами. Кроме того, немало участников Первой мировой войны погибло в годы Гражданской войны, эмигрировало, умерло в межвоенный период, было репрессировано. Тем не менее значительное число фронтовиков снова встало в строй в 1941 г. Напомним: призывной возраст для солдатского состава был 50 лет, офицерского – 60. Т.е. лица, родившиеся в 1882–1898 гг., подлежали мобилизации, и именно среди них был немалый процент фронтовиков-офицеров и еще больший – бывших солдат. Они храбро воевали и передавали свой опыт молодым бойцам Красной Армии, внесли достойный вклад в победу нашего народа в Великой Отечественной войне.

*Список ветеранов Первой мировой войны,
ставших генералами к моменту начала Великой Отечественной войны¹*

1. Антонов Алексей Иннокентьевич (1896–1962)
2. Апанасенко Иосиф Родионович (1890–1943)
3. Астахов Федор Алексеевич (1892–1966)
4. Баграмян Иван Христофорович (1897–1982)
5. Баданов Василий Михайлович (1895–1971)
6. Батов Павел Иванович (1897–1985)
7. Белов Павел Алексеевич (1897–1962)
8. Богданов Семен Ильич (1894–1960)
9. Болдин Иван Васильевич (1892–1965)
10. Буденный Семен Михайлович (1883–1973)
11. Василевский Александр Михайлович (1895–1977)
12. Виноградов Василий Иванович (1895–1967)
13. Вольский Василий Тимофеевич (1897–1946)
14. Вострухов Владимир Иванович (1895–1971)
15. Гаген Николай Александрович (1895–1969)
16. Галицкий Кузьма Никитич (1897–1973)
17. Герасимов Михаил Никанорович (1894–1962)
18. Глаголев Василий Васильевич (1896–1947)
19. Глазунов Василий Афанасьевич (1896–1967)
20. Голубев Константин Дмитриевич (1896–1956)
21. Гордов Василий Николаевич (1896–1951)

ная война: Командармы: Военный биографический словарь. М., 2006; Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М., 1985; Полководцы и военачальники Великой Отечественной войны. Т.1, 2. М., 1979.

¹ Список может быть неполным, так как не все военачальники упоминали в анкетах, автобиографиях и даже мемуарах о своем участии в Первой мировой войне.

22. Гореленко Филипп Данилович (1888–1956)
23. Городнянский Авксентий Михайлович (1896–1942)
24. Городовиков Ока Иванович (1896–1960)
25. Гречкин Алексей Александрович (1893–1964)
26. Гусев Дмитрий Николаевич (1894–1957)
27. Данилов Алексей Ильич (1897–1981)
28. Дегтярев Георгий Ермолаевич (1893–1973)
29. Дмитриев Михаил Петрович (1898–1984)
30. Духанов Михаил Павлович (1896–1969)
31. Еременко Андрей Иванович (1892–1970)
32. Ефремов Михаил Григорьевич (1897–1942)
33. Жмаченко Филипп Федосеевич (1895–1966)
34. Жуков Георгий Константинович (1896–1974)
35. Журавлев Евгений Петрович (1896–1983)
36. Захаркин Иван Григорьевич (1889–1944)
37. Захаров Георгий Федорович (1897–1957)
38. Захватаев Никанор Дмитриевич (1898–1963)
39. Зыгин Алексей Иванович (1896–1943)
40. Исаков Иван Степанович (1894–1965)
41. Карбышев Дмитрий Михайлович (1880–1945)
42. Качалов Владимир Яковлевич (1890–1941)
43. Кирпонос Михаил Петрович (1892–1941)
44. Клыкков Николай Кузьмич (1888–1968)
45. Козлов Дмитрий Тимофеевич (1896–1967)
46. Колпакчи Владимир Яковлевич (1899–1961)
47. Конев Иван Степанович (1897–1973)
48. Красовский Степан Акимович (1897–1983)
49. Крутиков Алексей Николаевич (1895–1949)
50. Крюков Филипп Яковлевич (1896–1943)
51. Кузнецов Василий Иванович (1894–1964)
52. Кузнецов Федор Исидорович (1898–1961)
53. Кулик Григорий Иванович (1890–1950)
54. Левченко Гордей Иванович (1897–1981)
55. Лукин Михаил Федорович (1892–1970)
56. Ляпин Петр Иванович (1894–1954)
57. Маландин Герман Капитонович (1894–1961)
58. Малиновский Родион Яковлевич (1898–1967)
59. Малышев Петр Федорович (1898–1972)
60. Манагаров Иван Мефодьевич (1898–1981)
61. Морозов Василий Иванович (1897–1964)
62. Морозов Степан Ильич (1894–1950)
63. Никишин Николай Николаевич (1896–1974)
64. Николаев Иван Федорович (1890–1944)
65. Ничков Петр Никитич (1897–1971)
66. Новиков Василий Васильевич (1898–1965)
67. Павлов Дмитрий Григорьевич (1897–1941)
68. Панфилов Иван Васильевич (1893–1941)
69. Перхорович Франц Иосифович (1894–1961)
70. Пигаревич Борис Алексеевич (1898–1961)
71. Подлас Кузьма Петрович (1893–1942)
72. Покровский Александр Петрович (1898–1979)
73. Понеделин Павел Григорьевич (1893–1950)

74. Попов Василий Степанович (1894–1967)
75. Пухов Николай Павлович (1895–1958)
76. Рейтер Макс Андреевич (1886–1950)
77. Рогачев Дмитрий Дмитриевич (1895–1963)
78. Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968)
79. Рыбалко Павел Семенович (1894–1948)
80. Рябышев Дмитрий Иванович (1894–1985)
81. Свиридов Владимир Петрович (1897–1963)
82. Смирнов Андрей Кириллович (1895–1941)
83. Собенников Петр Петрович (1894–1960)
84. Советников Иван Герасимович (1897–1957)
85. Софронов Георгий Павлович (1893–1973)
86. Стариков Филипп Никанорович (1896–1980)
87. Степанов Георгий Андреевич (1890–1957)
88. Терехин Макар Филиппович (1896–1967)
89. Тимошенко Семен Константинович (1895–1970)
90. Толбухин Федор Иванович (1894–1949)
91. Трубников Кузьма Петрович (1888–1974)
92. Тюленев Иван Владимирович (1892–1978)
93. Федоренко Яков Николаевич (1896–1947)
94. Филатов Петр Михайлович (1893–1941)
95. Фомин Николай Сергеевич (1895–1987)
96. Фролов Валериан Александрович (1895–1961)
97. Хадеев Александр Александрович (1894–1957)
98. Хлебников Николай Михайлович (1895–1981)
99. Хозин Михаил Семенович (1896–1979)
100. Цветаев Вячеслав Дмитриевич (1893–1950)
101. Цыганов Виктор Викторович (1896–1944)
102. Черевиченко Яков Тимофеевич (1894–1976)
103. Черепанов Александр Иванович (1895–1984)
104. Чибисов Никандр Евлампиевич (1892–1959)
105. Чистяков Михаил Николаевич (1896–1974)
106. Шапошников Борис Михайлович (1882–1945)
107. Шлемин Иван Тимофеевич (1898–1969)
108. Шумилов Михаил Степанович (1895–1975)
109. Юшкевич Василий Александрович (1897–1951)
110. Яковлев Всеволод Федорович (1895–1974)
111. Яковлев Николай Дмитриевич (1898–1972)

С.Д. Половецкий
*доктор исторических наук, профессор кафедры
новейшей отечественной истории Института истории и политики
Московского педагогического государственного университета,
старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра
(фундаментальных военно-исторических проблем)
Военного университета Министерства обороны России*

**СОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И КРАСНАЯ АРМИЯ
В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1939 – ИЮНЬ 1941 гг.).
К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

22 июня 2021 г. в России поминальными свечами и минутой молчания будет отмечен День памяти и скорби – 80-летие начала Великой Отечественной войны.

Готовясь к вероломному нападению на СССР, фашистская Германия сколотила агрессивный антисоветский блок союзников, в который вошли Италия, Финляндия, Румыния, Венгрия. К ним примыкали Болгария, Словакия и Хорватия. Кроме того, с участниками фашистского блока сотрудничали вишистская Франция, Испания, Португалия и Турция. Таким образом, Советскому Союзу предстояло вступить в вооруженную борьбу с целым рядом государств, опиравшихся на военный и экономический потенциал практически всей Европы. В Тихоокеанском регионе стратегическим союзником Германии выступала Япония, готовая напасть на нашу страну и желавшая реванша за поражения на озере Хасан и на реке Халхин-Гол.

В результате осуществления своих захватнических планов в Европе, широкого использования экономики стран-сателлитов военно-экономические ресурсы Германии в два с лишним раза превосходили аналогичные возможности СССР. В германской промышленности, полностью подчиненной целям войны, работало 12 млн рабочих, насильственно мобилизованных в завоеванных странах. К середине 1941 г. ресурсы гитлеровской Германии за счет европейских союзников и оккупированных стран увеличились по железной руде более чем в 7 раз, по стали – в 2,2 раза, по алюминию – в 1,7 раза. В начале Второй мировой войны Германия за счет ввоза из оккупированных стран и импорта удовлетворяла около 45% потребностей своей военной экономики в каменном угле, 88% в нефти и нефтепродуктах, 35% в стали и алюминии, около $\frac{1}{4}$ потребности в зерновых. В 1941 г. 5 тыс. заводов европейских стран выполняли военные заказы Германии¹. Одни только чехословацкие предприятия «Шкода» могли снабдить многими видами вооружения не менее 40–45 немецких дивизий. Усиление военной мощи фашистской Германии обеспечивалось и за счет прямого захвата в оккупированных странах огромного количества военной техники и боеприпасов. Только во Франции было захвачено 3 тыс. самолетов и около 5 тыс. танков. За счет французских и других трофейных автомашин было оснащено более 90 дивизий (т.е. почти половина того количества дивизий, которые напали на наши границы в 1941 г.). К 1941 г. фашисты захватили вооружение, боеприпасы и снаряжение 30 чехословацких дивизий, 6 норвежских, 12 английских, 18 голландских, 22 бельгийских и 92 французских дивизий. Германия превосходила СССР и в людских ресурсах. Население покоренных государств Европы вместе с Германией составляло

¹ История Отечества. XX век: Учеб. пособие. Уфа, 2000. С. 135.

400 млн чел., а Советского Союза – 197 млн.¹ Это позволило Германии поставить под ружье большую часть немецкого населения, использовав для работы в военной промышленности население поработенных стран.

Состав боевых сил и средств Германии к середине 1941 г.²

Силы и средства	Общие	Против СССР
Численность армии (млн чел.)	7,3	5,0
Танковых и штурмовых орудий (шт.)	5600	4400
Орудий и минометов (шт.)	71 500	47 200
Боевых самолетов (шт.)	5700	4400

Германскую армию (вермахт) возглавляли опытные, хорошо подготовленные в оперативном отношении генералы; в соединениях и частях было большое количество офицеров и солдат, имевших опыт боевых действий Первой и двух лет Второй мировой войны. Для сравнения скажем, что в Красной Армии таких военнослужащих было всего 26%³.

Командование Красной Армии смогло сосредоточить в западных военных округах 3,1 млн чел. (из 5,7 млн общей численности), 47,2 тыс. орудий и минометов, 12,8 тыс. танков в основном устаревших конструкций (из них требовали ремонта 2242 шт.), около 7,5 тыс. самолетов различных типов (исправных – 6,4 тыс.)⁴. В целом новое вооружение в приграничных округах не превышало 20–25% от имеющегося. Таким образом, на западной границе нашей страны немецко-фашистские войска и соединения их сателлитов превосходили советские войска более чем в 2 раза. Сложившаяся в начале Второй мировой войны смертельно опасная для СССР ситуация требовала адекватного ответа. Поэтому, получив некоторую передышку после заключения с Германией Пакта о ненападении от 23 августа 1939 г., Советский Союз стал всемерно наращивать усилия, направленные на отражение агрессии и повышение обороноспособности страны. В этой связи уместно упомянуть, что в последнее время на Западе вновь усиленно муссируется миф о «превентивном ударе» – о том, будто бы Советский Союз сам готовил нападение на Германию. Однако для существования этой версии нет никакой объективной основы. Ровно за три месяца до начала нападения на СССР, 22 марта 1941 г., начальник генерального штаба германских сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер сделал в дневнике следующую запись: «Я не верю в вероятность инициативы со стороны русских». В самый канун войны, 13 июня 1941 г., разведка генштаба сухопутных войск рейха, возглавляемая адмиралом В. Канарисом, доносила: «Со стороны русских (...) как и прежде, ожидаются оборонительные действия»⁵. Лживость нацистских лидеров, стремившихся замаскировать свои агрессивные цели и назвавших захватническую войну против СССР «превентивной», была полностью разоблачена в 1945–1946 гг. на Нюрнбергском процессе над германскими военными преступниками, 75-летие начала которого мы отметили в 2020 г.

В 1930-е гг. в СССР на основе разработанных пятилетних планов в кратчайшие сроки была проведена коренная модернизация всего экономического комплекса стра-

¹ Шеметов К.Ф. История России. XX век. Саратов, 1999. С. 203.

² История России. XX век. М., 2001. С. 192.

³ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? М., 1989. С. 199.

⁴ История России. XX век. М., 2001. С. 192.

⁵ Цит. по: История: Учебник. М.: Кучково поле, 2014. С. 603.

ны, на основе которого форсированными темпами создавалась мощная современная оборонная индустрия. Прежде всего, было резко увеличены ассигнования на оборону. Если в 1938 г. они составляли 23 млрд руб., то в 1940 г. – около 57 млрд руб., т.е. увеличились в 2,5 раза. Если в 1939 г. военный бюджет составлял 25,6 % от всего государственного бюджета, то в первой половине 1941 г. – уже 43,4%¹. За три года третьей пятилетки в 1938–1940 гг. ежегодный прирост всей промышленности СССР составлял в среднем 13%, а оборонной – в три раза выше – 39%². Возводились новые и модернизировались имеющиеся авиационные и авиадвигательные заводы, судостроительные верфи, предприятия по производству бронетанковой и артиллерийской техники. За 1939 – первую половину 1941 г. советская промышленность произвела свыше 80 тыс. орудий и минометов, 17 тыс. боевых самолетов, 7,6 тыс. танков, более 200 тыс. пулеметов и автоматов³.

В результате предпринятых усилий «оборонка» могла накануне войны выпускать более 6 тыс. танков и около 10 тыс. самолетов в год, что в 1,5 раза превосходило мощности танковой и авиационной промышленности фашистской Германии. Осуществлялась широкая программа создания новых образцов вооружения и боевой техники. Напомним только о некоторых из них, без особых конструктивных изменений эффективно применявшихся и снискавших славу во всех сражениях Великой Отечественной войны. Это – легендарный танк Т-34, самолет Ил-2, реактивная артиллерийская установка БМ-13, получившая у солдат ласковое название «Катюша». Однако из-за нехватки времени, ограниченных производственных мощностей, трудностей запуска в серийное производство новых образцов техники накануне войны было произведено недостаточное количество. Так, всего был выпущен 1861 новый средний и тяжелый танк, составившие около 9% всего танкового парка Красной Армии⁴. Танки устаревших конструкций подлежали замене по мере поступления новых машин. ВВС получили 2739 новых самолетов, но авиационный парк состоял на 82,7% из устаревших, ветхих и изношенных машин с ограниченным ресурсом, которые по основным техническим характеристикам значительно уступали самолетам ведущих зарубежных стран⁵. Артиллерия лишь на 20,5% была укомплектована специальными артиллерийскими тягачами, а стрелковые дивизии – автомобилями и тракторами только наполовину штатной потребности⁶. Полностью обеспечить соединения и части Красной Армии новым вооружением планировалось в 1942–1943 гг. А пока войска были оснащены устаревшими образцами оружия и боевой техники. Даже в приграничных округах только 20–25% боевой техники и вооружения были новых образцов.

Следующим направлением укрепления обороноспособности страны было изменение системы комплектования, вводился единый порядок прохождения воинской службы. Со второй половины 1930-х гг. наступил этап полной ликвидации смешанной территориально-кадровой системы организации армии. К концу 1939 г. 77% дивизий РККА стали кадровыми⁷. Во исполнение постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 марта 1938 г. «О национальных частях и формированиях РККА» были упразднены национальные формирования, национальные военные училища и школы,

¹ Там же. С. 602.

² Куманев Г.А. Проблемы военной истории Отечества (1938–1945 гг.). М., 2007. С. 24.

³ Военная история: учебник. 2-е изд. доп. и испр. М., 2003. С. 268.

⁴ Военная история: Учебник. М., 1999. С. 188.

⁵ Шумихин В.С. Советская военная авиация 1917–1941. М., 1986. С. 238.

⁶ История Второй мировой войны. В 12 т. Т. 3. М., 1974. С. 421.

⁷ Советские Вооруженные Силы: История строительства. М., 1978. С. 195.

которые были реформированы в общесоюзные с экстерриториальным комплектованием. Граждан национальных республик и областей стали призывать к несению военной службы на общих со всеми национальностями СССР основаниях. В сентябре 1939 г. Верховный Совет СССР принял закон «О всеобщей воинской обязанности». Срок службы в сухопутных войсках был увеличен с 2 до 3-х лет, а на флоте – до 5 лет. Новый закон снимал имевшиеся ранее ограничения по воинской службе, закреплял кадровый принцип строительства Вооруженных Сил. Все предпринятые меры позволили значительно увеличить численность Красной Армии и Военно-Морского Флота с 1,9 млн чел. в 1939 г. до 5,4 млн чел. к 22 июня 1941 г., т. е. почти в 3 раза¹.

Политико-моральное состояние личного состава армии и флота накануне суровых испытаний в целом было здоровое: бойцы и командиры Красной армии искренне верили в идеалы социализма и были готовы защищать свою Родину. Постоянно увеличивалась партийно-комсомольская прослойка в Красной армии. В начале 1937 г. она составляла 38%, в конце 1938 г. – 66%, в августе 1939 г. коммунисты и комсомольцы составляли около 70% всего личного состава армии и флота².

Важным направлением укрепления обороноспособности в предвоенные годы было военно-патриотическое воспитание советских граждан, особенно молодого поколения. Молодежь росла тогда в подавляющем своем большинстве крепкой, энергичной, глубоко патриотичной, готовой к защите Отчизны.

Принимались действенные меры по улучшению военной подготовки населения. К началу 1941 г. в главной оборонно-массовой организации страны – Осоавиахиме состояло более 13 млн чел.³ Многие предприятия, учебные заведения соревновались за образцовую постановку оборонно-массовой работы и лучшее шефство над воинскими частями и кораблями. Сотни самолетов, десятки танков и других технических средств были построены в те годы на деньги, собранные трудящимися.

Однако в строительстве Вооруженных Сил в предвоенные годы имелись существенные недостатки. Так, резкое увеличение численности армии и флота имело не только положительные, но и отрицательные стороны. Для новых воинских формирований остро не хватало боевой техники, средств связи, автотранспорта. И особенно тяжелым было положение с кадрами командиров, прежде всего с командными кадрами высшей квалификации. В результате репрессий 1937–1939 гг. была уничтожена, находилась в местах заключения значительная часть высшего командного и политического состава: бывшие командующие войсками всех военных округов, 90% их заместителей, 80% руководящего состава корпусного и дивизионного звена, 91% командиров полков и их заместителей⁴. Большинство репрессированных военачальников хорошо знали состояние немецкой армии, ее организацию, структуру, ее сильные и слабые стороны. Заменявшие их кадры не обладали такими знаниями. К началу Великой Отечественной войны только 7,1% командиров Красной Армии имел высшее образование, среднее – 55,9%, ускоренное военное образование – 24,6%, а 12,4% военного образования не имели⁵. К началу Великой Отечественной войны 80% командиров, начиная со звена рота-батальон, находились на своих должностях менее

¹ Отечественная история. XX век. Учеб. пособие. М., 1999. С. 330–331.

² История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т. Т. 2. М., 1974. С. 207.

³ ДОСААФ – Родине: сборник. М., 1987. С. 26.

⁴ Военная история: учеб. / под общ. ред. А.В. Маклачкова. М., 2016. С. 254.

⁵ Военная история; учебник для высших военно-учебных заведений Министерства обороны РФ. М., 2006. С. 241.

года¹. Отдельные военачальники почивали на лаврах героев минувших войн. Новые выдвиженцы боялись ответственности и самостоятельности, которые в условиях угрозы войны были необходимы как воздух.

Слабым местом в деятельности командного состава оставались вопросы управления частями и подразделениями, ведения противотанковой и противовоздушной обороны. Не все командиры могли умело руководить войсками и организовывать их взаимодействие в ходе современного маневренного боя, плохо знали организацию войск и тактику вероятного противника, на невысоком уровне находилась работа штабов, органов управления.

Необходимо отметить, что политическое и военное руководство страны в предвоенные годы стремилось решить проблему подготовки военных кадров. К середине 1941 г. их готовили 15 академий, 10 военных факультетов при гражданских вузах, 7 высших военно-морских училищ, 203 военных училища и ряд других военно-учебных заведений. Число слушателей в высших военно-учебных заведениях по сравнению с 1937 г. возросло более чем в 2 раза, а курсантов – почти в 5 раз. Для переподготовки и повышения квалификации военных кадров функционировало более 100 курсов². Важно подчеркнуть, что усилия, предпринятые в этом отношении, не пропали даром. В годы Великой Отечественной войны выдвинулась целая плеяда выдающихся полководцев, командиров и военачальников, которые получили боевой опыт, военную закалку и соответствующее образование в 1930-е – начале 1940-х гг. Все они ни в чем не уступали, а во многом и превосходили кадры вермахта.

В качестве вывода можно сказать следующее. К началу Великой Отечественной войны в нашей стране на основе проведенной модернизации были созданы в целом современные, боеготовые Вооруженные Силы, которые по своей численности, вооружению и организации достигли уровня, способного обеспечивать успешное ведение боевых действий против сильного агрессора – фашистской Германии и ее сателлитов, в интересах которых был использован практически весь потенциал поработанной Гитлером Европы. Вооруженные силы фашистской Германии были тщательно обучены, оснащены первоклассным вооружением и боевой техникой, полностью отмобилизованы, имели двухгодичный опыт ведения боевых действий и ореол «непобедимых». Создание в предвоенные годы мощного фундамента будущей Победы – результат предпринятых советским руководством, трудящимися нашей страны героических усилий в области военного строительства. К сожалению, в этот период был допущен ряд просчетов, а все возможности для отражения нападения фашистской Германии и ее союзников не были полностью использованы.

Однако, несмотря на поражения в первый период Великой Отечественной войны, весь созданный в предвоенный период военный потенциал и его развитие в годы войны обеспечили в конечном итоге победу советского народа над фашизмом, что по праву является событием всемирно-исторического значения.

¹ История: Учебник. М.: Кучково поле, 2014. С. 602.

² Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в 12 т. Т. 2. М., 2015. С. 427.

О.В. Каримов
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Российского государственного университета нефти и газа
(Национального исследовательского университета) имени И.М. Губкина

О.В. Пумпянская
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Российского государственного университета нефти и газа
(Национального исследовательского университета) имени И.М. Губкина

А.О. Каримова
студентка биологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (ОПЫТ РЕОРГАНИЗАЦИИ)

Накануне Великой Отечественной войны военную и военно-морскую разведку в Народном комиссариате обороны СССР (НКО) осуществляло Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии (РУ ГШ КА), а в Наркомате Военно-морского флота СССР (НК ВМФ) – Первое управление ВМФ¹. С июля 1940 г. Разведуправление Генштаба возглавлял генерал-лейтенант Ф.И. Голиков. Его заместителями стали: генерал-майор танковых войск А.П. Панфилов и генерал-майор И.Г. Рубин, заместителем по политической части – начальником отдела политической пропаганды – бригадный комиссар И.И. Ильичев. В состав РУ ГШ входили: четыре агентурных отдела (европейский, балканский, дальневосточный, военно-технический); 5-й отдел (диверсионный); 6-й отдел (паспортный); 7-й отдел (оперативной пограничной разведки); 8-й отдел (радиоразведки и связи); 9-й отдел (шифровальный); 10-й отдел (дешифровальный); отдел внешних сношений; отдел центральной военной цензуры. Кроме того, самым крупным подразделением и важнейшим аналитическим органом Разведуправления Генштаба был Информационный отдел. Его возглавлял генерал-майор Н.С. Дронов. Здесь были отделения по странам, как в агентурных отделах, и отдел военно-технической и экономической информации. До середины 1930-х гг. начальник Информационного отдела был одним из заместителей начальника военной разведки. Помимо названных основных подразделений, в состав РУ ГШ входили: отдел специальных заданий; общий отдел; отдел кадров; отдел политической пропаганды; административно-хозяйственный отдел; Высшая специальная школа; Разведывательные курсы усовершенствования комсостава; НИИ по технике связи; Институт оперативной техники².

Накануне Великой Отечественной войны Первым управлением ВМФ руководил контр-адмирал Н.И. Зуйков. В состав Управления входили: информационный отдел; агентурный отдел; отдел войсковой разведки; отдел внешних сношений; отдел де-

¹ Владимир О.В. Деятельность советской военно-морской разведки в Германии. 1939–1941 гг. // Отечественная история. 2004. № 3. С. 14–19; Каримов О.В. Реформирование отечественной военно-морской разведки (1917–1941) // Материалы XVI ежегодных Всероссийских исторических чтений. СПб., 2019.

² Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 96; Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Империя ГПУ. Очерки истории российской военной разведки. М., 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://militaria.lib.ru/research/kolpakidi_prohоров1/ (дата обращения: 8.08.2020).

шифровально-разведывательной службы; 6-й отдел (шифровальный); 7-й отдел (материально-технического обеспечения); 8-й отдел (военной цензуры); Бюро переводчиков; семь самостоятельных отделений¹.

После нападения гитлеровской Германии и ее союзников на СССР военная и военно-морская разведки сразу ощутили трудности, связанные с ведением разведывательной деятельности. Во-первых, прекратили свою работу действовавшие легально зарубежные резидентуры в Германии, Румынии, Венгрии, Италии, Финляндии. Во-вторых, находившиеся здесь нелегальные резидентуры оказались без средств связи из-за предвоенных ошибок Центра. Таким образом, перед Разведуправлением Генштаба и Первым управлением ВМФ возникла необходимость скорректировать деятельность «не только зарубежных органов разведки, но и разведывательных отделов штабов округов», фронтов, а также флотов и флотилий². РУ ГШ в приграничных сражениях потерял значительную часть своих сил и средств. Его руководство приступило к «перестройке всей системы военной разведки, чтобы обеспечить успешное выполнение задач в условиях военных действий»³.

Уже летом 1941 г. стало ясно, что «основные задачи по добыванию сведений о противнике» будут возложены не на зарубежную агентурную разведку, а «на органы оперативной агентурной, главным образом войсковой, разведки»⁴. Кроме того, большее внимание теперь уделялось воздушной и радиоразведке, дешифровальной службе. Необходимо было: решить важные организационные задачи по реформированию центрального аппарата разведки; реорганизовать агентурную сеть, переориентировав ее на добывание разведывательных сведений в интересах обеспечения боевых действий; изменить систему подготовки военных разведчиков в соответствии с новой обстановкой; восстановить и нарастить материально-техническую базу⁵. В сентябре 1941 г. генерал-майор А.П. Панфилов доложил военно-политическому руководству страны о неудовлетворительном положении дел в войсковой разведке – «руководство ею со стороны какого-нибудь органа в системе НКО отсутствует»⁶. Однако в разгар Московской битвы никаких организационных мер принято не было.

31 января 1942 г. замполит РУ ГШ бригадный комиссар И.И. Ильичев направил в Государственный Комитет Обороны СССР (ГКО) доклад, где сообщил, что до настоящего времени «организационная структура военной разведки не отвечала условиям войны и являлась тормозом в разведывательной работе»⁷. К тому же в течение длительного времени не было непосредственного руководителя Разведуправления (с июля 1941 г. начальник управления генерал-лейтенант Голиков находился в Великобритании и США, а в ноябре 1941 г. он был назначен командующим 10-й армией Западного фронта). Обязанности начальника военной разведки исполнял генерал-майор А.П. Панфилов.

И.И. Ильичев раскритиковал Генштаб за то, что тот «не руководил работой Разведуправления». Он предлагал немедленно назначить начальника военной разведки,

¹ Федоров В.М. Военно-морская разведка: история и современность. М., 2008. С. 122.

² Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 6. С. 235.

³ Кондрашов В.В. Знать все о противнике. М., 2010. С. 101.

⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 6. С. 235.

⁵ Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/rsearch/kolpakidi_prohrov1/ (дата обращения: 8.08.2020); Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 6. С.235.

⁶ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦА МО). Ф. 23. Оп. 7567. Д. 1. Л. 43.

⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 6. С. 245.

обязать Генштаб непосредственно руководить работой разведки или же возложить общее руководство Разведуправлением на одного из заместителей наркома обороны. Необходимо было изменить организационно-штатную структуру центрального аппарата военной разведки, а также фронтов и армий. ГКО согласился с предложениями И.И. Ильичева¹. Однако историк спецслужб А.И. Колпакиди дает обратную последовательность событий: «В январе 1942 г. после окончания битвы за Москву Государственный комитет обороны рассмотрел деятельность военной разведки по итогам первых месяцев войны. В ходе рассмотрения были отмечены следующие недостатки деятельности Разведуправления Генштаба РККА: организационная структура Разведуправления не соответствовала условиям работы в военное время; отсутствовало должное руководство Разведуправлением со стороны Генштаба РККА; материальная база военной разведки была недостаточной, в частности, отсутствовали самолеты для заброски разведчиков в тыл противника»². Впрочем, подобного решения ГКО СССР нами обнаружено не было. В период со 2 января по 27 февраля 1942 г. были приняты Постановления ГКО №№ 1088с–1354сс. Ни в одном из них вопросы военной разведки не рассматривались³. Вероятно, решение о реорганизации разведки принималось только руководством НКО СССР во главе с И.В. Сталиным. Таким образом, 16 февраля 1942 г. приказом НКО № 0033 РУ ГШ КА было преобразовано в Главное разведывательное управление ГШ КА (ГРУ ГШ). Начальником управления стал генерал-майор А.П. Панфилов. Одновременно он становился заместителем начальника Генштаба. Замполитом был назначен бригадный комиссар И.И. Ильичев.

ГРУ ГШ состояло из двух управлений. 1-е управление (агентурное) отвечало за организацию агентурной разведки и включало отделы: германский, европейский, дальневосточный, ближневосточный, диверсионный, фронтовой, армейской и окружной разведки, оперативной техники, агентурной связи и радиоразведки. 2-е управление (информационное) отвечало за подготовку аналитических материалов и включало отделы: германский, европейский, дальневосточный, ближневосточный, редакционно-издательский, войсковой информации, дешифровальный. В ГРУ ГШ был также ряд обеспечивающих подразделений: политический отдел, отдел внешних сношений, отдел спецзаданий, отдел специальной связи, отдел военной цензуры, отдел материально-технического обеспечения, контрольно-финансовый отдел, отдел кадров⁴.

Вскоре реформированию подверглась военно-морская разведка. Приказом наркома ВМФ от 20 марта 1942 г. № 0072 Первое управление ВМФ было включено в состав Главного морского штаба (ГМШ) и получило наименование: Разведывательное управление ГМШ (РУ ГМШ). Управление возглавил капитан 1-го ранга М.А. Воронцов. Структура РУ ГМШ была следующей: три агентурных отдела (северо-западного направления, южного направления, дальневосточного направления); 4-й отдел (текущей обстановки); 5-й отдел (радиоразведки); 6-й отдел (шифровальный); 7-й отдел (дешифровально-разведывательной службы); 8-й отдел (внешних сношений); 9-й от-

¹ Там же.

² Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/research/kolpakidi_prohorov1/ (дата обращения: 8.08.2020).

³ Перечень документов Государственного Комитета Обороны за 1942 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rkka.ru/handbook/doc/gko/gko42.htm> (дата обращения: 8.08.2020).

⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 6. С. 245; Колпакиди А.И., Прохоров Д.П. Указ. соч. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/research/kolpakidi_prohorov1/ (дата обращения: 8.08.2020); Русский Архив. Великая Отечественная война. Т. 13 (2–2). Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941–1942 гг. М., 1997. С. 155.

дел (военно-морской цензуры); 10-й отдел (кадров). Также в состав Разведуправления ГМШ вошли: отделение связи, отделение оперативной техники и финансовое отделение¹. В том же 1942 г. было реорганизовано Разведуправление штаба ВВС Красной Армии в составе четырех отделов, а в штабах ВВС фронтов были созданы самостоятельные разведотделы. Возглавил Разведуправление генерал-майор авиации Д.Д. Грендаль.

Несмотря на эти масштабные изменения, реформирование разведки продолжалось в течение всей войны. 23 октября 1942 г. приказом наркома обороны № 00222 ГРУ ГШ КА было реорганизовано в два самостоятельных управления: Главное разведывательное управление Красной Армии (ГРУ КА) и Управление войсковой разведки Генштаба (УВР ГШ). ГРУ КА возглавил генерал-майор А.П. Панфилов, а УВР ГШ – генерал-майор Л.В. Онянов.

На ГРУ КА было возложено «ведение агентурной разведки иностранных армий как за границей, так и на временно оккупированной противником территории СССР». Войсковую разведку осуществляло УВР ГШ, ему подчинялись разведотделы фронтов². Таким образом, командующие фронтами потеряли возможность ведения агентурной разведки на оккупированной территории. Кроме того, дешифровальная служба военной разведки была передана в НКВД, а отдел военной цензуры стал самостоятельным подразделением в НКО СССР.

В мемуарах генерал-майора В.А. Никольского говорится, что «коренная ломка всей системы разведки в самом разгаре войны вызвала всеобщее удивление не только у офицеров этой службы, но и у всех командиров, в той или иной мере соприкасавшихся со штабной службой в звене армия–фронт. Приказ о ликвидации фронтовых агентурных структур был отдан в самый ответственный момент начала нашего общего наступления под Сталинградом, подготовки Ленинградского и Волховского фронтов к прорыву блокады, наступления Северной группы Закавказского, Северо-Кавказского, Юго-Западного и Калининского фронтов. Дезорганизация разведки в этот период весьма отрицательно сказалась на боевой деятельности войск и явилась объективной причиной больших потерь, поскольку штабы фронтов в этот период нужной информации о противнике не получали (...) С учетом организационного периода в Разведуправлении с 20 декабря 1942 г. командующие фронтами практически остались без оперативной информации о положении в тылу противника. Получаемые в ГРУ сведения от бывшей фронтовой агентуры после их обработки в информационном отделе зачастую пересылались фронтам с таким опозданием, что они теряли свою актуальность. Терялась и оперативность в руководстве агентами и постановке им заданий. Оперативные офицеры в Центре не были в курсе изменений агентурной обстановки, ранее поступающих к ним напрямую»³.

В течение зимы–весны 1943 г. командующие войсками фронтов неоднократно обращались в Ставку Верховного Главнокомандования с предложением – вернуть оперативную агентурную разведку в их подчинение. Эти обращения возымели действие. 19 апреля 1943 г. (в других документах стоит дата – 18 апреля 1943⁴) приказом наркома обороны № 0071 «О реорганизации управления войсковой разведки Гене-

¹ Федоров В.М. Указ. соч. С. 123.

² Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 6. С. 254; Русский Архив. Великая Отечественная война. Т. 13 (2–2). С. 349–350.

³ Никольский В.А. ГРУ в годы Великой Отечественной войны. Герои невидимого фронта. М., 2005. С. 124–126.

⁴ ЦА МО. Ф. 23. Оп. 8122. Д. 3. Л. 97.

рального штаба Красной Армии» ответственность за «руководство войсковой и агентурной разведкой фронтов, регулярную информацию о действиях и намерениях противника» была возложена на создаваемое на базе УВР ГШ Разведуправление Генштаба Красной Армии (РУ ГШ). Новое управление возглавил генерал-лейтенант Ф.Ф. Кузнецов. Управлению было предоставлено право ведения агентурной разведки и диверсионной работы на оккупированной территории Советского Союза.

Структурно РУ ГШ состояло из нескольких отделов: 1-й отдел (войсковой разведки); 2-й отдел (агентурной разведки); 3-й отдел (руководство агентурной работой фронтов); 4-й отдел (оперативной информации); 5-й отдел (радиоразведки и забивки радиостанций противника); 6-й отдел (радиосвязи); 7-й отдел (кадров); 8-й отдел (шифровальный); административно-хозяйственный отдел. Здесь же были: специальное отделение (дезинформации); отделение оперативной техники; финансовое отделение; следственная часть; секретариат; авиационный отряд; радиоузел связи; школа агентурной подготовки¹.

При начальнике Генерального штаба была создана группа командиров во главе с генерал-полковником Ф.И. Голиковым для обобщения и анализа поступающих от всех органов разведки и контрразведки НКО, НКВД, НК ВМФ, Главного управления «Смерш» и партизанских штабов данных о противнике².

Ведение зарубежной агентурной разведки было возложено на ГРУ КА под руководством бывшего замполита ГРУ генерал-лейтенанта И.И. Ильичева – «вести агентурную разведку только за рубежом»³.

Такое разделение функций военной разведки просуществовало до конца Великой Отечественной войны.

В РУ ГМШ в сентябре 1943 и сентябре 1944 г. тоже произошли структурные изменения, носившие, правда, менее радикальный характер – здесь были увеличены численность личного состава и количество подразделений⁴.

Таким образом, в течение Великой Отечественной войны руководство НКО СССР и НК ВМФ неоднократно пыталось найти оптимальную структуру организации центральных и периферийных органов разведки. Лишь в 1943 г. – ко времени коренного перелома в войне приемлемая форма организации военной и военно-морской разведки была найдена. Результатом этого были успехи в планировании, подготовке и осуществлении операций Вооруженных сил СССР, предопределивших победу Советского Союза над нацистской Германией и ее союзниками, а также милитаристской Японией.

¹ Русский Архив. Великая Отечественная война. Т. 13 (2–3). Приказы народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. М., 1997. С. 125–127.

² ЦА МО. Ф. 23. Оп. 8122. Д. 3. Л. 97.

³ Там же.

⁴ Федоров В.М. Указ. соч. С. 123–124.

Н.Н. Мокина
*кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь ученого совета
Института истории и политики
Московского педагогического государственного университета*

СИСТЕМА СВЯЗИ НАРКОМАТА СВЯЗИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В годы Великой Отечественной войны руководство деятельностью различных видов связи СССР осуществлял Народный комиссариат связи, в структурные подразделения которого входили центральные управления и отделы Наркомата связи; в подчинении Наркомата связи находились его местные органы, а с февраля 1942 г. по специальному Постановлению СНК СССР в его составе было сформировано Военно-восстановительное управление (ВВУ)¹. Попытаемся дать характеристику структуры и функций местных органов Наркомата связи.

Анализ годовых отчетов Наркомата связи показал, что на местах действовали областные управления Наркомата связи во главе с начальником управления, его заместителями и главным инженером. Управления являлись руководящими эксплуатационно-хозяйственными органами Наркомата связи на территории областей, занимались руководством работой всех предприятий и организаций местной системы связи. Для осуществления своих функций и полномочий в структуре областных управлений Наркомата связи были организованы общесистемные и специальные подразделения, регулирующие эксплуатационную деятельность. К первой группе относился отдел управления делами, в котором трудились: управляющий делами, юрисконсульт, секретарь-стенографист, машинистки, заведующий архивом и комендант, а также экспедитор, уборщицы помещений и шофер. Кроме этого, центральной службой аппарата управления являлся планово-финансовый отдел, персонал которого составляли инженеры, экономисты, бухгалтеры, работники кадровой группы и служб снабжения, капитального строительства². Во вторую группу входили отделы, которые осуществляли непосредственное руководство деятельностью подотраслей связи – почтовой, телеграфной, международной телефонной, городской и сельской телефонной, радиосвязи, радиовещания.

Деятельность почтовой службы находилась в ведении почтового отдела во главе с начальником отдела. Помимо него в штате состояли инспектора, инженеры и экономист. По нормативно-правовым документам того времени, на почтовый отдел были возложены задачи по организации и руководству системой почтовых учреждений. В систему почтовых учреждений входили отделения перевозки почты, почтаматы, почтовые конторы, городские и районные узлы связи и входящие в их состав отделения связи и почтовые агентства. Среди них – отделение перевозки почты – специализированный тип предприятия, который выполнял операции, связанные только с обработкой почтовых отправок как собственной, так и транзитной почты, а также обеспечивал обмен и перевозку почты по закрепленным маршрутам.

Остальные почтовые учреждения по характеру выполняемых функций относились к предприятиям объединенного типа, которые предоставляли услуги всех (поч-

¹ См.: Постановление СНК СССР «О создании военно-восстановительного управления» // ГА РФ. Ф.Р–5446. Оп. 43А. Д. 407. Л. 29.

² См.: Приказ по Пензенскому областному управлению Наркомата связи // Государственный архив Пензенской области (далее – ГА ПО). Ф.Р–2477. Оп. 1. Д. 35. Л. 183, 187.

та, телефон, телеграф, радио) или нескольких видов связи. Все почтовые предприятия в зависимости от числа обслуживаемого населения и видов предоставляемых услуг подразделялись на классы (всего было 7 классов). Согласно приказу наркома связи переклассификация почтовых предприятий связи проводилась не чаще одного раза в год¹. Почтамт, как и почтовая контора, организовывал работу почтовой связи региона, развивал сеть отделений связи, которые работали под его руководством. Наряду с управленческой функцией почтамт выполнял многочисленные производственные функции по предоставлению услуг почтовой и электрической связи населению, предприятиям, учреждениям и организациям, производил обработку почтовых отправок, осуществлял перевозку почты по почтовым маршрутам и доставку почтовых отправок на закрепленной территории. Производственными подразделениями почтовой конторы (почтамта) являлись отделения связи, которые были территориально удалены от нее в целях предоставления услуг связи более широким слоям населения. Отделения связи принимали почтовую корреспонденцию, отправляли ее в почтамт или узел связи и доставляли поступающую от них почту адресатам.

В областных и автономных центрах страны функционировали почтовые узлы – конторы связи, за каждой из которых была закреплена определенная территория. Так, в городах работали городские, а в районных центрах – районные узлы связи, которые являлись центральными предприятиями, оказывающими населению все виды услуг связи. Городские и районные узлы связи руководили размещением в городе или сельской местности отделений связи и почтовых агентств и организовывали связь на территории города или района. Отметим, что на местах функционировали и небольшие предприятия связи – это почтовые агентства, которые оказывали клиентам лишь некоторые виды почтовых услуг. В состав ряда предприятий связи входили конно-почтовые станции. Они предназначались, главным образом, для обслуживания внутрирайонных и межрайонных почтовых маршрутов. Кроме того, в распоряжении областных управлений Наркомата связи находились еще и транспортные конторы во главе с начальниками автобаз, гаражей и мастерских. Помимо них в штате состояли инспекторы, инженеры, техники, механики, мотористы и шоферы. На транспортную контору были возложены задачи по доставке всех видов почтовых отправок по городским и внутриобластным путям почтовых сообщений, а также оборудования и строительных материалов на объекты. Помимо пересылки и вручения почтовых отправок почтовая сеть занималась выплатами пенсий и пособий², а также переводами денежных сумм, подаваемых отправителями и выдачей их по реестрам получателям. Контроль над проведением всех денежных операций осуществляло бюро контроля переводов³. В ведении бюро находились вопросы двойных выплат, подложных переводов, оплаты переводов не подлежащим лицам, растраты и просчеты сотрудников почтовых отделений, а также определение последствий ограбления учреждений почтовой связи в ночное время⁴.

В условиях военного времени участились случаи, когда денежные переводы уходили в оккупированные районы и адресат не мог их получить. Иногда злоумышленники пользовались отсутствием адресата и присваивали себе денежные средства «путем учинения подложных подписей» на переводных документах. То обстоятельство,

¹ РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 7. Д. 446. Л. 117.

² Государственный архив Ульяновской области (далее – ГА УО). Ф.Р–2790. Оп. 3. Д. 3. Л. 69.

³ Там же. Оп. 4. Д. 1. Л. 6.

⁴ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГА СО). Ф.Р–2448. Оп. 1. Д.16. Л. 4.

что при этом действительный адресат не мог получить денежные средства, приводило к серьезной неразберихе. Это вынудило Наркомат связи уже в первые месяцы войны ужесточить требования к порядку осуществления перевода денежных средств. Прежде всего, Наркомат связи разработал и внедрил новые правила денежных переводов, усиливающие контроль над переводными операциями¹. В августе 1944 г. Наркоматом связи были внедрены дополнительные требования к переводным денежным операциям. Они предусматривали пересылку почтовых и телеграфных переводов между районными, областными, краевыми, республиканскими центрами в постпакетах (закрытых конвертах)². Однако эти меры создавали большие трудности: в Наркомат связи в нужном количестве не поступали постпакеты, поэтому связистам приходилось в свободное от работы время склеивать их из макулатуры.

Структура и компетенция почтового ведомства уже в первые месяцы войны расширилась за счет введения гласного политического контроля над всей входящей и исходящей письменной корреспонденцией. Возникла необходимость оперативного формирования пунктов военной цензуры и укомплектования штатов цензоров. Как и в других учреждениях, вопрос укомплектования кадров для органов управления стоял наиболее остро в 1941–1945 гг. На этапе формирования перлюстрационной службы штат цензоров военно-почтовых сортировочных пунктов, военно-почтовых баз, отделений и пунктов военной цензуры был укомплектован путем выделения контролеров из 4-го отдела НКГБ СССР³. Затем посильную помощь в укомплектовании штатов областным управлениям НКГБ оказывали партийные органы⁴. В результате штат службы цензоров в течение рассматриваемого периода был почти полностью укомплектован, что позволяло аппарату функционировать относительно нормально. Особое значение в годы войны придавалось деятельности секретно-шифровального отдела и отдела специальной связи. Контингент сотрудников секретно-шифровального отдела определялся руководителем секретно-шифровального отдела Наркомата связи и подлежал согласованию с местными органами УНКВД⁵. Сотрудники отдела следили за качеством работы радиосвязи и слушали переговоры абонентов. В случае разглашения абонентом ненадлежащей информации, контролер мог прервать разговор и составить акт о произошедшем нарушении во время его дежурства. Фельдъегеря отдела специальной связи работали под руководством начальника экспедиции, начальника фельдъегерского пункта и инспектора. Основная функция отдела специальной связи заключалась в организации перевозки секретной и совершенно секретной корреспонденции ЦК ВКП(б), СНК СССР, Президиума Верховного Совета СССР, Наркоматов – обороны, Военно-морского флота, внутренних и иностранных дел. Телеграфные и телефонные предприятия связи подчинялись телеграфно-телефонному отделу. Персонал отдела составляли начальник отдела, инженер и экономист. Руководство отдела в течение рассматриваемого периода придавало большое значение дальнейшему расширению городских и внутрирайонных телефонных связей, а также развитию телеграфных сетей. Но плохое финансирование отрасли в 1941–1945 гг. не позволяло широко развиваться телеграфной и, в большей степени, внутрирайонной телефонной

¹ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

² ГА УО. Ф.Р–2790. Оп. 3. Д. 4. Л. 59–59об.

³ Винокуров А.А., Ткаченко С.Б. Военная цензура в СССР 1941–1953. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 12.

⁴ Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 656. Оп. 23. Д.26. Л. 208.

⁵ ЦГА СО. Ф.Р–2039. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.

связи, что ограничивало возможности использования сельским населением услуг телеграфно-телефонной связи.

В системе управления Наркомата связи с ноября 1939 г.¹ функционировали радиоцентры, в ведении которых находились вопросы радиовещания и радиофикации. Штат радиоцентров, как правило, составляли начальник и его заместитель, руководитель группы технической эксплуатации, инженеры и техники, а также вспомогательный персонал. Они занимались обслуживанием аппаратуры и радиолинии, строительством сооружений и установкой радиоточек², а также выполняли спецзадание – «забивку» антисоветского вещания³. Кроме того, в штате состояли радиотелеграфисты-слухачи и радиооператоры, обслуживающие радиотелеграфные связи на русском, национальных и иностранных языках. В основном они различались тем, что радиотелеграфисты-слухачи работали на аппаратах системы Морзе и не могли, как радиооператоры, осуществлять дуплексные связи. Кроме указанных работников на радиоцентрах трудились радиотелеграммисты (могли быть 2-х разрядов), которые осуществляли прием радиотелеграмм от клиентуры, и мачтовики (могли быть 2-х разрядов), обслуживающие мачты разных конструкций. Работники подсобных операций радиотелеграфа (могли быть 2-х разрядов) занимались оформлением телеграфных бланков и учетом времени прохождения радиотелеграмм. Для обеспечения круглосуточной работы международных радиотелеграфных связей с Лондоном и Америкой⁴, внутрисоюзных радиотелеграфных и фотосвязей⁵ с Москвой, Ташкентом, Свердловском и Уфой⁶ связистам приходилось работать в шесть смен⁷. Отдельным и весьма важным, особенно в условиях войны, структурным подразделением местной системы Наркомата связи являлся линейно-технический отдел. Работники отдела делились на две группы: эксплуатационный и технический персонал, который осуществлял техническое обслуживание всех отраслей связи. Эксплуатационный персонал контролировал состояние технических средств, ремонтировал и ликвидировал повреждения на сооружениях, а также занимался вопросами совершенствования средств связи. Технический персонал – инженеры, техники и надсмотрщики – трудились в телеграфно-телефонных ведомствах. Здесь инженеры и техники обеспечивали безаварийную и надежную работу связи и оборудования, надсмотрщики (станционные, участковые, кабельные, канализационные) проводили замену цепей проводов, осуществляли ремонт оборудования, а также устраняли станционные повреждения и т.п. Техники работали и в почтовых учреждениях, где выполняли аналогичные функции, что и их коллеги из телефонно-телеграфных ведомств⁸.

Обзор местной системы управления Наркомата связи был бы далеко не полным, если не рассмотреть отдел военизированной охраны и вахтерско-пожарной охраны. Основной задачей пожарного подразделения являлись разработка и принятие мер противопожарной безопасности в учреждениях связи, а в случае их возникновения – тушение пожара. В июле 1942 г. их обязали оказывать содействие дегазационным

¹ ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 23. Д. 2377. Л. 65–66, 72, 73об.

² ГА ПО. Ф.Р-2847. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

³ ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 43А. Д. 405. Л. 50.

⁴ ЦГА СО. Ф.Р-2329. Оп. 5. Д. 3. Л. 13.

⁵ РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 4. Д. 1488. Л. 15.

⁶ ЦГА СО. Ф.Р-3261. Оп. 1. Д. 9. Л. 9об., 11об.

⁷ ГА РФ. Ф.Р-5446. Оп. 16. Д. 3848. Л. 2.

⁸ ГА УО. Ф.Р-2790. Оп. 3. Д. 3. Л. 24–46.

подразделениям в дегазации предприятий связи¹. По нормативно-правовым документам того времени, на отдел возлагалась обязанность охраны объектов предприятий связи², а с июля 1943 г. – сопровождение почт на важнейших подъездных путях и межрайонных трактах³. Руководство отделом военизированной охраны осуществляли командиры отрядов, взводов и отделений, а также начальники штабов, которые находились в непосредственном подчинении руководителей местных управлений связи⁴. Контингент отдела комплектовался путем подбора физически сильных мужчин, имеющих положительную политико-производственную характеристику. Вновь принимаемых лиц в службу военизированной охраны зачисляли стажерами. По окончании месячной стажировки перевод из кандидатов на должность, например, стрелка-сопровождающего военизированной охраны осуществлялся путем составления руководителем отдела заключения с рекомендацией об утверждении в должности⁵. Штат сотрудников отдела был вооружен, как правило, пистолетами и револьверами не армейского образца и лишь в некоторых случаях – винтовками или гладкоствольным оружием⁶.

В структуре местных Наркоматов связи действовали отделы подсобного хозяйства, которые занимались производством собственной сельскохозяйственной продукции. Кроме руководящего состава, в его штате состояли агрономы и зоотехники. Для производства сельскохозяйственной продукции они использовали трудовые ресурсы, земли, здания, технологическое оборудование и другие средства областных управлений Наркомата связи. Согласно действовавшему в то время законодательству, часть получаемой продукции передавалась государству в качестве обязательных поставок, а оставшаяся распределялась между связистами и пунктами питания Наркомата связи. Начиная с 1944 г., порядок распределения полученной продукции изменился: после выполнения обязательств перед государством оставшаяся продукция в полном объеме стала поступать в столовые, буфеты, детские сады и ясли предприятий связи⁷. Интересно, что в системе управления Наркомата связи действовал отдел распределения и экспедирувания печати⁸. Руководство отделом осуществлялось на разных уровнях: розничные подписные конторы газетных и журнальных экспедиций, отделы центральной подписки, распределения и экспедирувания печати и розничные агентства. Общее руководство процессом принадлежало директору центральной подписной и розничной конторы. В штате отдела состояли организаторы подписки, контролеры-обработчики подписки, сортировщики, раздатчики печати, экспедиторы и подсобные работники. Они организовывали прием подписки и разрабатывали новые техники оформления подписки и розничного распространения периодической печати. В условиях войны доставку корреспонденции осуществляли не только в тылу, но и на фронт.

При отделе также трудились киоскеры (распределялись по трем разрядам), осуществлявшие торговлю периодической печатью, художественными изданиями и

¹ ЦГА СО. Ф.Р–2039. Оп. 3. Д. 2. Л. 9.

² На протяжении рассматриваемого периода сопровождали почту работники, не состоявшие на службе в военизированной охране – сопровождающие почт в почтовых вагонах, сопровождающие почт на трактах и в городских отделениях связи. Хотя они и были вооружены, но имели иные должностные обязанности.

³ РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 7. Д. 307. Л. 17.

⁴ ЦГА СО. Ф.Р–2039. Оп. 3. Д. 3. Л. 36.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 2.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 91.

⁷ Там же. Ф.Р–2329. Оп. 6. Д. 1. Л. 6, 74.

⁸ ГА УО. Ф.Р–2790. Оп. 3. Д. 3. Л. 24–46.

канцтоварами, а также журналами и неперIODической литературой. По нормативно-правовым документам того времени, киоскерами 3-го разряда назначали вновь принимаемых лиц с образованием не ниже 4-х классов средней школы. Они организовывали выставку печати киоска, составляли заказы на печать и отчеты о продажах. Киоскеры 2-го разряда работали в городах и осуществляли торговлю всеми видами литературы и периодической печати. Более широкий ассортимент товаров был у киоскеров 1-го разряда. Они торговали не только периодической и художественной литературой, но и репродукциями картин, канцелярскими товарами. Отметим, что с февраля 1945 г. на всех киоскеров были возложены дополнительные обязанности по размену монет и наблюдению за сохранностью таксофонов¹.

Подводя краткие итоги, можно сделать следующий вывод: структура Наркомата связи страны в изучаемый период состояла из центральных и местных органов, а с февраля 1942 г. в ее составе было сформировано военно-восстановительное управление. В структуре местных органов управления действовали общесистемные (занимались решением общепромышленных задач) и специальные (регулировали эксплуатационную деятельность) подразделения. За работой всех отделов и подведомственных организаций следил начальник управления Наркомата связи, который также занимался вопросами развития связи в регионе. Такая структура управления позволяла наиболее полно определить роль каждого производственно-отраслевого структурного подразделения, которое обеспечивало организацию, развитие и эксплуатацию данной отрасли, а также проведение определенной технической политики.

¹ Там же. Д. 4. Л. 57–57об.

«ТАЕЖНЫЙ ШАМАН»: ГЕРОЙ ИЗ ГЛУБИНКИ

Участие в Великой Отечественной войне коренных и малочисленных народов Севера – это одна из множества страниц героической летописи той войны¹. Только в сентябре–октябре 1942 г. отделение снайперов из представителей северных народов (С. Номоконов, М. Пассар, З. Киле, К. Батум и А. Самар), уничтожило 1106 гитлеровцев. За свои боевые заслуги орденами и медалями были награждены более 2 тыс. представителей коренных народов. Эвенки И.П. Увачан и С.Д. Номоконов, а также нанайец А.П. Пассар были удостоены звания Героя Советского Союза².

Снайпер Семен Данилович Номоконов или, как его еще называли, «таежный шаман» был потомственным и весьма умелым охотником. Он славился навыками выслеживания в тайге добычи – диких кабанов, оленей, медведей³.

Маскировка, т.е. мастерство скрытного передвижения, всегда была на первом месте; этим мастерством будущий снайпер владел в полной мере. Осваивать охотничье ремесло Номоконов начал с детства. Поэтому, став снайпером, он маскировался так, что становился невидимым и для врагов, и для своих. На Карельском перешейке Семен Данилович превращался в поросший мхом валун, на Правобережной Украине – в сноп пшеницы, в лесах Валдая – в кряжистый пенёк, в Восточной Пруссии – в трубу сгоревшего дома⁴. Кое-кто считал, что охотник znalся с нечистой силой и именно поэтому ходил на задание с веревочками, шнурками, рогульками и осколками зеркал. На ногах у него были бродни – обувь, сплетенная из конского волоса. Шаг становился бесшумным, зеркальцами Номоконов провоцировал противника на выстрел, а веревочками, как в кукольном театре, двигал запасные каски, надетые на палки⁵. Семен Данилович пошел на войну в 41 год. Он был сознательным бойцом. Своим землякам он говорил: «Если не остановить фашистов – большое горе придет в тайгу»⁶. Сначала его определили на полевую кухню – подальше от начальства, но там он пробыл недолго – при очередной бомбежке был ранен и отправлен в госпиталь. Затем его определили в санитары, где он впервые показал свои способности, и только после этого – в снайперский отряд. По одной из версий, во время эвакуации раненых солдат Семен Номоконов, заметив целившегося в него немца, молниеносно схватил лежащую поблизости винтовку и сразил врага одним выстрелом.

В снайперском отряде Семен Данилович легко освоил и пристрелял любимую трехлинейку, которую проверил на немце. Когда тот пытался прошмыгнуть вдоль берега озера, Номоконов уложил его наповал. Это было на Валдае 12 марта 1942 г.⁷

¹ Зотова О.И. II Межрегиональный проект «Великая Победа» во Владивостоке // Изобразительное искусство Урала, Сибири и Дальнего Востока. 2020. С. 131.

² Тураев В.А. Великая Отечественная война и народы Дальнего Востока: демографические и этнокультурные последствия // Россия и АТР. Владивосток, 2015. № 2. С. 30.

³ Воробьев Е. Трубка снайпера // Красноармейская правда. 14 мая 1945 г. № 112. С. 2.

⁴ Там же.

⁵ Данилов А. Семен Номоконов – почетный солдат // Победа. М., 1975. С. 9.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Воробьев Е. Трубка снайпера... С. 2.

Слава незаурядного снайпера-«шамана» гремела с конца 1942 г. В газете «За Родину» говорилось, что «бывший забайкальский охотник, а ныне снайпер Семен Номоконов имеет на своем счету 76 уничтоженных гитлеровцев, в том числе одного генерала». Через несколько месяцев газета написала уже о 106 убитых врагах; 27 марта 1943 г., согласно сводке Совинформбюро, «снайпер Номоконов истребил 263 фашиста, а его ученик товарищ Миронов – 126 гитлеровцев»¹.

Имя «таежного шамана» не раз упоминали «Известия». Так, 19 декабря 1942 г. газета писала: «Кто не слышал на нашем участке имени Семена Номоконова? Каждый день, не зная устали, ходит он по только ему известным тропкам, терпеливо выслеживая немцев. Горе тому, кто попадался на мушку его трехлинейной винтовки! 220 гитлеровцев уничтожил этот замечательный снайпер. Родина высоко оценила заслуги Номоконова, наградив его орденом Ленина. В последнее время Номоконову поручили обучение группы молодых воинов искусству меткой стрельбы. Заботливо и старательно передавал он молодежи свой боевой опыт. Отличные результаты дала учеба. Ученики Номоконова – красноармейцы Кузнецов, Удилов, Абрамов и другие – еще в ходе занятий открыли свои боевые счета. Каждый из них уничтожил по несколько десятков фашистов. Но обучая воинов, Номоконов всей своей душой снова рвался на передовую. И он добился своего: в ноябре знатный снайпер опять появился на огневом рубеже. Вместе с ним его ученик младший сержант Миронов. И снова, как прежде, гремят меткие выстрелы, сеющие смерть в стане врага. 34 гитлеровца убил за короткий срок Семен Номоконов. Теперь на его боевом счету 254 истребленных немца. 105 фашистов уничтожил Миронов»². Вскоре приведенные цифры вновь заметно возрастут.

Семен Данилович не только сам мастерски истреблял врагов, но и делился своим опытом – обучал молодых бойцов снайперскому искусству. «Всегда может появиться цель, - говорил он. – В любой момент сумей застыть, укрыться. В комок соберись, низко голову держи, ворочая одними глазами»³; «Один патрон – для одного немца, три патрона – на трех немцев, - деловито, без тени бахвальства поучал Номоконов своих учеников»⁴.

В снайперское дело «таежный шаман» привнес еще один обычай: «Есть у забайкальских охотников обычай: каждого убитого зверя обозначать отметкой на ружье»⁵. На войне было запрещено ставить отметины на казенном оружии, поэтому Номоконов в качестве «журнала боевых действий» использовал свою курительную трубку. Он объяснял это так: «За такую "статистику" на прикладе винтовки можно получить и нагоняй от командования. А трубка – предмет личного пользования, так что точки и крестики на ней устав не нарушают»⁶.

Трубка «таежного шамана», как и ее хозяин, пережила многие события. Так, однажды на одном из участков фронта появился опасный немецкий снайпер. Его ликвидация была поручена Номоконову. Тот начал выслеживать противника. «Шаман» за-

¹ Пресса войны 1941–1945 гг. Совинформбюро от 27 марта 1943 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://pressa-voyny.ru/m/sib/x/1943/3/27/> (дата обращения: 15.10.2020).

² Семен Номоконов на огневом рубеже // Известия. 1942. 19 декабря. № 297(7983).

³ Данилов А. Семен Номоконов – почетный солдат... С. 7.

⁴ Воробьев Е. Трубка снайпера... С. 2.

⁵ Данилов А. Семен Номоконов – почетный солдат... С. 7.

⁶ Сидорчик А. Добыча снайпера Номоконова. Как таежный охотник стал кошмаром фашистов // Аргументы и факты. 3.05.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/society/history/dobycha_snaiper_a_nomokonova_kak_taezhnyy_ohotnik_stal_koshmarom_fashistov (дата обращения: 3.01.2021).

маскировался «так, будто надел на себя не каску с зеленой вуалью, а шапку-невидимку». Иногда во время слежки он делал перекур, попыхивая трубкой, но порой, чтобы не выдать себя, ограничивался тем, что «посасывал мундштук». Семен Данилович предполагал, что немец засел на чердаке дома на краю деревни. Укрывшись за камнями и оставив заряженную винтовку на бруствере пустующего окопа, он протянул от спускового крючка винтовки к себе веревку, за которую и дернул в нужный момент. Немец выстрелил в ответ и попал в бруствер. По направлению полета пули и облачку пыли Номоконов убедился, что вражеский снайпер «сидит именно на том чердаке», и не сводил с него глаз. На закате, когда солнце осветило крышу, Семен Данилович заметил отсутствие одной доски на дощатой обшивке. Он вновь дернул за веревку – грянул выстрел, «а когда в щели на крыше что-то блеснуло, выстрелил сам по черному пятну, подсвеченному сзади». Сидевший на стропилах вражеский снайпер замертво рухнул вниз. Советский генерал, видевший конец этой дуэли, позвал Номоконова к себе и подарил ему трубку из слоновой кости с золотыми колечками возле мундштука, сказав при этом: «Курите Семен Данилович, на здоровье. Курите, да не забывайте давать прикуривать и немцам...»¹.

Правда, эта трубка недолго прослужила своему хозяину. 2 сентября 1944 г. Номоконов в очередной раз охотился на немцев, убив трех офицеров. Тогда враг открыл минометный огонь по укрытию советского снайпера. Трубка была разбита осколком снаряда, но Семен Данилович с обломком мундштука в зубах уцелел².

Иногда «таежный шаман» проводил аналогию между немцами и волками, но при этом подчеркивал важное отличие народной войны против захватчиков от обыкновенной таежной охоты. Номоконов говорил: «Волк, попав в стадо овец, будет резать, пока его не остановить»; «Фашисты те же волки, жгут, убивают, грабят – звери в людском облике». Он объявил немецким оккупантам свою собственную беспощадную войну – «дайн-тулугуй»³.

Известность снайпера росла с каждым днем. Благодарные ученики, боевые товарищи и спасенные им люди присылали ему письма со словами благодарности. Семени Даниловичу писали знакомые и не знакомые ему люди. Девушки, освобожденные из немецкой неволи, просили его отомстить за их страдания и слезы. И Номоконов отомстил. Советский снайпер уничтожил 319 немецких военных, из них 29 – уже на территории Восточной Пруссии. Каждым своим выстрелом «таежный шаман» приближал Победу над фашизмом.

Однажды после войны Семен Данилович получил письмо из Германии: немецкая женщина спрашивала его, «молился ли» он «о своих жертвах». Не умевший писать «шаман» надиктовал свой ответ сыну: «Вполне возможно, уважаемая женщина, что на трубке, которую я курил на фронте, была отметка и о вашем сыне – не запомнил всех грабителей и убийц, которые пришли с войной и которые оказались на мушке моей винтовки. И под Ленинградом беспощадно уничтожал фашистских гадов. Если бы своими глазами увидели вы, немецкие женщины, что натворили ваши сыновья в Ленинграде, прокляли бы их»⁴.

Таким образом, навыки охотника имели для «таежного шамана» лишь тактическое значение. Как советский человек, он бесстрашно и вполне осознанно сражался с лютыми врагами своей Родины и верил, что дело это – правое.

¹ Воробьев Е. Трубка снайпера... С. 2.

² Там же.

³ Данилов А. Семен Номоконов – почетный солдат... С. 8.

⁴ Сидорчик А. Указ. соч.

СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ – ТАЙНЫЕ МОНАХИ И СВЯЩЕННИКИ КАК УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ XX в.

«Никто не может служить двум господам; ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть...» (Мф. 6:24), - говорит нам Священное Писание. Русская народная мудрость также гласит: «На двух стульях не усидишь» и т.п. В данной статье речь пойдет о советских ученых, имевших всероссийское и даже мировое признание, докторов и кандидатах наук, профессорах и лауреатах престижных государственных премий и вместе с тем монахах и священнослужителях Русской Православной Церкви; о том, как в советское время можно было совместить, казалось бы, несовместимое и воплотить в жизнь практически невозможное. После Октябрьского переворота началась мощная атеистическая пропаганда, направленная на борьбу «с предрассудками и пережитками прошлого в сознании людей»; доказывалась несовместимость религиозного и научного мировоззрения (серьезные отголоски такого отношения к образованию и науке видны и в нынешнее либерально-демократическое время). Первый в мире полет в космос советского космонавта Юрия Алексеевича Гагарина был поводом для торжества атеистической пропаганды, когда Хрущев порывался в скором будущем «показать последнего попа по телевизору». Впрочем, сам Юрий Алексеевич не был пропагандистом атеизма. Из воспоминаний племянницы космонавта-героя узнаем, что незадолго до космического полета он крестил свою старшую дочь Елену. Кроме того, впоследствии Гагарин весьма критически отзывался о сносе Храма Христа Спасителя – памятника русской воинской славы, воздвигнутого в честь победы в Отечественной войне 1812г. Создатель советской космической отрасли Сергей Павлович Королев также никогда не был замечен в рядах воинствующих безбожников и, по свидетельствам некоторых знавших его лиц, был верующим человеком. Период же широкомасштабных гонений на Церковь в 1920–1930-е гг., ознаменованный мученическим и исповедническим подвигом людей, стоявших за свою веру, наполнил нашу историческую летопись славными именами ученых, не отрехшихся от Христа.

Прежде всего, речь пойдет о шести видных советских ученых и одновременно – монахах и священнослужителях. Один из них в настоящее время многим хорошо знаком и почитаем как святой Русской православной церкви. Это – хирург, ученый, духовный писатель, автор трудов по анестезиологии и гнойной хирургии, доктор медицинских наук, доктор богословия, профессор, лауреат Сталинской премии первой степени, *святитель Лука Крымский* (в миру *Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий*). В 1921 г. он был рукоположен во диакона, затем во иерея и назначен младшим священником Ташкентского кафедрального собора, оставаясь при этом профессором университета. В священном сане он не переставал оперировать и читать лекции, а в октябре 1922 г. активно участвовал в первом научном съезде врачей Туркестана. В мае 1923 г. Валентин Феликсович принял монашество с именем в честь святого апостола и евангелиста Луки, и в том же году был тайно хиротонисан во епископа Ташкентского и Туркестанского. Вскоре после этого он был арестован как сторонник патриарха Тихона, но даже в ссылках, в Красноярске, святитель Лука служил в местном храме и работал врачом в городской больнице. На хирургическом столе он спас жиз-

ни многих раненых советских воинов в годы Великой Отечественной войны. Сразу после начала войны политзаключенный епископ Лука послал телеграмму на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта, тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь»¹.

Для *схимонахини Игнатии* (в миру *Валентины Ильиничны Пузик*), доктора биологических наук, профессора с мировым именем наука на протяжении всей ее жизни стала монашеским послушанием. В 1928 г. Валентина Пузик приняла тайный постриг в рясофор с именем Варсонофия в честь святителя Варсонофия Казанского. Постриг совершил ее духовный отец схиархимандрит и святой преподобномученик Игнатий (Лебедев) на квартире старшей по постригу духовной сестры. В начале 1939 г., уже после гибели духовного отца, она приняла постриг в мантию от руки одного из наставников Зосимовой пустыни – архимандрита Зосимы (Нилова). Имя в мантии ей было дано в память о ее старце – в честь священномученика Игнатия Богоносца. По благословению духовного отца мать Игнатия продолжала работать по специальности. Научно-исследовательская деятельность, понимаемая как послушание, подобное монашескому, на многие годы стала неотъемлемой частью ее монашеского делания. В 1940 г. она защитила докторскую диссертацию, в 1947 г. была удостоена звания профессора. В течение 29 лет, с 1945 по 1974 г. она руководила патоморфологической лабораторией ЦНИИТ², в которой вместе с ней работали и некоторые ее духовные сестры. Ею были написаны более 200 научных работ в разных областях медицины, в т.ч. семь монографий. Многие из них признаны крупными теоретическими трудами.

Среди имен советских ученых-монахов необходимо назвать также имя философа, антиковеда, переводчика, писателя и видного деятеля советской культуры, профессора, доктора филологических наук *Алексея Федоровича Лосева* (в монашестве – Андроника). Его имя несколько выпадает из общего контекста по ряду обстоятельств и, прежде всего, потому что в отличие от точных и естественных наук философию еще со средневековых времен теологи почитали как первую из светских наук, ближайшую к богословию. Поэтому мало удивительного (кроме времени, в которое жил ученый) в том, что религиозный философ впоследствии стал монахом. В 1930 г., будучи уже тайным монахом, он написал книгу «Диалектика мифа», в которой отвергал официозную философскую доктрину – диалектический материализм. После этого он с женой был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. Заключение отбыл на строительстве Беломорско-Балтийского канала, но благодаря ходатайству первой жены Горького Екатерины Пешковой в 1933 г. А.Ф. Лосев и его жена, приговоренная к 5 годам, были освобождены. Остаться абсолютно свободным в выражении своих философских взглядов Лосеву не удалось. После возвращения из ссылки он обратился к материалистической диалектике, вводя в свои исследования цитаты Маркса и Ленина (тогда это была практически обязательная норма для научных исследований). После смерти жены (1954) философ вступил во второй брак со своей сподвижницей Азой Алибековной Тахо-Годи³.

¹ ГА РФ. Ф.Р–6991. Оп. 7. Д. 72.

² ЦНИИТ – Центральный научно-исследовательский институт туберкулеза.

³ Тахо-Годи А.А. Жизнь и судьба: Воспоминания. М., 2009.

Период «массовых репрессий» 1920–1930-х гг. – это время особого исповеднического и мученического подвига верующих людей самого разного социального и образовательного статуса, безоглядной жертвенности и самоотверженности, преданности и мужества. Товарищ будущего митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Вендланда) по Горному институту, академик Владимир Степанович Соболев впоследствии говорил про него: «Ушел в попы, пропал для науки, академиком мог бы стать». Есть также устное предание о том, что выдающаяся советская пианистка Мария Вениаминовна Юдина, относившаяся к числу «любимых пианистов Иосифа Сталина», приняла в одно из самых тяжелых для Церкви времен тайный монашеский постриг от священномученика Льва (Егорова) – родного брата митрополита Симферопольского и Крымского Гурия (Егорова), духовного отца советского ученого-геолога, кандидата геолого-минералогических наук, автора и соавтора ряда коллективных монографий, тайного монаха, будущего митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (в миру Константина Николаевича Вендланда)¹.

На выбор будущего гражданского призвания Константина Николаевича во многом оказали влияние увлеченность и авторитет его двоюродной сестры по материнской линии Екатерины Владимировны Лермонтовой – советского палеонтолога, одной из первых российских женщин-геологов (из династии Лермонтовых). В 1930 г. К.Н. Вендланд окончил геологический факультет Ленинградского горного института, где он учился у известных ученых-геологов профессоров В.Н. Лодочкикова и В.А. Николаева, от второго впоследствии он получил судьбоносное предложение переехать в Ташкент и работать на кафедре петрографии в Среднеазиатском индустриальном институте (САИИ). Интересное совпадение, что срок работы В.А. Николаева в Ташкенте практически совпал с гражданским служением его ученика – с 1933 по 1945 г. В 1947 г. Виктор Арсеньевич вновь стал преподавать в Ленинградском горном институте, а Константин Вендланд (с 1934 г. тайный монах) вышел на открытое служение в 1945 г. и начал служить в храме как сверхштатный священник Успенского кафедрального собора в Ташкенте. В 1946 г. вместе со своим духовным отцом и первым наместником заново открывал для верующих Свято-Троицкую Сергиеву лавру². В 1933 г. вместе с Константином Николаевичем Вендландом в Ташкент переехали его мама и сестры, а главное – его духовный отец архимандрит Гурий (Егоров). Это было продолжение периода т.н. «катакомбной церкви» – деятельности православной общины в Ленинграде (в киновии Александро-Невской лавры), только в уменьшенном масштабе; время, которое будущий митрополит Иоанн вспоминал с особой любовью и ностальгией, когда он имел возможность в течение более десяти лет (считая его наиболее идеальной моделью своей жизни и служения) совмещать гражданскую службу – научную деятельность с тайным монашеским подвигом. Константин Николаевич на заработанные деньги содержал всю тайную общину, духовно окормляемую и возглавляемую архимандритом Гурием. Он работал сразу в нескольких учреждениях, включая Узбекское геологическое управление, по заданию которого занимался геологической съемкой Алмалыкского рудного региона, а также поисковыми работами. Наконец, в 1937 г. он участвовал в работе XVII Международного геологического конгресса в Москве. Выдающийся церковный дипломат, митрополит Иоанн служил

¹ Митрополит Ярославский и Ростовский Иоанн (Вендланд): ученый, богослов, церковный дипломат // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI вв.: материалы XIX Междунар. науч. конф., 25–26 марта 2020 г. Иваново, 2020. С. 133–138.

² Новоторцева А.М. Митрополит Иоанн (Вендланд): ученый и церковный дипломат на Ближнем Востоке // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 2. С. 166–178.

сначала на Ближнем Востоке – в Сирии и Ливане, затем – в Европе и США. В 1968 г. митрополит Иоанн возглавил Ярославскую епархию¹.

В Ярославль к владыке Иоанну нередко приезжали его бывшие ученики и многие выдающиеся люди и ученые, среди которых был советский и российский геолог, религиозный деятель и церковный писатель, священник Русской православной церкви, протонерей, доктор геолого-минералогических наук, профессор *Глеб Александрович Каледя*. Ярославль в семье отца Глеба называли в шутку «Римом», так как «все дороги ведут в Рим». Митрополит Иоанн (Вендланд) много сделал для молодого геолога. По его благословию в 1951 г., окончив Московский геологоразведочный институт с отличием и поступив в аспирантуру, он женился на Лидии Владимировне Амбарцумовой – дочери своего первого духовника, священномученика Владимира Амбарцумова, расстрелянного на Бутовском полигоне. Успешно занимаясь научными исследованиями, в 1954 г. Глеб Александрович защитил кандидатскую, а в 1981 г. докторскую диссертацию, став крупным и публикуемым специалистом в области литологии. При этом свой долг он видел в защите православного вероучения от псевдонаучной критики; писал апологетические работы, настаивая на том, что «поверхностное научное знание (полузнание) отдаляет людей от Бога, тогда как полное знание приближает к Творцу». В 1972 г. митрополит Ярославский и Ростовский Иоанн (Вендланд) рукополагал его во диакона, а затем во пресвитера. Это было сделано тайно, так как высокая образованность отца Глеба делала его легальное рукоположение невозможным в условиях тех лет. Оставаясь руководителем отдела в научном институте, он стал регулярно совершать Евхаристию в своей домово́й церкви. В 1990 г. по благословию патриарха Московского и всея Руси Алексия II отец Глеб вышел на открытое служение. При его участии в Москве были созданы Катехизаторские курсы, впоследствии преобразованные в Православный Свято-Тихоновский богословский институт (ныне Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет)².

Еще одним замечательным человеком и ученым была математик и астрофизик *Нина Михайловна Штауде* – духовная дочь архимандрита Исаакия (Виноградова), сподвижника священноисповедника митрополита Николая (Могилевского). В 1953 г. она приняла монашеский постриг, и благодаря ей до нас дошли не только проповеди, но и молитвы, тропари, каноны, составленные архимандритом Исаакием, которые она стенографировала в Алма-Ате. «С преподобным преподобен будещи...» (Пс.17:26-27). О высочайшем авторитете отца Исаакия свидетельствует следующий случай: когда на конгрессе в Праге 7 сентября 1934 г. И.А. Бунин перед выступлением спросил аудиторию: «Какие же мне рассказы читать – веселенькие, похабные?» - писателю ответили: «Похабные-то, пожалуй, читать не придется, потому что в зале присутствуют епископ Сергей (Королев) и архимандрит Исаакий»³. В 1931 г. Нина Михайловна, работавшая под руководством известных ученых Г.А. Тихова, В.Г. Фесенкова и В.П. Ветчинкина, была в первый раз арестована по делу Российского общества мироведе-

¹ Там же. С. 166–178; Вендланд К.Н. Геология и петрология Алмалыкского рудного района. Ташкент, 1938; его же. Микроскопическое исследование пегматитов Мамского слюдоносного района. М., 1932; его же. Хлоритовые алибититы среди гранитов Кара-тубе // Материалы по геологии Средней Азии. Ташкент, 1936. Вып. 5; его же. Шонкинитовый массив Ири-су // Материалы по геологии Средней Азии. Ташкент, 1936. Вып. 7.

² Меженная Э.Л. Митрополит Иоанн: «Будем делать дела любви!»: Дневники. Письма. Воспоминания. Ярославль, 2013.

³ Окунева А.В. Архимандрит Исаакий (Виноградов. 1895–1981). Штрихи к портрету // Московский журнал. История государства Российского. 2016. № 5(305). Май. С. 65.

ния и после трех месяцев тюрьмы сослана в Рыбинск, где имела возможность общения с рыбинской старицей Ксенией Красавиной. Старица Ксения отличала Нину Михайловну среди других приходивших к ней людей, относилась к ней с большой любовью и, конечно, ничего не знала о ее теоретических разработках, видя в ней лишь чистую и светлую душу. В 1944 г., после неоднократных ссылок и гонений, по приглашению академиков Василия Григорьевича Фесенкова и Гавриила Андриановича Тихова, в то время живших в Алма-Ате, она приехала в этот город и включилась в деятельность по своей специальности в АН КазССР. В Алма-Ате к Нине Михайловне возвратился авторитет востребованного ученого: 23 марта 1945 г. у нее прошла успешная защита давно написанной кандидатской диссертации по теме «Фотометрические наблюдения сумерек, как метод изучения верхней стратосферы». Докторская диссертация также была практически готова, но по идеологическим соображениям ее защита была отложена, в то время как монография Н.М. Штауде по фотометрическому изучению сумерек у сотрудников Геофизического института являлась в то время практически настольной книгой¹.

Таким образом, в условиях существования «катакомбных церквей» и тайных монашеских общин, во времена гонений на Церковь в XX в. имело место уникальное и феноменальное явление – это осуществление советскими учеными, тайными монахами и священниками одновременно и духовного и гражданского служения во Славу Божию и Родины. Плоды их духовных и научных трудов весомы, во многом бесценны и весьма ощутимы в настоящее время. Пятое издание фундаментального труда «Очерки гнойной хирургии» В.В. Войно-Ясенецкого (Святителя Луки Крымского), впервые увидевшего свет в 1934 г. и бывшего настольной книгой для многих поколений хирургов, и в настоящее время претендует на роль учебника для начинающих врачей, справочного пособия для профессионалов, источника идей и материалов для дискуссий среди специалистов самого высокого класса. К монографии могут обращаться и врачи других специальностей, как к энциклопедии гнойных заболеваний практически всех локализаций. Академическая по содержанию и уникальная по форме изложения книга содержит аргументированные рассуждения, оригинальные решения и мудрые предостережения. В советскую эпоху, когда еще не летали в космос наши спутники и не было непосредственных определений плотности и температуры воздуха на высотах порядка 80 км и выше, теорией сумерек будущей тайной монахини Нины (Нины Михайловны Штауде) интересовались в военных кругах, поскольку ее исследования представляли собой немалую ценность в оборонном отношении. Верная дочь своего духовного отца – архимандрита Исаакия (Виноградова), Нина Михайловна оставила потомкам бесценное собрание его проповедей, которые в настоящее время хранятся в епархиальном архиве Санкт-Петербургской митрополии. В то же время советский ученый-геолог Константин Николаевич Вендланд, будущий митрополит Ярославский и Ростовский, укреплял престиж Русской православной церкви и Советского государства на международной арене, будучи крупным церковным дипломатом, в 1970 г. он принял непосредственное участие в основании Американской автокефальной поместной православной церкви.

¹ Нина Михайловна Штауде – монахиня и ученый (1888–1980). Сайт Санкт-Петербургской митрополии Русской Православной Церкви. [Электронный ресурс]. URL: <http://mitropolia.spb.ru/news/av/?id=17407> (дата обращения: 18.10.2020).

«КОЖАНЫЙ МЯЧ» И РАЗВИТИЕ ДЕТСКОГО ФУТБОЛА В СССР (НА ПРИМЕРЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Спортивные мероприятия в СССР были одной из важных форм проведения полезного досуга населения. Чемпионаты проходили в атмосфере праздника, о чем свидетельствует огромное количество нарисованных афиш, листовок, плакатов, написанных газетных статей, радио- и телепередач¹. С их помощью руководство страны демонстрировало обществу успехи в спортивной сфере. Турниры нередко приурочивались к знаменательным датам – например, к юбилею В.И. Ленина² и др. Массовые физкультурные торжества позволяли советским людям независимо от пола, возраста и места работы быть активными участниками общественной жизни, ощущать себя частью единого коллектива и гордиться своей страной, имевшей высокие достижения в спорте³. Руководство страны поощряло развитие молодежного спорта. КПСС исходила из того, что воспитание нового человека необходимо начинать с детства. Поэтому молодое поколение будущих строителей коммунизма должно было расти культурно развитым, политически подкованным, физически крепким. В одном из решений XXII съезда КПСС (1961 г.) говорилось: «Прогресс общества в немалой степени зависит от воспитания нового человека, гармонически сочетающего духовное богатство и моральную чистоту с физическим развитием»⁴. Молодежный спорт стал одним из важных направлений деятельности. Для подростков выпускались книги⁵, фильмы о спорте; для тренеров – методические материалы⁶. Новые молодежные чемпионаты по отдельным видам спорта дали возможность юным спортсменам проявить себя, разнообразили их досуг и помогли отыскать будущих перспективных игроков.

На примере Новгородской области можно проследить, как проводился молодежный чемпионат, какие успехи были достигнуты, а также с какими проблемами сталкивались регионы, чтобы принять участие во Всесоюзном первенстве.

Футбол в СССР набрал огромную популярность, что выразилось в увеличении количества не только команд, но и болельщиков⁷. В наше время приходится часто слышать: «Массовый спорт – в наши дни это означает одно: 22 человека играют в футбол, а тысячи и десятки тысяч смотрят на их игру»⁸. В советском обществе дело обстояло иначе. Успехи спортсменов вдохновляли молодежь, которая желала на практике следовать примеру своих «кумиров». Особое место футбол занимал среди под-

¹ Кучеренко О. Под эмблемой «Кожаного мяча» // Футбол. Приложение к газете «Советский спорт». 1965. № 33. С. 5.

² Имя и дело вождя // Футбол-Хоккей. Приложение к газете «Советский спорт». 1970. № 2. С. 16.

³ Сухова О.А. Физическая культура и спорт в СССР: формирование советской идентичности // Становление физического развития и спортивного движения народонаселения царской России с 1909 до 1917 г. и в первые годы Советской власти. Пенза, 2020. С. 104.

⁴ Всё – человеку // Физкультура и спорт. 1961. № 10. С. 3.

⁵ Александров М. Футболист. М., 1970; Асаулов В.Ф., Испирян М.С. Кожаный мяч. М., 1974.

⁶ Андреев С.Н. Футбол в школе. М., 1986.

⁷ Толстой С.С. Власть и массовый спорт в СССР: на примере истории советского футбола в 1930–1950-е годы. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 2009. С. 20.

⁸ Пильц Г.А. Футбол – это наша жизнь: перемены и процессы дифференциации культуры футбольных фанатов // Логос. Философско-литературный журнал. 2009. № 6(73). С. 114.

ростков. В советском документальном фильме «Футбол нашего детства» журналист Анатолий Макаров вспоминал, что двор был главным футбольным местом, а посмотреть, как играют ребята, собиралась вся улица¹. Молодые люди ходили на матчи и коллекционировали открытки с любимыми игроками. В каждом городе, поселке открывались футбольные секции, строились новые стадионы и площадки, проводились региональные чемпионаты. Из отчета о работе с дошкольниками по футболу известно, что в 1960 г. при нескольких добровольных спортивных обществах Новгорода сформировали десять детских футбольных команд, для которых в 1961 г. провели три городских первенства; ребята были «очень довольны этими соревнованиями и посещали их регулярно»².

К середине 1960-х гг. в стране была создана материальная база. Ежегодно в регионах проводились молодежные спортивные мероприятия. Поэтому появилась необходимость проведения Всесоюзных детских турниров, которые по аналогии со взрослыми позволяли бы решить, чья команда сильнее, а также обратить внимание на новые таланты. Инициатором соревнований среди детских дворовых футбольных команд стал советский вратарь Лев Яшин. Его предложение организовать турнир для подростков было принято ЦК ВЛКСМ, после чего появился штаб клуба «Кожаный мяч» при газете «Пионерская правда». В мае 1964 г. «Пионерская правда» опубликовала положение об участии в турнире клуба «Кожаный мяч», призывавшее мальчишек организовывать команды, искать тренеров, строить футбольные поля и начинать тренировки³. За год в чемпионате приняло участие свыше 200 тыс. детских футбольных команд⁴ – три миллиона мальчишек. В конце августа 1965 г. определился первый победитель турнира – команда «Чайка» (г. Минск, Белорусская ССР)⁵.

В Новгородской области турнир состоялся в 1966 г. Тогда в соревновании участвовали только команды от городов региона⁶. В 1971 г. были проведены областные соревнования, в которых приняли участие представители всех районов области: всего 207 команд⁷. Соответствующее решение было связано с восстановлением региона, жестоко пострадавшего в годы Великой Отечественной войны⁸. Нехватка помещений, полей, секций незначительно повлияла на стремление детей участвовать в турнире клуба «Кожаный мяч», о чем свидетельствуют и архивные документы из фонда ВЛКСМ: «Любят мальчишки футбол (...) Только этим летом более ста команд вели борьбу за право называться сильнейшими»⁹.

¹ Футбол нашего детства. История советского футбола (1984). [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=xkUqIUCUnlg&ab_channel=Советскоетелевидение.ГОСТЕЛЕРАДИОФОНДРоссии (дата обращения: 20.10.2020).

² Справка председателя Новгородского городского Совета Союза спортивных обществ и организаций в Новгороде [Электронный ресурс] URL: <http://www.nounb.ru/newsite/index.php/chtenie/virtualnye-vystavki/futbol-eto-zhizn-k-110-letiyu-novgorodskogo-futbola/1970-e-gody> (дата обращения: 20.10.2020).

³ Турнир «Кожаный мяч» и первый матч сборной России // Музей Филицины. [Электронный ресурс]. URL: <https://felicina.ru/news/turnir-kozhanyj-mjach-i-pervyj-match-sbornoj-rossii/> (дата обращения: 20.10.2020).

⁴ Кучеренко О. Под эмблемой «Кожаного мяча» // Футбол. 1965. № 33. С. 5.

⁵ Одиннадцать самых счастливых из трех миллионов ребят // Футбол. 1965. № 35. С. 1.

⁶ Протоколы № 3–4 Пленума обкома ВЛКСМ. 1966 г. // Государственный архив новейшей истории Новгородской области (далее – ГАНИНО). Ф. 2224. Оп. 23. Д. 5. Л. 5.

⁷ Отчеты обкома ВЛКСМ о проведенных соревнованиях на призы клуба «Золотая шайба» и «Кожаный мяч». 1971 г. // Там же. Оп. 28. Д. 14. Л. 4–6.

⁸ Ковалев Б.Н. Материалы органов государственной безопасности об оккупации Новгорода в годы Великой Отечественной войны // Новгородский исторический сборник. 2014. С. 336.

⁹ ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 23. Д. 5. Л. 5.

Организацией турнира клуба «Кожаный мяч» занимались: областной комитет ВЛКСМ, Комитет по физической культуре и спорту, Управление коммунального хозяйства, областной штаб клуба «Кожаный мяч», различные предприятия области. Основными задачами соревнований были: организация спортивно-массовой и воспитательной деятельности, укрепление здоровья детей и подростков, вовлечение их в регулярные занятия спортом. Турнир проводился по возрастным категориям: детская, младшая, средняя и старшая; в каждой группе были свои победители. Этапов «Кожаного мяча» также было несколько: районный, городской, зональный, затем – областной. По итогам областного определялись лучшие команды, которые выступали на Всесоюзном зональном этапе, далее же предстояло участие во Всесоюзном этапе. Необходимо было не просто выиграть на зональном этапе, а пройти по трем критериям: массовость (количество команд и участников), общественно-полезный труд, четкость организации и проведения турнира. По всем трем критериям ребята отправляли отчет в редакцию газеты «Пионерская правда», которая определяла победителей и награждала их ценными призами. Команду собирали из дворовых ребят, но для воспитания в них любви к труду, обеспечения контроля их деятельности, помощи в финансировании участия команды в турнирах юных спортсменов закрепляли за местной школой, жилищно-эксплуатационным управлением, домоуправлением или предприятием. Местные власти предоставляли ребятам бесплатные поля, оказывали поддержку в ремонте и строительстве спортплощадок. Молодежь проводила воскресники – уборку выделенной для занятий территории, а также строила новые футбольные площадки и приводила в порядок стадионы¹.

Соревнования активно освещались в очерках газеты «Новгородский комсомолец». Важно сказать, что партийное руководство было заинтересовано в популяризации футбола как одного из способов решить проблему с «уличными хулиганами» и бездельниками на местах: «Сколько тысяч ребят он (турнир. – Д.Б.) оторвал от "улицы", привил любовь к физкультуре и спорту»².

Благодаря «Кожаному мячу», молодые спортсмены ощутили свою причастность к большому футболу. Журналист «Новгородского комсомольца» А. Гальперин писал, что у ребят не получается «исполнять финты и комбинации», но это только начало их пути в спорте³. Ребята готовились к турнирам и оттачивали свое мастерство, чтобы стать похожими на своих любимых игроков. Новгородцы добились успехов, играя за футбольные клубы других регионов: В. Чугунов – в «Балтике» (Калининград), В. Брейтвейт – в «Динамо» (Вологда), и др.⁴

Одной из серьезных проблем турнира было отсутствие финансирования некоторых команд. Особенно это касалось мест, где промышленность не была сильно развита. Поэтому детям из таких районов области не удавалось выехать на следующий этап соревнований, приходилось отказываться от участия⁵. У юных футболистов не было парадной формы, когда они представляли область на зональном этапе РСФСР, что негативно отражалось на имидже родного края. Некоторые предприятия и домо-

¹ Отчеты обкома ВЛКСМ о проведенных соревнованиях на призы клуба «Золотая шайба» и «Кожаный мяч». 1972 г. // Там же. Оп. 29. Д. 14. Л. 14.

² Гальперин А. Главное – воспитание характера // Новгородский комсомолец. 1979. 7 июля. С. 4.

³ Гальперин А. Мальчишки играют в футбол // Новгородский комсомолец. 1975. 12 июля. С. 4.

⁴ Гальперин А. Главное – воспитание характера. С. 4.

⁵ Отчеты, информации из горкомов, райкомов ВЛКСМ о проведении спортивных соревнований на призы клуба «Золотая шайба», «Кожаный мяч», «Нептун». 1978 г. // ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 34. Д. 49. Л. 34.

управления самоустранились от участия в организации турнира. Поэтому всем пришлось заниматься райкомам ВЛКСМ и РОНО, что ухудшало качество соревнований, так как не были задействованы ресурсы, которыми располагал местный завод: личный стадион, тренеры, автобусы для перевозки участников команд¹.

Пик популярности «Кожаного мяча» в Новгородской области пришелся на вторую половину 1970-х гг. Однако в последующие годы интерес к соревнованиям начал уменьшаться – в центре внимания всей страны оказался хоккей, «золотым временем» которого явились 1970–1980-е гг. Подтверждение этому находим в архивных документах². Если в 1960-х – начале 1970-х гг. в отчетах горкомов и райкомов ВЛКСМ в Новгородской области подробно освещались мероприятия, состав участников, состояние стадионов и инвентаря и т.п., то с 1983 г. публиковались лишь таблицы³ с сухой информацией о количестве участвовавших в соревновании команд.

Сегодня турнир клуба «Кожаный мяч» по-прежнему существует. Он также остается популярным массовым мероприятием, в котором, по словам замминистра спорта России, участвует свыше 700 тыс. чел.⁴ В своем интервью исследователь М.Ю. Прозуменщиков отметил: «Конечно, здесь присутствовал и идеологический элемент воспитания молодежи, но я бы сказал, что в данном случае он применялся очень удачно: множество мальчишек и девчонок занимались спортом. Так что "низ" пирамиды спорта был очень мощный»⁵. Представляется необходимым учесть опыт и успехи чемпионата в советские годы, когда к спортивной подготовке молодежи привлекались тренеры-общественники. Это даст возможность создать команды не только при профессиональных спортивных учреждениях, но и при школах, детских клубах и прочих заведениях, за которыми можно закрепить дворовую команду. Создание таких команд откроет дорогу на соревнования не только «профессиональным» спортсменам, но и спортсменам-любителям, а также обеспечит новые возможности развития детского спорта в нашей стране.

¹ Отчеты ГК, РК ВЛКСМ о проведении соревнований на приз клуба «Кожаный мяч». 1968 г. // Там же. Оп. 25. Д. 27. Л. 1–11.

² ГАНИНО. Ф. 2224. Оп. 28. Д. 14. Л. 4–6.

³ Информация горкомов, райкомов ВЛКСМ об итогах соревнований юных футболистов на приз клуба ЦК ВЛКСМ «Кожаный мяч». 1983 г. // Там же. Оп. 44. Д. 47.

⁴ Кузница звезд. «Кожаный мяч» – турнир, где раскрылись многие футболисты // Аргументы и Факты. [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/sport/football/kuznica_zvezd_kozhanyy_myach_turnir_gde_raskrylis_mnogie_futbolisty (дата обращения: 18.10.2020)

⁵ Прозуменщиков М., Кильдешов О., Пугачева М. Советский футбол по документам ЦК КПСС. Интервью с М.Ю. Прозуменщиковым // Социологическое обозрение. 2018. № 2. С. 175.

НОВОЧЕРКАССКАЯ ТРАГЕДИЯ 1962 г.: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Для начала хотелось бы напомнить о событиях в голоде Вичуга (Иваново-Вознесенская промышленная область), произошедших в 1932 г.

1 апреля 1932 г. в городе были снижены карточные нормы выдачи хлеба (на треть для рабочих и наполовину для иждивенцев). Нормы и так-то были недостаточными, а теперь они составили 8 кг хлеба в месяц для рабочих и 4 – для иждивенцев. Рабочие возмутились. На текстильных фабриках им. Шагина и им. Ногина началась забастовка. Забастовщики применяли классические приемы «снятия с работы» – врывались в цеха, останавливали оборудование, избивали тех, кто пытался им помешать. Вскоре стачкой оказались охвачены все текстильные предприятия города. Общее число бастующих достигло 15–20 тыс. чел. Поздно вечером 9 апреля был арестован один из руководителей стачки. 10-го толпа численностью до 5 тыс. чел. двинулась к центру города. Там она разгромила здание управления милиции, захватила здания отделения ГПУ и райкома ВКП(б). 15 милиционеров были тяжело ранены, еще несколько десятков сотрудников силовых структур и руководителей района получили легкие ранения. В ходе боя за здание ОГПУ милиционеры применили оружие, в результате один демонстрант погиб и несколько были ранены. В город прибыло подкрепление из числа милиционеров, партийных работников и сотрудников ОГПУ. Воинские части не привлекались. Наконец, 12 апреля в город приехал член Политбюро ЦК ВКП(б) Лазарь Каганович. Он встретился с рабочими (в самый «пиковый» момент численность толпы составила несколько тысяч человек), обещал рассмотреть проблемы забастовщиков и призвал их вернуться на работу. Всю ночь и весь следующий день на фабриках проходили собрания, Каганович встречался с рабочими. Вечером 13-го были восстановлены нормы снабжения, было разрешено создать подсобные хозяйства на фабриках и открыть колхозный рынок. Этим и закончилась стачка¹.

Теперь, собственно, о событиях в Новочеркасске (Ростовская область) в 1962 г.

Сельскохозяйственная (да и не только) политика пришедшего к власти в 1953 г. Никиты Хрущева (уничтожение кооперативов и подсобных хозяйств, насаждение повсеместно кукурузы, целинная авантюра) привела к тому, что в начале 1960-х гг. в стране возникли трудности с продовольствием. В мае 1962 г. в советских СМИ было объявлено о повышении на 30–35% цен на мясо и масло. Понравилось ли это людям, и без того недовольных хрущевской политикой, – вопрос риторический. Да еще и в газетах было написано, что сделано это «по просьбе трудящихся».

Хроника событий. День первый

Новочеркасский электровозостроительный завод (НЭВЗ) был предприятием отсталым. Тяжелый физический труд, плохие бытовые условия, отсутствие жилья и, как следствие, высокая текучесть кадров; много людей, которых больше никуда не брали, в т.ч. «отсидевших». Завод был местом беспокойным – еще весной 1962 г. рабочие провели трехдневную забастовку (волянку), требуя улучшить условия труда. Примерно в то же время в обмоточно-изоляционном цехе из-за несоблюдения техники

¹ Jeffrey J. Rossman. Worker Resistance Under Stalin: Class and Revolution on the Shop Floor. Chapter 7: The Vichuga Uprising. Harvard University Press, 2005.

безопасности отравились 200 чел. Заводское начальство не пользовалось уважением ни у руководства, ни у коллектива. За три месяца до повышения цен администрация на 10% снизила расценки на труд рабочих и на треть подняла норму выработки. Снижение расценок, повышение цен – многие почувствовали себя в дореволюционной реальности. И это после заявлений о том, что еще нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

1 июня 1962 г. группа формовщиков сталелитейного цеха НЭВЗа начала обсуждать грядущее повышение цен. Первоначально их было человек восемь–десять. Все могло бы кончиться ничем, но в дискуссию вмешался находившийся в цехе заведующий промышленным отделом Ростовского обкома КПСС Бузаев (надо полагать, присутствие областного руководства и спровоцировало дискуссию). Он попытался «разъяснить» рабочим политику партии – как и следовало ожидать, без успеха, лишь подлил масла в огонь. К группе спорщиков подтянулись еще рабочие. Начальник цеха предложил им закончить митинг и приступить к работе – в ответ те объявили забастовку и потребовали повышения расценок. Толпа, выросшая к тому времени до 200 чел., выкатилась в заводской сквер и очень быстро дошла до тысячи. Тогда к ним вышел директор завода. Говорят (и повсеместно пишут), что в ответ на жалобы рабочих он заявил что-то вроде: «Не хватает денег на мясо и колбасу – ешьте пирожки с ливером». Странная фраза от человека, прошедшего путь от простого рабочего до директора завода, - местного уроженца, грамотного специалиста, прошедшего всю войну. Сегодня уже не проверить, говорил он нечто подобное или нет. В советской школе проходили историю французской революции, и если не все, то многие могли припомнить похожую фразу, бросившую Францию в революционный пожар: «Если у них нет хлеба, пусть едят пирожные». Ответом стали свист и оскорбления. Директор не остался в долгу, стороны начали упражняться в ненормативной лексике. И быть бы «хозяину завода» битым, если бы он вовремя не скрылся.

После этого стачка стала развиваться по хорошо известным дореволюционным рецептам. Группа рабочих ворвалась на компрессорную станцию и включила заводской гудок, после чего большинство бросило работу. Рядом с заводом проходили железнодорожные пути. Рабочие выломали штакетник из ограждения сквера, перегородили путь и остановили пассажирский поезд «Саратов – Ростов-на-Дону». Когда загудел захваченный тепловоз, к месту событий стали подтягиваться окрестные жители, большинство из которых тоже работали на заводе. На тепловозе кто-то написал лозунг «Хрущева на мясо» – так стачка приняла антихрущевскую политическую окраску. В вагонах стали бить окна; пострадал ли кто-то из пассажиров – неизвестно.

Кстати, одно немаловажное обстоятельство. Очень многие протестующие были пьяны; на водку, таким образом, у них денег хватало. Кроме того, среди них был большой процент ранее осужденных; особенно – в том самом сталелитейном цеху, с которого все и началось.

Сперва пропустить поезд и открыть движение пытались дружинники из числа ИТР завода, но им это не удалось. Главный инженер НЭВЗа пытался забраться на тепловоз, однако его стащили с лестницы и вроде бы хотели сжечь, но в итоге всего лишь избили. Авторитет заводского руководства, как видим, был не на высоте – и кто бы удивился? Лишь четыре часа спустя, около 16 часов, когда к делу подключились сотрудники КГБ во главе с начальником Ростовского областного управления, удалось отвести поезд назад. На Ростов он не прошел, как и другие поезда, - движение на железной дороге было остановлено. К 16 часам на завод приехал первый секретарь Ростовского обкома КПСС, донской казак по происхождению, Александр Басов.

А стачка ширилась – точно по рецептам 1905 г. Токарь Сотников с группой поддержки направился к газораспределительной станции, чтобы отключить подачу газа на предприятия города. Ворвавшись в операторскую, он приказал оператору прекратить газоснабжение заводов. Тот сделал вид, что выполнил это требование, но на самом деле перекрыл вентили к измерительным приборам, а подачу газа не прекращал. Несколько позже газораспределительная станция была взята под охрану подразделением 505-го полка внутренних войск.

С газораспределительной станции группа активистов направилась на электродный завод. Выломав ворота, забастовщики пытались угрозами и насилем заставить рабочих этого завода присоединиться к забастовке. Ворвавшись на насосно-аккумуляторную станцию электродного завода, они потребовали от машиниста Вьюненко отключить ее, угрожая расправой, но тот ответил, что, если они не уберутся отсюда, он взорвет станцию вместе с ними. Бунтари сочли за лучшее ретироваться.

В 16:20 толпа переместилась с железной дороги снова к зданию заводоуправления. Кое-кто из руководства пытался уговорить людей успокоиться – таких били. В 16:30 с балкона заводоуправления пытались выступить руководители области. Басова рабочие готовы были слушать, если бы он сказал что-то внятное, но тот просто принялся пересказывать Обращение ЦК. После первых же фраз раздалась крики: «Обращение мы читали, сами грамотные, а ты нам скажи, как дальше будем жить, нормы снизили, а цены повысили!». Председателю Ростовского облисполкома Заметину выступить не дали, а когда начал говорить директор завода Курочкин, в находящихся на балконе полетели камни и металлические предметы. Руководство области укрылось в здании заводоуправления, откуда Басов начал созваниваться с военными, требуя помощи. На площади перед зданием проходил митинг, выступавшие говорили с козырька пешеходного туннеля. Предлагали послать делегатов на другие предприятия Новочеркаска и в другие города, чтобы призвать всех присоединиться к забастовке. Также предлагалось захватить в городе почту и телеграф, чтобы распространить призывы к забастовке по всей стране. Был вывешен лозунг: «Мясо, масло, повышение зарплат».

К 18 часам на заводе появился сводный отряд милиции численностью 200 чел., но забастовщиков к тому времени набралось уже около 4 тыс., и милицию они рассеяли без труда. Пока солдаты и участники беспорядков разбирались друг с другом, переодетый в гражданское отряд спецназовцев вывел из здания заводоуправления заблокированных там руководителей. С фасада здания забастовщики сняли большой портрет Хрущева. Собрали по кабинетам и другие его портреты и сожгли их на костре перед заводоуправлением.

Электромонтажник НЭВЗа Жаров составил листовку «О липовых ленинцах» следующего содержания: «Сталина вы критиковали, сторонников частично в гроб загнали, остальных от руководства отстранили, но цены на все продукты и товары в апреле каждый раз снижать они не забывали. Хрущев из года в год в магазинах цены поднимает, заработок рабочим при этом он снижает, невольно возникает вопрос у нас, кто – враг народа был или есть. Какие же вы лгуны и лицемеры и власти жаждущие псы, народа угнетатели. К чему стремитесь вы? Сталин и сторонники его последовательно к коммунизму шли и всех вели, при этом не смотрели на проделки капитала и не указывали пальцем так, как вы, лгуны».

К вечеру толпа забастовщиков разошлась по домам. А около полуночи на завод и в город были введены войска и танки. Жители поселков в окрестностях НЭВЗа пытались устраивать баррикады, которые бронированные машины легко сносили. Тогда

протестующие стали запрыгивать на танки на ходу и закрывать смотровые щели одеждой. В пятом часу утра один из «ослепленных» таким образом танков сбил две электрические опоры у железной дороги.

Вечером 1 июня и в ночь на 2 июня было арестовано несколько десятков участников беспорядков. Их вывезли из Новочеркасска в СИЗО других городов.

Реакция властей

О событиях в Новочеркасске было немедленно доложено Хрущеву, который тут же созвал совещание с представителями силовых ведомств, после чего приказал подавить «антисоветский бунт» в кратчайший срок и всеми возможными средствами. Говорить с народом хрущевская КПСС к тому времени разучилась, оставался один метод – сила.

Уже в 12:30 – еще до того, как выехать в Новочеркасск, Басов обратился к командованию Северо-Кавказского военного округа с просьбой выделить войска для подавления беспорядков. К тому времени в Ростове уже материализовался член Президиума ЦК Андрей Кириленко, который накинулся на военных с упреками в бездействии. Командующий округом генерал армии Плиев пытался возражать против применения войск. Тогда Кириленко при нем связался по телефону с Хрущевым, и тот велел задействовать армию. Точку поставил министр обороны Малиновский. Около 19:00 он приказал: «Соединения поднять. Танки не выводить. Навести порядок. Доложить». Правда, по воспоминаниям очевидцев, танки в новочеркасских событиях тоже участвовали. Или это – ставшая истиной легенда?

Надо понимать, что армия не обучена выполнять полицейские функции, у нее другие задачи. В большинстве случаев использование военных при подавлении гражданских беспорядков оборачивалось расстрелами – богатый опыт такого рода можно почерпнуть в любом учебнике по истории КПСС в его дореволюционном разделе. Военные не понимали, как им действовать, но вполне резонно опасались: если что-то пойдет не так – жертвы спишут на них. А письменного приказа подавить беспорядки оружием у них не было.

В 20:00 к зданию заводоуправления подъехали 5 машин и 3 БТР с солдатами 505-го стрелкового полка. Толпа начала раскачивать БТРы, требуя, чтобы военные не вмешивались, и те вскоре уехали.

К вечеру в Новочеркасск из Москвы прибыла целая делегация: второй секретарь ЦК КПСС и фактически второй человек в партии Фрол Козлов, член Президиума ЦК Анастас Микоян, член ЦК Леонид Ильичев, член Президиума ЦК Дмитрий Полянский, секретарь ЦК и бывший председатель КГБ Александр Шелепин. Как видим, в небольшой город (150 тыс. чел. населения) прибыла почти половина руководителей страны! Впрочем, ни один из них повторить шаг, естественный для Кагановича, и выйти к народу не рискнул – ни имевший огромный опыт работы в промышленности Козлов, ни пропагандист Ильичев, ни член еще сталинского Политбюро Микоян. Сидели в безопасности и дирижировали силовым разгоном.

Хроника событий. День второй

Ночью в город все же вошли танки. Они успешно вытеснили людей с заводского двора несмотря на то, что собравшиеся там стачечники били тяжелыми предметами по броне и даже смели ранить нескольких солдат. По городу тут же поползли слухи о задавленных людях; ночью в городе стали распространяться листовки, осуждающие нынешние власти и лично Хрущева.

Уже в 8 часов утра 2 июня 1962 г. на НЭВЗе снова собралась толпа забастовщиков. Теперь они уже не стали митинговать на территории завода, а отправились демонстрацией в центр Новочеркасска. Опять был остановлен поезд, теперь – «Москва – Баку», снова загудел захваченный тепловоз. Забастовщики во второй раз явились на электродный завод, и на сей раз нашли там поддержку: это были электрик Коркач, осужденный в 1947 г. военным трибуналом на 3 года за злоупотребление властью, и заводской тракторист Катков. Они пошли по цехам, угрожая рабочим: если те не станут бастовать, то их будут «выгонять дубинками из цехов». При этом Коркач и Катков заявляли, что из-за КПСС они плохо живут, хотя на самом деле Коркач имел собственный дом, мотоцикл и сад, а Катков – дом и автомобиль. Как бы то ни было, особого успеха их агитация не имела. Но вскоре на заводах появились солдаты. Это возмутило рабочих, которые собирались толпами во дворах. Таких образом, массовая стачка стала реальностью.

Чтобы не дать стачечникам пройти в центр города, на мосту через реку Тузлов было выставлено ограждение из танков, военных автомашин и солдат. Но демонстрантам это не помешало. Командир мотострелкового полка Михеев инструкций о борьбе с демонстрантами не получил, не получил он и патронов.

А двинуть на людей танки без письменного приказа – дураков нет. Поэтому демонстранты попросту перебрались через ограждение или перешли реку вброд.

А вот военнослужащим внутренних войск, которые должны были охранять здания городской администрации и обеспечивать безопасность, боевые патроны раздали. Это были подразделения, обученные, в числе прочего, борьбе с массовыми беспорядками. Их руководство подчинялось непосредственно столичным гостям.

По улице Московской многотысячная толпа приблизилась к зданию горкома партии и горисполкома (бывшего атаманского дворца). Председатель горисполкома Замула и заведующий отделом ЦК КПСС Степак с балкона через громкоговоритель призывали прекратить демонстрацию и возвратиться на рабочие места – в ответ в них полетели палки и камни. Группа забастовщиков ворвалась в здание и учинила там погром. Были побиты стекла, повреждена мебель, сброшены люстры. Чиновники бежали через окна с тыльной стороны здания.

Теперь с балкона выступали активисты бунта, причем к наиболее активным действиям призывали люди специфические. Бригадир дойного гурта совхоза имени XXII съезда КПСС Волгоградской области Зайцев приехал в Новочеркасск, чтобы купить материалы для совхоза, но деньги пропил и решил присоединиться к протесту (кстати, он уже был дважды судим за хищения социалистической собственности и злостное уклонение). Зайцев призывал нападать на военных и отбирать у них оружие.

Второй заметной фигурой явилась некто Левченко, осужденная в 1959 г. на два года лишения свободы за воровство. Она заявила, что ее задержали и избили в горотделе милиции (хотя на самом деле это было вранье чистой воды – никто ее не задерживал и в горотдел не доставлял). Эта «жертва властей» предложила пойти к городскому отделу милиции, чтобы освободить задержанных накануне. Эти призывы увенчались успехом. Толпа перебила окна и вышибла двери в горотделе милиции. На предупредительную стрельбу вверх солдат 505-го полка внутренних войск и милиционеров погромщики не реагировали. Один из нападавших вырвал из рук рядового Репкина автомат и попытался открыть из него огонь по военным. Тогда военнослужащий Азизов открыл по человеку с автоматом огонь на поражение, в результате чего пятеро нападавших были убиты и еще несколько ранены. Более 30 погромщиков, ворвавшихся в здание горотдела, были задержаны и посажены под замок.

События у здания горисполкома тоже разворачивались трагически. Уже через 20 минут после захвата здания туда прибыл на БТРах мотострелковый взвод под командованием старшего лейтенанта Демина. Солдаты попытались оттеснить толпу от здания, но их оказалось слишком мало, патронов у них не было, и вскоре командир взвода получил приказание вывести солдат обратно. Их заменили 50 бойцов внутренних войск, которыми командовал самолично начальник Новочеркасского гарнизона генерал-майор Олешко. Солдаты выстроились в две шеренги вдоль фасада. Олешко с балкона также обратился с призывом прекратить погром и разойтись – но и ему не удалось найти нужных слов. Толпа не расходилась и напирала. Солдаты дали предупредительный залп вверх – забастовщики отхлынули было, но тут раздался крики: «Не бойтесь, стреляют холостыми!». Дальше, как показала прокурорская экспертиза 1991г., дело обстояло так: толпа снова бросилась вперед, некоторые особо буйные стали вырывать у солдат автоматы. Защищаясь, те вольно или невольно начинали стрелять, пули летели в толпу, ricochetили от асфальта и стен. Олешко пытался остановить стрельбу, но тщетно: его приказов просто не слышали. После первых убитых толпа в панике разбежалась. На площади погибли 17 чел. Ночью во время комендантского часа были убиты двое, пытавшиеся сбежать; фамилия последней жертвы была Шульман.

Всего в результате инцидента в Новочеркаске среди участников беспорядков были убиты 22 и ранены 39 чел. С другой стороны убитых не было, ранены 6 офицеров и 9 солдат и сержантов, около 40 чел. получили травмы.

В качестве иллюстрации приведем показания участника событий Косоножкина, который тогда был подростком. Вот его слова:

«Второго июня мама направила меня с небольшим хозяйственным поручением в центральную часть города. Улица Московская оказалась запружена толпой встревоженных людей. В районе горотдела милиции и банка вдруг раздался выстрелы. Я тогда еще не совсем хорошо понимал, что же происходит. Подхваченный массой людей и подстрекаемый мальчишеским любопытством, я направился в сторону сквера им. Ленина и на площадь Маркса перед зданием горкома партии. Здесь также теснилась огромная толпа людей, которые требовали выхода работников горкома для переговоров с рабочими. Спустя мгновение из окон второго этажа вниз полетели стулья, какие-то бумаги, портрет Н.С. Хрущева и канцелярская утварь. Вероятно, это было делом рук людей, пробравшихся туда чуть раньше.

Послышался рокот. Слева, около бывших касс кинотеатра "Ударник", остановились две военные машины с вооруженными солдатами, которые быстро отделили двойной шеренгой напиравшую толпу от здания горкома. Мне, мальчишке, удалось пробиться в первые ряды демонстрантов. Солдаты с автоматами находились от меня в двух-трех шагах. Появился офицер с мегафоном и начал призывать людей к порядку. Однако толпа продолжала напирать. Солдаты отмахивались автоматами, затем сделали короткий предупредительный залп вверх. Напиравшие опешили. Но из толпы раздался возглас: "Они по людям стрелять не будут!". Кое-кто вновь осмелел и попытался даже овладеть оружием солдат. И вот тогда военные дали очередь прямо перед собой, в толпу. Был ли им отдан такой приказ – утверждать не могу, так как разобратся в шуме и гвалте было невозможно. Произошло это примерно в 11 часов дня.

...Люди бросились в направлении сквера им. Ленина. Испуганный, я тоже побежал за ними. Протиснуться сквозь спрессованные спины убежавших было невозможно, а сзади работали автоматы».

Кстати, даже после событий волнения в Новочеркасске не прекратились. Вечером 2 июня по радио выступил Микоян, на следующий день его обращение транслировали снова и снова, но оно только раздражало горожан. По городу ползли жуткие слухи о сотнях людей, расстрелянных из пулеметов, и о танках, давивших толпу. В солдат бросали камни, пытались заблокировать улицы, слышались призывы убивать коммунистов и «всех очкастых». Забастовки продолжались, перед зданием горкома снова начала собираться толпа. Лишь теперь опомнившиеся власти начали адекватные действия. Коммунисты проводили агитацию на заводах, по радио выступил Козлов, который, в отличие от Микояна, хотя бы по прежней работе имел дело с заводчанами. Правда, и он не нашел ничего лучшего, кроме как заявить, что стрельба начата по просьбе... представителей митингующих, которые-де попросили навести порядок. Но поскольку остальные высокие гости не сделали вообще ничего... С введением комendantского часа обстановка в Новочеркасске постепенно нормализовалась.

Как видим, реальные события кардинально расходятся с официальной версией времен «перестройки». Никакого расстрела, по сути, не было. Была полная беспомощность властей всех уровней (оказывается, управлять государством без Сталина не так-то просто – кто бы мог подумать!), отсутствие авторитета центральной власти и трусость парт- и госаппаратчиков. Кагановича много в чем обвиняли, но не в отсутствии личного мужества.

Странно, что именно «новочеркасский расстрел», которого, по существу, не было, вызвал такой резонанс. Хрущевское руководство бестрепетно применило оружие против народа в Тбилиси (1956) и Темиртау (1959), но эти истории не получили резонанса, возможно, потому что именно Новочеркасск показал, насколько новая власть в Кремле не имеет народной поддержки. За восемь лет хрущевская КПСС растранижила весь тот авторитет, который имела сталинская ВКП(б). Чтобы сделать такое, надо было быть воистину глупцом (или изменником) от пропаганды и государственного управления. Хрущеву это полностью удалось.

Показательно, что в последние 30 лет события в Новочеркасске, поданные под специфическим соусом, являются непременным атрибутом антисоветской и антикоммунистической пропаганды.

Интересно также, что многие статьи о событиях 1962 г. ни к селу ни к городу сопровождаются сравнением с Ленским расстрелом 1912 г. с непременным рассказом о репрессиях 1937–1938 гг. в Иркутской области.

Таким образом, очевидно, что до научного анализа этих событий еще далеко...

«КРАСНЫЙ» ВРАГ, «СИНИЙ» ДРУГ? ТРАНСФОРМАЦИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ МАТРИЦЫ ЦВЕТА В ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКЕ КПСС В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (1985–1991)

Проблема идеологического дискурса в академическом сообществе чаще всего рассматривается в научном измерении нарративов. Источниковый материал для изучения, несмотря на видовое разнообразие, имеет общий знаменатель – это текстовое сообщение с информацией о социальной действительности для индивида или социальной группы. Последние же, на которых оказывает воздействие идеологическая надстройка путем искажения социальной действительности, соглашаются взаимодействовать в существующем социальном пространстве. Показательны в данном случае исследования партийного дискурса в СССР 1960-х гг.¹, идеологического языка компартии², распада идеологии на различные идейные течения³, эволюции коммунистической идеологии и ее трансформации в условиях постсоветской России с 1991 г.⁴

Однако идеология и идеологические аппараты, под которыми, используя понятие Л. Альтюссера, «мы понимаем некоторое количество таких реальных явлений, которые предстают непосредственному наблюдателю в форме различных специализированных общественных институтов»⁵, при воспроизводстве дискурса обращаются не только к текстовым формам сообщений. Репрезентация информации о социальной действительности может производиться сопутствующей текстовой форме визуализацией посредством рисунков, шаржей, портретов и плакатов. Большое значение в них придается цвету как знаковой и смысловой системе.

История цвета есть научное направление, у которого имеются большие перспективы в изучении проблемного поля идеологического дискурса. О цвете размышляли философы, в частности – Л. Витгенштейн внес весомый вклад в восприятие цвета и понятий о нем⁶. Прежде историей цвета занимались историки-медиевисты в рамках специальной исторической дисциплины – геральдики. Знаменательна тетралогия произведений французского историка М. Пастуро, посвященная историческому прошлому четырех цветов⁷. Исследователь выделил три существенные, по его мнению, проб-

¹ Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х гг. М., 2017.

² Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое: Сб. ст. Present sovietique et passe russe / Пер. с фр. А. Бабича и М. Розанова. М., 1998.

³ Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2015.

⁴ Барашков Г.М. Эволюция коммунистической идеологии: от государственной к партийной в СССР – Российской Федерации. Дис. ... к.полит.н. Саратов, 2005.

⁵ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства. Заметки для исследования // Неприкосновенный запас. 2011. № 3.

⁶ Суровцев В.А., Родин К.А. Людвиг Витгенштейн о логике цветовых понятий // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4(18). С. 222–234.

⁷ Пастуро М. Черный: история цвета; [пер. с фр. Нины Кулиш]. 3-е изд. М., 2019; его же. Синий: история цвета; [пер. с фр. Нины Кулиш]. 4-е изд. М., 2020; его же. Зеленый: история цвета; [пер. с фр. Н. Кулиш]. 2-е изд. М., 2020; его же. Красный: история цвета; [пер. с фр. Нины Кулиш]. М., 2019.

лемы, связанные с изучением цвета: сохранность источника (носителя цвета) и его первоначальный вид, методологические сложности построения исторического исследования цвета, а также гносеологические ограничения исследователя, которые могут привести к допущению анахронизмов в реконструкции истории цвета¹.

Советская партийная журналистика в своих дискурсивных практиках использовала различные изображения, имеющие два и более цвета. Поговорим о возможностях измерения идеологического дискурса цвета на примере общесоюзных теоретико-политических журналов ЦК КПСС: «Агитатор», «Диалог» и «Партийная жизнь».

Партийная журналистика использовала цвет для придания идеологическому продукту большей наглядности. Склонность идеологического языка к искаженному бинарному реконструированию социальной действительности здесь, очевидно, прослеживается в таких цветах, как красный и синий. Изображения в журналах имели различное происхождение: имелись как собственного творчества (состоявший в штате редакции художник иллюстрировал номер), так и задействованного со стороны. Журналы «Агитатор» и «Партийная жизнь» украшали свои обложки творческими изысками издательства «Плакат», о чем указывалось в справочной информации в конце номера. Собственные иллюстрации у журнала «Агитатор» были в виде портретов героев Советской страны – простых тружеников, военнослужащих, народных депутатов и представителей творческой интеллигенции. Помимо иллюстраций, цвет присутствует и в текстах журнальных публикаций. «Красное знамя»², «красный уголок»³ – такие словосочетания закрепляли в официальной идеологии собственно политический язык цвета, не допуская в публичном пространстве альтернативных значений, могущих принадлежать другим политическим организациям и движениям.

Для получения не только количественных, но и качественных данных при изучении истории цвета следует использовать метод контент-анализа, для которого существует различное программное обеспечение. Так, в программе MaxQDA возможен и количественный и качественный контент-анализ цвета. Для этого загружаемое изображение анализируется с помощью созданной исследователем системы цветовых кодов. Кроме того, программа работает с нарративами, что позволяет выявить трансформацию значений цвета в письменных исторических источниках.

Красный цвет – спутник Советской власти с момента ее рождения. Это – поистине коммунистический цвет. М. Пастуро пишет об этой эпохе как эпохе красного *политического* цвета⁴. Ярко-красными тонами покрывали слова и фразы, лозунги, плакаты, флаги и знамена. Партийные журналы активно использовали красный в своих обложках и названиях. Демократизация публичного пространства привела к интересному результату: красный десакрализируется, получает новое звучание, подчас ироничное и негативное. Мы можем увидеть наглядный пример в иллюстрации «Не заболтать бы» в №2 журнала «Диалог», где окрашенная в красный цвет трибуна для выступающего имеет, помимо фразы-упрека из названия, ручку для воспроизводства шаблонных фраз перестроечного времени⁵. Другой пример – опубликованный в «Диалоге» плакат художника Г. Шевцова, на котором изображен поломанный молоток,

¹ Пастуро М. Красный. История цвета. С. 8–9.

² Праздник борьбы, созидания, надежды. К 100-летию празднования Первого мая // Агитатор. 1986. № 7. С. 38.

³ Пьянков И. Улучшать партийное руководство капитальным строительством // Партийная жизнь. 1986. № 15. С. 21.

⁴ Пастуро М. Красный. История цвета. С. 112.

⁵ Диалог. 1990. № 2.

скрепленный ярко-красной шелковой лентой, столь похожей на бант, нацепляемый на костюм во время Первомая¹.

Цвет, существующий в фундаментальной реальности не благодаря природе, а в силу того, что создан искусственно человеком, мифологизирован, сакрализован и политизирован, может использоваться в строго конкретизированных (позитивно одобренных) практиках и остаться не востребуемым в других, имеющих негативное значение. Синий цвет, в отличие от красного, в партийной идеологии обладал большим спектром смыслов. В позитивном значении его использовали при изображении неба как символа мира², основы братской дружбы народов³. В негативном – синий цвет обозначал социальную дисгармонию и девиацию (алкоголизм)⁴. В дальнейшем синий цвет стал обретать черты «обличения» советской действительности, его часто применяли при изображении пороков «системы», исторических ошибок прошлого.

Политика Перестройки позволила партийной журналистике пойти на смелые эксперименты в редакционной политике. Журналы ЦК КПСС в 1985–1991 гг. изменятся кардинально. Таких революционных темпов перемен они никогда прежде не знали. Традиционные цвета, использовавшиеся для агитации и пропаганды, выносятся за пределы дискурса или обретают новое звучание. Исчезают классические формы идеологического продукта. Так, «Партийная жизнь» с середины 1990 г. прекращает печатать на своих страницах образцы плакатного искусства – их заменит искусство черно-белой фотографии. Снимки из повседневной жизни советского человека, можно предположить, должны были вернуть КПСС статус «народности». Журналы «Агитатор» и «Политическое образование» вовсе прекратят существование в конце 1989г., уступив место новому изданию «Диалог». Последний, в свою очередь, предоставит площадку для обсуждения остросоциальных тем политическим левым и правым и будет активно внедрять иллюстрации и фотографии, большинство из которых черно-белые: цвет в изображении отступает на второй план.

Почему происходила трансформация классических значений цвета? Во-первых, если обратить внимание на статистику тиража периодических изданий, то можно заметить резкий всплеск объемов. В годы перестройки тираж газет и журналов увеличился, что требовало экономии средств (типографской краски, бумаги и печати). Количество и качество изображений оказались под влиянием сугубо прагматического – экономического фактора. Во-вторых, в руководстве КПСС разразился конфликт по вопросу об идейно-теоретической платформе партии. Как известно, первый раскол произошел между «консерваторами», отстаивавшими социалистический выбор и его «марксистско-ленинские» принципы, и «реформистами», готовыми произвести рецепцию и обновление идеологии с учетом теоретического опыта западных левых и рыночных реформ в некоторых соцстранах. В-третьих, цвет деполитизировался в ходе демократизации и эмансипации публичного пространства. Красный цвет, в условиях перехода к многопартийности, перестал быть «собственностью» КПСС.

Изучение политического измерения цвета в советской официальной идеологии требует дополнительного самостоятельного исследования.

¹ Диалог. 1990. № 10.

² Агитатор. 1985. № 6.

³ Агитатор. 1985. № 11.

⁴ Агитатор. 1985. № 13.

V. РОССИЯ И МИР: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Г.В. Талина

*доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета*

АБСОЛЮТИЗМ В РОССИИ И ЕВРОПЕ: УСТОЙЧИВЫЕ ПРИЗНАКИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Абсолютизм – форма государства, ставшая неотъемлемой составляющей истории многих стран; наряду с мануфактурным капитализмом – это устойчивый признак эпохи Раннего Нового времени. В этот период взаимовлияние общества и государства не только поднимается на новый уровень, но и ставит вопрос о возможности характеристики власти и государственного строя через социальные трансформации. И на отечественную, и мировую традиции, безусловно, оказала сильнейшее влияние марксистская концепция. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» писал об абсолютизме XVII–XVIII вв. как о периоде равновесия сил дворянства и буржуазии, когда государственная власть на время получила известную самостоятельность по отношению к обоим классам. В свою очередь, К. Маркс («Гражданская война во Франции») утверждал, что централизованное государство появилось во времена абсолютной монархии, служило новорожденному среднему классу в борьбе против феодализма и обладало такими признаками, как постоянная армия, полиция, бюрократия и т.д.¹

Осмысление концепции ставило вопрос о социальной опоре абсолютизма. В упрощенной трактовке вопрос можно поставить так: или развитие буржуазии, упрочение ее социально-экономических позиций и претензии на активную политическую роль давали возможность монархии оторваться от своей зависимости от дворянства, начать лавировать между интересами двух этих сословий; или же сначала происходила трансформация государственного строя и сложившаяся абсолютная монархия создавала условия для выхода буржуазии на политическую арену.

В частности, этот вопрос поднимался в работе выпускника Оксфорда, профессора истории и социологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Перри Андерсона «Lineages of the Absolutist State» («Родословная (происхождение) абсолютистского государства», 1974). С точки зрения Андерсона, «абсолютизм не означал конца аристократического правления, а защищал и укреплял социальное господство наследственного дворянского класса». Только после того, как основы абсолютистского государства были заложены, начался подъем городской буржуазии, развивавшей доиндустриальную мануфактуру. Абсолютизм мог одновременно обеспечить и базовые интересы новорожденных торгового и мануфактурного классов (торговый и мануфактурный капитал не основывались на массовом производстве, характерном для машинной индустрии, не требовали радикального разрыва с феодальным аграрным порядком). Влияние буржуазии на форму абсолютистского государства – вторично,

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 17. М., 1960. С. 317–370; Т. 21. М., 1961. С. 28–178.

но именно об этом влиянии, по мнению Андерсона, писали Маркс и Энгельс¹. Отвечая на вопрос о том, что же послужило причиной становления абсолютизма, Андерсон выделял следующие факторы. В Западной Европе исчезновение крепостного права ставило под сомнение классовое господство феодальных хозяев. Абсолютизм – следствие перегруппировки феодалов, строй, призванный защищать их интересы. В Восточной Европе (в условиях больших территорий и дефицита рабочей силы) новый государственный строй был призван ограничить подвижность населения, другими словами – установить крепостничество. Не менее важным стимулом становления восточноевропейского абсолютизма была война. «Международное давление западного абсолютизма, как политического аппарата более мощной феодальной аристократии, управлявшего более развитыми обществами, вынудило восточную знать создать такую же централизованную государственную машину, для того чтобы выжить»².

«Фактор войны» как причины установления абсолютизма проявил себя и в теории военной революции. Родоначальником теории является исследователь шведской политической, социально-экономической, военной истории М. Робертс, продолжателями – Дж. Паркер и мн. др. Странники теории военной революции утверждали, что необходимость создания сильных и многочисленных регулярных армий стимулировала процессы становления сильной власти и рождения абсолютистских монархий, послужила причиной серьезных социальных, экономических, культурных изменений. Противники теории доказывали, что не развитие регулярной и технически по-новому оснащенной армии ведет к становлению новой формы правления, а установившийся абсолютизм является важнейшим инициатором военного реформирования³.

Пик споров отечественных историков по проблеме абсолютной монархии пришелся на конец 1960-х – начало 1970-х гг., вылившись в дискуссию об абсолютизме на страницах журнала «История СССР». Прийти к единому мнению так и не удалось, своего рода компромиссом стал тезис об атрибутах абсолютизма. Концепция показывает свою жизнеспособность и сегодня, заставляя трактовать абсолютизм не только и не столько через характеристику власти монарха, сколько через развитие всего государства. Иерархическая система центральных и местных органов власти, регулярная армия и полиция, унифицированное налогообложение, бюрократия и другие признаки абсолютизма не позволяют в российской истории считать тождественными понятия «абсолютизм» и «самодержавие». Титул самодержца присущ последнему Рюриковичу – царю Федору Иоанновичу, но ранее второй половины XVII в. говорить о складывании системы атрибутов абсолютной монархии не приходится.

Абсолютизм, как правило, приходил на смену сословно-представительной монархии, где общество влияло на власть, в первую очередь, посредством центрального сословно-представительного учреждения, включавшего в себя в т.ч. и выборных членов. Рассмотрение процесса становления абсолютизма в Европе, как доминантного пути развития большинства стран, ставит вопрос о возможности/невозможности сохранения этих институтов в отдельных странах, специфике их политической истории. «Французский сценарий» можно назвать «классическим» с той точки зрения, что он

¹ Андерсон, Перри. Родословная абсолютистского государства. М., 2010. С. 28, 398.

² Там же. С. 20–39, 183–194, 399 и др.

³ Roberts M. The Military Revolution, 1560–1660 // Roberts M. Essays in Swedish History. London, 1967. P. 195–225; Parker G. The «Military Revolution» 1560–1660 – a Myth? // The Journal of Modern History. Vol. 48. № 2 (June 1976); Пенской В.В. Развитие вооруженных сил России и военная революция в Западной Европе во 2-ой половине XV–XVIII вв.: сравнительно-исторический анализ. Автореф. дис. ... д.и.н. М., 2004. С. 3–6.

определил суждение о прекращении существования сословно-представительных учреждений по мере развития абсолютизма. Уже с конца XIV в. Генеральные штаты стали заменяться собраниями нотаблей. В XVI в. их созывали в период Религиозных войн (1560, 1576, 1588, и 1593 гг.), а с 1614 до 1789 гг. Генеральные штаты не созывались ни разу. Крайне ограниченные функции этого учреждения (преимущественно – вотирование налогов) предопределили ту легкость, с которой абсолютистский режим покончил с сословным представительством¹. Созыв Генеральных штатов в период революции конца XVIII в. не был направлен на их возрождение, принципиально иные исторические условия создали основу для превращения Генеральных штатов в Национальное учредительное собрание.

В Англии абсолютизм зародился при последних Тюдорах. Однако наряду с сильной королевской властью продолжал существовать парламент. К укреплению своей единоличной власти стремились и первые Стюарты – Яков I и Карл I. Период беспарламентского правления при Карле продлился 11 лет, усилились репрессии против оппозиции. Между тем отсутствие денег на войну с Шотландией привело к созыву Долгого парламента. Его важнейший документ – «Великая ремонстрация», принятая 22 ноября 1641 г., не только осуждала систему беспарламентского правления, но и обвиняла короля в различных злоупотреблениях (создании новых судебных трибуналов без законных оснований, введении «беззаконных налогов», притеснениях торговцев и ремесленников, установлении монопольных цен на товары первой необходимости, конфискации золотых и серебряных монет, выпуске медных денег и др.). Король не согласился с требованием «Ремонстрации» наделить парламент правом утверждать членов королевского Совета, послов, «министров», что сделало неизбежной войну между короной и парламентом². Свержение монархии и протекторат Кромвеля только усилили роль парламента и предопределили его дальнейшее господство в стране. Согласно Конституции 1653 г. («Орудие управления») лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии правил вместе с парламентом, который должен был избираться один раз в три года и иметь сессии продолжительностью не менее пяти месяцев³. Попытки провести реформу парламента, заменив палату наследственных пэров на палату, состоящую из пожизненных членов, назначаемых лордом-протектором, результата не дали. «Рестаурация» Стюартов обеспечила сохранение Палаты лордов. В дальнейшем право приостанавливать действие изданных законов (к их принятию парламента имел непосредственное отношение), полученное Яковом II, было упразднено Биллем о правах 1689 г. при Вильгельме III. Парламент Англии держал под своим контролем налоги, содержание постоянной армии.

Сохранение центрального сословно-представительного учреждения было характерно и для процесса становления абсолютизма в Швеции, начало которого обычно относят к правлению Карла XI. Как и в Англии, этому во многом способствовала многолетняя и четко отлаженная практика деятельности сословно-представительного учреждения. Уже во второй половине XIII в. в стране возникло такое государственное учреждение, как риксрод (государственный совет) – совещание высшей феодальной

¹ Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных Штатов во Франции. М., 1976.

² Шарифжанов И.И. Корона и парламента в Англии XVII в.: королевская прерогатива или суверенитет парламента? Ученые записки Казанского университета. Т.155. Кн.3. Ч. 1. Гуманитарные науки. 2013.

³ Форма правления государством Англии, Шотландии и Ирландии и владениями им принадлежащими («Орудие управления») 16 декабря 1653 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVII/1640-1660/Akty Parliament/forma pravl_16_12_1653.phtml (дата обращения: 21.10.2020).

знати и духовенства. Риксрод контролировал деятельность королей, выполнял функции регента в их отсутствие, мог и выбирать монарха. «Вольная грамота» 1319 г. определяла сама условия избрания. С 1435 г. появился четырехсословный риксдаг, состоявший из крестьян, горожан, знати и духовенства. Учреждение сыграло важную роль в установлении династии Ваза и фактическом освобождении Швеции из-под датского владычества. В 1660 г. риксдаг был признан народным представительством, к которому перешло право налогообложения. Несмотря на то, что победа Швеции в Тридцатилетней войне и закрепление за ней по Вестфальскому миру 1648 г. обширных территорий фактически сделали ее на некоторое время империей, власть шведских королей была признана абсолютной только с 1680 г. В этот момент ранее сложившаяся периодичность созыва риксдага нарушается, а государственный совет преобразуется в королевский, т.е. созываемый исключительно королем. Такое положение продлится вплоть до гибели Карла XII в 1718 г. и наступления т.н. «Эры свобод»¹. С этого момента необходимость парламента более не будет вызывать сомнений.

Развитые, рано сформированные и четко функционировавшие центральные сословно-представительные учреждения ограничивали королевскую власть в стремлении к абсолютизму, приводили к установлению этого государственного строя на относительно короткий период, демонстрировали преемственность между сословно-представительными органами и всесословными парламентами.

Примером самого долгого существования абсолютизма в Европе является Россия. Вопрос о характере, уровне и силе земского собора, как центрального сословно-представительного учреждения, трактуется неоднозначно. На одном полюсе сосредотачиваются мнения тех, кто считает, что в России не было ни земских сословий, ни гражданства. В силу этого вопрос о земских соборах нужно трактовать как вопрос об информационных и декларативных совещаниях, выражавших интересы правительства². Противоположный лагерь характеризует Россию как страну с длительной, выраженной идеей и практикой сословного представительства. При этом сословное представительство связывается не только с наличием и функционалом земского собора, но и с идеями, отразившимися в сочинениях современников данного процесса – трудах М. Грека, Ф. Карпова, И. Пересветова, А. Курбского, И. Тимофеева и др.³ Своего рода пиком в деятельности соборов стало правление Михаила Федоровича, отмеченное практикой работы «долгих» соборов, состав которых присутствовал в Москве по несколько лет и привлекался, по мере необходимости, властью для решения насущных вопросов.

Как известно, последним полнокуриальным собором с выборными и постоянными по составу куриями стал собор 1653 г. Что же касается дальнейших соборов, которые современники усматривали вплоть до 1684 г. (решение вопроса о Вечном мире с Речью Посполитой), то в историографии эти собрания получили различные определения (совещания с сословными комиссиями, импровизированные земские соборы и т.п.). В любом случае их влияние на власть нельзя сопоставить с ролью соборов предшествующего периода. При этом пик соборной деятельности и крах соборов

¹ Мелин Я., Юханссон А., Хеденборг С. История Швеции. М., 2002. С. 110–111.

² См., напр.: Торке Х.-Й. Так называемые соборы в России // Вопросы истории. 1991. № 1.

³ Золотухина Н.М. Концепция сословно-представительной монархии в русской средневековой политической мысли // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 1. С. 47–56; Казаков Н.А. Максим Грек и идея сословно-представительной монархии // Общество и право феодальной России. М., 1975. С. 159–170; Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Первый: Концепция первого монарха // Труды отдела древних рукописей (Пушкинский дом). М., 1983. №1. С. 63.

максимально сближены во времени. Одну из причин столь стремительного отказа от земского собора можно найти в том, что зарождение российского абсолютизма в 1650-е гг. при Алексее Михайловиче происходило в условиях войны. При этом задачи, решаемые посредством войны, были максимально завышены и подчас превышали возможности государства и его армии. Та же тенденция – война на пределе возможностей при Петре I приведет к трансформации российского абсолютизма в бюрократический¹.

Войны периода абсолютизма – явление принципиально нового уровня, столкновение не отдельных государств, а крупных коалиций. Решение таких задач требует и соответствующей армии – регулярной. Сами существенно возросшие по численности армии концентрируют огромный контингент, связанный с несением военной службы, являющийся своего рода слепком со структуры тогдашнего общества.

Регулярство отличает целый ряд признаков, одни из которых устойчивы, другие могут варьироваться. Централизованное командование, унифицированные чины, нормативно-правовая система, регулирующая деятельность армии в военное и мирное время, проявляются в условиях разных стран. Способ комплектования армии может варьироваться. При этом он тесно связан со способом обеспечения воинов. Задача обеспечения армии во многом определяет повинности населения.

На примере одного из главных противников России XVII – первой четверти XVIII в. Швеции мы видим смену двух унифицированных моделей комплектования, одна из которых будет принята за основу при Петре I. В первой трети XVII в. при Густаве II Адольфе добровольная вербовка солдат была дополнена рекрутскими наборами, численность армии достигла 70 тыс. чел. Население государства со всеми присоединенными территориями не достигало и 1 млн чел. В самой Швеции при этом вербовались полки королевской гвардии и артиллерии на постоянной основе. Рекрутская повинность была распространена на Финляндию и Лифляндию. Однако военные задачи середины и второй половины XVII в. требовали армию большей численности. При Карле XI в 1680 г. рекрутские наборы были заменены постоянной повинностью крестьян содержать королевское войско. При этом все обрабатываемые земли Швеции и Финляндии поделили на участки, которые назывались «индельтами». Каждая индельта выставляла одного солдата и выделяла ему участок земли, дом, обмундирование, дополнительные продукты питания. Вооружение и снаряжение воина становилось задачей государства. Солдаты, содержащиеся индельтами одного лена, сводились в полк². В Швеции была создана национальная по своему составу армия, организованная по типу поселенных войск. Однако переход к индельте не означал полного отказа от вербовки солдат и рекрутской повинности. С такой армией страна вступила в 1700 г. в Северную войну с Россией.

Рекрутчина в России стала доминантным способом комплектования армии при Петре I, но наборы даточных людей появились гораздо ранее. Пока Россия находилась в состоянии мира, она не испытывала необходимости в столь значительном увеличении численности своей армии. В комплектовании нуждались пограничные гар-

¹ Сворачивание деятельности центрального сословно-представительного органа ни в России, ни в Европе не означало отказа от представительного элемента на уровне местного самоуправления. Нехватка должностных лиц, назначавшихся центром, и острая потребность в увеличении контингента, задействованного в местном управлении, предопределяют значимость их роли.

² Беспалов А.В. Развитие системы комплектования, снабжение и укрепление дисциплины в шведской армии в 1547–1721 гг. // *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2019. №2–3(27). С. 3–15.

низоны. Даточных набирали в отдельных уездах. К таким наборам можно отнести запись в солдаты в 1649 г. крестьян, бобылей и их родственников на северо-западной («русско-шведской») границе России. Каждый крестьянский двор этого региона должен был дать в солдаты одного человека в возрасте от 20 до 50 лет. С больших семей на службу брали по 2–3 чел.¹ Массовое введение рекрутской (даточной) повинности относится ко времени войны 1654–1667 гг. В первую очередь, таким способом комплектовались солдатские полки. По данным Котошихина, со 100 дворов вотчинников, помещиков, монастырей в год «сбирали» 1 солдата. «Да сверх того збираны (...) салдаты по дважды в году (...) с 20 дворов салдат».² Наборы 1658, 1659, 1660 гг. поставили на солдатскую службу 51 тыс. чел. даточных людей³. Всего за время этой войны общегосударственные и местные наборы даточных дали не менее 100 тыс. чел.

Параллельно с этим изменялся основной налог в государстве. При Алексее Михайловиче в 1646 г. начался переход от посошного к подворному налогообложению, завершившийся в период правления Федора Алексеевича, когда в 1679 г. соха была полностью отменена⁴. В середине XVII в. появился новый документ – переписные книги, т.е. рукописные книги, содержащие сводные сведения о количестве населения России. Их основное отличие от писцовых книг состояло в том, что фиксировали количество дворов и живущих в них людей. Переписные книги составлялись в дальнейшем как при проведении валовых переписей тяглого населения (1646–1648, 1676–1678, 1710, 1716 гг.), так и частных переписей населения отдельных районов и категорий. Составление переписных книг в 1646–1648 гг. давало возможность как перехода к подворному принципу, так и прикрепления крестьян к земле (тяглу)⁵.

В России практика военных поселений проявила себя гораздо позднее, чем в той же Швеции. В принципиально иных исторических условиях она не дала желаемого результата, послужила серии восстаний против власти, выступлению против военных поселений наиболее прогрессивной части общества.

Разные абсолютистские модели, связанные как с уничтожением сословного представительства, так и с постепенной его трансформацией в парламентскую систему, сочетаются со становлением такого общественного слоя и профессиональной группы, как бюрократия. Чиновники-управленцы на жаловании государства, реализующего в своей деятельности государственные, а не личные интересы, появляются задолго до того, как дворянско-аристократическая группировка утрачивает свои властные позиции. Определить необходимую нишу для этих групп с противоречащими друг другу интересами призвана иерархическая система центральных и местных органов, столь же присущая абсолютизму, как и сама бюрократия.

Так в Швеции становление бюрократии относят к периоду правления Густава Вазы, а развитие связывают с деятельностью канцлера Акселя Оксеншерна (канцлер

¹ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 141–142.

² Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича М., 2000. С. 158.

³ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. Т. III. СПб., 1901. №504; Дополнения к Актам Историческим. Т. VIII. СПб., 1862. № 40; Пенской В.В. Вооруженные силы России допетровской эпохи: традиции и новации. М., 2002. С. 180.

⁴ Орлов Д. Финансовая система Древней Руси и Московского государства // Налоги. 1993. №4. С. 7;

Кононов Е.В. Осуществление интересов государства и общества в процессе эволюционного развития налоговых органов России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 19. С. 63.

⁵ Борщик Н.Д. О курских переписных книгах XVII в. // Гуманитарная наука в изменяющейся России: состояние и перспективы развития. Материалы VIII Региональной научно-практической конференции РГНФ / Под общ. ред. Ю.Ф. Мелихова. Отв. ред. М.Л. Космовская и В.А. Лаптева. Курск, 2006. С. 156–167.

в 1612–1654 гг.). При нем система управления была поделена на три уровня: 1) аристократический (монополия на должности в госсовете и правителей на местах); 2) низший, дворянский (управление среднего звена); 3) нефрельсовые сословия, т.е. не освобожденные от податей, недворянского происхождения (низшие должности). Центральными учреждениями стали пять коллегий. В них господствовала аристократия, руководящие посты занимали пять высших государственных чиновников: государственный судья, глава военного ведомства, риксканцлер, риксадмирал и глава ведомства по сбору налогов. При Карле XI (1672–1697) чиновники третьего уровня – сильная группировка, проводившая редукцию (возвращение короне земель, ранее переданных во владение шведскому дворянству). Они – опора самовластия короля. В «эру свобод» (1719–1772) чиновничество уже заняло сильные позиции в риксдаге¹.

В России основной сферой применения и развития бюрократии стали приказы. В отличие от шведских коллегий XVII в. количество российских приказов было в разы больше. Если командные должности в коллегиях Швеции принадлежали исключительно аристократии, у нас приказными судьями могли быть как представители боярско-княжеской аристократии, так и думные и приказные дьяки – выходцы из разночинских слоев. Численность дьяков и подьячих оказалась одним из показателей развития абсолютизма. Если в первой половине XVII в. (1619–1645) общее количество дьяков, служивших в основных московских приказах, выросло всего с 40 до 45 чел., то к 1670 г. их стало 56, к 1690 г. – 69, к 1694 г. – 86. В середине 1660-х гг. в приказах на должности подьячих работал 771 чел., к концу царствования Федора их было 1702 чел. Крупнейшие ведомства насчитывали до 400 сотрудников, мелкие – 30–50 чел.² На примере центрального военного ведомства Разрядного приказа (одного из самых крупных и значимых) видна многоуровневая система учреждения: судьи – старые подьячие – подьячие средней статьи – молодые подьячие. Представителей третьего уровня было в 1,5 раза больше, чем второго, представителей четвертого уровня – в 9 раз больше, чем второго³.

В целом абсолютизм в разных странах Европы Нового времени развивался по разным сценариям. «Долгий» абсолютизм, как правило, упразднял центральные сословно-представительные учреждения. Эволюция данных учреждений от сословного представительства к всесословному, напротив, служила поводом к сворачиванию абсолютизма. Между тем, регулярная армия и бюрократия не столько являлись устойчивыми признаками абсолютизма, сколько объективной необходимостью периода Раннего Нового времени. Государственное устройство могло изменяться, но вооруженные силы и профессиональное чиновничество сохранялись и развивались.

¹ Мелин Я., Юханссон А., Хеденборг С. История Швеции. М., 2002. С. 127–129.

² Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 23–24, 40, 42–44.

³ Новохатко О.В. Центральное государственное управление в России во второй половине XVII в. Автореф. дис. ... д.и.н. М., 2008.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ В РОССИИ И АНГЛИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

В первой четверти XVIII в. Россия и Англия столкнулись со сходными проблемами в области престолонаследия. В обеих странах эти проблемы были решены законодательным путем – Актом урегулирования¹ 1701 г. в Англии и Указом о престолонаследии² 1722 г. в России. И Акт, и Указ имеют похожую структуру. Оба они начинаются упоминаниями недавно почивших, поясняют правомочность принятого решения интересами государства, а потом сообщают о самом решении. Начнем с анализа более раннего документа – Акта урегулирования в Англии.

Многие из историков конституционализма считают Акт необычайно важным документом³. Наамани-Тарков писал, что «если делать общие заявления, то можно сказать, что кроме Великой хартии (больше в ее подтексте), Акт урегулирования, вероятно, самый значительный закон в английской истории»⁴. Акт урегулирования зарегистрирован среди государственных указов за 1700 г., поскольку в 1700 г. началось заседание Парламента, который принял этот Акт и передал его на рассмотрение короля, но поскольку подписан он был королем в 1701 г., то в общественном сознании этот акт ассоциируется с 1701 г.⁵ Акт напомнил содержание предыдущего законодательного акта – «Билля о правах»⁶ 1689 г., установившего порядок престолонаследия после Славной революции 1688 г. Согласно «Биллю о правах», престол переходил к потомству королевы Марии (с ее супругом – королем Вильямом III), в случае отсутствия такового – к ее сестре принцессе Анне Датской и ее потомству и опять-таки в случае отсутствия такового – к потомству короля Вильяма от последующего брака

¹ Act of Settlement (1700). Полный текст – см.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/aep/Will3/12-13/2> (дата обращения: 8.01.2021).

² Петр I. Устав. О наследии престола // ПСЗ РИ. Отд. 1-е. Т. 6, 1720–1722. СПб., 1830. № 3893. С.496–497.

³ Naamani Tarkow, I. (1943). The Significance of the Act of Settlement in the Evolution of English Democracy // Political Science Quarterly. 58(4). P. 537.

⁴ Ibid. P. 561.

Акт урегулирования был основной причиной объединения Шотландии с Англией и Уэльсом и формирования единого Соединенного Королевства Великобритании. Парламент Шотландии был недоволен Актом урегулирования, и в 1704 г. в ответ принял Акт Безопасности, согласно которому Шотландия оставляла за собой право выбрать своего преемника королевы Анны. Парламент Англии решил, что для гарантии стабильности и будущего процветания Великобритании полное объединение двух парламентов и наций жизненно необходимо до смерти королевы Анны. Используя сочетание ограничительных законов, политические интриги и дачу взяток, английскому Парламенту в течение трех лет удалось добиться принятия в 1707 г. Акта Объединения (на самом деле – два акта, один с шотландской стороны, второй – с английской, которые ратифицировали Договор об объединении, подписанный в 1706 г.). Такие успехи за столь короткое время особенно впечатляют, учитывая, что предыдущие четыре попытки добиться того же между 1606 и 1689 гг. провалились из-за безразличия со стороны обоих парламентов. Согласно п. 2 Договора об объединении, наследование короны объединенного королевства шло в соответствии с Актом Урегулирования.

⁵ См.: [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Act_of_Settlement_1701 (дата обращения: 8.01.2021).

⁶ См.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.legislation.gov.uk/aep/WillandMarSess2/1/2#commentary-c2144673> (дата обращения: 8.01.2021).

(по смерти первой жены – королевы Марии). Если кто-либо из этих наследников будет исповедовать католичество, то их лишат права наследования престола.

К 1689 г. надежд на появление детей у королевы Марии практически не оставалось (ее первая беременность в 16 лет, в 1678 г., закончилась выкидышем)¹. У законодателей были все основания надеяться на наличие потомства у принцессы Анны, поскольку за первые 17 лет брака (1683–1700) она была беременна 17 раз, хотя 12 из этих беременностей закончились выкидышами и мертворожденными детьми. Пятеро детей родились живыми, младенчество же пережил только один из них – Вильям, герцог Глостерский (1689–1700). Его смерть в июле 1700 г. и привела к необходимости заново решать вопрос о престолонаследии. Королева Мария детей не оставила (чуда не произошло). Единственный выживший ребенок принцессы Анны умер. Король Вильям III за 6 лет, прошедших после смерти королевы Марии, так и не женился, так что надежд на потомство короля тоже не было. А в 1700 г. все еще был жив отец покойной королевы Марии и принцессы Анны – низложенный король-католик Джеймс II Стюарт. И сын его был также все еще жив. Получалось, что все законные наследники престола, согласно «Биллю о правах», могут закончиться, а единственными претендентами окажутся низвергнутый король и его сын – оба католики. Этого было нельзя допустить. Вопрос о престолонаследии надо было решать заново. Первая страница Акта урегулирования посвящена напоминанию условий «Билля о правах» и заявлению, что все «в руце Божьей»: королева Мария и юный герцог Глостерский умерли; неизвестно, когда Бог призвет короля Вильяма и принцессу Анну, а подданные беспокоятся и боятся за свою жизнь и безопасность. Поэтому решено было назначить следующей по очереди наследницей принцессу Софию – вдовствующую герцогиню Ганноверскую, дочь покойной принцессы Елизаветы Стюарт (в замужестве – королевы Богемской и курфюрстерши Пфальцской) и внучку короля Джеймса I Стюарта, а также ее потомство. У принцессы Елизаветы было 13 детей (9 выжило). На 1700 г. только младшая дочь – принцесса София – и ее потомство устраивали английский Парламент, поскольку София и ее дети были протестантами. Некоторые из старших детей покойной принцессы Елизаветы перешли в католичество, несмотря на угрозу материнского проклятия². София была верна протестантизму, поэтому ее кандидатура была утверждена Парламентом и предложена королю Вильяму на ратификацию. Перед Парламентом стояла и другая проблема: сами члены палаты Лордов не были в восторге от идеи иностранного монарха, но общий настрой был суммирован фразой: «лучше немецкий принц, чем французский»³. Под немецким подразумевалась принцесса София и ее потомки, под французским – низложенный король Джеймс II и его сын, проживавшие во Франции при дворе Людовика XIV, который поддерживал их претензии на английскую корону. Сам факт неизбежного будущего воцарения иностранного монарха (не родившегося на английской земле) вынудил Парламент к вклю-

¹ В 1678, 1679 и 1680 гг. у нее были приступы болезни, которые, возможно, тоже были беременностями, закончившимися выкидышами. После 1680 г. до самой смерти в 1694 г. она ни разу не была беременна.

² Принцесса Елизавета была очень близка к своему старшему брату принцу Генри Уэльскому – старшему сыну короля Джеймса I, умершему в 1612 г. Принц Генри считался опорой и надеждой европейского протестантского милитаризма того периода. Поскольку принц Генри успел познакомиться и подружиться с ее предполагаемым мужем – курфюрстом Пфальцским Фредриком V, то после смерти брата она настояла на этом браке – вопреки оппозиции матери и части двора, считая, что благословение покойного брата для нее важнее всего. Для принцессы Елизаветы ее религия была очень принципиальна.

³ Somerset, Anne (2012). Queen Anne; the Politics of Passion. Harper. P. 165.

чению в Акт урегулирования ряда важных пунктов. Монарх должен был стать членом англиканской церкви (а не просто быть протестантом). С одной стороны, это исключало восхождение на престол католического монарха, с другой – привязывало его сильнее к Англии. Англия отказывалась участвовать в войнах нового монарха, не связанных с британскими территориями (если король пошлет воевать за Англию – пойдём, а если за Ганновер – нет!). Монарх не имел права покидать пределы Англии, Шотландии и Ирландии без согласия Парламента¹. Все правительственные дела, которые должны решаться в Тайном совете, будут решаться там и все резолюции будут выходить за подписью тех, кто их предлагал и кто с ними согласился (Парламент хотел знать, кто собственно вершил политику королевства, а на указах, вышедших из Тайного совета, подписи часто отсутствовали)². Ни один иностранец, даже натурализованный, кроме родившегося от родителей-англичан, не может быть членом Тайного совета, Парламента и занимать гражданские или военные доверенные должности. Никто их получающих пенсию от Короны или занимающих должность при монархе не может быть членом Палаты общин. Этот пункт должен был предотвратить влияние монарха на Палату общин. Судьи могут быть сняты со своих постов только по решению обеих палат Парламента. Тем самым предполагалось, что судьи будут независимы от монаршей воли. Помилование за Большой печатью не превращало импичмента в Палате общин (монарх может простить тебе любые прегрешения и помиловать, а перед Палатой общин все равно ответишь). Король подписал Акт в 1701 г., и он немедленно вступил в силу. Но дополнительные пункты Акта показывают, что Парламент стремился не допустить чрезмерного влияния любого будущего монарха на государственные дела и сохранить свое влияние на государственную политику.

Российский Указ о престолонаследии был издан 5 февраля 1722 г. Необходимость Указа о престолонаследии обосновывалась недавней смертью наследника. В преамбуле документа сообщалось, что всем известно, какими преступными замыслами был наполнен сын царя – Алексей. В своих замыслах он не раскаялся, а Бог страну спас и злодея к себе прибрал. Император Петр считал, что претензии наследника возникли исключительно от «плохой» традиции передавать престол старшему сыну. Традицию эту царь счел неправильной, апеллируя к Библейским примерам – к тому, что отцовское благословение от Исаака получил его младший сын Иаков³. Чуть меньше трети текста Указа посвящено описанию действий «предка» – государя великого князя Ивана III (Великого), деда Ивана Грозного. Предком по крови царю Петру он не приходился, но предшественником на царском престоле, безусловно, был. Петр отменяет действия Ивана III по воссоединению русских земель, а затем излагает его действия по выбору наследника: сначала-де венчал на царство внука Дмитрия Ивановича (сына старшего сына), но потом разгневался на него и посадил под стражу, а наследником назначил младшего сына – Василия Ивановича. Вот-де пример, которому следует подражать: правитель волен решать, кого из детей и внуков выбрать себе наследником⁴. В Указе о престолонаследии имелась отсылка к более раннему петров-

¹ Парламент отменил этот пункт в 1716 г. по просьбе короля Георга I, который хотел иметь возможность посещать свои земли в Ганновере и Брюнсвик-Люнебурге. (см.: Naamani Tarkow. Op.cit. P.547).

² Этот пункт указа был отменен в начале правления королевы Анны, так как многие члены Совета перестали высказывать свое мнение и вообще посещать заседания Тайного совета (см.: там же).

³ Император не счел нужным упоминать, что Исаак собирался благословить старшего сына Исава, но из-за хитрости жены – Ревекки и ее интриг благословение досталось младшему сыну – Иакову.

⁴ Петр опять же не упомянул, что действия Ивана III, в известной степени, привели к пресечению династии Рюриковичей на русском престоле в 1598 г.

скому Указу о единонаследии 1714 г., согласно которому вся недвижимая собственность дворянина передавалась им одному из его сыновей (не обязательно старшему) по выбору отца. Таким образом, Петр I уравнивал недвижимое имущество дворянина и все государство, считая, что то, что хорошо для дворянских поместий, хорошо и для целостности и сохранности всей страны. Согласно новому Указу о престолонаследии, «правительствующий Государь, кому оный хочет, тому и определяет наследство»¹. А если наследник будет плохо себя вести, то государь может и переменить свою волю. Последняя треть Указа представляла собой текст клятвы, которую должны были принести все духовные и светские подданные царя, повинувшись признать наследником того, кого император назначит; а также, если потом назначение отменит, то и этого слушаться. Вывод из клятвы был: кого государь наследником назначит, тому и подчиняться, тому и повиноваться под страхом смертной казни и церковного проклятия.

Если сравнивать текстуально Акт и Указ, то в них можно обнаружить немало общего. Оба документа открывались упоминанием о смерти наследника престола (в Акте урегулирования упоминалась смерть двух лиц: царствовавшей королевы и одного из списка наследников). В обоих документах были ссылки на более ранние законодательные акты («Билль о правах» и Указ о единонаследии). Создатели обоих документов поклялись о благополучии своего государства – так, как они себе это представляли. Авторы обоих документов пытались предвидеть будущее – они допускали, что те наследники, которые кажутся оптимальными сейчас, могут стать негодными позже; поэтому в документы были включены механизмы исключения «недобросовестных» провозглашенных наследников из списка претендентов на престол.

Дальнейшее сравнение текстов Акта и Указа показывает, что между ними намного больше существенных различий, чем пунктов поверхностного сходства. Принципиальная и основная разница – в инициаторах законов. Инициатором Акта выступил Парламент, а точнее – Палата общин; Палата лордов медлила с принятием Акта, но, в итоге, уступила под давлением руководства партии Консерваторов. Инициатором Указа был император Петр I. Общим инициаторам законодательных актов было необходимо не допустить возврата к прошлому. В условиях Вестминстера – возврат к прошлому означал если не реставрацию полного абсолютизма, то увеличение роли монарха в делах управления страной. Парламент опасался, что воцарение католического монарха вовлечет Великобританию в орбиту интересов папы римского и сделает ее союзницей католических королей Франции или Испании. Это резко противоречило экономическим интересам той части общества, которая пришла к власти в новой Великобритании, ориентированной на связи с Нидерландами и другими протестантскими государствами. Эти слои были нацелены на торговлю и промышленное производство; эти виды деятельности поощрял протестантизм, а не католицизм.

Императору Петру тоже было необходимо не допустить возврата к старой петровской Руси периода его отца и старшего брата. Он прекрасно знал, что его старший сын был надеждой всех оппозиционных ему сил: они рассчитывали уж как-нибудь пережить царя-реформатора, чтобы потом наследник – сын от первого брака и приверженец старины отменил все реформы и все вернул в старое русло. До октября 1715 г. у царя не было выбора: царевич Алексей Петрович был единственным наследником мужского пола, дожившим до взрослого возраста. В октябре 1715 г. и у царевича Алексея, и у царя Петра родились сыновья, названные в честь царя Петрами. Внезапно у самодержца появилось пространство для маневра. В 1718 г. и младший

¹ Петр I. Устав. С. 496.

сын царя, и его внук были здоровы, что предрешило гибель царевича Алексея. К несчастью для царя Петра, в 1719 г. умер его новый наследник и младший сын Петр Петрович. И царь опять остался с единственным наследником мужского пола – внуком Петром Алексеевичем, вокруг которого начали объединяться те же реакционные силы, что раньше окружали его отца.

Интересно, что Парламент, несмотря на многочисленность своих членов, провел свой закон сразу же, как только забрезжила малейшая угроза восшествия на престол неугодного кандидата. Сразу после смерти самого молодого из списка наследников престола, на будущее правление которого так надеялся Парламент¹, началась работа над Актом урегулирования, которая была завершена в течение года. Как уже говорилось, низложенный Джеймс II был жив на момент смерти своего внука – герцога Глостерского. Если бы Парламент немного промедлил, то после кончины бывшего короля в сентябре 1701 г. оказалось бы, что его сыну-наследнику было всего 13 лет, так что на тот момент он лично угрозы еще не представлял. Но Парламент будущего не знал и хотел обезопасить себя на случай внезапной кончины и короля Вильяма III, и принцессы Анны. Царь Петр действовал не так быстро. Указ о единонаследии был издан в 1714 г., и появления Указа о престолонаследии можно было ожидать уже в 1715 г. – после рождения у царя сына от любимой жены. Но такого указа не последовало. Возможно, царь опасался тогдашней высокой детской смертности и предпочел подождать. К 1718 г., вероятно, развеялись многие опасения за здоровье царевича Петра Петровича, его старший брат умер в крепости и теперь уже единственный сын царя был провозглашен наследником в обход своего племянника. Однако маленький наследник умер в 1719 г., а Указ о престолонаследии вышел только в 1722 г. – спустя три года. Можно предположить, что Петр I ждал появления еще одного сына от любимой жены Екатерины, но к 1722 г. ребенок так и не появился. Вокруг царевича Петра Алексеевича начались те же политические игры, что раньше велись вокруг его отца. И тогда император Петр решил раз и навсегда объяснить неразумным интриганам, что только он будет решать, кто унаследует его государство. В 1722 г. у него не было других наследников. Если бы он планировал передать трон внуку, то Указ о престолонаследии был бы не нужен: мальчик мог занять престол автоматически. Своим Указом Петр решил объявить знати, что ни при каких условиях внук императора – сын опального царевича Алексея дедом назначен наследником не будет. Таков был прозрачный намек: нет смысла крутиться вокруг маленького Петра Алексеевича. Впрочем, ни в 1722 г, ни в последующие три года император так и не нашел для себя наследника. В этом отношении английский Парламент поступил мудрее: пусть им не очень нравились наследники принцессы Софьи – немецкие принцы, но они являлись гарантами сохранения имеющегося положения; поэтому лучше было назначить их, чем искать лучшего. Российского императора не устраивали все его потенциальные наследники (по разным причинам – политическим и возрастным). Он выжидал и, в итоге, так и не воспользовался своим собственным Указом о престолонаследии.

Содержание Акта урегулирования и Указа о престолонаследии, а также различия между ними позволяют наглядно увидеть специфику разных этапов эволюции монархического строя. В обеих странах в этот период была монархическая форма правления. Можно предположить, что общественное развитие России и Великобритании шло параллельными путями, однако это не так. Тексты Акта и Указа позволяют

¹ Герцог Глостерский родился и всю жизнь прожил в Англии, говорил по-английски и был бы по-настоящему английским королем, хотя и считался принцем Датским.

понять сущность эволюции монархического строя в обеих странах, которая шла синхронно, но не синхронно-стадиально. Схожие события происходили почти одновременно, с исторической точки зрения. Но их социально-политический смысл был принципиально разным, потому что страны находились на разных этапах социально-экономического развития.

В 1722 г. (и в период всего царствования Петра I) Россия находилась на стадии завершения централизации государства с помощью петровских реформ и окончательного оформления абсолютизма. На предыдущем этапе развития государства вопрос о престолонаследии не находился в ведении монарха, а был прерогативой правящей знати. На случай пресечения династии существовал механизм Земского собора, который позволял избрать нового правителя из узкого круга «подходящих» кандидатов. В результате петровских реформ окончательно утвердился абсолютизм, и вопрос о престолонаследии стал прерогативой монарха. Понимая это, Петр издал соответствующий указ. Англия пережила этот этап политического развития несколько раньше – в середине XVI – начале XVII вв. Она была централизована Тюдорами, что позволило Генриху VIII единолично решать вопрос о престолонаследии. Благодаря унии корон 1603 г., это же право получил Джеймс I Стюарт.

В 1700 г. Великобритания проходила стадию эволюции абсолютной монархии в сословно-представительную. С конца XVI в. в Англии роль Парламента была весьма значительной. Именно тогда королева Елизавета Тюдор получила наглядный урок, показавший, что ее власть не абсолютна. Хотя шотландская королева Мария Стюарт была осуждена на смерть приговором суда 25 октября 1586 г., королева Елизавета сдалась на уговоры Парламента и подписала ей смертный приговор только 1 февраля 1587 г. Документ был передан незапечатанным на хранение личному секретарю королевы и члену Тайного совета Дэвисону, и тот проинформировал об этом других членов Тайного Совета. 3 февраля Вильям Сесил – лорд Берли, без ведома королевы созвал Тайный совет в составе 10 членов; Совет постановил запечатать и отправить подписанный королевой приговор тюремщикам Марии Стюарт. 9 февраля приговор был приведен в исполнение. Королева Елизавета была в ярости, она гневалась на членов Тайного совета, но потом простила их. Дэвисон провел несколько месяцев в Тауэре, но и он был позже прощен. Таким образом, без королевской подписи сделать было ничего нельзя, а без прямого королевского распоряжения – можно. Это стало неприятным сюрпризом как для королевы Елизаветы Тюдор, так и для нового короля Джеймса I из новой шотландской династии – в Шотландии роль парламента была минимальной. В течение всего своего правления Джеймс пытался восстановить абсолютизм, его сын Чарльз I действовал в том же направлении, что привело к Гражданской войне и потере Стюартами престола. Когда Чарльз II принял предложение Парламента и стал королем Великобритании, он понимал, что возврат к абсолютизму уже невозможен. Печальный пример отца был перед глазами, поэтому борьба Чарльза II с Парламентом никогда не выходила за более-менее цивилизованные рамки. Но позиция Джеймса II оказалась слишком близка к позиции его деда и отца. Он был намного менее умелым политиком, чем его дед и старший брат, что привело к Славной революции и приглашению Парламентом на престол его дочери и племянника.

Акт и Указ – законы близкие по времени, но разнофазные по сути. И в Великобритании, и в России инициаторы законов боялись отката назад в случае появления неудачного наследника. Мотивация у обоих законов идентична – опасения, что реформы будут перечеркнуты. Однако схемы решения имеющейся проблемы оказались разными. В Англии никто не мог решить вопрос единолично. Поэтому Парламент,

как наиболее заинтересованный политический субъект, выступил инициатором нового законодательства и заранее ограничил власть будущего монарха-иностранца (а другого быть не могло, смерть последнего выросшего в Англии наследника и подтолкнула к законотворчеству). Еще одним последствием принятия Акта урегулирования стало окончательное объединение Англии и Шотландии, включая слияние двух парламентов воедино, т.е. окончательная централизация страны под властью сословно-представительного органа с монархом во главе. У императора Петра сложилась обратная ситуация. У него не осталось выборных структур, способных решить вопрос о престолонаследии. Петр достиг своей цели – централизовал власть в руках монарха и наделил его, т.е. самого себя, правом назначать себе наследника.

Поверхностное рассмотрение вопроса о престолонаследии в российской и английской истории первой четверти XVIII в. наводит на мысль, что обе страны переживали очень схожие общественно-политические процессы. Однако углубленное изучение этих событий доказывает, что похожие, по своей сути, проблемы престолонаследия решались в России и Англии совершенно по-разному – в силу различий в общественно-политическом устройстве обеих стран.

ГРАФ К.В. НЕССЕЛЬРОДЕ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ: ПРИЧИНЫ НЕПОПУЛЯРНОСТИ¹

«Кисельворде» – под таким несерьезным прозвищем с легкой руки писателя Н.С. Лескова этот серьезный человек остался в истории, хотя ничего плохого писатель о Карле Васильевиче Нессельроде в своей книге не сказал, даже наоборот: «А граф Кисельворде велел, чтобы обмыли Левшу в Туляковских всенародных банях, остригли в парикмахерской и одели в парадный кафтан с придворного певчего, для того, дабы похоже было, будто и на нем какой-нибудь жалованный чин есть». Другой литератор – известный поэт Федор Иванович Гютчев в 1850 г. посвятил графу Нессельроде очень жесткие строки:

Нет, карлик мой! трус беспримерный!..
Ты, как ни жмися, как ни трусь,
Своей душою маловерной
Не соблазнишь Святую Русь...

Спустя четыре года, в разгар Крымской войны, историк и публицист славянофильского направления Михаил Петрович Погодин в своей записке на имя государя Николая Павловича писал, что российская дипломатия «принесла в жертву все свои, самые дорогие, кровные интересы, отказываясь от священнейших чувствований. Все для европейского порядка, который был, кажется, вышею, единственною ее целью»². Единомышленица Погодина – Вера Сергеевна Аксакова, сестра известных славянофилов Константина и Ивана Аксаковых, записала 10 марта 1855 г. в дневнике: «...Если б не Нессельроде, который беспрестанно его (императора Николая. – Н.Т.) принуждал возвращаться к безобразной политике немецкой, то государь был бы увлечен совсем на другой путь! (...) Ему, этому изменнику, ему одному обязаны мы позором и затруднительным положением России!»³.

Еще один современник событий, князь В.П. Мещерский писал о Нессельроде: «...Не мал, и не дюжин был, несмотря на свой маленький рост, похожий на Тьера⁴, знаменитый граф Нессельроде, министр иностранных дел. Он был и ловок, и умен, но, к сожалению, у него было два крупных недостатка: он не был русский по душе и совсем ею не роднился со своим монархом, а во-вторых, был феноменальный эгоист-эпикурец. От того про него говорили, что он больше сделал для кулинарного искусства и для цветов, чем для иностранной политики России»⁵.

¹ Исследование осуществлено в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

² Погодин М.П. Записки М.П. Погодина о политике России. 1853–1854 // Русская старина. 1874. Т.10. Вып. 5. С. 131.

³ Аксакова В.С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. 1854–1855 / Ред. и примеч. кн. Н.В. Голицына и П.Е. Щеголева. СПб., 1913. С. 85.

⁴ Адольф Тьер, известный французский политик, был тоже очень невысокого роста.

⁵ Мещерский В.П. Мои воспоминания // Николай Первый: pro et contra. СПб., 2011. С. 707.

В конце XIX в. склонный к обобщениям историк и дипломат Сергей Спиридонович Татищев в своей книге о внешней политике императора Николая I так отзывался о восприятии графа Нессельроде: «По общему свидетельству современников, он был воплощенно бездарностью и, как метко выразилась остроумная наблюдательница, графиня Эделинг, в своих Записках, "представлял из себя разительный пример притягательной силы, существующей между ничтожеством и фортуною"»¹.

Тогда же великий князь Николай Михайлович, председатель Русского Исторического общества, в своих «Русских портретах» дал весьма хлесткую характеристику Нессельроде: «Сын исповедовавшей протестантство еврейки и немца-католика, друга энциклопедистов, пять раз менявшего подданство, крещенный по англиканскому обряду, рожденный в Португалии и воспитанный во Франкфурте и Берлине, до конца жизни не умевший правильно говорить и писать по-русски², граф Нессельроде был совершенно чужд той стране, национальные интересы которой он должен был отстаивать в течение 40 лет (...) Роста малого, худощавый, близорукий, с едва слышною походкою, "вежливый и доброжелательный" в обращении, любивший музыку и цветы, граф Нессельроде не обладал ни силою ума, ни силою характера. Современники считали его "посредственностью" или даже прямо "ничтожностью"..."³. Причем Нессельроде не любил не только соотечественники; зачастую, не жаловали его и иностранные коллеги-дипломаты. Баварский дипломат французского происхождения Оттон де Брэ⁴ навесил на него, пожалуй, самый закрепившийся за ним ярлык, говоря о его «самоотверженной готовности стусеваться»: «Своей самоотверженной готовностью стусеваться и подчинить свою волю воле монарха, а равно своей многолетней преданной службой граф Нессельроде приобрел доверие императора и вместе с тем некоторое влияние, чего при данных обстоятельствах ему никогда не удалось бы достигнуть в том случае, если бы он держал себя более самостоятельно»⁵.

Исследователи до сих пор охотно цитируют еще одного современника Нессельроде – саксонского поверенного в делах при петербургском дворе Фитцтума фон Экштедта, немало строк посвятившего графу Нессельроде. Так, академик Е.В. Тарле в своей работе «Крымская война» приводит такое наблюдение дипломата: «Если Николаю Павловичу желательно о чем-нибудь внешнеполитическом секретно поговорить, то он зовет лично ему очень приятного прусского посла генерала фон Рохова и по душе беседует с ним. А если фон Рохову покажется, что не худо было бы сообщить и маленькому Нессельроде кое о чем из царских желаний и намерений, то фон Рохов просит у Николая позволения поговорить с канцлером Российской империи, и если получает на это позволение, то сообщает канцлеру, что найдет нужным»⁶. Получается, будто император Николай ни во что ни ставил своего «маленького Нессельроде», и все внешнеполитические вопросы обсуждал исключительно с прусским дипломатом.

¹ Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889. С.XVII.

² Утверждение, что Нессельроде якобы не умел ни говорить, ни писать по-русски, повторяется из работы в работу – см., напр.: Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. С. XVII. Хотя это было вовсе не так, и русский язык он знал с детства.

³ Николай Михайлович, вел. кн. Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 5. Вып. 4. СПб., 1909. С.156.

⁴ В 1833–1835 гг. он являлся советником баварского посольства в Петербурге; в 1843–1859 гг. (с перерывом в 1846–1847 гг.) занимал пост посланника.

⁵ Брэ О. де. Император Николай и его сподвижники // Николай Первый: pro et contra. С. 402.

⁶ Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1. СПб., 2011. С. 81–82.

Кстати, саксонский дипломат отзывался о канцлере не только негативно; другое дело, что академик Е.В. Тарле, исходя из идеологических, а не научных соображений, использовал воспоминания Фитцтума фон Экштедта фрагментарно. Например, в тексте воспоминаний, перед только что приведенной цитатой, саксонский дипломат объяснял, почему Николаю нравилось беседовать с дипломатами: по его мнению, это было связано с отсутствием «железнодорожного и электрического сообщения с иностранными государствами», когда Петербург «был как бы отрезан от всемирных международных отношений». Тем более, что прусский посланник «считался за наиболее знающего и наиболее влиятельного». К тому же, продолжает дипломат, Рохов, не обладая «крупными государственными способностями», «был человек добродушный, общительный, всецело принадлежал старой школе» и тем самым очень «сжился» с императором. И дальше фраза, в переводе журнала «Русская старина» звучащая несколько спокойнее, нежели у академика Тарле: «Нередко случалось, что государь общал прусскому посланнику какие-либо важные политические решения, о которых Нессельроде ничего не знал, и Рохову приходилось просить дозволение – в интересах дела – сообщить о том (...) государственному канцлеру»¹.

Т.е. в описаниях саксонского дипломата граф Нессельроде выглядит не иначе, как жалким. Однако был ли саксонский дипломат глубоким знатоком России и ее политической элиты и успел ли он узнать про все и всех за год пребывания в нашей стране? Вероятно, нет. А как относился к прусскому дипломату сам граф Нессельроде? И вот тут самое интересное. Дело в том, что Карл Васильевич о Теодоре Генрихе Рохове (1794–1864), участнике антинаполеоновских кампаний, с 1835 г. находившемся на дипломатической службе, а с 1845 г. являвшемся послом Пруссии в Петербурге, отзывался очень тепло. В письме своему другу и коллеге – послу России в Пруссии барону П.К. Мейендорфу от 17 мая 1847 г. он сожалел, что Рохов уезжал из Петербурга в Берлин, и писал: «Он единственный из нашего дипломатического корпуса, с которым я себя чувствую непринужденно и могу говорить с открытым сердцем. Мне его будет очень не хватать». В другом письме Мейендорфу, от 23 октября 1847 г., Нессельроде писал: «Наш добрый Рохов мне написал целые тома из Варшавы. С самым искренним удовольствием я прочел в его письме, что он возвращается к нам этой зимой (...) Единственный упрек, который я могу ему адресовать, заключается в том, что он воспринимает мир в слишком мрачном цвете и внушает свой взгляд императору в ходе их разговоров на политические темы». Т.е. это как-то не вяжется с тем, о чем писал Фитцтум фон Экштедт. Да, Рохов, как и другие дипломаты, общался с государем, имел с ним разговоры, о чем писал сам Нессельроде, но чтобы император обсуждал с прусским послом важнейшие вопросы, а канцлер в это время терпеливо ждал, какой информацией Рохов соизволит с ним поделиться – это все, на мой взгляд, плод богатого воображения саксонского дипломата. Кстати, в начале 1848 г. Рохов вернулся в Петербург, и 5 февраля Карл Васильевич писал барону Мейендорфу: «Рохов прибыл в понедельник вечером. Позавчера он ужинал с императором. У меня был с ним лишь короткий разговор. Сегодня он ужинает у меня, и я надеюсь, что мы наговоримся вдоволь»². Конечно, можно и это интерпретировать в духе саксонского дипломата: император поговорил с Роховым, а потом позволил ему поделиться информацией с Нессельроде...

¹ Фитцтум фон Экштедт К. В виду Крымской войны. Заметки дипломата при петербургском и лондонском дворах // Русская старина. 1887. № 5. С. 369.

² Nesselrode Ch. de. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode, 1760–1850. T. IX. Paris, 1904–1911. P. 27, 39, 61.

Тем более, что Фитцтум фон Экштедт, будто забыв о Рохове, потом и вовсе общается, что «еще большую симпатию питал царь к только что назначенному австрийскому послу, графу Менсдорфу-Пульи». Т.е. к подобного рода высказываниям надо относиться очень осторожно. Иначе может сложиться впечатление, что император Николай только и делал, что обсуждал внешнеполитические вопросы с иностранными дипломатами, лишь им и доверял, а Нессельроде вовсе игнорировал. Что еще важно: граф Фитцтум фон Экштедт действительно утверждал, что Нессельроде был для Николая «не более, как чиновник, которому он оказывал доверие лишь настолько, насколько считал это потребным для дел», что «решающего влияния он, по-видимому, не имел – по крайней мере на императора Николая, пред которым трепетал». Но у него есть и другие характеристики Нессельроде, гораздо более доброжелательные и даже хвалебные. Так, в продолжении приведенной выше фразы он отмечал, что за границей Нессельроде считали «душою русской политики», т.е. считали человеком влиятельным. Более того, саксонский дипломат высоко оценивал интеллектуальные способности канцлера, подчеркивая его блестящее умение концентрироваться на главном: «Эта способность сосредотачиваться помогала ему справляться с массою налегавших на него крупных и мелких дел. Творческим умом он не обладал, но умел пользоваться чужими мыслями и уяснять их. Здравостью его суждений и способностью к упорной, неутомимой деятельности объясняется то, что он успел удержаться в своем положении в продолжении трех царствий. С особенною гибкостью умел он применяться и к обстоятельствам, и к расположению духа государей»¹.

В 1836 г. английский посол в России Дж. Дюргам доносил главе внешнеполитического ведомства лорду Г.Дж. Пальмерстону, что в вопросах внешней политики император Николай прислушивался только к двум людям из своего окружения – А.Ф. Орлову и К.В. Нессельроде². А вот высказывание баварского дипломата Оттона де Брэ о «самоотверженно готовом слушаться» Нессельроде: «Европа неоднократно была обязана ему сохранению мира: так было в 1829 году и в 1830 году, когда положение дел было таково, что одной искры было достаточно, чтобы возгорелась всеобщая война. Граф сохранил по-прежнему свое влияние и после 1848 года и, без сомнения, немало содействовал тому, что изречение: "умеренность в силе", характеризующее правление Николая I, осталось в почете». А в качестве вывода можно привести такие слова дипломата: «...Императору и его министру одинаково следует воздать должное за то, что русская политика доказала своею честностью и достигнутыми ею успехами, что самая честная политика есть вместе с тем и наилучшая»³, - а это уже характеристика блестящая – как самого министра, так и его политики.

Но в целом, и с этим нельзя не согласиться, положительные оценки деятельности и личности графа К.В. Нессельроде были весьма редкими. Однако важно ответить на вопрос: почему современники так отзывались о Нессельроде? Действительно ли он был таким, или так его воспринимали? И если да, то по каким причинам? Возьмем, например, высказывания современника Нессельроде – князя Петра Владимировича Долгорукова, давшего просто убийственную характеристику канцлеру как «австрийскому министру русских иностранных дел»: «Немец происхождения и по своим понятиям, немец старого покроя; человек ума необширного, но ума необыкновенно хитрого и тонкого, ловкий и вкрадчивый от природы, но совершенно чуждый потребнос-

¹ Фитцтум фон Экштедт К. Указ. соч. С. 369–370.

² Цит. по: Ingle H.N. Nesselrode and the russian rapprochement with Britain, 1836–1844. Los Angeles, London, 1974. P. 58.

³ Брэ О. де. Указ. соч. С. 402.

тям современным, им принимаемым за прихоть игривого воображения. Искусный пройдоха, обретший большую помощь в хитрости и ловкости своей жены-повелительницы, столь же искусной, как и он, пройдохи, и к тому же страшнейшей взяточницы, Нессельрод был отменно способным к ведению обыденных, мелких дипломатических переговоров. Но зато высшие государственные соображения были ему вовсе чуждыми (...) Впрочем, ленивый от природы, он не любит ни дел, ни переговоров; его страстью были три вещи: вкусный стол, цветы и деньги¹.

Т.е. перед нами крайне желчная, просто оскорбительная характеристика, причем не только самого канцлера, но и его супруги. Но каково «золотое правило» историка? Никому нельзя верить, все надо перепроверять и анализировать. Почему Долгоруков так писал о Нессельроде? Этот «князь-республиканец», в 1842 г. в Париже опубликовавший пасквиль о России, после чего оказавшийся в ссылке и опале, потом, при императоре Александре II, не получивший пост министра, эмигрировавший в Европу, снова опубликовавший в Париже работу под названием «Правда о России» и приговоренный Сенатом к лишению княжеского титула, прав состояния и к вечному изгнанию, был обижен на всех и вся в России, включая императора Николая и его окружение. Будучи сторонником либерально-конституционных порядков французского короля Луи-Филиппа Орлеанского (1830–1848), он ненавидел в целом политическую систему Российского государства. Человек яркого ума, князь имел отвратительный характер, а современники его считали способным на всяческие гадости. Например, его подозревали в составлении анонимных писем, приведших к дуэли Пушкина, а сам он очень легко всех подозревал во взяточничестве и казнокрадстве. Поэтому даже известный советский литературовед П.Е. Щеголев в предисловии к книге П.В. Долгорукова «Петербургские очерки» был вынужден отметить, что из-под его пера вышел «безудержный пасквиль», в котором «страстность инвектив мешает иногда различить реальную правду»². Или возьмем хлесткие строки Ф.И. Тютчева. Поэт, как известно, был еще и дипломатом, подчиненным Карла Васильевича. И однажды канцлер отклонил его просьбу – отказал ему в должности первого секретаря, хотя знал о материальных затруднениях его семьи. К тому же между Тютчевым и Нессельроде были и принципиальные различия во взглядах на внешнюю политику. Так, когда в 1843 г. между Россией и Францией после публикации книги маркиза Астольфа де Кюстина развернулись т.н. «журнальные войны», Тютчев предлагал использовать перья известных европейских литераторов для написания опровержения на работу Кюстина. Однако возобладала точка зрения императора, поддержанная Нессельроде: взирать на все публикации с ледяным равнодушием. Или, например, упоминавшееся в пересказе историка С.С. Татищева высказывание графини Эделинг о том, что Нессельроде – пример разительной силы «между ничтожеством и фортуною». Это не совсем точный смысл, поскольку графиня писала еще жестче. Сообщая о начале карьеры Нессельроде в штабе императора Александра I, она пишет: «Он взял с собой немногих, и эти немногие были люди довольно посредственные, в числе которых я должна назвать графа Нессельроде, представляющего собою поразительный пример того, как слепое счастье льнет к ничтожеству»³. Т.е. граф Нессельроде – всего лишь ничтожество, которому элементарно повезло.

¹ Долгоруков П.В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1934. С. 242.

² Там же. С. 6.

³ Эделинг Р.С. Из записок графини Эделинг, урожденной Стурдзы. С неизданной французской рукописи (писано в 1829 году) // Русский архив. 1887. Кн. 2. 1. С. 221.

Но почему эта дама так зло писала о графе Нессельроде? Графиня Роксандра Скарлатовна Эделинг (Эдлинг, урожд. Стурдза) родилась в Константинополе. Как она сама писала, ее мать происходила «из рода князей Мурузи, известных в Леванте по своему влиянию на Оттоманскую Порту и по своим отменным дарованиям». Ее дед был молдавским господарем. Когда ей было пять лет, ее родители перебрались в Россию, о чем потом, по ее собственным словам, сожалели, да и сама она постоянно жаловалась на жизнь, пыталась найти себе «благоприятелей» при дворе, например, войти в доверие к графине Шарлотте Карловне Ливен – воспитательнице внуков императрицы Екатерины¹. Т.е. она очень хотела устроиться в жизни и крайне болезненно воспринимала успехи тех, кому это удалось сделать и, по ее словам, просто повезло. Она была не просто остроумна, но язвительна, при этом великодушна к друзьям и нетерпима к тем, кто ей был не симпатичен (впрочем, таковой считали и Марию Дмитриевну Нессельроде), и ненавидела тех, кто, по ее мнению, препятствовал успеху ее друзей. Имея молдавские корни, она, например, превозносила Александра Ипсиланти и особенно уроженца Корфу Иоанна Каподистрию – друга ее семьи, с которым она сама была не просто дружна: в обществе говорили об их предполагаемом браке, хотя сама она писала о сестринских чувствах к нему и о том, что она не собиралась «замуж в России»². Каподистрию она просто боготворит: «Его прекрасная наружность, отмеченная печатью гения, может служить предметом изучения для живописца и физиономиста. Умом ясным, плодотворным и тонким он обнимает все, чем займется, и в предмете созерцания своего обретает великие и новые стороны (...) Отменная доброта графа Каподистрии, кротость и благоволение в характере его преобладали в нем над некоторыми легкими недостатками, и впоследствии он от них освободился»³. Как известно, с 1816 г. Иоанн Каподистрия и Карл Нессельроде совместно управляли Министерством иностранных дел и в постепенном отстранении Каподистрии от дел упрекали именно Нессельроде. Его имя графиня вовсе не произносит и пишет, будто после 1816 г. всей политикой занимался именно Каподистрия⁴. Т.е. она всячески превозносит Каподистрию и принижает Нессельроде. При этом сам Карл Васильевич отзывался о своем коллеге очень уважительно.

Еще Геродот говорил: о государственном деятеле надо судить по финалу его карьеры. А финал у графа Нессельроде и императора Николая I был незавидным: поражение в Крымской войне перечеркнуло все достижения российской дипломатии и все успехи российской внешней политики. С этим во многом связана и негативная оценка деятельности Нессельроде – именно его считали главным виновником поражения России в Крымской войне, немцем, предавшим российские интересы и проводившим антинациональную политику. Т.е. главное обвинение в адрес Нессельроде заключалось в том, что он был немцем. Именно в немецком происхождении канцлера, а также в целом в том, что во внешнеполитическом ведомстве доминировали иностранцы, усматривали важнейшую причину всех несчастий, истоки якобы антинациональной политики Нессельроде и пренебрежение национальными интересами России.

Внук графа Нессельроде – Анатолий Дмитриевич, опубликовавший письма и бумаги своего деда и стремившийся реабилитировать его память и доброе имя, подчеркивал, что именно ростом крайнего национализма объясняется критика политики «немца» Нессельроде. При этом, отмечал внук, речь шла «о национализме исключительно

¹ Там же. Кн. 2. С. 195.

² Там же. Кн. 4. С. 411.

³ Там же. Кн. 2. С. 206–207.

⁴ Там же. Кн. 4. С. 436.

ном и мелочном, живущем ненавистью, а не любовью, подозрениями, а не надеждами, клеветущим на прошлое и интригующим в настоящем». По словам А.Д. Нессельроде, «как есть во всех странах роялисты, кичащиеся тем, что они больше роялисты, нежели сам король, так во всех странах есть националисты, являющиеся в большей степени патриотами, чем само отечество (...) Они переделывают историю в угоду своим страстям, обесценивают правду и приносят ее на алтарь своей ненависти»¹. Вот как писал об отношении к немцам граф Фитцтум фон Экштедт: «Старорусское направление, которое так усилилось после Крымской войны, в то время было только еще в зародыше. Однако в гостиных начинали уже с некоторою аффектацией говорить по-русски, сравнивать историка Карамзина с Тацитом, а поэта Пушкина с Гете (...) Это национальничанье выразилось, между прочим, и в ненависти к немцам (...) Впрочем, в высшем обществе эта немцефобия весьма мало обнаруживалась»².

А вот высказывание князя Долгорукова: «Этот австрийский министр русских иностранных дел, Нессельрод, не любил русских и считал их ни к чему не способными; зато боготворил немцев, видел в них совершенство человечества и, вероятно, полагал, что при сотворении мира господь бог, уже отдохнув на седьмой день, лишь на осьмой день, после отдыха и собравшись с силами, создал первого немца»³.

Александр Иванович Герцен в 1859 г. в «Колоколе» опубликовал статью «Русские немцы и немецкие русские». По его убеждению, немцы, прежде честно служившие России, теперь ей только вредили: «Из всех правительственных немцев – само собою разумеется – русские немцы самые худшие. Немецкий немец в правительстве бывает наивен, бывает глуп, снисходит иногда к варварам, которых он должен очеловечить. Русский немец ограниченно умен и смотрит с отвращением стыдящегося родственника на народ. И тот и другой чувствуют свое бесконечное превосходство над ним, и тот и другой глубоко презирают все русское, уверены, что с нашим братом ничего без палки не сделаешь...». И далее перечисляет «ручных Нессельродов», «цепных Клейнмихелей», «одноипостасных Бенкендорфов и двуипостасных Адлербергов»⁴. Т.е. немцы, по его мнению, способны русских лишь презирать, испытывать к ним отвращение и муштровать.

Очень интересные наблюдения о немцах на русской службе оставил писатель, публицист и издатель Николай Иванович Греч. В «Записках о моей жизни» он писал о политике императора Александра I после отставки М.М. Сперанского: «Александр, на безлюдье, воспользовался давнишним правилом, которое потом было выговорено и внесено в закон Грибоедовым: "Нам без немцев нет спасенья"». Греч объясняет, почему Александр I активно использовал иностранцев на русской службе: «... Помышляя о спасении России, он искал пособий и средств повсюду и предпочитал иностранцев, говоривших ему правду, своим подданным, которые ему льстили, лгали, интриговали и ссорились между собой. Да и чем лифляндец Барклай менее русский, чем грузин Багратион?». Тем более, в условиях общеевропейской борьбы против Наполеона, по словам Н.И. Греча, «все благородные люди становились (...) земляками и братьями»⁵.

¹ Nesselrode Ch. de. Lettres et papiers... Т. II. P. 2–3, 4.

² Фитцтум фон Экштедт К. Указ. соч. С. 390–391.

³ Долгоруков П.В. Указ. соч. С. 242.

⁴ Герцен А. И. Русские немцы и немецкие русские // Колокол. 1 октября 1859. Прибавочные листы к Полярной звезде. Лист 53. С. 431.

⁵ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 2002. С. 236–237.

При императоре Николае Павловиче ситуация изменилась. Как известно, Николай I был страстным защитником и поборником всего русского, и, говоря современным языком, проводил политику «импортзамещения», причем по всем азимутам. На ведущие посты он назначал людей русского происхождения, а инородцам, как писал историк и дипломат С.С. Татищев, «приходилось довольствоваться второстепенными ролями». Однако в Министерстве иностранных дел по-прежнему активно использовались иностранцы. По мнению С.С. Татищева, иностранцы в Министерстве иностранных дел, знавшие Россию, но не чувствовавшие ее, бывшие наемниками, а не патриотами, не могли самоотверженно служить интересам России: «Все они, почти без исключения, были инородцы по происхождению, иноверцы по религии, чуждые России по воспитанию своему, по родственным связям, по образу жизни, по усвоенным привычкам и приемам. Незнакомые ни с языком, ни с историей русского народа, они являлись убежденными сторонниками того довольно распространенного в Западной Европе учения, которое на Россию взирало как на грубую материальную силу, на бессознательное орудие в руках просвещенных дипломатов (...) Словом, на Россию с одной стороны, на Европу с другой, русские дипломаты того времени смотрели лишь через европейские очки, жили умом Запада, руководились его волею». Он приводит цитату из дневника русского военного и государственного деятеля А.И. Михайловского-Данилевского, который так отзывался о «космополитах» типа Нессельроде: «Этот класс людей получает обыкновенно хорошее воспитание, но основанное на космополитических правилах. Они много знают, но ничего не чувствуют к России. Ум их и память обогащены познаниями, но душа их и сердце не напитаны истинною любовью к отечеству, привязанностью к престолу и уважением к русским нравам и обычаям»¹. Действительно, в штате сотрудников Иностранной коллегии, созданной в 1802 г., была большая профессиональная доля иностранцев (С.С. Татищев в своей книге «Император Николай и иностранные дворы» приводит точные данные по министерству)². Как пишет в своей работе канадский историк Х. Ингл, кто-то однажды посоветовал графу Нессельроде попытаться поставить русских на официальные посты за границей. Однако Нессельроде якобы ответил на это: «Русские никогда ничего не делали, кроме ошибок»³. А Николай, объясняя свою позицию, якобы декларировал: «Русские дворяне служат государству, немецкие – нам»⁴.

На мой взгляд, дело было не в ошибках русских и не в службе государству, а не царю, а в том, что в делах дипломатии иностранцы – это, прежде всего, высококвалифицированные специалисты, к тому же интегрированные в европейскую среду и культуру; им проще найти общий язык со своими зарубежными коллегами. Граф Фитцтум фон Экштедт так писал о причинах активного «ангажирования немцев»: «...Если государи русские избирали довереннейших своих слуг из этих потомков немецких рыцарей меченосцев, то имели на то основательные причины. Силою здравого суждения, выдержки в труде, а особенно верностью и честностью, немцы решительно превосходили русских (...) Что немец Нессельроде отдавал предпочтение своим соотечественникам, в том нельзя было упрекать его, потому что Мейендорфа в Вене,

¹ Татищев С.С. Император Николай и иностранные дворы. С. XIII, XV, XVIII.

² О немцах в Министерстве иностранных дел – см.: Иванова Н.И. Немцы в Министерстве иностранных дел // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 8. СПб., 2014. С.69–74.

³ Ingle H.N. Op. cit. P. 16.

⁴ Цит. по: Высокочков Л.В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018. С. 376.

Бруннова в Лондоне, равно как и Будберга в Берлине не легко было бы заменить русскими. Пришлось, ведь, даже корсиканцу Поццо ди Борго в течение многих лет быть представителем России в Париже, потому что более способного не могли найти»¹. Требования к дипломатам предъявлялись очень высокие. Нессельроде требовал от подчиненных разносторонних знаний в области географии, политики, европейских систем управления, экономики и истории; свободного владения несколькими языками. Его личными предпочтениями являлись дополнительное знание греческого или восточного языка, а также знания в сфере искусств и высокой культуры. Русские действительно жаловались, что он презирает русский язык, но он взял за правило нанимать на работу несколько человек, которые были «хорошими знатоками русского языка». Большая часть его сотрудников была сведущей в искусстве, литературе, истории и классической литературе; многие учились в европейских университетах. Британский посол маркиз Кланрикард в 1841 г. доносил, что «администрация всех министерств русского правительства, кроме иностранного, плачевна»².

А вот что писала о российских дипломатах дочь императора – великая княгиня Ольга Николаевна: «При Нессельроде было много блестящих дипломатов, почти все немецкого происхождения, как, например, Мейендорф, Пален, Матусевич, Будберг, Брунов. Единственных русских среди них, Татищева и Северина, министр недолюбливал, как и Горчакова»³.

К этим иностранным именам дипломатов я бы непременно добавила супружескую чету Христофора Андреевича и Дарью Христофоровну Ливен (урожд. Бенкендорф), хотя они, конечно, прибалтийские немцы, т.е. «свои», и о Дарье Ливен разговор еще впереди; а также кровного врага Наполеона Бонапарта – гордого корсиканца Шарля-Андре Поццо ди Борго, 35 лет служившего интересам России.

Что касается князя Александра Михайловича Горчакова – преемника Нессельроде, то его не любил и император Николай, хотя, по логике, должен был любить уже за русскую фамилию! Но дело было в том, что Горчаков знал о заговоре 14 декабря, но не донес. Вероятно, это и было главной причиной неприязни к нему Нессельроде. Хотя, конечно, современники полагали, что тот не любил Горчакова именно по причине его русскости и независимости во взглядах. Вот что писал князь Долгоруков: «Николай Павлович его не любил по воспоминанию о 14 декабря; вице-канцлер, министр иностранных дел, граф Нессельрод, не любил его за русское знатное имя, за русские чувства, за отсутствие искательства в начальстве и в сильных людях»⁴. Кстати, мать князя Горчакова была немкой, а характер он имел весьма вспыльчивый, что не являлось лучшим качеством дипломата, и тот же Долгоруков в итоге дал очень жесткую характеристику Горчакову. Критикуя его политику, он писал: «Плохой, весьма плохой политик был император Николай; канцлер его Нессельрод, немец родом и по душе, но никогда Николай и Нессельрод не допустили бы подобной оплеухи для России!»⁵. Т.е., в итоге, постоянно критикуемый и унижаемый Долгоруковым Нессельроде оказался вполне достойным министром!

Интересный факт: в немецкой историографии личность К.В. Нессельроде не является предметом специального изучения; лишь в 1974 г. в Нюрнберге о нем была за-

¹ Фитцтум фон Экштедт К. Указ. соч. С. 390–391.

² Ingle H.N. Op. cit. P. 16.

³ Великая княгиня Ольга Николаевна. Сон юности. Записки дочери Николая I. М., 2017. С. 120.

⁴ Долгоруков П.В. Указ. соч. С. 151.

⁵ Там же. С. 281.

щищена диссертация¹. Вероятно, для немецких исследователей «немец» Нессельроде – совершенно русский политик.

Как видим, большинство современников графа Нессельроде откровенно не любили, если не сказать больше, хотя, как мы видели, более взвешенные оценки, и даже положительные, встречались тоже. Связано это было во многом с непопулярностью в общественном мнении внешнеполитического курса Российской империи в рамках политики «европейского концерта», что налагало на страну определенные обязательства. Либерально, а также националистически настроенная общественность усматривала в этом пренебрежение национальными интересами страны в угоду легитимному порядку. Причем такие обвинения в адрес своих правительств выдвигала и общественность других стран, т.е. «казус Нессельроде вовсе не уникален». Особенно остро эти обвинения звучали на фоне роста национализма и нерешенности национальных проблем. Соответственно, «немец» Нессельроде являлся воплощением этого зла, ответственным за проведение антinationального курса. Поэтому ответственность за поражение России в Крымской войне общественное мнение, особенно славянофильские круги, возлагали на «немца» Нессельроде, якобы действовавшего в угоду Австрии и склонившего императора Николая на этот путь. Правда, как это соотносилось с абсолютной «незаметностью» Нессельроде и его «самоотверженной готовностью ступешаться», совершенно непонятно. В любом случае, поражение в Крымской войне стало ассоциироваться с главным итогом политики Нессельроде.

Эти обвинения перекочевали и в историческую науку, и историки активно цитируют все эти негативные высказывания. На мой взгляд, сформировавшиеся подходы требуют существенной корректировки. К.В. Нессельроде был гораздо более сложной личностью и политиком; вовсе не всегда он проявлял «самоотверженную готовность ступешаться» и высказывал мнение, не совпадавшее с позицией государей; его склонность к умеренности и компромиссам уравновешивала эмоциональные порывы императора Николая I. Письма же Нессельроде, особенно адресованные близким друзьям и коллегам, раскрывают его как настоящего патриота, искренне переживавшего за судьбу России. А к эмоциональным высказываниям современников следует относиться осторожно и не принимать их на веру.

¹ В 1974 г. в Нюрнберге была защищена диссертация: Gritzbach H. Der russische Reichskanzler Graf Nesselrode (1780–1862). Nürnberg, 1974.

А.Ю. Можайский
кандидат исторических наук, доцент Института классического
Востока и античности Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник
лаборатории управления инновационными проектами
и интеллектуальной собственностью Института стратегии
развития образования Российской академии образования

М.С. КУТОРГА: РОССИЙСКИЙ УЧЕНЫЙ СРЕДИ ЗАПАДНЫХ АНТИКОВЕДОВ¹

По мнению русского исследователя В.П. Бузескула – автора очерка разработки греческой истории в XIX и начале XX в., М.С. Куторга (1809–1886) – «первый выдающийся и совершенно самостоятельный русский исследователь в области изучения греческой истории». В начале XX в., когда Бузескул писал эти строки о Куторге, его заслуги уже были оценены, а видный русский исследователь и переводчик с древнегреческого Ф.Г. Мищенко написал о Куторге, что тот «соединял в себе увлечение гуманиста, начитанность эллинистов XVII в. и критический такт ученого нашего времени»². Михаил Семенович получил образование сначала в Петербургском, затем в Дерптском университете, а после – за границей, где посещал лекции таких исследователей, как А. Бек, Л. фон Ранке и Ф. Раувер. Подобное комплексное обучение позволило ему воспринять «критический метод» европейской исторической науки³. Действительно, М.С. Куторга еще в Дерпте познакомился с передовыми по тем временам трудами по истории Греции и Рима. Например, на одном из экзаменов М.С. Куторгу спрашивали об учении Бартольда Георга Нибура. За границей Михаил Семенович слушал лекции, посещал музеи и работал в библиотеках Копенгагена, Вены, Мюнхена, но больше всего – в Берлине. Кроме того, значительное влияние на молодого Куторгу оказали работы французского историка Франсуа Гизо, под влиянием которого Куторга развил концепцию классовый борьбы применительно к истории Афин⁴. Зарубежные и российские исследователи отмечают, что некоторые страницы «О демократии во Франции» Гизо вполне могли бы быть написаны Карлом Марксом, признававшим Гизо одним из создателей классовой теории⁵. М.С. Куторга, начиная с 1830-х гг., развивал эту теорию в России. Вернувшись из-за границы, он в 1835 г. начал преподавать в Петербургском университете; в 1838 г. защитил докторскую диссертацию, стал профессором, в 1848 г. избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. В 1869 г. Куторга покинул Петербургский университет и перешел в Москов-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017–2020 гг. №27.8089.2017/БЧ «Реализация потенциала историко-педагогических исследований в современном педагогическом образовании».

² Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. / вступ. ст. и общ. ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2005. С. 363.

³ Скворцов А.М. М.С. Куторга и его антиковедческая школа (к 200-летию со дня рождения Михаила Семеновича Куторги) // Вестник Челябинского государственного университета. История. №12(150). Вып. 31. 2009. С. 125–130.

⁴ Мадиссон Ю.К. Молодой Куторга (к вопросу о возникновении русской исторической науки об античности) // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 43. Таллин, 1956. С. 3–37.

⁵ Triomphe P. L'Europe de François Guizot. Paris, 2002. P. 84; Танышина Н.П. Франсуа Гизо: политическая биография. М., 2016. С. 122.

ский, где преподавал до 1874 г., после чего продолжал научную деятельность в своем имени¹.

Основные работы Куторга посвятил вопросам истории Греции архаического и классического периодов, многие из них были изданы на французском и немецком языках, что сделало его имя известным за границей². Ссылки на работы М.С. Куторга можно найти в трудах многих западных исследователей, включая Дж. Грота, который в своей «Истории Греции» отмечал, что «профессор Куторга из Санкт-Петербурга проследил и проиллюстрировал фундаментальные аналогии между социальной классификацией греков, римлян, германцев и русских в ранние времена» (перевод мой. – А.М.)³. Грот признал вклад Куторги в историю Аттики, но некоторые обобщения по другим вопросам в работе Куторги «*Essai sur l'organisation de la tribu dans l'antiquité*» кажутся Гроту основанными на ненадежных источниках⁴. Следует отметить, что Куторга был против гиперкритицизма в исследованиях. Так, по его мнению, новейшие писатели «не только достигли, но и перешли крайние пределы мудрствования в своих так называемых критических разысканиях»; и далее: «мы думаем, что история древнейшего периода Греции не в такой степени недостоверна, как смотрят на нее теперь писатели, посвящающие себя ее изучению; что в повествованиях историков содержится истина, основанная не на изустном предании, а на подлинных исторических памятниках; что с древнейших времен существовала в Греции письменность, доставившая историкам возможность приобрести положительные данные; и что рассмотрение древнейших событий подтверждает эти положения, нисколько их не опровергая. Мы дошли до этого мнения не путем отвлеченных соображений и не развивая какую-либо затаенную мысль, а внимательным разбором эллинских историков, стараясь отыскать в их известиях тот именно смысл, который они сами разумели, и разъясняя их показания подобными же явлениями у других народов»⁵.

Обратимся теперь к исследованиям Куторги, которые он провел в Греции, а именно – в Беотии, так как одно из них стало широко известно в западном научном сообществе. Научное путешествие Куторги по Греции состоялось в 1860–1861 гг. Результаты проведенного в Беотии и ее пограничных регионах исследования местности М.С. Куторга изложил в двух работах. Первая была написана на французском языке и вышла в журнале «*Revue Archéologique*»⁶. А. Уокер и Х. Гоулдман отмечают, что эта публикация Куторга была первым детальным описанием Гал⁷.

¹ Фролов Э.Д. Русская наука об античности (историографические очерки). СПб., 1999. С. 161–163.

² См. напр.: Koutorga M. *Essai sur l'organisation de la tribu dans l'antiquité*. Paris, 1839; Koutorga M. *Beiträge zur Erklärung der vier ältesten attischen Phylen* // *Bulletin de la classe historico-philologique de L'Académie des sciences de St. Petersburg*. VIII. 1851. P. 87–96; Koutorga M. *Essai historique sur les trapézites ou banquiers d'Athènes précédé d'une notice sur la distinction de la propriété chez les Athéniens*. Paris, 1859; Koutorga M. *Mémoire sur le parti persan dans la Grèce ancienne et le procès de Thémistocle* / par m. de Koutorga. Paris, 1860; Koutorga M. *Recherches critiques sur l'Histoire de la Grèce pendant la période des guerres Médiques*. Paris, 1861; Koutorga M. *Examen de la dissertation de Richard Bentley sur l'authenticité des lettres de Thémistocle*. Paris, 1861.

³ Grote G. *History of Greece*. Vol. III. Boston, 1852. P. 62.

⁴ Сам Грот не аргументирует свою позицию, ограничиваясь словами: «Respecting the early history of Attica, however, many of his positions are advanced upon very untrustworthy evidence». – См.: *Ibid.*

⁵ Куторга М.С. О достоверности древнейшей греческой истории // *Собрание сочинений Михаила Семеновича Куторги*: В 2 т. Т. 2. СПб., 1896. С. 19–20.

⁶ Koutorga M. *Les villes de Cyrtanes et de Corsia et les ruines d'Halae* // *Revue Archéologique*, 1860. P.390–395.

⁷ Walker A.L., Goldman H. *Report on Excavations at Halae of Locris* // *American Journal of Archaeology* 19.4, 1915. P. 418–437.

Однако, если эта франкоязычная статья Куторги была известна европейскому читателю, то русскоязычная работа 1874 г. «Платей: отрывок из путешествия по Греции», вышедшая в «Русском вестнике» М.Н. Каткова, осталась неизвестной за пределами России. Между тем, это весьма обстоятельный труд, вероятно, опередивший свое время¹. Следует сказать, что мы провели собственное исследование в области Платей² в Беотии и наработки Куторги очень помогли. Это исследование было положительно оценено западным сообществом, а главное, стало ясно, что работа Куторги о Платеях актуально и сегодня. Наряду с вопросами, связанными с греко-римским периодом, сведения Куторги приоткрывают нам скрытый ландшафт славянских названий, которыми все еще пользовалось население Парасопии в XIX в. Открытые Михаилом Семеновичем славянские топонимы прибавляют аргументации в пользу существования в Платеях греко-славянского поселения в VII–X вв.

Заметим, что если ранние работы Михаил Семенович часто публиковал на немецком и французском языках, то в поздний период он публиковался, в основном, на русском (если не исключительно на русском). С чем это было связано? Нам, с моей коллегой В.К. Пичугиной, удалось найти в архиве М.С. Куторги несколько документов, которые, по-видимому, приоткрывают мысли исследователя по вопросу языка публикаций³. Здесь мы приводим лишь ключевые моменты из этих лекций, отвечающие на поставленный вопрос.

«Об образованности»⁴

«Конечно образованность, как явление общечеловеческое, может иметь несколько степеней. Эти деления способствуют нам для определения ее в нациях, и, следовательно, для оценки положений этих наций среди образованных государств. Степеней мы принимаем три: образованность низшую, общую или среднюю и, наконец, высшую или специальную. Под образованностью низшею мы разумеем сведения, приобретенные массою народа; она вместе с образованностью средней, заключающей в себе все общечеловеческие сведения и оставляющей принадлежности образованных сословий, служит нам мерилем при сравнении образованностей наций. Так, говорят: образованность французская, образованность германская и т.п. Но сверх этого есть образованность специальная, университетская, составляющая удел небольшого количества людей, независимых по положению и характеру.

Итак, в каждой нации эти три степени существуют, но необходимо, чтобы они самостоятельно вырабатывались из самого народа, чтобы образованность эта была, так сказать, собственностью, а не чуждою для него формою. Тогда только нравственное благосостояние народа может быть полно, тогда только может действительно приносить пользу, когда образованность распространилась и утвердилась из самого народа, из исключительно ему принадлежащей творческой деятельности. Эта творческая деятельность, деятельность самостоятельная; обуздывать ее значит останавливать естественный ход развития. Правительство не создает ничего, что составляет творческой деятельности народа. Оно только может содействовать и брать на себя инициативу. Творческая же деятельность правительства ограничивается тем, что мы называем администрацией. При естественном развитии народа, при самостоятельном направлении его творческой деятельности образованность естественно будет национальной, т.е. результатом умственной деятельности большинства нации. Напротив

¹ Куторга М.С. Платей: отрывок из путешествия по Греции // Русский вестник. 1874. С. 439–479.

² Mozhajsky, A. Yu. In the Footsteps of M.S. Koutorga, the First Russian Explorer of Boiotia // Teiresias, 49.1. 2019. P. 1–19.

³ Данные документы, видимо, представляющие собой тексты лекций Михаила Семеновича, были недавно опубликованы нами – см.: Пичугина В.К., Можайский А.Ю. Особенности «народной образованности»: М.С. Куторга в пространстве высшего образования России и Европы // Alma mater (Вестник высшей школы). 2020. № 7. С. 96–104.

⁴ Куторга М.С. Об образованности // ОР РНБ. Ф. 410. Д. 72. Л. 1–9.

того, если на народ налагаются чуждые ему формы, то развитие его замедляется. Образованность проникает с трудом в глубину народа и придает ему не тот национальный характер, который присущ каждому народу. Разительный пример представляет нам Россия со времен Петра I. До его воцарения Россия развивалась самобытно, вырабатывая свой государственный быт и свою внутреннюю жизнь. Великий Петр, движимый глубоким патриотизмом, наложил могучей своей рукой на народ русский формы ему чуждые, извне принесенные. Народ их принял с трудом и только их наружным образом. Внутри же оставалась в течение 150 лет та же, если еще не бóльшая грубость, и полное онемение. В настоящее время народ русский проснулся от долгого сна, он тронулся и быстро движется по пути самобытной цивилизации, задержанной в течение 150 лет, на колее своего естественного развития».

Вывод, который мы можем сделать, следующий: опора на западное образование, а не слепое копирование, кажется Михаилу Семеновичу необходимой для того, чтобы явить миру особый тип образованности – русскую образованность.

Быть может, этот документ написан близко по времени к его статье 1873 г., когда уже будучи профессором Московского университета, М.С. Куторга развивает идеи народной образованности в программной статье «О науке и ее значении в государстве»¹, которая вызвала широкий общественный резонанс. В этой статье Куторга доказывает, что процветание общества зависит от самобытности умственной деятельности народа, и укоряет соотечественников в заискивании перед западной наукой. Человек, несколько раз побывавший в заграничных научных путешествиях, пишет следующее: «Мы думаем теперь о Западе, не об эллинизме; наши взоры обращены к Германии, Франции, Англии (...) Мы старательно подражаем тому, что там происходит и что там принято; спешим с трепетным нетерпением как бы изменить себя по чужеземному образцу, и считаем свое воспитание неоконченным до тех пор, пока не побываем в образованных странах западной Европы»². Далее М.С. Куторга несколько смягчается и утверждает, что «принятие чуждой, но высшей образованности» осуществляет любой народ: без знакомства с научными достижениями других нельзя проектировать свои оригинальные идеи. Пробудить творческий дух народа можно только обратив его внимание на знания, полученные другими народами. В этой статье М.С. Куторга снова повторяет мысль о том, что народ может обречь себя на «вечное духовное рабство», если увлечется восприятием чужого готового знания.

Таким образом, взгляды Михаила Семеновича Куторги на просвещение и науку претерпели значительные изменения. В последний период своего творчества (1870–1880-е гг.) он старался работать на почве национального языка и искал национальные траектории развития науки и просвещения. Получив признание за рубежом среди западных антиковедов, Михаил Семенович посвятил дальнейшую жизнь созданию отечественных традиций научного и образовательного развития.

¹ Куторга М.С. О науке и ее значении в государстве // Русский вестник. 1873. Т. 104. С. 5–61.

² Там же. С. 8–9.

ЗАБЫТЫЙ РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ (ЖИЗНЬ И ВЗГЛЯДЫ НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА АКСАКОВА)

Имя Николая Петровича Аксакова (1848–1909), как и его многочисленные работы, оказалось в наши дни незаслуженно забытым, хотя на рубеже XIX–XX вв. этот мыслитель был известен как публицист, прозаик, поэт, историк-богослов и философ. Несколько статей в энциклопедических и справочных изданиях¹; переиздание в Москве пары богословских работ² и краткие упоминания в обобщающих работах о славянофильстве³ – вот, пожалуй, вся память о нем в современной России. А ведь в свое время с ним активно полемизировали такие ныне известные представители политической и философской мысли, как В.В. Розанов и Л.А. Тихомиров. По мнению современных исследователей, многие мысли Н.П. Аксакова получили свое развитие в трудах о Николая Афанасьева, о Александра Шмемана, о Иоанна Мейендорфа⁴. На рубеже XIX–XX вв. Н.П. Аксаков был известен, как публицист, критик, прозаик, поэт, историк-богослов и философ. Будучи членом Предсоборного присутствия при Святейшем Синоде, он выступал сторонником церковных преобразований. Как автор статей по религиозным вопросам, он подверг критике работу об Апокалипсисе известного народовольца Н.А. Морозова⁵. В своих статьях о славянстве, вызвавших внимание не только в России, но и в Германии и впоследствии вошедших в сборник «Всеславянство», Аксаков предлагал идею объединения славян в единое государство под эгидой России. Он в равной степени отвергал союз и с Германией, и с Британией, считая, что «жизненные усилия» славян должны быть устремлены к выработке общеславянского политического идеала, который давал бы возможность достигнуть «гармонии в разнообразии», примиряя различные идеалы славянских народов, объединяя их во имя общего блага.

Николай Петрович Аксаков родился в родовом имении отца – селе Юдинки Алексинского уезда Тульской губернии 17 июня 1848 г. Он происходил из дворянского рода Аксаковых. Его отец Петр Николаевич Аксаков (1820–1880) определенным Тульского дворянского депутатского собрания от 16 февраля 1825 г. вместе со своим отцом и матерью, а также братом Николаем был внесен в IV часть дворянской родословной книги Тульской губернии, но указом Герольдии №19016 от 18 октября 1845 г. перенесен в VI часть.

¹ См.: Сучков С.В. Аксаков Николай Петрович // Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 34–35; Фатеев В.А. Аксаков Николай Петрович // Розановская энциклопедия. М., 2008. С. 48–49; Репников А.В. Аксаков Николай Петрович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / Отв. сост. В.В. Шелохаев, отв. секретарь А.В. Репников. М., 2010. С. 28–30.

² Аксаков Н.П. Предание Церкви и предания школы. М., 2000; его же. Духа не угашайте. М., 2002.

³ См.: Цимбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986; Его же. Историософия на развалинах империи. М., 2007; Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. М., 2009; Кулешов А.С., Наумов О.Н. Аксаковы: Поколенная роспись. М., 2009. С. 115–116.

⁴ Зайденберг С.И. Предисловие ко второму изданию // Аксаков Н.П. Духа не угашайте. С. 3.

⁵ Аксаков Н.П. Беспредельность невежества и Апокалипсис. СПб., 1908.

Николая крестили 23 июня 1848 г. в приходской церкви Рождества Богородицы в селе Старая Сития. Восприемниками были: отставной артиллерии подпоручик А.В. Ульянин и П.П. Аксакова. Он воспитывался под руководством матери – Надежды Александровны Аксаковой, образованной и религиозной женщины. Она много читала и в 82 года по случаю открытия мощей преподобного Серафима Саровского издала брошюру: «Отшельник первой четверти XIX столетия (из детских воспоминаний)» (1903 г.). В этой брошюре она описала свои детские впечатления о паломничестве в Саров, где ребенком познакомилась с православным подвижником. Под руководством матери Николай до 15 лет получал домашнее образование, основой для которого послужила богатая библиотека родовой усадьбы.

Для поправки здоровья мать Аксакова отправилась с семьей за границу, где Николай продолжал образование. С 1864 г. он учился в Германии (Гейдельбергский и другие университеты), Франции (протестантский теологический факультет в Монтебане) и Швейцарии. Он посещал лекции Эрнеста Навиля в Швейцарии и богослова Моно во Франции. Навиль после нескольких бесед с Аксаковым, когда тому шел шестнадцатый год, изумился знаниями и начитанностью мальчика, отметив, что это «вполне образованный юноша и замечательный знаток истории». Живя в Гейдельберге, Николай Петрович прослушал курс церковной истории, которую ему на дому читал известный канонист Павлов, который находился там в научной командировке.

В 1868 г. в Гиссенском университете 19-летний Аксаков защитил написанную им на немецком языке диссертацию «Идея Божества», за что получил степень доктора философии. Вернувшись с матерью в Россию, Николай с 1868 г. поселился в Москве, где прочитал ряд лекций на тему «Вопрос о духе, его история и современное состояние». Эти лекции обратили на него внимание М.П. Погодина, Ю.Ф. Самарина, М.Н. Каткова и др. Современник вспоминал: «Его слушали тысячи. В аудиторию не вмещались все, желавшие послушать молодого ученого и красноречивого оратора-юношу. Из Петербурга приезжали, чтобы его послушать, увидеть, познакомиться с ним. Его матери делали визиты, чтобы бывать в аксаковской семье и иметь возможность беседы с философом (...) Аксаков вошел в среду ученых как свой человек: профессора академий, университетов звали его на кафедру, и он уже начал готовить магистерскую диссертацию; но вскоре изменилось материальное благосостояние его семьи, пришлось заботиться о требах жизни¹. Аксаков сблизился с кружком славянофилов, а затем делается случайным (внештатным) сотрудником Московского журнала «Беседа» и публикует свое сочинение «О свободе совести» (1871). С 1870 г. Н.П. Аксаков был членом, а в 1878–1880 гг. – секретарем Общества любителей российской словесности; председателем Аксаковского общества; членом Совета общества «Соборная Россия».

До 1878 г. Аксаков жил кабинетной жизнью, затем посвятил себя земской службе, приняв место председателя уездной земской управы в Тульской губернии. На правах случайного сотрудника в начале 1880-х он работал в «Русской мысли». В середине 1880-х стал постоянным сотрудником в газете «Русский курьер» (1886–1887), публикуя статьи о славянофильстве и славянстве, а также стихотворения на эту тему. Наиболее фундаментальной публикацией на эту тему в «Русском курьере» была серия статей с критикой основных начал и выводов славянофильства, включившая анализ следующих проблемных тем: «Предшественники славянофильства», «Славянофи-

¹ Скрипичин В.А. Один из редких в наше время (посвящается памяти Н.П. Аксакова). СПб., 1909. С.10–11.

лы, Запад и Петр», «Государственное учение славянофилов», «Взгляд славянофилов на сущность и строй русской истории», «Основы исторического предания», «Москва и московский народ», «Славянофильство и славянство» и др. В 1892 г. данное направление исследований было продолжено статьей Н.П. Аксакова «О народности вообще и о русской народности по преимуществу», опубликованной в нескольких номерах «Благовеста». Отдавая должное славянофилам, Аксаков критиковал их убеждение, что демократический строй Западной Европы составляет продукт непосредственного народного творчества. По его мнению, народность Западной Европы даже XIX в., не говоря уже о более раннем времени, играла ничтожную роль. Отсюда формирование особого типа бюрократического, механического государства и обезличивание всех произведений народного творчества в искусстве и литературе. Народ в Западной Европе не играл политической, государственной роли; в то время, как в России до Петра Великого народ играл бóльшую роль. «Поэтому Россия, возвращаясь на путь народоуправления, должна перешагнуть только два столетия, а Западной Европе нужно коснуться доисторической эпохи». С исторической точки зрения, по мнению Аксакова, учение славянофилов содержало ошибочную мысль, что русский народ всегда избегал политической роли, и в силу этого существовал и существует дуализм «земли и государства». Еще одной ошибкой славянофилов, полагал Аксаков, было их преклонение перед Москвой и московскими идеалами, поскольку не все священное соединено с московским периодом, да и само спасение Москвы в Смутное время пришло с окраин, где еще был жив земский элемент.

В качестве ближайшего сотрудника «Русского дела», где он заведовал иностранным отделом, Аксаков сближается с литературными изданиями С.Ф. Шарапова. Именно в «Русском деле» Аксаков поместил несколько статей «о земских начальниках» и дворянстве: «О земском самоуправлении» («Русское дело». 1888. № 46), «Что надлежит сделать Государственному Совету в вопросе о земских начальниках» («Русское дело». 1889. № 6) и др. В них Аксаков утверждал, что земское самоуправление существовало в России с исконных времен, хотя государству исподволь только приходилось с ним считаться. Эти статьи были восприняты чиновниками своеобразно – «Русское дело» получило из-за них предостережение и было закрыто.

В начале 1890-х гг. Н.П. Аксаков переехал в Петербург благодаря содействию Аф.В. Васильева. 16 апреля 1893 г. он поступил на службу в Государственный контроль, возглавлявшийся Т.И. Филипповым. Там Аксаков познакомился с В.В. Розановым, который поначалу уважительно характеризовал своего нового знакомого, как богослова, философа и историка «первой степени». Аксаков был командирован в Департамент железнодорожной отчетности (чина не имел). Был председателем Комиссии по ревизии городской думской отчетности, которая не приступила к работе из-за «беспорядков»¹. В Государственном контроле Аксаков служил до 1903 г. Будучи чиновником особых поручений при государственном контролере, Аксаков был назначен редактором комиссии законодательных работ и ему было поручено составление истории контрольного дела в России. Как отмечал священник Н.Р. Антонов в своей биографии Аксакова, «по официальному положению, как чиновник государственного контроля, он принадлежал к числу лиц, на обязанности которых лежит наблюдение за правильным поступлением и целесообразным расходованием народно-государственных материальных средств. Неофициально же всеми своими духовными стремлениями – Н.П. Аксаков принадлежал к числу тех русских писателей, тех немногих добро-

¹ Кулешов А.С., Наумов О.Н. Аксаковы: Поколенная роспись. С. 115.

вольцев, которые следили и следят, изучают, критикуют и направляют подъем и возращание, убыль и утрату духовных сил народа, его веры и нравственности, его церковно-религиозных запросов. Официальная служба, вероятно, доставляла покойному Аксакову больше тоски и разочарования, не достаточно даже обеспечивала его. Неофициальная же работа служила для него источником бодрости и вдохновения, давала ему веру в жизнь и людей, которая характеризует его произведения, доставляя в то же время хотя слабое подспорье для жизненного существования. По официальной своей карьере Н.П. Аксаков не выдвинулся из круга других безвестных работников государства, за свою же неофициальную сверхдолжную работу он выдвинулся из среды более обширной и могучей, чем чиновничья область, - из среды православного русского общества¹.

Литературная деятельность петербургского периода велась Аксаковым в «Благовесте», «Русской беседе», «Труде», «Наблюдателе», «Детском чтении», «Детском отдыхе», а также в издаваемом С.Ф. Шараповым «Русском труде». С закрытием «Русского труда» Аксаков на время лишен был возможности высказывать свои убеждения. В этот период он стал сотрудником «Церковного вестника» и «Церковного голоса» (издание «Общества религиозно-нравственного просвещения» за 1906 и 1907 гг.). Аксаков проявлял интерес к истории славянских народов, был членом кружка Т.И. Филиппова. Как и многие славянофилы, он был автором поэтических произведений, посвященных славянскому фольклору и мифологии; борьбе с врагами славянства: «Местивой», «Ян Жижка», «Граф Адольф Голштинский», «Любушкин сад», «Фридрих Барбаросса», «Великий курфюрст», «Доктор Вагнер и его дух», «Славянский барабанщик», «Последний славянин», «Воскресение славянства», «Два орла», «На славянском кладбище», «Памяти И.С. Аксакова», «Илья Муромец» и др.

Стихотворения в основном публиковались в «Русском курьере». В стихотворении «Два орла» описываются хищные птицы, питающиеся кровью славянских народов («славянского Прометей»). Под одноглавым орлом Аксаков подразумевал Германскую империю, а под двуглавым – Австро-Венгрию. В виду опасностей, грозящих от обоих орлов славянам, Аксаков советует объединиться:

Но ты, назло врагам, назло судьбе суровой,
Встань, воспрянь от сна славянский Прометей,
Разрушь позорный плен и, полный силы новой,
Орлов всех отгони от печени своей –
И в царственном своем величье и покое
Властительным венцом укрась свое чело,
И будет пусть твое служение земное
Незлобия полно, любовно и светло².

Священник Антонов отмечал: «В стихотворениях Николая Петровича еще слышится, но, уже замирая, уже теряя свою непосредственность, отзвук лиры [А.С.] Хомякова и И.С. Аксакова, которая совершенно умолкает в творчестве Киреева, Шарапова, Розанова и затем сознательно зачеркивается позднейшими писателями, например, Мережковским и Минским и др., несмотря на то, что Мережковский и Минский начали свою литературную деятельность именно как поэты (...) в душе Н.П. Аксакова не только горела мысль философа, но и билось сердце поэта, как и у отцов славянофильства; - он был хранителем традиции славянофильства выражать свои идеи не

¹ Антонов Н.Р. Николай Петрович Аксаков и его религиозно-общественное мирозерцание. СПб., 1912. С. 1–2.

² Там же. С. 99.

только в отвлеченных трактатах, но и в лирических стихотворениях»¹. В стихотворении Аксакова «Воскресение славянства», нашла отражение легенда о том, как славянский город Венета, не сдавшись врагу, погрузился в море:

Сохранился до нас
Стародавний рассказ,
Вдохновлявший нередко поэта,
Как в бою роковом,
Не смираясь перед врагом,
Погрузилась в море Венета.
Где стоял прежде град,
Ныне бурно шумят
Волны грозные синего моря;
Бьется в берег крутой
Их немолчный прибой,
Песням ветра воинственно вторя.
Но в затишья часы, -
У песчаной косы
Еле плещется бездна морская,
И из дремлющих вод,
В голубой небосвод
Раздается молитва людская.
Все слышней и сильней
Над простором зыбей
Ветром носится голос молитвы.
Вот из бездны морской
Слышен голос людской
Как призыв для борьбы или битвы.
Под водою туман,
Бьют тревожно в набат,
Поднимается звон колокольный
Из морской глубины
И проклятья слышны,
Слышен ропот глухой, недовольный.
Слышно ржанье коней,
Звон, бряцанье мечей –
И в глубокой пучине подводной,
Изрекая свой суд,
Гул и ропот растут
Не забывшейся мести народной.
Вновь покой позабыт,
Море снова шумит,
Вал за валом встает белоснежный.
Снова в берег крутой
Море бьется волной
И взрывает песок прибрежный.
Если ясен закат,
До сих пор, говорят,
Под прозрачной волною морскою
Видны кровли домов,
Блеск церковных крестов,

¹ Там же. С. 3.

Виден город под сонной водою.
Так пред грозным врагом,
Не склонившись челом,
Далеко от волнения света,
Помня старую честь,
И обиды, и месть,
Отзывается город Венета.
И доселе жива,
Охраняет права –
Прежней воли и речи свободной,
И досель под водой
Снаряжается в бой
Для свершения мести народной.
Там готовится суд,
Там доселе куют
И мечи, и кольчуги, и брони.
День настанет суда,
И Венета тогда
Вновь воспрянет над бездной морскою...
Полон смысла, глубок
Стародавний урок,
Что в судьбе затаился Венеты,
Поучителен он
Не напрасно, тевтон,
Им твои вдохновенны поэты...
В вечном шуме твоём
Заколдованным сном,
О тевтонское море глубоко,
Спит славянский народ –
Что познал тяжкий гнет
И тобой был караем жестоко...
Ты волнами шумишь,
Мир отвагой мутишь,
Но припомни, тевтонское море,
Что в твоей глубине
В очарованном сне
Опочило славянское горе.
И – страшусь произнести –
Спит славянская месть,
Спит вражда и народная злоба.
Но придет день суда
И народы тогда,
Как Венета, воскреснут из гроба...
Пусть по воле владык
Чуждым стал их язык,
Позабылася речь их родная,
Пусть тяжел был твой гнет,
Но не умер народ,
Не погибла душа в нем живая.
До поры присмирив,
Не иссяк его гнев,
Не погиб в нем залог воскресенья

И, воскреснув, в тоске
На твоём языке
Изречет он слова осужденья¹.

Н.Р. Антонов верно отмечает идейную связь Аксакова не только со славянофилами, но и с народничеством 1880-х гг. Это было отмечено и самим Аксаковым: «Для нас и для народников народ составляет цель всех усилий и труда; и для нас, и для народников подлежащая осуществлению задача отчасти поставлена, отчасти ставится и будет ставиться еще самим народом; и для нас и для народников задача эта может быть разрешаема и осуществляется только самим народом. В чем же различие? (...) Для нас народ есть, прежде всего, субъект исторического предания, и в виду этого, прежде всего – крестьянство, как живой еще носитель этого предания не утративший его во время периода безнародности, охватившей другие сословия. Все, что в историческом предании не носит следов заимствования или, точнее, насильственной прививки, которую надо было притом еще искусственно поддерживать, все созданное, свободно усвоенное или предначертанное народом, составляет идеал народный и устой народной жизни». Народники, поставив во главу угла общинно-экономические вопросы, *игнорируют православие* и тем самым «признают только часть народного идеала, а не весь идеал во всей его полноте». Не случайно, именно Аксаков в книге «Беспредельность невежества и Апокалипсис» (СПб., 1908) подверг критике работу народовольца Н.А. Морозова об Апокалипсисе.

Аксаков читал в Москве публичные лекции богословско-философского содержания. Был близок к московским славянофилам; сотрудничал в их изданиях («Благовест», «Русская беседа», «Русский труд», «Русское дело» и др.). Вместе с тем, он критиковал славянофилов за «русофильство» и противопоставление «московского» и «петербургского» периодов российской истории. По мнению Н.Р. Антонова, Аксаков «является как бы переходной ступенью и связью между светскими религиозными мыслителями первой формации ("славянофильского направления"), и последующими, нашими современными мыслителями, начиная с эпохи 80-х годов. Такой посредствующей связью, по нашему мнению, не могут служить ни С.Ф. Шарапов, ни А.А. Киреев, ни К.П. Победоносцев. С.Ф. Шарапов, которому преемственно перешла кафедра И.С. Аксакова, вследствие примитивности своей программы, и еще более своей аргументации, Киреев же и Победоносцев – в силу своей, так сказать, трезвости мышления, отчетливости в формулировке положений и даже односторонности захваченных ими тем. У Н.П. Аксакова мы почувствуем еще ту безбрежность мысли и мечтательность настроения и зачастую ту расплывчатость изложения, которые свойственны нашим религиозным мыслителям и старым, и новым. Если же принять во внимание уклон в политическом мирозерцании Аксакова, и уклон именно влево, то Аксаков должен считаться переходной ступенью от славянофильства к западничеству, служа связью между старыми религиозными мыслителями и новыми, политическое мирозерцание которых носит западническую окраску, как например, Бердяев, Булгаков, Мережковский»². Постановка Аксакова в один ряд с Н.А. Бердяевым и Д.С. Мережковским в наше время может вызвать споры, но несомненно, что он действительно творчески развивал славянофильство. Аксаков полагал, что славянофильство «в том или другом виде» существовало всегда; «каждое почти столетие русской жизни имело всегда своих славянофилов», и «может быть, от напора славянофилов своего

¹ Там же. С. 100–103.

² Там же. С. 2–3.

времени и Олег покинул Новгород»¹. Он утверждал, что «славянофильство не теория, а именно непосредственная жизнь в народе и в церкви без всякой предвзятой теории, но с постоянным напряжением мысли и чувства»².

Аксаков призывал к обновлению славянофильства, считая, что в Москве должно возникнуть «Славянское братство», отделения которого в перспективе должны быть созданы и во всех областях славянского мира». При «Братстве» следует создать «Славянское историческое общество», а при обществе – «славянскую библиотеку», включающую все материалы по истории славянства. «Славянское историческое общество» должно было бы способствовать устройству публичных чтений, созданию и обсуждению научных работ, устройству курсов славянских языков, составлению и изданию учебников, осуществлению переводов, устройству литературных чтений. Предполагалось наладить контакты с аналогичными по духу учреждениями славянского мира с целью ознакомления российского общества с их деятельностью путем рассылки периодически издаваемых рефератов.

«Славянское братство», по мысли Аксакова, должно было стать благотворительной организацией, призванной оказывать материальную и иную поддержку всему тому, что способствует росту славянского самосознания. Каждый член «Братства» должен был платить взносы, получая за это какой-нибудь соответствующий знак (речь идет о нагрудном знаке), а само Братство должно было иметь свое знамя.

В качестве программы «Славянского братства» Аксаков предлагал следующее: 1) Славяне существуют для славян и всего человечества, а не для немцев или иного какого народа; 2) Каждое славянское племя существует само для себя и преследует свои собственные задачи; 3) Вместе с тем, каждое славянское племя есть часть славянства и не должно при осуществлении своих задач причинять какой-либо ущерб другим славянским племенам.

Аксаков критиковал Л.А. Тихомирова и других консерваторов, называя их взгляды «ручным, бюрократическим славянофильством»³. Он был непримирим в своей критике «бюрократического славянофильства». Это явление, по его мнению, «давно уже начало образовываться и стоять на пути славянофильству чистому, хотя, может быть, и дикому. Бюрократическое же славянофильство в сущности гораздо вреднее, чем тот бюрократический нигилизм, о котором писал некогда Самарин. Проповедь ручного славянофильства отпугивает молодую интеллигенцию от славянофильства истинного. Бюрократизму это прямая выгода. Приходится избирать между казенным консерватизмом и казенным либерализмом, иногда шикарным, но почти всегда бездарным. Помнится, во дни византийских императоров, существовали две государственно разрешенные партии цирка, кажется фиолетовые и зеленые. Каждый византиец обязательно должен был принадлежать к одной из этих партий, но бесцветным или, например, желтым или красным быть ему под строгою ответственностью воспрещалось. Будь либо консерватором, либо либералом, говорят представителям нашего молодого поколения, и не смей быть ничем другим. Отдельные личности дерзают, однако, бежать от этой альтернативы (...) и бегут в анархисты. Таковы причины, по которым необходимо очистить славянофильскую ниву...»⁴.

¹ Цит. по: Цимбаев Н.И. Славянофильство. С. 53–54.

² Там же. С. 98.

³ Там же. С. 50.

⁴ Аксаков Н.П. О старом и новом славянофильстве (Письмо к А.В. Васильеву) [Фрагменты] // Славянофильство: pro et contra / Сост., вступ. ст., комм., библиограф. В.А. Фатеева. СПб., 2006. С. 594.

Критике богословских взглядов Л.А. Тихомирова Аксаков посвятил большую работу «Духа не угашайте», которая была написана им как ответ на статью Льва Александровича «Духовенство и Общество в современном религиозном движении»¹. В своей статье Тихомиров критиковал «религиозное движение» мирян, коренной недостаток которого, по мнению Тихомирова, это «слабость веры и обилие *умствований*»² Его развитие, в религиозном смысле, регрессивно. Религиозное состояние первых славянофилов несомненно выше их преемников. В позднейший период и до настоящего времени "религиозное движение" это вырисовывает черты очевидного духовного разложения»³. Тихомиров писал о необходимости безусловного подчинения верующих авторитету Церкви и об их невмешательстве в богословские вопросы.

В ответ Аксаков намекал на неопитство Тихомирова в вопросах православия: «Не рано ли учительствовать и обличать г. Тихомирову? (...) Немедленное, торжествующее проповедничество тех, кому надо совершить покаяние, противоречит и верованиям и народному духу русскому, является для них оскорблением». Аксаков отмечал, что критикуемые Тихомировым «светские учителя» А.С. Хомяков, Ф.М. Достоевский, Вл.С. Соловьев и другие в гораздо большей мере знакомы с религиозными текстами, чем их критик, который «начал писать о православии, не успев еще ознакомиться с ним». В значительной мере, Аксаков был прав в своей критике, поскольку Тихомиров, который еще не набрал необходимой суммы знаний по вопросу, уже поучает других и «сам явно учительствует». По мнению Аксакова, общество не может состоять только из тех, кто слепо подчиняется авторитету духовенства и открытых врагов церкви. Многие (в первую очередь, представители образованного общества) могут приходить к вере «самочинно работою духа» и уже затем обращаться к авторитету духовенства и церкви. Аксаков, ссылаясь на тексты Священного писания и православного Предания, писал: «Церковь, по учению апостольскому, не есть школа, в которую верующие по требованиям г. Тихомирова, отдают себя на "выучку к духовенству", но школа взаимообучения, взаимоназидания, взаимоусовершенствования вообще, в которую каждый вступает как "домостроитель многообразной благодати Божией". Это обязательное взаимообучение верующих как членов Церкви». По убеждению Аксакова, «Тихомиров внушает верующему подчиняться, молчать и "культивировать" чувство веры своей пассивным подчинением»⁴.

Подводя итог полемике, Аксаков делал вывод в славянофильском духе: «В Церкви интересы истины и радение о нуждах церковных ставились всегда выше интересов охраны дисциплины церковной и иерархического начала, как высоко не ставила их Церковь (...) Интересы истины (...) стояли в ней выше интересов иерархического чиноначалия, (...) по отношению к истине в Церкви не было подразделения на старших и младших»⁵. По мнению Аксакова, православная церковь не только допускала, но даже требовала от верующих тщательного рассмотрения предлагаемого ею учения; не только не делала обязательным полное подчинение учащей иерархии, но и

¹ См.: Русское обозрение. 1892. №. 9. С дополнениями в виде отдельной брошюры работа вышла в Москве в 1893 г. Переиздана в сборнике: Тихомиров Л.А. Христианство и политика / Сост. С.М. Сергеев. М., 1999. С. 18–36.

² Курсив Л.А. Тихомирова. – А.Р.

³ Тихомиров Л.А. Христианство и политика. С. 34. Тихомиров внимательно следил за полемикой, вызванной его работой (см. фрагмент из его письма к Т.И. Филиппову от 7 декабря 1892 г. // Там же. С.541).

⁴ Аксаков Н.П. Духа не угашайте. С. 17, 19–20, 23, 29, 51–52, 53.

⁵ Там же. С. 164–165.

одобряла право неверия этой иерархии и даже ее открытое обличение в случае необходимости. Статья Аксакова «Свобода, любовь и вера»¹ с критикой взглядов Л.А. Тихомирова и В.В. Розанова вызвала отклик последнего², солидаризовавшегося с Тихомировым и отмечавшего, что Аксаков «не достигнет цели, которую поставил себе – доказать антицерковность нашего учения»³. Впоследствии Розанов неоднократно критиковал Аксакова, обвиняя его в «совершенном неведении церковного учения», и заключал: «Н.П. Аксаков только ораторствует, не зная дела». Не последнюю роль в перемене отношения Розанова к мыслителю от позитивного к крайне негативному играло хорошее отношение Т.И. Филиппова к Аксакову, получившему продвижение по службе (в 1894 г. он был назначен старшим ревизором «с содержанием 3000 в год»). Розанову приходилось пробивать себе дорогу и он злился, характеризуя своих оппонентов-славянофилов как «ослов», которые «ходят в поддевках + лижут ж-пу у Тертия» [Филиппова] и вообще «архилакен»⁴.

Отметим, что в богословских вопросах Аксаков оказался гораздо лучше осведомлен, чем Розанов. Уровень знаний Аксакова был весьма высок. Он активно выступал сторонником церковных преобразований в работах «Собор и выборное начало в церкви», «Соборы и патриархи», помещенных в сборнике группы петербургских священников «К церковному собору» (1906). Излагал свои воззрения в статьях «Патриаршество и каноны» и «Об избрании епископов в древней христианской церкви» (1906). Во многом это обусловило участие Аксакова в качестве члена Предсоборного присутствия при Св. Синоде (1906). Обсуждаемые в Присутствии вопросы церковной жизни он проанализировал в статьях: «Что говорят каноны о составе собора» (1906); «Несколько примечаний к канонам» (1906); «Возможны ли в церкви решающие и совещательные голоса?» (1906); «Вопрос о приходе в Предсоборном присутствии» (1907); «Основы церковного суда» (1907). Разбирая материалы заседаний Предсоборного присутствия, Аксаков развил тему церковного служения в духе А.С. Хомякова. «Стоит только внимательно перечесть многочисленные и многообразные журналы Присутствия, чтобы убедиться в том, что не одну и ту же по очертаниям и задачам Церковь стремятся воссоздать, поддержать и восстановить зиждующие, ссылаясь на руководящие их предание, каноны и патерики»⁵.

Аксаков полемизировал с учеными-богословами А.А. Дмитриевским, И.И. Соколовым, М.А. Остроумовым и др. Затрагивая проблему пресвитерского служения и рукоположения, он обращается к анализу памятников канонического права и богослужебных текстов. Предсоборным канонистам, полагал Аксаков, церковь видится в виде иерархической системы. По их мнению, церковная благодать сосредотачивается в епископе, на котором лежат все функции церковной жизни (он уполномочивающий). Далее идут уполномочиваемые (пресвитеры, дьяконы, клирики) и миряне, которые не имеют никакого уполномочивания⁶. По мнению Аксакова, «мирянин» – это рукоположенный член народа Божия, лаик⁷, священнослужитель. Миряне, вошедшие в состав клира, не выходили «из состава народа», а грань между народом и клиром

¹ См.: Русская беседа. 1895. № 1–3.

² См.: Розанов В.В. Критическая заметка [О Н.П. Аксакове] // Русское обозрение. 1895. № 6.

³ Розанов В.В. Собрание сочинений. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897гг.). Сумерки просвещения. М.; СПб., 2009. С. 387.

⁴ Цит. по: Фатеев В.А. Аксаков Николай Петрович // Розановская энциклопедия. С. 49.

⁵ Аксаков Н.П. Предание Церкви и предания школы. С. 11.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ Лаик – мирянин, не принадлежащий к духовенству.

была проведена по почину государства в 6-м столетии. В итоге за века существования церковный клир отделился и обособился от церковного народа. «Только открывая простор преданию человеческому и традициям школы, церковная наука утрачивает присущую ей свободу, становится рабским, а не свободным трудом (...) вся аргументация "предсоборных канонистов", будучи ненаучной, представляется через то и нецерковной»¹.

Нужно упомянуть и о прозе Аксакова, которой свойственен неоромантизм «с его интересом к легендам, преданиям, ко всему таинственному»². Среди написанных им литературных произведений – «Белая женщина», «Дневник аббата Опетита (историко-психологический очерк)», «Фауст древнего мира (рождественская легенда)», «У креста», «Замок Зора: (Поручик Моллерштейн)», «Леон – врач», «Дети – крестоносцы», «Старички (размышления и грезы)» и др. Известен он и в качестве литературного критика, посвятившего свои статьи анализу текстов Л. Кондратовича, Н.В. Гоголя, С.Т. Аксакова, И.С. Аксакова, А.С. Хомякова, Н.П. Гилярова-Платонова, Э. По и др.³

Жизнь Аксакова-публициста оказалась более насыщенной и интересной, чем его жизнь в качестве чиновника. Ярким публицистом он остался и в памяти современников. Знавший его В.А. Скрипицын (соратник П.А. Столыпина) отмечал: «Аксаков был цельная русская натура (...) Он не походил на тех, кто считает себя таковыми только потому, что нахватал кой чего из разных книг, брошюр и с чужих слов, и, применяясь к политической погоде, популяризирует ради того, чтобы его признали из передовых, или действуя в том же направлении ради личных или партийных целей»⁴.

5 апреля 1909 г. Николай Петрович Аксаков скончался в Петербурге в 11 часов утра после двух недель болезни инфлуэнцией, которая осложнилась крупозным воспалением легких⁵. На момент смерти он числился чиновником особых поручений V класса (статский советник), но в историю вошел не как чиновник, а как мыслитель, богослов-историк и канонист, принадлежавший к кругу младших славянофилов. Аксаков был отпет в князь-Владимирском соборе и похоронен на Смоленском православном кладбище в Петербурге.

Наследие мыслителя возвращается к нам. В 2021 г. из печати выходит сборник Н.П. Аксакова, основу которого составил цикл его статей «Всеславянство», впервые переизданный в современной России. Книга подготовлена А.В. Репниковым и к.и.н. Е.М. Мягковой в рамках серии «Общественно-политическая мысль России», которую выпускает издательская группа URSS.

¹ Аксаков Н.П. Предание Церкви и предания школы. С. 274.

² Сучков С.В. Аксаков Николай Петрович С. 35.

³ Список избранных работ Н.П. Аксакова см. в книге: Антонов Н.Р. Николай Петрович Аксаков и его религиозно-общественное мирозерцание. С. 5–8.

⁴ Скрипицын В.А. Один из редких в наше время (посвящается памяти Н.П. Аксакова). С. 2–3.

⁵ См.: Аксаков Николай Петрович [Некролог] // Новое время. 1909. 7 апреля; Аксаков Николай Петрович [Некролог] // Исторический вестник. 1909. № 5. С. 759–760; [Некролог] // Россия. 1909. 7 и 10 апреля.

КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПАНСЛАВИЗМА В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Идея единения славян достигла своего пика в XIX столетии, когда остро стояла проблема обретения славянскими народами независимости. Она представляет собой целое поле для изучения разных направлений в общественно-политической мысли России, позволяет выявить взгляды тогдашней русской интеллигенции на всемирно-историческую роль России.

Одним из главных русских теоретиков политического панславизма является Н.Я. Данилевский (1822–1885), который в своей книге «Россия и Европа» представил проект федеративного союза славянских народов. Данилевский писал, что Россия как наиболее развитая в экономическом, культурно-духовном и политическом отношении должна возглавить Всеславянский союз. К тому же ее государственность прошла долгую историю развития, в то время, как другие славянские народы были лишены такой возможности; т.е. России в составе федерации отводилась роль гегемона. При этом Данилевский считал недопустимым превращение стран-союзниц в спутников России, так как для строительства славянской государственности необходимы свобода и самостоятельность славянских народов.

Ученый считал, что члены славянской федерации должны быть представлены большими лингвистическими и этнографическими группами, чтобы полноценно пользоваться правами в рамках федерации, и желал избежать разделения на мелкие этнонациональные государства¹.

По Данилевскому, Всеславянский союз должны составить следующие части: Российская империя (включая Галицию и Карпатскую Русь), Чехо-Мораво-Словацкое королевство, Сербо-Хорвато-Словенское королевство, Болгарское, Румынское, Эллинское, Мадыарское королевства и Царьградский округ².

Данилевский также считал возможным разрешение векового польского вопроса путем включения Царства Польского в состав федерации. Интересно, что в силу географической близости он считал необходимым включить в состав союза и некоторые неславянские народы – греческий, венгерский и румынский, ибо рассматривал Всеславянский союз как некое подобие Восточной Римской империи. «С какой бы стороны мы ни подступали к делу, - Всеславянская федерация с Россией во главе, со столицей в Царьграде, - вот единственно разумное, осмысленное решение великой исторической задачи, получившей в последнее время название Восточного вопроса»³, - тем самым Н.Я. Данилевский ставил перед Россией задачу овладения ключами от Царьграда, однако город должен стать столицей Всеславянской федерации, а не Российской империи.

Ученый считал, что членам федерации будет дана автономия для того, чтобы всеславянские интересы были выше интересов отдельно взятых народов: «Ничто не

¹ Птицын А.Н. Концепция «славянской цивилизации» Н.Я. Данилевского. Пятигорск, 2003. С. 94.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2011. С. 475.

³ Там же. С. 556.

препятствует предоставить их составным частям всю желаемую степень административной децентрализации и областной самобытности».

Говоря об взаимоотношениях Запада и России, Данилевский выступал против синтеза культур, считая, что Европа, навязывая свою систему ценностей, стремится поглотить славянство, растворить его национальную самобытность. По его мнению, новообразованный Всеславянский союз не будет стремиться к мировому лидерству, а должен лишь противостоять экспансии Западной Европы и набирающего силы пангерманизма.

Политическая концепция геополитика панславизма И.И. Дусинского (1879–1919) опирается на объединение славян под эгидой России, о чем подробно говорится в его труде «Геополитика России»¹. Выстраивая проект всеславянской федерации, он опирался на опыт Швейцарии, Австро-Венгрии, США и Германии. Он считал, что созданные национальные образования должны строиться на принципах автономности «уделов» в составе федерации с правом на национальное самоопределение (швейцарская модель). При этом существующее историческое деление внутри этих автономий тоже необходимо сохранить (германская модель).

Федерация, по мнению Дусинского, должна быть двухуровневая, где сочетались бы национально-племенные образования и исторические регионы автономий. Будущими автономными национальными областями, как он полагал, должны стать Австрия, Россия, Черногория, Сербия, Болгария, Польша, Босния и Герцеговина; причем при вхождении в состав федерации они сохраняли бы династические линии своих монархов. Целую главу Дусинский посвятил польскому вопросу, утверждая, что его сложность состоит в пересечении с интересами трех государств: Австро-Венгрии, Германии и России. Именно при постановке польского вопроса возникает дилемма между правом на национальное самоопределение и концепцией общеславяинства. Автор делает выбор в пользу решения общеславянского съезда. Неславянские народы он считал целесообразным включить «на равных правах со славянами в состав союзного государства». Объединяющими факторами внутри федерации, по мнению Дусинского, станут: культурные и экономические связи, единая военная организация, общая внешняя политика, таможенный союз, общая денежная и мерная системы, общеславянский (русский) язык.

Геополитическая концепция, разработанная славистом, лидером Славянского благотворительного комитета, филологом В.И. Ламанским (1833–1914), ставила в центр славянского мира Россию, которая на основе родства в культуре и антропологии должна взять на себя роль объединителя.

Ламанский активно участвовал в подготовке Славянских съездов, был действительным членом Петербургского отделения Славянского благотворительного общества; печатался в журналах «Русская беседа» и «Русская старина», газетах «Голос», «День» и др. Он публиковал множество статей по Восточному вопросу, предлагая свои пути сближения славян.

Сопоставляя в своем трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» историю германских и славянских народов, Ламанский пришел к выводу о том, что между ними существует огромная культурологическая пропасть, результатом которой стало выделение в Европе двух «миров» – романо-германского и греко-славянского. Третьим «миром» Азийско-Европейского материка он называл Азию.

¹ Дусинский И.И. Геополитика России. М., 2003. С. 50.

В своей диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» Ламанский проанализировал труды немецких мыслителей второй половины XIX в. и пришел к выводу, что агрессия Германии против России – вопрос времени, поскольку первая намерена расширяться за счет наступления на славянские земли. Противостоять немецкой угрозе мелким славянским народам можно лишь объединившись под эгидой России. Вывод Ламанского заключался в следующем: в европейском сознании, в первую очередь в германском, насаждается представление о том, что «славянское племя есть племя низшее», не способное к самостоятельной жизни и рожденное, чтобы подчиняться¹.

Ламанский делил мир на три части: романо-германский, греко-славянский и азиатский. Греко-славянский мир (по-другому – «Средний мир») – там, где «кончается Европа и еще не начинается Азия»². Средний мир – это самый однородный в религиозном, этническом и культурном плане. По его мысли, границы России на востоке – это границы «Среднего мира», который захватывает часть Азии – например, Великую Степь. На западе же он включает в рамки славянства поляков, словаков, чехов, моравян, словенцев и хорватов. В «Средний мир» также входят народы Балкан, европейская часть Турции и приморье Сирии. Основным критерием для автора был не религиозный признак, а историко-культурный, который он понимал как взаимное влияние. С этих позиций он относил к «Среднему миру» венгров-католиков, сирийских христиан и армян-монофизитов. Связующим элементом в этом мире Ламанский считал русский народ, а общей политической целью – противостояние германской, австро-венгерской экспансии и европоцентризму.

Отметим, что Ламанский не предлагал экспансионистских планов. России необходимо было консолидировать «Средний мир» для сохранения славянства. Данная геополитическая концепция во многом оказалась пророческой – это касается и германской угрозы, и политического объединения славян в XX в. (правда, на другой идеологической основе), и роли России для азиатских народов.

Консервативный публицист, генерал и политик Р.А. Фадеев (1824–1882) в 1869г. одновременно с Н.Я. Данилевским так сформулировал причины славянского объединения: «Завершение немецкого владычества над славянами, в смысле великогерманской идеи *Drang nach Osten*, сделает невозможным мир в Восточной Европе. России придется снова обратиться в военный стан, у нее нет союзников кроме своей естественной семьи – славян»³.

В книге «Мнение о восточном вопросе» Фадеев говорит о решении Восточного вопроса посредством объединения балканских славян под эгидой России, в этом он видел ее историческую миссию. Без России у малых славянских народов, даже если они обретут политическую независимость, нет перспектив, так как они будут поглощены Германией и Австро-Венгрией: «Славянские народы должны стремиться к двум целям: каждый отдельно – к самостоятельной политической и общественной жизни у себя дома, все вместе – к теснейшему племенному союзу с Россией и к русскому главенству в военном и международном отношении. Если их освободить сегодня без объединения около России, завтра они очутились бы в прежнем и еще худшем положении»⁴. Фадеев призывал к объединению, прежде всего, в военно-стратегическом союзе и к конфедерации во главе с Россией.

¹ Ламанский В.И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе. СПб., 1871. С. 76.

² Там же. С. 3.

³ Фадеев Р.А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. СПб., 1889. С. 312–313.

⁴ Там же. С. 297.

Фадеев рассматривал балканский вопрос как противостояние пангерманизма и панславизма и как шанс славян на духовное обновление и выход из нравственного кризиса петровского времени. Помогая славянам разрешить Восточный вопрос, Россия обретет свою культурно-национальную идентичность, перестанет подражать Европе. Публицист считал явно недостаточной идею культурного панславизма, которая была в то время весьма популярной, и выступал за идею политического панславизма – вопреки настроениям самих славян. Однако эти внешнеполитические цели оказались недостижимыми.

В России идеи панславизма стали особенно популярны во второй половине XIX в., когда внешнеполитический курс сместился на Балканы. Апофеоз идеи славянского единения приходится на русско-турецкую войну 1877–1878 гг., когда достиг кульминации Восточный вопрос. Славянские комитеты в России и, в особенности, Московский комитет во главе с И.С. Аксаковым оказывали материальную помощь братьям-славянам на Балканах, готовили добровольцев и организовывали лазареты.

Из-за пересмотра Сан-Стефанского мирного договора на Берлинском конгрессе 1878 г. России, несмотря на победу в войне, не удалось приблизиться к разрешению проблемы славянского единения. Это означало спад панславизма, результатом которого стало возвращение идеологов этого движения к «культурному панславизму», укреплению культурных связей между славянами, т.е. к тому, чем занимались ранние славянофилы.

Русский посланник в Сербии Р.Р. Розен о стратегических целях политики России на 1895 г. писал так: «Обращаясь к области предположений о возможных будущих событиях, мы можем желать, чтобы здесь образовалась и росла сила, которая в случае вооруженного столкновения славянского мира с германским могла бы служить России если не точкой опоры, то по крайней мере полезной диверсией в тылу Австро-Венгрии». Он также высказывал мысли о том, что Сербии надо занять место центра, у которого бы сгруппировались балканские народы¹.

В последней четверти XIX – начале XX в. Россия переориентировалась на Дальний Восток, ее интерес к славянским делам продолжал ослабевать. В начале XX в. журнал «Гражданин» поместил несколько статей, призывавших Россию перестать вмешиваться в балканские дела и обратить внимание на самовозрождение; идея балканского союза объявлялась утопичной². Разочарование в панславизме выразилось и в политико-литературной газете «Русская земля», где писали о неблагодарности балканских народов, которые не захотели стать верными союзниками России³.

В газете «Новое время» говорилось: «... Корень зла нашей ближневосточной политики заключался всегда в том, что мы, освобождая единоверные народы Балканского полуострова, не принимали мер в экономической области и отдавали освобожденные народы в зависимость германскому капиталу»⁴. Вместе с тем, продвигались проекты создания Славянской торговой палаты, которая бы проводила пророссийскую политику на Балканах. Впрочем, тогда же русская дипломатия в лице А.П. Извольского дала согласие на аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, уступив натиску Германии и испортив отношения с Сербией. Затем в столичной печати развернулась целая патриотическая кампания с осуждением внешнеполитического курса

¹ Данченко С.И. Развитие сербской государственности и Россия 1878–1903 гг. М., 1996. С. 367.

² Гражданин. 1908. № 81–8. С. 5–7.

³ Русская земля. 1908. № 858. 10 октября. С. 3.

⁴ Новое время. 1908. 9 октября. № 11703. С. 5.

России, сыпались обвинения в измене за отказ от защиты интересов Сербии¹. Влияние России на Балканах неуклонно падало. Балканские национальные движения вышли из-под ее опеки. По выражению П.Н. Милюкова, «с России снята обуза постоянных забот об интересах славянства»².

Таким образом, русский панславизм представлен разными течениями, проектами и замыслами. Достигнув апогея популярности во второй половине 1870-х гг., в последующие годы он переживал спад, а в конце XIX в. – кризис. Этому способствовали внешнеполитические неудачи Российской империи в Восточном вопросе, невозможность объединить славян в союз под эгидой России, а также стремление новых независимых славянских государств к обособлению, выходу из русской сферы влияния и внутренние распри между ними (например, между Сербией и Болгарией). В итоге, на рубеже XIX–XX вв. панслависты вернулись к старым славянофильским идеям развития культурных связей между славянскими народами, т.е. к чисто культурной направленности своих концепций. Во всяком случае, они уже не шли далее планов противостояния экономической экспансии германского капитала на Балканах.

Немецкие публицисты не раз писали о «русской опасности». Раздувая в периодической печати миф об угрозе панславизма, они готовили читателей к возможной войне против этого «врага». При этом следует подчеркнуть, что панславизм никогда не был официальной внешнеполитической доктриной России и воспринимался лишь как идейное течение, распространенное среди части патриотически настроенной русской интеллигенции. Кроме того, панславизм никогда не предполагал политического поглощения Россией славянских народов и не простирался далее конфедеративного, по сути, объединения с правом на самоопределение. Своей главной задачей панслависты считали защиту славян от враждебной внешней экспансии (экономической и военной) – прежде всего, со стороны Германии и Австро-Венгрии.

¹ Романенко С.Р. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI в. М., 2002. С. 70.

² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 365.

ТВОРЧЕСТВО И.Я. ФРАНКО И ПРОБЛЕМА УКРАИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Славу выдающегося писателя и классика мировой литературы Иван Яковлевич Франко завоевал во второй половине XIX в. Родиной писателя и местом его творчества была Галиция – в ту пору провинция Австро-Венгерской империи. Историческая и этническая специфика этого региона весьма любопытна. Древняя русская земля, Галиция издавна была предметом притязаний со стороны соседних королевств – Венгрии и Польши. В XIII в. она была разорена монголо-татарами, затем подпала под власть польско-литовских феодалов, а в результате первого раздела Речи Посполитой (1772) отошла к Австрии, при этом часть Галиции (Тарнопольский округ) недолго – с 1809 по 1815 г. входила в состав Российской империи. Сложный исторический путь наложил отпечаток на национально-культурную специфику края, которая ярко отражена в творчестве И.Я. Франко.

Своим духовным предшественником Иван Франко считал Тараса Григорьевича Шевченко, посвятив ему около 20 своих сочинений¹. В них видна глубина знания и понимания творческого наследия Т.Г. Шевченко, Ивану Яковлевичу были доступны и запрещенные царской цензурой произведения Великого Кобзаря. Данная преемственность говорит нам о том, насколько близким писателю, имевшему определяющее влияние на галицийское общественное сознание, оказалось мировоззрение украинофильской интеллигенции центральных местностей Малороссии – продолжателей дела Тараса Шевченко. Наиболее выдающимися представителями малороссийской интеллигенции, стремившимися заложить основы украинской идентичности, можно назвать Лесю Украинку, Михаила Драгоманова, Михаила Старицкого, Михаила Коцюбинского и др.

Однако Иван Франко неизменно оставался глашатаем настроений именно галицийской интеллигенции. В его произведениях часто упоминается самоназвание населения Галиции – *русины*, подробно описываются обычаи и жизнь Галицкой земли, мировоззрение крестьян и городских слоев². Вторая половина XIX в. – время торжества реализма. Большинство произведений Франко – рассказов, повестей и новелл написано в реалистическом духе. Романтизм, присущий предыдущему периоду развития украинской литературы и тесно связанный, прежде всего, с романтизацией истории запорожского казачества, был менее свойственен Ивану Яковлевичу и иногда встречается лишь в его поэтических произведениях. Но и поэтическое наследие классика требует к себе пристального внимания. В поэмах «Иван Вишенский», «На Святоюрской горе»³ четко прослеживаются исторические симпатии автора – Иван Франко ассоциирует себя именно с запорожским казачеством, несмотря на то, что историческая судьба Галиции никогда не была связана с запорожскими казаками. В поэмы

¹ Иван Франко про Тараса Шевченка. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.t-shevchenko.name/uk/Studies/IFranko.html> (дата обращения: 25.10.2020).

² См.: «Лесихина Семья», «Два приятеля», «Маленький Мирон» и др.

³ См.: Франко И. Стихотворения и поэмы. Рассказы. Борислав смеется / Сост. и прим. Б. Турганова. М., 1971.

Франко вплетены также библейские сюжеты, чудесным образом перекликающиеся с малороссийской и казацкой проблематикой.

При этом реалистические рассказы И.Я. Франко несут в себе суровую прозу жизни. В них русины показаны как угнетенная и униженная народность, находящаяся под игом австрийских властей, польских помещиков, еврейских ростовщиков. Национально-освободительные идеи сопряжены у писателя с призывом к борьбе за социальную справедливость. У Франко также присутствует осознание, что русины являются частью малороссийского народа, а значит – и великой русской нации. Классовая борьба в творчестве Франко имеет заметный национальный оттенок – это именно борьба с иноплеменной эксплуатацией труда. Таким образом, залог успеха в этой борьбе писатель видел в воссоединении с соплеменниками – со своими родными братьями. Так, в повести «Захар Беркут», воспроизводящей события середины XIII в., русины, восставшие против феодального гнета и сражающиеся с вторгшимися в их земли монголами, показаны как часть общей древнерусской цивилизации.

Конечно, у Ивана Франко мы не встретим высказываний в пользу вхождения Галиции в состав Российской империи. Еще задолго до Франко – в начале XIX в. в Галиции зародилось русофильское движение, объединившее местную интеллигенцию и студенчество и имевшее целью единение с Россией. Во главе движения стояли видные подвижники и просветители своего народа – Маркиан Шашкевич, Яков Головацкий и Иван Вагилевич. Но австрийские власти и местная польская верхушка сделали все для подавления прорусских настроений, в середине XIX в. русофильская партия была разгромлена. Некоторые ее лидеры подверглись преследованиям и рано ушли из жизни, другие были вынуждены прекратить свою прежнюю деятельность или эмигрировать в Россию. Открыто пророссийская ориентация была невозможной и немедленно каралась властями и цензурой. Кроме того, помещичье-буржуазные порядки, господствовавшие в царской России, были не особо привлекательными для писателя, верного своим революционно-социалистическим идеалам. Единственным легальным вариантом самоопределения для галицийской интеллигенции, желавшей найти свой культурно-исторический эгрегор, оставалось украинофильство, получившее развитие и в центральной Малороссии – на территории России.

Следует подчеркнуть, что у И.Я. Франко украинская идентичность была, прежде всего, связана с пафосом борьбы против социального и национального угнетения. Называя свой народ русинами, писатель считал их частью украинского народа, а также частью общерусской истории и цивилизации.

ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ И ВЕЛИКИМ КНЯЖЕСТВОМ ФИНЛЯНДСКИМ

Об особом положении Великого княжества Финляндского на протяжении почти всего XIX в. свидетельствует историческая литература. Еще в 1809 г. Российская империя гарантировала привилегии финнам, чуждые для остальных русских подданных и резко отличавшие этот северный народ от всех остальных в составе Империи.

Остановимся на взаимоотношениях русских и финнов в XIX в. Специфика проблемы проистекает из того, что, с одной стороны, Великое княжество Финляндское было субъектом Российской империи, а с другой – модель системы власти и управления дают повод говорить о внешнеполитическом партнерстве внутри страны.

В болгарской историографии почти не затрагиваются вопросы, связанные с российско-финскими отношениями в XIX в. Чаще всего исследования содержат обобщения, касающиеся внешней политики официального Петербурга или участия финнов в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., без упоминания о том, что речь, конечно, идет не о финской армии. Информации по нашей теме совсем немного.

Еще в начале XVIII в. Россия, защищая свои северные рубежи и новую столицу, присоединила побережье Балтийского моря от Риги до Выборга. При этом свои интересы в регионе имела и Швеция. Географическое положение финских земель предопределяет их военно-стратегическое значение. Поэтому после присоединения Финляндии в 1809 г. Петербург стремился удержать за собой эту страну, что гарантировало ей не только надежные позиции, но и мир на северо-западе огромной Империи. Важным фактором в этом отношении была лояльность финнов престолу. Это во многом определяло политику Империи в делах Великого княжества, которой трудно найти аналог во взаимоотношениях русского правительства и других нерусских окраин, так как здесь, по сути, речь идет о внешней политике русского правительства по отношению к территории, присоединенной к Империи, но наделенной широкими автономными правами. Отношения между Империей и Великим княжеством по своему характеру очень напоминали контакты между двумя отдельными государствами, а отнюдь не правительственную политику на территории окраинной провинции (за исключением, может быть, периода в самом конце XIX – начале XX в., когда предпринимались попытки частичной русификации Финляндии).

До 1809 г. Финляндия находилась под властью Швеции, которая насаждала свои порядки и религию. Многие карелы находили убежище в России, в т.ч. в восточной части Карелии, где занимались охотой и рыболовством, а также, несмотря на плохие урожаи, умудрялись торговать на юге¹.

В 1713 г., во время Северной войны, русская армия впервые оккупировала большую часть Финляндии, включая ее главный город Або (Турку). До подписания Ништадтского мира (1721) русские были свидетелями как ухода многих шведов, так и благосклонности и дружеского отношения со стороны местного населения. Правда,

¹ История России с древнейших времен до наших дней / Под ред. чл.-корр. РАН А.Н. Сахарова. М., 2015. С. 292–293.

при этом никуда не делись различия в языке и религии русских и финнов. Но покровительство, которое оказывала финнам Россия, позволило им создать свои органы самоуправления, восстановить академию в Або, свои храмы, а также получать регулярную помощь в виде поставок зерна. По условиям мира, оставив за собой Выборг, Россия вернула Швеции остальную Финляндию.

Русских и финнов вновь свела русско-шведская война 1741–1743 гг. В манифесте императрицы Елизаветы I говорилось: «У них (финнов) есть основания требовать скорейшего прекращения войны, потому что они, их страна и собственность в нынешней войне подвергается жестоким бедствиям и разрушениям всех видов и они должны понести убытки»¹. Петербург уже явно разграничивал Финляндию и собственно Швецию, называя Финляндию «страной». Русские войска вновь временно вошли в Финляндию и вновь покинули ее, кроме некоторых прилегающих к Выборгу мест, отошедших к России по Абоскому миру (1743). При этом русско-финские отношения отличались дружественностью и теплотой. Благонамеренное поведение России вызвало симпатии у многих финнов. Более того, в 1740–1760-е гг. впервые стали высказываться идеи присоединения Финляндии к России или создания нейтральной буферной зоны между Швецией и Россией. Еще во время войны 1741–1743 гг. некоторые укомплектованные финнами гарнизоны изъявляли готовность перейти на сторону русской армии.

Похожая ситуация была и при Екатерине II, признававшей русско-шведскую границу по реке Кюмень удовлетворительной для безопасности Империи. Известен также замысел канцлера графа Н.И. Панина, связанный с его планами создания т.н. «Северной системы» («Северного аккорда»), а именно – коалиции в составе России, Англии, Пруссии, Швеции и др., направленной против Франции². При этом не было и речи об отторжении от Швеции какой-либо части ее тогдашней территории, в т.ч. Финляндии. Императрица также не обратила серьезного внимания на предупреждения о реваншистских намерениях Швеции, содержавшиеся в донесениях русского посла в Стокгольме графа А.К. Разумовского. Даже во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. Екатерина II не стала посягать на Финляндию, уважая шведский суверенитет над ней. Поэтому уже через год после заключения бессрочного Верельского мира (1790) Россия и Швеция установили дружеские и союзнические отношения³.

Между тем, в 1780-е гг. в самой Финляндии, даже в шведско-финской армии, набирали силу оппозиционные Стокгольму настроения. Офицеры-финны рассчитывали на возможность отделения от Швеции в случае новой войны. Во главе патриотически настроенных финских офицеров стоял полковник Г.М. Спренгтпортен, мечтавший о суверенной республике (наподобие Северо-Американских Соединенных Штатов) под покровительством России. Во главе Финляндии он видел президента с широкими властными полномочиями, а в роли президента или генерал-губернатора – самого себя. В 1786 г. Спренгтпортен эмигрировал в Россию, где получил генеральский чин. Однако Екатерина II предпочитала не рисковать, не веря в успех планов отделения Финляндии от Швеции. К тому же с начала 1780-х гг. императрица была увлечена «Греческим проектом», а в 1787 г. началась новая русско-турецкая война.

¹ Похлебкин В.В. СССР–Финляндия. 260 лет отношений 1713–1973. М., 1975. С. 73.

² Миронова Е.М. Русская дипломатия о Северной Европе в 60-е годы XVIII в. // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 3. М., 1999. С. 92–111.

³ Широкопад А.Б. Северные войны России. М., 2001. С. 450–452.

Среди финских офицеров пользовались поддержкой идеи создания буферного и независимого финского государства с опорой на поддержку Петербурга. Несмотря на разное отношение к степени интеграции с Россией, все понимали, что строительство финской государственности возможно только с помощью Петербурга. При этом сторонники отделения от Швеции не были консолидированы и оказались не способны к самостоятельной борьбе.

Императоры Павел I и, до 1807 г., Александр I были верны союзу со Швецией. Но в 1808 г. Россия, связанная с Францией обязательствами согласно Тильзитскому миру (1807), вступила в войну против Швеции после отказа Стокгольма примкнуть к устроенной Наполеоном континентальной блокаде Англии. Эта война была непопулярна в русской дворянской и гвардейской среде, где воспринималась «как незаконное нападение на слабого соседа» во исполнение «чужой воли»¹. В результате русско-шведской войны 1808–1809 гг. Финляндия и Аландские острова отошли к России, а император Александр I образовал на этих территориях автономное Великое княжество Финляндское, став его конституционным правителем. Финляндия получила свой выборный Сейм (парламент) и собственные законы².

Русские видели в финнах союзников, а не врагов, и не ставили целью завоевание Финляндии. Присоединение Финляндии было, скорее, логическим продолжением взаимоотношений, сложившихся между двумя странами, и напоминало союз двух отдельных государств. В то же время, признание присоединения Финляндии к России Наполеоном выглядело так, как будто Финляндия «получена из рук Европы»³. Любопытно, что в самом начале войны Петербург допускал возможность сохранения Финляндии за Швецией, о чем говорилось в его ноте от 18 февраля 1808 г. По Фридрихсгамскому миру (1809) Россия получила обширную финскую территорию с населением, значительно отличающимся от нее по языку, религии, культуре и государственному устройству.

Исследователь В.В. Рогинский справедливо отметил, что «европейский север, на протяжении столетия являвшийся ареной международных конфликтов, в частности межскандинавских, в 1815 г. становится если не мирной зоной, то одним из самых спокойных регионов континента, что отвечало стратегическим интересам России»⁴. Еще одно свидетельство особого отношения Петербурга к финнам – это использование в документах слова «соединение». Согласно имеющимся текстам на французском и шведском языках, а также их интерпретации в исторической литературе, это – личная уния двух стран, демонстрирующих взаимное уважение.

Еще до заключения мирного договора русское правительство издает манифесты, воззвания и т.п., подчеркивая уважительное отношение к финскому населению. В Борго (Порво) был создан Сейм, где вполне естественным образом было провозглашено образование Великого княжества Финляндского. В этом качестве Финляндия просуществует до крушения Российской империи в 1917 г.

Делегируя права и привилегии Великому княжеству, Александр I назвал расширение своей Империи «торжественным актом соединения»⁵, т.е. союза. Манифест

¹ Шмурло Е.Ф. История России IX–XX вв. М., 2008. С. 43.

² История России. Новое и новейшее время. М., 2010. С. 31–32; История России / Под ред. чл.-корр. РАН А.Н. Сахарова. Т. 2. М., 2015. С. 13.

³ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 80.

⁴ Рогинский В.В. Северная Европа и Россия на заключительном этапе наполеоновских войн // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 3. М., 1999. С. 123.

⁵ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 83.

был быстро распространен среди населения и стал прямым указанием на закрепление за Финляндией особых прав. Конституционное устройство Великого княжества регулировало двусторонние отношения между императором всероссийским и четырьмя финскими сословиями – аристократией, духовенством, гражданами и крестьянами.

Еще до последней русско-шведской войны, в 1802 г., Александр I переименовал Выборгскую губернию в Финляндскую¹. Это стало своеобразным прологом «соединения» Финляндии с Россией.

Более того, автор нереализованного конституционного проекта (1809) М.М. Сперанский именовал вновь созданное Великое княжество «государством, а не губернией»², и планировал дальнейшее развитие конституционной модели финляндской государственности, что, в итоге, и было утверждено императором³.

Об особом отношении Петербурга к финнам свидетельствует переписка генерал-губернатора Ф.Ф. Штейнгеля и М.М. Сперанского в 1811 г., где последний выражал пожелание «избежать всего, что могло бы вызвать недовольство, и относиться с особой заботой к финнам»⁴. Сперанский даже стремился содействовать переезду предприимчивых финнов в Россию по мере ослабления экономической зависимости Финляндии от Стокгольма. Создание и расширение собственного государственного аппарата позволило финнам пойти по пути национального обособления. Можно смело утверждать, что очевидные различия между русским и финским народами вкупе с привилегированным положением Великого княжества способствовали успешному выстраиванию финской идентичности. Кроме того, Российская империя, имевшая на момент присоединения Финляндии отсталую, по сравнению с другими странами Европы, крепостную экономику⁵, едва ли была способна в полной мере «переварить» Финляндию.

Поражение России в Крымской войне и унижительные для Империи статьи Парижского трактата (1856) усилили антироссийские настроения в Скандинавии. В Швеции и других странах возникают идеи скандинавизма⁶, начинаются разговоры о «русской опасности». В 1855 г. Великобритания, Франция и Швеция заключили т.н. «Ноябрьский договор» и начали подготовку к совместным военным действиям против России с целью возвращения финских земель Швеции. Эти настроения нашли почву и в Финляндии, где немалую часть населения юга составляли шведы, однако широкую популярность в финском обществе скандинавизм так и не приобрел.

Похожей была идеология Лиги Виллебранда – секретной шведской политической организации, созданной еще в 1818–1819 гг. и планировавшей овладеть финскими госучреждениями для успешной борьбы с Россией⁷. Лига была связана со шведскими политическими кругами и имела свою агентурную сеть. В Петербурге узнали о существовании Лиги, за ней была начата слежка, но вскоре власти удостоверились, что Лига не представляет реальной угрозы для Империи. Гораздо больше Россию бес-

¹ Кораблев Н.А. Эволюция административно-территориального устройства Карелии в XVIII – начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: http://resources.krc.karelia.ru/library/doc/articles/evoljucija_adm.pdf (дата обращения: 1.12.2020).

² Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 86.

³ История России с древнейших времен до наших дней / Под ред. чл.-корр. РАН А.Н. Сахарова. М., 2015. С. 448.

⁴ Лайдинен А.П. Развитие капитализма в промышленности Финляндии. Л., 1979. С. 9.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Возгрин, В.Е. Скандинавизм: первая попытка интеграции европейских народов. [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.spbu.ru/html15/s02/s02v3/06.pdf> (дата обращения: 1.12.2020).

⁷ Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 97.

покоило возможное вмешательство Европы, которая могла поставить под сомнение законность «соединения» Финляндии с Империей в 1809 г. В самом деле, в финское общественное сознание стала внедряться идея противоречия между российской политикой и финскими интересами. Впрочем, финское национальное движение во главе с Ю.В. Снельманом ограничилось отстаиванием прав финского языка, которым предполагалось вытеснить шведский, и финской марки как национальной валюты.

В свою очередь, расчеты шведской партии Финляндии на то, что Польское восстание 1863 г. приведет к торжеству скандинавизма, не оправдались. Финны остались мирными и нейтральными, они не поддержали восставших поляков. Тогда же активизировались фенноманы – сторонники возвращения к финским традициям и языку для закрепления финской национальной идентичности. Русское правительство оказало поддержку этому национальному движению и тем самым смогло нейтрализовать прошведские настроения. Вскоре финский язык стал вторым официальным языком после шведского, в сентябре 1863 г. Александр II открыл финляндский Сейм, была сформирована финская армия, а финская марка стала самостоятельной национальной валютой. Петербург выказал уважение финских национальных интересов.

Великое княжество гарантировало себе и широкую экономическую самостоятельность. Финны не платили налоги Империи и имели собственную таможенную, т.е. фактически были отделены от Империи государственной границей, поддерживая с Петербургом, по сути, внешнеторговые отношения. С 1860-х гг. таможенные льготы неуклонно возрастали и торговый договор 1869 г. между Петербургом и Гельсингфорсом имел черты межгосударственного. Хотя финский беспощадный импорт наносил ущерб русской торговле, Петербург оставлял все по-прежнему.

Торгово-промышленное законодательство Великого княжества было направлено на привлечение европейского капитала, конкурировавшего с русским. Финляндия самостоятельно получала кредиты и торговала со странами Европы. Фактически обретенная экономическая независимость способствовала процессам политического обновления Великого княжества. Финляндия создала свою отдельную административную структуру, включавшую, кроме всего прочего, почтовое ведомство, систему учета, банк с агентами в Западной Европе. Она добилась широкого признания на международной арене, хотя формально и не имела своего внешнеполитического ведомства. В конце XIX в. открываются финские консульства в разных странах, в т.ч. в России. Империя проявляла снисходительность и не сопротивлялась.

Законом о создании финской армии от 6 декабря 1878 г. Великому княжеству разрешалось иметь свою военную форму. В 1848 г. был утвержден гимн «Наша земля», исполнявшийся в присутствии русского императора. Финляндия имела свой герб и была наделена правом самостоятельного участия в международных выставках, съездах и т.п. Наконец, наряду с русским, существовало отдельное – финское подданство. Русские подданные на территории Великого княжества Финляндского были приравнены к иностранцам.

В XIX в. Финляндия не успела обзавестись только национальным флагом и использовала в этом качестве русский коммерческий (бело-сине-красный) флаг.

После возникновения Великого княжества Финляндского в Петербурге была создана Комиссия по финским делам, просуществовавшая с 30 октября 1809 г. по 5 ноября 1811 г. для посредничества между властями Империи и Великого княжества. Глава комиссии должен был хорошо знать финские условия и наделен был широкими полномочиями. В конце 1811 г. Комиссию преобразовали в Комитет, действовавший до 17 марта 1826 г. Затем на смену Комитету пришел Статс-секретариат по делам Ве-

ликого княжества Финляндского¹, а 23 декабря 1834 г. было образовано соответствующее ведомство в ранге министерства. Оно должно было обеспечить соблюдение автономных прав Финляндии. Статс-секретарь назначался из числа финских подданных финской или шведской национальности. Во второй половине XIX в. статс-секретариат фактически берет на себя роль дипломатического ведомства и финского представительства при русском правительстве. Статс-секретарь имел право личного доклада императору о делах – без предварительного согласования с какими-либо инстанциями. Тем самым он стал очень похож на финского посла в Петербурге.

В середине XIX в. между Великим княжеством и Империей даже возникли территориальные споры. В 1864 г. Александр II отделил от Выборгской губернии Великого княжества Сестрорецк, где располагался оружейный завод, и включил его в состав Петербургской губернии. В самом деле, русскому военному ведомству было сложно обеспечить управление военным заводом, на котором трудились русские рабочие, и русско-финская граница была отодвинута на 20 квадратных миль.

В ответ Сейм потребовал территориальных компенсаций, заявив о недопустимости односторонних уступок. При этом в Гельсингфорсе даже не вспомнили о Выборгской губернии, полностью и безвозмездно переданной Александром I Великому княжеству в 1811 г. Русское правительство изъявило готовность уступить Финляндии ту или иную часть Петербургской губернии, расположенную вдоль границы. Но финский Сенат потребовал передать Финляндии Печенгу с выходом к северным морям. В Петербурге ответили согласием, но финский Сенат уточнил, что Печенга должна отойти к Финляндии вместе Кемским и Онежским уездами², т.е. довольно обширными территориями Русского Севера с выходом к Белому морю и Онежскому озеру. Чрезмерные требования финнов обострили отношения между Гельсингфорсом и Петербургом, отказавшимся, в итоге, выполнить финские требования. Но обещание уступить Печенгу (Петсамо) припомнит Советской России правительство независимой Финляндии. В 1918 г. эту область оккупируют финские войска, по Тартускому договору 1920 г. Печенга отойдет к Финляндии и будет находиться в ее составе до 1944 г. ... Еще одна территориальная проблема была связана со Свеаборгом – русской военно-морской крепостью близ Гельсингфорса. Финская сторона, основываясь на своем, т.е. фактически шведском, законодательстве, потребовала признать суверенитет Великого княжества на этой территории, находившейся под управлением русских военных властей. Так русско-финские отношения все более приобретали явные черты межгосударственных.

Между тем, почти до самого конца XIX в. русский император оставался гарантом широкой автономии Финляндии как почти суверенного государственного образования, соединенного с Империей. Лишь на рубеже XIX–XX вв., при Николае II и генерал-губернаторе Н.И. Бобрिकове, там была предпринята неудачная попытка начать русификацию и урезать финские привилегии, закончившаяся убийством генерал-губернатора. А во время революции 1905 г. Финляндия фактически превратилась во враждебное Российской империи государство, предоставлявшее убежище революционерам, националистам и другим противникам «царского режима».

¹ Некрасов Е.В. Вопрос о государственно-правовом статусе Великого княжества Финляндского в составе Российской империи в дореволюционной отечественной историко-правовой мысли. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vopros-o-gosudarstvenno-pravovom-statuse-velikogo-knyazhestva-finlyandskogo-v-sostave-rossiyskovy-imperii-v-dorevoljutsionnoy> (дата обращения: 1.12.2020).

² Похлебкин В.В. Указ. соч. С. 119–120.

ПАССИВНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ФИНЛЯНДИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Великое княжество Финляндское в составе Российской империи обладало очень широкой автономией. Между Россией и княжеством существовала таможенная граница. В княжестве был свой законодательный орган – Сейм, управлял Финляндией Сенат (правительство), подотчетный генерал-губернатору, назначаемому из Петербурга. Генерал-губернатор был наместником императора в Великом княжестве. На местах управляли губернаторы, государственные служащие, полицейские чины, которые все были финнами или шведами. В рамках своей компетенции губернаторы обладали значительными полномочиями и даже могли игнорировать распоряжения генерал-губернатора. Автономное положение Финляндии основывалось не только на отдельных органах управления, но и на отдельной правовой системе; такая автономия позволяла Великому княжеству проводить самостоятельную внутреннюю политику, часто несоотносимую с интересами России и даже противоречащую последним. Между Империей и Финляндией отсутствовала прочная политическая связь. «Предоставление прав и преимуществ (которые получила Финляндия при вхождении в состав России. – Н.П.) необходимо было сопроводить известными обязательствами и государственными требованиями, дабы естественная связь с центром не прерывалась и власть не выпускалась из рук покорителей»¹.

Русского населения в Финляндии почти не было, а то, которое проживало, не могло получить финляндское гражданство и было, согласно местным законам, дискриминировано или поражено в правах. В 1863 г. русский язык в учебных заведениях княжества был заменен немецким языком или латынью. С 1889 г. лицам православного вероисповедания запрещалось преподавание истории. Согласно уставу о воинской повинности 1878 г., русские офицеры не могли служить в финских войсках. Русские предприниматели не могли строить железные дороги (1889). В 1890 г. русским шкиперам и машинистам было запрещено служить на финляндских пароходах и судах. В этом же году было издано положение, ограничивавшее практику русского врача, а согласно распоряжению, данному в 1879 г., русская акушерка лишалась права заниматься своей профессиональной деятельностью. В 1867 г. вступило в силу положение, по которому заниматься изданием газет в княжестве могли только лица, имеющие финляндское подданство. Если русский имел недвижимость в княжестве, то он в отличие от финляндского гражданина не имел права голоса ни в городских, ни в сельских общинах. В сфере торговли русский подданный, не являвшийся финляндским гражданином, приравнивался к иностранцу.

В Финляндии была своя денежная единица (финская марка была отвязана от русского рубля, банк княжества был поставлен под контроль финляндского Сейма, в 1878 г. Финляндия приняла золотой стандарт Латинского валютного союза), до нача-

¹ Бородкин М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н.И. Бобрिकова. С портретами и иллюстрациями. СПб., 1905. С. 9–10.

ла XX в. существовала своя армия, присутствовали и другие элементы государственности. Недаром *финляндцы* (финны и шведы) считали, что княжество являлось *несуверенным государством (страной)* в составе России. В 1863 г. в Сейме ставился вопрос о введении для княжества отдельного торгового флага, а отношения между Финляндией и Россией предлагалось отнести к вопросам внешней политики княжества. В финской печати всерьез обсуждалось предложение о создании собственной консульской службы. Если Финляндия является отдельным, хотя и несuverенным государственным образованием, то интересы Империи, считали финляндцы, не могут и не должны совпадать с их интересами. «Всякая трата сил для более обширных целей России, - было заявлено депутатами Сейма (созыв 1877–1878 гг.), - несовместима с задачей финского народа»¹. Пожалуй, единственное, что зримо говорило о принадлежности Финляндии к России, это – признание всероссийского императора верховным правителем Финляндии и присутствие на территории княжества русских войск.

К началу 1890-х гг. в княжестве действовали две политические партии – Финская партия и Шведская партия. Это были партии либерально-консервативного толка. Обе четко обозначили свои позиции о месте Финляндии в составе России. Финляндия, по их мнению, являлась *несуверенным государством*. Финская партия выступала за сохранение этого автономного статуса, а Шведская партия стояла на более радикальных позициях. В партийную программу, принятую в 1880-х гг., было включено требование установления унии между княжеством и Империей, т.е. закрепления за Финляндией международного статуса отдельного государства, находящегося в союзе с Россией и под скипетром ее монарха. Начиная с 1870-х гг., все очевиднее становилась тенденция, когда политическая элита Финляндии – представители как финской, так и шведской ее частей, проповедуя правовую концепцию Финляндии как «несуверенного государства», «страны» в составе России, по сути обозначили направление своих политических притязаний – полная автономия княжества. Автономия, при которой русское правительство не должно вмешиваться во внутреннюю жизнь Финляндии и признавать за княжеством право на самостоятельную внешнюю политику в вопросах, касающихся интересов автономного княжества. Шаги в этом направлении были предприняты еще в 1870-х, когда во время работы Сейма (созыв 1877–1878 гг.) депутаты от Финской и Шведской партий при обсуждении проекта устава о воинской повинности солидарно выступили против использования финских войск за пределами княжества. «Россия может оказаться вынужденною вооруженною силою разрешать разнообразные столкновения, не имеющие ничего общего с интересами Финляндии, - записано в решении комиссии Сейма, - и в этих случаях несправедливо посылать (...) (финляндцев. – Н.П.) умирать в далекую Армению или Хиву. Финляндия не обязана к безграничной солидарности с Россией, не обязана принимать активного участия во всех войнах империи, так как это могло бы повести к истощению Финляндии без всякой (для нее) пользы»².

Понятно, что такие «автономные» отношения Империи с княжеством входили в противоречие с основами российской государственности и таили в себе опасность выхода Финляндии из состава России. Имперскому правительству, чтобы избежать такого сценария и не потерять Финляндию, необходимо было предпринять шаги по интеграции Финляндии в политическую систему Империи. Такие шаги были предприняты, когда, начиная с 1890-х гг., вышли нормативно-правовые акты, прежде все-

¹ Там же. С. 52.

² Там же. С. 128; Германсон Р. Государственное положение Финляндии. Вып. II. СПб., 1892. С. 218.

го – указы императора, направленные на усиление общегосударственных институтов власти в княжестве и ликвидацию ряда автономных прав (ропуск финских войск и т.д.).

Политические партии княжества отнеслись к «политике интеграции» по-разному. Финская партия выступила за сотрудничество с российским правительством при условии сохранения государственной автономии Финляндии и резко отрицательно отнеслась к политике «пассивного сопротивления», инициированной Шведской партией. Лояльная позиция Финской партии в отношении «политики интеграции» вызвала недовольство у части членов партии, скептически относившихся к такому сотрудничеству. Этот скепсис перерос в открытую вражду, когда Финская партия поддержала решение об объединении почты, принятие законов о статс-секретаре и генерал-губернаторе, которые позволяли назначать в государственные учреждения княжества русских чиновников, приостановку введения нового уголовного уложения. В результате возникших непримиримых противоречий в рядах Финской партии произошел раскол. Вышедшая из состава партии ее радикальная часть создала в 1894 г. Младофинскую партию. Сохранившая же свои политические ориентиры и взгляды Финская партия стала называться Старофинской партией (СФП). Несмотря на раскол партии, старофинны продолжали позиционировать себя как политическую силу, выступающую с позиций защиты интересов всего финского народа. Консерватизм и пророссийская позиция СФП особенно ярко проявились в 1899 г., когда был издан манифест, ограничивавший автономные права Великого княжества. Началась политика наступления на автономные права Финляндии, что спровоцировало рост недовольства в финском обществе. Шведская и младофинская партии выступили с лозунгом пассивного сопротивления русскому правительству и объединились в Конституционный блок. Целью пассивного сопротивления было заставить русское правительство отказаться от реформ государственного управления в княжестве, направленных на интеграцию Финляндии в политико-правовую систему Империи. Роль лидера в Конституционном блоке играла Шведская партия (шведоманы).

СФП выступила против пассивного сопротивления. По мнению идеологов партии, такие антиправительственные действия не имели шансов на успех, а только подталкивали Финляндию к революции и хаосу. СФП призывала к конформизму, умеренности и уступкам, которые, впрочем, не должны были уничтожить основы финляндской автономии, гарантирующие, по мнению старофиннов, особый статус Финляндии как «несуверенного государства». СФП считала, что своей неразумной политикой пассивного сопротивления Конституционный блок только вредит финскому народу, подталкивая правительство к репрессивным мерам. В СФП звучали и более радикальные голоса, требовавшие ликвидировать Шведскую партию как партию, наносящую непоправимый вред финскому национальному делу, ибо политика пассивного сопротивления, по мнению старофиннов, приводила не только к неповиновению имперским властям, но и подрывала спокойствие в княжестве, разрушала основы общественного порядка, вела к анархии, нарушала мирное течение жизни, к которому привыкли финские обыватели. В связи с этим СФП просила генерал-губернатора усмирить революционное брожение в княжестве. Старофинны не побоялись опубликовать в своих газетах статьи, разоблачающие политику пассивного сопротивления и ее инициатора – Шведскую партию. В феврале 1901 г. газета старофиннов «Uusi Suometar» («Ууси Суометар») писала: «Теперь, однако, кажется, будто изнутри хотя бы поколебать равновесие. Мы не знаем, какие силы тут действуют, но их влияние все яснее выступает наружу (...) Неужели мы намерены и далее сносить, чтобы какая-то неве-

домая партия своими распоряжениями стесняла дозволенные действия в нашей частной жизни (...) Уже второй год некая кучка сосредоточила свои усилия на терроризации убежденных граждан». Другие старофинские газеты прямо называли эту «кучку» «кагалом» и «тайной властью» во главе со «шведоманами-викингами». За выступление против пассивного сопротивления старофинны были названы шведоманами «врагами и изменниками родины», Конституционный блок устроил их общественную травлю, которой подвергся в т.ч. идеолог и лидер старофиннов – престарелый И.С. Ирве-Коскинен. Центральному органу партии – газете «Uusi Suometar» был устроен бойкот. СФП же призвала чиновников княжества (сенаторов, судей и др.) не присоединяться к пассивному сопротивлению и продолжать выполнять свои должностные обязанности. Как считали идеологи СФП, с правовой точки зрения невыполнение чиновниками всех рангов своих должностных обязанностей является не только нарушением основных законов Финляндии, но и нарушает стержневой правовой принцип, по которому все чиновники являются «слугами Государя» и не имеют права отказываться от исполнения повелений монарха. Старофинны призывали население не верить агитаторам из Конституционного блока, которые для достижения своих политических целей «прибегали ко лжи и клевете»¹. Газета старофиннов «Wiipurii» («Випури», «Выборг») писала: «Покойный Юрье-Коскинен требовал, (...) чтобы старофинская партия отказалась от всякого общения с группой, управляемой обезумевшими викингами. Следуя его примеру, финский народ должен ясно показать, что он не имеет ничего общего с так называемым "пассивным сопротивлением"»².

Старофинны не поддержали т.н. «Большую петицию», принятую Сеймом (сессия 1904–1905 гг.). «Петиция», принятая по инициативе Конституционного блока, требовала в ультимативной форме отмены всех «антифинляндских» законодательных и подзаконных актов, изданных Николаем II и русским правительством. Старофинны допускали возможность принятия некоторых положений объединительных законов, но при этом однозначно заявляли о незыблемости основ автономных прав Финляндии. Ради этого, считала СФП, «финский народ обязан напрячь все свои силы и согласиться даже на величайшие жертвы», но пойти по пути объединения с Империей как для «обеспечения внутренней самостоятельности края, так и удовлетворения потребности в государственном объединении»³. Этот тезис был официально закреплен в резолюции, принятой на партийном собрании (2–3 декабря 1903 г., Гельсингфорс). Следуя своим взглядам, в конце 1904 г., в преддверии созыва Сейма, партия выпустила предвыборную программу, в которой, хотя и с оговорками, признавала отнесение к общемперскому ведению вопросов о воинской повинности, о русском языке и о хождении русской монеты на территории княжества.

Видя лояльность старофиннов к идее общей государственности России и Финляндии, отрицание ими политики пассивного сопротивления, имперские власти заменяли на должностях всех уровней шведоманов сторонниками старофиннов.

Наиболее ярким противником интеграции Финляндии в политическую систему России была Шведская партия. Все законоуложения, выпущенные русским правительством в 1890-е гг. и в начале XX в. и ставившие целью постепенную интеграцию Финляндии в Империю, были приняты Шведской партией враждебно. Любой диалог с правительством по вопросам объединительной политики она сходу отменяла. Имен-

¹ Бородкин М. Указ. соч. С. 39, 390–391.

² Финляндия. Обзор периодической печати. 1904–1907 годы в Финляндии. Вып. XIII. СПб. 1907. С. 5.

³ Там же. С. 56, 76.

но шведоманы стали инициаторами политики пассивного сопротивления, открыто призывая население к неповиновению властям, запугивая «отщепенцев» общественным бойкотом. «Всякий, повинующийся новому закону (исходящему от русской власти), - заявляли шведоманы, - будет бойкотирован как участник в преступлении – измене отечеству»¹. Важная роль в политике пассивного сопротивления отводилась чиновникам всех уровней. Один из лидеров Шведской партии барон В. фон Борн писал, что «не только министры статс-секретари и сенаторы, но и все чиновники с верхних ступеней до самой последней по иерархической лестнице обязаны уклоняться от Высочайших повелений, не согласованных (...) с законами края»². К «уклонению» должны были присоединиться Сейм и все население Финляндии. Следуя призывам шведоманов, летом 1900 г. одиннадцать сенаторов, несогласных с политикой имперского правительства, подали в отставку, а Сейм всеми доступными способами тормозил рассмотрение и принятие законодательных актов, направленных на усиление общеправительственной власти в Финляндии.

Весной 1902 г. в Гельсингфорсе, Выборге, Таммерфорсе, Ловизе, других городах и населенных пунктах Финляндии вспыхнули беспорядки по поводу призыва на военную службу. Власти и местная администрация княжества, а также должностные лица открыто саботировали воинский призыв. В ноябре 1902 г. четыре губернатора-финляндца отказались выполнять распоряжения генерал-губернатора – проводить призыв на военную службу согласно уставу о воинской повинности 1901 г., за что были уволены с государственной службы. Пассивное сопротивление сразу приняло форму организованного и хорошо управляемого движения. Конституционный блок проводил совещания, на которых оперативно принимались решения о дальнейшей борьбе, координировались действия сторонников. Осенью 1902 г. было проведено около 30 собраний сторонников пассивного сопротивления. Всем в Финляндии было очевидно, что именно партии, вошедшие в Конституционный блок, были ответственны за разжигание беспорядков. Как заявил один из финляндских сенаторов, «если бы положение дел не запутывалось шведоманской и младофинской партиями, в стране водворился бы мир»³.

Пассивное сопротивление объединительной политике не только принимало формы гражданского неповиновения, но и перерастало в национальную нетерпимость ко всему русскому, т.е. в откровенную русофобию. На улицах стали срывать русские вывески. Участились случаи оскорбления и даже нападения на русских военнослужащих. Русских, проживающих в Финляндии, стали не просто бойкотировать, а применять к ним санкции – выгонять из ресторанов, не давать кают на пароходах, отказывать в найме квартир, отказывались покупать у них товары. В листовке, распространенной среди жителей города Николайштадта (Вазы), говорилось: «Мы должны прийти к общему соглашению и решить, что на того, кто покупает что-либо у русских, следует смотреть как на изменника своей родины (...) Ничего не должно принимать в расчет. Теперь со всеми этими иностранцами⁴ должно поступать одинаково, и все средства должны считаться дозволенными, чтобы только они убирались из нашей страны». В статье, опубликованной в крупнейшей шведской газете «Aftonbladet» («Вечерняя газета») 18 августа 1900 г., были помещены призывы к жителям Финлян-

¹ Бородин М. Указ. соч. С. 247.

² Федоров Е. Подготовка финляндской революции 1889–1905 г. СПб., 1907. С. 75–76.

³ Финляндия. Обзор периодической печати. С мая по ноябрь 1904 г. Вып. XII. СПб., 1904. С. 7.

⁴ «Иностранцами» авторы листовки называли русских подданных. Это говорило о том, что жители княжества считали Финляндию не частью Российской империи, а отдельным государством.

дии, пышущие неприкрытой ненавистью к русским людям – мелким торговцам (коробейникам): «Никто не должен, ни при каких обстоятельствах, покупать у них что бы то ни было; никто не должен давать им ни крова, ни пищи (...) Их нужно гнать безжалостно от каждой двери (...) Не более милосердия, чем дикому зверю, должны мы оказывать этим людям»¹. Представители Конституционного блока и их сторонники устроили также настоящую обструкцию высшим должностным лицам (вплоть до губернаторов), не являющимися финляндскими гражданами и стоящим на страже интересов Империи в Финляндии.

Паралича в управлении княжеством удалось избежать только благодаря своевременным и последовательным действиям генерал-губернатора Н.И. Бобрíkова, который не пошел на уступки протестующим, а опираясь на закон и поддержку СФП, смог минимизировать последствия политики пассивного сопротивления и взять ситуацию под контроль. Начиная с ноября 1902 г., за антиправительственную деятельность за пределы Империи стали высылать лидеров Шведской партии (они, в основном, осели в Швеции). Среди высланных были ее лидеры Л. Мехелин и барон В. фон Борн. Весной 1903 г. в княжестве были введены чрезвычайные «меры к охранению государственного порядка и общественного спокойствия».

Благодаря своевременному введению «чрезвычайных мер» началась нормализация ситуации в княжестве. Активная фаза «пассивного сопротивления» потерпела неудачу. В своем отчете Департамент полиции отмечал: «Принятые генералом Бобрíkовым меры (в том числе и смены должностных лиц) оказали свое воздействие: приготовления к мятежу шведов (представителей Шведской партии. – Н.П.) и младофиннов были заторможены, (...) успех пассивного сопротивления был подорван и в результате часть населения Финляндии, состоявшая преимущественно из старофиннов, стала проявлять лояльность по отношению к Императорскому Правительству»². Даже открытый политический оппонент русского правительства и ярый сторонник политики пассивного сопротивления – шведская газета «Stockholms Dagblad» («Стокгольм Дагблад») писала в конце мая 1904 г.: «Ход призыва (в российскую армию. – Н.П.) свидетельствует, что большинство населения не примкнуло к пассивному сопротивлению» и в этом «надлежит признать блистательную победу правительства»³.

Однако сторонники пассивного сопротивления не прекратили борьбу. Они продолжали выступать против интеграции княжества в Империю вплоть до обретения Финляндией независимости.

¹ Бородкин М. Указ. соч. С. 262, 263.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 8. Л. 206.–3.

³ Финляндия. Обзор периодической печати. С мая 1903 г. по апрель 1904 г. Вып. XI. СПб., 1904. С.57–58.

ИСТОРИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ОБОСНОВАНИИ КОНТАКТОВ РОССИИ С ЭФИОПИЕЙ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Одним из важнейших стимулов сближения с Эфиопией – направления, игравшего заметную роль во внешней политике России второй половины 1880-х – начала 1900-х гг., - стало осмысление примечательного духовно-идеологического феномена. Общественный уклад, сложившийся к концу XIX в. в африканской стране, во многих отношениях удивительно напоминал целый ряд явлений русской истории. Моменты этого сходства привлекали пристальное внимание русского общества по мере того, как в «империю царей» поступали более или менее детальные сведения о далеком государстве. Современники узнавали, что Эфиопия во второй половине XIX в., как некогда Русь, переживала «удельный период» своего развития. Символом единства страны для эфиопов служил священный город Аксум, игравший ту же роль, что и Москва для Руси. Боровшийся с феодальной раздробленностью «царь Федор» (негус Теодрос, правил в 1855–1868 гг.) своими приемами, по мнению русских современников, очень напоминал Ивана Калиту¹. Но, пожалуй, наибольшее внимание публики привлекал негус Менелик II (правил в 1889–1913 гг.) – самый крупный из политических лидеров, ставивших своей целью укрепление единства страны и проведение в ней преобразований. Он вызывал максимальное количество ассоциаций с деятелями русской истории. «По настойчивому стремлению к цивилизации, по глубокому уважению к труду, по удивительной скромности Менелик II был Петром Великим черного материка, - писал в 1913 г. сотрудник российского посольства в Аддис-Абебе А.И. Кохановский. – По беспощадной борьбе с феодалами он напоминал Ивана Грозного, только более последовательного и менее жестокого»². Обилие исторических аналогий, возникавших при знакомстве с Эфиопией, занимало важное место среди стимулов, подталкивавших в 1880–1890-е гг. российские верхи и общество к установлению контактов с африканским государством. В чем же заключались причины подобного явления? Почему помыслы, связанные с минувшими эпохами, те или иные трактовки истории стали оказывать столь значительное влияние на внешнюю политику государства? И какие особенности общественно-политической, идейно-духовной жизни России конца XIX в. отразились в этом феномене?

Важнейшей из этих особенностей, безусловно, было заметное усиление внимания к отечественному прошлому, ставшее с начала 1880-х гг. характерной чертой и

¹ Записка генерального консула в Каире М.А. Хитрово в Министерство иностранных дел, 1885 г. // Российско-эфиопские отношения в XIX – начале XX в.: Сборник документов. М., 1998. С. 76; Елец Ю. Император Менелик и война его с Италией: по документам и походным дневникам Н.С. Леонтьева. СПб., 1898. С. 63; [Белозерский Е.] Что такое Абиссиния и чего хотят от нее иностранцы. М., 1887. С. 11.

² [Кохановский А.] Абиссиния. Доклад министру иностранных дел С. Сазонову А. Кохановского, бывшего врача при императорской российской миссии в Абиссинии 1 июня 1913 г. // Новый Восток. Кн. I. М., 1922. С. 316.

официальной идеологии, и настроений консервативных общественных кругов. Предпосылкой подобного поворота явилась гибель в 1881 г. императора Александра II от руки террориста, дискредитировавшая в глазах значительной части общества саму идею социально-политических преобразований по западному образцу. В обстановке неуклонно нарастающих консервативных настроений особое внимание уделялось не просто прошлому, а давним временам, порядкам, господствовавшим в России до начала западных заимствований, т.е. в эпоху Московского царства. Уклад того периода представлял воплощением традиционно-патриархальных ценностей – религиозности, простоты в общественных отношениях, самобытности, единения власти с народом¹. Однако именно потому, что это прошлое было давним, выявить его элементы в окружающей реальности, современном мире оказывалось нелегко. В связи с этим каждый элемент такого прошлого, где бы он ни обнаруживался – в России или за рубежом, – вызывал у консерваторов самый живой интерес. Эфиопия же давала богатейший материал для подобной «политической археологии».

В силу объективных особенностей развития африканского государства уклад, сложившийся здесь в течение многих столетий и открывавшийся во второй половине XIX в. сторонним наблюдателям, был удивительно (в некоторых случаях – до деталей) похож на формы организации общества, хорошо известные всем образованным россиянам из учебников и книг по русской истории. Описанные выше образы страны темнокожих христиан, тиражировавшиеся прессой, отчетами о поездках путешественников и массовыми изданиями для народа, в целом, не были беспочвенными. В Эфиопии XIX в., как и в средневековой Руси, церковь располагала огромными владениями (до трети земель), монастыри выступали форпостами христианизации и колонизации неосвоенных земель, центрами учености и культуры. Знать, в т.ч. будущие негусы, получала образование в школах при монастырях, где главным средством обучения служило чтение Псалтыри и иной церковной литературы. О господстве в интеллектуальной и духовной сфере Эфиопии религиозных начал говорили и распространность библейских названий в топонимике страны, и принятый здесь счет времени по четырехлетним циклам, связанным с именами евангелистов (а внутри года – по церковным праздникам). Библия и в эпоху Нового времени служила в Эфиопии основой сочинений по истории². Наблюдение за обычаями африканских христиан, писал в связи с этим известный церковный деятель священник Иоанн (впоследствии архимандрит Иона) Вуколов, «невольно приводит к мысли, что современная жизнь абиссинского народа напоминает по своему характеру жизнь и нравы наших благочестивых предков в допетровский период нашей истории»³.

Выдающиеся правители второй половины XIX в., борющиеся за единство страны, – вышеупомянутый Теодрос и его преемник «царь Иван» (негус Йоханнес IX, правил в 1872–1889 гг.) были проникнуты религиозно-мессианскими устремлениями. Их видение мира, как отмечают современные историки Г.В. Цыпкин и В.С. Ягья, в

¹ Об использовании образа Московского царства в официальной идеологии эпохи Александра III – см.: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II. М., 2004. С. 322–369.

² Цыпкин Г.В., Ягья В.С. История Эфиопии в новое и новейшее время. М., 1989. С. 29, 40; Львова Э.С. Эфиопский негус – христианский император или традиционный правитель? // Культурное наследие Египта и христианский Восток. Вып. 2. М., 2004. С. 380, 387; Чернецов С.Б. Роль монастырей в Эфиопии // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб., 1999. С. 243–247.

³ Вуколов И., свящ. Рассказы абиссинца // Труды Киевской духовной академии. 1893. №1. С. 119. Выводы Вуколова основывались на сведениях эфиопского клирика Гэбрэ-Крыстоса, принявшего в России православие под именем Христоудла.

большей степени соответствовало средневековой эпохе религиозных войн, нежели индустриальному и практическому XIX столетию. Теодрос, по воспоминаниям современников, выпускал из рук Библию лишь для того, чтобы взять ружье или копье. Он полагал, что на него возложена миссия освободить от мусульман Иерусалим, и мечтал предпринять военный поход с этой целью. Преемник Теодроса – Йоханнys по образу жизни в невоенное время больше напоминал монаха, чем светского правителя. Его речь была насыщена словами и фразами из Священного писания. Перед вступлением на престол он, как истинный аскет, отказался жениться, дабы всего себя посвятить служению государству¹. Данный поступок даже породил легенду о монашеском или священническом сане Йоханнysа, ставшую своеобразной реинкарнацией средневековых преданий о правившем на Востоке царе-пресвитере Иоанне².

Дополнительным фактором, привлекавшим в России внимание к стране темнокожих христиан, было то обстоятельство, что ее уклад, являясь в целом достаточно типичным воплощением традиционных общественных порядков, напоминал, прежде всего, русское, а не европейское Средневековье³. В Эфиопии сложилась система, близкая феодальному вассалитету. Однако эфиопские сановники, по наблюдению современников, являли собой подобие не столько западных графов и баронов, сколько русских воевод, сидевших на «кормлениях»⁴. Система чинов эфиопской знати носила в основном военно-служильный характер, поэтому между высшими классами общества и простолюдными не было непроходимой грани. Экономика отличалась натуральным характером, низким уровнем монетизации. Служилым классом в Эфиопии фактически было и купечество. Как и в Московском царстве, наряду с собственно торговой деятельностью купцы выполняли и дипломатические поручения монарха⁵.

Явления «живого прошлого», представленные в общественном укладе Эфиопии, по мнению русских современников, не оставались некими законсервированными артефактами, почитаемыми элементами ритуала – они оказывали самое непосредственное воздействие на общественную жизнь страны, и это вызвало одобрение охранителей, рассчитывавших на усиление роли традиционно-патриархальных начал в укладе России. Эфиопские «князья церкви» не довольствовались оказываемыми им в силу их высокого сана внешними почестями. Подобно иерархам русского Средневековья, они активно участвовали в делах государства и общества – «печаловались» перед властителями за обиженных, выступали в роли защитников слабых и миротворцев⁶. Влиятельные лица Эфиопского царства старались следовать советам своих духовных наставников, которые состояли едва ли не при каждой благочестивой семье, исполняя роль семейных «ангелов-хранителей». Самые знатные люди считали за счастье, если аскет-пустыльник посещал их дом и давал им наставление. Анафемы же священника эфиопы боялись, как огня⁷.

¹ Цыпкин Г.В., Ягья В.С. Указ. соч. С. 47, 54, 69.

² [Белозерский Е.] Что такое Абиссиния. С. 11; Вуколов И., свящ. Рассказы абиссинца. С. 103.

³ По мнению ряда наблюдателей, уклад Эфиопии если и можно было сравнивать с европейским Средневековьем, то лишь с ранними его стадиями – историей Англии до Альфреда Великого (т.е. до конца IX в.), временем франкского короля Дагобера и Карла Великого (Агуреев С.А. Эфиопия в отражении российского общественного мнения в конце XIX – начале XX в. М., 2011. С. 34, 141).

⁴ Бучинский Вл., Балахов С. (сост.) Наши черные единоверцы. СПб., 1900. С. 129.

⁵ Цыпкин Г.В., Ягья В.С. Указ. соч. С. 33–34.

⁶ Долганев Е.Е. Современная Абиссиния // Богословский вестник. 1895. №4. С. 107 (2-я пагинация); Булатович А.К. С войсками Менелика II. М., 1971. С. 140.

⁷ Долганев Е.Е. Современная Абиссиния // Богословский вестник. 1895. № 12. С. 398 (2-я пагинация); 1895. № 8. С. 241 (2-я пагинация); Вуколов И., свящ. Рассказы абиссинца. С. 111.

Как и Русь, Эфиопия в течение многих веков вела борьбу против мусульман и западных держав – Португалии, Англии, Италии, что еще раз наводило современников на мысль о параллелях в истории двух стран¹. Разумеется, эфиопская церковь не оставалась безучастной к этой борьбе. В течение всей истории африканской страны священники и монахи участвовали в походах, благословляли войско, находились рядом с воинами во время битвы. Именно такой была обстановка и во время крупнейшего сражения конца XIX в. – битвы при Адуа (1896), в ходе которой эфиопы нанесли поражение итальянцам и отстаивали независимость своей страны. По словам русского современника, «глубоко религиозные абиссинцы верили, что победе много способствовало появление в рядах войск митрополита Аббуны [sic] с крестом, который принимал личное участие в последней атаке, а также и присутствие в войсках скрижали Моисея, вынесенной священниками к месту боя из Аксума, все колокола которого звонили во все время сражения». Темнокожие христиане, согласно дошедшим до русских сведениям, старались воздерживаться от военных действий в дни религиозных праздников; их предводитель, один из приближенных Менелика – рас Маконен (Мэконнын) сам предупреждал итальянцев о том, что собирается напасть на них (подобно князю Святославу, заявлявшему своим врагам: «Иду на вы»)². Безусловно, подобные явления, говорившие о религиозности эфиопов и живо напоминавшие в некоторых случаях картины русского Средневековья, не могли не усилить в русском обществе, особенно в консервативных кругах, симпатии к африканской стране.

В целом, многие аспекты истории и особенности уклада Эфиопии настолько сильно перекликались с прошлым России, что у некоторых современников возникал соблазн усилить это сходство, сделать африканскую страну еще более похожей по своему облику на Московское царство. Это стремление, возможно, не всегда осознанное, проявлялось в ряде мер идеологического и символического характера, сопровождавших сближение России с Эфиопией. Так, одна из первых русских экспедиций в африканскую страну, отправившаяся сюда в январе 1895 г. под руководством отставного поручика Н.С. Леонтьева, везла с собой колокол, отлитый на средства русского купечества. Подарок должен был внести элемент старомосковского уклада в жизнь страны темнокожих христиан. «Пусть московский звон порадует жителей Абиссинии, доставит им праздничное торжество, напомнит о любящих их братьях во Христе», даст понятие о величии православия, восклицал состоявший при экспедиции иеромонах (впоследствии архимандрит) Ефрем (Цветаев)³. Историко-идеологической симво-

¹ Подобные параллели в некоторых случаях носили характер довольно точного хронологического совпадения. Так, по мнению консерваторов, имелось сходство между событиями середины X в. в Эфиопии и на Руси. В африканской стране в это время древняя династия потомков царя Соломона была свергнута восстанием иудеев под руководством царицы Юдифь (или Эсфирь), а Русь боролась с Хазарским каганатом. В начале XVII в. (период русской Смуты) верхи Эфиопии на время приняли католицизм, что привело к гражданской войне, появлению самозванцев, поддержанных западными миссионерами. «Где ступит иезуит, там непременно вырастет Лже-Дмитрий», - писал в связи с этим известный церковный деятель архимандрит Порфирий (Успенский). См.: Соловьев М.П. Очерки Абиссинии // Русское обозрение. 1894. № 8. С. 739–740; № 7. С. 197.

² Елец Ю. Император Менелик... С. 229, 148. «Митрополит Аббуна» – упоминавшийся выше глава эфиопской церкви абунэ Матеос, участвовавший в битве. Согласно эфиопским преданиям, в священном городе Аксуме хранилась величайшая святыня страны – скрижаль Моисея, перенесенная сюда родоначальником династии негусов Менеликом I – сыном царя Соломона и царицы Савской.

³ Ефрем (Цветаев), архимандрит. Поездка в Абиссинию. С. 49–50. Позже, в сентябре 1895 г., в Эфиопию были направлены церковные колокола в дар от старинных русских городов – Москвы (пожертвование Союза хоругвеносцев), Ярославля, Нижнего Новгорода (Церковный вестник. 1895. № 40. Стб. 1284).

ликой были насыщены и церемонии, сопровождавшие прием ответного посольства эфиопов в Россию. Африканским гостям в русских городах подносили серебряную братину (сосуд для меда и вина по старинному образцу), хлеб-соль на деревянном блюде с резьбой в древнерусском стиле, иконы почитаемых русских святых, церковные облачения. Особо подчеркивалось, что в Москве эфиопы посетили древние святыни – часовню Иверской Божией матери, Успенский собор, молились в них, прикладывались к иконам. В ходе пребывания посольства в России планировались также посещения им Троице-Сергиевой лавры и поездка по поволжским городам (Ростов, Ярославль, Нижний Новгород)¹.

Когда в африканскую страну в 1898 г. прибыла первая официальная российская миссия, в числе прочих подарков она привезла и «парчовый русский национальный костюм» в стиле одеяний московских цариц для Таиту, жены Менелика. Российский представитель в Эфиопии П.М. Власов в донесении министру иностранных дел счел нужным особо отметить, что появление на торжественном богослужении императрицы в «древнерусском одеянии», «по словам очевидцев церемонии, произвело сильное впечатление в народе и вызвало восторг»².

Сходство Эфиопии со средневековой Русью, казалось, открывало захватывающую возможность вступить в непосредственное общение с людьми, удивительно напоминавшими далеких предков, перенестись через пространство нескольких столетий и прикоснуться к давно ушедшим явлениям прошлого. Так, командированный в африканскую страну кавалерийский офицер А.К. Булатович (впоследствии – известный церковный деятель, иеромонах Антоний), отведав местный медовый напиток «тэдж», немедленно вспомнил о пирах князя Владимира, о чем и поведал эфиопскому военачальнику расу Вальде Георгису (Уольде Гийоргису), под началом которого совершал поход вглубь страны. Сам рас и его окружение, безусловно, представляли в глазах Булатовича аналогом русского князя и его дружины. Рассказ русского офицера, а особенно известие о том, какой ответ Владимир дал мусульманам относительно пиров в ходе «выбора вер», чрезвычайно понравился расу. Он немедленно пересказал его своим приближенным, «которые единогласно решили, что русские, наверно, должны быть истинными христианами»³. Примеры попыток «сопряжения времен», подобные вышеуказанному, в изобилии представлены в источниках – отчетах путешественников, публицистических статьях, церковных сочинениях, касавшихся Эфиопии. Какую же роль в политической жизни России сыграли акции и проекты, вдохновлявшиеся возможностью совершить «путешествие во времени» в ходе взаимодействия с африканским государством?

Следует отметить, что в течение достаточно долгого времени страна темнокожих христиан в целом успешно выполняла для русских верхов и консервативных кругов общества роль хранителя «живой старины». Эфиопия предстала как пример успешного сохранения и функционирования традиционно-патриархальных институ-

¹ Ефрем (Цветаев), архимандрит. Поездка в Абиссинию. С. 38–44, 50, 73, 80, 123–153. Бучинский Вл., Балахнов С. (сост.). Наши черные единоверцы. С. 3–16. Некоторым современникам эфиопские буквы даже казались похожими «на наши старо-славянские письмена», а местные изображения святых – на иконы «суздальского письма» («носят отпечаток духа восточного аскетизма, лики на них строги и важны»). См.: Ефрем (Цветаев), архимандрит. Поездка в Абиссинию. С. 160; Вуколов И., свящ. Рассказы абиссинца. С. 117.

² Донесение П.М. Власова графу М.Н. Муравьеву, 22 февраля 1898 г. // Российско-эфиопские отношения в XIX – начале XX в. Сборник документов. С. 296.

³ Булатович А.К. С войсками Менелика II. С. 221.

тов, и часть этого опыта, возможно, могла быть перенесена и в Россию. Понятно, что такие «путешествия во времени» были возможны лишь до тех пор, пока африканская страна пребывала в относительной изоляции от окружающего мира, сохраняя традиционный уклад. Со временем завеса, отделявшая царство потомков Соломона от других стран, неизбежно должна была пасть, а само оно – лишиться ореола «затерянного мира». Изменения особенно отчетливо начали чувствоваться в первые годы XX в., и Россия, долгое время воспринимавшая африканскую страну в идеологизированных тонах – как «затерянное царство», общение с которым давало возможность прикоснуться к «живому прошлому», быстро стала терять здесь влияние. Усиливались позиции западных держав, руководствовавшихся во взаимоотношениях с Эфиопией в первую очередь практическими соображениями, стремившихся развивать с ней торгово-экономические отношения. «Везде по Абиссинии живут европейцы, имеют фермы, скот, дома, - описывал сложившуюся к 1910-м гг. ситуацию упоминавшийся выше Кохановский. – Абиссиния изучена в топографическом отношении. Все дороги изъезжены (...) Абиссинец слишком долго не воевал. Он отвык от копья и сабли (...) До сих пор абиссинец был воин и охотник, теперь он политик и купец. Феодално-военное государство переживает период ломки, перестраиваясь в более современные формы»¹.

Под влиянием происходивших изменений романтически окрашенное отношение к Эфиопии как к «хранилищу прошлого» постепенно стало слабеть и в России. После поражения в войне с Японией, ставшего важнейшей вехой в изменении внешнеполитического курса Империи, элементы прагматизма в нем значительно усилились, а уровень идеологизации снизился. Во внутривосточном развитии страны события революции 1905–1907 гг., созыв парламента, глубокие преобразования в общественно-политической сфере положили конец эпохе официального консерватизма, которая, собственно, и предъявляла запрос на «путешествия во времени». По словам современного исследователя С.А. Агуреева, после заключения в 1907 г. соглашения с Англией, вынудившей Россию пойти на ряд серьезных уступок, «империя царей» «отказалась от проведения самостоятельной политики в регионе, надолго утратив интерес к Эфиопии и к африканской политике в целом»². Окончательно отношения со страной темнокожих христиан в прежней форме прервались после падения монархии в России в 1917 г. Однако полученный опыт оставил достаточно глубокий след в русском общественном сознании. Использование тех или иных идеологизированных и даже мифологизированных конструкций в области внешней политики в дальнейшем не раз будет повторяться в жизни Российского государства.

¹ [Кохановский А.И.] Абиссиния. С. 331. Об утверждении в Эфиопии в начале XX в. политического и экономического влияния западных стран – Англии, Франции, Италии – см.: Вобликов Д.Р. Эфиопия в борьбе за сохранение независимости. 1860–1890. М., 1961. С. 29–35.

² Агуреев С.А. Указ. соч. С. 186.

ВУДРО ВИЛЬСОН, РОССИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И ВЗГЛЯД НА ПОСЛЕВОЕННЫЙ МИР

Когда летом 1914 г. в Европе вспыхнул пожар Великой войны, Соединенные Штаты находились в безопасности благодаря экономической независимости и географической удаленности от центра глобального конфликта. В августе того же года президент США Вудро Вильсон не только заявил о нейтралитете своей страны в войне, но и призвал соотечественников быть нейтральными как в своих действиях, так даже и в своих помыслах¹. С момента образования Соединенных Штатов, но особенно интенсивно на рубеже XIX–XX вв. политическая верхушка страны и медиа-среда воспитывали в американцах представление о себе как нации-образце демократического и самого прогрессивного политического, экономического и социального устройства. Варварская жестокость, с которой начали истреблять друг друга «цивилизованные» нации Старого континента, лишь укрепила уже сформировавшееся у американцев чувство морального превосходства над Европой.

В начале войны это чувство распространялось на все противоборствующие стороны. Но по мере хода военных действий критика и со стороны политиков, и общественности за океаном все больше сосредоточивалась на Центральных державах – Германии и ее союзниках. Не только цели и действия последних в Мировой войне, но и их государственно-политическая и экономическая системы признавались большинством американцев бесчеловечными, антидемократическими, имперскими и противоречащими основным принципам государственности и морали, присущим США.

После трех лет кровопролития в Европе Вильсон, избранный на второй президентский срок в ноябре 1916 г. под лозунгом неучастия США в Мировой войне, занялся посредничеством ради мирного соглашения между воюющими сторонами. Посреднические усилия американского президента, однако, не имели никакого смысла из-за нежелания великих европейских держав согласиться на отказ от возможной военной добычи, а также из-за высокомерия немецких правителей. 31 января 1917 г.² последние объявили неограниченную подводную войну для всех судов – как противников, так и нейтральных стран, находящихся в британских водах. В ответ, 3 февраля того же года Вашингтон разорвал дипломатические отношения с Берлином.

Хотя Вильсон по-прежнему определял состояние своей страны как «вооруженный нейтралитет» и неучастие в войне, события февраля и марта 1917 г. неумолимо вели к прекращению американского нейтралитета. Публикация немецкой телеграммы, захваченной британцами и доказывающей попытку Берлина втянуть Мексику в войну с США, еще больше настроила американское общественное мнение в пользу вмешательства в Мировую войну на стороне противников Германии. Но окончательное решение о вступлении в войну в союзе со странами Антанты было принято вследствие Февральской революции 1917 г. в России. Революция положила начало процес-

¹ President Woodrow Wilson's Appeal for Neutrality. Message to the Senate, August 19, 1914. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.firstworldwar.com/source/usneutrality.htm> (дата обращения: 20.10.2020).

² Датировка в настоящей статье дана по григорианскому календарю.

су радикальной политической трансформации России, ее драматическому переходу к новым государственным и политическим формам, экономическим моделям и доселе небывалым в истории человечества социальным экспериментам. Отношение Вильсона и его соотечественников к русской революции во многом было predetermined идеологически. Как представители нации, рожденной восстанием и имеющей государственность, основанную на новаторских идеях, подходах и практиках, большинство американцев благосклонно следили за событиями в Петрограде. К ним они отнеслись с симпатией, как к победе российских демократических сил над архаичной, ретроградной и авторитарной монархией. Идея замены самодержавия либерально-конституционным правлением, наподобие Соединенных Штатов, импонировала президенту Вильсону и его прогрессивистским сторонникам. Для них перемены в России были вдохновляющей демонстрацией неизбежной, с их точки зрения, волны демократизации, которая захлестнет мир после окончания глобального военного конфликта.

Конечно же, помимо идеологического аспекта, отношение американцев к Февральской революции также имело четкий стратегический и геополитический аспект. Амбиции авторитарного режима кайзера Вильгельма II, который жаждал мирового господства, беспокоили как президента и многих американских политиков, так и представителей бизнес-сообщества страны. В свете событий предыдущих лет казалось, что национальные интересы США все больше требовали вступления в войну на стороне Антанты. Союз с парламентско-конституционными демократиями Франции и Великобритании в США считали естественным, но между российским самодержавием и германо-австрийским империализмом было много общего, поэтому возможный альянс США с Российской империей выглядел бы уязвимым с точки зрения принципов и явной иллюстрацией двойных стандартов. Поэтому падение самодержавия и крушение империи Романовых устранило последнее моральное препятствие для участия Америки в войне на стороне Антанты. Это позволило госсекретарю США Роберту Лансингу с чистой совестью заявить 19 марта 1917 г., т.е. после отречения Романовых от престола, что, если Центральные державы олицетворяют принцип самодержавия, то «союзники Антанты представляют принцип Демократии»¹. Уже на следующий день кабинет Вильсона единодушно проголосовал за вступление в войну против Германии. Двумя днями позже, 22 марта 1917 г., американский президент совершил политический шаг, рекомендованный ему послом США в России Дэвидом Фрэнсисом² и госсекретарем Лансингом: Соединенные Штаты стали первой страной в мире, признавшей легитимность нового правительства в Петрограде.

Несмотря на заверения министра иностранных дел России Милюкова о том, что новый кабинет продолжит выполнять все международные обязательства, взятые на себя свергнутым режимом³, Вашингтон опасался, что политическая нестабильность в России может привести к необратимым – и нежелательным для Америки – изменени-

¹ The Secretary of State to President Wilson. March 19, 1917. – In: Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, The Lansing Papers, 1914–1920, Volume I. U.S. Government Printing Office, Washington, D.C., 1939, Document 588.

² Ambassador Francis to the Secretary of State, March 18, 1917. – In: Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, With the Address of the President to Congress December 4, 1917. Document 1452. (Ebook, Last updated: April 6, 2017). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1917/d1452> (дата обращения: 1.11.2020).

³ The Russian Minister of Foreign Affairs (Milyukov) to the Ambassador at Washington (Bakhmetéff) – In: United States Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Russia, Volume I. U.S. Government Printing Office, Washington, D.C., 1931. P. 4–5.

ям в ходе европейской войны. Показательны слова посла Фрэнсиса: «Если [Россия] выйдет из войны, все бремя борьбы ляжет на Соединенные Штаты и [это будет стоить] бесчисленных миллионов деньгами и, вероятно, миллионов жизней американцев»¹. Вильсон, несомненно, был того же мнения, и это также побуждало его обратиться к Конгрессу (2 апреля 1917 г.) с призывом объявить войну Германии. Кстати, в своем послании президент совсем не случайно говорил и о России: «Как долго бы ни держалась и какой бы ужасной ни была власть самодержавия, венчавшего вершину российской политической системы, на самом деле оно не было русским по происхождению, характеру или целям. И теперь оно сброшено, и великий, щедрый русский народ во всем своем наивном величии и мощи присоединился к силам, которые сражаются за свободу в мире, за справедливость и мир»².

За два дня до своего выступления президент говорил своему другу Фрэнку Коббу, что никогда в жизни он не чувствовал себя более неуверенно, чем при принятии решения об участии в войне. Убежденный гуманист и противник насилия, Вильсон успел примирить свои внутренние сомнения мыслью о том, что война ни более, ни менее, чем трагический пролог к миру и что единственное, что может ее оправдать, это построение более справедливого и гуманного будущего по ее окончании. Поэтому он рассматривал вступление США в глобальный конфликт как крестовый поход против авторитаризма и антигуманизма во имя новой морали и справедливости в мире, который после войны будет «безопасным для демократии» и в котором мир должен быть основан «на испытанных основах политической свободы». Февральские события в России добавляли достоверности этим идейным построениям и аргументам в пользу военного вмешательства. Обращение президента к Конгрессу достигло желаемого эффекта. 6 апреля 1917 г. США объявили войну Германии и, таким образом, стали военным союзником революционной России.

Вудро Вильсон, несомненно, благоволил к послефевральской России, поскольку свержение царизма соответствовало как американским интересам, так и планам и желаниям самого президента. Но у Вильсона не было глубоких знаний о стране, и он прежде не очень интересовался докладами американских дипломатов, получаемыми из России. Отсутствие достоверной информации об этой стране стало причиной отправки Белым домом в Россию в апреле 1917 г. миссии США по установлению фактов (fact-finding mission). Главой миссии стал бывший госсекретарь США Элиу Рут.

В ходе короткого пребывания в России летом 1917 г. американские посланцы столкнулись с такой сложной и быстро меняющейся ситуацией, что даже самые опытные из них не смогли адекватно оценить происходящее. 72-летний Рут, например, снисходительно описывал россиянина как «искренних, милых и добрых, но сбитых с толку и ошеломленных людей»³, а в отчете миссии был сделан ошибочный вывод о том, что активная пропаганда войны, финансируемая США, может удержать русских от выхода из нее. Стареющий дипломат при этом рекомендовал предоставлять России помощь, строго пропорциональную ее военному вкладу и в соответствии с его категоричным принципом: «нет борьбы – нет кредитов» (no fight, no loans). В контексте военной ситуации было ясно, что Вильсон, как и его западноевропейские союзники,

¹ Цит. по: Mayers D. *The Ambassadors and America's Soviet Policy*. Oxford University Press, New York–Oxford, 1995. P. 77.

² Wilson's War Message to Congress 2 April, 1917 – The World War I Document Archive at https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Wilson%62s_War_Message_to_Congress (дата обращения: 2.11.2020).

³ Цит. по: Rappaport H. *Caught in the Revolution: Petrograd, Russia, 1917 – A World on the Edge*. St. Martin's Press, New York, 2016. P. 191.

считал военно-политическим императивом необходимость сохранения и возрождения Восточного фронта. Ведь, объявив войну Германии, США, считавшие себя не союзником Антанты, а «ассоциированной силой» со своим командованием, не спешили посылать сухопутные силы для участия в реальных боевых действиях в Европе. И президент, и его советники осознавали, что деморализация русской армии и хаос революции дают Германии шансы на успех, но до них не доходила ни глубина кризиса в России, ни степень отвращения к войне, испытываемого большинством россиян – и на фронте, и в тылу. Американские правители жили в заблуждении (или, скорее, в самообмане), что после устранения самодержавия российские демократические силы в лице Временного правительства вскоре стабилизируют новый режим и объединят нацию во имя завершения войны против Германии и ее союзников. То, что не только Вильсон, но и многие дипломаты, журналисты и другие американцы, находившиеся в то время в России, не понимали совершенно, – это полный разлад среди российских политических сил в вопросе о будущем страны. Он резко уменьшал вероятность осуществления надежд Вашингтона на плавный и быстрый переход России к устойчивой демократической форме правления. К великому разочарованию кабинета Вильсона и его европейских коллег, поддержанное ими Временное правительство Львова–Керенского не только столкнулось с серьезной оппозицией внутри страны, но и никак не могло убедить своих солдат и население в целесообразности продолжения войны. Более того, давление, которое оказывали США и страны Антанты с целью продолжения участия России в войне как условия оказания этой стране экономической помощи, способствовало дальнейшему падению авторитета Временного правительства.

Провал июльского наступления Керенского продемонстрировал полную деморализацию и хаос в русской армии и еще больше подорвал позиции Временного правительства. Но Вашингтон продолжал поддерживать кабинет Керенского, видя в нем единственную силу, обеспечивающую существование Восточного фронта. Очевидно, Вильсон и его министры не понимали или даже отказывались понимать, что у России уже не было ни физических и материальных сил, ни воли продолжать войну. Русских, как ни старалась американская и союзная пропаганда, и впрямь трудно было убедить в том, что они должны и впредь проливать свою кровь во имя победы Антанты. Большинство русских солдат, как и значительная часть населения, давно перестали отождествлять национальные интересы России с интересами Великобритании, Франции и США, чьи цели в войне они определяли как не менее империалистические, чем цели Германии и Центральных держав. Более того, в обществе все больше принимали идеи большевиков в том смысле, что единственный способ защитить русский народ – это как можно скорее положить конец «империалистической войне».

За океаном, однако, все еще не уделялось особого внимания большевистским идеям и их влиянию в России. На большевиков смотрели как на одну из многих политических сил, возникших после свержения царского режима, а Советы, в которых большевики набирали все большее влияние, воспринимались как второстепенный, побочный и всего лишь временный продукт Февральской революции. В то время США и страны Антанты видели в Советах и большевиках не более, чем «немецкую интригу» – одну из немецких пропагандистских манипуляций, которая отпадет сама по себе после победы над кайзеровской Германией. Раймонд Роббинс – один из американских предсказателей, следивших за событиями в России летом и осенью 1917 г., назвал такое упрощение функцией «доморощенных умов» (indoored minds) – слишком закостенелых, узколобых и пренебрежительных по отношению к истинной воле большинства россиян. На самом деле, по образному определению Роббинса, «вместо не-

мецких интриг, Советы представляют собой приливную волну народных чувств, перед которыми нельзя устоять, столь же спонтанных и столь же русских, как народная песня о Волге»¹. Летом и осенью 1917 г. большевики были на гребне этой волны, а Вильсон и его администрация не смогли своевременно осознать эту реальность.

Во многом поэтому не только штурм Зимнего дворца и падение правительства Керенского осенью 1917 г., но и формирование и выживание большевистского правительства оказалось неприятным и даже шокирующим сюрпризом для правящих кругов США. Идеи и действия большевиков вели к разрыву между новым российским режимом и державами Антанты, а также в корне изменили отношение США к событиям в России. Хотя поначалу США отнеслись к новым радикальным переменам в Петрограде не так негативно, как Великобритания и Франция, но реакция Вашингтона на Октябрьскую революцию была далека от той восторженной поддержки, которую получила ее февральская предшественница. В отличие от быстрого признания Временного правительства в марте 1917 г., отношение администрации Вильсона к Советскому правительству через несколько месяцев стало откровенно негативным, перерастая из отказа от признания его легитимности в прямое участие в военной интервенции стран Антанты в 1918 г. Оказалось, что президент США имеет личную неприязнь к революциям и их разрушительным последствиям. К этому добавилось негодование по поводу первых шагов Советского правительства, его национальной и внешней политики, пропаганды. Придя к власти, большевики узаконили захват земель крестьянами и рабочий контроль над производством, национализировали банки, конфисковали золото из сейфов и хранилищ, а также частную собственность и активы многих лиц, в т.ч. иностранцев, включая американцев. Они сформировали революционные трибуналы вместо прежних судов и признали западные формы политического и социально-экономического устройства неадекватными и устаревшими. Советские идеи установления нового социального строя в России и в мире вступили в конфликт с самой сутью американской демократии, с надеждами или, скорее, амбициями Вильсона, желавшего распространить американскую экономическую и политическую «модель» на весь мир после победы в войне. Активная, даже агрессивная, пропаганда большевистских идей за границей, призывы к революционному насилию и всемирной «пролетарской революции», в которой ожидалось участие и американских рабочих, были враждебно встречены американской правящей элитой и расценивались как опасные для внутренней стабильности и международных интересов США.

К этому добавился важный военно-стратегический аспект. Первый акт Советской власти – Декрет о мире от 8 ноября 1917 г. призывал к немедленному миру; большевики не скрывали готовности вывести свою страну из войны как можно скорее, даже если придется это сделать сепаратно. Выход России из войны означал конец Восточного фронта и гипотетическую возможность не только длительной стагнации на Западном фронте, но и военного поражения Антанты. Вероятность того, что отныне вместо крови, пролитой русскими на Востоке, будет литься американская кровь на Западе, становилась все более правдоподобной. Вильсон желал это предотвратить. Кроме того, захват большевиками припасов, оружия и иного военного имущества, присланного союзниками и американцами царскому, а затем Временному правительству в обмен на продолжение участия в войне, не только противоречил «священным» для Вильсона и его соотечественников правам собственности, но и породил в Европе и Америке опасения, что Ленин и его окружение, действуя как немецкие агенты, мо-

¹ Hard W. Raymond Robins' Own Story. Harper&Brothers, New York and London, 1920. P. 6–7.

гут, заключив сепаратный мир с Германией, затем присоединиться к ней в войне и использовать в своих целях присвоенную собственность союзников.

Наконец, в Белом доме опасались, что хаос в России после Октябрьской революции позволит различным иностранным державам, и в первую очередь – Японии, захватить у России стратегически важные территории и природные ресурсы в ущерб интересам Америки и благоприятному для нее балансу сил в мире. Многие исследователи считают это главной причиной решения Вильсона об американском участии в антивоенной интервенции в 1918 г.

В начале 1918 г. Вудро Вильсон провозгласил свои «14 пунктов», ставших с тех пор самой популярной программой мира. В своем обращении к Конгрессу 8 января 1918 г. он представил не только свои условия прекращения войны, но и взгляд на принципы, на которых должны строиться мир и новый глобальный порядок. В своих выступлениях в последующие месяцы Вильсон развил свои замыслы, нарисовав заманчивую картину послевоенного мира, основанного на справедливости, законности и высокой морали. Президент США провозгласил право наций на самоопределение и суверенитет, равные возможности для экономического процветания и решения территориальных проблем в соответствии с едиными нормами международного права. Подобно Ленину и большевикам, хотя и с других идеологических и концептуальных позиций, Вильсон проектировал послевоенное будущее, в котором мир будет глобальным, а не региональным делом. Согласно концепции Вильсона, старый порядок, порожденный довоенным балансом сил, должен уступить место новому сообществу народов, или Лиге наций. Это сообщество даст миру мир и демократию, мобилизовав свою совесть и силы против агрессии и любого посягательства на международное право. Мир по версии Вильсона – это конец авторитарных режимов, безудержного империалистического милитаризма, тайной дипломатии и манипулирования народами в духе *Realpolitik*, прежде широко практиковавшейся европейскими державами.

Однако в 1918 г. мир, ждавший конца Мировой войны, не подозревал, что ее финал станет прологом к еще более ужасному военному конфликту. Воодушевленный энтузиазмом, с которым массы приняли его мирные идеи¹, Вильсон воспринимал себя как мессианского лидера, ведущего раздираемый распрями старый мир к новым горизонтам глобальной демократии в американском духе. К неудовольствию Вильсона и его коллег по Антанте, большевистские идеи тоже завоевали популярность и в Европе, и за ее пределами. Они были созвучны программе Вильсона по отрицанию тайной дипломатии и поддержке права народов на самоопределение. Но большевики отвергли такие основные принципы американской системы, как неприкосновенность частной собственности, рыночный капитализм и «буржуазная демократия».

Итак, чем больше Вильсон погружался в свою роль мирового лидера, призванного «улучшить» мир, преумножая и глобализируя американскую «модель» демократии, тем труднее ему становилось быть толерантным к большевистским идеям. Советские претендовали на мировое лидерство, обещая не менее грандиозные перемены – глобальную пролетарскую революцию, уничтожение довоенного «империалистического» порядка и его замену «новым миром» в его марксистском и ленинском понимании. Это, а также утверждения Вильсона, что все революции иррациональны и противоречат интересам демократии (т.е. интересам США как эманации демократической системы), укрепляли его решимость не признавать власть большевиков.

¹ Кстати, немалую роль в этом энтузиазме играла широкая пропаганда «14 пунктов», которую вело американское правительство.

Вместе с тем, даже отказываясь признать Советское правительство, президент США не позволял себе публично и резко выступать против него, так как это противоречило бы провозглашаемому и пропагандируемому им самим принципу послевоенного мирового порядка – праву каждой нации свободно выбирать форму правления и, в частности, праву самой России на «беспрепятственную и полную возможность самостоятельно определять свое собственное политическое развитие и свою национальную политику»¹. По мнению некоторых авторов², частые колебания Вильсона после осени 1917 г. между полным отрицанием большевизма и признанием правомерности отдельно взятых советских претензий и требований отражали его искреннее желание и постоянные усилия понять это российское явление. Более того, как показывают его более поздние публикации, умом Вильсон понимал устремления большевиков и даже сочувствовал их протесту против мирового экономического неравенства, видя в Октябрьской революции плод несправедливой социальной системы. В то же время, он считал, что вместо поиска решения проблем, с которыми они боролись, большевики своими политическими действиями лишь создавали новые проблемы³.

События 1917 г. стали переломными не только для России, но и для Америки, а также для американо-российских отношений. Период между Февралем и Октябрем приветствовался американской администрацией, прессой и общественным мнением, которые выступали за демократизацию России и – одновременно – продолжение ее активного участия в войне против Центральных держав. Соединенные Штаты стали первой в мире страной, признавшей легитимность Временного правительства, но большевистский переворот осенью 1917 г. вновь поссорил обе страны. Большевистская идеология и ее враждебность западной демократии открыли пропасть между США и Россией, которую американское участие в антисоветской интервенции еще больше углубило. Русские революции и действия Советской власти в 1917–1918 гг. положили начало своеобразной дуэли идей Вильсона и Ленина, их борьбе за «сердца и умы» современников и будущих поколений. Столкновение «вильсонизма» и «ленинизма», а также взаимная подозрительность и недоверие, углубленные антисоветской интервенцией в 1918 г., надолго сделали взаимоотношения двух стран напряженными и враждебными. Столетие спустя идеи Вудро Вильсона о справедливом, мирном и демократическом мировом порядке остаются красивой утопией, временно освещенной фейерверком человеческих надежд и идеализмом конца Первой мировой войны.

¹ Address of the President of the United States Delivered at a Joint Session of the Two Houses of Congress, January 8, 1918. Woodrow Wilson, United States. President (1913–1921: Wilson), U.S. Government Printing Office, 1918. P. 6.

² См. напр.: Schild G. Between Ideology and Realpolitik: Woodrow Wilson and the Russian Revolution, 1917–1921. Greenwood Press, Westport, CT – London, 1995.

³ Wilson W. The Road Away from Revolution – In: The Atlantic Monthly, August 1923. P. 145–146.

ВОПРОСЫ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРОУСТРОЙСТВА И БУДУЩИХ ГРАНИЦ НА ПЕРЕГОВОРАХ ЛИДЕРОВ СОЮЗНЫХ ДЕРЖАВ В ТЕГЕРАНЕ (1943 г.)

Одними из ключевых на Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) были вопросы о послевоенном мироустройстве и о будущих границах. Такое положение вещей было вполне закономерным, ибо от решения этих вопросов напрямую зависела прочность послевоенного мира. В намечаемых мирных условиях для стран-участниц антигитлеровской коалиции во многом заключался смысл войны как таковой. Поэтому союзные державы в лице своих лидеров и дипломатов, защищая свои интересы, одновременно вели поиск взаимоприемлемых решений, которым предстояло на многие десятилетия вперед определить судьбу стран и народов Европы и всего мира.

28 ноября 1943 г. в 15 часов началась первая беседа И.В. Сталина и президента США Ф. Рузвельта, по сути, предварявшая собой начало конференции. В ходе беседы президент первым заговорил «о послевоенном периоде», заявив о намерении англоамериканцев помочь Советскому Союзу «начать развитие торгового судоходства». По его словам, у Англии и США после окончания войны будет слишком большой торговый флот; Рузвельт рассчитывал «передать часть этого флота другим Объединенным Нациям». Сталин с готовностью откликнулся на предлагаемую СССР экономическую помощь. Одобрив этот замысел президента, он добавил: «...Россия будет представлять собою после войны большой рынок для Соединенных Штатов». Мысль о возможности успешного и взаимовыгодного экономического сотрудничества была близка обоим собеседникам. Президент говорил о заинтересованности американцев в «большом количестве сырья», которая могла повлечь за собой установление «тесных торговых связей» с СССР. Сталин охотно согласился с ним: «...Если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырье»¹. Итак, практически с первых слов Рузвельт и Сталин сумели найти взаимопонимание.

Затем Рузвельт упомянул о своих недавних переговорах в Каире с главой китайского правительства Чан Кайши. Президент надеялся, что китайцы довольны «принятыми решениями»: на Каирской конференции было решено осуществить военные операции по освобождению Бирмы и восстановлению наземных коммуникаций с Китаем. В ответ Сталин лаконично посоветовал: «...Войска Чан Кай-ши плохо дерутся»². Избегая преждевременного втягивания своей страны в войну с Японией, вождем советского народа обратил внимание союзника на то немаловажное обстоятельство, что чанкайшисты не в состоянии обеспечить защиту Китая от агрессора. Тем самым Сталин продемонстрировал и свое недоверие гоминьдановскому режиму в Китае.

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов (далее – Советский Союз на международных конференциях). Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) / М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1978. С. 89–90.

² Там же. С. 90.

После этого уже советский лидер проявил инициативу, спросив о недавних «событиях» в Ливане и о том, «кто виноват». Дело было в том, что после предоставления Ливану – французской подмандатной территории – независимости, гарантами которой выступили Англия и Французский комитет национального освобождения (ФКНО), эта новая страна получила свою конституцию и выборные институты власти. Но ливанцы желали реального суверенитета и внесли поправки в конституцию. В ответ французы арестовали президента и членов правительства Ливана. Лондон потребовал от ФКНО освободить арестованных, вернуть им полномочия, а после восстановления порядка – созвать парламент Ливана. В случае невыполнения этих требований Англия грозила отозвать «признание» ФКНО и прекратить вооружение французских войск в Северной Африке. Французам пришлось уступить. В свою очередь, Рузвельт возлагал всю вину на ФКНО и, заверив Сталина в том, что в Ливане восстановлено «спокойствие», вдруг заявил советскому лидеру, что в случае личной встречи «де Голль ему не понравился бы». Независимая позиция французского генерала Ш. де Голля, стоявшего во главе ФКНО, сильно раздражала Вашингтон. Сталин не стал спорить, сославшись на то, что «лично» не знаком с де Голлем. Но президента это не остановило, и он высказался за кардинальное омоложение французской политической элиты. По его словам, «французы – хороший народ, но им нужны абсолютные новые руководители не старше 40 лет, которые не занимали никаких постов в прежнем французском правительстве». Сталин уклончиво заметил: «...Это потребует много времени». Рузвельту пришлось с этим согласиться. Вместе с тем, президент счел нужным обозначить американские приоритеты в отношении лидеров ФКНО. Он дал хотя и критическую, но гораздо более комплиментарную оценку сопратителю де Голля – другому председателю ФКНО и главнокомандующему французскими силами в Северной и Западной Африке генералу А. Жиро. По мнению Рузвельта, «Жиро очень симпатичный и хороший генерал, но он несведущ в области гражданской администрации и политики вообще».

Сталин, однако, не стал говорить о де Голле и Жиро, а завел речь о том, что во французских делах было ему ближе и важнее, а именно – о коллаборационизме и приспособленчестве правящих кругов этой страны. По его словам, «некоторые руководящие слои во Франции хотят быть умнее всех союзников и думают обмануть союзников. Они, видимо, думают, что союзники преподнесут им Францию в готовом виде, и не хотят воевать на стороне союзников, а предпочитают сотрудничать с немцами. Что касается французского народа, то его не спрашивают». Рузвельт по-своему поддержал советского лидера. Правда, он сделал акцент на утрате Францией великодержавного статуса, подчеркнув наличие разногласий в этом вопросе с британским премьером У. Черчиллем. «...Черчилль думает, - начал президент, - что Франция полностью возродится и скоро станет великой державой». Рузвельт не разделял «этого мнения»: «...Пройдет много времени, прежде чем это случится. Если французы думают, что союзники преподнесут им готовую Францию на блюде, то они ошибаются. Французам придется много поработать, прежде чем Франция действительно станет великой державой». Сталин согласился с президентом в том, что касалось недопустимости возрождения Франции в качестве колониальной империи. Он сказал, что «не представляет себе, чтобы союзники проливали кровь за освобождение Индокитая и чтобы потом Франция получила Индокитай для восстановления там колониального режима», и добавил: «... После того, что японцы проделали с идеей независимости в Бирме и Таи, нужно подумать о том, как заменить старый колониальный режим режимом более свободным». По словам Сталина, «акты в Ливане – это первые шаги по пути

замены старого колониального режима новым». Советский лидер предположил, что и Черчилль выступает за «более свободный режим» в Ливане, и закончил свою мысль пожеланием: «...С Индокитаем нужно сделать то же самое». Рузвельт согласился «с этим на сто процентов». Он с радостью сообщил Сталину об отсутствии у Чан Кайши притязаний на Индокитай и высказался в пользу деколонизации этой территории: «Французы хозяйничали в Индокитае 100 лет, и благосостояние народа в настоящее время там ниже, чем 100 лет назад». Президент привел мнение Чан Кайши, согласно которому «народ Индокитая не готов к самоуправлению», но тут же опроверг его, приведя «пример с Филиппинами, которые также несколько лет тому назад не были готовы к самоуправлению». Он сказал: «К настоящему времени, благодаря помощи американцев, филиппинцы подготовились к самоуправлению, и американцы обещали им его предоставить. (...) Над Индокитаем можно было бы назначить 3–4 попечителей и через 30–40 лет подготовить народ Индокитая к самоуправлению. (...) То же самое положение верно в отношении других колоний». При этом Рузвельт пожаловался Сталину на Черчилля, который «не хочет решительно действовать в отношении осуществления этого предложения о попечительстве, так как он боится, что этот принцип придется применить и к его колониям». Сталин легко подхватил мысль президента: «...Конечно, Черчилль не будет доволен»¹. Таким образом, разговор от французских дел переместился в плоскость колониального вопроса. Как видим, Рузвельт был не только готов к такому повороту, но и всячески его поддержал.

Президент рассказал, что, находясь в октябре 1943 г. в Москве, госсекретарь США К. Хэлл «имел с собой документ, составленный им, Рузвельтом, о создании международной комиссии по колониям». Комиссии, по мысли президента, надлежало «инспектировать колониальные страны с целью изучения положения в этих странах и возможных улучшений этого положения». Рузвельт высказался и за то, чтобы «вся работа этой комиссии была бы предана широкой гласности». Сталин одобрил этот замысел, сказав, что «в эту комиссию можно было бы обращаться с жалобами, просьбами и т.д.». Тогда президент предложил Сталину действовать в колониальном вопросе сепаратно – без Черчилля: «...Лучше не говорить с Черчиллем об Индии, так как (...) у Черчилля никаких идей в отношении Индии нет. Черчилль полагает оставить решение этого вопроса до окончания войны». Сталин вновь подхватил мысль Рузвельта: «...Индия – это больное место Черчилля». Президент согласился, но твердо заметил: «Однако (...) Англии придется кое-что предпринять в Индии», - и пожелал «как-нибудь» вернуться к данной теме. Следующее суждение хозяина Белого дома для кого-то выглядит шокирующим: президент предложил установить в Индии... Советскую власть. По мнению Рузвельта, «для Индии не подходит парламентская система правления и (...) было бы лучше создать в Индии нечто вроде советской системы, начиная снизу, а не сверху. Может быть, это была бы система советов». В ответ Сталин заметил: «...Начать снизу – это значит идти по пути революции». Сталинская реплика не смутила президента, и он добавил: «...Люди, стоящие в стороне от вопроса об Индии, могут лучше его решить, чем люди, имеющие непосредственное отношение к этому вопросу». Сталин и здесь поддержал Рузвельта: «...Конечно, люди, стоящие в стороне от Индии, смогут более объективно смотреть на вещи»². Итак, главы правительств США и СССР достигли договоренности о начале мягкого демонтажа старой колониальной системы. Наконец, президент не только высказался за восста-

¹ Там же. С. 90–91.

² Там же. С. 92.

новление независимости Индии, но и продемонстрировал широту своего взгляда на природу вещей и предложил использовать в Индии не парламентскую (буржуазно-демократическую), а советскую (по сути, революционно-социалистическую) модель управления страной.

А уже в 16 часов стартовало первое официальное заседание конференции, длившееся три с половиной часа. Советский лидер пришел в сопровождении В.М. Молотова и К.Е. Ворошилова. Сталин и Черчилль «заранее договорились» отдать Рузвельту председательство «на первом заседании», тот «не возражал»¹. Открывая заседание, «как самый молодой из присутствующих здесь глав правительств», Рузвельт подчеркнул самый близкий, «семейный» характер взаимоотношений трех союзных держав, объединенных общим стремлением к победе: «Я хочу заверить членов новой семьи – собравшихся за этим столом участников настоящей конференции – в том, что мы все собрались здесь с одной целью, с целью выиграть войну как можно скорее». На правах председательствующего он объявил о порядке работы конференции, предложил коллегам, в частности, «обращаться друг к другу, как друзья, открыто и откровенно». Президент выразил надежду на успех «совещания», на котором «три нации, объединившиеся в процессе нынешней войны, укрепят связи между собой и создадут предпосылки для тесного сотрудничества будущих поколений». Он особо настаивал на обсуждении «проблем послевоенного устройства», надеясь на наличие «желания обсуждать такие проблемы».

Затем президент, охваченный мыслью о всемирно-историческом значении только что начавшейся конференции, предложил Черчиллю высказать свое мнение «о том, что означает эта встреча для человечества». Британский премьер в присущем ему высокопарном стиле назвал конференцию «величайшей концентрацией мировых сил, которая когда-либо была в истории человечества», и добавил: «Я молюсь о том, чтобы мы были достойны замечательной возможности, данной нам богом, - возможности служить человечеству». Сталин, откликнувшись на предложение Рузвельта «что-либо сказать», был менее пафосным. Поприветствовав коллег, он лишь пожелал достижения поставленных целей и пожелал перейти к делу: «Я думаю, что история нас балует. Она дала нам в руки очень большие силы и очень большие возможности. Я надеюсь, что мы примем все меры к тому, чтобы на этом совещании в должной мере, в рамках сотрудничества, использовать ту силу и власть, которые нам вручили наши народы. А теперь давайте приступим к работе»².

Дальнейшее славословие было свернуто. Начались бурные дебаты о положении дел на фронтах Второй мировой войны и, прежде всего, о давно обещанной англо-американцами высадке во Франции. При этом Сталин впервые объявил о советских планах присоединения к западным союзникам в их войне с Японией, «когда мы заставим Германию капитулировать»³. А.А. Громыко, являвшийся в ту пору советским послом в США, ясно запечатлел «чеканные» фразы сталинского обещания. «После того, - сказал вождь, - как будет разгромлена гитлеровская Германия, Советский Союз окажет необходимую помощь своим союзникам в войне против милитаристской Японии»⁴.

Примечательно, что при рассмотрении балканских дел лидеры трех союзных держав были единодушны в вопросе о поддержке югославских партизан-коммуни-

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х кн. 9-е изд. Кн. 3. Т. 5. М., 2020. С. 212.

² Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 92–93.

³ Там же. С. 93–95.

⁴ Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. Новые горизонты. М., 2016. С. 244.

тов, а не сербских четников-националистов, действовавших от имени старого королевского правительства. Партизаны во главе с И. Тито, по словам Черчилля, «дерутся с немцами лучше, чем четники Михайловича»¹ (последний занимал в югославском эмигрантском правительстве пост военного министра).

Первое заседание конференции длилось три с половиной часа². Но и по окончании его работа не прервалась, а лишь перешла в русло неформального общения. Вечером Рузвельт устраивал ужин в честь глав правительств двух других держав-участниц. При этом во время коктейля перед ужином президент просил советского лидера снабдить американскую сторону разведанными «о выпуске самолетов и строительстве тоннажа в Японии», и добился его согласия³. После ужина усталый президент уже не мог долго беседовать. Сталин лишь успел высказаться за то, чтобы сделать для стран-сателлитов гитлеровской Германии процесс выхода из войны более мягким и щадящим, побуждающим врага более охотно прекращать сопротивление. По словам Сталина, «требование безоговорочной капитуляции со стороны союзников подхлестывает людей во вражеских армиях, заставляя их сражаться с ожесточением, так как безоговорочная капитуляция им кажется оскорбительной». Советский лидер предложил «разработать вопрос о том, что означает "безоговорочная капитуляция", то есть определить, какое количество оружия, средств транспорта и т.д. должен выдать противник, и затем огласить эти условия, не называя их безоговорочной капитуляцией». Но Рузвельт ничего на это не ответил. Между тем, сидевший рядом британский министр иностранных дел Э. Иден «внимательно выслушал» сказанное Сталиным⁴.

Тогда инициативу перехватил Черчилль. Он сам пригласил Сталина к небольшому разговору «о том, что должно произойти после того, как война будет выиграна». Сталин «с удовольствием согласился», в разговоре двух премьеров также принял участие Иден.

Советский лидер сразу предложил рассмотреть «самое худшее, что может произойти». Он заметил, что «Германия имеет все возможности восстановить свои силы после этой войны и через сравнительно непродолжительное время начать новую», и, как вспоминал Черчилль, «опасался возрождения германского национализма». «После Версаля казалось, что мир обеспечен, - напомнил Сталин, - однако Германия оправилась очень быстро». Он предлагал «создать сильный орган для того, чтобы помешать Германии начать новую войну», и «был убежден, что она оправится». На вопрос Черчилля: «Как скоро?», - Сталин ответил: «В течение 15–20 лет». «...Надо обеспечить безопасность всего мира по крайней мере на 50 лет, - сказал Черчилль. – Если же речь идет только о 15 или 20 годах, тогда выходит, что мы предали наших солдат». Сталин предложил «рассмотреть меры ограничения производственной мощности Германии. Немцы – очень способный, трудолюбивый и изобретательный народ, и они быстро восстановят свои силы». Черчилль предлагал «некоторые меры контроля», а также запретить Германии «иметь авиацию, как гражданскую, так и военную, а также генеральный штаб». Советский лидер скептически отнесся к этой идее. «Вы, быть может, потребовали бы закрытия часовых заводов и мебельных фабрик, чтобы они не

¹ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 98.

² Там же. С. 98–102.

³ Цит. по: Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование (далее – Переписка). Т. 1. М., 2015. С. 625 (комм.).

⁴ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 103.

производили части для снарядов? – спросил Сталин. – Немцы выпускали игрушечные ружья, которые они использовали для обучения сотен тысяч людей стрельбе». На это Черчилль только и мог возразить, что «ничто не стоит на месте. Мир движется вперед. Мы теперь кое-чему научились». Его замысел состоял в уменьшении территории Германии и взятии ее под совместный контроль трех великих держав ради недопущения новых войн: «Наш долг обеспечить безопасность в мире по крайней мере на 50 лет путем разоружения Германии, предотвращения перевооружения, установления контроля над германскими предприятиями, запрещения военной и гражданской авиации и путем далеко идущих территориальных изменений. Все зависит от того, смогут ли Великобритания, Соединенные Штаты и СССР сохранить тесную дружбу и контролировать Германию в своих общих интересах. Нам не следует бояться отдавать приказы, как только мы увидим опасность». Сталин оставался верен своему скепсису: «После Первой мировой войны тоже существовал контроль, но он ни к чему не привел». Черчилль же во всем винил прежнюю неопытность и отсутствие России в Версале: «Тогда мы еще были неопытны, прошлая война не была в такой мере национальной войной, и Россия не участвовала в мирной конференции. На сей раз будет иначе». Вслед за тем он предложил изолировать и ослабить Пруссию, а из Баварии, Австрии и Венгрии «создать широкую, мирную, неагрессивную конфедерацию». Британский премьер, по его собственному свидетельству, «полагал также, что с Пруссией следует обойтись более сурово, чем с другими частями рейха, и это могло бы склонить их не связывать свою судьбу с Пруссией». Впрочем, в послевоенных мемуарах он призывал «иметь в виду, что все это были настроения военного времени». Сталин счел, что «все это хорошо, но недостаточно». Черчилль, однако, надеялся, что мир и спокойствие будут обеспечены силами армии России, морских флотов и авиации Великобритании и США, а также «других ресурсов» этих держав. Он пояснил: «Все они будут сильно вооружены и не должны брать никакого обязательства о разоружении. Мы являемся попечителями всеобщего мира. Если наши усилия окажутся тщетными, то разразится хаос, который, возможно, продлится целое столетие. Если мы будем сильны, мы сможем выполнить наши обязанности попечителей». Англии, США и СССР Черчилль отвел роль не только гарантов мира во всем мире, но и руководителей всей системы послевоенных отношений – правда, при условии невмешательства во внутренние дела других стран и отказа от навязывания им какого-либо политического устройства, а также при обязательном сохранении дружественных отношений между тремя великими державами, представленными в Тегеране. «Речь идет не только о сохранении мира, - говорил Черчилль Сталину. – Эти три державы должны руководить будущим мира. Я не хочу навязывать какую-либо систему другим нациям. Я требую свободы и права всех наций развиваться так, как они хотят. Мы трое должны оставаться друзьями, чтобы обеспечить счастливую жизнь во всех странах»¹.

Высокопарный черчиллевский слог, фантазии насчет перекройки границ и торжественные слова о дружбе и мире во всем мире, похоже, не произвели на Сталина особого впечатления. Он, как вспоминал Черчилль, «снова спросил, как же быть с Германией». Британский премьер-аристократ взялся уверять советского премьера-большевика, что сам «не против трудящихся Германии», а «лишь против руководителей и опасных комбинаций». Советский лидер напомнил, что в немецких дивизиях «много трудящихся», сражающихся «по приказу», и рассказал, что, спрашивая немецких пленных из числа «трудящихся», «почему они сражаются за Гитлера», слышал от

¹ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 220–221.

них в ответ, что они «выполняют приказ». «Таких военнопленных он расстреливал»¹, - заключал Черчилль данное повествование. Германский вопрос оставался открытым.

Теперь британский премьер предпочел «обсудить польский вопрос». Сталин не возражал и позволил собеседнику «начать». Черчилль вспомнил, что Англия объявила войну Германии «из-за Польши», имеющей «поэтому» для Лондона «большое значение». Заверив советского лидера, что «нет ничего важнее, чем безопасность западной границы России», он, однако, подчеркнул, что «не давал никаких обещаний относительно границ» и хочет «поговорить по душам с русскими по этому вопросу». Черчилль попросил Сталина «примерно» изложить свою позицию, чтобы затем «обсудить этот вопрос и достигнуть некоторого соглашения». Он настаивал, чтобы советский лидер сказал о том, «что он считает необходимым для защиты западных границ России». Предположив, что война в Европе может закончиться в 1944 г., Черчилль отмечал, что СССР в этот момент «будет исключительно сильным, и Россия будет нести большую ответственность за любое решение, которое она примет в отношении Польши». Он придерживался мнения о целесообразности продвижения Польши «на запад, подобно солдатам, по команде "два шага влево"», и добавлял: «Если Польша наступит при этом кое-где на ногу Германии, то ничего не поделаешь, но сильная Польша необходима. Польша является инструментом, необходимым для европейского оркестра». Ответ Сталина был лаконичным. По его словам, «польский народ имеет свою культуру и свой язык, которые должны быть сохранены. Их невозможно уничтожить». Перейдя к конкретике, Черчилль предложил собеседнику «наметить линии границ». Сталин ответил: «Да». Но Черчилль тотчас сделал шаг назад, дав понять, что эти договоренности будут лишь условными и сугубо предварительными: «У меня нет никаких полномочий от парламента определять границы, и, как я полагаю, их нет и у президента. Однако мы можем здесь, в Тегеране, проверить, смогут ли главы трех правительств, действуя в согласии, наметить определенную политику, которую мы могли бы рекомендовать полякам и посоветовать им принять ее». Сталин согласился «изучить эту проблему», но, по свидетельству Черчилля, «спросил, должны ли мы это делать без участия поляков». «Да», - отвечал Черчилль и предложил «позже, когда все будет неофициально согласовано между нами, (...) обратиться к полякам». В разговор вмешался Иден, вспомнивший одно из частных высказываний Сталина о существующей возможности продвижения Польши «на запад вплоть до Одера». Он считал такое «заявление» обнадеживающим. Тогда Сталин спросил у Черчилля и Идена, не думают ли они, что он планирует «проглотить Польшу». На это Иден отвечал, что «не знает, сколько Россия собирается съесть, а сколько она оставит непереваренным». «...Русские не хотят ничего, что принадлежит другому народу, хотя они, возможно, откусят что-нибудь у Германии», - так выразил советскую позицию Сталин. Иден склонялся к компромиссу: «...То, что Польша потеряет на востоке, она может получить на западе». Сталин согласился с такой «возможностью», но сказал, что «не знает, как поступить в данном деле». И тогда Черчилль достал три спички, показав с их помощью «передвижение Польши на запад». Советскому лидеру, по словам Черчилля, «это понравилось»².

Между тем, на следующий день, 29 ноября, Рузвельт и Сталин, к явному неудовольствию Черчилля, продолжили свои сепаратные переговоры³. Британский премьер

¹ Там же. С. 221–222.

² Там же. С. 222–223.

³ Там же. С. 223.

уже не мог скрывать досады от того, что лидеры США и СССР приступают к решению общемировых проблем без английского участия. Но в 14 часов 30 мин. началась новая обстоятельная беседа Рузвельта и Сталина, длившаяся 1 час 10 мин. Сначала президент передал советской стороне «некоторые материалы». Во-первых, это был «отчет» американского майора Линна Фэриша в отдел стратегической службы США от 29 октября 1943 г. о шестинедельном пребывании у югославских партизан – Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) вместе с Тито¹. Рузвельт просил «вернуть этот материал после ознакомления».

Во-вторых, Сталин получил «записку относительно предложения делегации США на Московской конференции (в октябре 1943 г. – В.В.) о предоставлении баз для американских бомбардировщиков, которые будут производить сквозную бомбардировку Германии»². В ней Рузвельт, основываясь на предложениях своей делегации во время Московской конференции: предоставить США «воздушные базы в СССР, на которых самолеты Соединенных Штатов могли бы заправляться горючим, а также производить срочный ремонт и пополнять боеприпасы в связи со сквозной бомбардировкой с баз Соединенного Королевства», и «более эффективно» производить «взаимный обмен информацией о погоде», а также улучшить «средства связи и воздушное сообщение» между США и СССР, взялся настаивать на их скорейшем принятии и осуществлении соответствующих шагов. «Насколько мне известно, - отметил он, - СССР согласился в принципе с этими предложениями и соответствующие советские власти получают указание встретиться с моей военной миссией для рассмотрения конкретных мероприятий, которые будут необходимы для осуществления этих предложений». Президент надеялся «быстро выработать эти мероприятия»³. Принципиальное согласие на это действительно было дано советской стороной еще в ходе Московской конференции, но руководители СССР не допускали возможности появления на советской территории постоянных иностранных военных баз. Поэтому на согласование вопроса потребовалось несколько месяцев, прежде чем американские ВВС получили право временного базирования на территории Советской Украины. При этом их стартовыми площадками оказались, в итоге, базы на территории Италии, а не Великобритании, как поначалу полагал президент⁴.

Наконец, в-третьих, Рузвельт передал Сталину еще «два предложения: относительно подготовки к использованию советских авиабаз в Приморском крае и относительно подготовки к проведению военно-морской операции в северо-западной части Тихого океана»⁵. Президент, окрыленный советскими обещаниями вступить в войну с Японией, решил ускорить этот процесс. В своей записке под названием «Предварительное планирование военно-воздушных операций в северо-западной части Тихого

¹ В докладе говорилось о ключевом влиянии югославских партизан-коммунистов на ситуацию в Югославии, об их борьбе с германо-итальянскими оккупантами и коллаборационистами – хорватскими усташами и сербскими четниками. Майор Фэриш сообщал о контроле НОАЮ над большей частью страны, в т.ч. Адриатическим побережьем, а также о возможности сравнительно безопасной доставки «союзных представителей» в любую точку Югославии, налаживания «коммуникаций с внешним миром», постройки аэродромов и складов и реализации «любых проектов военного значения». Он призывал оказать югославским партизанам серьезную поддержку в их борьбе против гитлеровской Германии на Балканах – см.: Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 182 (прим.).

² Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 113.

³ Переписка. Т. I. С. 626.

⁴ См.: там же. С. 625 (комм.).

⁵ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 113.

океана» он обращался к Сталину с тем, чтобы «в целях сокращения сроков войны» (т.е. того, на чем настаивала советская сторона на Московской и Тегеранской конференциях) приступить к использованию для «бомбардировки Японии» баз в Приморском крае «немедленно после начала военных действий между СССР и Японией», что «будет иметь весьма большое значение, поскольку это предоставит нам возможность разрушить японские военные и промышленные центры». В случае согласия на это президент предлагал дать военной миссии США в Москве «необходимую информацию, касающуюся аэродромов, жилищ, снабжения, средств связи и метеорологических условий в Приморском крае, а также о маршрутах туда с Аляски». Своей «целью» он считал «базирование максимального количества сил бомбардировочной авиации, от 100 до 1000 четырехмоторных бомбардировщиков с их обслуживающим и оперативным персоналом, в этом районе; количество будет зависеть от имеющихся возможностей». Президент настаивал на срочных подготовительных мерах, обещая выполнить встречные требования советской стороны: «Крайне важно, чтобы планирование с этой целью было бы начато немедленно. Я понимаю, что ознакомление наших людей с условиями на месте должно быть ограничено в настоящий момент весьма небольшим количеством лиц и проведено с наибольшей секретностью. Мы, конечно, пойдем на все условия, которые Вы можете поставить в этом отношении». Успех в достижении «соглашения» должен был, по мнению президента, «существенно» ускорить применение американских «бомбардировщиков против Японии»¹.

В записке «Предварительное планирование военно-морских операций в северо-западной части Тихого океана» Рузвельт выражал желание «в настоящее время договориться» со Сталиным «об обмене информацией, а также о таком предварительном планировании, которое может быть подходящим при существующих условиях для возможных операций против Японии, когда Германия будет выведена из войны». Президент вновь уверял советскую сторону в своем стремлении ускорить конец войны: «Чем больше мы сможем предварительно спланировать, без того чтобы подвергнуть чрезмерному риску существующую обстановку, тем скорее война в целом может быть доведена до окончания». На рассмотрение советского лидера выносились «следующие пункты»: а) просьба предоставить Соединенным Штатам «военно-разведывательные данные относительно Японии»; б) учитывая, что над портами базирования дальневосточных соединений советских подлодок и эсминцев может нависнуть большая опасность «наземного и воздушного нападения», предполагалось расширить американские «базовые устройства, чтобы ими могли пользоваться эти (советские. – В.В.) вооруженные силы на базах Соединенных Штатов»; в) советскую сторону запрашивали насчет того, «какую прямую или косвенную помощь» она может «оказать, если бы Соединенные Штаты начали наступление на северную группу Курильских островов»; д) просьба «сообщить, могут ли наши (американские. – В.В.) вооруженные силы пользоваться портами, и если да, то какими», и «сообщить сведения об этих портах в отношении их использования военно-морскими силами, так же как и грузопропускную способность портов». Перечисленные «вопросы» предлагалось обсудить с военной миссией США в Москве, равно как и предложения «в отношении планов, касающихся воздушных операций»².

Таким образом, Вашингтон добивался от Москвы согласия на подготовку к совместным действиям против Японии, включая базирование американских ВВС и фло-

¹ Переписка. Т. 1. С. 626–627.

² Там же. С. 627–628.

та на Советском Дальнем Востоке. При этом он выказывал готовность к компромиссам, учету пожеланий советской стороны и взаимовыгодным сделкам. Сталина не могла не беспокоить как перспектива появления на территории СССР американских баз, так и возрастающая вероятность преждевременного – до разгрома Германии – вовлечения СССР в войну с Японией, т.е. войны на два фронта.

При вручении Сталину двух записок о будущих совместных действиях на Тихом океане Рузвельт назвал «дело совершенно секретным», пообещав принять «все меры для того, чтобы эта секретность соблюдалась»¹.

Вслед за тем президент, в числе «других дел», пожелал «обсудить вопрос о будущем устройстве мира». Он сказал, что «было бы желательно сделать это еще до отъезда». Обсуждение темы Рузвельт начал, заявив о необходимости «создать такую организацию, которая действительно обеспечила бы длительный мир после войны». Этим он объяснял свое предложение «подписать во время Московской конференции декларацию четырех держав, включив в нее Китай, который также будет иметь большое значение для будущего мира». Президент уверял, что «не спешит» обсуждать «вопрос о подобном рода организации», однако желает «сделать это еще до отъезда». Сталин не находил препятствий «такому обсуждению». Рузвельт, со своей стороны, предложил по окончании войны создать «мировую организацию», основанную «на принципах Объединенных Наций» и занимающуюся «не военными вопросами». Президент не хотел, чтобы она была «похожа на Лигу наций». Организация, в которую должны были войти, по его мысли, 35–50 «Объединенных Наций», была призвана «давать рекомендации», и «никакой другой власти» она «не должна иметь». Заседания организации Рузвельт предлагал проводить «не в одном определенном месте, а в разных местах», что «было бы весьма эффективно». Он привел в пример «встречи 21 американской республики, которые никогда не происходят по два раза в одном и том же месте». Сталин спросил, «идет ли речь о европейской или о мировой организации». Президент ответил: «...Это должна быть мировая организация». Тогда советский лидер спросил о предполагаемом составе ее «исполнительного органа». Рузвельт не помнил «всех деталей» имеющегося проекта, но в числе будущих членов «исполнительного комитета» назвал СССР, Великобританию, США, Китай, две европейские страны, одну азиатскую страну (помимо Китая) и один из британских доминионов. По словам президента, «Черчилль не согласен с этим предложением, так как англичане в этом случае будут иметь только два голоса – Великобритании и одного из доминионов». Рузвельт высказался за созыв «исполнительного комитета» уже «в ближайшее время, но лучше не в Женеве и не в другом подобном специфическом месте». На исполком он считал нужным возложить занятия «сельскохозяйственными, продовольственными, экономическими проблемами, а также вопросами здравоохранения». А наряду с исполкомом президент предложил создать, «если можно так сказать, полицейский комитет, то есть комитет стран, который следил бы за сохранением мира и за тем, чтобы не допустить новой агрессии со стороны Германии и Японии. Это был бы третий орган».

Сталин весьма заинтересовался замыслами Рузвельта и начал задавать уточняющие вопросы. Он спросил, «принимал ли бы этот комитет (не совсем ясно, шла ли речь об исполкоме или «полицейском комитете». – В.В.) решения, обязательные для других стран. Если бы какая-либо страна отказалась выполнить принятое этим комитетом решение, что было бы тогда?». Президент ответил, что «страна, отказавшаяся

¹ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 113.

выполнить решение, была бы лишена возможности в дальнейшем участвовать в решениях этого комитета». Тогда советский лидер задал вопрос, «будут ли исполнительный комитет и полицейский комитет частью общей организации или же это будут отдельные органы». «...Это, - отвечал президент, - будут три отдельных органа». Численность организации он определил в «35 Объединенных Наций», исполком должен был «состоять из 10 или 11 стран», а «полицейский комитет» должны были составить только 4 страны – СССР, США, Великобритания и Китай. Рузвельт так разъяснил предназначение последнего комитета: «...Если создастся опасность агрессии или же нарушения мира каким-либо иным образом, то необходимо иметь такой орган, который мог бы действовать быстро, так как тогда не будет достаточно времени для того, чтобы обсуждать этот вопрос даже в таком органе, как исполнительный комитет». Выслушав рассуждения президента, Сталин резюмировал: «...Это будет, следовательно, орган, который принуждает»¹. Итак, контуры проектируемой Рузвельтом архитектуры послевоенных отношений были ясно обозначены.

Президент вспомнил о том, что в 1935 г. после нападения Италии на Абиссинию призывал Францию и Англию закрыть Суэцкий канал, чтобы помешать Италии продолжать войну. Но обе эти державы ничего не сделали, а внесли вопрос в Лигу наций, что позволило Италии «продолжать агрессию». Предлагаемый «орган» из 4 стран может, по замыслу Рузвельта, «действовать быстро, и в такого рода случаях он смог бы быстро принять решение о закрытии Суэцкого канала». Сталин выразил понимание.

Президент был рад, что познакомил советского лидера «со своими соображениями», несмотря на их «общий характер» и неразработанность деталей. Выказав желание «избежать ошибок прошлого», Рузвельт вновь перечислил структурные элементы проектируемой им системы международной безопасности: «во-первых, полицейский комитет, состоящий из 4 стран; во-вторых, исполнительный комитет, который будет заниматься всеми проблемами, кроме военных; в-третьих, общий орган, в котором каждая страна сможет говорить, сколько она хочет, и где малые страны смогут выразить свое мнение». Но Сталин не был в восторге от услышанного. По его словам, «кажется, малые страны в Европе будут недовольны такого рода организацией». Сталин предложил вместо этого: 1) «создать европейскую организацию, в которую вошли бы три страны – США, Англия и Россия и, может быть, еще какая-либо из европейских стран»; 2) создать, «кроме того, вторую организацию, например организацию по Дальнему Востоку». Советский лидер назвал «схему» Рузвельта «хорошей», однако оставил в силе и свой замысел: «...Может быть, создать не одну, а две организации: одну европейскую, а вторую – дальневосточную или, может быть, мировую».

Рузвельт отметил, что «предложение» Сталина «до некоторой степени совпадает с предложением Черчилля», замыслившего «одну европейскую, одну дальневосточную и одну американскую организации», но добавил: «...Дело в том, что США не могут быть членом европейской организации. (...) что нужно только такое огромное потрясение, как нынешняя война, для того чтобы заставить американцев направить свои войска за океан». Президент признался, что «если бы Япония в 1941 году не напала на США», ему бы не удалось «заставить конгресс послать американские войска в Европу». В этот момент Сталин застал собеседника врасплох, спросив: «...В случае создания мировой организации (...) американцам пришлось бы посылать войска в Европу?». Ответом Рузвельта было: «...Не обязательно». Затем президент раскрыл детали

¹ Там же. С. 113–115.

воображаемого порядка действий четырех держав-«полицейских»: «В случае, если бы возникла необходимость применения силы против возможной агрессии, Соединенные Штаты могли бы предоставить свои самолеты и суда, а ввести войска в Европу должны были бы Англия и Россия. Для применения силы против агрессии имеется два метода. Если создастся угроза революции или агрессии или другого рода опасность нарушения мира, то страна, о которой идет речь, может быть подвергнута карантину с тем, чтобы разгоревшееся там пламя не распространилось на другие территории. Второй метод заключается в том, что четыре нации, составляющие комитет, могут предъявить данной стране ультиматум, прекратить действия, угрожающие миру, указав, что в противном случае эта страна подвергнется бомбардировке или даже оккупации». При этом Рузвельт обещал, что, «во всяком случае, обдумает предложение Сталина».

Тогда Сталин припомнил свой вчерашний «разговор с Черчиллем относительно сохранения мира в будущем». По слова советского лидера, «Черчилль очень легко смотрит на это дело», полагая, «что Германия не сможет скоро восстановиться». Сталин подчеркнул, что «с этим не согласен», так как «Германия может скоро восстановиться. Для этого ей потребуется всего 15–20 лет. Если Германию ничего не будет сдерживать, то (...) Германия сможет скоро восстановиться. Для этого Германии потребуется немного лет». Он напомнил, что свою «первую большую войну» Германия начала 1870 и закончила в 1871 г. «Всего через 42 года после этой войны, - продолжал Сталин, - то есть в 1914 году, Германия начала новую войну, а через 21 год, то есть в 1939 году, Германия вновь начала войну». Таким образом, главной послевоенной задачей он считал недопущение новой германской агрессии: «Как видно, срок, необходимый для восстановления Германии, сокращается. Он и в дальнейшем, очевидно, будет сокращаться. Какие бы запреты мы ни налагали на Германию, немцы будут иметь возможность их обойти. Если мы запретим строительство самолетов, то мы не можем закрыть мебельные фабрики, а известно, что мебельные фабрики можно быстро перестроить на производство самолетов. Если мы запретим Германии производить снаряды и торпеды, то мы не можем закрыть ее часовых заводов, а каждый часовой завод может быть быстро перестроен на производство самых важных частей снарядов и торпед. Поэтому Германия может снова восстановиться и начать агрессию». Сталин считал, что проектируемых «органов» окажется «недостаточно» для предотвращения «агрессии». Потребуется «занять наиболее важные стратегические пункты с тем, чтобы Германия не могла их захватить». Он предлагал также занять «такие пункты» на Дальнем Востоке для предотвращения «новой агрессии» Японии. «Этот орган, который будет создан, должен иметь право занимать стратегически важные пункты. В случае угрозы агрессии со стороны Германии или Японии эти пункты должны быть немедленно заняты с тем, чтобы окружить Германию и Японию и подавить их. Хорошо было бы принять решение о том, чтобы та организация, которая будет создана, имела право занимать важные в стратегическом отношении пункты», - таковы были «соображения» Сталина. Рузвельт согласился с ним «на сто процентов». Советский лидер на это заметил: «...В таком случае все обеспечено». Президент заверил собеседника, что «может быть так же тверд, как и маршал Сталин», и добавил: «...Конечно, немцы могут перестроить свои заводы на военное производство, но в этом случае необходимо будет действовать быстро, и если будут приняты решительные меры, то Германия не будет иметь достаточно времени для того, чтобы вооружи-

ться. За этим и должен будет следить комитет четырех наций...». Завершая беседу, он отметил «большой прогресс в переговорах»¹.

В самом деле, лидеры обеих сверхдержав достигли первых договоренностей по архитектуре послевоенного мироустройства, а именно – по созданию международных структур, обеспечивающих мирное развитие человечества и пресекающих возникновение очагов войны.

Черчилль, оказавшийся за порогом этой встречи, имел свою информацию о содержании беседы Рузвельта и Сталина. По данным британского премьера, президент изложил свой «план об управлении послевоенным миром» при помощи «четырех полицейских» – СССР, США, Великобритании и Китая, но Сталин не поддержал его, заявив, что «четверо полицейских» едва ли встретят «благосклонное отношение со стороны малых стран Европы», и «выразил сомнение в том, что Китай будет очень сильным государством после окончания войны». А если такое и возможно, то «европейские страны не согласились бы на то, чтобы Китай обладал в отношении них правом принуждения». Здесь Черчилль даже похвалил Сталина: «В этом вопросе советский вождь показал себя определенно более проницательным и выказал гораздо более правильное понимание действительного положения вещей, нежели президент». Кроме того, в мемуарах он упрекнул Рузвельта за неточную передачу британских предложений по структуре международных организаций, призванных гарантировать послевоенный мир. «Когда Сталин, - продолжает Черчилль, - предложил в качестве альтернативы создание одного комитета для Европы и другого для Дальнего Востока, причем европейский комитет должен был бы состоять из Англии, России, Соединенных Штатов и, возможно, еще одной европейской страны, президент ответил, что это предложение несколько схоже с моей идеей региональных комитетов: одного для Европы, одного для Дальнего Востока и одного для Американского континента. Он, кажется, недостаточно ясно сказал, что, кроме того, я намечал создание верховного совета Объединенных Наций, в состав которого вошли бы три региональных комитета. Поскольку меня только значительно позднее информировали о том, что произошло, я был не в состоянии исправить это ошибочное представление»².

В словах Черчилля сквозила обида из-за того, что Британию впервые столь явно отодвинули от решения общемировых проблем, причем сделали это ее союзники – две новые мировые сверхдержавы. Ведь, в конечном счете, здесь были важны даже не сами решения, а порядок их принятия и те, от кого это реально зависело.

Второе заседание конференции началось в 16 часов и продолжалось 3 часа 40 мин. На нем вновь председательствовал Рузвельт. Главной темой была предстоящая высадка англо-американских войск во Францию и, прежде всего, бросок через пролив Ла-Манш (Английский Канал) – операция «Оверлорд»³. Речь также шла о наступательных операциях в Италии и на Средиземном море, о предполагаемом вступлении Турции в войну с Германией и действиях западных союзников на Балканах. Говоря о Балканах, планируемых там англо-американских «рейдах» и вероятном ходе событий в случае участия Турции в войне на стороне союзников, Черчилль всячески подчеркивал бескорыстие союзнических намерений, чтобы развеять любые подозрения советской стороны: «Мы не имеем на Балканах ни интересов, ни честолюбивых устремлений. Все, что мы хотим сделать, это сковать 21 германскую дивизию на Балканах и,

¹ Там же. С. 115–118.

² Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 223.

³ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 121–123.

по мере возможности, уничтожить их»¹. В скором будущем, однако, англичане не откажутся от прямой оккупации Греции и насаждения там марионеточного режима, чтобы не допустить прихода к власти коммунистов. Но на тот момент тема Балкан советскую сторону практически не интересовала, ибо балканский театр военных действий, в силу незначительности находящихся на нем германских сил, был явно второстепенным².

Зато вопрос об «Оверлорде», т.е. о реальном «втором фронте» в Западной Европе, едва не привел к провалу конференции и разладу в рядах антигитлеровской коалиции из-за попыток Черчилля уже в который раз отсрочить или, по сути, отменить высадку англо-американцев на севере Франции и тем самым заставить Советский Союз продолжать вести в одиночку войну с гитлеровской Германией и покорившейся ей Европой. Стратегия «легкой войны» малой кровью с возложением основных тягот войны с гитлеризмом на «русских друзей» очень импонировала Черчиллю, и он явно не желал от нее отказываться.

Однако, когда заседание подходило к концу, Сталин вдруг внимательно посмотрел на Черчилля «через стол»³. «Если можно задать неосторожный вопрос, - начал он, - то я хотел бы узнать у англичан, верят ли они в операцию "Оверлорд", или они просто говорят о ней для того, чтобы успокоить русских»⁴. Черчилль и в этот раз, как и прежде, ушел от ответа в своей привычной манере, выставив весьма туманное условие, оценка выполнения которого зависела от него самого. Таким условием было создание обстановки, максимально благоприятствующей высадке. «Если будут налицо условия, которые были указаны на Московской конференции, - заявил британский премьер, - то я твердо убежден в том, что мы будем обязаны перебросить все имеющиеся у нас силы против немцев, когда начнется осуществление операции "Оверлорд"»⁵. Услышав эти слова, вождь резко встал и сказал В.М. Молотову и К.Е. Ворошилову: «Идемте, нам здесь делать нечего! У нас много дел на фронте»⁶.

Впрочем, сказано это было явно не с целью порвать с западными союзниками, а для того, чтобы заручиться поддержкой Рузвельта, который, видимо, был недоволен некоторыми «манерами Черчилля». «Поведение английского премьера заставило президента искать личных контактов со Сталиным»⁷, - вспоминал маршал А.Е. Голованов, веривший в искреннее желание Рузвельта прийти на помощь Советскому Союзу и видевший в лице Черчилля главного виновника бесконечных отсрочек «второго фронта». «Тегеран-43» легендарный Главный маршал авиации рассматривал как «генеральное сражение между Сталиным и Черчиллем, где последний принимал все ме-

¹ Там же. С. 126.

² Там же. С. 124–133.

³ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 230.

⁴ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 133.

⁵ Там же. С. 134.

⁶ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... Воспоминания Главного маршала авиации. 1941–1945. М., 2007. С. 384.

В своих воспоминаниях А.А. Громыко так описывает этот эпизод:

«Однажды, едва сдержавшись, Сталин поднялся с кресла и сказал Ворошилову и Молотову:

– У нас слишком много дел дома, чтобы здесь тратить время. Ничего путного, как я вижу, не получается...

Черчилль в замешательстве, боясь, что конференция может быть сорвана, заявил:

– Маршал неверно меня понял. Точную дату можно назвать – май сорок четвертого...

Атмосфера несколько разрядилась» (Громыко А.А. Указ. соч. Кн. I. С. 239–240).

⁷ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... С. 377.

ры к тому, чтобы заменить операциями на Средиземном море вторжение в Северную Францию». Предотвращение «срыва конференции» он, как и советская сторона – в целом, считал заслугой президента США¹.

В самом деле, Рузвельт быстро разрядил обстановку. Сославшись на то, что участники конференции «очень голодны», президент объявил перерыв до следующего дня. Этот перерыв было решено использовать, в частности, для выработки решения по высадке союзников во Франции, о котором Рузвельт взлся объявить на завтраке с Черчиллем и Сталиным 30 ноября «в половине второго»².

Вечерний обед трех глав правительств, устроенный Сталиным 29 ноября, послужил яркой демонстрацией советско-американского сближения. Когда Сталин завел речь о грядущем наказании немцев и мрачно пошутил, предложив ликвидировать германский генштаб, выловив и расстреляв около 50 тыс. «офицеров и специалистов», Черчилль, не поняв шутки, начал гневно протестовать и заявил: «Английский парламент и общественное мнение никогда не потерпят массовых казней (...) Советские представители не должны заблуждаться на этот счет». Но Сталин продолжал настаивать. В ответ Черчилль изъявил готовность, чтобы его самого «тут же вывели в этот сад и самого расстреляли, чем согласиться запятнать свою честь и честь своей страны подобным позором». Тогда «вмешался» Рузвельт, предложивший компромисс: расстрелять не 50 тыс., а 49 тыс. Своего премьера пытался успокоить Иден. Но вдруг со своего места поднялся сын президента – Эллиот Рузвельт, который в своей пламенной речи полностью одобрил идею Сталина, выразив «полную уверенность в том, что американская армия поддержит его». Обидевшийся Черчилль вышел в соседнюю темную комнату. Но не прошло «и минуты», как «кто-то хлопнул» британского премьера «по плечу». Черчилль увидел перед собой Сталина и Молотова. Они, улыбаясь, подтвердили, что это была всего лишь шутка. «Сталин бывает обаятелен, когда он того хочет, и мне никогда не приходилось видеть, чтобы он проявлял это в такой степени, как в этот момент», - заметил по данному поводу Черчилль в своих мемуарах. Правда, он при этом утверждал, что не имел и не имеет полной уверенности в том, что Сталин шутил и на самом деле не имел «серьезного намерения»³.

30 ноября 1943 г. Черчиллю исполнилось 69 лет. Британский премьер был сильно уязвлен похолоданием в отношениях с хозяином Белого дома, и решать эту проблему был намерен не иначе, как с помощью Сталина, успешно налаживавшего личное взаимодействие с Рузвельтом и видевшего в Черчилле своего противника, желающего торпедировать «Оверлорд». По словам Черчилля, у Сталина сложилось «ложное впечатление», что «Черчилль и английский штаб собираются сорвать операцию "Оверлорд", а если это им удастся, вторгнуться на Балканы». Британский премьер желал «рассеять это вдвойне неправильное представление» и доказать, что возможная отсрочка операции «Оверлорд» связана... с самим Рузвельтом, обязавшим англичан «предпринять операцию в Бенгальском заливе» против японцев с целью освобождения Бирмы и восстановления коммуникаций между англо-американцами и Китаем. Эта операция требовала много «десантных средств». Правда, после жарких дебатов на конференции 29 ноября Рузвельт и Черчилль уже выработали общее компромиссное решение по операции «Оверлорд». «Я согласился с президентом, - рассказывает Черчилль в мемуарах, - что операция должна быть начата в мае, а он со своей сто-

¹ Там же. С. 384.

² Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 134.

³ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 230–231.

роны отказался от точной даты – 1 мая». Уже после Тегеранской конференции и по возвращении в Каир Черчиллю, по его собственной версии, «удалось (...) убедить президента отказаться от операции в Бенгальском заливе». Но в конце ноября 1943 г. британский премьер хотел во что бы то ни стало сообщить Сталину «главный факт». При этом Черчилль «не считал себя вправе» объявить Сталину об уже достигнутой «с президентом договоренности начать операцию "Оверлорд" в мае», потому что «Рузвельт хотел сам сообщить ему об этом за завтраком», т.е. сразу после разговора Сталина и Черчилля¹.

Беседа советского и британского премьеров началась в 12 часов 40 мин. и длилась ровно час. Черчилль рассказал Сталину о положении вещей на средиземноморском театре войны, ответственность за который американцы теперь возлагали на англичан, а затем поведал о намерении американцев провести в марте 1944 г. «десантную операцию в Бенгальском заливе», которую «не особенно» одобрял и которая отнимала у «Оверлорда» десантные суда².

Итак, Черчилль сделал все, чтобы перестать выглядеть виновником срыва операции «Оверлорд», и выказал полную солидарность со своими советскими союзниками. Со своей стороны, Сталин обещал приурочить к высадке союзников во Франции новое мощное наступление Красной Армии³.

Развязка интриги вокруг «Оверлорда» последовала на совместном завтраке лидеров трех держав, начавшемся в 13 часов 40 мин., где президент сообщил Сталину «приятную для него новость» о «решении» англо-американского Объединенного комитета начальников штабов, принятом «сегодня» при участии Черчилля и Рузвельта: «Операция "Оверлорд" намечается на май 1944 года и будет проведена при поддержке десанта в Южной Франции». Сталину оставалось лишь выразить удовлетворение «этим решением». Правда, Черчилль от себя все-таки добавил одно условие: «...Точная дата операции будет, очевидно, зависеть от фазы луны». Но советского лидера эта оговорка не смутила. Он не ставил вопрос о «точной дате» и повторил уже сказанное им Черчиллю, «что к моменту начала десантных операций во Франции русские готовят сильный удар по немцам». «...Это было бы очень хорошо, так как это не позволило бы немцам перебрасывать свои войска на запад», - сказал Рузвельт⁴.

Черчилль, по сравнению с предыдущим днем, кардинально переменял свою интонацию. Так, после слов о «крупной подготовке» англичан «к операции "Оверлорд"» и разговора «на общие темы», он вдруг высказался за то, чтобы Россия имела «выход к незамерзающим портам». Сталин согласился и пожелал обсудить данный вопрос «позже». «...Раньше англичане возражали против того, чтобы русские имели выход к теплым морям, но сейчас англичане не имеют против этого никаких возражений», - любезно заметил британский премьер.

Сталин не стал отказываться от таких подарков и первым делом поднял вопрос о Проливах. «...Если теперь не имеется возражений, то тогда надо пересмотреть вопрос и о режиме турецких проливов, - прямо заявил он. – Такая большая страна, как Россия, оказалась запертой в Черном море и не имеет из него выхода. Режим проливов сначала регулировался Севрским договором, затем Лозаннским договором, наконец конвенцией, заключенной в Монтрё. В это время англичане хотели задушить Россию, но если теперь англичане не хотят больше душить Россию, то необходимо, чтобы они

¹ Там же. С. 231–232.

² Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 134–138.

³ Там же. С. 139.

⁴ Там же. С. 140–141.

облегчили режим проливов». Черчилль согласился, но оговорился, «что сейчас желательно, чтобы Турция вступила в войну, поэтому он в настоящее время не хотел бы поднимать этот вопрос». Сталин согласился, но добавил: «...Еще будет время обсудить вопрос и о портах, и о проливах». Черчилль же высказался «за то, чтобы советский флот плавал свободно во всех морях и океанах».

Однако разговор имел продолжение. Сталин спросил, «что, по мнению Черчилля, может быть сделано для России на Дальнем Востоке». Британский премьер сослался на Каирское коммюнике США, Англии и Китая от 26 ноября 1943 г., предусматривавшее возвращение Китаю Маньчжурии, Формозы и Пескадорских островов, а также восстановление независимости Кореи. Черчилль подтвердил, что «с ним согласен». Но советский лидер парировал, заметив, что видел коммюнике и «на вопрос», есть ли возражения, отвечал, что нет (в самом деле, 28 ноября 1943 г. Молотов уведомил об этом послов США и Великобритании – А. Гарримана и А. Керра). Сталин, «в частности», соглашался «с тем, чтобы была создана независимая Корея и чтобы Формоза и Маньчжурия были возвращены Китаю». Но при этом он не считал тему исчерпанной: «Конечно, русские могли бы к этому коммюнике кое-что добавить, но после того, как они станут активно участвовать в военных действиях на Дальнем Востоке». Советский лидер напомнил, что СССР «заперт также и на Дальнем Востоке, так как из каких бы портов советские суда ни выходили, они должны пройти либо через Симоносекский, либо через Цусимский проливы, которые в любой момент могут быть закрыты японцами». Президент заговорил «о своей идее свободных портов», предложив сделать «таким портом» Дайрен (Дальний). Сталин согласился, но предположил, что Китай может быть «недоволен этим». Но Рузвельт ответил, «что Китай с этим будет полностью согласен». «...Единственным незамерзающим портом у нас, кроме Мурманска, является Петропавловск-на-Камчатке, - сказал Сталин, - но он неудобен тем, что к нему нет ни железных дорог, ни других хороших путей, поэтому как порт он не может быть эффективно использован». Президент поинтересовался, «является ли Дайрен незамерзающим портом». «...Дайрен не замерзает, - отвечал Сталин, - так же как и Порт-Артур (...) Порт-Артур, однако, более подходит в качестве военно-морской базы, чем базы для торговых судов»¹. Таким образом, советский лидер впервые бегло обозначил интерес своей страны к Дальнему и Порт-Артуру, потерянным царской Россией после русско-японской войны 1904–1905 гг.

Черчилль в общих чертах поддержал эти советские притязания, назвав «совершенно очевидным (...) факт, что Россия должна иметь выход в теплые моря». Он также добавил: «...Управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий». Не спасав перед этой новой ролью Советской страны, Сталин заметил: «...Управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые способны на это». Черчилль «совершенно» согласился и продолжил: «...Если какая-либо страна не удовлетворена чем-либо, то это всегда будет источником беспокойства. Поэтому нужно, чтобы судьбы мира были сосредоточены в руках сильных стран, которые полностью удовлетворены и не имеют никакого желания взять себе что-либо еще (...) Три наших страны являются именно такими странами. После того как мы договоримся между собой, мы сможем считать, что мы полностью удовлетворены, а это самое главное»².

¹ Там же. С. 141–142.

² Там же. С. 142–143.

Итак, 30 ноября 1943 г. Рузвельт и Черчилль не только приняли сталинские условия по открытию настоящего «второго фронта» в Европе, чем дали понять, что рассматривают СССР не в качестве попутчика и расходного материала на пути к своей победе и полному доминированию в мире, а как своего великого союзника и равноправного члена «семьи» «свободолюбивых народов», но и признали право Советского Союза на «выход в теплые моря», а вместе с этим – и его право на участие в «управлении миром».

Сталину понравился такой поворот. «Маршал (Сталин. – В.В.) явно был очень доволен и успокоен этим торжественным и прямым обещанием (начать операцию "Оверлорд" в мае 1944 г. – В.В.), какое мы оба (Рузвельт и Черчилль. – В.В.) дали ему», - читаем в мемуарах Черчилля. «Боевой союз» трех держав обретал плоть и кровь.

А в 16 часов 30 мин. открылось третье заседание конференции. Оно оказалось гораздо короче двух предыдущих, так как продолжалось всего 50 мин.² Новых острых дискуссий не возникало ввиду уже принятого по главному вопросу решения. «Я надеюсь, что наши нации теперь поняли необходимость совместных действий и предстоящие операции наших трех стран покажут, что мы научились действовать совместно»³, - удовлетворенно заметил Рузвельт. Президент был верен себе и желал новых – практически шагов на пути к дальнейшему укреплению «боевого союза».

Вечером 30 ноября обед «примерно на 40 человек» давал именинник – Черчилль. В мемуарах он с гордостью передавал свои ощущения от пребывания в роли одного из трех мировых властителей: «Это был памятный день в моей жизни. Справа от меня сидел президент Соединенных Штатов, слева – хозяин России. Вместе мы фактически контролировали все флоты и три четверти всей авиации в мире и управляли армиями примерно в 20 миллионов человек, участвовавшими в самой ужасной из всех войн в истории человечества». Главы трех правительств вели, по словам Черчилля, «исключительно приятный разговор».

Поднимались заздравные тосты. Ближайший помощник президента – Г. Гопкинс в своей «веселой речи», под «общий смех», пошутил относительно способности Черчилля всякий раз приспособливать к собственным соображениям «английскую конституцию», нигде не зафиксированную «на бумаге», и деятельность своего «военного кабинета, полномочия и состав которого нигде конкретно не определены». Черчилль счел эти суждения несправедливыми, а в мемуарах сетовал на то, что его власть, в отличие от власти Рузвельта и Сталина, была ограничена как парламентом, так и кабинетом.

«Число таких случаев, когда бы в важных вопросах мое мнение не восторжествовало, было очень невелико, - писал Черчилль. – Но я не без гордости не раз напоминал моим обоим великим товарищам, что из нашей тройки я – единственный, кого могут в любой момент отстранить от власти голосованием в палате общин, свободно избранной на основании всеобщих выборов, и кто подчинен повседневному контролю военного кабинета, представляющего все партии в государстве. Срок пребывания президента у власти твердо установлен, а его полномочия не только как президента, но и как главнокомандующего являются в соответствии с американской конституцией почти неограниченными. Сталин, казалось, обладал, а в данный момент наверняка

¹ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 236.

² Там же.

³ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 150–151.

обладал всей полнотой власти в России. Они оба могли приказывать. Я же должен был уговаривать и убеждать. Но я был доволен таким положением вещей».

Обед в честь дня рождения Черчилля 30 ноября выглядел апогеем единения трех держав и их политического руководства. «Я чувствовал, - вспоминал Черчилль, - что мы достигли такой солидарности и такого настоящего товарищества, каких никогда прежде не достигали в этом великом союзе». Британский премьер был доволен итогами дня, «чувствуя, что ничего, кроме хорошего, не было сделано». В мемуарах он признался: «Этот день рождения был для меня действительно счастливым днем»¹.

Заключительный день конференции – 1 декабря 1943 г. начался с обстоятельного обсуждения вопроса «о вовлечении Турции в войну». Сталин спросил британского премьера: «Каких мер ожидает г-н Черчилль от Советского Союза в случае, если Турция объявит войну Германии и если в результате этого Болгария нападет на Турцию, а Советский Союз объявит войну Болгарии?». Тот отвечал, что не просит «ничего конкретного, но продвижение советских армий к Одессе и дальше окажет большое влияние на население Болгарии»². Тем самым британская сторона признала Болгарию частью будущей сферы советских интересов на Балканах.

Кроме того, Сталин допускал вариант, при котором Болгария не подчинится германскому требованию напасть на Турцию, после чего Германия начнет оккупацию Болгарии, а та, в свою очередь, «обратится к Советскому правительству с просьбой о помощи». Черчилль не очень в это верил, так как это вынудило бы немцев «заменить своими войсками болгарские дивизии на Балканах», но пожелал, «чтобы случилось так, как говорит маршал Сталин».

Было, однако, очевидно, что турки едва ли согласятся на вступление в войну или поддержку союзных сил, если не получат крупной военной помощи и не окажутся под угрозой изоляции в послевоенном мире в случае сохранения нейтралитета. Поэтому Черчилль и Сталин сошлись во мнениях, что только участие в войне даст Турции право «участвовать в мирной конференции». В случае отказа турок от предоставления баз и вступления в войну британский премьер собирался «изложить им серьезные соображения», а именно – предупредить их, «что они не будут в этом случае участвовать в мирной конференции», а также о том, что англичан «не интересуют дела турок». Последнее должно было развязать советской стороне руки в плане давления на Турцию с целью заставить ее пойти на всевозможные уступки. Молотов не замедлил попросить Черчилля «разъяснить» его собственные слова на заседании 29 ноября, «что если Турция не вступит в войну, то права Турции в отношении проливов не могут остаться неизменными»³. Советская сторона впервые ставила вопрос об изменении режима Проливов в выгодную для себя сторону. Черчилль ответил, что режим Проливов следует пересмотреть «хотя бы по той причине, что участниками конвенции в Монтрё являются японцы». Рузвельт же полагал, что вне зависимости от участия или неучастия Турции в войне «Дарданеллы должны быть свободны для прохода военных и торговых судов всех наций», а также «поставлены под контроль держав, осуществляющих полицейские функции». Черчилль назвал Турцию «союзником» Англии, однако в случае ее отказа «выполнить наши требования» намеревался заявить ей, «что Англия не будет особо интересоваться решением вопроса о проливах» и «если в отношении режима проливов будет принято решение, то англичане согласят-

¹ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 237–241.

² Там же. С. 241.

³ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 152–157.

ся с этим решением и не будут защищать турок». Он обещал проявить к туркам «холодное отношение», обязав их «урегулировать свои дела с Советским Союзом»¹.

К общему удовольствию сторон, второстепенный турецкий вопрос был исчерпан. Лидеры союзных держав были полны скепсиса и иронии насчет перспективы скорого присоединения турок к антигитлеровской коалиции. Тогда Рузвельт от своего имени и от имени Черчилля предложил Сталину «обсудить (...) вопрос о Финляндии» и добавил: «Было бы желательным вывести Финляндию из войны».

Сталин взял слово для «сообщения». Он рассказал о беседе заместителя министра иностранных дел Швеции Бохемана (Богемана) с советским послом в Стокгольме А.М. Коллонтай. Шведский дипломат интересовался, «что думает Россия о Финляндии». По словам Бохемана, «финны боятся, что Россия отнимет у Финляндии независимость и превратит ее в свою провинцию (...) Финны хотели бы переговорить с русскими». «Из Москвы ответили, - продолжал Сталин, - что у Советского правительства нет намерения превратить Финляндию в свою провинцию». Коллонтай же, «по поручению Советского правительства», сообщила «шведам, что Советское правительство не возражает против того, чтобы финны приехали в Москву для переговоров». Советский лидер сообщил, что «финны желали это сделать» и Советское правительство поручило своему послу уведомить финнов о желании знать их «взгляды на выход Финляндии из войны», а также их «условия». В Тегеране, советские руководители «получили содержание ответа финнов, который был передан через Бохемана». И хотя «полного текста ответа» Сталин пока не имел, но из полученного сообщения следовало, «что Маннергейм и Рюти готовы прибыть в Москву для переговоров и что за основу переговоров они согласны принять советско-финляндскую границу, существовавшую в 1939 году, с некоторыми поправками в нашу пользу». Правда, они «не указали, о каких именно поправках идет речь». По мнению Сталина, «этот ответ финнов показывает, что они не хотят серьезных переговоров с Советским правительством. Они еще верят в победу Германии»². Конечно, о вере в полную победу гитлеровской Германии речь уже не шла, но в Хельсинки определенно надеялись на выгодный компромисс по итогам войны, обеспечить который могли: сохранившееся в Европе сильное нацистское государство и (или)... распря в рядах антигитлеровской коалиции.

Черчилль назвал «сообщение» Сталина «очень интересным». Рузвельт согласился, но добавил эпитет: «неудовлетворительное». Советский лидер настойчиво повторил тезис о «том, что в руководящих финских кругах имеются элементы, еще верящие в победу Германии». «Я согласен с этим», - отреагировал Рузвельт. Эти слова президента ставили крест на расчетах финнов посеять рознь в рядах союзников по финляндскому вопросу. Черчилль, в свою очередь, откровенно признался: «Я очень симпатизировал финнам, когда между ними и Россией в 1939 году возникла война. В Англии симпатии были на стороне финнов». Правда, уже следующей фразой он легко открестился от былых симпатий. «Но все в Англии, - продолжал британский премьер, - повернулись против финнов, когда Финляндия присоединилась к Германии в нападении на Советский Союз. Это было, по моему мнению, подлостью со стороны Финляндии»³. Таким образом, финляндский вопрос не поссорил союзные державы. Теперь речь шла лишь о приемлемых для них условиях мира.

¹ Там же. С. 157, 186 (прим.).

² Там же. С. 158; см. также: Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 246.

³ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 158–159.

По мнению Черчилля, «позиции России как доминирующей морской и военно-воздушной державы в Балтийском море должны быть обеспечены»; в то же время, «в Англии считали бы большим несчастьем, если бы финны против своей воли были подчинены другой стране», т.е. СССР. Черчилль также не считал целесообразным для СССР «требовать репараций с Финляндии». Но Сталин поставил этот вопрос иначе: «Мы намерены потребовать от Финляндии возмещения причиненного нам ущерба. При этом нам нужны не деньги, а возмещение натурой. Финляндия могла бы это сделать в течение 5–8 лет, поставляя нам в возмещение ущерба бумагу, лес и другие материалы». Тогда британский премьер стал взывать к жалости. По его словам, «ущерб, причиненный финнами России во время войны Финляндии в союзе с Германией, превосходит все, что эта бедная страна в состоянии возместить». Черчилль напомнил «советский лозунг», звучащий в его «ушах» и запомнившийся ему «со времени революции в России»: «Мир без аннексий и контрибуций». Он предположил, что, «может быть, маршалу Сталину не понравится» это напоминание. Но в ответ Сталин лишь широко улыбнулся и сказал: «Я же говорил вам, что становлюсь консерватором». Исходя из планов «осуществить "Оверлорд", провести операции в Италии и Южной Франции, а также крупные операции на советско-германском фронте и, кроме того, добиться, если это удастся, вступления Турции в войну», Черчилль счел уместным поставить свое условие: «В этой обстановке я хотел бы видеть Финляндию вышедшей из войны, а Швецию вступившей в войну». Сталин не возражал. Рузвельт хотел знать боевые возможности Финляндии на случай ее вступления в войну с Германией, «смогут ли финны изгнать немцев из своей страны и сколько войск они имеют на фронте против Советского Союза». Сталин отвечал, что на фронте советским войскам противостоит 21 финская дивизия, хотя недавно было 16; «добавили еще 5 дивизий, несмотря на то, что хотят вести с нами переговоры». «Я должен сказать, - подключился Молотов, - что финны в течение двадцати семи месяцев держат под артиллерийским обстрелом Ленинград – вторую столицу Советского Союза». Рузвельт резонно заметил, что причиной увеличения числа финских дивизий «на фронте» стало, «вероятно», намерение «выторговать лучшие для себя условия», и добавил, что, по его «информации, финны готовы отодвинуть границу от Ленинграда на Карельском перешейке». Насчет полуострова Ханко, арендованного Советским Союзом на 30 лет по условиям Московского мирного договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г., президент, в качестве варианта, предложил «договориться о том, чтобы Ханко был превращен в пляж для купания»¹. Итак, Вашингтон призвал Москву к компромиссам и некоторым уступкам.

Черчилль стал уверять, что не хочет «оказывать давления на своих русских друзей в отношении Финляндии», и напомнил, что британцы «порвали с финнами». Пожелав, чтобы «необходимая русским безопасность их границ с Финляндией» была «обеспечена», он просил «быть снисходительными к финнам» и хотел «узнать, каковы русские условия выхода Финляндии из войны». Сталин напомнил, что СССР «в свое время» сообщил эти условия правительству США, желавшему «принять на себя посредничество в деле заключения мира между Советским Союзом и Финляндией. Но, видимо, американскому правительству не удалось этого сделать». Рузвельт отметил, что СССР «требовал восстановления действия советско-финляндского мирного договора 1940 года, который финны нарушили, ибо хотели изменить его». Сталин отказался обсуждать принадлежность Выборга («о Выборге нечего и говорить»), а вме-

¹ Там же. С. 159–160; см. также: Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 246–247.

сте с ним – Карельского перешейка. От Ханко он был готов «отказаться», если «Петсамо, которое было в свое время подарено Советским Союзом Финляндии, будет нам возвращено». Рузвельт назвал это «справедливой меной», но при этом высказался за прибытие финнов «в Москву без предварительных условий для переговоров». Сталин выразил опасение, что возможный в этом случае провал советско-финляндских переговоров «пойдет на пользу Германии» и «агрессивным кругам Финляндии»; последние заявят, «что финны стремятся к переговорам с русскими, а русские этого не хотят». Черчилль «в этом случае» обещал «прямо» сказать, «что они лгут». Сталин, видимо, считавший вопрос о переговорах с Финляндией сугубо второстепенным, не стал возражать: «Если Рузвельт и Черчилль настаивают на том, чтобы финны приехали в Москву, пусть они едут. Все зависит от того, кого они пошлют в Москву». Однако Черчилль также отступил от этой идеи: «Мы, англичане, не настаиваем на приезде в Москву финнов. Мы оставляем этот вопрос на усмотрение Советского правительства». Проявляя учтивость в отношении Рузвельта, Сталин заявил: «Если президент считает, что стоит попытаться начать переговоры с финнами, то мы против этого не возражаем». Вежливость и лояльность советского лидера в диалоге с союзниками побудила и президента отказаться от слишком уж назойливого примирения СССР с Финляндией, напавшей на него в союзе с Гитлером. «Я думаю, что нынешние правители Финляндии пронацисты, - сказал Рузвельт. – Но если бы в Москву были посланы другие финны, то было бы лучше». «Конечно, это было бы лучше, - согласился Сталин, - но мы готовы разговаривать с Рюти и даже с самим чертом, если финны его пошлют к нам». Черчилль предложил Сталину «рассмотреть финляндский вопрос в связи с общими усилиями заставить Швецию вступить в войну до мая месяца» (т.е. все же поторапливал советскую сторону с заключением мира). Сталин согласился. Тогда Черчилль повторил свой вопрос о «русских условиях мира с Финляндией». Сталин высказался за «восстановление действия советско-финского договора 1940 года» и был согласен, «если этого пожелают финны, отказаться от Ханко взамен возвращения нам района Петсамо», а также потребовал «возмещения натурой в половинном размере ущерба, причиненного нам Финляндией в этой войне, изгнания немцев из Финляндии, разрыва с Германией и выполнения некоторых других условий». Из последних Черчилль отметил «демобилизацию»¹.

После объявления советским лидером вполне умеренных условий мира с Финляндией дискуссия по финляндским делам стала затухать. Черчилль лишь философски заметил, что «легко причинить ущерб, но трудно его возместить. Практика показала, что уплата долга никогда не производится», и перевел разговор на другую тему, пожелав, чтобы СССР отобрал «у Германии все машины и станки». «Черчилль только что провозгласил лозунг против аннексий и контрибуций», - вновь пошутил Сталин. «Этот лозунг действителен в отношении Финляндии, бедной и слабой страны, - огрызнулся Черчилль. – Она не сможет возместить ущерба, причиненного ею России». По версии Черчилля, советский лидер предполагал дать финнам 5–8 лет на оплату причиненного ими ущерба, а также допускал советскую оккупацию того или иного района Финляндии до уплаты причитающейся суммы. Ответ Черчилля, согласно его мемуарам, прозвучал так: «Я еще не избран советским комиссаром, но будь им, я бы советовал делать это. Есть гораздо более важные вещи, о которых следует подумать». И британский премьер предложил «подумать о майской битве». В свою очередь, пре-

¹ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 160–161; см. также: Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 247–248.

зидент помог устранить это разногласие, вызвавшись «помочь делу выхода Финляндии из войны в духе того, о чем мы говорили сегодня», однако «самым лучшим», по его мнению, «было бы изменение состава финляндского правительства». Сталин согласился с Рузвельтом, а Черчилль перед перерывом подытожил: «Мне понравился наш сегодняшний разговор»¹.

Таким образом, советские условия будущего мира с Финляндией, за исключением крупных размеров компенсации за нанесенный ею ущерб, были предварительно одобрены всеми сторонами, а по поводу маловажных деталей советский лидер предпочитал не спорить.

В 15 часов был объявлен перерыв, а через 20 мин. началась беседа Сталина и Рузвельта. Президент решил обсудить с главой Советского правительства весьма деликатный вопрос о вхождении Прибалтики в состав СССР. Он сказал Сталину, что в США «может быть поднят вопрос о включении Прибалтийских республик в Советский Союз». По мнению Рузвельта, «мировое общественное мнение сочтет желательным, чтобы когда-нибудь в будущем каким-то образом было выражено мнение народов этих республик по этому вопросу». Президент выразил надежду на то, «что маршал Сталин примет во внимание это пожелание», но при этом добавил: «У меня лично нет никаких сомнений в том, что народы этих стран будут голосовать за присоединение к Советскому Союзу так же дружно, как они сделали это в 1940 году»². Слова президента означали, что для официального признания Соединенными Штатами законности вхождения Прибалтийских государств в состав СССР требуется новое свободное волеизъявление их народов, но вместе с тем «лично» Рузвельт считает правомерным присоединение Прибалтики к Советскому Союзу в результате проведенного в 1940 г. голосования. Такая двойственная позиция вызвала у Сталина недоумение. Не касаясь степени демократичности волеизъявления прибалтийских народов, он спросил о другом: «Литва, Эстония и Латвия не имели автономии до революции в России. Царь был тогда в союзе с Соединенными Штатами и Англией, и никто не ставил вопроса о выводе этих стран из состава России. Почему этот вопрос ставится теперь?»³. Слова Сталина содержали неточность: Соединенные Штаты примкнули к Антанте и объявили войну Германии уже после падения монархии в России – 6 апреля (25 марта) 1917 г. Тем не менее, и прежде они ни разу не ставили под сомнение принадлежность этих территорий России. К тому же Рузвельт не оспаривал изложенные Сталиным факты и их интерпретацию. Он явно желал прямого и откровенного разговора, в т.ч. о собственных внутренних обстоятельствах.

«Дело в том, - сказал президент, - что общественное мнение не знает истории. Я хотел бы поговорить с маршалом Сталиным о внутреннем положении в Соединенных Штатах. В будущем году в Соединенных Штатах предстоят выборы. Я не желаю выдвигать свою кандидатуру, но если война продолжится, то я, может быть, буду вынужден это сделать. В Америке имеется шесть-семь миллионов граждан польского происхождения, и поэтому я, будучи практичным человеком, не хотел бы потерять их голоса. Я согласен с маршалом Сталиным в том, что мы должны восстановить польское государство, и лично я не имею возражений, чтобы границы Польши были передвинуты с востока на запад – вплоть до Одера, но по политическим соображениям я не могу участвовать в настоящее время в решении этого вопроса. Я разделяю идеи

¹ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 161; см. также: Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 248.

² Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 168.

³ Там же.

маршала Сталина, я надеюсь, что он поймет, почему я не могу публично участвовать в решении этого вопроса здесь, в Тегеране, или даже весной будущего года»¹. Таким образом, Рузвельт дал понять, что и в вопросе о новых границах Польши, включая советско-польскую границу, он не сможет открыто поддержать советского коллегу. «После разъяснения Рузвельта я это понимаю»², - ответил Сталин.

Затем президент вернулся к прибалтийской теме. Он сослался на наличие в США «некоторого количества литовцев, латышей и эстонцев», чтобы еще четче прояснить свою позицию. «Я знаю, - продолжал Рузвельт, - что Литва, Латвия и Эстония и в прошлом и совсем недавно составляли часть Советского Союза, и, когда Русские армии вновь войдут в эти республики, я не стану воевать из-за этого с Советским Союзом. Но общественное мнение может потребовать проведения там плебисцита». Сталин обнадежил президента по части демократических процедур: «Что касается волеизъявления народов Литвы, Латвии и Эстонии, то у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю». «Это будет мне полезно», - отреагировал Рузвельт. Правда, советский лидер тотчас пояснил, что не потерпит внешнего вмешательства: «Это, конечно, не означает, что плебисцит в этих республиках должен проходить под какой-либо формой международного контроля». Президент, однако, не возражал против сталинской оговорки: «Конечно, нет. Было бы полезно заявить в соответствующий момент о том, что в свое время в этих республиках состоятся выборы». Сталин с легкостью согласился: «Конечно, это можно будет сделать»³. Итак, Рузвельт приветствовал проведение в странах Прибалтики любых выборов или иного голосования, легитимирующего их вхождение в состав СССР.

Затем президент вспомнил «два вопроса, которые мы не обсудили», но один из которых он «уже» затрагивал в личной беседе с советским лидером 29 ноября: «это вопрос о создании мировой организации в послевоенный период». «Мы не довели обсуждение этого вопроса до конца», - согласился Сталин, который, однако, несколько изменил свою позицию. «Я обдумал этот вопрос и полагаю, - продолжил он, - что лучше создать одну мировую организацию». Рузвельт же считал необходимым остановиться на полицейской составляющей в деле обеспечения послевоенного мира, отсрочив решение прочих вопросов, и не скрывал, что рычаги управления общемировыми процессами будут находиться в руках США, СССР и Великобритании: «Я думаю, что сейчас еще рано решать вопрос о создании мировой организации, но считаю, что было бы целесообразно рассмотреть вопрос о полицейских силах. Я полагаю, что маршал Сталин понимает, что деятельность мировой организации будет зависеть от трех держав». Молотов, участвовавший в беседе, добавил, что на Московской конференции, по предложению советской стороны, было решено проводить «обмен мнениями» между правительствами трех держав «с целью конкретизации предложения о создании мировой организации и обеспечения в ней руководящей роли четырех держав»⁴. Впрочем, данный тезис, предполагавший, в частности, возвышение послевоенной роли чанкайшистского Китая, развития не получил.

Беседа близилась к концу. «Будем ли мы обсуждать вопрос о раздроблении Германии?» - спросил президент. «Не возражаю», - отвечал вождь. При наличии «времени» Рузвельт был «готов это сделать». Наконец, он поинтересовался отношением Сталина к началу подготовки совместных действий двух стран против Японии в воз-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 168-169.

⁴ Там же. С. 169.

духе и на море, чему были посвящены две записки, переданные Рузвельтом Сталину 29 ноября. Советский лидер ушел от ответа. «Документы о Японии я прочитал, - ответил он, - но еще не успел их изучить»¹. Преждевременно ускорять процесс вступления в войну с Японией и, тем более, провоцировать своего опасного дальневосточного соседа Сталин не собирался. Кроме того, советская сторона всерьез подозревала американцев и англичан в намерении «занять определенные районы Советского Союза». Так, даже на склоне лет Молотов был уверен в том, что те и другие – «вместо того, чтобы воевать» – желали закрепиться в стратегически важных регионах СССР: англичане – в районе Мурманска, американцы – «на Дальнем Востоке». По словам Молотова, «оттуда было бы не просто их потом выгнать...»².

В 16 часов за круглым столом началось заключительное заседание Тегеранской конференции, оно продолжалось 3 часа 40 мин. В начале заседания президент предложил обсудить «вопросы о Польше и Германии».

В.М. Молотов поднял «вопрос относительно передачи нам части итальянского торгового и военно-морского флота». Президент ответил на это «очень» просто. Полученное союзниками «большое количество итальянских кораблей» он предложил оставить «во временном пользовании Объединенных Наций», используя их «наилучшим образом», а «(после войны)» распределить «между Объединенными Нациями». Тогда Молотов попросил, в случае невозможности передать эти корабли Советскому Союзу «в собственность», передать «их нам во временное пользование» и обещал их употребить «в интересах союзников и всех Объединенных Наций». Сталин рассказал, как СССР намерен использовать трофейные суда, и подчеркнул скромность своего запроса: «Если Турция не вступит в войну, то переданные нам итальянские корабли не удастся провести в Черное море, и тогда мы желали бы их иметь в Северном море. Мы знаем, что Великобритании и Соединенным Штатам нужны корабли, но мы просим немного». Черчилль и Рузвельт поддержали его просьбу. «Я хотел бы, чтобы эти корабли находились в Черном море», - добавил Черчилль. Сталин ответил, что желает того же. Британский премьер также пожелал «вести переданные Советскому Союзу итальянские корабли в Черное море вместе с британскими кораблями для помощи советскому военно-морскому флоту». Сталин не возражал. Однако британский премьер напомнил о необходимости «урегулировать вопрос о передаче кораблей с итальянцами, так как они помогают нам своим флотом»: отдельные корабли участвовали «в боевых действиях» или несли «патрульную службу», а подлодки использовались «для снабжения». Черчилль отметил, что «желательно получить от итальянского флота возможно большую пользу, чем иметь его против себя», и просил «два месяца для урегулирования с итальянцами вопроса о передаче итальянских кораблей Советскому Союзу». Он так пояснил свою позицию: «Вопрос этот деликатный, и здесь нужно действовать так, как кошка ведет себя с мышью». Советский лидер поинтересовался возможностью «получить эти корабли к концу января будущего года». Рузвельт и Черчилль ответили согласием. «На кораблях будут наши команды», - уточнил Сталин. Черчилль выразил готовность оказывать всемерную поддержку советским морским силам. Он особо подчеркнул: «Я должен сказать, что мы не имеем в Черном море ни притязаний, ни интересов». В ответ Сталин «за всякую помощь» обещал «благодарить». Наконец, британский премьер сказал об имеющейся возможности надавить на Турцию с целью помочь Советскому Союзу в его войне в Черном море: «Если

¹ Там же. С. 169–170.

² Чусев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 2000. С. 79.

Турция побойится вступить в войну, но согласится растянуть свой нейтралитет, то, может быть, Турция позволит пропустить несколько подводных лодок через Босфор и Дарданеллы в Черное море и корабли со снабжением для них». На этом данный «вопрос» был «исчерпан»¹.

Теперь Рузвельт пожелал «переговорить о Польше» и выразил «надежду, что Советское правительство сможет начать переговоры и восстановить свои отношения с польским правительством». В ответ Сталин не только продемонстрировал нежелание восстанавливать отношения с антисоветски настроенным польским эмигрантским правительством, но и обвинил его эмиссаров в сотрудничестве с немецкими оккупантами: «Агенты польского правительства, находящиеся в Польше, связаны с немцами. Они убивают партизан. Вы не можете себе представить, что они там делают». «Это важный для нас вопрос», - встрепетулся Черчилль и напомнил, что англичане «объявили войну Германии» вследствие ее нападения «на Польшу». Он признался, что был удивлен отказом Чемберлена «вести борьбу за чехов в Мюнхене» и тем, что тот «внезапно в апреле 1939 года дал гарантию Польше», но пояснил ключевое значение этого решения для противоборства с Германией в Мировой войне: «Ради Польши и во исполнение нашего обещания мы, хотя и были не подготовлены, за исключением наших военно-морских сил, объявили войну Германии и сыграли большую роль в том, чтобы побудить Францию вступить в войну. Франция потерпела крах. Но мы благодаря нашему островному положению оказались активными бойцами». Подчеркивая «большое значение» для Англии «причины» ее вступления «в войну», Черчилль уверял, что понимает «историческую разницу между нашей и русской точками зрения в отношении Польши», равно как «очень хорошо понимал положение России в начале войны, мюнхенскую политику и тот факт, что Франция изменила данным ею гарантиям Чехословакии», а также понимает, «что Советское правительство не могло в этих условиях рисковать своей жизнью». Однако он вновь подчеркнул: «...Если нас спросят, почему мы вступили в войну, мы ответим (...) потому, что мы дали гарантию Польше». Здесь Черчилль напомнил приводившийся им «пример о трех спичках, одна из которых представляет Германию, другая – Польшу и третья – Советский Союз», и заявил: «Все эти три спички должны быть передвинуты на запад, чтобы разрешить одну из главных задач, стоящих перед союзниками, - обеспечение безопасности западных границ Советского Союза»². Иными словами, в состав Польши должны были войти обширные территории на востоке тогдашней Германии, а СССР при этом закреплял бы за собой Западную Украину и Западную Белоруссию.

Последнее лестное обещание британского премьера не удержало Сталина от решительного отказа ассоциировать возрожденную Польшу с эмигрантским правительством, что указывало на намерение Москвы восстанавливать и укреплять Польшу своими усилиями и с лояльным себе правительством. «Вчера, - сказал Сталин, - не было разговора о переговорах с польским правительством. Вчера разговаривали о том, что нужно предписать польскому правительству то-то и то-то. Я должен сказать, что Россия не меньше, а больше других держав заинтересована в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом России. Мы – за восстановление, за усиление Польши. Но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне. Мы порвали отношения с этим правительством не из-за каких-либо наших капризов, а потому что польское правительство присоединилось к Гитлеру в его

¹ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 161–163.

² Там же. С. 163–164.

клевете на Советский Союз. Все это было опубликовано в печати. Какие у нас могут быть гарантии в том, что эмигрантское польское правительство в Лондоне снова не сделает то же самое? Мы хотели бы иметь гарантию в том, что агенты польского правительства не будут убивать партизан, что эмигрантское польское правительство будет действительно призывать к борьбе против немцев, а не заниматься устройством каких-либо махинаций. Мы будем поддерживать хорошие отношения с правительством, которое призывает к активной борьбе против немцев. Однако я не уверен, что нынешнее эмигрантское польское правительство в Лондоне является таким, каким оно должно быть. Если оно будет солидаризироваться с партизанами и если мы будем иметь гарантию, что его агенты не будут иметь связей с немцами в Польше, тогда мы будем готовы начать с ним переговоры¹. Итак, в роли оправдывающегося должно было предстать не Советское правительство, отрицающее свою причастность к бессудным расстрелам польских офицеров, а польское эмигрантское правительство, посланцы которого обвинялись в прямом пособничестве врагу.

Советский лидер просил Черчилля разъяснить вопрос о «трех спичках», после чего британский премьер пожелал узнать отношение советской стороны к проблеме границ, чтобы, в свою очередь, уведомить о нем деятелей польского правительства. «Было бы хорошо, - сказал он, - здесь, за круглым столом, ознакомиться с мыслями русских относительно границ Польши. Мне кажется, что тогда Иден или я могли бы их изложить полякам. Мы полагаем, что Польшу следует удовлетворить, несомненно, за счет Германии. Мы были бы готовы сказать полякам, что это хороший план и что лучшего плана они не могут ожидать. После этого мы могли бы поставить вопрос о восстановлении отношений. Но я хотел бы подчеркнуть, что мы хотим существования сильной, независимой Польши, дружественной по отношению у России». Сталин, однако, взялся отстаивать законность западной границы СССР, установленной осенью 1939 г.: «Речь идет о том, что украинские земли должны отойти к Украине, а белорусские – к Белоруссии, то есть между нами и Польшей должна существовать граница 1939 года, установленная советской конституцией. Советское правительство стоит на точке зрения этой границы и считает это правильным»².

После этих слов ход обсуждения польского вопроса может быть реконструирован по воспоминаниям Черчилля, так как опубликованная и цитируемая здесь советская запись заседания, по-видимому, не является полной.

Иден назвал советскую границу 1939 г. «линией Риббентропа–Молотова». «Называйте ее, как хотите», - отреагировал Сталин. Молотов же утверждал, что ее «обычно называют линией Керзона». Иден возразил: «Нет, имеются существенные различия». Молотов отрицал их наличие. Тогда Черчилль показал на карте «линию Керзона и линию 1939 года, а также линию, проходящую по Одеру»; а Иден заявил: «...Южная часть линии Керзона никогда точно не была определена». Затем разные группы участников конференции толпились возле карт Черчилля и американской. Иден настаивал на прохождении линии Керзона «восточнее Львова». Сталин отвечал, что на карте Черчилля она «проведена неправильно. Львов должен остаться на русской стороне, и линия должна пройти к западу в направлении Перемышля». Он общал, что «Молотов достанет карту с линией Керзона и описание к ней», и «заявил, что не желает никакого польского населения и что, если где-либо окажется район, населенный поляками, с удовольствием отдаст его».

¹ Там же. С. 164.

² Там же. С. 165.

Вскоре возникшая напряженность стала спадать. «... Германские земли гораздо ценнее Пинских болот, - заметил Черчилль. – Это развитые в промышленном отношении районы, и они сыграют свою роль при создании гораздо лучшего польского государства. Мы хотели бы иметь возможность сказать полякам, что русские правы, что они должны согласиться, что с поляками обходятся справедливо. Если же поляки не согласятся, тогда мы ничего не сможем поделать». При этом ему пришлось добавить, что он говорит «только от имени Англии», так как в США «имеется много поляков, являющихся согражданами президента». Советский лидер был готов к компромиссам. Он «снова повторил, что, если будет доказано, что какой-либо район является польским, он не будет претендовать на него, и тут же заштриховал кое-где на карте районы западнее линии Керзона и южнее Вильно, которые, как он сказал, населены главным образом поляками» (очевидно, район Белостока). Затем группы участников вновь толпились возле карты, изучая «линию, проходящую по Одера». После просмотра Черчилль произнес: «...Мне все это нравится, и я скажу полякам, что, если они не согласятся, то совершат глупость, и напомним им, что, если бы не Красная Армия, они были бы полностью уничтожены. Я скажу полякам, что им дано прекрасное место для существования – территория протяженностью более 300 миль в любой конец». А Сталин подчеркнул: «...В самом деле это будет большое промышленное государство». «И дружественное по отношению к России», - многообещающе уточнил Черчилль. Сталин подтвердил, «что Россия желает дружественной Польши». Обращаясь к Идену, Черчилль «несколько подчеркнуто» заявил, что не собирается «расстраиваться из-за передачи части территории Германии Польше или же из-за Львова». Иден, со своей стороны, предложил следующий вариант предварительной договоренности: «...Если маршал Сталин примет за основу линию Керзона и линию Одера, то это может послужить началом». В эту минуту Молотов выложил «русский вариант линии Керзона и текст радиограммы лорда Керзона, в которой перечисляются названия всех пунктов» (по этой версии, Львов остался за Советской страной – граница должна была пройти восточнее Перемышля).

Дискуссия о границах Польши завершалась. Черчилль полушутливо спросил Молотова, станет ли он «возражать против передачи полякам района Оппельна» (юго-восток Силезии). «...Едва ли», - ответил Молотов. Подводя итог, британский премьер заявил: «...Со стороны поляков будет благоразумно принять наш совет. Я не намерен поднимать шум из-за Львова». И обращаясь лично к Сталину, добавил: «...Как мне кажется, между нами нет особых разногласий в принципе»¹. Рузвельт также обозначил свое символическое участие в обсуждении польского вопроса и согласие с новыми договоренностями, спросив: «Возможно ли будет организовать в добровольном порядке переселение поляков с территорий, отошедших к Советскому Союзу?». «Это можно будет сделать»², - ответил Сталин.

Итак, стороны предварительно условились считать будущей советско-польской границей линию Керзона. Советскому Союзу предстояло вернуть Польше территории, находящиеся западнее этой линии и населенные преимущественно поляками. Львов должен был остаться за СССР. А западная граница возрожденного польского государства должна была пройти по Одера с тем, чтобы, по крайней мере, промышленно развитый «район Оппельна» также отошел к Польше.

¹ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 244–245.

² Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 165.

Теперь наступило время поговорить о судьбе страны, развязавшей две мировые войны. На вопрос Сталина: «Какие еще вопросы имеются для обсуждения?» - Рузвельт поднял «вопрос о Германии». Сталин поинтересовался «соображениями» коллег «по этому поводу»¹. Президент был короток: «Расчленение Германии». Черчилль был того же мнения. Он также предложил «обдумать вопрос относительно расчленения Пруссии» и высказался «за отделение Баварии и других провинций от Германии». Тогда Рузвельт, «чтобы стимулировать нашу дискуссию», пожелал «изложить» подготовленный им самим «два месяца тому назад план расчленения Германии на пять государств». Черчилль перебил президента, дабы «подчеркнуть, что корень зла Германии – Пруссия». Но президент взялся сначала показать «картину в целом», чтобы затем поговорить «об отдельных компонентах», и начал излагать свой план: «...Пруссия должна быть возможно ослаблена и уменьшена в своих размерах. Пруссия должна составлять первую самостоятельную часть Германии. Во вторую часть Германии должны быть включены Ганновер и северо-западные районы Германии. Третья часть – Саксония и район Лейпцига. Четвертая часть – Гессенская провинция, Дармштадт, Кассель и районы, расположенные к югу от Рейна, а также старые города Вестфалии. Пятая часть – Бавария, Баден, Вюртемберг. Каждая из этих пяти частей будет представлять собою независимое государство. Кроме того, из состава Германии должны быть выделены районы Кильского канала и Гамбурга. Этими районами должны будут управлять Объединенные Нации или четыре державы. Рурская и Саарская области должны быть поставлены под контроль либо Объединенных Наций, либо попечителей всей Европы». Рузвельт подчеркнул, что его «предложение (...) является лишь пробным»². Таким образом, речь шла о разделении Германии на пять государств и о переходе под международный контроль ее некоторых стратегически важных территорий.

У Черчилля, правда, имелся свой план. Поэтому свое выступление по германскому вопросу он начал с критики президентских соображений. «Вы изложили "полный рот" всего», - начал британский премьер³. После этих слов он перешел к собственному замыслу: «Я считаю, что существуют два вопроса: один – разрушительный, а другой – конструктивный. У меня две мысли: первая – это изоляция Пруссии от остальной Германии; вторая – это отделение южных провинций Германии – Баварии, Бадена, Вюртемберга, Палатината⁴ от Саара до Саксонии включительно. Я держал бы Пруссию в жестких условиях. Я считаю, что южные провинции легко оторвать от Пруссии и включить их в дунайскую конфедерацию. Люди, живущие в Дунайском бассейне, не являются причиной войны. Во всяком случае, с пруссаками я поступил бы гораздо более сурово, чем с остальными немцами. Южные немцы не начнут новой войны»⁵. После последней фразы Черчилль, согласно собственным мемуарам, добавил: «...А мы должны будем сделать так, чтобы им имело смысл забыть Пруссию.

¹ Там же.

В мемуарах Черчилль уверяет, что Сталин тотчас заявил о желании «видеть Германию расчлененной» и даже предположил, что британский премьер станет «возражать» (Черчилль У. Указ. соч. Кн.3. Т. 5. С. 248). Советская запись это не подтверждает.

² Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 165–166.

³ Там же. С. 166; другой перевод выражения «полный рот» – «наговорил уйму» (Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 249).

⁴ Палатинат – Пфальц.

⁵ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 166.

Мне довольно безразлично, будет ли это одна или две группы»¹. Итак, по замыслу британского премьера, на месте прежней Германии должны были возникнуть: 1) ослабленная и зависимая Пруссия; 2) земли Северо-Западной Германии, и 3) земли Южной Германии, включенной в состав «дунайской конфедерации». Черчилль спросил Сталина, согласен ли тот поддержать его².

Любопытно, что в своих мемуарах Черчилль признался в стремлении воссоздать, в форме и под видом «дунайской конфедерации», Австро-Венгрию: «Мы все сильно боялись мощи единой Германии. Пруссия имеет собственную большую историю. Я полагал, что можно будет заключить с ней суровый, но почетный мир и в то же время воссоздать в современных формах нечто вроде Австро-Венгерской империи, о которой, как говорят, Бисмарк сказал: "Если бы она не существовала, ее пришлось бы выдумать"»³. В этой лоскутной империи, возрожденной под патронажем Лондона, он видел прообраз будущей «объединенной Европы»⁴.

Однако советский лидер торпедировал замысел создания «объединенной Европы». Он отверг дифференцированный подход Черчилля к немцам, равно как и идею создания «дунайской конфедерации», но был готов обсуждать предложения Рузвельта. Сталин сказал: «Мне не нравится план новых объединений государств. Если будет решено разделить Германию, то не надо создавать новых объединений. Будь то пять или шесть государств и два района, на которые Рузвельт предлагает расчленить Германию, этот план Рузвельта об ослаблении Германии может быть рассмотрен. Черчиллю скоро придется иметь дело с большими массами немцев, как и нам. Черчилль увидит тогда, что в германской армии сражаются не только пруссаки, но и немцы из остальных провинций Германии. Лишь австрийцы, сдаваясь в плен, кричат: я австриец, - и наши солдаты их принимают. Что касается немцев из отдельных провинций Германии, то они дерутся с одинаковым ожесточением. Как бы мы ни подходили к вопросу о расчленении Германии, не нужно создавать нежизнеспособного объединения дунайских государств. Венгрия и Австрия должны существовать отдельно друг от друга. Австрия существовала как самостоятельное государство до тех пор, пока она не была затронута»⁵. В своих мемуарах Черчилль утверждает, что Сталин также призвал союзников быть готовыми к пресечению «рядом экономических мероприятий и (...), если понадобится, силой» попыток объединения Германии: «Нет никаких способов не допустить движения к воссоединению. Немцы всегда будут стремиться воссоединиться и взять реванш. Мы должны быть достаточно сильными, чтобы разбить их, если они когда-либо развяжут новую войну»⁶. В советской записи этого нет.

¹ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 249.

² Там же.

³ Там же. С. 252.

⁴ Там же.

⁵ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 166.

А.А. Громько в своих воспоминаниях так воспроизводит «меткое замечание» Сталина: «На поле брани пруссаки и солдаты других частей Германии – баварцы, саксонцы и прочие – дерутся с одинаковым остервенением. По-моему, решение германской проблемы надо искать не на путях уничтожения германского государства, ибо невозможно уничтожить Германию, как невозможно уничтожить Россию, а на путях ее демилитаризации и демократизации, с непрременной ликвидацией фашизма, вермахта и передачей преступных руководителей Третьего рейха под суд народов» (Громько А.А. Указ. соч. Кн. I. С. 240–241).

Таким образом, согласно советской версии, уже в Тегеране СССР отверг идею расчленения Германии и выступил за ее будущую демократизацию.

⁶ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 249.

Рузвельт большей частью разделял мнение советского лидера и был близок к Черчиллю лишь своими представлениями о наиболее злойроде роли Пруссии: «Я согласен с маршалом Сталиным, в частности, в том, что между немцами, происходящими из различных германских провинций, не существует разницы. 50 лет тому назад эта разница существовала, но сейчас все немецкие солдаты одинаковы. Правда, это не относится к прусскому офицерству»¹.

Черчилль, критика соображений которого сплотила Сталина и Рузвельта, начал оправдываться и доказывать, что противиться воссозданию единой Германии могут лишь образования конфедеративного характера, а не ее отдельно взятые части: «Я не хочу, чтобы меня истолковывали так, как будто бы я не за расчленение Германии. Но я хотел бы сказать, что если раздробить Германию на несколько частей и не создать комбинации из этих частей, тогда, как это говорил маршал Сталин, наступит время, когда немцы объединятся». Советский лидер, однако, возразил: «Нет никаких мер, которые могли бы исключить возможность объединения Германии». Черчилль недоуменно спросил: «Маршал Сталин предпочитает раздробленную Европу?». Согласно версии ответа Сталина, приведенной в советской записи заседания, вождь, возражая британскому премьеру, отнюдь не позиционировал себя в качестве сторонника расчленения Германии. «Причем здесь Европа? – не менее недоуменно спросил Сталин. – Я не знаю, нужно ли создавать четыре, пять или шесть самостоятельных германских государств. Этот вопрос нужно обсудить. Но для меня ясно, что не нужно создавать новые объединения»². Но по версии, приведенной Черчиллем в мемуарах, Сталин, пояснив, что ведет речь «о Германии, а не о Европе», высказался за расчленение Германии: «Польша и Франция – большие государства. Румыния и Болгария – малые государства. Но Германия должна быть раздроблена любой ценой так, чтобы она не могла воссоединиться»³.

Рузвельт, по советской версии, предлагал «создать для изучения вопроса о Германии специальный комитет или (...) передать его в лондонскую комиссию»⁴. Но, согласно мемуарам Черчилля, «президент сказал, что его предложение предусматривает метод осуществления этого»⁵ (расчленения Германии). Сталин соглашался «передать этот вопрос в лондонскую комиссию, в которой имеются представители трех наших государств»⁶.

Черчилль рассказывал, что закончил обсуждение германского вопроса на конференции важным уточнением: «...Все это – лишь предварительный обзор колоссальной исторической проблемы». Сталин был с ним в этом согласен: «Да, несомненно, весьма предварительный обзор ее»⁷.

¹ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 166.

² Там же. С. 167.

³ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 249.

⁴ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 167.

«Лондонская комиссия» – Европейская консультативная комиссия (ЕКК). Создана по решению Московской конференции министров иностранных дел трех держав в октябре 1943 г. Находилась в Лондоне и состояла из представителей СССР, США и Великобритании. Имела задачу «изучать европейские вопросы, связанные с окончанием военных действий, которые три правительства признают целесообразным ей передать, и давать трем правительствам по ним объединенные советы». С конца 1944 г. в состав ЕКК входил французский представитель. Распущена в августе 1945 г.

⁵ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 249–250.

⁶ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 167.

⁷ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 250.

Под занавес конференции Черчилль захотел «снова вернуться к польскому вопросу», отметив, что тот ему «кажется более срочным, ибо поляки могут наделать много шума. Он внес на рассмотрение конференции «свое предложение по польскому вопросу», которое, правда, считал сугубо предварительным и даже черновым. «При этом, - заметил Черчилль, - я не прошу соглашаться с ним в том виде, как оно мною составлено, так как я сам еще не принял окончательного решения». Но после некоторых колебаний он, в конце концов, зачитал свой текст, который гласил: «В принципе было принято, что очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Опельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах»¹. Таким образом, Черчилль желал закрепить договоренности по польскому вопросу в особой декларации, которая, наряду с уже согласованными аспектами, предполагала бы присоединение всей Восточной Пруссии к Польше.

Сталин использовал этот неожиданный поворот в дискуссии, вкуче с недавними призывами Черчилля наделить СССР «незамерзающими портами», для постановки вопроса о включении в состав СССР северной части Восточной Пруссии с портами Кенигсберг и Мемель. «Русские, - сказал он, - не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более, что исторически – это исконно славянские земли. Если англичане согласны на передачу нам указанной территории, то мы будем согласны с формулой, предложенной Черчиллем»².

Британская сторона была застигнута врасплох. В свою очередь, Сталин изобразил «возможную линию на карте». Посмотрев на нее, Черчилль пришел к мысли, что «Россия оказалась бы как бы у самого затылка Германии»³. «Это очень интересное предложение, которое я обязательно изучу»⁴, - только и смог поначалу ответить он Сталину. Правда, немного придя в себя, Черчилль не устоял перед искушением затеять небольшой торг и задал советскому лидеру вопрос, «как со Львовом». Сталин дал на это свой дипломатичный, но непреклонный ответ – он обещал согласиться «на линию Керзона»⁵ (т.е. на ее советскую версию, оставлявшую Львов за Советским Союзом). «Было в принципе согласовано и то, что Кенигсберг с прилегающей к нему территорией будет передан СССР», - уточнял в своих мемуарах А.А. Громыко⁶.

Конференция закончилась. Будущее показало, что во многом справедливой является оценка Тегеранской конференции как «главнейшей из всех последующих», ибо «там практически были определены роль и значение каждого из воюющих государств, и там уже примерно каждый знал, на что он может рассчитывать в дальней-

По версии А.А. Громыко, вожь высказался за то, чтобы поручить дальнейшую проработку путей решения германского вопроса дипломатам союзных держав: «Сталин далее предложил простую вещь: – Поскольку вопрос требует раздумывания, доработки, то пусть соответствующие представители трех держав этим и займутся.

Участники конференции на том и согласились. Это был успех советского руководителя» (Громыко А.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 241).

¹ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 167.

² Там же.

³ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 250.

⁴ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 167.

⁵ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 250.

⁶ Громыко А.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 243.

шем в распределении зон влияния в Европе». В Тегеране был уже очевиден серьезный просчет западных союзников «в распределении этих зон», означавший для них «значительный урон». А.Е. Голованов отмечал: «Не зря Сталин ушел на этой конференции от конкретного обсуждения ряда вопросов послевоенного устройства»¹. По-видимому, вождь советского народа вполне осознанно отдавал предпочтение решению подобных вопросов силой. Ведь оппонентам-союзникам будет значительно труднее опаривать те позиции, которые уже завоеваны Советской страной.

Между тем, завершив дебаты, главы правительств приступили к подписанию документов.

Были подписаны «Военные решения Тегеранской конференции». Главным из них, цементирующим антигитлеровскую коалицию как «боевой союз» трех великих держав, было решение начать на севере Франции операцию «Оверлорд» «в течение мая 1944 г., вместе с операцией против Южной Франции». Особо оговаривалось, что «эта последняя операция будет предпринята в масштабе, в каком это позволят наличные десантные средства». Было также принято «к сведению заявление маршала Сталина, что советские войска предпримут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с восточного на западный фронт»². «Военные решения...» носили секретный характер.

По поводу «Оверлорда» Черчилль уточнял, что операция должна была начаться, «естественно, с учетом приливов и фаз луны»³. Это была его последняя оговорка на этот счет. В итоге, «Оверлорд» был начат 6 июня 1944 г. ... В свою очередь, американский военный министр Г. Стимсон в декабре 1943 г. так комментировал решение Тегеранской конференции о проведении операции «Оверлорд»: «Чем больше я изучаю записи конференции и размышляю об этом, тем яснее становится, что Иосиф Сталин спас положение с Оверлордом и всем тем, за что выступало американское командование»⁴.

Совместное коммюнике, в итоге, получило гордое наименование «Декларации трех держав». Выражалась «решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время». Военная часть, выработанная представителями генералитета и согласованная с главами правительств, объявляла о «полном соглашении» по вопросу о совместных действиях «с востока, запада и юга» по «уничтожению германских вооруженных сил». Лидеры трех держав, достигшие «взаимопонимания», демонстрировали уверенность в гарантированной «победе». В разделе о «мирном времени» человечеству был обещан «прочный мир». Главы правительств признали «высокую ответственность, лежащую на нас и на всех Объединенных Нациях, за осуществление такого мира, который получит одобрение подавляющей массы народов земного шара и который устранит бедствия и ужасы войны на многие поколения». Они обещали «стремиться к сотрудничеству и активному участию всех стран, больших и малых», в деле «устранения тирании, рабства, угнетения и нетерпимости». Приветствовалось «вступление» этих государств и народов «в мировую семью демократических стран, когда они пожелают это сделать».

¹ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... С. 385.

² Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 173.

³ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 251.

⁴ Цит. по: Магадеев И.Э. Дипломатия Советского Союза на Тегеранской конференции (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) // Великая Победа: в 15 т. / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова; Мос. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. Т. 13. Военная дипломатия. М., 2015. С. 306.

Вражеским силам был обещан полный разгром: «Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим».

После своих «дружественных совещаний» Рузвельт, Сталин и Черчилль «уверенно» ждали «того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и своей совестью». Декларация заканчивалась словами: «Мы прибыли сюда с надеждой и решимостью. Мы уезжаем отсюда действительными друзьями по духу и цели»¹.

Итак, лидеры союзных держав назвали друг друга «действительными друзьями» и объявили о создании «мировой семьи демократических стран», а также признали за странами и народами мира полное право руководствоваться «своими различными стремлениями и своей совестью». Западная буржуазно-демократическая и советская социалистическая системы признавали друг друга и иные формы демократического устройства равноправными и равноценными союзниками, способными не только к мирному сосуществованию, но и к совместной борьбе против «тирании, рабства, угнетения и нетерпимости».

Покидая Тегеран, Сталин с удовлетворением отметил в узком кругу: «Как ни дрался, как ни старался Черчилль обвести нас вокруг пальца, а все-таки пришлось сдаться! Однако противник он достойный!»². Речь, разумеется, шла о предстоящем открытии союзниками «второго фронта» на севере Франции, что должно было заставить англо-американцев воевать с Гитлером по-настоящему, принять на себя часть военных тягот и тем самым облегчить положение СССР.

Из итогов Тегеранской конференции Черчилль особо выделял «величайшее значение» сталинского «обещания»: «вступить в войну против Японии тотчас после свержения Гитлера и разгрома его армий»³. Для Советского Союза главным было решение об открытии в Европе реального, настоящего «второго фронта» в виде операции «Оверлорд» на севере Франции и одновременной высадке на юге этой страны в мае 1944 г. Были определены примерные условия мира с Финляндией, предполагавшие передачу Советскому Союзу района Петсамо (Печенги) в обмен на отказ от аренды полуострова Ханко. Намечались принципиальные решения по польскому вопросу. СССР отказывался от признания польского эмигрантского правительства в Лондоне и развязывал себе руки в вопросе о политическом будущем Польши, территория которой должна была расширяться за счет промышленно развитых восточногерманских земель. «Наша страна не могла допустить, - вспоминал А.А. Громько, - чтобы послевоенная Польша осталась политической игрушкой в руках империалистических кругов Запада, превратилась в удобный плацдарм для антисоветских авантур. Сталин со всей определенностью дал понять это Рузвельту и Черчиллю. Оба руководителя союзных держав почувствовали логику советской позиции»⁴.

Советские представители отстаивали линию Керзона в качестве примерной советско-польской границы при сохранении Львова за СССР. В ответ на британские планы

¹ Советский Союз на международных конференциях. Т. II. С. 174–175.

² Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... С. 386.

Со слов Голованова, писатель Ф.И. Чуев так передавал суждение Сталина о Черчилле: «Враг номер один, но более умного человека из всех, кого я знал, не встречал» (Чуев Ф.И. Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 248).

³ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 251.

⁴ Громько А.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 243.

передать Польше всю Восточную Пруссию Сталин объявил о намерении присоединить к СССР северную часть Восточной Пруссии с портами Кенигсберг и Мемель. Отказать Москве в осуществлении этого намерения не было под силу уже никому. Наконец, был дан старт обсуждению вопроса о послевоенной судьбе Германии.

Тегеранская конференция была ознаменована беспрецедентным советско-американским сближением. Рузвельт остановился в здании советского посольства, оба лидера активно использовали возможности неформального общения. Их взаимные симпатии не были случайностью. В их характере, манерах и даже во «взглядах» было много общего. «По манере ведения дискуссии, - рассказывал А.А. Громыко, - Рузвельт скорее приближался к Сталину. У последнего слова никогда не обгоняли мысль, чего нельзя сказать о Черчилле, который подчас не мог сладить с эмоциями, давал волю чувствам»¹. В Тегеране две волевые, ироничные и при этом очень сдержанные натуры сильно потеснили и отодвинули на второй план импульсивного Черчилля с его дряхлеющей колониальной империей.

Принимая советского посла Громыко в начале 1944 г., президент сказал: «У меня сложились хорошие отношения со Сталиным». Примечательно, что рузвельтовская трактовка хода конференции включала в себя критику британской стороны за ее неповоротливость, тем самым подразумевая общность стремлений двух других сторон к соглашению между союзными державами по всем ключевым вопросам. «Для достижения согласия на конференции приходилось нажимать на Черчилля, который поворачивался в Тегеране довольно медленно, - без обиняков заметил президент, - но все-таки повернулся в сторону поиска договоренностей. И мы их нашли». Говоря об этом, он приятно, по-рузвельтовски улыбался. Президент, по словам Громыко, «давал ясно понять, что английский премьер – трудный партнер, доставляющий немало хлопот и ему самому»². Он фактически намекал на то, что формула «2+1», где числом «2» обозначался англо-американский тандем, к которому прилагался одинокий «советский союзник», может получить совсем иное значение, оставив в одиночестве уже не советскую, а британскую сторону, и в обозримой перспективе – вовсе превратиться в «1+1», если Лондон окажется чересчур неповоротливым.

Конвергенционистские настроения Рузвельта передались официальной американской пропаганде. В «Брошюре о России» (“Russia Booklet”) – методичке, выпущенной примерно тогда же для личного состава армии США, так оценивался советский период русской истории: «Ленин и Сталин спасли молодое советское государство и постепенно создали условия для политического, экономического и военного развития сегодняшней России». Главным успехом и «оправданием» советских пятилеток, по мнению военного ведомства США, «стало то, что СССР в итоге заполучил средства самообороны, обеспечившие поражение гитлеризма»³.

Вместе с тем, у Москвы не было иллюзий насчет дальнейших планов западных союзников. Сталин видел явное «их стремление подчинить возможно большие зоны земной поверхности своему влиянию, и в первую очередь, конечно, колонии. Самым интересным было то, что оба союзника обнаружили очевидное желание поживиться один за счет другого»⁴. Не заблуждался вождь и относительно рузвельтовской идеи советизации Индии, понимая, что речь идет лишь о неких политических формах, с

¹ Там же. С. 120, 127.

² Там же. С. 246.

³ Цит. по: Печатнов В.О. От союза – к холодной войне: советско-американские отношения в 1945–1947 гг.: монография. М., 2006. С. 20 (комм.).

⁴ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... С. 388.

помощью которых американцы намерены заменить британское колониальное господство своей неоколониальной (экономической и др.) экспансией. Так, Сталин отмечал, что «Рузвельт проявлял большой интерес к Индии в смысле предоставления ей самостоятельности с тем, чтобы, попросту говоря, покончить там с колониальным режимом Англии и втянуть в эту страну капиталы США. Для народов же Индии такие с виду демократические мероприятия меняли лишь хозяина, а суть порабощения оставалась прежней...»¹. «Рузвельт был империалист, причем такой, который любого схватит за глотку»², - так, десятилетия спустя, отзывался о нем Молотов. Впрочем, позиция Сталина в этом отношении выглядела более взвешенной.

Черчилль был гораздо меньше подвержен влиянию идей конвергенции. Еще в 1918 г. он заявил о намерении «удушить» Советскую власть и впоследствии нередко вспоминал об этом. Однако во время тегеранского застолья с участием двух других глав правительств британский премьер был весь в слезах, когда говорил: «Я встаю утром и молюсь, чтобы Сталин был жив, здоров. Только Сталин может спасти мир!». Слышавший эти слова Молотов недоумевал: «...То ли великий актер был, то ли искренне говорил». Помня о том, что «англичане при наших миллионах жертв потеряли всего немногим более 200 тысяч», он резюмировал: «И вот такой человек был и нашим ненавистником, и сознавал, и старался использовать. Но и мы его использовали.

Заставили в одной упряжке бежать (...)

Трудная история, (...) но одно то, что Сталин заставил капиталистов Рузвельта и Черчилля воевать против Гитлера, о многом говорит»³.

И это – еще одна из важнейших советских побед в Тегеране.

По свежим следам Тегеранской конференции – через 4–5 дней после ее завершения – вождь советского народа, помня недавние бурные дискуссии по финляндскому вопросу, поставил перед Авиацией дальнего действия задачу своими «силами», без «наземных операций», вынудить Финляндию «выйти из войны»⁴. Такой замысел явно указывал на намерение закончить войну с Финляндией малой кровью, равно как и на отсутствие у советского руководства планов оккупации и советизации этой страны.

Впрочем, СССР явно не испытывал нужды в завоевании Финляндии, да и не желал лишать независимости народ, дороживший ей превыше всего и готовый воевать за нее. «Финляндию пощадили как! – вспоминал В.М. Молотов. – Умно поступили, что не присоединили к себе. Имели бы рану постоянную (...) Там ведь люди очень упорны, очень упорны»⁵. Впереди нашу страну ожидали более славные победы и достижения. К началу 1944 г. становилось все очевиднее, что фактическая западная граница советской сферы влияния в Европе пройдет примерно по линии Триест–Прага–Штеттин⁶. Иными словами, за Советским Союзом, так или иначе, должна была остаться Восточная Европа.

Все это заставило западных союзников ускорить подготовку вторжения во Францию, без которого советские войска в недалеком будущем могли дойти и до Ла-Манша. Такой рывок стоил бы немалых потерь, но уже был в принципе возможен. В мемуарах маршал Г.К. Жуков передает слова, сказанные Сталиным по возвращении из Тегерана: «Рузвельт дал твердое слово открыть широкие действия во Франции в

¹ Там же.

² Чув Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. С. 94.

³ Там же. С. 86, 87.

⁴ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... С. 388–389.

⁵ Чув Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. С. 21.

⁶ См. об этом: Печатнов В.О. От союза – к холодной войне. С. 11–12.

1944 году. Думаю, что он слово сдержит. Ну, а если не сдержит, у нас хватит и своих сил добить гитлеровскую Германию»¹. Президент все это прекрасно понимал. Говоря о крахе летнего наступления вермахта на советско-германском фронте и об успехах Красной Армии, он воскликнул: «Если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится!»².

Отказавшись в 1941–1942 гг. признать советские границы 1941 г. и по-прежнему не признавая де-юре вхождение Прибалтики в состав СССР, англо-американцы побуждали Москву «решать силой» спорные политические вопросы. Такая практика, в случае промедления западных союзников с высадкой во Франции, могла привести к фактическому переходу под советский контроль почти всей Европы. Поэтому англо-американцам пришлось поторапливаться – их «легкая война» в Европе заканчивалась. За свои интересы в ее западной части им предстояло проливать кровь, облегчая тем самым положение советских войск и приближая общую победу союзных держав в Мировой войне. Одновременно в полной мере становился реальностью «боевой союз» трех великих стран, крепло их боевое содружество.

Тегеранские договоренности лидеров «боевого союза» предрешили победоносный исход войны. Союзные державы – СССР, США и Великобритания были необходимы друг другу и на поле брани, и в деле послевоенного устройства мира. С трудом оправляясь от пневмонии, подхваченной после Тегерана, Черчилль в письме к дочери Саре мрачно, но жизнеутверждающе пошутил: «Не волнуйся, если я умру. Война выиграна»³.

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1971. С. 498.

² Рузвельт Э. Его глазами: Пер. с англ. М., 1947. С. 161.

³ Цит. по: Переписка. Т. 1. С. 635 (комм.).

ЛИНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗЛОМА И ВСТУПЛЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ В ЭПОХУ ЛОКАЛЬНЫХ ГИБРИДНЫХ ВОЙН¹

Современные войны 6-го поколения, основанные на качественно новых тактиках, включают в себя также старые методы, проверенные веками. Среди них – древнеримский принцип «разделяй и властвуй». Это – одна из самых действенных технологий установления господства, направленная на разрушение государств изнутри. Геополитика внутреннего пространства страны является фронтом гибридных войн и цветных революций конца XX – начала XXI в.²

В ходе локальных войн современности политэтнические, многоконфессиональные державы разламывались именно по цивилизационным, национальным и религиозным контурам. В научной литературе этому уделяется особое внимание. Известный философ и конфликтолог С. Хантингтон писал, что после окончания «холодной войны» линии будущих фронтов будут проходить по линиям этнического и религиозного разлома между цивилизациями, что будет провоцировать войны между государствами, неправительственными группировками и др. И очень часто эти войны будут иметь целью установление контроля не только над территорией, но и над народом, что подразумевает «этнические чистки», освобождение территории от одного народа для другого. Это – затяжные войны³. Как отмечает Д. Тернин, сегодня на смену классической военной агрессии пришли новые вызовы – конфликты на этнической и религиозной почве⁴. Возникая на этноконфессиональной основе, они переходят в более глубокую область – цивилизационную, область культурных кодов и смыслов. Как отмечал А.А. Бартош, в отличие от идеологического противостояния «холодной войны» основным фактором трансформации современных локальных конфликтов является их переход в область конфронтации цивилизаций и смыслов их существования⁵.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00621А: «История участия Российской Федерации в локальных гибридных войнах в 1991–2008 годах: генезис, геостратегия, результаты».

² Об отражении проблематики гибридных войн в отечественной историографии – см.: Панарин И.Н. Гибридная война. Теория и практика. М., 2019; Чураков Д.О. Новейшая историография противодействия современным локальным гибридным войнам со стороны России // Преподаватель XXI век. 2017. № 2. Ч. 2. С. 277–286.; Чураков Д.О. Локальные конфликты Российской Федерации и дискуссии о значении понятия «гибридная война» // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: Сборник научных трудов. Вып. IX. М., 2018. С. 107–114; Чураков Д.О. Малые войны и локальные конфликты: проблемы научного дискурса // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 4. С. 134–146. Проблематика гибридных войн и цветных революций нашла отражение в работах: Что надо знать о «цветных революциях». Учебное пособие / Под общ. ред. А.Б. Ананченко; 2-е изд., испр. и доп. М., 2018; Чураков Д.О. Учебник истории и «войны памяти» на постсоветском пространстве // Преподаватель XXI век. 2013. № 3. Ч. 1. С. 21–27.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М., 2003. С. 407–409.

⁴ Тернин Д. Введение // Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тернина, Е. Степановой. М., 1999. С. 17.

⁵ Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны // Военная мысль. Военно-теоретический журнал. 2018. № 10. С. 5–20.

С 1980-х гг., с началом крушения биполярного миропорядка, США, расчищая путь к глобальному господству, стали применять принцип «разделяй и властвуй» к своим бывшим противникам: сначала – к СССР и Югославии, а затем – к России и Сербии или, точнее, к русским и сербам.

Этно-исторический элемент – народ, являющийся основным элементом цивилизаций, часто недооценивается в историографии, но именно на нем держится фундаментальная целостность полиэтнических государств. Народ, его культурно-ассимиляционная сила – важнейший фактор геополитики внутреннего пространства страны, нацеленной на обеспечение государственной целостности и суверенитета.

Русские, а вслед за ними и сербы с их наднациональным мышлением смогли объединить в рамках значимых геополитических пространств различные народы, защитить их и свои государства от внешних угроз, жертвуя иногда своими интересами.

Роль таких государствообразующих народов, носителей объединяющей державной идеи понимали, например, идеологи Третьего рейха, стремясь разжечь неприязнь народов СССР к русскому народу своей политикой и пропагандой на оккупированных территориях. Это понимали и американские геополитики, спонсируя русофобские организации и движения на территории СССР и в постсоветской России.

Полиэтничная и многонациональная, многоконфессиональная Югославия – сестра-близнец СССР или, как верно заметила исследовательница М.Ю. Мартынова, Югославия и СССР – «параллельные миры» с типологически общими проблемами¹. То же можно сказать о Сербии и России, о национально-религиозных очагах конфликтов – проблемах Косово и Чечни. Целостность Югославии, как в СССР – на русских, держалось на сплывающем народы государствообразующем звене – сербах. Именно сербский народ возглавил движение Сопротивления немецким захватчикам в годы Второй мировой войны и, объединяя другие народы в освободительной борьбе, отстоял независимость Югославии. Но после Второй мировой войны в Югославии сербский народ, его историко-политическая роль, вклад в Победу не были должным образом учтены так, как это было сделано в СССР по отношению к «старшему и могучему брату в семье советских народов». Сербы были рассредоточены по союзным республикам Югославии, треть из них оказалась вне Сербии. Насаждался принцип «слабая Сербия – сильная Югославия». Глава государства – хорват Иосип Броз Тито, движимый идеей создания, по сути, Панбалканского союза, хотел, чтобы социалистическая Албания вошла в состав югославского государства. Поэтому сербским Косово и Метохией была дана автономия, туда шла широкая миграция албанского населения – в т.ч. из Албании. Создавались также искусственные препоны для возвращения в Косово сербского населения, бежавшего от нацистов в годы Второй мировой войны. Своей национальной политикой Тито способствовал росту антисербских настроений, подогревая их уступками албанскому населению и ущемляя при этом права сербов (например, в 1974 г. албанский язык обрел статус официального в Косове, хотя еще в 1968 г. там проходили массовые выступления албанцев против сербов, сопровождавшиеся погромами и уничтожением имущества сербов.

В 1960-е гг. в католической республике Хорватии началась националистическая сербофобская пропаганда. В местных СМИ еще тогда заявлялось об экономической эксплуатации Югославией развитой Хорватии². Начались массовые демонстрации

¹ Мартынова М.Ю. Балканский кризис: народы и политика. М., 1998. С. 358.

² Руднева И.В. Хорватское национальное движение: конец 1960 – начало 1970-х гг. М.; СПб., 2014. С.183.

под лозунгами создания национального государства, националистические принципы практиковались в школе, что дискриминировало сербское население.

Антисербская пропаганда имела в Хорватии благодатную почву. В годы Второй мировой войны там (напомним, что Босния и Герцеговина были включены Гитлером в состав «независимого государства Хорватия») фашистский режим усташей устроил геноцид сербов. Хорватское католическое духовенство поощряло уничтожение православных сербских священников, монастырей и церквей. Однако политика Тито была направлена на то, чтобы во имя идеи братства и «югославянства» вычеркнуть из памяти народов и пособничество Хорватии Третьему рейху, и геноцид сербов, и концлагеря, в которых истреблялись сербы и евреи. Такой подход, разумеется, не мог укрепить осознание хорватами ценности единства страны и внушить им чувства огромной вины и долга перед сербским народом. И вот уже во время «хорватской весны» 1971 г. стали распространять специальные списки сербов и проюгославски, просербски ориентированных хорватов, которые должны были быть уничтожены в случае победы организаторов переворота¹. В 1990 г. хорватское движение стало еще более радикальным благодаря тому, что его возглавил такой «политический тяжеловес», как Франьо Туджман – хорватский националист, симпатизировавший идеям усташей, несмотря на свое участие в антифашистском движении и бывшее членство в компартии. По данным бывшего агента ЦРУ Р. Бэра, Туджман финансировался ЦРУ². Его взгляды отражены в выпущенной перед выборами книге «Пустоши исторической действительности», где он подверг сомнению факт геноцида сербов в годы Второй мировой войны и заявил, что масштабы жертв Холокоста преувеличены³.

Важно отметить, что и в Косово, и в Хорватии беспорядки устраивали, в основном, молодежные организации, считавшие, что национальный вопрос в стране не решен. Н.Б. Городецкая приводит данные соцопроса, проведенного в СФРЮ в 1971 г. среди молодежи: по мнению респондентов, на третьем месте среди главных проблем югославского общества стоял именно национальный вопрос⁴.

Выход из данной ситуации демонстрировал опыт СССР, где была выстроена наднациональная советская общность, что позже нашло отражение в «брежневской» Конституции 1977 г.⁵ Базовой культурой «новой исторической общности» выступала русская культура; в управленческий аппарат национальных республик, краев и областей обязательно входили русские кадры. При этом уважалось и национальное разнообразие народов СССР, их традиции и обычаи. Сложно согласиться с Н.Б. Городецкой в том, что формула югославского интегрального универсализма должна была быть основана на стирании национальных особенностей народов⁶. Идея «югославизма» во многом опиралась на советский опыт, но, по данным переписи 1985 г., «югославами» себя называли всего 4–5% населения Югославии⁷. Причина, на наш взгляд, в том, что в отличие от СССР, где в 1930-е гг. был обуздан национальный нигилизм в

¹ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001. С. 131, 133.

² Бывший агент ЦРУ Роберт Бэр: Сребреница была поводом для атаки США на сербов. [Электронный ресурс]. URL: <https://info-balkan.ru/byvshij-agent-cru-robert-ber-srebrenica-byla-povodom-dlya-ataki-ssha-na-serbov.html> (дата обращения: 22.01.2021).

³ Рат за опстанак Срба Крајишника. Београд, 2010. С. 43.

⁴ Городецкая Н.Б. «Сербы» или «югославы»: к вопросу о национальном самоопределении в социалистической Югославии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 2(22). С. 65.

⁵ Чураков Д.О. СССР при Брежнев: Правда великой эпохи. М., 2014. С. 271–272; Чураков Д.О. СССР при Брежнев: Вся правда о великой эпохи. М., 2015. С. 254.

⁶ Городецкая Н.Б. Указ. соч. С. 67.

⁷ Статистический справочник Югославии. 1985 год. Београд, 1985. С. 128.

отношении государствообразующего русского народа, преодолены его крайности в плане борьбы против «великорусского шовинизма», в Югославии культура сербского народа не стала основой для новой исторической югославской общности.

В многонациональном руководстве СФРЮ ключевые позиции были не у сербов: глава государства Иосип Броз Тито был хорватом, первый председатель Союзной скупщины СФРЮ Эдвард Кардель – словенцем. Стремясь сохранить статус-кво в составе руководства, Тито устроил кампанию против «великосербского национализма». В итоге, сербские интересы были принижены по сравнению с другими народами, что прослеживается и в Конституции 1974 г., давшей широкие полномочия автономным краям в составе Сербии. Это тормозило работу органов власти республики и фактически подрывало целостность Сербии. Конституция 1974 г. ударила не только по национальному, но и по политико-административному единству страны. По словам К. Никифорова, Конституция 1974 г., по сути, превращала СФРЮ в конфедерацию союзных республик, а автономные края сделала де-факто республиками. Таким образом, Югославия превращалась в «формальное объединение национальных образований»¹. Важно отметить, что спецслужбы, которые, как департаменты, входили в состав МВД, также были разделены между республиками. По мнению О. Валецкого, это предопределило их участие в процессе разрушения Югославии².

На фоне экономического кризиса конца 1980-х гг. вновь вспыхнул сербско-албанский конфликт в Косове – самой отсталой области СФРЮ. Еще в 1981 г. местные албанцы-мусульмане, опираясь на поддержку Албании, выступили за признание Косова республикой или присоединение к Албании³. *Данный локальный конфликт стал своеобразной лабораторией для разработки и применения технологий цветных революций.* Речь шла в т.ч. о создании подпольных оппозиционных прокси-организаций на «ручном управлении» США, аккумулирующих и концентрирующих протестную энергию, основанную на национально-религиозных противоречиях. Так, по замечанию Е.Ю. Гуськовой, разнородные нелегальные организации косоваров (косовских албанцев) объединились в 1982 г. «Движение за албанскую социалистическую республику в Югославии», центральный комитет которой находился за границей. Сепаратистские проалбанские ячейки были созданы и в Югославской народной армии. К 1988 г. их было уже порядка 225 – численностью свыше 1,5 тыс. чел.⁴

В стране начался и стремительный рост национального самосознания сербов. Наиболее полно он отражен в Меморандуме Сербской академии наук и искусств (Меморандум САНИ) 1986 г. Основные идеи этого широко распространенного в СМИ Меморандума были связаны с утверждением великосербской нации в противовес дискредитировавшей себя искусственной идее «югославского» народа. *Таким образом, к концу 1980-х гг. национальная политика СФРЮ потеряла крах, став одной из причин развала Югославии и локальных войн на ее территории в 1990-е гг.*⁵

¹ Никифоров К.В. Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999. С. 13.

² Валецкий О. Война в Косово: готова ли Сербия, вмешается ли Турция // EAD. [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/08/14/voyna-v-kosovo-gotova-li-serbiya-vmshaetsya-li-turciya> (дата обращения: 11.10.2019).

³ Коматина Б. Югословенско-албански односи 1979–1983: Белешке и сећања амбасадора. Београд, 1995. С. 175.

⁴ Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 г. и процесс мирного урегулирования. М., 2013. С. 25.

⁵ Городецкая Н.Б. Указ. соч. С. 74.

К числу просчетов национальной политики руководства СФРЮ можно отнести попустительство культурной ассимиляции, точнее – албанизации Косова. Для распространения сепаратистских идей в Косово и республиках Югославии была благодатная почва, связанная с нерешенным вопросом геополитики внутреннего пространства – неравномерностью развития регионов. Из-за непродуманной политики руководства СФРЮ в стране имелись экономические локомотивы – такие, как Словения и Хорватия, считавшие, что они тянут на себе неразвитые регионы страны, и аутсайдеры вроде Косовского края. Не было обеспечено экономическое выравнивание регионов, так как отказ от него был одним из условий получения кредита МВФ в 1980-е гг.¹ Порочная практика получения кредитов от западных инвестиционных банков сложилась еще при Тито. Таким образом, национально-религиозные проблемы вращивались западными кураторами не только за счет поддержки сепаратизма, но и с помощью непосредственного экономического давления.

После волны антисербских выступлений косовских албанцев в 1980-е гг. и при пассивности властей, по мнению Городецкой, сербское общество окончательно отказалось от югославской идеи и стало искать собственную национальную идею, связанную с пониманием, что создание Югославии, в которой ущемляются права сербов, было ошибкой². Таким образом, идея создания суперэтнотна югославов провалилась.

Во многом прочность Югославии держалась на авторитете Йосипа Броз Тито. После его смерти в мае 1980 г. вместо президентской власти было сформировано слабое коллективное руководство, допустившее тяжелый системный кризис в стране.

Тем не менее, у сербского народа появился лидер, который имел свой план действий в сфере межнациональных отношений. Этим лидером был глава компартии Сербии Слободан Милошевич. В 1987 г. он разработал стратегию возвращения сербам прав титульной нации в СФРЮ, а Сербии – статуса первой республики в стране. Предполагалось поселить больше сербов в сепаратистски настроенных республиках – Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине, а также укрепить позиции сербов во властных структурах. Косовскую проблему предполагалось решить радикально, но гуманными методами. Милошевич не пошел по израильскому пути – не стал выселять албанцев из Косова, понимая, к каким последствиям это приведет. Его план подразумевал ликвидацию автономий в составе Сербии и опору на сербское большинство. К октябрю 1988 г. в Воеводине и Косове к власти пришли лояльные Милошевичу лидеры³. Но в действиях сербского лидера было немало противоречий, не способствующих сохранению СФРЮ, а ускоряющих ее разрушение.

Незадолго до начала косовской трагедии сербов, 28 июня 1989 г., С. Милошевич, возглавивший Сербию в мае, выступил на митинге. Он призвал сербов не покидать Косово «во имя ваших предков и ваших потомков» и заявил, что «Югославия не существует без Косова», пообещав всемерную поддержку тем сербам, кто не поддастся давлению и останется жить на своей малой родине⁴. Поверившие ему косовские сербы стали заложниками сербского лидера и его непродуманных действий.

¹ Деньги в обмен на Родину. [Электронный ресурс]. URL: <http://politrussia.com/world/nastupit-li-konet-737/> (дата обращения: 11.10.2019).

² Городецкая Н.Б. Указ. соч. С. 70.

³ Митревска Я., Сельцер Д.Г. Дезинтеграционные процессы в СФРЮ и Социалистическая Республика Македония (1985–1991 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2(106). С. 326.

⁴ Садчиков И.А. Югославские войны. Ч. 1 – гроза на горизонте (1980 – 1990). [Электронный ресурс]. URL: <https://mr-garett.livejournal.com/73078.html> (дата обращения: 11.10.2019).

В 1989 г. Сербия при поддержке Черногории снизила уровень автономии Воеводины и Косова, что некоторыми элитами на Западе было воспринято как их полное упразднение в качестве автономий, как это следует, например, из высказываний президента США Б. Клинтона¹. Проблемы сепаратизма в Косове и Воеводине эта мера не решила, но зато ускорила центробежные тенденции во всей Югославии. Решения по Косову и Воеводине вызвали протесты других республик, переросшие в требования реформировать СФРЮ в целом. Идя на уступки, руководство СФРЮ (отметим, что тогда председателем Правительства СФРЮ был хорват А. Маркович, а председателем Президиума Национального собрания – словенец Я. Дрновшек) разрешило формировать новые политические (в т.ч. национальные) партии. Вскоре к власти в республиках пришли новые лидеры, так же, как и Милошевич, стремившиеся к самоутверждению в «своих» республиках за счет ослабления государственного организма Югославии, а некоторые из них были готовы полностью разрушить большую страну. Усилилась конфедерализация Югославии, начался распад общегославского рынка и социально-экономических отношений между республиками. Все это вело к разрушению единого государства, разобщению народов по линии цивилизационного разлома. Именно по этим трещинам США наносили свои гибридные удары, взрывая СФРЮ по цивилизационному, этноконфессиональному признаку. Даже в моноэтничной Словении, где серьезных национально-религиозных проблем быть не могло, при поддержке католической церкви, Германии, Австрии, Италии и США заговорили о дискриминации словенцев в югославской «сомнительной федерации», где Словении отводилась роль «универсама». По мнению О. Валецкого, война в Словении была нужна ее западным поджигателям для демонстрации югославской (сербской) агрессии против «маленькой» республики с целью информационно-психологического воздействия на «мировое сообщество» и другие народы Югославии. Важную роль в этой пропаганде играли западные СМИ. В немецкой и австрийской прессе муссировалась тема сербских эксплуататоров, приставивших «великосербский нож к горлу словенцев»².

В 1990 г., почти одновременно со Словенией, в Хорватии прошли свои президентские выборы, в результате которых к власти пришел лидер партии ХДС (Хорватское демократическое содружество) Франьо Туджман. Новое хорватское руководство вело антисербскую и антиюгославскую пропаганду, начав с закона о языке, где сербский язык, как язык сербского меньшинства в Хорватии, даже не упоминался. В середине 1990 г. сербохорватский язык и его графическая основа – кириллица были запрещены. Как показывает опыт всех пронацистских и нацистских режимов, вслед за языком у народа стремятся отнять историческую память. Из школьных программ Хорватии были изъяты материалы по сербской истории. Сербское население административными методами принуждали подписывать «документ лояльности» новой власти и ее сербофобской политике; в противном случае люди лишались рабочих мест. Прокатилась волна нападения хорватских радикалов на православных священников. Примером взаимного отчуждения между народами стал прошедший в 1990 г. в Загребе футбольный «Матч ненависти» между сербским и хорватским клубами, который перерос в масштабные столкновения между сербскими и хорватскими болельщиками. После этого события футбольная лига Югославии просуществовала всего один сезон.

Конфликты в Словении и Хорватии можно отнести к цивилизационной линии разлома на западный – католический (словенский и хорватский) и восточный – право-

¹ Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО против Югославии... С. 8.

² Вукович С. Антисербские стереотипы и распад Югославии // Свободная мысль. 2008. № 7. С. 15, 16.

славный (сербский) мира. Западные СМИ рассуждали о том, что «искусственное детище Тито» объединяет чуждые друг другу культурно-цивилизационные сообщества: с одной стороны, это близкие к романо-германскому макросообществу, демократические, католические словенцы и хорваты; а с другой – славянско-византийские, восточно-азиатские сербы¹. Поэтому отделение Хорватии и Словении стало бы для них освобождением и возвращением в лоно родной цивилизации. Война в Боснии и Герцеговине стала продолжением католико-православного цивилизационного конфликта, включив в себя несколько линий разлома: мусульманско-христианскую, албанско-славянскую, албанско-сербскую и мусульманско-православную.

Этноконфессиональные противоречия на Балканах эксплуатировались со времен Третьего рейха, при этом католики и мусульмане противопоставлялись православному сербскому населению. Создавая после войны республику Босния и Герцеговина (БиГ) не по национальному, а по псевдоисторическому (в лучшем случае – географическому) принципу, Тито заложил в этом крае национально-религиозную бомбу замедленного действия, поскольку здесь проживали католики-хорваты (17% населения), православные сербы (32% населения) и мусульманское разнотническое население (44%, в основном – албанцы и принявшие ислам сербы)². Со времен османского ига мусульман Боснии именовали «босняками», «бошняками», «боснийцами», «муслиманами» и др. Сами себя они нередко называли «турками». Османскими властями обособление славян, принявших ислам, проводилось осознанно – с целью создания опоры для своего господства Порты конструировала новый – лояльный ей народ. Во времена СФРЮ босняков называли славянами-мусульманами, что наиболее соответствовало действительности. Название «босняки/бошняки» вновь стало актуальным в 1970-е гг., когда славян-мусульман деградировавший титовский режим признал отдельным от сербов народом. Националисты ухватились за «босняков/бошняков», претендуя на статус титульного народа – особой мусульманской нации в Боснии.

Еще в конце 1960-х гг. Тито взял курс на налаживание контактов со странами Арабского Востока. Культурные связи с арабским миром способствовали его идейному влиянию на боснийскую молодежь, которая сплачивалась вокруг религиозно-националистических сил – например, вокруг партии Демократического действия мусульман Али Исетбеговича. В 1970 г. Исетбегович опубликовал свою «Исламскую декларацию», провозгласив военный джихад за установление нового исламского порядка «от Марокко до Индонезии»³. Свои национально окрашенные партии появились и у хорватского населения БиГ, и у сербского. По данным американских аналитиков из Специальной группы по вопросам терроризма, в 1980-х гг. началась исламизация БиГ. Все больше молодежи отправлялось учиться в исламские учебные заведения Среднего Востока, прежде всего – Ирана⁴. Исламский фундаментализм заполучил плацдарм в Юго-Восточной Европе. В январе 1991 г. ЦРУ начало в Сараево спецоперацию под названием «Истина» с целью посеять у мусульманского населения тревогу и панику, внушив, что группа сербских националистов «Великая Сербия» готовит теракты в столице БиГ для противодействия выходу Боснии из состава Югославии⁵.

¹ Там же. С. 15.

² Никифоров К.В. Указ. соч. С. 14.

³ Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т. 1 / Глав. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. С. 24.

⁴ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса... С. 222.

⁵ Бывший агент ЦРУ Роберт Бэр: Сребреница была поводом для атаки США на сербов...

В ходе войны в БиГ 1992–1995 гг. в западных СМИ шла односторонняя пропаганда, рисовавшая ужасы «зверств» «сербских коммунистических варваров» по отношению к мирным мусульманам и демократически настроенным хорватам Боснии. Побуждая Запад активнее вмешаться в развитие событий, «мусульманское правительство» запретило выезжать из зоны конфликта, в частности из Сараево, женщинам и детям¹. С другой стороны, муссировалась тема большой войны, избежать которую якобы можно было лишь при вмешательстве НАТО². Объективная информация отсутствовала³. В российских СМИ продолжительное время господствовала та же однозначно прозападная антисербская позиция, высмеивался образ «братства славян», говорилось о спекулятивном отношении Сербии к России на протяжении истории⁴. Сербов глобальные СМИ обвиняли во всем. В частности, для крупномасштабного «гуманитарного вмешательства» НАТО были использованы такие поводы, как «резня в Сребренице» в июле 1995 г. и взрыв на рынке в Маркале.

Американская информационная пропаганда расценивала события в Сребренице как геноцид мусульманского населения. Международный трибунал возложил ответственность за массовые убийства боснийских мусульман на армию Республики Сербской под командованием генерала Р. Младича. Западные СМИ умалчивали о том, что до прихода сербской армии в Сребренице, объявленной «зоной безопасности», происходили массовые убийства сербского населения. Американский социолог Э. Херман называет цифру 2383 гражданских сербов, убитых с 1992 до июля 1995 г. Эти жертвы были причислены западной пропагандой к убитым в результате «резни» боснякам. Кроме того, Херман отмечает, что вторжение сербской армии в Сребреницу спасло 20 тыс. сербских женщин и детей. В результате резни было убито, по его подсчетам, от 500 до 1000 взрослых военных босняков, которые в большинстве случаев погибли в боях, в то время, как Международный трибунал огласил цифру 8 тыс. убитых⁵. Как сообщил бывший агент ЦРУ Бэр, Сребреница была предметом соглашения между правительством США и «мусульманским правительством» Боснии. Он отмечал, что многие из жертв, похороненных как мусульмане, на самом деле были сербами⁶. США нужен был повод ввести в БиГ войска НАТО. В августе 1995 г. на городском рынке Маркале в Сараево снова прогремел взрыв, приведший к десяткам человеческих жертв. «Мировое сообщество» безапелляционно обвинило в причастности к нему сербскую сторону, не предъявив весомых аргументов. По данным российских миротворцев «русбата–2», этот взрыв был организован западными спецслужбами в ходе операции «Циклон–2»⁷. Пропаганда образа жестоких сербов затронула даже детскую аудиторию. Был выпущен игровой авиасимулятор «iF-Raptor», где нужно было уничтожить как можно больше «злых сербов» за «победу в Боснии». Таким образом, жертвы среди сербского населения «мировое сообщество» не беспокоили.

По мусульманско-христианской линии цивилизационного разлома США чертили стратегию гибридной войны и внутри Сербии. Прелюдией к войне в Косове стали

¹ Живкович Н. Интриги Одиссея // Советская Россия. 1996. 17 октября. С. 3.

² Никифоров К.В. Указ. соч. С. 17.

³ Пархоменко С. Балканская война глазами дилетантов // Сегодня. 1994. 13 мая.

⁴ Никифоров К.В. Указ. соч. С. 19.

⁵ «Резня в Сребренице» – огромный политический обман // Око планеты. Новости. Аналитика. Информация. [Электронный ресурс]. URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/163740-reznya-v-srebernice-ogromnyu-politicheskiy-obman.html> (дата обращения: 11.10.2019).

⁶ Бывший агент ЦРУ Роберт Бэр: Сребреница была поводом для атаки США на сербов...

⁷ Кондрашов А. Что было в Сараево // Эхо планеты. 1995. № 38.

массовые выступления албанских националистов с начала 1981 г. В марте этого года правительство Югославии ввело чрезвычайное положение в крае. Но зачистка Косова от неалбанцев продолжилась и даже усилилась. Причины всплеска национализма крылись не только в экономических проблемах этого самого отсталого края СФРЮ. Как отмечает Е.Ю. Гуськова, все послевоенные годы край активно финансировался государством. Однако уровень жизни здесь оставался одним из самых низких, а уровень безработицы – самым высоким по стране. Дело заключалось в том, что госинвестиции в крае коррелировались с опережающим по сравнению с другими регионами СФРЮ естественным приростом населения (по этому показателю край был первым в Европе), тем самым они фактически приобретали характер «демографических». Но сами косовские албанцы считали, что край недофинансируется. Албанский национализм легко проникал во все поры косовского общества – от властных и силовых структур до сферы образования, науки и культуры. В битве за умы, прежде всего молодежи, косовские националисты опирались на поддержку Албании. Подрастающее поколение вовлекалось в проалбанскую систему образования и воспитания, которая была разрешена в крае еще при Тито в 1960-е гг. В косовских школах и вузах преподавали учителя и профессора из Албании. Занятия велись по албанской учебной литературе. При этом югославские программы и образовательные стандарты игнорировались. Когда бюджетное финансирование албаноязычного обучения прекратилось, в крае была создана подпольная система образования, которая охватывала 400 тыс. школьников и 15 тыс. студентов¹. В сентябре 1991 г. косовские албанцы провели референдум о независимости края, а в мае 1992 г. – выборы президента республики Косово под наблюдением самозванных представителей западного сообщества.

Тогда же пропаганда западных СМИ пугала мир «шовинистической» «Велико-сербской империей». Ведущий немецкий журнал «Шпигель» печатал будоражащие воображение европейцев истории о тысячах несчастных албанцев, которых сажают в тюрьмы только за то, что они хотели автономии. Разжигая конфликт, «Шпигель» писал и о Македонии, которую якобы тоже ждет сербская агрессия². Так планомерно фабриковался повод для вторжения НАТО. Шла огульная демонизация сербов и «Сербо-Югославии». Западная пропаганда расчеловечивала сербов в духе нацистской геббельсовской пропаганды. Сербов именовали «учениками Саддама Хуссейна», «потомками Чингисхана», «этнофундаменталистами», «сербо-большевиками», «византийцами» (т.е., в представлении Запада, схизматиками), «азиатами» и т.п.³ В 1997 г. СНБ США начал разработку плана военной комбинированной операции против Югославии. Приоритет был отдан информационно-психологическим операциям – созданию информационного поля, дающего повод для военного вторжения⁴. В странах-членах НАТО шла разнузданная кампания по «промыванию мозгов». Рассказывалось о том, что в Косово жестоко убивают албанских детей, женщин и стариков. Пропаганда была нацелена на эмоции простых людей, которым говорили об отсыятых из космоса огромных захоронениях мирных албанцев. Разгневанные обыватели уже не задумывались, каким образом из космоса можно не только увидеть захоронения, но и определить, кто в них погребен. В общественном сознании утверждалось убеждение в том, что только НАТО может прекратить «ужасный геноцид».

¹ Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО против Югославии... С. 27, 28, 30.

² Aus Furcht vor Groß-Serbien schließen sich die Moslems auf dem Balkan zusammen. Sie suchen Schutz bei der Türkei // Der Spiegel. 1991. № 52. S. 145.

³ Вукович С. Указ. соч. С. 18.

⁴ Свидетельские показания Л.Г. Ивашова // Свободная мысль. 2008. № 7. С. 177.

По окончании войны в Косово прибыли эксперты, которые не нашли замеченных спутником массовых захоронений мирных албанцев, но доказали, что число убитых завышено в сотни раз. В докладе ОБСЕ говорилось, что до начала операции НАТО в Косове не было «этнических чисток» и расправ над мирными албанцами¹. Зато во время войны в Косово глобальные СМИ были переполнены контентом о «гуманитарной катастрофе», обкатанным еще в БиГ; виновниками «преступления против человечности» были, разумеется, объявлены «православные варвары» – сербы.

Таким образом, в рамках американской стратегии Нового мондиалистского миропорядка Югославия стала полигоном для испытания технологий и тактики гибридного воздействия на неугодные западному сообществу «страны-изгой». Эта стратегия предусматривала поэтапное расчленение страны по линиям национально-религиозного разлома с последующим переформатированием базисной нации – сербов и переходом к форсированному демонтажу уже всей славяно-православной цивилизации, ядром которой вот уже многие века является Россия².

Комплекс гибридного воздействия на цивилизационную сферу в ходе югославской войны был направлен на дискредитацию народа-скрепы Югославии – сербов. В культурно-мировоззренческих представлениях Запада сербы были выключены из числа цивилизованных европейских народов и понятий о гуманности. Произошло «расчеловечивание» образа серба и сербского народа. Подобные идеологические схемы применялись еще в Третьем рейхе перед войной против СССР в пропагандистских фильмах про «russische Untermenschen». Поэтому по поводу гибели сербов в войнах на территории Югославии международное общественное мнение молчит, она не вызывает сожаления у европейских и американских обывателей. После выхода в 2008 г. книги бывшего прокурора Гаагского трибунала К. дель Понте, в которой она подробно рассказала о похищении в 1999 г. албанцами 300 сербов, которых буквально разбирали на органы для продажи в страны Европы, Турцию и Израиль, общественного резонанса и соответствующих действий правозащитных и международных организаций не последовало, Международный трибунал по бывшей Югославии даже не начал расследование³.

«Линия цивилизационного разлома» – условное понятие. В современных локальных войнах с использованием гибридных методов воздействия на общественное сознание такую линию можно провести даже внутри одного народа, исповедующего одну религию, и спровоцировать гражданскую войну, которая в итоге разрушит государство. Поэтому трагический опыт СССР и Югославии является важной базой для постановки исследовательских вопросов о формировании контрстратегий технологиям гибридного воздействия в культурно-цивилизационной и других сферах, связанных с безопасностью независимых государств и населяющих их народов.

¹ Робин Кук ввел в заблуждение союзников по НАТО. Лондон в сорок раз завысил число жертв этнических чисток в Косово // Известия. 2.11.1999. С. 4.; Глебова Е. Те, кто поддерживал НАТО, стали жертвами надувательства. Международные представители в Косово недоумевают // Известия. 10.11.1999. С. 5; Юсин М. Неожиданные выводы. До начала мартовской операции в Косово не было массовых чисток и убийств, утверждает ОБСЕ // Известия. 7.12.1999.

² Зюганов Г. Балканский кризис в зеркале российской смуты. [Электронный ресурс]. URL: <http://samzan.ru/185138> (дата обращения: 11.10.2019).

³ Карда дель Понте. Охота. Я и военные преступники / Пер. с итал. Т. Новикова, С. Артемов. М., 2008. С. 176/263–178/263.

КАВКАЗСКИЙ ПРОРЫВ: «ВОЙНА 08.08.08» – ЧТО ДАЛЬШЕ¹

На протяжении всего периода существования Российской Федерации как отдельного государства важное значение для нее имела ситуация на Кавказе. Данный регион превратился в одну из зон нестабильности на важном направлении российской безопасности. Здесь произошло и происходит существенное количество различных локальных конфликтов, в т.ч. принимающих форму современных постклассических, неклассических или, иначе, гибридных войн. Постепенно историки начинают получать доступ к архивным материалам, которые позволят со временем воссоздать обобщающую картину происходивших на Кавказе конфликтов, их причин, характера, эволюции, результатов. Так, некоторые важные события рубежа 1980–1990-х гг. могут быть рассмотрены на материалах фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)². События более позднего времени (до середины 1990-х гг.) – по материалам Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ)³. Однако большинство архивов по данной проблеме все еще не могут быть открыты, поэтому многие вопросы по-прежнему приходится освещать по открытым источникам⁴. Упор на открытые источники создает нехватку информации по одним вопросам и своего рода избыток дезинформации по другим, что заставляет историков тщательнее использовать научную критику и проводить отбор источников. Данная проблема не остудила исследовательский интерес и в историографии за последнюю примерно четверть века вышло большое количество работ, посвященных самым разным аспектам российской политики в данном регионе. Среди работ, посвященных кавказской проблематике постсоветского времени, можно встретить работы по общим вопросам – своего рода геополитические обобщения⁵ и по различным узким темам. Существенное внимание авторы уделяют, например, локальным войнам на Кавказе – как в целом⁶, так и в конкретных районах Кавказа⁷. Особое место среди локальных войн на Кавказе в XXI в. занимает «Пятидневная война» между Грузией и Южной Осетией в августе 2008 г. Это происходит и по той причине, что Российской Федерации пришлось открыто выступить на стороне одной из участниц конфликта, и потому что для российского общества события той войны имели большое символиче-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00621А: «История участия Российской Федерации в локальных гибридных войнах в 1991–2008 годах: генезис, геостратегия, результаты».

² Например, конфликту в Арцахе (РГАСПИ. Ф. 17. Д. 1458 и др.); Абхазии (РГАСПИ. Ф. 17. Д. 1241 и др.), а также в других республиках и городах Северного Кавказа и Закавказья.

³ Например, чеченские события (ГА РФ. Ф. 10100. Оп. 14. Д. 47).

⁴ Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 7.

⁵ Гаджиев К.С. «Большая игра» на Кавказе. Вчера, сегодня, завтра. М., 2012.

⁶ Куликов А.С., Рунов В.А. Все Кавказские войны России. Самая полная энциклопедия. М., 2013.

⁷ Леонтьев М., Жуков Д. «Независимая» Грузия: бандит в тигровой шкуре. М., 2008; Гродненский Н.Н. Неоконченная война. История вооруженного конфликта в Чечне. Минск, 2004; Жирохов М.А. Меч и огонь Карабаха. Хроника неизвестной войны. М., 2012 и др.

ское и практическое значение. Этой войне посвящено также несколько документальных и монографических изданий, в т.ч. обобщающих¹.

Незадолго до грузино-югоосетинской войны произошло еще одно чрезвычайно важное в мировом плане событие. Речь идет о провозглашении 17 февраля 2008 г. независимости Косова от Сербии. Сербия не признала независимость своего автономного края. Москва так же сочла эти действия противоправными. Рассматривать косовский инцидент 2008 г. как изолированный эпизод не имеет смысла, поскольку случившееся можно считать серьезным ударом по российским интересам не только в бывшей Югославии, но и в целом. И хотя Москва, из-за допущенных в прошлом ошибок, проиграла гибридное противостояние на Балканах и ей не удалось предотвратить распад своего союзника, она смогла использовать «косовский прецедент» в других конфликтных ситуациях. Косово–2008 – это важнейший прецедент, важное обоснование действий по обновлению некоторых проблемных трактовок международного права. В результате победа США в косовском вопросе обернулась для них миной замедленного действия.

Первый ответный ход российская сторона сделала на Кавказе. Здесь уже давно обсуждалась насущная потребность в признании Российской Федерацией независимости Южной Осетии и Абхазии. Наконец, в 2008 г. это удалось осуществить, причем в очень непростых для Москвы внешнеполитических условиях.

Стремясь развить свой косовский успех и упредить признание Москвой двух отколовшихся от Грузии государств, США спровоцировали режим М. Саакашвили на военную авантюру против них. В США не учли, что конфликт между грузинами и осетинами имеет очень давнюю историю. В свое время он обострился сразу после того, как союзная государственность при Горбачеве дала первые трещины. Поэтому осетины были полны решимости отстаивать независимость от Грузии любой ценой. Население Южной Осетии, по словам М. Блиева, еще с 1990-х гг. «решительно не собиралось отступать, было настроено бороться до конца»². В таких условиях требовалось отказаться от внешнего вмешательства и не подталкивать чередовавшиеся тбилисские режимы к военным авантюрам, а призывать их к мирному урегулированию отношений с провозгласившим свою независимость народом. Именно в этом духе и старалась действовать Москва. Однако в Белом доме в тот момент не было сильных специалистов по Кавказу, способных подсказать эту простую мысль тогдашнему президенту Дж. Бушу-младшему.

Агрессия началась фактически в день старта Пекинской Олимпиады – на Дальнем Востоке, в Пекине уже наступило 8 августа 2008 г.³ В России это расценили как еще одно свидетельство цинизма американцев и их тбилисских сателлитов – ведь известно, что в Древней Греции на время олимпиад прекращались все войны. В 23 часа 30 минут 7 августа 2008 г. по местному времени, когда в Китае спортсмены разных стран уже заканчивали подготовку к торжественному открытию Олимпийских игр, прозвучали первые выстрелы войны. В историю она вошла как «Пятидневная война» или «Война 08.08.08»⁴.

¹ День катастрофы – 888. Остановленный геноцид в Южной Осетии. М., 2008; Джемаль О. Хроники пятидневной войны: Мирись, мирись, мирись. М.; СПб., 2008; Жирохов М. Семена Распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР. СПб., 2012.

² Блиев М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М., 2013. С. 432–433.

³ Ковылков А.А. Записки с войны. Южная Осетия. Ростов-на-Дону, 2008. С. 4.

⁴ Джадан И. Пятидневная война. Россия принуждает к миру. М., 2008. С. 3.

Первоначально регулярной грузинской армии, которой противостояли плохо вооруженные осетинские ополченцы, сопутствовал успех. Но вскоре добровольческие отряды Южной Осетии смогли организовать отпор.

Нападению подверглись и российские миротворцы. Так же, как и мирные жители Цхинвала, они стали первыми заложниками войны. И первыми жертвами. На захваченных постах пленные уничтожались выстрелами в упор, выжившие подвергались надругательствам. По свидетельствам очевидцев, когда в Цхинвальскую городскую больницу привезли шестнадцать тяжелораненых российских миротворцев, у всех оказались разворочены мошонки, у одного было сильное повреждение от сделанного в упор выстрела в глаз¹.

Похожая судьба должна была ожидать всех русских солдат, оказавшихся в зоне боевых действий. Однако там, где были сосредоточены основные силы российских миротворцев, шли бои, отличавшиеся особой жестокостью. И упорством – со стороны оборонявшихся. По воспоминаниям командира российских миротворцев, Героя России Константина Тимермана, нападавшие несколько раз пытались взять городок миротворцев штурмом, обстреливали его при помощи танков и артиллерии, но так и не сумели достичь поставленных целей. В конечном итоге, российским военнослужащим удалось не только вырваться из окружения, но и вывести мирных жителей, которые укрывались в подвале казармы миротворцев².

Ожесточенность бое столкновений не позволила обойтись без потерь, уже 8 августа стало известно о 10 погибших российских военнослужащих. Известный своими фальсификациями по мотивам российской истории, телеведущий Н. Сванидзе на это отозвался фразой, ставшей крылатой – своего рода квинтэссенцией либерально-оппозиционного отношения к событиям в Закавказье: «Попал снаряд в казарму». Используя свой общественный статус члена Общественной палаты, он стремился представить российские потери как сугубо случайные и выступал против операции в Южной Осетии по принуждению Грузии к миру: «Вообще самое опасное, что сейчас может быть, это всеобщее возбуждение и жажда крови. Жажда крови, жажда войны, - заявлял он в эфире радиостанции «Эхо Москвы» в день выдвижения российских войск на помощь Южной Осетии. – (...) Это сознательная провокация с целью втянуть Россию в вооруженный конфликт. Таким образом, если Россия пойдет на поводу в данном случае, то это значит, что она пойдет на поводу у провокации»³. Правда, ни в интервью корреспонденту радиостанции, ни позже Сванидзе не уточнил, кто же автор провокации? В силу этого его утверждение не может быть проверено.

Таких голосов «пацифистов» и явных пораженцев в России в те часы раздавалось немало – вспоминается опыт Первой чеченской войны, когда активность российской армии была буквально подавлена критическими голосами, массированно звучащими в прессе. И теперь прежний опыт оказался как нельзя кстати. Дело доходило до того, что некоторые российские СМИ называли российские войска «вражескими»⁴. Однако к 2008 г. т.н. «тбилисский» синдром в российском постсоветском обществе окончательно выдохся – сказались успехи пропаганды и победа в ходе Второй чеченской кампании.

¹ Там же. С. 46.

² Ковылков А.А. Записки с войны. Южная Осетия. С. 86.

³ Эхо Москвы. 08 АВГУСТА 2008. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/532466-echo> (дата обращения: 11.10.2020).

⁴ Шейн О.В. Разгром грузинских захватчиков под Цхинвали. М., 2009. С. 196.

В итоге, российское руководство проявило последовательность и продолжило начатую операцию по принуждению Тбилиси к миру. Сравнительно немногочисленные российские войска приближались к столице Южной Осетии. Но пока они не подошли, сил миротворцев и осетинских ополченцев оказалось слишком мало, чтобы прикрыть весь город и прилегающие осетинские села. В докладе об обстоятельствах «Пятидневной войны», подготовленном комиссией ОБСЕ, которую возглавляла Х. Талявини, содержится вывод, что режим Саакашвили виновен не только в развязывании военных действий, но и в применении запрещенных видов оружия, нападении на миротворцев и уничтожении невоенных объектов¹. В силу данных обстоятельств, главные потери в первые часы авантюры, затеянной официальными Тбилиси, несли мирные жители, многие из которых являлись гражданами России – в рамках использования мягкой силы для побуждения Тбилиси к компромиссу в отношениях с Южной Осетией и Абхазией Москва не отказывала их жителям в получении гражданства Российской Федерации. Официально сообщалось о 1400, а неофициально – о 2 тыс. погибших только в Цхинвале². Даже учитывая, что масштабы потерь мирного населения в пропагандистских целях обычно преувеличиваются, не приходится сомневаться, что количество погибших было действительно неординарным для локальных войн на постсоветском пространстве. Можно также предполагать, что многочисленные невинные жертвы отнюдь не являлись случайностью. Целью ударов тбилисского режима был, как представляется, не просто захват Южной Осетии, а геноцид осетинского народа и вытеснение оставшихся за пределы региона. Об этом, в частности, может свидетельствовать, помимо прочего, уже само название блицкрига – «Чистое поле». После этнической чистки «чистым полем» могла стать вся Южная Осетия.

Американская администрация, видимо, рассчитывала, что Россия не посмеет полноценно вмешаться в конфликт. В случае попыток Москвы организовать ответные действия через механизмы международного права в ООН американцы готовы были информационно и дипломатически поддержать Саакашвили. При любом раскладе, даже выгодном в перспективе для Москвы, процедуры осуждения агрессоров посредством ООН требовали длительного времени. В Белом доме были убеждены, что к тому времени, когда Российской Федерации удастся разбудить международное сообщество, с Южной Осетией будет покончено. А после этого русские смогут протестовать сколько угодно – возвращать status quo будет поздно. Так что с оговорками, но можно согласиться с теми российскими критиками действий Саакашвили, которые, имея в виду бессилие международных институтов в кризисных условиях, называли заседания Совбеза ООН ни иначе, как посиделками³.

Первые несколько часов планы тбилисских сепаратистов на «молниеносную войну», казалось бы, оправдывались. Хотя и гораздо медленнее, чем требовалось по плану, войска Саакашвили продвигались к центру Цхинвала. Пропагандистский зонтик над Саакашвили принуждал общественность верить в то, что боевые действия ведет не Грузия, а Россия. Но в середине дня 8 августа взорвалась настоящая информационная бомба. Российская армия – не вымышленная, а реальная действительно вошла в Южную Осетию. Вошла для защиты Южной Осетии и *многочисленных россий-*

¹ Захаров В.А., Аршев А.Г., Семерикова Е.Г. Абхазия и Южная Осетия после признания. Исторический и современный аспект. М., 2010. С. 292.

² День катастрофы – 888. Остановленный геноцид в Южной Осетии. С. 49.

³ Шейн О.В. Разгром грузинских захватчиков под Цхинвали. С. 201.

ских граждан¹, проживающих в ней, от грузинской агрессии. Через некоторое время, 9 августа 2008 г., выполняя взятые на себя союзнические обязательства по совместной обороне, боевые действия начала Абхазия. Первейшей целью абхазской армии было освобождение спорного Кодорского ущелья². Через три дня операция закончилась полным вытеснением всех грузинских вооруженных формирований с абхазской территории. Потери вооруженных сил Грузии не известны – в то время, как со стороны Абхазии они составили два человека³.

Успешность и относительная быстрота действий Вооруженных Сил РФ стали следствием работы разведки и военных аналитиков. Намерения Вашингтона и Тбилиси были известны заранее. К противодействию агрессии скрытно готовились. А вот для Запада действия российской стороны оказались неожиданностью. Тем более неожиданной реакция России стала для грузинских политиков. Вступление российской армии в Южную Осетию, ее успешное продвижение к Цхинвалу и далее означало крах авантюры Саакашвили и конец его политической карьеры. Его заокеанские партнеры не оказали ему своевременную действенную помощь и отделались ритуальными вербальными нападками на Кремль. Более того, по законам жанра «геополитических шахмат», по выражению З. Бжезинского, после «Пятидневной войны» Саакашвили «стал постепенно становиться для Запада ненужной обузой»⁴.

Очень важно, что российское руководство и общество смогли учесть ошибки дагестанской и чеченских кампаний в плане информационного противоборства. Современные войны ведутся, а часто даже выигрываются именно в медийном пространстве⁵. На этот раз россияне – не только власть, но и многие граждане заняли активную позицию. Несмотря на попытки общественных и политических деятелей, подобных Сванидзе, предложить стране свою альтернативную информационную повестку, помешать, как это было в Первую чеченскую войну, российской армии выполнять поставленные задачи, поддержка общественного мнения была уже не на их стороне. Возможно, «Пятидневная война» – это первая информационная военная кампания, выигранная современной Российской Федерацией не только на своем поле, но и в международном медийном пространстве.

В течение пяти дней грузинская армия как реальный фактор силы в регионе перестала существовать. Только по официальным, вероятнее всего заниженным Тбилиси, данным, грузинская сторона потеряла 146 чел. убитыми, 1408 – ранеными, 70 – пропавшими без вести и около 200 – пленными. Был полностью уничтожен грузинский флот, подбито от 30 до 40 единиц бронетехники. Еще 65 танков различных модификаций, 85 единиц другой бронетехники, пять комплексов ПВО, три самоходные установки «Дана», большое число артиллерийских установок, минометов и военного автотранспорта достались российской армии в качестве трофеев⁶. Российские потери составили 64 чел. убитыми 323 ранеными. Было выведено из строя 7 российских тан-

¹ Очевидно, что в дальнейшем уроки того, как выдача российских паспортов может повлиять на развитие ситуации в регионе, видимо, были учтены. Во всяком случае, попытки начать массовую выдачу российских паспортов в народных республиках Новороссии были спешно свернуты уже самой Москвой. Поэтому большие потери среди мирных граждан РФ в 2014 г. уже не стали объяснением ввода российских военных подразделений в зону нового конфликта, а сам конфликт в Новороссии трактовался в терминах сугубо гражданского противостояния внутри украинского общества.

² Захаров В.А., Арешев А.Г., Семерикова Е.Г. Указ. соч. С. 266.

³ Жирохов М.А. Грузино-абхазский конфликт. История одной войны. М., 2016. С. 209.

⁴ Леонтьев М., Жуков Д. «Независимая» Грузия: бандит в тигровой шкуре. С. 303.

⁵ Жаров М., Шевяков Т. Хроники информационной войны. М., 2009. С. 8.

⁶ Джадан И. Указ. соч. С. 132.

ков и около 20 единиц другой бронетехники. Имелись с российской стороны и потери, которые следует отнести на счет некомпетентности командования и пренебрежительного отношения к противнику. Так, речь идет о потере стратегического бомбардировщика Ту–22М3, который при тех масштабах боевых действий, которые наблюдались в августе 2008 г., не должен был оказаться под ударом грузинских ПВО¹.

Результатом допущенной Вашингтоном очередной ошибки стало появление на политической карте мира двух новых государств – Южной Осетии и Абхазии. Следует также согласиться с мнением исследователей конфликта, что ответственность за нарушение территориальной целостности Грузии лежит на ее руководстве. Своим нападением на Цхинвал Грузия сама поставила крест на возможности возвращения Южной Осетии и Абхазии в ее состав даже в отдаленном будущем. И если раньше переговоры о широкой автономии двух народов в грузинском государстве были теоретически возможны, то теперь о них пришлось забыть². «Полоса признаний» Южной Осетии и Абхазии не стала очень широкой – республики были признаны всего несколькими государствами – членами ООН. Но главным для судеб этих республик стало то, что их независимость была признана Россией.

При этом одним из оправдывающих действия Москвы юридических казусов стал именно «ковоский прецедент». Причины, по которым Российская Федерация не могла не взять Южную Осетию и Абхазию под защиту, отразил в своем обращении Д.А. Медведев: «В ночь на 8 августа 2008 года в Тбилиси сделали свой выбор. Саакашвили избрал геноцид для решения своих политических задач. Этим он собственноручно перечеркнул все надежды на мирное существование осетин, абхазов и грузин в одном государстве»³. Через несколько лет, став президентом РФ в третий раз, Путин подтвердит, что принятые в 2008 г. решения были непростыми, но единственно верными и что Российская Федерация свою позицию не изменит⁴.

Конечно, будет правильным не переоценивать успехи российской стороны в грузино-югоосетинском конфликте: если бы США имели твердое намерение «исправить» свою косовскую ошибку и не допустить военного поражения режима Саакашвили, то Москве в тот момент нечего было бы противопоставить американцам. Но поскольку Запад не оказал действенной помощи своим тбилисским клиентам, у Москвы появились возможности использовать весь арсенал современных гибридных локальных операций, включая переход от угроз применения силы к их реализации. Вместе с тем, Москва не стремилась создавать прецедент насильственного свержения извне какого-либо режима на постсоветском пространстве и остановила успешное продвижение российской армии. Сторонам казалось предпочтительнее решать вопросы привычным образом и договариваться.

Не следует сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что, по крайней мере, формально замешательство западных политиков было вызвано проявленной российской стороной волей к победе. Согласно выводам наблюдателей, предпринятые тогдашним президентом РФ дипломатические усилия не пропали даром⁵. В итоге, Москва юридически закрепила свое присутствие во всей зоне конфликта в декларации из шести

¹ Джадан И. Указ. соч. С. 130–132.

² Цыганок А.Д. Россия на Южном Кавказе: грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 г. М., 2010. С. 244.

³ Медведев Р.А. Дмитрий Медведев: двойная прочность власти. М., 2010. С. 213–214.

⁴ Медоев Д. Южная Осетия и политика России в Закавказье. М., 2015. С. 204–205.

⁵ Волхонский М. Шесть пунктов Медведева–Саркози: дипломатический аспект урегулирования конфликта в Южной Осетии // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 4–5(64–65). С. 227–240.

принципов урегулирования, подписанной президентом РФ Д.А. Медведевым и президентом Франции (на тот момент председательствующей в Евросоюзе) Н. Саркози, а Тбилиси был вынужден в общих чертах принять новый status quo, предложенный ему консолидированным решением РФ и Запада¹.

Изучение событий «Пятидневной войны» еще далеко до завершения. Многие вопросы, особенно связанные с пружинами и причинами ее возникновения, далеки от разрешения. Понятно, что в таких условиях в обществе могут возникать самые разные мнения о грузино-югоосетинской войне, в т.ч. и такие, которые будут радикально отличаться от позиции автора данной статьи, изложенной выше. Предлагаю свои оценки «Войны 08.08.08», мы исходим из конфронтационной логики взаимоотношений между Москвой и Вашингтоном, а также из существования геостратегических интересов России, которые необходимо отстаивать и продвигать. Но в наши дни существуют и другие подходы, рассматривающие стратегию взаимодействия России и США как партнерскую. Например, все события 2008 г. от признания Западом независимости Косова до признания Российской Федерацией независимости Южной Осетии и Абхазии могут рассматриваться в логике взаимодоговоренности элит двух стран. Тогда можно предположить, что произошедшее вписывается в логику своего рода геостратегического обмена. Прямых исторических источников в пользу такой трактовки в наше время найти невозможно, но некоторые косвенные признаки и некоторые последовавшие после 2008 г. события наводят на подобные размышления.

Так, в 2008 г. позиция Москвы в отношении к проблемам сербов в Косове была гораздо сдержаннее, чем в последние месяцы правления Б.Н. Ельцина. Никаких действий, подобных выдвижению легендарного атомного подводного ракетного крейсера «Курск» в Средиземное море, или неожиданных операций российских десантников, подобных «Приштинскому броску», не последовало. Не было и далеко идущих шагов на международной арене, подобных развороту над Атлантикой самолета Е.М. Примакова. Все ограничилось общими демаршами на «пропагандистском фронте» и в дипломатической сфере. Но точно так же и со стороны Запада не последовало никаких ощутимых мер в ответ на действия Москвы на Кавказе – даже таких символических, как введение санкций. А антироссийская риторика в СМИ не могла повлиять на расклад сил в зоне конфликта. К тому же она была столь бездарна, что вскоре эффект ее воздействия на фоне российской медийной политики резко упал.

В этих условиях договоренность между американским и российским истеблишментом не кажется чем-то совершенно невозможным. Тем более, если учитывать неоднородность правящих элит на Западе и в РФ и имеющиеся условия для трансатлантических союзов и соглашений между отдельными группами правящих классов разных стран. В научных кругах данная проблема неоднородности политики Москвы в «Пятидневной войне» не ставится, но общество информировано о возможных коллизиях в российских верхах посредством ныне широкодоступного в Интернете документального фильма «Потерянный день». Он был снят в преддверии президентских выборов в РФ 2012 г. и решал конкретную задачу: в случае самостоятельного выдвижения Д.А. Медведева на второй срок показать возможные различия между его позицией и позицией В.В. Путина (в первую очередь – по событиям на Кавказе).

Не ясны и возможные линии предполагаемых договоренностей. То ли речь может идти о гипотетическом обмене территориями, то ли о каких-то других сценариях. Например, ввод в Южную Осетию слишком ограниченного российского контингента,

¹ Джадан И. Указ. соч. С. 102.

продолжительное бездействие авиации и военного флота, невысокие темпы продвижения главных сил российской армии вглубь Южной Осетии и т.п. могли навести на мысль о подготовке некоего «нового Хасавюрта», когда российская армия терпит поражение в Южной Осетии, в российском обществе возникает «Тбилисский синдром–2», Москва в очередной раз доказывает свою беспомощность... Но за это некоторых представителей «новорусской» «элиты» Запад соглашался интегрировать в свой господствующий класс на более льготных условиях. Если такой сценарий не является досужим домыслом и нечто подобное действительно могло иметь место, то подобные замыслы начали срываться буквально с первых же минут «Пятидневной войны». И произошло это не благодаря нажиму каких-то политиков, а благодаря мужеству осетинских иррегулярных формирований, российских миротворцев, летчиков, моряков, солдат и командиров частей, устремившихся через Рокский тоннель на помощь осетинскому народу. Доблесть, проявленная ими, превращала каждый рубеж обороны в своего рода новые твердыни, подобные крепостям в Осовце (1915) и Бресте (1941). События «Войны 08.08.08» вписали в летопись русской воинской славы целое созвездие имен новых героев, с честью выполнивших свой воинский долг.

Трудно и прогнозировать будущее Южной Осетии. Как любой разделенный народ, осетины стремятся к объединению в границах одного государства. Но если Москва проявит слабость или совершит ошибку, то это может привести к серьезному осложнению ситуации на всем Кавказе... Осетинский народ – важный гарант стабильности в регионе, верный друг и брат русского народа. Поэтому скорейшее объединение всех осетин в границах РФ должно стать залогом будущего процветания всего осетинского народа и территориальной целостности России.

В любом случае события «Войны 08.08.08» сыграли чрезвычайно значимую роль в современной отечественной истории. Ее результаты – ожидаемые или нет – имели очевидные последствия. Это – патриотическое пробуждение русского общества, пусть и временное, а также наглядная демонстрация способности и готовности Российской Федерации в особых случаях отвечать на самые разрушительные выпады против нее. Известный украинский аналитик Р.Н. Василюшин еще в 2011 г. отмечал: «пускай Россия еще не может соперничать с Америкой на просторах Мирового океана, но вблизи собственных границ, используя тактические и стратегические выгоды своего положения, нанести катастрофический ущерб США уже способна»¹. Понятно, что для России нанесение ущерба США не может являться приоритетом. Но защита своих национальных интересов в зоне своей исторической ответственности – это цель, которая не нуждается ни в пояснениях, ни в обосновании.

Вместе с тем, события в Закавказье показали, что далеко не все в российском политическом классе готовы к тому вызову, с которым столкнулась наша страна. Похожую ситуацию 1968 г. в Чехословакии С.Г. Кара-Мурза назвал емким термином – «исторической ловушкой». В переводе на язык шахмат, российское общество попало в положение цугванга. Любое решение может принести как мир, так и жестокое поражение. Но из шахмат мы знаем и другое понятие – цейтнот. Вечно затягивать с ответственным ходом невозможно, иначе поражение наступит вследствие перерасхода времени. Время – вот что становится одним из главных стратегических ресурсов в условиях возврата конфронтации между глобальными игроками на геостратегической шахматной доске. Есть ли у России этот ресурс? Как им следует распоряжаться? Это покажет уже самое ближайшее будущее.

¹ Василюшин Р.Н. Империя. СПб., 2011. С. 225.

Д.Е. Муза
академик Крымской академии наук, доктор философских наук,
профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры
Донецкого национального университета,
г. Донецк (Донецкая Народная Республика)

АКТУАЛЬНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ «ВЫЗОВЫ» И НЕКОГЕРЕНТНОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Не секрет, что ситуация в мировой политике все чаще характеризуется как переходная. Она проявляется в том, что стабильность миросистемы – при множестве разнонаправленных тенденций – испытывает чрезвычайное напряжение. Причем возрастающее с каждым годом, несмотря на усилия нынешнего юбиляра – ООН и других международных организаций, отвечающих за глобальную и региональную безопасность. Сегодня, как бы того ни хотелось большинству человечества, напряжение в международных делах проявляется на всех структурных уровнях организации миропорядка: горизонтальном (между «коллективным Западом» и остальными), вертикальном (перераспределение «центров силы» от Запада к не-Западу), институциональном (снижение роли прежних международных организаций и институтов при отсутствии эффективных новых), нормативном (девальвация правил и норм международного общезнания и взаимодействия) и, наконец, культурно-символическом (расколы идеологических, моральных и ценностных «универсумов»). Отсюда необходимость в полноценной рефлексии происходящих в мире беспрецедентных изменений, в выявлении принципиальных сюжетов (форм, конфигураций, траекторий) нынешнего этапа мировой самоорганизации. Разумеется, в этом направлении уже сделаны важные шаги – в смысле понимания динамических процессов.

В этой связи важно упомянуть ряд позитивных и критических направлений, которые наличествуют в актуальном мирополитическом дискурсе. Во-первых, это нео-реализм (Р. Гилпин, Дж. Миршаймер), не столько трактующий миропорядок как сложные линии поведения государств, сколько указывающий на структурные и динамические параметры всей системы, а также на нормативные и институциональные характеристики; во-вторых, неолиберализм (Дж. Даффилд, Р. Маккала), исходящий из того, что конституирование порядка происходит под воздействием международных режимов, институтов и интеграционных процессов; в-третьих, неомарксизм, который опирается на представление об иерархизированной миросистеме, где наряду с ядром существует некоторый, анархический по характеру, плюрализм укладов.

Конечно, свою квоту тут имеет и «теория демократического мира» (М. Дойл, Б. Рассет), предлагающая видеть мировой порядок сквозь призму экстраполяции западных стандартов демократии на весь незападный мир. Но именно этот пункт является камнем преткновения для большинства стран и народов мира, все чаще осознающих свою идентичность и свой путь как не-западные. В т.ч. и постольку, поскольку американская вера в собственную избранность¹, точнее, в отождествление себя с полюсом мирового добра (на фоне отождествления оппонентов с силами зла), уже вызывает серьезные возражения. Разумеется, вызревшие в рамках отторжения глобализации

¹ Кузнецова Т.Ф., Уткин А.И. История американской культуры. Учебник для вузов. М., 2010. С.389–392.

как формы ликвидации суверенитетов, деструкции хозяйственных укладов и культурных традиций «коллективным Западом». При этом в российской науке существует взгляд, утверждающий наличие «узлового вопроса» современности в виде двух противоположных, антагонистических тенденций: противоборства и конфликтов, с одной стороны, диалога и партнерства цивилизаций – с другой. Так, Ю.В. Яковец склоняется к сценарию взаимодействия цивилизаций, которое «охватывает практически все сферы их жизнедеятельности – социокультурную, технологическую, экономическую, экологическую, государственно-политическую»¹. Наивность этого представления преодолевается не только эмпирическими фактами (например, отсутствия какой-либо координации усилий стран и цивилизаций в борьбе с пандемией Covid-19, в т.ч. на уровне ВОЗ), но и более трезвыми теоретическими соображениями.

Например, президент Академии геополитических проблем генерал Л.Г. Ивашов вполне справедливо полагает, что насущными задачами (вопреки С.Ф. Хантингтону с его безусловной конфликтогенностью между цивилизациями и внутри них) будут: 1) разработка собственной геополитической теории для XXI в., в рамках которой главными геополитическими субъектами будут именно цивилизации; 2) инициирование создания межцивилизационной общины в составе цивилизаций, не связанных с «цивилизацией "золотого миллиарда"»; 3) способствование развитию международных организаций типа ШОС, БРИКС, АСЕАН, а также налаживание взаимодействия с иными международными организациями – такими, как ОИК, ЛАГ и Латинской Америкой; 4) внедрение новой международной финансовой системы на основе юаня, рубля, динара, эю; 5) создание новой системы коллективной безопасности, причем, в формате взаимодействия ШОС, БРИКС, ОДКБ, АСЕАН; 6) оформление членства в ШОС Индии, Ирана, Монголии, а также приглашение в качестве кандидатов Вьетнама, Афганистана, Пакистана и др. стран; 7) разработка и внедрение проекта «четвертого геополитического пространства» в составе России (СНГ), Индии, Ирана, Афганистана, Японии и др. стран; 8) модернизация ООН и ее Совбеза за счет перехода на цивилизационный принцип развития, а именно: с учетом инициатив России, Китая, Индии, стран ислама, Латинской Америки, Африки, Японии...; 9) активизация общих усилий в рамках СНГ и Евразийского Союза, а также ШОС, БРИКС по отработке прорывных инновационных технологий, особенно в ядерной, нано-молекулярных и иных областях, так или иначе способствующих обеспечению региональной и глобальной безопасности.

Разумеется, эти доводы могут выглядеть не очень убедительными. Однако если мы оттолкнемся от схемы С.Ф. Хантингтона, то по-прежнему будем воспринимать исторический процесс сквозь призму парадигмы конфликтогенности.

На самом деле, несмотря на все перипетии последних лет, цивилизации вынуждены вести глобальную геополитическую борьбу, трактуя многомерное коммуникационное пространство с позиций своего в нем (военно-силового, энергетического, торгово-экономического, демографического и лингво-культурного) присутствия.

Отсюда напрашиваются (хотим мы того, или нет) два сценария развития событий на пространстве Северной Евразии: 1) позитивный, связанный с собиранием земель, этносов, наций и государств под сенью русской цивилизации (и империи) в единую семью народов, «симфоническую личность»; 2) негативный, связанный с дезинтеграцией всей цивилизационной системы, распадом прежних связей и структур, а то

¹ Диалог культур в глобальном мире: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. И.В. Ильина, Ю.В. Яковца. Сост. и предисл. С.Н. Фрах. М., 2007. С. 59, 65.

и войнами на линии новых «разломов»¹. К сожалению, события последних лет, а именно: в Грузии (атака на Южную Осетию и Абхазию), на Украине (госпереворот в Киеве, «уход» Крыма и восстание Донбасса), в Беларуси (попытка осуществить очередную «цветную революцию»), в Киргизии, наконец, победа прозападных сил на выборах президента Молдавии не внушают оптимизма. И в этом случае важно занять позицию, позволяющую видеть моральную нищету проекта «нового американского века» и его инкарнации после победы над СССР в «холодной войне». Напротив, духовно-политическое своеобразие исторического маршрута русской, китайской, индо-буддийской и исламской цивилизаций должно быть понято и интерпретируемо в логике исторической многомерности. Точнее – иномерности унифицирующим алгоритмам западной инновационной, техно-урбанистско-потребительской цивилизации. Не случайно А.С. Панарин более 20 лет тому назад выразил это так: «Человечество на развилке: *грядущий миропорядок может формироваться при монополии развитых стран – тогда в нем возобладают униформистские тенденции вестернизаторского гегемонизма; он может формироваться на основе действительного диалога культур, цивилизаций, а значит свободного конкурса мироустроительных проектов*»².

В таком случае, при создании новой конфигурации межцивилизационных взаимодействий нужно вспомнить положение евразийца князя Н.С. Трубецкого об «идее-правительнице». Противопоставляя западной демократии (релятивизму) евразийскую идеократию (фундаментализм), он находил, что «идея-правительница» должна быть идеей «блага совокупности народов», при этом корреспондируя с «хозяйственно самодовлеющим (автаркическим) месторазвитием»³. Более того, на этом идеократическом горизонте видения судеб цивилизации существует «идеократический отбор», при котором ради идеи правители готовы идти на жертву (самопожертвование), а подчиненные расценивают ее как «морально ценный поступок»⁴. Именно поэтому сегодня цивилизационное сознание и самосознание элит обязано иметь идеологически и ценностно обоснованный и верифицированный историей, морально оправданный проект. По моему мнению, он будет включать в себя не только *пространственно-материальные* (месторазвитие, ресурсы, население, «человеческий капитал»), *временные* аспекты (циклы культурно-политического бытия и кристаллизовавшуюся в драмах и трагедиях русской истории традицию), но и *субъектно-волевые, деятельностные* (имперско-цивилизационное «общее дело», задаваемое и направляемое элитами) и собственно *идеократические доминанты* (сотериологически-социальная «идея-правительница» правды-справедливости и ее аксиологическое обрамление)⁵.

В таком ракурсе представляется основание цивилизационного бытия России плюс релевантной модели международных отношений. Но, главное, такое конструктивистское по своей сути полагание межцивилизационных взаимодействий влечет за собой искомое обеспечение стратегической безопасности.

¹ Между прочим, С. Хантингтон, очерчивая логику войн на «линиях разломов», указал на то, что межцивилизационное насилие значительно превышает уровень внутрицивилизационной конфликтности (Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 412).

² Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI в. М., 1998. С. 263.

³ Трубецкой Н.С. Об идее правительнице идеократического государства // Его же. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 441.

⁴ Там же. С. 439.

⁵ Муза Д.Е. Русская цивилизация в условиях стратегической нестабильности: поиски формулы самостояния. М., 2020. С. 270.

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК ПОЧЕТНОГО КОНСУЛА

Его королевское величество

Хлебное дерево было невысокое, с развесистой кроной из тяжелых ветвей с узорными плотными листьями. В силу этой своей невысокости оно звалось королевским. И кто бы мог подумать, что именно оно приведет меня в настоящее королевство.

Поспевание хлебных плодов, напоминающих большие круглые шершавые головы, не подчинялось временам года. Созревая, они становились из светло-зеленых коричневыми, а потом бесшумно падали на траву, превращаясь в большие мягкие лепешки перезрелой хлебной каши.

Вот уже четверть века дерево неторопливо росло на лужайке перед домом на солнечной стороне острова Оаху, в Гонолулу. В начале двадцать первого века в доме поселилось Почетное консульство России. Обитатели дома первое время к дереву присматривались, потом научились у местных гавайцев готовить этот крахмальный плод, с пониманием относясь к тому, что каждому народу нужна своя «картошка». В Африке «картошкой» служит батат, в Азии рис, ну, а в Полинезии таро и хлебный фрукт. Готовить его можно как нашу картошку, т.е. запекать, нарезав большими ломтями и смазав сливочным маслом, или просто поджарить на сковороде в постном масле.

Живущая по соседству семья из королевства Тонга пришла знакомиться в первую же неделю после нашего приезда. Через пару дней их сын-подросток сделал приспособление для сбора хлебных шишек. На конце длинной палки была привязана корзиночка и нож. После того, как лезвие срезало ножку плода, он лениво скатывался в корзинку.

Эти соседи вскоре стали нашими добрыми друзьями и обладателями всех наших хлебных плодов. В один из дней соседка рассказала мне, что в городе проездом будет король Тонга Тауфа'ахау Тупоулахи IV. Он едет на прием к врачу в Вашингтон и пробудет в Гонолулу всего 3 дня. Я узнала также, что соседка приходится королю двоюродной сестрой и мои фрукты пойдут на обеденный стол Его королевского величества.

С тех пор Тупоулахи IV стал частью нашей жизни. Мы узнали, что в 9 лет он уехал учиться в Австралию. В 20 лет, после смерти отца, его мать, королева Салотое, наделила его титулом наследного принца. На следующий год Тауфа'ахау вернулся домой, получив диплом юриста и искусствоведа Сиднейского университета. Он стал первым тонганцем в своем государстве, закончившим университет.

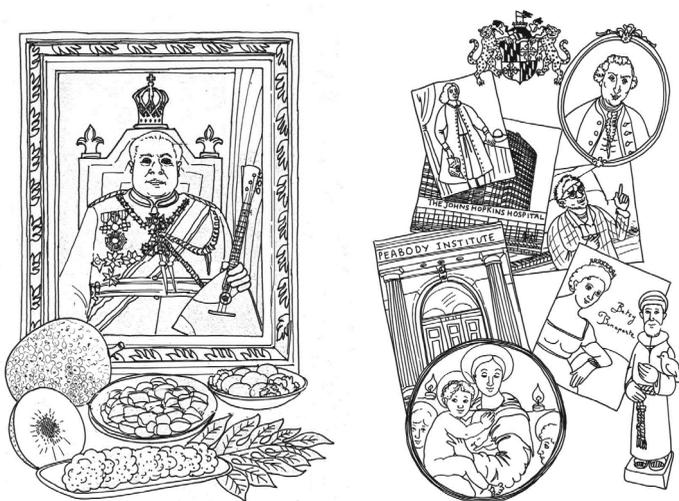
В его политической карьере были разные должности: от министра образования до министра здравоохранения. Побывал он также премьер-министром страны и редактором правительственной газеты. После смерти матери он вступил на престол и был коронован под именем Тауфа'ахау Тупоу IV.

Король Тонга был известен как один из крупных монархов мира: при росте более 2 метров его вес в одно время достиг 209,5 кг. Благодаря этому «достижению» он вошел в книгу рекордов Гиннеса. Но Тауфа'ахау сумел похудеть, посадив себя на диету из супов. Примеру его тогда последовали многие упитанные жители острова.

В свободное время монарх любил читать книги по истории, особенно военной. Хорошо играл на гитаре и балалайке, любовь к последней началась у него после поездки в Россию. Коллекционирование балалаек стало его хобби на всю жизнь!

Благодаря нашей дружбе с тонганцами я всегда знала, когда король приезжал в Гонолулу, что готовили ему на ужин и как его королевское здоровье. Его величество присылал мне благодарственные письма на роскошных бланках королевства, дарил сувениры, а однажды передал королевский флаг. В одном из моих консульских отчетов в российский МИД появилась фраза: «Почетное консульство РФ в Гонолулу представляет плоды хлебного дерева ко двору Его Королевского Величества Тауфа'ахау Тупоу IV».

Солнечным утром 10 сентября 2006 г. официальный сайт Почетного консульства Тонга на Гавайях известил о кончине любимого своим народом монарха с приглашением внести скорбное соболезнование в книгу записей. Я сорвала самый большой спелый хлебный плод и приготовила поминальный ужин.

Город Балтимор

Балтимор сегодня был серый, все хотел пойти дождь, но так и не собрался, а к вечеру зажгли желтый закат, он играл в стекле зданий, отражался в воде залива, бежал по крышам. Мы ехали вечером по городу, и я спросила мужа, кто же такой был лорд Балтимор. На что он ответил, что, наверное, какой-нибудь колониальный английский барон. Так все и было.

В 1624 г. сегодняшний штат Мэриленд был колонией Англии, которая досталась Джорджу Калверту, получившему ирландский титул барона Балтимора. Титул разрешилось передавать по мужской линии, закончилась она на шестом лорде в 1771 г. Город Балтимор был назван в честь второго барона Балтимора, Сесилиуса Калверта. Совсем недавно, в конце 90-х прошлого уже столетия, во время раскопок на месте старого собора нашли три свинцовых гроба. В результате обширного исследования, в котором приняли участие более 150 специалистов разного толка, обнаружилось, что в

гробах были погребены второй барон Балтимор, его жена и маленький сын от второй жены. Гробы эти с останками семьи барона сейчас выставлены в музее Мэрилендского исторического общества. Надо сказать, что выставка эта вызывает известное движение мурашек по коже. По черепу был воссоздан бюст жены барона, страдавшей многими недугами в силу плохого питания. Если они плохо питались, то остальное население просто жило впроголодь. Голод перестал косить население, когда стали выращивать кукурузу.

Удивителен флаг штата – на нем живут балтиморские бароны, ведь рисунок флага взят с их фамильного герба.

Последний барон Калверт был красив, в меру умен, писал стихи и весьма любил жизнь. Феодал во всей своей красе, он никогда не был в Мэриленде и воспринимал свои американские владения исключительно как источник для проживания. А жизнь он вел экстравагантную и даже скандальную. Родился в 1731 г. и получил имя своего крестного отца Фредерика, принца Уэльского, старшего сына Джорджа II. Наследство от отца получил уже в 20 лет, став правителем Мэриленда и заполучив солидные доли в банке Англии. Политика его не интересовала, он отдавал предпочтение веселой, беспечной жизни, путешествуя по Европе. В Константинополе завел личный гарем и был выслан из страны. Женился в 22 года, но брак вскоре распался из-за «несовместимости характеров». Через 5 лет после женитьбы леди Диана выпала из фэтона и вскоре умерла. Говорят, что ее вытолкнул оттуда сам Фредерик. После выдворения из Турции он вернулся в Лондон и переделал часть своего английского поместья в турецкий гарем. Приключения привели его к владелице шляпного магазина в Лондоне, которая обвинила его в изнасиловании. Состоялся суд, длившийся один час двадцать минут. Фредерик был оправдан, так как дама не оказала достаточного сопротивления. Событие это повлекло немало сплетен, закончившихся изданием скандальной автобиографии Софии Ватсон, одной из любовниц барона, в которой утверждалось, что барон не способен был удовлетворить даже одной женщины, не говоря уже о восьми наложницах в его лондонском гареме. Фредерик решил уехать в Европу. Английский посол в России сообщал в 1769 г. о приезде барона из Швеции в Москву, где он был представлен императрице, оказавшей ему любезный прием. Путешествовал он по Европе с восемью спутницами, доктором и двумя чернокожими стражами своего гарема. Калверт скончался от лихорадки в Неаполе, так и не вернувшись в Англию. Тело привезли в Лондон и похоронили в семейном склепе в церкви Св. Мартина с большой помпой.

День, проведенный мной в историческом обществе Мэриленда, привел меня на выставку о семье Бонапартов Балтимора.

Элизабет (Бетси) Бонапарт была дочерью одного из самых богатых предпринимателей Балтимора Вильяма Паттерсона. В 1803 г. архиепископ Балтимора сочетал ее браком с лейтенантом французского флота Джеромом Бонапартом, младшим братом Наполеона I. Бетси слыла самой желанной невестой Балтимора; она была не только красива, но и умна, обладала хорошим вкусом, прекрасно говорила по-французски, хорошо рисовала и мечтала о жизни королевской особы. Встреча с Джеромом обещала это желание исполнить. Ей только исполнилось 18, Джером был на год старше. Они сразу стали самой известной и обсуждаемой парой в Америке. Скандалы сопутствовали их недолгой совместной жизни. Первый разразился, когда Бетси заказала свой портрет в платье французского стиля с низким вырезом из прозрачной ткани. Через год молодые супруги решили навестить Францию, Бетси к тому времени уже ждала первенца. Поездка была приурочена к коронации императора Наполеона, но

разного рода непредвиденные обстоятельства все откладывали отъезд. Когда, наконец, собрались и достигли берегов Франции, Бетси было запрещено сойти на берег. Наполеон аннулировал брак своего брата, и Бетси пришлось рожать сына в Лондоне. Джером уехал в Италию, где пытался убедить императора изменить свое решение. Папа Римский отказался аннулировать брак, но даже это не сломило волю Наполеона. Конец этой истории печален, они больше никогда не виделись, если не считать быстрого обмена взглядами в 1817 г.! Через 9 месяцев после расставания с Бетси Наполеон женил Джерома на вестфальской принцессе, пышная свадьба состоялась в королевском дворце в Фонтенбло. Джером стал королем Вестфалии. Позже он предложит Бетси дом в своем королевстве и пенсию, на что она ответит саркастическим отказом. При этом по законам Америки он по-прежнему оставался мужем Бетси. Бедняжке ничего не оставалось, как вернуться с трехмесячным Джеромом Наполеоном Бонапартом («Бо») в дом отца, отношения с которым у нее не складывались. Только через 12 лет после замужества Бетси удалось получить развод на земле Америки.

На протяжении всей своей жизни ей удавалось оставаться предметом сплетен и зависти. Она носила французские платья, ездила в карете с символом Наполеона, говорила на аристократическом французском. После развода другая женщина ушла бы в тень, но не Бетси. Она продолжала занимать свое место первой модницы и влиятельной дамы в американском обществе. Ее талант оставаться французской аристократкой делал ее желанной гостьей в самом высшем обществе. Она сумела подружиться с первой леди Америки Долли Мэдисон.

После поражения Наполеона в войне 1812 г. Бетси проводила свою жизнь между Америкой и Европой; она пересекла океан 8 раз за свои 94 года, став известной дамой в аристократических кругах Европы, при этом поддерживая статус знаменитости у себя дома в Америке. Многие известные писатели и художники стали ее друзьями, она даже смогла завести приятельские отношения с сестрой бывшего мужа Полиной. После смерти Джерома она приехала с сыном в Европу, где подала в суд с требованием присудить ее сыну королевский титул. Иск не был удовлетворен, несмотря на огромную поддержку французской публики.

Бетси умерла в Балтиморе при солидном состоянии, которое нажила она сама, в 1,5 млн долл. Она прожила 94 непростых года, так и не вышла замуж и всегда ценила свою свободу и независимость. Бетси скончалась в доме престарелых, одетая в старое, но когда-то модное французское платье. Ее образ продолжает волновать исследователей, в 2013 г. вышел в свет исторический роман «Амбициозная мадам Бонапарт».

Внук Бетси – Джером Наполеон Бонапарт младший служил во французской армии, состоял при императрице Евгении – жене Наполеона III. Ее второй внук – Чарльз Джозеф Бонапарт стал в Америке морским министром и главным прокурором при президенте Теодоре Рузвельте. Он основал Бюро расследований, которое при Э. Гувере стало полнокровным ФБР. Чарльз также известен как борец за права чернокожего населения Балтимора. В его доме в Балтиморе не было электричества в силу его неприязни к достижениям техники. До конца своей жизни Джером ездил в повозке, запряженной лошадьми. Скончался он на своей вилле «Белла Виста» в Балтиморе от редкой болезни, называемой «Танец Святого Витуса». Улица по соседству с домом называется сегодня авеню Бонапарта. После его смерти домом владели Питер и Майкл Келли – продавцы нелегального алкоголя во времена сухого закона. После их отъезда дом сгорел из-за плохой проводки.

Балтимор наиболее известен сегодня своим университетом и клиникой Джонса Хопкинса при университете его имени.

Частью университета не так давно стала первая в Америке консерватория, она называется Институтом Пибоди, так как этот самый господин Пибоди, меценат и любитель музыки, основал ее в 1859 г. Согласно беспристрастной истории, в конце XIX в. в Балтиморе насчитывалось больше миллионеров-филантропов, чем в любом другом городе США. Рассказывают, что Пибоди однажды ужинал вместе с Джонсом Хопкинсом у их общего друга. Пибоди как будто бы сказал на ужине, что жертвовать на благое дело доставляет ему несказанно большее удовольствие, чем умножение капиталов. Ужин этот имел место вскоре после того, как Пибоди пожертвовал на создание консерватории в Балтиморе. Молва гласит, что после этого ужина Джонс Хопкинс составил завещание, в котором оставлял часть своего наследия на создание университета и больницы.

К нашей великой с мужем радости, мы попали в консерваторию Пибоди на мастер-класс пианиста Леона Флейшера. В крохотном репетиционном зале народу собралось много. Одна из дверей на сцене открылась, и из нее вышел старик, похожий на нашего дачника, только что сошедшего с пригородной электрички: в парусиновых брюках, широкой, выцветшей рубашке, перекошенной на спине, с неопрятной шевелюрой, открывающей неровную бледную лысину. На носу сидели очки, такие же красовались на лбу и на груди висели еще одни, все были вскоре пушены в дело. Не поздоровавшись, Флейшер подошел к «хвосту» рояля и отодвинул его к стене, чтобы у играющего были лучше видны руки. Не глядя в зал, он прошаркал на передний ряд и не сел, а как-то неловко упал в кресло. Первым играл маленький китайский мальчик-студент с изящными тонкими пальцами. Исполнял последнюю сонату Бетховена. Звук оказался неожиданно сильным, но без жизненного зерна, без глубины и тех красок, которые приходят к исполнителю с возрастом. Бетховен написал 32 сонаты для фортепьяно, ни одна не похожа на другую, нет в них общего музыкального рисунка, каждая по своему сюжету. Композитор писал свою последнюю сонату уже будучи тяжело больным, он редко принимал и общался с друзьями через свои дневники, которые писал последние 10 лет жизни. Флейшер долго молчал, а потом спросил, как давно студент начал играть это произведение; оказалось, всего полгода назад. Ну, разве можно сравнить это с самим Флейшером, которому в тот вечер было 88! Сколько же лет он прожил с этой музыкой и сколько у него было раздумий о ней? Не буду писать о всех замечаниях педагога. Мне показалось интересным, как надо научиться играть всеми пальцами с равной силой и ставить их под одним углом, ведь от этого так зависит звук. Еще как надо держать звук; пианист, по его словам, производит звук, и он отвечает за то, как долго тот живет. После концерта мы благодарили старого пианиста; я спросила, нет ли у него русских корней. «Мой отец родом из Одессы, а учился я в Германии», - сказал Флейшер.

История Леона Флейшера необычна. Он родился в 1928 г. в Сан-Франциско, в 8 лет уже давал концерты, а в 16 солировал с Нью-Йоркским симфоническим оркестром. В 1952 г. (когда я родилась) стал первым лауреатом конкурса имени королевы Елизаветы. В результате интенсивных занятий у него в правой руке развилась торсионная дистония, которую сразу не диагностировали. Он начал преподавать, играя произведения, написанные для левой руки. Затянувшаяся депрессия вызывала мысли о суициде. Только в 2004 г. он снова смог играть правой рукой, которую вылечили инъекцией ботокса. После 40-летнего перерыва была опубликована первая запись его игры в две руки. В консерватории Пибоди он преподает с 1965 г.

Вернувшись домой, мы слушали запись на ютьюбе – 79-летний Флейшер исполнял прелюдию Фредерика Шопена, Флейшер казался таким молодым!

Еще одним выдающимся меценатом была семья Уолтерсов. Благотворительность началась с отца, который коллекционировал предметы искусства и роскоши, а продолжена была его сыном – Генри Уолтерсом. Отец в свое время разбогател на производстве ржаного виски, затем удачно вложил акции в железные дороги на восточном побережье Америки. Генри не только продолжил дело отца, но и значительно преумножил его коллекцию; она на три четверти составляет сейчас роскошный по своей значимости Музей искусств Уолтерса.

Во время моего посещения музея как раз шла выставка под названием «От ржи до Рафаэля», где были представлены покупки отца и сына Уолтерсов. Первым выставочным холстом была картина Рафаэля, изображающая Мадонну с младенцем. Полотно, от которого невозможно оторваться. Говорят, что тот, кто владеет Рафаэлем, стоит рядом с Богом. Среди вещей, связывающих коллекцию с Россией, – первые работы Фаберже. Дело в том, что в начале XX в. во время путешествия на своей яхте Генри Уолтерс заехал в Санкт-Петербург, где как раз в это время открылась мастерская Карла Фаберже. Он купил тогда изумительные по красоте рукоятки для зонтиков, чтобы подарить их при случае знакомым дамам. Поскольку эти изделия Фаберже оказались на выставке, то, видимо, не все были подарены, а, может, не хватило достойных дам.

Фамильный флаг Балтиморов реет над городом, светит солнце, легкий бриз скользит по воде, ерошит голубую гладь, поднимая неспешную волну.

Сегодня у меня поездка в музей визуального искусства, инсталляции, современного коллажа и скульптуры.

Три больших здания в тихом осеннем саду встречают уже на улице зеркальными елками, избушками из выброшенного на берег моря дерева, милыми глиняными созданиями всех сортов, выглядывающими из кустов с рыжей листвой.

В музее выставка под названием «Надежда». Под ее сильными и добрыми знаменами рассказывается о любви к животным и природе, помощи бездомным и заблудшим, больным и неверующим. Некоторые инсталляции проникают до глубины души. В импровизированном крохотном кинотеатре идут короткие фильмы про то, о чем не думается то ли в силу загруженности бытом, то ли в силу отсутствия подобающего теме состояния души.

Вот один из фильмов. Бывший сотрудник дорожной службы полицейского управления Сан-Франциско рассказывает о своей почти 30-летней работе по спасению тех, кто решил оборвать свою жизнь, прыгнув с моста «Золотые ворота» – символа города Святого Франциска. Мост, который строился как символ надежды, унес жизни одной тысячи шестисот человек. Только на счету этого полицейского несколько сотен спасенных самоубийц, не удалось сохранить жизнь только двоим. Все они, занесшие ногу над бездной залива, – люди, потерявшие надежду. И смерть они себе выбрали нелегкую. Тела их несутся в океан со скоростью 75 миль в час, и скорость эта ломает им кости, едва тело соприкасается с водой. Не умершие сразу от этого шока мучительно тонут. А ведь порой и надо-то было, что только выслушать их кому-то и найти эту затерянную в беспросветных днях надежду. У полицейского самоубийцей был дед, выпивший яд.

Рядом в зале документы, письма, рисунки человека, просидевшего 29 лет в одиночке и выжившего только благодаря надежде построить когда-нибудь свой дом с цветочными клумбами, окнами на океан, просторным залом, где соберется вся семья... Он все эти годы мысленно превращал свою камеру в эту мечту. Был оправдан, вышел на свободу, построил дом и умер через три года от рака печени.

В большой нише грубо сделанные фигуры животных, некоторые покрыты бисером, другие из глины, третьи из ваты. На грубо сделанном «алтаре» статуя Святого Франциска из Ассизи. Под статуей детским почерком, неровным и круглым, слова его молитвы:

Господи, сделай руки мои продолжением Мира Твоего,
И туда, где ненависть, дай мне принести Любовь,
Туда, где обида, дай мне принести Прощение,
Туда, где рознь, дай мне принести Единство,
Туда, где заблуждение, дай мне принести Истину,
Туда, где сомнение, дай мне принести Веру,
Туда, где отчаяние, дай мне принести Надежду,
Туда, где мрак, дай мне принести Свет,
Туда, где горе, дай мне принести Радость.
Помоги мне, Господи,
Не столько искать утешения, сколько самому утешать,
Не столько искать понимания, сколько самому понимать,
Не столько искать любви, сколько самому любить.
Ибо воистину, кто отдает – тот получает,
Кто забывает себя – вновь себя обретает,
Кто прощает – тому прощается,
Кто умирает – тот возрождается в Вечной жизни.
Помоги же мне, Господи,
Сделай руки мои продолжением Мира Твоего.

Рядом со мной стоял высокий человек в черном тесном костюме и шептал слова молитвы; руки он держал сложенными перед собой и перебирал пальцами, как будто в руках держал четки.

Мне вспомнилась история, случившаяся со мной недавно во время поездки в Сан-Франциско. Перед отъездом из города мы с мужем зашли в небольшую часовню Святого Франциска из Ассизи, она уже много лет существует при католическом соборе в итальянской части города. Часовня была озарена каким-то непонятным светом; такой бывает ранним утром, когда луч внезапно врывается в комнату. С этим святым у меня особые доверительные отношения, с ним легко говорится, его тихая молитва всегда находит место в душе.

На обратном пути домой на скоростной трассе у нашей машины на полном ходу раскрошилась шина. С трудом уцелев, мы свернули с дороги и каким-то чудом смогли остановиться у заправочной станции. Рядом с нами затормозила машина, из нее поспешно выпрыгнул молодой крепкий мексиканец и улыбаясь направился прямо к нам. Узнав о нашей беде, он достал оказавшиеся у него в багажнике инструменты, поменял нам колесо и угостил мексиканскими сладостями. Звали парня Франциско.

Мы улетали из Балтимора ранним утром. Только всходило солнце, оно резало пурпурным ножом городские дома, заливало улицы, затекало в парки. Город английских баронов начинал новый день.

Я. Томчак
общественный активист, прапорщик запаса Вооруженных Сил Польши,
военный пенсионер (г. Старгард, Польша)

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМЕН ЗАБЫТЫХ ГЕРОЕВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Я занимаюсь поисками погибших воинов и замученных военнопленных Красной Армии на территории Западно-Поморского воеводства в Польше, где я проживаю. Во время Второй мировой войны, в феврале и марте 1945 г., здесь шли очень тяжелые бои. В боях за город Старгард и его окрестности погибло и умерло от ран 8,5 тыс. красноармейцев. Они заслуживают уважения, достойного захоронения и установления их имен для истории. На сегодняшний день мне удалось установить имена и фамилии около 10,4 тыс. солдат Красной Армии. Каждый такой успех – это еще один маленький шаг в восстановлении памяти о погибших и замученных воинах, повод для большого морального удовлетворения.

У поляков и русских общая история и происхождение. Мы – братья, славяне, поэтому мы должны дружить, уважать себя и свою историю. Особенно историю Второй мировой войны. В настоящее время ее трактуют по-разному. Поэтому перед людьми, которые хранят память о подвиге Красной Армии при освобождении Польши, стоят непростые задачи: борьба с пресловутой «декоммунизацией», переписыванием истории, сносом памятников. Это – очень опасные действия, грубо искажающие историческую правду о победителях в той войне. Что касается переписывания истории, я уже имел честь выразить мою позицию по данной теме на конференциях в Ялте и Керчи в феврале 2020 г.

В моем городе Старгарде расположено Международное Военное Кладбище (МВК), где, по первоначальным сведениям, похоронено 5 тыс. солдат. В течение полутора лет на основе Обобщенного банка данных «Мемориал»¹ (далее – ОБД «Мемориал») я устанавливал их имена и фамилии. В результате я обнаружил, что похоронено на этом кладбище не 5 тыс., а 6,4 тыс. солдат. В реестре кладбища указаны семь Героев Советского Союза. Мною было установлено, что их на самом деле восемнадцать. К сожалению, сегодня этот факт никому не интересен. Имена и фамилии этих героев и впредь останутся неизвестными.

В 2014 г. в ходе корректировки фамилий воинов я обнаружил затерянное военное кладбище «Neuen Kriegsgefangenenfriedhof» – «Новое Военное Кладбище» (НВК). С 2009 по 2013 г. я вел переписку с военветврачом III ранга О. Краснопольским (1914–2013), которую теперь храню в моем архиве. Письма и советы специалиста очень помогли мне определить месторасположение этого кладбища. С 2014 по 2018 г. я вел ожесточенную борьбу с нашими польскими инстанциями по вопросу о сохранении НВК в общественном доступе. При этом тщательно слежу, чтобы мои высказывания и запросы соответствовали нормам польского законодательства.

Немного об истории открытия НВК и борьбе за его спасение.

Многонациональный лагерь для военнопленных Шталаг IID (Stalag IID Stargard/Rompetn) был открыт в конце августа – начале сентября 1939 г. Находились в нем военнопленные почти из всех армий, воевавших против гитлеровской Германии.

¹ Обобщенный банк данных «Мемориал». [Электронный ресурс]. URL: <https://obd-memorial.ru/html/> (дата обращения: 29.01.2021).

Здесь появилось и тайное, затерявшееся впоследствии, кладбище советских военнопленных. До 2014 г. никто не знал о существовании этого кладбища, его название и местонахождение также оставались неизвестными. Знали о нем только те, кто там покойся. Застреленные, забытые насмерть, истощенные голодом, умершие в муках... Убили их немцы, а свои назвали их «без вести пропавшими». В 2013–2014 гг. мной была проведена проверка более 9 тыс. персональных карт в ОБД «Мемориал». На сегодня мной установлено 2,8 тыс. военнопленных, похороненных на НВК. В действительности общая численность похороненных там составляет более 3 тыс. чел.

Заключенные лагеря Шталага IID

5 марта 1945 г. Старгард был занят силами 61-й армии и 2-й гвардейской танковой армии из состава Первого Белорусского фронта. На территории бывшего лагеря Stalag IID расположились полевые госпитали Красной Армии. Для захоронения солдат, умерших в этих госпиталях, с тыльной стороны лагеря было устроено Полевое военное кладбище. Красная Армия не использовала для этих целей НВК. Таков был эффект от сурового приказа Сталина №270 о «предавших свою Родину дезертирах».

В моем личном архиве имеется копия аэрофотоснимка Шталага IID и зоны вокруг него, которую я купил в Национальном Архиве Великобритании. Данный аэрофотоснимок был сделан 13 июня 1944 г. После тщательного анализа снимка, записей персональных карт из ОБД «Мемориал» и переписки с Олегом Краснополским я пришел к выводу, что НВК находится в примерно 450 м к западу от северных ворот лагеря. При приближении этой местности на аэрофотоснимке без труда можно различить очертания НВК и места захоронений пленных красноармейцев. Все факты о НВК, собранные мной, были должным образом задокументированы. О том, что мне удалось установить, я сообщил в соответствующие учреждения. Проблемы в общении с чиновниками возникли с самого начала. Власти ничего не знали об этом кладбище и не интересовались дополнительной информацией. Мне не хочется думать, что причиной этого был политический контекст. На мой взгляд, это все же было следствием чиновничьей инертности и обычная лень.

Красная Армия была многонациональной. На НВК покоятся граждане одной страны, но разных национальностей. Здесь можно найти русских, белорусов, украинцев, грузин, татар, казахов и, конечно, поляков (граждан Речи Посполитой с территорий, присоединенных к СССР в 1939 г.), у которых уже не могло быть возможности выбора формы и знамени, под которым придется умирать.

Вид лагеря Шталаг ПД. Видна Neuen Kgf.Friedhof.
Снимок аэрофотосъемки, июнь 1944 г. National Archives Kew. UK. dok. AIR34/636

Я длительное время настаивал на проведении поисковых работ в этом месте, чтобы, наконец, проверить данные о НВК. Это оказалось трудной задачей, помощников не нашлось. Чиновникам важен документ, а не человек. Я просил, писал и звонил кому только было можно, и тем, кому нельзя – тоже. Обращаясь к чиновникам, указывал на нарушения законодательства. Два года борьбы дали результат – нашлись деньги на проведение поисковых работ на участке, где, по моим сведениям, была территория НВК.

Утром 3 сентября 2016 г. начались земляные работы. Оказалось, что на этой территории, кроме кустарника, есть старый мусор. Первые три попытки оказались безуспешными, но в ходе четвертой после удаления мусора удалось найти первые человеческие останки. Возле одного из скелетов был найден лагерный жетон с номером 11558. Тут же, на месте, он был идентифицирован. Жетон принадлежал Золотареву Герасиму Степановичу, умершему 30 сентября 1943 г. Оказалось, я был прав. Все, о чем я писал раньше, подтвердилось. Мне казалось, что проблемы в деле НВК закончились и начнется его восстановление. Но я ошибался. Чиновники отказывались придать этому участку статус Военного кладбища. Это важный вопрос, так как такие кладбища нельзя переносить или уничтожать. Меня это не остановило, и я продолжил воевать. В конечном итоге, мне повезло: три сотни писем и четыре года борьбы с разными учреждениями, наконец, дали результат и в мае 2018 г. НВК был присвоен ста-

тус Военного кладбища! По закону, на этом месте надлежит произвести полную эксгумацию останков, их идентификацию, восстановление могил и установку памятника. Однако, по официальной версии, начало работ по эксгумации было признано невозможным из-за отсутствия денег на уборку мусора и постройку нового ограждения. На самом же деле это – искусственная проблема, вызванная тем, что там покоятся останки красноармейцев. История тянется уже два года и всякий раз появляются все новые предложения для переноса сроков. Следовательно, вопрос восстановления НВК будет продвигаться очень медленно. На протяжении 75 лет останки военнопленных Шталага ПД покоятся под кустами и наслоениями мусора. Так не должно продолжаться. Это неправильно. Своей мученической смертью в нацистском концлагере они заслужили уважение. Родина надолго забыла о них, не зная, как правильно относиться к самому факту их пленения в ходе той – самой беспощадной в истории человечества – войны (вот уже многие десятилетия Сталину, с подачи геббельсовской пропаганды, приписываются якобы сказанные им слова: «Нет советских военнопленных, есть только предатели»).

Считаю необходимым восстановить память о погибших, вернуть им имена, вернуть честь и похоронить как следует. Это наш долг перед ними.

НВК – это самое большое военное кладбище красноармейцев, найденное после Второй мировой войны. Поэтому предпринимаются попытки обойти этот факт молчанием. С момента обнаружения мной этого кладбища прошло 6 лет. За это время мне удалось лишь установить его местонахождение и добиться присвоения ему статуса Военного кладбища. Я настойчиво буду добиваться своего и в дальнейшем.

Я против фальсификации истории. Нельзя смешивать погибших воинов и политику, нельзя воевать с погибшими. Это не приносит славы. Это подлость и несправедливое отношение к доблестной Красной Армии. Смерть везде одинакова, кровь у всех одного и того же цвета, а слезы матерей – одинаково горькие. Прошло много лет после первого дня Второй мировой войны; я ищу погибших, чтобы вернуть память о тех, кто умер здесь в муках, кто был истощен голодом, кто воевал за мою землю, и хочу, чтобы мы никогда не забывали о Дне Победы! Давайте вместе встанем за тех, кто сам себя уже не может защитить. Чтобы никогда не было забыто то, о чем позабыли наши государственные власти, - о том, кто погасил печи Освенцима.

Именно благодаря усилиям Красной Армии, оплаченным огромными потерями, мы, поляки и другие народы Европы, не превратились в пепел крематория, удобряющего почву «тысячелетнего рейха». Никто и никогда не должен забыть об этом, чтобы не повторилась эта страшная война, чтобы наша земля не содрогалась от разрывов бомб и снарядов. Чтобы не плакали наши матери, нам нужно помнить.

Нам нужно помнить о том, какой ценой досталась Победа. Всегда говорил и буду говорить, что мы, русские и поляки, над могилами наших погибших должны стоять не против друг друга, а плечом к плечу. Память – это связующее звено между прошлым, настоящим и будущим.

В заключение приведу слова советского писателя и поэта, бывшего фронтового корреспондента Константина Симонова: «Кто скажет вам, что пора забыть минувшую войну, назовите его предателем. Неустанно вспоминайте, какой страшной и неумолимо жестокой была она»¹. От себя добавлю: всегда, когда кончается война, настает тишина... Тишина военных кладбищ... Помните об этом.

¹ Статья о воспоминаниях Люцко А.В. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/vremya-3vybralo-ikh.html> (дата обращения: 29.01.2021).

Найденные предметы

20 лет
Свицев Павел
Владимирович
17.06.1923-23.05.1943

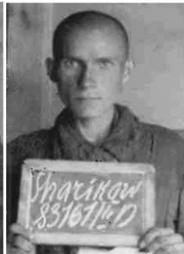
23 года
Комаровский Семен
Семенович
28.12.1920-17.03.1943

21 лет
Буренков Василий
Сергеевич
22.08.1922-06.05.1943

21 лет
Фил'юшин Никита
Андреевич
25.11.1923-07.06.1944

22 года
Жариков Владимир
Тихонович
1922-22.05.1944

20 лет
Мазурин Михаил
Васильевич
14.04.1923-20.05.1943

Парни, похороненные на Новом Военном Кладбище

VI. УНИВЕРСИТЕТ И ШКОЛА: ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ (ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ)

К.Р. Конохов

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Института истории и политики
Московского педагогического государственного университета*

СМЕХОВАЯ И КАРНАВАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Убеждение в том, что смех для человека благ и смеяться хорошо, достаточно основательно утвердилось в массовом сознании. Человек не может жить без смеха, он полезен и необходим. Смех как психофизиологическая реакция чрезвычайно важен: вызывает напряжение и расслабление мышц (своего рода гимнастика), провоцирует неритмичное дыхание (как йога), способствует производству эндорфинов, гормонов, стимулирующих «бодрость духа», память и сон¹. Считается, что минута смеха равносильна 10 минутам занятий в тренажерном зале или 15 минутам на велосипеде; за час смеха можно сжечь 500 калорий². Данные о том, на сколько смех продлевает жизнь, разнятся. Одни утверждают, что в среднем минута смеха продлевает жизнь на пять минут, другие же говорят о том, что всего 17 минут смеха – и вы будете жить на год дольше. Вызванный весельем позитивный настрой снижает шанс появления у человека любых болезней на 50%. Но не думайте, что все так просто: максимальное время, которое человек может смеяться – один час. Злоупотребление чревато: в 1782 г. некая миссис Фитцджеральд умерла после трех суток непрерывного смеха³. В современной медицине даже практикуется лечение смехом (смехотерапия) и существует наука «гелотология» (от греч. gelos – смех).

Аномалия – несмеющийся человек. Как известно, Гинденбург смеялся дважды в жизни: когда у него умерла теща и когда Николай II назначил себя главнокомандующим. Но это анекдот, подчеркивающий ненормальность Гинденбурга – человека, передавшего власть Гитлеру, а заодно – и Николаю II.

Итак, человек не может жить без смеха: природа наделила его стрессом, но дала и защитную реакцию. Однако возникает невольный вопрос: если смех продлевает нашу жизнь, то насколько он сокращает жизнь того, над кем смеются. Традиционно высмеивание считается одной из наиболее радикальных форм оскорбления. Но нельзя не отметить и другой, прямо противоположный, аспект: в дружеской компании время от времени подшучивают друг над другом, проверяя степень лояльности коллектива и отдельных его членов⁴. Во взрослой среде в случае конфликта предпочитают ругаться; подростки, не освоившие этические и социальные границы, прибегают к высмеиванию гораздо чаще, что нередко провоцирует острые конфликты. Недаром существует шутка, что смех может продлить жизнь, а может и сократить ее до нуля: все за-

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychologies.ru/wellbeing/luchshee-lekarstvo-pochemu-smeh-polezen/> (дата обращения: 16.01.2021).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/entertainment/20120401/611791705.html> (дата обращения: 16.01.2021).

³ [Электронный ресурс]. URL: <https://dni.ru/health/2015/4/1/299398.html> (дата обращения: 16.01.2021).

⁴ Артемова Ю.А. Ипостаси смеха. Ритуал, традиция и юмор. М., 2015. С. 223.

висит от того, над кем смеешься. Даже такие древнейшие формы фольклора как сказки и былины, зафиксировали тот факт, что насмешка почти всегда провоцирует столкновение; ее можно сравнить с извлечением оружия.

Сравнение смеха и оружия весьма распространено в научной литературе. Ссылаясь на авторитеты классиков, Ю.Б. Боров утверждал: «На деле смех – как отметил Н. Щедрин – оружие очень сильное, ибо ничто так не обескураживает порок, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех. А.И. Герцен писал, что смех – одно из самых мощных орудий разрушения; смех Вольтера бил, жег, как молния. От смеха падают идолы, падают венки и оклады, и чудотворная икона делается почернелой и дурно нарисованной картинкой (...) Все панегирики в честь смеха утверждают за ним славу мощнейшего оружия. В век атомной бомбы славить оружие было бы негуманно. Однако, в отличие от всякого другого оружия, смех обладает колоссальной избирательностью. Пуля – дура, не разбирает, в кого летит, ей безразлично. Смех – всегда метит шельму. Он может попасть только в уязвимое место личности или в уязвимую личность»¹. Здесь мы сталкиваемся с совсем другой степенью актуальности смеха: мишенью становится не человеческая персона с присущими ей недостатками и даже не социальный институт (церковь), а сфера общественного сознания – вера. Возникает весьма щепетильная и чреватая осложнениями уже для самого исследователя ситуация. Надо ли удивляться, что феномен веселости очень редко рассматривался историками и социологами, непосредственно погруженными в актуальный политический процесс? Гораздо чаще им занимались филологи и философы.

В филологии и литературоведении проблема смешного, как правило, выводилась за рамки эстетики, рассматривалась как проявление низких – биологических рефлексов. Наука занималась проблемой комического, но иногда разделить эти темы оказывалось невозможно. В.Я. Пропп вообще предлагал не делать различий: «Во многих случаях для различия между эстетической («высшей») категорией комического и внеэстетической («низшей») создается разная терминология. В одних случаях говорят о «комическом», в других – о «смешном». Мы этого отличия делать не будем; вернее, факты должны нам показать, правомерно такое деление или нет. «Комическое» и «смешное» мы объединяем под одним термином и понятием «комизм». Оба эти слова для нас пока обозначают одно и то же»².

На первый взгляд, различие, как будто, лежит на поверхности. Комическое – эстетическая категория, смех – физиологическая реакция. Следовательно, «смешное» – это то, что вызывает такую реакцию. Однако надо подчеркнуть, что комическое и смешное не тождественны. Удачная комедия может и не провоцировать хохот зала, наградой автору становится легкая улыбка или просто радостное настроение зрителя. И наоборот, ритуальный смех или смех, вызываемый щекоткой, никак нельзя подвести под категорию комического. Далеко не всегда смеются над тем, что можно описать, используя это понятие. Например, архитектура в принципе не может быть комичной³. Фотографиями забавных домиков заполнен весь интернет, но нельзя констатировать, что смешным может быть архитектурный стиль. Бурное веселье вызывает что-то другое... В 90-е все Подмосковье было заполнено мрачными кирпичными домами в 2–3 этажа с маленькими зарешетчатыми окнами, обнесенными бетонными заборами, увенчанными колючей проволокой. Хозяин, проведший лучшие годы жиз-

¹ Боров Ю.Б. Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М., 1970. С. 4.

² Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. СПб., 1997. С. 16.

³ Боров Ю.Б. Указ. соч. С. 18.

ни в неволе, теперь воспроизвел привычную среду жизни, соорудив свою маленькую индивидуальную тюрьму! Смеховую реакцию вызывает не сам по себе архитектурный стиль, а влияние на него личности владельца. Смех далеко не всегда связан с эстетикой, но всегда отражает определенный общественный конфликт: маленький (бытовой) или масштабный (политический). Иногда он его снимает, чаще – провоцирует.

В одиночку человек, особенно подросток, смеется редко, смех – коллективное достояние. Для активного веселья нужна компания: чем больше, тем лучше. Хохот распространяется в зале или толпе подобно волне, захватывая людей, совершенно не расположенных к подобной реакции. Чтобы комическая ситуация переросла в смеховую, необходима **заинтересованная**, соответствующим образом настроенная аудитория зрителей, или, точнее сказать, участников действия. Смеющийся одиночка вызывает сомнение в своей адекватности. Объяснить это несложно. Во-первых, должен присутствовать объект насмешки (кстати, совсем не обязательно – лично). Во-вторых, смеющийся должен быть уверен, что «снижаемое» достойно такого резкого отрицания, т.е. в собственной вменяемости. В этом заключается феномен закадрового смеха: телезритель чувствует, что он не один, что сюжет заслуживает его хохота.

Таким образом, видно, что смех – явление социальное, часто имеющее в современном обществе политическое звучание. «Комическое» – категория эстетики, «смешное» – общественно-политическая. Предельно заостряя эту мысль, скажем: «комическое» – оружие художника, «смешное» – политического агитатора. Другое дело, что этот «агитатор» себя в этом качестве, как правило, не осознает.

Философы понимали это достаточно четко и неоднократно поднимали проблему «добротного смеха». Очевидно, что «оружие» не может быть «добрым», и если смех – оружие, то он всегда злой. Справедливый, но злой. **Смеются всегда «над чем-то или кем-то...»**. Показательно, что В.Я. Пропп целую главу в своей книге «Проблемы комизма и смеха» посвятил добротному смеху, но ни одного примера привести не смог. Л.В. Карасев всю свою концепцию смеховой культуры строил, исходя из благотворного влияния смеха на человеческую личность и общество, но единственным примером добротного смеха считал смех детский¹. Очевидно, что детский смех является добрым потому, что ребенок не понимает, над чем смеется. Это – выражение удовольствия. Вряд ли кто-то скажет, что подростковый смех является добрым.

Особая проблема – нервический смех. У него тоже часто нет объекта. Один из пациентов З. Фрейда в период Первой мировой войны рассказывал ему, как после страшного обстрела они смеялись, глядя на дерево, увешанное останками их боевых товарищей. Офицер был уверен, что в тот день сошел с ума. На самом деле это была обыкновенная компенсаторная нервная разрядка после невероятного сильного стресса.

Похуже, смеховая культура и впрямь не знает доброты. Анри Бергсон был категоричен: «В этом смысле смех не может быть абсолютно справедливым. Повторяю, что он тем более не должен быть проявлением доброты. Его цель – утрачивать, унижая. Он не достигал бы ее, если бы природа не оставила для этого даже в лучших людях небольшого запаса злобы или по крайней мере язвительности. Быть может, нам лучше не останавливаться подробно на этом пункте. Мы не найдем в нем ничего особо лестного для нас»². Христос и Мухаммед, как известно, не смеялись... Мы имеем дело с опасной, обоюдоострой, разрушительной сущностью, природа которой не совсем ясна. Но в политической и социальной борьбе она используется все чаще.

¹ Карасев Л.В. Философия смеха. М., 1996.

² Бергсон А. Смех. М., 1992. С. 97.

Возникает вопрос, как бороться с этой разрушительной силой. Физиологическая реакция не может быть «плохой» или «хорошей». Этическими качествами ее надеяет человек или, точнее, общество. Когда мы говорим о «злобности» смеха, то имеем в виду его беспощадность по отношению к неприемлемому для субъекта (смеющегося) объекту (высмеиваемому). Улыбка может обидеть, всеобщий хохот низводит жертву «в ноль». Но проблема в том, что жертвой может оказаться не только порок, но и великое духовное начинание. Христос и Мухаммед не смеялись, ибо объектом их миссии был человек во всем его духовном величии, а не пороки, которые они изживали иными способами (чудотворением). Смех всегда «снижает», но он «снижает» разное: может «снижать» великое, а может – пагубное. Политолог и философ С.Е. Кургинян замечает: «Причем обе эти тенденции тянутся с наидревнейших времен. Т.е. буквально со времен зарождения комического жанра в античности. Тенденция №1, олицетворяемая Зеленским (чья ничтожность никоим образом не опровергает значимости тенденции), состоит в том, что ее представители с наидревнейших эпох и по сию пору все в большей степени любят ничтожество человека, радуются этому ничтожеству, подыгрывают ему. А представители противоположной тенденции №2 в мировом юморе с наидревнейших времен негодовали по поводу ничтожности человека, бичевали это ничтожество. И тут что Гоголь, что Чехов, что Салтыков-Щедрин (...) Ну и в глубь времен не так трудно это все продолжить: как №2, так и противостоящий ему №1. Причем две эти тенденции в мировом юморе отвечают двум тенденциям в мировой истории. Одна из них – вековая тенденция №2 – негодуя по поводу ничтожества человека и обнаруживая истоки этого ничтожества, требует освобождения человека от ничтожества во имя обнаружения источников человеческого величия и полноценного задействования этих источников для подлинного человеческого восхождения. А другая – столь же вековая тенденция №1 – восхищается ничтожеством человека и утверждает, что в этой ничтожности есть высочайший смысл»¹.

Быть ничтожеством – легко, ты не несешь никакой ответственности (ее возьмут на себя другие). Поэтому смеяться над героическим, возвышающим, всем тем, что требует колоссального труда и самопожертвования, многим приятно: смех снижает великое до их уровня. Восходить труднее, чем опускаться. В этом – подлинная опасность смеховой культуры. «Путь юмора – это всегда снижение, соскальзывание вниз, воображаемый регресс к более ранней стадии развития (индивидуального, исторического, родового) и приобретение способности смотреть с уровня одной стадии на другую. Ясно, что этот мгновенный спуск стал возможен лишь благодаря длительному и трудному пути вверх – пути, проделанному и самим индивидуумом на протяжении его жизни, и всем человеческим видом на протяжении его эволюционной и культурной истории. Нужно ли доказывать, что скользить вниз по склону гораздо легче и приятнее, чем карабкаться вверх? Реальный путь вверх продолжался долгие годы и века; воображаемый путь вниз длится несколько мгновений. Именно этим и объясняется громадная притягательность юмора»². Подростку спускаться легче: он тяжелый путь восхождения еще не прошел, и он ему не столь ценен.

Бороться с этой тенденцией нисхождения рациональными методами очень трудно, потому что смех апеллирует к физиологии – к тому, что универсально, просто и, главное, «всегда с нами»; мы не можем отказаться от своей природы. Рациональность

¹ Кургинян С.Е. Судьба гуманизма в XXI в. // Суть времени. № 366. 26.02.2020. С. 10.

² Козинцев А.Г. Человек и смех. СПб., 2007. С. 63.

требует напряжения мысли, здесь же мы сталкиваемся с легкостью ассоциативного мышления. Смеху может противостоять только смех, или «снижение снижающего». Далее – на освобожденную площадку могут вступать великие понятия и образы. Затем последует новый раунд борьбы. Именно поэтому объектом нашего исследования становится смех как общественный феномен. Он не может быть добрым, но может быть полезным, если истребляет зло.

Что же создает смеховую ситуацию? Смех – спонтанная реакция на противоречивое удвоение образа. Важно, что эти два образа: 1) относятся к одному и тому же предмету (объекту); 2) противоречат друг другу (чем более неожиданным образом, тем лучше); 3) оба легко узнаваемы. Часто добавляют, что важна неожиданность финала шутки. Это справедливо, но не для всех случаев: часто вызывает смех рассказанный к месту очень старый анекдот.

Приведем пример. У еврея начали умирать куры. Он пошел к раввину и попросил помочь. «Ты их как кормишь?» – спросил раввин. – «Насыпаю в кормушку и кормлю». – «Неправильно. Надо аккуратно насыпать на чистую землю ровными полосами, и они не будут умирать». Куры продолжалидохнуть, и еврей снова пришел к раввину: «Хм, надо насыпать волнообразно!» Ситуация не улучшилась, и еврей опять пришел к раввину: «Надо сыпать кольцеобразно!» Все куры погибли, и еврей снова пришел к раввину: «Жаль! У меня было еще столько интересных вариантов!». Смех вызывает то, что «мудрый» раввин начал вести себя как недалекий светский человек (сочетание двух образов), и вместо того, чтобы обратиться к Богу, начал давать глупейшие советы (неожиданное противоречие). Ситуации, когда мы следуем рекомендациям, не имеющим никакого отношения к сути возникшего конфликта, и потому попадаем впросак, известны каждому.

Отметим еще один парадокс смеховой культуры. Смех сам по себе не страшен (в отличие от болезни), страшно **осмеяние**. Но оно не всегда носит сугубо индивидуальный характер. Плохо, когда смеются именно над тобой; если же объект смеха депersonифицирован, то ситуация выглядит не столь опасной. Есть простой способ отвести от себя насмешку в том случае, когда ты не назван по имени: посмеяться вместе со всеми. Поэтому осмеяние явлений, институтов, моральных норм часто воспринимается не столь болезненно даже самими носителями этих норм, а стремление отвести от себя насмешку может вызывать даже внутрикорпоративный смех: мол, смеются над изьяном, а не надо мной. Подобный сюжет породил знаменитый гоголевский афоризм: «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!». Это делает особо уязвимыми перед глумом религии, государственные институты и отдельные социальные группы.

Таким образом, мишенью смеха часто становятся фундаментальные общественные структуры или важнейшие социальные ценности. Именно в этом Ю.Б. Боров и видел отличие юмора от сатиры: «Юмор, утверждая суть мира, отрицает частные недостатки, стремясь совершенствовать мир, не меняя его и без того прекрасной сути. Сатира же отрицает мир, казнит его несовершенство во имя его преобразования в соответствии с некоей идеальной программой. Она отрицает реальный несовершенный мир во имя целого идеального мира совершенных представлений, долженствований, принципов. Различия карнавального, сатирического и юмористического смеха существенны и кардинальны, но и в том, и в другом, и в третьем случае всегда так или иначе сочетается с отрицанием утверждение. Поэтому "карнавальный" смех отлича-

ется от сатиры не самим утверждающим началом, а его характером, назначением и формой сочетания с отрицающим, критикующим»¹.

Нам снова приходится вернуться к определению понятий. Смеховая культура определяет место и роль смеха в развитии общественных отношений. Например, шутить и смеяться на похоронах у нас считается неуместным, но еще 60–70 лет назад в некоторых районах Белоруссии и Украины похоронный обряд практиковал смеховые игры. Смеховая культура подразумевает диалоговые и интимные ситуации (например, кого можно щекотать, кого – нет). Карнавальная же культура – это сфера публичной смеховой культуры, апеллирующей к общественным архетипам (традиции).

М.М. Бахтин, изданный, пожалуй, единственным исследованием, посвященное роли карнавальской культуры в общественном процессе², не придавал сатире столь глобального значения; зато гораздо больше внимания, в контексте перестройки мира, уделял именно карнавному смеху, подчеркивая его социальное значение – освобождение от страха. «Веселая правда о мире, основанная на доверии к материи и материально-духовным силам человека, которую провозгласила эпоха Возрождения, в средние века утверждалась стихийно в материально-телесных и утопических образах смеховой культуры, но индивидуальное сознание отдельного человека далеко не всегда могло освободиться от серьезности страха и слабости. Даруемая смехом свобода часто была для него только праздничной роскошью. Таким образом, недоверие к серьезному тону и вера в правду смеха носили стихийный характер. Понимали, что за смехом никогда не таится насилие, что смех не воздвигает костров, что лицемерие и обман никогда не смеются, а надевают серьезную маску, что смех не создает догматов и не может быть авторитарным, что смех знаменует не страх, а сознание силы, что смех связан с производительным актом, рождением, обновлением, плодородием, изобилием, едой и питьем, с земным бессмертием народа, что, наконец, смех связан с будущим, с новым, с грядущим, очищает ему дорогу. Поэтому стихийно не доверяли серьезности и верили праздничному смеху»³. Так, подросток всегда боится наказания; поэтому, смеясь, он дискредитирует взрослый мир и саму сущность санкции.

Однако страх страху рознь. Человек боится не только карающей силы государства; он боится Бога, осуждения общества, своей совести, наконец. Во что превратится личность, избавленная от «химеры совести»? Это – не риторический вопрос, а проблема сегодняшнего мира (и науки).

Попробуем наметить некоторые подходы и разобраться с основными принципами и приемами функционирования карнавальской культуры. В настоящий момент никакого исчерпывающего списка нет, поэтому нам приходится опираться на фундаментальную работу М.М. Бахтина. Все описанные нами категории характерны не только для взрослого, но и для подросткового «юмора».

Снижение – основной функционал карнавальской (смеховой) культуры, для осуществления этой функции она использует достаточно обширный инструментарий. «Но не только пародии в узком смысле, а и все остальные формы гротескного реализма снижают, приземляют, телеснивают. В этом основная особенность гротескного реализма, отличающая его от всех форм высокого искусства и литературы средневековья. Народный смех, организующий все формы гротескного реализма, искони был

¹ Боров Ю.Б. Указ. соч. С. 41.

² Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Его же. Собрание сочинений. Т. 4(2). М., 2010.

³ Там же. С. 108.

связан с материально-телесным низом. Смех снижает и материализует¹. Нас особенно интересуют формы, связанные с архетипом, представлениями, бытующими в обществе на протяжении многих веков. Для первобытных верований понятие «низ» не существует вообще: человек со всеми его физиологическими потребностями неотделим от природы. Он полностью зависим от окружающей среды и не имеет на нее почти никаких инструментов воздействия, кроме магии. В этом отношении он близок к животному. Известное нам высказывание: «*Ничто естественное не безобразно*», - с животными нас и сближает. Постепенно возможности воздействия на природу расширяются, зависимость от биологических потребностей, если не сокращается, - есть все равно надо, - то контролируются самим человеком; еды достаточно, и он решает, когда и сколько потреблять пищи. Для сытого, цивилизованного горожанина такая зависимость от природы становится смешной; она слишком контрастирует с его социальной сущностью. Чем более скрываются сближающие человека и животное свойства, тем больше веселья вызывает их неожиданное проявление. Биологическое противопоставляется духовному, «низкое» – «высокому».

Снижение – дискредитация через упрощение или сведение человеческого образа к неким примитивным формам, лишенным творческого – одухотворенного начала, к физиологическим проявлениям; уподобление животным, предметам, нечисти (физиологической, моральной или мифологической). Приемы снижения можно условно отнести к трем уровням, отражающим биосоциальную природу человека: физиологическому (еда, плевок, испражнения, половые органы, уродства (левша), гротескные органы – нос, рот); психосоциальному (пьянство, ругательства, лень, вранье); социально-политическому (неадекватность церкви, власти, суда и других государственных институтов). Каждый следующий уровень включает в себя предыдущий.

Характерный пример, взятый из индийской традиции, приводит волхв Богумил: «Выйдя от гуру, этот человек отправился на поиски. Но так и не смог найти ничего хуже себя. Затем, случайно взглянув на свои собственные экскременты, он воскликнул: "Наконец-то я нашел то, что, несомненно, хуже меня!". Он протянул было руку, чтобы взять экскременты и отнести их садху, как вдруг услышал голос, исходящий прямо из них: "Не притрагивайся ко мне, о грешник! Я был сладким, вкусным и красивейшим тортом, достойным того, чтобы принести его в дар богам. Но, к несчастью, я попал к тебе в руки и в результате был низведен до этого отвратительного состояния. Теперь люди отворачиваются от меня, закрывая носы платками. Лишь единственный раз я пообщался с тобой – и с таким плачевным результатом! Если ты прикоснешься ко мне опять, я могу превратиться во что-нибудь гораздо худшее". Так этому человеку был преподан надлежащий урок, после чего он стал смиреннейшим из смиренных и в результате достиг наивысшего совершенства². В данном случае человек низводится не просто на уровень собственных экскрементов, он опускается еще ниже! Теперь обратимся к принципам, характерным в большинстве случаев как для смеховой, так и для карнавальной культуры.

Гротеск – принцип выстраивания (функционирования) смеховой культуры. Уродливое преувеличение характерно и для древней, и для современной карнавальной традиции. Однако это не просто преувеличение, и далеко не всегда уродство, характерное для типичной гротескной формы – карикатуры. Гротеск – это принципиальная незавершенность («становление»), дисгармония, совмещение несовместимого

¹ Там же. С. 30.

² Волхв Богумил. Трикстер в славянской традиции. М., 2013. С. 398.

го. В этом смысле, он всегда противостоит порядку космоса и апеллирует к хаосу. Он старается уничтожить романтический пафос, который обращается к возвышенному идеалу, т.е. к совершенству. Дискутируя со Шнеегансом, М.М. Бахтин доказал, что гротескным формам подвержены **все, а не только дурные** стороны жизни. Гротескное утрирование положительных явлений делает смеховой мир богаче и разнообразнее. Оказывается, смеяться можно не только над пороками. С помощью гротеска смеховая культура легко проникает в сакральное¹.

Мысль М.М. Бахтина о том, что гротеск позволяет выставить в смешном свете все, что угодно, поддержал и Ю.Б. Боров: «Нет предметов, не бросающих тень, нет людей без слабостей или ошибок, явлений абсолютно совершенных, а с другой стороны, мерила совершенства, критерии комизма различны и зависят от эстетических идеалов. Поэтому высечь искру смеха можно из всего или почти из всего. Но загорится ли от этой искры пламя истинного комизма или же острота закипит, зашипит, забрызжет желчью и слюной злопыхателя и пасквилянта, - это зависит от того, что, как и с каких позиций осмеивается»². Гротеск – не более чем прием, применяемый для освещения тех или иных сторон жизни. Карнавальная культура – элемент самой жизни во всей ее «реальности» и «недостатках», которые можно при желании и придумать для получения комического эффекта.

Открытость – принцип функционирования карнавальная культура: смех должен стать всеобщим, тем самым снижение подтверждается всеми участниками веселья. Аудитория не делится на актеров и зрителей; в карнавале участвуют все, и все равны перед правилами карнавала. В театре зрителей и актеров разделяет рампа; в данном случае эта рампа тщательно, последовательно уничтожается. Карнавал не знает сторонних критиков и наблюдателей. Это связано с историческим прошлым языческих ритуалов. Когда племя обращалось к богам с просьбой послать урожай или избавиться от какой-либо напасти, моление не могло не быть единодушным; альтернативные мнения не подразумевались и не допускались. «Когда в одной бирманской деревне разразилась эпидемия холеры, мужчины, которые покрепче, вскарабкались на крыши и направо и налево колотили по ним бамбуковыми палками и поленьями, **в то время как остальная часть населения от мала до велика** стояла внизу и была в барабаны, дула в трубы, пронзительно кричала, колотила по полам, стенам, оловянным кастрюлям...»³. Само неучастие в обряде могло быть опасным.

Обратное тоже верно: несанкционированное вмешательство в ритуал грозило самыми печальными последствиями. При борьбе с эпизоотиями применялось «опахивание»: женщины плугом прочерчивали борозду вокруг села. Считалось, что духи болезни не могут ее преодолеть. Поэтому любому животному или даже человеку, приблизившемуся к процессии, грозила смерть⁴. В большинстве случаев жертвами становились местные кошки.

Правила карнавала мягче, но и они требуют всеобщего участия. Смеховое действие постоянно стремится расширить круг вовлеченных в него людей. Чем шире круг, тем устойчивее смех. Именно поэтому в юмористических шоу, ток-шоу зрителей стараются всячески вовлечь в действие. Закадровый смех не только обозначает шутки для особо тупых, но, как уже отмечалось, вовлекает зрителя в смеховое поле.

¹ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 331.

² Боров Ю.Б. Указ. соч. С. 28.

³ Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 2012. С. 655.

⁴ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 218.

Всеобщность отрицания – принцип функционирования карнавальской культуры: если мы высмеиваем недостаток, то он должен быть изжит. Другой вопрос: что является предметом осмеяния – отдельные частные недостатки, уродства, порча, или фундаментальные основы человеческого общежития? Для карнавального смеха характерно последнее. Согласно концепции А.Г. Козинцева, смех разрушает не только человеческую речь, но и саму культуру: «"Смена перекодировки", о которой пишет Дикон, состояла, по-видимому, совсем в ином. Все вышесказанное заставляет думать, что после возникновения человека смех превратился в знак коллективной негативистской игры, направленной уже не только против норм отношений между особями внутри сообщества (как у обезьян), но и против двух фундаментальных человеческих новоприобретений. Во-первых, против речи, как радикально новой системы коммуникации, не имеющей параллелей в животном мире и, вероятно, вызвавшей на первых порах нечто вроде информационного шока. Во-вторых, против культуры – свода обременительных правил и запретов, автоматически порождаемых речью»¹. Радикализм этой позиции принять сложно, но то, что карнавальский смех зачастую направлен против важнейших общественных ценностей, – справедливо. В данном случае, нам важны не различающиеся формы, а как раз то, что объединяет карнавальский и сатирический смех, – «отрицание реального несовершенного мира». Смех, как мы уже отметили, очень радикальное орудие наказания, близкое к оружию. Вот характерный образ, отражающий тяготение карнавала к глобальному отрицанию: еврей собирается уезжать из СССР. Его подводят к глобусу и спрашивают: «И куда Вы поедете? В Израиле арабские террористы, в США – гангстеры, в ЮАР – расисты и черный криминал, в Греции – диктатура». – «Послушайте, а у вас нет в запасе другого шарика?»². Актуально.

Культ праздности – принцип функционирования карнавальской культуры, характерный уже для современности. Мне сложно говорить о западной культуре, но в России эта особенность появилась в период развития общества потребления. Современный «карнавал» в принципе не допускает работы; он противоположен труду как тяжелой и нежелательной обязанности человека. Более того, карнавал исключает всякие иные виды деятельности, кроме веселого разгула. (Э.А. Рязанов, «Карнавальная ночь»: «Ведь на то и Новый год, чтобы петь и веселиться!»). На самом деле труд вовсе не антагонистичен празднику. Во-первых, он может непосредственно включать в себя рабочий элемент, как, например, праздники завершения жатвы³. Во-вторых, праздник сельскохозяйственного цикла – это всегда подведение итогов и моление о будущем урожае. Причем разделить языческие и христианские элементы далеко не всегда возможно. За тысячелетие церковь проделала огромную работу по интеграции древних хозяйственных культов⁴. В-третьих, сама работа может рассматриваться как праздник коллективного труда. Это отражено не только в известных кинофильмах «Трактористы» или «Кубанские казаки». Такую же оценку мы встречаем в прямо противоположном по концепции романе Ф.А. Абрамова «Две зимы и три лета»⁵.

¹ Козинцев А.Г. Указ. соч. С. 118.

² Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М., 2014. С. 1014.

³ Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. М., 2013. С. 330–331; Фрезер Дж. Дж. Указ. соч. С. 752–753. Я умышленно привожу в качестве примера столь разные работы.

⁴ См., напр.: Калинин И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 2013.

⁵ Абрамов Ф.А. Две зимы и три лета // Абрамов Ф.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Л., 1990. С.478–488.

Но у карнавала есть еще одна особенность. Он часто представляет собой наиболее радикальную сторону массового социального протеста. В литературе иногда отмечают, что смеховая культура направлена против несправедливости и общественного зла¹. Но это утверждение парадоксально. Карнавал Нового и Новейшего времени – единство эксплуататоров и эксплуатируемых, выведенное за рамки трудовой деятельности вообще. Такая ситуация в принципе возможна, но не в реальном мире, а в смеховом. В итоге, этот протест становится своей противоположностью; он утверждает зло и хаос, постепенно перерастая в шабаш.

Теперь перейдем к приемам выстраивания смеховой культуры.

Показ ситуации «шиворот-навыворот» – прием выстраивания смеховой ситуации, т.е. показ объекта насмешки с заведомо необычной стороны. Двоение образа может быть вызвано искусственно, хотя для этого используется объективная предпосылка: любой предмет противоречив; задача карнавала – показать его с неожиданной, неосвещенной стороны. В большинстве случаев «неосвещенная сторона» – низ, изнанка, то, о чем не принято говорить и демонстрировать людям. В повседневной жизни «верх» и «низ» разделены. Однако последний, в силу своей «естественности», постоянно стремится вырваться наружу и подчинить возвышенное. На это обращает внимание М.М. Бахтин: «Но почему образ "внутренностей" играл такую роль в гротескном реализме? Внутренности, живот, кишки – это чрево, утроба, это – нутро, это – жизнь человека (обратите внимание на одиозную подмену! – К.К.). Но в то же время это и поглощающая, пожирающая утроба. Этим двояким значением, так сказать, – верхом и низом этого слова обычно играл гротескный реализм (...) Но дело еще сложнее. Внутренности и кишки связаны с испражнениями и калом. Далее, утроба не только ест и поглощает, но ее и самоё едят и поглощают (кушанье требухи) (...) Так, в образе "требухи" стянуты в один неразрывный гротескный узел – жизнь, смерть, рождение, испражнения, еда; это – центр телесной топографии, где верх и низ переходят друг в друга. Поэтому в гротескном реализме этот образ был излюбленным для амбивалентного материально-телесного низа, умерщвляющего и рождающего, пожирающего и пожираемого. "Качели" гротескного реализма, игра верха с низом, в этом образе великолепно раскачиваются; **верх и низ, земля и небо сливаются**»². Проще говоря, хорошее становится плохим, а плохое – хорошим.

Это преворачивание также имеет свою историю. В процессе колдовства нечистая сила (черт, ведьма, колдун) должны были перекувырнуться, т.е. обратиться к потустороннему миру, где «все наоборот». Именно поэтому колдующую ведьму часто представляли в виде колеса («Ведьма кидалась колясом, ее поймают и начинают колотить, а она ваячить. Колдуны болезнь наколдовывали, портили»³), а черту, чтобы он начал работу, давали затрепину, которая его преворачивала.

Исполнителем в такой ситуации становится фигура трикстера – персонажа, который делает все наоборот относительно нормального общественного представления (морали), но вызывает сочувствие. Этот герой очень хорошо известен в сказке. Мы его знаем как персонажа сугубо положительного. Это – Иванушка-дурачок, обманщик, иногда – благородный разбойник. Все они поступают «неправильно» (то шуку отпускают, то идут ночью дежурить на могилу отца), но, в конечном итоге, добиваются успеха. В волшебной сказке трикстеров объединяет правильное исполнение за-

¹ См., напр.: Карасев Л.В. Указ. соч.

² Бахтин М.М. Указ. соч. С. 173–178.

³ Былички и бивальдины Воронежского края / Сост. Т.Ф. Пухова. Воронеж, 2008. С. 37.

бытых ритуалов. В.Я. Пропп указывал, что на этом пути происходит переосмысление обряда: «Чаще встречается другое соотношение, другое явление, явление, которое можно назвать переосмыслением обряда. Под переосмыслением здесь будет пониматься замена сказкой одного какого-нибудь элемента (или нескольких элементов) обряда, ставшего в силу исторических изменений ненужным или непонятым, - другим, более понятным»¹. Далее автор отмечает, что подобное «неправильное» поведение может являться следствием отмирания ритуала². Рамки поведению трикстера задает само общество. Литературный трикстер «живет» в зонах социальных аномалий. Невозможно себе представить, чтобы Остап Бендер обманул честного человека. Тогда он теряет всю свою привлекательность для читателя. Буратино (классическому детскому трикстеру), оказавшемуся в здоровой среде, тоже приходится менять свое поведение. В карнавальной культуре понятие «больная социальная ткань» подменяется понятием «больное общество». Частное отрицание локальной порчи подменяется всеобщим отрицанием **всех** социальных устоев. Трикстер разрушает рамки, которые ему ставит здоровый общественный организм (его просто нет, он **весь** болен). Переворачиваются сами критерии должного-недолжного. В результате, трикстер теряет положительные качества и превращается в «очаровательного черта». В качестве типичных примеров таких «сорвавшихся с цепи» трикстеров можно указать персонажей романа «Духless» С.С. Минаева и героя подростковых анекдотов Вовочку. («Вовочка, правда, что твой дедушка, когда был маленьким, принимал участие в Великой Отечественной войне?». – «Да». – «А что он делал?» – «Играл солдатам на губной гармошке». – «И что ему говорили солдаты?» – «Гут! Гут! Зер гут!»).

Неадекватность слов – прием выстраивания смеховой коллизии. Подобно тому, как «шиворот-навыворот» строятся смеховые ситуации, само значение слов в смеховой культуре выворачивается наизнанку, подменяется двусмысленностью, искажается. Это прямое следствие гротеска: описать незавершенный процесс, процесс становления тяжело; отсюда неясность, двусмысленность образа – слово отражает одновременно и бывшее, и будущее, естественно, в карнавальном – снижающем значении. Наиболее простым примером является блазон (похвала-осуждение): «Наши воры самые вороватые воры в мире!». «Блазон сохранял в большей или меньшей степени двойственность тона, двойственность оценки, т.е. противоречивую полноту тона; он позволял делать хвалу иронической и двусмысленной, он позволял хвалить и то, что обычно хвалить было не принято»³. Сюда же можно отнести разные словесные нелепицы (оксюмороны), вульгарные прозвища, ругательства и т.д.

Важное значение в смеховой и карнавальной культуре имеют ругательства. «**Ругательство – древнейшая форма амбивалентного образного отрицания...**»⁴. Ненормативная брань указывает на предмет, но не описывает его. Изначально матерные ругательства служили мощнейшим оберегом (обращение к культу предков и дискредитация предков чужих) и одновременно – носителем мощного эмоционального заряда, побуждения к действию. Однако постепенно обценные формы стали универсальными заменителями любой грамматической конструкции, стимулирующей действие, но при этом лишенной смысла. Соотношение гротеска и превращенного смысла слов отлично понимал М.М. Бахтин, но он оценивал это явление положительно: гротеск – принцип, а неадекватность слова – прием в рамках этого принципа. «Наконец, эта

¹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 11.

² Там же. С. 12.

³ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 457.

⁴ Там же. С. 441.

концепция тела (гротескного тела. – К.К.) лежит в основе ругательств, проклятий, божбы, значение которых для понимания литературы гротескного реализма исключительно велико. Они оказали прямо организующее влияние на всю речь, на стиль, на построение образов этой литературы»¹.

Карнавальная драка – прием выстраивания смеховой ситуации: насилие без всякого мотива и цели. Это уже сам по себе внутренне противоречивый, а, следовательно, смешной объект. А.Г. Козинцев возводит человеческий смех к протосмеху человекообразных обезьян. В среде животных подается своеобразный сигнал, что агрессия производится понарошку, в данном случае перед нами просто игра. Карнавальная драка всегда столь же бессмысленна, сколь драка свадебная. «Свадьбу средили хорошо. Пирог из печек летят, вино из бочек льется. Двадцать генералов на этой свадьбе с вина сгорело. Тройих сенаторов в драки убили. Все торжество было в газетах описано»². Исторические корни свадебной драки легко обнаруживаются в межродовых противоречиях, когда невест у соседней иногда приходилось брать, преодолевая сопротивление семьи. Классический пример – похищение сабинянок. Кстати, в подобных столкновениях проверялась возможность новых родственников защитить молодую семью. Были и более «прагматические» объяснения свадебного насилия: в бытовой практике приходилось отбиваться от нечистой силы и ее «носителей». Эта особенность иногда проявляется и сегодня. Колдуна на сельской свадьбе можно ублажить, а можно и обезвредить. Для этого ему было достаточно разбить нос.

Иногда драки происходили по прямо противоположному поводу – на похоронах, в ходе тризны. Это были своего рода посмертные развлечения героев, дань памяти и своего рода жертва, необходимая, чтобы удовлетворить их кроваждную натуру. Д.К. Зеленин описывает ситуацию, когда неправильно похороненные богатыри требовали бурной посмертной тризны. После ее проведения они больше не тревожили горожан³.

Немотивированное смеховое насилие служит пределом дискредитации человека. В животном мире любая борьба всегда имеет причину (борьба за пищевой ресурс, самок и т.д.). У человека в ходе карнавальной драки никаких поводов для насилия нет, и поэтому он выступает в чисто гротесковой роли: причем наиболее ярко проявлен именно вектор нисхождения – к животному и ниже. Очевидны слом «рампы» и отрицание всяческих иерархий и порядков.

Маска – атрибут карнавальной культуры. Ее роль двойка – символическая и прагматическая. Символическая демонстрирует перевоплощение человека. Наиболее древние из масок – ритуальные. Еще первобытные охотники, надевая костюм из шкуры зверя, как бы отождествляли себя с ним. Позже личина становится средством для отпугивания злых духов; известны разнообразные формы погребальных масок, с помощью которых специальные актеры в Древнем Риме «исполняли роль» покойных⁴. Важно, что человек в маске становится **другим человеком**; изменение формы влечет изменение содержания, человек становится неадекватным себе (гротеск!). Этому превращению посвящен американский фильм «Маска». Для актера маска – его сценический образ (на сцене Петросян – дурак, но вряд ли кто-то будет считать его дураком в жизни). А.И. Райкин любил и часто менял костюмы: они не позволяли его личности сливаться с образом. Для современных юмористов маска, ломая рампу, начинает за-

¹ Там же. С. 38.

² Озаровская О.Э. Пятиречие. СПб., 2000. С. 283.

³ Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995. С. 139.

⁴ Стаховский С.В. Театральная культура Древней Руси. М., 2012. С. 133–135.

полнять уже реальную жизнь. Хазанов, например, писал в графе «национальность» «осетин» – вполне жизненная личина актера¹.

Прагматическая роль маски имеет социальные корни. Подвергнуться осмеянию в ходе карнавала может каждый участник, вольный или невольный. Праздник сам по себе демократичен: карнавального короля избирают, как и остальных ролевых участников действия. Гарантией от неприятностей является маска. Она позволяет сохранить анонимность не только позорящему, но и опозоренному; поэтому горе тому, кто теряет свою маску в ходе праздника. Тот, кто владеет тайной маски, получает страшную власть над участником действия.

А теперь соединим обе эти функции. Подобно тому, как в Древнем Риме живой мог с помощью личины перевоплотиться в умершего, порядочный человек превращался в разбойника и убийцу. Вопрос заключается в том, что будет, когда он снимет маску, и куда уйдет карнавальная свобода. Это является предметом исследования не только для историков, но и для психологов.

В заключение обрисую некоторые типичные объекты атаки карнавальной культуры. Достаточно очевидно, что это могут быть социально-политические институты: церковь, государство, суд, армия и т.д. Даже спорт! Везде, где ведется борьба, есть соблазн включить механизм карнавального снижения противника. Но я хочу обратить внимание на другое. Существуют некоторые особенности идеологических и организационных структур данных институтов, которые делают их особенно уязвимыми для атак смеховой культуры. Когда эта «особенность» сопряжена с неким пороком (например, волокитой или коррупцией), купировать ее теоретически несложно: надо «просто» этот порок решительно искоренять. Ситуация становится гораздо сложнее, если эта особенность не носит криминального характера или необходима для правильного функционирования института.

Наиболее распространенными и опасными являются органически или не органически присущие объекту атаки противоречия. Внутренне цельных, непротиворечивых людей и явлений в реальной жизни не существует, поэтому, чтобы вызвать смеховую реакцию, надо публично представить **внутренний конфликт атакуемого объекта**: чем резче и неожиданней, тем лучше. Этот прием можно использовать для критики институтов, хорошо защищенных цензурой. Таким атакам подвергалась Русская православная церковь. «Большой любитель был отец Мирон до рыбки (...) На какой-то праздник никак у него не клевало. А все отец Мирон надежды не теряет, все на берегу сидит. Пора бы уж и к вечерне звонить. Пономарь еле нашел его на реке: "Не пора ли, батюшка, к вечерне?" – "Ни, ни, ни! – замахал руками отец Мирон. – Ни за веревочку! Как он ко мне, так и я ему!" (Сюжет записан в конце XIX в. – К.К.)»². Зоны критики вскрыть несложно: атаковать можно любой объект, надо только обнаружить его внутренние противоречия и противопоставить их друг другу. В приведенном выше анекдоте поп Мирон является одновременно еще и язычником (подобная претензия может быть предъявлена только к водяному).

Еще одним поводом для осмеяния является **несоответствие карнавальному идеалу**. В начале статьи мы уже приводили мысль Ю.Б. Борева: сатира критикует объект не с позиций реальности, а с позиций некоего возвышенного идеала, естественно, неосуществимого. Когда этот образ положительный, ничего страшного в сме-

¹ [Электронный ресурс]. URL: https://bulvar.com.ua/gazeta/archive/s31_63174/5556.html (дата обращения: 16.01.2021).

² Рыбак // Сказки. Кн. 3. М., 1989. С. 260.

ховой ситуации нет; мы обычно относим такие произведения к юмористическому жанру. Но часто осуществляется характерная для карнавала подмена **самого идеала**. Карнавал – преимущественно аграрный праздник, смысл которого в наращивании материального благосостояния общины. У сезонных богов просят обильного урожая, богатой добычи, здорового приплода скота. Уже в средневековье сама природа идеала изменилась – он стал христианским (исламским). Современному человеку нужно больше – духовное и культурное совершенствование. Эту смену карнавал не принял. Именно с подобных позиций, мещанского «продуктового благополучия», осмеивался коммунизм: «Агитатор: "При строящемся социализме мы обеспечили каждому советскому человеку велосипед, при развитии социализме – машину, при коммунизме обеспечим самолет!" – "А зачем мне самолет?" – "А вот узнаешь, что в Челябинске гречку продают, сел и полетел!"».

Второй элемент карнавального идеала – тяга к внешним формам (эффектам): злых духов надо было отпугивать «ужасными рожами», а добрых богов убажывать прекрасными картинками. Это стремление и порождало жуткие маски древних ритуалов, с одной стороны, и совершенные творения античной скульптуры – с другой. Если в древнем карнавале форма и содержание находились в гармоничном единстве, то сегодня смеховая культура это единство нарушила. Для карнавальной культуры внешний эффект приобретает самодостаточный характер.

Любопытный результат дает сочетание первой и второй позиций: внешняя сторона действия полностью выхолащивает или скрывает его содержание¹. Частный случай описанного явления – осуществление превращенной формы через манипуляции с пищевыми продуктами, когда любой идеал так или иначе сводится к еде: «26 марта 2015 г. был проведен кондитерский конкурс в Красноярске, посвященный 70-летию Великой Победы: "В конкурсе приняли участие 14 лучших работников кондитерской и хлебопекарной промышленности региона. Мастера-кондитеры изобразили в жанре десерта различные батальные сцены, боевую технику, оружие, парад танков у Кремля, а также Вечный огонь и памятник Родине-матери на Мамаевом кургане. Главный приз достался трехъярусному торту с "похоронкой", "Вечным огнем" и фигуркой мужчины, держащего на руках тело убитого ребенка, сильно напоминающей скульптурную композицию мемориального комплекса "Хатынь"»².

Борьба двух идеалов – возвышающего и снижающего – пронизывает всю историю смеховой культуры. Для карнавала «снижающий» идеал (его можно назвать «антиидеалом») является преобладающим. В литературе все гораздо сложнее. Здесь наиболее четко проявляется двойственность смеха: «светлый и несущий примирение в душу смех» (Гоголь), одухотворенный отсекает все, что мешаet движению к идеалу духовному, христианскому, противостоящему «снижению» человека.

Не менее уязвимой зоной становятся **пафос** и **романтическая** увлеченность, которые подразумевают показ субъекта с одной стороны и возвышенный стиль. Руки чешутся, чтобы этот стиль исковеркать! Основной функционал смеха – снижать. Поэтому он чужд любому возвышающему мотиву: пафосу, героике, творческому полету мысли. Не любит карнавал показывать положительную сторону жизни: как мы уже отмечали, его больше интересует изнанка. В этом отношении карнавальный смех амбивалентен: ему все равно, что разрушать – ложный или истинный пафос.

¹ Я иногда спрашивал: «Чем тебе **конкретно** понравился сериал "Игра престолов"?». После непродолжительного молчания следовал ответ: «Там такие красивые рыцарские турниры!».

² [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/03/31/cake/> (дата обращения: 16.01.2021).

Приведу литературный пример из повести А.П. Гайдара «Судьба барабанщика», где смеховым приемом дискредитируется негодяй: ««Трам-там-там! – Он закрыл ладонью струны и, довольный, рассмеялся. – Что, хороша песня? То-то! А кто сочинил? Пушкин? Шекспир? Анна Каренина? Дудки! Это я сам сочинил. А ты, брат, думал, что у тебя дядя всю жизнь только саблей махал да звенел шпорами. Нет, ты попробуй-ка сочини! Это тебе не то, что к мачехе в ящик за деньгами лазить. Что же ты отвернулся? Я тебе любя говорю. Если бы я тебя не любил, то ты давно бы уже сидел в исправдоме. А ты сидишь вот где: кругом аромат, природа. Вон старик Яков из окна высунулся, в голубую даль смотрит. В руке у него, кажется, цветок. Роза! Ах, мечтатель! Вечно юный старик-мечтатель!» – «Он не в голубую даль, - хмуро ответил я. – У него намылены щеки, в руках помазок, и он, кажется, уронил за окно стакан со своими вставными зубами»¹.

Вызывает смех и **арханка**, утратившие значение и ясность обряды. Пока смысл обращения к Высшему понятен и воспринимается обществом как актуальный, смех посягнуть на него не может. В лучшем случае это будет воспринято как кощунство. Но по мере того, как идеал или ритуал утрачивают свою актуальность или смысловое наполнение, они становятся мишенью для смеха. В ряде случаев обрядовое действие сохраняет свою общественную значимость, но представляется устаревшим. При этом совершенно не важно, насколько функциональным или важным оно является для общества; принципиально, что его смысл становится неясным. Неясность значения действия или образа может вызвать иронию. Так, старообрядцы называли троеперстное крестное знамение никониан «щепотью», снижая сакральное действие до примитивной бытовой операции. Сразу возникает противоречие между забавной формой и весьма актуальной нагрузкой. Смех вызывает именно нелепая, с точки зрения сегодняшнего дня, форма. Приведем классический пример обряда, разрушаемого смехом: «Она (знатуха. – К.К.) говорит – летом тороканов раньше ить много было, вот тороканы-ти пошли в окошко – открыли, в окошко пошли, пошли на улицу-ту, а мы (...) еще закланялись эдак тороканы-ти: прощаются с нами. А мы захохотали – тороканы-ти вси обратно. Она говорит: "Ну, захохотали – ничего теперь мне не сделать". Обратно все и пришли (...) Она говорит: "Только не хохочите", - мы не могли утерпеть, как оне, главное, закланялись, прошались с нами – а мы все, как глупые, захохотали и все»².

Достаточно жестко высмеивается **любое следование принципиальной линии**, которое немедленно провозглашается ригоризмом и догматизмом. Следование принципам подразумевает борьбу, жертвенность, страдания, а значит серьезность. Смех не терпит принципиальности. Любая несерьезность подразумевает игру, двусмысленность, изменчивость. Карнавальная культура не просто требует от кого-то изменений; она сама по природе своей изменчива, как изменчива природа. Язычество регулирует отношения человека (человеческих коллективов) и природы. Карнавал низвергает сезонных богов: весну сменяет лето, осень, зима. У каждого времени года свои духи-покровители. «Все эти топографические образы стремились зафиксировать именно самый момент перехода и смены – смены двух властей и двух правд, старой и новой, умирающей и рождающейся»³. Это природное обновление; следовательно, слово «правда» здесь не совсем уместно. Но это были действительно могущественные си-

¹ Гайдар А.П. Судьба барабанщика. М., 2014. С. 19.

² Знатки, ведуны и чернокнижники: колдовство и бытовая магия на Русском Севере. М., 2013. С. 42.

³ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 94.

лы, с которыми человек не мог не считаться; ему приходилось под них подлаживаться. Принципы поведения человека зачастую зависят от меняющейся ситуации, поэтому нет и моральной устойчивости, поскольку в отношениях со стихиями мораль не работает. Наиболее важный принцип карнавала – приспособленчество к меняющейся ситуации. Да еще и в контексте постоянных противоречий, перевертышей, неоднозначностей. Любая последовательность (кроме законов самого карнавала) из жизни им беспощадно изгоняется.

Таким образом, говорить о «добром» или «хорошем» смехе невозможно. Смех всегда злой, унижающий человека, но его социальная функция амбивалентна: он может выжигать и порок, и положительное, духовное начало. Понятия смеховой и карнавальной культуры очень близки, но не тождественны. Карнавальную культуру отличают, прежде всего, публичность, социальная и политическая заостренность, постоянная апелляция к архаике. Противостоять разрушительной силе смеха с позиций серьезности очень сложно. Как справедливо замечает А.Г. Козинцев, смех подрывает речевой функционал, лишая язык смысла. Тем более невозможно дискредитировать физиологическую реакцию организма: она спонтанна и присуща любому человеку. Однако разрушительную силу смеха можно легко обратить против самих же разрушителей. Недаром в США так болезненно реагировали на отечественный КВН¹. Есть три основных приема борьбы с негативными сторонами карнавальной культуры: дискредитация смехового субъекта, обличение снижающих приемов (пошлость), ответный удар в значимую для атакующего субъекта идею. Контратака осуществляется под громкий хохот. Н.В. Гоголь говорил, что «смех светел и несет примирение в душу», так как способен бороться со всем тем, что низводит, снижает, дискредитирует человека. Поэтому сегодня, когда смех стал орудием политической борьбы, нам особенно важно изучать основные приемы и методы смеховой и, в частности, карнавальной культуры.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://rusvesna.su/news/1545192595> (дата обращения: 16.01.2021).

Д.М. Водолозов
учитель ГБОУ «Школа №1103», г. Москва; старший преподаватель кафедры
методики преподавания истории, обществознания и права Института
гуманитарных наук Московского городского педагогического университета

ЭЛЕКТИВНЫЙ КУРС «ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.»

Период истории России с середины XIX до начала XX в. всегда привлекал внимание историков, поскольку речь шла о «Великих реформах» и их последствиях, о модернизации системы общественных отношений и политического строя. Эти процессы нашли свое отражение в общественно-политической мысли и способствовали возникновению множества новых политических сил и движений. Насыщенная событиями эпоха вызывала горячие споры, ее противоречия неоднократно подвергались переосмыслению. Парадоксы развития культуры и просвещения, их демократизации по-своему сформулировал С.Ю. Витте: «Просвещение возбуждает социальную революцию, но народное невежество ведет к военным поражениям»¹. С одной стороны, развитие страны требует новых специалистов, способных обслуживать возрастные общественные потребности и создавать конкурентную продукцию на мировом рынке, с другой – все это формирует оппозицию старой власти. В этих условиях правительство пыталось не пускать интеллигенцию в «политику», а также с помощью цензуры, запретительных мер и репрессий воспрепятствовать росту общественной активности². При этом, однако, система образования продолжала динамично развиваться: быстро росло число учащихся университетов, в последней трети века появились женские учебные заведения. Высшее образование перестало быть достоянием исключительно привилегированных сословий. Но образованность ставила в повестку дня насущные проблемы современности. Весьма решительно было настроено студенчество, переходившее на все более радикальные позиции из-за сильной нужды. Студентам, жившим впроголодь и почти не имевшим возможности учиться, приходилось зарабатывать на жизнь частными уроками и любыми доступными путями. При этом они штудировали книги и труды Л.Н. Толстого, К. Маркса, Д.И. Писарева, Ч. Дарвина, Н.К. Михайловского, К. Каутского, Н.А. Добролюбова, Ф.И. Достоевского³.

Развитие общественно-политической мысли и политических движений в России представляет собой сложный и противоречивый процесс, оказавший большое влияние на судьбу русской государственности. Сегодня существует социальный запрос на понимание этого процесса, ведь перемены в политической, экономической и культурной жизни современной России тоже имеют сильное влияние на психологическую адаптацию школьников, порождая социокультурные кризисы и сопровождаясь насаждением чуждых идеалов и ценностей. Как и студентам конца XIX в., учащимся XXI в. предстоит сделать выбор, который, возможно, будет иметь решающее значение для последующей судьбы нашей страны. В этих условиях необходимо обратиться

¹ Геллер М.Я. История Российской империи. В 3 т. М., 1997. Т. III. С. 157.

² Ушаков А.В. Общественные организации интеллигенции и государственная власть в России в конце XIX – начале XX вв. // Власть и общественные организации в первой трети XX столетия. М., 1994. С.31.

³ Марголис Ю.Д. Студенческие переписи в России 1872–1912 гг. // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. СПб., 1996. С. 657, 664, 667.

к опыту и урокам прошлого, к историческим и культурным традициям. Комплексная работа над концепцией преподавания курса «Истории России» под руководством А.О. Чубарьяна подтверждает это. Изучение этого элективного курса может способствовать решению его главных задач:

- формированию российской гражданской идентичности;
- приобщению к исторической памяти многих поколений;
- воплощению в жизнь познавательных и мировоззренческих приоритетов курса.

Курс для учащихся 10 класса построен с учетом обозначенных выше проблем и призван способствовать их решению. Это поможет учащимся эффективно подготовиться к ЕГЭ по истории, а также усвоить необходимые знания, умения и навыки по общественно-политической истории России рассматриваемого нами периода, актуализировав имеющиеся представления о нем.

Целью элективного курса является реализация Концепции преподавания учебного курса «История России», направленной на формирование и развитие личности школьника, способного к самоидентификации и определению своих ценностных ориентиров на основе освоения исторического опыта своей страны, творчески применяющего исторические знания в учебной и социальной практике¹. При изучении элективного курса предполагается решение следующих задач:

- воспитывать учащихся как патриотов и граждан своей страны, способных к самоидентификации в сложном и противоречивом современном мире;

- способствовать усвоению знаний курса по общественно-политической мысли и политическим движениям России конца XIX – начала XX в. для эффективной подготовки к ЕГЭ по курсу «История»;

- систематизировать знания по истории России конца XIX – начала XX в. для сущностного понимания исторического пути России, ее места в мировой истории;

- развить компетенции учащихся при анализе информации, содержащейся в различных источниках об основных направлениях общественно-политической мысли, об общественно-политических движениях и политических партиях;

- формировать у учащихся компетенции по применению знаний, полученных в ходе изучения курса, в учебной и внешкольной деятельности, в современной многокультурной, многоэтнической и поликонфессиональной России.

Реализация стоящих перед курсом задач связана с системно-деятельностным подходом в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом². При таком подходе можно повысить познавательный интерес к изучаемым событиям, явлениям. Возраст учащихся 10 класса делает их способными к более сложному анализу, синтезу учебных явлений действительности, не ограниченному восприятием того, что лежит на поверхности явлений, а также к аргументации собственного мнения³. Также применяются следующие подходы: многоуровневое представле-

¹ Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы // Преподавание истории и обществознания в школе. 2020. №8. С. 5–73.

² Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования. [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70188902/paragraph/2034:0> (дата обращения: 1.01.2021); Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. [Электронный ресурс] URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/55170507/paragraph/1578:0> (дата обращения: 1.01.2021).

³ Нидерман И.А. Внешняя политика России XIX века. Программа элективного курса по истории для 10 класса // Методика обучения истории в профильных классах современной школы. Сборник учебно-методических материалов / Под ред. А.А. Сорокина. М., 2009. С. 181–190.

ние истории, многофакторный характер истории, историко-антропологический подход.

Ядром содержания и синхронизации курсов отечественной и всеобщей истории для элективного курса «Общественно-политическая мысль и политические движения в России середины XIX – начала XX в.» являются темы: «Великие реформы 1860–1870-х гг. – движение к правовому государству и гражданскому обществу», «Общественное движение в пореформенный период», «Пореформенный социум: идейные течения и общественные движения в 1880–1890-е гг.», «Россия на пороге XX в.: динамика и противоречия развития», «Общественно-политические движения и политические партии в начале XX в. Политический террор», которые изучаются в 9 классе. Историко-культурный стандарт предполагает изучение раздела «Формирование гражданского общества и основные направления общественных движений»¹.

Элективный курс предполагает повторить изученное и расширить содержание изучаемого материала, что позволит решить задачи профильной школы в изучении истории. Большое внимание должно быть уделено анализу исторических источников. В процессе выполнения заданий эти документы могут быть переосмыслены и интерпретированы в контексте подготовки к ГИА. Это позволит углубить знания учеников, сформировать необходимые навыки для работы с источниками социальной информации. При обсуждении проблемных ситуаций предполагается подобрать проблемные задания и учебные задачи с неоднозначным социальным знанием, противоречивыми оценками фактов, понятий, теоретических положений, в ходе анализа которых учитель подводит учащихся к пониманию противоречивости общественно-исторического процесса. Важным элементом работы становится участие учащихся в дискуссиях, в коллективном обсуждении темы. Учитель может дополнить обсуждение дополнительными материалами – документами, фрагментами произведений. Анализируя их, учащиеся учатся делать выводы и обобщения, устанавливать причинно-следственные связи, оперировать полученными знаниями. Предполагается использовать метод проектов, дополняющий содержание курса «Индивидуальный проект», так как в последнем ощущается недостаток тем при их выборе учащимися.

Содержание программы

Введение. Культура России в пореформенный период. Просвещение, книгоиздательство и периодическая печать.

Великие реформы 1860–1870-х гг. – движение к гражданскому обществу и правовому государству. Надежды и идеалы российского общества: споры о будущем России. Взгляды консерваторов и либералов на пореформенную Россию. Повышение уровня активности населения в обществе и политике.

Идейные течения и общественное движение. Влияние гегельянства, марксизма, позитивизма и других идейных течений в пореформенной России.

Либеральное течение общественной мысли в России. Либеральная бюрократия. Вступление тверских либералов: А.М. Унковский. Газеты «Голос», «Земство». Журналы «Вестник Европы», «Юридический вестник», «Русская мысль». Либерализация жизни уни-

¹ Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы. [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/podgotovlen-proekt-usovershenstvovannoj-kontseptsii-prepodavaniya-uchebnogo-kursa-istoriya-rossii.html?fbclid=IwAR1Axnoh3fA37tviRLK7nRkxLbMgVRgaxs2mE68rqzY94bFjdewSYmt46Uo> (дата обращения: 1.01.2021).

верситетов. М.М. Ковалевский. Деятельность Б.Н. Чичерина. Либеральная деятельность в земстве. «Адреса» и «записки» Александру П. Славянофилы в общественно-политической жизни и их деятельность. Ю.Ф. Самарин, В.А. Черкасский, А.И. Кошелев, их участие в подготовке и проведении реформ. Деятельность публициста И.С. Аксакова: «День», «Москва», «Москвич», «Русь».

Консервативная идеология. Истоки и идеология почвенничества. Публицистическая мысль: журналы «Время», «Эпоха». «Культурный консерватизм». Деятельность Н.Н. Стрехова и публициста А.А. Григорьева. Произведения и идеи Ф.М. Достоевского, его общественно-политическая деятельность. В.П. Мещерский и «Гражданин». Деятельность М.Н. Каткова в «Московских ведомостях».

Радикализм 1860–1870-х гг. Разночинство как общественно-политическое явление. Идеи народнического социализма. Русский общинный социализм. Анархизм и его особенности. Основные идейные течения в народничестве. Политическая оппозиция и его виды: деятельность в земстве, революционные организации и деятельность в эмиграции. Социалистические идеи А.И. Герцена. А.И. Герцен и Н.П. Огарев, критика реформы 1861 г., газета «Колокол». Статья Н.П. Огарева «Что нужно народу?». Общинный социализм. Идеи Н.Г. Чернышевского: «Письма без адреса». Публицистическая деятельность и философские взгляды Н.А. Добролюбова. Журнал «Современник» и прокламации. «Великоросс». Закрытие «Современника», «Отечественные записки». Деятельность Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина. Экстремистское направление. П.Г. Заичневский и «Молодая Россия». Распространение нигилизма: «критически мыслящий реалист» Д.И. Писарев. Первая «Земля и воля». Н.И. Утин, Г.Е. Благосветлов. Кружок Н.А. Ишутина и выстрел Д.В. Каракозова. Действия народников. С.Г. Нечаев и «Народная расправа». «Катехизис революционера». М.А. Натансон. П.А. Кропоткин. «Анархизм». Н.В. Чайковский. А.В. Долгушин. «Действенное народничество». «Хождение в народ». Бунтарская тактика. М.А. Бакунин. «Государственность и анархия». Пропагандистская тактика. П.Л. Лавров. «Исторические письма». П.Н. Ткачев – идеолог заговорщического направления, «русский бланкизм». Журналы «Вперед» и «Набат». «Хождение в народ». Новая «Земля и воля»: состав, программа, деятельность. Раскол «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел», их состав и деятельность. Программные требования. Политический террор. Политика лавирования. Конец «действенного народничества», «легальное народничество». Рабочее движение 1870-х гг. Рабочие союзы. Южнороссийский союз рабочих», Е.О. Заславский. «Северный союз русских рабочих», В.П. Обнорский и С.Н. Халтурин.

Цареубийство 1 марта 1881 г. и общественная реакция. Переосмысление интеллигенцией ценностей и ориентаций. Общественно-политическая жизнь в 1880–1890-е гг. Основные направления.

Консервативный курс. К.П. Победоносцев – идеолог и государственный деятель. «Курс гражданского права». М.Н. Катков: от либерала к последовательному «охранителю». «Московские ведомости». Манифест «О незыблемости самодержавия». Контрреформы. «Священная дружина». Д.А. Толстой. Реакционная программа. Увольнение из университетов прогрессивной профессуры. Закрытие радикальных и либеральных периодических изданий. Неославянофилы. Совет объединенного дворянства. Русское собрание.

Либеральное направление. Особенности земского либерализма. Совещания и съезды земских деятелей. Петербургский и Московский комитеты грамотности. «Общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших в народных училищах»: общества взаимопомощи учителей, съезды деятелей технического и профессионального образования. Организации медиков: Пироговские съезды врачей. Профессиональные объединения писателей, деятелей сцены. Кружок «Беседа». Журнал «Освобождение», П.Б. Струве. М.М. Стасюлевич и его деятельность. История и политика в «Вестнике Европы». Оживление либерально-оппозиционного движения. «Легальный марксизм». Либерально-оппозиционные организации: «Союз освобождения», «Союз земцев-конституционалистов». «Союз союзов» как основа будущей Конституционно-демократической партии.

Неонародничество. Кризис народничества. Объединение неонароднических групп левого направления. Формирование Партии социалистов-революционеров. В.М. Чернов. Заграничная группа. А.Р. Гоц. Видные деятели партии: Н.Д. Авксентьев, Г.А. Гершуни.

Увлечение марксизмом в России. Распространение марксистских идей в России. «Легальный» (критический) и революционный (ортодоксальный) марксизм. «Легальный марксизм». С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, Н.Ф. Даниельсон, М.И. Туган-Барановский: планы мирного развития страны и ее демократизации. Сборник «Вехи». Группа «Освобождение труда». Г.В. Плеханов и П.Б. Аксельрод. «Рабочая библиотека современного социализма», «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия». Д. Благоев и создание «Петербургской группы партии русских социал-демократов». Кружок П.В. Точиского «Товарищество петербургских мастеровых». М.И. Бруснев и воссоздание «Социал-демократического общества». В.И. Ульянов и Ю.О. Мартов. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», объединение марксистских кружков. Газета «Рабочее дело». Формирование социал-демократической партии. I и II съезды РСДРП. Большевики и меньшевики.

Русский символизм. Идеи и деятельность Д.С. Мережковского и Н.М. Минского.

Персоналицированные направления общественно-политической мысли. Религиозная философия В.В. Розанова. Теократическая утопия В.С. Соловьева. Историософия В.О. Ключевского. Общественно-политические взгляды и деятельность Л.Н. Толстого. Толстовство. Роль студенчества в политической жизни. Рабочее движение. Морозовская стачка. Подъем рабочего движения в конце XIX – начале XX в. Массовые крестьянские выступления в начале XX в. Национальные движения, формирование национальных партий.

Накануне революции. Оппозиционное либеральное движение. «Союз освобождения». Банкетная кампания. Предпосылки Первой российской революции. Формы социального протеста. Деятельность профессиональных революционеров. Политический террор.

Повторение и обобщение. Общественная жизнь в 1860–1900-х гг. Феномен интеллигенции. Общественные организации. Благотворительность. Студенческое движение. Рабочее движение. Женское движение.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИГРЫ КАК ФОРМА ВНЕКЛАССНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Современное образование в условиях пандемии претерпевает значительные изменения, которые в первую очередь выражаются в самой форме обучения – переход с очной на дистанционную. Такой переход негативно сказывается на качестве преподавания и возможности увлечь, заинтересовать учащихся той или иной темой и предметом – в целом. Поэтому современные педагоги все большее внимание уделяют новым интерактивным технологиям, которые были бы близки, понятны и интересны новому поколению детей. Поскольку учебный процесс ограничен временными и тематическими рамками, то все большее внимание уделяется внеклассной деятельности, и исторические игры становятся одной из наиболее популярных форм. Всплеск спроса на интерактивные и игровые формы обучения объясняется особенностями юного поколения людей – «человека играющего». В современной реальности близкий подросткам мир – это игра и социальные сети. «С философско-антропологической позиции очевидно, что для homo ludens игра превращается в насыщенный и необходимый способ субъективной интерпретации реальности как преодоления информационного и ценностного хаоса бытия»¹. Не следует упускать из виду и психологические особенности главного звена образования – подростков, заключающиеся в том, что в этот период у детей просыпается пылкий ум, они жадно стремятся к познанию и жаждут активной деятельности. Подростку свойственна тяга к новому, неожиданному, необычному – ко всему, что дает пищу для воображения².

По всем критериям игра становится благодатной почвой не только для развития или интереса к предмету, но и для изучения учебного материала, поскольку погружает участников в свой отдельный мир. По словам Г.К. Селевко, игра позволяет воссоздать определенные условия и атмосферу, находясь в которой, учащиеся способны прочувствовать и усвоить общественный опыт, а также учатся самостоятельно управлять своим поведением³. С.А. Шмаков писал, что игры являются «способом организации познавательной деятельности» и содержат в себе огромный «эвристический потенциал», способный стимулировать творческие способности учащихся путем разрушения стереотипов⁴. В.М. Букатов характеризовал игру как способ открытия учащимся учебного материала, как «нечто формирующее и активизирующее жизнедеятельность, отмечая, что благодаря игровым формам уроков можно вовлечь в учебный процесс большое количество учащихся»⁵. По мнению Л.Г. Савенковой, для более успешного достижения целей образовательного процесса учитель должен активно задействовать разные виды памяти – зрительную, слуховую, чувственную, осязательную, двигательную. Опора на чувства и эмоции детей позволяет учащимся развивать

¹ Беляева Л.А., Новикова О.Н. «Человек играющий» в эпоху постмодерна // Идеи и Идеалы. 2018. №3(37). С. 82.

² Гугнина О.В. Драмогерменевтическая технология развития интереса к изучению истории у учащихся 8–9 классов. Екатеринбург, 2004. С. 33.

³ Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. М., 1998. С. 50–52.

⁴ Шмаков С.А. Игры учащихся – феномен культуры. М., 1994. С. 114.

⁵ Букатов В.М. Педагогические таинства дидактических игр. Учебное пособие. М., 1997. С. 22.

творческое воображение и фантазию, создавая индивидуальные образы, что, в свою очередь, способствует более глубокому усвоению и осмыслению полученных знаний¹.

Если говорить о практическом применении и опыте, то надо заметить, что в условиях, диктуемых пандемией, существует возможность проведения исторических игр не только очно, но и в сетевом формате. Современные технологии позволяют создавать викторины и тесты в красочном и живом формате, а такие технологии, как Skype и Zoom, позволяют проводить в онлайн-режиме даже викторины, которые гораздо больше ценятся учащимися, поскольку в момент игры присутствует дух конкуренции и соперничества, что заставляет команду или отдельных учащихся использовать все свои силы и знания для набора максимального количества баллов.

2020/2021 учебный год является юбилейным для завершающих событий Северной войны и, в частности, Ништадтского мирного договора (1721). С сентября 2020 г. реализуется проект, посвященный данному историческому событию – «Лента времени: Северная война». Его преимущество состоит в том, что проект проходит сквозь весь учебный год, позволяя учащимся постепенно знакомиться с Северной войной и изучать ее. В условиях карантина и дистанционного обучения возникла необходимость модернизации двух отборочных туров с переводом их в онлайн-режим. Для того, чтобы проект был использован не только как источник новых знаний по Северной войне, но и как экзаменационная тренировка, задания первого и второго туров имеют формат ЕГЭ – тестовую часть, а также задания с развернутым ответом уровня В и С соответственно. Особый интерес представляет третий отборочный тур, который является исторической игрой в форме викторины. Его особенность заключается в том, что викторина направлена не только на развитие учебного интереса через игровой азарт и получение новых знаний, но и на установление межпредметных связей, поскольку вопросы игры базируются на взаимодействии таких учебных предметов, как история, литература, МХК и география.

В качестве примера приведем несколько вопросов.

Вопрос 1. Категория: исторический факт. На слайде показан памятник Петергофа – Самсон, раздирающий пасть льва. Участникам необходимо назвать сам памятник, разъяснить представленные символы и сказать, к какому событию он относится.

Вопрос 2. Категория: флот. На слайде представлены: изображения барельефа «Баталия близ Гангута», Пантелеймоновская церковь в Санкт-Петербурге, медали «За победу при Гренгаме». Учащимся необходимо назвать сами памятники и определить, каким морским сражениям времен Северной войны они посвящены.

Вопрос 3. Категория: живопись. На слайде представлены три картины:

1. Битва при Эрестфере (1701).
2. Битва под Нарвой (1700).
3. Битва при Лесной (1708).

Участникам викторины необходимо определить, какие события изображены, и расположить их в хронологической последовательности.

Данные вопросы позволяют учащимся не только изучить сами исторические события, но и познакомиться с памятниками архитектуры, скульптуры и живописи, а также научиться видеть в них особенности стиля и написания, скрытые символы, указывающие на то или иное событие. Живописные полотна отражают атмосферу тех со-

¹ Савенкова Л.Г. Интегрированный предметно-пространственный подход к процессу освоения искусства в школе // Виды искусства и их взаимодействие. М., 2001. С. 132.

бытий, дают представления о форменной одежде и погодных условиях. Подобные исторические игры, содержащие задания на ассоциации, способны развить воображение учащихся, раскрыть их творческий потенциал, а также помогают установить причинно-следственные связи и дополнить исторический текст образами и атмосферой, что приводит их к более глубокому пониманию и запоминанию материала.

Итак, внедрение исторических игр в практику внеклассной деятельности позволило бы значительно расширить кругозор учащихся, повысить их интерес не только к конкретным учебным предметам, но и к учебе в целом, увеличить познавательную активность. Наконец, исторические игры являются живой интеллектуальной альтернативой внеклассной деятельности школьников, давая возможность привлечь и заинтересовать большое количество учащихся.

«ПОЛОВОЙ ВОПРОС» КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ И РАЗЛОЖЕНИЯ НРАВСТВЕННОГО ОБЛИКА ЧЕЛОВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 1920-х гг.)

Для истории педагогики «половой вопрос» – это такое направление науки, задачей которого является совершенствование методов полового воспитания подрастающего поколения. Достаточно полное определение «полового вопроса» дала исследователь Е.С. Турутина: «...Половое образование – это, с одной стороны, социальный институт, ответственный за социализацию индивидов общества как мужчин и женщин, а с другой – система знаний и воспитательных практик, направленных на формирование сознания и поведения членов общества как мужчин и женщин посредством педагогической деятельности в учебных заведениях»¹. Чаще всего «половой вопрос» интересует историков в рамках изучения истории повседневности для составления более полной картины человеческого бытия в определенный момент времени².

В России, как педагогическая проблематика, «половой вопрос» привлек широкое общественное внимание в период реформ 1860-х гг.³ До этого момента в дворянской среде к воспитанию детей подходили с точки зрения их малоэмоциональной связи с родителями. По отношению к девушкам работал принцип, отмеченный одной из воспитательниц: «...В идеальном случае "взрослая девушка, невеста" должна была "производить впечатление такой невинности (...) будто она убеждена, что между ней и ее женихом только такая разница, что у него есть растительность на лице, а у нее нет; что он шьет платье у портного, а она – у портнихи»⁴. Половое воспитание молодых людей строилось иначе: опасностью для физиологического развития юноши считалось приращение к онанизму, вследствие чего воспитатели приводили к юношам «учительниц» из крестьянок. После отмены крепостного права бывшие крепостные, перешедшие в статус лично свободных, но от безнадежности остававшиеся под крылом своего помещика, также оказывали «услуги» по обучению молодых людей⁵. Гимназическая реформа 1864 г. отодвинула на второй план домашнее обучение, но породила новые проблемы. В результате длительного совместного времяпрепровождения юношей в процессе обучения появились случаи гомосексуальных связей, и задачей педагогов стала борьба с этой напастью. Пора расцвета «полового вопроса» наступила в начале 1900-х гг., когда секулярному городскому населению реклама стала предлагать знакомства, покупку контрацептивов и «игрушек для взрослых», а театры и

¹ Турутина Е.С. Социокультурный и образовательный контекст возникновения вопроса полового воспитания детей в дискурсе русской педагогики // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 10. С. 10.

² Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е гг. // Социальная история: Ежегодник. 1998/99. М., 1999.

³ Веремко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.) / 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2009. С. 188.

⁴ Авилова Л.А. Рассказы. Воспоминания. М., 1984. С. 56.

⁵ Веремко В.А. На острие домашнего пространства: хозяева и прислуга в дворянских семьях России (XIX – начало XX в.) // Российская история XIX–XX вв.: Государство и общество. События и люди: сб. ст. СПб., 2013. С. 58–77.

литература наполнились эротическими сюжетами¹. Появилось много педагогов и врачей-теоретиков²; даже родители прониклись необходимостью грамотного полового просвещения, что подтверждается дискуссиями на страницах периодических изданий. Широкой известностью пользовались, например, рекомендации педагога Е.Н. Водовозовой, которая утверждала, что дети «гибнут» не от того, что им в детстве не объясняли «эмбриологических» вопросов, а от ненормальных условий жизни, когда разврат стал обычным делом, и неправильного семейного воспитания, подготовившего почву для преждевременного полового созревания и распушенности, когда сами родители являют своим детям дурной пример³. Она доказывала, что задачей родителей является не половое просвещение детей, а укрепление их физических и душевных способностей. Делать это следовало через воспитание воли детей, развитие добрых привычек и чувства долга.

Коренные перемены в сфере общественных отношений после Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. вывели обсуждение «полового вопроса» на новый уровень. В отличие от прежней эпохи, 1920-е гг. ставили в повестку дня: 1) воспитание «нового человека» как строителя нового – социалистического общества; 2) эмансипацию женщин и, в первую очередь, их освобождение от материальной зависимости; 3) новые ценностные ориентации молодежи, основанные на марксистском материалистическом понимании прошлого и настоящего. Видная революционерка, деятельница большевистской партии, первая в мире женщина-министр А.М. Коллонтай в своих работах «Дорогу крылатому Эросу!», «Любовь трудовых пчел» и др. формулировала представления о «новой морали»⁴, в частности – теорию «стакана воды» (речь шла о легкости удовлетворения половой потребности – подобно тому, как выпить стакан воды). Оппонент Коллонтай и будущий лидер педологического движения в СССР А.Б. Залкинд, напротив, был сторонником аскетического подхода к «половому вопросу»⁵. Но несмотря на споры, стороны были едины в том, что половые отношения должны быть подчинены интересам социалистического строительства на основе гегемонии рабочего класса, и в намерении отказаться от буржуазного наследия в сфере семейных отношений. Правда, при этом среди молодежи «бушевали» куда более радикальные настроения, вылившиеся в движение за полное раскрепощение под девизом «Долой стыд!», открытие домов-коммун и призывы к свободной любви.

В педагогической мысли, однако, господствующим было аскетическое направление, олицетворяемое Залкиндром. В 1920-е гг. вышел ряд сборников по «половому вопросу», где с позиций воспитания молодежи «половой вопрос» комментировали педологи, опираясь также на данные медицины. Так, в сборнике «Половой вопрос» (под ред. С.М. Калмансона, М.:Л., 1924) данный вопрос прочно увязывался с выстраиванием образа «нового человека», необходимостью и методикой решения задач «полоролевой социализации».

¹ Золотарев Л.А. Личная и общественная борьба с развратом. М., 1900. С. 26.

² Мижева С.Р. Проблемы полового воспитания в отечественной школе и педагогике конца XIX – начала XX вв. Автореф. дис. ... к.пед.н. Пятигорск, 2011. С. 14.

³ Писарева Л. Происхождение человека: сборник статей по половому воспитанию детей. М., 1909. С.231.

⁴ Коллонтай А.М. Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодёжи) // Молодая гвардия. 1923. № 3. С. 111–124.

⁵ Залкинд А.Б. Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата // Философия любви. В 2 т. М., 1990. С. 321.

В статье «Половой вопрос с коммунистической точки зрения» А.Б. Залкинд отмечал: «Половой вопрос занимает в общественном дискурсе больше места, чем заслуживает». Вместе с тем, он все-таки признавал важность «разрешения классом полового вопроса», ставя во главу угла «классовое богатство», т.е. физическую развитость молодых людей. Участники педагогической дискуссии по «половому вопросу» сходились в выборе «агентов полоролевой социализации»: ими должны стать *трудова*я (как особо подчеркивал Г.А. Солонович) школа, рабочий класс и общество в целом, и лишь в последнюю очередь – семья. По другим же аспектам темы позиции расходились. Обращаясь к проблеме *любви* как сопутствующего половым отношениям условия, врачи-супруги Л.А. и Л.М. Василевские отмечали, что «любовь, наравне с голодом – величайшая движущая сила жизни, и существование, лишенное радостей взаимной любви, не знает полноты жизнеощущения, не дает удовлетворения и счастья». Залкинд же вовсе отвергал наличие *чувства любви* и в присущей ему революционной поэтике утверждал: «Необходимо, чтобы коллектив радостнее привлекал к себе, чем любовный партнер. Коллективистическое, истинно революционное тускнеет, когда слишком распухает "любовь"». Солонович иначе оценивал соотношение коллектива и любви: «Детство и юность живут эмоциями; правильный педагогический подход умеет направить эти эмоции в хорошую сторону; предоставьте учащимся самим себе или влиянию плохой среды, плохих товарищей, и перед вами сплошь и рядом будут духовные калеки». Для решения проблемы совместного воспитания мужчин и женщин, где женщина равноправна мужчине, педологи высказывались за обеспечение духовной связи между юношами и девушками, но вопрос о том, в чем эта связь должна состоять, оставался открытым. А.Б. Залкинд был едва ли не единственным из представителей педологии, настойчиво обращавшимся к теме «нового человека». Последний предстал в образе диалектического материалиста, коллективиста и активиста с высоким уровнем самоорганизации. Зато большое внимание уделялось искоренению вредных привычек. С.В. Никулин в статье «Онанизм, его причины и борьба с ним» рассуждал о буржуазной сущности онанизма, отбирающего силы у молодого поколения, изначально предназначенные для революционной борьбы.

Сборники «Половой вопрос в школе и жизни» (под ред. И.С. Симонова. Л., 1925) и «Половой вопрос в свете научных знаний» (под ред. В.Ф. Зеленина. М.:Л., 1926) вполне созвучны по содержанию книге 1924 г. При этом уникальность сборника И.С. Симонова заключалась в попытке культурного осмысления «полового вопроса» и в отказе от абсолютизации его медицинской стороны. «С нашей педагогической точки зрения, - отмечалось в сборнике, - особенно важно отметить глубоко знаменательный факт, что у человека с пробуждением полового чувства в юности впервые начинается особый расцвет не только эстетических, но и творческих порывов вообще (...) Приподнятое углубленное чувствование берет свою главную силу во вновь вскрывшемся половом факторе...».

Дискуссии по «половому вопросу» в 1920-е гг. предстают перед нами во всей многоплановости поднятых проблем. Многие педологи искренне стремились принести пользу делу революции возможностью влиять на развитие половой сферы отношений в нужном для общества направлении. Это предполагало решение проблем ранней рождаемости, венерических заболеваний и т.п., а также переключение молодежи, «взбешенной» возможностью свободных отношений, на рельсы созидания нового общественного строя. Но одновременно их публикации развращали эту же молодежь медицинскими трактовками сущности половых отношений, лишь изредка можно было встретить ремарки по поводу ценностных ориентиров растущего человека. Вуль-

гарно-материалистическое отношение к воспитанию, в особенности – к половому воспитанию привело к тупику и затуханию этих дискуссий в конце 1920-х гг.

Сегодня мы имеем несколько *подходов* к «половому вопросу»: *педологический* (И.С. Кон); *религиозный* (разные конфессии следуют здесь собственным давно сложившимся традициям); *светский* (половое просвещение в общеобразовательных учреждениях при отсутствии единой программы и, чаще всего, с приглашением врачей по «женской» и «мужской» части). В современной России проблематика «полового вопроса» особенно актуальна. Наряду с соответствующей рекламой, вывесками «Интим 18+» и тиражируемыми в СМИ выпусками эротического и околоэротического содержания, в сети Интернет имеется открытый доступ к порнографии, а в кино присутствует явная подмена полоролевых образов. Потребление ребенком подобного контента приводит к восприятию содержащегося там материала как поведенческой нормы. Половые отношения предстают как чисто физиологический акт удовлетворения потребности, вроде потребления пищи, но доступный лишь взрослым, и поэтому становятся ориентиром для взрослеющей молодежи. Такие стороны жизни, как любовь и семья (где любовь – высшее проявление доверия и уважения к человеку, а семья – традиционный институт, закрепляющий отношения мужчины и женщины с целью продолжения рода), выпадают из поля зрения подрастающего поколения, так как отсутствуют в информационном пространстве. Отсюда и возникает повышенный интерес к «воспитательной» сущности «полового вопроса». Как показала дискуссия почти столетней давности, само рассмотрение «полового вопроса» в отрыве от реальной практики воспитания человека в различных сферах деятельности и от воспитания необходимых человеку нравственных ценностных ориентиров, не способно привести к положительным результатам. В связи с крушением педологии в 1936 г. советский педагог А.С. Макаренко отмечал: «Никакие разговоры о "половом" вопросе с детьми не могут что-нибудь прибавить к тем знаниям, которые и без того придут в свое время. Но они опошлят проблему любви, они лишат ее той сдержанности, без которой любовь называется развратом. Раскрытие тайны, даже самое мудрое, усиливает физиологическую сторону любви, воспитывает не половое чувство, а половое любопытство, делая его простым и доступным»¹.

¹ Макаренко А.С. Книга для родителей. М., 1950. С. 145.

ГЕРОЙ КАК ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ И КАК СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС: СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Героизм как массовое явление стал давно стал неотъемлемой частью героической истории нашего Отечества, да и всемирной истории – в целом. На всем их протяжении существовали и существуют нравственные примеры, воспринимаемые как эталоны социального поведения. В качестве таковых чаще всего выступают героические личности. Это – или великие государственные, политические и военные деятели, сыгравшие важную роль в исторической судьбе своего социума, или обычные люди, совершившие подвиг, нередко – отдавшие свои жизни во имя своего народа. Так, в нашем общественном сознании среди героев Отечества имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Дмитрия Пожарского, Михаила Кутузова, Георгия Жукова соседствуют с именами Евпатия Коловрата, Пересвета, Ивана Сусанина, Зои Космодемьянской, Александра Матросова.

Однако, если мы обращаемся к феномену героизма с научной точки зрения, то для начала необходимо определиться со значением термина «герой». В сочинениях известного английского философа Т. Карлейля герой – это великая личность и человек, творящий историю, оказывающий непосредственное влияние на культурно-исторический процесс¹. Похожую трактовку героизма можно найти и в трудах Дж. Бруно, Г. Гегеля. Современные исследователи П.А. Сапронов и В.Д. Плахов критикуют данную концепцию. Они считают, что быть великим человеком, гением, творцом истории – еще не значит быть героем, и дают героизму более узкое определение – как феномену цивилизационного развития человечества.

Для разрешения данного вопроса необходимо подойти к термину «герой» с двух позиций – и как к действительной личности, и как к социальному статусу.

Если мы говорим о героизме как об объективно существующем феномене, который человечество старается осмыслить, то конкретный герой является субъектом данного феномена. Обратившись к лексикографическим источникам, мы найдем следующий концепт: «Герой – выдающийся своей храбростью, доблестью, самоотверженностью человек, совершающий подвиг во имя счастья людей»².

При этом вышеперечисленные качества индивида могут быть составляющими героизма, но они еще не есть сам героизм, который являет собой определенную крайность, выходя за рамки храбрости, мужества и долга, т.е. должного и общепринятого.

В данном смысле героем будет человек, совершивший некий социально значимый поступок, связанный с риском для жизни и лежащий за рамками возможного для большинства представителей общества, иными словами – подвиг³. Можно сказать, что подвиг является качествообразующим признаком героизма⁴. Подвиг – способ реал-

¹ Карлейль Т. Теперь и прежде / Сост., подгот. текста и примеч. Р.К. Медведевой. М., 1994. С. 15–17.

² Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб., 1999. С. 80.

³ Беспалов А.К. Герой и наша современность (Памяти Алексея Борисовича Мозгового) // Россия и мир в прошлом и настоящем: Материалы II Межвузовской научной конференции студентов и школьников. Сборник научных трудов / Отв. ред. В.Е. Воронин. М., 2020. С. 199.

⁴ Плахов В.Д. Герои и героизм // Его же. Опыт современного осмысления вековой проблемы. СПб., 2008. С. 69.

лизации феномена героизма в жизни. Подвиг неразрывно связан с понятиями жертвенности и нравственности. Это – добровольная и бескорыстная готовность индивида рисковать и жертвовать собственной жизнью во благо своего социума. Ключевым критерием героизма является социальная значимость подвига. Подвиг несет в себе созидательный характер, он направлен на сохранение и защиту общественных ценностей путем самопожертвования, а не на их разрушение¹. Подвиг направлен на защиту общественных интересов и соответствует нравственным нормам, характерным для данной социокультурной общности, поэтому являет собой не только социальный, но и социально-положительный, конструктивный феномен. Как указывает Гегель, важнейший признак героизма – его всеобщее значение². Данный феномен, по сути, направлен на сохранение и укрепление жизнеспособности общества в целом, благодаря жертвенности его отдельных индивидов. У любого героя есть нечто, что он любит и ценит больше собственной жизни (социум, идея), ради чего он готов идти на риск.

Подвиг представляет собой крайне редкое в общественной жизни явление, так как для его реализации необходимо стечение объективных и субъективных обстоятельств. Под субъективными обстоятельствами мы понимаем личностные качества человека (психические, духовные, физические), благодаря которым он способен на совершение подвига. Носитель данных качеств является потенциальным героем. При этом в повседневной жизни они могут и не проявляться, но при определенных обстоятельствах (социальных условиях) индивид будет способен принять добровольное, жертвенное решение рискнуть своей жизнью для спасения других. В таком случае он становится действительным героем.

Итак, если мы квалифицируем героизм как объективно существующий в общественной жизни феномен, то под героем мы подразумеваем человека, совершившего подвиг или пожертвовавшего своей жизнью во имя общественного блага.

Здесь необходимо отметить важное для дальнейшего исследования положение, которое уже имеется в работах Плахова, Сапронова, Суравневой, Хайзинга, а именно – принцип соотносительности героизма и нравственности³. Героизм представляет собой глубоко нравственное явление. Герой не может быть безнравственным, в этом его исключительность и особенность. Однако, как уже отмечалось, подвиг всегда имеет социальную значимость. Иными словами, во всем, что связано с феноменом героизма, непременно присутствует и участвует общество⁴. С одной стороны, герой – это индивид, конкретная личность; с другой – специфический социальный продукт.

Говоря о герое как социальном статусе, надо отметить, что понятие героизма у социума формируется в контексте культуры, т.е. в каждой культурной системе в процессе исторического развития формируется конкретный образ героической личности – в зависимости от культурно-ценностных ориентиров, особенностей политического развития и т.п. Так, исследователи выделяют античный героизм Греции, рыцарский героизм средневековой Европы, советский героизм⁵... Смысловое содержание поня-

¹ Горский В.В. Подвиг как социальный феномен оборонительных и освободительных войн // Ключевские чтения – 2012. Российская государственность и освободительные войны. Т. 1: Материалы Всероссийской научной конференции. Сборник научных трудов. М., 2013. С. 15.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права / Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. М., 1990. С. 142.

³ Суравнева И.М. Феномен героизма. М., 2008. С. 9, 10.

⁴ Плахов В.Д. Герои и героизм... С. 19.

⁵ Луначарский А.В. Героизм и индивидуализм. М., 1925. С. 9–12.

тия «героизм» в общественном сознании обусловлено культурными, историческими и социальными закономерностями развития того или иного общества.

В данном смысле герой будет представлять для нас интерес не как некая конкретная личность, а как социальный статус в обществе. Получить данный статус возможно только при условии общественного признания. Здесь героизм индивида будет определяться, прежде всего, общественной оценкой. Нельзя «назначить» себя героем. Героем тебя делает общество, исходя из оценки твоей личности и поступков. Выходит, что для обретения социального статуса героя человек должен соответствовать тому образу героя, который утвердился в общественном сознании в ходе культурно-исторического развития¹. В этом случае героическая личность культивируется, закрепляется в социально-исторической памяти и входит в пантеон героев того или иного общества.

Важно также подчеркнуть, что обрести статус героя могут не только личности, совершившие подвиг. Понятие статуса героя намного шире самого феномена героизма. Героями в глазах общества становятся и многие великие, известные общественные, государственные, военные, культурные деятели. Это происходит по ряду причин. Как справедливо отмечает П.А. Сапронов, для общества характерно отождествление великого человека и героя². Общество восхищается и преклоняется перед великими личностями, потому что они внесли существенный вклад в сохранение и развитие социума. Возведение знаковых исторических персон в статус героя естественно и закономерно для общества. Отсюда возникает феномен «великих исторических имен»: «Цезарь», «Македонский», «Колумб», «Карл Великий», «Александр Невский», «Наполеон», «Черчилль» и многих других реальных исторических личностей, получивших социальный статус героя в обществе.

В исторической и общественной памяти социальный статус героя формируется и сохраняется за счет создания легенды (мифа) о нем. По содержанию и форме легенды могут носить различный характер, но все они являются способом и средством социального признания человека героем в конкретном обществе. Легенды могут возникать как стихийно и бессознательно, т.е. формироваться самим обществом, так и искусственно конструироваться конкретными личностями или группой лиц с определенными целями (политическими, религиозными, идеологическими и т.д.). Зачастую легенда о герое формируется одновременно и сверху, и снизу. Данное явление мифологизации представляет собой особую форму социальной памяти³ и является закономерным процессом. При этом легенда о герое (его образ), с одной стороны, неразрывно связана с действительной исторической личностью, которую отражает, а с другой – существует как отдельный и самостоятельный социальный процесс, переживая собственные этапы развития. В различные исторические периоды легенда о герое может дополняться новыми деталями, переживать моменты забвения, актуализации или переоценки. Данная проблематика представляет собой отдельный вопрос для изучения. Обретая социальный статус героя, индивид становится культовым героем, т.е. объектом почитания определенной части общества или социума в целом⁴.

Культовые герои являются исключительно продуктом социального творчества, олицетворяя собой определенную культурную систему или исторический период. Так, например, культовыми героями Франции стали Жанна д'Арк, Вольтер, Наполе-

¹ Плахов В.Д. Герои и героизм... С. 18, 19.

² Сапронов П.А. Феномен героизма / Изд. 2-е, исправ. и доп. СПб., 2005. С. 9.

³ Плахов В.Д. Герои и героизм... С. 86.

⁴ Там же. С. 104, 105.

он, Шарль де Голль и др. Эти имена четко ассоциируются с конкретной страной и нацией. Героические образы Древней Руси XII–XIV вв. – это Владимир Мономах, Евпатий Коловрат, Александр Невский, Дмитрий Донской, Сергей Радонежский и др. Годы Великой Отечественной войны ассоциируются с героическими именами Г.К. Жукова, Д.М. Карбышева, А.М. Матросова, К.К. Рокоссовского, В.Г. Клочкова, В.В. Талалихина и многими другими прославленными людьми – культовыми героями той войны.

Таким образом, для социума, в соответствии с присущими ему культурно-историческими ценностями, характерно и естественно присвоение статуса героя как непосредственно людям, совершившим подвиг, так и значимым историческим деятелям, которые существенно способствовали сохранению и процессу развития общества. За счет мифологизации действительной личности создается героический образ, который культивируется в общественном сознании и входит в пантеон героев конкретного социума. Поэтому великая историческая личность и возводится в ранг героя. Так, в историческом сознании и образ Ивана Сусанина, и образы Минина и Пожарского будут равнозначно оцениваться как герои, несмотря на то, что Минин и Пожарский были вождями национально-освободительной борьбы против иноземных интервентов, а Сусанин – обычным крестьянином, пожертвовавшим собой ради спасения молодого государя. Культовыми героями в общественном сознании могут быть и видные политики, и правители, и полководцы, и писатели и мн. др., несмотря на то, что в «узком» смысле социальной феноменологии героизма они таковыми не станут.

Формируемые образы культовых героев в обществе выполняют определенные функции, играя роль нравственного ориентира, эталонного образца для последующих поколений, а также идеологической основы для конкретных социальных групп.

Итак, герой в «узком» смысле слова является **субъектом** героического поведения, т.е. конкретной личностью, совершившей подвиг. Если же речь идет о «герое» как социальном статусе, то индивид, получивший его, является **объектом** общественной оценки и почитания. Статус и образ героя намного шире самого феномена героизма. В этом смысле героический статус будет представлять собой определенный синтез феномена героизма и известного исторического имени как таковых.

Уважаемые читатели!

Издательство «Спутник+»
предлагает:

- 📖 **ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ МОНОГРАФИЙ, КНИГ** любыми тиражами (от 50 экз.).
 - ✓ Срок - от 3-х дней в полноцветной и простой обложке или твердом переплете.
 - ✓ Присвоение ISBN, рассылка по библиотекам и регистрация в Книжной палате.
 - ✓ Оказываем помощь в реализации книжной продукции.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ** для защиты диссертаций в журналах по гуманитарным, естественным и техническим наукам.
 - ✓ Журнал «Естественные и технические науки» входит в перечень ВАК.
- 📖 **ПРОВЕДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАОЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ** по всем научным направлениям для аспирантов, соискателей, докторантов и научных работников.
- 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ СТИХОВ И ПРОЗЫ** в журналах «Российская литература», «Литературный альманах «Спутник» и «Литературная столица».
- + **Набор, верстка, корректура и редакция текстов.**
- + **Печать авторефератов, переплет диссертаций (от 1 часа).**
- **Переплетные работы, тиснение, полноцветная цифровая печать.**

Наш адрес: Москва, 109428, Рязанский проспект, д. 8А
тел. (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71 с 9 до 18 (обед с 14 до 15)
<http://www.sputnikplus.ru> e-mail: print@sputnikplus.ru

Научное издание

КЛЮЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2020. НАРОД И ВЛАСТЬ

Материалы
Международной научной
конференции
молодых ученых

Сборник научных трудов

Ответственный редактор: В.Е. Воронин

Издательство «Спутник +»
109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8А.
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60 (с 9.00 до 18.00)
<http://www.sputnikplus.ru> E-mail: print@sputnikplus.ru
Подписано в печать 31.03.2021. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 37,81. Тираж 220 экз. Заказ 94.
Отпечатано в ООО «Издательство «Спутник +»